

Евразийский юридический журнал

№ 1 (164) 2022

Редакционный совет журнала

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камиль Абдулович, д.ю.н., профессор, член Постоянной палаты третейского суда (г. Гаага)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)
БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке
БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)
БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)
БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)
ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет)
ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)
ЗОПОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан
КИРИПЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)
КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)
КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)
ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)
ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)
МАУЛЕНОВ Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор (Международный университет информационных технологий, г. Алматы, Республика Казахстан)
МИШАПЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)
НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)
РАГУЛИН Андрей Викторович, доктор юридических наук, доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
САЛИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)
СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)
СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович, д.ю.н., профессор (Институт законодательства Республики Казахстан)
СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)
ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)
ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва), Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)
ФАРХУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)
ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)
ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)
ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)
ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)
ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России
ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам.

С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям: 12.00.00 Юридические науки 08.00.00 Экономические науки 09.00.00 Философские науки (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2022

Подписано в печать 28.01.2022
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<http://www.eurasialaw.ru>,
<https://www.eurasialegal.ru>

Eurasian Law Journal

№ 1 (164) 2022

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH Igor Mikhailovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, Ph.D. in Law, Professor, member of the Permanent Court of Arbitration (Hague)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)

BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

FAKHRUTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg))

KIRILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAULENOV Kasim Syrbaevich, Ph.D. in Law, Professor (Saint Petersburg State University of Economics)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

MUKHAMETSHIN Faim Bayazitovich, Ph.D. in Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

RAGULIN Andrey Viktorovich - Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)

SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SMAGULOV Asylbek Yarymowich, Ph.D. in Law, Professor (Institute of the legislation of the Republic of Kazakhstan)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov (REA))

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:
12.00.00 Legal sciences
08.00.00 Economic sciences
09.00.00 Philosophical sciences
(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2022

Signed for printing 28.01.2022

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Farkhutdinov D. I.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasialaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<http://www.eurasialaw.ru>,

<https://www.eurasialegal.ru>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Ипшатович, к.ф.н.

БЕКЯШЕВ Дамир Камилевич, д.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджидинович, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатулло Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogy, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,
Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadjhadinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiiaz Gabelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

SHAYDULLINA Venera Kamilevna, Ph.D. in Law, associate professor

head of the internet-projects:

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

Р. М. Маммадов:

Азербайджанская наука международного права: история и современность

Интервью с Рустамом Фахреддин оглы Маммадовым, доктором юридических наук, заведующим кафедрой международного права Бакинского государственного университета 14

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Алиев Ш. И., Пайзулаева Б. А., Таилова А. Г.

«Ne bis in idem» - как принцип международного уголовного права 17

Гуреев И. Г., Кривенький А. И.

Понятие, юридические критерии и содержание трансграничного похищения детей 20

Кенгерли И. И.

Теоретические и международно-правовые аспекты национальной безопасности 24

Кудрявцева Л. В., Балашов Е. М.

Санкции в международном праве 31

Лебедева Я. И., Биткина Е. С.

«Механизм обусловленности верховенством права»: новый виток принудительных мер ЕС против Польши и Венгрии 34

Марченкова Л. М.

Международные конфликты и их урегулирование 39

Нуреева Л. Р.

К вопросу об иммунитетах судей международных судов 41

Сафаров В. Р., Косенко О. А., Шамсутдинова И. К.

Международный терроризм как угроза национальной безопасности 43

Телигисова С. С.

Отдельные аспекты организационно-правового механизма международного сотрудничества российских правоохранительных органов в противодействии транснациональной преступности 45

Титенко Ю. Е.

Влияние отношений протектората на международную правосубъектность подопечного государства 48

Тюменцев В. О.

История развития компетенции Европейского Союза в сфере здравоохранения 51

Ермакова Е.П., Язданимогадам М.

Модернизация Договора к Энергетической Хартии или его прекращение? 53

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Тымчук Ю. А.

Ответственность нотариусов, удостоверивших трансграничную сделку с недвижимостью в дистанционном режиме: вопросы применимого права 57

Ян Х.

Процесс кодификации международного частного права Китая на современном этапе: проблемы и перспективы 60

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Гукепшев А. А.

Проблема вынужденной миграции в Европейском союзе в контексте новых международных и региональных вызовов 64

Чугунов Д. К.

Новейшие инициативы в области газового и водородного регулирования ЕС 67

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Давыдов Д. В.

Институты гражданского общества в концепции общественной безопасности Российской Федерации 70

Дорофеева М. А., Мирошниченко О. И.

Некоторые тенденции правового регулирования института онлайн-образования. Часть 2. 73

Евдеева Н. В., Фурсов В. В.

Публичная власть государства как критерий отграничения форм государственного устройства от межгосударственных союзов 75

Рассолов В. Ю.

Юридический факт как результат познавательной деятельности 79

правоприменителя

Сергеев А. Л.

Кубинский социализм: экономика как объект политико-правового воздействия 82

Кычкина М. И., Маякунов А. Э.

Принципы законности и осуществления правосудия только судом 84

Яверзаде Я. Э.

К вопросу вторичных источников права 88

Иванец Г. И.

К вопросу о мотиве в правомерном поведении личности 91

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Винниченко О. Ю., Степанова Н. В.,

Святкин С. И., Максимов А. О.

Советская прокуратура и система надзора за деятельностью органов следствия и дознания в 1930-х - 1950-х гг. 93

Завурбеков Ф. З.

Судебные и правоохранительные органы османского Египта в конце XVII начале XVIII вв. 98

Зейналова Т. К.

Утопическое государство в воззрениях Низами Гянджеви 100

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Алиева З. И., Гасанов Н. А.

Принципы избирательного права РФ: понятие, виды и роль в правовом регулировании избирательных отношений 103

Клюков В. Д.

Защита конституционного права доступа к информации в деятельности специализированных уполномоченных субъектов Российской Федерации 106

Коннов И. А.

Правовое обеспечение духовно-нравственной безопасности Российской Федерации, как основа национальной безопасности России 108

Мырзалимов Р. М.

Взаимодействие института Омбудсмана Кыргызской Республики с Комитетом ООН по правам человека 110

Никифорова Е. Н.

Соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – основополагающий принцип обеспечения национальной безопасности 113

Николаев В. А.

Особенности защиты права на развитие конституциями, уставами субъектов Российской Федерации 116

Приходько Т. В.

Правовое регулирование паркинга как основа социально-экономического развития агломерации (на примере города Иркутска) 121

Теплякова О. А., Тепляков Д. О. Правовое регулирование участия граждан в управлении делами государства в электронной форме: электронные обращения и петиции	124	Мараховская К. Г., Карпец С. И., Чекулаев С. С. Опыт России и США по внедрению института приемной семьи для пожилых людей	168
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО		Матыцин Д. Е. Утилитарные цифровые права как предмет дистанционно- цифровых сделок в инвестиционных платформах	
Бачурин А. Г. Совершенствование административно-правового механизма взаимодействия МВД России с федеральными органами исполнительной власти в сфере обеспечения общественной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры	128	Махиборода М. Н. К вопросу о гражданско-правовой ответственности на водном транспорте	175
Каляшин А. В. Противодействие коррупции на региональном уровне: нормативное правовое обеспечение и организация (на примере Владимирской области)	130	Пугачева А. С. Правовое обеспечение минимизации риска при осуществлении инвестиционной деятельности	178
Нарыков И. И. Правовой статус органов внутренних дел как субъектов производства по делам об административных правонарушениях	133	Рычагова О. Е., Фесенко Е. А. Потребительская кооперация как особое правовое явление в гражданском праве Российской Федерации	181
Салихов Г. Ш., Арсланбекова А. З. Проблемы организации управления ЖКХ	135	Ступина С. А. К вопросу о компенсации морального вреда, причиненного имущественным преступлением	184
Семихатская А. В. Физические лица как субъекты административной ответственности	137	Тагаева С. Н., Спиридонов С. А. Проблемы и перспективы международно-правового регулирования трансграничной несостоятельности (банкротства) в странах Содружества независимых государств	186
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО		Туманов Э. В. Некоторые особенности защиты права собственности на недвижимость путём применения виндикационного иска	
Андрюхина И. Ю. Новые подходы к оценке персонала в системе государственной гражданской и муниципальной службы	140	Царапкин Д. П. Осуществление исключительного права на географическое указание	191
Бражников Г. Д., Юшко А. В., Павлов Н. В. Проблемы взаимодействия муниципальных и государственных органов власти	142	Дашковец Д. А. Институт защиты конфиденциальной информации: отраслевые особенности правового регулирования	194
Кондращенко Д. А., Геляхова Л. А. К вопросу о правовой культуре членов избирательных комиссий в Российской Федерации	144	Чан Тхи Тхуй Зунг, Чумаченко И. Н. Предотвращает ли арбитражная оговорка коллективный иск при разрешении споров по франчайзингу?	197
Леваев Л. А., Пичугина С. Е., Юшко А. В. Компетенция муниципальных образований в сфере налогообложения странах	147	ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО		Милицина Е. С. Особенности распределения бремени доказывания по спорам о разделе имущества супругов	
Кашаров З. А. Формальный и фактический интерес участников корпораций	149	ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО	
Ананьева Е. О. Завещательный отказ и завещательное возложение: проблемы правоприменения по отечественному законодательству	151	Алиев Н. А. Правосубъектность хозяйственных товариществ и обществ	
Васенёв М. И., Любенко Ю. В. Правомерность (неправомерность) поведения, как условие возмещения убытков	153	Герголенко М. А. О некоторых проблемах определения правового положения контролирующего должника лица в процедуре несостоятельности (банкротстве)	
Ганиев Т. Г. Особенности привлечения к гражданской ответственности лиц и предприятий, оказывающих медицинские услуги в РФ	155	Цзы Синь Понятие ценной бумаги в праве России и Китая	
Гутиева И. Т., Манукян А. Р. Международный опыт в сфере управления миграционными процессами	157	КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО	
Коваль М. И., Глухова А. А. Проблемные вопросы гражданско-правового регулирования обязательств страховой деятельности в России	160	Клевцов М. И., Оловянникова А. С., Раевская В. А. Корпоративное право России: современные вызовы и основные тенденции развития	
Кузнецова Е. В., Усова Е. В., Кузнецова Е. Г. История развития норм о предварительном договоре в российском гражданском праве	163	ФИНАНСОВОЕ ПРАВО	
Курбатова Г. В., Иванова О. В. Признание вещных прав как способ их защиты	166	Панкратов Д. В. Анализ финансово-правового регулирования пенсионной системы Чили	
		Пономарев О. В., Корнева К. А., Колесникова Е. С. Дискуссионное понимание сущности финансового контроля	
		Чернов Ю. И., Данилов А. А., Аванесов Г. Э., Геворкян С. Л. Контрольно-счетная палата Краснодарского края: теоретико-практические вопросы совершенствования правового статуса	

НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Гаджиалиева М. Р., Алиева Э. Б. Некоторые аспекты применения налоговой ответственности в зарубежных.....	226
Гусаева А. З., Алиева Э. Б. Проблемы применения единого сельскохозяйственного налога.....	228
Очаковский В. А., Грицай Д. В., Балашов Е. М. Налоговый мониторинг: проблемы и перспективы развития.....	230
Сефикурбанова Р. М., Алиева Э. Б. Проблемы применения налога на профессиональный доход (на примере Республики Дагестан).....	232
Чернов Ю. И., Лесников А. С., Копытовский Д. С. Вопросы совершенствования законодательной техники в налоговой сфере.....	234

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Алексеев Ю. Г., Николаев Н. А. О введении ответственности за систематическое предоставление помещений для потребления алкогольной продукции.....	236
Ветрова О. А. Трудности осуществления административного надзора в России в отношении рецидивистов-иностранцев, освободившихся из мест лишения свободы.....	238
Владимиров Д. М. Зарубежный опыт противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети «Интернет».....	242
Азаренкова Е. А., Осипов В. А. К вопросу о преступлениях, связанных с незаконным перемещением предметов через государственную границу Российской Федерации и таможенную границу Евразийского экономического союза.....	245
Алиев Ш. И., Аскеров Р. М., Алиева У. Т. Анализ зарубежного опыта действия уголовного законодательства во времени (США и Англия).....	249
Биярсланова А. М. Коррупция в образовательных организациях: грань между бескорыстным поощрением и взяткой в образовательной среде.....	252
Волосюк П. В., Урусов М. М. К вопросу определения признаков лица «занимающего высшее положение в преступной иерархии».....	254
Газимагомедов М. М., Меликов Н. А., Ахмедханова С. Т. Законодательное совершенствование состава преступлений, посягающих на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти.....	257
Дадаева П. И., Таилов Г. Р., Магомедов Г. Б. Судебное производство по уголовному делу с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: проблемные вопросы применения.....	260
Дзейтова Р. Б. Преступление агрессии и гуманитарная интервенция.....	262
Илиджев А. А. Установление судимости по уголовному законодательству России.....	267
Лакеев А. А., Кузьмин С. С. Осужденный как специальный субъект преступления.....	269
Магомедова А. И., Асланов Т. З. Проблемные аспекты применения обстоятельств, исключающих преступность деяния.....	271
Ольдеева Д. А., Чужгинова А. П., Болдырева А. С. Проблемы квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка в российском уголовном законодательстве.....	273
Семченков И. П. Объект преступлений, совершаемых в сфере соблюдения субъективных прав и прав человека.....	277

Сыч К. А.

Потерпевший в моделях наказания на ранних стадиях его развития.....	283
Таилова А. Г., Магомедов Ш. М., Магомедов Г. Б. Корпоративная уголовная ответственность за коррупционные правонарушения: зарубежный опыт.....	285
Талынева З. З., Лифанова М. В. Кураторство в высших учебных заведениях как одно из направлений профилактики преступлений среди обучающихся.....	288
Шадрин И. А. Криминализация (декриминализация) и дифференциация уголовной ответственности: о теоретическом соотношении понятий.....	290
Алиев Ш. И., Кахруманова Ш. А., Абдурахманова М. С. Зарубежный опыт действия уголовного законодательства в пространстве и во времени.....	293
Аликадиева М. А., Рамазанов Э. М., Магомедов Г. Б. Порядок назначения несовершеннолетнему наказания в виде лишения свободы.....	296
Амиралиев А. А., Абакаров А. М., Ахмедханова С. Т. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление.....	298
Ильин Ф. И. Некоторые особенности криминалистического обеспечения судебного разбирательства по уголовным делам.....	300
Крупник И. А. Меры противодействия преступлениям в сфере спорта в международном праве.....	302
Нгуен Зуй Зунг, Хуинь Хью Тинь К вопросу о признаке «организованном» в преступлениях против национальной безопасности по уголовному праву Вьетнама.....	304
Чукреев В. А. Необходимая уголовная ответственность за существенное изменение внешнего облика человека в целях укрывательства преступлений.....	307
Чамсаева М. Р., Ахмедханова С. Т. Дифференциация уголовной ответственности и проблемы квалификации за легализацию денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путем.....	312

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Алиева М. Г., Эсенбулатова Э. Х. Уголовно-правовое значение признания вины.....	315
Каац М. Э. Свидетель в уголовном процессе (исторический и теоретико-правовой аспект).....	318
Косарева И. А. Оправдано ли отсутствие уголовной ответственности за «лжесвидетельствование» лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве на момент участия его в основном производстве после выделения уголовного дела?.....	320
Исаев И. М., Нуцалханов Г. Н. Прокурор в стадии возбуждения уголовного дела.....	322
Захарова С. С., Назаркин Е. В., Сулейманов Т. А., Жарко Н. В. Процессуальное положение участников со стороны обвинения в реализации принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.....	325
Коряченцова С. И. Градостроительная деятельность: проблемные аспекты выявления нарушений органами прокуратуры.....	328
Рощка М. Я. Процессуальные гарантии на стадии возбуждения уголовного дела.....	332
Саидов Г. А., Гасанова З. Г. Актуальные практико-правовые проблемы участия гражданского истца в уголовном процессе.....	334

Мирончук М. А. К вопросу возмещения ущерба, причиненного преступлением: ключевые проблемы современной правовой политики.....	336
Мустафаев С. С., Амирбекова Г. Г. Некоторые проблемы применения уголовно-процессуального законодательства о судебной экспертизе	340
Мустафина Г. М., Мельникова А. С. Обстоятельства, подлежащие уточнению в материалах уголовного дела.....	342
Леонова Т. В. Особенности международного сотрудничества для доказательственной деятельности в сфере уголовного судопроизводства	344
Рыжкова И. А. Механизм реализации принципа уважения чести и достоинства личности на предварительном следствии.....	346
Чиковани М. А. Институт предъявления обвинения – кульминация предварительного следствия.....	351
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
Волховский Р. А. Лица, осужденные к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, как объект социальной адаптации и ресоциализации	353
Гордополов А. Н. Основные тенденции развития уголовно-исполнительного законодательства, регулирующего ответственность злостных нарушителей режима отбывания наказания в виде лишения свободы.....	356
Каштанова А. О. Проникновение запрещенных предметов на режимную территорию исправительного учреждения посредством переброса, а также их доставка с помощью беспилотных летательных аппаратов	358
Краева Н. В. Некоторые аспекты в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по контролю за лицами, осужденными без изоляции от общества, в условиях создания системы пробации в России.....	361
Назаркин Е. В., Сулейманов Т. А., Захарова С. С. Особенности назначения и проведения судебной экспертизы в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества	365
Раевская В. А. Правовые и морально-нравственные аспекты применения смертной казни на примере США.....	367
Роман Е. М., Юнусов С. А. Роль институтов гражданского общества в противодействии коррупции в России и уголовно-исполнительной системы РФ	369
Щербаков А. В., Сабирова Д. Р. Факторы, влияющие на состояние оперативной обстановки и правопорядок в исправительных учреждениях	371
Мехтиев Э. Р. Актуальные вопросы совершенствования практики применения домашнего ареста как одной из альтернативных превентивно-принудительных мер в уголовном процессе.....	375
СУДОПРОИЗВОДСТВО	
Габышева О. М. Проблемные вопросы обжалования нормативных правовых актов органов местного самоуправления	378
Могилевский Г. А., Тарасов Д. Ю. Трансформация процессуальных категорий гражданского судопроизводства «подведомственность», «подсудность» и «компетентность» на современном этапе судебной реформы.....	380

КРИМИНАЛИСТИКА

Гончаренко Е. В., Тайсаева С. Б., Деев А. А. Методы криминальной психологии в изучении личности обвиняемого в сексуальном преступлении в практике психолога и криминалиста	382
Косенко О. А., Сафаров В. Р., Хисматуллина Л. И. К вопросу об автоматизированной дактилоскопической информационной системы «Папилон» в деятельности в органах внутренних дел	386
Позий В. С., Черкашев Н. Г. О понятии и признаках подпольных лабораторий по производству наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров.....	389

КРИМИНОЛОГИЯ

Алексеев С. А., Калашников О. Д., Шапошников Е. Л. Предупреждение и противодействие киберпреступности: основные теоретические положения и эмпирический опыт.....	392
Романовская И. В. Особенности детерминации преступности несовершеннолетних.....	397
Токарева Е. В., Улыбина О. В., Хахалкина У. В. Работа правоохранительных органов в направлении профилактики правонарушений несовершеннолетних	399

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Архипов Е. В., Пестерев Н. Н., Никитин А. И. Основные проблемы, влияющие на процесс огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел, в том числе и переменного состава (курсанты, слушатели) образовательных организаций системы МВД России	402
Гончаренко Е. В., Тайсаева С. В., Муцольгов М. М., Каверин А. С. Феномен ложной памяти у несовершеннолетних в практике клинического психолога и следователя	404
Жамборов А. А. Особенности психологической подготовки стрелка.....	408
Каширгов А. Х., Коваленко Э. В. К вопросу о проблемах практической деятельности административного надзора полиции в современной России	411
Мальшев С. Я., Миняшева Г. И. Организация системы взаимодействия между подразделениями правоохранительных органов и службы безопасности компании (фирмы), как необходимое условие раскрытия преступлений в экономической сфере	414
Муртазин А. И., Ковалёв Т. В., Зайцев А. Г. Некоторые вопросы применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции.....	417
Огрыза А. В., Ульрих С. А., Таран А. Н. Практическая значимость использования электронных тренажеров на занятиях по огневой подготовке.....	419
Семенов А. В., Чижикова А. В., Брик В. И. Проблемы применения на практике адвокатского запроса.....	421
Токбаев А. А. Взаимодействие сотрудников полиции и Росгвардии при проведении совместных мероприятий	424
Усманов Д. Р., Роженцев М. А., Сивочкин Е. В. Проблемы обеспечения личной безопасности сотрудника ОВД при работе с оружием в тире	426
Таран А. Н., Таран К. А., Масейчук Ю. М. Готовность сотрудников ОВД к самообороне в стрессовых ситуациях	428

БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО

Бельчик А. М., Павлов Н. В. К вопросу об экстремизме как глобальной проблеме современности.....	430
--	-----

Голяндин Н. П., Ешерев А. Г., Шериев А. М. Профилактика деструктивной деятельности некоммерческих организаций и движений в информационном пространстве Российской Федерации (по материалам СКФО).....	432	Гончарова Е. А., Корева О. В. Человеческое развитие в антропоцене: оценка показателей России-2020.....	479
Манукян А. Р., Гутиева И. Г. Теоретико-правовые основы противодействия терроризму в современном мире.....	435	Кручинин С. В. Рост минимальной заработной платы на современном рынке труда.....	482
Муртазин А. И., Ковалёв Т. В., Булатов Д. В. Проблемы правосубъектности электронных лиц.....	437	Хачатрян О. А., Корева О. В. О качестве человеческого капитала работников сферы общего образования в современных условиях.....	484
Николаев Н. Ю., Первухин А. С., Ахияров Р. А. Аддитивные технологии: реальна ли угроза? к вопросу о превентивных мерах.....	439	ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ	
Голяндин Н. П., Шериев А. М., Аргунов А. Л. Характеристика некоторых видов и форм проявления радикальных религиозных течений исламского толка и противодействие им.....	441	Багрова Е. В. Краткая история развития социальных сетей.....	486
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО		Гофман А. А., Тимошук А. С. Длинные циклы России.....	488
Абазов А. Б., Файрушин Т. А. О проблемах общественного участия в решении вопросов местного самоуправления.....	443	Истомина О. Б. Резильентность и социальная среда: механизмы взаимодействия в системе образования.....	491
Алиева З. И., Эминова М. Ограничение основных прав и свобод человека и гражданина в РФ.....	445	Зекрист Р. И., Розенфельд В. Я., Адрахманова Ф. Р. Цифровизация религиозного образования: обзор проблематики в англоязычных научных публикациях (социально-философский анализ).....	493
Ананьева Е. О., Ивлиев П. В. Манипуляционная функция СМИ как способа влияния на мировоззрение общественных масс.....	448	Красников С. П. Современное понимание мифа.....	497
Верхозина О. А., Зарубаева Е. Ю. Проблемы формирования правосознания в молодежной среде: правовой инфантилизм, сущность и особенности.....	451	Лукьянов А. В., Латыпова А. Р. Теоретико-познавательные пределы социальности.....	499
Ивлиев П. В., Кошелев Б. Е. Информационно-духовные проблемы в современном обществе.....	455	Морозова О. В. Пространство и время: основные концепции.....	501
МЕДИЦИНА И ПРАВО		Париллов О. В., Собко Р. В., Ворохобов А. В., Спирин В. К. Идеолог латинства и предтеча российского просвещения Симеон Полоцкий.....	503
Горовенко С. В. Проблемы правового обеспечения процедуры оказания медицинской помощи в добровольном порядке в отношении лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих.....	458	Равочкин Н. Н. Становление и трансформация института прав человека: социально-философский анализ (часть 2).....	505
ПЕДАГОГИКА И ПРАВО		Рахматуллина З. Н. Национальная идея: между мифом и идеологией (философские размышления).....	508
Афов А. Х. Некоторые особенности обучения сотрудников ОВД навыкам применения боевых приемов борьбы.....	461	Уланов М. В., Ворохобов А. В. Трансцендентальный монизм В. И. Кудрявцева-Платонова в полемике с кантианской критикой доказательств бытия Божия.....	510
Музафин Р. Р., Никифоров П. В., Шипов О. В. Управление стрессом при обучении стрельбе.....	463	Урядов А. В. Развитие проблемы жизни и смерти в философии.....	512
Дзюба А. С., Даминов А. А. О некоторых проблемах психологической готовности курсантов к применению огнестрельного оружия.....	465	Руденкин Д. В., Симонова И. А. Стратегии репрезентации вандализма в российских социальных медиа.....	514
Масаков Е. М., Лычагина Н. Д., Латыпова Э. Р. Межкультурная коммуникация в управлении компанией с многонациональным коллективом.....	467	ПАМЯТИ УЧЕНОГО	
Мешев И. Х. Специфика профессионально-прикладной физической подготовки сотрудников ОВД.....	471	Нечевин Д. К. Мы будем помнить! Светлой памяти Лунеева Виктора Васильевича (16.02.1932-06.01.2022) Лауреату государственной премии России, Заслуженному деятелю науки РФ, доктору юридических наук, профессору, Полковнику юстиции МО России (в отставке).....	517
Музафин Р. Р., Выштикалюк В. Ф., Курочкин Б. Н. Роль практической стрельбы в подготовке сотрудника ОВД.....	473	ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	518
ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО			
Зорина Н. С. Причины и профилактика буллинга среди подростков.....	475		
ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ			
Высоцкая Д. Р., Смахова Э. Э., Чернов Ю. И. Экономико-правовое регулирование миграции Краснодарского края.....	477		

PERSONA GRATA

R. M. Mammadov:

Azerbaijani science of international law: history and modernity

Interview with Rustam Fahreddin oglu Mammadov, Ph.D. in Law, Head of International law sub-faculty of the Baku State University..... 14

INTERNATIONAL LAW

Aliev S. I., Payzulaeva B. A., Tailova A. G.

"Ne bis in idem" - as a principle of international criminal law 17

Gureev I. G., Krivenkiy A. I.

The concept, legal criteria and content of cross-border child abduction 20

Kangarli İ. İ.

Theoretical and international legal aspects of national security 24

Kudryavtseva L. V., Balashov E. M.

Sanctions in international law..... 31

Lebedeva Ya. I., Bitkina E. S.

"The mechanism of conditionality by the rule of law": a new round of EU coercive measures against Poland and Hungary..... 34

Marchenkova L. M.

International conflicts and their settlement 39

Nureeva L. R.

On the issue of immunities of judges of international courts..... 41

Safarov V. R., Kosenko O. A., Shamsutdinova I. K.

International terrorism as a threat to national security 43

Teligisova S. S.

Some aspects of the organizational and legal mechanism of international cooperation of Russian law enforcement agencies in countering transnational crime..... 45

Titenko Yu. E.

The effect of protectorate on international legal personality of the protected state 48

Tyumentsev V. O.

The history of the development of the European Union competence in the health care field 51

Ermakova E. P., Yazdanimoghadam Mahshid

Upgrading or Terminating the Energy Charter Treaty? 53

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Tymchuk Yu. A.

Liability of notaries who have certified a cross-border transaction with real estate in remote mode: issues of applicable law..... 57

Yang H.

Private international law codification process in China at the present stage: problems and prospects..... 60

EUROPEAN LAW

Gukepshev A. A.

The problem of forced migration in the European Union in the context of new international and regional challenges..... 64

Chugunov D. K.

Latest EU gas and hydrogen initiatives 67

THEORY OF STATE AND LAW

Davydov D. V.

Civil society institutions in the concept of public security of the Russian Federation 70

Dorofeeva M. A., Miroshnichenko O. I.

Some trends in the legal regulation of the institute of online education. Part 2. 73

Evdeeva N. V., Fursov V. V.

The public power of the state as a criterion for distinguishing the forms of government from interstate unions..... 75

Rassolov V. Yu.

Legal fact as a result of the cognitive activity of the law enforcer 79

Sergeev A. L.

Cuban socialism: economy as an object of political and legal influence 82

Kychkina M. I., Mayakunov A. E.

Principles of legality and administration of justice only by the court 84

Yaverzade Ya. E.

On the issue of secondary sources of law..... 88

Ivanets G. I.

To the question of the motive in the lawful behavior of the individual 91

HISTORY OF STATE AND LAW

Vinnichenko O. Yu., Stepanova N. V., Svyatkin S. I., Maksimov A. O.

Soviet prosecutor's office and the system of supervision over the activities of investigation and criminal inquiry bodies in the 1930s - 1950s..... 93

Zavurbekov F. Z.

Judicial and law enforcement agencies of Ottoman Egypt of the late 17th and early 18th centuries..... 98

Zeynalova T. K.

Utopian state in Nizami Ganjavi's views..... 100

CONSTITUTIONAL LAW

Alieva Z. I., Hasanov N. A.

Principles of the electoral law of the Russian Federation: concept, types and role in the legal regulation of electoral relations..... 103

Klukov V. D.

Protection of the constitutional right of access to information in the activities of specialized authorized subjects of the Russian Federation..... 106

Konnov I. A.

Legal support of spiritual and moral security of the Russian Federation as the basis of national security of Russia 108

Myrzalimov R. M.

Interaction of the Institute the Ombudsman of the Kyrgyz Republic with the UN Human Rights Committee 110

Nikiforova E. N.

Observance and protection of human and civil rights and freedoms – the fundamental principle of ensuring national security 113

Nikolaev V. A.

Special features of the protection of the right to development in the constitutions and statutes of the constituent entities of the Russian Federation 116

Prihodko T. V.

'Parking' legal regulation as issue for the social and economical progress of the agglomeration (on the example of Irkutsk) 121

Tepliyakova O. A., Tepliyakov D. O.

Legal regulation of public citizens' participation in electronic form: electronic appeals and petitions..... 124

ADMINISTRATIVE LAW

Bachurin A. G.

Improvement of the administrative and legal mechanism of interaction of the Ministry of Internal Affairs of Russia with Federal executive authorities in the field of public safety at transport infrastructure facilities 128

Kalyashin A. V.

Anti-corruption at the regional level: regulatory legal support and organization (on the example of the Vladimir region) 130

Narykov I. I.

The legal status of internal affairs bodies as subjects of proceedings in cases of administrative offenses..... 133

Salikhov G. S., Arslanbekova A. Z.

Problems of the organization of management of HCS..... 135

Semikhatskaya A. V. <i>Individuals as subjects of administrative responsibility</i>	137	Tran Thi Thuy Dung, Chumachenko I. N. <i>Does arbitration clause prevent class-action lawsuits with respect to the franchising dispute resolution?</i>	197
MUNICIPAL LAW			
Andriukhina I. Yu. <i>New approaches to personnel assessment in the system of state civil and municipal service</i>	140	CIVIL PROCESS	
Brazhnikov G. D., Yushko A. V., Pavlov N. V. <i>Problems of interaction between municipal and public authorities</i>	142	Militsina E. S. <i>Peculiarities of burden of proof allocation in disputes on matrimonial property division</i>	202
Kondrashchenko D. A., Gelyakhova L. A. <i>To the question of the legal culture of members of election commissions in the Russian Federation</i>	144	ENTREPRENEURIAL LAW	
Levaev L. A., Pichugina S. E., Yushko A. V. <i>Competence of municipalities in the field of taxation</i>	147	Aliev N. A. <i>Legal personality of business partnerships and companies</i>	204
CIVIL LAW			
Kasharov Z. A. <i>Formal and actual interest of corporate participants</i>	149	Gergolenko M. A. <i>On some problems of determining the legal position of the controlling debtor in the insolvency (bankruptcy) procedure</i>	207
Ananjeva E. O. <i>Testamentary refusal and testamentary assignment: problems of law enforcement under domestic legislation</i>	151	Zi Xinyi <i>Legal concept of securities in Russian and China</i>	211
Vasenev M. I., Lyubenko Yu. V. <i>Legality (illegality) behavior as a condition of compensation for damages</i>	153	CORPORATE LAW	
Ganiev T. G. <i>Features of bringing to civil liability of persons and enterprises providing medical services in the Russian Federation</i>	155	Klevtsov M. I., Olovyannikova A. S., Raevskaya V. A. <i>Corporate law in Russia: modern challenges and main development trends</i>	213
Gutieva I. G., Manukyan A. R. <i>International experience in the field of management migration processes</i>	157	FINANCIAL LAW	
Koval M. I., Glukhova A. A. <i>Problematic issues of civil law regulation of insurance obligations in Russia</i>	160	Pankratov D. V. <i>Analysis of the financial and legal regulation of the pension system of Chile</i>	216
Kuznetsova E. V., Usova E. V., Kuznetsova E. G. <i>History of development of standards on preliminary contract in Russian civil law</i>	163	Ponomarev O. V., Korneva K. A., Kolesnikova E. S. <i>A debatable understanding of the essence of financial control</i>	220
Kurbatova G. V., Ivanova O. V. <i>Recognition of real rights as a method of their protection</i>	166	Chernov Yu. I., Danilov A. A., Avanesov G. E., Gevorkyan S. L. <i>Chamber of Control and Accounts of the Krasnodar Territory: theoretical and practical issues of improving the legal status</i>	222
Marakhovskaya K. G., Karpets S. I., Chekulaev S. S. <i>The experience of Russia and the USA on the introduction of the institution of foster care for the elderly</i>	168	TAX LAW	
Matytsin D. E. <i>Utilitarian digital rights as a subject of remote digital deals in investment platforms</i>	171	Gadzhalieva M. R., Alieva E. B. <i>Some aspects of the application of tax liability in foreign countries</i>	226
Makhiboroda M. N. <i>On the issue of civil liability in water transport</i>	175	Gusaeva A. Z., Alieva E. B. <i>Problems of application of the unified agricultural tax</i>	228
Pugacheva A.S. <i>Legal support of risk minimization when carrying out investment activities</i>	178	Ochakovskiy V. A., Gritsai D. V., Balashov E. M. <i>Tax monitoring: problems and prospects of development</i>	230
Rychagova O. E., Fesenko E. A. <i>Consumer cooperation as a special legal phenomenon in the civil law of the Russian Federation</i>	181	Sefikurbanova R. M., Alieva E. B. <i>Problems of applying the professional income tax (on the example of the Republic of Dagestan)</i>	232
Stupina S. A. <i>On the issue of compensation for moral damage caused by a property crime</i>	184	Chernov Yu. I., Lesnikov A. S., Kopytovskiy D. S. <i>Improvement of legislative techniques in the tax area</i>	234
Tagaeva S. N., Spiridonov S. A. <i>Problems and prospects of international legal regulation of cross-border insolvency (bankruptcy) in the countries of the Commonwealth of Independent States</i>	186	CRIMINAL LAW	
Tumanov E. V. <i>Some features of the protection of property rights to real estate by application of a review claim</i>	189	Alekseev Yu. G., Nikolaev N. A. <i>On the introduction of responsibility for the systematic provision of premises for the consumption of alcoholic beverages</i>	236
Tsarapkin D. P. <i>Exercise of the exclusive right to a geographical indication</i>	191	Vetrova O. A. <i>Difficulties in the implementation of administrative supervision in Russia in relation to repeat offenders-foreigners released from prison</i>	238
Dashkovets D. A. <i>Institute for the Protection of Confidential Information: industry-specific features of legal regulation</i>	194	Vladimirov D. M. <i>Foreign experience in countering extremist crimes committed using the Internet</i>	242
		Azarenkova E. A., Osipov V. A. <i>On the issue of crimes related to the illegal movement of items across the State Border of the Russian Federation and the customs border of the Eurasian Economic Union</i>	245
		Aliev Sh. I., Askerov R. M., Alieva U. T. <i>Analysis of foreign experience of criminal legislation in time</i>	249

Biyarslanova A. M. Corruption in educational organizations: the line between selfless encouragement and bribery in the educational environment.....	252	Kaaz M. E. Witness in criminal proceedings (historical and theoretical-legal aspect)	318
Volosyuk P. V., Urusov M. M. On the issue of determining the characteristics of a person «occupying the highest position in the criminal hierarchy»	254	Kosareva I. A. Is the absence of criminal liability for the “perjury” of a person who concluded a pre-trial cooperation agreement at the time of his participation in the main proceedings after the allocation of the criminal case justified?	320
Gazimagomedov M. M., Melikov N. A., Akhmedkhanova S. T. Legislative improvement of the composition of crimes that infringe on the health, personal integrity, honor and dignity of a representative of the authorities	257	Isaev I. M., Nutsalhanov G. N. The prosecutor is at the stage of initiating a criminal case.....	322
Dadaeva P. I., Tayov G. R., Magomedov G. B. Judicial proceedings in a criminal case with the appointment of a criminal-legal measure in the form of a court fine, problematic issues of application	260	Zakharova S. S., Nazarkin E. V., Suleymanov T. A., Zharko N. V. The procedural status of the participants on the part of the accusation in the implementation of the adversarial principle in the pre-trial stages of criminal proceedings	325
Dzeytova R. B. Crime of aggression and humanitarian intervention	262	Koryachentsova S. I. Town-planning activity: problematic aspects of detection of violations by the prosecutor’s office	328
Ilidzhev A. A. Establishing a criminal record under the criminal law of Russia	267	Roshka M. Ya. Procedural warranties at the stage of initiating a criminal case	332
Lakeev A. A., Kuzmin S. S. Convicted as a subject of crime	269	Saidov G. A., Gasanova Z. G. Actual practical and legal problems of participation of a civil plaintiff in criminal proceedings	334
Magomedova A. I., Aslanov T. Z. Problematic aspects of the application of circumstances excluding the criminality of the act.....	271	Mironchuk M. A. On the issue of compensation for damage caused by a crime: key problems of modern legal policy.....	336
Oldeeva D. A., Chuzhginova A. P., Boldyreva A. S. Problems of qualification of the murder of a newborn child by a mother in Russian criminal legislation.....	273	Mustafaev S. S., Amirbekova G. H. Some problems of the application of criminal procedure legislation on forensic examination.....	340
Semchenkov I. P. The object of crimes committed in the sphere of compliance subjective rights and human rights	277	Mustafina G. M., Melnikova A. S. Circumstances to be clarified in the materials of the criminal case.....	342
Sych K. A. The victim in the models of punishment in the early stages of its development.....	283	Leonova T. V. Peculiarities of international cooperation for evidentiary activities in criminal proceedings.....	344
Tailova A. G., Magomedov Sh. M., Magomedov G. B. Corporate criminal liability for corruption offenses: foreign experience	285	Ryzhkova I. A. The mechanism for implementing the principle of respect for the honor and dignity of personality in preliminary investigation.....	346
Talyneva Z. Z., Lifanova M. V. Curatorship in higher educational institutions as one of the directions of crime prevention among students	288	Chikovani M. A. The institution of the indictment is the culmination of the preliminary investigation.....	351
Shadrin I. A. Criminalization (decriminalization) and differentiation of criminal liability: on the theoretical relationship of concepts.....	290	CRIMINAL-EXECUTIVE LAW	
Aliev S. I., Kakhromanova S. A., Abdurakhmanova M. S. Foreign experience of criminal legislation in space and time	293	Volkhovskiy R. A. Persons sentenced to punishments not related to isolation from society as an object of social adaptation and resocialization.....	353
Alikadiyeva M. A., Ramazanov E. M., Magomedov G. B. The procedure for assigning a minor penalties in the form of imprisonment	296	Gordopolov A. N. The main trends in the development of penal enforcement legislation regulating the liability of malicious violators of the regime of serving a sentence of imprisonment.....	356
Amiraliev A. A., Abakarov A. M., Akhmedkhanova S. T. The appointment of a more lenient punishment than is provided for this crime.....	298	Kashtanova A. O. Penetration of prohibited items into the restricted territory of the correctional institution by means of transfer, as well as their delivery by means of unmanned aerial vehicles	358
Iljin F. I. Some features of the forensic support of criminal proceedings	300	Kraeva N. V. Some aspects in the activities of institutions and bodies of the penal enforcement system of the Russian Federation for the control of persons convicted without isolation from society, in the context of the creation of a probation system in Russia	361
Krupnik I. A. Measures to counter sport crimes in international law	302	Nazarkin E. V., Suleymanov T. A., Zakharova S. S. Features of the appointment and conduct of a forensic examination during the investigation of the disorganization of the activities of institutions providing isolation from society.....	365
Nguyen Duy Dung, Huynh Huu Tinh On the question of the sign of “organized” in crimes against national security under the criminal law of Vietnam	304	Raevskaya V. A. Legal and moral aspects of the death penalty on the example of the USA.....	367
Chukreev V. A. Necessary criminal liability for a significant change in the appearance of a person in order to conceal crimes.....	307		
Chamsaeva M. R., Akhmedkhanova S. T. Differentiation of criminal responsibility and problems of qualification for legalization of money or other property, acquired by criminal means.....	312		
CRIMINAL PROCESS			
Alieva M. G., Esenbulatova E. Kh. Criminal legal significance of a confession of guilt.....	315		

Roman E. M., Yunusov S. A. <i>The role of civil society institutions in combating corruption in Russia and the penal system of the Russian Federation</i>	369	Semenov A. V., Chizhikova A. V., Brik V. I. <i>Problems of applying the lawyer's request in practice</i>	421
Shcherbakov A. V., Sabirova D. R. <i>Factors influencing the state of the operational environment and legal order in corrective institutions</i>	371	Tokbaev A. A. <i>Interaction of police officers and the Russian guard during joint events</i>	424
Mekhtiev E. R. <i>Topical issues of improving the practice of applying house arrest as one of the alternative preventive and coercive measures in criminal proceedings</i>	375	Usmanov D. R., Rozhentsev M. A., Sivochkin E. V. <i>Problems of ensuring the personal safety of an internal affairs officer when working with weapons in a shooting range</i>	426
JUDICIARY		Taran A. N., Taran K. A., Maseychuk Yu. M. <i>Readiness of police officers for self-defense in stressful situations</i>	428
Gabysheva O. M. <i>Problematic issues of appealing against normative legal acts of local authorities</i>	378	SECURITY AND LAW	
Mogilevskiy G. A., Tarasov D. Yu. <i>Transformation of procedural categories of civil proceedings "jurisdiction", "jurisdiction" and "competence" at the present stage of judicial reform</i>	380	Belchik A. M., Pavlov N. V. <i>On the issue of extremism as a global problem of our time</i>	430
CRIMINALISTICS		Golyandin N. P., Eshеров A. G., Sheriev A. M. <i>Prevention of destructive activities of non-profit organizations and movements in the information space of the Russian Federation (based on materials from the North Caucasus Federal District)</i>	432
Goncharenko E. V., Taysaeva S. B., Deev A. A. <i>Methods of criminal psychology in studying the personality of a sexual crime in the practice of a psychologist and criminalist</i>	382	Manukyan A. R., Gutieva I. G. <i>Theoretical and legal bases for counterterrorism in the modern world</i>	435
Kosenko O. A., Safarov V. R., Khismatullina L. I. <i>To the question about the automated dactyloscopic information system "Papillon" in the activities in the internal affairs</i>	386	Murtazin A. I., Kovalev T. V., Bulatov D. V. <i>Problems of legal personality of electronic persons</i>	437
Poziy V. S., Cherkashev N. G. <i>On the concept and signs of underground laboratories for the production of narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues and precursors</i>	389	Nikolaev N. Yu., Pervukhin A. S., Akhiyarov R. A. <i>Additive technologies: is the threat real? on the issue of preventive measures</i>	439
CRIMINOLOGY		Golyandin N. P., Sheriev A. M., Argunov A. K. <i>Characteristics of some types and forms of manifestation of radical religious movements of the Islamic character and opposition to them</i>	441
Alekseev S. A., Kalashnikov O. D., Shaposhnikov E. L. <i>Cybercrime prevention and counteraction: theoretical fundamentals and empirical experience</i>	392	STATE AND LAW	
Romanovskaya I. V. <i>Features of the determination of juvenile delinquency</i>	397	Abazov A. B., Fayrushin T. A. <i>On the problems of public participation in solving issues of local self-government</i>	443
Tokareva E. V., Ulybina O. V., Khahalkina U. V. <i>The work of law enforcement agencies in the direction of the prevention of juvenile delinquency</i>	399	Alieva Z. I., Eminova M. <i>Restriction of fundamental human and civil rights and freedoms in the Russian Federation</i>	445
LAW ENFORCEMENT AGENCIES		Ananjeva E. O., Ivliev P. V. <i>The manipulative function of the media as a way of influencing the worldview of the public masses</i>	448
Arkhipov E. V., Pesterev N. N., Nikitin A. I. <i>The main problems affecting the process of fire training of employees of internal affairs bodies, including variable staff (cadets, trainees) of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia</i>	402	Verkhovina O. A., Zarubaeva E. Yu. <i>Problems of the formation of legal consciousness in the youth environment: legal infantilism, essence and features</i>	451
Goncharenko E. V., Taysaeva S. B., Mutsolgov M. M., Kaverin A. S. <i>The phenomenon of false memory in minors in the practice of a clinical psychologist and investigator</i>	404	Ivliev P. V., Kosheluk B. E. <i>Informational and spiritual problems in modern society</i>	455
Zhamborov A. A. <i>Features of the psychological preparation of the shooter</i>	408	MEDICINE AND LAW	
Kashirgov A. H., Kovalenko E. V. <i>To the question of the problems of practical activity of administrative supervision of the police in modern Russia</i>	411	Gorovenko S. V. <i>Problems of legal support of the procedure for providing medical care in an involuntary manner in relation to persons suffering from diseases that pose a danger to others</i>	458
Malyshev S. Ya., Minyasheva G. I. <i>Organization of a system of interaction between law enforcement units and the company's security service (firm), as a necessary condition for the disclosure of crimes in the economic sphere</i>	414	PEDAGOGY AND LAW	
Murtazin A. I., Kovalev T. V., Zaytsev A. G. <i>Some issues of the use of firearms by police officers</i>	417	Afov A. Kh. <i>Some features of training police officers in the skills of using combat fighting techniques</i>	461
Ogryza A. V., Ulrich S. A., Taran A. N. <i>The practical significance of using electronic simulators in fire training classes</i>	419	Muzafin R. R., Nikiforov P. V., Shipov O. V. <i>Stress management during shooting training</i>	463
		Dzyuba A. S., Daminov A. A. <i>About some problems of psychological readiness of cadets to use firearms</i>	465

Masakov E. M., Lychagina N. D., Latypova E. R. <i>Problems of intercultural communication in managing a company with a multinational team</i>	467
Meshev I. K. <i>The specificity of professional-applied physical training of police officers</i>	471
Muzafin R. R., Vyshtikalyuk V. F., Kurochkin B. N. <i>The role of practical shooting in the training of a police officer</i>	473

PSYCHOLOGY AND LAW

Zorina N. S. <i>Causes and prevention of bullying among adolescents</i>	475
---	-----

ECONOMY. LAW. SOCIETY

Vysotskaya D. R., Smekhova E. E., Chernov Yu. I. <i>Economic and legal regulation of migration of the Krasnodar Territory</i>	477
Goncharova E. A., Koreva O. V. <i>Human development in the anthropocene: assessment of Russia's indicators-2020</i>	479
Kruchinin S. V. <i>The growth of the minimum wage in the modern labor market</i>	482
Khachatryan O. A., Koreva O. V. <i>On the quality of human capital of general education workers in modern conditions</i>	484

PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY

Bagrova E. V. <i>A brief history of the development of social networks</i>	486
Gofman A. A., Timoschuk A. S. <i>Russia's long cycles</i>	488
Istomina O. B. <i>Resilience and social environment: mechanisms of interaction in the development system</i>	491
Zekrist R. I., Rosenfeld V. Ya., Adrakhmanova F. R. <i>Digitalization of religious education: overview of problems in English scientific publications (socio-philosophical analysis)</i>	493
Krasnikov S. P. <i>Modern understanding of myth</i>	497
Lukyanov A. V., Latypova A. R. <i>Theoretical and cognitive limits of sociality</i>	499
Morozova O. V. <i>Space and time: basic concepts</i>	501
Parilov O. V., Sobko R. V., Vorokhobov A. V., Spirin V. K. <i>Simeon Polotsky, the ideologist of Latinism and the forerunner of the Russian enlightenment</i>	503
Ravochkin N. N. <i>Human rights institution formation and transformation: socio-philosophical analysis (part 2)</i>	505
Rakhmatullina Z. N. <i>National idea: between myth and ideology (philosophical reflections)</i>	508
Ulanov M. V., Vorokhobov A. V. <i>The transcendental monism of V. I. Kudryavtsev-Platonov in polemics with Kantian criticism of the evidence for the existence of God</i>	510
Uryadov A. V. <i>Development of the problem of life and death in philosophy</i>	512
Rudenkin D.V., Simonova I.A. <i>Strategies of representation of vandalism in Russian social media</i>	514

IN MEMORY OF THE SCIENTIST

Nechevin D. K. We will remember! Bright memory of Lunev Viktor Vasilyevich (16.02.1932-06.01.2022) <i>To the laureate of the State Prize of Russia, Honored Scientist of the Russian Federation, Ph.D. in Law, professor, Colonel of Justice of the Ministry of Defense of Russia (retired)</i>	517
---	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	518
--------------------------------------	-----

Р. М. МАММАДОВ: АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ НАУКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Интервью с Рустамом Фахреддин оглы Маммадовым, доктором юридических наук, заведующим кафедрой международного права Бакинского государственного университета

Визитная карточка:

Юридическое образование получил в Бакинском государственном университете. В 1989 году в Дипломатической академии МИД СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Международно-правовой режим Каспийского моря», а в 2007 году в Институте прав человека НАН Азербайджанской Республики докторскую диссертацию.

С 1980 года работает на юридическом факультете Бакинского государственного университета, а с 1996 года возглавляет кафедру международного публичного права.

Является автором более 200 научных трудов (учебников, монографий, статей и т.д.) в области международного права.

Маммадов Р. М.

R. M. MAMMADOV: AZERBAIJANI SCIENCE OF INTERNATIONAL LAW: HISTORY AND MODERNITY

Interview with Rustam Fahreddin oglu Mammadov, Ph.D. in Law, Head of International law sub-faculty of the Baku State University

Business card:

He received a law degree at Baku State University. In 1989, at the Diplomatic Academy of the USSR Ministry of Foreign Affairs, he defended his Ph.D. thesis on the topic "International legal regime of the Caspian Sea", and in 2007 at the Institute of Human Rights of the NAS of the Republic of Azerbaijan he defended his doctoral dissertation.

Since 1980 he has been working at the Faculty of Law of Baku State University, and since 1996 he has been the Head of Public international law sub-faculty.

He is the author of more than 200 scientific works (textbooks, monographs, articles, etc.) in the field of international law.

– Многоуважаемый Рустам Фахретдинович, прежде хотелось бы поздравить вас с прошедшим юбилеем, с 65-летием. У Вас богатая насыщенная научная биография. Не могли бы рассказать несколько подробно, как Вы пришли в науку международного права. Что, в частности, подтолкнуло вас выбрать профессию ученого?

– Учась в средней школе я уже увлекался научными работками. Несомненно, было влияние моего отца - ученого химика. Но когда я поступил на юридический факультет отец перестал со мной общаться, поскольку был недоволен выбранной мною профессией. Он не хотел, чтобы я работал в будущем в правоохранительных органах. Он так и говорил: «Мне не нужен сын, который будет заниматься поимкой людей и преступников и сажать их!». Но впоследствии, когда я встал на путь научных исследований, он поддержал и даже оказывал свое посильное влияние.

Уже на третьем курсе мне посчастливилось поучаствовать на конференции по истории и праву СССР. Выступили по теме «Основы Закавказской Федерации», рассмотрев проблему через призму международного права. На конференции мы вместе с моим однокурсником Чингизом Абдуллаевым (ныне известный детективный писатель) были на высоте. Можно считать, что это событие сыграло немаловажную роль в выборе в будущем сферы исследований. Несомненно, интерес был вызван возрастающей ролью международного права на фоне центробежных тенденций в пространстве СССР. После завершения вуза по приглашению заведующего кафедрой профессора Эюба Аскерова устроился работать на кафедре международного права Бакинского государственного университета. Всегда было стремление развивать свои

знания в сфере международного права в одном из передовых научных школ. Став аспирантом Дипломатической академии МИД СССР сделал важный шаг в этом направлении. Выбор специальности predetermined мою дальнейшую судьбу. Думаю, что сделал правильный выбор как в отношении профессии, так и специальности.

– Не могли бы рассказать о Ваших учителях, которые больше всего оказали влияния на Вас, как ученого и человека

– Как я отметил с 1980 года стал сотрудником кафедры международного права БГУ. Кстати, у истоков создания этой кафедры стоял покойный профессор с мировым именем Федор Кожевников. В годы Великой отечественной войны он находился в Баку и стал инициатором формирования кафедры международного права. После войны он уехал снова в Москву.

Во время обучения в университете я учился у таких ученых, как академик Масума Меликова, профессор Муртуз Алескеров (впоследствии он стал спикером азербайджанского парламента) и профессор Эюб Аскеров. Наибольшее влияния на меня оказали именно они. Затем моими преподавателями стали московские профессора С. А. Гуреев и М. И. Лазарев.

Как известно, в годы существования СССР в Москве действовала Советская Ассоциация международного права, в деятельности которого мы принимали активное участие. Участие давало нам возможность сотрудничать с ведущими специалистами в области международного права, как Г. И. Тункин, Г. В. Игнатенко, Р. М. Валеев, И. П. Блищенко, С. И. Курдюков, С. В. Черниченко, С. И. Малинин, В. А. Высоцкий,

И. З. Фархутдинов, В. Н. Денисов, К. А. Бекашев, Л. Д. Тимченко и многие другие. Они в истинном смысле были (те, которые скончались им царство небесное, а кто живет то им долгих лет жизни) корифеями науки международного права. Благодаря им выросла не одна плеяда замечательных ученых юристов-международников. В этом смысле мне повезло, я прошел большую и славную школу советских юристов-международников.

– Дорогой профессор, в работе Советской Ассоциация международного права, затем Российской (РАМП) активное участие принимал профессор Уильям Эллиотт Батлер (англ. William Elliott Butler). Думаю, что Вы помните этого прекрасного ученого и человеческого человека...

– Уверен, Била Батлера, как мы, его многочисленные коллеги и друзья, часто называем, известный советский и российский юрист-международник. Он — один из ведущих специалистов в области права России, СССР, постсоветских стран, а также Монголии. Активно занимается вопросами сравнительного правоведения, международного частного и публичного права. Сегодня Батлер является профессором Школы права Университета штата Пенсильвания и заслуженным профессором Лондонского Университета.

Кроме того, он - действующий главный редактор очень уважаемого интернет-журнала «Russian Law» («Российское право»). Является автором, соавтором, редактором и переводчиком более 120 книг по правовым системам СССР, России, стран Балтии и СНГ. Перевёл и издал более 2300 нормативно-правовых актов, принятых в бывшем СССР, странах СНГ и Монголии.

Наш друг Билл – ученый неутомимый, величайшей трудоспособности. При всем этом Уильям Эллиотт Батлер остается очень демократичным и душевным человеком.

Хочу передать ему, пользуясь случаем, сердечный привет от всех наших бакинских его коллег и наши наилучшие пожелания – здоровья и такой же бодрости духа.

– Что в целом вы можете сказать об азербайджанской науке международного права и перспективах его развития?

– Сегодня с уверенностью можно говорить о сформировавшейся азербайджанской школе международного права. Если до 2000 годов азербайджанских специалистов в области международного права можно было сосчитать на пальцах, то сегодня их более 200, специализирующихся в отдельных сферах данной отрасли. Наши ученые (Латиф Гусейнов, Низами Сафаров, Тургай Гусейнов, Амир Алиев и др.) вносят весомый вклад в развитие мировой науки международного права. Надобность в специалистах международного права продиктовано новыми реалиями. Азербайджан активный участник межгосударственных отношений, что невозможно представить без адекватной деятельности юристов-международников. Могу с достоинством утверждать, что внес свой посильный вклад в развитие отечественной школы международного права и продолжаю оказывать поддержку в его дальнейшем развитии.

– За эти долгие годы научной деятельности по проблеме правового статуса Каспийского моря Вами написано множество достойных научных работ, в том числе монографии. Не могли бы обозначить наиболее интересные вопросы в Вашем главном научном направлении?

– Проблема правового статуса Каспийского моря является основной сферой моих научных исследований. Как вы заметили мною написано более 200 научных трудов, большинство из которых посвящены именно этой проблеме и изданы в различных странах. Именно данная проблема была в объективе моих диссертационных работ. Кстати я слишком

затянул с защитой докторской диссертации, почти 18 лет. Дело в том, что по инициативе общенационального лидера Гейдара Алиева с 1997 года начал работать в администрации Президента Азербайджанской Республики. Тогда я работал уже заведующим кафедры международного права, куда меня назначил профессор Муртуз Алескеров, будучи тогда ректором Бакинского госуниверситета. В общей сложности проработал в Администрации Президента Азербайджана почти 8 лет, а затем снова вернулся на кафедру, которую по сей день возглавляю. После государственной службы я снова начал активную деятельность по изучению международно-правового статуса Каспия, следствием чего стала представленная мною диссертационная работа на соискание ученой степени доктора права. Да и, несомненно, рад, что после долгих обсуждений была принята Конвенция касательно статуса Каспия. Естественно, что принятие данной Конвенции станет новой вехой в научных исследованиях.

– Одной из главных проблем, которые связаны с Каспием, ставшим достоянием не двух, а пяти государств, является отсутствие общего понимания, как распорядиться его ресурсами - вместе или порознь. Речь идет о международно-правовом статусе этого водоема и установлении единых правил поведения на нем для всех стран региона. Какова сегодня позиция прикаспийских государств касательно статуса этого регионального водоема и какой позиции Вы придерживаетесь?

– Я всегда говорил, что Каспий - это не море, а пограничное озеро. Этой позиции придерживаюсь до сих пор, даже после принятого гибридного соглашения (конвенции) по Каспию в 2018 году. В конвенции остались белые пятна, которые придется замазывать еще долго. Например, проблемы делимитации, название этого озера, а также некоторые иные положения, взятые из конвенции по морскому праву 1982 года.

– Не могли бы отдельно остановиться на экологических проблемах Каспийского моря.

– Экология Каспия – эта серьезнейшая проблема. С каждым днем Каспий все больше и больше загрязняется со стороны прибрежных государств, из-за возрастающей хозяйственной деятельности и, порою, безразличия к этой проблеме. Несомненно, в охране среды Каспия должны быть заинтересованы не только отдельные государства, а все прибрежные субъекты. Должно уделяться особое внимание природоохранной деятельности, посредством не только постфактум наказаний, но и принятием превентивных мер. Уменьшается улов осетровых и других представителей флоры и фауны. Государства должны реализовывать совместные программы по реанимации окружающей среды Каспия и отказываться от политики только потребительской позиции. Так было 50-60 лет тому назад, это продолжается и сейчас. Каспий очень нуждается в помощи и в излечении. К сожалению, скоро мы будем читать о ряде природных богатств только из различных справочников.

– Вы также занимаетесь проблемами взаимовлияния и взаимодействия международного права и религии. Не могли бы вкратце осветить это Ваше научное направление.

– Я стал серьезно изучать этот вопрос, как религия и международное право относятся к проблеме межнациональных отношений, а также влияние на межгосударственные отношения. Думаю, что религия должна быть объединяющим фактором, а не фактором раздора. Кстати, хотел бы отметить особую атмосферу мультикультурализма в Азербайджане, где без каких-либо дискриминации живут люди различных вероисповеданий. Сегодня азербайджанские власти создают необходимые условия для посещения армянами религиоз-

ных мест преклонения. Кстати, ни одна мировая религия не признает отчужденность, говорится, что бог у всех один.

– **Недавно вышла Ваша новая книга о поэте мирового значения Низами. Чем же вызван Ваш интерес к данной теме?**

– Творчество Низами всегда вызывало интерес как одного из величайших творцов. Несомненно, этот интерес был вызван еще тем, что еще с детства, посещая Гянджу, родину Низами и моих родителей, первым делом при въезде в город проезжали рядом с гробницей великого поэта и каждый раз я интересовался у родителей кем он был. Уже впоследствии я периодически обращался к творчеству Низами в контексте международного права, проводил исследования международно-правовых идей в трудах поэта. Я всегда агитировал наших соискателей взяться за тему, касающуюся международно-правовых идей в произведениях Низами. Но тщетно. Наконец я осмелился и сам взялся за эту тему. Я заново открыл себе Низами. Выяснилось, что его творчество многопрофильное. Так, в произведениях Низами разработаны положения о правилах войны и мира, правах человека, проблемах гуманизма (гуманитарного права и это на 7 веков раньше, чем Аббат Грегуар и Ф.Мартенс) и справедливости, равноправия и т.д. И это на 5-6 веков раньше, чем Гуго Гроций.

– **Уважаемый профессор, не могли бы рассказать читателям нашего журнала о наиболее интересных вехах в творчестве великого поэта?**

– Известно, что Низами жил и творил в XI-XIII веках нашей эры. Великий азербайджанский поэт Низами Гянджеви (1141 г. - предположительно и умер в 1209 г.) родился в древнем городе Гянджа во времена, когда Азербайджан становился одной из самых важных культурных и экономических центров Востока. Низами - творческий псевдоним поэта, и означает «упорядочитель слов». Его полное имя Ильяс ибн Юсуф. Поэт по всей вероятности рос и воспитывался в культурной и довольно знатной семье. Его перу принадлежат 5 поэм, которые вместе называют «Хамсе». И писал эти поэмы по просьбе владык того времени. Приблизительно в конце 1169 в начале 1170 г. произошло важное событие в жизни Низами Гянджеви. Дербендский правитель Сейфаддин Музаффар послал ему в подарок рабыню по имени Афак. Низами сильно влюбился в Афак, вместо того, чтобы быть наложницей, она стала его законной женой. В 1174 году у них родился единственный сын по имени Мухаммад. Это были самые счастливые годы жизни поэта, наполненные любовью и семейным счастьем. Жена поэта гармонически соединила в себе любовь к свободе, внутреннее благородство, нежность, красоту, остроумие и преданность любимому человеку. Во второй половине 1176 года он приступил к созданию своей первой дидактической поэмы «Сокровищница тайн». Поэт завершил ее, как он сам указывает в конце сочинения, в 1177 году. В 1178 или 1179 году Афак умерла. О жизни Низами сохранилось мало информации, но точно известно, что он не был придворным поэтом, так как опасался, что в такой роли он утратит честность, и хотел, прежде всего, свободы творчества. Вместе с тем, следуя традиции, свои произведения Низами посвящал правителям из различных династий. Так, поэму «Лейли и Меджнун» Низами посвятил Ширваншахам, а поэму «Семь красавиц» - сопернику Ильдегизидов - одному из атабеков Мараги Ала ал-Дину.

– Низами считал, что мир - это совокупность всего, что существует. Как Вы, автор замечательной книги, это понимаете?

– Ответ очень прост: ведь все, что в мире созданы и существует благодаря миру между народами. Война все разру-

шает, а мир создает покой и придает силы для воссоздания. Смотрите, 30 лет территория Азербайджана была под оккупацией Армении и на них все было разрушено. Как только земли были освобождены Азербайджан начал активное восстановление, в первую очередь, инфраструктуры (новые дороги, мечети, аэропорты и т.д.). Эта истина всегда существовала и о нем писал Низами. В средние века довольно часто были войны и потому не было постоянства в развитии. Низами жил в эпоху политической нестабильности и интенсивной интеллектуальной активности, что отражено в его поэмах и стихах. Ничего не известно о его взаимоотношениях с его покровителями, как и не известны точные даты, когда были написаны его отдельные произведения, так как многое является плодом фантазий его биографов, которые жили позже него. Сам Низами всегда был против многоженства Низами помимо большого количества стихотворений во всех жанрах восточной поэзии, стал автором пяти поэм Хамсе: Сокровищница тайн, Хосров и Ширин, Лейли и Меджнун, Семь красавиц и Искандернаме в двух частях (Книга об Александре Македонском), сюжеты которых до сих пор вызывают подражания на Востоке.

– **Расскажите, пожалуйста, о своей семье. Чем Вы еще кроме науки увлекаетесь?**

– Я женат, у меня двое детей - дочка и сын. Дочка заместитель декана в Академии художеств и готовится защитить диссертацию по искусствоведению. Сын пошел по моим стопам, получил образование в области международного права, ныне является доктором философии по международному праву, практикующим юристом и пишет диссертацию на соискание доктора юридических наук. Зять также является доктором философии по международному праву и работает в Университете преподавателем. Мои увлечения: в одно время я также увлекался искусством, вырезанием скульптур из дерева, а сейчас я больше садовод.

– **Дорогой Рустам Фахреддинович, что Вы пожелали читателям Евразийского юридического журнала**

– Здоровья и активной жизненной позиции. Я желаю, что читатели журнала всегда могли самореализоваться.

Интервью брала:

Инсур Фархутдинов

*доктор юридических наук,
ведущий научный сотрудник
Института государства и права
Российской Академии наук*

Тургай Гусейнов

*доктор юридических наук,
Руководитель юридической
клиники Бакинского
государственного университета*

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-17-19

АЛИЕВ Шапи Изиевич

доктор социологических наук, доцент, директор Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

ПАЙЗУЛАЕВА Бурлият Айгумовна

кандидат педагогических наук, заместитель директора по учебно-воспитательной работе Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

ТАИЛОВА Айша Габибовна

кандидат юридических наук, доцент Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

“NE BIS IN IDEM” КАК ПРИНЦИП МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

В статье затрагивается вопрос о том, может ли запрет на судебное преследование одного и того же лица более одного раза за одно и то же преступление, более известный как “*ne bis in idem*”, применяться в международных правовых отношениях. Многие страны признают транснациональный аспект *ne bis in idem*, хотя обычно они подчиняют его требованию, чтобы факты, рассмотренные иностранным судом, не были совершены полностью или частично на их территории. Принцип «*ne bis in idem*» - это устоявшийся принцип в большинстве стран, однако в то же время, это также создает ряд проблем, которые национальные и международные суды пытаются решить.

Ключевые слова: преследование одного и того же лица, более одного раза, одно и то же преступление, дискуссия о «транснационализации» правила.

ALIEV Shapi Izievich

Ph.D. in sociological sciences, associate professor, Director of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

PAYZULAEVA Burliyat Aygumovna

Ph.D. in pedagogical sciences, Deputy Director for Educational Work of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Dagestan State University, branch in Izberbash

“NE BIS IN IDEM” AS A PRINCIPLE OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

The article touches upon the question of whether the prohibition on the prosecution of the same person more than once for the same crime, better known as “*ne bis in idem*”, can be applied in international legal relations. Many countries recognize the transnational aspect of *ne bis in idem*, although they usually subordinate it to the requirement that the facts examined by a foreign court were not committed in whole or in part on their territory. The principle of “*ne bis in idem*” is an established principle in most countries, but at the same time, it also creates a number of problems that national and international courts are trying to solve.

Keywords: persecution of the same person, more than once, the same crime, discussion about the “transnationalization” of the rule.

С увеличением частоты транснациональных уголовных дел важным вопросом для судов и ученых-юристов стал вопрос о том, может ли запрет на судебное преследование одного и того же лица более одного раза за одно и то же преступление, более известный как “*ne bis in idem*”, в переводе с латыни «не дважды за одно и то же», применяться в международных правовых отношениях. Может ли лицо, которое было осуждено в государстве А, снова подвергнуться судебному преследованию в государстве В, которое также обладает юрисдикцией судить это лицо по тем же уголовным делам? Если нет, каковы требования для применения *ne bis in idem* на международном уровне?

Принцип *ne bis in idem* - это общий принцип (уголовно-го) права во многих национальных правовых системах, иногда даже кодифицированный как конституционное право. Принцип *ne bis in idem* исторически сложился как принцип, который применяется только на национальном уровне и

ограничивается уголовным правосудием. Что касается существа принципа, традиционно проводится различие между *nemo debet bis vexari pro una et eadem causa* (никто не должен подвергаться более чем одному судебному преследованию за одно и то же преступление) и *nemo debet bis puniri pro uno delicto* (никто не должен быть наказанным дважды за одно и то же правонарушение). Некоторые страны ограничивают этот принцип запретом двойного наказания.

Обоснование принципа *ne bis in idem* многогранно. Конечно, это принцип судебной защита гражданина от государства и как таковая является частью принципов надлежащего права и справедливого судебного разбирательства. С другой

Алиев Ш. И.

Пайзулаева Б. А.

Тайлова А. Г.

стороны, соблюдение принципа *res judicata* окончательных судебных решений имеет важное значение для легитимности правовой системы и государства.

Многие страны признают транснациональный аспект *ne bis in idem*, хотя обычно они подчиняют его требованию, чтобы факты, рассмотренные иностранным судом, не были совершены полностью или частично на их территории.

В статье 50 Хартии основных прав Европейского Союза говорится, что «Никто не может быть привлечен к суду или наказан повторно в рамках уголовного судопроизводства за преступление, за которое он или она уже были окончательно оправданы или осуждены на территории Союза в соответствии с законом» [4].

В этом богатом нормативном контексте кажется естественным обратиться к общему принципу транснационального *ne bis in idem* при первом поиске «общих принципов транснационального уголовного правосудия» с помощью индуктивного сравнительного подхода. Действительно, приходится слышать о двух измерениях «принципа *ne bis in idem*»: национальном принципе *ne bis in idem*, с одной стороны, и так называемом «интернационализированном» или «транснациональном» принципе (иначе известном как «транснациональный принцип *ne bis in idem*»), с другой стороны.

Существование принципа – иногда даже общего принципа – транснационального *ne bis in idem* полностью признается в юридической литературе даже теми, кто не хочет видеть его применение в деликатных делах и более скрупулезно озабочен его возможным конфликтом с принципом государственного суверенитета. Существование такого принципа, безусловно, послужило бы идеалу построения «закона, регулирующего индивидуальные интересы в транснациональном уголовном праве».

Однако любое политическое решение в области права, очевидно, открыто для критики. Поэтому удивительно, что транснациональный *ne bis in idem* был одобрен как новый принцип права без каких-либо дальнейших обсуждений. Когда на практике применяется транснациональный *ne bis in idem*, возникает множество технических трудностей. Например, следует ли применять *ne bis in idem* в государстве В, если первое разбирательство в государстве А закончилось не традиционным судебным решением, а сделкой между прокурором и правонарушителем, запрещающей дальнейшее судебное преследование по тем же фактам в соответствии с законодательством государства А?

Следует ли это также применять к вопросам, в которых государства А и В придерживаются совершенно разных политических подходов к фактам? Государство А может наказать за хранение и продажу «легких» наркотиков небольшими финансовыми санкциями, в то время как государство В может приговорить этих преступников к длительным срокам лишения свободы. Другими словами, может ли *ne bis in idem* иметь право препятствовать применению государством В своего уголовного закона в отношении лиц, которые в противном случае имеют юрисдикцию судить и, возможно, наказывать? Суду Европейского Союза пришлось решить этот деликатный вопрос, и его прецедентное право привело к дальнейшим фундаментальным вопросам, касающимся корней *ne bis in idem*, то есть его происхождения.

Необходимость телеолого-дедуктивного подхода очевидна. Этот подход должен основываться на внутреннем измерении *ne bis in idem*, поскольку именно в этом измерении *ne bis in idem* было впервые признано.

Даже на национальном уровне изменились причины, по которым лицо не может подвергаться судебному преследованию несколько раз за одно и то же поведение. В римском праве не было единственной концепции запрета. Поскольку римское процессуальное право было построено на системе судебных исков, дело – гражданское или уголовное – могло быть передано в суд только один раз. После прекращения

этого судебного иска повторное рассмотрение того же дела было невозможно.

Как выражено в максиме *bis de eadem rene sit actione*, не было никаких действий, которые позволили бы суду снова услышать то же событие. Другими словами (и проще говоря): *ne bis in idem*. Идея прекращения действия закона сохранялась в период так называемого «нового римского права», когда была введена формулярная процедура. Он предусматривал письменное дело (формулу), которое было передано судье после прекращения расследования дела. Для каждой формулы было принято соглашение о содержании случая (*litis contestatio*). Это привело к предотвращению любых других юридических действий по тому же делу.

Результатом этого процесса является то, что европейское законодательство, основанное на римском праве, основывает запрет на судебное преследование одного и того же лица более одного раза за одно и то же поведение на максиме *res judicata pro veritate habetur*. Однако причина, по которой существует эта максима, в интеллектуальном плане совершенно не связана с проблемами, лежащими в основе *ne bis in idem*. Почему же тогда *res judicata* допускает презумпцию истины? Ответ, безусловно, связан с правовой определенностью (*sécurité juridique*, *Rechtssicherheit*). Представьте, например, что пара развелась. Оба партнера законно полагают, что они могут снова вступить в брак, как и люди, на которых они хотят снова жениться. Таким образом, чтобы служить личной и коллективной правовой определенности, дальнейшие решения, касающиеся лиц в бывшей паре, должны принимать во внимание первое судебное решение (постановление о разводе), они должны учитывать, что пара больше не состоит в браке. Здесь говорится о положительном влиянии *res judicata* – и отрицательном эффекте *ne bis in idem*: одни и те же факты не могут быть предметом другого судебного разбирательства.

Если уголовно-процессуальный закон допускает новое судебное разбирательство в отношении лица, которое уже было судимо и оправдано по тем же фактам, очевидно, что в его / ее среде возникнет проблема правовой определенности: должна ли фирма нанять его / ее или отказать в приеме на работу, потому что он / она может быть вскоре осужден?

Еще одна причина, по которой более ранние решения не могут игнорироваться судами, рассматривающими более поздние дела, заключается в том, что судебная система может противоречить самой себе. Суждение должно говорить правду. В приведенном выше примере суд, который проигнорировал развод и, следовательно, посчитал повторный брак женщины равносильным полиандрии, определенно поставил бы под сомнение надежность системы правосудия.

Этот аспект также присутствует во втором примере: какое доверие имеет учреждение, если оно решило, что лицо невиновно, а затем разрешило рассмотрение дела повторно? Хуже того, что, если второй суд признает человека виновным? Было ли первое суждение ошибочным? Были ли первые судьи плохими судьями? Для судебной системы принципиально важно поддерживать (и защищать) свою внутреннюю непротиворечивость и, таким образом, сохранять не только авторитет, но и авторитет.

На данном этапе ясно, что принцип прекращения действия (*ne bis in idem*) объективно служит коллективной правовой определенности, а также авторитету судебной системы. Это основные цели презумпции истинности приговора (*res judicata pro veritate habetur*). Ключевой вопрос заключается в том, преследует ли *ne bis in idem* только эти цели или же ему можно дать другую цель.

Перенесение в XVIII век подтверждает нашу интуицию. Со времен Просвещения *ne bis in idem* не был просто инструментом для воплощения максимы *res judicata pro veritate habetur*, он был фундаментальной гарантией для человека от возможных злоупотреблений. уголовное судопроизводство

прокурорами – и гражданскими сторонами с правом возбуждения уголовного дела.

Если одни и те же факты оправдывают неограниченное судебное преследование, лицо, подозреваемое в совершении преступления, будет подвергаться неограниченному уголовному расследованию и расследованию. Его / ее личное положение в соответствии с законом будет отягощено постоянной неопределенностью. Вероятность того, что он / она может свободно вести свою жизнь, будет значительно уменьшена. По этой причине в некоторых из первых конституционных инструментов, защищающих права человека, более или менее аналогичным образом признавалось предписание *ne bis in idem*.

Седьмая поправка к Конституции США 1787 года гласит: «Ни одно лицо не может дважды подвергаться опасности для жизни или здоровья»; Конституция Франции 1791 г. гласила: «любой человек, оправданный судом присяжных, больше не может быть подвергнут выговору или обвинению на основании того же факта» [5], *idem* является выражением основного права в соответствии с международным и внутренним законодательством.

Согласно статье 103 Основного закона Германии, «никто не будет наказан несколько раз за одно и то же деяние на основании общих уголовных законов». Протокол № 7 к Европейской конвенции о правах человека, принятый в 1984 году, предусматривает в статье 4 (1), что «никто не может быть привлечен к суду или наказан повторно в рамках уголовного судопроизводства в рамках юрисдикции того же государства за преступление, по которому он уже был окончательно оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальным законодательством этого государства» Статья. 4 (2) и 4 (3) дополняют это положение. Статья 4 (2) гласит: «Положения предыдущего параграфа не препятствуют возобновлению дела в соответствии с законодательством и уголовно-правовой процедурой соответствующего государства, если имеются доказательства новых или вновь обнаруженных фактов или если имеются доказательства, был существенным недостатком в предыдущем разбирательстве, который мог повлиять на исход дела», и ст. 4 (3) «Никакие отступления от данной статьи не допускаются согласно ст. 15 Конвенции» [1].

Однако при применении *ne bis in idem* национальные суды продолжали ссылаться на более позднее римское право и определять сферу его применения, ссылаясь на максимум *res judicata pro veritate habetur*. Детальный анализ французского и немецкого уголовно-процессуального законодательства показывает, что даже сегодня, в 21 веке, суды рассматривают *ne bis in idem* как простой побочный эффект юридической давности, установленной максимум *res judicata pro veritate habetur*. За очень немногими исключениями французская литература по уголовному праву рассматривает *ne bis in idem* как следствие *autorité de la selected jugée* - авторитет избранного судьи. Немецкие ученые-правоведы придерживаются такой же позиции в отношении материала *Rechtskraft*-Юридическая сила [6].

Ни в том, ни в другом случае авторы не отделяют рассмотрение *ne bis in idem* от *res judicata pro veritate habetur*. В учебниках обычно утверждается, что *ne bis in idem* имеет отрицательный эффект во Франции и в Германии. Такое понимание кажется общим для многих национальных правовых систем. Даже Европейский суд по правам человека упоминает *res judicata* в своем прецедентном праве: «Гарантия, закрепленная в статье 4 Протокола № 7, становится актуальной после начала нового уголовного преследования, если предыдущее оправдание или обвинительный приговор уже приобрели силу *res judicata*.»

Практически неоспоримая аргументация, которая приводит к тому, что *res judicata pro veritate habetur* является правовой основой *ne bis in idem*, поднимает серьезный вопрос:

можно ли *ne bis in idem* анализировать как общий принцип права?

Принцип «*ne bis in idem*» – это устоявшийся принцип в большинстве стран, однако в то же время, это также создает ряд проблем, которые национальные и международные суды пытаются решить.

В своем решении от 4 марта Европейский суд по правам человека постановил, что государство не может использовать национальные, внутренние классификации санкций, чтобы избежать применения этого принципа в своей юрисдикции.

Другими словами, государства не могут произвольно классифицировать санкции как административные, а не как уголовные, чтобы исключить их из сферы действия принципа «*ne bis in idem*».

Пристатейный библиографический список

1. Протокол № 7 к Европейской конвенции о правах человека, принятый в 1984 году. [Текст: электронный] // КонсультантПлюс - надежная правовая поддержка: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150126/ (дата обращения: 25.11.2021).
2. Договор об учреждении Европейского Союза. Шенгенское соглашение (CISA). [Текст: электронный] // КонсультантПлюс - надежная правовая поддержка: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150126/ (дата обращения: 25.11.2021).
3. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / [Л. Н. Башкатов и др.]; отв. ред. И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская; Ин-т государства и права Российской акад. наук. – 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2010. 685 с. ISBN 978-5-392-00775-2 (в пер.)
4. Хартия основных прав ЕС. [Текст: электронный] // КонсультантПлюс - надежная правовая поддержка: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150126/ (дата обращения: 25.11.2021).
5. Constitution of 3-14 September 1791, Title III, Chapter V, Art. 9// [Текст: электронный] // КонсультантПлюс - надежная правовая поддержка: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150126/ (дата обращения: 25.11.2021).
6. Guinchard S.и Buisson J. Уголовно-процессуальное право, 2012. № 26 С. 52 [Текст: электронный] // Юрайт: [электрон.библ. система]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.biblio-online.ru/bcode/437011/> (дата обращения: 20.11.2021). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей ДГУ.

ГУРЕЕВ Илья Георгиевич

магистрант юриспруденции Московского городского педагогического университета, секретарь судебного заседания Арбитражного суда Московской области

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович

доктор исторических наук, профессор по кафедре гражданско-правовых дисциплин, профессор кафедры международного права и прав человека института права и управления Московского городского педагогического университета

ПОНЯТИЕ, ЮРИДИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ И СОДЕРЖАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО ПОХИЩЕНИЯ ДЕТЕЙ

Трансграничное похищение человека в корыстных целях, а тем более похищение детей, нарушающее их нормальное всестороннее развитие в привычной обстановке, является преступлением международного характера и квалифицируется в двух аспектах – уголовно- и гражданско-правовом. В статье на основе законодательства разных государств по данному вопросу освещаются заявленные в названии категории, принципы рассмотрения споров между родителями, как правило, проживающими в разных государствах, по поводу похищаемых детей и восстановления нарушенных прав как родителей, так и детей.

Ключевые слова: похищение детей, преступление, споры, родители, законные представители, семьи международного характера, уголовно-правовой аспект, гражданско-правовой аспект, конвенция, законодательство.

GUREEV Ilya Georgievich

master of jurisprudence of the Moscow City Pedagogical University, court secretary of the Arbitral of Moscow region

KRIVENKIY Aleksandr Ivanovich

Ph.D. in historical sciences, professor of Civil law disciplines sub-faculty, professor of International law and human rights sub-faculty of the Institute of Law and Management of the Moscow City Pedagogical University

THE CONCEPT, LEGAL CRITERIA AND CONTENT OF CROSS-BORDER CHILD ABDUCTION

Cross-border abduction for selfish purposes of people, and even more of children, which violates their normal all-round development in a familiar environment, is an international crime and is qualified in two aspects – criminal and civil ones. The article, based on the legislation of different states, highlights the categories declared in the title, the principles for considering disputes between parents living mostly in different states, about abducted children and the restoration of violated rights of both parents and children.

Keywords: kidnapping, crime, disputes, parents, legal representatives, families of an international character, criminal law aspect, civil law aspect, convention, legislation.

Один из парадоксов цивилизации, сопровождающий человека на всем пути его развития, состоит в том, что многие его пороки из седой древности приходится разрешать в наше время. Склонность к хищению у человека вечная, но то, что он способен и сегодня похищать себе подобных, а тем более детей, хотя и не увязывается с достигнутым уровнем развития цивилизации и самого человека, но тем не менее является тревожной реальностью. Приходится констатировать, что подобные преступления имеют устойчивую тенденцию к росту и являются одним из вызовов, стоящих перед мировым сообществом. Поэтому проблема похищения детей нуждается во всестороннем исследовании и создании системы эффективных правовых и организационно-практических механизмов для предотвращения этого бедствия.

Вряд ли необходимо убеждать друг друга в том, что морально и физически здоровый ребенок – надежная основа для формирования личности современного человека и именно поэтому представляет собой важный общественный интерес. Как правило, похищение несовершеннолетнего нарушает стабильное и социально-гармоничное развитие человека.

Но нынешний глобальный мир с открытыми границами не в состоянии нивелировать разные взгляды на многие стороны жизни и поступки, что неизбежно приводит не только к позитивным, но и отрицательным действиям людей, а порою и государств.

Начнем с того, что особое методологическое значение для раскрытия категории «похищение несовершеннолетнего» представляет анализ содержащейся в нем дихотомии. По отношению к детям содержание данной категории включает в себя два вида деяний: похищение в уголовно-правовом и в гражданско-правовом аспекте. Но если первый вид вытекает из преступления, посягающего на свободу человека вообще, то второй, с учетом правового статуса несовершеннолетнего, является одним из дополнительных критериев преступления совместно с незаконным перемещением и удержанием ребенка.

Гагская конвенция о правах ребенка 1980 года в перечне основных прав, гарантируемых несовершеннолетнему, устанавливает и другие дополнительные права, обладающие особым содержанием. Одним из таких прав является право на

Гуреев И. Г.

Кривенький А. И.

защиту несовершеннолетнего от похищений, то есть право несовершеннолетнего не быть похищенным. В рамках конвенции закреплен также ряд гарантий, обеспечивающих защиту ребенка от незаконного трансграничного перемещения.

В соответствии со ст. 11 Конвенции о правах ребенка на государства-участников возлагается обязанность принимать возможные меры для борьбы с незаконным перемещением и невозвращением детей из-за границы посредством заключения двусторонних соглашений или участия в уже существующих многосторонних соглашениях. Подтверждая важность данной гарантии, разработчики Конвенции практически дословно повторяют данное положение из ст. 35 документа, распространяющее это положение международных соглашений не только на международное, но и на внутригосударственное регулирование государств-участников.

Поскольку, как ни подходит к похищению, это – преступление против ребенка, то нормы права, раскрывающие содержание понятия международного похищения детей, содержатся в национальном уголовном праве государств. Но для более полного раскрытия понятия «похищение детей» следует обращаться также к нормам национального гражданского и еще чаще к нормам международного частного права, которые более точно и конкретно дают возможность выявить освещаемое в статье понятие.

Особый интерес представляет субъектный состав похитителей несовершеннолетних. Ими могут быть как третьи лица, преследующие свои корыстные цели, так и собственные родители или замещающие их иные законные представители.

Похищение несовершеннолетнего независимым субъектом следует рассматривать в рамках общего для всех государств такого вида преступлений, как похищение человека. Но коль скоро ребенок – это также, хотя и несовершеннолетний, но, тем не менее, человек, то применение по отношению к нему общих норм о похищении человека составляет очевидное логическое решение законодателей. С учетом специфики совершения подобного рода деяния в отношении несовершеннолетнего, по общему правилу, устанавливается усиленная уголовная ответственность.

Но если речь идет о характере санкций при похищении ребенка своими собственными родителями, то есть лицами, имеющими «право родительской власти», то эти санкции с точки зрения уголовного законодательства имеют свои особенности для права каждого государства в отдельности. Сравнительно-правовой анализ установления уголовной ответственности за похищение несовершеннолетних своими собственными родителями свидетельствует о наличии в мировой юридической науке и практике трех самостоятельных подходов.

Для первого из них характерным является совокупность специальных норм уголовного права, устанавливающих ответственность за похищение ребенка одним из родителей. Данный подход присущ французскому уголовному законодательству (Code pénal – уголовный кодекс). Он содержит две (IV и VII главы), устанавливающие меры ответственности за похищение несовершеннолетнего [9]. С 224-1 по 224-5-2 статьи IV главы посвящены преступлениям, нарушающим личные свободы, и содержат общий состав похищения человека (ст. 224-5). Статьи с 227-1 по 227-3 VII главы содержат нормы, устанавливающие составы преступлений против несовершеннолетних и семьи и, в соответствии с ними, специальную ответственность для родителей. Дополнительно к названным две статьи (227-6 и 227-7) VII главы устанавливают ответственность за неправомерное тайное изменение места жительства ребенка без ведома другого родителя, а также специальные составы преступлений при похищении несовершеннолетних и уголовную ответственность за подобное преступление, совершенное родственниками по восходящей линии.

В отличие от французского уголовного права, базирующегося на принципе кодификации законодательства, уголовное право США состоит из нормативных актов федерального и регионального уровней и многочисленных прецедентов. Основным источником, затрагивающим проблему похищения несовершеннолетнего своими собственными родителями на федеральном уровне, является Титул 18 Свода законов США, посвященный уголовным преступлениям [8]. Указанный раздел содержит два состава уголовного преступления, содержащего признаки преступления по похищению детей.

Первый состав раскрывается в § 1201 и затрагивает похищение несовершеннолетнего в общем виде – как похищение человека, но с обязательным квалифицирующим признаком, отягчающим вину. В рамках указанной нормы раскрываются признаки уголовного похищения, а также содержатся особые условия, освобождающие родителей детей и иных близких родственников от уголовной ответственности за похищение собственных детей, но только в рамках данного параграфа.

Второй состав преступления содержится в § 1204 и затрагивает вопросы международного похищения детей одним из родителей. Данная норма устанавливает уголовную ответственность за вывоз или оставление одним из родителей несовершеннолетнего, по отношению к которому имеется право опеки у нескольких лиц, за пределы Соединенных Штатов, чтобы воспрепятствовать законному осуществлению родительских прав.

Следует заметить, что уголовная ответственность для родителей в рамках Титула 18 Свода законов США за похищение собственного ребенка не устанавливается. Нормы § 1201 определяют похищение только со стороны постороннего субъекта, у которого, в силу объективных причин, отсутствует право опеки. Однако за перемещение несовершеннолетнего одним из родителей без согласия другого внутри страны – между штатами – ответственность устанавливается целым рядом нормативных актов, определяющих юрисдикцию применимого права, место жительства ребенка, давность перемещения и т.д. Среди них стоит выделить два основных: The Uniform Child Custody Jurisdiction and Enforcement Act (UCCJEA – Единый закон о юрисдикции в отношении опеки над детьми и принудительном исполнении), The International Child Abduction Prevention and Return Act (ICAPRA – Закон о предотвращении международного похищения детей и их возвращении) [12, 13]. По совокупности они образуют законодательную систему, обеспечивающую защиту несовершеннолетних от похищения, унифицируя применяемые нормы в спорах между внутригосударственными субъектами и закрепляя при этом ответственность одного из родителей за нарушение прав опеки и прав доступа другого родителя.

Подобным образом к установлению уголовной ответственности за похищение осуществляется регулирование в Великобритании. В силу прецедентного права указанные признаки были выработаны в судебной практике и их содержание в общем виде совпадает с нормами, содержащимися в законодательстве многих государств. По проблеме похищения несовершеннолетних в Великобритании также существуют отдельные статуты. Один из них устанавливает специальную ответственность как для родителей, похищающих своих собственных детей, так и для третьих лиц. Но опытные эксперты обращают внимание на то, чтобы судебное заключение не содержало обвинительных пунктов сразу по обоим преступлениям [5]. Второй The Child Abduction Act 1984 (Закон о похищении несовершеннолетних) [3] устанавливает уголовную ответственность за похищение детей для стран-участниц унии: первая часть закона содержит нормы для Англии и Уэльса, вторая для Шотландии. В качестве исключения закон указывает, что перемещение несовершеннолетнего по территориям, на которое не получено согласие другого родителя, при определенных обстоятельствах не бу-

дет являться преступлением. Дополнительно акт содержит положения об усиленной ответственности за международное похищение несовершеннолетних. По понятным причинам аналогичным образом регулируется данная проблема и в Австралии [11].

Таким образом, первый подход к установлению уголовной ответственности за похищение несовершеннолетнего определяет общий состав преступления по похищению человека с входящим в него квалифицирующим признаком – похищением детей и включает специальные нормы о похищении родителями собственных детей, что явно свидетельствует о комплексном характере регулирования данной проблемы.

Второй подход законодательного регулирования похищения детей является более узким по сравнению с первым. Заключается он в установлении общего наказания за похищение человека и предусматривает усиленную ответственность за похищение несовершеннолетнего. Но важно подчеркнуть, что в актах имеются нормы, освобождающие от уголовной ответственности родителей, которые похитили собственного ребенка. Такой подход характерен, например, для Федеративной Республики Германии. Уголовное уложение ФРГ содержит ряд статей, посвященных преступлениям против свободы человека [10]. При этом похищение в рамках Уложения распадается на два самостоятельных состава: похищение человека (ст. 234) и похищение малолетних (ст. 235). Первая статья содержит основные признаки деяния о похищении человека, в то время как последующая статья устанавливает условия, согласно которым похищение будет осуществляться именно по отношению к несовершеннолетним. Естественно и то, что устанавливается усиленная уголовная ответственность за международное похищение ребенка. Дополнительно п. 2 ч. 1 ст. 235 Уголовного уложения закрепляет норму, согласно которой похищение наказывается в случае, если оно совершено не родственником несовершеннолетнего. Однако освобождение от уголовного наказания в данном случае осуществляется только при похищении (перемещении) ребенка по внутренней территории государства. Перемещение несовершеннолетнего за пределы ФРГ, согласно ч. 2 ст. 235, уже не будет освобождать лицо от уголовной ответственности даже при наличии родственных связей. Следовательно, в данном случае законодатель подошел к регулированию проблемы похищения со ссылкой на эмоциональный момент в отношении родителей и детей. Подчеркнем, что очевидным минусом правил, характеризующих второй подход, является отсутствие каких-либо принудительных мер восстановления нарушенного права одного из родителей.

В рамках третьего подхода предполагается существование только общего состава преступления при похищении человека, но снова же с более строгой ответственностью за похищение несовершеннолетнего. Характерным, однако, является отсутствие специальных норм, регулирующих похищение ребенка своими собственными родителями, иными родственниками. Такое регулирование свойственно, к примеру, уголовному законодательству Японии, в котором существует только общая норма, затрагивающая похищение человека.

В числе таких стран находится и Российская Федерация. Проблеме похищения детей посвящена глава 17 Уголовного кодекса Российской Федерации. В нее входят нормы о преступлениях против свободы, чести и достоинства личности. Анализируемый состав преступления содержится в статье 126 УК РФ. В пункте «д» указанной статьи предусмотрена усиленная ответственность за совершение такого правонарушения по отношению к заведомо несовершеннолетнему лицу.

Указанная норма не содержит определения похищения. Но раскрывающие его признаки содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда от 24.12.2019 N 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном ли-

шении свободы и торговле людьми». В нем под похищением человека, а равно и несовершеннолетнего, следует понимать его незаконный захват, перемещение, а также последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам [4].

Ее содержит отечественное законодательство и специальных норм, затрагивающих вопросы похищения родителем своего собственного ребенка. В более или менее полной форме нет решения данной проблемы и в семейном законодательстве.

Но начнем с анализа ст. 38 Конституции РФ, закрепляющей положение о том, что забота о детях, а также их воспитание являются как правом, так и обязанностью родителей несовершеннолетних [2]. Расширенное нормативное определение прав родителей по отношению к несовершеннолетнему содержится в 61, 65 – 66 и 68 статьях Семейного кодекса РФ [7]. В общем плане в них устанавливаются пределы осуществления родительских прав, распределение прав и обязанностей родителей по отношению к детям. При этом родительские права у опекунов имеют равную силу по отношению к несовершеннолетнему. Определяются последствия одностороннего изъятия несовершеннолетнего одним родителем у другого, что, естественно, приводит к случаям злоупотребления данным правом. В конечном счете в данном акте предписанные родителям равные права на воспитание вольно или невольно приводят к подмене понятия «похищение» правами на воспитание ребенка.

Приходится констатировать, что по российскому законодательству изъятие ребенка из места его постоянного проживания и перемещение несовершеннолетнего вопреки воле другого родителя не является преступлением и поэтому не квалифицируется по ст. 126 УК РФ. К сожалению, такое положение приводит к возникновению разного рода проблем в правоприменительной практике.

Но обратим внимание на ст. 68 СК РФ. Данная норма предоставляет возможность родителям требовать возврата ребенка от любого лица, удерживающего его у себя без законного на то основания. Однако это правило не содержит в себе возможности требовать возврата ребенка от другого родителя, располагающего равным родительским правом. В конце концов, все сводится к принципу равенства прав и обязанностей родителей по отношению к своим детям. Так, установленный в соответствующих законах многих стран вывод несовершеннолетнего за рубеж без согласия одного из родителей в качестве уголовного преступления по российскому законодательству не будет являться таковым в силу равенства прав. Не разрешает эту проблему и ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», ст. 20 которого не устанавливает требований к обязательному согласию второго родителя. Кстати, существование этой проблемы отмечают многие специалисты [6].

И все же похищение несовершеннолетнего в уголовном праве раскрывается и регулируется в первую очередь на национальном уровне. Нормы международного права, закрепляющие право человека, в том числе и несовершеннолетнего, на защиту от похищения, сосредоточены в актах о международном сотрудничестве в сфере защиты прав и свобод человека от международных преступлений. В ряду основных международных документов, затрагивающих проблему похищения в уголовном аспекте, следует выделить Конвенцию против транснациональной организованной преступности 2000 г., Декларацию о защите всех лиц от насильственных исчезновений, с ее двумя факультативными протоколами, а также универсальные акты, содержащие нормы о праве на защиту свободы человека – Билль о правах, Конвенция о правах ребенка 1989 года.

Перечисленные выше документа устанавливают общие запреты на похищение человека и другие связанные с ним преступления международного характера. Следует сказать

также об организации международного сотрудничества по борьбе с освещаемыми в статье преступлениями, в первую очередь об организации Международной полиции (Интерпол), ведущей активное практическое международное сотрудничество по предупреждению и раскрытию преступлений по похищению как взрослых, так и детей.

Гражданско-правовой аспект похищения возможен только между родителями или иными законными представителями, при котором происходит столкновение родительских прав на воспитание общего ребенка. Известно, что место жительства ребенка определяется местом жительства его родителей. В жизни нередко случается так, что один родитель может злоупотребить данным правом в случае ссоры со вторым родителем, в итоге, место жительства ребенка изменится без его согласия. С точки зрения семейного права такое, с позволения сказать «похищение», является законным. Но дело в том, что в семьях международного характера похищение детей одним из родителей представляет серьезную проблему и требует иной правовой оценки. Ведь супруги могут проживать в разных государствах. Поэтому изъятие ребенка одним из родителей и сокрытие его в стране от второго подпадает под другую правовую оценку, так как различие правовых порядков может обеспечить одному из них право получить преимущество в споре по определению места жительства ребенка.

Разрешение подобного рода споров при различии соответствующего внутреннего законодательства приводит к тому, что зачастую спор, скажем, об опеке, в соответствии с законом должен решаться в стране, куда был перемещен несовершеннолетний, а вынесенное судом решение – в стране, из которой ребенок был похищен, и привести в исполнение на территории другого государства не представляется возможным. Поэтому сами жизненные обстоятельства потребовали разработки и внедрения новых международно-правовых механизмов, которые могли бы более эффективно отвечать требованиям защиты прав похищаемых детей. И незадолго до принятия Конвенции о правах ребенка 1989 года в рамках постоянно действующей Гаагской конференции по международному частному праву был принят по своей правовой природе, можно сказать, революционный документ, обеспечивающий право ребенка на защиту от похищений в гражданско-правовом аспекте. Таким актом стала Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года [1].

Положения принятой в тот исторический период Конвенции, безусловно, содержали инновационный подход к проблеме похищения несовершеннолетних. Так, был уточнен гражданско-правовой аспект похищения детей. Это перемещение или удержание, осуществляемые с нарушением прав опеки, которыми были наделены какое-либо лицо, учреждение или иная организация, совместно или индивидуально, в соответствии с законодательством государства, в котором ребенок постоянно проживал до его перемещения или удержания.

Особенностью гражданско-правового содержания похищения до принятия данной конвенции было нарушение не только прав ребенка на всестороннее развитие в привычной ему обстановке, но и право родителя, у которого изымали несовершеннолетнего, на общение со своим ребенком. Новым положением Гаагской конвенции стало то, что, возвращая несовершеннолетнего в место его привычного пребывания, ее нормы обеспечивают право потерпевшего родителя на рассмотрение спора об опеке в суде той страны, откуда несовершеннолетний был перемещен.

С помощью инновационного понимания похищения Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года снивелировала коллизию равенства прав родителей на воспитание, создав эффективный механизм возвращения похищенного ребенка. Была ограничена, таким

образом, реальная возможность одного из родителей злоупотреблять своими правами по отношению к другому. Применение конвенции даже при отсутствии внутригосударственных гарантий на защиту от похищения детей одним из родителей (что, как отмечалось, установлено в отечественном правовом порядке) позволяет в конце концов восстановить статус-кво, а самое главное обеспечить права как детей, так и родителей.

Относительно конвенционной защиты прав несовершеннолетних от похищений и практического восстановления нарушенных прав родителей и детей мы намерены продолжить разговор с читателем в следующей статье.

Пристатейный библиографический список

1. Бюллетень международных договоров. 2013. № 1.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с изм. от 14 марта 2020 года №1-ФКЗ) // Российская газета от 4 июля 2020 года. № 144.
3. Официальный источник опубликования законов Великобритании: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/37?view=extent>.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. Март. 2020.
5. Преступление общего права в виде похищения. Примечания к практике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lexisnexis.co.uk/legal/guidance/com-mon-law-offence-of-kidnapping>
6. Саранов А.В. Похищение ребенка вторым родителем: «слабое звено» закона // Адвокатская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pokhishchenie-rebenka-vtorym-roditelem-slaboe-zveno-zakona/> (дата обращения: 17.05.2021) и др.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
8. Свод законов США. CornellLawSchool: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/>.
9. Уголовный кодекс Франции. Официальный источник опубликования: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/2021-11-01/.
10. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/lshellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf.
11. David A Chaikin, International extradition and Parental child abduction. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.corteidh.or.cr/tablas/a16254.pdf>.
12. ICAPRA. Department of State: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://travel.state.gov/content/dam/NEWIPCAAssets/pdfs/International%20Child%20Abduction%20Prevention%20and%20Return%20Act%20\(1\).pdf](https://travel.state.gov/content/dam/NEWIPCAAssets/pdfs/International%20Child%20Abduction%20Prevention%20and%20Return%20Act%20(1).pdf).
13. UCCJEA. Department of State: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://travel.state.gov/content/dam/NEWIPCAAssets/pdfs/uccjea_final_97.pdf.

КЕНГЕРЛИ Исмаил Илхам оглы

докторант кафедры конституционного права Юридического факультета Бакинского Государственного Университета, Азербайджанская республика

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В данной статье анализируются теоретические и международно-правовые аспекты национальной безопасности. В статье обоснована необходимость и актуальность успешного решения стратегических задач в области национальной безопасности при сложной, противоречивой и кризисной стадии развития, наблюдаемой в современном мире, рассмотрены доктринальные подходы к понятию «национальная безопасность» и даны различные определения национальной безопасности. По мнению автора, понятие «государственная безопасность» выступает как родовое понятие по отношению к понятию «безопасность государства». То есть понятие «государственная безопасность» как видовое понятие, охватывается понятием «безопасность государства», которое является родовым понятием. Понятие «национальная безопасность» по сути является синонимом понятия «государственная безопасность».

Отмечается, что национальную безопасность можно более эффективно обеспечить за счет полного выполнения тесно связанных стратегических национальных приоритетов. Круг таких приоритетов часто определяется стратегией национальной безопасности. С этой точки зрения подчеркивается, что принятие такой стратегии важно с точки зрения формирования политики национальной безопасности и стратегических национальных приоритетов, более адекватных угрозам современности. Также в статье обосновывается такая позиция, что международная безопасность может быть обеспечена только при безоговорочном и однозначном соблюдении общепринятых норм и принципов международного права в рамках имеющего механизм реального применения международного правопорядка, далекого от двойных стандартов.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, государственная безопасность, международная безопасность, теоретические аспекты национальной безопасности, международно-правовые аспекты национальной безопасности, национальные интересы, угрозы национальной безопасности.

KANGARLI İsmayıl İlham

doctoral student of the Constitutional law sub-faculty of the Law Faculty of the Baku State University, Republic of Azerbaijan

THEORETICAL AND INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF NATIONAL SECURITY

This article analyses the theoretical and international legal aspects of national security. The article justifies the necessity and relevance of successful solution of strategic tasks in the field of national security at a complex, contradictory and crisis stage of development observed in the modern world, considers doctrinal approaches to the concept of "national security" and gives various definitions of national security. According to the author, the concept of "State security" acts as a generic concept in relation to the concept of "State security." That is, the concept of "state security" as a species concept is covered by the concept of "state security," which is a generic concept. The concept of "national security" is essentially synonymous with "State security."

It is noted that national security can be better achieved through the full implementation of closely related strategic national priorities. The range of such priorities is often determined by the national security strategy. From this point of view, it is emphasized that the adoption of such a strategy is important from the point of view of the formation of national security policies and strategic national priorities, which are more adequate for the threats of our time. The article also justifies such a position that international security can be ensured only with unconditional and unequivocal observance of generally accepted norms and principles of international law within the framework of a mechanism of real application of the international legal order, far from double standards.

Keywords: security, national security, state security, international security, theoretical aspects of national security, international legal aspects of national security, national interests, threats to national security.

Понятие «национальная безопасность» как родовое понятие многогранно по своему содержанию, и включает такие видовые понятия, как «национальный интерес», «угроза национальной безопасности» и «система обеспечения национальной безопасности». В настоящее время не сформировано единого и однозначного определения понятия «национальная безопасность». Следует отметить, что разное толкование понятия «национальная безопасность» вводит в заблуждение рядовых граждан, профессионалов и руководителей, а также не позволяет сформировать более оптимальную, научно обоснованную систему национальной безопасности. Это, в свою очередь, так или иначе отражается на реализации мер, направленных на обеспечение национальной безопасности. В этом отношении использование единого понятийного аппарата позволяет четко, недвусмысленно и однозначно формулировать концепции национальной безопасности и ее видов и может еще больше повысить практическую эффективность мер по обеспе-

чению национальной безопасности на требуемом сегодня уровне.

В юридической литературе справедливо утверждается, что теоретические и практические вопросы, относящиеся к обеспечению национальной безопасности, требуют комплексного подхода, отражающего как общетеоретические исследования и достижения отраслевых наук, так и практические потребности в интересах личности, общества и государства. В целом, эти вопросы приобретают актуальность в связи с расширением и изменением безопасности, появлением новых угроз и вызовов, динамическими изменениями в международном геополитическом пространстве. Однако, в науке пока нет общего концептуального представления правовой природы, сущности и содержания национальной безопасности, а также механизма ее обеспечения. Неспособность решить данный вопрос не позволяет устранить коллизии в действующем законодательстве, а также несоответствия в правоприменительной деятельности. Это, в свою очередь,

отрицательно сказывается на эффективном обеспечении национальной безопасности [24, с. 4].

Национальная безопасность – это системная категория. По этой причине разработка единой концепции данной категории требует системного подхода. Это может обеспечить эффективность национальной безопасности в целом. Следует отметить, что различные подходы к структуре этой системы можно найти в юридической литературе. Например, показано, что предметная область безопасности окончательно не определена и не является стабильной. Некоторые авторы выделяют 16 предметных областей (подсистем) системы национальной безопасности [1; 10, с. 17; 21]. В целом, безопасность выступает как одна из важнейших и актуальных категорий науки, в особенности юридической науки.

В.И. Митрухин определяет безопасность как меры охраны личности, социальных групп, государства, общества, в целом среды жизнедеятельности цивилизации, чести, достоинства, ценностей [15, с. 1]. Безопасность выступает как важная цель и фундаментальная потребность, как отдельного человека, так и различных объединений людей. С незапамятных времен проблема безопасности возникла как особое социальное явление, которое усиливалось и расширялось по мере роста угроз и опасностей для граждан, исходящих, как от внутренних, так и от внешних врагов. Обеспечение безопасности остается одной из важных обязанностей и функций общества, государства, семьи и личности [8, с. 134]. Термин «безопасность» был впервые определен в 1190 году в словаре английского философа Роббера как «спокойное состояние души человека, который считает себя защищенным от любой опасности».

Согласно Платону, внутренняя безопасность – лишь одно из направлений деятельности по обеспечению социальной стабильности. Платон считал, что государство должно уделять особое внимание борцам, обеспечивающим его внешнюю безопасность. Причина состояла в том, что они защищают государство от внешних врагов. Аристотель также усматривал внутреннюю безопасность в социальной стабильности, а главную угрозу социальной стабильности видел в неправильном государственном устройстве. Демокрит считал, что безопасность – это способность человека адаптироваться к определенным условиям жизни, и что в основе интеграции человека в общество лежит необходимость повышения уровня защиты.

В Билле о Правах 1689 года (Англия) безопасность была связана с миром и сосуществованием наций, и благосостоянием государства. Декларация независимости (США) 1776 года провозгласила обязанностью правительства обеспечить безопасность и счастье людей. В своих работах И. Кант считал необходимость различать внутреннюю и внешнюю безопасность государства и гражданского общества, взаимозависимость национальной безопасности каждого государства с безопасностью международного сообщества, доктрину единого мира как единственной основы безопасности [12, с. 257-311].

Первая и Вторая мировые войны актуализировали вопросы обеспечения системы коллективной безопасности. Например, Лига Наций, возникшая после Первой мировой войны, и Организация Объединенных Наций, пришедшая на смену ей после Второй мировой войны, были призваны решать вопросы обеспечения коллективной безопасности на уровне мирового сообщества. Ситуация еще более осложнилась с началом «холодной войны», возникшей между СССР и США, которая разделила весь мир на две сферы влияния. Однако, уже в начале 50-х годов гонка вооружений и, в частности, появление атомного оружия, стали основой для принятия Постоянным Комитетом Всемирного конгресса сторонников мира «Стокгольмской Декларации», в которой содержались требования о запрете атомного оружия и установлении международного контроля в этой области [13, с. 77; 26, с. 14]. Расширение документального закрепления понятия «безопасность» относится к 1970-м годам. Так, в Хельсинкском Заключительном Акте по Безопасности и Сотрудничеству в Европе были закреплены принципы безопасности,

включающие в себя такие элементы, как права и свободы человека или экологическая безопасность [11].

Первое место среди приоритетных целей каждого государства на международной арене, естественно, занимает обеспечение собственной национальной безопасности. Считается, что термин «национальная безопасность» был впервые введен в 1904 году президентом США Т.Рузвельтом. Так, в послании президента США Конгрессу в 1904 году говорилось о присоединении США к зоне Панамского канала, что было обосновано интересами национальной безопасности США. Официально термин «национальная безопасность» появился в 1947 году с принятием Закона США «О Национальной Безопасности».

Национальная безопасность включает в себя оборону страны и совокупность всех видов безопасности, предусмотренных ее Конституцией и действующими законами. Сторонники экстенсивного подхода к национальной безопасности особо отмечают роль и необходимость учета экономических и экологических опасностей, угрожающих ее обеспечению. Кроме того, считается, что на фоне углубления процессов глобализации – международная преступность, распространение оружия массового уничтожения, обостренные ситуации с загрязнением окружающей среды, расширение торговли оружием и другие факторы также стали серьезными угрозами для национальной безопасности.

Постмодернисты справедливо отмечают, что традиционный подход к концепции безопасности (обеспечение внешней и внутренней стабильности и целостности) уже недостаточен перед лицом новых глобальных угроз. Сегодня понятие внешних угроз значительно расширилось. К таким угрозам относятся международный терроризм, экологические катастрофы, нехватка питьевой воды, углубление неравенства в мире, нерегулируемые миграционные потоки и так далее. То есть: роль территориального фактора в политике уменьшилась и уступила место другим факторам. Сегодня невозможно не включить экономику, культуру, имидж государства и его социальную стабильность в понятие национальной безопасности. Постмодернисты отмечают, что эгоистичный подход школы политического реализма, основанный на верховенстве государственного суверенитета, только разжигает современные конфликты и не предлагает решений. Подход, основанный на общих интересах и ценностях, а не на географических и территориальных факторах, более позитивен и может обеспечить мирное развитие мирового сообщества [7, с. 78-107; 6; 27, с. 1-17].

К стратегическим целям обеспечения национальной безопасности С.С.Санникова относят: сохранение основ конституционного строя; защиту основных прав и свобод человека и гражданина; защиту государственного суверенитета, независимости и территориальной целостности; обеспечение мира, политической и социальной стабильности [19, с. 15].

В условиях стремительных изменений, происходящих в мире, отдельные государства и человечество в целом сталкиваются с такими угрозами, как терроризм, этнический сепаратизм и конфликты, рост транснациональной организованной преступности, распространение оружия массового уничтожения, истощение природных ресурсов, неуклонное увеличение численности и массовая миграция населения, загрязнение окружающей среды и др. Эти факторы обуславливают необходимость определения приоритетов каждого государства, рисков для безопасности, реализации адекватных мер по предупреждению и устранению этих рисков.

Из доктринальных подходов к целям и задачам национальной безопасности и соответствующего опыта, накопленного зарубежными странами, видно, что функциональное назначение системы национальной безопасности состоит, в основном, в следующем:

- выявление и ранжирование по значимости жизненно важных, долгосрочных и краткосрочных интересов;
- выявление, прогнозирование, оценка и ранжирование по значимости потенциальных и реальных внутренних и внешних угроз;
- принятие необходимых и достаточных мер по защите национальных интересов, адекватных уровню угроз;

– создание условий, благоприятных для жизни и развития отдельного гражданина, народа и государства в целом;

– анализ, оценка и прогнозирование негативных и позитивных факторов национальной безопасности и их влияния на ситуацию национальной безопасности и их учет при выборе методов защиты государства и граждан [22, с. 146-155].

Эти данные также подтверждают необходимость целенаправленного подхода к национальной безопасности.

Целенаправленный программный подход к национальной безопасности предусматривает решение следующих четырех задач: 1) обоснование оптимальных интегральных показателей и их возможных искажений; 2) обеспечение определения этих показателей путем разработки и реализации целевых программ; 3) контроль текущего назначения интегральных показателей в соответствии с их возможным объемом; 4) сохранение его истинных интегральных характеристик в области приемлемого назначения национальной безопасности [2, с. 84-96]. Ряд серьезных изменений, различных рисков и вызовов, произошедших в конце XX – начале XXI века как на международном, региональном, так и на межгосударственном уровнях, значительно повысили внимание к вопросам обеспечения национальной безопасности как в доктринальной, так и в практической плоскости. Новые риски, угрозы и вызовы, возникающие в XXI веке, требуют более эффективной и реалистичной стратегии международной безопасности.

В международных отношениях постоянно происходят различные изменения, стираются границы между международными и внутригосударственными вопросами. Традиционно безопасность характеризовалась как защита государства от вооруженного нападения извне. В качестве основных факторов выступали: состояние вооруженных сил страны, наличие военных союзников, размер военного бюджета, стратегия ведения войны и др. Большое значение имел военный фактор. Государства стремились сохранить баланс сил. Это еще больше увеличило темп гонки вооружений. Такой подход был связан с попытками доминирования в военной сфере. Военная борьба выступала как один из вечных и важных факторов мировой истории. Именно проблемы войны и мира были в центре внимания государственных деятелей и мыслителей. Прошло много времени, но роль государств в обеспечении безопасности не изменилась. И теперь

любой вопрос международной политики связан с проблемой безопасности [20, с. 182; 23, с. 79; 5, с. 36].

Еще с древних времен существовало такое представление, что весь мир живет и развивается благодаря соразмерности и гармонии больших противоположных сил, находящихся в равновесии. Если нарушится равновесие, весь мировой план рухнет. Древние философы понимали, что даже малейшие изменения, нарушающие гармонию, могут в значительной степени подвергнуть мир изменению и загнать его в хаос. А по соображениям, возникшим в XX веке, неустойчивое состояние системы так же реально, как и сама гармония. Поэтому что, развиваясь, неизбежно проходят этапы перестройки, во время которых происходит перегруппировка сил и начинается поиск нового состояния равновесия. Одна из сил начинает доминировать. Это приводит к разрушению существующей структуры. Затем происходит гармонизация, восстанавливается равновесие. Однако, данное равновесие уже проявляется в новом, качественно ином состоянии. Теории динамических систем, возникшие в этот период, изменили традиционные представления о стабильности и инерции мира. Нарушая баланс взаимозависимого мира, любой член мирового сообщества сталкивается с необходимостью максимально обезопасить себя от сиюминутного хаоса, сохранить свой потенциал и не упустить возможности для развития [17, с. 3].

Большую роль в осознании истинной ценности безопасности сыграл драматический опыт двух мировых войн, «холодной войны» и XX века, когда произошли многочисленные локальные конфликты и войны. В результате Европейский и мировой порядок трижды подвергался радикальным изменениям, и каждый раз мировое сообщество вынуждено было формировать новые процедуры и институты обеспе-

чения международной безопасности. При этом, каждый раз менялся и набор политических субъектов, от деятельности которых зависела степень достигнутой безопасности. Связь между проблемами безопасности и концепциями свободы и равенства в межгосударственных отношениях стала рассматриваться в новых аспектах. В результате, структуры и механизмы безопасности, которые должны координировать действия членов мирового сообщества, стали более комплексными. Опыт, достигнутый в обеспечении безопасности, выявил особую важность и ответственность адресной политики ведущих мировых государств, которые заявляют о своей роли «производителя» концепций безопасности и их гаранта. Безопасность стала многоуровневой и сопровождалась некоторыми ценностными ориентациями, определяющими тот или иной политический процесс. Следует отметить, что под влиянием драматического опыта, накопленного в XX веке, безопасность стала восприниматься всеми как один из важных элементов и условий устойчивого мироустройства и социального развития [17, с. 4]. Из вышесказанного ясно, что со временем проблема международной безопасности становится все более противоречивой и сложной.

Первые термин «международная безопасность» был закреплен в соглашении Брайана Келлога «Об отказе от войны как инструмента национальной политики», подписанном 27 августа 1928 года. В этом соглашении международная безопасность определялась как институт, предотвращающий войны и предотвращающий их возникновение. Под международной безопасностью понимается такое состояние международных отношений, при котором обеспечивается нормальная жизнедеятельность мирового сообщества, устойчивое развитие и сотрудничество народов, государств, международных объединений, надежная защита жизненно важных интересов каждого из них от возникающих угроз [14]. Международная безопасность представляет собой систему международных отношений, при которой во всем мире обеспечиваются мир, безопасность, устойчивое развитие, суверенитет, независимость государств, равноправное взаимодействие друг с другом. Международная безопасность может быть обеспечена только при безоговорочном и однозначном соблюдении общепринятых норм и принципов международного права в рамках международно-правовой нормы, имеющей механизм реального применения, далекой от двойных стандартов.

В одном из докладов, подготовленных в рамках Организации Объединенных Наций, справедливо указывается, что международная безопасность складывается из совокупности национальных безопасности всех государств мира и каждого из них в отдельности [9]. А.И. Назарова пишет: «Нельзя упускать из виду тот факт, что обеспечение национальной безопасности конкретного государства тесно связано с обеспечением международной безопасности. Причина состоит в том, что на государственном уровне возможны такие угрозы, которые впоследствии могут перерасти в международные и повлиять на международную безопасность в целом» [18, с. 859-861]. Естественно, это мнение автора вполне логично и обоснованно. Аналогичный подход однозначно поддерживается большинством специалистов по международному праву. В наше время безопасность приобретает все более международный характер. Это обусловлено нынешним состоянием мира. Таким образом, в нынешних условиях безопасность одной страны не может оставаться вне внимания других, а также не влиять на их состояние. А.Ф. Мухаметов характеризует международную безопасность как систему международных отношений, основанную на соблюдении всеми государствами общепризнанных принципов и норм международного права, исключающую разрешение спорных вопросов и разногласий между ними силой или с применением угрозы [16].

Нельзя отождествлять понятия «международная безопасность» и «глобальная безопасность». Войны долгое время выступали в качестве главной угрозы безопасности во всем мире. А между государствами происходит войны. Так как сфера межгосударственных отношений является сферой международных отношений, безопасность в этой сфере обозначается термином «международная безопасность». Одна-

ко, уже в XXI веке ситуация изменилась. Появились негосударственные элементы, способные создать угрозу всему миру, человечеству. Например, международные террористические организации, некоторые транснациональные корпорации, ряд неправительственных организаций, не подконтрольных государствам, и т.п. С другой стороны, сегодня угрозами безопасности человечества являются не только войны. Сюда же можно отнести многочисленные угрозы невоенного характера: изменение климата, загрязнение окружающей среды, истощение ресурсов, незаконный оборот наркотиков, транснациональная преступность, эпидемии (всем известно с какими опасностями сталкивается мир и все человечество из-за эпидемии Covid-19, и это не нуждается в широком толковании), стихийные бедствия, незаконная торговля людьми, кибератаки, возможность выхода искусственного интеллекта из-под контроля и т.д. Угрозы как военного, так и невоенного характера, связанные с деятельностью негосударственных субъектов, создают угрозу уже не для международной, а глобальной безопасности, то есть выходят за границы той сферы, которую охватывают межгосударственные отношения. С учетом всего сказанного, считаем целесообразным использовать в настоящее время именно термин «глобальная безопасность», а не «международная безопасность» для того, чтобы обозначить безопасность для всего мира и человечества.

Бывший Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннун сказал в одном из своих докладов: «В XXI веке к угрозам миру и безопасности относятся не только международные войны и конфликты, но и насилие в отношении гражданского населения, организованная преступность, терроризм и оружие массового уничтожения. К ним также относятся бедность, смертельные инфекционные заболевания, деграляция окружающей среды. Причина кроется в том, что эти события имеют не менее катастрофические последствия. Все эти угрозы могут привести к гибели людей или снижению шансов на выживание в их многочисленных местах обитания. А все они могут подорвать государство как основную единицу международной системы» [28, с. 111].

Сложившаяся ситуация в мире характеризуется динамичным преобразованием системы международных отношений. После распада двухполярного мирового порядка стали преобладать две тенденции, исключая друг друга. Первая тенденция проявляется в укрупнении экономических и политических позиций значительного числа государств и их интеграционных объединений, совершенствовании механизмов многостороннего управления международными процессами. В это время решающую роль играют экономические, политические, научно-технические, экологические и информационные факторы. Вторая тенденция выражается в создании структуры международных отношений в международном сообществе, основанной на доминировании развитых стран Запада под руководством США. Эта тенденция направлена на решение основных проблем мировой политики в одностороннем порядке, особенно с помощью военной силы, игнорируя нормы международного права. Любое государство заботится о своей безопасности, чтобы поддерживать свое суверенное существование среди других государств. Однако природа современного оружия не дает ни одному государству надежды обеспечить свою безопасность только военными средствами, за счет увеличения своих вооруженных сил. Во время ядерной войны, если она начнется, вся человеческая цивилизация будет в опасности, и в этой войне не будет победителя. В связи с этим следует отдавать большее предпочтение использованию политико-правовых рычагов в обеспечении безопасности государств [25, с. 76-77]. Процессы глобализации приводят к неравномерному развитию государств. Уровни благосостояния населения государств с разными уровнями развития также различны, между этими уровнями возникает резкий разрыв. В результате, обостряются как внутрисостоятельные, так и межгосударственные противоречия. Все это прямо или косвенно влияет на международную безопасность. В связи с этим, в условиях современной глобализации актуальность вопросов, связанных с правом международной безопасности, возрастает еще больше.

Международное право безопасности является отраслью международного права и представляет собой совокупность

норм, регулирующих отношения, возникающие между государствами в связи с обеспечением международного мира и безопасности, и направленных на обеспечение как международной, так и национальной безопасности.

В основе права международной безопасности лежат нормы международного общего права, исключая применение силы для разрешения споров между государствами.

Устав ООН является руководящим актом международного права безопасности. Первый абзац статьи 1 Устава гласит, что «для поддержания международного мира и безопасности и с этой целью, следует принимать эффективные коллективные меры по предотвращению и устранению угрозы миру, а также по пресечению актов агрессии и других нарушений мира; основные цели организации - «достижение урегулирования или урегулирования ситуаций мирными средствами в соответствии с принципами справедливости и международного права». Устав ООН также устанавливает основные принципы права международной безопасности. Сюда входят, прежде всего, принципы мирного урегулирования споров и неприменения силы (или угрозы применения силы).

В международно-правовой литературе справедливо показано, что основу права международной безопасности составляют общепризнанные принципы современного международного права:

- неприменение силы или угрозы применения силы;
- территориальная целостность государств;
- неприкосновенность государственных границ;
- невмешательство во внутренние дела государств;
- мирное разрешение споров;
- сотрудничество между государствами.

Наряду с упомянутыми общепризнанными принципами международного права существуют и специфические, отраслевые принципы права международной безопасности. К отраслевым принципам права международной безопасности специалисты в области международного права относят: принцип неделимости международной безопасности; принцип не причинения вреда безопасности других государств; принцип равной и одинаковой безопасности [4, с. 230-232]. Совершенствование функций и механизмов деятельности ООН по обеспечению международного мира и безопасности путем максимального соответствия современным глобальным вызовам безопасности выступает в качестве одной из важнейших задач, решением которых должно находиться в сфере права международной безопасности. Мир радикально меняется, и вместе с ним должно измениться и международное право. В рамках существующего международного порядка главенствующую роль по-прежнему играют суверенные государства. И решающим аргументом является сила. Международные же организации по-прежнему вынуждены действовать в рамках своих мандатов и находятся под влиянием сильных государств или групп, имеющих большинство голосов. Тем не менее, в контексте международного права на оборону и безопасность существуют возможности для структурных изменений в содержании и процедурах международного права [3]. Такие реформы действительно необходимы. Причина в том, что кризисное состояние международного права и международного миропорядка также привело к крайнему ослаблению международной системы безопасности и значительному повышению уровня опасности, угрожающей глобальному миру и безопасности.

Эффективное положение о верховенстве международного права тесно связано с безоговорочным соблюдением всеми государствами мира общепризнанных норм и принципов международного права, без каких-либо исключений, привилегий, дискриминации, двойных стандартов. В фундаменте нового правового порядка лежит не силовой фактор, а международные отношения, основой которых служит взаимное уважение, в частности, суверенное равенство, сотрудничество, многосторонняя дипломатия, диалог и другие подобные факторы. Национальная безопасность и международная безопасность находятся в диалектическом единстве. Они взаимодействуют и зависят друг от друга, причем одно обуславливает другое. Поэтому каждое государство при реализации своей внешней политики, наряду со своей национальной без-

опасностью должно всесторонне учитывать интересы международного мира и безопасности, а также действовать в рамках общепринятых принципов международного права в целом, отраслевых принципов права международной безопасности как отрасли этого права. Сегодня в мире появились новые, ранее не существовавшие угрозы и вызовы. Система ООН и действующее международное право де-факто не адекватны сложившимся современным международным реалиям. Поэтому глобальные механизмы безопасности также оказались бессильны перед этими угрозами. В связи с этим возникает серьезная необходимость в совершенствовании как международного права, так и международной системы управления, а также механизмов международной безопасности и адаптации де-факто к формирующимся современным международным реалиям.

Таким образом, обобщение всех мнений, изложенных в данной статье, позволяет сделать следующие выводы.

1. Успешное решение стратегических задач в сфере национальной безопасности крайне необходимо и актуально на сложном, противоречивом и кризисном этапе развития, который наблюдается в современном мире.

2. Понятие «национальная безопасность» будучи по своему содержанию многоаспектным родовым понятием, охватывает такие понятия, как «национальный интерес», «угроза национальной безопасности» и «система национальной безопасности».

В настоящее время не сформировано единого и однозначного определения понятия «национальная безопасность». Учитывая, что в доктрине не сформулирован целостный подход к национальной безопасности, ее сущность рассматривается в различных аспектах: а) необходимый атрибут государства в качестве системы; б) отсутствие опасностей, угрожающих личности, обществу и государству (их интересам); в) обеспечение обороны страны; г) основополагающее условие стабильности, устойчивого развития и благополучия в обществе и т.д. Следует отметить, что различные объяснения понятия «национальная безопасность» вводят в заблуждение рядовых граждан, специалистов и руководящих лиц, а также не позволяют сформулировать более оптимальную, научно обоснованную систему национальной безопасности. Это, в свою очередь, так или иначе отражается на процессе реализации мер, которые направлены на обеспечение национальной безопасности. Принимая во внимание эту точку зрения, использование единого концептуального аппарата позволяет в четкой, ясной и однозначной форме сформулировать понятия, относящиеся к национальной безопасности и ее видам, еще больше повысить практическую эффективность мер по обеспечению национальной безопасности на требуемом сегодня уровне.

3. По нашему мнению, национальная безопасность представляет собой способность реализации конституционных прав и свобод граждан, их достойного уровня жизни, конституционный строй государства, суверенитет, независимость, как первостепенное условие территориальной целостности, стабильности, устойчивого развития и благополучия в обществе, защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз и способность адекватно реагировать на эти угрозы (своевременное выявление, предотвращение и нейтрализация их последствий с помощью комплекса соответствующих мер).

4. Несмотря на то, что в действующем в нашей республике законодательстве и юридической литературе используются такие различные термины, как «безопасность», «государственная безопасность», «безопасность государства», «национальная безопасность», ещё не сформирован научно обоснованный единый подход к пониманию этих терминов, их содержанию и соотношению.

Считаем что, понятие «государственная безопасность» выступает в качестве родового понятия по отношению к понятию «безопасность государства». То есть, понятие «государственная безопасность» как видовое понятие охватывается понятием «безопасность государства», которое является

родовым понятием. Понятие «национальная безопасность», по сути, является синонимом понятия «безопасность государства». Не случайно в Законе Азербайджанской Республики «О национальной безопасности», в качестве объектов национальной безопасности отдельным образом указываются человек, общество и государство. Как видно из содержания статьи 2.0.3 вышеупомянутого закона, государственная безопасность, главным образом, относится к обеспечению его независимости, суверенитета, конституционного строя и территориальной целостности. Как известно из теории государства и права, существуют три основных признака, характеризующих государство, – это территория, суверенная власть и население. Если два упомянутых здесь признака, а именно территориальный и суверенный, говорят о власти, то третий признак, а именно население (люди, общество), не охвачен, а обозначается как отдельные объекты. Однако, поскольку население является одним из главных признаков государства и согласно статье 1 Конституции Азербайджанской Республики единственным источником государственной власти выступает народ, без безопасности населения не может быть обеспечена безопасность государства, то есть – национальная безопасность, в целом. Таким образом, изложенное можно сформулировать лаконично следующим образом: безопасность общества (людей) + государственная безопасность = безопасность государства = национальная безопасность.

5. В отличие от ряда развитых зарубежных стран, в нашей республике проблема безопасности изучается не в рамках отдельной учебной дисциплины. Эта наука и область преподавания еще находятся на стадии становления, предмет и особенности которой не были четко определены.

6. Национальную безопасность можно еще эффективнее обеспечить через полное достижение стратегических национальных приоритетов, тесно связанных между собой. Круг таких приоритетов зачастую определяется стратегией национальной безопасности. Стратегия национальной безопасности, как правило, включает в себя основные направления политики национальной безопасности государства, совокупность концептуальных, доктринальных и нормативных положений по защите интересов личности, общества и государства от всех угроз, по обеспечению условий, которые необходимы для их нормальной жизнедеятельности и устойчивого развития. Мы считаем, что принятие такой стратегии в нашей республике было бы важным с точки зрения формирования политики национальной безопасности и стратегических национальных приоритетов, более адекватных угрозам современности.

7. Безопасность выступает как одно из самых необходимых условий существования каждой страны, нации. Безопасность означает не только ситуацию, когда нет войны. Безопасность представляет собой состояние, при котором наряду с миром воцаряется справедливость, в полной мере соблюдаются права и свободы человека, снижается уровень бедности и заболелости, происходит рост эффективности государственного управления и, как следствие, повышается уровень благосостояния в обществе. К сожалению, на сегодняшний день в мире еще не определен механизм, способный обеспечить людям полноценное безопасное существование. Несмотря на то, что человечество предпринимало немало попыток в этом направлении. В качестве наиболее яркого примера можно привести создание Организации Объединенных Наций.

8. Если каждое государство хочет еще больше укрепить свою безопасность, то единственной задачей, стоящей перед ним, должно быть не только развитие военной промышленности. Ведь как показывает практика, такой подход, будучи односторонним, зачастую не приводит к должному результату. Для более эффективного обеспечения национальной безопасности наряду с наращиванием военной мощи в комплексе должны решаться и другие важные задачи: обеспечение устойчивого развития экономики; достижение идеологического превосходства; реализация прогрессивной социальной политики, направленной на благосостояние граждан; создание совершенной законодательной базы, которая адекватна требованиям дня, характеру существующих общественных

отношений; умелое использование положительных сторон последних достижений научно-технического прогресса (современных информационно-коммуникационных технологий), а также своевременная и эффективная нейтрализация их негативного воздействия, и др.

9. Приоритеты национальной безопасности прямо и косвенно связаны с приоритетами устойчивого развития. Устойчивое развитие следует характеризовать как одну из высших целей политики национальной безопасности, а также как одно из средств в деле обеспечения национальной безопасности. С этой точки зрения, считаем целесообразным в тексте статьи 1 Закона Азербайджанской Республики «О национальной безопасности» после слова «защиты» внести дополнение «а также устойчивого социально-экономического развития Азербайджанской Республики на долгосрочную перспективу».

10. Для достижения в полной мере целей в сфере национальной безопасности крайне важным условием является комплексная и эффективная реализация задач, стоящих перед системой национальной безопасности. Здесь необходимо особо отметить необходимость целенаправленного программного подхода к обеспечению национальной безопасности.

Основой системы безопасности каждой страны является баланс интересов личности, общества и государства. Решение этих задач возможно при условии обеспечения гармоничной системы законодательных актов по защите интересов субъектов правоотношений и механизмов, созданных на их основе. В систему обеспечения безопасности входят силы и средства, действующие на основе заранее разработанных формально закрепленных принципов. То есть: как и все системы, функционирование системы безопасности должно основываться на четко выраженных принципах.

11. Проблемы национальной безопасности занимают важное место в определении как внешнеполитических, так и геополитических целей Азербайджана, и составляют основные приоритеты в этом направлении. С учетом вышеизложенного, можно показать, что обеспечение национальной безопасности, защита суверенитета и территориальной целостности страны, укрепление ее имиджа на международной арене можно считать приоритетными направлениями и целями как ее внешней политики, так и национальной безопасности.

12. Ряд серьезных изменений, различных рисков и вызовов, произошедших в конце XX-начале XXI веков, как на международном, региональном, так и на межгосударственном уровнях, значительно повысили внимание, проявляемое к вопросам обеспечения национальной безопасности как в доктринальной, так и в практической плоскости. Новые риски, угрозы и вызовы, возникающие в XXI веке, требуют более эффективной и реалистичной стратегии международной безопасности. Необходимо прринять во внимание, что процессы глобализации в значительной степени изменили традиционные взгляды на вопросы, которые связаны с национальной и международной безопасностью.

13. Международная безопасность представляет собой систему международных отношений, при которой во всем мире обеспечиваются мир, безопасность, устойчивое развитие, суверенитет, независимость государств, равноправное взаимодействие друг с другом. Международная безопасность может быть обеспечена только при безоговорочном и однозначном соблюдении общепринятых норм и принципов международного права в рамках имеющего механизм реального применения международного правопорядка, далекого от двойных стандартов.

14. В наше время безопасность приобретает всё более растущий международный характер. Это обусловлено нынешним состоянием мира. Таким образом, в нынешних условиях безопасность одной страны не может оставаться вне внимания других, а также не влиять на их состояние.

15. Нельзя отождествлять понятия «международная безопасность» и «глобальная безопасность». Войны долгое время выступали в качестве главной опасности, которая угрожает безопасности во всем мире. А между государства-

ми происходят войны. Вследствии того, что сфера межгосударственных отношений является сферой международных отношений, безопасность в этой сфере обозначается термином «международная безопасность». Однако, уже в XXI веке ситуация изменилась. Появились внегосударственные элементы, способные создать угрозу всему миру, человечеству. Например, международные террористические организации, некоторые транснациональные корпорации, ряд неправительственных организаций, не контролируемых государством, и так далее. С другой стороны, опасности, угрожающие безопасности человека в нынешнее время, – это не просто войны. К ним относятся ряд невоенных угроз: изменение климата, загрязнение окружающей среды, истощение ресурсов, незаконный оборот наркотиков, транснациональная преступность, эпидемии (всем известно, какую опасность для мира и всего человечества представляет Covid-19, и нет необходимости вдаваться в подробности), стихийные бедствия, незаконная торговля людьми, кибератаки, вероятность выхода искусственного интеллекта из-под контроля и т.д. Угрозы как военного, так и невоенного характера, связанные с деятельностью негосударственных субъектов, создают угрозу уже не международной, а глобальной безопасности, то есть выходят за границы сферы межгосударственных отношений. С учетом всего перечисленного, мы считаем целесообразным в настоящее время использовать для обозначения безопасности всего мира и человечества именно термин «глобальная безопасность», а не «международная безопасность».

16. Право международной безопасности – это отрасль международного права, состоящая из совокупности регулирующих межгосударственные отношения норм, связанных с обеспечением международного мира и безопасности, направленных на обеспечение как международной, так и национальной безопасности. Одна из важнейших задач права международной безопасности состоит в совершенствовании функций и механизмов Организации Объединенных Наций в деле обеспечения международного мира и безопасности, а также приведение их в соответствие с вызовами безопасности современного глобального мира.

17. Эффективная борьба со всеми факторами, которые создают угрозу международному миру и безопасности, возможна в условиях, когда общечеловеческие интересы преобладают над государственными и во имя этих интересов все государства реально объединяют свои усилия и углубляют сотрудничество во имя глобальной безопасности.

18. В условиях международного права на оборону и безопасность в современное время действительно существует острая потребность в структурных реформах, касающихся содержания и процедур международного права. Причина кроется в том, что кризисное состояние международного права и международного порядка привело к крайнему ослаблению системы международной безопасности, к значительному росту степени реальности опасностей, угрожающих глобальному миру и безопасности.

19. К сожалению, во многих случаях принцип самоопределения народов используется в целях сепаратизма, этнического конфликта, нарушения территориальной целостности государства. Будучи оккупантом и агрессором, Армения также стремится использовать этот принцип в контексте армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта. Однако, следует иметь в виду, что нация может определить свою судьбу только один раз. Армянский народ сделал это, и у него есть государство. С другой стороны, армяне Нагорного Карабаха – не отдельный народ, а национальное меньшинство в составе азербайджанского народа. А национальные меньшинства, проживающие на территории независимого государства, не имеют такого права. В результате комплексных реформ, основу которых заложил и успешно продолжил наш Общенациональный Лидер, Азербайджан сегодня превратился в важный энергетический и транспортный коридор мира. Он приобрел важную роль в энергетической безопасности мира. По этой причине нерешенность этого конфликта представляет угрозу не только национальной и региональной, но и, в некотором смысле, международной безопасности.

20. Эффективное обеспечение верховенства международного права тесно связано с безоговорочным соблюдением всеми государствами мира общепризнанных норм и принципов международного права, без каких-либо исключений, привилегий, дискриминации, двойных стандартов. Новый правопорядок должен основываться не на силовом факторе, а на международных отношениях, основанных на взаимном уважении, в частности, на суверенном равенстве, сотрудничестве, многосторонней дипломатии, диалоге и других подобных факторах. Национальная безопасность и международная безопасность находятся в диалектическом единстве. Будучи взаимосвязанными и зависимыми друг от друга, они обуславливают друг друга. Вот почему каждое государство при реализации своей внешней политики наряду со своей национальной безопасностью должно всесторонне принимать во внимание интересы международного мира и безопасности, а также действовать в рамках общепринятых принципов международного права в целом, отраслевых принципов права международной безопасности в качестве его отрасли. Поскольку национальная безопасность тесно связана с международной безопасностью, надежная и всесторонняя безопасность отдельного государства возможна только в рамках и в условиях международной безопасности.

21. Сегодня в мире появились новые, ранее не существовавшие угрозы и вызовы. Система ООН и действующее международное право де-факто не адекватны сложившимся современным международным реалиям. Вследствии этого, глобальные механизмы безопасности также оказались бессильны перед этими угрозами. В связи с этим, возникает серьезная необходимость в совершенствовании как международного права, так и международной системы управления, а также механизмов международной безопасности и адаптации к де-факто формирующимся современным международным реалиям.

Пристатейный библиографический список

1. Азизов Дж. Военная безопасность как составляющая часть национальной безопасности: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dejure.az/ru/article/voennaya-bezopasnost-kak-sostavlyayushchaya-chast-nacionalnoy-bezopasnosti-dzheyhun-azizov>
2. Берлов П. Теоретические проблемы обеспечения национальной безопасности России // Новый оборонный заказ стратегии. - 2011. - № 1 (13). - С. 84-96.
3. Бертран Р. Новое международное право в области защиты и безопасности: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21998>
4. Богатырев В.В. Международное право. Учебное пособие. - Владимир: Изд-во ВлГУ, 2016. - 276 с.
5. Богуцка, М. Традиционное и человеческое измерения национальной безопасности: сравнительный анализ концептуальных моделей Польши и России: Дис. ... канд. полит. наук. - Москва, 2014. - 232 с.
6. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. Сборник статей / Бодрийяр Ж. - Москва: Рипол-классик, 2016. - 224 с.
7. Гидденс Э. Политика, управление и государство // Рубеж (альманах социальных исследований). - 1992. - № 3. - С. 78-107.
8. Демидов А.В. Сущность понятия «национальная безопасность», механизм его реализации (теоретико-правовой аспект) // Экономические стратегии. - 2013. - № 6. - С. 134-141.
9. Доклад Организации Объединенных Наций «Исследование концепции безопасности» A/40/553 // Организация Объединенных Наций: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/40/docs/40res.shtml>
10. Егоршин В.М. Экономическая преступность и безопасность современной России (Теоретико-криминологический анализ): Дис. ... докт. юрид. наук. - Санкт-Петербург, 2000. - 412 с.
11. Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. 01.08.1975: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://док.история.рф/20/zaklyuchitelnyy-akt-soveshchaniya-po-bezopasnosti-i-sotrudnichestvu-v-evrope>
12. Кант И. К вечному миру. Соч. в 6-ти томах / И.Кант. - Москва: Мысль, - т. 6., 1966. - 743 с.
13. Колосова В.А. Понятие национальной безопасности: ретроспективный анализ // Приволжский научный вестник. - 2015. - № 12-2 (52). - С. 75-78.
14. Международная безопасность // Большая российская энциклопедия: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/military_science/text/2198796
15. Митрохин В.И. Национальная безопасность России // Интеллектуальный мир. - 1995. - № 6. - С. 1-20.
16. Мухаметов А.Ф. Реалии и угрозы международной безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cvsi.kz/index.php/analitika-i-publikatsii/item/192-realii-i-ugrozy-mezhdunarodnoj-bezopasnosti>
17. Назаренко А.В. Национальная и международная безопасность: концепции и реалии в XX – начале XXI вв.: историко-политологический анализ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - Москва, 2008. - 24 с.
18. Назарова А.И. Теоретические вопросы обеспечения международной безопасности // Молодой ученый. - 2014. - № 4 (63). - С. 859-861.
19. Санникова С.С. Принципы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. - 2013. - № 3 (36). - С. 14-18.
20. Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. - Москва: Аспект Пресс, 2010. - 592 с.
21. Трусов Н.А. Система национальной безопасности России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article>
22. Хмелевский С.В. Современная система национальной безопасности России: структурно-функциональный анализ // Социально-политические науки. - 2012. - № 1. - С. 146-155.
23. Цыганков П.А. Теория международных отношений. Учебное пособие. - Москва: Гардарики, 2003. - 590 с.
24. Чапчиков С.Ю. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения: теоретико-правовое исследование. Дис. ... докт. юрид. наук. - Курск, 2018. - 414 с.
25. Чапчиков С.Ю. Международно-правовые основы обеспечения национальной безопасности // Вестник РУДН. Серия юридические науки. - 2010. - № 2. - С. 75-80.
26. Шаскольская М.П. Фредерик Жолио-Кюри // Успехи физических наук. -1959. - Т. LXVII. - Вып. 1. - С. 11-23.
27. Brown S. World interests and changing dimensions of security // World security: challenges for a new century / Edited by: Michael Klare and Yogesh Chandrani. - New York: St. Martin's, 1994. - P. 1-17.
28. The Charter of the United Nations: (3rd Edition) / Edited by Bruno Simma, Daniel-Erasmus Khan, Georg Nolte, Andreas Paulus, Nikolai Wessendorf. - Oxford: Oxford University Press, 2012. - 2405 p.

КУДРЯВЦЕВА Лариса Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

БАЛАШОВ Егор Михайлович

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

САНКЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В данной работе рассмотрены проблемы понятия санкции в международном праве. Также рассмотрены некоторые актуальные аспекты порядка принятия санкций и их реализации на уровне национального законодательства. Сформулированы основные признаки санкции. Данная тема весьма актуальна, так как до сегодняшнего времени ей не уделялось достаточного внимания. Важен не только теоретический, но и практический аспект данного вопроса. Исследуется научная литература по заданной проблеме, а также практический отечественный опыт. В качестве выводов автором сформулированы рекомендации по решению вышеперечисленных проблем.

Ключевые слова: международное право, санкция, международно-правовая санкция, национальное законодательство, международная ответственность.

KUDRYAVTSEVA Larisa Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate Professor of International private and business law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

BALASHOV Egor Mikhaylovich

student of the Law Faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

SANCTIONS IN INTERNATIONAL LAW

This paper discusses the problems of the concept of sanctions in international law. Also, some topical aspects of the procedure for the adoption of sanctions and their implementation at the level of national legislation are considered. The main features of the sanction have been formulated. This topic is very relevant, since until now it has not received sufficient attention. Not only the theoretical, but also the practical aspect of this issue is important. The scientific literature on the given problem, as well as practical domestic experience, is investigated. As conclusions, the author formulated recommendations for solving the above problems.

Keywords: international law, sanction, international legal sanction, national legislation, international responsibility.

В последнее время в правовой среде часто упоминается понятие санкции в международно-правовом аспекте. В связи с этим рассмотрим основные признаки международно-правовой санкции и порядок ее закрепления на национальном уровне. Понятие международно-правовой санкции можно рассматривать с различных точек зрения. Для наиболее точного сравнения рассмотрим общее понятие и основные признаки международно-правовой санкции, установившиеся в правовой научной среде [1, с. 24].

Санкция с точки зрения международного права представляет собой четко установленную систему общеобязательных, формально определенных норм и правил поведения, исполнение которых обеспечивается государственным принуждением. В первую очередь, международно-правовая санкция устанавливается государствами и обеспечивается их принуждением. Под государством в данном случае подразумевается публично-правовое образование, которое обладает властью на определенной территории. Обеспечение международно-правовой санкции силой определенного принуждения служит определенной гарантией исполнения санкции, несмотря на возможное несогласие некоторых участников правоотношений [2, с. 158].

Помимо этого, международно-правовая санкция всегда формально определена. Это означает, что международно-правовая санкция всегда четкая, понятная для большого круга лиц, которых она затрагивает, а также всегда закреплена в определенных международных актах. В условиях современного общества это означает, что право официально опубликовано и доступно для чтения, исследования, осознания и применения.

Также международно-правовая санкция всегда общеобязательна. Хотя международно-правовая санкция может

регулировать только определенную систему отношений (например, регулирует правоотношения между поставщиком товаров и государством-импортером), общеобязательность санкции означает, что любой субъект, который уже участвует в правоотношениях или собирается в них вступить, обязан подчиняться установленным нормам [3, с. 146].

Санкции системны. В современном обществе право не может быть хаотичным, что сделало бы его трудным для применения и восприятия. Международно-правовая санкция имеет четкую структуру, институт юридической силы, различной для отдельных уровней кодификации права. Как сказано выше, международно-правовая санкция регулирует как отношения в обществе в целом, так и отдельные направления жизнедеятельности, такие как семья, труд, жилище и другие. Системность санкции обеспечивает отсутствие непреодолимых коллизий и противоречий законодательства, структурность правоприменения и защиту основных прав и свобод граждан.

Многие авторы также выделяют основной характеристикой санкции его интеллектуально-волевой характер. Под этим подразумевается, что право всегда выражает волю людей, ориентировано на определение и реализацию сознания общества, и достижения целей, важных для общества в целом. То есть, по сути, право устанавливается обществом посредством государства.

Вопрос осуществления принуждения – один из наиболее острых в науке международного права. Институт международно-правового принуждения включает в себя большое количество различных терминов и понятий. Многие из них, с точки зрения одних ученых, являются синонимами и имеют единый смысл, а по мнению иных авторов – обозначают совершенно разные явления. Такая ситуация порождает зна-

чительные разногласия. Осложняется это и тем, что однозначного определения непосредственно понятию «санкций» не дают ни Устав Организации Объединенных наций (далее – Устав ООН), ни другие нормативно-правовые акты.

Доктрина международного права имеет целый ряд подходов к пониманию «санкции». Такой термин как «санкция» используется в международно-правовой науке в самых разных контекстах: «международная санкция», «международно-правовая санкция», «санкция нормы международного права», «санкционированные нормы», «международные политические санкции», «экономические санкции международного характера», «санкции международных организаций».

Проблема отсутствия однозначного подхода к пониманию термина «санкции» в международном праве, как уже отмечалось, является острой, актуальной и требующей скорейшего разрешения в связи с тем, что санкции отвечают за обеспечение международного правопорядка: эффективность соблюдения и исполнения международно-правовых актов, а также стабильность регулирования международных отношений [4, с. 510].

Понятие санкций в науке международного права может раскрываться в широком и узком смысле. Так, в широком смысле, санкциями признаются какие бы то ни было меры воздействия на субъекта-нарушителя, включая и те, которые предпринимаются без непосредственно правонарушения, например, в ответ на недружелюбные действия государства. Такой подход нельзя назвать полностью оправданным, так в случае следования ему понятие «санкции» полностью смешивается и становится тождественным понятию международно-правовой ответственности.

В узком же смысле, санкции – это такие меры воздействия на субъекта, которые могут быть применены только в случае ответа на правонарушение. Причем, зачастую эти меры могут и сами быть отнесены к правонарушениям, как например, приостановка действия договора в качестве ответа на его нарушение другой стороной. Если понимать санкции в таком, узком смысле, то они представляются мерой «чистого» принуждения, которая задействуется в случаях, когда государство отказывается нести международную ответственность.

Итак, мы выяснили, что, по сути, основанием для использования международно-правовой санкции является не столько непосредственно правонарушение, так как здесь ситуация может быть решена и иными путями, а именно отказ государства-нарушителя от прекращения осуществления противоправных действий и выполнения обязанностей, составляющих международно-правовую ответственности. Стоит в данном случае отметить, что подобный отказ является новым, производным правонарушением, посягающим на основополагающие принципы ответственности и потому может служить основанием для применения к субъекту-нарушителю дополнительных мер – международно-правовых санкций.

В Уставе ООН понятие «санкции» не используется и не раскрывается. Положения главы VII Устава ООН, в свою очередь, содержит понятия «мер, не связанных с использованием вооруженных сил» – статья 41, а также «превентивные или принудительные меры» – статья 50.

Аналогичным образом, понятия «санкции» не было и в тексте Статута Лиги Наций (далее – Статут). Однако, В.А. Василенко отмечает, что доклады и резолюции Лиги Наций, принимавшиеся по вопросам принудительных мер, которые были предусмотрены статьей 16 Статута для воздействия на государства, осуществляющие вооруженную агрессию, именовали такие «принудительные меры» именно санкциями. Позднее, резолюции, а также иные правовые акты органов и специализированных учреждений ООН стали использовать понятие «санкции» только для определения принудительных мер, применяемых в порядке, установленном главой VII Устава ООН.

Необходимо сказать, что Устав ООН устанавливает вполне четкие рамки для того, чтобы использовать механизмы принуждения. Так, в силу запрета для государств применять силу в отношении друг друга, а также угрожать приме-

нением таковой, Устав ООН закрепляет, что в двух случаях из этого правила делается исключение. Во-первых, согласно статье 51 Устава ООН, таким случаем является самооборона. Во-вторых, в соответствии уже со статьей 41-42 Устава ООН, исключение делается для применяемых Советом Безопасности ООН (далее – Совбез ООН) принудительных мер по «поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности».

Среди мер, которые может применить Совбез ООН в указанных ранее целях, можно выделить закрепленный статьей 41 Устава ООН «полный или частичный перерыв экономических отношений», что квалифицируется самим Советом ООН как экономические санкции. Это находит свое отражение, например, в резолюции № 665(1900), принятой по ситуации в отношениях между Ираком и Кувейтом, в которой оговаривается, что принятой ранее резолюцией № 661(1900) Совбез ООН применяет экономические санкции в порядке, установленном главой VII Устава ООН.

На современном этапе международных отношений можно однозначно говорить о том, что наблюдается очевидный рост задействования института международных санкций [5, с. 5]. Так, только в период с 1990 по 2000 годы, ООН осуществила введение режима международных санкций большее количество раз, нежели за весь предшествующий период своего существования. По мнению отдельных ученых, этот период является «десятилетием экономических санкций ООН».

Так, справедливо будет отметить, что за период существования ООН до 1989 года экономические санкции вводились Совбезом всего дважды: к Южной Родезии в 1966 году и к ЮАР в 1977 году. Начиная же с 1990 года и до сегодняшнего дня, международные санкции Совбеза ООН вводились уже порядка двух десятков раз. Вместе с тем, расширяется и перечень тех целей, которыми обуславливается введение этих мер: в него включается и отражение агрессии, и восстановление демократического режима и правительства, и защита прав человека, и прекращение ведения агрессивной войны, и борьба с финансированием террористических организаций, и поддержка мирных соглашений.

Следует сказать, что международные санкции применялись Совбезом ООН к Ираку, Ирану, Ливии и Сомали; силам УНИТА в Анголе; в отношении Руанды, Сьерра-Леоне и бывшей Югославии, включая Косово; использовались для воздействия на Гаити и Афганистан («Аль-Каида» и «Талибан»), Эритрею и Эфиопию, Либерию и Конго, а также Кот-д'Ивуар, Судан и КНДР. Среди государств, попавших по применению подобных мер за последние пять лет, можно также выделить Центральнуюафриканскую Республику (Резолюция № 2127) и Йемен (Резолюция № 2140).

То, что международные санкции, и в первую очередь экономического характера, применяются все чаще является производным эффектом целого ряда факторов. Во-первых, здесь нужно сказать о том, что за последние годы произошла существенная глобализация международных экономических процессов, что выразилось в возросшей степени взаимной интеграции различных рынков товаров, услуг и капиталов. Следствием такого углубленного взаимодействия национальных экономик большого количества государств, интернационализации финансового и производственного капитала, стала достаточно сильная, неразрывная взаимосвязь государств. Эта взаимосвязь быстро диверсифицируется связями экономического сотрудничества, каждая из которых играет значительную роль в функционировании всей экономики в целом.

В современном мире уровень развития экономики, а также ее устойчивость во многом определяют то, насколько стабильным является все государство в целом. Именно по этой причине, прекращение, или даже ограничение экономических отношений может иметь крайне существенные последствия, что наделяет экономические санкции действительно мощным потенциалом для оказания влияния на субъекта-нарушителя. Особенно это утверждение актуально по отношению к государствам с развивающейся экономикой.

Другим объективным фактором, который вызывает более широкое использование мер принуждения, например, в

формате санкций, является создание человечеством все более и более разрушительных средств, и методов ведения военных действий. Также, среди подобных факторов можно назвать и то, что за последние пару десятков лет в значительной мере изменился характер возможных угроз международному миру и безопасности.

В феврале 2014 г. произошли значимые события на геополитической арене. Свержение власти в Украине, бегство Президента В.Ф. Януковича на территорию России, переход Крыма в состав Российской Федерации, начало вооруженных столкновений на Юго-Востоке Украины между новой властью в Киеве и сторонниками вновь созданной Донецкой и Луганской народных республик, сбитый малайзийский «Боинг», обострение вооруженного конфликта — все эти события являлись катализаторами действий со стороны Запада и США по введению новых санкций против России.

Остается стратегический вопрос: насколько Россия чувствительна к санкциям, как отреагирует ее экономика и к каким последствиям они приведут? Чем наша страна будет жертвовать, следуя установленному геополитическому маршруту, и будет ли эта жертва соразмерна поставленной цели? Однако, несмотря на сложность ситуации, нельзя отрицать, что сложно представить современное государство, исключенное из экономической системы и мировых связей, живущее в режиме «санкций». Зависимость нашей страны в основном отражается в продуктах питания, технологиях, запчастях и компонентах, препаратах и медицинском оборудовании.

1 декабря 2014 года проект транснационального газопровода «Южный поток», разработанный с целью диверсификации маршрутов поставок российского природного газа европейским потребителям, предусматривал перекачку «голубого» топлива через Черное море в страны Южной Европы и центральную часть, он был закрыт из-за заявления президента России, в большей степени, не по экономическим причинам, а, возможно, по политическим причинам. Частично это подтвердил представитель США, что такое решение является результатом давления на Россию, в том числе санкционного. Чтобы компенсировать потерю партнеров, Россия направила поток энергии на рынки Индии, Турции и Японии (сейчас они потребляют менее 1 % российской нефти) на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона (сейчас всего 4 %, исходя из потребления по нефти Ближнего Востока).

Помимо потребления стратегически важных энергоресурсов Европы для своих стран, европейская экономика зависит от покупательной способности и высокого спроса россиян на потребление европейских товаров, особенно европейского автомобилестроения, бытовой техники, медицинских услуг, и т.д. владельцы многих крупных европейских компаний поддерживают не введенные санкции в отношении России и нынешний курс политической элиты своих стран.

К санкциям против России позднее присоединились такие государства, как Австралия, Албания, Великобритания, Германия, Исландия, Канада, Латвия, Молдавия, Нидерланды, Норвегия, Новая Зеландия, Польша, Украина, Франция, Швеция, Черногория, Эстония и Япония. Многие из них приостановили военное и военно-техническое сотрудничество с Россией, что существенно влияет на национальную безопасность нашей страны.

В связи с присоединением Крыма к России обострилась и внешнеполитическая обстановка. В данном случае оборонно-промышленный комплекс (ОПК) является наиболее предпочтительной на данный момент сферой развития экономики России, так как предприятия ОПК в первую очередь воспринимают санкции на ограничение поставок различных технологий, приборов и комплектующих, а последствия более высоки. С другой стороны, санкции принуждают обращать внимание на внутренние проблемы, добиваться независимости, используя ресурсы собственных научно-исследовательских центров.

В финансово-банковском секторе экономики России санкции направлены на перекрытие источники финансирования ключевым проводникам ликвидности в банковской системе, долгосрочных и дешевых денег. Российские коммер-

ческие банки лишаются возможности осуществлять «керри-трейд» и занимать деньги на международных рынках капитала по низким процентным ставкам.

К концу 2014 г. российский рубль значительно ослабел к бивалютной корзине на бирже: с начала года рубль потерял по отношению к доллару и евро почти 50 % своей стоимости. Удивительным является то, что 16 декабря 2014 г. на Московской бирже курс доллара достигал больших значений и торговался на уровне 80 рублей, а евро — 100 рублей. В связи с высокими инфляционными и девальвационными рисками Центральный Банк разработал программу по поддержке рубля, одним из первых шагов которых являлось повышение ключевой ставки до 17 %.

Можно сказать, что вводить экономические санкции против России невыгодно, поскольку здесь переплетаются интересы и частного бизнеса, и власти. Можно целенаправленно воздействовать на Россию, но в этом случае будет ответ извне. Однако при этом не следует забывать, что, несмотря на невозможность и невыгодность санкций, Россия остается уязвимой для них. Следовательно, российская экономика должна перестраиваться в новые условия. Тогда экономика станет более сильной и независимой. Санкции позволяют нам видеть свои недостатки и проблемы, находить решения и выход из этих ситуаций. Санкции - это долгосрочный урок для экономики. России следует развивать и поддерживать собственную промышленность и ограничивать импортное потребление.

Таким образом, международно-правовые санкции — это дозволенные международным правом и осуществляемые в особом процессуальном порядке принудительные меры, применяемые субъектами международного права для охраны международного правопорядка, когда правонарушитель отказывается прекратить правонарушение, восстановить права потерпевших и добровольно выполнить обязательства, вытекающие из его ответственности. Санкции не являются особой формой ответственности, они есть специальные меры обеспечения ее реализации в конкретной форме. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что санкции в международном праве - это меры принудительного характера, призванные обеспечить привлечение нарушителя к ответственности. Принимая во внимание, все обозначенное выше, можно с уверенностью говорить о том, что санкции наделяются все более значительную ролью в процессе реализации коллективной реакции международного сообщества на нарушение норм международного права, несоблюдение которых может являться как угрозой, так и прямым нарушением международного мира и безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Тупчиенко В.А. Актуальные проблемы социально-экономического развития России в условиях сохранения санкций. — М.: Научный консультант, 2017. — 172 с.
2. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Том 1. — М.: Зерцало, 2013. — 428 с.
3. Кудрявцева Л.В., Ставило С.П. Здоровье человека, населения - как приоритетные объекты уголовно-правовой охраны. В сборнике: Здоровье населения - основа процветания России. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Филиал РГСУ в г. Анапе. 2015. С. 146-148.
4. Nukusheva A., Plyassova G., Kudryavtseva L., Popova L., Shayakhmetova Z., Jantassova A. Transnational corporations in private international law: do Kazakhstan and Russia have the potential to take the lead? // Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2020. Т. 8. № 1. С. 496-512.
5. Карасёва Л.В. Значение норм международного частного права в регулировании трудовых отношений мигрантов из стран СНГ в Российской Федерации. автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Российский государственный социальный институт. М., 2007. С. 8.

ЛЕБЕДЕВА Яна Игоревна

младший научный сотрудник отдела научного обеспечения деятельности делегации Российской Федерации в Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

БИТКИНА Екатерина Сергеевна

налоговый консультант в сфере нефти и газа Ernst & Young (CIS) B.V, магистрант Факультета Международного права программы Право ЕС и ЕАЭС МГИМО (У) МИД России

«МЕХАНИЗМ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ВЕРХОВЕНСТВОМ ПРАВА»: НОВЫЙ ВИТОК ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ЕС ПРОТИВ ПОЛЬШИ И ВЕНГРИИ

Механизм обусловленности верховенством права (European Rule of Law Conditionality Mechanism) является новым инструментом, предложенным Европейской комиссией с целью решения проблемы эрозии основополагающих ценностей ЕС в ряде государств-членов. Данные ценности являются конституционным наследием государств-основателей Союза, а ныне – разделяются всеми государствами-членами и выступают в качестве фундамента интеграционного объединения. Важнейшей из указанных ценностей является верховенство права, которое представляет собой перечень правовых принципов. В статье отмечается, что используемые ранее юридические механизмы не способны эффективно предотвратить возрастающие угрозы верховенству права, а новый механизм страдает существенными ограничениями и проблемами имплементации.

Ключевые слова: Европейский союз, Венецианская комиссия, интеграция, верховенство права, судебная власть, бюджет

LEBEDEVA Yana Igorevna

junior researcher of the department of scientific support for the activities of the delegation of the Russian Federation to the European Commission for Democracy through Law (Venice Commission) of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

BITKINA Ekaterina Sergeevna

Oil & Gas Tax Consultant Ernst & Young, magister student of the Faculty of International Law, EU and EEU Law Program of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

“THE MECHANISM OF CONDITIONALITY BY THE RULE OF LAW”: A NEW ROUND OF EU COERCIVE MEASURES AGAINST POLAND AND HUNGARY

The European Rule of Law Conditionality Mechanism is a new instrument proposed by the European Commission in order to address the erosion of the EU's fundamental values in a number of member states. These values are the constitutional heritage of the founding countries of the Union, and now they are shared by all member states and act as the foundation of the integration association. The most important of these values is the rule of law, which is a list of legal principles. The article notes that the previously used legal mechanisms cannot effectively prevent the increasing threats to the rule of law, and the new mechanism suffers from significant limitations and problems of implementation.

Keywords: European Union, Venice Commission, integration, rule of law, judiciary, budget

Верховенство права, демократия, права человека и ряд других идеалов выступали в качестве «правового, политического и нравственного порядка»¹ государств – основателей европейских сообществ. В преамбуле Маастрихтского договора 1994 года указанные идеалы были закреплены в числе «основополагающих принципов» учреждаемого Европейского союза. Амстердамский договор кодифицировал эти принципы в основном тексте Договора о ЕС и дополнил их перечень ссылкой на свободу и равенство. Лиссабонский договор еще более расширил ценностное измерение Союза за счет плюрализма, недискриминации, толерантности, справедливости и равенства между мужчинами и женщинами. Ныне основополагающие ценности статьи 2 Договора о ЕС выступают в качестве высшей правовой нормы и основы правопорядка Союза.

Среди указанного перечня ценность верховенства права является центральной и рассматривается в качестве предварительного условия для существования иных ценностей. Ее

содержание долгое время формировалось в практике ООН и Совета Европы, в первую очередь, Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии). Дополнительное «интеграционное» наполнение ценность верховенства права получает и в практике Суда ЕС [1, с. 506-527]. Кроме того, в основе понимания данной ценности лежат многовековые конституционные традиции европейских государств. В частности, выделяются английская, французская и немецкая модели верховенства права (Rule of Law – État de droit – Rechtsstaat). На современном этапе указанные модели, что не всегда оправданно в силу значительной исторической специфики, все более приводятся к общему знаменателю. В данном отношении «общеевропейским общим знаменателем» выступает Доклад о верховенстве права, изданный Венецианской комиссией в 2011 году [2, с. 34-109] вместе с Контрольным списком вопросов для оценки соблюдения верховенства права.

Исторически принцип верховенства права получает наибольшее распространение в рамках естественного права, где она видится как совокупность нравственных ориентиров

¹ Декларация по итогам Второго саммита глав государств 1973 года / The Copenhagen Summit Conference – Declaration on European identity // Bull. ЕС 121973. P. 119.

(критериев), которые являются частью «внутренней морали права» [3]. Современные исследователи также указывают на то, что верховенство права может рассматриваться в качестве моральной ценности [4]. Со временем в рамках концепции юридического позитивизма верховенство права также получает пусть и ограниченное, но все же признание. И. Раз, который являлся учеником Г. Харта, определил верховенство права как набор определенных требований к праву. В данном отношении рассматривается «способность закона определять поведение своих подданных» [5, с. 213-214] без определенной привязки к моральным идеалам. Опуская историческую полемику в отношении моральной ценности права, можно прийти к выводу, что в юридической теории верховенство права определяется посредством формирования определенного перечня принципов или набора критериев.

Со временем указанный перечень имеет тенденцию к излишнему расширению и детализации. В актах Венецианской комиссии верховенство права определяется настолько широко, что включает в себя практически весь набор правовых ценностей западного общества. Они группируются в соответствии с шестью принципами: законность; правовая определенность; запрет произвольных действий; доступ к правосудию в независимых и беспристрастных судах; соблюдение прав человека; недискриминация и равенство перед законом. Таким образом, соблюдение прав человека и демократия также постепенно утрачивают былую самостоятельность и начинают входить в содержание верховенства права².

С 2000-х годов в государствах-членах Европейского союза начинает намечаться отход от верховенства права. Первое время такие отступления носили характер единичных «кризисных ситуаций», таких как вхождение в парламент Австрии крайне правой политической силы; массовая депортация румынских цыган с территории Франции; политическая борьба в Румынии, которая привела к конституционному кризису 2012 года. Начиная с 2015 года ситуация начинает усугубляться изменением самого характера нарушений – теперь они представляют собой спланированные законодательные (и даже конституционные) реформы, которые отражают изменение политического курса в сторону более авторитарного режима. Указанные изменения представляют собой постепенную эрозию правового порядка, которая на практике приводит к расхождению национального права и европейский ценностей.

В качестве примера можно привести законодательные реформы, которые в настоящее время проводятся в Польше и Венгрии [6, с. 124-130; 7, с. 164-166]. В наибольшей степени авторитарный уклон виден в попытках изменить баланс сдержек и противовесов, в том числе за счет снижения гарантий независимости судебной власти. В то же время обеспечение доступа к правосудию в независимых и беспристрастных судах является обязательством государств в соответствии со статьей 2 (верховенство права), пунктом 1 статьи 19 ДЕС³, а также отдельными положениями Хартии ЕС об основных правах. Значительный характер указанных отступлений представля-

ет собой качественно новый уровень развития проблематики нарушения основополагающих ценностей.

В декабре 2017 года Комиссия заявила о существовании в Польше «явной угрозы серьезного нарушения» основополагающих ценностей статьи 2 ДЕС⁴. Диалог в Совете продолжился, но не привел ни к вынесению решения, ни к улучшению фактической ситуации. Подобная констатация является первой фазой статьи 7 ДЕС, которая представляет собой политическую санкцию за отход от ценностей Союза. В сентябре 2018 года аналогичный механизм по инициативе Европейского парламента был начат и в отношении Венгрии. Однако приостановление отдельных прав из договоров в отношении этих государств имеет очень мало перспектив. Оно возможно только после констатации «серьезного и устойчивого нарушения» (вторая фаза статьи 7 ДЕС), что требует единогласия в Совете. В данной связи представители Польши и Венгрии уже заявили о том, что воспользуются правом вето при проведении голосования в отношении друг друга. Таким образом, привлечь указанные государства-члены к полноценной политической ответственности долгое время не представлялось возможным.

Экономическая стагнация, вызванная пандемией COVID-19, потребовала привлечения дополнительных бюджетных средств Союза на восстановление национальных экономик. В такой ситуации именно финансовое принуждение становится одним из наиболее действенных механизмов. Принятие подобных мер также связано с необходимостью усиления бюджетной дисциплины с целью быстрее и лучше преодолеть последствия эпидемии. В более общем плане ученые-юристы не раз отмечали, что «правительства некоторых государств-членов незаконно используют средства ЕС для поддержки кумовства, антиевропейских проектов и нелиберальных структур» [8, с. 104], и призывали Комиссию принять соответствующие меры.

Указанные причины побудили Европейскую комиссию выступить с законодательным предложением. Так, выплаты из бюджета Союза, предусмотренных Многолетним финансовым рамочным планом на 2021-2027 годы и Инструментом восстановления после пандемии коронавируса “Next Generation EU” было решено обусловить соблюдением государством ценности верховенства права. Комиссия поставила одобрение указанного законодательного предложения в качестве условия *sine qua non* принятия среднесрочного бюджета. После политического согласия глав государств и правительств, выраженном на саммите Европейского совета в июне 2020 года⁵, институциональным треугольником⁶ проект законодательного акта был значительно доработан.

Несмотря на то, что регламент мог быть принят квалифицированным большинством, Венгрия и Польша указали на возможность использования права вето при принятии нового Решения о собственных ресурсах⁷, которое требовало единогласия в Совете и последующей ратификации национальными парламентами. Отказ принять указанное Решение

2 Важно отметить, что юридические позитивисты исторически отрицают подобную связь. В противоположность юснатуралисты настаивают на неразрывной связи (а отдельные исследователи – на единстве) верховенства права и иных основополагающих ценностей.

3 Согласно пункту 1 статьи 19 ДЕС «государства-члены устанавливают способы обжалования, необходимые для обеспечения эффективной судебной защиты в сферах, регулируемых правом Союза».

4 Proposal for a Council Decision on the determination of a clear risk of a serious breach by the Republic of Poland of the rule of law (COM/2017/0835 final), Brussels, 20.12.2017.

5 European Council Conclusions of 17-21 July 2020, Special meeting of the European Council.

6 Под «институциональным треугольником» в праве и практике Европейского союза понимаются ведущие институты ЕС – Европейская комиссия, Европейский парламент и Совет Европейского союза.

7 Council Decision (EU, Euratom) 2020/2053 of 14 December 2020 on the system of own resources of the European Union and repealing Decision 2014/335/EU, Euratom // OJ L 424, 15.12.2020, p. 1–10.

также означал невозможность окончательного одобрения финансовых рамок и начала предоставления бенефициарам средств Фонда восстановления⁸. На саммите Европейского совета 10 и 11 декабря 2020 года указанная ситуация была разрешена путем принятия ряда деклараций о том, как следует применять и толковать будущий регламент⁹. Регламент № 2020/2092 об общем режиме условий защиты бюджета Союза был принят 16 декабря 2020 года и вступил в силу с 1 января 2021 года¹⁰.

Регламент имеет обширную преамбулу, в которой не только рассматриваются предпосылки его принятия, но и приводится длинное и достаточно абстрактное обоснование наличия взаимосвязи между уважением к верховенству права и принципами рационального финансового управления, предусмотренными в статье 317 ДФЕС. Указанную взаимосвязь необходимо установить, чтобы оправдать легитимность подобных финансовых санкций Союза в отношении отдельных государств-членов. Однако именно текст преамбулы демонстрирует, что подобное основание является весьма шатким.

В преамбуле отмечается, что «финансовые интересы Европейского союза должны быть защищены в соответствии с общими принципами, заложенными в Договоре, в частности ценностями, изложенными в статье 2 ДЕС». Однако, среди ценностей статьи 2 помимо верховенства права, перечислены демократия, права человека и ряд других. Подобный акцент именно на верховенстве права также связан с тем, что ЕС не имеет полномочий по прямому контролю состояния защищенности прав человека в государствах-членах, а также над национальными демократическими институтами, которые имеют прямое отношение к государственному суверенитету.

С целью максимизировать защиту ценностей Союза в условиях ограничений, связанных с компетенцией, понятие «верховенства права» трактуется в соответствии с Регламентом весьма широко. В статье 2 Регламента отмечено, что верховенство права должна рассматриваться «в связи» (*having regard to*) с другими основополагающими ценностями статьи 2 ДЕС. Подобная отсылка может быть использована в качестве косвенного механизма защиты других основополагающих ценностей. В статье 2 Регламента также используется подход перечисления принципов, которые образуют верховенство права. Они включают в себя шесть принципов: законность; правовую определенность; запрет произвола исполнительной власти; эффективную судебную защиту; разделение властей, а также недискриминацию и равенство перед законом. Необходимо отметить, что указанный перечень является исчерпывающим. В целом он соответствует Контрольному списку Венецианской комиссии за некоторым исключением – в качестве принципа не упоминается соблюдение прав человека. В данной связи подобное упущение кажется логичным – в этой области Европейский союз обладает определенными ограничениями компетенции.

Значительным ограничением в отношении сферы применения регламента является строгая привязка к бюджету Союза. На практике это означает, что в случае выявления

нарушения принципов верховенства закона на втором этапе Комиссия должна доказать влияние этого нарушения на бюджет Союза. Регламент направлен на защиту рационального финансового управления бюджетом и/или защиту финансовых интересов Союза. Каждого из этих элементов достаточно для обеспечения связи с бюджетом Союза и, соответственно, применения Регламента. Важно отметить, что процедура в соответствии с Регламентом применяется только в том случае, если другие инструменты защиты бюджета Союза не могут быть использованы. Если государство-член считает, что предложение Комиссии об издании акта о введении мер нарушит принцип объективности, недискриминации или равного обращения, оно может в исключительных случаях потребовать обсуждения этого вопроса на заседании Европейского Совета (статья 17а Регламента).

Статья 3 содержит небольшой перечень обстоятельств, которые с большей вероятностью указывают на нарушение верховенства права. Примечательно, что указанные обстоятельства избраны не случайно и значительно приближены к ситуации, которая получает развитие в Польше и Венгрии, в отношении гарантий независимости судебной власти. В преамбуле отмечается, что из всего перечня основополагающих ценностей, именно эффективная судебная защита выступает в качестве центрального и отдельного договорного обязательства в соответствии со статьей 19 ДЕС, а также статьей 47 Хартии. В частности, среди предусмотренных Регламентом фигурирует создание угрозы независимости судебной власти; ограничение доступности правосудия и эффективных средств правовой защиты; неспособность бороться с произвольными и незаконными решениями государственных органов; присвоение финансовых и человеческих ресурсов; неспособность обеспечить отсутствие конфликта интересов, и другое (статья 3).

Статья 4 Регламента предусматривает потенциальные нарушения условий верховенства права применительно к бюджету Союза. В данной связи общим правилом является то, что «нарушения принципов верховенства права в государстве-члене влияют или серьезно рискуют повлиять на разумное финансовое управление бюджетом Союза или защите интересов Союза *достаточно прямым путем*». Несмотря на то, что государство-член на практике может различными средствами ослаблять приверженность верховенству права, только ситуации, перечисленные в пункте 2 статьи 4 Регламента, могут привести к введению финансовых ограничений.

Среди них указываются надлежащее функционирование органов, исполняющих бюджет или осуществляющих финансовый контроль, мониторинг и аудит; органов, которые осуществляют расследование и государственное обвинение в отношении преступлений мошенничества. В данный перечень также включаются ситуации, которые могут негативно влиять на эффективность рассмотрения судами действий вышеуказанных органов власти. Финансовые меры в соответствии с Регламентом также могут вводиться в связи с предотвращением или наказанием за мошенничество и другие преступления, посягающие на финансовые интересы Союза; по факту взыскания излишне уплаченных денежных средств; или в ходе сотрудничества государства-члена с Европейским ведомством по борьбе с мошенничеством или Европейской прокуратурой по преследованию отдельных лиц.

Процедурные аспекты европейского механизма обусловленности верховенством права определяются в статье 6 Регламента. Некоторые процедурные шаги можно сравнить с процедурой нарушения в соответствии со статьей 258 ДФЕС,

8 Regulation (EU) 2020/2094 establishing a European Union Recovery Instrument to support the recovery in the aftermath of the COVID-19 crisis // OJ L 433I, 22.12.2020, p. 23–27.

9 European Council Conclusions of 10 and 11 December 2020, European Council meeting.

10 Regulation (EU, Euratom) 2020/2092 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2020 on a general regime of conditionality for the protection of the Union budget // OJ L 433I, 22.12.2020, p. 1–10.

в то время как другие взяты из правил макроэкономической обусловленности, введенных в связи с созданием Европейского валютного союза (ЕВС) [9]. По аналогии с последним предлагалось принимать решения о введении мер в соответствии с процедурой обратного квалифицированного большинства (reverse qualified majority voting, RQMV). В рамках указанной процедуры рекомендация Комиссии считается принятой, если Совет квалифицированным большинством голосов не решит отклонить такую рекомендацию. Однако, по итогам заседаний институционального треугольника было решено вернуться к общему правилу квалифицированного большинства [10].

Процедура введения мер начинается с направления Комиссией письменного мотивированного уведомления государству-члену (пункт 1 статьи 6). Европейский парламент подлежит информированию о таком направлении и может вступить с Комиссией в структурированный диалог. В уведомлении содержатся выводы Комиссии, которые она делает на основании позиций институтов, международных организаций и органов, таких как Группа государств против коррупции (ГРЕКО) и Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия). Индивидуальные жалобы также являются важным источником информации для Комиссии. Затрагиваемое государство-член также обязано предоставлять Европейской комиссии всю информацию как до, так и после начала процедуры.

На второй стадии процедуры государству-члену предоставляется право сделать замечания в отношении выводов, изложенных в уведомлении (пункт 5 статьи 6). В замечаниях государства может быть осуществлена оценка соразмерности принимаемых мер или же предложены альтернативные, так называемые «скорректированные меры». На формулирование замечаний государству предоставляется от одного до трех месяцев. Комиссия должна принять во внимание замечания государства-члена, прежде чем принимать окончательное решение.

На третьей стадии Комиссия должна предоставить Совету предложение об имплементации соответствующих мер или прекратить дело. В отличие от процедуры, предусмотренной статьей 7 ДЕС, процедура в соответствии с Регламентом предполагает принятие Советом имплементационного решения не единогласием, а квалифицированным большинством голосов. Это означает, что право вето, которым в настоящее время пользуются Польша и Венгрия в отношении статьи 7, не может быть использовано в рамках указанной процедуры. Комиссия ежегодно повторно оценивает ситуацию в соответствующем государстве-члене с целью принятия решения о возможности изменения или отмены мер. Снятие мер осуществляется также по предложению Комиссии посредством имплементационного решения Совета.

Статья 5 Регламента предусматривает меры, которые Комиссия может предложить в отношении государства-члена, нарушающего принципы верховенства права. Указанная статья в значительной степени основывается на положениях Регламента № 2018/1046¹¹, которым регулируется распределение средств из бюджета Союза, а также Регламента №

1303/2013¹², который определяет механизм распределения структурных фондов Союза. Статья определяет меры в отношении (1) денежных средств, реализуемых Союзом самостоятельно, и (2) находящихся под совместным управлением, включая общую сельскохозяйственную политику и политику территориального сплочения. Эти бюджетные средства исполняются государством-членом и составляют примерно 70% бюджетных расходов Союза [9].

Среди мер по защите бюджета Союза, предусмотренных в статье 5, указываются приостановка платежей; запрет на принятие новых юридических обязательств; приостановление выплаты рассрочки; приостановление или уменьшение экономической выгоды по инструменту, гарантированному бюджетом Союза; запрет на заключение новых договоров о займе и другое. Принимаемые меры должны быть соразмерными – во внимание принимаются характер, продолжительность, серьезность и масштаб нарушений принципов верховенства права. Введение указанных мер не затрагивает обязательств государства-члена по исполнению и добросовестному управлению предоставленным ему бюджетом. Так, конечные бенефициары средств Союза должны продолжать получать причитающиеся им денежные средства. Таким образом, недополученные из бюджета Союза денежные средства возмещаются за счет бюджета государства-нарушителя. Наконец, пункт 3 статьи 7 предусматривает возможность для государства-члена возместить средства из бюджета, которые были удержаны в связи с исполнительными актами. Однако по истечении двух лет, если недостатки не были устранены, подобное право прекращается.

Европейская комиссия отложила начало применения Регламента до завершения разумного срока для его оспаривания в Суде ЕС. Указанный временный мораторий выступает в качестве компромисса других членов Европейского совета с Польшей и Венгрией, которые настаивают на том, что он противоречит учредительным договорам. В настоящее время Польша¹³, а также Венгрия подали иск об аннулировании Регламента¹⁴. Несмотря на то, что подача иска имеет целью отсрочить применение Регламента, 14 октября 2021 года Комитет по правовым вопросам Европейского парламента настоятельно рекомендовал Председателю ЕП Давиду Сассоли обратиться в Суд ЕС с иском к Комиссии о неисполнении обязательств.

Чтобы прояснить ряд элементов, связанных с функционированием механизма обусловленности, Комиссия готовит набор руководящих принципов. Они будут содержать подробные объяснения того, как применять Регламент, в том числе то, как будут защищены права конечных получателей и бенефициаров финансирования ЕС. Руководство будет окончательно доработано после решений Суда ЕС по искам, поданным Польшей и Венгрией.

12 Regulation (EU) 1303/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2013 laying down common provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund, the Cohesion Fund, the European Agricultural Fund for Rural Development and the European Maritime and Fisheries Fund and laying down general provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund, the Cohesion Fund and the European Maritime and Fisheries Fund and repealing Council Regulation (EC) 1083/2006.

13 Case C-156/21: Action brought on 11 March 2021 — Hungary v European Parliament and Council of the European Union // OJ C 138, 19.4.2021, p. 24–26.

14 Case C-157/21: Action brought on 11 March 2021 — Republic of Poland v European Parliament and Council of the European Union // OJ C 138, 19.4.2021, p. 26–28.

11 Regulation (EU, Euratom) 2018/1046 of the European Parliament and of the Council of 18 July 2018 on the financial rules applicable to the general budget of the Union, amending Regulations (EU) 1296/2013, (EU) 1301/2013, (EU) 1303/2013, (EU) 1304/2013, (EU) 1309/2013, (EU) 1316/2013, (EU) 223/2014, (EU) 283/2014, and Decision 541/2014/EU and repealing Regulation (EU, Euratom) No 966/2012.

Общий режим обусловленности отличается от европейского механизма верховенства права (European Rule of Law Mechanism), который связан с изданием ежегодного отчета о верховенстве права. Отчет состоит из общей части и 27 разделов, посвященных ситуации в каждом государстве-члене. Документ охватывает четыре ключевые области верховенства права: судебную систему, правовые основы борьбы с коррупцией, плюрализм и свободу СМИ, а также отдельные институциональные вопросы, связанные с системой сдержек и противовесов. В настоящее время доступны отчеты за 2020 и 2021 годы¹⁵. В рамках текущего отчета особое внимание уделяется влиянию пандемии COVID-19 на состояние верховенства права.

Власти Польши и Венгрии выступили с серьезной критикой указанного механизма, поскольку он поставит под сомнение возможность продолжать антиценностную повестку в тяжелых условиях необходимости преодоления последствий пандемии COVID-19. В качестве контрлимита указанной мере был выдвинут старый аргумент о неуважении, которое якобы проявляет Союз к «основополагающим конституционным структурам», а именно – судебной власти. Иными словами, Польша и Венгрия вновь игнорируют весьма конкретные и многочисленные европейские обязательства, используя абстрактное положение об уважении национальной идентичности (статья 4(2) ДЕС).

7 октября 2021 года Конституционный суд Польши в решении № К 3/21 выступил с собственной, радикальной позицией в отношении верховенства и действия права ЕС на территории государства. Дональд Туск¹⁶ осудил указанное решение и призвал к протесту, в котором приняли участие тысячи людей, которые собрались на Замковой площади. В дополнение десять судей Конституционного суда в отставке 10 октября 2021 года выступили с заявлением, в котором отдельные положения Решения № К 3/21 были поставлены под сомнение. Среди аргументов значилось, что решение не имеет особой практической ценности, поскольку позиция о приоритете Конституции над правом ЕС закреплена в целой серии предшествующих решений по делам К 18/04, К 32/09, SK 45/09. Можно отметить, что с теоретической точки зрения указанное решение развивается в русле плюралистических («уравнительных») подходов к соотношению права ЕС и национального права, которые получили большую популярность в последнее время [11]. Без сомнения, приверженность подобной плюралистической позиции приведет к наложению на Польшу финансовых санкций как за неисполнение решения Суда ЕС по статье 260 ДФЕС, а также применения нового Европейского механизма обусловленности верховенством права.

Пристатейный библиографический список

1. Венецианская комиссия о правовом государстве / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Е.А. Фокин и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: ИЗИСП, 2021.
2. Венецианская комиссия о проблемах правосудия в современном мире: сборник аналитических материалов Венецианской комиссии Совета Европы / Сост. Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Е.А. Фокин, С.В. Чиркин; под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: ИЗИСП.
3. Fuller L. The morality of law. Yale, Yale University Press, 1964.
4. Bennett M. J. Hart and Raz on the Non-Instrumental Moral Value of the Rule of Law: A Reconsideration. Law and Philosophy. 2011. Vol. 30. № 5.
5. Raz J. The Rule of Law and Its Virtue // Raz J. The Authority of Law. Oxford: Oxford University Press, 1979.
6. Фокин Е. А., Черенкова В. С. Судебная реформа в Польше: аналитический обзор заключения, принятого Венецианской комиссией на 113-ом пленарном заседании в отношении Польши // ЖЗЗиСП. 2018. № 2.
7. Черенкова В.С., Лебедева Я.И. Аналитический обзор заключений в отношении Молдовы и Венгрии, принятых на 111-й пленарной сессии Венецианской комиссии // ЖЗЗиСП. 2017. № 4 (65).
8. Kirst N. Rule of Law Conditionality: The Long-awaited Step Towards a Solution of the Rule of Law Crisis in the European Union? European Papers. 2021. Vol. 6. № 1.
9. Von Bogdandy A., Lacny J. Suspension of EU funds for breaching the rule of law - A dose of though love needed? Swedish Institute for European Policy Studies, June, 2020 [Электронный ресурс]. - https://sieps.se/globalassets/publikationer/2020/2020_7epa.pdf
10. Dimitrovs A. Analysis: "Rule of law conditionality for the EU budget: agreement is there", EU Law Live, 5 November 2020 [Электронный ресурс]. - <https://eulawlive.com/analysis-rule-of-law-conditionality-for-the-eu-budget-agreement-is-there-by-aleksejs-dimitrovs/>
11. Лебедева Я. И. Взаимодействие права Европейского Союза и конституционного права государств-членов: плюралистические подходы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 3.

15 Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, 2020 Rule of Law Report, The rule of law situation in the European Union (COM/2020/580 final); Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, 2021 Rule of Law Report, The rule of law situation in the European Union (COM(2021) 700 final).

16 Польский политический деятель, бывший премьер-министр Польши, бывший Председатель Европейского совета, текущий председатель Европейской народной партии (крупнейшая транснациональная политическая партия в Европе).

МАРЧЕНКОВА Лилия Михайловна

кандидат экономических наук, доцент, преподаватель кафедры предметно-цикловой комиссии специальных и профессиональных дисциплин Орловского государственного университета экономики и торговли

Марченкова Л. М.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЕ

Важнейшей проблемой, возникающей в настоящее время, кроме пандемии Covid-19, является проблема международных конфликтов и их урегулирования. Международный конфликт представляет собой непосредственное или косвенное столкновение интересов двух или нескольких сторон (государств, групп государств и т.д.) на основе имеющихся между ними противоречий объективного или субъективного характера. Международные конфликты имеют различную природу, это могут быть объективные причины либо субъективные, например, внешняя политика государств. Зачастую личностные противоречия могут оказывать влияние на международные отношения, в том числе и на международные конфликтные ситуации.

В связи с этим возникает необходимость рассмотрения вопроса о том, что представляют собой международные конфликты, какова их причина, и какую роль в этих процессах играет государство.

Ключевые слова: международные отношения, политические отношения, международные конфликты, фазы конфликта, разрешение конфликта, экономические отношения.

MARCHENKOVA Lilya Mikhaylovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, lecturer of Subject-cycle commission of special and professional disciplines sub-faculty of the Orel State University of Economics and Trade

INTERNATIONAL CONFLICTS AND THEIR SETTLEMENT

The most important problem currently arising, in addition to the Covid-19 pandemic, is the problem of international conflicts and their settlement. An international conflict is a direct or indirect clash of interests of two or more parties (states, groups of states, etc.) based on the contradictions between them of an objective or subjective nature. International conflicts are of a different nature; these can be objective reasons or subjective reasons, for example, the foreign policy of states. Often, personal contradictions can affect international relations, including international conflict situations.

In this regard, it becomes necessary to consider the question of what constitute international conflicts, what is their cause, and what role the state plays in these processes.

Keywords: international relations, political relations, international conflicts, phases of conflict, conflict resolution, economic relations.

События, происходящие в мире в последнее время, показали, что понятие «международный конфликт» выходит на первый план в современных международных отношениях.

Термин «конфликт» (лат. conflictus — столкнувшийся) представляет собой наиболее острый способ разрешения противоречий в интересах, целях, взглядах, возникающих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии участников этого взаимодействия и обычно сопровождающийся негативными эмоциями, выходящий за рамки правил и норм [3]. Говоря о международном конфликте, можно отметить, что он является наиболее масштабной формой социального конфликта. Международный конфликт представляет собой обострения взаимодействия субъектов международного права либо негосударственных акторов мировой политики, обусловленные действием тех или иных геополитических, геоэкономических, геостратегических противоречий локального, регионального либо глобального характера. В системе международных отношений существует различная классификация международных конфликтов. В самом общем виде можно выделить: симметричные и асимметричные конфликты.

Симметричные конфликты характеризуют равенство сил вовлеченных в конфликт сторон. Асимметричные же конфликты говорят о резком различии в потенциале конфликтующих сторон.

Можно рассмотреть интересную классификацию конфликтов, предложенную канадским политологом А. Раппопортом, который классифицирует конфликты по форме протекания. Так, он выделяет три вида конфликтов: конфликты в форме «сражения», конфликты в форме «игры» и конфликты в форме «дебатов». Конечно же, наиболее опасным для мира является конфликт, развивающийся в форме «сражения». Здесь стороны, вовлеченные в конфликт, изначально настроены воинственно по отношению друг к другу и стремятся нанести противнику максимальный урон, не обращая внимание на последствия для себя и противоположной стороны. Поведение участников такого конфликта можно определить, как иррациональное.

В системе международных отношений международный конфликт может рассматриваться как относительно самостоятельное явление. Субъектами международного конфликта могут быть государства, межгосударственные объединения, международные организации, включая ООН, организационно оформленные общественно-политические силы внутри государства или на международной арене. В ходе международного конфликта могут происходить различные изменения, например, может уменьшаться или расширяться круг участников конфликта, меняться цели конфликтующих сторон, заинтересованность сторон в конфликте и т.д. [2].

Конфликты не возникают и не пропадают в один момент времени. Каждый международный конфликт имеет

определенные фазы своего развития. Фазы развития международных конфликтов меняются в зависимости от содержания, формы конфликта, применяемых средств и механизмов. Иногда международный конфликт способен перескакивать через фазы, а иногда, но может развиваться медленно, как бы растягиваться. Развитие его может идти от фазы к фазе по нарастающей, но способно также и к «топтанию на месте», повторению фаз, «отступлению», «снижению» уровня. В каждом конкретном случае уровень развития международного конфликта может быть различным.

Так, например, 2021 год характеризовался следующими международными конфликтами и войнами: Сирия, Украина, Нагорный Карабах, а также часть африканских стран по-прежнему живут в условиях войны. Где-то ситуация более или менее налаживается, а где-то хоть до какого-то мира еще очень далеко. Выделим основные горячие точки в 2021 году: Азербайджано-армянский пограничный кризис (2021), Американо-иранский конфликт (с 2019), Беспорядки в Южно-Африканской Республике (2021), Военный переворот в Гвинее (2021), Военный переворот в Мали (2021), Военный переворот в Мьянме (2021), Военный переворот в Судане (октябрь 2021), Вооруженный конфликт в Тыграе, Израильско-палестинский кризис (2021), Конфликт в Южном Кордофане (с 2011), Конфликт на киргизско-таджикской границе (2021), Массовые беспорядки в Испании (2021), Наступление «Талибана» (2021), Операция «Страж стен», Падение Кабула (2021), Попытка военного переворота в Нигере (2021), Попытка военного переворота в Судане (сентябрь 2021), Протесты против военного переворота в Мьянме (2021), Эфиопо-суданский пограничный конфликт (2020—2021).

В настоящее время все обсуждают наращивание сил российских войск на границах с Украиной. Источники американских и европейских СМИ утверждают, что Россия может готовиться полномасштабное вторжение в Украину. Это уже вынудило президента США Джо Байдена провести встречу с Владимиром Путиным, после которой он поручил начать подготовку к переговорам стран НАТО с Россией. Выступая на расширенном заседании коллегии Министерства обороны России 21 декабря, Путин детально обосновал возможное вторжение на Украину, назвав «ответные военно-технические» шаги крайне мерой, которую Россия, возможно, будет вынуждена принять, чтобы защититься от длившихся годами провокаций все более враждебно настроенного альянса НАТО [5].

Обратимся к истории, многие конфликты в период «холодной войны» подпитывались соперничающими блоками, за некоторыми из них, как правило, стояли две сверхдержавы: СССР и США. После окончания «холодной войны» страны перешли на путь разрешения части из этих конфликтов, но в то же время возникли новые очаги напряженности. В настоящее время это Россия и США. Во многих регионах планеты, к сожалению, продолжает литься кровь, стоит остро угроза глобального вооруженного столкновения. Поэтому в настоящее время актуальной является проблема обеспечения всеобщей безопасности.

Существуют различные пути выхода из международных конфликтов. Если международный конфликт перешел в этап вооруженной борьбы, то как правило победитель навязывает свою волю, побежденной стороне. В этом случае конфликт прекращается, но через какое-то время, может вспыхнуть вновь.

Для того, чтобы урегулировать конфликт мирным путем, необходимы усилия всех вовлеченных в конфликтную ситуацию сторон, при участии не втянутых в непосредственное политическое или военное столкновение государств или других международных акторов. «Мирное урегулирование конфликтов» — широкое понятие, охватывающее несколько направлений мирного выхода из конфликтной ситуации:

– разрешение конфликта, т.е. устранение его причины;

– урегулирование конфликта, т.е. поиск условий, при которых конфликт не будет развиваться;

– предотвращение конфликта, т.е. недопущение вооруженной фазы конфликта.

В любом мирном урегулировании конфликтов важнейшее место занимает ведение переговоров. Переговорный процесс является сложнейшим этапом, обладающим своей спецификой. Главной задачей переговоров является найти оптимальный путь разрешения международного конфликта. Переговоры также выполняют определенную информативную роль, т.е. здесь стороны могут обмениваться информацией, полезной для обеих сторон.

Переговоры могут выполнять и пропагандистскую функцию, т.е. участвующие в переговорах лица обращаются не только к партнерам, но и к общественному мнению своей страны, международному общественному мнению, к социальным группам и политическим силам, для того чтобы получить их поддержку [2,4].

Кроме переговоров, для разрешения международных конфликтов, можно прибегнуть к помощи третьей стороны, которая найдет решение, удовлетворяющее конфликтующие стороны. Например, в средневековой Европе Папа Римский выступал в качестве третьей стороны, при разрешении противоречий. В настоящее время, в качестве третьей стороны выступают государства, церковь, группы государств, международные организации, неправительственные институты и организации. Третья сторона, как правило, использует определенные средства ограничения и принуждения. Так, в настоящее время активно применяются экономические санкции, введение миротворческих сил, проведение военных миротворческих операций. Главная цель миротворческих сил — это не допустить вооруженных столкновений между конфликтующими сторонами, контроль над их вооруженными действиями, однако не всегда удается устранить причину конфликта между сторонами. Окончательное и полное ее устранение скорее выступает в качестве будущей цели.

Таким образом, важно отметить, что общее количество международных конфликтов в мире продолжает возрастать, приобретая новые формы их проявления, которые не подвергаются общепринятым способам их стабилизации. Поэтому, необходимо пересмотреть подходы к разрешению и урегулированию международных конфликтов.

Пристатейный библиографический список

1. Вылегжанин А. Вопросы соотношения и взаимодействия международных отношений и международного права. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voprosy-sootnosheniya-i-vzaimodeystviya-mezhdunarodnykh-otno/> (дата обращения: 28.12.2021).
2. Лебедева М. М. Мировая политика: учебник. — М.: КноРус, 2018. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://book.ru/book/926535/> (дата обращения: 28.12.2021).
3. Международный конфликт: понятие, типы, функции. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://infopedia.su/9x3527.html> (дата обращения: 28.12.2021).
4. Международное право. Ред. колл. Вылегжанин А. Н., Колосов Ю. М., Малеев Ю. Н., Геворгян К. Г. - М.: Юрайт, 2012.
5. Лавров предупредил о риске крупномасштабного конфликта в Европе из-за Украины. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/24/12/2021/61c559c99a79473951e98821/> (дата обращения: 28.12.2021).

НУРЕЕВА Ляйсан Рустамовна

аспирант кафедры конституционного и международного права Университета управления «ТИСБИ», г. Казань

К ВОПРОСУ ОБ ИММУНИТЕТАХ СУДЕЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДОВ

В статье рассматриваются основные положения и структура иммунитета судей международных судебных учреждений. На примере международного суда ООН и Европейского Суда по Правам Человека, проведен анализ реализации данных судебных иммунитетов. Раскрываются проблемы и пробелы правоприменения процедуры освобождения судей от занимаемых должностей, последствия таких решений.

Ключевые слова: международное право, судьи международных судов, судебский иммунитет, ответственность судей, механизм, Международный Суд ООН, Европейский Суд по Правам Человека, привилегии, требования.

NUREEVA Laysan Rustamovna

postgraduate student of Constitutional and international law sub-faculty of the University of Management "TISBI", Kazan

ON THE ISSUE OF IMMUNITIES OF JUDGES OF INTERNATIONAL COURTS

The article discusses the main provisions and structure of the immunity of judges of international judicial institutions. On the example of the International Court of Justice and the European Court of Human Rights, an analysis was made of the implementation of these judicial immunities. The problems and gaps in the law enforcement of the procedure for the dismissal of judges from their positions, the consequences of such decisions are revealed.

Keywords: international law, judges of international courts, judicial immunity, responsibility of judges, mechanism, International Court of Justice, European Court of Human Rights, privileges, requirements.

Предметом настоящего исследования, является реализация судебного иммунитета, который является одним из звеньев независимости судебной власти.

Судейская неприкосновенность является не личной привилегией судьи, а является средством защиты публичных интересов, прежде всего интересов правосудия. Важной составляющей судебного иммунитета является категорический запрет на привлечение судьи, в том числе и после прекращения его полномочий, к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, за исключением случаев, когда вступившим в законную силу приговором суда будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении и в вынесении заведомо неправосудного приговора, решения [1, с.60].

Международное законодательство, не воспринимает судебскую неприкосновенность, как абсолюте, который может привести к судебской вседозволенности и безнаказанности. Наоборот, наличие четко установленных законом и гарантированно верно реализуемых на практике случаев, условий и оснований привлечения судьи к той или иной ответственности обеспечивают общественное одобрение, существованию судебного иммунитета.

Вопросы о гарантиях и реализации иммунитетов судей международных судов представляют собой одну из сложных проблем современного международного права. С одной стороны, иммунитеты судей являются гарантией обеспечения принципа независимости суда [6, с. 334]. С другой стороны, добросовестность судьи и его строгое следование закону также является составной частью принципа справедливого суда как права обвиняемого [2, с. 19-24], [3, с. 14-17].

Острым остается вопросы этики, служебного поведения и профессионализма судей. Государство делегирует в качестве судьи, одного из лучших, по его мнению представителей, которое, не будет нарушать нормы международного и внутригосударственного права и, кроме того, будет соблюдать нормы этики и морали по определению. Как считает М. И. Клеандров «особой нужды в развернутом механизме ответственности судей каждого международного суда нет, достаточно лишь нормативно закрепить общий абрис такого механизма». [1, с. 268, 269].

Иммуниитетами обладают судьи всех международных судебных учреждений, хотя и в разных объемах [4, с. 112], [5, с. 57-59]. В настоящей статье будут рассмотрены актуальные проблемы реализации иммунитета судей двух междуна-

ных судебных органов – Международного Суда ООН (МС ООН) и Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

Судьями МС ООН могут быть лица, которые избираются из числа юристов с признанным авторитетом, обладающих высокими моральными качествами и (или) соответствующие требованиям, предъявляемых в их странах для назначения на высшие судебные должности. Судьи избираются на 9 лет и при желании могут быть переизбраны.

В соответствии со статьей 20 Статута каждый член Суда, прежде чем приступить к своим обязанностям, должен сделать торжественное заявление в открытом судебном заседании, что он будет осуществлять свои полномочия беспристрастно и добросовестно¹. Однако какая-либо ответственность, самим Статутом, за неисполнение данной «присяги», не установлена. Только лишь в статье 18, касаемо ответственности, предусмотрено, что ни один член Суда не может быть уволен, если, по единодушному мнению, других членов, он не перестает выполнять требуемые условия. Однако данный документ конкретных ссылок на требования, нарушения которых, могут повлечь отрешение члена Суда, не содержит. Так же остается неясным разграничение дисциплинарной и иной ответственности судей. Не установлено и то, кто может инициировать отрешение судьи и сама процедура.

Если рассматривать ответственность судьи, не в узком смысле (наказание судьи), а в качестве развернутого механизма, то следует рассмотреть вопрос об ответственности иных участников международно-правовых отношений, которые не являются судьями, но действия которых, каким-либо образом влияют на положение судей. Как полагает А. С. Худынцев, гарантии независимости или порядок назначения. Которые многими авторами включаются в статус, являются сочетанием прав, обязанностей и ответственности не только самих судей, но также международных организационно-публичных институтов (государств, организаций, органов), и индивидов (международных должностных лиц, кандидатов в судьи). [10, с. 120, 121].

В Регламенте Международного суда ООН установлено, что «при выполнении своих функций члены Суда имеют равный статус, независимо от возраста, давности избрания или продолжительности службы». Как установлено специальной

1 Статут Международного Суда (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/>.

резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13 февраля 1946 года, все члены Суда, при исполнении ими служебных обязанностей пользуются дипломатическими привилегиями и иммунитетами².

Международным судом ООН и Правительством Нидерландов 11 декабря 1946 года заключено Соглашение, на основании которого, все члены Суда находятся на таком же положении, как и главы дипломатических миссий, получивших аккредитацию в Нидерландах. Данные привилегии и иммунитеты необходимы для соблюдения целей отправления международного правосудия, а никак не в личных целях тех, кто ими пользуется.

Как отмечает А. С. Худынцева, статус судей Международного суда ООН по общим признакам, наиболее близок к правовому положению высших должностных лиц секретариатов международных организаций системы ООН. Судьи международного Суда ООН не персонифицируют собой какого-либо объединения, а представляют интересы всего международного сообщества, имеющейся системы мирового правопорядка и правосудия, что представляет собой уникальность судейского статуса. [10, с. 11].

Рассмотрим механизм ответственности судей также на примере Европейского суда по правам человека, который использует принцип, равного участия всех государств-участников членов Совета Европы. Данный вопрос имеет особое значение в связи со всё возрастающей активностью данного суда в отношении Российской Федерации [7, с. 202-208]. Как отмечал В. А. Туманов, данный принцип отвечает реалиям межгосударственных отношений. Численность судей ЕСПЧ на порядок превышает число судей в других международных юрисдикциях, однако только «такая сравнительно большая численность позволяет сегодня Суду справиться с потоком дел» [9, с. 304].

Статья 21 Конвенции о защите прав человека и основных свобод гласит, что судьи ЕСПЧ должны обладать высокими моральными качествами и удовлетворять требованиям, предъявляемым при назначении на высокие судебные должности, или быть правоведами с общепризнанным авторитетом [8, с. 112]. При этом сами участвуют в работе Суда в личном качестве. И на протяжении всего срока пребывания в должности судьи не должны осуществлять никакой деятельности, несовместимой с их независимостью, беспристрастностью или с требованиями, вытекающими из характера их работы в течение полного рабочего дня; все вопросы, возникающие в связи с применением положений настоящего пункта, решаются Судом.

Шестой протокол к Генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы, который устанавливает, что судья при исполнении своих служебных полномочий и в период поездок в целях выполнения этих функций, не подлежит личному аресту и задержанию, и пользуется аналогичными льготами, как и главы дипломатических миссий. Любые документы суда, имеющие отношение к деятельности Суда, являются неприкосновенными, а официальная переписка судьи не подлежит аресту и цензуре. Привилегии и иммунитет представляются судьям с целью обеспечения независимого осуществления их функций. Кроме того, суд в пленарном заседании обязан отказаться от иммунитета какого-либо судьи, если, по мнению Суда, этот иммунитет может воспрепятствовать отправлению правосудия³.

Согласно статье 23 «Судья может быть отстранен от должности только в случае, если остальные судьи большинством в две трети голосов принимают решение о том, что данный судья перестает соответствовать предъявляемым требованиям». Предъявляемыми требованиями к судье являются: высокий профессионализм, моральные качества, общепризнанный авторитет в области правоведения; невозможность занятия иной деятельностью, несовместимой с их независимостью, беспристрастностью или требованиями, вытекающими из характера их работы в течение полного рабочего дня.

Конвенция и Регламент ЕСПЧ не конкретизируют такое понятие, как «судья перестает соответствовать предъявляемым требованиям», в связи с чем данное понятие можно рассматривать как в узком, так и в широком смысле. В соответствии с Регламентом, процедуру отстранения от должности своего коллеги может начать любой судья. Решение об освобождении от должности принимает пленарное заседание большинством в две трети голосов. Ни Конвенция, ни Регламент не прописывают, должно ли освобождение от должности подтверждено органом, избравшим судью, самой Парламентской ассамблеей. Регламент устанавливает, что после отставки, судья завершает дела, в рассмотрении которых он участвует, то применительно к освобождению от должности такого пояснения нет, как нет и других указаний на конкретные юридические последствия освобождения от должности.

Остается открытым вопрос: может ли государство отозвать избранного по его предложению судью? Ни Конвенция, ни Регламент не предусматривают такую возможность, что не противоречит основному принципу несменяемости судей, и что судьи участвуют в работе Суда в личном качестве. Однако, если само государство начнет уголовное преследование избранного им судьи за какие-либо преступления, предусмотренные внутрисударственным законодательством, не определена процедура лишения иммунитета данного судьи.

Иммунитеты судей международных судов не являются абсолютными. Имеются пробелы правового регулирования в отношении иммунитетов судей перед юрисдикцией государств, гражданами, которых они являются, по делам, не связанным с их функциями в качестве судей ЕСПЧ и судей международного суда ООН.

Пристатейный библиографический список

1. Клеандров М. И. Ответственность судьи. - М.: Издательство НОРМА, 2017.
2. Мезяев А. Б. Права обвиняемого в современном международном уголовном процессе (вопросы теории и практики). Автореферат дис. ... доктора юридических наук / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. - Москва, 2013.
3. Мезяев А. Б. Право на справедливое рассмотрение дела в современном международном уголовном процессе. // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2010. - № 4. - С. 14-17.
4. Международное гуманитарное право: война, память, справедливость (юридические и исторические аспекты). Игнатенко Г. В., Перевалов В. Д., др. Учебное пособие. - Москва, 2020. Сер. 76 Высшее образование (1-е изд.).
5. Практикум по международному праву. Толстых В. Л., Варламов Ю. Е., Должиков А. В., Канашевский В. А., Кожеуров Я. С., Кудинов А. С., Лифшиц И. М. и др. - Москва, 2021.
6. Международная и внутрисударственная защита прав человека. Абашидзе А. Х., Абдуллин А. И., Адамова Э. Р., Акхамова И. Л., Алиев З. Г., Амиров К. Ф., Амирова Р. Р., Антонов И. О., Арсланов К. М., Бакулина Л. В., Бакулина Л. Т., Бухмин С. В., Валеев Р. М. и др. Учебник. - Москва, 2021.
7. Мотрохин Е. Ю. О правовой природе и месте постановлений Европейского Суда по правам человека в правовой системе Российской Федерации. // Казанский журнал международного права и международных отношений. - 2015. - № 7. - С. 202-208.
8. Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики. Материалы V Национальной научно-практической конференции. - Казань, 2021.
9. Туманов В. А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности: Издательство НОРМА, 2001.
10. Худынцева А. С. Правовой статус судей Международного суда ООН автореферат диссертации, 2010.

2 Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений. Принята резолюцией 179 (II) Генеральной Ассамблеи от 21 ноября 1947 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/>.

3 Шестой Протокол к Генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы* (ETS № 162), Ратифицирован Федеральным законом РФ от 22 марта 2001 года № 28-ФЗ.

САФАРОВ Владислав Раильевич

старший преподаватель кафедры гражданского и уголовного права и процесса Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета

КОСЕНКО Ольга Александровна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Факультета экономика и права Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета

ШАМСУТДИНОВА Ильясия Кадировна

студент 4 курса Факультета экономика и права Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье проводится анализ международного терроризма с точки зрения общественности и криминологии. Обсуждается мнение политиков и экспертов. Дается определение терроризму и оценивается общая угроза по отношению к нему.

Ключевые слова: терроризм, международный терроризм, террористический акт.

SAFAROV Vladislav Railevich

senior lecturer of Civil and criminal law and process sub-faculty of the Sibai Institute (branch) of the Bashkir State University

KOSENKO Olga Aleksandrovna

senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the Faculty of Economics and Law of the Sibai Institute (branch) of the Bashkir State University

SHAMSUTDINOVA Ilsiya Kadirovna

student of the 4th course of the Faculty of Economics and Law of the Sibai Institute (branch) of the Bashkir State University

INTERNATIONAL TERRORISM AS A THREAT TO NATIONAL SECURITY

The article analyzes international terrorism from the point of view of the public and criminology. The opinion of politicians and experts is being discussed. The definition of terrorism is given and the overall threat to it is assessed.

Keywords: terrorism, international terrorism, terrorist act.

Актуальность данной темы обуславливается тем, что терроризм представляет собой большие экономические, политические и моральные потери. Как мы знаем его жертвами, могут стать любые государства, и конечно же люди. Так же следует учитывать, что международный терроризм представляет собой особую опасность, которая направлена на уничтожение общественного мирового правопорядка и межгосударственных отношений. В современном мире терроризм занимает значимое место, по мнению политиков и экспертов. Рассматривая терроризм со всех возможных сторон, многие специалисты пришли к общему мнению, что одним из главных его признаков является глобальность разрушений и ужасающие последствия.

Объекты террористического акта - определенные люди, (деятели общественных политических организаций, представители всех ветвей власти, сотрудники правоохранительных органов, верующие, различные объединения граждан). А инфраструктурами страны являются (промышленные объекты, энергетика, транспорт, склады вооружений и железные дороги, нефтепроводы, газопроводы и т.д.). Разрушение которых нарушает мирную жизнедеятельность и может привести к гибели людей, а иногда массовой гибели [1, с. 55-57].

Расследование террористических преступлений основывается на теоретических положениях, результатах следственной работы и тесного сотрудничества государств.

Специалисты не могут дать терроризму единого определения, которое использовалось бы каждым государством. Это связано с тем, что современный терроризм многообразен. Если одно государство дает определение терроризму

как агрессивное объединение группы, то другое государство может дать иное понятие. Такая разница в определениях вызывает дискуссионные ситуации, в которой одно государство признает какую-либо группировку террористическим, а другое так не считает. И каждый при этом основывается на свои узконациональные геополитические интересы.

Все трактовки сводятся к одному: терроризм – это вариант политической борьбы, связанный с применением идеологически мотивированного насилия [2, с. 201]. Целью, которого является подрыв общественного порядка и приостановление деятельности государственных органов с помощью насильственных действий.

Значительными качествами международного терроризма являются глобализация, профессионализация и опора на экстремистскую идеологию. По сравнению с прошедшими годами все больше и больше начинают использовать запрещенные общественно-опасные оружия (ядерного, химического или бактериологического характера) и террористов-самоубийц, что осложняет расследование и выявление виновных лиц.

Международный терроризм выражается следующими признаками:

- терроризм совершается в основном в том государстве, из которого может быть сам экстремист;
- нападение адресовано лицам являющимися государственными деятелями и обладающим государственной неприкосновенностью;
- разработка террористического акта в основном происходит в другой стране;

Диаграмма 1. «Статистика терактов 21 века»

– террорист, совершив террористический акт в одном государстве, скрывается в другом, здесь встает вопрос о его экстрадиции;

– многочисленные жертвы;

– состоит из нескольких лиц, которые могут не знать друг друга, но преследуют одну цель;

– чрезвычайная жестокость в отношении мирного населения.

Также можно выделить основные виды международного терроризма: этнический терроризм; религиозный терроризм, уголовно-криминальный терроризм; экологический терроризм и др.

Эксперты предполагают, что прогрессивное политическое устройство мира само по себе никак не способствует борьбе с терроризмом. Конструктивные идеи могут повлиять на ум людей особенно, там, где есть неравенство.

Исследуя становление и развитие понятие «терроризма» стоит отметить, что существует множество мнений. И главное из них, нет ясного выделения его характеристик. Потому как, определение терроризма всячески выражается в различных обществах в зависимости от культурных, социальных, моральных ценностей, а также с точки зрения исследователей. Размышляя над этой темой, уверенно можно сказать, что основа международного терроризма — это наличие политически мотивированного насилия, целенаправленного, не правомерного, вплоть до разрушения объекта воздействия, также на изменение поведения объекта, которое покушается на общественные отношения, охраняемые государством.

В качестве примера можно привести статистические данные 21 века самого масштабного по разрушению и количеству жертв в истории человечества теракта взрыв башен-близнецов в Нью-Йорке, который унесло жизни более 2000 человек и остается одним из самых страшных событий в мировой истории. (См. Диаграмму 1.)

В каждой стране проводится ежедневная работа силами правоохранительных органов, по обеспечению безопасности населения государства. Все больше сил вкладывается, на то, чтобы держать на контроле и соблюдать нормативно правовые акты. Особенно усилился контроль в школах, связи с печальными событиями в городе Казань. В результате взрыва и стрельбы из них 9 погибли не в чем, невинные люди. При этом государства не в силах преодолеть терроризм в одиночку, требуется согласованные действие всех заинтересованных участников. Первым шагом может стать применение единое

законодательство, на мировом уровне, например «Европейская конвенция по борьбе с терроризмом 1977 г»; «Международная конвенция о борьбе с терроризмом» и контроль со стороны органов государственной власти, которые дают явное понятие определяющее, что такое терроризм и его опасные последствия.

Таким образом, терроризм — это идеология насилия, а также практика связанного с устрашением мирного населения, или другими способами противоправных насильственных деяний, влияние на общественное сознание и органы государственной власти, с целью принудительного принятия определенного решения. На сегодня терроризм является одним из глобальных проблем, поэтому жизнь людей буквально пропитано страхом. Ежедневно статистика жертв и разрушений неуклонно растет, и это мы видим различных информационных в сообщениях. Угроза терроризма направлена на безопасность стран и их граждан, завлекая, за собой кардинальные политические и моральные изменение, при этом оставив сильное психологическое влияние на население, унося жизнь невинных людей. В будущем, чтобы не допустить террористических актов странам, потребуются новые методы так и совместное действие. Для этого, необходимо, новый миропорядок, в котором должны иметь место, например, как, создание проектов целью экономического развития, снижение культурной ценности, ненасильственные протесты, смена политики и концепции безрассудного поведения и главное мирные переговоры между государствами.

Пристатейный библиографический список

1. Бурковская В. А., Маркина Е. А., Мельник В. В. Уголовное преследование терроризма. - М.: Юрайт, 2008. - 160 с.
2. Колегаева Т. П. Терроризм И Экстремизм – Угроза XXI Века. Библиографический список литературы: моногр. - Москва: Огни, 2010. - 901 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-45-47

ТЕЛИГИСОВА Софья Сармановна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, капитан полиции.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье рассматриваются особенности взаимодействия отечественных правоохранительных органов с компетентными органами иностранных государств в борьбе с преступностью. Автор рассматривает приоритетные направления «полицейского сотрудничества» на основе заключенных в пределах компетенции МВД Российской Федерации межведомственных соглашений, не противоречащих с действующим законодательством и международными принципами, договорами, ратифицированными РФ.

Ключевые слова: преступность, правоохранительные органы, международное сотрудничество, глобализация преступности, цифровизация, интеграция, транснациональная организованная преступность, преступность международного характера, международное полицейское сотрудничество.

TELIGISOVA Sofya Sarmanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Criminal process sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

SOME ASPECTS OF THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISM OF INTERNATIONAL COOPERATION OF RUSSIAN LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN COUNTERING TRANSNATIONAL CRIME

The article deals with the peculiarities of the interaction of domestic law enforcement agencies with the competent authorities of foreign states in the fight against crime. The author examines the priority areas of "police cooperation" on the basis of interdepartmental agreements concluded within the competence of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation that do not contradict current legislation and international principles, treaties ratified by the Russian Federation.

Keywords: crime, law enforcement agencies, international cooperation, globalization of crime, digitalization, integration, transnational organized crime, international crime, international police cooperation.

Телигисова С. С.

Безусловно, процесс глобализации принес целый ряд позитивных достоинств, положительно повлияв, в свою очередь, на либерализацию экономических, гуманитарных, социокультурных контактов между государствами, расширив границы международной торговли и международных перевозок. Вместе с положительным вкладом в вышеперечисленные процессы глобализация в значительной мере расширила масштабы транснациональной преступности. В связи с этим значение межгосударственных институтов в координации согласованных усилий правоохранительных органов в противодействии транснациональной организованной преступности значительно возрастает.

Как показывает международный опыт, сотрудничество многих развитых государств в различных направлениях борьбы с преступлениями международного характера осуществляется путем заключения специальных договоров. Следует отметить, что договорно-правовой (конвенционный) механизм в своем становлении и развитии прошел длительный исторический путь и является одной из эффективных форм сотрудничества в борьбе с преступностью в рамках двустороннего сотрудничества.

Так, примерно во второй половине XIX века возникла острая необходимость создания специальных межгосударственных органов и международных организаций, предназначенных для координации сотрудничества в борьбе с преступностью, включающих в себя профилактику правонарушений, их выявление, пресечение, раскрытие, а также выдачу преступников и др. [4].

В международных кругах, на дипломатическом уровне, не зря принято считать наиболее оптимальной формой международного сотрудничества между странами именно организационно-правовую форму, поскольку она позволяет согласовывать межгосударственные позиции стран и учитывать национальные интересы государств-участников международных организаций.

К примеру, с самого момента образования Содружества Независимых Государств (далее по тексту – СНГ) в условиях правового вакуума, образовавшегося в результате распада СССР, были предприняты значительные шаги по налаживанию межгосударственного сотрудничества в правоохранительной сфере. Благодаря совместным усилиям государств-участников СНГ была создана и успешно, в комплексе, функционирует до сих пор правовая и организационная система противодействия преступности, противодействия терроризму и иным проявлениям экстремизма, незаконному обороту оружия, наркотических средств, незаконной миграции, переходу границ и т.д.

Правовой предпосылкой создания институционального механизма межгосударственного сотрудничества в рамках СНГ выступил принятый 22 января 1993 года Устав, согласно ст. 4 которого к сферам совместной деятельности стран-участниц СНГ относится борьба с организованной преступностью¹.

1 Устав Содружества Независимых Государств 22 января 1993 года, ратифицирован Постановлением Верховного Совета Российской

Организационная система противодействия преступности включает в себя уставные органы и органы отраслевого сотрудничества СНГ в сфере обеспечения безопасности: Координационный совет генеральных прокуроров (далее по тексту – КСПП); Совет министров внутренних дел; Совет руководителей органов безопасности и спецслужб; Совет командующих Пограничными войсками; Координационный совет руководителей органов налоговых (финансовых) расследований; Совет руководителей таможенных служб; Совет руководителей миграционных органов; Антитеррористический центр государств-участников СНГ; Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников СНГ, а также Совместную комиссию государств-участников Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией и Совместную рабочую комиссию государств-участников Соглашения о сотрудничестве по пресечению правонарушений в области интеллектуальной собственности.

Следует отметить, что почти все государства-участники СНГ заинтересованы в создании межгосударственных институтов, осуществляющих координацию и практическое взаимодействие соответствующих компетентных органов. Об этом свидетельствует тот факт, что решения об их образовании подписаны руководителями большинства государств-участников СНГ. Органы отраслевого сотрудничества СНГ выполняют возложенные на них задачи в соответствии с утвержденными положениями, при этом их деятельность носит многогранный характер.

Значительная роль отводится вышеназванным советам в развитии и совершенствовании правовой базы сотрудничества в рамках СНГ в уголовно-правовой сфере. Так, по инициативе КСПП была разработана Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, которая подписана главами государств-участников СНГ 22 января 1993 г.² Конвенция, являясь многосторонним межгосударственным соглашением, охватывает значительное правовое пространство, позволяющее компетентным органам Содружества эффективно решать задачи по оказанию правовой помощи по уголовным делам, выдаче (экстрадиции) лиц, совершивших правонарушения.

За последнее время наметилась тенденция упрощения порядка въезда и выезда из зарубежных стран, в частности между странами-членами СНГ уменьшаются пограничные и таможенные формальности, сокращаются сроки получения разрешительных документов для «трудовых мигрантов» – все эти процессы, к сожалению, имеют и обратную сторону медали – возрастание в преступности удельного веса международных элементов, т.е. интернационализацию преступности, когда проблема борьбы с преступностью приобретает межгосударственный, транснациональный, глобальный характер: преступления совершаются на территории нескольких государств, «международные преступники» сбываются, укрывают или отмывают похищенное имущество, легализуют полученные от преступной деятельности доходы, нередко попытки международных преступников скрыться от правосудия за рубежом.

Иными словами, на фоне так называемой глобализации преступности все члены мирового сообщества, все государства активно проявляют заинтересованность в совместном поиске эффективных средств и способов борьбы с совре-

менной «международной преступностью», отдельные виды которой могут совершаться «виртуально» через всемирную паутину Интернет-сети³.

Приведем примеры, по каким именно направлениям российские компетентные органы в правоохранительной сфере успешно работают на межгосударственном уровне, борясь с преступностью. Среди них, в первую очередь, стоит отметить работу по обмену оперативной, криминалистической и правовой информацией; деятельность по исполнению запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий; деятельность на оказание правовой помощи по уголовным делам; деятельность по экстрадиции лиц для привлечения их к уголовной ответственности или для исполнения приговора; заключение и реализация международных договоров в борьбе с преступлениями, представляющими международную опасность; обоюдное признание и исполнение решений компетентных органов иностранных государств по уголовным и административным делам; проведение совместных научных исследований по проблемам борьбы с преступностью, обмен опытом их решения; работа по оказанию материальной, технической и экспертной помощи (подготовка и повышение квалификации кадров, предоставление экспертных услуг, поставка специальных средств и техники и т.п.).

Стоит отметить, что наиболее распространенным видом преступлений из категории международного, трансграничного уровня выступают экономические преступления. Экономическая преступность развитых стран характеризуется организованностью, нелегальной и закамуфлированной или полунелегальной конспирацией, где организованные экономические преступные группировки имеют возможность проводить операции на международном финансовом рынке, пользуясь недостатками системы международного права, основанной на принципе государственного суверенитета. Существует целый ряд экономических преступлений, совершению которых способствует наличие возможности быстро и анонимно переводить капиталы в любую точку земного шара через международные финансовые рынки.

Главная цель представителей международной организованной преступности, прежде всего, запутать следы и уйти из-под контроля любых государственных институтов, в частности уйти от правоохранительных органов. Современные технические устройства в эпоху начатой цифровизации позволяют быстро перемещать значительные финансовые средства, невзирая на границы, расстояние, удаленности государств друг от друга, что, в свою очередь, потенциально может привести к дестабилизации финансового рынка и мировой экономики на глобальном уровне.

Любая дестабилизация весьма привлекательна для экономических преступников, поскольку в подобных условиях легче всего совершать преступления, получая при этом максимальную и незаконную прибыль.

В настоящее время Российская Федерация тесно и динамично сотрудничает с международными организациями в правоохранительной сфере, главным образом, в борьбе с преступностью, являясь важным участником на мировой арене, состоя во многих международных организациях⁴. Органы внутренних дел Российской Федерации выполняют обязательства нашего государства по всем основным направ-

Федерации от 15 апреля 1993 года № 4799-1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1903017/> (дата обращения: 08.12.2021).

2 Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1472.

3 Программа сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий на 2016 – 2020 годы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://continent-online.com> (дата обращения: 08.12.2021).

4 Постановление Правительства РФ от 29 июня 1995 г. «О заключении соглашений о сотрудничестве между МВД Российской Федерации и компетентными ведомствами иностранных государств» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 28. – Ст. 2705.

лениям межгосударственного сотрудничества в борьбе с преступностью и обеспечении общественной безопасности. Деятельность органов внутренних дел осуществляется в тесном взаимодействии с другими правоохранительными органами, министерствами и ведомствами под контролем МИД России, которое как ключевое ведомство, отвечает за координацию внешнеполитической линии нашего государства⁵.

Международное сотрудничество России реализуется через более чем 700 международных конвенций, двусторонних и многосторонних договоров различного уровня (межгосударственного, межправительственного, межведомственного характера) [3]. В силу развития экономических связей между странами – государствами, входящими в состав СНГ, развиваются и взаимоотношения между правоохранительными органами этих государств. К примеру, правоохранительными органами Российской Федерации и Республики Казахстан приходится постоянно взаимодействовать между собой по разным вопросам. Граница между Казахстаном и Россией имеет самую большую протяженность и различный природный рельеф, что накладывает на правоохранительные органы этих стран дополнительные обязанности по защите не только территориальных границ, но и экономических интересов, в том числе многочисленных вопросов, связанных с незаконным перемещением через границы мигрантов, незаконным оборотом наркотических средств и других, запрещенных к обороту предметов, а также многого другого.

В настоящее время остро стоит вопрос и по вопросам, касающимся распространению коронавирусной инфекции, так как и Российская Федерация, и международное сообщество, принимают меры по нераспространению этого заболевания на территориях своих государств.

К примеру, для продуктивного взаимодействия и развития экономических связей, предоставления возможностей гражданам России и гражданам стран СНГ, свободно работать на территориях соседних государств был создан Таможенный союз и приняты законодательные акты и упрощенное таможенное декларирование. Однако вместе с этим, к сожалению, граждане различных государств создают незаконные организации или объединяются в группы с целью совершения незаконных действий, в том числе и уголовных правонарушений. В связи с этим правоохранительные органы наших соседних государств взаимодействуют не только для того, чтобы предотвратить незаконные действия определенных групп, нарушающих уголовное законодательство кодексов соответствующих государств, но и с целью прекращения деятельности преступных группировок и организаций на территории Российской Федерации.

В настоящее время для пресечения незаконной деятельности таких групп уже недостаточно просто задержать или даже арестовать лиц, совершающих уголовные правонарушения, за которые уголовным законодательством соответствующих государств предусмотрено уголовное наказание. Необходимо еще и выявить все экономические связи, основные и подставные юридические лица, через которые ведется незаконная деятельность, банки и счета в них, посредством которых производится перевод денежных средств с целью их легализации. Ведь в настоящее время уже практически никто не работает, как говорится «в открытую», совершая незаконные деяния. Очень часто лица, совершающие уголовные правонарушения имеют соответствующее образование, в том числе и высшее, полученное в престижных высших учеб-

ных заведениях, знают способы ухода от ответственности и умеют их применять.

Кроме того, как в России, так и в зарубежных государствах не редко имеет значение и наличие знакомств среди должностных лиц, облеченных властью и занимающих определенные должности в правоохранительных органах и органах государственной власти.

Именно поэтому в последние годы во многих развитых государствах, так же как и в Российской Федерации, увеличивается контроль за действиями должностных лиц, повышается открытость органов власти, так называемые правонарушения коррупционной направленности берутся под особый контроль. Мы полагаем, что это приносит свои положительные плоды и даже в какой-то степени улучшает отношение общества к власти и ее исполнительным и правоохранительным органам. К примеру, в Российской Федерации большое значение и контроль придается заключаемым государственным и муниципальным контрактам и лицам, которые берутся за исполнение обязательств по ним. Так, например, должностные лица, берущиеся за исполнение государственных и муниципальных контрактов, должны понимать, что они работают на благо своего народа, с целью не просто заработать на этом деньги «в личный карман», а с целью принести пользу своей Родине и жителям своей страны. С такой мотивацией, на наш взгляд, исполнителем по контрактам не только работа «будет в радость», но и принесет как моральное удовлетворение, так и позволит обеспечить себя и свою семью в материальном плане.

Резюмируя вышесказанное, совместные усилия правоохранительных и иных компетентных органов государств-участников СНГ при координирующей роли специализированных институтов СНГ, а также укрепление их сотрудничества с профильными структурами международных организаций позволяют успешно противостоять как традиционным, так и новым угрозам и вызовам безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Волеводз А. Г. Программа курса «Международные правоохранительные организации». – М.: МГИМО(У) МИД РФ, 2008.
2. Международное право: учебник / Отв. ред.: Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Междунар. отношения, 2005.
3. Международное право в документах: учеб. пособие / сост.: Н. Т. Блатова, Г. М. Мелков. – 5-е изд., переработ. и доп. – М., 2004.
4. Родионов К. С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра. – М., 1990.
5. Ромашев Ю. С. Международное правоохранительное право. – М.: Норма: Инфра-М., 2010.

5 Решение Совета министров внутренних дел государств-участников СНГ «О Концепции развития сотрудничества министерств внутренних дел (полиции) государств-участников СНГ на период до 2020 года» (г. Астана, 10 сентября 2013 года). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://continent-online.com> (дата обращения: 08.12.2021).

ТИТЕНКО Юлия Евгеньевна

студент 3 курса Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ВЛИЯНИЕ ОТНОШЕНИЙ ПРОТЕКТОРАТА НА МЕЖДУНАРОДНУЮ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ПОДОПЕЧНОГО ГОСУДАРСТВА

Государства были и остаются доминирующими субъектами международного права и международных отношений, однако в полном объеме их юридическая сущность в настоящее время не определена. Обозначены лишь некоторые качественные характеристики, которыми должны обладать государства как субъекты международного права, хотя перечень признаков остаётся дискуссионным вопросом в международно-правовой доктрине. В связи с этим актуальной задачей является определение международно-правовой природы протектората и его влияния на качественные характеристики государственности защищаемой формы организации общества на конкретной территории.

Автором проведен анализ международных актов и международно-правовой российской и зарубежной доктрины в области критериев государственности и отношений протектората государств, а также изучена международная правосубъектность «защищаемых» государств на примере Урянхайского края и Пуэрто-Рико.

На основе проведенной работы автором были сделаны следующие выводы. Критериями государственности являются: постоянное население; определенную территорию; правительство и способность к вступлению в отношения с другими государствами, указанные в Конвенции Монтевидео 1933 года, но также суверенитет или независимость. Государство-протектор и подопечное государство при реализации отношений протектората сохраняют свою международную правосубъектность, но с определенными ограничениями, которые могут быть закреплены в соответствующем международном акте или осуществляться де-факто. Сохранение полноценной международной правосубъектности протектируемого государства априори невозможно в силу правовой природы протектората государств, то есть неравноправного союза.

Ключевые слова: государство, международная правосубъектность, критерии государственности, протекторат, суверенитет, Конвенция Монтевидео, государство-протектор, подопечное государство, Урянхайский край, Пуэрто-Рико.

TITENKO Yuliya Evgenjevna

student of the 3rd course of the School of Law of the Far Eastern Federal University

The effect of protectorate on international legal personality of the protected state

States are the dominant subjects of the international law and international relations, however, their legal character has not defined completely. Some qualitative characteristics of statehood are indicated in the Montevideo Convention. In this regard, an urgent task is determining the international legal nature of the protectorate and its effect the qualitative characteristics of the statehood of the protected form of society organization in a particular territory.

The author analyzed international acts and international law doctrine in the field of criteria of statehood and relations of the protectorate of states, and also researched the international legal personality of the protected states on the example of the Uriankhai region and Puerto Rico.

As a result of the research work some conclusions were made. Firstly, the considerations of statehood are: permanent population; a certain territory; government and the ability to enter into relations with other states which written in the Montevideo Convention also sovereignty or independence. The protector state and the protected state have their international legal personality but with certain restrictions that can be fixed in the relevant international act or implemented de facto. The preservation of a full-fledged international legal personality of the protected state is impossible due to the legal nature of the protectorate.

Keywords: state, international legal personality, legal criteria of statehood, protectorate, sovereignty, protecting state, protected state, Uriankhai region, Puerto Rico.

В соответствии с положениями статьи 1 Конвенции о правах и обязанностях государств 1933 года (далее – Конвенция Монтевидео) государство, как субъект международного права, должно обладать следующими признаками: постоянное население; определенная территория; правительство и способность к вступлению в отношения с другими государствами. В настоящее время международно-правовой институт признания государств не кодифицирован, следовательно, универсальные критерии государственности до сих пор не выработаны. Поэтому названные выше критерии, представленные в региональном международном акте, приобрели статус международно-правового обычая, закрепив декларативную теорию признания государств.

Абсолютное большинство специалистов в сфере международного публичного права, исследующие проблемы международной правосубъектности, опираются только на указанные в Конвенции Монтевидео критерии [2, 16]. Однако,

некоторые правоведы считают, что данный перечень необходимо расширить и уточнить некоторые уже выработанные характеристики государства как первичного субъекта международного права. В частности, выдающийся британский юрист-международник Ян Броунли определил положения Конвенции Монтевидео лишь как «основу для дальнейшего исследования» [10, с. 129]. В связи с этим зарубежные специалисты в области международного права предлагают перечень дополнительных, не всегда обязательных критериев государственности:

– некоторая степень перманентности, т.е. стабильное, буквально непрерывно продолжающийся существование (degree of permanence). Указанный признак невозможно назвать целесообразным и, тем более, обязательным, так как время является философской, относительной категорией. Кроме того, истории известны государства, просуществовавшие небольшой период времени, но оказавшие значитель-

ное влияние на развитие региона (например, Республика Кувейт (Republic of Kuwait), просуществовавшая около 30 часов в августе 1990 года, признана марионеточным государством с формальной независимостью) [7, с. 2];

– готовность, волеизъявление (willingness) соблюдать нормы международного права. Данный критерий часто подвергается критике в международно-правовой доктрине, так как не определены форма и порядок такого волеизъявления. Кроме того, в некоторых работах встречается иная формулировка указанного критерия: непосредственное соблюдение принципов международного права, например, права народов на самоопределение и неприменения силы или угрозы силой;

– неоспоримый, конкретный (certain) уровень цивилизованности, позволяющий тому или иному народу соблюдать фундаментальные принципы и нормы международного права при общении с другими членами международного общества [11, с. 420]. По нашему мнению, данный критерий является частным аспектом предыдущего, поэтому его выделение не является необходимым. Более того, предложенную формулировку представляется возможным назвать пережитком прошлого периода развития международного права, когда международной правосубъектностью обладали только цивилизованные (то есть европейские) государства;

– функционирование в качестве государства (state). На наш взгляд, данное положение является скорее следствием, нежели критерием государственности. Поскольку презюмируется, что то или иное территориальное образование уже в совокупности обладает необходимыми признаками, в связи с чем оно признаётся государством мировым сообществом, поэтому в полном объёме функционирует в качестве первичного субъекта международного права;

– суверенитет или независимость. Большинство юристов-международников отождествляют данные понятия [13, с. 211]. Однако, есть точка зрения, согласно которой признак независимости, закреплённый в Конвенции Монтевидео через критерий способности вступать в отношения с другими государствами, есть проявление концепции суверенитета, то есть предлагается рассматривать суверенитет и независимость как общее и частное соответственно [10, с. 130]. В качестве аргумента в пользу первой точки зрения представляется возможным привести положения статей 1 и 14 Проекта Декларации прав и обязанностей государств, подготовленной Комиссией международного права Организации Объединённых Наций в 1949 году: «каждое государство имеет право на независимость и поэтому на свободное осуществление, без диктата со стороны какого-либо другого государства, всех своих законных прав, включая право выбора своей собственной формы государственного управления. Каждое государство обязано поддерживать свои отношения с другими государствами в соответствии с нормами международного права и в соответствии с тем принципом, что суверенитет каждого государства подчинен супрематии (верховенству – прим. авт.) международного права». Более того, данные положения позволяют согласиться с мнением правоведов, которые считают, что критерий независимости (суверенитета) является определяющим для государственности, поскольку суверенитет – основа международной правосубъектности государств [5, с. 66].

Таким образом, к критериям государственности представляется возможным отнести: постоянное население; определенную территорию; правительство и способность к вступлению в отношения с другими государствами, указанные в Конвенции Монтевидео, но также суверенитет или независимость.

На первый взгляд, установление факта наличия либо отсутствия выработанных в международном праве критериев государственности не вызывает затруднений, однако, на практике встречаются сложности в определении статуса того

или иного территориального образования. Итак, возникает вопрос: «является ли отсутствие либо «утрата» государством одного из четырех закреплённых критериев основанием для того, чтобы оно прекратило свое существование», перестало быть субъектом международного права [3, с. 95]? В особенности это касается наличия признака суверенитета (независимости) в случае, когда некое государство А играет значительную роль в осуществлении внешних и (или) внутренних функций государства Б. В данной ситуации государствами реализуются отношения протектората, который является «заведомо неравноправным союзом государств, юридической формой подчинения одного государства другому» [1, с. 301].

В протекторате участвуют две стороны - государство-протектор (protectorate) и подопечное, «защищаемое» государство (protected state), между которыми заключён неравноправный договор (в том числе устный) о передаче части прав или обязанностей второго первому. Причинами возникновения отношения протектората могут быть различные обстоятельства: политическая нестабильность, экономическая отсталость, особенности географического положения одного государства либо насильственные, принуждающие действия со стороны другого, более сильного государства. В связи с этим отношение юристов-международников к протекторату государств неоднозначное. Например, в Словаре международного права С. А. Егорова представлено определение протектората с негативным подтекстом: «полуколониальная форма зависимости, при которой формально сохранялась видимость государственности; её более не существует» [4, с. 381]. Необходимо отметить, что вторая часть данного определения однозначно не верна, так как в настоящее время существуют, как минимум, франко-испанский протекторат Андорры, итальянский Сан-Марино, швейцарско-австрийский Лихтенштейна, французский Монако и др. Кроме того, отношения протектората могут иметь добровольный характер и быть выгодными для защищаемого государства в политическом, экономическом, военном и других аспектах. Что касается правовой природы отношений протектората государств, то представляется возможным выделить три формы его установления и последующей реализации:

1) только де-юре - ситуация, когда отношения протектората между государствами закреплены в виде двустороннего международного договора или одностороннего акта государства-протектора, однако, фактически их положения не реализуются;

2) только де-факто – ситуация фактической полуколониальной зависимости более слабого государства, так как в таком случае отношения протектората письменно никак не закреплены и не ограничены положениями международного акта. Стоит отметить, что большинство исторических и современных примеров протектората государств существовали и существуют в данной форме;

3) комбинированная форма (сочетание де-факто и де-юре) – ситуация, когда между государствами А и Б заключён международный договор, содержащий реализуемые на практике положения о передаче части правомочий в какой-либо сфере государству-протектору.

Вышесказанное можно проиллюстрировать на следующем примере из истории международных отношений и международного права. В 1911-1914 годах между Российской империей и Урянхайским краем (ныне один из субъектов Российской Федерации, Республика Тыва) были установлены отношения, которые некоторые исследователи считают протекторатом. Историки спорят, какой именно период считать началом такого взаимодействия, а также являлся ли Урянхайский край в этот период времени независимым государством, то есть был самостоятельным субъектом международного права или был присоединён к Российской империи.

Исходя из анализа исторических фактов, можно сделать вывод, что такие критерии государственности как постоянное население и определённая территория имели место быть, более того сохранялись права коренного населения: «тувинский язык, традиционная вера - буддизм и шаманизм, культура и быт, никак не ущемлялись. Переселение русских крестьян в Туву, несмотря на наличие земельных конфликтов с араатами, все же не вело к утрате тувинцами этнической идентичности и аккультурации» [6, с. 51]. Однако, наличие остальных признаков международной правосубъектности Урянхайского края не является таким однозначным. Во-первых, «протекторат обязывал не вступать в межгосударственные отношения со стороны тувинских нойонов с официальными чиновниками соседних государств, а именно в отношении с Китаем и Монголией. Таким правом обладал только комиссар по делам Урянхайского края. Следующей обязанностью являлось рассмотрение споров между тувинской знатью» [9, с. 8], во-вторых, в Урянхайском крае не функционировала собственная государственная власть, централизованная администрация или законодательный орган, сохранялось лишь традиционное местное самоуправление. Следовательно, правительство и способность к вступлению в отношения с другими государствами как критерии государственности Урянхайского края, были реализованы, но в ограниченном, усеченном виде. Дополнительную сложность в определении факта наличия международной правосубъектности данного образования составляет отсутствие какого-либо нормативно-правового основания: акта, где были бы закреплены суверенные полномочия Урянхайского края, переданные Российской империи. Необходимо отметить, что Международный суд ООН в 1952 году признал Марокко суверенным государством в отношениях протектората с Францией как раз на основе двустороннего договора 1912 года [13, с.216]. Несмотря на то, что тувинские историки настаивают на факте наличия отношений протектората между Российской империей и Урянхайским краем в начале XX столетия, по нашему мнению, они не имели место, поскольку нет письменных доказательств реализации данным образованием своих суверенных правомочий независимо от могущественного соседа. В связи с чем не представляется возможным сделать вывод ни о государственности Урянхайского края в условиях фактической полукOLONиальной зависимости, но о протекторате.

В настоящее время протекторат государств остаётся распространённым явлением по всему миру. Взаимодействие Соединённых Штатов Америки и Пуэрто-Рико также характеризуется наличием отношений протектора и протектируемого, что закреплено в преамбуле действующей Конституции островного государства (*we now create within our union with the United States of America*). Необходимо отметить, что данный вопрос является дискуссионным в международно-правовой доктрине на протяжении многих десятилетий, с момента окончания Испано-американской войны и заключения Парижского мирного договора в 1898 году, согласно положениям статьи 2 которого королевство Испания уступила Пуэрто-Рико Соединённым Штатам. Тем не менее, по сей день карибский остров не стал очередным американским штатом, несмотря на получение согласия пуэрториканцев на нескольких референдумах по данному вопросу, последний из которых прошёл около года назад [12]. Многие юристы-международники и политологи отмечают, что в настоящее время Пуэрто-Рико является неинкорпорированной организованной территорией США, так как «остров находится под управлением США, верховная власть в Пуэрто-Рико принадлежит конгрессу США, но действие американской конституции на острове ограничено» [8, с.261]. Помимо распространения американской конституции на жителей острова, они являются гражданами США, но с ограниченными правами, например, не имеют права голосовать на президентских выборах. Тем не менее, Пуэрто-Рико, в отличие от упомянутого

выше Урянхайского края, имеет не только собственную систему местного самоуправления, но и государственные органы власти, в том числе Законодательное Собрание (*Legislative Assembly*); исполнительную власть осуществляет губернатор (*governor*), избираемый на всеобщих прямых выборах гражданами Пуэрто-Рико и США одновременно; судебная ветвь власти представлена Верховным судом Пуэрто-Рико и другими судами, предусмотренными законом. Кроме того, федеральный закон США не предусматривает обязанность жителей Пуэрто-Рико уплачивать подоходный налог и лишает островитян прав на социальную помощь, - правомерность соответствующих положений подтвердил и уточнил Верховный Суд США осенью 2021 года. Учитывая всё вышесказанное, представляется возможным сделать вывод о сохранении международной правосубъектности Пуэрто-Рико в продолжительных отношениях протектората с Соединёнными Штатами Америки.

Таким образом, государство-протектор и подопечное государство при реализации отношений протектората сохраняют свою международную правосубъектность, но с определёнными ограничениями, которые могут быть закреплены в соответствующем международном акте или осуществляться де-факто. Сохранение полноценной международной правосубъектности протектируемого государства априори невозможно в силу правовой природы протектората государств (неравноправного союза), так как оно по своей воле или под принуждением передаёт часть суверенных правомочий государству-протектору для решения последним задач внешнеполитического, экономического, военного и иного характера.

Пристатейный библиографический список:

1. Арановский К.В. Государственное право зарубежных стран. М., 1998. С. 486.
2. Вылегжанин А.Н. Международное право. Часть 1. М., 2016. С. 291.
3. Гассиев М.В. актуальность критериев Монтевидео для исследования института признания государств в международном праве // Юридический вестник Дагестанского госуниверситета. Махачкала. 2014. № 3. С. 93-96.
4. Егоров С.А. Словарь международного права. М., 2014. С. 476.
5. Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право. М., 1999. С. 454.
6. Моллеров Н.М. Протекторат России над Тувой в 1914-1924 гг. (историко-правовой аспект) // Новые исследования Тувы. Кызыл. 2014. № 3. С. 47-57.
7. Сахаб Ахмед Али Нур Ирако-кувейтский вооруженный конфликт 1990-1991 гг. и его международные последствия // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2011. С. 1-6.
8. Шалыгина Н.В. Пуэрто-Рико: кризис этнической идентификации // Власть. М. 2018. № 8. С. 260-264.
9. Ширижик В.М. Правовые основы протектората Урянхайского края со стороны Российской империи в начале XX в. // Вестник Томского госуниверситета. Право. Томск. 2017. № 25. С. 5-10.
10. Brownlie I. Principles of public international law. Oxford, 2008. 766 P.
11. Lauterpacht H. Recognition of states in international law // The Yale Law Journal. 1944. Vol.12. PP. 385-458.
12. Official results of the 2020 Puerto Rico plebiscite. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.puertoricoreport.com/official-results-of-the-2020-plebiscite/#.YaYISsfP02w> (дата обращения: 26.11.2021).
13. Shaw M.N. International law. Cambridge, 2008. 1710 P.

ТЮМЕНЦЕВ Владислав Олегович

аспирант 3 курса Института аспирантуры и докторантуры Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), младший научный сотрудник НОЦ международного права НИИ МГЮА

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОМПЕТЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ*

В данной статье рассматривается история развития права здравоохранения Европейского Союза. Рассматривается начало развития права здравоохранения ЕС, дальнейшие этапы развития, а также современный этап и перспектива дальнейшего развития. Анализируются особенности права здравоохранения ЕС на каждом этапе и сопутствующие обстоятельства, так или иначе определяющие направления развития.

Ключевые слова: Европейский Союз, интеграционная организация, наднациональное регулирование, право здравоохранения, история развития, современный этап, перспективы развития.

TYUMENTSEV Vladislav Olegovich

postgraduate student of the 3rd course of the Institute of postgraduate and doctoral study of the Moscow State Law University (MSAL), junior researcher of the Scientific and educational center of the International law of the Research Institute of the Moscow State Law University (MSAL)

Тюменцев В. О.

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE EUROPEAN UNION COMPETENCE IN THE HEALTH CARE FIELD

This article is concern the history of the development of the EU health care law. There is an analysis of beginning of the development of the EU health care law, further stages of development, as well as the current stage and the prospect of further development. The article analyzes the peculiarities of the EU legislation in the field of health care at each stage and the accompanying circumstances that determine the direction of development in one way or another.

Keywords: European Union, integration organization, supranational regulation, healthcare law, history of development, current stage, development prospects.

В условиях пандемии особую актуальность имеет здравоохранение, а значит и правовое регулирование в данной сфере. Это, в свою очередь, делает актуальным исследование системы охраны здоровья и ее правового обеспечения. В силу глобального характера проблемы коронавируса немалый интерес представляет опыт сотрудничества разных стран для противодействия общей угрозе который в наибольшей степени дает практика международных организаций таких как, например, Европейский Союз.

«Европейское право здравоохранения — это одна из самых динамично развивающихся и в свете текущих событий актуальных отраслей права Европейского Союза (ЕС), имеющая потенциал для изучения и существенные перспективы дальнейшего развития» [1, с. 87-92]. Следствием динамичности развития права здравоохранения ЕС является сложная история данной отрасли права, в ходе которой правовое регулирование охраны здоровья обрело современный облик и стремится к новым изменениям.

Предметом настоящей статьи является история развития права здравоохранения ЕС, а целью является рассмотренные составляющие ее этапов.

Первый этап развития права здравоохранения Европейского Союза возможно определить с появления европейской интеграции до 1983 года. Данный этап характеризуется тем, что в этот период времени правовые акты Европейского Экономического Сообщества практически никак не затрагивали аспект здравоохранения, а попытки распространить компетенцию ЕЭС на охрану здоровья были неудачными. Фактиче-

ски право здравоохранения как отрасль права ЕС появилось достаточно поздно относительно начала европейской интеграции и причиной этого является то, что первоначально европейское сообщество было экономическим объединением, постепенно выходящим за рамки своей первоначальной узкой направленности. При этом распространение наднациональной компетенции сталкивалось с сопротивлением со стороны стран-членов не желавших уступить суверенитет. Особенности того периода охарактеризованы в источнике, затрагивающем данный аспект: «Правительства европейских государств всеобщего благосостояния сталкиваются с неудобным затруднительным положением. Перенос их обязательств государства всеобщего благосостояния на уровень ЕС поставил бы под угрозу политическую основу их легитимности. Однако, по крайней мере с середины 1980-х годов, процессы европейской интеграции, которым эти правительства необратимо привержены, становятся все более распространенными. В результате европейская интеграция создает пробел в решении проблем, заключающийся в том, что «правительства стран-членов потеряли больший контроль над политикой национального благосостояния перед лицом давления» [1, с. 84-85]. Последствия длительного нежелания стран-членов допускать участие интеграционной организации в регулировании здравоохранения отразились в системе распределения компетенции в ЕС. Даже в настоящее время компетенция правового регулирования охраны здоровья принадлежит государствам-членам ЕС в то время, как сам Европейский Союз имеет лишь вспомогательную роль.

В то же время существовал проект интеграционной структуры, нацеленной на компетенцию в сфере здравоохранения который не был принят по выше названной причине. В 1950-х годах существовал проект Европейского сообщества

* Настоящая статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-311-90015.

здравоохранения в случае принятия которого могло появиться новое сообщество, специализированное на здравоохранении [1, с. 138-153]. Но этот проект не был принят. Поэтому европейское право здравоохранения появились в более поздний период.

При этом отсутствие отрасли права, регулирующей здравоохранение не означает полное игнорирование охраны здоровья. Существовали правовые акты регулировавшие какие-либо другие отношения и при этом затрагивали аспект здоровья в контексте предмета своего регулирования, но при этом не являющиеся правовыми актами, посвященными здравоохранению.

Второй этап развития европейского права здравоохранения длился в период с 1983 до 1993 г. Данный период отличается от предыдущего то, что начался процесс консолидации на наднациональном уровне и начала формироваться компетенция Сообщества, а позже Союза. Хорошим примером является Единый европейский акт, вступивший в силу в 1987 году, который внес изменения в Римский договор и затрагивает аспект здравоохранения. Охране здоровья посвящена статья 129 данного правового акта в которой сказано: «сообщество способствует обеспечению высокого уровня защиты здоровья людей путем поощрения сотрудничества между государствами-членами и, если необходимо, оказывает поддержку их действиям»¹ что отражает вспомогательную компетенцию интеграционной организации. Также здоровье упоминается в статье 130² в контексте охраны окружающей среды.

Третий этап развития права здравоохранения Европейского Союза возможно определить с 1993 до 2003 гг. В этот период времени право здравоохранения Европейского Союза окончательно сформировалось как отрасль права ЕС и начало свое развитие постепенно достигнув свое современное состояние. Преобразование Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в Европейский Союз (ЕС) в 1992 году повлекло преобразование и первичных договоров. Основной права здравоохранения ЕС является Договор о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), сменивший несколько редакций, который определяет компетенцию организации как вспомогательную, направленную на поддержку действий стран-членов, которым принадлежит непосредственно компетенция и право регулирования охраны здоровья³. Также среди первичных договоров следует назвать Европейскую хартию об основных правах также затрагивающую охрану здоровья⁴.

Третий этап отличается еще одной особенностью. После появления права здравоохранения как самостоятельной отрасли права ЕС, правовое регулирование охраны здоровья начало развиваться постепенно приближаясь к своему современному состоянию. Это способствовало тому, что в ЕС появились тенденции направлений развития, которые стали официально закрепляться на правовом уровне. Такими источниками стали программы действий. Программы здравоохранения — это планы о дальнейших действиях в целях развития права, которые не являются самостоятельными документами, а их положения содержатся в других правовых актах которыми в основном являются Решения Европейского Парламента и Совета. Первоначально эти правовые акты были узкоспециализированными и затрагивали какие-либо узкие сферы применения. Со временем в ходе своего развития правовая мысль в ЕС пришла к выводу о необходимости документального определения направлений развития всей отрасли права в целом. Так появились программы действий

охватывающие все право здравоохранения. С этого начался переход к следующему этапу.

Четвертый этап развития права здравоохранения ЕС продолжался в период с 2003 до 2014 гг. Данный этап отличается от предыдущих появлением политического планирования и определения направлений дальнейшего развития отрасли права здравоохранения в ЕС. Всего данный этап включает в себя две программы действий которые разделяют этот период на две части: это первая программа действий, действовавшая в 2003-2007 гг. и основанная на Решении № 1786/2002/ЕС и вторая программа действий действовавшая в 2008-2013 гг. и основанная на Решении № 1350/2007/ЕС. Первая программа действий определяет важность здравоохранения и приверженность укреплению и улучшению здоровья⁵ что означает окончательное признание права здравоохранения на наднациональном уровне. Вторая программа действий принята с учетом опыта первой и говорит о возможности Европейского Союза «внести свой вклад в защиту здоровья граждан»⁶ подразумевая вспомогательную компетенцию ЕС в данной сфере.

На смену второй программе действий пришла современная третья с принятием которой в 2014 году начался пятый этап, продолжающийся по настоящее время. Эта программа действий отличается от предыдущих тем что ее основой является не решение, а Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 282/2014 определяющий срок действия данной программы в период с 2014 по 2020 гг. Настоящая программа действий говорит о компетенции Европейского Союза следующее: «общие цели Программы должны дополнять, поддерживать и способствовать повышению эффективности политики государств-членов ЕС по улучшению здоровья граждан Союза»⁷. Здесь снова говорится о вспомогательной компетенции ЕС в правовом регулировании здравоохранения.

Согласно Регламенту, третья программа действий утратила силу в 2020 году, но следующая четвертая программа действий, которая должна прийти ей на смену, еще не принята хотя предполагается что новая программа будет посвящена проблеме коронавируса и цифровизации, в том числе, и в целях борьбы с пандемией.

Пристатейный библиографический список

1. Тюменцев В. О., Компетенция Европейского Союза в сфере здравоохранения // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. - 2021. - № 7 (83).
2. Четвериков А. О. От Европейского сообщества здравоохранения к Европейскому союзу здравоохранения: проект наднациональной медико-санитарной и исследовательской организации стран Европы и его историческая судьба // Lex russica. - 2021. - Т. 74. - № 6.
3. Hervey T., Vanhercke B. Health care and the EU: The law and policy patchwork // Health Systems Governance in Europe: The Role of European Union Law and Policy / Eds. E. Mossialos, G. Permanand, R. Baeten, T. Hervey. - Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

5 Решение № 1786/2002/ЕС. - 2002. - П. 1

6 Решение № 1350/2007/ЕС. - 2007. - П. 1.

7 Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 282/2014 от 11 марта 2014 г. об учреждении третьей Программы действий Союза в сфере охраны здоровья (2014 - 2020) и об отмене Решения 1350/2007/ЕС. - 2014. - Ст. 2.

1 Единый европейский акт. - 1987. - Ст. 129.

2 Там же. - Ст. 130г.

3 Договор о функционировании Европейского Союза. - 2009. - Ст. 6.

4 Европейская хартия об основных правах. - 2000. - Ст. 35.

ЕРМАКОВА Елена Петровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

МАХШИД Язданимогадам

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

МОДЕРНИЗАЦИЯ ДОГОВОРА К ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ХАРТИИ ИЛИ ЕГО ПРЕКРАЩЕНИЕ?*

В статье отмечается, что на момент заключения Договора к Энергетической хартии (ДЭХ) был основой для сотрудничества государств в энергетическом секторе. Он устанавливал общие правила, регулирующие защиту инвестиций. С течением времени и более широким использованием ДЭХ в качестве основы для международного арбитража, стороны и предмет арбитражных разбирательств по ДЭХ изменились и договор стал препятствием на пути усилий ЕС по созданию устойчивой энергетической экономики через «Европейскую зеленую сделку». Ряд недавних арбитражных дел четко продемонстрировал, что ДЭХ препятствует способности ЕС и его государств-членов осуществлять столь необходимый переход к «зеленой» энергии. В 2020-2021 годах состоялось 8 раундов переговоров по модернизации ДЭХ, но процесс идет крайне медленно, поскольку для изменения положений ДЭХ необходимо согласие всех его участников.

Ключевые слова: право Европейского Союза, «зеленые» финансы, энергетический переход, «солнечные» споры, ДЭХ.

ERMAKOVA Elena Petrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and civil process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples Friendship University of Russia

MAHSHID Yazdanimoghadam

postgraduate student of Civil law and civil process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples Friendship University of Russia

UPGRADING OR TERMINATING THE ENERGY CHARTER TREATY?***

The article notes that at the time of the conclusion of the Energy Charter Treaty (ECT) was the basis for cooperation between states in the energy sector. It laid down general rules governing investment protection. With the passage of time and the wider use of the ECT as a basis for international arbitration, the parties and subject matter of ECT arbitration have changed and the treaty has become an obstacle to the EU's efforts to create a sustainable energy economy through the European Green Deal. A number of recent arbitration cases have clearly demonstrated that the ECT is hampering the ability of the EU and its member states to make a much needed green energy transition. In 2020-2021, 8 rounds of negotiations on the modernization of the ECT took place, but the process is proceeding extremely slowly, since the consent of all its participants is required to change the provisions of the ECT.

Keywords: European Union law, green finance, energy transition, solar disputes, ECT.

I. Введение

2 декабря 2020 года Комиссия ЕС заявила, что, если «основные цели ЕС» не будут достигнуты в рамках продолжающихся переговоров по модернизации Договора к Энергетической хартии («ДЭХ»), **Европейский Союз может рассмотреть вопрос о выходе из договора**¹. Развитие событий происходит на фоне конфликта между обязательствами ЕС в области изменения климата и смыслом существования ДЭХ². Ряд европейских стран, в т.ч. Франция, Испания, Чехия пред-

ложили поставить на обсуждение общественности вопрос о скоординированном выходе ЕС и его государств-членов из ДЭХ и прекращении ДЭХ.

Учитывая то, что основной целью ДЭХ является защита трансграничных инвестиций в энергетический сектор (включая ископаемое топливо - каменный уголь, нефть, природный газ), **проблема заключается в том, что ДЭХ работает против усилий ЕС по созданию устойчивой энергетической экономики через «Европейскую зеленую сделку»**(European Green Deal) [1], [2], [3], [4] и по поддержанию повышения глобальной температуры значительно ниже 2°C выше доиндустриального уровня, как это было согласовано на Конференции сторон РКИК ООН в Париже («Парижское соглашение» 2015 года).

II. История Договора к Энергетической хартии («ДЭХ»)

Идея Европейской Энергетической хартии (ЕЭХ) была выдвинута бывшим премьер-министром Голландии Р. Любберсом на заседании Европейского Совета в Дублине 25 июня 1990 года. В декабре 1991 года ЕЭХ была подписана в Гааге большинством европейских государств, а также Россией, Австралией, Канадой, Турцией, США и Японией. 17 декабря 1994 года в Лиссабоне были открыты к подписанию Договор

* Информация о финансировании: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00270 «а».

** Funding information: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-011-00270 «a».

1 Modernisation of the Treaty // Energy Charter. 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/CCDECS/2020/CCDEC202016.pdf> (дата обращения: 15.11.21).

2 Bekker P., Foley J. (2020). Is the sun setting on the Energy Charter Treaty? An update on the modernisation process // CMS Legal. 09.12.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cms-lawnow.com/ealerts/2020/12/is-the-sun-setting-on-the-energy-charter-treaty-an-update-on-the-modernisation-process> (дата обращения: 15.11.21).

к Энергетической хартии (ДЭХ) и связанные с ним документы. ДЭХ был создан на основе Европейской Энергетической Хартии 1991 года, хотя официально сформирован и подписан был гораздо позднее: ДЭХ вступил в силу в 1998 году. В настоящее время в ДЭХ входят 54 члена и 42 наблюдателя³. Европейский Союз является единственной межправительственной организацией, которая является участником ДЭХ.

Договор к Энергетической хартии (ДЭХ)- это основа для сотрудничества государств в энергетическом секторе. Он устанавливает общие правила, регулирующие защиту инвестиций, торговлю энергетическими материалами и продуктами, транзит энергоресурсов и урегулирование споров. Широко признано, что ДЭХ является продуктом своего времени. ДЭХ основан на принципах, изложенных в Хартии, целью которой была интеграция стран бывшего Советского Союза и государств Центральной и Восточной Европы в западноевропейские и мировые энергетические рынки⁴. С течением времени и более широким использованием ДЭХ в качестве основы для международного арбитража, стороны и предмет арбитражных разбирательств по ДЭХ изменились. В то время как в ранних делах ответчиками часто назывались государства Центральной и Восточной Европы, в последнее время акцент сместился, и большое количество дел было возбуждено против государств Западной Европы⁵.

Более свежие дела, как правило, возникают из-за предполагаемых дефектов или изменений в нормативно-правовой базе, способствующих развитию возобновляемых источников энергии. В настоящее время основная критика договора заключается в том, что ДЭХ не является соглашением, благоприятным для климата⁶. Парламентарии ЕС, выступающие за окружающую среду, заявили, что ДЭХ защитит 2,15 трлн евро инвестиций в ископаемое топливо к 2050 году, если эти ископаемые виды топлива не будут постепенно выведены из сферы защиты ДЭХ⁷.

Недовольство ДЭХ также сосредоточено на закреплённом в нем механизме урегулирования споров между инвесторами и государством (*investor-state dispute settlement* - «ISDS»), который предоставляет инвесторам прямое право на возмещение против принимающих их государств в соответствии с международным правом.⁸ Критики утверждают,

что тот факт, что ДЭХ позволяет иностранным инвесторам предъявлять иски к правительствам в частных арбитражных разбирательствах, означает, что нефтяные, газовые и угледобывающие корпорации могут подать в суд на страны, принимающие законы, направленные на сокращение или устранение использования не возобновляемых источников энергии⁹. Действительно, ДЭХ предоставил энергетическим компаниям платформу для предъявления или угрозы предъявления исков против государственного регулирования в этой области. По итогам 2020 года 20% дел, принятых к производству Международным центром по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС), относятся к электроэнергетики и другим видам энергии. При этом вторым - после двусторонних инвестиционных договоров (ДИД) - наиболее применяемым международным актом при установлении юрисдикции, по данным МЦУИС, стал Договор к Энергетической Хартии 1994 года.

III. Арбитражные споры, основанные на ДЭХ

Наиболее яркое представление об этой тенденции можно увидеть в арбитражных разбирательствах против Испании, которая была названа ответчиком почти в 50 делах, основанных на ДЭХ и касающихся возобновляемых источников энергии, в частности, связанных с сокращением или отменой в Испании стимулов, предлагаемых производителям возобновляемой энергии¹⁰. Статья 10 (1) ДЭХ содержит **требование «справедливого и равноправного режима» (FET)**, которое является одним из наиболее частых оснований, которые истцы заявляют в спорах между инвесторами и государством. Однако, арбитражные трибуналы расходятся в своем толковании в отношении того, должно ли быть сделано явное обязательство государства в отношении стабильности регулирования или же подразумеваемое обязательство стабильности выводится из самого стандарта «FET». На май 2020 года в отношении Испании было вынесено двадцать арбитражных решений в рамках того, что сейчас называется «испанской сагой о возобновляемых источниках энергии» (*Spanish renewables saga*)¹¹. На конец октября 2020 страна потеряла по итогам арбитражных решений около 3 млрд евро. Среди арбитражных дел с участием Испании можно назвать следующие: «Charannev. Spain»¹²; «Eiser v. Spain»¹³; «IsoluxNetherlands, BVv. KingdomofSpain»¹⁴; «Novenergia v.

3 Contracting Parties // Energy Charter Treaty. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.energychartertreaty.org/treaty/contracting-parties-and-signatories/> (дата обращения: 19.11.2021).

4 Поминова И. Всестороннее исследование рисков и преимуществ для РФ от участия в Энергетической Хартии // Секретариат Энергетической Хартии. 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Occasional/Russia_and_the_ECT_ru.pdf (дата обращения: 19.11.2021).

5 Benson C. (2020). The Energy Charter Treaty // Global Arbitration Review. 10 November 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalarbitrationreview.com/guide/the-guide-energy-arbitrations/4th-edition/article/the-energy-charter-treaty> (дата обращения: 19.11.2021).

6 Barker P. (2021). Sustainable Investment, Deep Decarbonization, and Investor-State Dispute Settlement: The Failure to Align The Investment Treaty System With Climate Change Law & Policy? // Stanford University. May 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www-cdn.law.stanford.edu/wp-content/uploads/2021/05/Gould-Blog-Sustainable-Investment-Decarbonization-and-ISDS_-final.pdf (дата обращения: 15.11.21).

7 Bekker P., Foley J. (2020). Op. cit.

8 Zielinska-Eisen A., Korom V. (2021). Is the ECT an obstacle to energy transition? // Arbitration.ru. Sept. – 10. - 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journal.arbitration.ru/analyt-ics/is-the-ect-an-obstacle-to-energy-transition/> (дата обращения: 15.11.21).

9 Noilhac A. (2020). Renewable energy investment cases against Spain and the quest for regulatory consistency // Editoriale Scientifica. Jun 14, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.qil-qdi.org/renewable-energy-investment-cases-against-spain-and-the-quest-for-regulatory-consistency/> (Accessed: 19.11.2021).

10 Benson C. (2020). Op. cit.

11 Reynoso I. (2019). Spain's Renewable Energy Saga: Lessons for international investment law and sustainable development // IISD. June 27, 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iisd.org/itn/en/2019/06/27/spains-renewable-energy-saga-lessons-for-international-investment-law-and-sustainable-development-isa-bella-reynoso/> (дата обращения: 13.11.2021).

12 Charanne and Construction Investments v. Spain, SCC Case No. V 062/2012, Award, January 21, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw7047.pdf> (дата обращения: 13.11.2021).

13 Eiser Infrastructure Ltd. and Energia Solar Luxembourg v. Spain, IC-SID Case No. ARB/13/36, Award, May 4, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw9050.pdf> (дата обращения: 13.11.2021).

14 Isolux Netherlands, BV v. Kingdom of Spain, SCC Case V2013/153, Final Award, July 17, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw9219.pdf> (дата обращения: 13.11.2021).

Spain»¹⁵ и др. Испания нашла окончательный выход из создавшейся ситуации путем изменения действующего законодательства и предложения о заключении компромисса, которое было воспринято положительно некоторыми инвесторами (Королевский указ № 17/2019).

Чехия и Италия также пострадали в связи с возникновением ряда арбитражных споров, основанных на изменениях чешского и итальянского законодательства об электроэнергетики, вырабатываемой на солнечной энергии. В качестве примеров дел, возбужденных **против Чехии**, можно назвать следующие: «Natland Investment Group NV, Natland Group Limited, G.I.H.G. Limited, and Radiance Energy Holding S.à r.l. v. Czech Republic»; «Voltaic Network GmbH v. Czech Republic»; «ICW Europe Investments Limited v. Czech Republic» и др. **Против Италии** также был возбужден целый ряд «солнечных дел», например, «Veolia Propreté SAS v. Italy»; «VCHolding IIS.à r.l. and others v. Italy»; «Eskosol S.p.A. in Liquidazione v. Italy» и др. В связи с указанными арбитражными разбирательствами и по другим политическим причинам Италия вышла из ДЭХ с 1 января 2016 года.

Недавние примеры арбитражной практики, основанной на ДЭХ, включают:

- иск компании «RWE»¹⁶, поданный против Нидерландов в феврале 2021 года на 1,4 млрд евро в качестве компенсации за выход страны из угольной отрасли,

- мировое соглашение «Vattenfall» и Германией¹⁷: 5 марта 2021 года четыре энергетические компании, в том числе шведская государственная компания «Vattenfall», достигли мирового соглашения на сумму 2,4 млрд евро в качестве компенсации за поэтапный отказ Германии от ядерной энергии¹⁸;

- дело «Rockhopper» (2017)¹⁹ против Италии после запрета итальянского парламента на все новые нефтегазовые операции вблизи побережья страны;

- иск компании «Uniper» (2021)²⁰ о компенсации в размере до 1 млрд евро в ответ на план правительства Нидерландов по поэтапному отказу от угольной энергетики к 2030 году;

- иск компании «Ascent Resources»²¹ в размере 50 млн евро против Словении (2020) за предполагаемые задержки в выдаче разрешения на эксплуатацию из-за опасений экологического ущерба от гидравлического разрыва пласта.

Такие случаи демонстрируют, что ДЭХ препятствует способности ЕС и его государств-членов осуществлять столь необходимый переход к «зеленой» энергии.

IV. Модернизация ДЭХ

Первые усилия по модернизации ДЭХ были предприняты с принятием политического документа - Международной энергетической хартии (International Energy Charter)²² 2015 года, которая была направлена на укрепление энергетического сотрудничества между подписавшими ее государствами (150) и отражающей изменения на энергетических рынках с 1990-х годов. «Конференция по Энергетической Хартии» приступила к консультациям относительно второго этапа модернизации ДЭХ в 2017 году, а в 2019 году была достигнута договоренность о том, что «Группа модернизации» начнет официальные переговоры. **С тех пор в 2020 году состоялись три раунда переговоров, в 2021 году – пять раундов, последний раз в ноябре 2021 года**, причем Комиссия ведет переговоры от имени ЕС и всех государств-членов ЕС²³.

12 октября 2020 года члены Европейского парламента представили Комиссии вопрос о сроках текущего процесса модернизации ДЭХ. Они заявили, что ДЭХ «подрывает любые попытки регулирования изменить стремительный курс потребления ископаемого топлива и вынуждает граждан ЕС платить за страхование жизни». **Парламентарии ЕС поставили перед Комиссией вопросы:** 1) каков крайний срок для процесса модернизации; и 2) возьмет ли ЕС на себя обязательство выйти из ДЭХ, как это сделала Италия в 2016 году, если процесс модернизации не сможет привести договор в соответствие с Парижским соглашением?

В своем ответе на вопрос от 2 декабря 2020 года Комиссия отметила, что переговоры по модернизации ДЭХ все еще находятся на «ранней стадии». Комиссия заявила, что одной из целей реформы является приведение ДЭХ в соответствие с Парижским соглашением и целями «Европейской зеленой сделки». В мае 2020 года Комиссия опубликовала свое предложение по модернизации ДЭХ, которое включало добавление новой статьи об устойчивом развитии и переходе на чистую энергию. В этой новой статье конкретно упоминалось Парижское соглашение [5]. Далее Комиссия отметила, что **односторонний выход ЕС и его государств-членов из не-реформированного ДЭХ приведет к «оговорке об истечении срока действия» в ДЭХ, в соответствии с которой ДЭХ будет продолжать применяться к существующим инвестициям в течение 20-летнего периода.** Это приведет к тому, что новые споры между инвесторами и государством будут разрешаться в соответствии с не-реформированными правилами, в том числе в отношении существующих инвестиций в ископаемое топливо²⁴.

Позиция Франции: «вариант скоординированного выхода ЕС и его государств-членов должен быть с этого момента передан для публичных обсуждений», - говорилось в пись-

15 Novenergia II – Energy & Environment (SCA) (Grand Duchy of Luxembourg), SICAR v. The Kingdom of Spain, SCC Case No. 2015/063, Final Arbitral Award, February 15, 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw9715.pdf>. (дата обращения: 13.09.2021).

16 RWE AG and RWE Eemshaven Holding II BV v. Kingdom of the Netherlands, ICSID Case No. ARB/21/4. // The Transnational Dispute Management Journal. 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.transnational-dispute-management.com/legal-and-regulatory-detail.asp?key=28099> (дата обращения: 15.11.21).

17 Vattenfall AB and others v. Federal Republic of Germany (II) (ICSID Case No. ARB/12/12) // Investment Policy Hub. 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-dispute-settlement/cases/467/vattenfall-v-germany-ii> (дата обращения 15.11.21).

18 Eckert V. et al. (2021). Germany to pay nuclear operators 2.6 billion euros for plant closures // Reuters. March, 5, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-germany-nuclear-settlement-idUSKBN2AX10T> (дата обращения 15.11.21).

19 Rockhopper Italia S.p.A., Rockhopper Mediterranean Ltd, and Rockhopper Exploration Plc v. Italian Republic, (ICSID Case No. ARB/17/14) // Italaw. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.italaw.com/cases/5788> (дата обращения: 15.11.21).

20 Uniper SE, Uniper Benelux Holding B.V. and Uniper Benelux N.V. v. Kingdom of the Netherlands (ICSID Case No. ARB/21/22). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://icsid.worldbank.org/cases/case-database/case-detail?CaseNo=ARB/21/22> (дата обращения: 15.11.21).

21 Ascent Resources Plc and Ascent Slovenia Ltd v. Republic of Slovenia (2020) // Italaw. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.italaw.com/cases/8289> (дата обращения: 15.11.21).

22 International Energy Charter <https://energycharter.org/process/international-energy-charter-2015/overview/> (дата обращения: 19.11.21).

23 Modernisation of the Treaty. Op. cit.

24 Bekker P., Foley J. (2020). Op. cit.

ме, направленном в Комиссию ЕС в декабре 2020 года и подписанном четырьмя французскими министрами и государственными секретарями (участвующими в переговорах по ДЭХ).²⁵ ЕС и его государства-члены должны извлечь выводы нынешнего тупика в многосторонних переговорах, направленных на реформирование ДЭХ, и рассмотреть вопрос о скоординированном выходе ЕС и стран-членов из договора²⁶.

В письме отмечалось, что переговоры по модернизации ДЭХ были замедлены положением договора о принятии единогласных решений. И, несмотря на три раунда переговоров, проведенных в 2020 году между 54 подписантами, не было достигнуто большого прогресса. В 2019 году страны ЕС дали Комиссии ЕС мандат на пересмотр договора, заявив, что он должен восстановить «право Европы на регулирование» в таких областях как изменение климата и права трудящихся. Но эти цели разделяют не все 54 стороны, подписавшие ДЭХ, в которую входят такие страны, как Азербайджан, Туркменистан, Казахстан, Монголия и Узбекистан, которые в значительной степени зависят от ископаемого топлива. Например, в декабре 2020 года Япония отказалась пересмотреть наиболее спорный аспект договора - механизм урегулирования споров между инвестором и государством, который передает судебные разбирательства в частные трибуналы, где судьи назначаются сторонами в споре. Вместо этого Комиссия ЕС предложила передавать дела в будущий «Многосторонний инвестиционный суд» (Multilateral Investment Court), проект которого в настоящее время обсуждается на уровне ООН²⁷.

Позицию Франции в отношении дальнейшей судьбы ДЭХ поддержали Испания и Чехия²⁸. В декабре 2020 года испанский министр по экологическому переходу Тереза Рибера призвала ЕС выйти из ЕС, если реформа ДЭХ не может привести договор в соответствие с Парижским соглашением²⁹. Министрство иностранных дел также Чехии подтвердило, что Чешская Республика твердо стоит на позиции, что на Едином рынке ЕС нет места для ДИД внутри ЕС³⁰.

Специалисты в области арбитража выступают против прекращения ДЭХ: прекращение или выход из ДЭХ не положит конец искам «ISDS» со стороны инвесторов в ископаемое топливо и не будет способствовать ускорению темпов декарбонизации, поскольку действующие нормы о выходе из ДЭХ позволяют инвесторам в ископаемое топливо (уголь, нефть, газ) подавать иски о компенсации еще в течение 20 лет после прекращения действия оговора. Кроме того, Па-

рижское соглашение не защищает инвестиции в энергетику. Именно здесь ДЭХ может сыграть ключевую роль». Таким образом вместо того, чтобы прекращать ДЭХ (как того требует гражданское общество и некоторые политические группы), сохранение договора и его гарантий защиты будет способствовать достижению климатических целей. ДЭХ является не препятствием, а инструментом энергетического перехода³¹. Эту точку зрения высказывают многие адвокаты, работающие в сфере инвестиций³².

V. Заключение.

Модернизация ДЭХ, несомненно, отвечает общим интересам ЕС, поскольку переход от «коричневой» экономики к «зеленой» экономике и отказ от ископаемого топлива является приоритетной темой для ЕС. Однако, мы присоединяемся к мнению большинства юристов-практиков о том, что заявление Комиссии ЕС о выходе из договора и возможном его прекращении вряд ли будет представлять существенную угрозу; маловероятно, что ЕС хочет выйти из ДЭХ, не в последнюю очередь из-за положения о 20-летнем сроке действия договора после его прекращения.

Пристатейный библиографический список

1. Ермакова Е. П. О проекте общеевропейского закона о климате и проблемах нормативного регулирования «зеленого» финансирования в Европейском Союзе // Государство и право. – 2020. – № 5. – С. 96-107.
2. Фролова Е. Е. Новая экосистема финансового рынка Европейского Союза: цифровизация и устойчивость // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. – Т. 24. – № 3. – С. 673-694
3. Фролова Е. Е. Цифровизация и зеленое финансирование: новые тренды правового регулирования экономических отношений XXI века // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования. Материалы Национальной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и 90-летию со дня рождения д.ю.н., профессора, академика Академии социальных наук РФ, заслуженного юриста Республики Башкортостан Марка Семёновича Орданского. В 2-х частях, 2020. – С. 328-334
4. Фролова Е. Е. Инновационные инструменты и новые финансовые институты «зеленого» финансирования // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 12 (151). – С. 33–37.
5. Cima E. (2021). Retooling the Energy Charter Treaty for climate change mitigation: lessons from investment law and arbitration // The Journal of World Energy Law & Business. - Volume 14. - Issue 2. - April 2021. - Pages 75–87 (DOI: <https://doi.org/10.1093/jwelb/jwab007>).

25 Simon F. (2021). France puts EU withdrawal from Energy Charter Treaty on the table // EURACTIV. 3 Feb. 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.euractiv.com/section/energy/news/france-puts-eu-withdrawal-from-energy-charter-treaty-on-the-table/> (дата обращения: 19.11.21).

26 Полный текст письма. // EURACTIV. 3 Feb. 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.euractiv.com/wp-content/uploads/sites/2/2021/02/Letter_France_ECT.pdf (дата обращения: 19.11.21).

27 The Multilateral Investment Court project// European Commission website. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=1608> (дата обращения: 19.11.21).

28 Zielinska-Eisen A., Korom V. (2021). Op. cit.

29 Riberatweet. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://twitter.com/Teresaribera/status/1338812479112171520> (дата обращения: 19.11.21).

30 Matějovský T. et al (2019) EU Member States adopt declaration on the termination of all bilateral investment treaties // CMS Legal. 14.02.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cms-lawnow.com/ealerts/2019/02/eu-member-states-adopt-declaration-on-the-termination-of-all-bilateral-investment-treaties?cc_lang=en (дата обращения: 15.11.21).

31 Zielinska-Eisen A., Korom V. (2021). Op. cit.

32 Timofeyev I. et al (2020). Investment Disputes Involving the Renewable Energy Industry under the Energy Charter Treaty // GAR. 10 November 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalarbitrationreview.com/guide/the-guide-energy-arbitrations/4th-edition/article/investment-disputes-involving-the-renewable-energy-industry-under-the-energy-charter-treaty> (дата обращения: 14.11.2021).

ТЫМЧУК Юлия Александровна

старший преподаватель кафедры гражданского и международного частного права (базовой кафедры ЮНЦ РАН) Волгоградского государственного университета

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НОТАРИУСОВ, УДОСТОВЕРИВШИХ ТРАНСГРАНИЧНУЮ СДЕЛКУ С НЕДВИЖИМОСТЬЮ В ДИСТАНЦИОННОМ РЕЖИМЕ: ВОПРОСЫ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА

В настоящей статье рассматриваются вопросы определения права, подлежащего применению к ответственности нотариусов двух и более государств, совместно удостоверяющих сделку с недвижимостью в дистанционном режиме. Автором выявлено, что в настоящее время на межгосударственном уровне соответствующей правовой и технической базы для совершения обозначенного нотариального действия двумя и более нотариусами зарубежных государств в дистанционном режиме не разработано. В связи с этим, в работе проанализированы особенности правовой регламентации ответственности нотариусов, дистанционно удостоверяющих сделку с недвижимостью по национальному законодательству стран, в которых на нормативном уровне закреплена возможность его совершения в пределах одного государства, т. е. национальными нотариусами. Определены основные коллизионные привязки, применяемые для регулирования отношений, возникающих вследствие причинения нотариусом вреда. Обоснован тезис о применении в отсутствие соглашения, права страны места наступления вреда (*lex loci damni*) для разрешения вопроса об ответственности нотариуса за причинение вреда, возникшего в связи с совершением нотариального действия по удостоверению трансграничной сделки с недвижимостью в дистанционном режиме.

Ключевые слова: институт нотариата, трансграничные сделки с недвижимостью, дистанционное нотариальное удостоверение, ответственность нотариуса, применимое право.

TYMCHUK Yuliya Aleksandrovna

senior lecturer of Civil and international private law sub-faculty (Basic Department of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences) of the Volgograd State University

LIABILITY OF NOTARIES WHO HAVE CERTIFIED A CROSS-BORDER TRANSACTION WITH REAL ESTATE IN REMOTE MODE: ISSUES OF APPLICABLE LAW

This article discusses the issues of determining the law to be applied to the responsibility of notaries of two or more states jointly certifying a real estate transaction remotely. The author has revealed that at the present time, at the interstate level, the appropriate legal and technical basis for performing the designated notarial action by two or more notaries of foreign states in a remote mode has not been developed. In this regard, the paper analyzes the features of the legal regulation of the liability of notaries remotely certifying a real estate transaction under the national legislation of countries in which the possibility of its commission within one state, i.e. by national notaries, is fixed at the regulatory level. The main conflict-of-laws bindings used to regulate relations arising from the infliction of harm by a notary are determined. The thesis is substantiated on the application, in the absence of an agreement, of the law of the country of the place of occurrence of harm (*lex loci damni*) to resolve the issue of the notary's responsibility for causing harm that arose in connection with the notarial act of certifying a cross-border real estate transaction remotely.

Keywords: notary institution, cross-border real estate transactions, remote notary certificate, notary liability, applicable law.

Сегодня цифровые технологии являются неотъемлемой составляющей нотариальной деятельности, что повышает востребованность нотариальных действий (в т.ч. удаленных, дистанционных), совершаемых с их использованием, у субъектов гражданского оборота [4, с.171].

Так, в России с 29 декабря 2020 года у заинтересованных лиц появилась возможность нотариально удостоверить сделки, в том числе с недвижимостью, без совместного присутствия всех ее сторон в одной нотариальной конторе за счет введения такого нового нотариального действия как удостоверение сделок двумя и более нотариусами (ст. 53.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы)). Иная правовая модель совершения схожего нотариального действия закреплена в законодательстве некоторых государств БРИКС, в частности Бразилии (практикуется удостоверение сделки одним нотариусом, связь со сторонами сделки осуществляется через нотариальную видеоконференцию т.е. физическое присут-

ствие каждой стороны сделки в территориально отдаленных друг от друга нотариальных конторах не требуется)¹. В государствах-членах ЕАЭС аналога такого нотариального действия на момент написания настоящей работы в законодательстве не закреплено [5, с. 58].

Результатом совершения рассматриваемого нотариального действия является нотариальный акт, разновидностью которого выступает сделка в нотариальной форме. В связи с этим, допустимо утверждать, что сделка с недвижимостью, удостоверяемая двумя и более российскими нотариусами, потенциально может быть осложнена иностранным элементом в виде субъекта - иностранного гражданина или юридического лица. Кроме того, теоретически возможно предположить, что при наличии соответству-

1 Provimento Nº 100 de 26/05/2020 // Portal Gov.br Presidência da República. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://atos.cnj.jus.br/atos/detalhar/3334> (дата обращения: 01.11.2021).

ющих нормативных и технических условий нотариально удостоверяемая дистанционно нотариусами двух и более государств трансграничная сделка с недвижимостью может быть осложнена иностранным элементом в виде соответствующей недвижимости, которая находится на территории государства-места осуществления деятельности одного из нотариусов, удостоверяющих сделку.

Несмотря на осложнение нотариального действия иностранным элементом, нотариальное производство, за исключением случаев, предусмотренных национальным законодательством конкретного государства и международными договорами, как правило, подчиняется законам *lex fori*, например, российскому законодательству, регламентирующему порядок совершения нотариальных действий или законодательству иностранного государства при обращении непосредственно к иностранному нотариусу за совершением нотариального действия. В связи с этим, вопросы ответственности также регламентируются национальным законодательством государства.

Вместе с тем совершение нотариального действия по удостоверению трансграничной сделки с недвижимостью в дистанционном режиме (в частности, нотариусами двух и более иностранных государств), имеет свою специфику, которая обуславливает потребность в учете особенностей закрепления в законодательстве ответственности нотариусов, участвующих в удостоверении сделки с недвижимостью.

В частности, в отечественных Основах для нотариусов, дистанционно удостоверивших сделку с недвижимостью, статьей 17 установлена солидарная ответственность за причиненный по их вине вред вследствие признания сделки недействительной. Полагаем, что закрепленный подход полностью соотносится с устоявшимися отечественными доктринальными и законодательными подходами к сущности солидарной ответственности, по смыслу которых нотариусы выступают лицами, совместно причинившими вред. Из обозначенного правила имеются исключения, которые состоят в нераспространении этого положения на случаи признания удостоверенной сделки недействительной в связи с нарушением одним из нотариусов требований закона об установлении лица, обратившегося за совершением нотариального действия, а также его правосубъектности (ст. 42, 43 Основ).

Учитывая то, что при совершении рассматриваемого нотариального действия, в рамках которого нотариусы взаимодействуют исключительно в дистанционном формате в силу территориальной отдаленности, о совместном характере действий нотариусов, причинивших вред, могут свидетельствовать как их согласованность, так и направленность на реализацию общего для всех действующих лиц намерения, а также наличие прямой причинной связи между действиями каждого из причинителей и наступившим вредом. Как отмечают отечественные специалисты, нормы об ответственности нотариуса за совершение рассматриваемого нотариального действия вызывают ряд вопросов, среди которых: подсудность спора, обоснованность обременения нотариуса, к которому предъявлены требования судебными расходами и необходимостью в защите прав другого нотариуса, удостоверившего сделку, выделение доли каждого из нотариусов в предъявленных исковых требованиях [1, с. 44].

Бразильское законодательство² содержит общую норму об ответственности для нотариусов за весь ущерб, который они причиняют третьим сторонам по вине или умыслу лично, что объясняется, тем, что анализируемое нотариальное действие совершается в этой стране одним нотариусом.

Представляется, что при решении вопроса о праве, подлежащем применению к правоотношениям, связанным с возложением ответственности на нотариусов за вред, причиненный имуществу лица, в результате нотариального удостоверения трансграничной сделки с недвижимостью в дистанционном режиме, следует учитывать следующие обстоятельства.

Отечественные исследователи, обосновывают, что «ответственность нотариуса в России правильно будет рассматривать исключительно как деликтную ответственность» [3, с. 334]. Если предпринять попытку по экстраполяции указанного тезиса для решения вопроса о трансграничной ответственности нотариусов, необходимо, прежде всего, обратиться к анализу существующих международных договоров с участием Российской Федерации. Так, анализ положений Минской конвенции 1993 г. (ст. 42), Киевского соглашения 1992 г. (ст. 11), Кишиневской конвенции 2002 г. (ст. 45) (подписана Россией, но не ратифицирована на момент написания настоящей работы), которые непосредственно относятся к рассматриваемому вопросу, позволяют утверждать, что в них преимущественно закреплен принцип *lex loci delicti commissi* (закон места причинения вреда). Во многих двусторонних международных договорах России данный принцип также преобладает.

Представляется, что такой подход выглядит устаревшим и не соответствующим современным потребностям гражданского оборота. Как справедливо отмечают в литературе, применение этого классического коллизионного начала нередко ограничивается или вытесняется иными коллизионными нормами, включая закон страны, с которой отношение наиболее тесно связано, общий личный закон сторон обязательства, закон суда и др. [2, с. 66]. Кроме того, если обратиться к нормам международного частного права и в частности ст. 1219 ГК РФ, то возможно обнаружить, что для решения вопроса о праве, подлежащем применению к обязательствам из причинения вреда, используется более гибкий подход.

Европейский законодатель в Регламенте РИМ II³ также особо отметил, что «принцип *lex loci delicti commissi* является основным решением для внедоговорных обязательств в большинстве государствах-членах. Между тем, связь со страной, в которой был причинен прямой ущерб (*lex loci damni*), обеспечивает справедливый баланс между интересами лица, признанного ответственным, и лица, которому причинен ущерб, а также отражает современный

2 LEI N° 8.935, DE 18 DE NOVEMBRO DE 1994 // Portal Gov.br Presidência da República. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/LEIS/L8935.htm (дата обращения: 01.11.2021).

3 Regulation (EC) No 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II) // EUR-Lex. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=C_ELEX%3A32007Ro864&qid=1630442000486 (дата обращения: 10.11.2021).

подход к гражданской ответственности и развитию систем ответственности».

Представляется, что, несмотря на наличие в национальном законодательстве государств нормативных положений об ответственности нотариуса, коллизионных привязок для определения права, подлежащего применению для установления ответственности нотариуса за причиненный вред, наиболее рациональным и сбалансированным вариантом является закрепление на уровне двустороннего или многостороннего договора специальной нормы, которая будет применяться для разрешения вышеназванного вопроса. Особенно актуальным, наш взгляд, такой подход является для стран Евразийского экономического союза.

С учетом того, что нотариус как квалифицированный уполномоченный специалист, действующий от имени государства, может и должен предвидеть наступление вреда в другой стране к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда в результате совершения нотариального действия по удостоверению трансграничной сделки с недвижимостью в дистанционном формате, оптимальным является применение права страны, в которой наступил вред (*lex loci damni*). Закрепление обозначенной общей коллизионной привязки в двустороннем или многостороннем международном договоре не должно стать препятствием для реализации права на заключение соглашения о праве, подлежащем применению, между причинителем вреда и потерпевшим (например, право страны потерпевшего может быть избрано сторонами, поскольку оно теоретически может закреплять улучшенные возможности для возмещения вреда).

В настоящее время с учетом отсутствия специально многостороннего или двустороннего договора, направленного на урегулирование порядка совершения рассматриваемого нотариального действия в трансграничном информационном пространстве, в целях закрепления вышеизложенного подхода возможно внести следующее изменение, например, как в ст. 42 Минской конвенции, так и в национальное гражданское законодательство стран ЕАЭС (п. 1 ст. 1129 ГК Белоруссии, п. 1 ст. 1117 ГК Казахстана, п. 1 ст. 1203 Кыргызской Республики, ч. 1 ст. 1289 ГК Армении, п. 1.1 ст. 1219 ГК РФ): «В случае, когда в результате совершения с использованием электронных технологий нотариального действия, осложненного иностранным элементом, вред наступил в другой стране, применяется право этой страны».

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам.

Обосновано, что для целей определения права, применимого для разрешения вопроса об ответственности нотариуса за причинение вреда, возникшего в связи с совершением нотариального действия по удостоверению трансграничной сделки с недвижимостью в дистанционном режиме целесообразно в качестве общей нормы, в случае отсутствия соглашения о применимом праве, применять право страны места наступления вреда (*lex loci damni*), поскольку нотариус как причинитель вреда предвидел или должен был предвидеть наступление вреда в другой стране.

В условиях отсутствия на наднациональном уровне как нормативных основ, так и соответствующих технических

возможностей для совершения рассматриваемого нотариального действия в дистанционном режиме рекомендуется закрепить вышеизложенный подход к регулированию трансграничной ответственности нотариуса как на уровне международных двусторонних или многосторонних договоров с участием России, так и в национальном гражданском законодательстве стран, с которыми в условиях непростой внешнеполитической обстановки развиваются партнерские отношения (в частности, страны ЕАЭС).

Пристатейный библиографический список

1. Медяник Д. С. К вопросу об ответственности нотариусов при удостоверении сделки дистанционно (комментарий к ст. 53.1 Основ законодательства РФ о нотариате) // Нотариус. - 2021. - № 4. - С. 43-44.
2. Международное частное право: учебник / В. Н. Борисов, Н. В. Власова, Н. Г. Доронина и др.; отв. ред. Н. И. Марышева. 4-е изд., перераб. и доп. - М.: ИЗ-иСП, КОНТРАКТ, 2018. - 848 с.
3. Мохов А. А., Рабочий П. В. К вопросу об ответственности нотариуса за вред, причиненный имуществу или личности клиента // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. - 2008. - № 2. - С. 334-335.
4. Нотариат: учебник и практикум для вузов / А. О. Иншакова [и др.]; под редакцией А. О. Иншаковой, А. Я. Рыженкова. — 2-е изд. - Москва: Издательство Юрайт, 2021. - 470 с.
5. Тымчук Ю. А. Нотариальное удостоверение трансграничных сделок с недвижимостью двумя нотариусами государств — членов ЕАЭС: вектор на расширение компетенции нотариуса // Нотариальный вестник. - 2021. - № 6. - С. 57-64.

ЯН Хайдань

аспирант Российского университета дружбы народов

ПРОЦЕСС КОДИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена актуальным проблемам кодификации международного частного права в Китайской Народной Республике. Приведение норм национального законодательства в соответствие международным стандартам правового регулирования в таких сферах, как мореплавание, трансграничные сделки, договоры с иностранными лицами, нацелено на устранение правовых коллизий между китайским законодательством и международным правом. В развитии Китайской Народной Республики кодификация международного частного права имеет огромное значение с точки зрения как продвижения китайской «мягкой силы» в ближайшие регионы, так и с позиции растущей экономической мощи страны. При нивелировании правовых коллизий между внутренним и международным правом Китай может стать более популярным для иностранных инвесторов, иностранных профессиональных кадров и т.п. Цель исследования заключается в выявлении основных проблем и рассмотрении ближайших перспектив процесса кодификации международного частного права в Китае. Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования, историко-правовой анализ, метод научного обобщения. По итогу проведенного исследования автор пришел к выводу о том, что законодательство Китая в сфере кодификации международного частного права нуждается в дальнейшем совершенствовании положений «Закона о конфликтах» КНР.

Ключевые слова: международное частное право, законодательство Китая, кодификация, правовые нормы, правовая реформа.

YANG Haidan

postgraduate student of the Peoples Friendship University of Russia

PRIVATE INTERNATIONAL LAW CODIFICATION PROCESS IN CHINA AT THE PRESENT STAGE: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article is devoted to topical problems of codification of private international law in the People's Republic of China. Bringing the national legislation norms in line with international standards at legal regulation in such areas as maritime laws, cross-border transactions, contracts with foreign persons is aimed at eliminating legal conflicts between Chinese and international laws. In the development of the People's Republic of China, the codification of private international law is of great importance from the point of both the Chinese «soft power» advancement in the nearest regions, and from the standpoint of the country's growing economic power. By neutralizing legal conflicts between domestic and international law, China may become more popular for foreign investors, foreign professional personnel, etc. The research goal is to identify the main problems and consider the immediate prospects for the codification process of private international law in China. The research methodology is based on a systematic approach and includes the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, induction, deduction), as well as a number of special methods: content analysis of scientific literature on the research topic, historical and legal analysis, the method of scientific generalization. As a research result, the author came to the conclusion that the legislation of China in the field of codification of private international law requires further improvement of the provisions of the «Conflicts Law» in China.

Keywords: international private law, Chinese legislation, codification, legal norms, legal reform.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что при возрастающей роли Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе неизбежно возникает необходимость кодификации на уровне национального законодательства норм международного частного права. Процесс кодификации права в Китае начался с Закона «О применении права» 1918 года [5, с. 98]. Однако современное законодательство основано на кодификациях, инициированных практически заново в начале 1980-х годов. Как отмечают исследователи, Закон «О выборе права для гражданских отношений, связанных с иностранными государствами» (далее – «Закон о конфликтах»), принятый в Китае осенью 2010 года, является важной вехой в развитии китайского коллизионного права. Основываясь на лучших элементах кодификаций коллизионного права в Германии, Японии и Швейцарии, среди прочего, а также из правовых документов Европейского Союза и Гагской конференции по международному частному праву [8, с. 101], Закон 2010 года включает в себя некоторые передовые глобальные достижения в таких областях, как признание авто-

номии сторон в качестве общего принципа, принцип наиболее тесной связи в качестве принципа заполнения пробелов, принцип защиты более слабой стороны, нормы права для договорных и деликтных споров [9, с. 920].

Однако Закон 2010 года отменил только три статьи коллизионного права, и коллизионные нормы по-прежнему разбросаны по разным частям китайского законодательства. При этом, между новыми и старыми нормами все еще существуют противоречия и дублирования. Здесь особое значение имеет различие между законодательной теорией и практикой.

Следовательно, судебные интерпретации, решения по делам и научные заключения необходимы юристам как внутри, так и за пределами Китая, чтобы понять суть процесса кодификации международного права в Китае. Также необходимо обозначить те проблемы, которые существуют при кодификации международного права в Китае, а также необходимо предложить некоторые решения таких проблем.

Реструктуризация международного частного права началась на Всекитайском собрании народных представителей (далее – ВСНП) в 2001 году. В том же году Постоянный комитет девятого ВСНП сформулировал амбициозный план по разработке Гражданского кодекса КНР, который должен был включать и международное частное право. После года подготовки был составлен проект Гражданского кодекса, который был представлен Постоянному комитету девятой сессии ВСНП для первого чтения 23 декабря 2002 года. Проект Гражданского кодекса состоял из девяти книг, последняя из которых Закон «О применении законодательства к иностранным гражданским отношениям» был специально посвящен проблемам выбора права [11, с. 102].

В то время некоторые китайские исследователи были настолько оптимистичны в отношении законодательного проекта, что предсказывали, что вскоре будет принят первый Гражданский кодекс КНР [12, с. 163]. К их разочарованию, от плана разработки всеобъемлющего Гражданского кодекса отказались, когда в марте 2003 года были избраны Десятый ВСНП и его постоянный комитет [15, с. 121].

Учитывая чрезвычайно широкий охват Гражданского кодекса, вновь сформированный законодательный орган утверждал, что «было бы нереалистично и даже рискованно сразу же ввести в действие Гражданский кодекс» [13, с. 1069]; поэтому было решено, что Гражданский кодекс не будет принят в целом, а будет приниматься книга за книгой.

В таких условиях Закон о собственности и Закон о гражданской ответственности были приняты 16 марта 2007 года и 26 декабря 2009 года [14, с. 8]. Сразу после этого законодательный процесс по разработке «Закона о конфликтах» был возобновлен. Далее, 27 декабря 2009 года, на следующий день после принятия Закона об ответственности за правонарушения, Ван Шэнмин, заместитель директора комитета по законодательным вопросам Постоянного комитета одиннадцатого ВСНП, заявил, что: «Постоянный комитет теперь уделяет первоочередное внимание разработке проекта «Закона о применении законодательства в отношении иностранных гражданско-правовых отношений» [10, с. 86].

По поручению комитета по законодательным вопросам Постоянного комитета ВСНП Китайское общество международного частного права, академическая организация, расположенная в Китае, учредило редакционную группу для представления проекта. После годичного обсуждения и подготовки Общество представило в конце марта 2010 года проект, озаглавленный «Законом о применении законодательства в отношении иностранных гражданско-правовых отношений (далее именуемый Предлагаемый проект)», который, как ожидалось, должен был служить в качестве образца для кодификации международного частного права [8, с. 99]. На основе предложенного проекта целевая группа, созданная Комитетом по законодательным вопросам Постоянного комитета ВСНП, создала проект Закона о конфликтах и представила его на рассмотрение Постоянному комитету одиннадцатого ВСНП 23 августа 2010 г. Полный текст законопроекта был вскоре опубликован на веб-сайте ВСНП для общественного обсуждения с 28 августа по 20 сентября 2010 года [6, с. 105].

После получения комментариев и предложений Комитет по законодательным вопросам приступил к подготовке окончательного проекта Закона о конфликтах в октябре 2010 г. Законопроект был представлен на 17-й сессии Постоянного комитета одиннадцатого ВСНП 16 октября 2010 г. Из 158 членов Постоянного комитета, присутствовавших на заседании, все проголосовали «за» принятие Закона о конфликтах. До-

кумент был обнародован президентом Ху Цзиньтао как «Распоряжение президента КНР № 36 от 2010 года» [7] и вступил в силу 1 апреля 2011 года.

Таким образом, только через 62 года после создания Китайской Народной Республики, страна наконец приняла Закон о конфликтах. Анализ научной литературы показывает, что законодательное развитие международного частного права в КНР шло неравномерно и длительное время не получало поддержки государства [4, с. 25]. Фактически, само изучение международного частного права стало рассматриваться как независимая дисциплина только после реформ Китая и открытия его для внешнего мира в конце 1970-х годов, и в течение многих лет международное частное право считалось в Китае запрещенным, даже опасным академическим занятием [2, с. 423]. Анти-иностранские настроения, которые доминировали в Китае с 1950-х по 1970-е годы, были настолько распространены, что даже в академических научных кругах было невозможно ознакомиться с какими-либо западными идеями, в том числе – в сфере права [3, с. 84].

Такое же отношение проявлялось со стороны законодательной и судебной властей в их нежелании признавать действие международного права в гражданских делах с участием иностранных элементов. Однако такое отношение стало постепенно меняться в результате начала реформ и «политики открытых дверей» [2, с. 426].

С развитием внешнеэкономического сотрудничества и торговли Китая возникало все больше споров, связанных с иностранными элементами, которые передавались в народные суды Китая. Более того, вступление Китая в ВТО в 2001 году привело к увеличению числа международных гражданских и коммерческих споров, которые становились все более сложными. Между тем, имея огромное количество китайских гражданских лиц за границей, Китай начал понимать, что кодификация международного частного права необходима для координации взаимодействия между вовлеченными правовыми системами, в том числе – правами и обязанностями китайских граждан за рубежом. В таких обстоятельствах международное частное право стало предметом изучения в Китае в начале 1980-х годов.

Однако, как полагают исследователи, до обнародования «Закона о конфликтах» китайское законодательство по международному частному праву оставалось гораздо менее сложным по сравнению с законодательством Соединенных Штатов, основных европейских стран и их восточноазиатских соседей [11, с. 57-58].

До принятия нового «Закона о конфликтах» глава восьмая «Общих принципов гражданского права» была наиболее важным и основным законодательным актом по международному частному праву в Китае [13, с. 1097]. Однако, как и остальная часть Закона, глава восьмая не претендует на исчерпывающую кодификацию: она содержит всего девять статей, которые касаются договорных обязательств, правонарушений и правопреемства. То есть, глава восьмая не только ограничивается определенными вопросами, но ее нормы зачастую трудно соблюдаемы, особенно в сложных случаях [14, с. 12].

В целом, сами китайские правоведы резюмируют, что законодательство о международном частном праве в Китае до принятия «Закона о конфликтах» 2010 года имело следующие проблемы: коллизионные правила, содержащиеся в различных китайских статутах и постановлениях, были неполными [13]; некоторые статутные коллизионные нормы были недостаточны или устарели [8]; некоторые нормы про-

тиворечили друг другу [8]; некоторые нормы, включенные в судебное толкование Верховного Народного суда, не соответствовали нормам международного частного права [9]; некоторые нормы противоречили существующему китайскому законодательству [12].

В свете обозначенных проблем, принятие «Закона о конфликтах» 28 октября 2010 года считается историческим событием для развития китайского законодательства, поскольку указывает на то, что Китай в конечном итоге модернизировал свои нормы права после стольких лет неустанных усилий законодателей и ученых.

С точки зрения китайских правоведов, принятие этого Закона знаменует собой успешное установление «социалистической правовой системы с китайскими особенностями» в соответствии с планами партии [9, с. 932]. По мнению исследователей, принятие этого закона означает, что Китай, будучи крупнейшей развивающейся страной и второй по величине экономикой в мире, «теперь может заявлять о наличии целостной правовой системы» [8, с. 104].

На наш взгляд, принятие «Закона о конфликтах» стало ответом на растущий объем и растущее разнообразие международных гражданских споров. Еще одним импульсом для начала процесса кодификации в Китае, стало, очевидно, ускорение развития международного частного права во всем мире, в частности, принятие Римских Правил I и II [10, с. 1067]. При этом, за последнее десятилетие прошли законодательные реформы в Германии, Швейцарии, Италии и Великобритании, а также в соседних с Китаем странах, таких как Япония и Южная Корея [15, с. 123]. Обнародование Закона о конфликтах, разумеется, свидетельствует о том, что Китаю удалось достичь цели кодификации существенных частей международного частного права.

Китайский «Закон о конфликтах» содержит восемь глав и 52 статьи по соответствующим областям применения: Глава первая – «Общие положения» (статьи 1-10); Глава вторая «Гражданские субъекты» (статьи 11-20); Глава третья, «Брак и семья» (статьи 21-30); Глава четвертая, «Наследование» (статьи 31-35); Глава пятая «Собственность» (статьи 36-00); Глава шестая, «Обязательства» (Статьи 41-47); Глава седьмая, «Интеллектуальная собственность» (статьи 48-50); и Глава восьмая «Дополнительные положения» (статьи 51-52) [7].

Из названия и структуры «Закона о конфликтах» можно выделить следующие два момента как основные характеристики процесса кодификации международного права в Китае.

Во-первых, это не исчерпывающая кодификация, поскольку Закон содержит только вопросы выбора права по гражданским отношениям, исключая не только юрисдикционные правила, правила признания и исполнения иностранных судебных решений и арбитражных решений, а также вопросы выбора права в коммерческих отношениях. Следует подчеркнуть, что такая модель кодификации не соответствует первоначальным ожиданиям большинства китайских правоведов, которые, по сути, всегда выступали за принятие всеобъемлющего кодекса международного частного права в соответствии с законодательной моделью Федерального кодекса частного права Швейцарии [13, с. 1077].

Определенная статьей 1 цель «Закона о конфликтах» предполагает, что вопросы юрисдикции и вопросы признания и исполнения иностранных судебных решений и решений не охвачены «Законом о конфликтах», поскольку эти вопросы выходят за его рамки. Что еще более важно, внимательное прочтение показывает, что первый Закон КНР о кон-

фликтах занимает космополитическую позицию, поскольку он направлен на разрешение споров надлежащим образом и на равную защиту сторон, независимо от их национальности и места жительства [7]. Принцип наиболее тесной связи уже сыграл важную роль в законодательстве Китая. Учитывая достоинства принципа самой тесной связи, Закон о конфликтах призван усилить и расширить его применение, поскольку статья 2 (абзац 2) предусматривает, что гражданские отношения, связанные с иностранными гражданами, регулируются законом, наиболее связанным с ними, если ни настоящий, ни какой-либо другой закон не определяют применимое право для них [7]. Кроме того, этот принцип отражен и в других статьях. Например, в соответствии со статьей 6 в случае, если применимое право является правом иностранного государства, в котором разные законы применяются в различных юрисдикциях, применяется право, имеющее наиболее тесную связь с рассматриваемым международным гражданским правом [7]. Другим примером может служить статья 1935, которая предусматривает, что в случае, если физическое лицо имеет два или более иностранных гражданства, национальным законом является закон его обычного местожительства; в случае, если физическое лицо не имеет обычного места жительства во всех странах своего гражданства, национальным законодательством является право страны, с которой оно имеет самые тесные связи [7]. Еще один пример – статья 4136, в соответствии с которой договор регулируется правом, наиболее связанным с ним при отсутствии выбора сторон [7]. В то время как существующее китайское законодательство разрешает автономию сторон в контексте контрактов, связанных с иностранными государствами, «Закон о конфликтах» расширяет ее, вводя в «Общие положения», поскольку статья 3 предусматривает, что стороны имеют право выбирать в явной форме, в соответствии с законом – право, применимое к гражданским отношениям, связанным с иностранными гражданами, если ни настоящий, ни какой-либо другой закон не содержат его положений [7].

Следует отметить, что автономия сторон подлежит двум ограничениям в соответствии с этой статьей: во-первых, выбор применимого права сторонами должен производиться предельно ясно; во-вторых, их выбор должен осуществляться в соответствии с законом [7]. Считается, что выбор по умолчанию недопустим в основном из-за опасений, что граница, отделяющая разумное толкование от произвольной фальсификации, не очень ясна.

Особого внимания заслуживает то, что автономия сторон была значительно расширена в «Законе о конфликтах». Помимо включения его в главу 1 и подтверждения его применения к контрактам (статья 41), «Закон о конфликтах» расширяет автономию сторон для регулирования режима собственности супругов (статья 24), расторжения брака по соглашению (статья 26), правонарушений (статья 44), неосновательного обогащения (статья 47), и вещным правам в случаях вещных прав на движимое имущество (статьи 37 и 38) [7].

В целом, путем принятия двух статей, отражающих принцип теснейшей связи и автономии сторон, соответственно в главе 1 «Общие положения», «Закон о конфликтах» направлен на повышение гибкости применения закона и преодоление несправедливого результата, который может привести к правовым коллизиям, что, несомненно, представляет собой исторический прогресс.

Тем не менее, с момента принятия данного акта прошло десять лет. За это время вышло 36 толкований Верховного Народного Суда, и только было принято только три по-

правки к Закону. Одна из наиболее важных, внесенных в 2018 году, поправок содержится в статье 4 «Закона о конфликтах»: понятие «Обязательных правил», отступление от которых (с учетом его законодательной цели) не допускается, даже если закон другой страны определен в качестве применимого права [7].

В частности, статья 4 гласит: «Законы Китайской Народной Республики, которые в обязательном порядке применяются к гражданским отношениям, связанным с иностранными государствами, применяются напрямую» [7]. Несмотря на отсутствие каких-либо явных положений, отражающих прямое применение императивных норм в существующем китайском законодательстве, эта доктрина на протяжении многих лет отстаивалась китайскими правоведом. Стоит отметить, что согласно формулировке статьи 7 «Закона о конфликтах», обязательные правила относятся к императивным; то есть обязательные правила иностранного государства не имеют прямого применения [7]. Что касается императивных правил, содержащихся в международной конвенции, считается, что эти правила должны применяться напрямую, если КНР является договаривающейся стороной этой конвенции [7]. В этом отношении императивные нормы в контексте «Закона о конфликтах» в Китае несколько отличаются от «международных императивных норм» (или «преобладающих императивных положений»), обычно понимаемых частными юристами-международниками [14, с. 9].

Из приведенного выше анализа можно сделать вывод, что процесс кодификации международного права в Китае становится более систематизированным по структуре и более всеобъемлющим по содержанию, что является результатом усилий по устранению коллизионных проблем, существующих в китайском законодательстве. Несмотря на то, что «Закон о конфликтах» ограничивается вопросами выбора права, он содержит общую, базовую часть, а также имеет относительно всесторонний охват и вводит различные новые статьи, которых ранее не было в китайском законодательстве.

Таким образом, «Закон о конфликтах», находящийся под сильным влиянием и во многом вдохновленный иностранным и международным законодательством, включает в себя многие из самых передовых достижений международного частного права.

Например, принцип теснейшей связи был закреплен как вспомогательный принцип применения законов; была подтверждена и расширена автономия сторон; помимо договорных и семейного права, ее применение было распространено на деликты и вещные права на движимое имущество. Кроме того, «Закон о конфликтах» отражает понятие защиты более слабых сторон; что наиболее впечатляюще, отказавшись от традиции гражданства, «Закон о конфликтах» следует Гаагским конвенциям, которые устанавливают обычное место жительства, а не гражданство, в качестве основного связующего фактора для определения *lex personalis* [14, с. 7]. Благодаря включению этих передовых понятий, «Закон о конфликтах» последовательно модернизировал существенные части китайского международного частного права.

Тем не менее, как первый статут Китая о правилах конфликтов, Закон о конфликтах имеет некоторые очевидные недостатки. Во-первых, Закон о конфликтах – это не всеобъемлющий кодекс международного частного права, поскольку он содержит только вопросы выбора права в отношении гражданских правоотношений. Во-вторых, в областях, охватываемых «Законом о конфликтах», некоторые положения неполны, в результате чего некоторые правовые пробелы

остаются незаполненными. В этом свете мы полагаем, что усовершенствование «Закона о конфликтах» может иметь следующие перспективы: во-первых, Верховный народный суд должен дать более подробное толкование «Закона о конфликтах», с тем чтобы устранить незначительные недостатки по каждой из регулируемых сфер. Во-вторых, в тех случаях, когда судебное толкование больше не может соответствовать судебной практике (с момента принятия Закона прошло десять лет), Всекитайское собрание народных представителей, как высший законодательный орган Китая, должно внести поправки в «Закон о конфликтах», чтобы в последующем принять всеобъемлющий кодекс международного частного права.

Пристатейный библиографический список

1. Алимова Я. О. Возможность унификации в сфере трансграничных договорных отношений в странах БРИКС // *Lex Russica*. – 2019. – № 11.
2. Ван Ч. Революции и кодификация китайского гражданского законодательства // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. – 2018. – № 3.
3. Ма С. Подлежащее применению право к трансграничным договорам в Китае: теория и практика // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2018. – № 1.
4. Трощинский П. В. Современное законодательство КНР: проблемы и перспективы развития // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2016. – № 3.
5. Чжан Л. Развитие китайской гражданско-правовой науки в период после начала политики реформ и открытости // *Проблемы экономики и юридической практики*. – 2017. – № 1.
6. Шулаков А. А. Современные подходы к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи в международном частном праве // *Lex Russica*. – 2018. – № 1.
7. Decree of the President of the People's Republic of China. No. 36. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conflictflaws.net/News/2011/01/PIL-China.pdf> (дата обращения: 12.11.2021).
8. Guangjian Tu. *Private International Law in China*. Springer. – 2020.
9. Qingkun Xu. The Codification of Conflicts Law in China: A Long Way to Go // *The American Journal of Comparative Law*. – 2017. – Vol. 65.
10. Rigaux F. Codification of private international law: Pros and cons. – 2020.
11. Richardson V. *Private International Law in the Asia-Pacific Region*. Routledge. – 2021.
12. Wilson A. *Private international law in Asian region*. – 2021.
13. Zhengxin Huo. An Imperfect Improvement: The New Conflict of Laws Act of the People's Republic of China. *International & Comparative Law Quarterly*. – 2019. – Vol. 10.
14. Zhengxin Huo. The Statutory Reform of Chinese Private International Law in Property Rights: A Silent Revolution. *The Chinese Journal of Global Governance*. – 2016.
15. Župan M. *Private International Law. Conference: SEELS Forced Migrations National Seminar*. – 2020.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-64-66

ГУКЕПШЕВ Асхад Алиевич

помощник сенатора Российской Федерации А. Б. Каноква по работе в Совете Федерации, аспирант кафедры европейского права МГИМО (У) МИД России

Гукепшев А. А.

ПРОБЛЕМА ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

В 2019 г. в Европейском союзе (далее – ЕС) произошли институциональные изменения, определившие будущий вектор развития европейской интеграции на период с 2019 по 2024 гг. Проблема вынужденной миграции является актуальным вопросом современной европейской политической повестки. Программные документы ЕС в данной сфере указывают на упреждающий характер политики ЕС в сфере вынужденной миграции. В данной статье рассматриваются основные акты ЕС, решения его институтов, а также внешние действия ЕС, подтверждающие тезис о превентивности нового европейского подхода при регулировании вопросов вынужденной миграции.

Ключевые слова: ЕС, миграционный кризис, вынужденная миграция, мигранты, международная защита, внешнее измерение, Общая европейская система убежища.

GUKEPSHEV Askhad Alievich

Aide to the Senator of the Russian Federation A. B. Kanokov, postgraduate student of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

THE PROBLEM OF FORCED MIGRATION IN THE EUROPEAN UNION IN THE CONTEXT OF NEW INTERNATIONAL AND REGIONAL CHALLENGES

In 2019 the European Union (EU) went through a major institutional reset that defined future prospects of the European integration for the 2019-2024 period. The problem of forced migration is an urgent issue, and represents an integral part of the European political agenda. Programming documents of the EU in this field indicate that the EU policy on forced migration is of preventive nature. The article is dedicated to the analysis of the main acts of the EU, decisions of its institutions and external actions and relations with third countries evidencing the thesis of the new preemptive European approach on forced migration.

Keywords: EU, migration crisis, forced migration, migrants, international protection, external dimension, Common European Asylum System.

В ноябре 2019 г. произошла институциональная перезагрузка ЕС – изменилась внутренняя конфигурация его основных институтов. Данная метаморфоза затронула и главный исполнительный и законотворческий орган ЕС: пост Председателя Европейской Комиссии (далее – ЕК) заняла Урсула фон дер Ляйен, сменившая Жан Клода Юнкера, обновился весь состав ЕК. Вновь назначенные еврокомиссары реактуализировали проблему вынужденной миграции, подтвердив ее значимость в контексте внутривнутриполитических и внешнеполитических процессов. Еще в рамках своей предвыборной кампании новый Председатель ЕК обозначила ряд основополагающих, на ее взгляд, направлений европейской политики, требующих пристального внимания основных институтов сообщества, и выдвинула конкретные предложения, которые легли в основу пятилетней рабочей программы ЕК. Данный период (2019–2024 гг.) в развитии европейской интеграции предполагает последовательное достижение 6 основных целей (или «амбиций»): «Защита экологии и окружающей среды», «Экономика для людей», «Цифровизация ЕС», «Внешилополитическое усиление ЕС», «Защита и продвижение европейского образа жизни», «Новый импульс развития европейской демократии». Рабочая программа ЕК на 2020 г. предполагала принятие нового европейского подхода к проблеме вынужденной миграции в виде «Нового пакта по миграции и убежищу». Данный подход основан на неразрывном единстве внутреннего и внешнего измерений политики ЕС в соответствующей области, а также на необходимости реформирования Общей европейской системы убежища (далее – ОЕСУ)¹. В своих выступлениях перед Европейским

Парламентом (далее – ЕП) Урсула фон дер Ляйен конкретизировала предлагаемые меры: усиление Европейского агентства по пограничной и береговой охране посредством увеличения бюджета организации и количественного состава сотрудников к 2024 году; модернизация ОЕСУ для создания системы сбалансированного и справедливого распределения ответственности всех государств-членов ЕС; наращивание сотрудничества ЕС с третьими государствами посредством развития и улучшения условий и перспектив для граждан государств-доноров посредством выделения европейских инвестиций в здравоохранение, образование, инфраструктуру, устойчивый рост и безопасность таких государств².

«Новый пакт по миграции и убежищу» представляет собой программный документ, определяющий не только стратегический обзор будущего развития политики и законодательства по вопросам миграции, но и специфические инструменты, которые могут быть применены ЕС для недопущения интенсификации и диспропорционального распределения миграционной нагрузки. Особое внимание в данном акте уделяется международному сотрудничеству ЕС с третьими государствами, так как взаимодействие с иностранными партнерами существенно влияет на общую эф-

SOCIAL COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS. Commission Work Programme 2020 A Union that strives for more COM/2020/37 final. [Electronic recourse]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0037> (дата обращения: 19.01.2022).

2 The von der Leyen Commission's priorities for 2019-2024. [Electronic recourse]. – Access mode: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/646148/EPRS_BRI\(2020\)646148_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/646148/EPRS_BRI(2020)646148_EN.pdf) (дата обращения: 19.01.2022).

1 COMMUNICATION FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE COUNCIL, THE EUROPEAN ECONOMIC AND

фактивность функционирования внутреннего измерения политики ЕС в сфере вынужденной миграции. В соответствии с пактом, внешнее измерение ОЕСУ представлено 6 направлениями деятельности ЕС или задачами: максимизация эффективности сотрудничества с третьими государствами (миграция должна быть ключевым вопросом сотрудничества, подразумевается комбинированное применение различных инструментов, удовлетворяющих интересы сторон, использование уже налаженного межрегионального и межгосударственного диалога на общеевропейском уровне), защита мигрантов (лиц, нуждающихся в международной защите) и поддержка третьих государств, испытывающих значительное миграционное давление, создание экономических возможностей и устранение фундаментальных причин вынужденной миграции (меры, принимаемые ЕС, должны привести граждан третьих государств к осознанию наличия реальных перспектив роста и благополучия в странах происхождения), создание сети сотрудничества с третьими государствами по вопросам миграционного управления (повышение операционной готовности миграционных систем стран происхождения и транзита для сдерживания негативных тенденций и массовых потоков мигрантов), углубление сотрудничества по вопросам реадмиссии и реинтеграции мигрантов (создание эффективной системы возвратов мигрантов при отсутствии у них права пребывать на территории ЕС), развитие законных путей переезда в Европу³. Более того, в качестве наиболее предпочтительных мер реагирования в области вынужденной миграции пакт неоднократно указывает на возвраты и реадмиссию.

В рабочей программе ЕК за 2021 г. в качестве запланированных к имплементации мер указывается принятие плана ЕС в области борьбы с незаконным провозом мигрантов и стратегии ЕС по добровольным возвратам и реинтеграции мигрантов⁴. События, происходившие в Афганистане и на границе ЕС с Белоруссией, по мнению ЕК, явились непосредственным свидетельством необходимости скорейшего согласования и введения в действие законодательных инициатив по «Новому пакту по миграции и убежищу». При этом последний характеризуется как «сбалансированная и гуманная система», отвечающая интересам всех государств-членов ЕС⁵.

Вышеупомянутые программные документы ЕС, а также законодательные инициативы, предложенные в рамках «Нового пакта по миграции и убежищу», так же указывают на превентивный характер действий ЕС в области вынужденной миграции – основные меры реагирования будут применяться интеграционным объединением с целью предотвратить движение массовых миграционных потоков в сторону границ ЕС. Последний придерживается политики сдерживания миграции в рамках очага миграционного исхода. В условиях продолжающегося внутриполитического «кризиса» (неспособность государств-членов ЕС договориться об изменении Дублинской системы распределения ответственности за рас-

смотрение ходатайств о предоставлении международной защиты и прибывающих в ЕС мигрантов) ЕК видит в подобной стратегии единственно осуществимое решение, вызывающее наименьшее сопротивление со стороны основных акторов европейской политики.

Практическим доказательством упреждающей природы активности ЕС в сфере вынужденной миграции является, как уже описывалось выше, европейский ответ на события в Афганистане и Белоруссии. Если во втором случае можно говорить об определенной доле политизации возникшей на границе ЕС и Белоруссии ситуации, то кризис афганской государственности наглядно продемонстрировал новый европейский подход в действии и динамике.

По состоянию на сентябрь 2021 г., Афганистан является страной происхождения для 2,2 миллионов человек, которые пребывают в Иране и Пакистане, еще около 3 миллионов человек являются вынужденными переселенцами на территории самого Афганистана⁶. Во время миграционного кризиса в Европе в 2015 г. афганцы составляли вторую по численности группу мигрантов, прибывавших на территорию ЕС (в настоящее время афганцы все так же занимают вторую позицию по численности среди мигрантов, попадающих в ЕС).

Европейские политики выступили с несколькими предложениями по снижению рисков наступления очередной кризисной ситуации у границ ЕС. Позиция еврокомиссара по внутренним делам Илльвы Юханссон заключалась в том, чтобы оказать оперативную финансовую поддержку вынужденным переселенцам и наиболее уязвимым группам афганского населения посредством тесного взаимодействия с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев и соседними государствами (Пакистаном, Ираном и Таджикистаном)⁷. Здесь примечателен, однако, тот факт, что долгое время одно из указанных государств, а именно Иран, находится под экономических санкций ЕС. Другое предложение было озвучено Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозепом Боррелем и еврокомиссаром по экономике Паоло Джентилони, которые выступили за активацию ранее не применявшегося механизма временной защиты, предусмотренного соответствующей директивой ЕС⁸. В экспертной среде наиболее правильным с политической, экономической и моральной точек зрения инструментом урегулирования было назван механизм переселения (resettlement) граждан Афганистана в государства-члены ЕС, что продемонстрирует единство европейских политиков в их отношении к внешней гуманитарной катастрофе, а также привнесет больше предсказуемости и возможности контроля за миграционными потоками⁹.

31 августа 2021 г. Совет ЕС принял заявление по ситуации в Афганистане, в котором были обозначены основные меры ЕС в отношении развивающегося кризиса. В частности, европейскими функционерами были даны гарантии гражданам Афганистана, сотрудничавшим с ЕС, об их эвакуации в Европу. Финансовая помощь уязвимым категориям

3 COMMUNICATION FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE COUNCIL, THE EUROPEAN ECONOMIC AND SOCIAL COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS on a New Pact on Migration and Asylum. COM/2020/609 final. [Electronic recourse]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2020%3A609%3AFIN> (дата обращения: 19.01.2022).

4 COMMUNICATION FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE COUNCIL, THE EUROPEAN ECONOMIC AND SOCIAL COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS. Commission Work Programme 2021 A Union of vitality in a world of fragility. COM/2020/690 final. [Electronic recourse]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0690> (дата обращения: 19.01.2022).

5 COMMUNICATION FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE COUNCIL, THE EUROPEAN ECONOMIC AND SOCIAL COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS. Commission work programme 2022 Making Europe stronger together. COM/2021/645 final. [Electronic recourse]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2021:645:FIN> (дата обращения: 19.01.2022).

6 Afghanistan emergency. UNHCR. [Electronic recourse]. – Access mode: <https://www.unhcr.org/afghanistan-emergency.html> (дата обращения: 19.01.2022).

7 'EU must intervene before Afghan refugees arrive at external borders' warns EU Home Affairs chief. [Electronic recourse]. – Access mode: https://www.euronews.com/2021/08/25/eu-must-intervene-before-afghan-refugees-arrive-at-external-borders-warns-eu-home-affairs-?utm_source=newsletter&utm_medium=political_newsletter&_ope=eyJndWlkIjoIM2Q1NWU4OGQ1NTJhNzJhNDE3ZWRhYTQwNGMoZDE2NGMifQ%3D%3D (дата обращения: 19.01.2022).

8 Council Directive 2001/55/EC of 20 July 2001 on minimum standards for giving temporary protection in the event of a mass influx of displaced persons and on measures promoting a balance of efforts between member states in receiving such persons and bearing the consequences thereof. [Electronic recourse]. – Access mode: <http://data.europa.eu/eli/dir/2001/55/oj> (дата обращения: 19.01.2022).

9 Why resettlement is the EU's best option to deal with the Afghanistan crisis / View. By Silvia Carta and Helena Hahn. [Electronic recourse]. – Access mode: <https://www.euronews.com/2021/09/03/why-resettlement-is-the-eu-s-best-option-to-deal-with-the-afghanistan-crisis-view> (дата обращения: 19.01.2022).

населения Афганистана оказывается через международные организации с целью обеспечения целевого использования выделяемых средств. Поддержка соседних государств будет заключаться в повышении готовности и работоспособности их миграционных систем силами Европейской службы поддержки системы убежища (ЕАСО). Основной тезис заявления – обеспечение безопасности лиц, нуждающихся в международной защите, должно осуществляться в самом регионе, а не за его пределами. Переселение указывается как возможная опция, реализуемая на добровольной основе, в первую очередь, в отношении женщин и детей. При этом параллельно ЕС обязывается усилить проверки на границах с использованием доступных информационных систем и применением специальных положений соглашений о реадмиссии с транзитными государствами¹⁰.

Спустя две недели, 15 сентября Совет ЕС выпустил заключение по ситуации в Афганистане, в котором указал на негативное влияние продолжающегося кризиса афганской государственности на сферу вынужденной миграции. В заключении также подчеркивается приверженность ЕС принципу «эффективного мультилатерализма», в соответствии с которым интеграционное объединение продолжит вносить вклад в урегулирование кризисной ситуации посредством участия в совместных усилиях ООН, НАТО и других глобальных акторов. ЕС сохраняет минимальное присутствие в Афганистане для оказания гуманитарной помощи вынужденным переселенцам и обеспечения безопасного «коридора» для граждан Афганистана, которых готовы на добровольных началах принять государства-члены ЕС¹¹.

Таким образом, программные документы, проекты новых актов вторичного права ЕС, документы Совета ЕС и ЕК свидетельствуют о превентивном характере политики и права ЕС в сфере вынужденной миграции, особенно отчетливо проявляющемся во внешнем измерении ОЕСУ, в рамках сотрудничества с третьими государствами и международными организациями. Обновленный европейский подход основан на недопущении пенетрации массовых миграционных потоков в ЕС, сдерживании миграционных волн внутри регионов происхождения или транзита, предоставлении лишь таргетированной поддержки государствам или уязвимым группам населения. Однако, указанная политика, как показывает практика, явно недооценивает гибридные риски и возможности инструментализации проблемы вынужденной миграции некоторыми субъектами международного права.

Пристатейный библиографический список

1. Afghanistan emergency. UNHCR. [Electronic recourse]. – Access mode: <https://www.unhcr.org/afghanistan-emergency.html> (дата обращения: 19.01.2022).
2. COMMUNICATION FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE COUNCIL, THE EUROPEAN ECONOMIC AND SOCIAL COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS Commission Work Programme 2020 A Union that strives for more COM/2020/37 final. [Electronic recourse]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0037> (дата обращения: 19.01.2022).
3. COMMUNICATION FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE COUNCIL, THE EUROPEAN ECONOMIC AND SOCIAL COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS on a New Pact on Migration and Asylum. COM/2020/609 final. [Electronic recourse]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2020%3A609%3AFIN> (дата обращения: 19.01.2022).

¹⁰ Statement on the situation in Afghanistan. Press release. 31 August 2021. [Electronic recourse]. – Access mode: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/08/31/statement-on-the-situation-in-afghanistan/> (дата обращения: 19.01.2022).

¹¹ Council conclusions on Afghanistan. Council of the European Union. Brussels, 15 September 2021. [Electronic recourse]. – Access mode: <https://www.consilium.europa.eu/media/52073/st11713-re02-en21.pdf> (дата обращения: 19.01.2022).

4. COMMUNICATION FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE COUNCIL, THE EUROPEAN ECONOMIC AND SOCIAL COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS. Commission Work Programme 2021 A Union of vitality in a world of fragility. COM/2020/690 final. [Electronic recourse]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0690> (дата обращения: 19.01.2022).
5. COMMUNICATION FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE COUNCIL, THE EUROPEAN ECONOMIC AND SOCIAL COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS. Commission work programme 2022 Making Europe stronger together. COM/2021/645 final. [Electronic recourse]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2021:645:FIN> (дата обращения: 19.01.2022).
6. Council conclusions on Afghanistan. Council of the European Union. Brussels, 15 September 2021. [Electronic recourse]. – Access mode: <https://www.consilium.europa.eu/media/52073/st11713-re02-en21.pdf> (дата обращения: 19.01.2022).
7. Council Directive 2001/55/EC of 20 July 2001 on minimum standards for giving temporary protection in the event of a mass influx of displaced persons and on measures promoting a balance of efforts between member states in receiving such persons and bearing the consequences thereof. [Electronic recourse]. – Access mode: <http://data.europa.eu/eli/dir/2001/55/oj> (дата обращения: 19.01.2022).
8. 'EU must intervene before Afghan refugees arrive at external borders' warns EU Home Affairs chief. [Electronic recourse]. – Access mode: https://www.euronews.com/2021/08/25/eu-must-intervene-before-afghan-refugees-arrive-at-external-borders-warns-eu-home-affairs-?utm_source=newsletter&utm_medium=political_newsletter&_ope=eyJndWlkIjoiM2Q1NWU4OGQ1NTJhNzJhNDE3ZWVhYXQwNGM0ZDE2NGMifQ%3D%3D (дата обращения: 19.01.2022).
9. Statement on the situation in Afghanistan. Press release. 31 August 2021. [Electronic recourse]. – Access mode: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/08/31/statement-on-the-situation-in-afghanistan/> (дата обращения: 19.01.2022).
10. The von der Leyen Commission's priorities for 2019-2024. [Electronic recourse]. – Access mode: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/646148/EPRS_BRI\(2020\)646148_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/646148/EPRS_BRI(2020)646148_EN.pdf) (дата обращения: 19.01.2022).
11. Why resettlement is the EU's best option to deal with the Afghanistan crisis / View. By Silvia Carta and Helena Hahn. [Electronic recourse]. – Access mode: <https://www.euronews.com/2021/09/03/why-resettlement-is-the-eu-s-best-option-to-deal-with-the-afghanistan-crisis-view> (дата обращения: 19.01.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-67-69

ЧУГУНОВ Даниил Константинович

ведущий специалист отдела правового сопровождения проектов и взаимодействия с регуляторами Юридического управления ООО «Газпром экспорт», соискатель по направлению «Международное право. Европейское право» в МГИМО (У) МИД России

НОВЕЙШИЕ ИНИЦИАТИВЫ В ОБЛАСТИ ГАЗОВОГО И ВОДОРОДНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЕС

В данной статье рассматриваются основные предложения Европейской комиссии по изменению нормативно-правовых актов ЕС, регулирующих доступ к газовым сетям и формулирующих общие правила внутреннего рынка природного газа. Подход института ЕС новый и предусматривает включение в соответствующую законодательную базу положений, способствующих формированию отдельного рынка водородного топлива, его поставки и транспортировки. Изучение вопроса становится крайне важным, в частности, для российской стороны, экспортирующей энергоносители в Европу.

Ключевые слова: декарбонизация, энергетика, водород, газ, ЕС, Третий энергетический пакет.

CHUGUNOV Daniil Konstantinovich

leading specialist of the Division for Project Legal Support and Regulatory Affairs of the Legal Directorate of the Gazprom export LLC, competitor of the programme "International law. European law" of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

LATEST EU GAS AND HYDROGEN INITIATIVES

This article discusses the proposals of the European Commission to change the EU regulatory framework governing access to gas networks and formulating the general rules of the internal natural gas market. The approach of the EU institution is new and provides for the inclusion in the relevant framework of provisions that contribute to the formation of a separate market for hydrogen fuel, its supply and transportation. The study of the issue becomes extremely important, in particular, for the Russian side, which exports energy resources to Europe.

Keywords: decarbonization, energy, hydrogen, gas, EU, Third energy package.

Чугунов Д. К.

В рамках «Европейского зеленого курса»¹ 8 июля 2020 года Европейская комиссия (далее – «Комиссия») выпустила специальную Стратегию по водороду для климатически нейтральной Европы (далее – «Стратегия по водороду»)². Как отмечалось в документе, Комиссия со своей стороны была готова обеспечить полную интеграцию водородной инфраструктуры, подготовить регулирование транспортировки водородного топлива³.

Так, 15 декабря 2021 года стали доступны предложения Комиссии об изменениях в Регламент об условиях доступа к газовым сетям (далее – «Регламент»)⁴ и Директиву об об-

щих правилах внутреннего рынка природного газа (далее – «Директива»)⁵ (далее совместно – «Изменения»)⁶.

Названия Регламента и Директивы

Комиссия предложила переименовать рассматриваемые акты в Регламент о внутренних рынках возобновляемых газов, природного газа и водорода и Директиву об общих правилах внутренних рынков возобновляемых газов, природного газа и водорода.

Доступ низкоуглеродных газов к газотранспортной системе

Изменения предусматривают обеспечение доступа низкоуглеродных и возобновляемых газов к соответствующей инфраструктуре независимо от факта подключения установок по производству таких газов к газотранспортным

1 Communication from the Commission "The European Green Deal". [Электронный ресурс]. – Mode of access: eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1596443911913&uri=CELEX:52019DC0640#document2.
2 Communication from the Commission "A hydrogen strategy for a climate-neutral Europe". [Электронный ресурс]. – Mode of access: ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/hydrogen_strategy.pdf.
3 Подробнее о Стратегии по водороду смотрите: Чугунов Д. К., Алиева Д. Р. Правовые аспекты развития европейской водородной политики // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 11 (150). – С. 45-46.
4 Regulation (EC) No 715/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 on conditions for access to the natural gas transmission networks and repealing Regulation (EC) No 1775/2005. [Электронный ресурс]. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A32009R0715.

5 Directive 2009/73/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in natural gas and repealing Directive 2003/55/EC. [Электронный ресурс]. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32009L0073.
6 1) Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on the internal markets for renewable and natural gases and for hydrogen. [Электронный ресурс]. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2021:804:FIN; 2) Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on common rules for the internal markets in renewable and natural gases and in hydrogen. [Электронный ресурс]. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2021:803:FIN.

или газораспределительным сетям. Порядок присоединения новых установок определяется и публикуется операторами газотранспортной системы (далее – «ГТС») по итогам его утверждения соответствующими национальными органами.

Соответствующим предложением Комиссии закреплена возможность смешивания водорода для целей трансграничной транспортировки. У каждого оператора ГТС появится обязанность с 1 октября 2025 года принимать трансграничные потоки водорода в размере до 5 % от общего объема мощности. При этом операторы смежных ГТС сохраняют за собой право согласовывать более высокие уровни смешивания для точек трансграничного соединения.

Неизвестно, имеют ли операторы право принять совместное решение относительно транспортировки водорода объемом свыше 5 %. Представляется, что соответствующие субъекты фактически смогут договориться о любом проценте смешивания водорода при наличии технической возможности и целесообразности реализации больших количеств водородного топлива.

Исключение из принципа запрета перекрестного субсидирования

Предлагаемые изменения фактически допускают исключение из закрепленного п. 1 статьи 13 Регламента принципа запрета перекрестного субсидирования. Комиссия предлагает допускать перекрестное субсидирование водородного рынка за счет газотранспортных операторов и газовых потребителей для скорейшего достижения углеродной нейтральности, но с рядом оговорок. Во-первых, решение о его применении может приниматься исключительно государствами-членами. Во-вторых, инструмент финансовой поддержки должен соотноситься с принципами прозрачности, пропорциональности и ограниченности по времени и не может осуществляться за счет пользователей сетей в других государствах.

Отступ от существующего законодательного принципа недопустимости перекрестного субсидирования существенно отразится на газовых поставщиках, в частности компаниях Группы Газпром, поскольку газовый тариф в срок до 1 января 2031 года может не отражать реальных затрат транспортировки газа. Это повлечет дополнительные затраты и, возможно, потребует изменения направлений газовых поставок и транспортировки через сети, в отношении которых национальными регуляторами будет принято решение о сохранении принципа запрета перекрестного субсидирования.

Определение различных форм газового и водородного топлива

Понятие «газы» включает в себя природный газ и водород. Природный газ в свою очередь определяется как газы, первоначально состоящие из метана (включая биогаз), и другие виды газа, которые могут быть технически и безопасно закачаны, и транспортированы по газотранспортной системе. Термин водорода не раскрыт, при этом низкоуглеродный водород определен Комиссией как водород, производимый с использованием энергии, получаемой из невозобновляемых источников энергии, и сокращением выбросов углекислого газа на 70 %. Низкоуглеродные газы

помимо низкоуглеродного водорода подразумевают переработанное углеродное топливо и синтетические газообразные и жидкие виды топлива, производимые из низкоуглеродного водорода с сокращением выбросов углекислого газа также на 70 %.

Отмечается, что производство низкоуглеродных газов должно контролироваться государствами-членами. Последние будут вправе требовать доказательства, подтверждающие соблюдение требований по фактическому сокращению объема выбросов.

Сертификация низкоуглеродных газов

Для низкоуглеродного (и возобновляемого) газового топлива независимо от места его производства изменениями предусмотрена обязательная процедура сертификации с применением подхода, основанного на анализе жизненного цикла всего объема выбросов. Необходимые методологии должны быть впоследствии разработаны Комиссией посредством актов делегированного законодательства. В отношении сертифицированных низкоуглеродных и возобновляемых видов топлива предусмотрены особые тарифные условия на транспортировку: скидка в размере 100 % должна предоставляться оператором ГТС во всех точках трансграничного соединения (включая точки входа / выхода из / в третьи страны, а также точки входа с терминалов СПГ) для транспортировки возобновляемых и низкоуглеродистых газов. Скидка в размере 75 %, вероятно, будет действовать в точках входа / выхода из / в хранилище (при условии, что оно подключено не более чем к одной газотранспортной или газораспределительной сети и не используется для конкуренции с точкой трансграничного присоединения) в отношении впервые закачанного низкоуглеродного или возобновляемого газа.

Как мы видим, институт ЕС готов создать условия, предполагающие существенную финансовую поддержку генерации и транспортировки возобновляемых и низкоуглеродистых газов, что скажется на увеличении объемов водорода, запускаемого в ГТС и получаемого потребителями.

Условия работы водородных сетей

Появились положения, отдельно регулирующие водородные системы, которые начнут параллельно функционировать с газотранспортными. Проектом Регламента отмечается, что в настоящий момент объекты водородной сети пребывают в переходном периоде, который по общему правилу продлится до 1 января 2031 года. К этой дате водородная сеть, аналогично газотранспортной, должна быть организована в качестве систем входа-выхода, а также функционировать в соответствии с правилами регулируемого доступа и тарифами на основе затрат (*cost-based tariffs*). Вместе с этим государства-члены должны обладать дискрецией не применять режимы регулируемого доступа и тарификации на основе затрат до установленного срока.

Таким образом, водородная система в настоящий момент не готова функционировать в том же виде, что и газотранспортная: предложена возможность оплаты транспортировки водорода на основе более низких тарифов, не отражающих реальные затраты на содержание водородных сетей.

Длительность контрактов на транспортировку водорода

Максимальный срок действия контрактов на транспортировку водорода с использованием инфраструктуры, строительство которой завершено к дате начала действия измененного Регламента, будет составлять 20 лет. В случае реализации инфраструктуры после вступления изменений в силу срок таких контрактов ограничивается 15 годами. При этом национальные регулирующие органы смогут устанавливать соответствующий срок в сторону уменьшения.

Разделение деятельности водородных предприятий и сертификация операторов водородной системы

В течение года с момента вступления в силу изменений в Директиву все операторы водородной сети должны быть разделены в соответствии с требованиями так называемого «анбандлинга», а именно отделения естественно-монопольного от конкурентных видов деятельности. В то же время у государств-членов останется право не выставлять такое требование в адрес соответствующих субъектов в рамках переходного периода. У вертикально интегрированных предприятий сохранится возможность осуществлять свои права в отношении водородных сетей при условии обеспечения их недискриминационной эксплуатации и после 2030 года.

Таким образом, законодатель сохранил традиционный подход и в сертификации операторов водородной сети – на них будут распространяться те же правила, что в отношении газовой отрасли.

Освобождение и дерогация сетей и рынков

Обновленной версией проекта Директивы закреплены возможности освобождения и дерогации том числе для отдельных специализированных водородных систем (*dedicated hydrogen networks*). В одних случаях для водородных проектов дерогация возможна лишь до 2031 года, в других – после (при условии соблюдения определенных условий).

Качество топлива в газотранспортной и водородной сетях

Газотранспортные и водородные операторы должны публиковать подробную информацию о качестве топлива, транспортируемого по сетям. Если соответствующие операторы не могут избежать ограничения трансграничного потока из-за различий в качестве газов, они должны проинформировать соответствующие национальные регулирующие органы, которые совместно в течение шести месяцев договариваются об определении ограничения. При отсутствии такого соглашения решение примет Агентство по сотрудничеству регулирования в сфере энергетики (ACER).

Заключение

Вслед за принятием Стратегии по водороду Комиссия представила проекты правил, меняющих основные правила газового рынка и формирующих новый – водородный.

Принимая во внимание большую вероятность принятия изменений в представленном в настоящий момент виде, нововведения Регламента будут применяться с 1 января 2023 года, срок имплементации Директивы ограничен 31 декабря 2023 года.

Российский газовый бизнес столкнется с увеличением затрат на транспортировку газового топлива, фактически станет спонсировать еще не сформированный водородный рынок, бенефициаром появления он в настоящее время не является. Для Группы «Газпром» целесообразно иметь в запасе новые пути реализации газового топлива по тем маршрутам, которые не будут предполагать перекрестного финансирования ввиду наличия соответствующего решения национального регулирующего органа. Кроме того, постепенно будет возникать новая угроза реализации водорода по новым профильным сетям, что также негативно скажется на потреблении российского газа.

Пристатейный библиографический список

1. Communication from the Commission “A hydrogen strategy for a climate-neutral Europe”. [Электронный ресурс]. – Mode of access: ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/hydrogen_strategy.pdf
2. Communication from the Commission “The European Green Deal”. [Электронный ресурс]. – Mode of access: eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1596443911913&uri=CELEX:52019DC0640#document2
3. Directive 2009/73/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in natural gas and repealing Directive 2003/55/EC. [Электронный ресурс]. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32009L0073
4. Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on common rules for the internal markets in renewable and natural gases and in hydrogen. [Электронный ресурс]. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2021:803:FIN
5. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on the internal markets for renewable and natural gases and for hydrogen. [Электронный ресурс]. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2021:804:FIN
6. Regulation (EC) No 715/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 on conditions for access to the natural gas transmission networks and repealing Regulation (EC) No 1775/2005. [Электронный ресурс]. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A32009R0715
7. Чугунов Д. К., Алиева Д. Р. Правовые аспекты развития европейской водородной политики // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 11 (150). – С. 45-46.

ДАВЫДОВ Денис Валентинович

аспирант Костромского государственного университета

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На основе анализа Концепции общественной безопасности Российской Федерации и нормативных правовых актов рассматриваются институты гражданского общества с позиций права и их участия в реализации государственной политики в данной сфере. Анализируется возможность эффективного встраивания институтов гражданского общества в реализацию государственной политики в сфере общественной безопасности.

Ключевые слова: Концепция общественной безопасности, правовое регулирование, правовое государство, тенденции и закономерности развития, институты гражданского общества.

DAVYDOV Denis Valentinovich

postgraduate student of the Kostroma State University

CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE CONCEPT OF PUBLIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Based on the analysis of the Concept of Public Security of the Russian Federation and regulatory legal acts, civil society institutions are considered from the standpoint of law and their participation in the implementation of state policy in this area. The possibility of effective integration of civil society institutions into the implementation of state policy in the field of public security is analyzed.

Keywords: The concept of public security, legal regulation, the rule of law, trends and patterns of development, civil society institutions.

Под общественной безопасностью понимается состояние защищённости человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Впервые Концепция общественной безопасности Российской Федерации увидела свет 20 ноября 2013 года, после утверждения Президентом РФ. При этом каркас этого документа выработан в соответствии со Стратегией национальной безопасности и Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Концепция представляет собой систему взглядов на обеспечение общественной безопасности как части национальной безопасности Российской Федерации.

Совет Безопасности РФ в настоящее время разработал новый проект Концепции в соответствии со стратегией национальной безопасности и концепцией долгосрочного социально-экономического развития до 2030 года, который пока не утверждён. Обновленная система общественной безопасности должна противостоять как внутренним, так и внешним угрозам. Так, согласно проекту, информационно-коммуникационные технологии выступают инструментом достижения зарубежными странами своих стратегических целей. Достигается это различными способами, одним из которых является применение социальной инженерии [1, с. 56].

В число угроз общественной безопасности входит также деструктивная деятельность экстремистских организаций, а также лиц, которые являются пособниками таких организаций. Их целью является нарушение нормального функционирования органов государственной власти и расшатывание общественно-политической ситуации. Немало вреда прино-

Давыдов Д. В.

сят субъекты, вовлекающие несовершеннолетних в преступную деятельность. Это могут быть как отдельные лица, так и целые преступные сообщества. Отдельной строкой стоит выделить применение современных информационных технологий в преступных целях.

Этот документ является основополагающим в стратегическом планировании, определяющим государственную политику в сфере обеспечения общественной безопасности, а также основой для конструктивного взаимодействия в этой сфере сил обеспечения общественной безопасности и институтов гражданского общества, граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства.

Безусловно, важным явлением можно считать, что институтам гражданского общества придано значение в системе реализации мер по обеспечению общественной безопасности Российской Федерации.

Особая значимость взаимодействия с ними отмечается не только в направлениях по противодействию терроризму, экстремизму, коррупции как наиболее острых явлений, требующих постоянного внимания и наблюдения в целях сохранения стабильного развития государства, но и в других сферах жизнедеятельности граждан.

Несмотря на определение взаимодействия институтов гражданского общества с силами по обеспечению общественной безопасности Российской Федерации, нужно отметить в этой взаимосвязи наличие недостаточной определённости их самих, как некой организованной структуры, имеющей реальную возможность реализации данной функции.

Не совсем понятно, с какими именно институтами гражданского общества определено взаимодействие по вопросам обеспечения общественной безопасности и по какой причи-

не они не включены Концепцией в саму систему её обеспечения.

В этой связи целесообразно конкретизировать само понятие «институт гражданского общества» и определиться с существующими, которые возможно могли бы или уже так или иначе осуществляют свою деятельность на данном направлении, порой в некоторой степени действуя вполне самостоятельно от сил обеспечения общественной безопасности, определенных Концепцией.

Понятие «гражданского общества» стало часто использоваться с момента начала реформирования институциональной структуры. В социологической науке институциональные изменения понимаются как перманентный процесс, в котором постоянно происходят различные изменения социально-политических институтов и качественных показателей их деятельности.

Отечественные исследователи пришли к выводу о необходимости реформирования в результате многочисленных обсуждений. Положительные сдвиги возможны в случае движения в сторону уменьшения государственного контроля и формирования социального института, способного существовать без жёсткой регламентации от государства.

Стоит отметить, что гражданское общество может состоять из различных по роду деятельности институтов. Они могут обладать внутренней структурой или она может отсутствовать, осуществлять свою деятельность на различных уровнях (местном, федеральном, международном).

Исследователями выделяется большое число социальных институтов: это могут быть культурно-просветительские организации: например, частные музейные комплексы, библиотеки, учреждения социальной направленности: волонтерские, благотворительные организации, оздоровительные клубы, а также организации, ставящие целью своей деятельности обеспечение общественной безопасности (добровольные пожарные дружины, дружины по обеспечению правопорядка) [9]. Немалое место занимают институты гражданского общества, действующие в области оказания квалифицированной юридической помощи (профессиональные юридические сообщества, адвокатура, нотариат).

Гражданское общество есть совокупность негосударственных, неправительственных объединений, которые, участвуя в общественно-политической жизни, реализуют свою деятельность по культурному, социальному, духовному преобразованию общества. При этом деятельность институтов гражданского общества осуществляется в рамках правового поля.

Практика показывает, что в России гражданское общество развивается не только за счёт внутренних ресурсов, но и при серьёзной поддержке государства, т.е. с помощью государственно-правового механизма. Это происходит вследствие неразвитости традиций гражданского общества. Граждане в целом пока не готовы к восприятию такой модели взаимодействия.

Тем не менее, выделяют ряд условий и факторов, способствующих развитию гражданского общества. Среди них выделяют увеличение ценности личности гражданина, а также новый подход к восприятию экономического поведения и решению общественных проблем.

При этом организации и объединения, входящие в понятие гражданского общества, принято классифицировать по сферам деятельности. Так, выделяют организации, действующие в политической сфере-политические партии и молодёжные объединения. При этом они выполняют специ-

фическую функцию установления связи между гражданами и государством, и некоторые исследователи не относят их к гражданскому обществу. В социально-экономической сфере функционируют НКО, профсоюзные движения, различные благотворительные фонды и волонтерские организации. Выделяют отдельную сферу, в которую входят такие организации, как нотариат и адвокатура. Они призваны оказывать содействие гражданам в реализации их законных прав и интересов [2, с. 82].

Различные органы, относящиеся к государственным, помогают в решении задач, стоящих перед гражданским обществом. Как уже отмечалось, это является особенностью отечественной социально-политической действительности.

Основными направлениями непосредственного формирования и поддержки институтов гражданского общества с помощью государственно-правового механизма являются:

- создание благоприятного законодательного режима для возникновения (государственной регистрации), профессиональной деятельности и развития институтов гражданского общества;

- предоставление субсидий (финансирования) и других форм;

- государственной поддержки (например, ежегодные субсидии, выдаваемые некоторым фондам);

- сотрудничество государства и гражданского общества, выражающееся в форме совместных проектов и программ. Такое сотрудничество способствует выстраиванию социально стабильной общественной системы;

- участие государственных органов в мероприятиях общественных организаций и объединений.

Например, участие специалистов Минюста России и судей в тех или иных видах деятельности квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта РФ, а именно – в проведении квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката [7, с. 99].

Стоит отметить, что ведущими направлениями содействия гражданскому обществу со стороны государства являются:

- экономические (основами гражданского общества в экономической сфере являются многоукладная экономика, разнообразные формы собственности, регулируемые рыночные отношения);

- социально-политические (децентрализация властных полномочий, разделение властей, политический плюрализм, доступ граждан к участию в государственных и общественных делах, верховенство закона).

В научной среде существует точка зрения, согласно которой гражданское общество является первичным по отношению к правовому государству. Стоит отметить, что данная гипотеза имеет «право на жизнь», поскольку развитое гражданское общество становится первоочередной предпосылкой становления правового государства [4, с. 130].

Анализ научной литературы по данной проблеме показал, что исследователи придерживаются следующей позиции: необходимым условием устойчивого государства является развитое гражданское общество. Особенностью российской действительности является мощный государственный аппарат и находящееся на этапе развития гражданское общество. Таким образом, для того, чтобы достичь баланса между государством и гражданским обществом, необходимо первое сделать более компактным, а второе развивать, где-то умело заимствуя опыт западных стран.

В качестве примера справедливо привести европейские государства и США, где граждане берут решение общественных проблем в свои руки. При этом государство почти не участвует в этом процессе.

Уместно отметить, что основная функция гражданского общества – служить проводником между гражданином и государством. При этом последнее не становится диктатором и служит интересам народа [8, с. 35].

Институты гражданского общества используются в целях защиты законных прав и интересов различных слоёв населения, поддержки общественных инициатив. Зачастую, посредством различных каналов институты гражданского общества имеют возможность формулировать свои потребности в форме законодательных инициатив.

Важной функцией гражданского общества является компенсационная, которая заключается в том, что различные организации и объединения, сплачивая вокруг себя различных представителей общества, минимизируют противоречия и способствуют установлению гармонии между различными социальными слоями [6, с. 77].

Гражданское общество – это такой общественный институт, который строится, как правило, на системе горизонтального взаимодействия, которая базируется на условиях сотрудничества и желания изменить мир вокруг себя к лучшему. В любом же государстве доминируют вертикальные связи, основанные на подчинении и распорядительстве.

Итак, формально мы можем отнести к понятию «гражданское общество» все организации, не связанные с государственной властью. Получается, что главными субъектами гражданского общества выступают различные организации благотворительной, спортивно-оздоровительной направленности, а также всевозможные этнические объединения и профсоюзные движения, при этом список не является исчерпывающим. Тем не менее, простая совокупность таких организаций не образует гражданского общества. Для его нормального функционирования необходимо наличие социальных связей между ними и содействие самого населения, желающего изменить жизнь вокруг себя к лучшему. Важным условием успешного развития гражданского общества является наличие правового государства, которое предоставляет некую правовую оболочку для его функционирования [5, с. 63].

В ходе развития гражданское общество неизбежно идёт по пути эскалации контроля общества за государственными органами и институтами. Именно на этом этапе многие развивающиеся общества сталкиваются с тем, что большинство общественных активистов, выступающих за развитие гражданского общества, не поддерживают идеи всеобъемлющего общественного контроля за государством. Несмотря на это, именно общественный контроль, по мнению многих исследователей, является тем инструментом, который поможет преодолеть системный кризис, который тормозит социально-экономическое развитие нашей страны.

Важнейшим условием эффективного решения общественных проблем является общественно-государственное сотрудничество, в основе которого лежит понятная всем участникам система взаимодействия, которая приносит пользу обоим сторонам.

Итогом таких преобразований будет являться развитое гражданское общество, которое послужит ключевым условием формирования правового государства [3, с. 87].

Несомненно, стоит учитывать тот факт, что каждый общественный институт необходимо закреплять законода-

тельно. Таким образом он приобретает правовой статус, т.е. набор прав и обязанностей. Это реализуется с помощью внесения изменений в закон или подзаконный акт или издание нового нормативно-правового акта.

Остаётся надеяться, что авторами нового документа будут учтены и более конкретно определены механизмы взаимодействия и регулирования институтов гражданского общества с государственными структурами, в чью непосредственную функцию входит эта деятельность.

Пристатейный библиографический список

1. Россия в поисках стратегии: общество и власть / Под ред. Г. В. Осипова, В. К. Левашова, В. В. Суходеева. – Москва: Зерцало, 2000. – 312 с.
2. Адвокат и адвокатура. Учебное пособие для вузов / Сергеев В. И. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 176 с.
3. Кравец И. А. Формирование российского конституционализма: проблемы теории и практики. – Москва: Юкэа, 2002. – 244 с.
4. Гуго Гроций. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. – Москва: Ладомир, 1994. – 870 с.
5. Абражеева Д. В. Гражданское общество современной России // Актуальные проблемы права: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2017 г.). – Москва: Буки-Веди, 2017. – С. 1-4.
6. Казанчан Л. А. Сущность и особенности понятия «гражданское общество» // Sciences of Europe. – 2021. – С. 121-124.
7. Давлетшина Р. Р. Правовое положение институтов гражданского общества в Германии // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 4. – 2135 с.
8. Шайхуллин М. С. О правовых гарантиях взаимодействия муниципальной власти и институтов гражданского общества // Вестник ВЭГУ. – 2016. – № 4 (84). – 522 с.
9. Давлетшина Р. Р. Правовое положение институтов гражданского общества в Германии // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 4. – С. 1905.

ДОРОФЕЕВА Марина Александровна

кандидат исторических наук, доцента кафедры теории и истории государства и права юридической школы Дальневосточного федерального университета

МИРОШНИЧЕНКО Ольга Игоревна

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ. ЧАСТЬ 2.

Авторы продолжают рассуждать о наиболее актуальных и значимых тенденциях в сфере электронного образования. Во второй части исследования авторы делают вывод о том, что недостаточное или несвоевременное регулирование отдельных аспектов института формирует отставание системы образования в целом. Авторами формулируются некоторые ключевые проблемы и предлагаются пути их решения. Основной вывод представлен в виде рекомендации по качественному и всестороннему обновлению системы федерального законодательства в предметной области.

Ключевые слова: онлайн-образование, онлайн-платформы, электронная среда, цифровизация образования, правовое регулирование образования.

DOROFEEVA Marina Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University

MIROSHNICHENKO Olga Igorevna

Ph.D. in Law, Head of Theory and history of state and law sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University

SOME TRENDS IN THE LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE OF ONLINE EDUCATION. PART 2.

The authors continue to talk about the most relevant and significant trends in the field of e-education. In the second part of the study, the authors conclude that insufficient or untimely regulation of certain aspects of the institute forms a lag in the education system as a whole. The authors formulate some key problems and propose ways to solve them. The main conclusion is presented in the form of a recommendation for a qualitative and comprehensive update of the system of federal legislation in the subject area.

Keywords: online education, online platforms, electronic environment, digitalization of education, legal regulation of education.

Правовое регулирование общественных отношений, связанных с электронным обучением и дистанционными образовательными технологиями на федеральном уровне, ограничивается тремя статьями ФЗ «Об образовании в РФ»¹. Остальное регулирование данных общественных отношений носит подзаконный и локальный характер. На данный момент отсутствует какой-либо унифицированный перечень локальных нормативно-правовых актов для образовательных организаций, который бы регламентировал процесс обучения с использованием электронных и дистанционных технологий, а образовательные учреждения при проектировании электронной информационно-образовательной среды самостоятельно разрабатывают локальные акты и документацию о правилах и порядке внедрения образовательных технологий с опорой на нормативно-правовые акты Минобрнауки РФ. При этом локальный документ становится главным нормативным основанием взаимодействия субъектов образовательного процесса с использованием электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в том случае, если его содержание не противоречит требованиям, закрепленным федеральным законодательством. Соответственно, академическая свобода образовательных организаций негативно сказывается на качестве локального регулирования, не позволяя развивать и совершенствовать методы онлайн-образования, предусматривать оценку эффективности применяемых методов обучения и т.д.

Также, представляется важным разъяснение законодателем некоторых положений, закрепленных в ФЗ «Об образовании в РФ». Так, процедура, подразумевающая «перезачет дисциплины», регулируется локальными актами образовательной организации самостоятельно, однако, это не дает гарантий того, что такие результаты обучения с применением

электронного обучения и дистанционных образовательных технологий будут признаны.

Еще одной проблемой является трудность идентификации личности. В Приказе Минобрнауки РФ № 816 закреплено правило, согласно которому образовательная организация самостоятельно и (или) с использованием ресурсов других организаций должна обеспечить идентификацию личности обучающегося, причем способы и формы не утверждены, то есть организация выбирает его или их самостоятельно. Данный вопрос не нашел своего регулирования, в связи с чем образовательная организация самостоятельно определяет, каким образом устанавливать личность обучающегося при проведении промежуточной и итоговой аттестации².

Также важной проблемой является отсутствие регламентации вопросов, связанных с охраной здоровья обучающихся и педагогических работников при онлайн-образовании с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Требованиями ФГОС установлен объем образовательных программ, реализуемых за один учебный год. Так, например, объем программ бакалавриата в заочной формах обучения не может составлять более 75 зачетных единиц. Однако, в Приказе № 816 отмечается, что организации самостоятельно определяют соотношение объема занятий, проводимых путем непосредственного взаимодействия педагогического работника с обучающимся, в том числе с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий. Соответственно, продолжительность учебных занятий никак не ограничивается. Обра-

1 Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. - 2012. - № 303 (5976). - Ст. 13, Ст.16, Ст.9.

2 Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ: письмо Министерства образования и науки РФ от 23 августа 2017 г. N 816 // Российская газета. - 2017. - П. 6.

зовательная организация может установить непосильное количество занятий как для педагогов, так и для обучающихся.

Ситуация с новой коронавирусной инфекцией COVID-19, которая изменила систему образования развитых стран мира, переводя ее в онлайн, диктует необходимость новых правовых основ в системе образования. Так, 8 июня 2020 года Президентом подписан ФЗ от 8 июня 2020 г. № 164-ФЗ «О внесении изменений в статьи 71.1 и 108 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»³, в котором регламентирован порядок применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в случае введения режима ЧС или повышенной готовности. Согласно поправкам, в случае введения указанных режимов реализация образовательных программ, а также проведение государственной итоговой аттестации могут проводиться с помощью электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. При этом такое обучение может вводиться вне зависимости от ограничений, предусмотренных в федеральных образовательных стандартах и других актах.

Таким образом, действующие законы и подзаконные акты закрепляют правовые основы реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, определяя понятия данных технологий, а также отдельные принципы, в соответствии с которыми они должны применяться. Однако, на настоящий момент отсутствуют положения, которые закрепляли и конкретизировали бы весь спектр используемых понятий в сфере онлайн-образования, охрану здоровья преподавателей и обучающихся, порядок идентификации обучающихся при проведении аттестации, перезачета дисциплины, а также вопросы защиты прав интеллектуальной собственности в сфере онлайн-образования. Указанные вопросы требуют принятия соответствующих положений путем их регламентации в федеральном законодательстве.

Говоря о тенденциях и перспективах развития онлайн-образования и его правового регулирования в Российской Федерации, в первую очередь, стоит отметить о таком направлении онлайн-образования, как массовые открытые онлайн-курсы (Massive open online courses), сокращенно MOOC (или MOOK).

MOOK представляет собой платформу, на которой представлены различные онлайн-курсы по различным специальностям. Стоит отметить, что обучение на данных платформах, по общему правилу, бесплатное.

Основной целью MOOK является обеспечение прямого доступа обучающихся к учебным материалам без необходимости поступления в образовательное учреждение, а также предоставление необходимых образовательных ресурсов в распоряжение преподавателей для использования их в своих собственных профессиональных целях [3].

Широкое распространение MOOK ведет к формированию новой образовательной концепции с активным использованием дистанционных образовательных технологий и созданию единой транснациональной информационно-образовательной среды. На сегодняшний день неоспорим тот факт, что с момента основания и запуска проекта Coursera сильно возросла популярность онлайн-обучения. При этом растет и качество онлайн-курсов, непрерывно совершенствуются технологии, предлагая платформы, которые способствуют созданию универсальной виртуальной среды [4].

Первая платформа MOOK появилась в России только в 2013 г. («Универсарий»), до этого онлайн-курсы размещались на подобных платформах стран-конкурентов. Когда по отношению к MOOK будут предъявлены высокие требования не только к качеству, а также и к процедурам оценки результатов обучения, они позволят обучающимся самостоятельно выбирать и осваивать онлайн-курсы в какой-либо определенной части или частях образовательных программ [1].

Подводя итоги, отметим некоторые тенденции цифровизации образования.

1. Актуальность вопросов сертификации MOOK. Эта тенденция является закономерной и обусловлена необходимостью контроля качества онлайн-образования и стремлением обеспечить его «неотставание» от традиционного. К инструментам, с помощью которых осуществляется серти-

фикация, относятся разнообразные рейтинги и экспертные оценки.

2. Возрастает заинтересованность использования в образовательном процессе различных видеоматериалов в среде MOOK. Различные презентации, видеозаписи, в том числе имеющих большой спрос в социальных сетях, становятся обязательным компонентом онлайн-курсов, к тому же с каждым годом растет качество мобильной связи, доступа в телекоммуникационную сеть «Интернет» и количество пользователей смартфонов. А вебинары, в свою очередь, уступают позиции.

3. Осознается значимость использования игрового обучения в процессе онлайн-образования. Большая вовлеченность в процесс изучения предмета, успешно достигается именно с разнообразием способов взаимодействия с обучающимися и использованием игровых технологий, так как изучение материала путем визуального восприятия влечет повышение качества его усвоения. К тому же существует возможность с помощью игровых технологий выбирать индивидуальные образовательные стратегии, оценивать способы как действия, так и принятия решений при изучении материала.

4. Онлайн-образование становится более гибким и вариативным, а также тенденция образования, которое требует сравнительно небольших временных затрат. Разбирая это направление нужно понимать, что основные потребители онлайн-образования – это люди уже работающие, имеющие образование, однако, желающие повысить свою квалификацию или же получить новое, но для получения образования не хватает времени, а онлайн-образование выступает отличным средством удовлетворить эти потребности.

5. Встречается использование в онлайн-обучении таких элементов, как виртуальная и дополненная реальности. Возникновение такой тенденции обусловлена развитием электронных технологий, высокой эффективностью при профессиональном обучении. Преимуществом данной технологии заключается в том, что обучающийся полностью погружается в изучаемый процесс на эмоциональном уровне, имеет возможность формировать и развивать необходимые навыки, визуализировать нужные объекты и процессы без страха повреждения объекта исследования. Однако, такие технологии достаточно дорогостоящие и сложны в разработке, поэтому недоступны для их широкого применения, поэтому массового распространения таких технологий в ближайшем будущем, скорее всего, не будет.

6. Наблюдается тенденция в сторону развития и распространения наставничества и социального обучения в онлайн-формате. Данная тенденция заключается в том, что все большее количество организаций стараются использовать собственный потенциал для обучения и развития своих сотрудников, то есть получает развитие корпоративное онлайн-обучение. Свое выражение оно находит как в социальных сетях, внутренних чатах и форумах, так и на специализированных сайтах. В последние годы отмечается тенденция к усилению внутренних требований организаций к прохождению подобного обучения, ужесточаются правила сертификации корпоративных онлайн-курсов [2].

Пристатейный библиографический список

1. Вьюшкина Е. Г. Массовые открытые онлайн-курсы: теория, история, перспективы использования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Психология. Педагогика. - 2015. - № 2. - С. 78-83.
2. Гатулин Р. Р., Колупаева, Д. А. Перспективы онлайн-образования в России // Санкт-Петербургский образовательный вестник. - 2017. - № 11-12 (15-16). - С. 68-70.
3. Телепин А. М., Телепин Н. А. Массовые открытые онлайн-курсы: новая тенденция в процессе глобализации и развития гражданского общества // Научное издательство «Институт стратегических исследований». - 2015. - № 4-2. - С. 162-166.
4. Шевелева Н. А. Проблемы правового регулирования использования онлайн-курсов в образовательном процессе (в реализации основных образовательных программ) // Федеральный центр образовательного законодательства. - 2017. - № 17. - С. 60-77.

3 О внесении изменений в статьи 71.1 и 108 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: федер. закон от 08.06.2020 № 164-ФЗ // Российская газета. - 2020. - № 126.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-75-78

ЕВДЕЕВА Наталия Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

ФУРСОВ Всеволод Владимирович

Юрист АНО ДПО "КУПНО", г. Нижний Новгород

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВА КАК КРИТЕРИЙ ОТГРАНИЧЕНИЯ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА ОТ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ СОЮЗОВ

В данной статье исследуется вопрос отграничения форм государственного устройства от межгосударственных союзов. В настоящее время эта проблема до конца не разрешена. Предлагаются различные критерии, в соответствии с которыми формы государственного устройства отграничиваются от межгосударственных союзов. Одним из таких критериев является публичная власть. Публичная власть как признак государства присутствует только в едином государстве. Органы, осуществляющие публичную власть, могут формироваться на выборной или наследственной основе. При союзе государств органы управления формируются при участии нескольких государств, то есть, в союзе или сообществе государств такая власть будет осуществляться надгосударственными органами

Ключевые слова: публичная власть; государственное устройство; форма правления; монархия; республика; межгосударственный союз.

EVDEEVA Nataliya Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the N. I. Lobachevskiy National Research Nizhny Novgorod State University

FURSOV Vsevolod Vladimirovich

Lawyer of ANO DPO "KUPINO", Nizhny Novgorod

THE PUBLIC POWER OF THE STATE AS A CRITERION FOR DISTINGUISHING THE FORMS OF GOVERNMENT FROM INTERSTATE UNIONS

This article examines the issue of distinguishing the forms of government from interstate unions. Currently, this problem has not been fully resolved. Various criteria are proposed, according to which the forms of government are distinguished from interstate unions. One of such criteria is public authority.

Keywords: public power; state structure; form of government; monarchy; republic; interstate union.

Государства и их объединения не носят статичного характера. Они претерпевают всевозможные трансформации, направленные на изменение внутреннего территориального устройства государств, а также их участие в союзах различного вида. На практике это приводит к появлению новых форм правления, территориального устройства и новых объединений государств. Представляется необходимым выработать критерии, позволяющие с четкостью отделить межгосударственные союзы от сложной внутренней организации одного государства.

Целью статьи является анализ такого признака государства, как публичная власть, с точки зрения самостоятельного критерия разграничения межгосударственных союзов от сложных форм внутреннего территориального устройства.

Исследование позволило установить, что такой признак государства, как публичная власть, не может быть единственным критерием отграничения внутреннего территориального устройства одного государства от межгосударственных объединений. Наличие публичной власти может быть как в едином государстве, так и в их союзе. Власть в межгосударственных союзах будет обладать теми же признаками, что и власть в отдельном государстве. Понимание населения в качестве источника публичной власти не должно носить универсального характера, так как при монархии власть передается по наследству, что не ведет к утрате ее публичности.

Формы устройства территории государства носят разнообразный характер. Каждое государство имеет внутреннюю территориальную организацию, которая представляет собой деление территории государства на составные части и взаимодействие государства как целого с этими частями. Характер такого взаимодействия зависит от множества факторов, например, таких, как историческое развитие государства, размер его территории и других. В то же время, государство может быть членом межгосударственного союза, зачастую даже не одного. В некоторых случаях форма объединения государства или же его внутреннее устройство носит настолько уникальный характер, что понять, одно это государство или же союз государств, бывает затруднительно.

Форма государственного устройства является одним из элементов формы государства и отражает его территориальное устройство. Другими элементами формы государства являются форма правления и политический режим. Каждый из указанных элементов в рамках формы государства характеризует одну из сторон существования и организации государства. Отметим, что и форма правления, и политический режим влияют на форму территориального государственного устройства.

Чем отличаются межгосударственные союзы по сравнению с формой государственного устройства? Межгосударственный союз, даже исходя из самого наименования, предполагает объединение, союз государств. В этой связи невозможно

не согласиться с Ю.А. Дмитриевым и В.О. Мироновым, которые понимают под межгосударственными объединениями «объединения самостоятельных субъектов права, в которых последние с целью объединения принимают определенные обязательства по отношению к союзу. При этом сами объединения также являются самостоятельными субъектами права. Они обладают набором необходимых прав и обязанностей, на равных принимают участие в правоотношениях» [1; 62].

В межгосударственном объединении каждое из государств, вступивших в него, носит равноправный характер и не подчиняется другим государствам этого союза. В то же время, если говорить о частях единого суверенного государства, то такие части так же подчиняются не друг другу, а единому центру.

Для того, чтобы отграничить формы государственного устройства от межгосударственных союзов, следует выделить критерии.

Мы полагаем, что такие критерии могут быть сформулированы через признаки государства. Последовательное рассмотрение каждого признака государства, его проекция на то или иное структурное территориальное образование может однозначно подтвердить или опровергнуть наличие единого государства или же союза государств. Отметим, что целесообразно применять все критерии в совокупности, применение только одного из них не даст нам с однозначностью ответ о том, что это: союз государств или уникальное внутреннее устройство государства.

В статье мы рассмотрим такой признак государства, как публичная власть и варианты его реализации в государствах или объединениях государств.

Публичная власть представляет собой власть, которая осуществляется от имени народа или от имени общества. Эта власть осуществляется через органы управления, т.е. через государственный аппарат, который отделен от общества. Государственный аппарат осуществляет власть на постоянной и профессиональной основе и в своих действиях опирается на принуждение. «Публичная власть представляет собой особый слой людей, объединенный в систему специализированных органов и учреждений, официально осуществляющих функцию управления общественными делами и реализующих тем самым общие интересы определенного территориального сообщества, преследующие цели его сохранения, воспроизводства и развития как целостной системы» [2; 10-11]. Публичная власть характеризуется тем, что тот слой людей, который ее представляет, не участвует в материальном производстве, а занимается исключительно управлением.

Публичная власть является необходимым признаком государства. При этом, сама публичная власть так же обладает признаками, позволяющими отличить ее от иных видов власти в обществе. Так, Н.И. Грачев выделяет такие признаки публичной власти, как территориальный характер, т.е. распространение власти на определенную территорию и население, находящееся на этой территории; источником и первичным субъектом власти выступает его население; субъектом, осуществляющим власть, являются особые органы, которые сформированы населением и которые носят характер публичной власти; объектом публичной власти выступает не только население определенной территории, но и все организации, осуществляющие какую-либо деятельность на его территории; содержание публичной власти включает публичное управление, оно имеет комплексный и универсальный характер, так как направлено на все сферы жизни общества; организация и деятельность публичной власти носит

правовой характер, осуществляется на основе норм права, принимаемых этой же публичной властью [3; 14].

Органы управления, осуществляющие публичную власть, образуют другой элемент формы государства – форму правления. Форма правления представляет собой систему высших органов государственной власти, порядок их образования и взаимодействие с населением страны в вопросах их формирования и деятельности. Есть две основные формы правления: монархия и республика.

Даже наличие одинаковой формы правления не гарантирует одинаковости конституционного статуса главы государства. Кроме этого, сам характер конституционных постановлений, на основе которых устанавливается статус главы государства, может быть различным.

Так, например, Испания и Швеция являются монархиями, имеющими ограниченный характер. В обоих государствах приняты конституции, регулирующие полномочия и статус короля. Ст. 56 Конституции Испании определяет статус короля следующим образом: «глава государства, символ единства и постоянства, арбитр и примиритель в постоянной деятельности учреждений» [4]. К полномочиям короля Испании относится осуществление высшего представительства государства в международных отношениях, его взаимодействие с теми народами, с которыми Испанию связывает историческая общность.

Что же касается Конституции Швеции [5], то параграф 5 Главы 1 указывает, что Главой государства являются Король или Королева, которые находятся на шведском престоле в соответствии с Актом о престолонаследии. Глава 5 Конституции Швеции посвящена статусу главы государства, но она не содержит четкого перечисления полномочий монарха. Скорее она посвящена вопросам ограничения власти Короля и возможности влияния Риксдага на отстранение Короля от престола и назначении регента или временного регента. Сама возможность парламента Швеции признать Короля покинувшим престол при наличии определенных обстоятельств говорит об ограниченной монархии.

Традиционно монархия формируется на основе законов о престолонаследии, либо обычаев в данной сфере. Монарх, по общему правилу, должность не выборная.

В современном мире есть исключения: монарха выбирают и срок его полномочий ограничен. Это делается в целях повышения легитимности власти монарха. Возможность выборов монарха приближает эту форму правления к республике. Однако сама возможность избрания монарха не приводит к тому, что государство становится республикой. Выборная монархия сочетает в себе черты как монархии, так и республики и носит более демократический характер, чем монархия классическая, наследственная.

В современном мире выборных монархий две: в Объединенных Арабских Эмиратах и в Малайзии.

Обратим внимание сначала на Конституцию ОАЭ. В соответствии со ст. 46 Конституции, формируется Высший Совет союза, в который входят губернаторы семи эмиратов. Эти семь эмиратов и составляют ОАЭ. У каждого эмирата один голос на заседании Совета [6]. Губернаторы эмиратов – это потомственные эмиры, монархи, обладающие большой властью в пределах своего эмирата. Ст. 51 Конституции ОАЭ как раз и устанавливает выборность в данной форме правления в ОАЭ. Она указывает, что Высший совет союза выбирает Президента союза и его заместителя. Таким образом, в государстве с монархической формой правления присутствует республиканская форма правления.

В Малайзии выборным органом управления страной является Совет правителей.

Приложение пятое к Конституции Малайзии [7] говорит о формировании Совета правителей. В его состав входят Их Высочества правители (представители тех штатов, где есть монархия) и Янг-ди Пертуан Негери (представители штатов-республик). Они из своего состава избирают сроком на пять лет главу государства, который именуется Янг ди-Пертуан Агонг. По рангу он стоит выше всех других лиц в федерации и не несёт ответственности перед судом. Именно Янг ди-Пертуан Агонгу принадлежит исполнительная власть в государстве. Кроме него, исполнительная власть может осуществляться Кабинетом министров либо министром, уполномоченным Кабинетом министров.

Выборная монархия носит уникальный характер. Указанные две монархии похожи не на единое государство, а на союз самостоятельных государств. В каждом эмирате в ОАЭ и в каждом штате в Малайзии есть свой верховный правитель, который приобретает власть в соответствии с нормами, действующими в данном субъекте. Объединение субъектов на основе выборности верховного правителя из числа глав субъектов напоминает форму межгосударственного союза. Как же в этом случае отличить союз государств от единого государства? На наш взгляд, следует обратить внимание на объем и характеристику компетенции этого верховного главы. Ст. 54 Конституции ОАЭ закрепляет полномочия Президента. Согласно ей, Президент собирает и открывает Верховный совет в соответствии с внутренним уставом; подписывает законы, указы, решения, принимаемые Советом; назначает Премьер – министра и его заместителя и др. В соответствии со ст.40 Конституцией Малайзии, Верховный глава Малайзии может назначить Премьер – министра; дать отказ на предложения о роспуске Парламента; созвать заседание Совета правителей для рассмотрения вопросов, касающихся, привилегий, положения титулов Их Высочеств. Президент в ОАЭ наделен большим объемом полномочий, чем Янг ди-Пертуан Агонг в Малайзии. Но, не вдаваясь в анализ соотношения объема полномочий глав двух государств, отметим, что именно набор полномочий позволяет нам сделать вывод, что избранные представители являются главами государств, а не главами объединения государств. Это следует из возможности роспуска парламента в стране, влияния на принятие нормативно-правовых актов, распространяющих свое действие на всю территорию, из возможности влиять на формирование правительства.

В современном мире появляется все больше государств с уникальными формами правления. На это влияет множество факторов. В.Е. Чиркин говорит о таких факторах, как обычаи страны; заимствованный опыт у других государств; развитие культуры, общей и правовой; взаимодействие социальных и политических сил в государстве и др [8].

Основной причиной возникновения нетипичных форм правления, на наш взгляд, является поиск наиболее рациональной модели управления и образования публичной власти именно для данного государства. В условиях глобализации современного мира нарастают обороты заимствования опыта других государств с одновременным стремлением сохранения собственных традиций, что зачастую ведет к возникновению новых, нетипичных форм в государстве. Это касается не только формы правления или внутреннего устройства государства, но и объединения государств по различным основаниям. В современном мире ни оно государство не находится в вакууме и не может отказаться от сотрудничества с

другими государствами. Стремление к сотрудничеству ведет к всевозможным объединениям разного уровня и направленности.

Государственный аппарат в монархиях во многом зависит от типа монархии. Абсолютная монархия исходит из неограниченности власти монарха, возможности его контроля всех ветвей власти, законодательной, исполнительной и судебной. Если рассматривать ограниченные монархии, то в них власть главы государства ограничивается, как правило, парламентом либо конституцией. В современной действительности в большей степени существуют ограниченные монархии, при этом, роль монарха все больше ограничивается, он играет номинальное, условное значение.

Таким образом, организация верховной власти в государстве может носить многообразный характер. Известно, что есть всего два способа формирования высшей власти в государстве: выборный или наследственный. Исходя из этого, выделяют две основные формы осуществления власти – единоначальная и коллегиальная. Отметим, что прямой связи между способом формирования власти и способом ее осуществления нет: может быть избираемый орган, осуществляющий власть единоначально (например, власть президента), или же монарх, получивший власть в результате наследования, может осуществлять ее в составе коллегиального органа, как, например, в ОАЭ.

В том случае, когда создается союз государств, так же формируются общие органы управления этим союзом. Они не имеют характера внутренних государственных органов управления государством. Особенностью таких органов является то, что они формируются при участии нескольких государств. Другой особенностью является их компетенция. Их решения не носят абсолютного и обязательного характера, а имеют координационный характер.

Отметим, что структура такого органа, его единоначальный или коллегиальный характер не может с однозначностью указывать на его принадлежность одному государству или союзу государств.

Отличительным моментом в разграничении единого государства от союза государств на основе высших органов власти и осуществляемого ими правления, может быть источник формирования высшей власти. В том случае, если орган власти избирается населением путем проведения выборов, то такой орган всегда носит характер внутригосударственного. Тогда мы можем говорить о существовании единого государства, а не союза государств. При формировании союза государств население не избирает высшие органы власти, управляющие таким объединением, и не может влиять на них. При выборах высших органов власти иными государственными органами, сказать однозначно по этому признаку, будет это межгосударственный союз или же единое государство, не представляется возможным. Это связано с тем, что как внутри одного государства, так и в межгосударственном союзе могут присутствовать органы, избираемые иными государственными органами и зависящие от них.

Сложнее обстоит дело с монархиями. Монарх, как известно, получает власть в результате наследования. Казалось бы, монарх наследует власть в одном государстве. Но одной из исторических форм монархии является уния. Выделяют такие виды унии, как личная и реальная. Оба этих объединения представляют собой межгосударственные союзы, в которых монарх одного государства получает власть в другом. В личной унии монарх приобретает право на престол в другом государстве в результате законов престолонаследия, в результа-

те случайного совпадения либо вследствие того, что права на корону передавались монарху другого государства. Реальная уния, вторая форма объединения монархий, представляет собой союз государств, возникающий на основе создания общего института главы государства (монарха) и других общих органов власти. Как видим, в унии монарх получает власть в двух государствах одновременно, каждое из которых может стремиться к сохранению собственного суверенитета.

Э.П. Григонис понимает унию как промежуточную форму государственного устройства между унитарным государством и федерацией. Автор выделяет два вида уний: личную и реальную. При личной (персональной) унии каждое государство сохраняет свои органы власти, а реальная уния – это более тесное объединение монархических государств, имеющих общего монарха, единую монетную систему, объединенную армию и т.д. Уния возникает в результате соглашения государств, когда у них появляется общий монарх. При этом, члены унии никак не зависят друг от друга, не образуется общей территории, подданства, законов. По своей сути, уния – это союз самостоятельных государств [9]. Таким образом, монарх может быть главой государства как в одном государстве, так и сразу в двух.

Обратим внимание, что монархическое объединение в ОАЭ по своим признакам напоминает реальную унию – объединение монархических государств в результате соглашения. Отличие заключается в том, что при реальной унии на два государства есть только один монарх, а при формировании единого государства – Объединенных Арабских Эмиратов – в каждом эмирате есть свой эмир, из числа которых избирается верховный глава государства – Президент. Общим является то, что в обоих случаях объединению подвергаются монархии.

Трудность в оценке того или иного государственного образования как единого государства или как союза государств связана так же с нарастающими процессами интеграции и глобализации государства. Формирующееся информационно-коммуникационное пространство изменяет юрисдикцию государства и правила ее применения. Государство оказывается вовлечено в большое количество международных союзов с разной степенью интеграции, что затрудняет идентификацию государства как единого целого.

Что же касается публичной власти, то есть, той власти, которая осуществляется государственными органами, то ее наличие можно предполагать как в едином государстве, так и в союзе государств. Отличием будет то, что в союзе или сообществе государств такая власть будет осуществляться надгосударственными органами. Обращение к указанным выше признакам публичной власти позволяет нам дать оценку власти в межгосударственных союзах. Она так же будет иметь территориальный характер, ее содержание будет носить комплексный и универсальный характер. Такая власть всегда осуществляется на праве, на основе международных договоров, соглашений, конвенций и т.д.

Спорным является такой признак публичной власти, как понимание населения в качестве источника публичной власти. Как мы уже выше показали на примере монархических государств, наследование власти не ведет к утрате публичности этой власти. В конституционных монархиях монарх может действовать в интересах народа и его власть так же будет носить публичный характер.

Еще один спорный момент возникает при определении объекта власти в объединениях государств. Когда речь идет о публичной власти в пределах одного государства, то одно-

значно объектом власти выступает население территории и все организации, осуществляющие какую-либо деятельность на его территории. При власти, реализуемой органами союзов государств, ее объектом более правильно назвать органы управления этих государств. Именно они транслируют решения союзных органов населению на своей территории посредством принятия и изменения права. Таким образом, объект власти можно использовать как некоторый дополнительный признак: при власти внутри государства нет органов, утверждающих решение, оно непосредственно передается населению. При принятии решения органами межгосударственного союза, такое решение будет подтверждаться на дополнительном уровне – уровне государства.

Таким образом, критерий наличия публичной власти как основание дифференциации межгосударственных объединений от сложных государств не будет носить абсолютный характер.

Кроме этого, неверно оценивать территориальное устройство государства и его включенность в объединения государств только по признаку публичной власти как единственному. Оценке подлежит вся полная совокупность признаков государства и их реализация на практике.

Такой признак, как наличие публичной власти, не может являться базовым критерием для разграничения форм государственного устройства и межгосударственных союзов.

Пристатейный библиографический список

1. Дмитриев Ю.А., Миронов В.О. Межгосударственные объединения: понятие, формы и классификация // Государство и право. 2013. № 3. С. 62.
2. Грачев Н.И. Публичная власть как политико-правовая категория: понятие, основные признаки и формы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 10-11.
3. Грачев Н.И. Публичная власть как политико-правовая категория: понятие, основные признаки и формы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 14.
4. Конституция Испании (Конституции государств (стран) мира). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/> (дата обращения 23.11.2021)
5. Конституция Швеции (Конституции государств (стран) мира). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/> (дата обращения 23.11.2021)
6. Конституция ОАЭ (Конституции государств (стран) мира). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/> (дата обращения 23.11.2021)
7. Конституция Малайзии (Конституции государств (стран) мира). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/> (дата обращения 23.11.2021)
8. Чиркин В.Е. Нетипичные формы правления в современном государстве // Государство и право. 1994. № 4. С. 110.
9. Григонис Э.П. Уния как форма государственного устройства: история и современность // Мир юридической науки. 2015. № 6. С. 12-15.

РАССОЛОВ Василий Юрьевич

аспирант кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ

В данной статье проводится исследование одного из наиболее актуальных аспектов теории юридических фактов, а именно, дается анализ определения момента, с которого социальные факты становятся юридическими и начинают проявлять свое функциональное действие. По результатам сформулирован вывод о том, что юридический факт становится таковым только после его встраивания в систему государственно-правовых явлений. Установление юридического факта в ходе познавательной правоприменительной деятельности рассматривается как один из способов объективации юридического факта.

Ключевые слова: юридический факт, действие права, реализация права, фиксация юридического факта, объективация юридического факта.

RASSOLOV Vasilij Yurjevich

postgraduate student of Theory and history of state and law of the Belgorod State National Research University

LEGAL FACT AS A RESULT OF THE COGNITIVE ACTIVITY OF THE LAW ENFORCER

This article investigates one of the most relevant aspects of the theory of legal facts, namely, it analyzes the definition of the moment from which social facts become legal and begin to show their functional effect. Based on the results, the conclusion is formulated that a legal fact becomes such only after it is integrated into the system of state-legal phenomena. The establishment of a legal fact in the course of cognitive law enforcement is considered as one of the ways of objectifying a legal fact.

Keywords: legal fact, operation of law, realization of law, fixation of a legal fact, objectification of a legal fact.

Рассолов В. Ю.

Проблематика юридических фактов в теории права относится к числу фундаментальных. Несмотря на то, что различным аспектам фактической обоснованности правового регулирования посвящено немало научных изданий, интерес к данной тематике не ослабевает.

На современном этапе развития правовой науки теория юридических фактов представляет собой систему знаний о понятии и функционировании в правовой действительности юридически значимых обстоятельств. Учение о юридических фактах многогранно и включает в себя такие элементы, как: понятие, виды и функции; общности юридических фактов (их составы и системы); механизм их участия в правоприменительном процессе (фиксация, установление и доказывание); выявление дефектности таких обстоятельств и некоторые другие. Причем в числе проблемных остаются большинство элементов теории юридических фактов. Одним из аспектов, которому в правовой науке уделено явно недостаточное внимание, является проблема объективации юридических фактов, то есть определения момента, с которого предсуществующее в правовой норме реальное фактическое обстоятельство, начинает проявлять свои юридические свойства (становясь при этом не просто социальным фактом, но фактом юридическим).

Доктринальные аспекты объективации юридических фактов, занимающие исключительное место в теории право-реализационного процесса, являются важным элементом соответствующей теории. Их исследование значимо как с научной точки зрения, так и с позиции правоприменительной практики. Данное обстоятельство неоднократно подчеркивалось в научной литературе [1, с. 73-74; 17, с. 23].

Юридический факт в научной литературе обычно рассматривается как связующее звено между правовыми нормами, формирующими модели правоотношений, а также правами и обязанностями реальных участников обществен-

ных отношений [2, с. 164-165; 13, с. 394]. Н.И. Матузов, совокупность юридических фактов в их системной взаимосвязи характеризует как «нервные окончания (рецепторы)», с помощью которых право оказывает регулирующее и охранительное воздействие на общественные отношения [11, С. 394].

Свершившийся факт вне зависимости от того является ли он событием, действием или состоянием приобретает свою относительную автономность от сознания и воли человека. В силу этого в литературе иногда говорят о том, что юридические факты существуют сами по себе вне зависимости от права [15, с. 8-9]. Полагаем, такая трактовка не вполне корректна, поскольку особенностью юридического факта как факта социального является его обязательная фиксация в правовой норме как основании возникновения правовых последствий. Именно это отличает юридический факт от иных обстоятельств социальной реальности.

Наличие такой связи выступает в качестве видового признака юридического факта. Он обретает свои свойства не в силу проявления каких-либо внутренних характеристик, а только в силу признания его таковым со стороны законодателя, в широком смысле – со стороны государства, которое придает юридическое значение таким явлениям, которые составляют наиболее значимые характеристики социальной действительности. «Связь эта и составляет сущность, главное свойство юридических фактов, необходимую базовую предпосылку их существования» [3, с. 67].

Иными словами, социальное обстоятельство, действительно, существует объективно вне зависимости от человека, но проявить себя как факт юридический может только в сочетании с правовой нормой, в которой он предусмотрен как обязательная фактическая предпосылка динамики правоотношения.

В аспекте рассматриваемой проблемы важным является определение характера связи юридического факта и

порождаемых им правовыми последствиями. Критически значимым является то обстоятельство, что она не может рассматриваться как объективно существующая причинно-следственная связь. По мнению В.Б. Исакова, она представляет собой особую разновидность социальной причинности. Специфика проявляется в том, что она предопределена человеческим усмотрением, охрана которого возложена на право [8, с. 16-17]. Ю.В. Ячменев учитывая, что категория «юридический факт» отражает взаимодействие событий социальной жизни с правом, отмечает наличие в ней как объективных, так и субъективных аспектов [20, с. 10]. П.А. Вершинин называет такую связь «нормативно-логической», поскольку она «обусловлена структурой правовых норм и закреплена ими» [6, с. 10]. С таким подходом солидарен И.В. Кутюхин, который говорит о некорректности квалификации рассматриваемой связи как причинно-следственной в силу того, что «ее характер сконструирован, определен законодателем». Именно поэтому автор обозначает ее как «заданную» или «запрограммированную причинно-следственную» [10, с. 41]. Такую характеристику, полагаем, вполне справедливой, поскольку она учитывает субъективность усмотрения законодателя в определении сущности правовых последствий, причиной которых является соответствующий юридический факт.

Правовое действие предусмотренного законом обстоятельства начинается еще на этапе его нормативного закрепления и до момента его появления в реальной действительности. Само указание на определенное обстоятельство как основание к позитивным или негативным правовым последствиям стимулирует человека к такому поведению, которое с точки зрения законодателя рассматривается как социально полезное. С этих позиций можно говорить о выполнении стимулирующей функции или функции предварительного влияния права. По словам В.Б. Исакова «предварительное (через юридические факты) действие правовых норм представляет собой фундаментальное явление правовой действительности, требующее комплексного юридического, социологического, психологического изучения» [8, с. 60-61].

Рассматривая юридические факты в их восприятии как явлений объективной реальности, думается, оснований для утверждения о действии на данном этапе непосредственно юридических фактов отсутствуют.

Во-первых, в указанный период времени существует лишь образ (или модель) юридического факта, который сформулирован в своих основных признаках в тексте нормативного акта. Таким образом, факт как явление физической материи отсутствует и, вследствие этого, нет оснований говорить о возникновении присущих ему юридически значимых последствий.

Во-вторых, по справедливому замечанию Е.Ю. Цукановой, стимулирующее (воспитательное) воздействие оказывает правовая норма в целом, а не отдельные ее части (в нашем случае ее гипотеза как совокупность обстоятельств, с наличием которых связывается реализация диспозиции или санкции) [16, с. 49]. Считаем это правильным, тем более, с учетом того, что стимулирующее или превентивное значение права относится к «выходящей за пределы правового регулирования части воздействия права, осуществляемого не специально юридическими, а общесоциальными, присущими всем надстроечным элементам приемами и средствами» [4, с. 143].

Учитывая то обстоятельство, что нормативное закрепление фактического обстоятельства в его функциональной роли как основания наступления правовых последствий еще не образует юридического факта, актуализируется проблема его объективации как явления правовой действительности. Если перевести данную тему исключительно в практическую плоскость, то вопрос будет звучать следующим образом: с какого времени фактическое реально существующее обстоятельство будет рассматриваться как юридический факт?

С одной стороны, ответ, казалось бы, очевиден. Его появление в реальной действительности и является тем моментом, когда факт начинает проявлять себя как юридический, то есть порождать соответствующие правовые последствия. Вместе с тем, с другой стороны, логические построения и взаимодействия элементов правовой действительности могут существенно отличаться от того, как это происходит в сфере физической реальности.

Факты объективной реальности возникают и существуют объективно, зачастую даже никак не связаны с жизнедеятельностью человека. Придание таким фактам юридического значения возможно только после их попадания в сферу государственно-правовой действительности, которая «образует особую правовую надстройку над экономическим базисом, оказывая на последний обратное воздействие» [19, с. 73]. Последнее возможно только после их осознания со стороны соответствующих субъектов. Именно в этот момент происходит первичная фиксация факта, которая в последующем в целях более устойчивого существования и возможности беспрепятственного использования фиксируется на иных носителях. Таким образом, юридический факт становится таковым только после его встраивания в систему государственно-правовых явлений.

В научной литературе нередко встречается суждение о том, что одним из признаков юридического факта является его обязательная фиксация в определенной, предусмотренной законом, процедурно-процессуальной форме. В этом отношении, действительно, можно согласиться с тем, что в качестве юридических не могут рассматриваться факты, которые не нашли своей объективированной формы выражения. Мысли, чувства и иные явления, которые составляют сферу внутренней духовной жизни человека не могут иметь правового значения. Последнее способно выразиться только при объективированном внешнем проявлении определенного фактического обстоятельства. В частности, К.А. Бобылев отмечает, что факт способен иметь правовое значение только в том случае, если он «надлежащим образом оформлен и удостоверен в виде документа, записи и т.п.» [5, с. 50].

Иногда вопросу надлежащей фиксации юридического факта придается значение обязательного признака и вследствие этого данное обстоятельство включается в определение юридического факта. Так, И.К. Воронин полагает, что факт становится юридическим только после соответствующей государственной регистрации. Именно последнее придает факту «статус» юридического. В этой связи указанным обстоятельством предлагается конкретизировать определение юридических фактов. В частности, под ними И.К. Воронин предлагает понимать «многообразие природных событий и действий людей, а также порожденных ими состояний, которые фиксируются и признаются государством правовыми, вследствие чего возникают, изменяются и прекращаются субъективные права, юридические обязанности, юридическая ответственность и полномочия» [7, с. 370-371].

Если момент фиксации факта рассматривать как время придания ему юридического значения с соответствующими правовыми последствиями, то становится очевидным, что объективация юридического факта в правовой действительности далеко не всегда совпадает с моментом появления соответствующего объекта в физической реальности.

Факт становится юридическим в тот момент, который заранее определен законодателем, поскольку именно он способен оказывать преобразующее воздействие на правовую действительность. Любое явление жизненной реальности расценивается в качестве факта только при условии его восприятия со стороны познающего субъекта. В абсолютном большинстве случаев разница во времени их объективации обусловлена необходимостью фиксации факта в определенном законом процессуальном порядке. Вследствие этого

является важным четкое определение момента, с которого факт начнет проявлять себя в качестве юридического.

Сказанное объясняет подход отдельных ученых к пониманию юридического факта как обстоятельства, которое установлено правоприменительными органами в установленном законом порядке. Наиболее обстоятельно по этому поводу изложил свою позицию В.Н. Синюков, который рассматривает юридический факт как правовую модель реального события или действия, выраженную в «системе специальных признаков (состав), выделенных на основе нормы права, служащая юридическим условием наступления правовых последствий» [14, с. 121]. Объективация юридического факта при такой интерпретации происходит в результате познавательной деятельности правоприменительного органа, которая отражается в его индивидуальном правоприменительном акте (судебном решении, приговоре, постановлении суда и иных юрисдикционных органов). Вследствие сказанного, в качестве юридических рассматриваются только такие факты, которые были установлены в ходе правоприменительного процесса в определенном, установленном законом процессуальном порядке.

В том случае, если сферу действия права ограничить правоприменительными процедурами, то вышеприведенные суждения вполне будут соответствовать истинному положению дел. Факты реального бытия, действительно, будут приобретать свои юридические свойства только после их установления в рамках определенной процедуры. Вместе с тем следует учитывать, что правоприменение является лишь одной из форм реализации права. К числу иных относятся исполнение, соблюдение и использование права, при которых действие права не связано с деятельностью правоприменительного органа. Юридические факты в таком случае объективируются в ином порядке, нежели в результате правоприменительного процесса.

Также следует учитывать, что особенности правового регулирования процедуры доказывания далеко не всегда приводят к тому, что правоприменительное решение основывается на истинном знании о реальных фактах. Состязательный характер судебного процесса далеко не в полной мере способствует выяснению действительных обстоятельств дела. Вследствие этого возникает вопрос о том, можно ли рассматривать в качестве юридического факта такое обстоятельство, которое имело место в реальной действительности, но спорящая сторона не смогла доказать его наличие? Закономерен и обратный вопрос – является ли юридическим фактом такое обстоятельство, которого в реальности не было, но установленное в результате представления фальсифицированных доказательств или просто судебной ошибки.

Представленные аргументы позволяют говорить о том, что фактические обстоятельства приобретают юридический «статус» далеко не только в ходе правоприменительного процесса. Вследствие этого момент появления юридических фактов не следует связывать исключительно с принятием индивидуальных правовых актов. Вместе с тем, их установление соответствующим юрисдикционным органом в ходе правоприменительной деятельности должно рассматриваться в качестве одной из форм объективации юридического факта.

Пристатейный библиографический список

1. Албогачиев А.А., Гандалоев Р.Б., Галаева М.И. Становление представлений о юридических фактах // Образование и право. – 2021. – №7. – С. 70-76.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. II. – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.
3. Аюева Е.И. Некоторые аспекты категории юридического факта // Правоведение. – 1985. – № 4. – С. 67-71.

4. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов: СГАП, 2001. – 416 с.
5. Бобылев К.А. Юридические факты в правовой действительности // Евразийская адвокатура. – 2015. – № 5 (18). – С. 49-50.
6. Вершинин П.А. Субординация категорий «юридический факт» и «правоотношение» // Методологические проблемы теории юридических фактов. Ярославль: Изд-во Ярославского ун-та, 1988. – С. 9-11.
7. Воронин И.К. Государственная регистрация юридических фактов как общеправовое явление // Общественные науки. – 2017. – № 3. – С. 370-381.
8. Исаков В.Б. Юридические факты в российском праве. Учебное пособие. – М.: Юрид. Дом «Юстицинформ», 1998. – 48 с.
9. Краснов Ю.К. Юридические факты в механизме правового регулирования: от генезиса до «спускового крючка» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 1 (68). – С. 48-53.
10. Кутюхин И.В. О связи юридического факта и правоотношения // Ленинградский юридический журнал. – 2006. – № 2 (6). – С. 38-41.
11. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. – 5-е изд. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 528 с.
12. Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник. – М.: Маркет ДС, 2007. – 640 с.
13. Мирошникова Ж.Ю. Функции юридических фактов по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2005. – 185 с.
14. Синюков В.Н. О понятии юридического факта в общей теории права // Актуальные проблемы социалистического государства и права, законности и правопорядка: Межвузовский научный сборник. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1986. – С. 107-121.
15. Тарасова В.А. Юридические факты в области пенсионного обеспечения – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 108 с.
16. Цуканова Е.Ю. Значение юридических фактов в системе правового регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 1 (36). – С. 39-51.
17. Цуканова Е.Ю. Фактические общности в современном российском праве (теоретико-правовое исследование): дис. ... докт. юрид. наук. – Белгород, 2021. – 377 с.
18. Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания. – М.: Высшая школа, 1978. – 269 с.
19. Явич Л.С. Сущность права: Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1985. – 207 с.
20. Ячменев Ю. В. Доктрина юридических фактов: проблемы отраслевого (цивилистического) подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 1. – С. 75-80.

СЕРГЕЕВ Александр Леонидович

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

КУБИНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ: ЭКОНОМИКА КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Настоящая статья посвящена экономической проблематике политико-правовой доктрины кубинского социализма.

Кубинский национально-государственный социалистический проект вынужден развиваться в тяжелейших условиях североамериканской блокады и собственной ограниченности ресурсов. Вместе с тем он демонстрирует исключительную устойчивость, осуществляя поиск конкретных проблем, основываясь на твердых идейно-смысловых постулатах экономоцентризма, гуманизма, социальной справедливости и альтерглобализма. В настоящей статье демонстрируется трансформация указанных принципов относительно конкретных островных реалий, результатом которых стала выработка системы идейно-смысловых основ соответствующей экономико-правовой этики.

Ключевые слова: Кубинский социализм; кубинская революция; экономика; социалистическая экономика; социализм; Куба; коммунизм; мировое коммунистическое движение; социалистическая рыночная экономика.

SERGEEV Aleksandr Leonidovich

Ph.D. in Law, associate professor of History of state and law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

CUBAN SOCIALISM: ECONOMY AS AN OBJECT OF POLITICAL AND LEGAL INFLUENCE

This article is devoted to the economic problems of the political and legal doctrine of Cuban socialism. The Cuban national-State socialist project is forced to develop in the most difficult conditions of the North American blockade and its own limited resources. At the same time, he demonstrates exceptional stability, searching for specific problems based on solid ideological and semantic postulates of economocentrism, humanism, social justice and alterglobalism. This article demonstrates the transformation of these principles in relation to specific island realities, which resulted in the development of a system of ideological and semantic foundations of the corresponding economic and legal ethics.

Keywords: Cuban socialism; Cuban Revolution; economy; socialist economy; socialism; Cuba; communism; world communist movement; socialist market economy.

Проблематика кубинского социализма как политико-правовой идеологии чрезвычайно широка и многообразна. Идейно-смысловые основы, сформировавшиеся в кубинском обществе на протяжении последних полутора столетий и господствующие сегодня в качестве мейнстрима, не могли не затронуть экономическую проблематику в качестве одного из своих важнейших объектов.

Марксизм сыграл важную роль в становлении кубинской социалистической доктрины трансформации экономических процессов. Сам Ф. Кастро подчеркивал, что именно марксизм позволил ему сформулировать соответствующий категориальный аппарат. В то же время необходимо отметить, что на ранних этапах кубинская социально-политическая мысль и практика были обязаны именно ленинизму в качестве доктринально-ориентирующей основе в качестве особой марксистской ветви. Последовательный антиимпериализм, возможность построения социализма при осуществлении союза пролетариата и крестьянства-важнейшие ленинские принципы, применение на практике которых смогло обеспечить победу кубинского революционного движения.

Динамика трансформации кубинских социалистических взглядов приводит к следующим базовым постулатам на необходимость экономической трансформации:

1. Экономоцентризм кубинского социализма. Ф. Кастро Рус неоднократно утверждал, что коммунизм равен сумме высокоразвитого материального и нематериального производства совместно наряду с просвещением населения, гуманистическим воспитанием человека и весторонним подъемом его культуры. В одном из послереволюционных выступлений Фидель подчеркивает: «Именно это имеет решающее значение. Коммунизм может существовать в условиях изобилия, но человека коммунистического общества надо учить в школе, воспитывать, его должна формировать партия. Это и означает, что главную роль играют материальные средства, материальные условия плюс просвещение, так как само по себе изобилие еще недостаточно для воспитания человека коммунистического общества. Отсюда понятно

важность образования. Это одна из тех проблем, которым Кубинская революция сразу уделила огромное внимание... Капитализм создает общество волков, где люди пожирают один другого, в котором все люди – враги. Нужно создать общество, в котором все мы будем братьями друг другу. Именно тут-то и надо воспитывать в человеке добрые начала» [1, с. 8-9].

Важнейшим принципом экономико-идеологической сферы является достижения режима изобилия для масс, но для отдельных людей. Массы людей не должны ни в чем нуждаться, закладывая в основу жизни общепринятый социальный стандарт, В то же самое время культ потребления крайне опасен для любого общества, ибо он неизбежно ведет к его расколу и распаду.

Мартианская этика дала кубинскому социализму систему идеологических принципов, но именно марксизм дал ему, как уже говорилось выше, устойчивый терминологический аппарат. Фидель Кастро выступает с категорическим осуждением волюнтаризма в экономической жизни общества, неоднократно подчеркивая, глубинную объективную экономическую обусловленность общественной жизни.

2. Бережливость и борьба с крупным и мелким воровством - залог успешного строительства социализма. Недостаток осознания важности экономического фактора в народных массах – еще одна базовая проблема, возникающая на пути построения подлинно социалистического общества. Именно этот идейно-смысловой изъян позволяет существовать в обществе крупному воровству и мелким растратам

3. Системный экономический ответ на вызовы неолиберальной глобализации -построение нового социально-справедливого экономического порядка. Необходим компромисс бедных и богатых стран - во имя спасения человечества. Указанный постулат наиболее рельефно оказался отражен в интервью Фиделя Кастро Федерико Майору Сарагосе, данному им в начале 2000-х годов. Говоря о советском проекте, Фидель, говорит, что это был грандиозный прорыв человечества в социальном измерении, который по-

зволил решить многие задачи и который необходимо было усовершенствовать, трансформировать, но ни в коем случае не уничтожить. Уничтожение СССР привело к триумфу системы неолиберальной глобализации – ужасному и невыносимому порядку для большинства государств – бедных стран, но в конечном счете опасному для существования и стран первого мира Фидель говорит, что то, что выстояла Куба – является настоящим чудом и подвигом народа, так это выравнивание уже происходило в ситуации двойной блокады – со стороны как США, и союзников, так и части тех стран, который недавно входили в советский блок. В то же самое время, по выражению Фиделя, это чудо смогло возникнуть потому, что Куба «имела привилегию не принадлежать к МВФ» [2, с. 1].

4. Экономическая прагматика страны, находящейся в блокаде: покупать там, где продают. Фидель Кастро и кубинская революция как таковая победили в условиях жесточайшей пропаганды антикоммунизма, которая была свойственна странам Латинской Америки. Исходя из этого, ему приходилось вести диалог с населением, объясняя ему необходимость установления торгово-экономических отношений с Советским Союзом. Говоря о помощи советского союза Кубе в условиях, когда против нее была развязана всесторонняя тяжелейшая блокада, Фидель говорит о солидарности Советского Союза как основе взаимной советско-кубинской экономической этики [3, с. 13].

5. Талонная книжка должна исчезнуть, но никого нельзя обрекать на голодную смерть. Людям надо дать возможность зарабатывать.

Фидель придерживается доктрины экономического оптимизма, говоря о том, что по мере диверсификации экономики, экономического развития и борьбы со злоупотреблениями: «Те, кто работает и производит, будут получать больше, смогут приобрести больше продуктов и услуг; те, кто работал десятилетия, получат больше, у них будет больше материальных благ... Когда мы достаточно продвинемся в направлении к справедливому и достойному обществу, не будет людей, нуждающихся в субсидировании» [4, с. 653].

6. Экономическая солидарность и экономическая агрессия: антагонистические международно-правовые режимы. Ф. Кастро, развивая основы международной экономико-правовой этики, говорит о двух разных ее типах. Империализм стремиться к агрессии, направленной на максимальное ослабление развивающихся стран. Социалистический лагерь, флагманом которого является СССР, ставит собственным императивом солидарность, гуманизм и взаимопомощь.

7. Решение аграрного вопроса: залог успеха национально-освободительной и социалистической революции. Послереволюционные мероприятия – от интересов элиты к интересам масс. Поскольку крестьянство было одной из основополагающих сил, поддержавших кубинскую Революцию, Ф. Кастро считал императивом для вновь образованного революционного правительства исходить из его чаяний и требований. Собственность иностранных латифундий была национализирована в результате двух аграрных реформ, но объединение крестьянских наделов в более крупные хозяйства должны были протекать исключительно добровольно. Ф. Кастро негативно оценивает сталинскую коллективизацию, приведшую ко многим человеческим трагедиям и негативным экономическим последствиям. В то же время, относительно крупного землевладения аграрные реформы отличались исключительным радикализмом. Изначальные требования кубинских революционеров отличались умеренностью, однако масштабы контрреволюционного террора параллельно с североамериканской блокадой сделали свое дело – «На каждый акт контрреволюции отвечали национализацией».

8. Постиндустриализм – необходимый социалистический рубеж современности. Доктрина кубинского социализма уделяла исключительное внимание научно-техническому прогрессу и достижению постиндустриального уровня развития техники и человека. Фидель подчеркивал, что, когда будет построен коммунизм – общество по-настоящему займется наукой – «общество будущего должно стать обществом ученых». Трансформация подобного рода неизбежно приве-

дет к системному изменению отношений между человеком, обществом и природой – исходя из принципов гуманизма, экологизма и отрицания культа потребления.

9. Материальное и нематериальное производство: залог социалистического развития. Коммунизм является суммой просвещения и материального изобилия. Экономический принцип идейно-смысловой жизнедеятельности был присущ кубинской революции с самого начала. Фидель Кастро в своих ранних речах с большим восхищением и даже элементами идеализации говорит о Советском Союзе – обществе, в котором экономика была поставлена во главу угла. Фидель характеризует Советский народ как «народ-гигант», сумевший построить бесклассовое социально справедливое общество, в котором отсутствует национальная дискриминация (особенно подчеркивается успех «превращения царских феодальных колоний» в «русло цивилизованных народов»), параллельно сравнивается уровень сегодняшней жизни окраинных народов России с жизнью их соседей).

По-настоящему развивающаяся экономика должна быть многоотраслевой, обеспечивающей многочисленные и растущие потребности общества. По словам Фиделя, необходимо «не перераспределять имеющиеся рабочие места, а создавать новые».

В то же время Фидель подчеркивает, что изобилие экономических благ должно существовать «для масс», но не для отдельных людей – экономическим успехом личности должен быть критерий достатка. Культ потребительства не должен ставиться в обществе во главе угла – иначе это грозит его гибелью.

10. Антидогматизм в вопросах собственности и соотношении и экономико-правовых режимов «План-рынок». Кубинское послереволюционное руководство подошло к указанному комплексу проблем с исключительной гибкостью. Неудачи «Великой Сафры» начала 70-х годов 20 века привели к необходимости создавать многоотраслевую и мультикультурную модель экономического развития, в которой могли соседствовать друг с другом различные экономические уклады и формы собственности. Наличие еще в «советское время» частных сельскохозяйственных рынков и кустарных производств расширилось за последние десятилетия за счет проникновения мелкого и среднего бизнеса в сферы туризма, торговли, ресторанного бизнеса и иных секторов экономики.

Политико-правовая доктрина кубинского социализма представляет из себя сложный и комплексный феномен. Последние шесть десятилетий ее становление и развитие происходило в условиях жесточайшей североамериканской блокады и внутреннем режиме ограниченности ресурсов. В то же время, указанный социально-государственный проект показал исключительную устойчивость, что во многом было обусловлено его экономической доктринальной составляющей с ее последовательной реализацией при осуществлении государственной политики и исходя из учета конкретного момента жизнедеятельности и обуславливающих его внешних и внутренних составляющих.

Пристатейный библиографический список

1. Фидель Кастро. Солидарность СССР с Кубой перед лицом агрессивных действий США. Из интервью кубинскому радио и телевидению. Гавана, 10 июля 1960 года // Октябрьская революция и Кубинская революция. Речи и выступления 1960-1977 гг. - М.: Издательство политической литературы, 1978. - С. 8-9.
2. Ф. Кастро. Куба не торгует и не продает свою революцию, стоившую крови и жертв многих ее сынов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cuba.cu/gobierno/discursos/2000/rus/f220600r.html> Майор Кастро.
3. Ответ Эйзенхауэру о солидарности Советского Союза. Из выступления по телевидению. Гавана. 18 июля 1960 г. // Фидель Кастро. Октябрьская революция и кубинская революция. Речи и выступления 1960-1977 гг. - С.13-15.
4. Кастро Ф., Рамоне И. Моя жизнь. Биография на два голоса. - М.: Рипол Классик, 2009. - 797 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-84-87

КЫЧКИНА Марина Ивановна

магистрант 2 курса Юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова

МАЯКУНОВ Александр Эдисонович

кандидат философских наук, доцент Юридического факультета Северо-Восточного Федерального университета имени М. К. Аммосова

ПРИНЦИПЫ ЗАКОННОСТИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ ТОЛЬКО СУДОМ

Данная статья является второй работой автора, вытекающей из исследования понятия «судебное право в Российской Федерации» в порядке подготовки к написанию диссертации. В рамках исследования проведен анализ двух принципов из единой системы принципов правосудия, устанавливающих организацию, а также деятельность судебной власти, т.к. в процессе анализа эволюции судебной власти России автор пришел к мнению, что часто судебные реформы проводились беспорядочно, и в большинстве случаев, в угоду сложившейся ситуации в государстве. Актуальность изучения данных положений заключается в том, что, по мнению автора, принципы законности осуществления правосудия только судом и другие являются основополагающими не только для построения судебной системы, но и его функционирования.

Ключевые слова: судебное право, судебная власть, суд, судебная система, государство, судебная реформа, правосудие, принципы.

KYCHKINA Marina Ivanovna

magister student of the 2nd course of the Faculty of Law of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

MAYAKUNOV Aleksandr Edisonovich

Ph.D. in philosophical sciences of the Faculty of Law of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

PRINCIPLES OF LEGALITY AND ADMINISTRATION OF JUSTICE ONLY BY THE COURT

This article is the second work of the author, which follows from the study of the concept of “judicial law in the Russian Federation” in preparation for writing a dissertation. In it two of the principles from the unified system of principles of justice that establish the organization and activity of the judiciary are analyzed, because in the process of analyzing the evolution of the judicial power in Russia, the author came to the opinion that judicial reforms were often carried out randomly, and in most cases, in favor of the current situation in the state. The relevance of studying these provisions lies in the fact that, in the author’s opinion, the principles of legality, the administration of justice only by the court, and others are fundamental not only for the construction of the judicial system, but also for its functioning.

Keywords: judicial law, judicial power, court, judicial system, state, judicial reform, justice, principles.

Введение.

В настоящее время судебная власть, как одна из ветвей власти, в первую очередь имеет социальное значение, и опирается в своей деятельности исключительно на веру граждан, на их волю и их правовые интересы, она обеспечивает их охрану и стабильность, тем самым гарантируя безопасность и уверенность в соблюдении их прав и свобод, которые, при их нарушении, защищаются в процессе правосудия. Деятельность по рассмотрению споров о нарушении прав, свобод и интересов осуществляется с соблюдением закрепленных на конституционном уровне требований, регламентирующих не только организацию судебного процесса, но и порядка его осуществления, их еще называют принципами правосудия. Эти положения организуют работу судов, отражая демократический характер правосудия. Именно из действующих положений правосудия можно судить о состоянии правового сознания общества.

Для достижения цели будут рассмотрены понятие «правосудие», «принципы», а также проведен краткий анализ

становления принципов законности и осуществления правосудия только судом.

По своей сути правосудие является не только средством защиты прав и законных интересов граждан и государства, также оно выступает закрепленным в законе видом формы деятельности государства, представляющим из себя систему судов, деятельность которых заключена в разрешении административных, гражданских и уголовных дел. Данная деятельность с нравственной стороны характеризуется справедливостью, законностью выносимых судебных актов, для чего строго и тщательно разбираются все обстоятельства дела, придерживается четкий порядок судопроизводства, и с обязательным соблюдением конституционных принципов выносятся справедливое решение. Любое отступление суда от установленного порядка, игнорирование установленных принципов влечет за собой произвол и беззаконие, именно поэтому Конституцией РФ закреплены основные, наиболее важные принципы, соблюдение которых гарантирует законность, объективность и справедливость правосудия. Принципы

Кычкина М. И.

Маякунов А. Э.

пы, являющиеся основанием деятельности судебных органов, постоянно взаимодействуя между собой, составляют единую систему. При построении деятельности судебных органов, эти принципы выступают мировоззренческими идеями.

1. Понятие принципов правосудия.

Так как правосудие представляет собой особенный вид деятельности, который относится к одному из социально важнейших видов деятельности государства, оно основано на строгом соблюдении действующего законодательства, и в связи с тем, что в процессе его осуществления объектом рассмотрения выступают важные права и свободы участвующих лиц, к нему предъявляются правовые требования, которые закреплены на высшем конституционном уровне. Как говорилось выше, эти положения касаются не только организации самой деятельности, но и порядка его осуществления.

Общепризнанным понятием принципов правосудия является следующее – это правовые положения высшей юридической силы, которые закреплены в действующем законодательстве и регулируют порядок организации и осуществления правосудия Российской Федерации, оказывают эффективное действие на соблюдение правил судопроизводства, охраняя от любых нарушений.

Для признания этих правил принципами правосудия они должны обладать некоторыми обязательными признаками:

В первую очередь, принципы всегда должны иметь нормативную (правовую) природу. Это значит, что они обязательно должны быть закреплены в законодательстве в виде норм и предписаний, они должны иметь законодательное выражение и действовать в общем судебном механизме;

Во-вторых, чтоб считаться принципами, эти правила должны регулировать наиболее важные положения, регламентирующие порядок осуществления правосудия, а не все подряд;

Третьим признаком должно быть то, что по причине того, что принципы, закрепленные на высшем конституционном уровне, являясь нормативными по своей правовой природе, конкретным образом действуют на все остальные правовые нормы, имеющие по отношению к конституционным принципам подчиненное положение, оказывая, таким образом, регулятивное, охранительное воздействие.

При рассмотрении сути регулятивного воздействия, следует отметить, что оно заключается в первую очередь, в недопущении применения противоречащих конституционным принципам правовых норм. Это могут быть случаи абсолютного несоответствия, либо применяемые нормы были применены с нарушением, несоответственно ситуации. В случае выявления несоответствия примененных норм законодательству, они в установленном порядке признаются неконституционными. Закрепленные в Конституции положения, являясь ориентиром, служат для исключения неправильного применения правовых норм,

Охранительное воздействие принципов заключается в проверке и оценке совершенных в ходе судопроизводства действий и решений на их соответствие принципиальным требованиям. В случае выявления фактов таких нарушений, то вынесенные судебные решения подлежат отмене или изменению вследствие признания их не имеющими юридической силы.

В-четвертых, вследствие нормативного выражения судебных принципов на высшем уровне, они подлежат охране со стороны государства от любых нарушений путем применения конкретных мер воздействия, которые в зависимости от тяжести и характера нарушений представляют собой как дисциплинарные взыскания, так и меры административного и уголовного характера.

Требования принципов должны соблюдаться в обязательном порядке всеми органами правосудия, будь то во-

просы, относящиеся к организационным вопросам, будь то вопросы по обеспечению прав и свобод участвующих лиц. Любое нарушение недопустимо, за которое грозит привлечение к ответственности.

По мнению автора, в связи с тем, что принципы правосудия находятся в постоянном, непрерывном взаимодействии между собой, могут быть объединены в одну общую систему. Следует отметить, что при взаимодействии принципов друг с другом, их свойства усиливаются, как бы дополняя и усиливая свое значение.

В данной работе автором будут рассмотрены два первоначальных принципа, которые являются важными элементами единой системы принципов правосудия.

2. Принцип законности.

В естественном представлении человека правосудие всегда связывалось со справедливостью и законностью.

Зарождение и последующий процесс становления принципа законности как одного из основополагающих требований в реализации правосудия прошел длительный процесс. Как следует из истории, основной проблемой реализации законного правосудия была власть «имущих», точнее неограниченная власть правителей. Основы современного правосудия были заложены еще древнеримской юриспруденцией. Так Эдиев М.С. отметил, что «первые постулаты, такие как: «государством должен править закон», «закон превыше всего», «закон выше любой должности» принадлежат римским юристам, так же считал и Платон, который утверждал, что в плохом государстве над всеми стоят правители, а в разумном – над всеми стоят законы, так как на страже законов стоит правосудие. А к отправлению правосудия должны быть причастны все граждане государства» [6].

Еще М.Ф. Владимирский-Буданов писал: «В Российском государстве проблема законности возникла сразу в период формирования Древнерусского государства, народ которого хотел видеть в роли своего правителя, который владел ими и судил бы по праву» [2].

В этот же период возникает представление об обязательности законности в сознании общества, что подтверждается множеством трудов законодательной деятельности того времени, таких как «Русская Правда», представляющая собой первый кодифицированный сборник правовых норм, Псковские и Новгородские Судные грамоты, которые выступали в качестве руководства для суда.

Результатом дальнейшего развития законодательства стали Судебники 1497, 1550 г.г. – своды законов, созданные с целью систематизации существующих правовых норм, которые отражали необходимость в единой законности на территории всего государства, т.к. в это время происходило объединение земель вокруг города Москвы, по завершении которого было создано централизованное Московское государство (н. XVII в.), встала необходимость повышения влияния закона и законности как социального регулятора правоотношений, для чего необходимо было издание общеобязательного законодательства, которым стало Соборное уложение 1649 г., задачей которого было обеспечение государственной деятельности законодательной базой, что явилось по своей сути объемным сборником законов. Итогом этого времени стало становление понятия об обязательности соблюдения закона не только гражданами, но и должностными лицами, и судьями, осознание властью о необходимости соблюдения законности для повышения эффективности управления государством, таким образом закрепился принцип законности в российском государстве.

В период правления Петра I началась новая эпоха, согласно его реформам единственным источником права был признан закон, посредством которого в общество вводилась воля императора, обеспечиваемый определенным механизмом государства.

Определение принципа законности, сформированное при правлении Петра I, продолжилось и при правлении последующих императоров, оно уже совершенствовалось и дополнялось.

Таким образом, принцип законности находит четкое закрепление в законодательстве, определяются механизмы его реализации, подготавливаются чиновники, а также усиливается санкция за игнорирование ими данного требования. Результатом поступлений запросов о заключительных актах из военного министерства, которые были разрешены без соблюдения законов и постановлений, стала систематизация и издание Полного собрания свода законов Российской Империи, которым был закреплен принцип законности во всех отраслях законодательства как безусловное требование государственной деятельности параллельно с этим повышается и роль суда, что даже были введены полномочия о донесении замечаний в Министерство юстиции о неполноте закона, если в ходе судебного производства будет обнаружено такое.

После возникновения советского государства в результате гражданской войны, что характерно событиями, несовместимыми с законностью, вопросы восстановления режима законности встали крайне остро, на что потребовалось очень много времени. Этот процесс достигался применением приемов репрессии, понятие законности было «извращено» и чрезмерно политизировано, революционная законность обеспечивалась весьма кровавыми методами, примерами которых могут отметить и «красный террор», и сталинские репрессии, которые руководствовались буквой «действующего закона», вынося решения о расстрелах. Посредством такой законности диктатура наделялась политической волей господствующего класса, что впоследствии привело к служению законности политике, и к ее зависимости от нее. В советский период преимущественно развивался принцип государственной дисциплины, которая затмевала принцип законности, определив ее обеспечение наиболее важной целью государственного управления. По мнению автора, в понятие законности нельзя вкладывать политические амбиции, так как его основой должен быть приоритет прав и свобод гражданина, представляя собой важную демократическую ценность.

В наше время понятие законности выступает в традиционном демократическом понимании, свободной от идеологических взглядов. Принцип законности отражен в Основном законе России – Конституции. Принцип законности, исходя из истории, отражалась в законодательстве с самого начала, постепенно развивая свои важнейшие элементы, такие как обеспечение и гарантия прав и свобод граждан их защита.

Принцип осуществления правосудия только судом.

Данный принцип утверждён в Законе о судебной системе Российской Федерации, и прямым и безусловным следствием чего является то, что «правосудие осуществляется только судами, учрежденными Конституцией РФ и вышестоянным законом, и что создание чрезвычайных судов запрещено»¹.

Судебные реформы 1864 года четко разграничили институты судебной ветви власти от органов исполнительной власти. Основные положения судебной реформы в 1862 году зиждились на постулате «власть судебная отделяется от исполнительной, административной и законодательной»². Сие также было заложено в Уставе гражданского судопроизводства, содержавший полный и закрытый список органов су-

дебной власти. К сожалению, на практике данные положения закона игнорировались государством. Деспотический режим царизма был вынужден придавать функции правосудия также и административным органам власти.

Советское государство решительно ликвидировало старую, дореволюционную юстицию Декретом № 1 от 24 ноября 1917 года «О суде». Большевики ставили задачу построения новой, революционной, социалистической юстиции. Концептуальные основы правосудия закладывались ими, исходя из теории классового боя. Одним из ключевых отличий являлось то, что если ранее цель судебной реформы 1864 года заключалась в организации быстрого и милостивого суда для всех, то в новом понимании суд рассматривался как орган подавления. Это подавление рассматривалось не в военном аспекте, а в качестве органа исполнительной власти. Репрессивность новой юстиции заключалась не в расстрелах и самосудах восставшего народа, но в осуществлении правосудия посредством советских народных судов. Как ни парадоксально, но именно на заре становления пролетарского государства в нашей стране подлинно формируется принцип осуществления правосудия только судом.

Высшее руководство коммунистической партии и советского государства имело твердое убеждение, что для достижения победы над классовыми врагами в условиях гражданской войны ограничение правосудия только функционированием судебных органов будет неверным решением. Это привело к созданию специальных государственных органов, наделенных чрезвычайной юрисдикцией, и которые находились вне судебной системы. Эти специализированные органы имели исключительные полномочия по рассмотрению политических дел. Подобным образом создавались репрессивные органы во время Великой французской революции якобинской диктатурой. Во имя победы мировой революции они были бесконтрольными со стороны судебной системы. Решения таких органов были окончательными, и не подвергались никакой проверке. Они действовали параллельно с советской системой судов. Например, они были полномочны применять такие санкции как лишение или ограничение свободы, т.к. основное направление деятельности органов параллельной юрисдикции было направлено на уголовную сферу, для чего, в целях разрешения уголовных дел создавались специализированные карательные органы, такие как революционные трибуналы и комиссии по борьбе с контрреволюцией, а в сфере гражданского и трудового – товарищеские суды, арбитражные комиссии и другие.

Таким образом, создавалась параллельная юстиция: революционные трибуналы и комиссии по борьбе с контрреволюцией, а в сфере гражданских и трудовых правоотношений – товарищеские суды, арбитражные комиссии и другие.

С выходом «Положения о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями» в 1922 году, предписывалось, что судебные споры между организациями и учреждениями входят в юрисдикцию арбитражных комиссий. Дело заключалось в том, что Декрет «О суде» от 07 марта 1918 содержал прямой запрет на рассмотрение советскими судами судебных исков между юридическими лицами, хотя, безусловно, подобные иски существовали в повседневной практике хозяйствующих субъектов. Эти арбитражные комиссии в нормативно-правовых документах носили название «учреждения СССР, имеющие судебные функции». С 1931 года арбитражные комиссии были заменены органами государственного арбитража. Здесь уже решения пересмотру не подлежали и имели характер обязательного, принудительного исполнения. Новые органы государственного арбитража имели судебные полномочия в отношении всех имущественных споров между учреждениями и организациями. Поэтому, «деятельность органов государственного арбитража имела процессуальную форму, и характеризовалась наличием

1 Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации»

2 Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 1. Петроград: Сенат. тип., 1914. С. 402.

смешанной правовой природы – наличие общих черт как с органами правосудия, так и с органами управления» [4].

Товарищеские суды, как одни из разновидностей параллельной юстиции, являлись «общественным правосудием», в их компетенцию входило рассмотрение уголовных, административных и гражданских дел, также их полномочия распространялись на рассмотрение трудовых, имущественных (цена которых не превышала 50 рублей), семейных споров, а также разрешение административных и уголовных дел небольшой тяжести. По инициативе суда либо по инициативе самих участвующих лиц, перечисленные дела направлялись в товарищеский суд. Направление в товарищеский суд осуществлялось так же и по представлению государственных органов, например, прокуратурой или органами внутренних дел.

В силу того, что товарищеские суды являлись по сути общественными организациями, главным критерием их функционирования выступала допустимость обжалования их решений в суде, и возможность судебного контроля в случае, если была необходимость в принудительном исполнении.

В связи с тем, что в этот период отвергался принцип разделения властей, функционирование таких органов параллельной юстиции признавалось эффективным институциональным инструментом советского менеджмента в сфере общественного управления. Считалось, что деятельность этих органов вследствие практически абсолютной схожести с правосудием, как по признакам, так и по принятию решений, их исполнению давало возможность к их сосуществованию с правосудием.

Но, последствия деятельности органов параллельной юрисдикции, в частности в уголовной сфере в 1930-1940 гг. привели к тому, что общество и государство осознало неэффективность, в большинстве случаев необъективность вынесенных и выносимых решений таких органов и пришло к заключению об их недопустимости в будущем.

Принцип законности и осуществления правосудия только судом в аутентичном смысле окончательно привился в отечественном законодательстве посредством судебной реформы 1960–1970 гг. Главной задачей которой выступала реабилитация жертв незаконных репрессий сталинской эпохи, когда к уголовным и административным воздействиям подвергались граждане, виновность которых не была доказана в суде. К тому же подавляющее большинство приговоров и решений выносились не судами, а «двойками», «тройками» и другими квазисудебными инстанциями.

Под чрезвычайными судами в действующей Конституции РФ подразумеваются как раз такие «квазисуды». В качестве примера такого решения можно привести смертный приговор для 992 человек от 29 декабря 1937 года, подписанный главой НКВД Н. Ежовым и прокурором А. Вышинским, которые, как раз так и именовались «двойкой». Принцип осуществления правосудия только судом провозглашен с целью избежания повтора таких событий

Заключение. Подытоживая проделанную работу, хотелось бы отметить, что рассмотренные принципы наиболее тесно взаимосвязаны друг с другом, второй принцип – принцип осуществления правосудия только судом является главной гарантией законности правосудия, что вытекает из первого рассмотренного принципа – принципа законности. Они, в первую очередь, наиболее полно определяют смысл и содержание правовых норм, регулирующих порядок работы судов, дают первичное представление о средствах и способах первоочередных задач, стоящих перед судебными органами. Все принципы носят императивный характер.

По нашему мнению, основой, толчком для становления принципа отправления правосудия только судом стал, в первую очередь, тот производ, который происходил в сфере уголовного процесса, т.к. это положение впервые было

применено именно в этой отрасли, позднее уголовно-процессуальные принципы перешли и на гражданское судопроизводство. Так в 1961 году вследствие принятия Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик статьей 7 было установлен принцип осуществления правосудия только судом и на началах равенства граждан перед законом и судом, которым «правосудие по гражданским делам осуществляется только судом и на началах равенства перед законом и судом всех граждан, независимо от их социального, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности, вероисповедания», который позднее был закреплен в ст. 151 Конституции 1977 года.

Пристатейный библиографический список

1. Анишина В.И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации: курс лекций. – М.: Эксмо, 2008. – 272 с.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Русская правда. – Киев: Императ. ун-т Св. Владимира, 1911. – С. 17. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dugward.ru/library/gosipravo/vladimirskiy-budanov.html>
3. Воронов Е.Н. Система и принципы судебного права. Lex russica (Русский закон). – 2018. – 65-77 с.
4. Советский гражданский процесс: Учебник / Под ред. А.А. Добровольского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 323 с.
5. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 1. Петроград: Сенат. тип. 1914. С. 402. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004182271.
6. Эдиев М. С. История закрепления принципа законности в государственном управлении в отечественном законодательстве. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 1 (60). – С. 267-272. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/60/8817/>.

ЯВЕРЗАДЕ Явер Эльчин оглы

аспирант кафедры теории и истории государства и права Бакинского Государственного Университета, Азербайджанская республика

К ВОПРОСУ ВТОРИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

В статье рассмотрены сущностные черты и роль вторичных источников права. Так, например, утверждается, что принципами права становятся только те основные начала, которые закреплены в основных источниках права. Объясняется это тем, что часть принципов международного права не нашла выражения в нормах и продолжает существовать в форме идей. Относительно правовой доктрины отмечается, что если доктрина просто влияет на законодателя, то она выступает в качестве косвенного источника права. Когда же законодатель фиксирует в нормах права достижения юридической науки, то в определенном смысле можно говорить и о прямом воздействии правовой доктрины. Кроме того, отмечается важность исследования места религиозных текстов в системе источников современного права.

Ключевые слова: право, источник, принцип, акт, доктрина, законодательство, религиозный текст.

YAVERZADE Yaver Elchin oglu

postgraduate student of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baku State University, Republic of Azerbaijan

ON THE ISSUE OF SECONDARY SOURCES OF LAW

It is noted in the article that the essential features and the role of secondary sources of law. So, for example, it is argued that only the basic provisions become the principles of law, which are enshrined in the main sources of law. This is explained by the fact that some of the principles of international law have not found expression in the norms and continue to exist in the form of ideas. Regarding the legal doctrine, it is noted that if the doctrine simply affects the legislator, then it acts as an indirect source of law. When the legislator fixes the achievements of legal science in the norms of law, then in a certain sense it is possible to speak about the direct impact of legal doctrine. In addition, the author notes the importance of studying the place of religious texts in the system of sources of modern law.

Keywords: law, source, principle, act, doctrine, legislation, religious provisions.

Категория «источники права» в современный период имеет важное теоретическое значение, так как от четкого определения ее содержания зависит отнесение к ней тех или иных общественных явлений. Четкость определения данного понятия необходима и для теоретической разработки проблем самого права. Когда юристы ссылаются на источники права, они используют их, чтобы предоставить «правовую основу» принятого решения. Так, в соответствии со ст. 18.1 Кодекса надлежащего административного поведения сотрудников Европейского фонда образования (The ETF Code of Good Administrative Behaviour), «В каждом решении Европейского фонда образования, которое может негативно повлиять на права или интересы частного лица, должно быть приведено его обоснование с четким указанием фактов, имеющих отношение к делу, и правовой основы».

Известный теоретик права Джон Белл замечает, что «правовая основа устанавливает как правомочность принятия решения, так и правильность вынесенного решения. Чтобы привести такой довод, правоприменитель не только указывает примененные источники права или свод правовых принципов, но также дает их толкование, чтобы предоставить адекватное обоснование» [9, с. 42]. В этом аспекте полагаем необходимым указать характерные особенности вторичных источников права, уяснение и учет которых повышает эффективность правоприменения.

Принципы права. Правоприменители стран как континентального, так и общего права при отсутствии правового акта, правового прецедента или правового обычая могут ссылаться на принципы справедливости и доброй совести. Однако ряд юристов, в том числе юристов-международников, и сегодня отказываются рассматривать принципы права в качестве источника права. Так, в отношении принципов международного права П. Н. Бирюков указывает, что «эти принципы не содержат конкретных правил поведения адресатов международно-правовых норм и, следовательно, не могут быть источниками международного права» [2, с. 241]. Схожей позиции придерживается и А. Ю. Гарашко, которая считает «нецелесообразным отнесение принципов права, в том числе принципов международного права, к источникам права, так как данные категории, хотя и являются взаимообусловленными в рамках теории права и отраслевых наук, тем не менее, представляют собой два различных феномена» [3, с. 2].

Между тем, возможность прямого использования общих принципов права в качестве источника иногда закрепляется на законодательном уровне. Так, п. 4 ст. 1 Гражданского Кодекса Испании среди источников права прямо указывает общие принципы права, которые «применяются при доказанном отсутствии соответствующего статута или сложившихся правил делового оборота, и

при условии, что они не противоречат государственной политике и нормам морали».

Среди общих принципов права отмечают следующие: «приоритет прав человека»; «национальный суверенитет»; «выражение в законе общей воли»; признание «воспрещенными» лишь тех деяний, которые «вредны для общества»; «свобода действий», состоящая в предоставлении «возможности делать все, что не приносит вреда другому»; установление в законе «лишь тех наказаний, которые строго и бесспорно необходимы»; отчетность «каждого должностного лица по вверенной ему части управления» перед обществом и др. [1, с. 138]. К общим принципам следует отнести и такие положения, как «специальный закон отменяет действие общего закона», «позднейшим законом отменяется более ранний» и т.д.

В этом смысле представляется актуальным прежде всего дать краткое определение содержания самого понятия «принципы права». Так, в правовой науке широко принято определять принципы как основополагающие первоначала, основные положения, исходные пункты, предпосылки какой-либо теории, концепции, руководящие идеи, основные правила поведения. Под принципами права понимают исходные руководящие начала, лежащие в основе права и выражающие его сущность.

Кроме вышеперечисленных, при определении общепризнанных принципов международного права, необходимо учитывать также требования, которые постоянно появляются и используются в процессе взаимоотношений различных государств. Исходя из этого, общепризнанные принципы международного права следует рассматривать как научно обоснованные и апробированные практикой основные начала взаимоотношений государств мирового сообщества.

Необходимо также указать, что принципами права становятся только те основные начала, которые закреплены в его иных источниках, так как в современный период определенная часть принципов международного права не нашла выражения в нормах и продолжает существовать в форме идей. При этом данные принципы занимают различное место в механизме правового регулирования, так как их юридическая значимость не одинакова. Однако это обстоятельство не подразумевает, что принципам-идеям нужно уделять меньше внимания.

Представляется, что тот или иной принцип не только может предопределить возникновение более конкретных правил поведения, но и подчинить их себе. Это подчинение находит выражение в том, что более конкретные правила поведения согласуются между собой и в то же время согласуются с принципом как более общим правилом поведения.

Правовая доктрина. В современный период термин «доктрина» используется «как правовая наука, как источник, т.е. форма права, являющаяся внешним выражением правовой нормы, и, наконец, как наименование правового документа, издаваемого органами публичной власти» [5, с. 23].

Правовая доктрина, или «право юристов», исторически оказало существенное влияние на процесс формирования романо-германской и англо-саксонской правовых систем. Хотя правовая доктрина присутствовала во всех

этапах развития права, все же наиболее ярко она проявила себя в праве Древнего Рима. Благодаря рецепции континентальная система права восприняла многие понятия и институты римского права. Определенное влияние римского права оказало и на англо-саксонскую правовую систему, но там все же более сильным оказалось воздействие своей правовой доктрины. Так, научные труды и комментарии таких юристов, как Р. Гленвилл, Э. Кок, Г. Бракстон, У. Блэкстон, приравниваются к источникам английского права. В этой связи Р. Уолкер даже утверждает, что «Комментарии к законам Англии» У. Блэкстона, опубликованные в 1765 г., являются последней книгой, которая может служить источником права [8, с. 195].

Значение правовой доктрины следует отметить и в современных религиозных правовых системах, где ее высокий статус закреплен даже законодательно [6, с. 222]. Так, например, семейное законодательство Египта, Сирии, Судана, Ливана предусматривает, что в случае отсутствия законодательных предписаний судья применяет комментарии Абу Ханифы [6, с. 81].

Итак, исходя из деления всех источников права на основные и вспомогательные, следует признать, что правовая доктрина в современном государстве реализует себя через научно-практические комментарии к кодексам и другим законам, а также комментарии и обзоры юридической практики. И эти вспомогательные источники права часто оказываются для юристов-практиков авторитетными и играют роль вспомогательных источников.

Другим важным направлением влияния юридической науки на систему источников права является толкование высших судебных инстанций. Дело в том, что членами высших судебных инстанций часто работают кандидаты и доктора юридических наук, а в постановлениях данных судов раскрывается и обосновывается конституционный смысл действующего законодательства, излагаются правовые позиции судей, которые по своему содержанию являются авторитетными произведениями научного характера.

В современном государстве юридическая наука официально источником права не признается. Вместе с тем, действующее законодательство содержит предписание об «учете» положений правовой доктрины при применении норм иностранного права. Так, согласно ст. 156.1 Семейного Кодекса Азербайджанской Республики, «при применении семейно-правовых норм зарубежных стран суд или соответствующий орган исполнительной власти либо другие соответствующие организации устанавливают содержание указанных норм в соответствии с практикой применения официального толкования в соответствующем иностранном государстве».

В современной правовой системе регулятивный потенциал доктрины реализуется по следующим четырем основным каналам:

- 1) путем закрепления имеющих доктринальное происхождение декларативных норм, дефинитивных норм и норм-принципов в законодательстве;
- 2) путем издания документов политико-правового характера типа «доктрина», «концепция», «стратегия»;

3) через акты доктринального и официального толкования права, в том числе через документы высших судебных инстанций;

4) в правоприменительной практике при разрешении юридических коллизий, восполнении пробелов в законодательстве, использовании предоставленного законодателем права судейского (и иного правоприменительного) усмотрения [4, с. 12].

Таким образом, если доктрина просто влияет на законодателя, то она выступает в качестве косвенного источника права. Когда же законодатель фиксирует в нормах права достижения науки, то в определенном смысле можно говорить и о прямом воздействии доктрины.

Религиозные тексты. Полагаем, что рассмотрение системы вторичных источников права без подробного анализа религиозных текстов будет неполным. Так, не только мусульманские, но и все авторитетные мировые юристы признают Коран первым и основным источником мусульманского права. Вместе с тем, никто из мусульманских юристов не рассматривает его в качестве Свода мусульманского права. Однако эта позиция не может служить основанием для отказа от более подробного исследования места религиозных текстов в системе источников современного права. Данный подход, на наш взгляд, обусловлен тем фактором, что современный мир разнообразен и дальнейшее развитие правовых систем происходит через синтез западных и национальных правовых ценностей.

Наряду с мусульманским, сегодня существуют и ряд других больших систем права, которые опираются не на идеи суверенитета народа и принцип общественного договора, а непосредственно на положения священных религиозных книг. Здесь речь идет в первую очередь об индуизме и иудаизме. Необходимо отметить, что и христианские общества также создали свои системы права, опирающиеся на древние религиозные принципы. Говоря об изначальном влиянии этих принципов на развитие современных форм права, следует акцентировать внимание на сакральном источнике самого права в принципе. Другими словами, утверждая, что основанием европейских форм права является Римское право, необходимо также отметить происхождение самого римского гражданского права из права религиозного.

Известно, что право является институционализированным выражением социальных норм, создаваемое с целью обеспечить нормативные рамки человеческого поведения в отдельно взятом обществе. До возникновения письменности право функционировало как обычное право и легко подвергалась изменениям. В условиях же устойчивой письменности системы права стали более прочными.

Рассматривая сущность религиозного текста, следует также отметить, что он прежде всего предполагает высшим арбитром сверхъестественную силу. Кроме того, религиозный текст, как источник права, предполагает и высокую роль в осуществлении правосудия религиозных авторитетов. Наконец, религиозный текст, трактуемый в юридическом смысле, требует согласования с установками общества. Это происходит путем адаптации религиозного текста к изменяющимся отношениям, выведением

из него посредством расширительного толкования норм юридического характера.

Пристатейный библиографический список

1. Антонов И. П. Источники права в немецкой правовой системе: понятие и виды // *Jurisprudencija*. – 2004. – Т. 57(49). – С. 132-140.
2. Бирюков П. Н. *Международное право*. – М.: Юрист, 1998. – 416 с.
3. Гарашко А. Ю. Соотношение принципов права и системы источников права / *Актуальные вопросы юридических наук: Материалы междунар. заоч. науч. конф.* – Челябинск: Два комсомольца, 2012. – 128 с.
4. Мадаев Е. О. *Доктрина в правовой системе Российской Федерации*. Дис. канд. юрид. наук. – Иркутск, 2012. – 254 с.
5. Сулейманов Б. Б. *Методологические аспекты правовой доктрины* // *Доктрина права*. – 2009. – № 1/2. – С. 23-29.
6. Сюкияйнен Л. Р. *Доктрина как источник мусульманского права / Источники права*. – М.: Наука, 1985. – С. 65-81.
7. Сюкияйнен Л. Р. *Фикх – источник современного права в арабских странах* // *Журнал Высшей школы экономики. Право*. – 2019. – № 4. – С. 222-245.
8. Уолкер Р. *Английская судебная система*. – М.: Юрид. лит., 1980. – 631 с.
9. Bell John. *Sources of Law* // *The Cambridge Law Journal*. – Volume 77, Issue 1. – March 2018. – P. 40-71.

ИВАНЕЦ Галина Ивановна

кандидат юридических наук, доцент Российской таможенной академии, г. Люберцы

К ВОПРОСУ О МОТИВЕ В ПРАВОМЕРНОМ ПОВЕДЕНИИ ЛИЧНОСТИ

В данной статье автором рассматривается вопрос правильности определения факторов, которые влияют на сознание личности в вопросе формирования правомерного поведения. Автор обращает внимание на сложность (неоднозначность) формирования данных факторов, а также обуславливает зависимость и их взаимосвязь с внешними условиями. Кроме этого, автор полагает, что большинством исполнителей, при применении конкретного метода мотивационного воздействия, очень редко учитываются условия, в которых находится личность, когда подвергается такому воздействию.

Ключевые слова: правомерное поведение, мотивация, законодатель, правонарушение, правовая дифференциация.

IVANETS Galina Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Russian Customs Academy, Lyubertsy

TO THE QUESTION OF THE MOTIVE IN THE LAWFUL BEHAVIOR OF THE INDIVIDUAL

In this article, the author examines the issue of the correctness of determining the factors that affect the consciousness of the individual in the issue of the formation of lawful behavior. The author draws attention to the complexity (ambiguity) of the formation of these factors, and also determines the dependence and their relationship with external conditions. In addition, the author believes that the majority of performers, when applying a specific method of motivational influence, very rarely take into account the conditions in which the person is when he is exposed to such influence.

Keywords: lawful behavior, motivation, legislator, offense, legal differentiation

Несмотря на то, что в нашем государстве сформировано вполне объективное представление о том, что такое «права и свободы личности», а также сконструирована вполне эффективная система обеспечения указанных феноменов, стоит отметить, что «правопослушность» общества, в большей степени, зависит не от того, насколько «жесткими» и императивными будут те нормативные положения, которыми принято определять их сущность, и не от размера санкций, которые будут внедрены законодателем по итогам реализации разнообразных инициатив, направленных на их защиту, а от того, насколько одной личности (человеку или гражданину), в рамках реализованной правовой парадигмы, будет комфортно сосуществовать с другим членом общества [5, с. 168-172].

Строго говоря, главным аспектом успешного развития не только общества, но и самого государства, является успешная социализация самой личности. И соответственно, именно позиция личности в этом вопросе должна быть положена в основу правового регулирования всех общественных отношений.

С другой стороны, учесть мнение каждого в отдельности законодатель, де-факто, не может, поэтому, на стадии создания такого элемента правовой системы, как правовая идеология, его задача сводится к формированию максимально приближенного к реальности абстракта, где большая часть субъектов должна будет разделить общую точку зрения относительно правильности регулирования существующих отношений. Проще говоря, государство должно убедить общество принять издаваемые им нормы права, как обязательное явление, и следовать им (подчиняться) беспрекословно.

Если принять за основу определение, выработанное апологетами одной из последних правовых теорий (интегративной правовой теории), согласно которому, – право есть система нормативных установок, опирающихся на идеи человеческой свободы и справедливости [3, с. 417], то логично будет предположить, что центробежной силой правового сознания современной личности являются не просто моральные ценности, представление о которых общество постоянно генерирует через различные институты (учебные заведения, профессиональная и общественная деятельность), а особый базис познаний о праве, как об исключительном (уникальном) средстве защиты узаконенного человеческого интереса, не противоречащим по своим целям общественному. И уже тем более логично также допустить, что именно в таком понимании предмета целей права, оценочно-предпочтительный аспект индивида будет наиболее успешно реализован только в том случае, если сама личность сможет наглядно убедиться, что законодатель преследует именно общественные интересы.

В свою очередь, задача законодателя сводится к выработке понимания того, что подчинение предложенным предписаниям есть необходимость, обусловленная общественными целями, выполнение которых возложено на государственные органы. То есть, в контексте выработанной правовой идеологии государство как бы задает тон усваивания предлагаемых правил, попутно с этим давая понять, что их соблюдение улучшит общесоциальное положение каждого в отдельности. Вот под этим тоном усваивания и подразумевается мотивационная деятельность. Деятельность, которая осуществляется органами государства и общественными организациями с целью донести до сознания граждан идеи о необходимости соблюдения норм права.

Определяя правильность представления о том, что такое мотив вообще, мы нередко прибегаем к общепринятому пониманию идентификации данного явления, определяя его в качестве субъективного интереса [6, с. 176-180]. Между тем, исследования методики мотиваций показывают, что очень сложно убедить человека в том, что соблюдение, к примеру, элементарных правил приличия (этикета), позволит ему чувствовать себя более комфортно, чем он чувствовал себя до этого, и уж тем более сложно реализовать данное, если речь идет о так называемой правовой мотивации, цель которой создать и закрепить в личности верное отношение к соблюдению законности [10, с. 364].

С этим сложно не согласиться, поскольку гипотеза правомерного поведения складывается исходя из побудительных изысканий субъекта о важности реализации его собственных желаний, где его личностные предпочтения могут быть ограничены исключительно средствами общепреventивного характера: нормами, традициями, запретами, и др., при этом мотивационный фактор начинает эффективно формироваться там, где уровень потребностей общества (как в силу их полного удовлетворения, так и в силу требования малого) находится на максимально низком уровне [11, с. 422-427]. То есть, уровень правомерного поведения выше там, где потребности общества снижаются. В таком обществе мотивационные факторы носят, как правило, общесоциальный характер и в большей степени реализуются через призму таких средств, как: агитация, воспитание, традиционность взглядов и т.д.

Сказанное подтверждается еще и тем, что на современном этапе развития общественного мышления, субъект все больше становится зависим от внешних материальных преимуществ, а потому, все чаще стараясь критически относиться к нормативным установкам, осознанно делает акцент в выборе собственного поведения на то, что его правомерное поведение

принесет ему какие-либо преференции. Как правило, особенно ярко это выражается в тех социальных сферах, где речь идет о распределении материального ресурса, к примеру, в сфере соблюдения правил предпринимательской деятельности, где, в частности, уровень общей правовой культуры давно уже находится на низком уровне, а государству, как основателю и двигателю экономики, необходимо сформировать необходимое правовое начало [2, с. 29-32].

Автор исследования «Формирование правопослушного поведения несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях» А.И. Сычев отмечает, что для успешной реализации замысла по формированию в сознании личности необходимого поведения, в целом, применяются два способа. Сущность данных способов основана на использовании таких составляющих проявления (реагирования) психики, как «страх» и «стимулирование» (в некоторых исследованиях понятие «стимулирование» подменяется «совестью»). И если в первом случае, мотивационная деятельность, как правило, реализуется посредством «мягкой» угрозы, выражение которой государство находит через призму применения или ужесточения наказаний за допущенные правонарушения (общая превенция), то во втором, вопрос соблюдения установленных норм может носить более филигранный характер и для его решения необходимо более плотно изучать саму личность (частная превенция) [9, с. 195].

Данная точка зрения, что в праве, что в иных гуманитарных науках, встречается достаточно часто, и по сути, уже в какой-то степени, является универсальной. Однако, как показывает практика, большинством исполнителей, при применении конкретного метода воздействия, очень редко учитываются условия, в которых находится личность, когда подвергается мотивационному воздействию. Примером такого положения дел является анализ, проводимый различными исследователями по факту формирования правопослушного поведения у осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы [4, с. 122-126]. Здесь, когда личность уже преступила закон (с целью или бесцельно), очень сложно реализовать концепцию мягкой силы, в особенности, если условия мотивационной среды крайне нестабильны. Причинами такой нестабильности могут выступать, как личностные факторы (выбор образа мысли, несформированное мировоззрение, социальная неудовлетворенность и др.), так и общие моменты его личного сосуществования с иными осужденными. Соответственно, мотивационное влияние на указанных субъектов становится эффективным лишь в том случае, если описанные выше факторы (условия) вовремя учтены и предварительно нивелированы.

Примером устойчивой тенденции в вопросе формирования правопослушного поведения в среде осужденных является практика выведения из-под условий влияния на данную категорию со стороны различных неформальных движений и организаций, признанных государством вне закона. Пожалуй, одним из самых известных движений подобного плана является движение АУЕ, деятельность которого была признанной незаконной со стороны государства совсем недавно [1]. Исследования показали, что одной из главных причин распространения упомянутого движения, а также подчинения воли его правилам со стороны ранее не имеющих к данной субкультуре отношения граждан, стало возможным прежде всего потому, что природа человеческой адаптации не вполне устойчива к неизвестным условиям, о которых общество традиционно умалчивает, когда речь заходит о необходимости раскрытия деталей образа жизни людей в местах лишения свободы [12, с. 177-180]. То есть, в данном случае мотив человека в выборе поведения обусловлен внешним влиянием. В свою очередь, как только указанные условия менялись (нарушались), можно было наблюдать постепенное восстановление правового сознания (интереса) у тех, кто ранее был серьезно подвергнут пагубному влиянию.

Таким образом, можно констатировать, что детерминантная основа зарождения правильной мотивации личности в вопросе формирования его правового сознания зависит не только от его личных качеств, а также от степени мотивационной силы, используемой государством в виде общих и частных превентивных мер. В значительной степени, лейтмотивом правильного подхода в формировании необходимых моральных составляющих у индивида является правильность определения и последующего учета условий, которые оказывают на его сознание непосредственное влияние. К данным условиям следует отнести не только активный формат отношений, в которых человек находится ежедневно, но и те, благодаря которым личность начинает осознавать, что право не играет принципиальную (сознательно определяющую) роль в выбо-

ре его личного поведения (например, в ходе движения за рулем транспортного средства на проезжей части, где нет средства контроля за движением).

Пристатейный библиографический список

1. В России запретили движение «АУЕ» // Сайт «Интерфакс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/722058> (дата обращения: 16.09.21).
2. Воронова И.И. Культура предпринимательства и социальная ответственность. Управление городом: теория и практика. 2020. № 1 (35). С. 29-32.
3. Глухарева А.И. Права человека в системе теории права и государства: общетеоретические, философско-правовые и методологические проблемы: дис.докт. юрид. наук. Юридические науки // Специальность 12.00.01 – «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве». М., 2004. 417 с.
4. Зубкова В.И. Цель исправления и ресоциализация осужденных и их практическая значимость. В сборнике: Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений исправительной системы. Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А.И. Зубкова и Дню российской науки. Рязань, 2021. С. 122-126.
5. Кобозев И.Ю. Правопослушное поведение как отражение правового дискурса. В сборнике: Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией А.С. Душкина, Н.Ф. Гейжан. 2019. С. 168-172.
6. Мадьяров А.А. Мотивация как важный ресурс организации общества. Славянский форум. 2021. № 1 (31). С. 176-180.
7. Макаркина О.Е. Правовое воспитание осужденных: опыт и поиск новых решений. В сборнике: Правовая культура в современном обществе. сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции. Могилев, 2021. С. 349-353.
8. Милюков С.Ф., Петровский А.В. Вопросы преемственности законодательного регулирования участия религиозных деятелей в предупреждении преступного поведения. В сборнике: Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.). Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Отв. редакторы В.П. Кошнян, М.А. Прохорова, Краснодар, 2021. С. 346-356, и др.
9. Сычев А.И. «Формирование правопослушного поведения несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях»: дис. ... канд. пед. наук. Юридические науки // Специальность 13.00.01 – «Общая педагогика, история педагогики и образования». М., 2004. 195 с.
10. Четвернина А.В. 2019. 04. 038. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Преступник: основные понятия и черты личности: монография. М.: норма: Инфра-М. 364 с // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2019. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/2019-04-038-antonjan-yu-m-eminov-v-e-prestupnik-osnovnyye-ponyatiya-i-cherty-lichnosti-monografiya-m-norma-infra-m-364-s> (дата обращения: 15.09.2021).
11. Шкурник А.И. Правовая оценка правомерного поведения субъектов. В сборнике: Государствоведение: Проблемы и перспективы развития. Юбилейные научные чтения (к 75-летию юбилею профессора В.Я. Любашинца): сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей. Ростов-на-Дону, 2020. С. 422-427.
12. Шуньева В.А. Молодежная криминальная субкультура как фактор становления личности несовершеннолетнего преступника. Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 177-180.

ВИННИЧЕНКО Олег Юрьевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Кемеровского государственного университета

СТЕПАНОВА Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и административного права Кемеровского государственного университета

СВЯТКИН Сергей Иванович

старший преподаватель кафедры государственного и административного права Кемеровского государственного университета

МАКСИМОВ Алексей Олегович

старший преподаватель кафедры государственного и административного права Кемеровского государственного университета

СОВЕТСКАЯ ПРОКУРАТУРА И СИСТЕМА НАДЗОРА ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ В 1930-Х - 1950-Х ГГ.

В настоящей статье проведено исследование деятельности следственных органов в структуре Прокуратуры Союза ССР в нач. 1930 – кон. 1950-х гг. Характеризуются положительные и негативные последствия передачи народных следователей в состав прокуратуры. Оценивается результативность прокурорского надзора за следствием и дознанием по уголовным делам. Дается характеристика роли прокурорских учреждений и следователей прокуратуры в реализации внутренней политики СССР рассматриваемого периода.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, народные суды, народные следователи.

VINNICHENKO Oleg Yurjevich

Ph.D. in Law, professor of International law sub-faculty of the Kemerovo State University

STEPANOVA Natalya Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of State and administrative law sub-faculty of the Kemerovo State University

SVYATKIN Sergey Ivanovich

senior lecturer of State and administrative law sub-faculty of the Kemerovo State University

MAKSIMOV Aleksey Olegovich

senior lecturer of State and administrative law sub-faculty of the Kemerovo State University

SOVIET PROSECUTOR'S OFFICE AND THE SYSTEM OF SUPERVISION OVER THE ACTIVITIES OF INVESTIGATION AND CRIMINAL INQUIRY BODIES IN THE 1930S - 1950S

In this article, a research was made of the activities of the investigating authorities in the structure of the Prosecutor's Office of the USSR in the early 1930 – late 1950s. The positive and negative consequences of the transfer of people's investigators to the prosecutor's office are characterized. The effectiveness of prosecutorial supervision over the investigation and inquiry in criminal cases is assessed. The role of prosecutorial institutions and investigators of the prosecutor's office in the implementation of the internal policy of the USSR in the period under review is given.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision, people's courts, people's investigators.

Середина 1920-х гг. представляла собой рубежный этап развития российской государственности, заключавшийся в завершении процессов институционализации большевистского государственно-партийного режима. Особенности этого этапа не могли не отразиться на состоянии советской правоохранительной системы, в том числе новой модели прокурорского надзора и следственном аппарате. От упразднения профессиональной прокуратуры и следствия, и передачи их полномочий в руки трудящихся масс большевистская элита приходит к выводу о необходимости воссоздания системы прокурорского надзора, сочетающей в своих руках функции общего и судебного надзора, а также поддержки обвинения на судебных процессах по уголовным делам [1, с. 607]. При этом, в какой-то степени, руководство страны использовало опыт дореволюционной прокуратуры, «...тягавшейся за первенство в системе правосудия с судом, подчинившей себе следователей...» [2, с. 278].

Отметим при этом, что в дореволюционном правосудии формальная независимость следствия в лице института

судебных следователей все же сохранялась. Большевистское же руководство покончило с ней окончательно. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 г. следственный аппарат повсеместно и полностью был передан прокуратуре¹. Передача следователей из суда в прокуратуру произошла и в других союзных республиках. Военные следователи передавались органам прокуратуры согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 30 января 1929 г.²

В масштабе СССР передача следователей в полное подчинение органам прокуратуры завершена в 1929 г., когда было издано постановление Президиума ЦИК СССР от 12 апреля 1929 г. о переводе следственной части Верховного Суда СССР в ведение и штаты Прокуратуры Верховного суда СССР [3, л. 44]. Следует при этом отметить, что до 1936 г. прокурорско-следственные органы входили в состав наркоматов юстиции союзных республик. Согласно постановлению ЦИК

1 Собрание Узаконений РСФСР. 1928. № 117. Ст. 733.

2 Свод Законов СССР. 1929. № 73. Ст. 106.

и СНК СССР от 20 июля 1936 г. органы прокуратуры выделяются из системы НКЮ и передаются в подчинение.

Назначение и увольнение народных следователей производилось прокурором, но согласно утверждению губернского исполнительного комитета. Старшие следователи назначались в соответствии с постановлением НКЮ. Следователи по важнейшим делам прокуратур республик назначались и увольнялись прокурорами республик.

После передачи в прокуратуру бывших судебных следователей прокуратуры стали осуществлять не только процессуальное, но и служебное руководство ими, нести всю полноту ответственности за следственную работу. Это побуждало прокуратуру целенаправленно проводить меры методологического характера, организовывать школы по повышению профессионального мастерства, искать новые приемы и методы следственной работы, создавать необходимые условия материально-технического обеспечения.

Вместе с тем нагрузка следователей возросла, ибо прокуроры, особенно районные, зачастую рассматривали следователей как своих помощников. Подобная практика получила широкое распространение еще в годы коллективизации сельского хозяйства. В этот период были упразднены прокурорские участки в опытно-показательных округах, на селе оставались следственные участки. Функции расследования и прокурорского надзора возлагались на следователя, который общался с окружной прокуратурой по почте.

Например, в Армавирском округе следователи являлись единственными представителями правоохранительных органов на селе. Кроме следственной работы, в их обязанности входило участие во всех проводимых советской властью кампаниях. Следователям поручалось реагирование на «все извращения классовой линии при проведении работы на местах, выявление сопротивления кулачества, вскрытие всевозможных злоупотреблений, расхлябанности, бездействия должностных лиц и т. п.». Помимо прочего на следователя возлагались общенадзорные функции, как-то: обследование сельхозтовариществ с целью соблюдения правильности распределения сельхозкредита, предназначенного для бедноты, проверка состояния задолженности по всем видам крестьянских платежей путем расследования сельсоветов, кооперативных и других организаций; контроль за работой заготовительного аппарата по вопросам своевременной отгрузки хлеба; принятие мер к выявлению и ликвидации задолженности по госстрахованию. На следователей возлагалась обязанность собирать для прокуратуры области сведения о количестве кулацких хозяйств, оштрафованных за не вывоз хлеба (все данные требовалось представлять по каждому населенному пункту) и др. [4, с. 25]. Нетрудно представить, что у следователей не хватало времени для выполнения своих, чисто следственных функциональных обязанностей; следователи сами должны были определять полноту следствия по делам, находящимся в их производстве, давать оценку принимаемым процессуальным решениям, ибо прокурорский надзор отсутствовал.

В то же время в документах Прокуратуры РСФСР в 1930 г. указывалось на необходимость повышения самостоятельности и ответственности следователей, восстановления надзора за дознанием и возложения его на прокуроров.

В октябре 1930 г. Прокурор РСФСР в своем письме, наконец, обратил внимание на то, что самим следователям прокуратуры было прекрасно известно: многие территориальные органы прокуратуры де-факто превратили следователя в помощника прокурора, причем не только в сфере предвари-

тельного следствия, но и в области общего и судебного надзора. Вслед за данным письмом, заканчивавшимся разъяснением прописных истин о том, что на следователя априори возлагаются лишь вопросы организации борьбы с уголовными преступлениями и, соответственно функции руководства дознанием и собственно следствия, последовало еще одно письмо. В нем руководитель республиканской прокуратуры потребовал осуществить еще большую «разгрузку» следователей, исключив из их ведения вопросы надзора за дознанием. Формально этот вопрос был разрешен спустя три года, и соответствующие обязанности были возложены на прокуроров. Однако попытки последних привлечь следователей к работе, не имеющей отношения к производству предварительного следствия, продолжались не только в довоенные, но и в послевоенные годы, особенно в районных прокуратурах, в которых не было помощника прокурора.

В июле 1933 г. прошла Первая Всероссийская конференция следователей, которая носила в основном учебный характер. На ней обсуждались многие проблемы следователей, работающих на периферии. Отмечалось, что условия работы следователей явно неудовлетворительны, со стороны местных органов и прокуратуры наблюдается недооценка их положения. Выступающие обращали внимание на то, что борьба за авторитетного и самостоятельного следователя ведется крайне слабо, материально-бытовые условия для следователей нуждаются в решительном улучшении. Отдельные следователи высказывали мнение о ликвидации института следователей прокуратуры и передаче всего расследования милиции [5, с. 34].

Передача судебных следователей в прокуратуру повлекла еще одно негативное явление: существенные ограничения процессуальной самостоятельности следователя.

Закон (статья 96 УПК РСФСР) предоставлял следователю право самому решать вопрос о возбуждении дела. Однако указанием Прокуратуры СССР в 1934 г. было установлено обязательное утверждение прокурором постановления о возбуждении дела. Указания Прокуратуры СССР требовали от прокуроров утверждать также постановления следователей о приостановлении или прекращении уголовных дел. Даже планы расследования подлежали утверждению прокурором.

Обосновывалось это необходимостью своевременного выявления и предупреждения нарушений закона [6, л. 122].

В предвоенные годы Прокуратура СССР, прокуратуры союзных республик и областей постоянно и настойчиво требовали от нижестоящих прокуроров улучшать качество следствия; ответственность за недостатки следствия и волокиту возлагалась прежде всего на прокурора, а потом уже на следователя. Прокуроры стали осуществлять мелочную опеку над следователями, нарушая их процессуальную самостоятельность [7, л. 202-206].

В 1936 г. в аппаратах прокуратур союзных республик были образованы следственные отделы, на которые возлагалось решение вопросов организации следственной работы, оказание методической помощи следователям, изучение и распространение опыта работы. Следственные отделы стали центром организации следственных подразделений и прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений.

Прокуроры и следователи на всех этапах истории Советского государства выполняли важнейшую функцию охраны граждан и общества от преступных посягательств, привлечения преступников к уголовной ответственности. Разумеется, как работники государственного аппарата они не могли про-

тивостоять карательной политике, провозглашенной правительственными и партийными директивами и воплощающей «учение об обострении классово-борьбы в процессе социалистического строительства».

В настоящее время трудно судить, насколько каждый из них был в то время убежден в необходимости и справедливости массовых репрессий в период коллективизации, суровых наказаний за незначительные хищения по законам 1932 и 1947 гг. Вместе с тем сохранились материалы о принципиальности работников прокуратуры в деле обеспечения подлинной законности.

Так, в январе 1933 г. в прокуратуру Шмаковского района Приморского края поступило сообщение о нарушениях законности председателем райисполкома Вакориным. Следователь Кочубейкин по поручению прокурора возбудил уголовное дело и установил, что в селе Тюхменево по указанию Вакорина у единоличников, не выполнивших план хлебозаготовок, было изъято все имущество, включая одежду, белье, постельные принадлежности. Изъятое погрузили в сани и в назидание другим возили по селу. Секретарь райкома партии Лапшин взял под защиту Вакорина и предложил прекратить уголовное дело. По представлениям райпрокуратуры и облпрокуратуры Вакорин и Лапшин были отстранены от работы, исключены из партии, а затем осуждены областным судом [8, с. 14].

Активную работу по надзору за соблюдением законов органами дознания осуществляли прокуратуры многих республик, краев, областей РСФСР. Прокуроры, выявляя нарушения в деятельности ОГПУ, милиции, уголовного розыска, добивались их устранения. Они подчас обращались за помощью в центральные органы. Отмечалось немало случаев, когда прокуроры были бескомпромиссны в отстаивании законности и при осуществлении других надзорных функций.

Например, прокурор Красногвардейского района Москвы в октябре 1938 г. проверил КПЗ 26-го отделения милиции и выявил, что в камере при лимите содержания 15 человек находилось 42. Арестованным не было места для сна даже на полу, часть из них спали в коридоре камер. В баню их не водили месяцами, не брили. Питание, как отмечал прокурор в представлении, было ужасное, а передач от родственников дежурные не принимали. На документе прокурора имеются различные резолюции об устранении нарушений.

Прокурор Бурят-Монгольской автономной республики Гросс сообщил в мае 1934 г. Прокурору СССР о массовых нарушениях законности органами ГПУ и милиции. Он писал, что при каждом посещении КПЗ Кяхтинской и Кабанской милиции обнаруживал десятки содержащихся там граждан, в отношении которых нет ни уголовных дел, ни постановлений на арест. Сообщалось также, что в городской милиции сотни дел расследуются с нарушением сроков расследования, значительная их часть без продления сроков следствия лежит без движения свыше 6 месяцев, установлены факты необоснованных арестов председателей, бригадиров и колхозников. В районных отделах милиции без всяких на то оснований находятся люди, имеющие подписку о невыезде.

В Закаленском отделе милиции арестованных содержат в исключительно тяжелых условиях, т. е., люди спят и едят на голом полу, задержанные находятся в арестантском помещении неделями [9, л. 153].

В августе 1936 г. по представлению прокурора Юсьвинского района Свердловской области облпрокуратура опротестовала постановление президиума райисполкома. Согласно этому постановлению райпрокурору предлагалось «заклю-

чить под стражу как врага народа председателя колхоза Кылосова, в трехсуточный срок оформить следствие и провести судебный показательный процесс». Исполком обвинял «врага колхозного производства» Кылосова в том, что он сознательно не выполнил план хлебозаготовок, оставив в колхозе «под предлогом семенного фонда» 109 центнеров зерна и нарушив, тем самым, «постановление правительства и Сталинский устав сельхозартели». Постановление было отменено [10, л. 145].

Встречались и прокуроры, которые отступали от принципиальных позиций, поддавались давлению со стороны ОГПУ и милиции.

При плановом обследовании работы транспортной прокуратуры на Донецкой и Юго-Восточной железных дорогах в апреле 1934 г. заместитель Главного транспортного прокурора Прокуратуры СССР Миронов обнаружил грубое нарушение законности в Дебальцевском и Лиховском районах. Прокуроры этих районов Свитенко и Федосеев самоустранились от своих обязанностей. Они не направляли следствие, не осуществляли надзор, лишь безотказно штамповали ордера транспортных органов ГПУ о производстве обысков, постановлений на арест. Прокуроры ограничивались просмотром докладных записок, исходящих от сотрудников этих органов, без ознакомления с материалами уголовных дел. При проверке камер задержанных оказалось, что 40 % содержащихся в них граждан арестованы необоснованно. Все они были освобождены проверяющими, а прокуроры районов из органов прокуратуры уволены [11, л. 22].

При оценке роли прокуратуры в преступных репрессиях против советских людей необходимо учитывать, что подавляющее большинство прокуроров были полностью отстранены от надзора за законностью деятельности органов ОГПУ – НКВД по делам о так называемых контрреволюционных преступлениях. Те же немногие из прокурорских работников, которые были допущены к такого рода делам, не имели реальной возможности использовать всю полноту надзорных полномочий. Разумеется, эта сторона деятельности прокуратуры нуждается в специальном изучении, глубоком анализе архивных материалов, которые пока недоступны для исследования.

Ясно одно. Истории известны многочисленные имена сотрудников прокуратуры, поплатившиеся за проявленные в годы репрессивной политики принципиальность и мужество. Среди них оказался и Прокурор СССР И. А. Акулов.

Отдельной характеристики заслуживает прокурорский надзор за расследованием общеуголовных преступлений. Его оптимизации в рассматриваемый период способствовали организационные мероприятия прокуратур Союза ССР, РСФСР и других союзных республик.

Прокуратура Харьковской области, реализуя рекомендации приказа Прокуратуры СССР от 23 августа 1938 г. об улучшении надзора горрайпрокуроров по уголовным делам, организовала проверку состояния прокурорского надзора. В Харьков были вызваны 26 следователей с отчетами о состоянии расследования преступлений; прокуратуры четырех районов проверялись с выездом на места. Выяснилось, что районные прокуроры по всем расследованным делам давали письменные указания и контролировали ход их исполнения.

При проверках следственных участков прокуроры помимо изучения уголовных дел и дачи по ним указаний обращали особое внимание на основания возбуждения дел, причины возвращения дел на доследование, практику привлечения к уголовной ответственности [12, л. 54-55].

Великая Отечественная война потребовала перестройки всей прокурорской деятельности на военный лад. В этот период основные усилия прокуроров были направлены на решение вопросов, связанных с укреплением тыла, обеспечением надзора за исполнением законов военного времени, соблюдением общественного порядка и трудовой дисциплины. Особое значение придавалось своевременному расследованию дел о хищениях социалистического имущества, о дезертирстве, о нарушениях трудовой дисциплины.

Следственный аппарат органов прокуратуры на транспорте (железнодорожном, водном) был реорганизован в военный. В районах военных действий и в местностях, объявленных на военном положении, а также на железнодорожном и водном транспорте была расширена подследственность военных следователей. По ряду правонарушений, по которым возбуждались дела, устанавливался упрощенный порядок предварительного следствия [13, с.156-159].

Прокурор СССР приказом № 304 от 31 июля 1942 г. «Об усилении надзора районных прокуроров за следствием» обязал прокуроров городов и районов организовать строжайший учет всех следственных дел и ежемесячно (первого числа каждого месяца) производить проверку дел, оставшихся незаконченными в производстве следователей или помощников прокуроров. Наиболее действенной формой надзора за следствием признавалось непосредственное участие прокурора в производстве следственных действий. От прокуроров требовалось неуклонно соблюдать компетенцию органов следствия и дознания. На этот счет был издан также приказ Прокуратуры СССР № 42 от 16 февраля 1944 г.

Выявляя различные нарушения, допускаемые органами дознания и следователями, прокуроры немедленно пресекали их, добивались устранения дефектов следствия, стояли на твердых позициях соблюдения уголовно-процессуальных норм, защиты прав и интересов граждан. Прокуроры и следователи выявляли немало фактов злоупотреблений в распределении продовольственных карточек, хищений государственных средств в заготовительных предприятиях; активно боролись со спекулянтами.

Успешному осуществлению прокурорского надзора за расследованием способствовало, в частности, письмо Прокуратуры РСФСР от 4 апреля 1942 г. «О работе органов прокуратуры РСФСР по борьбе со спекуляцией» [14, л. 26]. В письме отмечалось, что большое количество дел из-за плохо произведенного расследования возвращается на доследование, прокуроры зачастую не оказывают необходимой помощи в расследовании дел этой категории, а ограничиваются поверхностным просмотром представленных материалов, не дают указаний по выявлению источников приобретения товаров и продуктов [14, л. 27].

Имелись факты и необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности за спекуляцию. Прокуроры на это остро реагировали.

Например, в Чувашии привлекли к уголовной ответственности за спекуляцию А. Лысева. «Вина» его состояла в том, что летом 1941 г. он заготовил для личных нужд дрова, а осенью часть дров продал, чтобы вырученные деньги от продажи внести государству в качестве налога. Лишь вмешательство прокурора автономной республики предотвратило его неосновательное предание суду [14, л. 29].

В послевоенный период перед прокурорским надзором за следствием и дознанием встали новые задачи, связанные с восстановлением и развитием разрушенного войной народного хозяйства.

На состояние прокурорского надзора существенное влияние оказывали требования приказов и указаний Генерального прокурора СССР. На первый план выдвигались задачи быстрого и качественного расследования уголовных дел. На этот счет Прокуратурой СССР были изданы, например, такие приказы, как: «Об усилении контроля за сроками расследования дел» от 13 июля 1948 г. и «Об устранении фактов волокиты в расследовании уголовных дел» от 31 августа 1956 г. Сокращение сроков расследования рассматривалось одной из важнейших задач органов прокуратуры, определявших эффективность борьбы с преступностью.

В первые послевоенные годы в ряде регионов прокуроры районов и городов при осуществлении надзора за следствием и дознанием испытывали давление со стороны партийных и советских органов, требовавших идти на нарушение законности, ущемление прав трудящихся ради выполнения планов.

В обзоре Прокуратуры СССР о работе органов прокуратуры в области сельского хозяйства за 1946 г. отмечалось, что «практика деятельности правоохранительных органов знает немало случаев, когда местные партийные и советские органы не создают устойчивого руководящего ядра в колхозах, добиваются путем нажима на прокуроров привлечения к уголовной ответственности председателей колхозов даже тогда, когда они по неопытности не оправлялись со своими обязанностями, не совершая преступления» [15, л. 32].

Несмотря на требования правительственных органов об ужесточении борьбы за сохранность урожая, прокуроры областей не допустили огульного привлечения сельхозактива к уголовной ответственности. По значительному количеству материалов, представляемых из районов для получения согласия на привлечение «ответственности работников сельхозактива, они отказывали в возбуждении уголовного дела.

Так, в 1946 г. по РСФСР прокуроры краев и областей не согласились с возбуждением дел по 42 % материалов, по УССР – 34 %, Белорусской ССР – 22 %, Армянской ССР – 23 %, Азербайджанской ССР – 28 %, Грузинской ССР – 17 %, Киргизской ССР – 10 %, Туркменской ССР – по 12 % [16, л. 23].

Только один пример. Прокурор Сухобузимского района Красноярского края под давлением райкома партии представил на санкцию материал в отношении председателя колхоза «Борьба» Иванченко, который продал на рынке после выполнения плана хлебозаготовок 150 кг. овса. За вырученные деньги колхоз купил для нужд артели инструменты и мешкотару. Крайпрокурор отказал в санкциях.

В 1946 г. прокуратурой Орловской области в 19 районах было установлено 109 случаев незаконных задержаний и избиений колхозников и председателей колхозов за неуплату налогов, несвоевременный сев, отказ от сверхнормативных поставок сельхозпродукции и т. п.

Например, по требованию первого секретаря Ливенского райкома партии Сафонова начальник милиции арестовал председателя колхоза Ефанова за не сдачу излишков зерна. Прокурор района освободил его из-под стражи. Орловский облисполком и обком партии на произвол райкомов и исполкомов не реагировали. Генеральный прокурор СССР П. Горшенин сообщил об этом в ЦК ВКП (б). 39 человек, виновных в нарушении законности, были привлечены прокуратурой Орловской области к уголовной ответственности [17, л. 5].

Отметим при этом, что в качестве гарантии реализации законных прав и интересов граждан, деятельность учреждений прокуратуры в сфере надзора за следственными органами в полном объеме проявила себя в период «оттепели»

сер. 1950-х – 1-й пол. 1960-х гг. В то же время, именно в этот период впервые наиболее очевидно проявляет себя особенность организационного несовершенства самой советской модели института следствия, затруднявшая эффективную реализацию функции прокурорского надзора. В соответствии с новыми узаконениями в сфере процессуального законодательства³ представители следствия, помимо территориальных прокуратур, работали в органах государственной безопасности, а также в структуре транспортной и военной прокуратуры. Примечательно, что руководство Генеральной Прокуратуры осознавало эту проблему. Ничем другим нельзя было бы объяснить принятое в 1960 г. решение о ликвидации следственных органов транспортной прокуратуры [18, с. 65]. Однако еще спустя 17 лет, 28.02.1977 г. эта система прокурорского надзора была восстановлена в полном объеме, с прежними полномочиями, включая функцию предварительного следствия по делам об уголовных преступлениях на транспорте [19, с. 219].

Сказанное выше обнаруживает проблему, остававшуюся неразрешенной в течение всего рассматриваемого периода – отсутствие единой системы следственных органов. Более того, со временем данная проблема приобрела еще большую остроту. Помимо следственных подразделений КГБ при Совете Министров СССР, в 1950-е гг. подразделения предварительного следствия были созданы в МВД, что породило в 1957 г. настоящую дискуссию о месте следственного аппарата в структуре государственных органов (в прокуратуре или в МВД, органах юстиции, при судах). Эта дискуссия продолжалась и в начале следующего десятилетия и закончилась формальным выводом о необходимости создания единого следственного аппарата в органах прокуратуры. Однако окончательное решение директивных инстанций, диктуемое соображениями в основном материального характера (увеличение числа следователей в прокуратуре требовало дополнительных ассигнований), было иным. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 г. органы внутренних дел были наделены правом производства предварительного следствия [20, с. 181]. В республиках, краях, областях, крупных городах создавались следственные управления, отделы, отделения МВД. Образовывались курсы по переподготовке следователей, и специальные учебные заведения по подготовке руководителей следственных подразделений. В МВД РСФСР функционировало самостоятельное следственное управление, а в следственных отделах прокуратур республик, областей, городов и районов выделялись специальные прокуроры для осуществления надзора за следствием и дознанием в органах внутренних дел.

Фактическим результатом сложившейся практики стало формирование к сер. 1960-х гг. трех самостоятельных следственных аппаратов – в органах прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности, что далеко не всегда в лучшую сторону влияло на эффективность института следствия по уголовным делам.

Пристатейный библиографический список

1. История суда и правосудия в России: в 9 т. / Отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. – Т. 6: Судостроительство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917-1920 годы): монография / В.М. Сырых. – М., 2021.
2. Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, милостивый и равный для всех. – М., 2014.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 8131 – Прокуратура СССР. Оп. 6. Д. 71.
4. Еженедельник советской юстиции. 1929. № 45.
5. Еженедельник советской юстиции. 1933. № 15.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 8131 – Прокуратура СССР. Оп.15. Д. 67.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 8131 – Прокуратура СССР. Оп.14. Д. 77.
8. Советская юстиция. 1933. № 19.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 8131 – Прокуратура СССР. Оп.11. Д. 21.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 8131 – Прокуратура СССР. Оп.14. Д. 90.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 8131 – Прокуратура СССР. Оп.11. Д. 196.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 8131 – Прокуратура СССР. Оп.16. Д. 66.
13. Советское право в период Великой Отечественной войны. – Ч. II. – М., 1948.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 461 – Прокуратура РСФСР. Оп. 12. Д. 4.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 8131 – Прокуратура СССР. Оп. 24. Д. 358.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 8131 – Прокуратура СССР. Оп.24. Д. 350.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 8131 – Прокуратура СССР. Оп.2. Д. 214.
18. Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 10.
19. Советская прокуратура. Сборник документов. – М., 1981.
20. Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. №16.

³ Речь идет об Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (1958 г.) и Уголовно-процессуальных кодексах союзных республик (1959–1961 гг.) [Прим. авторов].

ЗАВУРБЕКОВ Фаридун Завурбекович

преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Завурбеков Ф. З.

СУДЕБНЫЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ОСМАНСКОГО ЕГИПТА В КОНЦЕ XVII НАЧАЛЕ XVIII ВВ.

В статье анализируется структура и особенности функционирования судебных и правоохранительных органов османского Египта в конце XVII-начале XVIII вв. Рассматривается работа органов государственной власти, обладавших судебными полномочиями. Выделяются традиционный для исламского общества шариатский суд во главе с кадием, диван ал-Алли во главе с губернатором Египта и диван Хумаюн, расположенный в столице Османского государства. Исследуется деятельность правоохранительных органов: хисба, янычара Ага и начальника полиции (вали). Указывается, что полномочия судебных органов, органов полиции не нашли четкого юридического закрепления в правовых нормах, что приводило к конфликту юрисдикций. Отмечается институционализированность и иерархичность судебной и правоохранительной системы османского Египта.

Ключевые слова: Османский халифат, судебная система, шариатский суд, диваны, исламское право, Египет, Каир.

ZAVURBEKOV Faridun Zavurbekovich

lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy National Research Nizhny Novgorod State University

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF OTTOMAN EGYPT OF THE LATE 17TH AND EARLY 18TH CENTURIES

The article analyzes the structure and features of the functioning of the judicial and law enforcement agencies of Ottoman Egypt in the early 17th -late 18th centuries. The work of public authorities who had official powers is considered. The Sharia court, which is traditional for Islamic society, headed by Qadi, the divan al-Alli, headed by the governor of Egypt, and the divan Humayun, located in the capital of the Ottoman state, stand out. The activity of law enforcement agencies is investigated: hisba, janissary Aga and the chief of police (wali). It is indicated that the powers of the judiciary and the police did not find a clear legal consolidation in the legal norms, which led to a conflict of jurisdictions. The institutionalization and hierarchy of the judicial and law enforcement system of Ottoman Egypt is noted.

Keywords: Ottoman Caliphate, judicial system, Sharia court, diwans, Islamic law, Egypt, Cairo.

Компетенции судебных и правоохранительных органов османского Египта конца XVII - нач. XVIII вв. в некоторой степени были закреплены правовых нормах свода законов Османского халифата «Канун-наме». На практике суд не был отделен от администрации и представлял собой сложную систему пересекающихся юрисдикций. Вместе с тем имеются свидетельства высокой степени институализации судебных учреждений. Источники сообщают, что благодаря османам в Египте был относительно четко выстроен административно-судебный аппарат. [2, с. 15] В его основе располагались традиционные исламские шариатские суды, действовали трибуналы каирского губернатора (диван аль-Алли), и имперского совета (диван Хумаюн). Правоохранительные органы были представлены в лице хисба (инспектор рынка), начальника полиции (вали) и янычара Ага.

Наиболее распространенным судебным органом в Египте XVII-XVIII вв. являлся шариатский суд. По оценкам исследователей в столице их насчитывалось не менее пятнадцати. [5, с. 33] Большая часть судейского корпуса не имела собственных помещений, поэтому судопроизводство допускалась в мечетях. [5, с. 34].

Осуществляя правосудие, шариатские суды руководствовались общеисламскими источниками права – Кораном и Сунной. Кроме того, вассалитет от Османского халифата привносил в иерархию источников также и османские «конуны» (до XVII в. они обладали высшей юридической силой). Менее важным источником признавались местные обычаи, не противоречащие нормам шариата и конунам.

Главой шариатских судов Египта являлся главный судья (кадий ал-кудат) Каира, занимавший в иерархии судебных чиновников (ильмие) стран также позицию «старшего судьи халифата». Срок службы его был недолгим, обычно до двух лет. Он назначал нижестоящих шариатских кади из числа местных жителей-приверженцев одной из правовых школ шафиитов, маликитов, ханбалитов и ханафитов [10]. Исследователи отмечают, что кандидат на пост главного судьи должен был соответствовать определенному образовательному и культурному цензу, а региональное, этническое или языковое происхождение не имело значения. Члены судебной иерархии ильмие, в которую, как отмечалось, входил кадий аль-кудат, проходили обучение в имперских медресе, где приобщались к культуре правящей элиты [12, с. 158].

Обязательными атрибутами шариатского суда османского Египта являлись писцы и свидетели (шухуд). Основная обязанность писца заключалась в регистрации судебного разбирательства в судебном реестре, а также направление повесток (худджа) сторонам спора. Важная роль писца обуславливалась внесудебными функциями шариатского суда, в которые входило нотариальное заверение гражданско-правовых договоров [5, с. 72]. Судебные свидетели, известные как «шухуд аль-ал» или «шухуд удул», занимали эту позицию официально. Их роль заключалась надзоре и наблюдении за ходом и законностью судебного процесса [14, с. 62]. В этом смысле они отличались по функциональному назначению от института очевидцев (шахид), которые давали показания в поддержку претензий сторон.

Помимо судов шариата, египтяне также имели доступ к совету османского губернатора, известному как диван аль-Алли [1, с. 134]. Исследователи описывают этот орган как консультативный совет, на котором губернатор Египта и его многочисленная свита обсуждали вопросы государственного значения, таких как бюджет страны, защита паломников и обсуждение распоряжений имперского правительства [5, с. 39]. Кроме того, на диван были возложена функция разрешения споров между жителями, что делало его аналогом «мазалим» или «сияса» в других мусульманских странах. В Османской империи эта функция была также реализована в полномочиях общеимперского совета (диван Хумаюн).

Диван аль-Алли возглавлял губернатор, заместитель губернатора и кади. Каирским шариатским судам был присущ некоторый плюрализм, обусловленных допуском к рассмотрению судебных дел представителей не только официальной правовой школы ханбалитов, но также и маликитов, шафитов, ханафитов [6, с. 120]. Как и в шариатских судах, на слушаниях в качестве наблюдателей и свидетелей присутствовала группа авторитетных лиц. Заседания дивана проходили в официальной резиденции египетского губернатора. Как выражение власти суверена, диван аль-Алли в Каире был провинциальным аналогом дивана Хумаюн в Стамбуле [3, с. 337].

Доступ к правосудию египтянами также осуществлялось посредством прямого письменного обращения к османскому халифу посредством дивана Хумаюн, де-факто возглавляемого Великим визирем) [9, с. 450]. Собрания дивана Хумаюн проходили во дворце правителя, в комнате, примыкающей к гарему. Рассмотрение петиций и жалоб, [11, с. 153] в отличии от судебно-административных органов провинций, личного присутствия заявителей. Решения часто, хотя и не всегда, передавались должностным лицам на местах.

Ученые отмечают, что предметом большинства жалоб являлись сообщения о злоупотреблениях провинциальных чиновников. Иные петиции касались гражданско-правовых споров [5, с. 48].

Таким образом, в конце семнадцатого и начале восемнадцатого веков, в целях защиты своих прав египтяне могли обратиться в один из многочисленных шариатских судов, в высший исполнительный орган Египта диван аль-Алли во главе с губернатором. Если последний допускал волокиту, то истцы могли обратиться с петицией к султану в диван Хумаюн. По вопросам, связанным с рыночной торговлей и мелкими преступлениями, они могли обратиться в правоохранительные органы.

Суды шариата, диван аль-Алли и диван Хумаюн играли ограниченную роль в преследовании и наказании преступников, поскольку рассмотрение уголовных дел не являлось их специализацией. Предварительное расследование осуществляли военно-полицейские чиновники. В их компетенцию входило задержание правонарушителей, профилактика преступлений, надзор за рынками, обеспечение общественной безопасности на улицах Каира. Сочетание подобных полномочий соответствовало средневековой исламской традиции «хисба», которую в большинстве средневековых государств контролировал сахиб ал-хисба [13, с. 32]. Однако, как отмечает американский исследователь Болдуин Д., в период османского владычества часть полномочий хисба была передана другим военно-полицейским чиновникам: янычару Аге и начальнику полиции (известному как «вали»).

Общая тенденция в конце XVII и начале XVIII вв. заключалась в том, что янычар Ага добился наибольшего объема властных полномочий среди конкурентов, сосредоточив в руках обязанность по надзору за рынками города, чиновниками и общественным порядком.

Обязанности сахиб аль-хисба к 1742 году сократились до регулирования и сбора налогов со специализированных рынков [15, с. 118]. Надзор за продажей древесины, соли, верблюдов, изготовлении седел и кондитерских изделий, а также развлекательный бизнес находился в компетенции начальника полиции, который также регулировал и облагал налогами представителей «низменных» или сомнительных, с исламской точки зрения, профессий, включая работниковцев, уличных фокусников, дворников, нищих и проституток [15, с. 120].

Как и янычар Ага, начальник полиции проводил задержания и массовые казни мятежников и бунтовщиков [8, с. 169]. Кроме непосредственно полицейских функций начальник полиции отвечал за противопожарную безопасность и охрану официальных лиц.

Как отмечает Болдуин Д., в связи с тем, что в Канун-наме четко не очерчивалась сфера компетенций полицейских органов, в определенной степени юрисдикция конкретного должностного лица нередко устанавливалась им самим [5, с. 52].

В целом, правовой уклад османского Египта характеризуется двумя важными особенностями: во-первых, в нем проявлялся определенный плюрализм. К судопроизводству имело доступ большинство населения: последователи мусульманских (ханбализма, шафиизма, маликизма, ханафизма) и немусульманских правовых школ (христиан и иудеев); во-вторых, османско-египетские судебные и правоохранительные органы были выстроены в некое подобие иерархии, а их полномочия не были четко закреплены в правовых актах, что приводило к конфликту юрисдикций.

Пристатейный библиографический список

1. Байрамов А. Г. оглы. Эволюция формы турецкого государства (XIII-XX вв.): историко-правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Байрамов Асим Гамдий оглы; [Место защиты: Ин-т государства и права РАН]. - Москва, 2011. - 253 с.
2. Зеленев Е. И. Государственное управление Египтом и Сирией в османский период в XVI - начале XX в.: Принципы и основные тенденции: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.03 Санкт-Петербург. гос. ун-т. - Санкт-Петербург, 2000. - 48 с.
3. Льюис Бернард «Диван-и Хумаюн» Энциклопедия ислама, новое издание, том II: С – G. - Лейден:1965. - С. 337-339.
4. Atçıl, Abdurrahman: "The Formation of the Ottoman Learned Class and Legal Scholarship (1300-1600)". Ph.D. diss., University of Chicago, 2010.
5. Baldwin J. E. Islamic Law and Empire in Ottoman Cairo.: Edinburgh University Press, 2017.
6. Baldwin J. E., Islamic law in an Ottoman context: Resolving disputes in late 17th/early 18th century Cairo. Ph.D. dissertation, New York University 2010.
7. Creelius D., Bakr A. al-Wahhab. Al-Damurdashi's Chronicle of Egypt 1688-1755: Al-Durra Al-Musana Fi Akhbar Al-Kinana. Translated and Annotated: 2. - Leiden: Brill, 1991. - 425 p.
8. Creelius D., Bakr A. al-Wahhab. Al-Damurdashi's Chronicle of Egypt 1688-1755: Al-Durra Al-Musana Fi Akhbar Al-Kinana. Translated and Annotated: 2. - Leiden: Brill, 1991. - 425 p.
9. Finkel C. Osman's Dream: The History of the Ottoman Empire. - New York: Basic Books, 2007. - Вып. 3.25.07 edition. - 674 p.
10. Galal H. El-Nahal. The Judicial Administration of Ottoman Egypt in the Seventeenth Century. Minneapolis. -Chicago: Bibliotheca Islamica, 1979.
11. Imber C. The Ottoman Empire, 1300-1650: The Structure of Power. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2009. Second edition. 428 p.
12. Inalcik H. The Ottoman Empire; The Classical Age, 1300-1600. London: Weidenfeld and Nicholson, 1973. - Вып. First edition. - 258 p.
13. Michael C. Commanding right and forbidding wrong in Islamic thought. - Cambridge University Press. Cambridge, 2000. - P. 32-47.
14. Schull Kent F., et al., editors. Law and Legality in the Ottoman Empire and Republic of Turkey. - Indiana University Press, 2016. - 304 p.
15. Shaw S. J. The Financial and Administrative Organization and Development of Ottoman Egypt 1517-1798.: Princeton University Press, 1962. 1st ed. edition. - P. 118-120.

ЗЕЙНАЛОВА Тарана Камил гызы

доцент кафедры теории и истории государства и права Бакинского Государственного Университета, Азербайджанская республика

УТОПИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ВОЗЗРЕНИЯХ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

В статье исследуются общественно-политические идеи великого азербайджанского философа и мыслителя XII века Низами Гянджеви, богатое творческое наследие которого вошло в золотой фонд мировой литературы; характеризуется эволюционный процесс развития его взглядов на формы государства – от проповеди просвещенной монархии до народовластия. В центре внимания находятся взгляды мыслителя об утопическом государстве, видение Низами идеального государства, жизнедеятельности его граждан, характеристика общественного строя.

Ключевые слова: эпоха Ренессанса на Востоке, творческое наследие Низами, эволюция социально-политических идей Низами, форма просвещенной монархии, народовластие, утопия Низами.

ZEYNALOVA Tarana Kamil gyzy

associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baku State University, Republic of Azerbaijan

UTOPIAN STATE IN NIZAMI GANJAVI'S VIEWS

The article deals with the social and political ideas of the great Azerbaijani philosopher and thinker of the XII century Nizami Ganjavi whose rich creative heritage was included in the golden fund of world literature; the evolutionary process of the development of his views on forms of state is characterized - from the preaching of an enlightened monarchy to democracy. The thinker's views on the utopian state, Nizami's vision of an ideal state, the life and activities of its citizens, characteristics of the social system are the focus of attention.

Keywords: Renaissance in the East, Nizami's creative heritage, evolution of Nizami's social-political ideas, form of enlightened monarchy, democracy, Nizami's utopia.

Расцвет науки и культуры на всем Востоке в XI – XII вв. справедливо провозглашенных эпохой Ренессанса, ознаменовался появлением новых идейных течений, новых концепций, обогащенных прогрессивными идеями античной общественно-политической мысли, учениями гигантов мысли Аристотеля, Платона.

Имена целой плеяды великих мыслителей, ученых, поэтов – Фелеки Ширвани, Фахраддина Марагаи, Абухавса Занджани, Сираджеддина Урмави, Хагани Ширвани, Низами Гянджеви и многих других вошли в анналы истории стран не только Востока, но и Запада, обогатив золотой фонд мировой культуры. Отличающиеся глубокой эрудицией, многосторонним образованием – от литературы, истории, музыки, логики до медицины, астрономии, математики, на всех этапах своей творческой жизни они несли в народ знания, пропагандировали прогрессивные традиции античной философии, популярное на Востоке учение Аристотеля, отстаивая в борьбе с господствующей идеологией ортодоксального ислама.

Своего апогея передовая общественно-политическая мысль достигла в учении гениального философа и мыслителя Низами Гянджеви (1141 – 1203), ознаменовавшего своим богатым творческим наследием новый этап в истории философской и общественно-политической мысли.

Низами был знаком с научными и культурными достижениями древних и средних веков; он глубоко изучил древнегреческую, древнеиндийскую и арабскую философию, философскую и политическую мысль мусульманского Востока. Богатые по содержанию произведения мыслителя, бесстрашно пропагандирующего прогрессивные политико-правовые идеи греков, развивающего передовые традиции древнеарабской философии, свидетельствуют о его знакомстве с идеями Аристотеля, Платона, Сократа, Фалеса, Порфирия, Гермеса и других древнегреческих философов. Это особенно проявляется в главах поэмы «Искендер-наме», посвященных беседам Александра Македонского с семью мудрецами («Беседа индийского мудреца с Александром Македонским», «Тайное

собеседование Искендера с семью мудрецами», «Послание Аристотеля о мудрости», «Послание Платона о мудрости» и др.). Как справедливо отмечает А. О. Маковельский, «Произведения Низами были своеобразной энциклопедией его эпохи. Наряду с философскими идеями в них содержится обширный материал по астрономии, естествознанию, медицине, психологии и педагогике, по экономике и политике» [3, с. 63].

Творчество Низами, отмеченное глубоким социальным содержанием, своей демократичностью служило общественному прогрессу, построению общества справедливого, общества благоденствия, процветания во имя человека.

Главный труд Низами «Хамсе» («Пятерица»), состоящая из пяти поэм – «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искендер-наме», – свидетельствуют о его политической платформе борника социальных интересов и чаяний народных масс, борца против социальной несправедливости и беззакония. Он не скрывал своей оценки власти имущих, открыто разоблачал пороки феодального общества – «злой тюрьмы», где царят насилие, произвол, нет правосудия.

В «Сокровищнице тайн» Низами, бросая вызов царящему в стране беззаконию, обращается к правителям: «Где теперь правосудие? Все черным бесправьем объято. Знать на крыльях Симурга оно улетело куда-то. Стыд лазурному своду, всегда пребывавшему в зле. Вовсе чести не стало на где-то висящей земле» [6, с. 77]. Показательным является «Повесть о старухе и султানে Санджаре» из названной поэмы, где устами старухи Низами обвиняет шаха в разорении народа, в насилии над ним: «Притязает на шахство! Но ты не властитель, ты – раб! Лишь вредить ты умеешь, а в помощи людям ты слаб» [6, с. 76]. В «Повести о царе притеснителе и правдивом человеке» Низами прямо называет царя «кровопийцей», в стране которого царят страх, «городам и селеньям грозят беспрестанные кары» [6, с. 88].

В своих произведениях Низами подвергал жестокой критике тираническую систему управления, выступал про-

тив социального и имущественного неравенства, выражал решительный протест против правителей, ведущих кровопролитные захватнические войны, превращающих страны в руины. Он призывал правителей к отказу от тирании и насилия, предупреждал о последствиях их злодеяний, грозил им народной мстостью. Как будет рассмотрено далее, именно в противовес этим порокам Низами построил свое идеальное общество, достигнув вершины в развитии утопических идей. Низами стремился воздействовать на правителей-тиранов мудрыми наставлениями. Наглядными примерами тому служат «Повесть о старухе и султанине Санджаре», «Повесть о царе притеснителе и правдивом человеке», «О благожелательном отношении шаха к подданным», «Повесть о Нуширване и его визире» и др. В поэме «Сокровищница тайн» он обращался к правителям: «Вознеси правосудье, и всех очастливишь людей... Угнетателей свергни. Об этом бесценно радей... Дай спокойствие всем. Никому не чини ты обид» [6, с. 66].

Беспощадная критика пороков феодального общества логично подводила Низами к поискам путей переустройства общества, основанного на справедливости, социальном и имущественном равенстве людей, где господствовала бы забота о нуждах народа, его благоденствии.

Следует отметить, что социально-политические взгляды Низами претерпели серьезный процесс эволюции – от признания просвещенной монархии до народовластия.

Идея просвещенного монарха, правящего разумно своей страной на благо своего народа, красной нитью проходит через все его поэмы. Такими представлены шах Бахрам в поэме «Семь красавиц», царица Ширин в поэме «Хосров и Ширин», с приходом к власти которой «угнетенные забыли время гнета... налогов не платил за пожити народ» [6, с. 205], восстановилось правосудие. В последней своей поэме, которую Низами справедливо считал венцом своего творчества, он характеризует Александра Македонского как просвещенного, мудрого монарха, заботящегося о своем народе. Девизом правителя, по идее Низами, должны стать разум, знание, просвещение, справедливость, благоденствие народа. В этом аспекте характерны также идеи Низами, изложенные в поэме «Семь красавиц». Однако на последующих этапах своего творчества Низами, убедившись в невоплотимости своих идей о просвещенной монархии, отходит от них. М. Ф. Меликова по этому поводу отмечает: «Вскоре, однако, социальная действительность опровергает надежды на просвещенного монарха, убеждает его (Низами – Т. З.) в иллюзорности созданного им политического идеала. Он приходит к выводу о необходимости переустройства феодального общества» [4, с. 9]. Видимо, осмыслив жизненные реалии, оценив состояние окружающей его социально-политической среды, Низами выдвигает свою концепцию искомого идеала – утопического общества. Для Низами эти выводы не были чем-то случайным, наитием, результатом фантазии. Путь к утопизму, государству совершенному был долог, являлся итогом глубоких размышлений, его неверия в настоящее и веры в будущее.

Утопическое государство, мастерски охарактеризованное Низами в его последней поэме «Искендер-наме», как по значимости, так и по глубине охватываемых социально-политических вопросов свидетельствует о политической зрелости, широкой эрудиции великого мыслителя. В «Искендер-наме» Низами выразил себя как одного из величайших титанов восточного Ренессанса наиболее ярко и уверенно» [7, с. 317]. Низами выдвинул свою идею об искомом идеальном обществе, каковым являлось народовластие.

В поэме «Искендер-наме», состоящей из двух частей – «Шараф-наме» («Книга о славе») и «Икбал-наме» («Книга судьбы») – Низами воплотил свои идеи, принципы об идеальном правителе в образе Искендера. Отличающаяся по своему объему часть «Шереф-наме» в основном описывает рождение, образование, военные походы Искендера. Низами наделяет Искендера качествами просвещенного и спра-

ведливого правителя, умелого полководца, непримиримого противника тирании, гнета, порабощения других народов. Он милосерден к врагам, устанавливает справедливые законы в завоеванных странах, защищает интересы бедных слоев населения, в государственных делах советуется с мудрыми людьми. Таким образом в поэме Искендер охарактеризован как мудрый правитель, ученый-философ, высоко ценящий науку, просвещение.

В «Икбал-наме» Низами завершает поиски мудрого правителя и справедливого государства, продолжавшиеся на протяжении всего его творчества, начиная с первой поэмы «Сокровищница тайн». Так, возвращаясь из северного путешествия, Искендер по дороге попадает в идеальный город, в котором живут свободные, счастливые люди, которым управляют на основе принципов равенства и социальной справедливости. Этот город – конец путешествий Искендера и завершение его поисков.

Итак, в «Искендер-наме», считающейся итогом размышлений и поисков идеального общественного и политического строя, Низами обращается к социальной утопии. Утопия Низами – страна, где нет ни правителей, ни сословий, ни угнетенных, где царят общечеловеческое равенство, братство, где каждый трудится во благо всеобщего счастья и процветания. В своем произведении Низами Гянджеви выдвигал одно требование – создание свободной и благоустроенной жизни своему народу. Он понимал, что для этого необходимо изменить существующий строй, осуществить имущественное равенство, так как имущественное неравенство – социальное зло, лежащее в основе социальных несправедливостей, всего феодального строя. Надо полагать, поэтому он отвергал частную собственность, наделяя всех одинаковыми правами и обязанностями. В утопическом обществе нет угнетателей и угнетенных, богатых и бедных: «Мы имуществом нашим друг другу равны, равномерно богатства нам всем вручены» [6, с. 650].

На формирование прогрессивных политических идей и гуманистического мировоззрения мыслителя, как видно, немалое влияние оказали идеи общества «Ахи», широко проповедовавшиеся в ту эпоху среди городского населения, которому принадлежал Низами. Особенность этого общества заключалась в том, что члены его образовали своего рода трудовые союзы, за счет собственных средств оказывали помощь нуждающимся слоям населения, расходовали эти средства в общих интересах.

Низами выступал против политического, имущественного неравенства. В его утопии между гражданами нет товарно-денежных отношений, они не ценят ни золото, ни серебро: «Серебро мы не ценим и золото – тоже» [6, с. 651]. В царстве истинного счастья, основанного на имущественному равенстве, права, честь и достоинство человека неприкосновенны, угнетать и тиранировать людей запрещено. Этой легендарной стране чужды преступность, воровство и другие недостатки, присущие феодальному строю: «Мы не знаем воров; нам охрана в горах не нужна. Перед чем нам испытывать страх?» [6, с. 650]. Законы, принятые в целях охраны общественного порядка, в высшей степени важны и значимы. Единственное наказание для тех, кто нарушает порядок в городе, – изоляция их от общества.

Низами категорически выступает против войны и пропагандирует идеи мира и безопасности народа. Граждане идеального государства ратуют за мир, дружбу и сотрудничество между народами.

Таким образом, политические взгляды Низами проникнуты гуманизмом, верой в торжество дружбы и мира. Описывая идеальное общество, где царят изобилие и правда, мир и доброта, он прозорливо угадал возможность счастливого будущего.

З. Кулизаде называет идеи Низами о совершенном, идеальном государстве «звеном в цепи теорий истории вос-

точной и мировой общественно-философской мысли об идеальном обществе» [1, с. 12]. Действительно, концепции об идеальном городе и обществе встречаются как в древневековых, так и в средневековых восточных памятниках. Так, первые идеи о мирном, счастливом обществе трудолюбивых людей без вражды встречаются еще в «Авесте» – древнейшем историческом памятнике азербайджанского народа, собрании священных текстов зороастрийцев (с текстом «Авесты» Низами был знаком – Т. 3.). Греческие мыслители Платон и Аристотель, одними из первых разработавшие классификацию форм государства в своих трудах, выдвинули идеи об идеальном государстве. Кроме того, в трудах выдающегося среднеазиатского ученого и мыслителя Абу Насра аль-Фараби, жившего до Низами в IX – X в., автора комментариев к сочинениям Аристотеля, еще при жизни удостоенного почетного имени «Аристотель Востока», также затрагивается указанная проблема и дается определенная классификация идеальных добродетельных городов. «Такие города подразумеваются как общество людей, с одной стороны, ликвидировавших общественное зло, с другой стороны, победивших низменные страсти» [1].

Сравнение утопии Низами с утопиями древнего мира показывает его самобытность. Идеальное общество Низами отличается рядом особенностей от идеального государства Платона, а также Аристотеля, выступавшего за частичное сохранение частной собственности и считавшего, что собственность должна быть общей только в относительном смысле. По мнению Аристотеля, коллективная собственность не стимулирует производительность, т.к. «люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им; менее заботятся они о том, что является общим».

Идеальное общество Низами представляет полную противоположность идеальному государству Платона с его делением общества на классы. Известно, что древнегреческий философ делил все население идеального государства на три сословия: философов – правителей, воинов (стражников) и ремесленников и землевладельцев (в это сословие включаются все люди, связанные с производством). Низами же, опередив века, выдвинул идею об обществе без социального расслоения, по сути, о бесклассовом обществе. В отличие от греческих полисов, сохранявших рабский труд и предоставлявших политические права гражданам на основе их имущественных цензов, Низами выступал против рабства и считал занятие физическим трудом важным для всех граждан утопического государства. Древнегреческие мыслители, затрагивая в своих политико-правовых взглядах проблему управления властью в идеальном обществе, характеризовали его как «управление государством наилучшими-аристократами», т.е. идеальное государство, по сути, представлялось аристократией. Низами же ратовал за народную власть как лучшую форму будущего государства. Учение об общественной жизни, т.е. об образцовом «городе-государстве» занимает центральное место и в политико-правовых взглядах Аль-Фараби. Его представления о добродетельном, или идеальном городе-государстве отражены в его трудах «Трактат о взглядах жителей добродетельного города», «Указание пути к счастью», «О достижении счастья» и др. По мнению мыслителя, город, в котором объединение людей имеет своей целью взаимопомощь, где люди помогают друг другу для достижения счастья, есть добродетельный город. Основная цель просвещенного, мудрого, справедливого правителя этого города-государства, – забота о людях и их благосостоянии. Однако Аль-Фараби делит население идеального города-государства на управляющих и управляемых, которые, в свою очередь, занимают место на разных ступенях социальной иерархии: на первой ступени – правитель, на второй – исполнители указов правителя, на последней – низшее сословие. Однако, мыслитель, касаясь положения различных сословий, отвергает рабство. «Как видно, социальная утопия Фараби,

построенная на признании классовой дифференциации, монархической формы правления как наиболее приемлемой, трудно отождествима с социальной утопией Низами, выступавшего с проповедью народоправства, имущественного и социального равенства людей» [4, с. 11].

Анализ политико-правовых идей Низами дает основание прийти к выводу о том, что социальная утопия «гениального поэта мирового значения» [2, с. 21]. отличается своей оригинальностью, самобытностью. Утопия Низами, являющаяся итогом его глубоких философских размышлений, – один из самых образцов среди мировых социальных утопий.

Опережающие свое время идеи великого мыслителя о бесклассовом обществе без собственности, в котором царят равенство, высокие нравственные ценности, оказали большое влияние на дальнейшее развитие мировой общественно-политической мысли. «Низами создал школу, учениками которой были мыслители многих веков. Многие из них за свои идеи поплатились жизнью, однако они продолжали жить в этих идеях, передавая из поколения в поколение низаминское наследие, ибо Низами продолжал жить в их творчестве» [4, с. 66].

Пристатейный библиографический список

1. Кулизаде З. Вершина совершенства // Искендер-наме. Игбал-наме. – Баку: Лидер, 2004. (на азербайджанском языке).
2. Крымский А. Е. Низами и его современники. – Баку: Элм, 1981. – С. 486.
3. Маковельский А. О. Общественно-политическая и философская мысль в Азербайджане / Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. В 2-ч т. Т. 1. – М.: Академии наук СССР, 1955. – С. 591.
4. Меликова М. Ф. Низами Гянджеви и просветительство в Азербайджане. Низами Гянджеви – 850 (сборник статей). – Баку: Бакинский Университет, 1992. – С. 52-66 (на азербайджанском языке).
5. Меликова М. Ф. Эпоха Низами Гянджеви и просветительство // Политика и право: история и современность. – Баку: Бакинский Университет, 1991. – С. 3-12, 99.
6. Низами Гянджеви. Избранное. – Баку: Азернешр, 1989. – С. 727.
7. Юсифли Х. Ренессанс и Низами Гянджеви. – Баку: Елм в техсил, 2016. – С. 426.

АЛИЕВА Зульфия Ибрагимовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета

ГАСАНОВ Нариман Ахмедович

магистрант 3 курса кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета

ПРИНЦИПЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА РФ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И РОЛЬ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются принципы избирательного права РФ. Целью статьи является определение понятия принципов, их видов и роли в правовом регулировании избирательных отношений. Говорится, что избирательные права являются первостепенными правами современного человека. Дается классификация принципов избирательного права, предполагающая разделение всех принципов на две группы, основанием для которой послужило целевое назначение избирательных отношений в механизме правового регулирования. К первой группе принципов относятся принципы участия граждан РФ в выборах, такие как всеобщее, равное и прямое избирательное право, тайное голосование, а также свободное участие в выборах; ко второй группе – принципы организации и проведения выборов (объективные принципы): обязательность, периодичность, альтернативность, независимость руководящих выборами органов, открытость и гласность. В рамках данной проблематики анализируется международный опыт. В заключение дается определение принципов электорального права.

Ключевые слова: принципы избирательного права, правовое регулирование, государство, Конституция РФ, международный опыт, Конституционный суд РФ.

ALIEVA Zulfiya Ibragimovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Dagestan State University

HASANOV Nariman Akhmedovich

magister student of the 3rd course of Constitutional and international law sub-faculty of the Dagestan State University

PRINCIPLES OF THE ELECTORAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPT, TYPES AND ROLE IN THE LEGAL REGULATION OF ELECTORAL RELATIONS

The article deals with the principles of the electoral law of the Russian Federation. The purpose of the article is to define the concept of principles, their types and role in the legal regulation of electoral relations. It is said that voting rights are the primary rights of a modern person. A classification of the principles of electoral law is given, which presupposes the division of all principles into two groups, based on the purpose of electoral relations in the mechanism of legal regulation. The first group of principles includes the principles of participation of citizens of the Russian Federation in elections, such as universal, equal and direct suffrage, secret ballot, as well as free participation in elections; to the second group - the principles of organizing and holding elections (objective principles): binding, periodicity, alternativeness, independence of the bodies governing the elections, openness and publicity. Within the framework of this issue, international experience is analyzed. In conclusion, the definition of the principles of electoral law is given.

Keywords: principles of electoral law, legal regulation, state, Constitution of the Russian Federation, international experience, Constitutional Court of the Russian Federation.

Избирательные права всегда были одними из перво-степенных прав современного человека. Народ, являясь признанным на конституционном уровне единственным источником власти, осуществляет участие в управлении делами государства, используя как формы непосредственного осуществления своей власти, так и формы представительного осуществления, избирая своих представителей, которые осуществляют власть от его имени. Как утверждает Э. А. Памфилова, с чьей позицией мы согласны, «нам есть чем гордиться, наша система действительно избирательная, она современна и по ряду аспектов обошла многие страны» [8].

Прежде всего, надо сказать, что на сегодняшний день наука конституционного права не располагает общепризнанной классификацией принципов избирательного права [1, с. 26]. В юридической доктрине классификация принципов избирательного права проводится по самым различным основаниям.

Однако наибольший интерес представляет классификация, предполагающая разделение всех принципов на две группы. Основанием для такой классификации послужило

целевое назначения избирательных отношений в механизме правового регулирования.

Принципы участия граждан РФ в выборах, такие как всеобщее, равное и прямое избирательное право, тайное голосование, а также свободное участие в выборах относятся к первой группе принципов [2, с. 48].

Ко второй группе относятся принципы организации и проведения выборов (объективные принципы): обязательность, периодичность, альтернативность, независимость руководящих выборами органов, открытость и гласность. К одним из основополагающих принципов следует отнести принцип обязательности и периодичности выборов. В соответствии с Конституцией РФ выборы являясь высшей непосредственной формой выражения воли народа, выступают одним из легальных механизмов формирования, как органов государственной власти, так и органов местного самоуправления. Уполномоченные органы и их должностные лица обязаны назначить в установленные законом сроки дату выборов. Обязательность выборов предполагает и обязательность их результатов. Характеризуя данный принцип, необходимо

отметить, что если выборы прошли и они не признаны судом недействительными, то результаты таких выборов являются обязательными для исполнения [3, с. 189].

Принцип проведения выборов на альтернативной основе подразумевает претендование нескольких кандидатов на один мандат, реализация данного принципа предполагает предоставление избирателям возможности отдать предпочтение любому кандидату из представленного в избирательном бюллетене.

Принцип независимости и организационной обособленности избирательных комиссий предполагает, что избирательные комиссии при организации избирательной кампании руководствуются в своей деятельности только Конституцией РФ и законодательством. Какое бы то ни было воздействие на деятельность членов ИК является противозаконным.

В соответствии с принципом гласности подготовки и проведения выборов на заседании избирательных комиссий могут присутствовать кандидаты на выборные должности, их доверенные лица, представитель СМИ и избирательных объединений.

Данные принципы были выработаны благодаря многолетнему опыту многих стран при развитии институтов демократии и воплощены в важнейших международно-правовых актах.

Свободное участие избирателей в выборах нашло свое отражение в принципе свободных выборов, согласно которому участие в избирательной кампании является добровольным и свободным, никто не вправе оказывать давление на избирателей для участия в выборах или в целях уклонения от участия в них.

Одним из ключевых принципов является принцип всеобщности, который предполагает участие в избирательной кампании всех граждан, отвечающим соответствующим цензам. Активного и пассивного избирательного права, в соответствии с законодательством РФ, лишены недееспособные граждане и лица, находящиеся в местах лишения свободы по приговору суда [4, с. 20].

В этой связи существенный интерес в рамках рассматриваемой проблематики представляет международный опыт. Так, в Великобритании не голосуют граждане, осужденные на условный срок. Есть также страны, где нет никакого запрета на право голоса заключенных: Хорватия, Чехия, Дания, Финляндия, Албания, Ирландия, Латвия, Литва, Македония, Черногория, Сербия, Испания, Швеция, Швейцария, Украина, Израиль, Зимбабве, Канада, Кения, Норвегия, Перу.

В некоторых странах подход к данному вопросу дифференцирован в зависимости от тяжести совершённого преступления, срока приговора. Например, во Франции особенно суровые наказания предусмотрены для коррупционеров, расхитителей государственной казны: избранное должностное лицо, признанное виновным в злоупотреблении государственными средствами, на 10 лет лишается права участвовать в выборах на национальном уровне. Еще более жесткие требования предъявляются к кандидатам в Национальное собрание (пассивное избирательное право): не могут быть избранными в Национальное собрание лица, которые находятся под опекой; осужденные за перечисленные в Избирательном кодексе преступления к определенным наказаниям; а также лица, признанные виновными в нарушении законодательства о выборах, а также банкроты. Аналогичные требования действуют и в отношении кандидатов в Сенат.

В США ситуация разнится от штата к штату. Осужденным за тяжкие преступления запрещено голосовать везде, кроме штатов Мэн и Вермонта. В Айове, Кентукки, Виргинии и во Флориде осужденные пожизненно лишаются избирательного права, но могут просить его восстановления. В Боснии и Герцеговине заключенные могут голосовать, если их преступления не связаны с югославской войной. На Мальте большинство граждан теряют право голоса, если срок заключения превышает один год. Не только заключенные могут лишиться избирательного права: во Франции ограничение по участию в выборах установлено и для граждан, находящихся под следствием, а в некоторых штатах США ограничение прав действует и некоторое время после освобождения [5, с. 27].

На Кипре и в Румынии заключенные могут голосовать, только если судья не вынес соответствующего запрета. В Болгарии судьи имеют право лишить избирательных прав любого правонарушителя, приговоренного к сроку более 10 лет. Такие же правила действуют в Люксембурге, Нидерландах и Словакии, в Молдавии и Монако. Аналогичное правило действовало и в России в советский период: лишение избирательного права граждан было самостоятельным уголовным наказанием. Согласно Уголовному кодексу РСФСР 1926 года, поражение политических и отдельных гражданских прав могло назначаться осужденному как полностью, по всей совокупности прав, так и по отдельным их категориям, среди которых закреплялось и непосредственно лишение активного и пассивного избирательного права.

Сегодня в Российской Федерации суд не выносит решение о лишении избирательного права осужденных, она применяется автоматически в местах лишения свободы согласно Конституции РФ. Возможно, именно отсутствие в приговоре суда указания на лишение избирательного права на срок заключения подтолкнуло российских граждан обратиться сначала в Конституционный суд РФ, а затем в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) с жалобой на нарушение их конституционных прав. Речь идет о ранее осужденных С. Анчугове и В. Гладкове, которые попытались отстоять принцип всеобщего избирательного права, считая ограничение избирательных прав по ч. 3 ст. 32 Конституции РФ нарушающим их конституционные права и противоречащим международным нормам¹.

По результатам рассмотрения дела «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05) ЕСПЧ призвал Россию обеспечить участие заключенных в выборах посредством политического процесса или путем толкования норм Конституции компетентными органами в гармонии с положениями Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующей право на свободные выборы. Однако Конституционный суд РФ своим решением признал невозможным исполнение постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России», которое предполагает внесение изменений в российские правовые нормы, снимающие ограничения в избирательных правах не всех осужденных, содержащихся в местах лишения свободы.

Конституционный суд РФ подтвердил, что предписание ст. 32 (ч. 3) Конституции РФ носит императивный характер и

1 Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации»: постановление Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

распространяется на всех таких осужденных. Заложенный в самой Конституции РФ механизм ее изменения сложен. Статья 32 включена в гл. 2 Конституции РФ, а согласно ст. 135 Конституции установлено, что пересмотр положений гл. 2 Конституции РФ возможен только посредством разработки проекта и принятия новой Конституции РФ. При этом в механизме такого пересмотра задействовано Конституционное собрание, порядок созыва и организации деятельности которого на сегодняшний день не определен².

Поэтому для реализации международных избирательных стандартов в Российской Федерации федеральный законодатель может изменить систему уголовных наказаний. Как отметил Конституционный суд Российской Федерации, такая возможность открывается, если осуществить перевод отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы, но не влекущие ограничения избирательных прав. В данном случае речь идет о заключенных, отбывающих наказание в колониях-поселениях. В этой связи судья Конституционного суда Российской Федерации С. Д. Князев отметил: «необходимо изменить не Конституцию Российской Федерации, а статус таких колоний, формально перестав считать их местом лишения свободы».

Таким образом, следует констатировать, что Всеобщая декларация прав человека содержит положения, касающиеся свободных и справедливых выборов, определяющие международный избирательный стандарт в части реализации прав и свобод на участие граждан в свободных, справедливых, подлинных и периодических выборах. Установленный в конституции или законе принцип всеобщего избирательного права ограничен в той мере, в какой это необходимо для национальной безопасности государства.

Вполне допустимо, что лица, совершившие преступления против общества и государства, и отбывающие за это наказание, отстраняются на период исправления от участия в выборах. Как представляется, было бы целесообразнее, чтобы в Российской Федерации ограничение избирательных прав осужденных устанавливалось судом и оглашалось в его решении. Тогда осужденные понимали бы свой статус в политической жизни государства на период отбытия наказания. Хотя решение ЕСПЧ не повлекло для России существенного изменения конституционных норм, тем не менее, оно может повлиять на увеличение количества граждан РФ, обладающих избирательным правом за счет лиц, отбывающих наказание в колониях-поселениях. Но для этого потребуются соответствующие изменения законодательства РФ. Мы допускаем, что Россия может пойти на такие меры, чтобы не создавать проблемных ситуаций по исполнению решения ЕСПЧ. Вместе с тем едва ли снятие ограничения избирательных прав для заключенных так уж необходимо для российской демократии. Приоритетными должны оставаться сложившиеся в государстве традиции народовластия. И это нельзя считать умалением, в какой бы то ни было степени, избирательных прав граждан РФ [6, с. 80].

Вытекающий из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом – принцип равного избирательного права предполагает создание государством равноправных условий для участия в избирательной кампании.

Как справедливо отмечает А. В. Черепанов, принцип прямого избирательного права предполагает непосредственное участие каждого избирателя и осуществление соответствующего выбора лично за себя [7, с. 23].

Мы полагаем, что суть принципа тайного голосования состоит в отсутствии любого вида контроля над выбором избирателей. Данный принцип гарантирует избирателю свободу выбора, защиту от возможного вмешательства различных политических сил, а также право избирателя лично заполнять бюллетень в изолированном помещении, опуская его в урну для голосования.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что под принципами электорального права следует понимать руководящие начала и основополагающие идеи, закрепленные в Основном законе страны, в универсальных международных актах и в законодательстве РФ, устанавливающие фундаментальные основы осуществления непосредственной и представительной демократии в России.

Пристатейный библиографический список

1. Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А. Влияние избирательной системы на реализацию принципа всеобщего избирательного права в России // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 7. – С. 26-31.
2. Беджанова Т. Е., Абукаров Ю. И. Эволюция конституционно-правовых основ избирательного права в России // Закон и право. – 2014. – № 5. – С. 48-50.
3. Безруков А. В. Конституционное право России: учебное пособие. – М.: Юстицинформ. 2015. – С. 189.
4. Швердяев С. Н. Допустимые отступления от принципа равенства пассивного избирательного права // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 8. – С. 20-28.
5. Нудненко Л. А. Принцип свободных выборов в реализации пассивного избирательного права в России // Государственная власть и местное самоуправление. – 2013. – № 11. – С. 27-31.
6. Всеобщая декларация прав человека и избирательное право граждан // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2018. – № 3. – С. 80.
7. Черепанов В. А. Поддержка выдвижения кандидатов: исторический контекст, проблемные вопросы и поиск решения // Журнал российского права. – 2016. – № 6. – С. 23-32.
8. Элла Памфилова: доверие граждан к выборам и избирательной системе выросло. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://amp.vesti.ru/article/2540780> (дата обращения: 30.11.2021).

² По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 19 апр. 2016 г. № 12-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

КЛЮКОВ Василий Дмитриевич

аспирант кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, юрист

ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье анализируется деятельность специализированных уполномоченных в субъектах Российской Федерации в части осуществления защиты конституционного права доступа к информации, находящейся в распоряжении государственных и муниципальных органов власти субъектов Российской Федерации. Специализированные уполномоченные в субъектах Российской Федерации, как и конституционное право доступа к информации являются относительно новыми правовыми явлениями, что делает такое исследование актуальным и представляющим значительный научный и практический интерес. В статье автор выявляет конкретные проблемы по исследуемой теме и предлагает пути их решения.

Ключевые слова: право на доступ к информации, конституция, устав, специализированные уполномоченные, защита, восстановление нарушенного права, ежегодный доклад.

KLYUKOV Vasily Dmitrievich

postgraduate student of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University, a lawyer

PROTECTION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF ACCESS TO INFORMATION IN THE ACTIVITIES OF SPECIALIZED AUTHORIZED SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the activities of specialized commissioners in the constituent entities of the Russian Federation in terms of ensuring and protecting the constitutional right of a person and citizen to access information at the disposal of state and municipal government bodies of the constituent entities of the Russian Federation. The institution of specialized commissioners in the constituent entities of the Russian Federation and the constitutional right of a person and a citizen to access information are relatively new legal phenomena, which makes such research highly relevant and of significant scientific and practical interest. In the article, the author identifies specific problems on the topic under study and suggests ways to solve them.

Keywords: right to access information, constitution, charter, specialized commissioners, protection, restoration of violated rights, annual report.

Современный период развития российского государства, связанный с преобразованием всех направлений общественной деятельности, федеральных и региональных органов государственной власти, характеризуется активизацией правотворческих усилий в правозащитной и процессуально-правовой сфере. Практически развивается обновленная нормативно-правовая система, обеспечивающая необходимые потребности для дальнейшей демократизации российского общества и государства, идут процессы становления новых правозащитных институтов и ускоренного развития современных, соответствующих потребностям общества, прав и свобод [1,9].

В настоящий момент во всех субъектах Российской Федерации образованы и осуществляют свою деятельность Уполномоченные по правам ребенка, а также по правам предпринимателей, в трех субъектах Российской Федерации (Камчатский и Красноярский края, Республика Саха (Якутия)), учреждены Уполномоченные по правам коренных малочисленных народов (далее - специализированные Уполномоченные).

Основной формой, отражающей результаты работы специализированных Уполномоченных, являются ежегодные и специальные доклады. В указанных докладах излагается актуальное состояние прав человека в регионе, отмечаются системные недостатки в работе публичных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, формулируются конкретные рекомендации по дальнейшей работе исполнительных органов и совершенствованию законодательства, а также практики его применения, анализируются причины системного нарушения прав человека, в том числе права доступа к информации и т.д.

Исходя из анализа деятельности специализированных Уполномоченных в субъектах Российской Федерации за 2016-2020 года, отраженной в ежегодных и специальных докладах, можно сделать вывод, что работа по признанию, соблюдению и защите (восстановлению нарушенного права) конституционного права человека на доступ к информации не имеет системного характера и в своей сущности не ведется. В таких формах деятельности специализированных уполномоченных, как спе-

циальные доклады, законодательные инициативы, инициирование парламентских слушаний, обращение в конституционный (уставной) суд субъекта Российской Федерации, правовое просвещение, рассмотрение жалоб и т.д. право доступа к информации не упоминается. Кроме того, в подавляющем большинстве ежегодных докладов указанное право не рассматривается.

В свою очередь, специализированные уполномоченные могли бы внести значительный вклад в деятельность по защите конституционного права доступа к информации.

Так, институт Уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации является уже неотъемлемым субъектом государственной системы защиты прав ребенка. Среди многочисленных учреждений, участвующих в защите прав и свобод ребенка, детский омбудсмен является консолидирующим институтом, при этом его функции не подменяют собой функции других государственных органов.

Согласно статье 13 Конвенции ООН о правах ребенка, у детям предоставлено право свободного выражения своего мнения, включающее свободу поиска, получения и передачи информации, идеи любого рода, независимо от границ, в устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребенка» (п. 1 ст. 13 Конвенции ООН о правах ребенка). Осуществление указанного информационного права иногда может подвергаться некоторым ограничениям, но только в соответствии с действующим законодательством действующим законодательством и в установленных целях: уважения прав других лиц или защиты государственной безопасности, общественного порядка, а также здоровья или нравственности населения (п. 2 ст. 13 Конвенции ООН о правах ребенка).

Действующее на сегодняшний день российское законодательство не ограничивает детей в доступе к информации. Так, в статье 29 Конституции Российской Федерации установлено, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Таким образом, ребенок обладает конституционным правом доступа к информации и Уполномоченные по правам детей в субъектах Российской Федерации в силу своих полномочий и обязанностей должны гарантировать обеспечение и защиту указанного права.

Проанализировав ежегодные доклады Уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации за 2018-2020 годов можно сделать вывод, что праву доступа к информации детей не уделяется должного внимания.

К примеру, информация по обеспечению и защите конституционного права ребенка на доступ к информации не упоминается в ежегодных докладах Уполномоченных по правам ребенка за 2018-2020 годов: г. Санкт-Петербург, Республики Башкирия, Пермского края, Калининградской, Ленинградской, Московской, Нижегородской, Свердловской, Ульяновской Челябинской областей, Ямало-Ненецкого автономного округа.

В ежегодных докладах Уполномоченных по правам ребенка Рязанской области [2], Республики Калмыкия [3], Камчатского края [4], Приморского края [5], Хабаровского края [6], Мурманской области [7], Новосибирской области [8] имеются разделы, называющиеся «Право на доступ к информации и информационная безопасность». Однако, в указанных разделах рассматриваются негативные последствия взаимодействия детей с Интернетом, вопросы информационной безопасности детей, кибербуллинга, дистанционного обучения, контроль деятельности СМИ и детских библиотек, защиты персональных данных детей, правовое просвещение родителей, но об обеспечении и защите конституционного права ребенка на доступ к информации ничего не говорится.

Таким образом, исходя из понимания конституционного права ребенка на доступ к информации, как комплекса правомочий по поиску и получению сведений о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц, можно констатировать, что рассматриваемое право в данном понимании в ежегодных докладах Уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации не упоминается, соответственно, деятельность по рассматриваемому направлению не осуществляется. При этом очевидным является тот факт, что ребенок в силу своего юного возраста не может самостоятельно осуществлять защиту своих прав.

Согласно действующему федеральному и региональному законодательству юридические лица, наряду с физическими лицами, обладают конституционным правом доступа к информации.

В этой связи стоит обратить внимание на процесс обеспечения и защиты конституционного права доступа к информации юридических лиц специализированным Уполномоченными по правам предпринимателей в субъектах Российской Федерации. Право предпринимателей на доступ к информации не находит своего отражения в ежегодных докладах и в иной правозащитной деятельности региональных уполномоченных по защите прав предпринимателей. В этом направлении деятельность указанных уполномоченных не ведется.

К примеру, в ежегодных докладах региональных уполномоченных при главах субъектов по защите прав предпринимателей: г. Москвы и Санкт-Петербурга, Камчатского, Краснодарского, Пермского, Приморского, Хабаровского краев, Нижегородской, Самарской, Ярославской областей, республик Башкортостан, Саха-Якутия и Татарстан отсутствует какая-либо информация об обеспечении и защите прав предпринимателей на доступ к информации.

В деятельности Уполномоченных по правам коренных малочисленных народов в Республике Саха (Якутия), Камчатском и Красноярском краях дела по защите права доступа к информации обстоят аналогично рассмотренным выше региональным специализированным омбудсменам. Исходя из анализа итогов их работы, защита конституционного права доступа к информации представителей коренных малочисленных народов по настоящее время не входит в сферу их интересов.

Таким образом, в сфере осуществления специализированными Уполномоченными субъектов Российской Федерации работы по обеспечению и защите права человека и предпринимателя на доступ к информации можно охарактеризовать как фрагментарную, недостаточную и не соответствующую современным стандартам защиты прав.

Вместе с тем, освещение в ежегодных докладах информации о нарушениях конституционного права доступа к информации позволило бы на уровне субъектов Российской Федера-

ции привлечь внимание к проблеме его нарушения, а также содействовать эффективному соблюдению и защите рассматриваемого права.

Полное отсутствие или фрагментарное рассмотрение конституционного права на доступ к информации в ежегодных докладах специализированных Уполномоченных субъектов Российской Федерации может свидетельствовать об отсутствии у них понимания критериев отличий рассматриваемого права от иных прав личности, в том числе других информационных прав, а также специфики реализации и защиты конституционного права на доступ к информации, что не способствует эффективному соблюдению и защите права доступа к информации в субъектах Российской Федерации.

Частичное упоминание в отдельные годы в ежегодных докладах специализированных Уполномоченных в субъектах Российской Федерации права доступа к информации, ограниченное по субъектному и предметному основанию или какой-либо категорией населения, в целом не раскрывает состояние дел с реализацией и защитой комплексного конституционного права на доступ к информации в субъекте Российской Федерации. Такое положение дел свидетельствует об отсутствии системного подхода в работе специализированных Уполномоченных в субъектах Российской Федерации в понимании, обеспечении и защите конституционного права на доступ к информации, что негативно сказывается на состоянии реализации и защиты рассматриваемого права.

Можно выделить следующие характерные тенденции в работе специализированных Уполномоченных: отсутствие внутриведомственного регулирования реализации права на доступ к информации; отсутствие единых критериев, форм и методов работы по защите конституционного права на доступ к информации; фрагментарность или полное игнорирование в своей деятельности права доступа к информации; отсутствие правового просвещения населения о способах реализации и защиты рассматриваемого права; ежегодный рост количества нарушений права доступа к информации в субъектах Российской Федерации и т.д.

Приставейный библиографический список

1. Антонов И.О., Верин А.Ю., Клюкова М.Е., Шагиева Р.В. Трансформация института приостановления производства по уголовному делу в стадии предварительного расследования // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. - 2018. - № 4 (51).
2. Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Рязанской области за 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://deti.gov.ru/region/ryazan/docs> (дата обращения: 15.05.2021).
3. Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Республике Калмыкия за 2015 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://kalmombudsman.ru/dokumenty/doklady> (дата обращения: 15.05.2021).
4. Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Камчатском крае за 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.prava41.ru/doklad-upolnomochennogo-po-pravam-rebenka/> (дата обращения: 15.05.2021).
5. Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Приморском крае за 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.primorsky.ru/authorities/authorized/child/doklad-o-deyatelnosti> (дата обращения: 25.05.2021).
6. Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Хабаровском крае за 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://deti.gov.ru/documents/reports> (дата обращения: 25.05.2021).
7. Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Мурманской области за 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://gov-murman.ru/about/ombudsman/documents> (дата обращения: 07.05.2021).
8. Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Новосибирской области за 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://nskdeti.nso.ru/page/18> (дата обращения: 07.05.2021).
9. Омарова У.А. Реализация положений докладов регионального уполномоченного: формы и уровни взаимодействия с органами власти // Омбудсмен. - 2013. - № 2

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-108-109

КОННОВ Иван Александрович

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Нижегородского института управления (филиала) РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В настоящей статье рассмотрены вопросы, затрагивающие такие характеристики социально-правового состояния, как «духовно-нравственная безопасность». Автором дается последовательная оценка правового состояния рассматриваемого явления через призму такого понятия, как «духовная ценность», а также её роль в определении необходимых принципов обеспечения национальной безопасности. Автор указывает на то, что на данном этапе правового регулирования законодательная логика трактовки указанных понятий сведена к упоминанию о существовании духовно-нравственных традиций (начал, основ) в некоторых нормативных источниках. Однако само по себе законодательное закрепление (упоминание) понятия «духовно-нравственная ценность», в том числе и в тех актах, которые непосредственно затрагивают вопросы национальной безопасности, никак не раскрывает его сущности (содержания), чем оставляет пространство для чрезмерно субъективного толкования его смысла и, соответственно, использования в национальной политике государства.

Ключевые слова: право, общество, государство, законодательство, социальная политика, духовность, традиционные ценности, безопасность, национальное единство.

KONNOV Ivan Aleksandrovich

Ph.D. in political sciences, associate professor, associate professor of the National security law sub-faculty of the Nizhny Novgorod Institute of Management (branch) of the RANEPА under the President of the Russian Federation

LEGAL SUPPORT OF SPIRITUAL AND MORAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION AS THE BASIS OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

This article discusses issues affecting such characteristics of the social and legal state as “spiritual and moral security.” The author gives a consistent assessment of the legal state of the phenomenon under consideration through the prism of such a concept as “spiritual value”, as well as its role in determining the necessary principles for ensuring national security. The author points out that at this stage of legal regulation, the legislative logic of the interpretation of these concepts is reduced to mentioning the existence of spiritual and moral traditions (principles, foundations) in some normative sources, however, in itself the legislative consolidation (mentioning) of the concept of “spiritual and moral value”, including in those acts that directly affect the issues of national security, do not disclose its essence (content) in any way, which leaves room for an overly subjective interpretation of its meaning and, accordingly, use in the national policy of the state.

Keywords: law, society, state, legislation, social policy, spirituality, traditional values, security, national unity.

В системе национальной безопасности Российской Федерации особое место занимает духовно-нравственная составляющая безопасности. Конституция Российской Федерации [1], вступившая в действие в новой редакции с 1 июля 2020 года, стала первопричиной к началу общего посылка на новое развитие, все чаще в лексиконе граждан и в контексте новостей СМИ стали звучать следующие термины и словосочетания: право, общество, демократия, традиционные ценности, духовно-нравственное начало и др. Поначалу кто-либо может быть и использовал данные выражения как способ раскрыть по-своему суть новых понятий, кто-то – для того, чтобы заинтересовать, а затем вовлечь наших граждан в активно протекающие политические процессы. Однако, спустя некоторое время, даже самые активные правопоборники и идейные мечтатели нашей страны перестали рассуждать над смыслом этих понятий и явлений и, окунувшись в реалии трудовых будней, оставили данные суждения для тех, кто сейчас называет себя профессиональными политологами и правоведами [3, с. 12]. Более того, граждане, не успев постигнуть сути даже некоторых выражений, затрагивающих их личную свободу, так и не смогли перейти черту той необходимой оценки, которая должна была сформироваться на фоне указанных изменений. Как справедливо было отмечено Ю. В. Ключевым, переход от активной позиции по данному вопросу к усталому вниманию со стороны еще не избалованных опытом свободы граждан стал логичным развитием событий того времени, ибо, несмо-

Коннов И. А.

тря на очевидную смену ряда главных принципов социального устройства, в сознании людей идея об их истинной целительной силе так и не была сформирована до конца [5, с. 32].

Тем не менее ряд важнейших традиционных ценностей был закреплён законодательно, что дало мощный толчок для их дальнейшего развития как посредством правового сопровождения, так и посредством реформации общественного мнения о правильности и своевременности их сохранения и защиты.

Одной из таких ценностей стало представление об особом (ментальном) понимании состояния духовно-нравственной основы координирования общественных интересов. Необходимо отметить, что пространство духовно-нравственного восприятия реальности давно уже служит поводом для разнообразных пересудов и, соответственно, для переоценки его главного аспекта – правовой регламентации и защиты.

В частности, некоторыми исследователями такое положение дел связывается с заведомой невозможностью дать правовое определение такому явлению, как духовно-нравственное понимание бытия [7, с. 36]. Другие полагают, что непринятие одного взгляда на «духовность» со стороны другого индивида находит свое выражение в слабом оснащении наших граждан познаниями о его истинном предназначении, а также общей неразвитости в вопросе правовой культуры (сознательного принятия идей своего оппонента, с позиции его свободы и прав на данный взгляд) [6, с. 63]. Причина в том, что культур-

ные, в том числе и духовно-нравственные ценности отдельных граждан и целых этнических групп (или, к примеру, представителей власти), различаются, поскольку принципиальные позиции в данном вопросе могут генерироваться одним и тем же источником, а продолжение этих взглядов уже будет зависеть от существующего культурного расслоения. Ведь сама по себе совокупность фактов не исчерпывает всей полноты правового пространства и не делает максимально прозрачным правовое поле действия норм, пока носители прав и обязанностей будут иметь возможность использовать свои идеи и правомочия в целях противной идеем права. Тем не менее именно широта взглядов определяет уровень развития общества, а право определяет степень или состояние благотворного влияния такого развития.

Стоит отметить, что сегодня вопрос духовно-нравственного состояния рассматривается законодателями, как один из самых сложных, но требующий непрерывного существования наравне с такими вопросами, как экономика, правовая идеология, безопасность страны. Более того, именно последнее, образуя своеобразный симбиоз идей о необходимости сохранения и распространения принципов духовно-нравственного развития человека и его защиты, всё чаще преподносится законодателем в качестве прогрессивного социального направления, способного поднять правовую культуру наших граждан на новый уровень.

В качестве примера официальной позиции по данному вопросу следует привести утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия), где отмечается, что «Российская Федерация рассматривает свои базовые, формировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности в качестве основы российского общества, которая позволяет сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации, строить будущее и достигать новых высот в развитии общества и личности» [2]. Данный правовой документ отмечает, что «к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

Первоисточником в вопросе отнесения духовно-нравственных начал к объектам непосредственной правовой защиты и безопасности является Конституция Российской Федерации. Впервые понятие «ценность» нашло свое отражение еще в 1993 году, когда, давая оценку основ конституционного строя, законодатель отнес к таковым и определенные важнейшие элементы будущей социосистемы. Так, в статье 2 Основного закона страны под указанное понятие подпадают такие феномены социально-правового конструирования, как права и свободы гражданина и человека. При этом данные ценности, в отсутствие иных, прямо связанных с ними в контексте конституционного правоустановления, признаются в качестве высших, то есть, формально обладающими приоритетом над всеми остальными ценностями как духовного, так и материального характера. В свою очередь, данный нормативный акт не содержит такого понятия, как «духовно-нравственная ценность», и уже тем более не выделяет его в качестве того, что должно составлять основу национального развития или безопасности. В Конституции России только упоминается о духовно-нравственном развитии молодежи, как об одной из уже существующих форм зарождения здоровой идеи в указанном сегменте гражданского социума (ст. 67.1). Данное упоминание стало возможным благодаря последним поправкам к Конституции Российской Федерации, в том числе и затронувшим указанное начало. В частности, именно эти поправки стали поводом к утверждению о включении традиционных духовно-нравственных ценностей в основу будущего развития нашей страны и ее социальной среды [4, с. 36]. Кроме того, именно благодаря данным преобразованиям появилась возможность дать ответ на самый главный вопрос: почему ранее духовные ценности не имели выдержанной научной и социальной оценки. Здесь авторами конституционных поправок был сделан акцент на том, что духовно-нравственные ценности являются прежде всего ценностями смыслообразующими, т.е. теми, которые призваны стоять во главе основополагающих целей человеческой жизни, придающих смысл человеческому

существованию и делающих его наполненным созидательной деятельностью не только во имя настоящего, но и будущего. Их непринятие или исключение из жизни общества, как указывалось в решении Конституционного Суда Российской Федерации, неминуемо ведет к ослаблению единства многонационального народа Российской Федерации, а следовательно, и к утрате цели их безопасного сосуществования [8]. Таким образом можно определить, что духовно-нравственная безопасность Российской Федерации – это система обстоятельств, позволяющая российскому обществу сберечь свои жизненно значимые параметры.

Необходимо отметить то, что, определяя традиционные духовно-нравственные ценности в качестве тех, что должны быть рассмотрены приоритетными при решении вопроса национальной безопасности, законодатель, по сути, пока оставляет без внимания то обстоятельство, что указанная категория пока не имеет точного и понятного для граждан социального выражения. Появление такого понятия, как «духовно-нравственная ценность», в официальных источниках – не есть причина утверждать о том, что авторы (законодатели) интеграций такого понятия стараются приблизить к мысли о необходимости включить его в состав тех, что должны использоваться юристами при определении конкретного состояния общества, или положения его отдельных групп. Обобщая сказанное, можно с достаточной определенностью сказать, что, проявление феномена «духовно-нравственная ценность» в правовой доктрине обусловлено определением направлений, подразумевающих собой как свободное развитие и выражение взглядов со стороны граждан, так и выбор пути (или продолжения) исторического развития государства, в том числе и в вопросе обеспечения национальной безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 05.07.2021. - № 27 (часть II). - Ст. 5351.
3. Батыршина А. Р., Цатурян Н. А. Исследование представления о духовно-нравственных ценностях людей с разными типами субъектной регуляции // Гуманизация образования. - 2021. - № 1. - С. 10-18.
4. Борисенко В. И., Чернышева Е. Н. Поправки в Конституцию Российской Федерации (2020 год) // Социально-гуманитарные знания. - 2021. - № 2. - С. 31-37.
5. Ключев Ю. В. Конституция России в контексте ценностей: приоритеты и ресурсы государственного развития // Актуальные проблемы современной политической науки: Сборник научных трудов. - Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2020. - С. 30-44.
6. Майкова В. П., Молчан Э. М. Духовно-нравственные ценности как системообразующий фактор социальных систем // Экология человека и природы в информационно-технической среде (ЭкоМир-10): Материалы конференции 10-й Международной научной конференции, Мытищи, 05-06 июня 2019 года / Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет). - Мытищи: Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 2020. - С. 63-65.
7. Шахов М. О. Возможно ли защитить законом традиционные духовные ценности? // Юридический мир. - 2020. - № 2. - С. 32-37.
8. Как Конституционный суд объяснил законность поправок в Конституцию РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/16/03/2020/5e6f82559a79478c90c15ae1> (дата обращения: 15.12.2021).

МЫРЗАЛИМОВ Руслан Муратбекович

доктор юридических наук, профессор

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУТА ОМБУДСМЕНА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С КОМИТЕТОМ ООН ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В статье автором рассмотрено международное сотрудничество Омбудсмана Кыргызской Республики с Комитетом ООН по правам человека. Результаты выполнения рекомендаций Комитета ООН по правам человека Кыргызской Республикой. Реформы, проведенные в Кыргызской Республике с целью обеспечения прав и свобод человека и гражданина на справедливое и достойное правосудие на основе верховенства права в соответствии с международными нормами. Деятельность Омбудсмана Кыргызской Республики как национального правозащитного органа согласно требованиям Парижских принципов и порядок его аккредитации через международный координационный комитет, как национального правозащитного органа.

Ключевые слова: омбудсмен, права и свободы человека и гражданина, правовое государство, аккредитация, национальный превентивный механизм.

MYRZALIMOV Ruslan Muratbekovich

Ph.D. in Law, professor

INTERACTION OF THE INSTITUTE THE OMBUDSMAN OF THE KYRGYZ REPUBLIC WITH THE UN HUMAN RIGHTS COMMITTEE

In the article, the author examines the international cooperation of the Ombudsman of the Kyrgyz Republic with the UN Human Rights Committee. Results of the implementation of the recommendations of the UN Human Rights Committee by the Kyrgyz Republic. Reforms carried out in the Kyrgyz Republic in order to ensure the rights and freedoms of man and citizen to fair and decent justice based on the rule of law in accordance with international norms. The activities of the Ombudsman of the Kyrgyz Republic as a national human rights body in accordance with the requirements of the Paris Principles and the procedure for its accreditation through the international coordinating committee as a national human rights body.

Keywords: ombudsman, human and civil rights and freedoms, rule of law, accreditation, national preventive mechanism.

Всеобщая декларация прав человека¹ (далее – Декларация) является основой для документов, признанных человечеством, включая международные пакты по политическим, экономическим, гражданским и социальным правам. Идеи, взгляды, отраженные в Декларации, соответствуют мировоззрению и менталитету кыргызского народа. Провозглашенные идеи равноправия мужчин и женщин, призывы к соблюдению прав человека и свобод, независимо от языка, национальности и вероисповедания, содействуют укреплению взаимопонимания и дружелюбия между людьми, созвучны ценностям, которыми дорожили предки [12, с. 104-106]. Уважение достоинства личности, защита прав женщин и детей для государства имеет первостепенное значение [5, с. 61-65]. Кыргызская Республика в 1994 году присоединилась к Декларации. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина остается обязанностью государства. За последние десятилетия в разных частях земли появились организации, учреждения, деятельность которых противоречит правам человека. Кыргызстан выступает против разных политических и религиозных призывов, которые лишают жизни человека. Кыргызская Республика в настоящее время поддерживает совместные действия, направленные против экстремизма и терроризма [11, с. 55-59]. Декларация придает значение справедливости, гласности, прозрачности деятельности судов. Всеобщая декларация прав человека призывает к недопущению вседозволенности правоохранительных и судебных органов. Важным этапом для Кыргызской Республики в данном направлении стало присоединение государства к Конвенциям ООН и другим международным актам в области прав человека и принятие законов, отвечающих современным требованиям. В настоящее время Кыргызская Республика активно ведет деятельность в области прав человека на международной арене. 7 февраля 2019 года депутаты парламента

приняли и рассмотрели проект закона «О ратификации Конвенции ООН о правах инвалидов»².

Требования и правила, предъявляемые международными актами в области прав человека, следуют из принципа международного права *pacta sunt servanda* – договоры должны быть исполнены³. Согласно этому принципу, государство-участник принимает обязательства, а договорный орган наделяется правами и обязанностями по наблюдению за выполнением государством требований. Отмечая вышесказанное, государство должно выполнять требования и правила, отраженные в международных нормах. Комитетом ООН по правам человека за 2019 год в отношении Кыргызской Республики вынесено 24 заключения. Проанализировав заключения Комитета ООН, можно сделать вывод о том, что 1/3 часть заключений свидетельствует о применении незаконных задержаний и пыток правоохранительными органами, а также нарушениях основополагающих принципов правосудия и отсутствия доступа граждан к несудебным средствам защиты⁴.

Исходя из вышеуказанного в настоящее время государством проводится судебная реформа по обеспечению прав человека на справедливое и достойное правосудие на основе верховенства права в соответствии с международными нормами. В результате реформы были приняты Административно-процессуальный кодекс, Гражданско-процессуальный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Уголовный кодекс,

1 Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года // Российская газета. 1995. 5 апреля.

2 Конвенция о правах инвалидов от 13 декабря 2006г. // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 10.01.2022).

3 Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года статья 26.

4 Доклад Омбудсмана (Акыйкатчы) Кыргызской Республики 2015-2020г. // Официальный сайт Омбудсмана (Акыйкатчы) Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ombudsman.kg/images/files/Ombudsman'sAnnualReportru.pdf>. (дата обращения 10.01.2022).

Уголовно-исполнительный кодекс, Кодекс о правонарушениях, Закон Кыргызской Республики «О статусе судебных исполнителей и об исполнительном производстве», Закон Кыргызской Республики «Об основах амнистии».

11 апреля 2021 года на референдуме (всенародном голосовании) была принята Конституция Кыргызской Республики, которая вступила в силу 5 мая 2021 года. Конституция Кыргызской Республики содержит перечень прав и свобод человека и гражданина, отвечающих требованиям и реалиям современного мира, выражающих необходимые условия для жизнедеятельности человека⁵. Обеспечение прав и свобод человека является одним из показателей стабильности современного общества. А верховенство права показывает, что законодательные акты не противоречат основному закону, что вся деятельность публичной власти направлена на защиту прав и свобод человека и гражданина [20, с. 129-134].

Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию «Национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека», в которой предложила основывать национальные правозащитные учреждения. В приложении к Резолюции отражены принципы деятельности национальных учреждений под названием Парижские принципы. Парижские принципы представляют собой нормы международных стандартов, согласно которым можно оценить независимость, надежность, эффективность деятельности национальных правозащитных учреждений [4, с. 17]. Согласно требованиям Парижских принципов, правозащитные учреждения должны быть независимы, обладать ресурсами для эффективного функционирования, сотрудничать с государственными органами и международными организациями [14]. Согласно требованиям Парижских принципов, порядок пользования ресурсами правозащитными учреждениями контролируется правительством, такая регуляция не должна влиять на функционирование учреждения и выполнять обязанности, независимо добиваться аккредитации через Международный координационный комитет (далее – Комитет). Аккредитация – это официальное признание того, что правозащитные учреждения соответствуют требованиям Парижских принципов и продолжают в полной мере соблюдать эти требования. В настоящее время согласно требованиям Парижских принципов, существует три уровня аккредитации⁶:

– «А» – член Комитета, обладающий правом голоса. Статусом «А» аккредитованы 79 правозащитных учреждений, которые полностью соответствуют требованиям;

– «В» – член Комитета, являющийся наблюдателем, который еще не представил достаточную информацию. Статусом «В» аккредитованы 33 правозащитных учреждения, которые не полностью соответствуют требованиям;

– «С» – не является членом Комитета. Статусом «С» аккредитованы 10 правозащитных учреждений, которые не соответствуют требованиям.

Омбудсмен Кыргызской Республики аккредитован со статусом – «В». Главной причиной, что Омбудсмен Кыргызской Республики аккредитован с неполным соответствием требований и правил, является то, что своевременно не предоставляются сведения по нарушениям прав человека. В настоящее время Омбудсмен Кыргызской Республики поставил перед собой задачу аккредитоваться со статусом «А».

Омбудсмен Кыргызской Республики – это конституционный орган, осуществляющий парламентский контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, является главным элементом правозащитной системы, оказывает содействие по обеспечению соответствия национального и международного законодательства в области прав человека, оказывая парламенту, правительству, судебным органам поддержку в применении норм, осуществляет мониторинг, решает важные задачи в области прав человека [6, с. 194-196].

В настоящее время согласно новой редакции Конституции КР в статье 109 закреплена норма, о том, что Омбудсмен

КР осуществляет парламентский контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина⁷.

На основании этого положения омбудсмен на законодательном уровне был наделен полномочиями давать поручения компетентным государственным органам о проведении экспертных и аналитических исследований, об обращении непосредственно к правоохранительным органам с предложениями по совершенствованию форм и методов взаимодействия, обращении в Конституционную палату Верховного суда для толкования норм международного и национального законодательства, принятия участия в парламентских комиссиях по расследованию массовых нарушений прав человека, внесении Президенту и Кабинету министров целевых и комплексных программ мероприятий по защите прав и свобод человека и гражданина⁸.

При наличии такого круга полномочий анализ актов реагирования Омбудсмана КР дает возможность сделать вывод о том, что их большая часть исполняется органами государственной власти формально для отчетности⁹. В целях должного исполнения актов реагирования омбудсмана и защиты прав и свобод человека и гражданина ему необходимо шире использовать предоставленные возможности, такие как: подготовка специальных докладов [16, с. 8-10], инициирование парламентского контроля [10, с. 32-41], опубликование соответствующих материалов на официальном сайте омбудсмана [13, с. 36-40], а также предание гласности в СМИ результатов выявленных нарушений с указанием конкретных нарушителей [9, с. 163-171].

Омбудсмен занимает важное место в системе органов публичной власти, осуществляющих контроль за деятельностью аппарата управления, эффективно защищающих права и свободы человека и гражданина. Его деятельность открыла новую главу в отношениях между государством и человеком. Омбудсмен является важным инструментом обеспечения законности [8, с. 12-14].

Важность существования института омбудсмана заключается в том, что это независимый государственный орган с особым статусом, который призван защищать конституционные права и свободы человека и гражданина в государстве. Не обладая императивными полномочиями, он в своей деятельности использует эффективные методы и средства защиты прав и свобод человека и гражданина [15, с.134-35].

Таким образом, Омбудсмен КР является государственным органом с особым статусом, который не входит ни в одну из ветвей государственной власти [1, с.33-35]. Он избирается Жогорку Кенешем КР (парламентом), но не входит в ее состав, после избрания омбудсмана парламентом он подчиняется только закону и нормам морали [7, с. 32-34]. Омбудсмен независим от исполнительной власти, потому что именно он контролирует деятельность должностных лиц органов исполнительной власти [18, с. 180-184].

Согласно рекомендации Комитета ООН по правам человека в КР появился омбудсмен по правам ребенка. Права и обязанности детского омбудсмана возложены на заместителя омбудсмана. Это позволит более качественно закрепить и преумножить национальные ценности. Такие как: 1) семья оплот и основа национальной ценности Кыргызстана; 2) ребенок – это гражданин КР будущий защитник и гордость Кыргызстана; 3) семья и дети Кыргызстана основная ячейка государства [17, с.118-125]. Специализированный омбудсмен по правам ребенка, в настоящее время функционирует внутри института омбудсмана [2, с.91-101].

Соответственно, где нет омбудсмана, система государственных органов оказывается неполной [19, с. 87-99] и граждане лишаются средств внесудебной защиты прав и свобод. Несомненно, омбудсмен является востребованным и необхо-

5 Конституция Кыргызской Республики (принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 года, которая вступила в силу 5 мая 2021 г.) (в действ. ред.) // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg>. (дата обращения: 10.01.2022).

6 Подкомитет по аккредитации Международного координационного комитета, замечания общего порядка, п. 2.10.

7 Конституция Кыргызской Республики (принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 года) – Бишкек, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (дата обращения: 10.05.2021).

8 Закон Кыргызской Республики «Об Омбудсмене (Акыйкатчы)» от 31 июля 2002 года № 136. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1093> (дата обращения: 07.01.2021).

9 Доклад Омбудсмана (Акыйкатчы) Кыргызской Республики 2015-2020г. // Официальный сайт Омбудсмана (Акыйкатчы) Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ombudsman.kg/images/files/Ombudsman'sAnnualReportru.pdf>. (дата обращения: 10.01.2022).

димым институтом, который обеспечивает права и свободы человека согласно международным стандартам [21].

О востребованности института омбудсмана свидетельствует количество обращений, поступающих к нему. Так, только в 2019 году к нему поступило 11 260 заявлений граждан, из них 3 237 письменно и 6 115 устных обращений, при этом большая часть из них 8 280 заявлений – это жалобы на действия работников правоохранительных и судебных органов¹⁰.

Кыргызская Республика стремится построить правовое государство, где права человека занимают первостепенное значение. Одной из важных форм взаимодействия Кыргызской Республики с ООН является представление официальных докладов в Комитет ООН по правам человека, в которых отражается взгляд на ситуацию с правами человека в определенной области общественных отношений. Комитет рекомендовал Кыргызской Республике учредить национальный превентивный механизм, который будет способствовать предупреждению и выявлению фактов пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращений и наказания путем проведения мониторинга соблюдения прав и свобод человека и гражданина, в особенности лиц, находящихся в местах принудительного содержания [3, с. 58]. Его практическую апробацию на территории Кыргызской Республики необходимо осуществлять совместно с институтом омбудсмана, неправительственными организациями и общественными учреждениями, тем самым повышая его результативность. Национальный превентивный механизм – это система предупреждения пыток и жестокого обращения в местах лишения и ограничения свободы в отношении содержащихся в них лиц, функционирующая посредством деятельности уполномоченного государственного органа – Национального центра Кыргызской Республики по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания¹¹.

В настоящее время Омбудсмен Кыргызской Республики и Национальный центр по предупреждению пыток совместно с Кабинетом министров проводит мониторинг деятельности органов уголовно-исполнительной системы Кыргызской Республики с целью выполнения рекомендаций Комитета ООН, с тем чтобы соответствовать Парижским принципам.

Пристатейный библиографический список

1. Башимов М.С. Институт омбудсмана (Уполномоченного по правам человека) // Государство и право. Астана, 2003. № 5. С. 33-35.
2. Бегаева А.А. Развитие специализированного института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Право и политика. 2004. № 5. С. 91-101.
3. Борсученко С.А. Контроль за соблюдением прав и законных интересов осужденных к лишению свободы Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации. М., 2005. С. 58.
4. Бутусова Н.В. Конституционно-правовой институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы // Журнал российского права. 1999. № 7/8. С. 17.
5. Викулова Т.А. Принципы деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Омбудсмана (Акыйкатчы) в Кыргызской Республике // Научный вестник Омской академии МВД России. Омск: ОНИРИО Омской академии МВД России. 2013. № 2 (49). С. 61-65.
10. Доклад Омбудсмана (Акыйкатчы) Кыргызской Республики 2019г. // Официальный сайт Омбудсмана (Акыйкатчы) Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ombudsman.kg/images/files/Ombudsman'sAnnualReportru.pdf>. (дата обращения: 10.01.2022).
11. О Национальном центре Кыргызской Республики по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: Закон Кыргызской Республики от 12 июля 2012г. №104 (в действ. ред.) [Электронный ресурс]: // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. - Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg>. (дата обращения: 10.01.2022).
7. Дехканова К.А. История создания и роль института Омбудсмана (Акыйкатчы) в обеспечении прав и свобод человека и гражданина // Известия вузов. Ош. 2015. № 7. С. 194-196.
8. Дусматова Ч.А. Правовые аспекты деятельности Омбудсмана Кыргызской Республики // Известия вузов. Ош. № 9. 2012. С. 32-34.
9. Корабельникова Ю.Л. Конституционно-правовые основы взаимодействия Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и органов исполнительной власти в обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 24 с.
10. Корабельникова Ю.Л. Сравнительно-правовой анализ статуса омбудсмана в современных демократических государствах // Право явление цивилизации и культуры / Отв. ред. М.В. Немытина М.: РУДН, 2019. С. 163-171.
11. Коровникова Е.А. Деятельность Уполномоченного по правам человека в контексте осуществления парламентского контроля в Российской Федерации // Юридический мир. 2007. № 8. С. 32-41.
12. Колопов А.С. Особенности института Омбудсмана как государственного правозащитного органа // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2016. № 3. С. 55-59.
13. Маматашимов Д.С. Возникновение и становление института Омбудсмана в Кыргызской Республике (прошлое и настоящее, зарубежный и отечественный опыт) // Известия вузов Кыргызстана. 2017. № 12. С. 104-106.
14. Омарова У.А. Реализация положений докладов регионального Уполномоченного: формы и уровни взаимодействия с органами власти // Омбудсмен. 2013. № 2. С. 36-40.
15. Проблемы защиты прав человека на евразийском пространстве: обмен лучшими практиками омбудсменов: материалы междунар. научно-практич. конф. (Москва, 5 декабря 2017г.) / Под ред. Т.Н. Москальковой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации; Аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Москва: МГИМО-Университет, 2018. 201 с.
16. Селюков А. Соотношение российских и европейских стандартов защиты прав и свобод человека // Безопасность Евразии. 2004. № 1. С. 134-135.
17. Синцов Г.В. Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации как инструмент защиты прав и свобод неопределенного круга лиц // Юридический мир. 2014. № 5. С. 8-10.
18. Трифионов С.Г. Конституционно-правовой институт регионального омбудсмана, его особенности и виды в современных государствах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 1. С. 118-125.
19. Феоктистов Д. Е. Институциональная независимость омбудсмана // Вестник МНЭПУ. 2014. № 1. С. 180-184.
20. Хаманева Н.Ю. Конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Конституция: сравнительно-правовое исследование / Под ред. В. А. Туманова. М., 2008. С. 87-99.
21. Чайка А.Б. Обеспечение прав человека в процессе взаимодействия правоохранительных органов // Соблюдение прав и свобод личности в деятельности органов внутренних дел. Материалы научно-практического семинара. – М., 2001. С. 129-134.
22. Эмих В.В. Компетенция уполномоченных по правам человека в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: монография / Под ред. В.Н. Реденко. Е., 2010. 215 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-113-115

НИКИФОРОВА Елена Николаевна

кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой национальной безопасности и международного права Российского государственного гидрометеорологического университета а

СОБЛЮДЕНИЕ И ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА – ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье анализируются различные научные определения понятия «национальная безопасность» с позиции изменяющегося отечественного законодательства. Рассматриваются точки зрения о возможности вторжения в сферу правового статуса личности, пределах его умаления, отмечается, что среди фундаментальных условий безопасности, принцип соблюдения и защиты правового статуса личности является основополагающим. Изложено предположение о нецелесообразности создания специализированного суда по правам человека, обосновывается позиция о необходимости укрепления государственных гарантий обеспечения прав человека, независимости судебной власти как основного гаранта защиты прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, вторжение и умаление, судебная власть, независимость, гарантии, национальная безопасность.

NIKIFOROVA Elena Nikolaevna

Ph.D. in Law, professor of National safety and international law sub-faculty of the Russian State Hydrometeorological University

OBSERVANCE AND PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS – THE FUNDAMENTAL PRINCIPLE OF ENSURING NATIONAL SECURITY

The article analyzes various scientific definitions of the concept of “national safety” from the standpoint of the changing domestic legislation. The points of view on the possibility of intrusion into the sphere of fundamental human and civil rights and freedoms, the limits of their diminution, are considered, it is noted that among the principles of ensuring security, the principle of observance and protection of human and civil rights and freedoms is fundamental. An assumption is made about the inexpediency of creating a specialized court for human rights, the position is justified on the need to strengthen state guarantees for ensuring human rights, the independence of the judiciary as the main guarantor in the field of protecting human and civil rights and freedoms.

Keywords: national safety, human and civil rights and freedoms, invasion and belittling, judiciary, independence, guarantees.

Никифорова Е. Н.

В условиях новых тенденций периода проистекающих в мире трансформаций, изменения мирового порядка, Российское государство показало другим странам свою экономическую стабильность, доказало способность противостоять санкциям и прочему внешнему давлению. Усиливающаяся нестабильность в мире может привести к разрушению традиционных ценностей и игнорированию основополагающими правами людей. В этот период, когда изменились не только внешние, но и внутренние условия развития российского общества, Россия переходит к совершенно иной модели обеспечения безопасности в целом.

Вышесказанное актуализирует развитие отдельных видов безопасности. Кроме того, актуальность исследования такого явления, как «безопасность», возросла в связи с утверждением Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 № 400, хотя в ней не содержится определения самого термина «безопасность».

Ныне действующий Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (с изменениями от 09.11.2020) «О безопасности» [7] также не определяет понятие «безопасность», законодатель акцентирует внимание на охранной деятельности и устанавливает компетенцию органов государственной власти и местного самоуправления в сфере создания мер по ограждению от опасности.

Доктрина правовой безопасности постоянно развивается. Ряд ученых обращались к категории и исследовани-

ям «безопасности» на протяжении многих лет [8], [17], [18]. Были предложены различные дефиниции.

Современные представления о феномене безопасности также чрезвычайно разнообразны. Исследователи рассматривают определение понятия «национальная безопасность» с позиций изменения отечественного законодательства. Так, Поддубный А. О., Удичак Ф. Н., проанализировав различные точки зрения на понятие «национальная безопасность», делают вывод, что «национальная безопасность» непосредственно связана с ценностями, формируемыми в обществе. Вместе с тем, восприятие и понимание национальных ценностей и идеалов конкретным субъектом в конкретное время было и будет иным» [6]. На современном этапе, когда происходит обострение межгосударственных противоречий, мир переживает период преобразований, в России проводится политика, направленная на реформирование экономики, эволюцию производительной мощности и усиление возможностей боеготовности, что отмечается в Стратегии национальной безопасности.

Безопасность является критерием и определяет границы возможного вторжения в охраняемую сферу личных прав человека, она определяет основное содержание деятельности органов публичной власти в Российской Федерации.

В статьях 2, 18 Конституции Российской Федерации зафиксированы фундаментальные положения, которые именно возвышают человека как главную основу правовой

системы нашего государства. Права и свободы человека и гражданина, провозглашенные в Конституции Российской Федерации, представляют собой фундамент организации российского общества и государства, ядро взаимодействия личности и публичной власти, а их соблюдение и защита является основополагающим принципом обеспечения национальной безопасности. При этом права и свободы человека и гражданина не представляются непоколебимыми. Следует отметить, если каждый человек начинает пользоваться своими правами, то он не может вторгаться в сферу пользования правами других лиц, мешать и препятствовать им, не может нарушать реализацию прав и свобод других лиц, об этом говорится в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ.

Кроме того, законодательные органы страны не должны принимать законы, которые будут содержать статьи, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Данное важное положение установлено в статье 55 Конституции России.

В статье 56 Конституции РФ установлено, что при определенных исключительных обстоятельствах возможно ограничение прав и свобод, но только в соответствии с федеральным конституционным законом и обязательным условием при этом является четкое установление пределов и срока их действия.

Наступление обстоятельств чрезвычайного характера, которые относятся к внутренним угрозам и могут принести человеческие жертвы, вред здоровью человека или экологии, повлечь существенные материальные потери и нарушение условий жизни людей, приводит к созданию особого правового режима (чрезвычайного [10] или военного [11] и др.), часто упоминаемого в науке «особенный» [12]. Особый правовой режим влечет за собой принятие государством чрезвычайных мер, направленных на устранение этих угроз и последствий, а для их эффективной реализации – допустимость ущемления правового статуса личности.

Интересной с правовой точки зрения является ситуация с ограничениями, вводимыми в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и предотвращением ее распространения. К Омбудсмену обращаются по вопросам соблюдения трудовых прав при противодействии распространению COVID-19, об обязательной вакцинации, обязательном ношении масок и др. [14] То, что пандемия угрожает правам человека, признали все страны. Поэтому не случайно Организация Объединенных Наций обратилась ко всем странам разработать и принять гораздо сбалансированную консенсусальную и целенаправленную на права человека позицию на пандемию, которую Генеральный секретарь Антониу Гутерриш назвал «общечеловеческим кризисом» [15].

На наш взгляд, проблема определения пределов ограничения прав личности в различных сферах, которая была изучена всесторонне, является важной и актуальной. Смирнова И. Г. оценивает критерии пределов ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве, обосновывая особую роль судебной власти в обеспечении законности подобного ущемления правового статуса участника уголовного процесса [9]. Сложным остается вопрос синхронизации защиты интересов личности с интересами общества и государства. Ю. К. Орлов, утверждал в свое время, что права личности не могут являться высшей ценностью, так как требуется взвешенное целесообразное соотношение между интересами личности и общества. В этом заявлении не все позиции являются бесспорными, особенно в той части, где права человека поставлены на карту как высшая ценность.

Следует заметить, что работа Орлова Ю. К. [4] относится к сфере уголовного судопроизводства, в которой пределы ограничения прав личности связаны с совершением преступлений, за которые наступает уголовная ответственность. Говоря о балансе интересов личности и общества в целом, трудно сделать однозначные выводы, когда речь идет о национальной безопасности в сфере защиты суверенитета и целостности государства. Здесь важно правильно определить главные национальные интересы. С учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире ее национальными интересами на современном этапе являются создание комфортных жизненных условий граждан России, улучшение демографических показателей, обеспечение народа.

При обсуждении конечных целей ограничения прав личности уместно задуматься о всесторонней важности и значимости индивидуальных и социальных потребностей.

Среди ученых высказывалось мнение, что отсутствие единых концептуальных подходов к правовому регулированию общих условий возникновения оснований для ущемления конституционно-правового статуса личности ведет к тому, что при разработке и принятии новых законов не всегда удается соблюдать требования статьи 55 Конституции РФ при определении критериев и меры таких ограничений. Поэтому, несмотря на конституционный принцип недопущения произвольного ограничения прав человека (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), не допустить волевого и контролируемого уменьшения объема содержания закона является непростой задачей [2].

Можно сделать вывод, что защита прав и свобод человека и гражданина на современном этапе предполагает создание надежных механизмов, а также гарантий их обеспечения. Защитой прав человека занимаются прокуратура, Уполномоченный по правам человека, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека и Конституционный Суд РФ. На наш взгляд, самым эффективным механизмом является судебная защита прав человека, осуществляемая судами общей юрисдикции. Но и здесь возникает вопрос: способна ли нынешняя судебная система обеспечить такую защиту? Среди ученых-правоведов высказываются различные точки зрения по этому вопросу [16].

В декабре 2020 года проходило очередное совещание Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Глава государства по итогам этого заседания в январе 2021 года утвердил перечень поручений, одно из которых содержало рекомендацию Верховному Суду Российской Федерации совместно с Министерством юстиции Российской Федерации рассмотреть целесообразность создания российского суда по правам человека и представить при необходимости соответствующие предложения [5].

Следует отметить, что участники вышеупомянутого заседания, приглашенные, принявшие участие в круглом столе, состоявшемся в Общественной палате Российской Федерации 16 марта 2021 года, с нейтральной позицией Председателя Совета (В. А. Фадеева), изложили различные позиции относительно Российского суда по правам человека: от поддержки идеи его создания (Г. А. Осокин, Е. Н. Мысливский и др.) до отсутствия необходимости в таком суде (Т. Н. Москалькова, Т. К. Андреева, В. Н. Плигин и др.) [3].

Представляется, что создание российского суда по правам человека нецелесообразно по ряду причин. Во-первых,

сложно определить его компетенцию и практически вписать в существующую судебную систему, по сути — это специализированный суд. А это также означает изменение компетенции и полномочий действующих судов. Во-вторых, какими будут критерии определения компетенции суда по правам человека, если практически в каждом рассматриваемом суде общей юрисдикции сегодня так или иначе затрагиваются вопросы восстановления различных (трудовых, экономических, социальных и т.д.) нарушенных прав человека? Кроме того, конечно, потребуются дополнительные финансовые ресурсы для обеспечения функционирования новой судебной системы. В этой связи целесообразнее продолжить судебную реформу, укрепить независимость судебной власти, создав тем самым дополнительные условия, обеспечивающие права человека. Весьма категорично высказался по данному поводу В. А. Винокуров, который не поддерживает эту идею и считает, что «разумнее привести в порядок нынешнюю систему судебной власти, определив главный показатель результатов ее деятельности по защите прав и свобод человека и гражданина» [1].

В период глобализации некоторые зарубежные юристы сходятся во мнении, что государственное право отдельных стран будет заменено международным правом и к этому имеются определенные предпосылки. В будущем, по их мнению, будет создан единый мировой судебный орган. Российские ученые считают подобную позицию недоказанной и преждевременной [13].

Подводя итоги, хотелось сделать определенные выводы относительного, что в современном стремительно изменяющемся мире национальная безопасность обеспечивается только при состоянии защищенности интересов нашего государства от внешних и внутренних угроз, при которых соблюдаются конституционные права и свободы граждан. Вместе с тем очень трудно найти баланс и критерии для их соблюдения и обеспечения в случае необходимости ограничения. Сегодня функционирует целая система средств и механизмов, направленная на создание условий, обеспечивающих их достойную реализацию. Среди них можно выделить работу таких органов как: прокуратура, Уполномоченный по правам человека, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, и конечно — суды. Только судебный контроль со стороны независимой судебной власти может создать надежные условия действенной защиты прав и свобод человека. Поскольку безопасность является критерием умаления конституционно-правового статуса личности, а значит, определяет смысл и содержание деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в Российской Федерации, можно констатировать, что назрела необходимость поиска путей укрепления гарантий прав человека и выработке новых защитных механизмов.

Пристатейный библиографический список

1. Винокуров В. А. Размышления о российском суде по правам человека // Российский судья. - 2021. - № 6. - С. 54-58.
2. Згонников П. П. К вопросу о целях ограничения прав // Российская юстиция. - 2019. - № 7. - С. 12-15.
3. Нужен ли российский суд по правам человека? Будет ли в России собственный суд по правам человека // Официальный сайт Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. [Электронный ресурс].

- Режим доступа: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/6570/> (дата обращения: 07.04.2021).
4. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. - М.: Юрист, 2009. - С. 14-15.
 5. Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека (утв. Президентом Российской Федерации 28.01.2021, № Пр-133) // Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64952> (дата обращения: 07.04.2021).
 6. Поддубный А. О., Удычак Ф. Н. К вопросу о понятии «национальная безопасность» // Российская юстиция. - 2019. - № 6. - С. 6-7.
 7. «Собрание законодательства РФ». - 03.01.2011. - № 1. - Ст. 2.
 8. Мирошниченко В. М. Национальная безопасность РФ. - М., 2002.
 9. Смирнова И. Г. К вопросу о пределах ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. - 2015. - № 5. - С. 28-32.
 10. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. - 2001. - № 23. - Ст. 2277.
 11. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 23.06.2020) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СЗ РФ. - 1994. - № 35. - Ст. 3648.
 12. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. - 2006. - № 11. - Ст. 1146.
 13. Фоков А. П. Международные и национальные права в условиях глобализации: обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина // Международное публичное и частное право. - 2011. - № 4. - С. 8-14.
 14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ombudsmanrf.org/russia/search?page=4>.
 15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/coronavirus/protecting-human-rights-amid-covid-19-crisis>.
 16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ombudsmanrf.org/ombudsman/document/ezhegodnye_doklady.
 17. Воронов А. М. Проблемы теории и практики обеспечения общественной безопасности. - М., 2006.
 18. Кардашова И. Б. МВД России в системе обеспечения национальной безопасности РФ. - М., 2006.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-116-120

НИКОЛАЕВ Владимир Александрович

аспирант кафедры конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия (г. Москва), ведущий консультант отдела аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИЯМИ, УСТАВАМИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проанализированы ключевые аспекты понимания права на развитие в международных правовых актах, а также выделены различные точки зрения российских специалистов, исследовавших данное право. С учетом федеративной природы российского государства рассмотрены особенности защиты права на развитие конституциями, уставами субъектов РФ.

Целью исследования является выявление конституционно-правовых аспектов теории и практики регулирования права на развитие.

Задачи исследования: проведение сравнительного анализа научных взглядов относительно понимания права на развитие, а также выявление правовых основ защиты данного права на региональном уровне посредством конституций, уставов субъектов РФ.

Методология. Использовались методы анализа, синтеза, сравнения, толкования права и некоторые другие.

Выводы: Сделан вывод о фрагментарности и несбалансированности правовой защиты права на развитие основными законами субъектов РФ. Законодательным органам субъектов РФ предложено обратить внимание на состояние правовой регламентации норм-гарантий в конституциях (уставах) субъектов РФ с целью систематизации и расширения их перечня.

Оригинальность/ценность: Статья может быть полезна для специалистов в области права и широкого круга читателей, интересующихся проблемами конституционного права.

Ключевые слова: права человека, право на развитие, гарантии защиты прав человека, Конституция РФ, конституции (уставы) субъектов РФ, правозащита.

NIKOLAEV Vladimir Aleksandrovich

postgraduate student of N. V. Vitruk Constitutional law sub-faculty, lead consultant at the Office of the Ombudsman's office in the Russian Federation

SPECIAL FEATURES OF THE PROTECTION OF THE RIGHT TO DEVELOPMENT IN THE CONSTITUTIONS AND STATUTES OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article analyzed key aspects of the understanding of the right to development in international legislation, and also highlighted various points of view of Russian specialists who had studied that right. Due to Russian's federal structure, the constitutions and statutes of the constituent entities of the Russian Federation consider the special features of the protection of the right to development.

The purpose of the study is to identify the constitutional and legal aspects of the theory and practice governing the right to development.

The objectives of the study are to conduct a comparative analysis of scientific views regarding the understanding of the right to development, as well as to identify the legal bases for the protection of this right at the regional level through the constitutions and statutes of the constituent entities of the Russian Federation.

Methodology. Methods of analysis, synthesis, comparison, interpretation of the law and some others were used.

Conclusions: The conclusion is reached that the legal protection of the right to development by the basic laws of the constituent entities of the Russian Federation is fragmented and unbalanced. The legislative (representative) bodies of the constituent entities of the Russian Federation are invited to draw attention to the status of legal regulation of the norms and guarantees in the constitutions (statutes) of the constituent entities of the Russian Federation with a view to systematizing and expanding their list.

Originality/value: An article can be useful for legal professionals and any specialist, which are interested in the problems of constitutional law.

Keywords: human rights, right to development, guarantees of human rights protection, Constitution of the Russian Federation, constitutions (statutes) of the constituent entities of the Russian Federation, legal protection.

Николаев В. А.

Введение

Тематика развития человека и общества не перестает быть актуальной и в настоящее время. Преимущественно это связывается с процессами усиления взаимозависимости между человеком и государством, взаимосвязанности и укрепления единства Федерации в целом с субъектами РФ. Современные глобальные вызовы и угрозы, включающие эпидемии, бедность, экономические кризисы, эко-

логическое неблагополучие и многие другие ставят перед государствами массу задач для их решения. Право, как регулятор общественных отношений во многом служит инструментом для выстраивания адекватных способов защиты прав человека.

Поиск эффективных путей развития человека предопределяет построение такой государственности, которая отечесла бы общим интересам и в то же время не ущемляла

интересов отдельной личности в реализации неотъемлемого права на развитие.

В этих процессах значимую правозащитную роль играют имеющиеся институциональные механизмы защиты прав человека как предмета совместного ведения Федерации и субъектов РФ.

Интерес в настоящей работе представляет в большей степени анализ конституций, уставов субъектов РФ, которые, как основные законы субъектов РФ и акты учредительного характера, вносят весомый вклад в обеспечение защиты прав человека в региональном пространстве с помощью заложеного в них Конституцией РФ правозащитного потенциала.

Отдельные вопросы формирования и закрепления права на развитие в различных источниках (формах) права

Право на развитие как комплексное универсальное право относится к правам третьего поколения. При этом данное право первоначально формировалось в виде концепции. Сам термин введен в оборот кардиналом Дювалем. Уточнение существа этого права раскрыто в 1972 г. в письме в Международный институт прав человека в Страсбурге, автором которого выступил Председатель Верховного Суда Сенегала Кеба Мбайе. В 70-х годах XX в. директором Комиссии ЮНЕСКО по правам человека и мира Карелом Васаком право на развитие включено в предложенную им концепцию прав третьего поколения [7. с. 5-6].

Общий смысл права на развитие раскрывается в международных правовых актах. В концепциях, резолюциях, декларациях и иных международных документах провозглашаются различные блага, необходимые для свободного и полного развития личности в государстве.

Во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) в ст. 29 указывается на обязанности человека перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности.

В специальной Декларации о праве на развитие в ст.1 это право понимается как неотъемлемое право человека, в силу которого каждый человек и все народы имеют право участвовать в таком экономическом, социальном, культурном и политическом развитии, при котором могут быть осуществлены все права человека и основные свободы, а также содействовать ему и пользоваться его благами.

Анализируя данное определение, можно выделить существенные признаки этого права:

1. Является неотъемлемым.
2. Подразумевает право участия каждого в экономическом, социальном, культурном и политическом развитии.
3. Предполагает осуществление всех прав человека и основных свобод.
4. Содействует в пользовании благами.

В Декларации тысячелетия ООН (2000) обозначены ключевые цели права на развитие через создание гарантий социального обеспечения, охраны окружающей среды и др.

Если развивается человек как личность во всех смыслах - физиологическом, социальном, духовном, социальном и экономическом плане, то и развивается общество с государством. От каждого человека в отдельности зависит прогресс социума.

В национальном законодательстве, в частности в Конституции РФ и конституциях, уставах субъектов РФ, право на развитие напрямую не нашло отражения. Вместе с тем

развитие современного демократического государства невозможно представить без развития человека и социума в целом. Именно от их развития зависит уровень благосостояния государства и функционирования его институтов.

На национальном уровне право на развитие фактически провозглашается в положениях ст. 7 Конституции РФ, определяющей государство социальным, политика которого направлена на обеспечение достойной жизни и свободного развития человека.

Таким образом, достойная жизнь и свободное развитие человека являются неотъемлемыми составляющими права на развитие.

О важности права на развитие свидетельствуют и последние внесенные поправки в Конституцию РФ 2020 года. В частности, изменения затронули различные сферы. В социально-экономической сфере, например, появилось положение о формировании пенсионного обеспечения на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений (ч.6 ст. 75). Оказались провозглашены в ст. 75.1 Конституции РФ следующие маркеры, связанные с обеспечением права на развитие: устойчивый экономический рост страны, повышение благосостояния граждан, защита достоинства, сбалансированность прав и общностей граждан и др.

Право на развитие: концепции понимания в теоретико-правовом дискурсе

Исследованию права на развитие посвящено небольшое количество отечественных работ. В научной литературе предпринимались попытки определить право на развитие, но, как правило, учеными рассмотрено данное право сводится к анализу международных и национальных правовых актов. Например, Д.З. Мутагировым на основе исследования международных норм выделены критерии обеспечения права на развитие, связанные с ликвидацией бедности, обеспечением возвышения человеческого достоинства, а также гарантиями должного государственного управления [5. с. 457-458].

А.М. Муравьев рассматривает право на развитие как элемент правовых систем в двух смыслах: как право в собственном смысле, а также как правовая идеология и правовой идеал в контексте универсальной международно-правовой системы [4. с. 8]. Данным автором также отмечается невозможность воплощения идеала социального государства без реализации декларируемого на универсальном уровне права на развитие [4. с. 10].

С.В. Масловой право на развитие рассматривается как основной международный принцип, возлагающий на субъектов международного права обязанности по созданию благоприятных условий для прогрессивного экономического, социального, политического, культурного и экологически устойчивого развития народов, индивидов и их государств [3. с.7].

Достаточно детальное и емкое определение дано И.А. Умновой (Конюховой), которая право на развитие понимает как «неотъемлемое и глобальное по своему значению право, в соответствии с которым каждый человек, коллективные субъекты – социальные группы и общности имеют возможность в установленных правовых пределах на реализацию своих потребностей и пользование благами, гарантируемыми государствами и международным сообществом, а также

участвовать в таком экономическом, социальном, духовно-культурном и политическом развитии, при котором в условиях неуклонного повышения степени реализации прав и свобод большинством населения (народа) страны, обеспечивается достойный уровень жизни и справедливость, соблюдение других общепризнанных принципов и ценностей гуманизма» [7. с. 29]. В другой своей работе этим же автором право на развитие раскрыто через близкую по смыслу категорию – устойчивое развитие, как один из принципов гуманизма, включающий такие составляющие, как благополучие народа, сбалансированность экономического, социального и экологического развития, всеобщее процветание и достойная работа для всех с учетом разных уровней национального развития и возможностей, свобода от нищеты, голода, болезней и нужд, равный и всеобщий доступ к качественному образованию, национальное примирение, интеграция нации, стабильность, безопасная среда обитания, равные возможности, позволяющие в полной мере раскрыть человеческий потенциал [6. с. 174].

Право на развитие во многом может пониматься и через более общие фундаментальные принципы права, например, верховенство права. К примеру, В.Д. Зорькин рассматривает осуществление верховенства права как необходимую предпосылку успешного развития каждого национально-государственного сообщества, обеспечивая свободную (а значит, наиболее полную) реализацию его человеческого потенциала [1. с.15].

Анализ вышеперечисленных научных взглядов в международном и национальном аспектах может свидетельствовать об имеющемся в настоящее время многообразии научных взглядов по определению права на развитие и его неотъемлемых критериев. В целом, независимо от понимания данного права, стоит отметить, что оно так или иначе связывается с построением такого государства, которое отвечало бы передовым международным стандартам достойной жизни, позволяющим человеку свободно использовать свои творческие способности, которые обогащали бы его жизнь и активизировали стремления к созиданию.

Право на развитие на региональном уровне и его защита конституциями, уставами субъектов РФ

С учётом федеративного устройства РФ и отнесения в соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ защиты прав и свобод гражданина, защиты прав национальных меньшинств к совместному ведению РФ и субъектов РФ на последних, в рамках предоставленных им полномочий, ложится пласт задач, направленных на реализацию конституционных требований обеспечения прав и свобод человека и их защиты.

Субъекты Федерации, реализуя полномочия по защите прав человека законодательно не ограничены в закреплении дополнительных гарантий и принятию мер по повышению уровня правовой гарантированности прав человека.

Можно в целом отметить, что конституционно-уставное регулирование содействует в осуществлении полномочий Российской Федерации по защите прав человека. Фактически субъекты РФ при реализации своих правозащитных полномочий в рамках совместного ведения выполняют вспомогательную роль. Напрямую об этом указывается в ч. 2 ст. 74 Конституции Кабардино-Балкарской Республики (от 1 сен-

тября 1997 г. в ред. от 15 июля 2021 г.), где говорится, что Республика обеспечивает комплексное экономическое и социальное развитие, способствует осуществлению полномочий Российской Федерации.

Это вполне отвечает установленным конституционно-правовым стандартам обеспечения права на развитие путем проведения такой региональной политики, которая могла бы способствовать повышению защищенности прав человека в контексте создания условий беспрепятственной реализации человеком своих прав.

Особенностью конституций, уставов субъектов РФ является их правовое содержательное наполнение. Практически в каждом из учредительных актов, начиная от преамбулы и заканчивая отдельными нормами статей, очерчиваются наиболее важные для повышенной защиты группы прав. Как правило, это вопросы, связанные с содействием в развитии народов, их этнокультурного и языкового многообразия, защитой прав национальных меньшинств, развитием системы социальных гарантий, обеспечение всесторонней защиты и развития детей, молодежи и др. Как основные учредительные акты субъектов Федерации они устанавливают ориентиры по формированию законодательства субъектов РФ, основанного на правозащитных началах.

Право на развитие в конституциях, уставах субъектов РФ реализуется в закреплении правовых норм-гарантий в контексте национальных, культурных, исторических, географических, социально-экономических особенностей отдельно взятого региона.

Прежде всего идеологическую основу для воплощения и объективизации права на развитие в регионах составляют положения преамбул конституций, уставов субъектов РФ, которые по своему характеру представляются программными.

Исходя из обозначенных в преамбулах задач по принятию Основных законов субъектов РФ, их нормы оказались наполнены положениями о стремлении к обеспечению справедливости, равенства, свободного развития личности, устойчивого развития общества, мира и безопасности.

Как правило, в субъектах Федерации делается акцент на повышенной защите наиболее значимых для определенного субъекта РФ сфер.

Преамбула Конституции Кабардино-Балкарской Республики в качестве одной из целей принятия Основного закона указывает на стремление к созданию благоприятных условий для свободного развития всех граждан. В преамбуле Конституции Республики Бурятия говорится о проявлении заботы о сохранении и самобытном развитии народов.

В Уставе Хабаровского края (от 30 ноября 1995 г. в ред. от 29 сентября 2021 г.) преамбула в контексте права на развитие определяет следующие цели и функции: создание достойных условий жизни, уважение вклада предшествующих поколений в развитие края, забота о старших поколениях и молодежи, развитие русской культуры и культуры других народов, в том числе коренных малочисленных народов и т.п.

На предоставление возможностей «для полнейшего развития личности» указывается и в преамбуле Устава Калужской области (от 27 марта 1996 г. в ред. от 26 октября 2021 г.).

Сами положения конституций, уставов субъектов РФ отличаются разнообразием правового регулирования в контексте закрепления норм, регламентирующих право на развитие.

В ст. 18 Конституции Республики Дагестан (от 10 июля 2003 г. в ред. от 1 июля 2021 г.) отмечается, что составляющими общественного порядка и социального мира являются достоинство личности, ее свободное развитие, уважение закона и прав других людей.

В Конституции Республики Калмыкия (от 5 апреля 1994 г. в ред. от 10 июня 2021 г.) в первых же статьях акцентируется внимание на задачах по созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие своих граждан (ст. 3).

Среди имеющихся конституций, уставов субъектов РФ идея реализации права на развитие наиболее полно отражена в программных положениях Конституции Республики Карелия (от 12 февраля 2001 г. в ред. от 20 февраля 2021 г.). Так, в ч. 1 ст. 4 Конституции данной Республики говорится о направленности политики на обеспечение равных и справедливых возможностей для развития личности.

Развитие общества, воспитание человека и гражданина обозначены в ст. 83 Устава Курской области (от 2 октября 2001 г. в ред. от 9 ноября 2020 г.) как основополагающие в признании и поддержке. В ст. 94 Устава Московской области (от 11 декабря 1996 г. в ред. от 27 мая 2021 г.) обозначается основополагающая роль воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта в развитии общества, нравственном, эстетическом воспитании человека и гражданина. В ч. 1 ст. 7 Устава Липецкой области (от 9 апреля 2003 г. в ред. от 21 июня 2021 г.) отмечается о создании условий для обеспечения достойной жизни и свободного развития человека, оказании помощи малоимущим и другим остро нуждающимся гражданам. В последующих частях этой же статьи перечислены необходимые элементы, без которых право на развитие не было бы осуществимым: охрана труда, прожиточный минимум, поддержка семьи, материнства, отцовства, детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб, культурное развитие человека и общества, обеспечение экологической безопасности и рационального природопользования. Схожие положения закрепляются и в Конституции Республики Крым (от 11 апреля 2014 г.) (ст. 4).

В Конституции Республики Карелия перечисленные составляющие усиливаются закреплением верховенства права (ст. 5). Данный принцип, как и право на развитие, не нашел отражение в действующей Конституции РФ, но считается общепризнанным международным принципом. Анализируя принципы современной государственности Л.С. Мамут справедливо заметил, что, «когда речь заходит о господстве права, имеют в виду «право» не как сложное полифункциональное образование или как некое собрание официальных актов, а в первую очередь как самодовление и приоритет «естественных» прав и свобод человека» [2. с. 358].

С учётом многообразия языков и проживающих народов на территории Российской Федерации в конституциях, уставах субъектов РФ закрепляются дополнительные право-защитные механизмы по их сохранению и развитию. Например, ч. 3 ст. 13 Конституции Республики Алтай (от 7 июня 1997 г. в ред. от 13 мая 2021 г.) провозглашает алтайский язык основой национального самосознания алтайского народа. Одновременно с этим перед органами власти ставятся цели по его возрождению, сохранению, развитию и расширению среды употребления.

Аналогично языковая защита закрепляется и в положениях иных национальных республик. Конституция Кабардино-Балкарской Республики закрепляет право на сохранение, развитие и поддержку государства языков представителей народов, компактно проживающих на её территории (ч. 3 ст. 76). В Конституции Республики Калмыкия помимо вышеназванных приводится задача расширения среды употребления языка в качестве приоритетной (ст. 17.).

Схожие положения по развитию и защите родного языка имеются и в других основных законах субъектов РФ. Примечательным является особенно трепетное отношение к защите языка. Это может объясняться тем, что сохранение языка является условием сохранения отдельного народа и его культурной идентичности и развития.

Наряду с установлением механизмов языковой защиты народов в учредительных актах субъектов РФ достаточно часто встречаются положения по защите и развитию традиций и их этнокультурного многообразия.

Конституция Республики Бурятия (от 22 февраля 1994 г. в ред. от 7 октября 2021 г.) создает повышенные условия для защиты наций и национальных групп, проживающих на ее территории, а именно, обеспечивается их свободное развитие, развитие традиций и обычаев, поощряется не противоречащая законодательству деятельность национально-культурных центров, ассоциаций и иных общественных формирований (ч. 3 ст. 4).

Конституция Республики Дагестан (от 10 июля 2003 г. в ред. от 26 июня 2021 г.) создает условия для сохранения и развития культурных и исторических традиций народов Дагестана (ч.2 ст.6). Положения о развитии и сохранении народов прописываются и в других конституциях, уставах субъектов РФ (ст. 21 Конституции Республики Карелия, ч. 2 ст. 3 Конституции Республики Коми и др.).

Ряд конституций, уставов субъектов РФ уделяют внимание духовному развитию своего региона. Духовное развитие провозглашается в Преамбуле Устава Брянской области (от 20 декабря 2012 г. в ред. от 27 февраля 2021 г.). Также о духовном развитии народа упоминается в ч. 2 ст. 2 Конституции Республики Саха (Якутия) (от 4 апреля 1992 г. в ред. от 1 июля 2021 г.). Ч.1 ст. 47 Конституции Кабардино-Балкарской Республики устанавливает гарантии поддержки науки и развития национальной культуры.

Устав Владимирской области в ст. 90 в области духовного развития возлагает на органы государственной власти и органы местного самоуправления повышенные обязательства в целях защиты инфраструктур культуры и социальной поддержки работников культуры.

Достаточно значимое положение в этой же статье закрепляется подп. «б» п. 1, в котором говорится об обеспечении и приумножении исторического и культурного наследия на территории области, предоставлении свободного доступа граждан к духовным ценностям и благам науки и культуры.

Интересный пример выделения отдельной статьей права на доступ к культурно-духовным ценностям демонстрирует Устав Кемеровской области (ст. 23). Среди прочих составляющих этого права в ней выделяется содействие в творческой деятельности и защите прав и интересов творческих работников.

Право на развитие реализуется в конституциях, уставах субъектов РФ и посредством гарантирования принятия спе-

циальных программ, целью которых является обеспечение прав на охрану здоровья, экологическое и эпидемиологическое благополучие и другие права. Указания на такие программы содержатся в конституциях Республик Башкортостан (ч. 2 ст. 43), Бурятия (ч.2 ст. 39), Ингушетия (ч. 2 ст. 41), Кабардино-Балкария (ч. 2 ст.44), Карачаево-Черкессия (ч. 2 ст.38), Уставах Забайкальского края (ч. 2 ст. 98), Кемеровской области (ч.2 ст. 21) и многих других основных законах субъектов РФ.

Встречаются конституции, уставы субъектов РФ, которые в своих положениях более точно сосредоточены на защите права на развитие определенных групп граждан. Например, Конституция Республики Тыва (от 6 мая 2001 г. в ред. от 28 декабря 2020 г.) в ст. 32 формирует гарантии защиты прав ребенка в контексте создания необходимых возможностей для «умственного, нравственного и духовного развития в условиях свободы и достоинства».

Ряд статей уставов посвящены закреплению гарантий самореализации молодежи (или отдельной личности) в общественной жизни (уставы Хабаровского края (ст. 69), Владимирской области (ч.4 ст. 92), Иркутской области (ч. 2 ст. 34), Тульской области (ч. 7 ст. 15), Ямало-Ненецкого автономного округа (ч. 1 ст. 13, ст. ст. 74, 76). Указанные положения статей объединяет цель по созданию условий повышенной гарантированности прав отдельной личности и молодежи в целом. В таком контексте повышенная гарантированность может приравниваться к повышенной защищенности прав.

Категория «самореализация», используемая в учредительных актах субъектов РФ, наиболее полно раскрывается в ст. 34 Устава Иркутской области (от 17 апреля 2009 г. в ред. от 8 февраля 2021 г.) через утверждение в ней принципов развития социальной сферы региона. Провозглашаются следующие взаимообусловленные принципы, имеющие комплексный характер: обеспечение экономической активности человека в условиях формирования социально ориентированной рыночной экономики, развития социального партнерства, сокращения социального неравенства, недопустимости произвольного отказа государства от ранее принятых обязательств. Несколько схожие принципы зафиксированы в положениях ст. 22 Устава Ивановской области (от 18 февраля 2009 г. в ред. от 30 июня 2021 г.).

Многочисленные статьи посвящены закреплению гарантий защиты права на развитие коренных малочисленных народов в конституциях, уставах тех субъектов РФ, где такие народы проживают. Так, например, Устав Ханты-Мансийского автономного округа – Югра (от 26 апреля 1995 г. в ред. от 7 июля 2021 г.) в статье 69, посвященной бюджетной и налоговой политике, гарантирует обеспечение своевременного финансирования программ социально-экономического, культурного и духовного развития коренных малочисленных народов.

Выводы

Анализ теоретического и эмпирического материала показал, что право на развитие представляется сложным многокомпонентным регулятором общественных правоотношений, выступающим своего рода индикатором такой степени обеспечения прав и свобод человека, которая позволяла бы ему наиболее полно реализовывать права в их системном

единстве и не ущемляя при этом права остальных членов общества и государства в целом.

Правовая защита конституциями, уставами субъектов РФ права на развитие носит достаточно фрагментарный характер. Это, прежде всего, связывается с многоаспектностью и универсальностью данного права, так как оно способствует объединению близких по семантическому и правовому значению регуляторов, среди которых право на устойчивое развитие, мир, безопасность, достоинство личности, уважение прав и свобод человека, достойную жизнь, благосостояние, рациональное природопользование, охрану окружающей среды и другие.

Комплексность и инструментальность правовой природы права на развитие позволяет обеспечивать системное единство конституционно-уставных норм. Конституции, уставы субъектов РФ, осуществляя закрепление отдельных элементов универсального права на развитие, тем самым выстраивают ориентиры учреждения и модернизации механизмов региональной защиты прав человека.

В целях определения дальнейших критериев повышения реализации прав и свобод человека в субъектах РФ полагаю необходимым активизировать законотворческую активность законодательных органов субъектов РФ в направлении устранения фрагментарности правовой защиты человека путем систематизации норм конституций, уставов субъектов РФ в контексте усиления гарантированности прав человека. Это способствовало бы дальнейшему повышению социального развития и прогресса в реализации прав и свобод человека, безопасности личности, а также созданию условий для удовлетворения материальных и духовных потребностей, способствующих развитию человека и обеспечения его достоинства.

Пристатейный библиографический список

1. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: монография. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 416.
2. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование: монография / Отв. ред. В.Е.Чиркин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 656.
3. Маслова С.В. Принцип права на развитие в современном международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
4. Муравьев А.М. Право на развитие как явление правовых систем: теоретико-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
5. Мутагиров Д.З. Права и свободы человека: теория и практика. Учеб. пособие. – М.: Университетская книга, Логос, 2006. – 544 с.
6. Умнова (Конюхова) И.А. Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия: Монография/И.А. Умнова (Конюхова). – М.: РГУП, 2016. – 672 с.
7. Умнова И.А., Пименов Е.А., Алешкова И.А. Право на развитие в Российской Федерации: вопросы теории и конституционно-правового регулирования: Монография. – М.: РАП, 2012.

ПРИХОДЬКО Татьяна Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПАРКИНГА КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АГЛОМЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ИРКУТСКА)

Принимая во внимание необходимость воплощения идеи социального государства, как необходимого импульса обеспечения реализации прав человека, в статье изучается вопрос введения платного паркинга. Автор обращается к проблеме создания и управления агломеративными структурами. На основе анализа действующей нормативно-правовой базы выводится план по внесению изменений в структуру правовых актов на примере г. Иркутска.

Ключевые слова: агломерация, стратегия, социальное государство, платная парковка, нормативно-правовой акт, г. Иркутск

PRIKHODKO Tatyana Viktorovna

Ph.D. in law, associate professor of Legal support of national security sub-faculty of the Baikal State University

PARKING' LEGAL REGULATION AS ISSUE FOR THE SOCIAL AND ECONOMICAL PROGRESS OF THE AGGLOMERATION (ON THE EXAMPLE OF IRKUTSK)

Note the needs of implementation the welfare state' ideas as necessary impulse to human rights' realization the article examines the issue of paid parking management. The author also addresses the problem of agglomerative structures' administration. Based on the legislation analysis the article constitutes the plan of introducing changes into the legal acts' structure on the example of Irkutsk.

Keywords: agglomeration, strategy, welfare state, paid parking, legal act, Irkutsk.

Приходько Т. В.

К актуальной повестке отечественного стратегического развития справедливо относится формирование агломераций, как необходимого аспекта воплощения идеи социальной направленности государственности [4, С. 152].

Президентом Российской Федерации была сформулирована цель территориального развития субъектов Российской Федерации, задачами выполнения которой являются совершенствование процесса урбанизации, как необходимого условия обеспечения развития технологий, привлечения инвестиций и, в конечном итоге, роста экономики России¹.

Несмотря на сформулированные цели, правовое регулирование этой сферы является пока фрагментированным и поверхностным. К числу постановлений, закрепляющих понятие агломерации можно отнести Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р² которое посредством развития СПР РФ (стратегии пространственного развития) закрепляет данное определение на законодательном уровне.

Стратегия разработана в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»³ с учетом указов Президента России от 16 января 2017 года № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального раз-

вития Российской Федерации на период до 2025 года» и от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁴, а также в соответствии с Положением о содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития России и подготавливаемых в ее составе предложений о совершенствовании системы расселения на территории России и приоритетных направлениях размещения производительных сил, утвержденного постановлением Правительства от 20 августа 2015 года № 870⁵.

Указанной Стратегией закреплены понятия «крупная городская агломерация» и «крупнейшая городская агломерация». Вместе с этим остается правовой неопределенность по вопросам юридической природы «городской агломерации» и ее места в системе взаимоотношений органов публичной власти, что, в свою очередь, ведет к провалам правоприменения и снижению эффективности управления городскими территориями, и Иркутская агломерация, исторически к территории которой относят Иркутск, Ангарск и Шелехов, а иногда также – Усолье-Сибирское и Черемхово, здесь не является исключением.

Площадь города Иркутск составляет порядка 280 квадратных километров. В жизни города Иркутск, автомобильные дороги играют одну из важнейших ролей, и обусловлено

1 Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 // Собрание законодательства Российской Федерации от 23 января 2017 г. № 4. Ст. 637.
2 Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 февраля 2019 г. № 7 (часть II). Ст. 702.
3 О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 июня 2014 г. № 26 (часть I). Ст. 3378.

4 О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 мая 2018 г. № 20. Ст. 2817.
5 О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации: Постановление Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870 // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 августа 2015 г. № 35. Ст. 4989.

это тем что дороги являются ключевым критерием транспортного сообщения в данном регионе. Если рассчитать площадь дорог, то только с одних улиц города (включая мелкие внутриквартальные площади) эта цифра составит около 6000 тыс. кв. м. Ежегодно ремонту и профилактике подлежат около 105 км автомобильных дорог, что составляет порядка 1100 тыс. кв. м. площади всех дорог региона. Величина дорог, не соответствующих нормам эксплуатации, из общего числа дорог региона, составляла за 2016 год около 58 %.

Не смотря на признание значимости совершенствования магистральной сети в масштабах муниципалитета, региона и государства, очевидно, что решение проблем данного аспекта жизнеобеспечения происходит не в упреждающем, а догоняющем характере.

Повсеместное низкое качество дорожного покрытия, высокий износ общественного транспорта, отсутствие альтернативного вида транспорта и объездных маршрутов, приводит к существенной перегруженности дорог, что, безусловно, отражается на качественной характеристике жизненного цикла населения.

Характеристика транспортно-экономической составляющей городского округа «город Иркутск» позволяет говорить о необходимости дальнейшего совершенствования транспортной схемы города, что не мыслимо без осмысления юридической составляющей намечающихся преобразований. На основе комплексного исследования обозначенных проблем, возможными путями улучшения транспортного компонента городской агломерации могут являться, в частности, обустройство аэроузла на пригородной территории Иркутского района, смещение сосредоточения транспортного парка города в пользу рельсового, внедрение каршеринга, зонирование городских территорий, организация платного паркинга с целью разгрузки транспортной насыщенности, формирование юридических «механизмов взаимодействия региональной и муниципальной власти» [5, С. 34], при этом играет существенную роль.

Вопросам строительства Аэропорта-Новый и формирования рельсовой инфраструктуры [3, С. 310], поиску импульсов культурно-рекреационных ресурсов [2, С. 43], равно как и вопросу каршеринга [1; 7], последние десятилетия уделяется значительное теоретическое внимание, актуальным видится также исследование легальных основ оборудования платных мест автостоянок.

Термин «парковочное место» определен п. 21 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации парковка как «специально обозначенное и при необходимости обустроенное и оборудованное место, являющееся в том числе частью автомобильной дороги и (или) примыкающее к проезжей части и (или) тротуару, обочине, эстакаде или мосту либо являющееся частью подэстакадных или подмостовых пространств, площадей и иных объектов улично-дорожной сети, зданий, строений или сооружений и предназначенное для организованной стоянки транспортных средств на платной основе или без взимания платы по решению собственника или иного владельца автомобильной дороги, собственника земельного участка, либо собственника соответствующей части здания, строения или сооружения»⁶.

Несколько иное определение данного понятия, содержится в п. 1, 5, 6 статьи 3 Федерального закона от 8 ноября 2007 года № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которое расширяет и характеризует понятие дорожной деятельности как всякая деятельность, осуществляемая для восстановления, ремонта, постройки и иной

подобной деятельности в отношении автомобильных дорог, в том числе для осуществления строительных и ремонтных работ на всех объектах относящихся к автомобильным дорогам в том числе: дорожные знаки, дорожные ограждения, осветительные приборы (выполняющие функцию освещения трудно просматриваемых участков дороги), и любые другие элементы автомобильных дорог, относящиеся прямо или косвенно ко всем автомобильным дорогам в регионе⁷.

К акторам обязанностей по проведению организационных мероприятий, включающих создание и обеспечение функционирования парковочных мест можно отнести административные структуры органов власти, в том числе ее физические и юридические лица, представляющие соответствующие права владения автомобильными дорогами в данном регионе⁸. Создаются места стоянки автотранспорта в порядке, установленном Федеральным законом от 8 ноября 2007 года № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации».

Любые автомобильные дороги могут быть признаны федеральными дорогами если их применение входит в рамки федерального значения⁹. Также любые автомобильные дороги, используемые в рамках регионального или муниципального значения, могут называться субъектовыми. Но стоит отметить что в данном случае необходимо также их утверждение органами исполнительной власти субъекта РФ.

В Иркутской области вся деятельность, связанная с ремонтом, строительством и реконструкцией автомобильных дорог регулируется главным образом Перечнем автомобильных дорог, утвержденным Постановлением Правительства Иркутской области № 206-пп от 01.04.2020 г. Перечень автомобильных дорог общего пользования местного значения города Иркутска, утвержден Постановлением Администрации г. Иркутска от 23.01.2013 г. № 031-06-133/13 (с изм. на 5 октября 2020 г.)¹⁰.

«Соответственно уровню вещного владения распределяются и полномочия в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности» [6, С. 36]. Таким образом, органы местного самоуправления в пределах очерченных полномочий вправе, в частности, формировать платные участки дорог, стояночные места, и при этом устанавливать размер платы и методику расчета за пользование.

Обязательства сторон по оборудованию парковочных мест специальными электронными устройствами (паркометрами) для взимания платы за парковку могут быть урегулированы на основе концессионных соглашений¹¹. Такая возможность предоставляется федеральным законодателем¹². Как справедливо отмечает С.И. Шишкин правовая конструкция

7 Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 ноября 2007 г. № 46. Ст. 5553.

8 О безопасности дорожного движения: Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 декабря 1995 г., № 50. Ст. 4873.

9 О перечне автомобильных дорог общего пользования федерального значения: Постановление Правительства РФ от 17.11.2010 № 928 // Собрание законодательства РФ. 29.11.2010. № 48. Ст. 6402.

10 О внесении изменения в Перечень автомобильных дорог общего пользования регионального или межмуниципального значения Иркутской области: Постановление Правительства Иркутской области от 01.04.2020 № 206-пп. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ogirk.ru> (дата обращения: 15.01.2022).

11 О концессионных соглашениях: Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 июля 2005 г. № 30. Ст. 3126.

12 Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации Федеральный закон от

6 Градостроительный кодекс Российской Федерации. от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации от 3 января 2005 г. № 1. Ст. 16.

концессионных соглашений представляется взаимовыгодной моделью кооперации муниципалитета, бизнеса, государства и населения, объединенных общими потребностями нехватки средств, поиск инвестиционного выхода, решение внутренних стратегических задач и улучшение инфраструктуры соответственно [8, С. 33].

Ответственность за нарушение стояночных правил. Исходя из п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации¹³, подп. 39 п. 2 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹⁴, ст. 1.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹⁵, установление как материальных, так и процессуальных основ административной ответственности относится к предметам совместного ведения федерации и регионов. Полномочия по установлению административной ответственности определены уровнем нормативно-правовой базы административной сферы: региональный законодатель не вправе устанавливать административную ответственность по вопросам, нашедшим урегулирование в нормативно-правовых актах федерального уровня.

Применительно к Иркутской агломерации организация платного парковочного пространства касается принятия и внесения изменений в Порядок создания и использования, в том числе на платной основе, парковок (парковочных мест), утверждаемое актом Администрации г. Иркутска, и Методику расчета платы за пользование на платной основе парковками (парковочными местами), принимаемую законодательным органом – Городской Думой г. Иркутска.

Установление административной ответственности за нарушение правил парковки в городе Иркутске требует внесения изменений в Закон Иркутской области от 12 ноября 2007 г. № 107-ОЗ «Об административной ответственности за отдельные правонарушения в сфере охраны общественного порядка в Иркутской области»¹⁶.

Подводя итог осуществленной работе, необходимо отметить, что не смотря на фрагментированность правового регулирования вопросов городской агломерации, можно отметить, что ключевым фактором отнесения городов к таковым является решение вопроса транспортной доступности в пределах городской агломерации для жителей населенных пунктов, планируемых к включению в состав соответствующей городской агломерации, что обуславливает актуальность развития транспортно-пересадочных узлов.

В этой связи предполагается что создание платных парковочных мест на территории населенных пунктов, должно быть организовано в строгом соответствии с законодательством РФ.

Обязательства сторон по оборудованию парковочных мест специальными электронными устройствами (паркома-

тами) для взимания платы за парковку могут быть урегулированы на основе концессионных соглашений. Организация платного парковочного пространства потребует, как принятия, так и изменения актов муниципального и регионального уровней.

Разработанные в проекте подходы и методы имеют прикладной характер. Сформулированные правовые основы могут найти практический отклик в решении транспортных проблем муниципалитета.

Пристатейный библиографический список

1. Бубновская Т. А., Суворов Ю. Б. К вопросу о каршеринге: правовые аспекты // Юрист. 2018. № 7. С. 32-36.
2. Метелева Е.Р. Креативные и культурные индустрии как основа развития туризма в сибирском регионе // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2010. № 6. С. 43-47.
3. Подвербный В. А., Казарина В. В., Подвербная О. В. Проектирование скоростного пассажирского транспорта Иркутской агломерации // Проектирование развития региональной сети железных дорог: сб. науч. тр. под ред. В.С. Шварцфельда. Хабаровск: изд-во ДВГУПС, 2016. Вып. 4. С.308-326.
4. Приходько Т. В., Пичкурова А. А. Развитие городских агломераций как необходимый элемент социального государства: проблемы правового регулирования (на примере города Иркутска) // Обеспечение национальной безопасности в свете глобальных вызовов современности. Материалы международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 152-154.
5. Соколова Л. Г., Михайлова М. А. Механизм взаимодействия региональной и муниципальной власти при решении вопросов социального развития // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2011. № 5. С. 34-42.
6. Хертуев Р. Ю. Правовое регулирование осуществления дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог местного значения // Правовое регулирование осуществления дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог местного значения. 2011. № 5. С. 33-42.
7. Шевченко А.В., Юсупова А.В. Каршеринг в РФ – Договор без названия // Global & Regional Research. 2020. Т. 2. № 1. С. 620-627.
8. Шишкин С. И., Лаврик М. А. Концессионные соглашения в муниципальном праве // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3 (82). С. 30-36.

08.11.2007 № 257-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 ноября 2007 г. № 46. Ст. 5553.

13 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 октября 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 01 июля 2021 г. № 7-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

14 Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 40. Ст. 3822.

15 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1. Ст. 1.

16 Об административной ответственности за отдельные правонарушения в сфере охраны общественного порядка в Иркутской области: Закон Иркутской области от 12 ноября 2007 г. № 107-ОЗ // Областная. № 133. 16.11.2007.

ТЕПЛЯКОВА Ольга Андреевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета

ТЕПЛЯКОВ Дмитрий Олегович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ: ЭЛЕКТРОННЫЕ ОБРАЩЕНИЯ И ПЕТИЦИИ*

В статье исследуется развитие права на обращение в электронной форме. Авторы исследуют индивидуальные обращения и петиции (коллективные обращения). Авторы приходят к выводу, что правовые механизмы обеспечения права на электронные коллективные обращения нуждаются в совершенствовании, поскольку существующий порядок подачи обращений не предполагает коллективную идентификацию заявителей, что выступает препятствием для использования права на коллективное обращение. Портал «Российская общественная инициатива» частично способствует реализации права граждан Российской Федерации на коллективные обращения, однако не охватывает всего содержания данного права. Российская общественная инициатива принимает обращения только в форме предложений, исключая жалобы и заявления, а также вводит требования по количеству лиц, которые должны подписать петицию на данном портале. Авторы также отмечают, что порталы частного характера, в частности Change.org, не могут решить проблему демократического дефицита онлайн-петиций, так как не соответствуют требованиям федерального законодательства в части идентификации лиц, подающих петиции. Таким образом, правовые и организационные механизмы подачи коллективных обращений в России требуют правового регулирования.

Ключевые слова: электронное обращение, государственные услуги в электронной форме, участие в управлении делами государства, право на обращение, портал «Российская общественная инициатива», коллективное обращение, петиция.

TEPLYAKOVA Olga Andreevna

Ph.D. in Law, associate professor of Theoretical disciplines and public law sub-faculty of the Tyumen State University

TEPLYAKOV Dmitriy Olegovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theoretical disciplines and public law sub-faculty of the Tyumen State University

LEGAL REGULATION OF PUBLIC CITIZENS' PARTICIPATION IN ELECTRONIC FORM: ELECTRONIC APPEALS AND PETITIONS**

The article examines the development of the right to appeal in electronic form. The authors investigate individual appeals and petitions (collective appeals). The authors come to the conclusion that the legal mechanisms for ensuring the right to electronic collective petitions need to be improved, since the existing procedure for filing petitions does not imply collective identification of applicants, which is an obstacle to the use of the right to collective petition. The portal «Russian Public Initiative» partially promotes the realization of the right of citizens of the Russian Federation to collective appeals, but does not cover the entire content of this right. The Russian public initiative accepts applications only in the form of proposals, excluding complaints and statements, and also introduces requirements for the number of persons who must sign the petition on this portal. The authors also note that private portals, in particular Change.org, cannot solve the problem of the democratic deficit of online petitions, since they do not comply with the requirements of federal legislation in terms of identifying individuals who are submitting petitions. Thus, the legal and organizational mechanisms for filing collective petitions in Russia require legal regulation.

Keywords: electronic appeal, public services in electronic form, public participation, the right to appeal, E-Petition Portal «Russian Public Initiative», collective appeal, petition.

Введение

В рамках данной статьи будет рассмотрен вопрос о правовом регулировании участия граждан в управлении делами государства в форме электронных обращений и петиций (коллективных обращений) в России.

* Финансирование: исследование выполнено за счет средств гранта РФФИ № 21-011-31407 ОПН «Умные» технологии как средство вовлечения граждан в социально-политические процессы: ожидания и реальность».

** Funding: The article has been supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). Project no. 21-011-31407 «Smart» technologies as a means of involving in social and political processes: expectations and reality»

Теплякова О. А.

Тепляков Д. О.

В международной повестке исследователи рассматривают электронную демократию и электронные петиции как способ трансформации управления государством в современном демократическом обществе [1], а также как способ улучшить процессы, объединить граждан и наладить взаимодействие с гражданским обществом [2]. С точки зрения значения в политической жизни электронные петиции выступают, по мнению исследователей, средством политической мобилизации онлайн-сообществ [3], способом диалога общества и государства, особенно в условиях недоверия граждан к государству [4], способом вовлечения граждан в управление делами государства [5]. Отдельные исследования посвящены вопросам вовлечения в общественную жизнь с помощью электрон-

ных петиций такой категории граждан как пожилые люди [6]. Электронная демократия - способ улучшить процессы, объединить граждан и наладить взаимодействие с гражданским обществом. Рассматривая электронные обращения как элемент современной демократии, исследователи обращают внимание на то, что для реализации права на обращение в электронной форме необходимо законодательно закрепить механизмы электронной идентификации [7].

В рамках данной статьи мы рассмотрим насколько созданы правовые механизмы реализации права на обращения в электронной форме, применительно к индивидуальным и коллективным обращениям в России.

Электронные обращения

Участие граждан в управлении делами государства возможно в электронной форме. С развитием электронных технологий данные возможности стали расширяться. Развитие института электронных обращений в России освещаются в работах таких исследователей как Андреев М.А., Кукарина Ю.М. [8], Борисова В.Ф. [9], Бывальцева С.Г. [10], Дворянский И.Н. [11], Зубарев С.М., Сабаева С.В. [12], Терентьева Е.В. [13], Фионова Л.Р., Филина Е.Ю. [14] и др.

В 2010 года в Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее Федеральный закон № 59-ФЗ) были внесены изменения, которые юридически закрепили возможность граждан подать обращение в органы власти в электронной форме. Согласно ст. 4 указанного закона обращением гражданина признается не только письменное или устное обращение в государственный орган или орган местного самоуправления, но и обращение, направленное «в форме электронного документа». Согласно ст. 5 указанного закона, гражданин имеет право представлять иные материалы к обращению также в электронной форме.

Еще один закон, предусматривающий возможность коммуникации органов власти с гражданами в электронной форме - это Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (далее - Федеральный закон № 8-ФЗ). Согласно ст. 10 указанного закона органы государственной власти и органы местного самоуправления обязаны на своих сайтах размещать адреса электронной почты, по которым граждане могут запросить информацию об органе власти. Однако согласно ст. 13 указанного Федерального закона № 8-ФЗ адрес электронной почты органа государственной власти и органа местного самоуправления публикуются только при его наличии. Таким образом, орган государственной власти и орган местного самоуправления вправе не заводить адрес электронной почты. В данном случае закономерно возникает вопрос, каким образом гражданин может реализовать свое право на обращение в электронной форме, если необходимая информация для отправки электронного обращения (электронный адрес органа публичной власти) может отсутствовать, в силу необязательности её законодательного закрепления.

Не смотря на определенные противоречия в федеральном законодательстве развитие института электронных обращений было подкреплено изменениями в подзаконных актах. В частности, в 2012 году были внесены изменения в Постановление Правительства РФ от 28.07.2005 № 452 «О

Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти». Данные изменения предусмотрели необходимость использования специализированного программного обеспечения для приема обращений граждан в форме электронных сообщений. В частности, заявителю должна быть обеспечена возможность заполнить реквизиты: имя, фамилия, отчество (при наличии), адрес электронной почты, на которую должен быть направлен ответ.

В 2017 году были уточнены нормы, касающиеся порядка ответов органов государственной власти и местного самоуправления на обращение. Согласно п. 3 ст. 7 Федерального закона № 59-ФЗ, в электронном обращении гражданин должен указать «адрес электронной почты, по которому должны быть направлены ответ, уведомление о переадресации обращения». В 2010 году гражданам предоставлялась возможность указать как электронный адрес, так и почтовый адрес для переписки и ответа на обращение. Однако после поправок 2017 года была установлена обязанность органов отвечать на электронные обращения также в электронной форме. Кроме того, Федеральный закон № 59-ФЗ предусматривает возможность в качестве ответа на обращение направить гражданину «электронный адрес официального сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на котором размещен ответ на вопрос, поставленный в обращении».

В 2020 году начался эксперимент Правительства, согласно которому для подачи обращений и ответов на обращения должен использоваться портал «Госуслуги» <https://www.gosuslugi.ru/>. Эксперимент проводится с 12 ноября 2020 г. по 30 декабря 2021 г. согласно Постановлению Правительства РФ от 10.11.2020 № 1802 «О проведении эксперимента по использованию федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для направления гражданами и юридическими лицами в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, осуществляющие публично значимые функции, и их должностным лицам сообщений и обращений, а также для направления такими органами и организациями ответов на указанные сообщения и обращения». Таким образом, мы видим, что правовые модели реализации права граждан на обращения развиваются, создаются специальные механизмы для реализации права на индивидуальное обращение в электронной форме.

Электронные петиции

Под петицией принято понимать коллективные обращения. Авакьян С.А. говоря о петициях, в скобках употребляет термин коллективные обращения, подразумевая что это синонимы. Рассуждая о значимости петиций (коллективных обращений) Авакьян С.А. отмечает: «Роль петиций подчеркивается тем, что они всегда имеют публичное значение, посвящены вопросам, волнующим немалый круг лиц, и в этом плане неизбежно выражают общественное мнение» [15].

Если рассматривать петицию как коллективное обращение в порядке Федерального закона № 59-ФЗ, то необходимо оценить какие условия созданы для подачи коллективных обращений в электронной форме. Согласно ст. 2 указанного закона, граждане имеют право направлять коллективные об-

ращения. Однако, специальных механизмов для подачи коллективного электронного обращения в органы государственной власти и местного самоуправления не создается. Так, Постановление Правительства РФ от 28.07.2005 № 452, решая вопрос об идентификации лица, обратившегося в указанные органы, требует предусматривать специальное программное обеспечение, позволяющее внести имя, фамилию, отчество (при наличии). Однако, указанное постановление не предусматривает создание специальных программных условий для подачи обращения несколькими лицами. Анализ сайтов показывает, что созданы условия для идентификации только одного гражданина. Технических возможностей для идентификации нескольких граждан не предусмотрено. Тем самым можно утверждать, что право на коллективные обращения закреплено, но для реализации данного права в электронной форме необходимо установить требования к программному обеспечению для приема коллективных обращений.

На сегодняшний день коллективные обращения могут быть реализованы в электронной форме только через индивидуальное обращение и из содержания будет ясно, что отправитель – это только один из обратившихся, авторов коллективного обращения. Такой порядок, конечно, не способствует вовлечению граждан в управление делами государства через коллективные обращения, петиции, инициативы по решению социально-значимых проблем. Полагаем, что Федеральный закон № 59-ФЗ требует доработки в части гарантий гражданам на коллективные электронные обращения.

Положительным примером реализации права граждан на электронные (коллективные обращения) является портал «Российская общественная инициатива» (далее – РОИ). Порядок рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» урегулирован Указом Президента РФ от 04.03.2013 № 183. Данный пример является положительным в той части, в которой позволяет подать инициативу или присоединиться к инициативе коллективу граждан, созданы технические и правовые условия для петиции (коллективного обращения). Однако, следует иметь в виду, что «Российская общественная инициатива» не охватывает право на коллективные обращения в полном объеме, а создает гарантии для реализации данного права только в определенной части, а именно:

– РОИ рассчитана только на предложения граждан, тогда как право на обращение может быть реализовано в форме жалобы, заявления или предложения, согласно Федеральному закону № 59-ФЗ.

– РОИ может быть реализована, когда за нее проголосовало не менее 100 тыс. граждан - в поддержку инициативы федерального уровня; не менее 5 процентов голосов граждан - жителей соответствующего субъекта РФ или муниципального образования, тогда как Федеральный закон № 59-ФЗ не ограничивает право граждан на коллективное обращение количеством лиц.

– Инициативы, получившие поддержку граждан, направляются в экспертную группу, что также отличает Российскую общественную инициативу от коллективных обращений в порядке Федерального закона № 59-ФЗ.

Видясова Л.А. исследуя результативность электронных обращений на портале под названием «Российская обще-

ственная инициатива», отмечает, что результаты показывают, что только 25 инициатив (0,26 %) получили какое-либо решение, из них 88 % удовлетворенных обращений были на федеральном уровне, а остальные 12 % - на муниципальном уровне. Видясова Л.А. приходит к выводу, что «Российская общественная инициатива», претендующая на роль инструмента принятия решений, на практике представляет собой скорее инструмент консультаций [16]. При том что на портале собрано 9800 инициатив.

В целом отмечая положительное влияние РОИ на возможности граждан участвовать в управлении делами государства, следует сказать, что требуется расширение возможностей для подачи электронных коллективных обращений.

Ранчордас, С. (Ranchordas, S.) исследуя электронные петиции в США, отмечает, что «использование технологий повлияло не только на количество, но и на качество гражданской активности: онлайн-мобилизация происходит более быстрыми темпами, вовлекает граждан, которые в противном случае не были бы склонны участвовать, и затрагивает нетипичные темы. Кроме того, цифровизация гражданского участия способствовала политическим и правовым дискуссиям на аполитичных платформах», однако автор полагает, что «технология, тем не менее, не решила демократический дефицит онлайн-петиций» [17].

Исследователь А. Они (A. Oni) рассматривает возможности электронных петиций применительно к Нигерии. Автор отмечает, что в Нигерии растет чувство общественного цинизма и разочарования общества по отношению к правительству из-за таких факторов как коррупция, проявление государством презрения и пренебрежения к людям, деградация политических институтов, неуважение к человеческому достоинству и разобщенность государства и общества. Исходя из этого, автор полагает, что в этой статье электронное обращение может выступить как простой, удобный, эффективный и доступный механизм для демократического участия граждан в управлении делами государства [4]. То есть автор рассматривает электронные петиции как возможность наладить диалог общества и государства в условиях, когда доверие общества к государству падает.

Кальво Д. (Calvo D.) исследует право подать петицию через портал Change.org, отмечая при этом, что компания Change.org - это частная компания, зарегистрированная в США в организационно-правовой форме общественно-полезная корпорация или PBC (public-benefit corporation). Кальво Д. (Calvo D.) отмечает, что в частности в Испании нет альтернативных платформ для электронных обращений, управляемых государственными органами. Тем не менее, автор приходит к выводу, что платформа Change.org не имеет отношения к испанскому законодательству, у него слабая система аутентификации, в результате чего петиции, поданные на платформе Change.org не имеют правового статуса коллективных обращений и служат только для привлечения внимания государства к общественным проблемам [18]. К аналогичному выводу приходит Иванова К.А. в отношении возможностей использования платформы Change.org в России. Иванова К.А. пишет, что «электронные петиции на Change.org не имеют юридической силы. ... государственные структуры не могут принимать данные подписи во внимание при рассмотрении заявленных вопросов, поскольку, для того чтобы оставить свой голос на данном ресурсе, нет необходи-

мости предоставлять паспортные данные, а это обязательная процедура для легитимного сбора подписей» [19]. Таким образом, мы приходим к выводу, что демократический дефицит онлайн-петиций восполняется в какой-то степени частными компаниями, однако инкорпорация таких петиций в систему публичных отношений в конкретных государствах затруднена.

Заключение.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что в России еще предстоит создать правовую модель электронных коллективных обращений в органы государственной власти и местного самоуправления, которая бы охватывала право на коллективные обращения в полном объеме. Важность коллективных обращений заключается в диалоге общества и государства, в возможности активного демократического участия граждан, в увеличении вовлеченности граждан в управление делами государства.

Пристатейный библиографический список

1. Millard, P., Millard, K., Adams, C., & McMillan, S. Transforming Government through e-Participation: challenges for e-Democracy. *Proceedings of the 12th European Conference on e-Government, Barcelona, Spain*. 2012, pp. 438-46.
2. Karan, Kavita. E-Engaging India: E-Democracy Strategies for Empowerment and Civic Participation. *Active Citizen Participation in E-Government: A Global Perspective*, 334-58, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.4018/978-1-4666-0116-1.ch017>.
3. Dumas CL, LaManna D, Harrison TM, et al. Examining political mobilization of online communities through e-petitioning behavior in We the People. *Big Data & Society*. December 2015. doi:10.1177/2053951715598170
4. Oni, Aderonke, Charles Korede Ayo, Samuel Oni, и Moses Duruji. «Electronic Petition and Democratic Participation in Nigeria». *Proceedings of the 15th European Conference on E-government*, ed. Adams, 223-30, 2015.
5. Дзидзоев Р.М. Российская общественная инициатива как форма современной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 49-51.
6. Grigoryeva, I., Bershadskaia, L., & Zhuk, D. Seniors' Inclusion into e-Governance: Social Media, e-Services, e-Petitions Usage. *Proceedings of the 9th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance*. 2016. Pp. 173-76, <https://doi.org/10.1145/2910019.2910022>.
7. Hurkovskyy, V. I. Electronic petitions in Ukraine as an element of modern democracy: perspectives and ways of improvement. *Науковий вісник Полісся*, 2017, № 2 (10), pp. 24-30.
8. Андреев М.А., Кукарина Ю.М. Организация работы с электронными обращениями граждан на современном этапе // Делопроизводство. 2019. № 4. С. 33-40.
9. Борисова В.Ф. Проблемы и перспективы обращения в суд в электронной форме // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 3. С. 14-16.
10. Бывальцева С.Г. Защита органами прокуратуры права граждан на обращение в форме электронного документа // Законность. 2019. № 12. С. 25-30.
11. Дворянский И.Н. Электронный терминал по приему обращений граждан // Законность. 2011. № 4. С. 26-27.
12. Зубарев С.М., Сабаева С.В. Электронные обращения граждан в системе общественного контроля // Административное право и процесс. 2019. № 5. С. 12-17.
13. Терентьева Е.В. Работа с обращениями граждан в системе электронного документооборота Правительства Москвы // Делопроизводство. 2020. № 2. С. 87-92.
14. Фионова Л.Р., Филина Е.Ю. К вопросу актуализации региональных нормативных актов по работе с электронными обращениями граждан // Делопроизводство. 2021. № 3. С. 52-58.
15. Авакьян С.А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 12-21.
16. Vidasova, Lyudmila, Michael Sachs, и Gabriela Viale Pereira. «People's Outcomes for Public Decision Making in Russia». В *Proceedings of the International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia*, 130-135. eGose '17. New York, NY, USA: Association for Computing Machinery, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1145/3129757.3129780>.
17. Ranchordas, S. Digital agoras: democratic legitimacy, online participation and the case of Uber-petitions. *Theory and Practice of Legislation*, 2017, vol. 5(1), pp. 31-54. DOI: 10.1080/20508840.2017.1279431
18. Calvo, Dafne. Private Enterprise and Digital Participation: Business Model and the Right to Petition on Change.Org. *Obets-Revista de Ciencias Sociales*, 2016, 11(1), pp. 97-128. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.14198/OBETS2016.11.1.05>.
19. Иванова К.А. Электронные петиции как способ осуществления населением общественного контроля за органами публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 15-17.

БАЧУРИН Александр Геннадьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности Барнаульского юридического института МВД России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МВД РОССИИ С ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

В статье рассматриваются вопросы создания единой комплексной системы обеспечения общественной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры с помощью объединения сил федеральных органов исполнительной власти и силовых ведомств с целью защиты пассажиров всех видов транспорта от актов незаконного вмешательства – терактов, проникновений на транспортные объекты, порчи имущества, краж, а также ложных звонков об угрозе взрыва.

Ключевые слова: общественная безопасность, общественный порядок, акты незаконного вмешательства, угрозы, объекты транспортной инфраструктуры.

BACHURIN Aleksandr Gennadjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative law and administrative activity sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

IMPROVEMENT OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL MECHANISM OF INTERACTION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA WITH FEDERAL EXECUTIVE AUTHORITIES IN THE FIELD OF PUBLIC SAFETY AT TRANSPORT INFRASTRUCTURE FACILITIES

The article discusses the issues of creating a unified integrated system for ensuring public safety at transport infrastructure facilities by combining the forces of Federal executive authorities and law enforcement agencies in order to protect passengers of all types of transport from acts of unlawful interference – terrorist attacks, infiltrations into transport facilities, property damage, theft, as well as false calls about the threat of an explosion.

Keywords: public safety, public order, acts of unlawful interference, threats, transport infrastructure facilities.

Проблемы защиты объектов инфраструктуры транспорта и средств транспорта требуют глубокого научного исследования и комплексного подхода в выработке мер противодействия от внешних посягательств.

Учитывая количество научных разработок, проводимых в области защиты объектов транспортной инфраструктуры, проводимых в поле постоянно изменяющегося законодательства, можно сделать вывод, что данная сфера деятельности находится в бурной стадии развития.

В целях успешного выполнения своих функций и задач в сфере обеспечения безопасности на объектах транспорта Федеральные органы исполнительной власти (далее – ФОИВ) используют различные способы усовершенствования внутренней и внешней системы управления. В частности, к ним относятся: издание совместных приказов, составление планов мероприятий; проведение совместных разнообразных оперативных или рабочих совещаний; создании различных коллегиальных органов (комиссий, групп). В целях разрешения вопросов взаимодействия по вопросам исполнения функций и задач управления издаются совместные приказы и административные регламенты. После определения участников разработки создаются в каждом государственном органе рабочие группы, комиссии, а также совместные смешанные комиссии по разработке административного регламента [1]. При этом приказ об утверждении регламента выступает в виде основного (централизующего) нормативного правового акта. Прежде всего, это – совместная выработка решений (мер), которая достигается через согласованность. Они исходят от исполняемых ими функций и задач, возложенных на орган управления государством – Президентом, Правительством или определёнными Федеральными Законами. Так, например, должностные лица ОВД, Росжелдора, Росавиации, Росречфлота России взаимодействуют в деятельности обеспечения безопасности и поддержания правопорядка на

транспорте [3]. Безусловно, как Минтранс, так и МВД России в настоящее время в период наличия фактов случаев терактов в стране не в состоянии обеспечить соответствующую безопасность на местах, тем более на транспорте, без взаимодействия и принятия общих мер с другими государственными органами. На современном этапе процессы, происходящие на уровне государственного управления в области безопасности на транспорте, возникающие в ходе взаимодействия с другими правоохранительными органами, также требуют совершенствования. Необходимо выделить ряд таких направлений работы:

– по вопросам борьбы с проявлениями преступности, реализации мер по охране общественного порядка, поддержания общественной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры с соответствующими подразделениями и службами ФСБ, МЧС, ФСИН России, Минтрансом, и иными субъектами, заинтересованным в деятельности по охране правопорядка и безопасности; [2]

– проведение анализа правонарушений, влияющих на безопасность полётов судов гражданской авиации, движение железнодорожного и водного транспорта, несчастных случаев с людьми совместно с соответствующими подразделениями и службами Минтранса России, осуществляющими транспортные функции;

– совместно с МЧС России и МВД России разработка рекомендаций по осуществлению государственного пожарного надзора на транспорте;

– поддержание связи со СМИ в целях пропаганды деятельности территориального органа МВД России на транспорте по обеспечению охраны общественного порядка и поддержанию общественной безопасности на транспортной инфраструктуре.

Так, МВД, ФСБ и Министерство транспорта разработали совместный нормативный акт, куда вошли и были пред-

ставлены все опасности, которые несут угрозу транспортной инфраструктуре. Данный перечень представляет собой девять признаков, указывающих пути развития чрезвычайных ситуаций:

1. Угроза захвата – возможность совершения захвата и воздействия извне на объекты инфраструктуры транспорта и средства транспорта, насильственное установление над ними контроля, или угроза применения такой силы, или другой формы запугивания.

2. Угроза взрыва – вероятность разрушения объектов инфраструктуры транспорта и средств транспорта с нанесением повреждений и ущерба пассажирам, сотрудникам транспортного комплекса и другим лицам, а также грузобагажу и объектам инфраструктуры путём взрыва.

3. Угроза размещения или попытки размещения на объектах инфраструктуры транспорта и средствах транспорта взрывных устройств – действия лиц по размещению взрывных устройств на объектах инфраструктуры транспорта и средствах транспорта, могущих причинить разрушения или уничтожить эти объекты, транспортные средства или перевозимый груз.

4. Угроза поражения опасными веществами – вероятность заражения объектов инфраструктуры транспорта и средств транспорта опасными для жизни и здоровья химическими, радиоактивными или биологическими реагентами, с угрозой жизни и здоровью пассажиров, а также обслуживающего персонала и других лиц.

5. Угроза захвата критического элемента объектов инфраструктуры транспорта и средств транспорта – присутствие насильственно установленного контроля или угрозы применения насильственных силовых действий или иной формы устрашения в целях контроля объекта транспортной инфраструктуры, строения, помещения, технико-технологических элементов, при отсутствии которых дальнейшее функционирование объекта невозможно и приводит к возникновению чрезвычайных ситуаций.

6. Угроза взрыва критического элемента объектов инфраструктуры транспорта и средств транспорта – угроза применения насильственных силовых действий или иной формы устрашения с возможностью достижения противоправной цели с использованием взрывных устройств и взрывных веществ в целях контроля объекта транспортной инфраструктуры, строения, помещения, технико-технологических элементов, при отсутствии которых дальнейшее функционирование объекта невозможно и приводит к возникновению чрезвычайных ситуаций и нанесением повреждений и ущерба пассажирам, сотрудникам транспортного комплекса и другим лицам, а также грузобагажу и объектам инфраструктуры.

7. Угроза блокирования – умышленное воспрепятствование движению средств транспорта или ограничение функционирования инфраструктуры транспорта.

8. Угроза хищения – криминальная деятельность, сопряженная с элементами хищения объектов инфраструктуры транспорта и средств транспорта, в результате которой эти объекты могут стать негодными для дальнейшей их нормальной эксплуатации.

Данный акт предусматривает угрозы от внешнего вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры – авиационного, железнодорожного, речного и морского транспорта, поезда, а также вокзального комплекса или аэровокзального терминала.

Непосредственным субъектом по обеспечению правопорядка и безопасности на транспорте выступает Главное управление внутренних дел на транспорте МВД России. В свою очередь, в Регламенте МВД России сказано, что МВД России взаимодействуют в пределах своей компетенции с территориальными органами исполнительной власти в порядке, предусмотренным федеральными законами, указами

Президента, постановлениями Правительства и приказами МВД России. При решении совместных задач МВД России обеспечивают необходимое взаимодействие с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в том числе в рамках участия в работе координационных совещаний по обеспечению правопорядка в субъектах РФ и органами местного самоуправления, которые осуществляются в соответствии с Типовым регламентом взаимодействия ФОВИВ, в рамках Постановления Правительства России от 1 февраля 2011 г. № 42 «Об утверждении Правил охраны аэропортов и объектов их инфраструктуры» [4]. Руководитель Главного управления внутренних дел на транспорте непосредственно определяет порядок взаимодействия подразделений ОВД на транспорте с территориальными органами МВД России и иными органами исполнительной власти. При этом он обязан знать порядок регулирования вопросов внутреннего и внешнего взаимодействия. Внутреннее взаимодействие – затрагивает вопросы в обеспечении работы непосредственно в подразделениях ОВД на транспорте и взаимодействие с иными территориальными ОВД. Внешнее взаимодействие – определяет направление работы по обеспечению безопасности на транспорте непосредственно с Минтрансом России. Безусловно, вопросы организации и обеспечения правопорядка и безопасности на объектах инфраструктуры транспорта и средств транспорта должны проходить с учётом специфики каждого объекта и их характеристики.

В целях создания условий для обеспечения транспортной безопасности, для создания единого силового комплекса, обеспечивающего транспортную безопасность необходимо ужесточить санкции административного законодательства за умышленное повреждение, либо приведение в негодность средств транспорта. В частности, привлекать к ответственности граждан за совершение действий, создающих угрозу безопасности воздушного, железнодорожного и водного транспорта с санкцией административного ареста на срок до 15 суток. Разумеется, «де-факто» транспортная безопасность и требования по ее обеспечению существовали всегда, но «де-юре» они должны сегодня наполниться новым содержанием, соответствующим целям и задачам проводимой реформы, отвечать современным требованиям, соответствовать изменившимся реалиям времени и современным угрозам, а также задачам и современным требованиям обновленной структуры и функционалу органов управления транспорта в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Пестов Н. Н., Кириухин В. В., Янченко И. Л. Обеспечение органами внутренних дел правопорядка на транспорте: исторические, правовые и организационные аспекты. – Москва: Проспект, 2019. – С. 38-42.
2. Подготовка сотрудников полиции к несению службы по охране общественного порядка в особых условиях: учебное пособие / Сост. Д. В. Ковалев, В. Ю. Егоров, А. В. Желтобрюх, А. А. Сошин, П. М. Фидель. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. – С. 124.
3. Федеральный закон РФ от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 02.08.2004. – № 31. – Ст. 3215.
4. Постановление Правительства РФ от 01 февраля 2011 г. № 42 «Об утверждении Правил охраны аэропортов и объектов их инфраструктуры» // Собрание законодательства РФ. – 07.02.2011. – № 6. – Ст. 890.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-130-132

КАЛЯШИН Андрей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права
Владимирского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье на примере Владимирской области рассмотрена система правовых актов, направленная на регламентацию противодействия коррупции на региональном уровне, в том числе организация практической работы в данном направлении деятельности в других субъектах России. В процессе рассуждения, исходя из результатов проведенного анализа, сделаны общетеоретические выводы, а также внесены предложения по организационным аспектам и юридическому совершенствованию противодействия, коррупционным проявлениям на уровне регионов.

Ключевые слова: коррупция, организация, орган, регион, область, противодействие, меры.

KALYASHIN Andrey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Constitutional and municipal law sub-faculty of the Vladimir branch of the RANEPА under the President of the Russian Federation

ANTI-CORRUPTION AT THE REGIONAL LEVEL: REGULATORY LEGAL SUPPORT AND ORGANIZATION (ON THE EXAMPLE OF THE VLADIMIR REGION)

In the article, using the example of the Vladimir region, the system of legal acts aimed at regulating the fight against corruption at the regional level, including the organization of practical work in this area of activity in other regions of Russia, is considered. In the process of reasoning, based on the results of the analysis, general theoretical conclusions were made, as well as proposals were made on organizational aspects and legal improvement of counteraction, corruption manifestations at the regional level.

Keywords: corruption, organization, body, region, region, counteraction, measures

Каляшин А. В.

Ни у кого не вызывает сомнений гипотеза о том, что коррупция, представляя собой разрушительное явление, наносит прямой ущерб демократическим институтам, экономике и системе общественных отношений, основанной на праве и законности в отдельности в каждом государстве, и во всех странах мира в совокупности.

В действительности для современной России коррупционные деяния представляют собой непосредственную угрозу ее национальной безопасности, а причиненный ими вред является для страны значительным. Вследствие этого на коррупцию как на феномен ежегодно обращают свое внимание руководители органов власти, включая правоохранительных структур. В числе них Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Викторович Краснов, который в своей беседе отметил выявление в стране за 9 месяцев 2021 года 29,6 тысячи преступлений коррупционной направленности. Вышшее должностное лицо, в системе российской прокуратуры обозначил увеличение роста данных противоправных деяний на 12,7 %, сравнив их количество с аналогичным периодом прошлого года. Приведя «сухие» статистические цифры прокурор указал на факт рассмотрения за девять месяцев текущего года в судах с участием прокуроров 8946 уголовных дел коррупционной направленности в отношении 9948 лиц¹.

Все приведенное выше актуализирует необходимость противодействия коррупционным проявлениям путем последовательного развития комплекса связанных и дополняющих друг друга мер различного характера. При этом необходимо принимать во внимание территориальный способ организации России, который охватывает три вертикально

упорядоченных уровня: федеральный, региональный и муниципальный.

В свою очередь вопросы, касающиеся противодействия коррупции находятся в фокусе внимания органов государственной власти, которые управляют страной на центральном, региональном и местном уровнях, в том числе организаций, институтов гражданского общества и физических лиц.

В данном случае ограничение объема работы позволяют автору провести анализ исключительно организационных вопросов и обеспечения юридическими средствами противодействия коррупции в субъектах Федерации, взяв в качестве образца Владимирскую область.

Активное взаимодействие субъектов по региональному противодействию коррупции на протяжении многих лет выступает предметом анализа в отечественной юридической науке и органах публичной власти различной вертикали. Представители верхней палаты российского парламента и ученого сообщества, проанализировав юридическую регламентацию и практическую деятельность, сопряженную с противодействием коррупции в ряде субъектов Федерации, пришли к следующим общим итогам. Во-первых, все субъекты России разработали соответствующую предъявляемым требованиям нормативную правовую базу, направленную на противодействие коррупции. В ее систему включены введенные в действие базовые законодательные акты субъектов Федерации, регулирующие общественные отношения в сфере предупреждения и противодействия коррупционным проявлениям [1, С. 186-202]. Во-вторых, в регионах образованы и функционируют комиссии и органы, координирующие работы по противодействию коррупции [2, С. 7-8]. В-третьих, в регионах разработаны и исполняются документы, устанавливающие перечень намеченных к выполнению мероприятий, их последовательность, объем (в той или иной форме), сроки, ответственных исполнителей, иными словами направ-

1 Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова РИА «Новости». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/gTJRloNxsUVaqoYoVQtXM9xoUSBwOeWZ.pdf> (дата обращения: 17.01.2022).

ленные против коррупции планы, программы. В-четвертых, определен общий смысл (суть) их создания, относящийся ко всем комиссиям и органам – предупреждение коррупционных проявлений, равно их выявление и пресечение [3, С. 13].

Изучая научные труды, в сфере противодействия коррупции на уровне региона важно кратко привести выдержки из некоторых работ представляющих научный интерес. В данном случае уместно пояснить мысли О.А. Сурковой по поводу результатов проведенного ею анализа противодействия коррупции в 2018 году в Тульской области. Исследователь констатирует надлежаче формирование в области региональной нормативной базы в сфере противодействия коррупции, указывая на ее отсутствие в недавнем прошлом. По мнению автора, принятые нормативные правовые акты послужили прочной опорой в разрешении сложившихся в области проблем в сфере проявления коррупции [4, С. 232-238]. Равным образом С.А. Люлин отмечает, создание действенных механизмов для реализации федерального законодательства в области противодействия коррупции, но уже в Воронежской области. Со слов ученого в регионе решены существенные задачи, касающиеся вовлечения гражданско-общества в реализацию антикоррупционной политики, формирования установок против коррупционных деяний и нетерпимости к коррупционному поведению в обществе и развития институтов общественного контроля над соблюдением законодательства, регулирующего вопросы противодействия коррупции [С. 333-334].

Принимая во внимание наличие общих положительных свойств характеризующих в деятельности всех регионов по противодействию коррупции необходимо провести анализ специфики осуществления указанного вида деятельности в отдельном субъекте России. По этой причине, проанализируем организационно-правовые аспекты противодействия коррупции во Владимирской области.

Рассмотрение особенностей начнем с нормативной правовой базы направленной против коррупции, занимающей стержневое место в числе других средств, противодействующих ее проявлениям, так как именно несовершенство законодательства является для правонарушений коррупционной направленности питательной средой.

В силу ст. 2 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»² (далее: Федеральный закон № 273-ФЗ) в систему правовой основы противодействия коррупции, в том числе входят нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов России. В силу положений изучаемого Закона региональные органы государственной власти и местного самоуправления осуществляют противодействие коррупции в пределах своих полномочий. Указанная деятельность осуществляется на базе введенных в действие на территории субъектов Федерации законодательных актов.

В виду сказанного центральное место в системе региональной юридической базы во Владимирской области направленной на противодействие коррупции отведено специально принятому нормативному правовому акту, которым является Закон Владимирской области от 10.11.2008 № 181-ОЗ «О противодействии коррупции во Владимирской области»³ (далее: Закон Владимирской области от 10.11.2008 № 181-ОЗ). Рассматриваемый Закон направлен на регулирование правовых отношений между участниками по поводу деятельности, связанной с противодействием коррупционным проявлениям в границах территории области.

Согласно Закону Владимирской области от 10.11.2008 № 181-ОЗ (ст. 3) к центральным пяти мерам, направленным на противодействие коррупции на территории субъекта отнесены:

1) разработка программ (планов) по противодействию коррупции, включая их утверждение и реализацию. В целях надлежащего осуществления указанной меры подготовлен

и претворяется в жизнь⁴ План противодействия коррупции во Владимирской области на 2021 – 2024 годы, утвержденный распоряжением Администрации Владимирской области от 29.10.2021 № 850. К большому сожалению, можно отметить, что в области не используется программный метод регулирования антикоррупционной деятельности, иначе говоря, не принят системный документ программного характера, направленный на противодействие коррупционным проявлениям.

В качестве обоснования приведем позицию М.Ю. Некрасова и Ю.В. Агибалова, которые проанализировав программы противодействия коррупции в субъектах России, внесли предложение по закреплению на законодательном уровне необходимости их разработки на региональном уровне, подготовке регламента по их принятию и определению их содержательной части [6, С. 157-162].

2) антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов (документов с текстом закона, предлагаемых к принятию);

3) антикоррупционный мониторинг;

4) антикоррупционная пропаганда;

5) обеспечение информационной открытости органов государственной власти и государственных органов области.

Еще одним ранее не известным важным региональным способом способствующим противодействию коррупции во Владимирской области стало создание специальной комиссии и органов, координирующих профилактическую деятельность, направленную против коррупции.

В этом направлении, указом Губернатора Владимирской области от 01.10.2015 №49 в администрации субъекта образована специальная Комиссия по координации работы по противодействию коррупции во Владимирской области (состав комиссии, президиум). Комиссия представляет собой постоянно действующий координационный орган при высшем должностном лице региона.

В регионе указанным выше подзаконным актом высшего должностного лица Владимирской области придана юридическая сила:

1. Положению о Комиссии по координации работы по противодействию коррупции.

2. Составу Комиссии по координации работы по противодействию коррупции, в том числе ее президиуму.

3. Положению о порядке рассмотрения президиумом Комиссии по координации работы по противодействию коррупции, вопросов касающихся: соблюдения требований к служебному (должностному) поведению лиц, замещающих в области государственные должности; урегулирования конфликта интересов и некоторых обращений граждан.

В дополнение к руководителям администрации области и ее органа, в состав Комиссии по координации работы по противодействию коррупции, по предварительной договоренности (согласованию) включены представители правоохранительных органов, общественной палаты и образовательной организации.

Не менее значимым фактором, влияющим на координацию по противодействию коррупции является нахождение в структуре администрации области Департамента безопасности Владимирской области и функционирующего на основании Положения утверждено постановлением Администрации Владимирской области от 28.10.2019 № 751.

На Департамент как орган исполнительной власти области возложены следующий круг вопросов по противодействию коррупции:

1) проведение и реализация государственной политики на региональном и межмуниципальном уровнях;

4 Отчет о реализации в 2021 году плана Противодействия коррупции во Владимирской области на 2021 - 2024 годы, утвержденного распоряжением администрации области от 29.11.2021 № 850-р // Планы противодействия коррупции - Департамент безопасности - AVO.RU. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://db.avo.ru/plany-protivodejstvia-korrupcii> (дата обращения: 17.01.2022).

2 Рос. газ. – 2008. – № 266. – 30 декаб.

3 Владимирские ведомости. – 2008. – № 267. – 19 нояб.

2) осуществление исполнительно-распорядительных функций в данной сфере деятельности в границах территории региона.

В составе Департамента образован самостоятельный отдел по профилактике коррупционных правонарушений⁵.

Исходя из сказанного, можно констатировать, что юридическая регламентация деятельности по противодействию коррупции во Владимирской области осуществляется на практике с помощью разнообразных видов нормативных правовых актов (законов, указов и распоряжений), которые обладают различной юридической силой, объемом регулирования, а также степенью конкретизации содержания.

Для полной объективности следует отметить, что проведенные в России мероприятия, связанные с развитием правовой базы направленной на противодействие коррупции, не решили всех проблем.

Так сегодня, применительно к базовому Федеральному закону № 273-ФЗ возможно отметить следующие не соответствия правового характера, которые требуют разрешения:

1) определение соотношения полномочий в сфере противодействия коррупции между органами власти России, субъектов Федерации и муниципальных образований.

2) установление тщательно продуманного определения понятия коррупции.

Кроме указанных выше несоответствий можно выделить неоднозначное правовое содержание отдельных положений антикоррупционного законодательства общегосударственного уровня, а также отсутствие в наличии обязательных терминологических понятий в сфере противодействия коррупции. В качестве примера можно привести не определение в законодательстве такой важной категории, как антикоррупционное просвещение и не раскрытие дефиниции термина достаточная информация.

В современных реалиях не решение обозначенных выше проблем в результате приведут к сложным ситуациям, которые потребуют разрешения непосредственно в процессе применения, что в свою очередь предполагает внесение изменений в Федеральный закон №273-ФЗ.

На уровне субъектов Федерации в качестве проблем связанных с противодействием коррупционным проявлениям могут рассматриваться:

1) нормативная не определенность круга вопросов (компетенции) регионального законодателя в данной области;

2) «избыточность» количества норм направленных на противодействие коррупции, устанавливаемых на региональном и местном уровнях. С нашей позиции существующий объем нормотворчества представляется чрезмерным.

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующие умозаключения.

За прошедшие годы в нашей стране проведен значительный объем работы по внедрению на всех уровнях публичной власти системы законодательных актов, целью которых является противодействие коррупционным правонарушениям.

Во всех субъектах Федерации, включая Владимирской области, образована многоуровневая юридическая база регламентирующая вопросы противодействия коррупции на уровне региона.

Наряду с базовыми законами субъектов Федерации комплекс правовых актов противодействия коррупции на уровне регионов составляют множественные нормы, которые содержащиеся в подзаконных правовых актах регулирующих вопросы в указанном направлении деятельности.

В администрации Владимирской области, как и большинстве субъектов России при главе региона создана специальная комиссия, а также орган, которые координируют деятельность по противодействию коррупции.

Для того чтобы решить проблемы методико-организационного характера, а также повысить действенность противодействия коррупции на региональном и муниципальном уровнях представляется приоритетным:

Точно разграничить в федеральном законодательстве полномочия между федеральными органами власти, органами власти субъектов России и муниципальными образованиями в сфере противодействия коррупции и установить определения понятий коррупция и достаточная информация.

Закрепить на общегосударственном уровне единый для всех субъектов России орган, который будет координировать деятельность регионов в сфере противодействия коррупции, с утверждением типового организационно-правового документа о нем, его общих функций и полномочий.

Нормативно установить на региональном уровне компетенцию законодателя субъекта Федерации в области противодействия коррупции, и проведение регулярного мониторинга объема и результативности принимаемых правовых норм, направленных против коррупционных проявлений.

Пристатейный библиографический список

1. Рашева Н.Ю. Законодательство о противодействии коррупции: региональный опыт (на примере Мурманской области) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 1. – № 3 (96). – С. 186-202.
2. Аналитическое исследование «Развитие нормативно-правового обеспечения противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации» М. 2017. – 204 с. // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/activity/anticorruption/reports/124434/> (дата обращения: 17.01.2022).
3. Противодействие коррупции в субъектах Российской Федерации: научно-практическое пособие / Л. В. Андриченко, О. А. Беляева, В. И. Васильев и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой; ред. коллегия Л. В. Андриченко, Е. И. Спектор, А. М. Цирин. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013 – 236 с.
4. Суркова О.А. Противодействие коррупции на региональном уровне // Вестник современных исследований. – 2018. – № 10.6 (25). – С. 232-238.
5. Люлин С.А. Противодействие коррупции на региональном уровне (пример Воронежской области) // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: материалы VII Международной научно-практической конференции, 4 сентября 2017 года / Воронежский институт экономики и социального управления. – Чебоксары: издательство Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. – С. 333-334.
6. Некрасов М.Ю., Агибалов Ю. В. Организация работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации: практика и направления совершенствования // Регион: системы, экономика, управление. – 2018. – № 3 (42). – С. 157-162. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rseu.vrn.ranepa.ru/jfiles/2018251018/13.pdf> (дата обращения: 17.01.2022).

5 Отдел профилактики коррупционных правонарушений - Департамент безопасности - AVO.RU. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://db.avo.ru/189> (дата обращения: 17.01.2022).

НАРЫКОВ Игорь Иванович

преподаватель кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка
Волгоградской академии МВД России

ПРАВОВОЙ СТАТУС ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СУБЪЕКТОВ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Данная статья посвящена анализу особенностей производства по делам об административных правонарушениях органами внутренних дел, выявлению проблем, возникающих при осуществлении данной деятельности, а также разработке предложений по их разрешению. Органы внутренних дел относятся к числу субъектов, активно реализующих законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях. В юридической литературе и правоприменительной практике цель производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел, воспринимается как установка на привлечение к ответственности максимально широкого круга лиц, совершивших административные правонарушения. Целью производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел, является полная, точная и своевременная реализация норм об административной ответственности как средство решения задач, связанных со сдерживанием уровня преступности и административной деликтности, обеспечением посредством этого надежной защиты прав и свобод человека и гражданина, собственности от противоправных посягательств, поддержанием надлежащего общественного порядка, обеспечением общественной безопасности в сферах, отнесенных к компетенции органов внутренних дел.

Ключевые слова: органы внутренних дел, производство по делам об административных правонарушениях, административно-юрисдикционная деятельность.

Нарыков И. И.

NARYKOV Igor Ivanovich

lecturer of Administrative activity and public order protection sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

THE LEGAL STATUS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AS SUBJECTS OF PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

This article is devoted to the analysis of the peculiarities of the proceedings on administrative offenses by the internal affairs bodies, the identification of problems arising in the implementation of this activity, as well as the development of proposals for their resolution. The internal affairs bodies are among the subjects that actively implement the legislation of the Russian Federation on administrative offenses. In the legal literature and law enforcement practice, the purpose of the proceedings on administrative offenses carried out by the internal affairs bodies is perceived as an installation to bring to justice the widest possible range of persons who have committed administrative offenses. The purpose of the proceedings on administrative offenses carried out by the internal affairs bodies is the full, accurate and timely implementation of the norms on administrative responsibility as a means of solving problems related to curbing the level of crime and administrative delicacy, ensuring through this reliable protection of human and civil rights and freedoms, property from unlawful encroachments, maintaining proper public order, ensuring public safety in areas within the competence of the internal affairs bodies.

Keywords: internal affairs bodies, proceedings on cases of administrative offenses, administrative and jurisdictional activity.

Органы внутренних дел являются одним из субъектов, осуществляющих производство по делам об административном правонарушении. Особая значимость анализа таких субъектов обусловлена двумя основными факторами:

- во-первых, действия и решения указанных представителей органов публичной власти имеют важное значение;
- во-вторых, действуя от имени государства, данные субъекты осуществляют важнейший вид деятельности, способствующий, помимо всего прочего, и повышению авторитета государственной власти в лице ее органов, доверия к ним граждан, а это, в свою очередь, позволяет формировать и повышать правовую культуру в обществе [2].

Субъекты производства по делам об административных правонарушениях – это всегда представители государства, осуществляющие всю свою деятельность от его имени, им предоставлена определенная власть от его имени, им предоставлена определенная власть от его имени, в виде соответствующих полномочий, позволяющих принимать и реализовывать определенные решения в административном производстве, а также оказывать существенное влияние на объем обязанностей и прав

участников данного вида производства в интересах государства и общества.

Представляется наиболее целесообразным именовать субъектами деятельности по административному производству лишь государственные органы и должностные лица, осуществляющие административно-юрисдикционную деятельность, а участниками – всех остальных лиц, вовлеченных в административный процесс. В силу этого, предлагается определять субъектов производства об административных правонарушениях как обладающих государственно-властными полномочиями субъектов, реализующих в установленном законом порядке в соответствии со своей компетенцией, полномочия по осуществлению действий, связанных с возбуждением, рассмотрением, пересмотром и исполнением дел об административных правонарушениях и с применением мер административно-процессуального обеспечения для решения задач административно-юрисдикционной деятельности.

В полномочия органов внутренних дел входит достаточно большой круг дел об административных правонарушениях. В силу этого, в рамках административного законода-

тельства устанавливается конкретный перечень дел, которые подведомственны органам внутренних дел, то есть, тех правонарушений, по которым орган внутренних дел вправе проводить производство и принимать решения [1].

Протокол об административном правонарушении – один из важнейших документов в производстве по делам об административных правонарушениях, в силу чего, необходимо соблюдать при его составлении все требования законодательства, поскольку, признание такого протокола недействительным влечет за собой невозможность привлечения виновного лица к административной ответственности. Количество составленных протоколов об административных правонарушениях в целом, а также по некоторым из них в особенности, является показателем служебной деятельности всего органа внутренних дел, отдельных подразделений, а также отдельных сотрудников.

С одной стороны, такая позиция приводит к тому, что у сотрудника органа внутренних дел имеется повышенная ответственность, стремление к выявлению наибольшего количества правонарушений во вверенной ему сфере (например, сотрудником ГИБДД – в органах внутренних дел, сотрудником ППС – по факту распития спиртных напитков в общественном месте) и т.д.

С другой стороны, это также может приводить к злоупотреблению со стороны сотрудников органов внутренних дел, стремящихся искусственно повысить свои показатели, в таком случае составляются протоколы в случае реального отсутствия события административного правонарушения или доказательств вины лица в его совершении. Так, анализ законности в данной сфере позволяет выделять вопиющие нарушения: составление протоколов регулярно на одних и тех же лиц без их участия (так, например, был выявлен факт составления протокола на лицо за распитие спиртных напитков в общественном месте в то время, когда оно в реальности отбывало в это время наказание в виде административного ареста), а в некоторых случаях сотрудники умудряются даже составлять протокол в отношении умерших лиц. Так, прокуратурой Костромской области было выявлено, что сотрудник межмуниципального отдела полиции с июля по сентябрь 2019 года составил три протокола об административном правонарушении на жителя города Шары по части 1 статьи 20.20 КоАП («Потребление алкоголя в общественных местах»). При этом прокуратура установила, что оштрафованный мужчина умер за месяц до первого протокола.

Следователи по материалам прокуратуры возбудили против полицейского уголовное дело по части 1 статьи 286 Уголовного кодекса («Превышение должностных полномочий»)¹.

Решить данную проблему можно только кардинально – исключить так называемую «палочную» систему оценки, чтобы у сотрудников полиции не было необходимости гнаться за достижением показателей любым путем. Несмотря на то, что уход от такой системы оценки органов внутренних дел давно продекларирован, фактически, палочная система продолжает действовать, а при оценке деятельности принимаются все меры для того, чтобы показатели не упали ниже аналогичного периода прошлого года.

Предоставление сотрудникам органов внутренних дел определенного круга полномочий необходимо по той причине, что они в ряде случаев при реализации административно-юрисдикционных полномочий в сфере привлечения лиц к административной ответственности задействованы на

всех стадиях административного производства, начиная от выявления и документирования правонарушения.

В рамках осуществления производства по делам об административных правонарушениях важное значение имеет соблюдение определенных принципов, основополагающим среди которых является принцип законности, остальные обладают обеспечительной, вспомогательной ролью, при этом, нарушение указанных принципов влечет за собой нарушение принципа законности, что, в свою очередь, приводит к недействительности всей административно-юрисдикционной деятельности [3, с. 121].

Принципы тесно взаимосвязаны с задачами административного производства, решению которых, фактически, и подчинена вся административно-юрисдикционная деятельность полиции. Задачи производства по делам об административных правонарушениях определяют его значение и содержание и способствуют достижению таких целей административно-юрисдикционной деятельности, как установление лица, совершившего административное правонарушение, его виновности, привлечение данного лица к ответственности и назначение ему справедливого наказания, а также предупреждению совершения новых административных правонарушений.

Анализ эффективности осуществления административно-юрисдикционной деятельности полиции свидетельствует о наличии множества неразрешенных в данной сфере проблем. Нередко сотрудниками полиции допускаются факты нарушения процессуальных сроков составления документов и рассмотрения дел, незаконное применение обеспечительных мер, что приводит к нарушению прав участников производства по делам об административных правонарушениях, нарушению принципа законности [3].

Представляется, что разрешение указанных проблем и, соответственно, повышение эффективности данного вида деятельности, возможно путем совершенствования норм административного законодательства и совершенствования механизмов их исполнения. Каждый сотрудник полиции должен осознавать свою личную ответственность за выполняемые им действия и решения. Также представляется необходимым наделить полицию правом по выявлению и документированию административных нарушений в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, предусмотренных законодательством субъектов РФ и органов местного самоуправления.

Пристатейный библиографический список

1. Административная ответственность: Учебно-практическое пособие / под ред. Э. Г. Липатов, А. В. Филатова, С. Е. Чаннов. - М., 2010. - С. 64.
2. Ракша Н. С. Фундаментальные принципы административного производства // Проблемы государственно-правового строительства в современной России: анализ, тенденции, перспективы. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. - 2016. - С. 121.
3. Таджиков В. Р. Производство по делам об административных правонарушениях и принципы его реализации // Административное и муниципальное право. - 2015. - № 8 (92). - С. 817.
4. Черепанова Ю. Е. Понятие и виды субъектов, ведущих производство по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и другими правонарушениями. - 2015. - № 13-1. - С. 281.

¹ Прокуратура Костромской области при проверке обнаружила составленные сотрудником полиции административные протоколы за распитие спиртного на умершего человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://7x7-journal.ru/articles/2019/11/19/kostromskoj-policejskij-trizhdy-oshtrafovalumershego-zhitelya-shari-za-publichnoe-raspitie-spirtnogo>.

САЛИХОВ Гусейн Шамильевич

магистрант 2 курса Дагестанского государственного университета

АРСЛАНБЕКОВА Аминат Зайдуллаевна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ЖКХ

Одной из специфических сфер народного хозяйства является сфера жилищно-коммунального хозяйства. Актуальность исследования проблем, возникающих в сфере ЖКХ обусловлена существенным влиянием данной отрасли на комфортное существование населения страны в целом. От качества оказания услуг Управлением ЖКХ зависит настроение граждан и их отношение к государственной власти в целом.

Ключевые слова: управление ЖКХ, сфера жилищно-коммунального хозяйства, ТЭС.

SALIKHOV Gusein Shamilevich

magister student of the Dagestan State University

ARSLANBEKOVA Aminat Zaydullaevna

Ph.D. in Law, professor of, Head of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Dagestan State University

PROBLEMS OF THE ORGANIZATION OF MANAGEMENT OF HCS

One of the specific spheres of the national economy is the sphere of housing and communal services. The relevance of the study of the problems arising in the housing sector is due to the significant influence of this industry on the comfortable existence of the population of the country as a whole. The quality of the services provided by the Housing and Utilities Administration determines the mood of citizens and their attitude towards government in general.

Keywords: housing and communal services management, the sphere of housing and communal services, TPP.

Одно из направлений экономики, с которым постоянно сталкивается в процессе жизнедеятельности как население страны, так и общественные структуры — это предоставление комплекса жилищно-коммунальных услуг. Государство осознает, что удовлетворенность граждан и всего населения страны своей жизнью, бытом, качеством жилищных и коммунальных условий существования во многом зависит от специализированных органов, осуществляющих свою деятельность в данной сфере и, деятельность которых направлена на создание комфортных условий существования для общества в целом. В связи с этим первоочередной задачей органов государственной власти является непосредственное обеспечение оптимальных условий жизни населения путем решения проблем, возникающих в специфической сфере — в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ).

Изучение жилищно-коммунального хозяйства представляется интересным в связи с тем, что это сфера народного хозяйства, которая обладает своими особенностями и, с которой, в той или иной степени, сталкивается каждый гражданин страны [1, с. 537]. Таковыми особенностями ЖКХ являются:

- высокая ресурсоемкость за счет наличия более двадцати направлений оказания жилищно-коммунальных услуг;
- высокая социально-экономическая нагрузка, связанная с особенностями функционирования жилищно-коммунального хозяйства, предоставляющего гражданам льготы, в первую очередь общественные, финансируемые государством; во вторую — частные, предоставляемые коммерческими организациями;
- договорный характер экономических отношений, в связи с чем возникает вопрос о согласовании интересов сторон.

В начале 2021 года в сфере ЖКХ накопился комплекс проблем, требующих безотлагательного решения. Можно сказать, что данные проблемы связаны с: кризисом инженер-

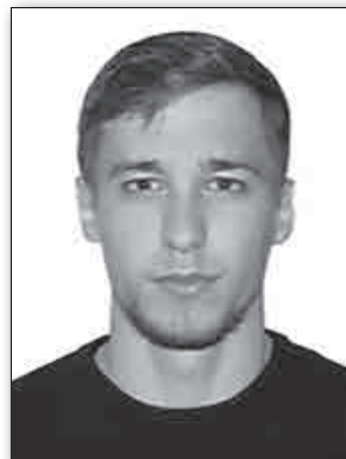
ной инфраструктуры, вызванным высоким уровнем затрат в отрасли; отсутствием конкурентной среды на рынке оказания услуг населению; высоким износом основных средств производственного и сетевого обслуживания; ухудшением технического состояния жилищ и инженерных сетей; физическим и моральным разложением жилого сектора в населенных пунктах; высокой степенью износа энергетического оборудования и электрических сетей, систем водоснабжения.

Если затрагивать проблему отсутствия конкуренции на рынке жилищно-коммунального хозяйства, то в качестве причин такой проблемы можно выделить следующие:

Во-первых, тот факт, что потребители не могут отказаться от этих услуг или сократить потребление из-за их уникальности и незаменимости. Продукты жизнедеятельности, такие как вода, газ, и любые продукты энергопотребления не имеют ценовой категории в связи с чем влияние на цену предоставляемых услуг не оказывается.

Во-вторых, любые государственные услуги, особенно те, что влияют на комфортное существование и с которыми сталкивается каждый гражданин, не должны иметь ценовой категории. Такие услуги должны предоставляться потребителям в любое время года, когда в них возникает необходимость (например, отопление, которое в некоторых городах необходимо круглый год, а в некоторых по сезонам). В свою очередь, ограничение доступности методом изменения цены не породит спрос и предложение и не повлечет повышение востребованности в продукте. Наоборот, недовольство население будет возрастать, а цена будет превращена в инструмент дискриминации населения.

В-третьих, рынок госуслуг находится в равновесии. Независимо от того, сколько услуг производится в настоящее время, спрос и предложение должны быть сбалансированы. Системы инженерного оборудования изначально спроектированы

Салихов Г. Ш.

Арсланбекова А. З.

таким образом, чтобы количество оказываемых услуг точно соответствовало размеру потребности и не возникало ситуаций, когда предложения больше, чем спрос.

В-четвертых, в этой области существует сильная связь между производством и потреблением услуг, взаимодействием и взаимозависимостью, непередаваемостью производственных активов государственных услуг. Это мешает свободному выбору услуг.

Можно сказать, что жилищно-коммунальные услуги являются ключевыми для развития инфраструктуры в России в целом и в отдельных городах в частности [2, с. 163].

Государство в лице власти и местного самоуправления на местах отказывается признать этот момент и сводит роль Управления ЖКХ, преимущественно, к направлению ремонта и контроля. Возникает вопрос, в чем причина такой ситуации. Главный ответ на этот вопрос-предположение, что при включении ЖКХ в качестве направления развития инфраструктуры власти будут вынуждены выделить в бюджете определенную сумму на это направление деятельности.

Но проблема ЖКХ не только в отсутствии финансирования со стороны государства. Также есть многочисленные нарушения со стороны управляющих компаний. Довольно часто бывали ситуации, когда фактические проверки показывали, что многоквартирные дома эксплуатируются компаниями незаконно. Общие собрания собственников квартир не проводятся, бюллетени подписываются третьими лицами. Такие нарушения, были выявлены, например Прокуратурой Советского района г. Махачкалы в ходе проведенной проверки соблюдения требований законодательства в сфере жилищно-коммунального хозяйства, а также при эксплуатации, содержании и ремонте многоквартирных жилых домов. В ходе проверки выявлены многочисленные нарушения Правил содержания и ремонта жилых домов, несоблюдения лицами, ответственными за содержание многоквартирных домов требований о проведении обязательных мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической эффективности общего имущества собственников помещений в многоквартирных домах и иные нарушения [3].

Из-за недостаточного контроля со стороны государственных и муниципальных властей и бездействия некоторых правоохранительных органов, создание и деятельность управляющих компаний получили свободу действий [4, с. 241]. Результатом стало недостаточное обеспечение населения жилищно-коммунальными услугами, а также неэффективное и нецелевое растрата материальных ресурсов и средств, полученных от населения. К наиболее частым правонарушениям в деятельности управляющих компаний можно отнести:

- заключение договоров с подрядчиком на выполнение ремонтных работ с завышением, сами работы часто не выполняются, а выполняются фиктивные акты выполненных работ;

- нарушен порядок расчета платы за капитальный ремонт, отсутствующая структура платы за содержание и ремонт квартир и их неуведомление жильцов не позволяют им контролировать их объективность.

Подобные нарушения происходят и в деятельности ТСЖ. Преимущество ТСЖ в том, что ответственность за возникающие ситуации в домах полностью снимается с местных властей, но это нельзя назвать причиной недостаточного контроля над деятельностью ТСЖ.

Однако стоит отметить, что проблемные ситуации возникают не только у организаций жилищного сектора. Многие управляющие компании сталкиваются с серьезными проблемами в процессе ведения бизнеса, в частности:

- постоянное недофинансирование бюджета при необходимости поддержания гигиенического состояния территории и технической работоспособности инженерного оборудования жилищного и нежилого фонда на должном уровне;

- рост дебиторской задолженности, население часто не всегда выплачивает полную сумму долга. Ответственность неплательщиков перекладывается на законопослушных арендаторов. Это обременение оправдано длительностью судебного разбирательства по взысканию платежей с неплательщиков. Но терпят те, кто вовремя выполняет свои обязанности;

- аварийное жилье и износ основных средств при отсутствии господдержки.

- низкая взаимосвязь элементов жилищно-коммунального хозяйства: эксплуатация квартир, объектов водоснабжения и канализации, сбор и вывоз ТБО, гигиеническое состояние жилья, энергоснабжение, теплоснабжение и др.

Целью улучшения жилищно-коммунального хозяйства является создание благоприятных условий для улучшения жилищного фонда и коммунальной инфраструктуры, обеспечивающих комфортные условия проживания граждан [5, с. 112]. Оказывая финансовую поддержку жилищно-коммунальному хозяйству, будет обеспечено благоустройство жилья коммунальной инфраструктурой, коммунальные услуги улучшатся.

В качестве решения вышеперечисленных проблем организациям в жилищной сфере целесообразно:

- использовать дифференцированные тарифы на жилье и услуги, вести более строгий учет избыточных площадей и вторых домов, которые могут быть оплачены по более высоким ставкам и условиям, что обеспечит дополнительное финансирование, в дополнение к которому следует ввести более высокие тарифы на чрезмерное потребление энергии;

- рекомендуется создать в компании единый клирингово-кассовый центр, который будет принимать платежи за электроэнергию, а просроченные платежи будут своевременно отслеживаться в созданной базе данных. В этих условиях размер просроченной задолженности не превышает 12-14 %;

- одним из способов сокращения долга, может быть, привлечение трудоспособных неработающих арендаторов к оплате задолженности по квартплате за текущий ремонт вспомогательных коммунальных работ, таких как благоустройство территории.

Таким образом, учитывая глубину проблем реформы сферы ЖКХ и ее роль в региональном развитии, возникает целесообразность пересмотра механизмов взаимодействия хозяйствующих субъектов в сфере жилищно-коммунального хозяйства региона, и, прежде всего, усиление координирующей роли местных сообществ как заинтересованных участников – стейкхолдеров – процесса управления ЖКХ локальных территорий. Решение данного вопроса лежит, в числе прочего, в сфере агломерационных процессов.

Пристатейный библиографический список

1. Ивакина А. М. Современные проблемы жилищно-коммунального хозяйства. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 8 (88). — С. 537-539.
2. Кириллова Д. И. Проблемы в сфере жилищно-коммунального хозяйства и пути их решения. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2014. — № 14 (73). — С. 162-163.
3. Прокуратурой Советского района г. Махачкалы выявлены нарушения в деятельности управляющих компаний: Официальный сайт прокуратуры Республики Дагестан от 28 апреля 2021 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_05/mass-media/news?item=61412788 (дата обращения: 01.12.2021).
4. Алексеев В. А. Право недвижимости Российской Федерации. Понятие и виды недвижимых вещей: учебное пособие для вузов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 487 с. — ISBN 978-5-534-13103-1. — Текст: электронный. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/473452> (дата обращения: 07.12.2021).
5. Свит Ю. П. Жилищное право: учебник и практикум для вузов. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 246 с. — ISBN 978-5-534-09052-9. — Текст: электронный. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/450631> (дата обращения: 07.12.2021).
6. Иншакова А. О. Жилищное право: учебник и практикум для вузов. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 416 с. — ISBN 978-5-534-14233-4. — Текст: электронный. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/468092> (дата обращения: 07.12.2021).
- 7.
- 8.

СЕМИХАТСКАЯ Анжела Владимировна

заместитель начальника кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка Волгоградской академии МВД России

ФИЗИЧЕСКИЕ ЛИЦА КАК СУБЪЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье автором подробно рассматривается вопрос о субъектах административной ответственности. Они делятся на большие группы: физические лица и юридические лица. Среди физических лиц различают: иностранных граждан и лиц без гражданства, несовершеннолетних и т.д. Среди физических лиц большую группу составляют, так называемые, специальные субъекты административного правонарушения и административной ответственности. Термин специальные субъекты в законодательстве не употребляется, но в научной литературе он широко применяется для обобщения целого ряда субъектов. Признаки специальных субъектов находятся в Особенной части КоАП.

Ключевые слова: административная ответственность, субъект, физическое лицо, специальный субъект, иностранный гражданин, военнослужащий, несовершеннолетний.

SEMIKHATSKAYA Angela Vladimirovna

Deputy Head of Administrative activities and public order protection sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

Семихатская А. В.

INDIVIDUALS AS SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

In the article, the author examines in detail the issue of subjects of administrative responsibility. They are divided into large groups: individuals and legal entities. Among individuals, there are: foreign citizens and stateless persons, minors, etc. Among individuals, a large group consists of so-called special subjects of administrative offense and administrative responsibility. The term special subjects is not used in legislation, but in the scientific literature it is widely used to generalize a number of subjects. The signs of special subjects are in the Special part of the Administrative Code.

Keywords: administrative responsibility, subject, individual, special subject, foreign citizen, soldier, minor.

Субъект административной ответственности, он же субъект административного правонарушения, – лицо, совершившее правонарушение и подлежащее на этом основании административному наказанию. Административная ответственность характеризуется неоднородным кругом субъектов с различным их правовым статусом – различным в смысле самого юридического режима их ответственности (возрастные, должностные и иные характеристики, определяющие признание лица субъектом ответственности; некоторые изъятия из общих правил ответственности и др.).

Также необходимо обратить внимание на соотношение должностного и физического лица. Так, под физическим лицом понимается гражданин, который в силу закона обладает гражданскими правами, свободами и законными интересами. Что касается должностных лиц, то в их качестве выступают все те же физические лица, которые наделены определенными властными полномочиями и правовым статусом. Вместе с этим, на должностных лиц возлагаются определенного рода обязанности по осуществлению тех или иных административных функций и задач [1].

КоАП РФ предусматривает более широкий круг специальных субъектов. Так устанавливаются основы ответственности должностных лиц (ст. 2.4). При этом обращает на себя внимание норма о том, что индивидуальные предприниматели несут ответственность как должностные лица.

В целях формирования наиболее объективного и содержательного представления об изучаемом вопросе, необходимо обратиться к реальной практике привлечения должностных лиц к административной ответственности.

В первую очередь хотелось бы обратить внимание на нарушение должностным лицом ст. 5.63 КоАП РФ. Так, главой отдела реестра муниципального имущества г. Волгограда были допущены существенные нарушения в области предоставления сведений и выписок об объектах учета из реестра муниципального имущества. В частности, данное должностное лицо несколько раз грубо нарушало сроки при отказе в предоставлении муниципальной услуги, выраженной в виде предоставления выписок из реестра. Городская прокуратура г. Волгограда начало проводить соответствующее производство за нарушение порядка предоставления муниципальной услуги. В результате чего суд признал данное должностное лицо виновным в совершении административного правонарушения, что повлекло установление административной ответственности [2].

Вместе с этим, можно обратить внимание на совершение такого относительно распространенного правонарушения, как незаконная выдача разрешений на строительство. Так, Сергиево-Посадская городская прокуратура Московской области проверила законность строительства жилого дома. Из материалов дела можно сделать вывод о том, что администрация поселения Сергиев Посад выдало разрешение на строительство многоквартирного дома ООО «ПКФ Виктория-5». Суть правонарушения заключалась в том, что земля, которая была отдана «под строительство» жилого дома, являлась зоной охраняемого природного ландшафта. Более того, данная территория была включена распоряжением Президента РФ в объект национального культурного наследия. Прокуратура обратилась к главе администрации посе-

ления Сергиев Посад с требованием об отзыве разрешения на строительство, однако никакой обратной связи от администрации не последовало и соответственно правонарушение не было устранено. В последующем, в судебном заседании глава городского поселения был привлечен к административной ответственности в виде штрафа¹.

Но основная цель индивидуального предпринимателя – осуществление предпринимательской деятельности, извлечение прибыли, что является экономической деятельностью. Статус индивидуального предпринимателя по своему содержанию схож с юридическим лицом. Индивидуальный предприниматель несёт административную ответственность в основном только за правонарушения, связанные с предпринимательской деятельностью. Исполнительно-распорядительные функции как представитель власти он не выполняет.

К специальным субъектам КоАП РФ относят также такие категории, как иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица (ст. 2.6); собственники или иные владельцы земельных участков либо других объектов недвижимости (ст. 2.6.2). Специальные нормы, посвященные данным категориям субъектов, отсутствуют в белорусском законодательстве.

Понятие административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства является более узким, по сравнению с общим понятием административной ответственности и соотносится с ним как целое и частное. Основное различие состоит в круге субъектов, которыми выступают лица, не имеющие российского гражданства. На основании этого административную ответственность иностранцев в РФ можно определить, как особый вид юридической ответственности, реализуемой через применение полномочным государственным органом (должностным лицом) предусмотренных действующими нормами административного права конкретных административно-правовых санкций к иностранным гражданам и лицам без гражданства, виновным в совершении особого рода нарушения – административного правонарушения.

За совершение административного правонарушения законодательством предусмотрено соответствующее наказание. Общий перечень административных наказаний отображен в ст. 3.2 КоАП РФ. Но не все их можно использовать в отношении специальных субъектов. В п. 47 Дисциплинарного Устава ВС представлен перечень неприменяемых к военнослужащим административных наказаний. Например, это исправительные работы или административный арест. Недопустимо применение административного выдворения в соответствии с п. 3 ст. 3.10, к военнослужащим-иностранцам гражданам. Кроме этого, к старшинам, сержантам, солдатам и матросам, проходящим службу по призыву, а также к курсантам военных образовательных организаций до заключения с ними контракта о прохождении воинской службы не применяется наказание в виде административного штрафа [3]. Если мы еще раз обратим внимание на виды наказаний, то заметим противоречия КоАП РФ и Дисциплинарного устава, а именно: КоАП РФ не содержит в себе такой вид наказания как исправительные работы, но содержит обязательные работы. Данное противоречие приводит к сложностям назначения наказания военнослужащему.

Законодатель в главе 23 КоАП РФ отображает субъекты, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях военнослужащих. Таким образом, по объему функциональной компетенции выделяют следующих субъектов: только возбуждающих административное дело (должностные лица, уполномоченные составлять протоколы), непосредственно осуществляющих административно-юрисдикционные функции (судьи военных судов), осуществляющих на всех стадиях производства процессуальные действия (уполномоченные полицией старшие участковые, начальник ГИБДД, командир полка, батальона, роты ДПС и их заместители и другие). Собственно, сам порядок привлечения военнослужащих к административной ответственности специфичен. Общий порядок действий, при наличии четырех основных элементов состава административного правонарушения, выглядит следующим образом: при выявлении нарушения норм КоАП РФ военнослужащим уполномоченное должностное лицо составляет протокол об административном правонарушении, затем дело в течение суток со дня составления протокола передается в воинскую часть, где проходит службу военнослужащий, для принятия решения. Материалы дела содержат рапорт военнослужащего с подробным изложением причин и мотивов совершения административного правонарушения. После, комиссия изучает его и материалы дела и выносит решение². А окончательным документом, устанавливающим вину военнослужащего, является приказ командира, в котором указываются меры воздействия, то есть наказание, применяемое к правонарушителю.

Административные правонарушения, совершаемые несовершеннолетними, традиционно занимают заметное место в общей структуре административной деликтности. Эффективное противодействие фактам противоправного поведения подростков позволяет создать прочную базу раннего предупреждения административных правонарушений и преступлений, что способствует нормализации криминальной обстановки в стране на будущие десятилетия.

Можно утверждать, что в той или иной степени все авторы, обращавшиеся к проблематике делинквентного поведения несовершеннолетних, касались и вопросов, имеющих отношение к значимым в правовом отношении характеристикам их возраста. Однако говорить о какой-либо исчерпанности заявленной темы научной статьи вряд ли возможно. Она нуждается в дальнейшем изучении с учётом современной правоприменительной практики, а также с учётом результатов научных исследований, опубликованных в последние годы.

Главное условие реализации административной ответственности в отношении несовершеннолетнего – это его возраст, который подтверждают такие документы, как свидетельство о рождении, паспорт гражданина, заявление формы 1П о выдаче паспорта.

Соответственно, ключевыми характеристиками лиц, совершающих административные правонарушения и преступления в несовершеннолетнем возрасте, безусловно, являются именно возрастные характеристики, а также данные о его воспитании и образовании.

1 Решение № 2-3009/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 2-3009/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения: 22.12.2021).

2 Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 21.02.2019) // Российская газета. – 2001. – № 256. – 31 дек.

Представляется целесообразным придерживаться следующего алгоритма сбора сведений об особенностях личности несовершеннолетнего правонарушителя, условиях его жизни и воспитания, а также иных обстоятельствах дела, которые необходимо приобщать к материалам дела:

1) запросить в психоневрологическом диспансере информацию о том, состоит ли несовершеннолетний на учете у психиатра или нарколога;

2) запросить в комиссии по делам несовершеннолетних информацию о том, обсуждался ли несовершеннолетний и его родители на заседаниях комиссии, когда и в связи с чем;

3) запросить по месту учебы (работы) несовершеннолетнего информацию о его отношении к учебе (работе), образе жизни, пристрастиях, круте знакомых;

4) запросить характеристики на родителей по месту жительства и работы;

5) опросить родителей несовершеннолетнего или лиц, их заменяющих об условиях его жизни и воспитания, особенностях его личности, круте интересов, состоянии здоровья и т.п.;

6) проверить ближайшее бытовое окружение несовершеннолетнего, связи, времяпрепровождение, для этого опросить соседей, друзей подростка и (при необходимости) их родителей;

7) установить наличие (отсутствие) судимостей;

8) определить меры, принимаемые несовершеннолетним к возмещению ущерба (расписка, показания потерпевших и т.д.);

9) получить рекомендации от психологов в выборе меры административно-правового воздействия на несовершеннолетнего и режима ее исполнения [4].

Основным является раннее предупреждение преступлений и правонарушений. В качестве примера ранней профилактики можно привести занятия по безопасности, которые сотрудники полиции проводят в средних общеобразовательных учреждениях. В частности, в преддверии летних каникул сотрудники органов внутренних дел в рамках реализации информационно-профилактических мероприятий проводят встречи со школьниками [6].

С несовершеннолетними правонарушителями на регулярной основе проводится индивидуальная профилактическая работа. Так, в частности, составляются ежеквартальные планы индивидуальной профилактической работы.

Тем самым, как специфика административно-деликтного производства по делам в отношении несовершеннолетних, так и направления противодействия совершаемым подростками правонарушений обусловлены социально-психологическими особенностями несовершеннолетнего возраста. Названные особенности во многом определяют векторы и содержание деятельности административно-юрисдикционных органов по делам данной категории.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, следует сделать следующие выводы:

во-первых, в силу отсутствия в КоАП РФ легального толкования термина «административная ответственность» возникают проблемы в интерпретации норм закона к понятию «административная ответственность военнослужащего», что приводит к необходимости изменения законодательства путем введения в него вышеупомянутого термина. Данную точку зрения поддерживают многие авторы, которые коллективно провели анализ легальных определений и характеристику административной ответственности и вывели следующие определение: «административная ответственность

военнослужащего – это итоговая правовая оценка в установленном законом порядке неправомερных виновных административно наказуемых деяний военнослужащих, предполагающая наступление для них неблагоприятных последствий материального и морального характера, направленная на предупреждение совершения ими и другими лицами новых правонарушений» [5]. Мы поддерживаем позицию авторов; во-вторых, противоречия КоАП РФ и Дисциплинарного устава в части административных наказаний приводит к трудностям при назначении наказания военнослужащему. Поэтому необходимо привести НПА к единому виду путем исключения из п. 47 Устава наказание в виде исправительных работ, так как данный вид наказаний не предусмотрен КоАП РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Бухаева А. А. Проблемы правового положения субъектов административной ответственности / А. А. Бухаева, А. А. Жамбаев, А. Н. Сагадиев // Наука и реальность. – 2020. – № 4. – С. 50-55.
2. Максимов И. В. Административная ответственность (конституционная конструкция) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 20.12.2021).
3. Кунгаа А. О. Субъекты административной ответственности за нарушение законодательства в области дорожного движения // Общественная безопасность в сфере дорожного движения: профессиональная подготовка и организационно-правовые инструменты. – 2020. – С. 402-407.
4. Кадыров З. О. Военнослужащие как субъект административной ответственности // Молодой ученый. – 2020. – № 50(340). – С. 225-227.
5. Терешина Е. В. Военнослужащий как субъект административной ответственности // Военно-юридический журнал. – 2021. – № 2. – С. 11-14.
6. Ахмедов У. Н. и др. Процессуальные особенности избрания, применения и отмены принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых: аналитический обзор. – Воронеж, 2019. – 46 с.

АНДРЮХИНА Ирина Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Западного филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ПЕРСОНАЛА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

В статье анализируется содержание применяемых в России подходов к оценке персонала государственной гражданской и муниципальной службы. Автором дана характеристика подходов, разработанных федеральными органами исполнительной власти, в том числе Министерством труда и социального развития Российской Федерации для проведения комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих, в основном для проведения аттестации персонала, анализируются проблемы применения данных подходов в системе государственной гражданской службы. Автор предлагает новые подходы к проведению оценки персонала, на основе анализа содержания деятельности служащего, в том числе предлагается алгоритм расчета Индекса эффективности деятельности служащих. На основе проведенных расчетов автор предлагает формировать рейтинги государственных гражданских и муниципальных служащих органов государственной власти и местного самоуправления, для оценки потерь служебного времени в системе муниципальной службы актуализируется использование метода фотографии рабочего дня. Автором также анализируются проблемы внедрения новых подходов к проведению объективной оценки кадрового состава на постоянной основе.

Ключевые слова: государственный гражданский служащий, оценка, индекс эффективности деятельности, рейтинг, фотография рабочего дня.

ANDRYUKHINA Irina Yuryevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of State and municipal administration sub-faculty of the Western branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation, Kaliningrad

NEW APPROACHES TO PERSONNEL ASSESSMENT IN THE SYSTEM OF STATE CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

The article analyzes the content of approaches used in Russia to assess the personnel of the state civil and municipal service. The author characterizes the approaches developed by federal executive authorities, including the Ministry of Labor and Social Development of the Russian Federation to conduct a comprehensive assessment of the professional performance of public civil servants, mainly for personnel certification, analyzes the problems of applying these approaches in the public civil service system. The author suggests new approaches to personnel assessment based on the analysis of the content of the employee's activity, including the proposed algorithm for calculating the Employee Performance Index. Based on the calculations carried out, the author proposes to form ratings of state civil and municipal employees of state authorities and local self-government bodies, to assess the loss of office time in the municipal service system, the use of the working day photography method is updated. The author also analyzes the problems of introducing new approaches to conducting an objective assessment of personnel on an ongoing basis.

Keywords: state civil servant, evaluation, performance index, rating, the photo of the day.

Андрюхина И. Ю.

Безусловно, оценка персонала представляет собой систему четких параметров, обеспечивающих объективную оценку результативности персонала на основе определенных критериев.

Система оценки персонала – это набор нескольких инструментальных систем, тесно связанных основными функциями управления персоналом, включающих, в том числе:

- отбор, подбор и расстановку персонала;
- их мотивацию;
- обучение и развитие сотрудников [1].

Следует отметить, что автором принятых в России подходов к проведению оценки персонала государственной гражданской службы является Министерство труда и социального развития Российской Федерации (далее – Минтруд). В 2012 году, после поручения Президента РФ о разработке данного вопроса, на сайте ведомства появились материалы в части оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих [2].

С учетом принципа взаимосвязи гражданской и муниципальной службы в России, указанные подходы применяются и при проведении аттестации муниципальных служащих.

Суть предлагаемой Минтрудом Методики, по мнению автора, состоит, главным образом, в оценке служащего по трем видам оценки: оценка квалификации, профессиональных качеств и его эффективности и результативности.

Первый вид оценки должен осуществляться на основе наличия у оцениваемого требуемой квалификации (специальности), которая, очевидно, не меняется ежегодно, так как получение новой специальности требует определенного времени.

Второй вид оценки предполагает выработку руководителем определенного мнения о подчиненном, которое может быть не объективным ввиду наличия или отсутствия проблем личностного взаимодействия.

Третий вид оценки предусматривает выработку руководителем определенной формулировки об уровне выполнения служащим поставленных задач, а именно: на высоком, достаточном, низком и т. д. уровне.

Аналитического подтверждения мнения руководителя об уровне выполнения задач подчиненным при этом не требуется.

На основе указанных данных непосредственным руководителем составляется Отзыв о результатах служебной деятельности сотрудника, который и представляется членам аттестационной комиссии для принятия решения о ее итогах.

Таким образом, автору статьи представляется, что алгоритм Минтруда в части проведения такой оценки эффективности служащего носит формальный характер, так как не содержит содержательные критерии оценки результативности сотрудника, о чем уже упоминалось в других статьях автора.

Вероятно, по этой причине данная методика длительное время не была формализована и носила рекомендательный характер. Тем не менее, в сентябре текущего года подход Минтруда получил свое нормативное правовое отражение (далее – Методика Правительства РФ) [3].

Цель Методики Правительства РФ – обеспечить кадровые службы органов власти едиными подходами по проведению аттестации гражданских служащих, в том числе, в части подготовки оценивающих материалов, т. е. Отзыва, о результатах профессиональной деятельности служащих.

Отзыв используется сегодня при проведении аттестации как государственных гражданских, так и муниципальных служащих. Таким образом, Минтруд формализовал свои подходы к оценке персонала на государственной гражданской службе на федеральном уровне. После выхода Методики Правительства РФ, ни в организации подготовки и проведении аттестации гражданских служащих, ни в подготовке документов и материа-

лов для ее проведения, ни в утверждении принятого в ходе аттестации решения аттестационной комиссии, прежний алгоритм не изменился.

Следует отметить, что в ряде субъектов Российской Федерации и федеральных органах исполнительной власти, предприняты попытки при проведении оценки кадрового состава использовать метод анкетирования, при котором испытуемым предлагается ответить на вопросы. По окончании анкетирования подводятся итоги о компетентности и предполагаемых результатах служебной деятельности служащего [4].

По мнению автора этот метод больше подходит при осуществлении выбора кандидатов для замещения должностей, при проведении конкурсного отбора.

Определенный интерес вызывает применение при проведении оценки государственных гражданских служащих отдельных методов принятия управленческих решений, в числе которых метод экспертной оценки 360 градусов.

Метод «360 градусов» является методом текущей оценки персонала и, главным образом, заключается в выявлении степени соответствия сотрудника занимаемой должности посредством опроса непосредственного окружения сотрудника [5].

Метод оценки «360 градусов» предлагается использовать исключительно для оценки личностных компетенций – индивидуальных особенностей личности, влияющих на выполнение профессиональных обязанностей. Метод предполагает вовлечение в процесс оценки служащих, с которыми контактирует испытуемый. Предполагается, что это позволит повысить объективность оценки с учетом опыта их взаимодействия [6].

По мнению автора, данный подход также не дает объективной картины эффективности профессиональной служебной деятельности, а представляет, как упоминалось выше, характеристику личностных компетенций, как своеобразное предвидение возможных результатов его служебной деятельности.

Оценке персонала государственной гражданской и муниципальной службы, повышению эффективности профессиональной служебной деятельности служащих, кадровой политики и кадровой работы в органах государственной власти и местного самоуправления посвящен ряд статей автора, в том числе и в соавторстве [7].

В ранее опубликованных статьях в российских и зарубежных изданиях автором сформулирован подход к оценке персонала государственной гражданской и муниципальной службы посредством расчета Индекса эффективности профессиональной служебной деятельности служащих, на основании анализа содержания основной деятельности (объема выполненных задач и функции за определенный период).

Кроме исполнительской дисциплины (безоговорочное исполнение всех поручений в истекшем периоде в установленные сроки), автором предлагается оценивать количество исполненных поручений муниципальным (гражданским) служащим в текущем месяце (квартале) по отношению к предыдущему, используя индекс Пааше [8].

Рассчитав индексы эффективности деятельности каждого сотрудника, формируется Рейтинг служащих конкретного подразделения или органа власти в целом.

Безусловно, во главе рейтинга могут оказаться одни и те же служащие, в зависимости их мотивации к карьерному росту.

Неоднократное вхождение в рейтинг может стать основанием для карьерного роста служащего (как на конкурсной основе, так и при заключении срочного служебного контракта).

Проблемы низкой эффективности служащих можно определить и с помощью метода «фотография рабочего дня», позволяющего оценить, почему сотрудник не успевает решить поставленные задачи в течение рабочего времени.

Данный метод уже давно и эффективно применяется планово-экономическими службами предприятий реального сектора экономики, но для системы государственной гражданской и муниципальной службы является экспериментальным подходом [9].

Следует отметить, что в рамках права совместного ведения субъекты Российской Федерации могут утверждать свои нормативные правовые акты в сфере регулирования гражданской службы и определять порядок проведения оценки результативности служащих. Такие нормативные правовые акты утверждены и в Калининградской области [10].

Понимая огромную перегруженность служащих, значительный объем переданных полномочий как региональным властям, так и местным администрациям, требуется выработка такой методики проведения оценки персонала органов государственной власти и местного самоуправления, которая не будет формальной и сложной в использовании, а позволит получить объективные результаты при минимальных усилиях со сторо-

ны кадровых служб, как органов государственной власти, так и местного самоуправления. С учетом электронного документооборота получить выгрузку данных о количестве исполненных поручений каждым служащим, не составит особого труда. А также не составит труда сравнить эти показатели и построить на их основе «рейтинг» служащих органа власти (структурного подразделения). В то же время проведение оценки персонала на постоянной основе, ежемесячно или ежеквартально, а не в рамках проведения аттестации, повысит эффективность работы каждого служащего, не желающего оказаться в «хвосте» рейтинга служащих органа власти.

Подходы к оценке персонала, основанные на расчете индекса эффективности каждого сотрудника и отражение полученных значений в Рейтинге служащих, могут стать стимулом повышения результативности персонала, в случае их внедрения.

Пристатейный библиографический список

1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Оценка_персонала.
2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/programms/gossuzhba/16/4/0>.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 09.09.2020 № 1387 «Об утверждении единой методики проведения аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации». // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.
4. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://biznesprost.ru/anketa-ocenki-professionalnyx-i-lichnostnyx-kachestv-grazhdanskogo-sluzhashhego.html> /Анкета оценки профессиональных и личностных качеств гражданского служащего.
5. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Метод_360_градусов#:~:text=Метод%20«360%20градусов»%20—%20это,посредством%20опроса%20делового%20окружения%20сотрудника/метод%20360%20градусов.
6. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cdto.work/documents/methodical-recommendation/360.pdf> /Методические рекомендации по проведению оценки государственных гражданских служащих федеральных органов исполнительной власти, работников организаций, подведомственных федеральным органам исполнительной власти, работников государственных внебюджетных фондов, обеспечивающих цифровую трансформацию, с использованием метода оценки «360 градусов».
7. Андрюхина И. Ю. О новых подходах к проведению оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих // Современное управление: векторы развития: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции 15-16 ноября 2018 г. – Саратов: ООО «Амирит», 2018. - С. 388–390.
8. Андрюхина И. Ю., Карама Л. Л. Совершенствование оценки государственных гражданских служащих как условие успешности управления регионом. // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. - 2021. - № 3 (57). - С. 15–22.
9. Карама Л. Л., Андрюхина И. Ю. Фотография рабочего дня как способ проведения оценки эффективности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих. // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. - 2020. - № 2 (52). - С. 74–81.
10. Закон Калининградской области от 28.06.2005 № 609 «О государственной гражданской службе в Калининградской области». // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.

БРАЖНИКОВ Георгий Дмитриевич

студент второго курса Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ЮШКО Александр Викторович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ПАВЛОВ Николай Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Вопрос взаимодействия муниципальных органов власти с органами государственной власти всегда являлся актуальным, так как многие правоведы интересовались изучением особенностей подобного взаимодействия. Автор настоящей статьи обращает внимание на правовую природу института местного самоуправления, а также те характерные особенности, которые присущи ему. В процессе изучения представленной тематики изучается современная правовая доктрина, а также отечественное законодательство. В заключении представлены авторские выводы.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная власть, государственный орган, взаимодействие.

BRAZHNIKOV Georgiy Dmitrievich

student of the 2nd course of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

YUSHKO Aleksandr Viktorovich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Administrative and financial law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

PAVLOV Nikolay Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN MUNICIPAL AND PUBLIC AUTHORITIES

The issue of interaction of municipal authorities with public authorities has always been relevant, since many lawyers were interested in studying the features of such interaction. The author of this article draws attention to the legal nature of the institution of local self-government, as well as those characteristic features that are inherent to it. In the process of studying the presented topics, modern legal doctrine is studied, as well as domestic legislation. In conclusion, the author's conclusions are presented.

Keywords: local self-government, municipal government, state body, interaction.

В настоящее время одной из важных тенденций развития современного государства признается существенное повышение роли местного самоуправления. В 2020 году в связи с принятием поправок в Конституцию РФ были внесены изменения в главу 8, посвященную институту местного самоуправления. Согласно нововведениям «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Позитивно о новелле высказался председатель комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству Павел Крашенинников [3]. По мнению депутата, закрепление в Конституции РФ единства системы публичной власти направлено на повышение эффективности функционирования местного самоуправления и «не меняет статью 12 Основного закона о самостоятельности местного самоуправления, а подчеркивает многообразие форм взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления»¹.

Безусловно, закрепление принципа единства системы публичной власти будет способствовать повышению эффективности взаимодействия муниципальных органов с органами государственной власти, реализации совместных национальных проектов и государственных программ, направленных на решение вопросов местного значения в социальных сферах. Для осуществления це-

лей и задач государственной политики в сфере местного самоуправления необходимо сформировать четкое понимание правовой природы местного самоуправления и его места в механизме современного демократического государства. Указанные выше положения обуславливают актуальность выбранной темы. Вместе с этим, стоит сказать о том, что поправки к гл. 8 Конституции РФ направлены на тесное взаимодействие государственных органов и органов местного самоуправления как единой системы государственной власти [2, с. 143].

В целях определения социальной роли местного самоуправления необходимо сформулировать сущность и значение такого термина как «местное самоуправление». В юридической литературе существует множество подходов к понятию «местное самоуправление». Так, согласно обобщенному мнению большинства правоведов, под местным самоуправлением понимается особая форма саморегуляции и самоорганизации различного рода систем, в том числе и социальной. Вместе с этим местное самоуправление в свое смысловое содержание включает также особое рода коллективную деятельность, направленную на обеспечение основных потребностей и интересов местного населения.

Таким образом, местное самоуправление, представленное в виде самостоятельного социального института, включает в себя особые признаки, к которым можно отнести:

- Народовластие, то есть непосредственным источником власти является местное население;
- В подавляющем большинстве случаев субъект и объект управления совпадают;

¹ Конституция Российской Федерации (с изменениями на 14 марта 2020 года) // Российская газета. - № 144. - 04.07.2020.

• Основным способом реализации власти органов местного самоуправления является прямая демократия;

Предоставление возможности местному населению осуществлять самостоятельность в рамках наиболее актуальных областей общественной жизнедеятельности.

В качестве основной особенности местного самоуправления выступает то, что ее правовая природа позволяет местному населению участвовать в формировании различных взаимосвязанных институтов, деятельность которых будет направлена на удовлетворение основных потребностей и интересов местных граждан [2, с. 146]. Данное обстоятельство служит подспорьем для построения эффективной системы предоставления социальных благ, ее экономической и организационной составляющей.

В рамках настоящего исследования необходимо обратить внимание на действующее муниципальное законодательство, которое направлено на регулирование представленных правоотношений. Так, по мнению большинства правоведов, новая редакция ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» предусматривает большое количество различных аспектов, которые призваны усовершенствовать нынешний аппарат муниципальной службы, а также придать черты, присущие нынешней рациональной организации местного самоуправления.²

Проблемы, которые связаны с улучшением нормативно-правовой базы, возникают исключительно на уровне субъекта Федерации, а также конкретного уровня муниципального образования. Некоторые научные деятели указывают на разногласия действий государственных органов с органами МСУ как первую причину указанных недостатков [2, с. 85].

По мнению многих правоведов, в данном случае все правильнее говорить о том, что необходимо установить взаимодействие между собой органов МСУ с правительством того или иного субъекта Федерации, поскольку субъект, созданный как региональный орган управления и, в первую очередь, способствует претворению федеральной целевой политики в местном самоуправлении.

В связи с вышеизложенным, представляется безукоризненно правильной действующая позиция, связанная с прямой зависимостью процесса выработки органов местного самоуправления и их утилитарной деятельности от разрабатываемых в субъектах Федерации нормативно-правовых актов.

При этом следует отметить то, что нормотворческая деятельность субъектов, касающаяся муниципальной службы обязано детально совершенствовать положение федеральных актов, которые применяются к условиям местного самоуправления и которые не должны противоречить существу положений последнего.

Хотелось бы также обратить свое внимание на то обстоятельство, что нормативная база на уровне муниципалитета представлена в виде Уставов, актов органов МСУ, актами, принятыми на референдумах, решениями граждан.

По своей сути Уставы по-разному призваны регламентировать вопросы службы. Так, одни включают главу, которая посвящена основному вопросу - муниципальной службе, другие - все же ограничиваются одним упоминанием указанного института в некоторых статьях. Так, Устав Кореновского района, который был принят на основании решения Совета муниципального образования Кореновский район от 29 марта 2017 г. № 198 [3], включает отдельную главу, посвященную вопросу служебных отношений: «Муниципальная служба, муниципальные должности».

На сегодняшний день возникает проблема, которая выражается в том, что законодатель в значительной степени ограничивает возможность органов власти субъектов РФ самостоятельно регулировать вопросы, относящиеся к муниципальной службе и деятельности непосредственно самих муниципальных служащих. Сущность указанной проблемы заключается в том, что данное положение может повлечь за

собой риск полного исключения, так называемой, правотворческой функции органов власти субъектов РФ.

В связи с чем соотношение законодательства субъектов и федерального законодательства по регулированию процесса организации службы на местах должно рассматриваться как динамичное, а также складываться в прямой зависимости от политических, экономических и, обязательно, социальных условий.

Стоит сказать о том, что власть органов местного самоуправления должна закрепляться в отдельных нормативно-правовых актах. Более того, подобные правовые акты должны предусматривать и наделение местных органов некоторыми государственными полномочиями. Подобное нормативно-правовое закрепление предусматривается во многих субъектах РФ.

В качестве примера хотелось бы привести Республику Мордовию, в которой была разработана концепция, согласно которой полномочия между органами государственной власти и органами местного самоуправления разграничиваются и корректно распределяются между друг другом. Так, устанавливаются особые предметы ведения, однако помимо этого муниципальные органы власти также вправе осуществлять и иные действия, которые прямо не запрещены законом. На сегодняшний день данная концепция остается лишь теоретической наработкой, так как никакую правовую оболочку данная концепция не обрела. Тем не менее, по нашему мнению, введение подобной концепции является необходимым, так как его наличие способствовало бы более эффективному и корректному регулированию отношений, возникающих между муниципальными и государственными органами власти.

Подводя итоги, необходимо сказать о том, что постепенное развитие и совершенствование института местного самоуправления является одним из приоритетных и важнейших условий, которые следует учитывать при формировании государственного строительства. Это обусловлено тем, что корректно функционирующее местное самоуправление выступает в качестве своеобразного гаранта развития, а также модернизации отечественного федерализма государственно-го и муниципального управления.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями на 14 марта 2020 года) // Российская газета. - № 144. - 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 марта 2007 г. № 10 ст. 1152.
3. Британ С. А., Павлов Н. В. Место органов местного самоуправления в системе органов государственной власти // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 3 (154). - С. 143-144.
4. Павлов Н. В., Лободина А. А., Шабунько Ю. А. Соотношение государственной и муниципальной службы как элементов единой системы публичной власти // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 5 (144). - С. 145-146.
5. Курдюк П. М., Павлов Н. В., Очаковский В. А. Правовое регулирование взаимодействия органов государственного и муниципального управления: монография. - Краснодар: Эпомен, 2019. - 85 с.
6. Комментарий к проекту закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/52326/> (дата обращения: 01.12.2021).
7. Официальный сайт администрации муниципального образования Кореновский район. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.korenovsk.ru> (дата обращения: 08.11.2021).

² Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 марта 2007 г. № 10 ст. 1152.

КОНДРАЩЕНКО Дарья Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

ГЕЛЯХОВА Лейла Абдуллаховна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант полиции

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ ЧЛЕНОВ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы правовой культуры членов избирательных комиссий в Российской Федерации. Правовая культура указанных лиц имеет важнейшее значение для института выборов, так как их деятельность ориентирована на обеспечение избирательных прав граждан. В настоящее время широкое распространение получила практика безнаказанного противоправного поведения членов участковых избирательных комиссий разных уровней. На основе проведенного анализа авторы формулируют предложения по совершенствованию административного, уголовного законодательства и правоприменительной практики с целью ужесточения ответственности вышеназванных лиц за правонарушения и преступления в сфере избирательного права и процесса, что определяется в качестве эффективного инструмента повышения правовой культуры членов избирательных комиссий в Российской Федерации.

Ключевые слова: правовая культура, члены избирательных комиссий, институт выборов, противоправное поведение, юридическая ответственность.

KONDRASHCHENKO Darya Alekseevna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and municipal law sub-faculty of the N. G. Chernyshevskiy Saratov National Research State University

GELYAKHOVA Leyla Abdullakhovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

TO THE QUESTION OF THE LEGAL CULTURE OF MEMBERS OF ELECTION COMMISSIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the problems of legal culture of members of election commissions in the Russian Federation. The legal culture of these persons is of paramount importance for the institution of elections, since their activities are focused on ensuring the electoral rights of citizens. At present, the practice of unpunished illegal behavior of members of precinct election commissions of various levels has become widespread. Based on the analysis, the authors formulate proposals for improving administrative, criminal legislation and law enforcement practice in order to tighten the responsibility of the above-mentioned persons for offenses and crimes in the field of electoral law and process, which is determined as an effective tool for improving the legal culture of members of election commissions in the Russian Federation.

Keywords: legal culture, members of election commissions, institution of elections, illegal behavior, legal liability.

Российская Федерация является правовым государством и уровень правовой культуры граждан важен для всех сфер жизни общества. Стабильное функционирование и динамичное развитие России возможно лишь при условии полноценного внедрения и соблюдения различных законодательных требований, которые детально регулируют общественные отношения. В данном контексте важнейшее значение имеет не только прогрессивность формы и содержания соответствующего законодательства, но и его восприятие со стороны населения, которое формирует правовую культуру каждого индивида.

Отметим, что в настоящее время вопросы, связанные с правовой культурой российского населения, достаточно часто поднимаются в научной литературе. Одни авторы акцентируют внимание на необходимости развития правовой культуры отдельных категорий населения, например, таких как молодежь, другие отмечают особенности трансформа-

ции правовой культуры российских граждан в условиях мировой глобализации и развития информационного общества. Все вышеназванные вопросы, безусловно, представляют существенный теоретический и практический интерес для правовой науки, однако в связи со значимостью конституционно-правового процесса организации и проведения выборов в России в рамках данного исследования представляется необходимым подчеркнуть актуальность тематики правовой культуры в избирательном праве и процессе.

Теоретико-правовое осмысление вышеназванной категории позволяет отметить существенное влияние на содержательные характеристики правовой культуры сферы ее реализации. В данном контексте совершенно справедливым представляется определение, сформулированное Н. Н. Чу-челиной, которая предлагает под правовой культурой личности в указанной сфере понимать «знания и умения применять нормы избирательного права, политико-правовую

оценку лицом собственных действий, а также деятельности иных субъектов избирательного процесса и отношение к реализации своих прав и обязанностей, предусмотренных избирательным законодательством» [3, с. 12]. Таким образом, правовая культура в сфере избирательного права и процесса имеет гораздо более масштабное содержание нежели лишь знания норм избирательного права и особенностей их применения.

Институт выборов в Российской Федерации обеспечивается целым комплексом организационно-правовых механизмов, которые предусматривает функционирование специальных субъектов в данной сфере, наделенных весьма масштабными полномочиями. По нашему мнению, особое значение для процесса организации и проведения выборов имеет правовая культура членов избирательных комиссий, так как для реализации активного и пассивного избирательного права недостаточно лишь правовой грамотности самого избирателя, а важна деятельность лиц, обеспечивающих избирательный процесс.

Важно отметить, что правовая культура отдельных членов существенно влияет на эффективность функционирования избирательных комиссий в целом, поскольку деятельность указанных лиц напрямую связана с обеспечением волеизъявления граждан при проведении выборов в Российской Федерации в соответствии с требованиями действующего избирательного законодательства. В случае, когда член избирательной комиссии умышленно или по неосторожности допускает в своей профессиональной деятельности игнорирование соответствующих нормативных положений, это может привести не только к нарушениям избирательных прав отдельных граждан, но и в целом негативно отражается на восприятии со стороны общества института выборов, в том числе в части дискредитации демократических начал развития российского государства.

Недостаточная профессиональная компетентность членов избирательных комиссий и низкий уровень их правовой культуры приводят к увеличению количества случаев привлечения указанных лиц к юридической ответственности. Важно отметить, что действующее российское законодательство предусматривает несколько разновидностей ответственности в сфере избирательного права и процесса, а именно: конституционно-правовая, уголовная и административная. Все указанные виды ответственности применяются по отношению к членам избирательных комиссий.

Конституционно-правовая ответственность членов избирательных комиссий выражается в регламентированной действующим законодательством возможности их отстранения от участия в работе в случае допущения нарушений. Данная ответственность предусмотрена лишь для членов участковых избирательных комиссий, и соответствующее отстранение осуществляется по решению суда [2, с. 172]. Вышеназванная мера ответственности весьма редко встречается на практике, так как в условиях загруженности участковых избирательных комиссий отсутствует реальная возможность ее процессуального оформления.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что наиболее распространенным является привлечение членов избирательных комиссий разных уровней к административной ответственности. Данная тенденция с одной стороны объективно обусловлено степенью общественной опас-

ности совершаемых деяний, с другой – весьма обширным перечнем составов административных правонарушений, предусмотренных действующим российским законодательством (ст. 5.1, 5.6, 5.11, 5.22–5.26, 5.58, 5.69 КоАП РФ).

Наиболее распространенными нарушениями, совершаемыми членами избирательных комиссий различных уровней, являются:

- нарушение законодательно установленной процедуры подсчета голосов;
- несоблюдение законодательных требований к организации и проведению голосования избирателей вне помещения для голосования;
- нарушение прав наблюдателей и неудовлетворение их требований об ознакомлении с отдельными документами;
- удаление из помещения для голосования различных участников избирательного процесса (наблюдателей, представителей СМИ и др.) без веских на то оснований;
- отказ в выдаче или допущение нарушений при оформлении и выдачи копий протоколов об итогах голосования [1, с. 7–33].

Вышеназванные нарушения допускаются членами избирательных комиссий совершенно на различных этапах избирательного процесса. Важно отметить, что несмотря на сравнительно небольшой масштаб указанных деяний, их совершение негативно сказывается на конкретных организационных процедурах и ставит под вопрос честность проведения любых выборов.

Анализируя процесс привлечения к уголовной ответственности членов избирательных комиссий следует отметить крайнюю редкость подобной практики. Наиболее распространенными основаниями для привлечения к вышеназванной разновидности ответственности выступают различные действия, осуществляемые членами избирательных комиссий с целью фальсификации итогов голосования на избирательных участках (ст. 142, 142.1 УК РФ). Как правило, за подобные преступные деяния назначается наказание в виде весьма крупного штрафа, реже встречаются случаи условного осуждения виновных лиц. Также в отдельных регионах распространяется практика назначения дополнительного наказания за вышеназванные преступления – лишения права занимать должности в избирательных комиссиях на определенный срок.

Распространение противоправного поведения среди членов избирательных комиссий различного уровня наглядно демонстрирует низкий уровень их правовой культуры, который проявляется как в отношении российского законодательства в целом, так и в сфере избирательного права и процесса, в частности. Функционирование указанных лиц первоначально ориентировано на обеспечение избирательных прав граждан, в связи с чем недопустимым представляется игнорирование любых нарушений со стороны членов избирательных комиссий вне зависимости от масштабов их негативных последствий.

На основе проведенного анализа электоральной практики следует отметить сравнительно небольшое количество уголовных и административных дел, в которых фигурируют члены избирательных комиссий. Данная ситуация связана не с малым количеством подобных нарушений и преступлений, а с высокой степенью отвратимости наказания, которая обе-

спечивается за счет специфики правового статуса анализируемых субъектов.

Еще одной негативной тенденцией в анализируемой сфере является определенная неэффективность действующего законодательства, которая проявляется в несоразмерности наказаний и совершаемых членами избирательных комиссий правонарушений и преступлений. Так, например, даже в случае привлечения к ответственности указанных лиц, им назначаются минимальные штрафы. Использование условного осуждения за уголовные преступления в сфере избирательного процесса также не в полной мере учитывает степень общественной опасности совершаемых деяний, что в итоге приводит к рецидивному противоправному поведению. Согласно статистическим данным Движения в защиту прав избирателей «Голос» за первую половину 2021 года к уголовной ответственности были привлечены 9 человек, в отношении 7 человека из которых судебными органами были назначены штрафы. Максимальным наказанием за указанный период стало 1,5 года лишения свободы условно, которое было назначено двум людям. Так, например, среди последних следует выделить председателя УИК № 374 Пензенской области, которая фальсифицировала итоги выборов на своем избирательном участке в сентябре 2020 года путем внесения в 1324 неиспользованных избирательных бюллетеня отметок о голосовании за одного из кандидатов на выборах. Указанные бюллетени в дальнейшем были помещены в соответствующую урну. Особенно примечательным в данном случае видится тот факт, что реально в выборах на указанном участке приняли участие всего 204 человека¹. Таким образом, в изложенном примере наглядно демонстрируется проблема несоразмерности наказаний, назначаемых членам избирательных комиссий. Учитывая существенную степень общественной опасности совершенного деяния условное осуждение также не является справедливым, что в целом не способствует достижению целей уголовного наказания. Создаваемое в обществе ощущение безнаказанности членом избирательных комиссий негативно отражается на восприятии института выборов в целом.

В данном контексте представляется целесообразным ужесточение ответственности в электоральной сфере, особенно для специальных субъектов, таких как члены избирательных комиссий. Кроме того, данное предложение затрагивает как административные, так и уголовные наказания, т.е. необходимым видится одновременное увеличение штрафов, в том числе их минимальных размеров, и совершенствование судебной практики в данной сфере путем назначения штрафов соразмерных противоправному поведению членом избирательных комиссий, а также реальных сроков осуждения, когда совершаются серьезные преступления.

Таким образом, на основе проведенного анализа следует сделать вывод о том, что правовая культура членом избирательных комиссий различных уровней имеет принципиальное значение для института выборов, так как посредством профессионального функционирования указанных лиц обеспечиваются избирательные права граждан. В настоящее время следует отметить негативную тенденцию безнаказанности членом избирательных комиссий, когда их противоправное

поведение оправдывается техническими ошибками и отсутствием умысла. Безусловно, учитывая сложность современного избирательного процесса нецелесообразно исключать человеческий фактор, который проявляется в допущении отдельных неточностей. Однако, когда речь идет об умышленных деяниях – административные и уголовные санкции должны быть соразмерны.

Предложения об ужесточении ответственности членом избирательных комиссий в первую очередь обусловлены существующей масштабной практикой совершения правонарушений и преступлений указанными лицами. Помимо совершенствования административного и уголовного законодательства видится необходимой трансформация судебной практики в данной сфере и акцентирование внимания на необходимости назначения справедливых и соразмерных наказаний для виновных лиц. Безнаказанность членом избирательных комиссий порождает полное искажение их правового сознания, которое в дальнейшем может проявляться не только в сфере избирательного процесса, но и в иных областях жизнедеятельности российского общества и государства.

Пристатейный библиографический список

1. Административная и уголовная ответственность членом избирательных комиссий и их должностных лиц за нарушение законодательства о выборах. Информационно-методическое пособие. – М.: РЦОИТ, 2019. – 56 с.
2. Гетманская О. Ю. Отстранение члена участковой избирательной комиссии от участия в ее работе как процессуальная мера конституционной ответственности // Гражданин. Выборы. Власть. – 2020. – № 3 (17). – С. 171-179.
3. Чучелина Н. Н. Правовая культура в сфере избирательного права и избирательного процесса в Российской Федерации (вопросы теории): автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 27 с.

¹ Уголовные дела по выборам: топ-3 за первое полугодие 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.golosinfo.org/articles/145640> (дата обращения: 12.01.2022).

ЛЕБАЕВ Лев Александрович

студент 2-го курса Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ПИЧУГИНА Софья Евгеньевна

студент 2-го курса Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ЮШКО Александр Викторович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

КОМПЕТЕНЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

В представленном научном исследовании рассматривается достаточно актуальная тема, посвященная анализу компетенции муниципальных образований в области налогообложения, а также взимания сборов. Вместе с этим, в процессе изучения поставленных вопросов автор проанализировал действующее отечественное законодательство, а также раскрыл основные полномочия органов местного самоуправления в представленной области. Кроме всего прочего, в статье отражено несколько проблемных аспектов, которые негативно сказываются на ведении налоговой политики на муниципальном уровне. Подводя итоги, автор сформулировал несколько предложений, направленных на совершенствование правового регулирования муниципального налогообложения. Также в данной научной работе приведен вывод, согласно которому представительные органы местного самоуправления могут самостоятельно решить лишь вопрос, который заключается во введении или же отказе от введения того или иного местного налога.

Ключевые слова: налог, установление налога, орган местного самоуправления, налогообложение.

LEVAEV Lev Aleksandrovich

student of the 2nd course of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

PICHUGINA Sofya Evgenjevna

student of the 2nd course of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

YUSHKO Aleksandr Viktorovich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Administrative and financial law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

COMPETENCE OF MUNICIPALITIES IN THE FIELD OF TAXATION

In the presented scientific research, a rather topical topic is considered, devoted to the analysis of the competence of municipalities in the field of taxation and collection of fees. At the same time, in the process of studying the issues raised, the author analyzed the current domestic legislation, and also revealed the main powers of local self-government bodies in the presented area. Among other things, the article reflects several problematic aspects that negatively affect the conduct of tax policy at the municipal level. Summing up, the author has formed several proposals aimed at improving the legal regulation of municipal taxation. Also in this scientific work, a conclusion is given according to which representative bodies of local self-government can independently solve only the issue of introducing or refusing to introduce a particular local tax.

Keywords: tax, establishment of tax, local government, taxation.

Говоря о компетенции муниципальных образований в области налогообложения, следует обратить внимание на один из наиболее основных принципов отечественного бюджетного законодательства. В данном случае речь идёт о принципе самостоятельности и относительной обособленности местных бюджетов. Согласно данному принципу, муниципальные органы власти наделяются правом установления налогов и сборов, которые, в свою очередь, направляются в соответствующие бюджет. Реализация представленного правомочия возможно только при соблюдении отечественного бюджетного законодательства. Данное право органов местного самоуправления находит свое правовое отражение в держании ст. 31 БК РФ¹.

Вместе с этим, весьма актуальной является проблема, суть которой заключается в том, что компетенция муниципальных образований в области местного налогообложения

в значительной степени ограничена. Так, с одной стороны, государство предоставляет право муниципальным органам власти устанавливать налоги и сборы в целях повышения эффективности налоговой политики. С другой стороны, бесконтрольная самостоятельность органов местного самоуправления, в данной области, невозможна, так как государственное налогообложение является одним из основных структурных элементов государственного суверенитета.

В рамках поднятого в настоящем исследовании вопроса необходимо выделить несколько аспектов, касающихся местного налогообложения. Так, исходя из смыслового содержания ст. 12 НК РФ можно говорить о том, что муниципальному образованию предоставляется право вводить новые и прекращать действие старых налогов и сборов местного значения². Соответственно, подобные действия муниципальное образование осуществляет в строгом соответствии с актами

1 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 1998 г. № 31 ст. 3823.

2 Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 1998 г. № 31 ст. 3824.

представительных органов власти. Стоит сказать также и о том, что муниципальное образование может осуществлять и иные полномочия в области местного налогообложения. На основании представленной информации можно сформулировать промежуточный вывод, суть которого заключается в том, что полномочия органов местного самоуправления в области налогообложения являются производными от государственных полномочий.

Хотелось бы обратить свое внимание на мнение Конституционного Суда РФ, который считает, что установление налогов и сборов муниципальным образованием возможно только в случае соблюдения основных прав и законных интересов человека и гражданина, предусмотренных в содержании ст. 34 и 35 Конституции РФ [4].

Вместе с этим КС РФ акцентирует свое внимание на содержании принципа единства экономического пространства, который также необходимо учитывать при установлении и сборе местных налогов.

На основании данного определения можно с уверенностью сказать о том, что муниципальные органы власти не вправе устанавливать дополнительные налоги и сборы, которые не находят своего правового отражения в федеральном законодательстве. Какое-либо иное восприятие смыслового значения ст. 132 Конституции РФ противоречило бы содержанию представленного конституционного положения.

Таким образом, согласно представленному выше определению КС РФ, представительные органы местного самоуправления могут самостоятельно решить лишь вопрос, который заключается во введении или же отказе от введения того или иного местного налога. Данное обстоятельство в очередной раз подтверждает тот факт, что органы местного самоуправления в значительной степени ограничены в ведении налоговой политики на местном уровне [5, с. 89].

При изучении поднятого нами вопроса, следует сказать о том, что государство делегирует органам муниципальной власти лишь ограниченное право по введению налогов и сборов. Так, на сегодняшний день, муниципальное образование может самостоятельно вводить и прекращать только два вида местных налогов [6, с. 122]. К таковым необходимо отнести следующее:

- Земельный налог, который распространяется на те земельные участки, которые находятся на соответствующей территории конкретно взятого муниципального образования;

- Налог на имущество физических лиц, которые зарегистрированы в соответствующем муниципальном образовании;

- Что касается установления иных обязательных платежей, то органы местного самоуправления не вправе самостоятельно их устанавливать. Более того, до недавнего времени отечественное законодательство не предоставляло возможности сбора местных сборов. Данное основание служило для утверждения некоторых правоведов о том, что отсутствие возможности устанавливать местные сборы в определенной степени противоречит действующей редакции Конституции РФ, так как в представленном документе предусматривался запрет на ограничение прав местных сборов. По нашему мнению, отсутствие права органов местного самоуправления по установлению местных сборов ни коим образом не ограничивало права муниципальных образований. В данном случае, следует помнить о том, что установление каких-либо сборов, в первую очередь, является полномочием государства, которое, в свою очередь является проявлением суверенитета.

В заключении настоящему исследованию необходимо сформулировать несколько выводов относительно изученного материала. В первую очередь хотелось бы сказать о том, что полномочия органов местного самоуправления в области ведения налоговой политики в значительной степени ограничены. Необходимо также сказать о том, что полномочия органов местного самоуправления в области налогообложения являются производными от государственных полномочий. Стоит учесть тот факт, что Конституционный Суд РФ отождествляет такие понятия как «введение» и «установление» налогов и сборов, что, по нашему мнению, является несколько некорректным. Поэтому на законодательном уровне, данный вопрос необходимо разрешить путем включения в действующую редакцию НК РФ официального толкования понятия «установление» и «введение». Вместе с этим, необходимо учитывать тот факт, что полноценную самостоятельность муниципальным властям в области установления налогов и сборов давать нельзя, так как это может привести к негативным последствиям, например, к нарушению государственного суверенитета.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями на 14 марта 2020 года)
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 1998 г. № 31 ст. 3823.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 1998 г. № 31 ст. 3824.
4. Павлов Н. В., Очаковский В. А. Проблемы правового регулирования экономической основы местного самоуправления: монография. - Краснодар: КубГАУ. 2021. - 89 с.
5. Павлов Н. В., Очаковский В. А. К вопросу формирования финансово-экономической основы института местного самоуправления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2019. - № 3. - С. 121-124.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 05.02.1998 № 22-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запросов Ленинского районного суда города Оренбурга и Центрального районного суда города Кемерово о проверке конституционности статьи 21 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

КАШАРОВ Заурбек Азреталиевич

советник по правовым вопросам ГК «Авангард» (Санкт-Петербург, Россия), член экспертного совета при Общественной палате Санкт-Петербурга, старший преподаватель кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Кашаров З. А.

ФОРМАЛЬНЫЙ И ФАКТИЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС УЧАСТНИКОВ КОРПОРАЦИЙ

В статье проводится анализ категории «интерес» – соотношение интереса корпорации и ее участников с учетом действующего законодательства, судебной практики и доктринальных источников. Автор обращает внимание на проблемы правоприменения, свидетельствующие о необходимости учета критериев выявления фактического интереса, которые могут быть связаны с широким судебным усмотрением при решении споров, в частности, корпоративных.

Рассмотрение категории «интерес» производилось только в рамках корпоративных отношений и не претендует на всесторонний анализ вопроса. При написании настоящей статьи автор опирался на мнение Д. И. Степанова, который одним из первых указал на отсутствие у юридического лица каких-либо собственных интересов и сделал ряд выводов, являющихся дополнением к аргументам, высказанным в работе «Интересы юридического лица и его участников» [15, с. 29].

Ключевые слова: предмет гражданского права, корпоративные правоотношения, интерес юридического лица, интерес участника корпорации, аффилированность.

KASHAROV Zaurbek Azretaliyevich

Legal Adviser to Avangard Group of Companies (Saint Petersburg, Russia), member of the Expert Council at the Public Chamber of Saint Petersburg, senior lecturer of Civil and corporate law sub-faculty of the St. Petersburg State University of Economics

FORMAL AND ACTUAL INTEREST OF CORPORATE PARTICIPANTS

In this article, using the example of the analysis of legislation and judicial practice, the doctrinal understanding of interest, the correlation of interests of a corporation and its participants is analyzed, the author draws attention to the problems of law enforcement, pointing out the need to apply criteria for identifying actual interest, which may be associated with broad judicial discretion in resolving corporate disputes.

In the work, the author relies on the opinion of D. I. Stepanov, who was the first to express the opinion that a legal entity does not have any own interests, and made a number of conclusions that complement the arguments expressed in the work "Interests of a legal entity and its participants".

Keywords: subject of civil law, corporate legal relations, interest of a legal entity, interest of a corporation participant, affiliation.

Введение.

Мысль об отсутствии в гражданском законодательстве понятия «интерес» была высказана многими специалистами. В связи с этим доктрина предлагает различные подходы к нему.

В. П. Грибанов, писал, что «...является ли интерес явлением субъективным, выражающим известную психическую настроенность субъекта, либо он по природе своей объективен, т. е. представляет собой «некое объективное условие человеческого существования» [5], [11]. Тезис учёного на сегодняшний день является остаётся актуальным.

Противоположного мнения придерживается Рудольф фон Иеринг, который писал [8], «...что это интерес, без которого цель не имела бы власти над волей. Причем решающим моментом здесь является не объективный интерес, а лишь субъективное суждение о его наличности» [7].

Третья группа ученых, рассматривая категорию интерес, приходит к выводу о сочетании объективного и субъективного.

Таким образом, существуют три позиции по поводу сущности интереса.

Представляется, что наиболее обоснована первая позиция, в соответствии с которой интерес следует рассматривать как субъективную категорию, исходящую от определенно-го субъекта, более того, данный процесс всегда происходит осознанно [8].

Основоположником теории интереса является немецкий ученый Рудольф фон Иеринг, который видел сущность

права в интересе [2]. Однако критики указанной теории указывали на то, что интерес выступает лишь как цель, а не сущность права, а право – лишь средство обеспечения и охраны интересов. Широкое распространение получили мнения ученых, включающие интерес в структуру субъективно-го гражданского права [14]. Противники этого подхода [1], в частности А. В. Власова, критикуя О. С. Иоффе, говорят о субъективном праве как о форме выражения интереса и средстве его осуществления или защиты [8]. Интерес и опосредующее его удовлетворение субъективное право связаны друг с другом, как цель и средство ее достижения [4]. Соглашаясь с мнением В. П. Грибанова [5], Д. В. Ломакин утверждает [9], что «интерес – это предпосылка возникновения, динамики и прекращения правоотношения и представляет собой отраженную потребность, необходимость, прошедшую через сознание и принявшую форму сознательного побуждения» [9]. Следует присоединиться к мнению авторов, рассматривающих интерес как элемент субъективного права.

В доктрине в зависимости от носителя интереса выделяют публичный и частный интересы [8].

В научной литературе встречаются редкие случаи отрицания наличия интереса корпорации [13]. По верному замечанию Д. И. Степанова, «интересы юридического лица имеют практическое, прикладное значение лишь для одной цели: понять, допустима ли в принципе защита того или иного интереса конкретного участника юридического лица, а не самой организации исходя из наличного правового регулирования. Никакого иного, самостоятельного значения ка-

тегория интересов юридического лица не имеет» [15]. Автор, по сути, обосновывает существование только фактического интереса – индивидуального.

Судебная практика, как и законодатель, придерживается принципиально противоположного мнения, которое можно условно назвать формальным интересом.

Так, в п. 20 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021)» указано, что «...корпорация предполагает обособление имущества участников (акционеров) для ведения предпринимательской деятельности и является самостоятельным участником гражданского оборота, следует исходить из того, что преимущественно интересы корпорации сводятся именно к интересам всех ее участников и обусловлены ими. С необходимостью реализации общих интересов участников и достижением общей цели и связывается создание участниками самой корпорации». Аналогичная позиция была изложена в «Обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019)¹.

Необходимость деления интереса на формальный и фактический ярко проявляется в банкротных делах, когда речь идет о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, которые имели возможность контролировать деятельность юридического лица.

В п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – ПП ВС № 53) указано, что суды обязаны «...установить степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений отнесительно деятельности должника»².

Выводы.

В результате исследования категории «интерес корпорации» было установлено, что не существует реального интереса корпорации, помимо интересов ее людского субстрата. Эта категория используется для привлечения к ответственности одних участников другими участниками корпорации, тем самым защищаются индивидуальные интересы. При этом под интересом понимается определенное состояние физического лица [8] – участника корпорации, в котором он находится ради достижения определенных целей [8]. В результате анализа существующих мнений относительно категории «интерес корпорации» нами предлагается выделить два вида интереса в корпоративных отношениях – «формальный» и «фактический». При этом мы указываем, что формальным интересом является интерес самого юридического лица, и он становится единым для всех участников корпорации, и фактический интерес, которые в итоге могут не совпадать у участников. Формальный интерес является базовой категорией, в отличие от фактического, который необходимо устанавливать в каждом конкретном случае в связи с тем, что:

- во-первых, фактический интерес отдельного участника корпорации не может совпадать с формальным интересом корпорации, в ином случае данный интерес [8] не может быть фактическим;

- во-вторых, фактический интерес, который всегда идет вразрез с формальным, официальным, интересом корпорации

и влечет к получению необоснованной выгоды соответствующего носителя этого интереса;

- в-третьих, реализация фактического интереса участника корпорации всегда причиняет ущерб корпорации и является основанием для привлечения его к субсидиарной ответственности [8].

Установление несовпадения формального и фактического интересов является основанием для привлечения соответствующего субъекта, носителя фактического интереса, к субсидиарной ответственности. При этом необходимо установить, привели ли действия носителя фактического интереса по его удовлетворению к причинению ущерба формальному интересу корпорации.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. 2-е изд. - М.: Проспект, 2011. - С. 358.
2. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. - М.: Гостюриздат, 1950. - С. 12.
3. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность / Акад. наук СССР. Ин-т права. - Москва; Ленинград: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948 (Ленинград). - С. 38-45.
4. Власова А. В. Структура субъективного гражданского права. - Ярославль: ЯрГУ, 1998. - С. 13-24.
5. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав / Науч. ред. В. С. Ем; редкол.: Н. В. Козлова. 2-е изд. - М.: Статут, 2001. - С. 233-244.
6. Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / Отв. ред.: Вукот М. А.; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР; Саратов. юрид. ин-т им. Д. И. Курского. - Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. - С. 7-9.
7. Иеринг Р. Интерес и право / Соч. д-ра Рудольфа фон Иеринга, юстиц тайного советника и проф. Готтингенск. ун-та. 1) Правоспособность учредителей. 2) Интерес и право. 3) Непреодолимая сила. Приложения: 1. Пассивные действия прав. 2. Цель в праве: Пер. с нем. Ярославль: тип. Губ. зем. управы, 1880. XXX. - 268 с.
8. Кашаров З. А. К вопросу об интересе корпорации // Ученые записки юридического факультета. - 2015. - Вып. 38 (48). - С. 43-46.
9. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. - М.: Статут, 2008. - С. 140-141.
10. Малько А. В., Субочев В. В., Шериев А. М. Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения / Российская акад. наук, Саратовский фил. Ин-та государственного права, Ассоц. юридических вузов России. - М.: Норма: Инфра-М, 2010. - С. 9.
11. Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве / под науч. ред. к. ю. н., доц. Ема В. С. - М.: Статут, 2002. - С. 16.
12. Мотовиловкер Е. Я. Интерес как сущностный момент субъективного права (цивилистический аспект) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 2003. - № 4 (249). - С. 52.
13. Плешков Д. В. Интерес акционерного общества в контексте статьи 71 Закона «Об акционерных обществах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. - М.: Закон, 2011. - № 1. - С. 23-29.
14. Советское гражданское право: учебник. Т. 1 / Иоффе О. С., Мусин В. А., Поссе Е. А., Потюков А. Г., и др.; Отв. ред.: Иоффе О. С., Толстой Ю. К., Черепяхин Б. Б. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. - С. 108.
15. Степанов Д. И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2015. - № 1. - С. 29-83.

1 П. 17 «Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019), п. 20 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021). [Электронный ресурс]. -Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 01.01.2022).

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3, март.

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ЗАВЕЩАТЕЛЬНЫЙ ОТКАЗ И ЗАВЕЩАТЕЛЬНОЕ ВОЗЛОЖЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

В статье проводится анализ проблемных вопросов, которые касаются завещательного отказа и завещательного возложения, основанных на нормах отечественного законодательства. Автором проводится анализ мировой практики применения данных норм по кодексам зарубежных стран. Дается характеристика и рассматривается сущность правоотношений наследодателя и наследников по завещанию в отношении исполнения распоряжений наследодателя, а также рассматриваются проблемные вопросы, возникающие при невозможности исполнить желания наследодателя. В исследовании также предлагаются меры, направленные на законодательное решение указанных проблем.

Ключевые слова: гражданское законодательство; наследодатель, наследники, завещательное возложение, завещательный отказ.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

TESTAMENTARY REFUSAL AND TESTAMENTARY ASSIGNMENT: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT UNDER DOMESTIC LEGISLATION

The article analyzes problematic issues related to testamentary refusal and testamentary deposition based on the norms of domestic legislation. The author analyzes the world practice of applying these norms according to the codes of foreign countries. The characteristic is given and the essence of the legal relationship between the testator and the heirs under the will in relation to the execution of the testator's orders is considered, and problematic issues arising when it is impossible to fulfill the wishes of the testator are also considered. The study also suggests measures aimed at legislative solution of these problems.

Keywords: civil legislation; testator, heirs, testamentary assignment, testamentary refusal.

Ананьева Е. О.

Вопросы сохранения собственности в семье, а также ее передача конкретному лицу или лицам, исходя из совершенно различных побуждений наследодателя существует с самого начала образования наследственного правоотношения как такового. Побудительным мотивом подобных действий могло и в данный момент может быть, как особое отношение к определенному наследнику, так и реальная оценка каждого из возможных наследников в вопросах сохранения и приумножения оставленного имущества.

Согласно нормам отечественного гражданского законодательства, сам наследодатель имеет возможность своим распоряжением как распределить наследственную массу, так и определить особые условия, которые должны быть исполнены наследником. При таком положении при принятии наследства гражданин будет обязан принять и все «желания», которые могут выражаться в виде неисполненных обязательств наследодателя. Такими обременениями являются завещательный отказ и завещательное возложение.

При подробном рассмотрении дополнительных условий к завещанию можно их охарактеризовать следующим образом. Если говорить о завещательном отказе, то в целом, его сущность будет относиться к выполнению наследниками определенных распоряжений покойного, исходя из того количества наследственной массы, которая описана конкретному лицу и в пределах ее объема. Ведь отказное распоряжение возможно исполнить только в отношении имущества или денежных средств.

Характеристика завещательного возложения в большей степени относится к разряду общечеловеческих ценностей и даже «филантропии». Возложение подразумевает выполнение общечеловеческих деяний, в которые кстати, может входить область и имущественных интересов, таких как, например, организация выставок из личных коллекций, финансирование исследовательских программ, пожертвования или определенным лицам, или фондам, осуществление ухода за любимыми животными наследодателя и многое другое, включая чувство уважения и нрав-

ственного долга по отношению к воле завещателя упокоиться определенным способом.

В соответствии со ст. 1139 ГК РФ «завещатель может возложить на наследников по завещанию или по закону обязанность совершить действия имущественного или неимущественного характера, направленные на осуществление общепольной цели...». Как определить, что цель таковой является. К сожалению, нормы отечественного законодательства не дают понятия «общепольной цели», а, следовательно, оно будет являться оценочным. Решения подобного вопроса пока не предвидится, хотя возможно рассмотреть и внести дополнения в действующее законодательство, определяющее сущность общепольной цели завещательного возложения и определить из как цели, направленные на достижение общепольных благ, а именно содействие в развитии охраны здоровья граждан, удовлетворения их духовных, культурных, и иных нематериальных потребностей, защиты прав и законных интересов, а также решения социальных, благотворительных, образовательных и научных вопросов. С данным определением можно согласиться, а возможно предложить иное. Однако, думается в основу такого понятия однозначно лягут перечисленные дефиниции.

Отметим, что завещательный отказ всегда носит имущественный характер, при этом, завещательное возложение - и имущественный, и неимущественный характер.

Сравнительный анализ ГК РФ, ГК Франции и Германского гражданского уложения показывает, что к завещательному отказу наиболее близок французский сингулярный легат (ст. 1014 ГК Франции), который говорит, что «Всякий, не содержащий оговорки легат, должен предоставить легатарии, со дня смерти завещателя, право на завещанную вещь право, которое может быть передано его наследникам или правопреемникам» [1]. Германское гражданское уложение также регулирует вопрос завещательного отказа, однако, законодательное определение в нем отсутствует.

Рассмотрим сходство и различия указанных институтов.

Предмет завещательного отказа – это только имущественные отношения, а завещательное возложение – имущественные и неимущественные отношения.

Одним из дискуссионных вопросов является обязанность содержания домашних животных и осуществления необходимо-го надзора и ухода за ними, являющаяся завещательным возложением. Отмечено, что категория «необходимый надзор и уход» является оценочной, поскольку законодательно данное понятие не определено [2, с. 25].

В доктрине «необходимый надзор и уход за домашними животными завещателя представляет собой наблюдение, присмотр и заботу, без которых домашним животным не обойтись, а именно, обеспечение кормом и питьем; при необходимости обращение за ветеринарной помощью; выгуливание; поддержание чистоты места его обитания и т.п.» [3].

Следующим спорным вопросом является объем исполнения завещательного возложения. Отметим, что закон не содержит правил в части обязанности исполнить завещательное возложение за рамками объема наследственного имущества, за счет которого оно должно быть исполнено. В связи с чем, вопрос о содержании животных является особо острым. Например, если наследник выбросит животное после того, как закончится наследственная доля, то согласно таким действиям будут правомерными, поскольку завещательное возложение за пределами стоимости наследства наследник исполнять не обязан. В связи с чем, полагаем было бы возможно ввести норму об обязанности содержать животное до его естественной смерти с представлением нотариусу ежегодного отчета о результатах исполнения данного завещательного возложения.

По вопросу определения субъектного состава завещательного отказа и завещательного возложения следует отметить, что при завещательном отказе определено лицо, на которое возлагается завещательный отказ и отказополучатель. Субъектом завещательного возложения, является только наследник, при этом, у исполнителя такие полномочия отсутствуют. Обязанность исполнить завещательное возложение может быть возложена на исполнителя завещания только при условии выделения в завещании части наследственного имущества, из которой и будет производиться исполнение.

Анализ литературы и правоприменительной практики позволяет выделить ряд проблемных вопросов при реализации норм о завещательном отказе и возложении.

Зачастую у отказополучателя возникают затруднения при реализации завещательного отказа, в частности, по вопросу права проживания пожизненно или в течение определенного периода времени в жилом помещении, принадлежащем наследнику. Обобщение судебной практики показывает, что данная категория дел, хотя и немногочисленна, но является одной из самых сложных, поскольку с одной стороны, отказополучатель заявляет требование о вселении, устранении препятствий в пользовании жильем, а с другой – собственник жилого помещения заявляет требования о прекращении прав отказополучателя и их выселении.

Например, собственник жилого помещения Чередниченко К.А. обратился в суд с требованием о выселении Кузьмина А. В., который пользуется квартирой «адрес» с нарушением правил пользования жилым помещением – систематически нарушает права и законные интересы соседей, бесхозяйственно обращается с жилым помещением. Учитывая, что Кузьмин А.В. не является членом семьи истца, родственных связей с ним не имеется, просит выселить его из указанного жилого помещения. Судом установлено, что истец является собственником указанного жилого помещения на основании договора купли-продажи, заключенного с Аминой Е.О.

Согласно п. 4 указанного договора в отчуждаемой квартире на момент подписания договора, был зарегистрирован Кузьмин А.В., которому предоставлено право пожизненного проживания и пользования квартирой по завещательному отказу, которое он не теряет при смене собственника указанного помещения. В связи с чем, в удовлетворении требований о выселении в связи со сменой собственника судом было отказано [4]. Таким образом, судом было реализовано право отказополучателя на пользование жилым помещением.

Анализ судебной практики показывает, что наследники, не соглашаясь с волей завещателя о возложении на них завещательного отказа, обращаются в суды с требованиями о признании завещательного отказа недействительным. Вместе с тем, суды отказывают в удовлетворении подобных требований [5].

Сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства показывает, что в законодательстве зарубежных стран завещательный отказ и завещательное возложение надлежаще урегулированы, в отличие от российского законодательства.

Так, в ГК РФ не закреплены следующие ситуации: если на момент открытия наследства в составе наследственной массы не оказалось имущества, или долг уже погашен, то обязан ли наследник исполнять завещательный отказ. Другим правовым вопросом является такой: возникает ли невозможность исполнения завещательного отказа, если в продаже отсутствует имущество, которое должен приобрести наследник или он должен будет возместить стоимость такого имущества; а также подлежат ли индексации «повременные» выплаты [6]. Полагаем, что ответы на данные вопросы должны быть законодательно урегулированы, либо разрешены правоприменителями.

Стоит отметить, что законодателем также не разрешен вопрос, связанный с ситуацией, когда наследник, обязанный исполнить завещательный отказ, умирает до открытия наследства. В подобном случае возникает ситуация, когда обязанности по исполнению завещательного отказа ни у кого не возникает или может возникнуть у других лиц, получивших долю, например, в порядке приращения долей или подназначения наследника (ст. 1140 ГК РФ).

Решение подобной проблемы не дается в нормах отечественного законодательства, а именно Гражданский кодекс РФ не содержит указаний на возможность исполнения завещательного отказа по праву представления наследников.

Думается было бы целесообразно рассмотреть возможность внесения следующих изменений в положения действующей кодификации посредством принятия нормы, которая предусматривает возможность перехода на наследников по праву представления, принявших наследство, обязанности исполнить завещательный отказ.

В связи с чем, возможно рассмотреть следующие изменения, касающиеся положений ст. 1139 ГК РФ, дополнив ее п. 4 следующего содержания: 4. Если наследник, на которого завещателем возложен завещательный отказ, умер до открытия наследства или одновременно с завещателем, то завещательный отказ должен исполнить наследник по праву представления в пределах стоимости перешедшего к нему наследства за вычетом приходящихся на него долгов завещателя.

Интересным является факт установления «исковой давности» на обращение за получением завещательного отказа. В соответствии с нормами действующего законодательства, а именно согласно п. 4 ст. 1137 ГК РФ оно действует в течение трех лет с момента открытия наследства и не переходит иным лицам, которые не указаны в завещании в качестве отказополучателей. При этом, в случае необращения в указанный срок к наследникам за исполнением завещательного отказа, такое лицо теряет подобное право, а наследник освобождается от возложенного на него обязательства.

Таким образом, в отечественной правоприменительной практике выявлены проблемы применения норм, регулирующих вопросы завещательного отказа и завещательного возложения. Думается в свете изменений политической и экономической жизни гражданского общества в нашем государстве стоит обратить внимание на вопросы, связанные с исполнением воли наследодателей, не оставляя их решение судебными инстанциями по исковым обращениям наследников и заинтересованных лиц.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/Фр.Кодекс-123.pdf> (дата обращения 1.12.2021 г.)
2. Беседкина Н. И. Завещательное возложение как особое завещательное распоряжение гражданина на случай смерти // Образование и право. - 2020. - № 5. - С. 64-68.
3. Фиошин А.В. Оценочные понятия отечественного testamentарного права // Наследственное право. - 2016. - № 1. - С. 23-26.
4. Решение Чкаловского районного суда г. Екатеринбург Свердловской области от 3 июля 2020 г. по делу № 2-1964/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc/Zz67Bimm6lNI/ (дата обращения 02.12.2021)
5. Решение Ленинского районного суда г. Нижний Новгород от 13 мая 2014 г. по делу № 2-1555/2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc/ZFnUmsaimVNr/ (дата обращения 02.12.2021)
6. Денисова Ю.Н. Завещательный отказ и завещательное возложение как особые завещательные распоряжения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. - 2020. - № 3 (48). - С. 44-50.

ВАСЕНЁВ Максим Иванович

аспирант Уральского института управления, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург

ЛЮБЕНКО Юлия Владимировна

аспирант Уральского государственного юридического университета

ПРАВОМЕРНОСТЬ (НЕПРАВОМЕРНОСТЬ) ПОВЕДЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ

В статье проанализированы особенности условий возмещения убытков при правомерном и неправомерном поведении, действующие в период гражданского законодательства СССР и действующих норм гражданского права. На основании анализа научных работ авторами сделаны выводы об институте взыскания убытков, основанных как на неправомерных действиях, так и правомерных. На основании изложенного авторами предлагается внести изменения в наименование статьи 1064 ГК РФ и назвать статью 1064 «общие условия исполнения обязанности по возмещению вреда».

Ключевые слова: доказательства, процесс доказывания, предмет доказывания, средства доказывания, взыскание убытков, договорное право, правомерные действия, неправомерные действия, условия взыскания.

VASENEV Maksim Ivanovich

postgraduate student of the Ural Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation, Yekaterinburg

LYUBENKO Yuliya Vladimirovna

postgraduate student of the Ural State Law University

LEGALITY (ILLEGALITY) BEHAVIOR AS A CONDITION OF COMPENSATION FOR DAMAGES

The article analyzes the specifics of the conditions of compensation for damages in cases of lawful and unlawful behavior in force during the period of the civil legislation of the USSR and the current norms of civil law. Based on the analysis of scientific papers, the authors draw conclusions about the institution of recovery of damages based on both illegal and lawful actions. Based on the above, the authors propose to amend the title of Article 1064 of the Civil Code of the Russian Federation and call Article 1064 "General conditions for the performance of the obligation to compensate for harm".

Keywords: evidence, the process of proof, the subject of proof, means of proof, recovery of damages, contractual law, lawful actions, unlawful actions, conditions of recovery.

Введение

Имущественные интересы граждан и государства – это единый вектор развития общества. Их несовпадение тоже не редкость, так как законодательство нуждается в совершенствовании, внедрении принципов гуманности. Они давно превратились в движущую силу научного знания, культуры и цивилизации. А прежде всего для их интеграции необходима предельная чёткость формулировок, точное определение терминов и понятий, конкретизация исключений из правил.

Материальные убытки возникают в результате правомерных действий представителей власти, госучреждений, частных лиц и предприятий тогда, когда это в интересах страны, общества, предотвращает более серьёзные потери.

Один из типов имущественных потерь, возникающих на законных основаниях, а таковыми можно считать основания, не предусматривающие гражданско-правовой ответственности, не противоречащие институту ответственности как таковому, это компенсация убытков.

Компенсация или частичное возмещение убытков может происходить, если гражданско-правовая ответственность не предусмотрена, законные действия стали причиной возникновения материальных потерь. В этом случае она становится способом уменьшения негативных последствий. Из меры ответственности превращается в способ оптимизации материально-правового поля в рамках возникших взаимоотношений, где реализация права одним субъектом приводит к материальным убыткам у другого субъекта.

Обсуждение

Для актуализации компенсации материальных убытков как феномена особой реальности, объект научного исследования, особое материально-правовое поле должно, всё же, предусматривать такой компонент, как неблагоприятные последствия, возникшие в результате законных, полезных и необходимых действий:

Это нужно для актуализации общих правовых принципов, сутью которых является справедливость. Такие действия позволяют стать основой для интеграции и развития принципов гу-

манности. Без учёта принципа справедливости будет утрачена объективность при разрешении вопроса о возмещении убытков.

Ярким примером таких взаимоотношений являются убытки собственника земли из-за перехода прав к другому субъекту в интересах страны. Материально-правовое поле в этом случае обретает особые свойства:

- 1) ему присуща ответственность иного типа и необходимо специфическое определение термина «ответственность»;
- 2) действуют новые правила ответственности.

Обычный механизм возложения ответственности, предусмотренный законом, в данном контексте не действует. Возникшие убытки как гражданское правонарушение трактоваться не могут. Соответственно правовым последствием ответственность быть не является. Гражданское правонарушение это категория, обязательно имеющая элемент противоправности действий одного субъекта интересам другого субъекта. В данной ситуации это не так. Также не наблюдается конфликт интересов в данном контексте, хотя может существовать в другом материально-правовом поле, с другими обстоятельствами. Нет причин выяснять наличие или отсутствие вины субъекта-инициатора убытков.

Также особенностью взаимодействия становится то, что законодатель, вводя такое условие, как обязательное возмещение убытков, вызванных правомерными действиями, не выдвигает такое требование, как превенция или ответственность в отношении причинителя вреда. Цель – это только защита прав потерпевшей стороны исходя из общеправовых соображений [11].

Следовательно, убытки предстают перед нами не как результат правонарушения, а как отдельный случай возмещения потерь, вызванный не конфликтом интересов, а интересами страны и общеправовыми основами. Ему свойственны свои особенности, и регулирование взаимоотношений между правообладателями подчиняется специальным правилам.

Эти случаи требуют исследований, вызывают полемику в научных кругах. Учёные трактуют их неоднозначно. Есть сторонники той точки зрения, что убытки строго взаимосвязаны с правонарушением в любых материально-правовых взаимоотношениях. Другие учёные признают такую позицию неверной.

Так, Ю. Х. Калмыков указывает, что неправильно в определении материального урона ссылаться на незаконность действий, поскольку это вызывает лишнюю двоякость и путаницу – возмещение может выплачиваться, когда действия законны, правомерны, если это действия, совершённые в ситуации крайней необходимости [6].

Ранее существовавшее законодательство предусматривало компенсацию материальных потерь, образовавшихся при крайней необходимости субъектом, их причинившим (Гражданского Кодекса РСФСР 1964 г, ст. 444) [3]. В современном законодательстве остались созвучные правила регулирования взаимоотношений правообладателей в таком материально-правовом поле, с такими обстоятельствами (п. 3 ст. 1064 и п. 1 ст. 1067 Гражданского Кодекса Российской Федерации).

Строгость взаимосвязи между правомерностью действий и компенсацией оказывается нарушенной. Сторонники необходимости существования такой взаимосвязи данную ситуацию причисляют к исключению из правил [1, с. 27]. Однако анализ законодательства не даёт оснований для того, чтобы убытки, причинённые в случае крайней необходимости законными действиями, трактовались так.

Стремление провести параллель, связать правонарушение и материальный ущерб вызывает дискуссию, требует изменения или упрочнения какой-либо точки зрения. У этого феномена много аспектов и сама возможность дифференциации, обобщения трактуется в научных кругах по-разному.

А. В. Волков подчёркивает, что материальные ценности могут быть утрачены не только незаконными действиями, но и законными. Однако под самим термином «утрата» следует понимать только незаконные действия [1, с. 41]. Это утверждение верно. Но при детальном рассмотрении обнаруживается необходимость уточнения. Есть ряд не подпадающих под такое определение случаев, которые можно отнести к другой группе. Они доказывают и объясняют ограниченность определения, хотя оно кажется универсальным, обобщающим. Под утратой нельзя понимать только неправомерные действия нарушителя и ущерб имуществу, поскольку:

В приведённом примере с земельным участком ущерб это переход материальных ценностей, права собственности из хозяйства одного субъекта в хозяйство другого, материальные потери, вред, но не ущерб как таковой – порча, повреждение и убытки, связанные с этим.

Утрата также может произойти в результате неправомерных действий самого собственника. Подобными причинами могут наступить при любых неопределённых событиях.

Так же А. В. Волков, проведя анализ ряда норм ГК России, подчёркивает, что должна учитываться такая особенность, как то, что компенсация убытков не всегда имеет функцию санкций. Но об убытках в юридическом смысле всё равно можно говорить как о результате совершенного незаконного действия. Безусловно, есть и не может быть отвергнута такая взаимосвязь. [1].

Н. В. Платов также называет убытки результатом правонарушения. Помимо того, предлагает такую базовую их классификацию:

1. «Правомерные» – относящиеся к данному материально-правовому контексту;
2. «Неправомерные» – ложно причисляемые к нему.

Первые есть те убытки, которые причинены в ситуации необходимой обороны без её превышения. Вторые с превышением её пределов [9]. Но получается противоречие. Классификация не соответствует основному определению. Если принять и классификацию, и определение как истину, получится, что убытки – это результат правонарушения, но появляются они в результате правомерных действий.

И. С. Кокорин говорит о том, что основанием для назначения ответственности могут быть и иные юридические факты. Пример – причинение вреда в состоянии крайней необходимости [7]. Но это противоречит основополагающим нормам, всем базовым принципам юридической ответственности и стандартам правового государства. Привлекать к ответственности за совершение законных действий это недопустимо [8].

Ю. К. Толстой рассматривает данную проблему с точки зрения возможных способов практического урегулирования. Он пишет, что к мерам гражданско-правовой ответственности невозможно причислить компенсацию, если вред причинён законными действиями. Существующий подход в современном гражданском праве обозначен в ГК РФ п. 3 ст. 1064. Вред, причинённый правомерными действиями, обязательно подлежит возмещению в тех случаях, которые предусмотрены законом. Но это можно поставить под сомнение, поскольку обозначены общие условия ответственности за причинение вреда. Методом же

регулирования взаимоотношений между субъектами на практике могут быть меры социальной защиты [5].

А. С. Шевченко, на этот счёт замечает, что обязанность компенсации материального ущерба, причиненного без нарушения закона, это мера защиты гражданских прав, а не ответственность [11]. И. С. Шибунина рассматривает проблему с тех же позиций, но подчёркивает, что речь здесь не может идти о всяком нарушении прав [12].

О. Н. Садиков считает, что есть все основания для рассмотрения убытков, возникших вследствие законных действий, как особого случая. Сам термин «убытки» требует уточнений. Это необходимо, чтобы данного типа ущерб мог трактоваться законом не как гражданско-правовая ответственность, а как исключение [10].

На наш взгляд часть 3 статьи 1064 ГК РФ требует изменения. Также полезно переименование статьи в «Общие условия исполнения обязанности по возмещению вреда». Ответственность всегда предусматривает совершение правонарушения, и имеет негативную суть. Д. В. Добрачев называет такого рода убытки «нетипичными». Типичным, по его мнению, результатом правонарушения является применение ответственности в виде компенсации. В материально-правовом секторе, где вопрос об ущербе и компенсации актуализируется без соблюдения такого условия как незаконность, ситуация перестаёт быть типичной [4].

Заключение

В ходе проведённого исследования проанализированы различные мнения об «институте убытков» в разрезе причинения убытков в рамках правомерных и неправомерных действий с объективной оценкой наличия противоправных действий, правонарушения, как основания взыскания убытков, так и отсутствия противоправного деяния.

Выводы авторов состоят в следующем: целесообразно внести уточнения в наименование статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, как указывают авторы в силу того, что убытки и их несения возникают не только в результате наличия правонарушения, но и в силу законных действий государственных органов или же вследствие обстоятельств непреодолимой силы при отсутствии предмета правонарушения.

Приставейный библиографический список

1. Волков А. В. Возмещение убытков по гражданскому праву России: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2000. – С. 41.
2. Гражданский кодекс РСФСР утв. ВС РСФСР 11.06.1964 (ред. от 26.11.2001) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1964. – № 24. Утратил силу.
3. Гражданское право: Учебник / Отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. 4-е изд. – СПб., 2004. – С. 13.
4. Добрачев Д. В. Развитие института возмещения убытков в свете модернизации российского гражданского законодательства: научно-практическое пособие. – М.: Юстицинформ, 2012. – С. 42.
5. Евтеев В. С. Возмещение убытков как вид ответственности в коммерческой деятельности. – М., 2005. – С. 13.
6. Калмыков Ю. Х. К 17. Избранное / Сост. и науч. ред. П. В. Крашенинников. – М.: Статут, 2013. – С. 97.
7. Кокорин И. С. гражданско-правовая ответственность за вред, причинённый применением физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками органов внутренних дел: дис. ...канд. юрид. наук. – СПб, 2006. – С. 102.
8. Кузнецова О. А. Гражданско-правовая ответственность: необоснованный отрыв цивилистической науки от общей теории права // Актуальные проблемы частного правового регулирования: материалы Всерос. IX науч. форума (г. Самара, 27/28 мая 2011 г.) / науч. ред. Н. А. Баринюв; отв. ред. С. В. Мартышкин. – Самара, 2011. – С. 403.
9. Платов Н. В. Возмещение убытков в гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001. – С. 64.
10. Садиков О. Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. – М.: Статут, 2009. – С. 46, 57.
11. Шевченко А. С. Возмещение вреда, причиненного правомерным поведением: Дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1986. – С. 99.
12. Шибунина И. С. Понятие и особенности возникновения обязательства вследствие причинения вреда: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Казань, 2004. – С. 19.

ГАНИЕВ Талгат Габтельфартович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Тюменского государственного медицинского университета

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ И ПРЕДПРИЯТИЙ, ОКАЗЫВАЮЩИХ МЕДИЦИНСКИЕ УСЛУГИ В РФ

Ввиду отсутствия единообразного подхода к содержанию понятия «медицинская услуга» в контексте гражданского права, привлечение к ответственности лиц, оказывающих медицинские услуги, порой вызывает непонимание и сложность реализации. В рамках данной статьи автором проанализированы такие законы как: Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон № 323 «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации, Закон «О защите прав потребителей», на основании данного анализа автор представил свое видение на некоторые особенности в привлечении к правовой ответственности юридических и физических лиц, оказывающих медицинские услуги на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: договор, договор оказания услуг, убытки, возмещение убытков, медицинская услуга, ответственность.

GANIEV Talgat Gabtelfartovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Public health and health care sub-faculty of the Tyumen State Medical University

FEATURES OF BRINGING TO CIVIL LIABILITY OF PERSONS AND ENTERPRISES PROVIDING MEDICAL SERVICES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Due to the lack of a uniform approach to the content of the concept of “medical service” in the context of civil law, the prosecution of persons providing medical services sometimes causes misunderstanding and complexity of implementation. Within the framework of this article, the author analyzes such laws as: the Civil Code of the Russian Federation, Federal Law No. 323 “On the basics of protecting the health of citizens of the Russian Federation, the Law “On Consumer Protection”, based on this analysis, the author presented his vision on some features in bringing to legal responsibility legal entities and individuals providing medical services in the Russian Federation.

Keywords: contract, service agreement, damages, compensation for damages, medical service, liability.

Ганиев Т. Г.

Анализ нормативных источников позволяет сделать вывод, что на данный момент в правовом поле РФ нет четкого определения таких важных понятий в сфере оказания медицинских услуг, как: услуга, исполнитель медицинских услуг, медицинская помощь и пациент. В виду этого можно выделить несколько задач, которые до сих пор остаются нерешенными в сфере оказания медицинских услуг:

- выявление проблем, связанных с улучшением качества оказания медицинских услуг и дальнейшее решение этих вопросов;
- защита на должном уровне интересов пациентов, получивших некачественные медицинские услуги;
- повышения знаний, умений и навыков работников, оказывающих медицинские услуги.

В соответствии с гражданским кодексом РФ ответственность за оказание некачественных медицинских услуг наступает только в результате наличия всех обозначенных факторов: вреда, причиненного пациенту; факта совершения правонарушения; факта наличия вины и наличия причинно-следственной связи между преступлением и причиненным вредом.

В некоторых случаях ответственность за оказание некачественных услуг может возникнуть даже при от-

сутствии вины у правонарушителя [3], статья 1095 ГК РФ гласит о том, что лицо, по вине которого человек получил урон своему здоровью, жизни, или имуществу, должен возместить этот вред вне зависимости от того, был ли заключен договор об оказании услуг с потерпевшим или нет.

Гражданская ответственность в медицине выступает в виде принуждения, в результате которого потерпевший (пациент) может восстановить свои права и интересы за счет нарушителя (исполнителя некачественной медицинской услуги)

Гражданско-правовая ответственность за оказание ненадлежащих медицинских услуг основывается на следующих законах:

1. Закон «О защите прав потребителей»¹;
2. Гражданский кодекс РФ²;

1 Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 31.07.2020) “О защите прав потребителей”. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

3. Федеральный закон № 323 «Об основах охраны здоровья граждан РФ»³.

В вышеобозначенном федеральном законе лишь в одной статье (98)⁴ рассматривается ответственность за ненадлежащие медицинские услуги, оказанные организациями медицинского уклона и их работников. К сожалению, данная статья не полностью рассматривает особенности предоставления таких услуг. В виду того, что других статей, регламентирующих рассматриваемые отношения нет, часто правозащитники обращаются к закону «О защите прав потребителей», но только в том случае, если услуга оказана платно, в противном случае действие закона на данный конкретный случай не будет распространяться.

Обратимся к закону «О защите прав потребителей», здесь особое внимание привлекают следующие статьи:

- Статья 7 – право на получение услуги, оказанную по всем правилам безопасно для жизни пациента и без причинения вреда;
- Статья 29 – возмещение убытков, полученных в результате получения некачественной медицинской услуги;
- Статья 14 – имущественная ответственность за причиненный медицинской услугой вред;
- Статья 4 – на основании заключенного договора исполнитель обязан выполнять свою работу качественно.

На основании данного закона возмещение убытков вследствие оказания некачественной медицинской услуги может происходить следующим образом:

- устранение причиненного вреда (недостатков) бесплатно;
- возмещение пациенту расходов, которые он понес в результате исправления причиненного вреда (самостоятельно или в другой медицинской организации);
- повторное оказание подобной услуги бесплатно;
- предоставление скидки за оказанную услугу;
- расторжение договора и требование полного возмещения причиненного вреда.

О возмещении вреда также гласит ст. 1064 ГК РФ, согласно которой урон должен быть возмещен полностью физическим или юридическим лицом, являющимся виновным в этом вреде. При этом, если вред был причинен пациенту в стенах учреждения, оказывающего медицинские услуги, его работником, исполняющим свои обязанности – в этом случае ответственность будет направлена на саму организацию (согласно 1068 ГК РФ).

В некоторых случаях согласно Гражданского кодекса РФ физические и юридические лица могут избежать ответственность за оказание некачественных медицинских услуг, нанеся некий вред пациенту, к таким причинам относятся:

- отсутствие гарантии 100 % результата по конкретному виду медицинских услуг (на данный момент развития медицины);
- медицинская организация (или работник) смогли доказать, что оказание качественной услуги было невозможно ввиду непредвиденных обстоятельств непреодолимой силы;
- все действия по оказанию медицинской услуги были выполнены в полном объеме и качественно;
- нарушение потребителем медицинской услуги определенных требований, установленных физическим или юридическим лицом. Оказывающим данную услугу (диета, различные процедуры и пр.);
- несоблюдение других условий договора, согласно которым исполнитель мог расторгнуть договор.

Кратко рассмотрев и проанализировав законы РФ, относительно оказания медицинских услуг, можно сделать вывод о несовершенстве гражданско-правовой базы, отвечающей за эти вопросы, что негативно отражается как на пациентов, получивших некачественные медицинские услуги, так и на работников (медицинских организациях), оказавших такие услуги.

Пристатейный библиографический список

1. Иванников И. А., Рубанова Н. А. Медицинское право. - М., 2008.
2. Сергеев Ю. Д., Мохов А. А. Основы медицинского права России. - М., 2007.
3. Шишов М. А. Актуальные вопросы юридической ответственности врача // Медицинское право. - 2015. - № 3. - С. 39.

3 Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/.

4 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/61fd6990f1c1113fd671ef8b8365f233f832236/.

ГУТИЕВА Ирина Генриховна

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

МАНУКЯН Алинэ Романовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Целью научной статьи является изучение зарубежного опыта управления миграционными процессами для определения наиболее эффективной миграционной политики. Представляется необходимым рассмотреть понятие и сущность миграционных процессов, их влияние на различные сферы жизнедеятельности, проанализировать опыт управления миграционными процессами на территории постсоветского пространства, в странах Азии и Европы.

Ключевые слова: миграция, СНГ, управление, миграционные процессы, европейские государства, мигранты, зарубежный опыт, миграционная политика.

GUTIEVA Irina Genrikhovna

Ph.D. in Law, Deputy Head of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

MANUKYAN Aline Romanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE FIELD OF MANAGEMENT MIGRATION PROCESSES

The purpose of the scientific article is to study foreign experience in managing migration processes in order to determine the most effective migration policy. It seems necessary to consider the concept and essence of migration processes, their impact on various spheres of life, to analyze the experience of managing migration processes in the post-Soviet space, in Asia and Europe.

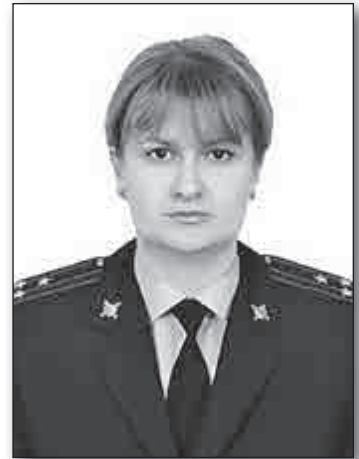
Keywords: migration, management, migration processes, European states, migrants, foreign experience, migration policy.

Специфика регулирования миграции в СНГ заключается в том, что с одной стороны [1] входящие в его состав государства стремятся к достижению свободы передвижения граждан внутри Содружества, высказывая намерения о создании общего рынка труда, фактические же преследуют цели защиты национальных рынков труда, устанавливают приоритет «своих» граждан на занятие трудовой деятельностью, не желают передать часть полномочий в сфере миграции в наднациональную плоскость. По этой причине в основном реализуется только информационное и консультативное сотрудничество.

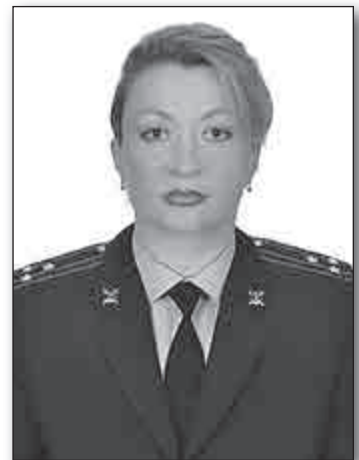
Современные инициативы по укреплению сотрудничества в рамках СНГ оказывают влияние на интенсивность миграционных процессов, которые проявляют себя прежде всего в приграничных территориях. Республика Казахстан является вторым центром региональных миграционных процессов после России. На миграционные потоки страны повлияло как социально-экономическое и демографическое развитие, так и постепенное изменение культурных ценностей. После распада Советского Союза численность

населения Казахстана начала стремительно сокращаться, прежде всего, из-за этнической миграции. Отрицательная демографическая тенденция, связанная с распадом СССР, потребовала принятия ряда государственных мер, в связи с чем в Казахстане стала активно развиваться программа для репатриантов (оралманов). Принятая в 2008 году государственная программа «Нурлы кош» внесла свой вклад в этот процесс, который способствует переселению и расселению этнических казахов-репатриантов из других стран. Рост казахского населения позволил более активно использовать казахский язык в различных сферах общественной жизни [2].

В тоже время в Казахстане наблюдается тенденция увеличения эмигрантов, покидающих страну. Только в 2020 году из Республики Казахстан в Россию прибыло 60 461 человек с визами для трудоустройства, 30 494 человека для обучения в вузах и 101 994 с частными целями и это несмотря на пандемию COVID-19. Мотивами эмиграции граждан Казахстана в Россию, помимо близлежащих границ, являются качество и доступность высшего образования, гарантированная заня-

Гутиева И. Т.

Манукян А. Р.

тость, значительная дифференциация населения по доходам и т.д.

Государственное управление в Республике Беларусь отличается стабильностью, единством, пронизывает своим участием все сферы и в равной степени вмешивается в экономическую, хозяйственную, социальную и другие виды деятельности. В настоящее время Белоруссия управление миграционными процессами осуществляется по российскому пути – силами Министерства внутренних дел. Вместе с тем многочисленность (а иногда и противоречивость) правовых актов в сфере миграции существенно затрудняет их применение и приводит к несогласованности действий правоприменительных органов, регулирующих миграционные процессы. Поскольку государственное управление в данной сфере является самостоятельным направлением деятельности органов исполнительной власти, напрямую связанным с обеспечением государственной безопасности и социально-экономического развития страны, перед государством стоит первоочередная задача систематизации миграционного законодательства, разработки системы базовых документов стратегического планирования миграционной политикой [3].

В рамках стран СНГ основным донором долгосрочных иммигрантов остаётся Украина. Несмотря на то, что с 2016 г. миграционный поток с территории Украины постепенно снижается, что может быть связано не только с трансформацией украинского конфликта в вялотекущую форму, а также переориентации части мигрантов на европейское направление [4]. Сложившаяся в 2014 г. и продолжающаяся до настоящего времени ситуация на юго-востоке Украины оказывает заметное влияние на миграционные процессы в данном регионе. Это привело к значительным миграционным изменениям в до недавнего времени благополучно развивающемся регионе.

Растущая степень открытости Узбекистана, предполагаемое более активное участие страны в международном разделении труда, а также ряд других преобразований, способствующих усилению экономического роста, по всей видимости, станут способствовать увеличению миграционных потоков.

Миграционное движение граждан Кыргызской Республики и Республики Таджикистан является важнейшим фактором развития национальной экономики. Основной целью такой политики является снижение стихийности миграции населения, перевод ее в цивилизованное русло, упорядочение миграции населения республики [5, 6].

Миграционные процессы играют важную роль в экономическом развитии стран Восточной Азии, однако пересечь границу Японии можно, только используя воздушный и морской виды транспорта, поэтому в стране ведется строгий учет по количеству прибывающих иностранных граждан и уезжающих из нее. Таких лиц вычисляли с помощью хорошо налаженной агентурной сети, поскольку трудовых областей, где могут быть применены навыки нелегалов, не так много. С 2018 г. правительство Японии отменило некоторые ранее действовавшие ограничения переезда на постоянное место жительства. В новом законе перечислены 14 отраслей, где закреплена на легальном уровне найм работников физического

труда (медицина, уход за пожилыми людьми, строительство, гостиничный бизнес).

Долгое время миграционные процессы ограничивались в Китае, что привело к несовершенству миграционной политики данного государства. В стране не принят единый закон, который бы регулировал все вопросы миграционных отношений и определял бы вектор развития миграционной политики страны, что позволяет провинциям страны осуществлять самостоятельное регулирование рассматриваемой сферы.

Увеличение миграционных потоков в Европейском Союзе в период с 2015 – 2016 гг. привело к настоящему кризису и «параличу» общеевропейской системы предоставления убежища. Миграционный кризис ясно показал, как интенсификация миграционных потоков может повлиять на принимающие страны и насколько важно иметь рычаги их регулирования [7]. В кризисный период ЕС предпринял организационно-правовые меры, направленные на формирование общего действия стран-государств членов ЕС по урегулированию миграционных процессов. 3 сентября 2020 г. Европейская комиссия приняла «Новый пакт о миграции и убежище», в котором предлагается пересмотреть подходы к миграционной политике ЕС. Пакт описывается как некий «трехэтажный дом», спроектированный таким образом, чтобы уменьшить количество людей, поднимающихся наверх. Право лиц, ищущих убежища, на получение документов [8, 9], требуемых ЕС, закреплено в Директиве об условиях приема (2013/333/ЕС).

Странами, принимающими наибольшее количество иммигрантов в Европе, являются Германия и Франция. Количество иммигрантов, как и миграционное сальдо, в этих странах растет с каждым годом по многим причинам: во-первых, их географическое положение и климат являются самыми подходящими для проживания; во-вторых, эти страны имеют высокий экономический уровень развития; в-третьих, эти страны ведут достаточно открытую миграционную политику.

На сегодняшний момент в сфере миграционной политики Германии отмечается определенный поворот к постепенному введению ряда ограничений в рамках иммиграции. Во-первых, проводится различие между двумя группами иммигрантов: лица, иммиграция которых не может быть ограничена из-за существующих правовых требований (граждане ЕС, лица из третьих стран, ассоциированных с ЕС, признанные беженцы, лица, имеющие право на убежище), и лица, иммиграция которых может быть ограничена (еще непризнанные беженцы, гастарбайтеры, эмигранты). Во-вторых, политика «добропожалования» постепенно меняется и может быть обозначена как «добро пожаловать, но с определенными обязательствами», т.е. программа интеграции мигрантов стала более обширной и обязательной (на уровне языка, социальной, правовой культуры).

Для миграционной политики Франции характерно стабильное законодательное регулирование и институциональное обеспечение миграционных процессов. Нормативные правовые акты регулируют отдельные наиболее важные вопросы миграционной политики, среди которых выделяются: режим пребывания мигрантов на территории Франции, контроль иммиграционных потоков, в том числе пограничный

контроль, право на убежище и возможности его предоставления, а также вопросы интеграции мигрантов [10]. Иными словами, законодательство регулирует весь процесс миграции во Франции: от въезда в страну до получения гражданства или возможной депортации. Однако в последние годы наиболее остро стоит вопрос контроля миграции, поскольку из-за большого потока иммигрантов складывается ситуация.

Польша в сравнении с другими странами ЕС больше ориентирована на эмиграцию, чем на иммиграцию. В 2014 г. был принят Закон об иностранцах, который облегчил легализацию мигрантов, пребывающих на территории Польши, введение упрощенных процедур по трудоустройству иностранцев и создание в стране таких условий, которые позволяют иммигрантам рассматривать Польшу как государство, в котором существуют перспективы не только безопасного проживания, стабильного заработка, но и профессионального роста.

Северные страны Европы стараются контролировать миграционные потоки путем введения строгих ограничительных мер и стараются впускать в страну только необходимых им мигрантов. Так, в Северных странах количество мигрантов приблизительно равняется 15 % от общего числа населения. Для них вводятся жесткие меры по адаптации и ассимиляции.

Швеция – одна из наиболее благополучных стран в Европе как по экономическим, так и по социальным показателям. В связи с этим в Швецию стремится большое количество мигрантов не только из стран Европы, но и из других регионов мира. С подписанием Швецией Шенгенского соглашения в 2001 г., наблюдался значительный приток граждан ЕС в страну в поисках работы. Швеция крайне лояльно относится к мигрантам. Еще в 1968 г. был принят закон «О трудовой миграции», который обеспечил мигрантам выгодные условия работы и проживания в Швеции. Мигрант мог получить разрешение на работу, если специалистов требуемой квалификации не было на внутреннем рынке труда. В 2008 г. была проведена миграционная реформа, целью которой являлось решение демографических проблем и проблемы нехватки рабочей силы. Однако, в связи с миграционным кризисом 2016 г., Швеции пришлось ужесточить миграционную политику. С 2016 г. был введен временный акт, согласно которому нормы предоставления убежища в Швеции соответствуют минимальным стандартам законодательства ЕС. Также беженцам предоставляется временный вид на жительство, однако возможности для воссоединения семьи ограничены.

На протяжении долго времени Финляндия считалась страной эмиграции, однако за последние 19 лет, благодаря привлекательным социально-экономическим показателям (высокоразвитой инфраструктуре, качественному образованию, скорости в освоении новых технологий и благоприятному для бизнеса деловому климату), она стала одной из наиболее привлекательных стран для иммиграции.

Несмотря на территориальную близость, государства Северной Европы реализуют разные подходы к решению миграционного вопроса. Наиболее жесткую модель миграционной политики демонстрируют Дания и Норвегия, наиболее мягкую – Швеция и Финляндия.

Зарубежный опыт управления миграционными процессами должен анализироваться в Российской Федерации,

однако решение проблем регулирования миграционных отношений в нашей стране не должно идти путем бездумного копирования зарубежных систем. Следует ориентироваться на зарубежный опыт с учетом существующих особенностей функционирования органов исполнительной власти Российской Федерации. Это позволит эффективнее развивать миграционное законодательство и решать возникающие проблемы в сфере реализации миграционной политики.

Пристатейный библиографический список

1. Аранго Х. Объяснение миграции: критический обзор // Международный журнал социальных наук. – 2001. – № 32.
2. Сенченко В. В. Формы и методы административно-правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // Общество и право. – 2016. – № 1 (55)
3. Чуприс О. И. О некоторых направлениях совершенствования государственного управления в Республике Беларусь на современном этапе // Актуальные проблемы развития административно-правовой науки в Республике Беларусь: история и современное состояние: сб. материалов круглого стола (г. Минск, 14 октября 2016 г.). – Минск, 2017.
4. Веретенникова О. Н. Административно-правовое регулирование внешней миграции в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2009.
5. Эргешбаев У. Ж., Чамашев М. К. Внешняя трудовая миграция Кыргызстана после вхождения в ЕАЭС // Вопросы экономических наук. – 2018. – № (89). – С. 103.
6. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на 2018-2040 гг. [Электронный ресурс].
7. Договор о Европейском Союзе (подписан в г. Мaaстрихте 07.02.1992) (с изм. и доп. от 13.12.2007) // СПС «КонсультантПлюс»
8. Потемкина О. Ю. После кризиса: «новый старт» миграционной политики ЕС // Современная Европа. – 2019. – № 6 (92). – С. 29.
9. Директива № 2013/32/ЕС Европейского парламента и Совета законодательством ЕС.
10. Шамне А. Н. Влияние причин миграции на миграционно-правовую политику государства // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 72-6. – С. 169.

КОВАЛЬ Михаил Иванович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ГЛУХОВА Алёна Александровна

студент Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СТРАХОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты повышения эффективности страховых обязательств. Акцентируется состояние страховой деятельности с позиции нормативно-правового регулирования и практического применения. Обращается внимание на некоторые проблемные вопросы института страхования. Исследуются его теоретические и прикладные особенности. Предлагаются меры, направленные на совершенствование законодательства, расширение применения страховых услуг и повышения эффективности страховых обязательств.

Ключевые слова: страхование, гражданско-правовое регулирование, страховой случай, имущественный интерес, проблемные вопросы, страховое правоотношение, возмещение ущерба.

KOVAL Mikhail Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of Public Servants of the Academy of the FPS of Russia

GLUKHOVA Alyona Aleksandrovna

student of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

PROBLEMATIC ISSUES OF CIVIL LAW REGULATION OF INSURANCE OBLIGATIONS IN RUSSIA

The article discusses the theoretical and applied aspects of increasing the effectiveness of insurance obligations. The state of insurance activity is emphasized from the perspective of regulatory regulation and practical application. Attention is drawn to some problematic issues of the insurance institute. Its theoretical and applied features are investigated. The measures aimed at improving legislation, expanding the use of insurance services and increasing the effectiveness of insurance obligations are proposed.

Keywords: insurance, civil law regulation, insured event, property interest, problematic issues, insurance legal relationship, compensation for damage.

Все больше свидетельств того, что за последние годы существенно возросла роль и значение страхования в жизни общества. Для эффективного функционирования отечественного страхового рынка в Российской Федерации необходимо наличие совершенствующейся с учетом научного прогнозирования, соответствующей системы страхования в стране, гражданско-правового регулирования страховой деятельности, и, в свою очередь, наличие необходимой нормативно-правовой базы. Поэтому на сегодняшний день тема проблемных вопросов гражданско-правового регулирования обязательств из страховой деятельности является наиболее актуальной.

Поскольку в Российской Федерации развиваются различные части социальной жизни людей и экономики, происходит увеличение социальных и промышленных

рисков, которые, в свою очередь, влекут увеличение потребности в страховых услугах.

Следует отметить, что на сегодняшний день просматривается тенденция опережения потребностей общества в разных видах страховых услуг над их предложением. Именно это и показывает несовершенство механизма правового регулирования страховой деятельности в России, поскольку отечественное страховое законодательство отстает от отношений, которые складываются в обществе, в сфере страхования и особенно в период интенсивной цифровизации.

Можно утверждать, что на сегодняшний день существует трехступенчатая система правового регулирования страховой деятельности:

- Гражданский кодекс РФ, другие законы и правовые акты;

Коваль М. И.

Глухова А. А.

• Специальные законы о страховом деле, например, Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015-1¹; нормативные акты об отдельных видах страхования.

Следует отметить то, что, несмотря на столь обширное страховое законодательство, существуют гражданско-правовые проблемы, которые возникают в процессе осуществления страховой деятельности. В данной области также отсутствуют и нормы международного права, которые регулировали бы гражданско-правовые вопросы страховой деятельности.

Главным образом совокупность норм, которые носят частноправовой и публично-правовой характер, регулируют правоотношения, возникающие в процессе осуществления страховой деятельности. Нам представляется, что в большей степени регулирование страховой деятельности должно осуществляться нормами частного характера, а не публично-правового, поскольку значительную часть страховых отношений составляют частно-правовые отношения, регулирующиеся нормами гражданского законодательства, ведь цель страхования – это защита имущественных интересов страхователей, выгодоприобретателей, а также застрахованных лиц от случайных убытков.

Несомненно, главной задачей страховой деятельности выступает реализация договора страхования. Она может быть решена только при применении определенных правовых категорий, к которым относятся «объект страхования», который обозначает объект страховой защиты в страховом правоотношении, т.е. страховой интерес, обозначенный в договоре страхования лица; «предмет страхования», определяет имущество, которое подлежит страхованию от риска его утраты или повреждения; а также «предмет договора страхования» – это предмет самого страхового правоотношения, представляющий собой услугу, которую оказывает страховщик страхователю.

Данные категории являются правовыми средствами, которые имеют самостоятельное правовое назначение в страховом обязательстве и предназначены для реализации договора страхования.

Проанализировав статью 3 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 02.07.2021) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» можно сделать вывод, что страховщик понуждает страхователей присоединиться к разработанным и утвержденным им правилам страхования, лишая при этом участников договора страхования по своей воле согласовать условия страхования при заключении данного договора.

Исходя из этого, отметить, что правовой режим применения правил в добровольных видах страхования, действующий на территории Российской Федерации, не в полной мере отражает диспозитивный метод применения данных правил, при этом определяя, что их целью является лицензирование страховой деятельности.

Необходимо заметить, что при реализации страховых правоотношений также должны применяться такие

страховые категории, как страховой риск, страховой интерес и страховое событие. Их значение заключается в формировании юридических предпосылок для реализации во взаимосвязи с объективным правом субъективных прав участников страхового правоотношения.

Наиболее характерным доводом является позиция М. И. Багринского, где определяет: «Вступая в любой, свободно заключаемый договор, стороны реализуют свой к нему интерес. С указанной точки зрения интересом к заключению договора страхования должны обладать обе стороны. При этом интерес страховщика, выражающийся в получении страховой премии, ничем не отличается от обычного для предпринимателя интереса – к получению прибыли от оказываемой им в виде страхования услуги. Специфический смысл и значение приобретает интерес к заключаемому договору страхования только страхователя» [1, с. 542].

Нормы страхового законодательства, определяя права субъекта, который имеет страховой интерес, в одно и то же время устанавливают и его обязанности. Совокупность субъективных прав и обязанностей составляют юридическое содержание страхового правоотношения.

Данную точку зрения разделяет Т. С. Марьянова, где страховой интерес является потребностью лица (страхователя, выгодоприобретателя, застрахованного лица) в получении средств для компенсации (обеспечения) возможных потерь при наступлении неблагоприятных обстоятельств, которые связаны с принадлежащими ему имущественными ценностями или нематериальными благами [2, с. 847].

Очевидно, что предопределяет модель поведения субъекта при реализации его прав и обязанностей именно страховой интерес. Исходя из этого и проанализировав пункт 2 статьи 934 ГК РФ², где законодатель определил, что договор личного страхования считается заключенным в пользу застрахованного лица, если в договоре не названо в качестве выгодоприобретателя другое лицо, представляется объективным, что в данную формулировку следовало бы внести изменения и заметить «...в пользу застрахованного лица...» на «...в интересе застрахованного лица...» [3, с. 155].

В рациональном построении необходимо было бы отождествить такие страховые категории, как страховой риск и событие для того, чтобы исключить их противоречивое применение в страховой практике, обозначая опасное явление, которое влечет за собой имущественный вред (ущерб, убыток). На основании этого следовало бы внести изменения в абзац 2 пункта 1 статьи 9 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 02.07.2021) «Об организации страхового дела в Российской Федерации», где событием, рассматриваемым в качестве страхового риска, является опасное явление, которое должно обладать признаками вероятности и случайности его наступления, предусмотренное договором страхования или законом, влекущее за собой имущественный вред.

Наиболее значимой проблемой развития страхования в Российской Федерации считается снижение обще-

1 Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 02.07.2021) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.09.2021) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 14.01.1993. – № 2. – Ст. 56.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): на 28 июля 2021 год. – М.: Издательство АСТ, 2021.

ственной значимости страховой деятельности. Просматривается тенденция не доверительного отношения на добровольные виды страхования. На наш взгляд основными причинами этого являются монополизация государственной системы страхования и последствия экономического кризиса 1998 года.

Проблемой считается и недостаток квалифицированных кадров, которые реализуют свою деятельность в страховых компаниях. Безусловно, страховые компании и агенты по страхованию преследуют прежде всего цель продажи страховых полисов и приобретение вознаграждения. В свою очередь, информирование страховщиков страховыми агентами об условиях какого-либо вида страхования носит второстепенный характер. Всё это без исключения впоследствии приводит к формированию негативного страхового опыта непосредственно у потенциальных потребителей.

Так же имеются проблемы, которые заложены в законодательстве института страхования. Например, имеются вопросы, которые касаются определения стоимости имущества, обладающие материально-вещественной формой, определения имущественного интереса, подходы к определению суммы ущерба, установления страхового случая. Неоднозначное определение указанных в правилах страховых компаний понятий со ссылкой на нормативно-правовые акты формируют у граждан негативное мнение. Необходимо отметить, что возросло количество случаев, когда страховщики, которые имеют расчетные финансовые показатели, не выплачивают страховое возмещение или стремятся к этому. Кроме того, доверие к институту страхования подрывается еще и тем, что, к примеру, за 2017 год сумма штрафов в совокупности, наложенных на страховщиков достигла 192,3 млрд. рублей, это составляет 58 % от совокупности суммы штрафов по всем объектам надзора Федеральной службы по финансовым рынкам, при этом общее количество страховщиков составляло лишь 10 % их числа [4, с. 19].

Можно констатировать, что развитие страхования невозможно без высокого качества предоставляемых страховых услуг, которое предусматривает комплексное решение по реформированию действующей системы страхования, усилению, а также устранению элементов, которые являются неэффективными элементами управления страховыми отношениями.

Для разрешения существующих проблем, прежде всего, следует иметь доверие общества к страховщикам, кроме того, необходимо повысить уровень страховой культуры населения и социальную значимость страхования. Проблемы, которые связаны с доверием граждан значительны и требуют улучшения технической составляющей страхового процесса, а именно: разработки и утверждение типовых договоров страхования для создания прозрачной системы страхования в законодательстве, повышения уровня страховых организаций, качества предоставляемых ими услуг. Важнейшим из них является совершенствование системы возмещения ущерба, а также разработка обновленных подходов к определению суммы ущерба и к условиям, при которых осуществляется страхования выплата. Качество выплат по договору страхования определяет качество страховой услуги. Решением

этой тенденции может стать введение «зеленого коридора» для всех видов страхования имущества, стандарта урегулирования претензий, что означает облегченный порядок урегулирования претензий в зависимости от обстоятельств страхового случая и размера заявленного ущерба страховщиком.

Одной из эффективных мер является направление повышения качества услуг, которые предоставляются страховыми компаниями, а именно в части защиты прав потребителей при оказании страховых услуг за счет совершенствования деятельности судов общей юрисдикции, арбитражных судов, создания организаций по защите права потребителей финансовых услуг, основанные на деятельности омбудсменов.

Становится очевидным, что на сегодняшний день существует достаточно проблемных вопросов гражданско-правового регулирования обязательств из страховой деятельности в России, требующих оперативного и безотлагательного разрешения. Можно констатировать, что существующий механизм правового регулирования страховой деятельности несовершенен, поскольку отечественное страховое законодательство отстает от отношений, складывающихся в обществе в сфере страхования. Для того, чтобы решить данные проблемы, необходимо внести изменения в нормативную базу, которая регулирует страховую деятельность и страховые правоотношения.

Пристатейный библиографический список

1. Багринский М. И., Витрянский В. В. Договорное право.: кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М., 2011.
2. Марьянова Т. С. Обязательства по оказанию финансовых услуг // Гражданское право: учеб.: в 2 т. / отв. Ред. Е. А. Суханов. – М., 2011. - Т. II. - Полутом 2.
3. Ермакова Ю. Г. Проблемы гражданско-правового регулирования страховой деятельности в Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 3.
4. Кочкарова Э. В. Страхование в России: тенденции, проблемы и перспективы развития // Отечественная юриспруденция. – 2018. – № 5 (30).

КУЗНЕЦОВА Елена Вячеславовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения Астраханского государственного технического университета

УСОВА Екатерина Владимировна

кандидат политических наук, преподаватель отделения «Общеобразовательные дисциплины» Астраханского государственного технического университета

КУЗНЕЦОВА Елизавета Григорьевна

магистрант Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (Университет ИТМО)

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НОРМ О ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ ДОГОВОРЕ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В статье рассмотрен процесс становления и развития норм о предварительном договоре в российском гражданском праве. Установлено, что история становления норм о предварительном договоре прошла в несколько этапов. Выделены дореволюционный, советский и современный этапы становления и развития норм о предварительном договоре. Исследованы отдельные положения исторических законодательных актов о предварительном договоре. Авторами сделаны выводы о стройности норм о предварительном договоре на современном этапе.

Ключевые слова: запродажа, займ, предварительный договор, предмет договора, существенные условия.

KUZNETSOVA Elena Vyacheslavovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Jurisprudence sub-faculty of the Astrakhan State Technical University

USOVA Ekaterina Vladimirovna

Ph.D. in political science, lecturer of General education sub-faculty of the Astrakhan State Technical University

KUZNETSOVA Elizaveta Grigorjevna

magister student of the St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (ITMO University)

HISTORY OF DEVELOPMENT OF STANDARDS ON PRELIMINARY CONTRACT IN RUSSIAN CIVIL LAW

ф

The article examines the process of formation and development of norms on a preliminary agreement in Russian civil law. It has been established that the history of the formation of the rules on the preliminary contract took place in several stages. The pre-revolutionary, Soviet and modern stages of the formation and development of the norms on a preliminary agreement are highlighted. Some provisions of historical legislative acts on a preliminary contract are investigated. The authors draw conclusions about the harmony of the rules on the preliminary contract at the present stage.

Keywords: sale, loan, preliminary agreement, subject of the agreement, essential conditions.

Актуальность обращения к теме исследования вызвана в настоящее время проблемами понимания предварительного договора и применения его в гражданском обороте. Несмотря на то, что конструкция предварительного договора исследовалась в российском законодательстве, ее востребованность предопределяет возникновение новых вопросов, требует более глубокого рассмотрения особенностей формирования и развития правовых норм в указанной сфере. Данная конструкция известна российскому гражданскому праву не так давно, если сравнить процесс становления норм предварительного договора с другими договорными конструкциями, как, например, договора купле-продажи, мы видим, что это сравнительно молодой институт, развивающийся при осуществлении экономического оборота, как на ранних этапах его развития, так и в современности.

В процессе проведения исследования анализу подверглись законодательные акты разных исторических эпох, а именно:

- дореволюционное гражданское законодательство;
- гражданское законодательство советского государства;

– гражданское законодательство современного российского государства.

Дореволюционное гражданское законодательство о предварительном договоре представлено в истории гражданского права следующими актами:

- Высочайшая резолюция от 22 октября 1773 г. в докладе генерал-прокурора «О праве каждого продавать собственность кому пожелает и о недействительности продажи прежде совершения и выдачи крепости покупщику»;
- Свод Законов Российской Империи 1832 г.;
- Проект Российского Гражданского уложения 1913 г.

Понятие «предварительный договор» в гражданском законодательстве исследуемого этапа еще не применялось. Был известен праву так называемый «договор запродажи». Договор запродажи уходит корнями в римское право. Среди российских ученых на сегодняшний день отсутствует единое понимание того, когда впервые в российском законодательстве стал применяться данный вид договора. Одни исследователи относят время его появления к XVIII столетию, другие – к более ранним этапам. Обращаясь к содержанию законодательных актов разных эпох, приходим к заключению об официальном появлении норм о

договоре запродажи во второй половине XVIII века (Высочайшая резолюция от 22 октября 1773 г.).

К. А. Кирсанов называет его разновидностью предварительного договора, с чем следует согласиться. С современных позиций запродажа представляет собой разновидность предварительного договора. Предметом запродажи являются действия неимущественного характера, направленные на заключение в дальнейшем основного соглашения – договора купли-продажи. Интересным представляется тот факт, что Д. И. Мейером вполне допускалась возможность заключения контрагентами предварительного соглашения о совершении в будущем любого иного договора, не только договора купли-продажи; тем самым подчеркивался универсальный, всеобъемлющий характер конструкции, именуемой в настоящее время как «предварительный договор» [1].

В Своде Законов Российской Империи 1832 года единый институт предварительного договора также не сложился. Свод имел в себе разнообразные нормы, тем или иным образом регулирующие договор запродажи. Эта разрозненность продолжала существовать в законодательстве длительное время, с одной стороны, затрудняя процесс его применения, а, с другой, – способствуя развитию имущественного оборота как движимого, так и недвижимого имущества. Однако, существенным достижением было законодательное закрепление понятия договора запродажи. Так, согласно ст. 1679 Свода «договором запродажи одна сторона обязывается продать другой к назначенному времени недвижимое или движимое имущество. При сем означается и сама цена, за которую должна быть учинена продажа, и количество неустойки, если договаривающиеся стороны найдут полезным оной свой договор обеспечить» [3].

Проект Российского Гражданского уложения 1913 г. содержал ст. 1776, определяющей договор запродажи как договор, согласно которому одна сторона обязуется продать, а другая – купить к назначенному в договоре сроку определенное недвижимое имение за условленную цену.

Договор запродажи рассматривался цивилистами как предварительный договор. Г. Ф. Шершеневич говорил о предварительном договоре как о «договоре о совершении другого договора в будущем», запродажа есть «договор, в силу которого стороны обязываются заключить в известный срок договор купли-продажи...», запродажа представляет собой предварительный договор о заключении другого договора» [4]. Д. И. Мейера указывал, что «запродажа – это договор, по которому одно лицо обязывается продать другому лицу, а другое купить какую-либо вещь в известный срок за известную цену» [2].

Гражданское законодательство советского государства о предварительном договоре необходимо связать с двумя историческим сменившимися друг друга гражданскими кодексами:

- Гражданским кодексом РСФСР 1922 г.;
- Гражданским кодексом РСФСР 1964 г.

В ГК 1922 г. отсутствовало нормативное закрепление предварительного договора. Однако, были регламентированы две разновидности предварительного договора:

- запродажная запись (ст. ст. 182-а-182-в);
- предварительный договор о заключении в будущем договора займа (ст. ст. 218, 219).

Указанные договорные конструкции различались следующим:

– запродажная запись – это предварительный договор на заключение в будущем сделки купли-продажи строений; предварительный договор о заключении в будущем договора займа – соответственно о заключении в будущем займа;

– по форме совершения: первый из названных договор должен совершаться в нотариальной форме, второй – в письменной форме независимо от суммы займа; несоблюдение формы влекло последствия признания сделки недействительной.

ГК 1922 г. установил императивный шестимесячный срок для заключения основного договора. В течение этого срока можно было предъявить иск о совершении купли-продажи. Суд вправе был признать совершенным договор купли-продажи строения либо расторгнутой запродажную запись. Таким образом, понуждение к заключению договора могло быть применено на основании норм ГК РСФСР 1922 г.

ГК РСФСР 1964 г. также не содержал совокупности стройных норм о предварительном договоре. Однако ГК РСФСР допускал заключение сделок, не предусмотренных законом при условии непротиворечия их действующему гражданскому законодательству. Приходим к выводу, что советское законодательство допускало возможность вступления участников имущественного оборота в предварительный договор, однако не было четкой законодательной регламентации условий предварительного договора, его содержания, ответственности за его нарушение и т.д.

Теория же гражданского права шла здесь на шаг вперед. Кроме того, что цивилистами допускалась возможность совершения предварительных договоров, они выступали за защищенность участников предварительного договора, возможность применения норм об ответственности с целью добросовестного исполнения возложенных на стороны обязанностей. В то же время, разработанная в 80-е гг. концепция организационных отношений позволила ученым выработать обобщенное понятие особого рода договоров – организационных договоров, в число которых включались предварительный договор, учредительный договор, договор о простом товариществе и иные договоры.

Гражданское законодательство современного российского государства о предварительном договоре следует связать, во-первых, с принятием Основ гражданского законодательства СССР 1991 г. В отличие от законодательных актов предшествующих исторических эпох Основы включили понятие «предварительный договор». Нормы о предварительном договоре были помещены в общую часть обязательственного права. Это указывает на возможность совершения предварительного договора в отношении других договоров, помещенных в особенной части. Такое расположение норм воплотило в законе идею об организационном характере предварительного договора, высказанную ранее в науке гражданского права. В соответствии со ст. 60 по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор на передачу товаров, выполнение работ и т.д. на условиях, предусмотренных предварительным договором.

К предварительному договору законом стали предъявляться следующие требования:

- обязательная письменная форма;
- согласованность существенных условий будущего договора или установление порядка их согласования.

Однако вопрос об ответственности за нарушение предварительного договора с принятием Основ так и не был до конца решен. Судебная же практика шла по четко сформулированному Высшим Арбитражным Судом пути. Так, в Постановлении Пленума ВАС РФ от 22.12.1992 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик на территории Российской Федерации» было разъяснено: «Арбитражным судам следует принимать к рассмотрению иски о понуждении заключить соответствующий договор и взыскании убытков, вызванных необоснованным уклонением от заключения такого договора, если заявленные требования основаны на предварительном договоре».

Заключительным законодательным актом, регламентирующим предварительный договор, стала часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации, принятая в 1994 году. Изменения, коснувшиеся всех сфер жизни общества, были тесным образом связаны с развитием рыночных отношений в России, что повлекло за собой бурный всплеск новых норм, регулирующих договорные отношения. О предварительном договоре на данном этапе можно говорить как о совокупности правовых норм, составивших институт предварительного договора, который стал структурированным. В законодательстве стали четко проследиваться:

- разграничение договоров на предварительные и основные;
- понятие предварительного договора;
- содержание предварительного договора;
- требования к форме предварительного договора, в зависимости от формы основного;
- последствия нарушения формы предварительного договора в виде его ничтожности;
- основания прекращения предварительного договора;
- правовые последствия уклонения от заключения основного договора.

Итак, суть предварительного договора, о котором идет речь в п. 1 ст. 429 ГК РФ и который должен обязательно предшествовать основному, состоит в том, что стороны обязуются в будущем заключить соглашение о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на обусловленных предварительным договором условиях. Предварительный договор может быть заключен как между юридическими лицами, так и между гражданами.

По соглашению сторон, если иное не установлено законом, исполнение обязательства по заключению основного договора на условиях, предусмотренных предварительным договором, может быть обеспечено задатком.

Предварительный договор заключается в форме, установленной для основного договора. Например, если основной договор о купле-продаже жилого дома должен быть нотариально удостоверен, то и предварительный договор подлежит нотариальному удостоверению. Если форма

основного договора не установлена, предварительный договор заключается в письменной форме. Несоблюдение правил о форме предварительного договора влечет его ничтожность.

Предварительный договор должен содержать условия, позволяющие установить предмет, а также условия основного договора, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение при заключении предварительного договора.

Изменения ГК РФ от 2015 г. затронули важные нормы предварительного договора. С 01.06.2015 в соответствии с Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ в предварительный договор можно включать не все существенные условия основного договора, а только некоторые из них: условие о его предмете и условия, по которым при заключении предварительного договора по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

В предварительном договоре обычно указывается срок, в течение которого стороны обязуются заключить основной договор. Если такой срок не указан, считается в соответствии, что стороны установили для заключения основного договора срок, равный одному году.

Таким образом, законодательство о предварительном договоре развивалось поступательно. Отсутствие четких норм в законодательстве XVIII века сменилось на четкую правовую конструкцию о предварительном договоре в XX веке. Произошло обособление предварительного договора в самостоятельный правовой институт со своим понятием, содержанием, предметом, нормами об ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Кирсанов К. А. Традиции российского договорного права: от договора запродажи к предварительному договору // Право и практика. – 2016. – № 1(15).
2. Мейер Д. И. Русское гражданское право (в 2-х ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд. (1902). – М.: Статут, 2000.
3. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. – М.: Статут, 2003. – Ч. 3: Договоры и обязательства.
4. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 7-е изд. – СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1909.

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВАНОВА Ольга Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя

ПРИЗНАНИЕ ВЕЩНЫХ ПРАВ КАК СПОСОБ ИХ ЗАЩИТЫ

В статье затрагиваются вопросы, связанные с проблемными аспектами признания вещных прав как способа их защиты, закрепляются и систематизируются условия предъявления и удовлетворения иска о признании вещного права, актуализируется объективная необходимость в обновлении, реформировании и корректировке гражданско-правовых отношений, складывающихся в сфере защиты вещных прав.

Ключевые слова: вещные права, признание права, правовая защита, условия защиты, иск о признании права.

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, senior lecturer, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVANOVA Olga Vyacheslavovna

Ph.D. in Law, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the Ryazan branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

RECOGNITION OF REAL RIGHTS AS A METHOD OF THEIR PROTECTION

The article touches on issues related to problematic aspects of the recognition of real rights as a way of protecting them, fixes and systematizes the conditions for filing and satisfying a claim for recognition of real rights, actualizes the objective need for updating, reforming and adjusting civil law relations emerging in the field of protecting real rights.

Keywords: property rights, recognition of rights, legal protection, conditions of protection, claim for recognition of rights.

Общеизвестно, что общественные отношения в современном мире развиваются и функционируют не хаотично и разрозненно, а под влиянием предусмотренных законом механизмов регулирования, ведь именно при наличии специального регулирования можно рассчитывать на то, что общественные отношения будут эффективными и способствуют полноценному развитию человеческого социума. Вопросы, касающиеся механизмов регулирования общественных отношений, были актуальными на протяжении всех этапов развития общества. И если в древние времена данные механизмы, как и сами общественные отношения, носили примитивный характер, то в современном мире ситуация кардинальным образом изменилась. Многообразие различных форм и проявлений современных общественных отношений делает необходимым наличие таких категорий, как способы защиты прав субъектов общественных отношений, особенно применительно к гражданско-правовому регулированию, так как именно в этой отрасли права субъекты правоотношений изначально находятся в равном правовом положении.

В жизни каждого современного человека те или иные вещи, имущество, предметы материального мира, играют важную роль, так как они имеют определённую стоимость и функциональное значение. К примеру, невозможно представить себе жизнь человека без автомобиля, бытовой техники, средств быта, одежды и, наконец, недвижимого имущества – квартиры, дома, гаража и иных видов недвижимого имущества. Все перечисленные предметы признаются вещами, а лица, в чьём законном владении они находятся – владельцами и правообладателями. Правообладатель обладает комплексом прав на принадлежащую ему вещь, в том числе, и правом на её защиту.

Курбатова Г. В.

Иванова О. В.

После распада СССР и произошедших в связи с этим кардинальных преобразований во всех сферах жизни общества, в том числе в праве и экономике, многое стало меняться и трансформироваться. Переход от командной экономики к рыночной, активное распространение частной формы собственности, развитие рынка товаров и услуг – всё это привело к тому, что у граждан стало появляться больше различной собственности. Соответственно, объем вещных прав и частота их нарушения ввиду многообразия и роста также увеличились. Нагрузка на судебную систему тоже начала расти, так как граждане стали чаще подавать иски о нарушении их гражданских прав. Всё это актуализировало и популяризировало активное использование признания права в качестве одного из основных способов защиты гражданских прав.

Начальным этапом любого процесса защиты гражданских прав является определение и установление юридического факта нарушенного права или прав. Только будучи уверенным в том, что какие-либо гражданские права лица действительно нарушены, необходимо начинать процедуру защиты, так как в случае отсутствия юридического факта, свидетельствующего о нарушении, любые дальнейшие защитные действия бессмысленны.

Ввиду высокой степени важности вещей в современном мире, право на их защиту является одним из основных, так как оно позволяет владельцу или правообладателю охранять и защищать принадлежащую ему вещь от противоправных посягательств со стороны иных лиц. В случае если бы права на защиту не существовало, вещи могли бы переходить из рук в руки совершенно беспрепятственно, а в общественных отношениях сформировался бы хаос и беззаконие.

Действующее гражданское законодательство уделяет пристальное внимание вопросам, касающимся защиты вещ-

ных прав, а российский законодатель, осознавая практическую важность данного процесса, стремится к детальной проработке гражданско-правовых норм, направленных на защиту вещных прав [3, с. 123]. защите права собственности и других вещных прав посвящена глава 20 ГК РФ. Однако в настоящий момент, по мнению ряда различных специалистов, указанная глава 20 ГК РФ не в полной мере отвечает объективным вызовам правовой действительности по всесторонней защите вещных прав и нуждается в пересмотре и корректировке.

Безусловно, это касается и такого способа защиты гражданских, в том числе и вещных прав, как признание права. Глава 20 ГК РФ прямо не указывает и не раскрывает процедуру реализации данного способа защиты вещных прав. Не будем спорить, что с позиции пандектистики все возможные случаи нарушения вещных прав охватываются общей, традиционной концепцией гражданско-правовой защиты, которая подразумевает классические вещно-правовые иски. Тем не менее, дополнительное закрепление всё же необходимо по ряду причин.

В целях подтверждения заявленного нами тезиса представляется небезосновательным обратиться к рассмотрению точки зрения Е. А. Суханова относительно данного вопроса. Ученый заявляет, что установленные действующим ГК РФ гражданско-правовые нормы, посвященные защите вещных прав, обладают двумя существенными недостатками: 1. Они преимущественным образом направлены на защиту права собственности, а не ограниченных вещных прав; 2. Они практически не учитывают правовые особенности, свойственные защите права на недвижимость и важность их обязательной государственной регистрации, из-за чего гражданско-правовые споры о принадлежности недвижимости тому или иному лицу, в первую очередь, должны касаться наличия или отсутствия соответствующей записи в государственном реестре и ей оспаривания. Мы полностью поддерживаем высказанную позицию Е. А. Суханова и считаем, что данные особенности в обязательном порядке должны быть учтены российским законодателем [4, с. 270].

Все вышеизложенное наталкивает нас на мысль о том, что признание права, как способ защиты вещных прав, на практике чаще всего сопряжен с гражданско-правовыми спорами о недвижимости, так как зачастую данные споры связаны с правильностью, корректностью и уместностью регистрационной записи в едином государственном реестре недвижимости, а защита вещных прав с помощью традиционных способов, как показывает практика, в данном случае признаётся неэффективной. Признание права осуществляется в ситуации, когда субъективное право какого-либо лица не признаётся или оспаривается третьими лицами, следствием чего является возникновение гражданско-правового спора о принадлежности данного субъективного права указанному лицу. Чтобы установить истину, одна из сторон гражданско-правового спора, как правило, обращается в судебные органы с иском. Суд рассматривает дело и, вынося удовлетворительное решение относительно принадлежности оспариваемого субъективного права, фактически и юридически подтверждает правоту доводов одной из сторон, после чего данную стадию гражданско-правового спора можно считать закрытой. Ввиду того, что само название указанного способа защиты свидетельствует о том, что суд, посредством рассмотрения дела, признаёт или не признаёт какое-либо субъективное право лица, свидетельствует о констатирующем значении признания права.

Современная гражданско-правовая доктрина выработала различные предложения относительно необходимости нормативно-правового закрепления иска о признании вещных прав, как способа их защиты. В частности, активно ведутся дискуссии относительно того, является ли признание вещных прав констатирующим право способом или правоустанавливающим право способом [1, с. 249]. В рамках данного исследования мы пришли к мнению, что признание права не порождает его существование. Субъективное вещное или любое другое право лица существовало и существует независимо от воли и действий других лиц. При оспаривании вещного права суд, рассмотрев гражданско-правовой спор и доводы каждой из сторон, выносит свой вердикт, который не создаёт ничего нового. Поэтому, признание вещных прав яв-

ляется способом констатации факта принадлежности права конкретному лицу.

Говоря о признании вещного права, как о способе его защиты, по нашему мнению, не стоит забывать о том, что во всех случаях рассмотрения соответствующего иска в обязательном порядке должен быть установлен не только истец (что вполне понятно), но и ответчик, так как если истец предъявляет требование о подтверждении наличия у него конкретного вещного права на индивидуально-определённую вещь, то должно существовать реальное и конкретное лицо, которое оспаривает или не признаёт его вещное право, тем самым мешая осуществить входящие в данное право полномочия, что приводит к нарушению права [2, с. 19]. Следовательно, субъектом обязанности по иску о признании вещного права является лицо, которое не признаёт или оспаривает данное право. Если же такое лицо не установлено, то не совсем понятно, в чьих действиях или бездействии суд должен усмотреть непризнание или оспаривание вещного права.

Далее хотелось бы еще раз закрепить и систематизировать те условия предъявления и удовлетворения иска о признании вещного права, которые существуют в настоящий момент:

1. Объект гражданско-правового спора – конкретная вещь существует на момент предъявления иска и обладает индивидуально-определёнными признаками;
2. Стороны гражданско-правового спора не состоят в договорных или относительноных правоотношениях по поводу спорной вещи;
3. Наличие оспариваемого или не признаваемого вещного права и возникновение гражданско-правового спора по поводу него;
4. Наличие юридического интереса сторон гражданско-правового спора к судебному подтверждению факта принадлежности оспариваемого или не признаваемого вещного права конкретному лицу.

Резюмируя рассмотрение признания вещных прав как способа их защиты, мы пришли к выводу, что в настоящий момент действительно имеется объективная необходимость в обновлении, реформировании и корректировке гражданско-правовых отношений, складывающихся в сфере защиты вещных прав. Данная сфера в настоящее время активно используется и обладает чрезвычайно актуальным характером. Ввиду многообразия вещей в современном мире и наличия правообладателей на данные вещи, в общественных отношениях неизменно будут возникать различные споры, относительно принадлежности той или иной вещи конкретному лицу. В этом отношении как нельзя лучше подходит такой способ защиты вещных прав, как признание права, так как именно признание права позволяет удостоверить в судебном порядке факт принадлежности вещного права. Дополнительно хотелось бы отметить, что, законодательно закрепляя иск о признании вещного права, необходимо следовать концепции отнесения его именно к способу защиты прав, но не к частному способу приобретения права собственности, что позволит на законодательном уровне определить его существенные отличия и создаст необходимые предпосылки для его единообразного применения. Так как признание вещного права является способом констатации факта принадлежности права конкретному лицу, а не способом правоустановления.

Пристатейный библиографический список

1. Новосёлова А. А., Бауцен А. А. К вопросу о системе защиты вещных прав (гражданско-правовой аспект) // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2015. - № 3. - С. 247-252.
2. Санников Д. В. Современная правоприменительная практика в области защиты вещных прав и законного владения // Юридическая наука. - 2020. - № 12. - С. 17-22.
3. Старовойтова А. С. Признание права как способ защиты вещных прав // Актуальные проблемы российского права. - 2018. - № 3. - С. 122-126.
4. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. - М.: Статут, 2017. - 559с.

МАРАХОВСКАЯ Кристина Геннадьевна

студент 2 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

КАРПЕЦ Светлана Игоревна

студент 2 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета.

ЧЕКУЛАЕВ Сергей Сергеевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ОПЫТ РОССИИ И США ПО ВНЕДРЕНИЮ ИНСТИТУТА ПРИЕМНОЙ СЕМЬИ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

В статье приведен сравнительный анализ института приемной семьи для пожилых людей в США, как в высокоразвитой стране мира, и в России, развивающейся стране, которая только стремится к уровню, давно существующему в Соединенных Штатах. Результатом исследования является выявление сильных и слабых сторон данной формы социальных услуг преимущественно в России, а также выведение элементов, которые сделают ее более эффективной и востребованной.

Ключевые слова: приёмная семья, пожилые граждане, социальная помощь, социальная форма обслуживания, стационарные учреждения, лицензирование, опекуны, патронаж.

MARAKHOVSKAYA Kristina Gennadjevna

student bachelor of the 2nd course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

KARPETS Svetlana Igorevna

student bachelor of the 2nd course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University.

CHEKULAEV Sergey Sergeevich

Ph.D. in of Law, senior lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University

THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND THE USA ON THE INTRODUCTION OF THE INSTITUTION OF FOSTER CARE FOR THE ELDERLY

The article presents a comparative analysis of the institution of foster care for the elderly in the United States, both in a highly developed country of the world, and in Russia, a developing country that is only striving for the level that has long existed in the United States. The result of the study is to identify the strengths and weaknesses of this form of social services mainly in Russia, as well as to identify elements that will make it more effective and in demand.

Keywords: foster family, senior citizens, social assistance, social form of service, inpatient facilities, licensing, guardian, patronage.

Россия, согласно Конституции, является социальным государством. Это значит, что в стране должна обеспечиваться политика по созданию условий для достойной жизни каждого человека¹. Численность населения на начало 2021 года по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) составляет 146 171 015 человек. 36,9 миллионов от общего числа – люди, находящиеся в пенсионном возрасте, 15,8 % – жители в возрасте 65 лет и более, что позволяет считать население в России старым по международным критериям².

Нынешнее население США по последним данным ООН составляет 333 691 290 человек. Число граждан старше 60 лет в 2020 год доходило до 77 миллионов³.

Человек – существо социальное, и большая часть людей, входящих в категорию пожилых, способна вести самостоятельную жизнь, однако не все. Со временем многим стано-

вится тяжелее справляться с повседневными обязанностями, их активность снижается, а некоторые возрастные болезни совсем могут лишить пожилых людей возможности вести привычный им образ жизни. В такое время все они нуждаются во внимании, заботе и поддержке, а также физическом или медицинском наблюдении. Как бы ни хотелось, но не у всех есть родные, к тому же не у всех семей есть возможность непрерывно заботиться о пожилых родственниках.

Как в России, так и в США существуют специальные учреждения: дома-интернаты, геронтологические и гериатрические центры, некоммерческие организации. Однако, когда дело касается помещения в них пожилого человека, возникает ряд проблем:

1) Количество пожилых людей растет с каждым годом, вследствие чего людям не хватает мест в подобных организациях. В России, по данным Росстата, граждан старше трудоспособного возраста на 2025 год станет на 2 % больше, чем в 2017 году и составит 39,9 миллионов человек [2, с. 13-16]. Тенденция демографического старения в 2050 г. может, по прогнозам, превысить 35 %. Аналогичная ситуация происходит и в США. Сегодня доля пожилых людей составляет около 23 процентов. Однако к 2050 году, по данным ООН, она приблизится к 32 %⁴.

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

2 Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года. Статистический бюллетень. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284?print=1> (дата обращения: 05.11.2021).

3 Общая численность населения – оба пола. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения: 22.11.2021).

4 Общая численность населения – оба пола. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения: 22.11.2021).

2) В условиях специализированных стационаров традиционные формы социального обслуживания не создают условий для достойной старости. У пожилых людей возникает психологический страх перед худшими условиями проживания, не соответствующим нормам, чувство одиночества, неспособность радоваться жизни. Они также неохотно идут на контакт и чаще думают о смерти [5, с. 101-112].

Каким бы хорошим не был дом-интернат, он не заменит семейного комфорта, спокойствия, в котором одинокие пожилые люди нуждаются. Поэтому на сегодняшний день все больше пожилых и одиноких людей хотят жить именно в привычной для них уютной и домашней обстановке.

На чью помощь тогда могут рассчитывать пожилые люди?

В США приемные семьи появились к 1853 году. Соответственно, Штаты уже успели пройти путь осмысления данного института, после чего смогли успешно перейти к новым формам ухода, отвечающим современным демографическим требованиям и уровню жизни. На сегодняшний день в США осуществляется политика, направленная на решение проблемы социальной помощи пожилым людям. Специфика реализации услуги приемной семьи определяется законами штатов.

Для пожилых людей могут подобрать приемную семью также и в России. Относительно США патронаж в нашей стране можно назвать нововведением. Так, в 2000 году впервые в одном из субъектов РФ, Волгоградской области, появились люди, которые приняли в свою семью пожилого человека. С этого момента идет процесс внедрения института по всей стране [1, с. 42-60].

Таким образом, на 2014 год в РФ уже функционировало около 4000 приемных семей. Практика применения данной формы социального обслуживания доказала ее экономическую целесообразность⁵.

Несмотря на то, что программа осуществляется уже более 20 лет, реализуется она по-прежнему не во всех регионах. К 2021 году более 50 субъектов Российской Федерации приступили к развитию семейного патронажного воспитания пожилых людей.

Интересно, что институт приемной семьи для детей сформировался уже давно и закреплён на федеральном уровне, но упоминаний на том же уровне об институте для пожилых людей напрочь отсутствует. Эта проблема приводит к тому, что в субъектах в регулировании данного института творится хаос.

Требования к приемным семьям, «старикам» также отличаются в зависимости от региона или штата.

По общим правилам в России приемная семья для взрослых создается на основе соглашения между государственным центром социальных услуг, опекуном и пожилым гражданином. Соглашение должно содержать перечень услуг, предоставляемых в приемной семье, и размер вознаграждения опекуна. Перед подписанием соглашения стороны встречаются и проходят психологическую подготовку. Центр социального обслуживания может отказать в регистрации приемной семьи для взрослых, если условия жизни опекуна не отвечают необходимым требованиям.

Предусмотрен посторонний уход женщинам и мужчинам, старше 55 и 60-летнего возраста соответственно, если он им необходим из-за возраста, травм и заболеваний⁶.

Дееспособные и достигшие 18 лет, не являющиеся близкими родственниками, без медицинских противопоказаний, не состоящие в отношениях усыновитель-усыновленный,

могут организовать приемную семью⁷. Однако в некоторых регионах, существуют дополнительные условия. Например, в Перми, принимающие в семью «старика», не должны быть ранее отстранены от опекунских обязанностей за ненадлежащее исполнение⁸.

Приемная семья не может вместить более двух человек. Однако в Самарской области количество не должно превышать 4 человек одновременно⁹. В Миннесоте лицензированный поставщик услуг по уходу за взрослыми может обслуживать четырех или пятерых взрослых, если им 55 лет и старше и у них нет инвалидности¹⁰.

Выбор места жительства приемной семьи определяется сторонами договора. Учитывается размер общей площади проживания вне зависимости от формы собственности. Он должен быть не менее учетной нормы площади на душу населения, определенной компетентными местными органами власти. Лицо, нуждающееся во внешнем уходе, и лицо, ответственное за приемную семью, сохраняют за собой права на социальные пособия, компенсации и другие виды выплат, а также финансовые и нематериальные права¹¹.

Большинство штатов требуют оценки ухода и планирования ухода для жителей при поступлении в приемную семью для взрослых¹².

Требования к лицензированию приемных семей для взрослых отличаются в каждом штате. Например, в Аризоне существует 2 этапа проверки соответствия лицензионным требованиям: перед помещением лица в приемную семью и после помещения в нее, но не позднее 6 месяцев. В Орегоне вовсе не предусмотрено лицензирование и сертификация [4, с. 161].

Воспитатели, как правило, обязаны проходить проверку биографических данных, и многие штаты требуют, чтобы они прошли образовательный курс. В большинстве областей департамент социальных служб занимается лицензированием приемных семей для взрослых, и социальные работники тесно сотрудничают с поставщиками услуг по уходу, чтобы обеспечить регулярное предоставление надлежащего ухода. Кроме того, возрастные требования для получения лицензии на приемную семью для взрослых варьируются от 18 до 21 года. Все юрисдикции требуют, чтобы поставщики услуг обладали хорошими моральными качествами, отсюда и проверка биографических данных¹³.

Для заинтересованности обеих сторон в данных отношениях, согласно договору, лицу, взявшему обязательства, устанавливается ежемесячное денежное вознаграждение. Независимо от того, ухаживаете ли вы за взрослыми в условиях семейного типа или в групповом доме, или учреждении, вами в любом случае будут понесены определенные расходы. Этим жителям требуются продукты питания, средства гигиены, одежда и другие предметы первой необходимости. Из-за

7 Там же.

8 Приказ Министерства социального развития Пермского края от 04.12.2020 № СЭД-33-01-03/1-568 «О реализации технологии «Семья для пожилого и инвалида» в 2021 году». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

9 Закон Самарской области от 10.11.2008 № 121-ГД «Об организации деятельности приемных семей для граждан пожилого возраста и инвалидов на территории Самарской области». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Гарант».

10 Adult Foster Care. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legaldictionary.net/adult-foster-care/> (дата обращения: 22.11.2021).

11 Закон Самарской области от 10.11.2008 № 121-ГД «Об организации деятельности приемных семей для граждан пожилого возраста и инвалидов на территории Самарской области». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Гарант».

12 Adult Foster Care: How It Works, Financial Assistance & Payment Options. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.payingforseniorcare.com/adult-foster-care> (дата обращения: 22.11.2021).

13 Adult Foster Care: How It Works, Financial Assistance & Payment Options. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.payingforseniorcare.com/adult-foster-care> (дата обращения: 22.11.2021).

5 Информация от 28 мая 2014 г. «О реализации мероприятий региональных государственных программ повышения качества жизни пожилых людей». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/94> (дата обращения: 07.11.2021).

6 Закон Самарской области от 10.11.2008 № 121-ГД «Об организации деятельности приемных семей для граждан пожилого возраста и инвалидов на территории Самарской области». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Гарант».

расходов, связанных с уходом за взрослым или инвалидом, поставщики услуг во многих юрисдикциях получают возмещение через страховую компанию, агентство социальных услуг или частную оплату. Компенсация взрослым, имеющим инвалидность по социальному обеспечению, или какое-либо другое пособие по уходу, как правило, выплачивается ежемесячно в определенной сумме.

Размер ежемесячного денежного вознаграждения изменяется в зависимости от региона или положения муниципального образования. Так в Красноярском крае он составляет: 9934,8 рублей – городской округ Норильск, 8024,4 рублей – Кежемский муниципальный район и т.д.¹⁴

Аналогичная система применяется и в США. Уход за взрослыми людьми в приемных семьях составляет примерно половину стоимости ухода в доме престарелых, и в большинстве случаев это менее дорогой вариант по сравнению с проживанием в домах престарелых. В среднем платят от 2000 до 4000 долларов в месяц¹⁵.

Приемная семья финансируется самим гражданином, его родственниками, страховыми фондами или государством. Государственное финансирование предоставляется только гражданам, которые отвечают критериям потребности в такой помощи и у которых нет других ресурсов для покрытия расходов. Финансирование государством приемной семьи может быть прекращено, если гражданин нуждается в постоянном уходе и переведен в специальное учреждение.

В России, как и в США сильной стороной внедрения данного института является систематический контроль за соблюдением условий договора; проведение комплексной работы с кандидатами до создания приемной семьи; на уровне регионов и штатов наблюдается высокая степень разработки нормативных актов.

Слабой – неполная разработанность технологии; низкий уровень информированности граждан, получающих социальные услуги; низкоуровневый контроль за деятельностью и психологическим состоянием внутри семьи после ее создания; психологическая неподготовленность опекунов [6, с. 196-202]; не проработанность института на федеральном уровне.

Данный институт способен решить многие социальные проблемы, например,

одинокие пожилые граждане будут иметь нормальные условия проживания, а приемные семьи – дополнительный доход, что в совокупности повысит качество жизни населения;

психологическое и физическое здоровье данной категории граждан улучшится, в связи с нахождением в приятной для них обстановке;

такая форма обустройства облегчает нагрузку на бюджет государства, поскольку она дешевле по сравнению с другими формами социального обслуживания.

Для более ускоренного развития недавно появившегося института в России «властям» необходимо предпринять следующие меры:

Во-первых, повысить информированность граждан о его существовании через рекламу (буклеты, листовки), стендов с общедоступной информацией, любыми другими способами.

Во-вторых, установить действительно взаимовыгодные условия для сторон, чтобы у людей было желание создавать подобные семьи и, соответственно, проживать в них.

В-третьих, необходимо закрепить данные технологии на федеральном уровне, поскольку регионов, реализующих данные программы, недостаточно.

Хоть и медленными шагами, но страна уверенно идет к осуществлению этой цели. В 2019 году в России стартовал федеральный проект «старшее поколение». Пилотный проект начался в 2018 году с реализации в 6 регионах, к 2022 году планируется данную систему внедрить во всех 85 регионах страны. Главной целью проекта является обеспечение сбалансированного социального обслуживания и медицинской помощи людям, которым в ней нуждаются, в привычной и комфортной им обстановке, а также обеспечить поддержку их семьям¹⁶.

Социальная защита пожилых людей в США находится на более высоком уровне, в связи с чем напрашивается вывод, что идея создания такого института для пожилых в Российской Федерации была взята из зарубежного опыта, где система социального обслуживания в стационарных учреждениях и различные технологии оказания услуг на дому необычайно распространены и развиты.

Зарубежный опыт в социальной сфере очень разнообразен. Его необходимо использовать, чтобы учесть ошибки и не повторить их, чтобы применить уже проверенные и эффективные на практике мероприятия в Российской Федерации. Однако, важно понимать, что целиком скопированные идеи не воспроизведут желаемого результата, поэтому любой материал нужно адаптировать под менталитет и условия конкретного государства [3, с. 29].

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко И. Н. Приемная семья пожилого человека: право на существование десять лет спустя // Социальное обслуживание. – 2011. – № 1.
2. Бурцева Т. В., Юшко К. О. Фостерная семья для пожилого человека как фактор преодоления социально-психологической дезадаптации // Молодой ученый. – 2018. – № 46.1 (232.1).
3. Давыдова О. В. Опыт социальной работы с пожилыми людьми за рубежом // Среднерусский вестник общественных наук. – 2012. – № 4 (1).
4. Дивеева Н. И., Кузьменко А. В., Ногайлиева Ф. К., Филиппова М. В. Перспективы института приемной семьи для пожилых граждан и инвалидов: зарубежные доктрины и опыт российского законодательства // Право. Журнал высшей экономики. – 2020. – № 4.
5. Примако А. В. Пожилые люди в России: проблема социальной напряженности // Вестник общественного мнения. – 2010. – № 2 (101).
6. Чекулаев С. С., Кравчук А. О. Сравнительно-правовой анализ института патронатной семьи в России, странах Западной Европы и США // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 12.

14 Закон Красноярского края от 8 июля 2010 года № 10–4866 «об организации приемных семей для граждан пожилого возраста и инвалидов в Красноярском крае» (с изменениями на 24 декабря 2020 года). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/985019622> (дата обращения: 22.11.2021).

15 Adult Foster Care: How It Works, Financial Assistance & Payment Options. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.payingforseniorcare.com/adult-foster-care> (дата обращения: 22.11.2021).

16 Информация Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 декабря 2019 г. «Итоги года: поддержка семей с детьми и социальное обслуживание населения». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73281165/> (дата обращения: 07.11.2021).

МАТЫЦИН Денис Евгеньевич

кандидат экономических наук, научный сотрудник Института права Волгоградского государственного университета; доцент кафедры гражданского права и процесса Волгожского филиала Международного юридического института

УТИЛИТАРНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК ПРЕДМЕТ ДИСТАНЦИОННО-ЦИФРОВЫХ СДЕЛОК В ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПЛАТФОРМАХ*

Статья посвящена правовому регулированию дистанционно-цифровых инвестиционных сделок с утилитарными цифровыми правами. Анализируются положения Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Раскрыт законодательный подход к существу утилитарных цифровых прав как к обыкновенным требованиям кредитора к должнику, их классификации. Аргументирован их практично-прикладной характер. Комментируется предусмотренная законом возможность присвоения уникальных условных обозначений для утилитарного цифрового права или для одинаковых утилитарных цифровых прав, позволяющих, по мнению автора, идентифицировать эти крипто объекты, как в инвестиционной платформе, так и вне ее, а также различать утилитарные цифровые права между собой без необходимости выяснения их содержания. Исследуются специальные требования к инвестиционной платформе, изучены их технические и юридические возможности. Обосновывается вывод о том, что Законодатель закрепил применение субъектами, взаимодействующими в инвестиционной платформе, технологии blockchain. Выделены три разновидности требований, выведенных из состава утилитарных цифровых прав. Делается вывод о том, что утилитарные цифровые права – это особые крипто объекты, имеющие четко очерченные рамки своего оборота. Сформулировано оригинальное определение особого крипто объекта (утилитарного цифрового права). Обоснована минимальная затратность технологии выдвижения инвестиционных предложений и выбора инвесторами вариантов дистанционных инвестиций в инвестиционной платформе. Рассмотрены противоправные варианты осуществления оборота утилитарных цифровых прав, предпосылки их возникновения и возможные негативные последствия, в том числе противоправные возможности создания цифровой финансовой пирамиды.

Критикуется нерациональное нагромождение, которое возникает в регулировании оборота крипто объектов вследствие надуманного вовлечения в схему инвестиционного взаимодействия четвертого лица – сначала некоего загадочного субъекта, затем депозитария. В целях обеспечения долгосрочной стабильности инвестиционного сегмента и усиления гарантий защиты прав инвесторов предлагается осуществлять сделки с утилитарными цифровыми правами в инвестиционных платформах по предложенной автором схеме полисубъектного юрисдикционного блокчейна, в которой должны системно взаимодействовать 6 субъектов без привлечения депозитария. Обосновывается предложение о необходимости разработки федерального закона «О совершении потребителями инвестиционных сделок в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”».

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционные сделки, обращение ценных бумаг, крипто объекты; утилитарные цифровые права, бездокументарные ценные бумаги, инвестиционные платформы, дистанционно-цифровые инвестиционные сделки, полисубъектный юрисдикционный блокчейн.

MATYTSIN Denis Evgenjevich

Ph.D. in economical sciences, Researcher of Institute of Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia; associate professor of Civil law and process sub-faculty of the, Volga branch of the International Law Institute

UTILITARIAN DIGITAL RIGHTS AS A SUBJECT OF REMOTE DIGITAL DEALS IN INVESTMENT PLATFORMS

The article is devoted to the legal regulation of remote digital investment deals with utilitarian digital rights. The provisions of Federal Law No. 259-FZ of August 2, 2019 “On Attracting Investments using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” are analyzed. The legislative approach to the essence of utilitarian digital rights as to the ordinary claims of the creditor to the debtor, their classification is revealed. Their practical and applied nature is reasoned. Comments on the possibility provided by law of assigning unique symbols for utilitarian digital rights or for identical utilitarian digital rights that allow identifying these crypto objects, both in the investment platform and outside it. In addition, distinguish utilitarian digital rights among themselves without the need to clarify their content. Special requirements for the investment platform are investigated; their technical and legal capabilities are studied. The conclusion is substantiated that the Legislator has fixed the use of blockchain technology by entities interacting in the investment platform. Three types of requirements derived from the composition of utilitarian digital rights are identified. It is concluded that utilitarian digital rights are special crypto objects that have a clearly defined scope of their turnover. The original definition of a special crypto object (utilitarian digital right) is formulated. The minimum cost of the technology of making investment proposals and the choice of remote investment options by investors in the investment platform is justified. The illegal options for the implementation of the turnover of utilitarian digital rights, the prerequisites for their occurrence and possible negative consequences, including illegal possibilities of creating a digital financial pyramid, are considered.

The irrational pile-up that arises in the regulation of the turnover of crypto objects due to the far-fetched involvement of a fourth person in the scheme of investment interaction - first a mysterious entity, then a depository - is criticized. In order to ensure the long-term stability of the investment segment and strengthen guarantees for the protection of investors' rights, it is proposed to carry out deals with utilitarian digital rights in investment platforms according to the scheme of a polysubject jurisdictional blockchain proposed by the author, in which 6 entities should systematically interact without involving a depository. The proposal on the need to develop a federal law “On investment deals by consumers in the Internet information and telecommunications network” is substantiated.

Keywords: investments; investment deals; securities turnover; crypto objects; utilitarian digital rights; undocumented securities; investment platforms; remote digital investment transactions; polysubject jurisdictional blockchain.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Трансформация общественных отношений в условиях индустрии 4.0: юридическая превенция» (проект № 20-18-00314).

Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Федеральный закон от 2.08.2019 № 259-ФЗ)¹ регулирует деятельность операторов инвестиционных платформ. А также регулирует возникновение и обращение утилитарных цифровых прав, выдачу и обращение ценных бумаг, удостоверяющих утилитарные цифровые права. В Федеральном законе от 2.08.2019 № 259-ФЗ мы находим легальные возможности осуществления дистанционно-цифровых инвестиционных сделок с новыми объектами, которые Законодатель назвал – утилитарные цифровые права.

Слово «цифровые» в сочетании с термином «права» не несет никакого смысла [5]. Реально никакие права нигде не имеют никаких цифровых отметок, никакого цифрового содержания [9]. Это не права на какие-либо цифры, Законодатель имеет в виду электронную форму фиксации тех или иных прав (требований), включая базовые положения Гражданского кодекса РФ о цифровых правах. Мы убеждены, что корректным и наполненным смыслом является термин «оцифрованные права (требования)». Оцифровка, осуществляемая при помощи компьютерных программ, всегда связана с использованием алгоритмов, которые, в свою очередь, всегда предусматривают шифрование – криптографическую защиту данных при их передаче. В этой связи, рассматривая оцифрованные права (требования) с позиций инвестиционных отношений, мы считаем обоснованным и целесообразным называть их крипто объекты.

Согласно статье 8 Федерального закона от 2.08.2019 № 259-ФЗ утилитарность этих прав означает их практически-прикладной характер. По существу, утилитарные цифровые права – это обыкновенные требования кредитора к должнику [1]. Законодатель предусмотрел пять разных вариантов: во-первых, требование передать вещь (вещи); во-вторых, требование передать исключительное право на результат интеллектуальной деятельности; в-третьих, требование передать право использования результата интеллектуальной деятельности; в-четвертых, требование выполнить работы; в-пятых, требование оказать услуги. Указанные требования, юридически выраженные цифровыми правами, возникают, переходят от лица к лицу и прекращаются только внутри базы данных инвестиционной платформы [7]. По нашему мнению, подобное электронно-виртуальное утилитарное требование представляет собой не что иное, как оцифрованное инвестиционное предложение, совмещенное с обязательством получателя инвестиций, который взаимодействует с оператором данной инвестиционной платформы. Логично, что такие инвестиционные предложения, совмещенные с обязательством оферента, и превращенные при помощи специальных компьютерных программ, которыми владеет оператор, в зашифрованные записи, далее уже в виде особых крипто объектов могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться инвесторами только внутри данной инвестиционной платформы. В законе предусмотрено присвоение уникальных условных обозначений для утилитарного цифрового права или для одинаковых утилитарных цифровых прав. Такие обозначения должны позволять идентифицировать эти крипто объ-

екты, как в инвестиционной платформе, так и вне ее. Также должны позволять различать утилитарные цифровые права между собой без необходимости выяснения их содержания.

В этой связи Законодатель в статье 11 Федерального закона от 2.08.2019 № 259-ФЗ устанавливает специальные требования к инвестиционной платформе. Во-первых, программно-аппаратные средства инвестиционной платформы должны быть физически разделены на несколько узлов (один узел – один пользователь). Это достигается без особых проблем при помощи Интернета. Каждый узел (каждый пользователь) имеет техническую возможность хранить (дублировать) базу данных инвестиционной платформы, безусловно, каждый узел имеет подключение к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Во-вторых, каждый узел обеспечивается одной и той же компьютерной программой, которой управляется указанная база данных. В-третьих, информационные технологии платформы в автоматическом режиме (без участия человека) при помощи указанной компьютерной программы обеспечивают дублирование (поддержание тождественности) информации, содержащейся в базах данных инвестиционной платформы, на каждом из узлов инвестиционной платформы. По нашему мнению, в этом пункте указанной статьи Федерального закона от 2.08.2019 № 259-ФЗ Законодатель закрепил применение субъектами, взаимодействующими в инвестиционной платформе, технологии blockchain [2]. Фиксация и дублирование (без участия человека) данных при осуществлении сделок с утилитарными цифровыми правами – особыми крипто объектами в индивидуальной базе (одинаково во всех узлах) каждого из участников позволяют исключить на техническом уровне любые возможности изменить и (или) удалить информацию о состоявшихся фактах по каждому этапу единичной инвестиционной сделки.

Законодатель в Федеральном законе от 2.08.2019 № 259-ФЗ выводит из состава утилитарных цифровых прав три разновидности требований. Во-первых, требование передачи имущества, права на которое подлежат государственной регистрации. Во-вторых, требование передачи имущества, сделки с которым подлежат государственной регистрации. В-третьих, требование передачи имущества, сделки с которым подлежат нотариальному удостоверению. Следовательно, указанные требования не могут быть оцифрованы и не могут в качестве особых крипто объектов появиться в обороте на какой-либо инвестиционной платформе. Отметим, что в тексте закона (ч. 2 ст. 8) дважды встречается некорректное выражение «...требовать имущество...». Полагаем, с юридических позиций невозможно требовать имущество, в рамках гражданского права возможно только требовать *передать* имущество. В этой части необходимо изменить закон.

Возникновение утилитарного цифрового права по мысли Законодателя основано на договоре о приобретении утилитарного цифрового права, заключенного с использованием инвестиционной платформы. Именно по факту заключения такого договора, в котором в качестве предмета закрепляется цифровое право (требование), происходит рождение и дальнейшее существование в обороте этих особых крипто объектов. В Федеральном законе от 2.08.2019 № 259-ФЗ мы не находим никаких подробностей относительно положений указанного договора. При этом имеется регулирование непосредственно самих крипто объектов. Получатель инвестиций в своем инвестиционном предложении обязан раскрыть содержание и условия осуществления утилитарных цифровых прав: во-первых, сущность самого требования; во-вторых,

1 Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета от 7 августа 2019 г. № 172.

порядок осуществления данного требования; в-третьих, количество предлагаемых инвесторам требований [10]. Эти условия не могут измениться с момента начала срока действия инвестиционного предложения. Как видим, утилитарные цифровые права первоначально рождаются как электронно-виртуальная идея и будущая юридическая форма обязательства, которое возникнет между инвестором и получателем инвестиций, но может и не возникнуть, если инвестиционное предложение не будет воспринято инвесторами, как привлекательное и перспективное [4]. Полагаем, такая минимально затратная технология выдвигания инвестиционных предложений, предусматривающая их последующее превращение в оборотное обязательство, весьма рациональна и выгодна для потенциальных получателей инвестиций. При этом инвесторы также имеют широчайшие возможности выбора вариантов дистанционных инвестиций тоже без особых затрат – от них требуется только внимательное изучение широкого спектра вариантов вложений в инвестиционном сегменте Интернета, непрерывный доступ к которому тоже стоит совсем недорого [8].

Как отмечено выше, эти особые крипто объекты имеют четко очерченные рамки своего оборота. А именно: возникновение утилитарного цифрового права, его осуществление, распоряжение им (включая передачу, залог, обременение другими способами), ограничение распоряжения им возможны только в инвестиционной платформе. Указанные варианты пребывания в обороте, равно как и переход крипто объекта от одного лица к другому становятся юридически значимыми с момента фиксации соответствующего факта в базе данных платформы, а также в каждом узле дублирования [3]. В Федеральном законе от 2.08.2019 № 259-ФЗ (ч. 8 ст. 8) Законодатель установил обязанность оператора обеспечить для инвесторов техническую возможность приобретать утилитарные цифровые права, знакомиться с их содержанием, осуществлять имеющиеся во владении требования, а также распоряжаться ими. Предусмотрено также (ч. 9 ст. 8) право оператора предоставить возможность принять для учета обращающиеся утилитарные цифровые права четвертому лицу (не себе – оператору, не инвестору, не получателю инвестиций). Здесь, к сожалению, мы сталкиваемся в законе с очередным нерациональным нагромождением, при котором в схему инвестиционного взаимодействия оператора, инвестора, получателя инвестиций добавляется совершенно излишний субъект, причем добавляется обязанность оператора установить юридическую личность такого субъекта. Наряду с этим загадочным четвертым лицом, Законодатель допускает учет утилитарных цифровых прав депозитарием в соответствии с Федеральным законом от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»².

Вследствие вовлечения в схему инвестиционного взаимодействия депозитария ещё более удивительно выглядит создание Законодателем в рамках Федерального закона от 2.08.2019 № 259-ФЗ новой ценной бумаги – это цифровое свидетельство. В гражданском обороте хорошо известны свидетельство о рождении, свидетельство о заключении брака, двойное складское свидетельство, простое складское свидетельство и др. Здесь цифровое свидетельство трактуется как неэмиссионная бездокументарная ценная бумага, не имеющая номинальной стоимости. Во-первых, эта бестелесная бумага принадлежит лицу, владеющему утилитарным

цифровым правом. Во-вторых, эта бумага свидетельствует, что владельцу бумаги принадлежит утилитарное цифровое право. В-третьих, эта бумага закрепляет право ее владельца требовать от депозитария оказания услуг по осуществлению утилитарного цифрового права и (или) распоряжения им определенным образом. В-четвертых, эта бумага – цифровое свидетельство выдается депозитарием владельцу утилитарного цифрового права, учет которого осуществляется этим депозитарием. По всей видимости, Законодатель, вводя в правовое поле цифровое свидетельство, пытался создать юридический заменитель утилитарного цифрового права – особого крипто объекта, с целью облегчения его восприятия участниками гражданского оборота, которым, возможно, более привычно и более доверительно воспринимать оборот объектов инвестирования при участии давно известного депозитария. В очередной раз можно с сожалением указать на нерациональное нагромождение, которое возникает в регулировании оборота крипто объектов вследствие надуманного вовлечения в схему инвестиционного взаимодействия четвертого лица – сначала некоего загадочного субъекта, затем ещё более громоздкое вовлечение депозитария. При этом пришлось на ходу придумывать, какие именно «ценные бумаги» депозитарий сам будет рождать, а потом сам же их будет учитывать. Здесь следует поблагодарить Законодателя, что выдача цифрового свидетельства не требует государственной регистрации. При этом следует уточнить, что по гибкой мысли Законодателя оборот утилитарных цифровых прав возможен вообще без всякого обращения к депозитарию, и без выдачи в отношении утилитарных цифровых прав цифровых свидетельств. Предлагаем для учета данных о дистанционных сделках с использованием инвестиционной платформы создать и применять депозитарно-регистрационную платформу, функционирующую в качестве специального электронного сервиса на веб-сайте Банка России. При этом участия депозитария не потребуются [6].

Полагаем, что негативные (противоправные) варианты осуществления оборота утилитарных цифровых прав, которые приводит Законодатель в подпунктах 1, 2, 3 части 4 статьи 11 Федерального закона от 2.08.2019 № 259-ФЗ, возможны только при наличии стовора всех субъектов, участвующих в инвестиционной сделке, а именно: инвестор, получатель инвестиций, оператор платформы. Первый вариант предполагает возможность внесения в базу данных, содержащую информацию о возникновении, переходе и прекращении утилитарных цифровых прав информации о переходе утилитарного цифрового права, которое было прекращено. То есть, имеется в виду продолжение оборота оцифрованного инвестиционного предложения, совмещенного с обязательством – требование, которое на самом деле уже прекратилось в силу исполнения обязательства (ст. 407 Гражданского кодекса Российской Федерации). Второй вариант, расширяя первый, предполагает, что не соблюдаются условия обращения и прекращения утилитарных цифровых прав, определенных в инвестиционном предложении. Третий вариант предполагает возможность увеличения (уменьшения) количества утилитарных цифровых прав в обращении в инвестиционной платформе не только путем их возникновения у инвестора, принявшего инвестиционное предложение, и прекращения не только по основаниям, установленным Федеральным законом от 2.08.2019 № 259-ФЗ.

Таким образом, полагаем, Законодатель вполне обоснованно усматривает противоправные возможности создания цифровой финансовой пирамиды, поскольку в инвестици-

² Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Российская газета от 25 апреля 1996 г. № 79.

онной платформе генерировать утилитарные цифровые права можно практически мгновенно и это практически ничего не стоит по затратам, необходимо лишь сфабриковать привлекательное инвестиционное предложение. По нашему мнению, установленной в законе ответственности оператора инвестиционной платформы в юридической конструкции «в такой инвестиционной платформе должны обеспечиваться...» недостаточно. Предлагается усилить гарантии для инвесторов, а также в целях поддержания долгосрочной стабильности инвестиционного сегмента Интернета следует осуществлять сделки с утилитарными цифровыми правами на инвестиционных платформах по схеме полисубъектного юрисдикционного блокчейна, в которой должны системно взаимодействовать 6 субъектов, действующих на территории Российской Федерации. А именно: частный инвестор (имеющий Интернет-подключение); оператор инвестиционной платформы (имеющий собственный веб-сайт этой платформы); Минцифры России (сервер министерства и веб-сайт «ГОСУСЛУГИ» с личным кабинетом инвестора); Федеральная налоговая служба (сервер ФНС и веб-сайт с личным кабинетом юридического лица – получателя инвестиций – контрагента оператора финансовой платформы); Банк России (сервер Банка России и веб-сайт с депозитарно-регистрационной платформой с сервисом учета сделок в инвестиционной платформе); Верховный Суд Российской Федерации (сервер Суда и веб-сайт со специальным функционалом хранения доказательств о фактах совершенных в электронной форме сделок).

Полагаем, что следует ряд жизнеспособных законодательных положений, имеющих в Федеральном законе от 2.08.2019 № 259-ФЗ, заимствовать и интегрировать в единый федеральный закон «О совершении потребителями инвестиционных сделок в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»». В этом федеральном законе следует закрепить комплекс правил регулирования дистанционно-цифровых сделок, совершаемых на единой интернет-платформе частными инвесторами (гражданами) при инвестировании в традиционные финансовые активы, в ценные бумаги, в цифровую валюту, в цифровые финансовые активы, в производные финансовые активы, а также в утилитарные цифровые права.

Пристатейный библиографический список

1. Иншакова А. О. Правокак основа инфраструктурно-обеспечения цифровой экономики и технологии Интернета вещей // *Legal Concept = Правовая парадигма*. - 2019. - Т. 18. - № 3. - С. 6-11. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.1>.
2. Объекты гражданских прав: учебник для вузов / А. И. Гончаров [идр.]; под редакцией А. И. Гончарова, А. О. Иншаковой. 2-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2020. - 566 с. - (Высшее образование). ISBN 978-5-534-11298-6. Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://biblio-online.ru/bcode/457026>.
3. Agnessa O. Inshakova, Alexander I. Goncharov and Inna V. Ershova. Digital Blockchain Registration of Legally Significant Stages of Complex Good's Export-Import Supplies by Business Entities of the EAEU and BRICS Jurisdictions // *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age: Proceedings of the International Scientific Con-*

ference in Memory of Oleg Inshakov (1952-2018) / Editors Agnessa O. Inshakova, Elena I. Inshakova. - Cham: Springer Nature, 2020. - P. 328-336.

4. Inshakova A. O., Deryugina T. V., Malikov E. Y., Ponka V. F. Smart Contracts as a Legal Instrument of Developing the Export Potential of Intellectual Economic Activity. In: Inshakova A., Inshakova E. (eds) *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age*. CRFMELD 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, 2020. - Vol 110. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_54.
5. Inshakova A. O., Goncharov A. I., Salikov D. A.: *Electronic-Digital Smart Contracts: Modernization of Legal Tools for Foreign Economic Activity*. // *Lecture Notes in Networks and Systems*. - 2020. - 91. - P. 3-13.
6. Matytsin D. E. Digital Technologies of the Bank of Russia for Regulating Investment Relations. In: Inshakova A. O., Frolova E. E. (eds) *Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment*. Smart Innovation, Systems and Technologies, 2022. - Vol 254. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_19.
7. Matytsin D. E. Features of the Legal Infrastructure of the Turnover of Investment Objects in the Russian Federation. In: Inshakova A. O., Frolova E. E. (eds) *Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment*. Smart Innovation, Systems and Technologies. - 2022. - Vol. 254. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_20.
8. Matytsin D. E. Internet Investing as a Remote Algorithm of the Retail Investment Financing. In: Popkova E. G., Sergi B. S. (eds) *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap*. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, 2021. - Vol. 198. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_204.
9. Rusakova E. P., Frolova E. E., Gorbacheva A. I. Digital rights as a new object of civil rights: issues of substantive and procedural law // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. - 2020. - Vol. 1100 AISC. - P. 665-673.
10. Rusakova E. P., Frolova E. E., Gorbacheva A., Kupchina E. V. Implementation of the smart-contract construction in the legal system of Russia // 6th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities. - 2019. - P. 748-753.

МАХИБОРОДА Максим Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ВОДНОМ ТРАНСПОРТЕ

В статье автор рассматривает вопросы гражданско-правовой ответственности на водном транспорте. В исследовании автор проводит подробный анализ отечественного и законодательства зарубежных стран, применяемого в данной области. Приводит примеры основных норм, понятий и практики применения международного и национального права. Кроме того, автором исследуется судебная практика в указанной сфере, касающаяся вопросов возмещения вреда.

Ключевые слова: водный транспорт, гражданско-правовая ответственность, перевозка, транспортное законодательство, неустойка.

MAKHIBORODA Maksim Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

ON THE ISSUE OF CIVIL LIABILITY IN WATER TRANSPORT

In the article, the author examines the issues of civil liability in water transport. In the study, the author conducts a detailed analysis of domestic and foreign legislation applied in this area. Provides examples of the basic norms, concepts and practices of the application of international and national law. In addition, the author examines the judicial practice in this area, concerning the issues of compensation for harm.

Keywords: water transport, civil liability, transportation, transport legislation, penalty.

В каждой стране есть свое право водных перевозок, в основе которого, как правило, лежит общая практика. Вместе с тем, если взять исторический аспект, то необходимо отметить, что в международных соглашениях гражданско-правовая ответственность перевозчиков была более низка по сравнению с грузоотправителями. Так, первые могли в договорах устанавливать слишком низкий уровень ответственности или вообще отказываться везти товары.

Попытка устранить отличия в сфере гражданско-правовой ответственности различных государств на водном транспорте привела к заключению международных соглашений. При этом, некоторые страны используют данные положения в своих контрактах, даже не являясь участниками той или иной конвенции или иного международного договора.

Среди международно-правовых актов, к которым присоединена Российская Федерация, содержащих нормы о гражданско-правовой ответственности на водном транспорте, следует выделить, например, Международную конвенцию об унификации некоторых правил о коносаменте 1924 года, определяющую границы ответственности перевозчика, Конвенцию Организации Объединенных Наций по морскому праву, Конвенцию об унификации некоторых правил относительно ответственности, вытекающей из столкновения судов внутреннего плавания, Афинскую конвенцию о перевозке морем пассажиров и их багажа, и другие.

Вместе с тем, необходимо упомянуть Международную конвенцию об ответственности и компенсации за ущерб в связи с перевозкой морем опасных и вредных веществ 1996 года, поскольку Россия присоединилась к ней, но в настоящее время данный документ не вступил в силу. Аналогичная ситуация и с Конвенцией о договоре международной перевозки пассажиров и багажа по внутренним водным путям.

В Конвенции об ограничении ответственности по морским требованиям 1976 года Российская Федерация также участвует, но с учетом изменений, внесенных Протоколом от 02 мая 1996 года.

Имеется и нератифицированная Российской Федерацией Международная конвенция об ограничении ответственности собственников морских судов, которая широко применяется другими странами.

Анализ более чем 1 000 международных договоров за последние 5 лет, заключенных между перевозчиками и гру-

зотоправителями в части гражданско-правовой ответственности в сфере водных перевозок, показал, что независимо от того участвует то или иное государство в указанных выше конвенциях или нет, негласно данных норм придерживаются практически все страны, тем самым можно говорить о единстве норм в данной сфере.

Что касается национального законодательства, то имеется достаточно много нормативно-правовых и подзаконных актов, регулирующих рассматриваемые правоотношения [1].

Одним из таких является Водный кодекс Российской Федерации (далее – ВК РФ), который предусматривает ответственность, в том числе гражданско-правовую. Так, ст. 69 ВК РФ предусматривает возмещение вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства, причем предусмотрена даже отдельная методика по исчислению размера.

В ВК РФ можно усмотреть и отдельные нормы, которые связаны с гражданско-правовой ответственностью. Так, например, возмещение вреда, причиненного окружающей среде, урегулировано ч. 2 ст. 68 ВК РФ, ч. 1 ст. 69 ВК РФ, а также статьями 77 и 78 ФЗ «Об охране окружающей среды». Возмещение вреда, причиненного здоровью, а также имуществу граждан или юридических лиц, закреплено в ст. 79 ФЗ «Об охране окружающей среды». Вместе с тем, подобного рода ответственность регулируется и общими положениями гражданского законодательства, а именно ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а, например, вопросы, связанные компенсацией морального вреда, статьями 1100 и 1101 ГК РФ.

Указанное подтверждается и разработанным Верховным Судом Российской Федерации (далее – ВС РФ) Постановлением Пленума «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», которое также содержит, например, в пунктах 34 и 44 разъяснения, указывая на то, что вред, причиненный здоровью граждан негативным воздействием окружающей среды, является основанием для компенсации морального вреда. Для присуждения указанной компенсации суд должен установить следующие обстоятельства:

- факт причинения вреда потерпевшему;

- какими действиями (бездействием) был нанесен моральный вред;
- какова степень вины причинителя вреда;
- какие нравственные или физические страдания пережиты потерпевшим;
- в какой сумме потерпевший оценивает их компенсацию;
- другие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения заявленных требований [2].

Примерно аналогичная позиция ВС РФ нашла свое отражение в Постановлении Пленума «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде», в котором разъяснены особенности возмещения вреда, причиненного окружающей среде, в том числе источником повышенной опасности.

Вместе с тем, С.К. Соломин и Н.Г. Соломина обращают свое внимание на некоторые особенности, которые не заметил законодатель и не видит правоприменитель. Так, в своем исследовании они указывают на то, что ФЗ «Об охране окружающей среды» имеет свой специфический предмет регулирования, не совпадая с гражданским законодательством, а именно в сфере взаимодействия общества и природы. Эти отношения возникают при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, связанной с воздействием на природную среду как важнейшую составляющую окружающей среды, являющуюся основой жизни на Земле, в пределах территории Российской Федерации, а также на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне РФ. Таким образом, соглашаясь с мнением указанных авторов, можно утверждать, что применение общих положений гражданского законодательства, возможно только в качестве отсылки. Ученые указывают также на то, что правоприменитель, прежде чем руководствоваться нормами гл. 59 ГК РФ, должен был бы определить саму возможность их использования как в публичных отношениях (по охране окружающей среды), так и установить пределы их применения [3].

Анализ судебной практики, ст. 2 ВК РФ, а также подзаконных нормативных правовых актов в сфере водных отношений, например, Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении типовых договоров в области холодного водоснабжения и водоотведения», которое включает в себя раздел об ответственности сторон, в том числе за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору, показал, что вопрос отнесения деятельности на этих объектах к источникам повышенной опасности, в частности, на любом виде транспорта, остается спорным. Вместе с тем, несмотря на то, что при наложении гражданско-правовой ответственности за нарушения водного законодательства применяется все та же выше указанная Методика исчисления размера вреда, утвержденная Приказом Минприроды России от 13.04.2009 г. № 87, Методические указания по организации и проведению государственного контроля за использованием и охраной водных объектов в системе МПР России [4], и другие подобного рода нормы, следует вопросы в сфере водоснабжения и водоотведения, в том числе канализации, отнести к трубопроводному транспорту как самой системе транспортировки. А привлечение к ответственности будет регулироваться в зависимости от конкретных сложившихся правоотношений.

Такое разнообразие правовых норм в сфере ответственности, в том числе гражданско-правовой, за нарушения водного законодательства заставляет ученых предпринимать попытки систематизации. Например, ученые Института государства и права Российской академии наук (далее – ИГП РАН), называя меры уголовной, административной, дисциплинарной и эколого-правовой ответственности, подчеркивают, что последняя идет вразрез с существующей доктриной о возмещении вреда в рамках гражданско-правовой ответственности, поскольку на практике такой вред причиняется преимущественно вне рамок гражданско-правового отношения; это происходит в эколого-правовом отношении в процессе осуществления экологически значимой деятельности, например, размещения, проектирования, эксплуатации предприятия, осуществления природопользования [5]. Е.А. Панова выделяет и подвергает анализу уголовную, административную, гражданско-правовую, дисциплинарную и материальную, а также специальную (эколого-правовую)

ответственность [6]. Некоторые авторы рассматривают только проблемы административной, уголовной или иной ответственности, оставляя правовой контекст этих проблем за рамками исследований [7].

Институт гражданско-правовой ответственности на сегодняшний день не закреплен в Общей части ГК РФ. Гражданское право – это, наверное, единственная отрасль права, которая формально не знает института ответственности. В гражданском праве на первый взгляд есть только ответственность за нарушение обязательств, но на самом деле существует и ответственность за нарушение вещных и других прав.

Таким образом, отсутствие в науке единства терминологии, противоречивость отдельных законодательных положений, несогласованность смежных правовых регламентов, нечеткость предписаний и другие несовершенства, создают в судебной практике проблемы применения отдельных норм. Но в то же время следует иметь в виду, что ВК РФ закрепляет правовые основы использования и охраны водных объектов, то есть регулирует водные отношения. Имущественные отношения, связанные с оборотом водных объектов, закреплены в гражданском законодательстве в той мере, в какой они не урегулированы ВК РФ, в том числе в сфере гражданско-правовой ответственности на водном транспорте.

Еще одним важным нормативно-правовым актом, который регулирует отношения между транспортными организациями, грузоотправителями, грузополучателями, пассажирами и другими лицами при осуществлении судоходства на внутренних водных путях России, является КВВТ РФ. Наряду с правами и обязанностями указанных лиц, данный кодекс установил равную ответственность сторон договора за несоблюдение принятых на себя обязательств по перевозке, что также является предметом настоящего исследования.

Вместе с тем, как и в других транспортных уставах и кодексах имеются определенные проблемы с толкованием и применением некоторых норм права, в том числе в сфере гражданско-правовой ответственности [8, с. 29]. Так, например, очень многое в КВВТ РФ дублирует общие положения, содержащиеся в ГК РФ. Это п. 1 ст. 115 КВВТ РФ, содержащий аналогичные нормы с п. 1 ст. 794 ГК РФ, об ответственности перевозчика за неподачу транспортных средств и за использование поданных транспортных средств. Также п. 1 ст. 117 КВВТ РФ по своему содержанию схож с п. 1 ст. 796 ГК РФ. Пункты 1-3 ст. 119 КВВТ РФ полностью аналогичны пунктам 2 и 3 ст. 796 ГК РФ. Ничтожность соглашений, предусмотренная ст. 122 КВВТ РФ, также дублирует п. 2 ст. 793 ГК РФ.

Предлагается провести консолидацию норм права, путем поглощения, создав крупный однородный блок во главе 40 ГК РФ, при этом специфику рассматриваемых правоотношений, например, в части гражданско-правовой ответственности в случае буксировки объекта, в том числе при использовании плота, необходимо оставить в КВВТ РФ. Вместе с тем, следует сохранить и сроки, которые регулируются данным транспортным кодексом, это напрямую согласовывается с положениями ст. 792 ГК РФ.

Данная мера все же не позволит в полной мере преодолеть противоречия некоторых норм КВВТ РФ общим положениям гражданского законодательства. Это будет затруднять защиту прав и законных интересов грузоотправителей и грузополучателей. Данная точка зрения находит свое отражение и в юридической литературе. Комментируя данный кодекс, А.С. Алихаджиева, Е.В. Артемьев, О.В. Куликова, И.В. Свечникова указывают в своей работе на то, что ст. 118 КВВТ РФ «предусматривает перечень обстоятельств, освобождающих перевозчика от ответственности за несохранность груза, перекладывая таким образом бремя доказывания вины перевозчика на грузоотправителя или грузополучателя» [9]. Указанная норма противоречит общим положениям и принципам гражданского законодательства, закрепленным в ст. 796 ГК РФ, которая предусматривает презумпцию вины перевозчика за несохранность груза или багажа [10]. На подобные противоречия указывали и другие авторы, например, С.Ю. Морозов в своем исследовании называл их проблемами горизонтальной иерархии договорных норм [11]. По мнению автора, транспортные уставы и кодексы содержат различные решения в отношении аналогичных и практически важных условий договора перевозки грузов и пассажиров. Такого рода дифференциация не должна допускаться.

Таким образом, необходимо все же с точки зрения построения законодательства Российской Федерации и его кодификации придерживаться общих положений о гражданско-правовой ответственности, закрепленных в ГК РФ [12, с.6]. Соответственно, нормы, которые в транспортных уставах и кодексах вступают в противоречие с ним следует либо исключить, либо привести в соответствие.

При применении главы XV КВВТ РФ, посвященной ответственности судовладельца, перевозчика, буксировщика, грузоотправителя, грузополучателя, отправителя и получателя буксируемого объекта, необходимо учитывать некоторые особенности судебной практики. Так, например, в случае если грузоотправитель хочет взыскать неустойку в связи с просрочкой доставки груза внутренним водным транспортом следует применять нормы статей 785, 792, 793 ГК РФ и статей 73, 116, 161 КВВТ РФ.

Неустойку взыщут, если грузоотправитель сможет доказать следующие юридически значимые обстоятельства:

- наличие договорных отношений по перевозке груза внутренним водным транспортом (договором, дорожными ведомостями, транспортными накладными, платежными поручениями и тому подобное);

- нарушение срока доставки груза перевозчиком (телефонограммами, выписками из судовых журналов, уведомлениями о прибытии судна и тому подобное);

- размер неустойки (перепиской сторон, расчетом неустойки и тому подобное);

- факт соблюдения досудебного (претензионного) порядка, предусмотренного ст. 161 КВВТ РФ (претензиями, перепиской сторон, уведомлениями и тому подобное).

Вместе с тем, размер неустойки может быть снижен судом, если, например, грузоотправитель неверно произвел расчет неустойки [13].

Суд может и отказать во взыскании неустойки. Одной из таких причин, например, может быть недоказанность грузоотправителем нарушения срока доставки груза: не согласованы детальный маршрут перевозки и его протяженность, в связи с чем отсутствует возможность подсчета [14]. Также просрочка доставки груза может произойти вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело [15]. И, наконец, перевозчиком может быть заявлено о пропуске грузоотправителем срока исковой давности, который согласно п. 3 ст. 797 ГК РФ и ст. 164 КВВТ РФ для требований, вытекающих из перевозки груза внутренним водным транспортом, составляет один год.

Помимо главы XV КВВТ РФ, посвященной ответственности судовладельца, перевозчика, буксировщика, грузоотправителя, грузополучателя, отправителя и получателя буксируемого объекта, данные правоотношения регулируются и другими главами, в том числе содержащимися в них нормами, и подзаконными нормативными актами, закрепляющими также подобного рода положения, а в некоторых случаях даже более детально рассматривая те или иные общественные отношения применительно к настоящему исследованию. Например, Постановление Правительства Российской Федерации от 06.02.2003 г. № 72 «Об утверждении Правил оказания услуг по перевозке пассажиров, багажа, грузов для личных (бытовых) нужд на внутреннем водном транспорте» предусматривает ответственность пассажира за утерю или порчу постельных принадлежностей, мебели, инвентаря и оборудования, отсылая нас к общим положениям гражданского законодательства, а именно к ст. 15 ГК РФ.

Таким образом, результаты проведенного исследования, свидетельствуют о том, что водный транспорт является привлекательным для лиц с точки зрения цены перевозок. В рассматриваемых правоотношениях присутствует относительное единообразие применения норм права. Они регулируют отношения не только в области использования и охраны водных объектов, а также при осуществлении судоходства на внутренних водных путях России, но и в сфере перевозок морским видом транспорта.

Пристатейный библиографический список

1. Закон Тюменской области от 19.12.2006 г. № 523 (в ред. от 21.09.2021 г.) «О регулировании водных отношений в Тюменской области» (принят Тюменской областной Думой 07.12.2006 г.) // Вестник Тюменской областной Думы. 2006. № 11; и другие.
2. Семенихин В.В. Ответственность организаций и их руководителей. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022
3. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности: монография. М., 2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
4. Методические указания по организации и проведению государственного контроля за использованием и охраной водных объектов в системе МПР России (утв. МПР РФ 31.12.1997 г.) // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
5. Дубовик О.Л., Бринчук М.М., Кудельник Н.С, Редникова Т.В. Совершенствование юридической ответственности за экологические правонарушения (Докладная записка эколого-правовых исследований ИГП РАН) // Официальный сайт ИГП РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://igpran.ru/public/publiconsite/IGPRAN.Sovershenstvovanie_juridicheskoy_otvetstvennosti_za_jekologicheskie_pravonarusheniya.pdf (дата обращения: 08.11.2021).
6. Панова Е.А. Юридическая ответственность за нарушения водного законодательства в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 22-28.
7. Пантелеев А.В. Порядок возмещения вреда, причиненного нарушением водного законодательства: вопросы правового регулирования // Вестник Удмуртского университета. 2008. Вып. 2. С. 163-167.
8. Васильева Н.В. Практика Арбитражного суда Северо-Западного округа по спорам, связанным с договором перевозки груза и транспортной экспедиции // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2020. № 1. С. 28-46.
9. Алихаджиева А.С., Артемьев Е.В., Куликова О.В., Свечникова И.В. Комментарий к Кодексу внутреннего водного транспорта Российской Федерации (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
10. Иванова Т.Н. Правовое регулирование отношений по морской перевозке грузов в линейном сообщении в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 140-141; Архипов Д.А. Правовой критерий распределения договорных рисков в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 146-147; Годовалова М.Н. Презюмирование вины в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 129-130; Припузова О.Н. Гражданско-правовое регулирование договора перевозки грузов внутренним водным транспортом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 13.
11. Морозов С.Ю. Проблемы кодификации транспортного законодательства // Цивилистические записки: Сб. науч. тр. М., 2004. Вып. 5: Проблемы кодификации гражданского законодательства в Российской Федерации. С. 463.
12. Ананьева А.А. Отдельные проблемы кодификации транспортного законодательства // Транспортное право. 2013. № 3. С. 5-8.
13. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.05.2016 г. № Ф04-1904/2016 по делу № А45-14698/2015 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
14. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 06.07.2017 г. по делу № А33-2597/2017 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
15. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 05.12.2014 г. № Ф02-5022/2014 по делу № А58-196/2014 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

ПУГАЧЕВА Анна Сергеевна

аспирант кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МИНИМИЗАЦИИ РИСКА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

При осуществлении инвестиционной деятельности инвесторы несут коммерческие и некоммерческие риски. Цель исследования раскрыть правовое обеспечение минимизации риска при осуществлении инвестиционной деятельности. Методологической основой исследования стал формально-юридический метод, который использовался при определении гражданско-правовых понятий; толковании правовых норм, правовых позиций судебной и судебно-арбитражной практики, доктринальных положений. Основные результаты исследования состоят в выявлении особенностей частноправового риска при осуществлении инвестиционной деятельности и характеристике правовых инструментов по его минимизации (свобода договора, страхование инвестиций, диверсификация, лимитирование, хеджирование).

Ключевые слова: частноправовой риск, свобода договора, некоммерческие риски, страхование инвестиций, хеджирование.

PUGACHEVA Anna Sergeevna

postgraduate student of Civil law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

LEGAL SUPPORT OF RISK MINIMIZATION WHEN CARRYING OUT INVESTMENT ACTIVITIES

When carrying out investment activities, investors bear commercial and non-commercial risks. The purpose of the study is to reveal the legal framework for minimizing risk in the implementation of investment activities. The methodological basis of the study was the formal legal method, which was used to define civil law concepts; interpretation of legal norms, legal positions of judicial and judicial arbitration practice, doctrinal provisions. The main results of the study are to identify the features of private law risk in the implementation of investment activities and the characteristics of legal instruments to minimize it (freedom of contract, investment insurance, diversification, limiting, hedging).

Keywords: private law risk, civil risk, freedom of contract, non-commercial risks, investment insurance, hedging.

Пугачева А. С.

Особенности частноправового риска при осуществлении инвестиционной деятельности состоят в том, что, во-первых, инвестор претерпевает негативные имущественные и финансовые последствия в отсутствие противоправности своего поведения при объективно случайных или объективно невозможных обстоятельствах или при правомерных действиях профессионального участника инвестиционных отношений, но допущении убытка [1]. Во-вторых, при осуществлении инвестиционной деятельности риск либо императивно возлагается на конкретное лицо, либо распределяется между сторонами на основе договора (ст. 211, 422, 595, 669, 705, 741, 867 ГК РФ). Для определения критериев распределения риска между сторонами цивилисты обращаются к *ratio legis* (основанию закона), которое позволяет выяснить цели законодателя [2]. Поиск *ratio legis* ориентирует на экономическую целесообразность, предусматривающую минимизацию расходов по возмещению убытков (критерий разумности) и предотвращению случайного причинения убытков (критерий добросовестности) [3].

Особенности частноправового риска при осуществлении инвестиционной деятельности обуславливают включение в содержание договора условий, способствующих обеспечению баланса интересов и минимизации риска, по усмотрению сторон: 1) одностороннее изменение или односторонний отказ от договора (ст. 310 ГК РФ), в том числе право на отказ от договора аренды, заключенного на неопределенный срок, предупредив об этом другую сторону в установленные законом сроки (ст. 606, 610 ГК РФ); 2) определение критериев существенности недостатков товара и последствий передачи покупателю товара ненадлежащего качества (ст. 475 ГК РФ); 3) определение порядка осуществления права на немотивированный односторонний отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг и режима последствий отказа от договора (ст. 782 ГК РФ); 4) определение порядка и размера возмещения потерь одной стороной, возникших в случае на-

ступления определенных в договоре обстоятельств и не связанных с нарушением обязательств, другой стороне (ст. 406.1 ГК РФ); 5) заключение договора по возмещению убытков и распределению рисков (ст. 15, 421 ГК РФ), а также договоров имущественного страхования и страхования вкладов (ст. 929-933, 970 ГК РФ). Из изложенного видно, что минимизация частноправового риска при осуществлении инвестиционной деятельности обеспечивается свободой договора [4].

При осуществлении инвестиционной деятельности инвесторы несут не только коммерческие (риск утраты (гибели), недостачи или повреждения имущества, риск ответственности по обязательствам, риск гражданской ответственности, риск убытков и неполучения ожидаемых доходов), но и некоммерческие риски. Понятие «некоммерческие риски» широко представлено в международном праве. Страхование инвестиций от некоммерческих рисков в международном праве регламентирует Сеульская Конвенция 1985 года об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций. К некоммерческим рискам в Конвенции отнесены: риск, связанный с переводом валют, возникающий в результате ограничений и задержек со стороны принимающего правительства в конвертировании и переводе полученной инвестором местной валюты; риск экспроприации; риск войны и гражданских беспорядков; риск нарушения договорного обязательства, взятого принимающим правительством по отношению к инвестору, или отказа от такого обязательства [5]. Основная идея Конвенции – это снятие барьеров, препятствующих росту иностранных инвестиций в производительных целях между странами-членами. Опираясь на Конвенцию, можно сказать, что некоммерческие риски не зависят от инвесторов и сопряжены с политической, экономической, нормативной нестабильностью, введением чрезвычайного положения, объявлением пандемии.

Россией Сеульская Конвенция была ратифицирована в 1992 году, присоединение к Конвенции состоялось в 1995

году [6]. В 1998 году в совместном заявлении Правительства РФ и Совета директоров Банка России о мерах по стабилизации социально-экономического положения в стране было запланировано обеспечение страховой и гарантийной поддержки российского экспорта и инвестиционного процесса, посредством создания агентства гарантий инвестиций от некоммерческих, в том числе политических, рисков. «Предоставляя дополнительную защиту инвесторам, агентство станет эффективным инструментом инвестиционной политики Российской Федерации» [7]. По результатам этого заявления в 2011 году создано акционерное общество «Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций». В 2018 году в обеспечение исполнения обязательств агентства по портфелю договоров страхования экспортных кредитов и инвестиций, договоров перестрахования, договоров поручительства и независимых гарантий предоставлена государственная гарантия Российской Федерации на срок до 31 декабря 2042 г. включительно [8]. Таким образом, охрану вложений российских инвесторов в инвестиционные проекты за рубежом от некоммерческих рисков обеспечивает специальное агентство, которое предлагает государственные гарантии и страхование инвестиций и инвестиционного дохода. К страховым рискам отнесены: утрата права собственности, утрата или уничтожение активов за рубежом, невозможность возврата инвестиций и инвестиционного дохода.

На внутреннем рынке защита инвестиций от некоммерческих рисков регламентируется Гражданским Кодексом РФ, Законом РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и также предусматривает государственные гарантии и страхование. Отметим, что государственные гарантии не ограничивают свободу договора. Имплицитно или прямо они обеспечивают баланс интересов сторон и стабильность инвестиционных отношений [9; 10]. Страхование инвестиций от некоммерческих рисков предусматривает активацию механизма возмещения инвестору его затрат на реализацию проекта при наступлении страхового случая. Гражданский Кодекс относит страхование некоммерческих рисков к специальным видам страхования и определяет, что правила, предусмотренные 48 главой, применяются к страхованию иностранных инвестиций от некоммерческих рисков, банковских вкладов, пенсий, страхованию экспортных кредитов, инвестиций от предпринимательских и (или) политических рисков, а также морскому и медицинскому страхованию (ст. 970 ГК РФ). Регламентированные действующим законодательством правила страхования позволяют страховщикам предложить инвесторам защиту инвестиций от некоммерческих рисков [11]. Получили распространение следующие виды страхования инвестиций от некоммерческих рисков: 1) страхование риска утраты (гибели), недостачи или повреждения имущества, в том числе неполучения доходов, возникновения непредвиденных расходов (ст. 211, 316, 342.1, 344, 459, 563 ГК РФ); 2) страхование риска возникновения убытков из-за изменения условий инвестиционной деятельности по независимым от инвестора обстоятельствам, в том числе с риском неполучения ожидаемых доходов [12] (ст. 451 ГК РФ); 3) страхование риска наступления ответственности за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу граждан, имуществу юридических лиц и публично-правовых образований (ст. 179 ГК РФ); 4) страхование риска наступления ответственности за нарушение договора, в том числе прекращение или отказ от договора ввиду невозможности его исполнения [13] (ст. 350.1, 587 ГК РФ); 5) страхование риска отчуждения, изъятия, конфискации, реквизиции, ареста, уничтожения имущества по распоряжению или бездействию государственных органов, а также в иных случаях, предусмотренных законом [14] (ст. 235, 238-239.2, 242, 243, 280, 282, 285, 334 РФ ГК).

Бессспорно, страхование инвестиций от некоммерческих рисков — это эффективное средство охраны прав инвесторов. Порядок страхования регламентируется совокупностью стандартных условий договора страхования и нестандартных условий, индивидуально согласованных для конкретного договора и основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности сторон (ст. 943 ГК РФ). Для совершенствования охраны прав инвесторов в статью 932 ГК РФ целесообразно внести институт страхования риска ответственности за нарушение обязательств по договоренности сторон. В настоящее время страхование риска ответственности за нарушение обязательств допускается только в случаях, предусмотренных законом. Объединение в рамках договора

страхования деликтной и договорной ответственности позволит аккумулировать правовые нормы, обеспечивающие минимизацию частноправового риска при осуществлении инвестиционной деятельности, а также использовать альтернативные способы защиты прав инвесторов [15].

Для минимизации частноправового риска при осуществлении инвестиционной деятельности инвесторы используют три основных способа: диверсификацию, предусматривающую распределение вложений в разные объекты для компенсации убытков в одном инвестировании за счет получения прибыли в другом [16]; лимитирование, включающее установление ограничений на вложение средств для сохранения капитала и обеспечения устойчивого дохода [17]; хеджирование (от англ. «hedging» ограда, защита), предусматривающего заключение специальных договоров, которые могут определяться как финансовые инструменты, способные повлиять на прибыль или убытки [18].

В действующем законодательстве характеристика хеджирования дана в статье 301 НК РФ и Международном стандарте финансовой отчетности (IFRS) 9 «Финансовые инструменты», введенном в действие на территории Российской Федерации в 2014 году [19]. Сущность хеджирования отражает операции с финансовыми инструментами, совершаемые в целях уменьшения (компенсации) возможных убытков, обусловленных внешними факторами: недополучением прибыли, уменьшением выручки или рыночной стоимости имущества, увеличением обязательств вследствие изменения цены, процентной ставки, валютного курса или иного показателя объекта хеджирования. Под объектами хеджирования признаются имущество, имущественные права и обязательства, а также связанные с ними потоки денежных средств или ожидаемые сделки. Инструменты хеджирования оцениваются по справедливой стоимости через прибыль или убытки и включают производные финансовые инструменты (форвардные и фьючерсные контракты, опционы, свопы) и непроизводные финансовые активы и финансовые обязательства. Отношения хеджирования между инструментами и объектом инвестор определяет по собственному усмотрению.

На основании цели и сферы применения можно выделить следующие виды отношений хеджирования [20]. Во-первых, это хеджирование справедливой стоимости. Хеджируется риск признанного актива или признанного обязательства [21]. Например, страхование реальных имущественных потерь при заключении с зарубежным контрагентом долгосрочного экспортного договора, валюту которого составляет доллар США. Заключение экспортером валютного фьючерсного договора на покупку рубля с датой исполнения на момент истечения срока действия экспортного договора или покупка соответствующего валютного опциона, при котором стоимость деривативов будет в определенной пропорции соотноситься с величиной предполагаемых потерь по экспортному договору, обеспечат минимизацию риска при изменении курса валют. Во-вторых, хеджирование денежных потоков. Хеджируется риск ожидаемой сделки, признанного актива или обязательства [22]. Например, заключение дериватива (договора), обеспечивающего выполнение обязательств по будущей сделке с целью минимизации риска ценовых колебаний. В-третьих, хеджирование чистых инвестиций в зарубежную компанию. Хеджируется риск изменения валютных курсов [23]. Например, заключение форвардного контракта, покупка соответствующего валютного опциона или совершение сделки своп обеспечивают минимизацию валютного риска.

Хеджирование как способ минимизации частноправового риска при осуществлении инвестиционной деятельности опирается на свободу договора. Инвестор по собственному усмотрению имеет возможность определить объекты, подверженные риску, как оцениваемые по справедливой стоимости через прибыль или убытки [24]. При осуществлении индивидуальной воли в договорных отношениях, кроме внешней формальной стороны, выражающейся в свободном установлении договорного отношения того или другого типа, определенного в законе, имеется еще и внутренняя сторона, касающаяся самого содержания договорного отношения [25].

Обобщая изложенное, отметим, что минимизация риска при осуществлении инвестиционной деятельности обеспечивается свободой договора, которая предоставляет инвестору возможность действовать по своему усмотрению в

целях получения прибыли (дохода) и (или) достижения нового полезного эффекта.

Пристатейный библиографический список

1. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. Душанбе: Ирфон, 1972. С. 134.
2. Юридический словарь / Гл. ред. С.Н. Братусь и др. М.: Госюриздат, 1953. 781 с.
3. Мартиросян А.Г. Категория риска в гражданском праве Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2014. С. 16.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ, № 5, май, 2014. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021), ст. 10, 169, 421, 426, 428, 429.
5. Конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (Вместе с «Гарантиями спонсорских инвестиций в соответствии со статьей 24», «Урегулированием споров между членом и Агентством по статье 57», «Комментарием к Конвенции об учреждении...») (Заключена в г. Сеуле в 1985 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900505?section=text> (дата обращения 30.11.2021).
6. Постановление Верховного Совета РФ от 22.12.1992 № 4186-1 «О ратификации Конвенции об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций» <https://docs.cntd.ru/document/283?marker§ion=text> (дата обращения 30.11.2021). Постановление Правительства РФ от 13.10.1995 № 1016 «О Комплексной программе стимулирования отечественных и иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации (с изменениями от 27 декабря 1995 года)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9013987?section=text> (дата обращения: 30.11.2021).
7. Заявление Правительства РФ, Совета директоров Банка России «О мерах Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации по стабилизации социально - экономического положения в стране» // Российская газета. № 218. 17.11.1998.
8. Федеральный закон от 18.07.2011 № 236-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования механизма страхования экспортных кредитов и инвестиций от предпринимательских и политических рисков» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12188095/> (дата обращения 30.11.2021). Постановление Правительства РФ от 22.11.2011 № 964 «О порядке осуществления деятельности по страхованию экспортных кредитов и инвестиций от предпринимательских и политических рисков» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12092190/> (дата обращения 30.11.2021). Постановление Правительства РФ от 29.06.2018 N 759 (ред. от 02.09.2021) «О государственной гарантии Российской Федерации по обязательствам акционерного общества «Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций» (вместе с «Правилами предоставления в 2018 году государственной гарантии Российской Федерации по обязательствам акционерного общества «Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/550517107> (дата обращения 30.11.2021). ЭКСАР - Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций <https://old.exiar.ru/about/role/> (дата обращения: 30.11.2021).
9. Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.10.2021) (дата обращения 22.11.2021).
10. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. М.: Статут, 2012. С. 205, 313, 325.
11. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 02.07.2021) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.09.2021) ст. 2, 3.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»
13. Богданова Е.Е. Невозможность исполнения предпринимательского договора // Юрист. 2019. № 1. С. 32-38. Орлов А.А. Система страхования инвестиционных процессов от некоммерческих рисков // Транспортное дело России. 2009. № 5. С. 118-122.
14. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 02.07.2021) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.09.2021) ст. 4, 9. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) ст. 9, 35, 50-52, 54.1.
15. Чуб А. Правовые инициативы страховщиков // Современные страховые технологии. 2021. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://consultsst.ru/archive/g98.html> (дата обращения 06.12.2021). Драгунова Т.В. Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 12. С. 91-161.
16. Гаврилина Д.Н., Огарева А.С. Стратегическая оценка эффективности диверсификации отраслевого инвестиционного портфеля // Управленческое консультирование. 2021. № 9 (153). С. 31-44.
17. Келешян А.А. Инвестиционные риски и пути их снижения // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2016. № 29. С. 11-16.
18. Архипов Э.Л., Крохичева Г.Е., Абдуллаева К.Н., Сушкова Т.В. Хеджирование в системе экономической безопасности // Kant. 2019. № 1 (30). С. 254-257.
19. Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 9 «Финансовые инструменты» (введен в действие на территории Российской Федерации в редакции 2014 года Приказом Минфина России от 27.06.2016 № 98н) (ред. от 17.02.2021) глава 6. <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 07.12.2021).
20. Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 9 «Финансовые инструменты» глава 6 п. 6.1.
21. Попова Л.А. Что за «зверь», хеджирование // Труды университета. 2019. № 1 (74). С. 111-115.
22. Огорокова О. А., Писецкая А. И. Хеджирование как метод регулирования валютных рисков // Политический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 130. С. 799-809.
23. Разъяснение КРМФО (IFRIC) 16 «Хеджирование чистой инвестиции в иностранное подразделение» (введено в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 28.12.2015 N 217н) (ред. от 27.06.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 07.12.2021).
24. Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 9 «Финансовые инструменты» глава 6 п. 6.7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 07.12.2021).
25. Канторович Я.А. Основные идеи гражданского права. Харьков: Юрид. изд-во, НКЮ СССР, 1928. С. 51.

РЫЧАГОВА Оксана Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Сибирского университета потребительской кооперации

ФЕСЕНКО Елена Алексеевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры гражданского права Сибирского университета потребительской кооперации

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ КАК ОСОБОЕ ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье обоснована необходимость и перспективность рассмотрения потребительской кооперации как правового явления путем определения первичного понятия, развития на его основании системы понятийных рядов, отражение системы понятийных рядов в нормативно-правовом регулировании в гражданском законодательстве России. Выдвинуто предположение о возможности смены существовавшей до настоящего времени парадигмы исследования потребительской кооперации в юриспруденции. Также в статье выявлены причины неполноты современного правового регулирования потребительской кооперации, в частности выбор законодателем только стабильных форм выражения потребительской кооперации.

Ключевые слова: потребительская кооперация, понятийные ряды, критерий стабильности/нестабильности формы потребительской кооперации, парадигма научного исследования.

RYCHAGOVA Oksana Evgenjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Siberian University of Consumer Cooperatives

FESENKO Elena Alekseevna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Civil law sub-faculty of the Siberian University of Consumer Cooperatives

CONSUMER COOPERATION AS A SPECIAL LEGAL PHENOMENON IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article substantiates the necessity and perspectives of considering consumer cooperation as a legal phenomenon by defining the primary concept, developing a system of conceptual series on its basis, reflecting the system of conceptual series in legal regulation in the civil legislation of Russia. An assumption is made about the possibility of changing the paradigm of the study of consumer cooperation in jurisprudence that has existed until now. The article also reveals the reasons for the incompleteness of modern legal regulation of consumer cooperation, in particular, the legislator's choice of only stable forms of expression of consumer cooperation.

Keywords: consumer cooperation, conceptual series, criterion of stability/instability of the form of consumer cooperation, paradigm of scientific research.

Потребительская кооперация как явление, обладающее собственным правовым смыслом, тем не менее воспринимается современным российским законодателем не в полном объеме, и как следствие такого восприятия регулируется нормативно-правовыми актами лишь частично.

Анализ соответствующего российского законодательства позволяет предположить, что основанием дифференциации потребительской кооперации на фрагменты является стабильность/нестабильность формы потребительской кооперации во времени.

Складывается впечатление, что стабильность формы во времени ценна для государства гарантированностью успешного контроля со стороны налоговых органов за потребительской кооперацией. Это предположение частично подтверждается явным в настоящий исторический период диссонансом между степенью законодательного регулирования отношений потребительской кооперации и ее высоким потенциалом для активизации российской экономики.

Другими словами, с нашей точки зрения, потенциал такого явления как потребительская кооперация для развития российской экономики либо недооценен, либо сознательно игнорируется законодателем вследствие не-

которой сложности и многогранности потребительской кооперации и как экономического, и как правового явления.

Сказанное означает, что теория правового регулирования отношений потребительской кооперации как концептуальная основа расширения и углубления законодательного регулирования требует серьезной научной проработки, в том числе, возможно, в аспекте усиления междисциплинарных исследований.

Нельзя также исключить, а, возможно, даже более реалистично прогнозировать высокую вероятность смены парадигмы научного исследования потребительской кооперации как правового явления. Следствием смены доминирующей в настоящее время научной парадигмы исследования может стать возникновение принципиально новаторских научных направлений и школ.

Для целей настоящей статьи оценка потребительской кооперации как особого правового явления базируется на очевидной неполноте правового регулирования этого явления путем опосредования исключительно ее стабильной формы при широком фактическом распространении отношений потребительской кооперации в нестабильной форме.

Примером стабильной формы потребительской кооперации является потребительский кооператив, созданный для строительства гаража, а хорошей, вполне архетипической иллюстрацией его внутренней организации и деятельности – «Гараж» (советский сатирический трагикомедийный фильм 1979 года, режиссер – Э. А. Рязанов). С такого рода стабильными формами и решил работать наш законодатель (по крайней мере, в настоящее время).

Примером нестабильной формы кооперации является совместная закупка пользователями социальной сети эфирных масел и иных компонентов для изготовления косметических средств на сайте *agoma-zone.com* в целях экономии на оплате расходов по доставке – бесплатная доставка при оформлении заказа на определенную крупную для рядового российского потребителя сумму.

Эти два примера делает очевидным правильность избранной научной позиции относительного осмысления, выявления такого критерия дифференциации законодателем отношений потребительской кооперации как стабильность/нестабильность формы.

Действительно, для любого интуитивно очевидно, что разовая совместная закупка по своему правовому смыслу является актом потребительской кооперации. Но законодатель игнорирует этот аспект, причем концептуально. Так, в законе Российской Федерации от 19.06.1992 № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации»¹ в ч. 1 ст. 1 (Основные понятия) потребительская кооперация определяется весьма узко, причем очевидно через критерий стабильности формы, а именно как система организаций.

Действительно, ведь термин «организация» подразумевает фиксацию, стабилизацию одной из разновидностей потребительской кооперации. Этот пример подтверждает фрагментарность восприятия законодателем потребительской кооперации.

Но заявленная проблематика подлежит расширению: нежелание законодателя разобраться в правовом смысле потребительской кооперации как явления влечет неубедительность юридических формулировок в нормативно-правовых актах с точки зрения формально-логического метода исследования правовых явлений, процессов и источников права.

Так, приведенный выше пример гаражно-строительного кооператива как формы потребительской кооперации может вызвать упреки в противоречии предлагаемых тезисов действующему законодательству в следующем аспекте: гаражно-строительный кооператив к потребительской кооперации отношения не имеет, о чем сказано в ст. 2 вышеупомянутого закона. Вопрос в описании проблемы: что именно сделал законодатель – либо создал в юридической реальности странные системы потребительской кооперации общей усеченной и «специализированной» потребительской кооперации», либо спутал понятийные ряды (что не позволяет построить непротиворечивую систему правового регулирования комплекса общественных отношений).

На самом деле в законодательстве как в известной притче отражается только «хвост слона» да и тот мы видим через условную «дыру в заборе», поэтому и не возникает цельное впечатление о «слоне», его сущности, природе, строении и функционировании. Яркий пример такого искажения в отношении потребительской кооперации – определение понятия «потребительская кооперация» усеченно, узко, причем немотивированно узко, а ведь это основополагающее понятие в понятийном ряду или, более точно, в древе понятийных рядов. Так, только волей законодателя (и к сожалению, более ничем) мотивировано критикуемое выше определение потребительской кооперации как системы организаций.

В результате анализа законодательства складывается впечатление, что изложенная в настоящей статье позиция законодателя обусловлена его интересам к контролю, то есть к правовому регулированию исключительно предпринимательской деятельности как потенциальной, так и актуализированной.

Это отношение требует коррекции для использования всего потенциала потребительской кооперации в интересах активизации экономического развития и повышения благосостояния граждан.

Дело науки гражданского права – описать правовой смысл потребительской кооперации как правового явления, на этом основании предложить легальное определение соответствующего основополагающего понятия, разработать на его основе понятийные ряды для формирования направления и характера правового регулирования потребительской кооперации, придать правовым нормам структурную взаимосвязь.

Предположительно, это может повлечь постепенное формирование кооперативного права как института или совокупности институтов отрасли гражданского права. Поэтому правовые научные исследования в сфере потребительской кооперации можно признать перспективными.

В обоснование высказанного предположения об образовании в правовой системе отрасли гражданского права института потребительской кооперации следует выдвинуть тезисы, во-первых, о наличии в современной реальности правоотношений и норм, которые могут объединиться в этот институт, во-вторых, о предполагаемых системообразующих принципах этого института.

Принципы действительно только предполагаемые, поскольку действующее законодательство не содержало и не содержит их упоминания. Основные принципы создания и деятельности потребительского общества, которые перечислены в ст. 4 закона Российской Федерации от 19.06.1992 № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации»², не могут считаться принципами потребительской кооперации, что совершенно очевидно из текста этого нормативного документа.

Используя в качестве основной идеи, не требующей доказывания в настоящей статье, концепцию необусловленности правовых принципов, существующих в

1 О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 19.06.1992 № 3085-1.

2 О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 19.06.1992 № 3085-1.

общественном сознании, их нормативным оформлением (воплощением) попытаемся обнаружить правовые принципы потребительской кооперации в современном правовом сознании и описать их.

Анализ, во-первых, современного правового регулирования потребительской кооперации и, во-вторых, отношений по совместным закупкам делает очевидным тот факт, что законодатель пока не квалифицирует нестабильную форму потребительской кооперации как потребительскую кооперацию в юридическом смысле, а, соответственно, не видит необходимости в формулировании принципов потребительской кооперации как правового института.

Эмпирически наблюдаемые отношения по совместным закупкам делятся на две группы по критерию распределения экономических рисков по субъектам. Первая группа – экономические риски распределены равными долями по всем участникам закупки, что выражается в предоставлении денежных средств организатору закупки заранее, авансом, вторая группа – риски несут организаторы закупки, производя оплату всего товара за счет собственных средств, предварительно заручившись согласием остальных участников закупки оплатить товар в установленном объеме после его получения организатором. Организаторы закупки вступают в правовые отношения с продавцом товара, определяя предмет сделки, оплачивая стоимость товара.

В первом случае организатор совместной закупки является ее участником, чаще всего инициатором и фактически выступает представителем остальных участников группы потребителей. Во втором случае организатор закупок фактически является лицом, ведущим предпринимательскую деятельность без установленной законом регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

С позиции законодательства и в первом, и во втором случае заключается договор купли-продажи, причем стороной договора выступает одно и то же лицо – организатор закупки. На этом этапе можно сделать вывод о том, что субъектами фактической кооперации являются участники закупки, не являющиеся ее организаторами.

Возникает вопрос: возможно ли ввести в правовое поле эту фактическую потребительскую кооперацию. Ответ на этот вопрос требуется, в частности, для выработки правоприменительной практики по спорам между участниками совместной закупки, организатором совместной закупки и продавцом товара.

Совместную закупку в аспекте потребительской кооперации можно определить как сделку с множественностью лиц на стороне покупателя, направленную на снижение цены единицы закупаемой продукции за счет множественности покупателей. Предлагаемое определение, разумеется, требует уточнения и дополнения, но для определения правовой природы эмпирически наблюдаемого явления - совместных закупок - оно является достаточным и позволяет квалифицировать практически любую современную совместную закупку как договор розничной купли-продажи без множественности лиц на стороне продавца.

Таким образом, сложившаяся в настоящее время в общественном потребительском сознании оценка со-

вместных закупок как формы кооперации не соответствует правовому смыслу потребительской кооперации, а поэтому и не требует особого правового регулирования на данном этапе развития цифровых технологий.

В действительности широкой обсуждаемая проблематика защиты прав потребителей-участников совместных закупок возникла из-за отсутствия надлежащего оформления сделки. Вследствие этого участнику группы затруднительно определить организатора закупок как ответчика по иску, поскольку его фамилия, имя, отчество обычно неизвестно, известен только ник в сети «Интернет». Сведения о месте жительства организатора также не предоставляются, поэтому затруднено определение подсудности. Таким образом, перед нами проблема доказывания как отражение правового нигилизма и правовой необразованности участников совместной закупки.

Но нестабильная форма потребительской кооперации может быть введена в правовое поле в целях защиты прав участников совместной закупки как потребителей. Полагаем, что это возможно только при условии, если продавец товара заключает договор купли-продажи с множеством лиц на стороне покупателя. То есть если продавец будет являться организатором закупки. Практически это означает, например, ситуацию, когда продавец выставляет на своем сайте в сети «Интернет» лот (более одной единицы товара) по сниженной цене, предлагая любым лицам участвовать в аккумуляции на сайте продавца средств для выкупа лота, а затем осуществляет рассылку соответствующей доли лота каждому участнику сделки.

На основании изложенного можно предложить следующую формулировку одного из правовых принципов нестабильной формы потребительской кооперации – множественность физических лиц на стороне покупателя.

Пристатейный библиографический список

1. О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 19.06.1992 № 3085-1.

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

К ВОПРОСУ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ИМУЩЕСТВЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

В статье на основе позиции Конституционного Суда РФ, отраженной в постановлении от 26 октября 2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского», действующего гражданского законодательства и данных социологических исследований рассматривается право потерпевшего на компенсацию ему морального вреда, если преступление против собственности нарушает еще и его личные неимущественные права. Предлагаются некоторые критерии, которые могут быть в таком случае учтены судом при разрешении вопроса о возмещении морального вреда.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация, гражданско-правовая ответственность, вред от имущественного преступления, потерпевший от преступления.

STUPINA Svetlana Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

Ступина С. А.

ON THE ISSUE OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE CAUSED BY A PROPERTY CRIME

The article, based on the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, reflected in the resolution of October 26, 2021 No. 45-P "In the case of checking the constitutionality of Article 151 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S. F. Shilovsky", the current civil legislation and sociological research data, examines the victim's right to compensation for moral damage if a crime against property also violates his personal non-property rights. Some criteria are proposed that can be taken into account by the court in this case when resolving the issue of compensation for moral damage.

Keywords: moral damage, compensation, civil liability, damage from property crime, victim of crime.

Защита прав потерпевших от преступных посягательств обеспечивается, в том числе и прежде всего, повышением эффективности и обеспечением неотвратимости мер гражданско-правовой ответственности.

Следует заметить, что на сегодняшний день в современной науке гражданского права нет единой концепции гражданско-правовой ответственности, что во многом объясняется отсутствием такой концепции в отношении юридической ответственности в целом [1].

Одним из актуальных вопросов современной правоприменительной действительности в рассматриваемой сфере выступает вопрос о компенсации морального вреда, по которому до настоящего времени отсутствует четкое мнение. Причем это характерно как в рамках научного осмысления исследуемой ответственности, так и для правоприменительной практики. Для последней это является даже наиболее актуальной проблемой. Отсутствует научная концепция механизма и суммы исчисления компенсации морального вреда, нашедшая свое законодательное закрепление, что обуславливает его реальное возмещение в определенной мере как декларативное.

Отдельного внимания в свете современной позиции Конституционного Суда РФ, отраженной в постановлении от 26 октября 2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского» (далее Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П) заслуживает вопрос о компенсации морального вреда, причиненного в результате совершения преступления, в частности, против собственности.

Согласно данным официальной статистики МВД РФ о состоянии преступности материальный ущерб (по оконченным и приостановленным уголовным делам в тыс. руб.) в 2012 г. составлял 267774380, в 2013 г. – 386000102, в 2014 г. – 349335123, в 2015 г. – 436492001, в 2016 г. – 562628749, в 2017 г. – 408491411, в 2018 г. – 563079021, в 2019 г. – 627697445, в 2020 г. – 512835434.

В период за 11 месяцев 2021 г. ущерб от преступлений составил 765950449000, т.е. 766,0 млрд руб., что на 64,2% больше аналогичного показателя прошлого года.

При этом основной удельный вес в структуре ущерба приходится на ущерб от тяжких и особо тяжких преступлений экономической направленности (около 90%).

Данные официальной статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации содержат сведения лишь относительно компенсации морального вреда в связи с причинением вреда жизни и здоровью.

Что касается данных о компенсации морального вреда, зыскиваемого потерпевшими в связи с совершением в отношении них преступления, особенно экономической направленности, то в открытых официальных источниках нами такие сведения не установлены.

Вследствие этого обособленно обращение к данным социологических исследований.

Проведение в Красноярском крае опроса лиц, оказывающих юридическую помощь, более 60% из которых составили адвокаты, показало, что менее 30% из их клиентов, потерпевших от преступления, желают возместить причиненный им моральный вред [2, с. 30].

Так, на вопрос: «Укажите, насколько часто к Вам обращаются за помощью потерпевшие, желающие возместить причиненный им моральный вред» 87% ответили, что редко (<30% клиентов), 10% – иногда (>30% клиентов) и 3% – часто (>50 % клиентов).

Чаще всего обращаются с вопросом о возмещении морального вреда лица, имеющие высшее образование (более 65%) в возрасте от 30 до 44 лет (около 70%).

Представляет интерес анализ ответов на вопрос о составе преступлений, по которых чаще всего обращаются потерпевшие, желающие возместить причиненный им моральный вред. Так, на первом месте – по делам об убийстве – 45,9%, на втором – по умышленному причинению тяжкого вреда здоровью (36,1%), на третьем – по разбою (23%), на четвертом – по грабежу (16,4%), далее – по иным причинениям вреда здоровью (6,4%), по краже (3,3%), по мошенничеству

(3,3%), по изнасилованию (1,6%), по иным составам преступлений (1,8%) [1].

В то же время, желающих возместить материальный ущерб от преступления, больше всего по потерпевшим от кражи (79,5%), присвоения или растраты (32,9%), грабежа (20,5%), мошенничества (16,4%) и разбоя (11%) [1].

Согласно исследованиям по опросу лиц, которые совершили преступление, и прибегли к процедуре примирения в порядке ст. 25 УПК РФ установлено, что моральный вред они возместили потерпевшим менее, чем в половине случаев. Также ими было отмечено, что со стороны сотрудников правоохранительных органов, в производстве которых находилось уголовное дело, не всегда оказывалось содействие для добровольного возмещения причиненного преступлением ущерба и компенсации морального вреда [2, с. 30].

Данные по результатам опроса респондентов показывают, что современная правоприменительная практика ориентирована на возмещение морального вреда потерпевшим от преступления только, если причиняется вред нематериальным благам, неимущественным правам, что вполне согласуется с традиционным пониманием основания и условий для компенсации такого вреда в соответствии с положениями ст. 151 и 1099 ГК РФ.

Закономерным следствием такого положения стало Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П и признание Конституционным Судом РФ ч. 1 ст. 151 ГК РФ не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 21 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 56 (часть 3), в той мере, в какой она - по смыслу, придаваемому ей судебным толкованием (в том числе во взаимосвязи с п. 2 ст. 1099 ГК РФ), – служит основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права потерпевшего, без установления на основе исследования фактических обстоятельств дела того, причинены ли потерпевшему от указанного преступления физические или нравственные страдания вследствие нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага.

Заметим, что в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» обращается внимание судов на то, что, гражданский иск о компенсации морального вреда может быть предъявлен по уголовному делу, когда такой вред причинен потерпевшему преступными действиями, нарушающими его личные неимущественные права (например, права на неприкосновенность жилища, частной жизни, личную и семейную тайну, авторские и смежные права) либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности и др.).

Далее Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что гражданский иск о компенсации морального вреда обоснован и в случаях, когда в результате преступления, посягающего на чужое имущество или другие материальные блага, вред причиняется также личным неимущественным правам либо принадлежащим потерпевшему нематериальным благам (например, при разбое, краже с незаконным проникновением в жилище, мошенничестве, совершенном с использованием персональных данных лица без его согласия).

В п. 7 Постановления Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П содержится, по нашему мнению, важное разъяснение, которое существенно окажет влияние и на научные взгляды, и на правоприменительную практику, поскольку Конституционный Суд РФ отмечает возможность физических и нравственных страданий потерпевшему от преступлений против собственности в случае совершения преступления в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в тяжелой жизненной ситуации, обусловленной, в частности, утратой близкого человека.

Таким образом, на сегодняшний день Конституционным Судом РФ определен более широкий подход к возможности компенсации морального вреда потерпевшим от преступления, выходящий за рамки ранее традиционного, заключающегося в том, что моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, подлежит компенсации лишь в случаях, предусмотренных законом.

Соответственно любое из преступных деяний, посягающих на отношения собственности, может затрагивать и до-

стоинство личности потерпевшего, тем самым причиняя ему нравственные страдания.

В этой связи можно заметить, что актуальным становится и вопрос о признании для таких преступлений, особенно кражи, мошенничества, присвоения и растраты, личности в качестве факультативного объекта посягательства.

Возможен и вариант введения в рассматриваемые составы преступления такого квалифицирующего признака, как «совершение деяния в отношении лица, заведомо для виновного, находящегося в тяжелой жизненной ситуации».

Последний вариант, без сомнения, однозначно вписывается в существующую правовую концепцию компенсации морального вреда, поскольку в таком случае само посягательство на имущество будет охватывать и посягательство на нематериальные блага, что охватывается толкованием п. 1 ст. 151 ГК РФ во взаимосвязи с п. 2 ст. 1099 ГК РФ.

Однако, по нашему мнению, такой вариант для уголовного законодательства чреват его зависимостью от гражданского и не способствует его оптимизации.

Кроме этого, сформированная Конституционным Судом РФ позиция имеет широкое влияние на правоприменительную практику и позволяет применить отраженный в постановлении подход и к другим преступлениям.

Рассматривая критерии, которые могут быть положены в обоснование требования о компенсации морального вреда, и свидетельствующие о причинении физических или нравственных страданий потерпевшему от преступления, в том числе против собственности, могут выступать такие как, например, хищение имущества у категории граждан, имеющих право на получение социальной помощи, в виде сумм адресной социальной помощи, оказываемой за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов и внебюджетных фондов, или у лиц, из малоимущих семей, малоимущих одиноко проживающих граждан, а также иных категорий граждан, указанных в Федеральном законе от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной социальной помощи», имеющих право на предоставление социальных пособий, социальных доплат к пенсии, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров.

Кроме этого, могут быть учтены личные обстоятельства, сложившиеся у потерпевшего, связанные с наличием иждивенцев, состоянием его здоровья и аналогичные.

Вследствие вышеизложенного возникает вопрос и о разработке механизма определения размера суммы, подлежащей к выплате в качестве компенсации морального вреда.

Полагаем, что заслуживает внимания подход, выработанный Г. Горшенковым, который предлагает использовать принятый в криминологии коэффициент относительности тяжести отдельных видов наказания, который следует умножить на МРОТ, а полученную базовую величину размера компенсации морального вреда впоследствии необходимо уточнить в зависимости от конкретных, заслуживающих внимание, обстоятельств [3].

Таким образом, как никогда в современном нормативно-правовом поле назрела необходимость разработки правовых основ для эффективного применения механизма компенсации морального вреда.

Пристатейный библиографический список

1. Ступина С. А., Власов В. А., Шинкевич М. В., Глубокая М. В., Тур О. В., Шерстяных А. С. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный преступлением // Отчет о НИР № п. 28 Плана научной деятельности СибЮИ МВД России от 26.10.2016 (МВД России).
2. Ступина С. А., Шерстяных А. С. Правовые формы восстановления гражданских прав, нарушенных преступлением: некоторые аспекты теории и современной правоприменительной практики // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 4 (30). – С. 26-33.
3. Горшенков Г. Г. Моральный вред и его компенсация по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 1996. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissertcat.com/content/moralnyi-vred-i-ego-kompensatsiya-porossiiskomu-zakonodatelstvu>. (дата обращения: 08.01.2022).

ТАГАЕВА Санавбар Назиркуловна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Университета управления «ТИСБИ»

СПИРИДОНОВ Сергей Андреевич

аспирант Университета управления «ТИСБИ»

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Статья посвящена состоянию и перспективам международного сотрудничества по делам о трансграничной несостоятельности (банкротства) в рамках Содружества независимых государств.

По мнению авторов, в условиях тесных экономических, социальных, исторических и правовых взаимоотношений между странами Содружества независимых государств отход от процессуальной концепции территориализма будет способствовать обеспечению равных имущественных прав всех кредиторов, находящихся на территории стран-участниц и будет направлен на гармонизацию положений их законодательства, касающихся вопросов трансграничной несостоятельности (банкротства).

Ключевые слова: трансграничное банкротство, Содружество независимых государств, территориализм, универсализм.

TAGAEVA Sanavbar Nazirkulovna

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Civil and business law sub-faculty of the University of Management «TISBI»

SPIRIDONOV Sergey Andreevich

postgraduate student of the University of Management «TISBI»

PROBLEMS AND PROSPECTS OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER INSOLVENCY (BANKRUPTCY) IN THE COUNTRIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

The article is devoted to the state and prospects of international cooperation in cases of cross-border insolvency (bankruptcy) within the framework of the Commonwealth of Independent States.

According to the authors, in the context of close economic, social, historical and legal relations between the countries of the Commonwealth of Independent States, a departure from the procedural concept of territorialism will help ensure equal property rights of all creditors located on the territory of the participating countries and will be aimed at harmonizing the provisions of their legislation relating to issues cross-border insolvency (bankruptcy).

Keywords: cross-border bankruptcy, Commonwealth of Independent States, territorialism, universalism.

Последствия экономического кризиса, глобальное распространение Ковид-19 оказали отрицательное влияние на финансовую стабильность граждан и юридических лиц, что повлекло увеличение количества дел, связанных с банкротством. В связи с этим, внимание к проблемам банкротства с практической и теоретической позиции возросло.

Одними из пробельных сфер, связанных с регулированием отношений по несостоятельности субъектов, осложненных иностранным элементом, являются вопросы трансграничного банкротства. Трансграничное банкротство не получило должного правового регулирования на международном уровне, за исключением случаев разработки Комиссией Организации Объединенных Наций по праву международной торговли Типового закона о трансграничной несостоятельности 15.12.1997 г., имеющего рекомендательный характер и принятием в рамках Европейского Союза 20.05.2015 г. Регламента ЕС № 2015/848 о процедуре несостоятельности. К регионам, в которых не развито международное сотрудничество в сфере трансграничного банкротства и отсутствует коллизионное регулирование несостоятельности, осложненной «иностранным элементом» относится территория Содружества независимых государств.

Понятие трансграничной несостоятельности не получило правового регулирования в российском законодательстве. В ст. 1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» урегулированы лишь усло-

вия признания иностранных судебных решений по делам о банкротстве. В качестве таких условий российское законодательство называет наличие международного договора. При отсутствии надгосударственных регуляторов происходит обращение к практике применения принципа взаимности, однако отсутствие таковой, зачастую позволяет отказать в признании иностранного судебного решения о банкротстве.

Министерством экономического развития РФ в 2011 году был разработан проект закона о трансграничной несостоятельности, который так и не был внесен на рассмотрение парламента страны. Областью регулирования вышеупомянутого закона должны были стать вопросы компетенции арбитражных судов РФ по делам о трансграничном банкротстве, вопросы применимого права, вопросы признания и исполнения иностранных судебных решений и др.

В проекте предложено понятие трансграничного банкротства, под которым понимаются отношения, связанные с банкротством и финансовым оздоровлением российских и иностранных юридических лиц, в также индивидуальных предпринимателей, осложненные иностранным элементом, в том числе в случаях, когда имущество должника находится за границей, кредитор должника является иностранным гражданином или иностранным юридическим лицом, в отношении должника возбуждено иностранное производство [1]. Но в силу того, что проект не принят, его положения могут рассматриваться в качестве научной разработки, направ-

ленной на восполнение пробелов в действующем законодательстве, регулирующем сферу банкротства.

Основными вопросами при трансграничном банкротстве являются: во-первых, процессуальные проблемы, связанные с выбором компетентной юрисдикции. В данном случае, возникает необходимость законодательного закрепления одной из процессуальных концепций трансграничного банкротства, выработанной наукой и сложившейся в результате правоприменительной деятельности: универсализма (одно производство с одним порядком либо один порядок с учетом законодательств нескольких государств), территориализма (нескольких параллельных производств на территории нескольких стран либо наличие нескольких производств: основного (места нахождения основных интересов) и вторичных производств). Во-вторых, разрешение коллизивной проблемы о выборе компетентного законодательства в деле о трансграничном банкротстве. В-третьих, проблемы признания и исполнения иностранного судебного решения о банкротстве на территории России и др.

Отсутствие правовой регламентации понятия, выявленных признаков и особенностей трансграничного банкротства в национальном законодательстве стран Содружества независимых государств, а также в международных соглашениях, в которых они участвуют, обуславливает использование тех результатов, которые были выработаны наукой. В юридической литературе предложены различные понятия трансграничного банкротства. В частности, Л.Ю. Собина считая категории «несостоятельность» и «банкротство» синонимами, определяет трансграничную несостоятельность (трансграничное банкротство) в качестве института, который состоит из совокупности норм, регулирующих отношения, возникающие в связи трансграничной несостоятельностью, т.е. несостоятельностью должника, находящегося в ином порядке, нежели его активы и (или) кредиторы [5, с. 19]. В принципе отечественное законодательство о банкротстве признает категории «несостоятельность» и «банкротство» синонимичными, хотя банкротству предшествует несостоятельность должника.

В свою очередь, Ханахмедов А.Ф., Мишальченко Ю.В. признавая необходимость разделения и отдельного рассмотрения понятий «банкротство» и «несостоятельность», считают, что трансграничная несостоятельность представляет собой отношения, связанные с признанием неспособности лица оплатить свои долги в должном объеме и в надлежащий срок в рамках соответствующей процедуры ликвидации или реорганизации, в которых проявляется юридическая связь с порядками разных стран, как то: нахождение имущества должника за границей, предъявление требований иностранными кредиторами, признание и исполнение решения в отношении должника за рубежом и т.п. [6, с. 14].

По мнению К.Ю. Миронова трансграничная несостоятельность представляет собой особый режим несостоятельности, осложненная «иностранном элементом» [2, с. 147].

В свою очередь Е.В. Мохова считает, что трансграничная несостоятельность представляет собой совокупность правоотношений, которые возникают при несостоятельности субъекта и при осложнении их «иностранной составляющей», которая проявляется в участии в правоотношениях должника и кредиторов, относящихся к различным правовым системам; в участии в правоотношениях должника или участников (учредителей) юридического лица, относящихся к различным порядкам; в нахождении имущества должника за пре-

делами страны; в наличии производств о банкротстве в различных двух и более порядках [3, с. 2].

Все специалисты, исследующие правовую природу трансграничного банкротства сходятся в том, что для характеристики несостоятельности субъекта гражданского правоотношения трансграничной должен наличествовать «иностраннный элемент», который может иметь одно или несколько проявлений, в частности, в субъектном составе, представленный иностранными кредиторами, иностранным должником или иностранным участником (учредителем) должника; в объекте: имуществом должника, на которое обращается взыскание, находящимся на территории иностранного государства или нескольких государств; в юридическом факте: правах требования возникших в иностранном государстве, или в производстве по делу о несостоятельности начатом на территории одного или нескольких государств.

В рамках Содружества независимых государств имеются международные соглашения, которые косвенно затрагивают проблемы международного сотрудничества в сфере разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности и признания, исполнения иностранных судебных решений, а международных договоров, позволяющих гармонизировать законодательства стран СНГ и осуществлять сотрудничество в области трансграничного банкротства, нет. Безусловно, это отрицательно сказывается на разрешении вопросов, связанных с трансграничным банкротством, в частности, и на привлекательности инвестиционного климата стран-участниц Содружества, в целом.

Если говорить непосредственно о трансграничном банкротстве, то вариант развития правового регулирования предложен в рамках принятого 2005 году Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества независимых государств № 26-8 Модельного закона о банкротстве банков. В частности, глава 8 указанного источника посвящена трансграничному банкротству, однако само понятие данного правового явления в Модельном законе отсутствует.

В Модельном законе предусмотрены основания и порядок признания банкротом банков и других кредитных организаций, приравненных к банкам в соответствии с внутренним законодательством. Важной нормой Модельного закона о банкротстве является регламентация условий о признании доказательств неспособности банка на основании решения иностранного суда. Если в отношении банка начато иностранное производство на основании актов регулирующего органа, оно признается начатым и на территории стран, имплементировавших нормы Модельного закона.

Наличие иностранного производства в отношении банка не ограничивает возможность оказания содействия в принятии и реализации мер, направленных на координацию указанного судебного разбирательства.

Модельный закон регламентирует условия для сохранения конфиденциальности информации между участниками судебного разбирательства, несмотря на наличие иностранного производства в деле о банкротстве банка.

Особенностью данного Модельного закона является признание в качестве определяющей концепцию универсализма, что является прогрессивным шагом в правовом регулировании процессуальных аспектов дел о банкротстве. Основная идея универсализма заключается в том, что производство по делу в отношении банка-должника должно осуществляться в уполномоченном суде одного государства, с учетом всех требований кредиторов и с учетом всей имущественной массы).

Модельный закон не является международным договором, а представляет собой документ рекомендательного характера, направленный на сближение законодательств стран СНГ в области правовой регламентации банкротства во внутреннем законодательстве. Он не имеет целью развитие сотрудничества в данной области. Безусловно, гармонизация законодательств стран-участниц СНГ в области банкротства позволит рассматривать возникающие проблемы с общих позиций. Несмотря на это, значение международного сотрудничества в данной области велико, и оно позволило бы выработать в качестве определяющих в делах о банкротстве наиболее приемлемые для пространства СНГ концепции законодательства о банкротстве.

Разработанный в 1997 году Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ Модельный закон № 10-17 определяет вопросы подведомственности и подсудности дел о банкротстве. Так, в качестве определяющего критерия для обращения в суд на определенной территории является место нахождения или место жительства должника. Конкурсная масса формируется за счет имущества должника, имеющегося на момент открытия конкурсного производства или выявленного в тот же период.

Вопросы трансграничной несостоятельности не урегулированы Модельным законом о несостоятельности (банкротстве). Имеющие положения данного документа свидетельствуют о принятии в качестве ключевой концепции территориальности. Это согласуется с положениями внутреннего законодательства, регулирующего вопросы несостоятельности (банкротства), большинства стран СНГ. В данном случае, к иностранным физическим и юридическим лицам по делам о несостоятельности (банкротстве) применяется национальный режим, их права и обязанности приравнены к правам граждан и отечественных юридических лиц. Однако, на имеющиеся сложности, связанные с участием в делах о несостоятельности на территории России иностранных кредиторов, указывалось в специальной литературе. Так, А.П. Бандина отмечает наличие проблем с легализацией иностранными кредиторами документов, подтверждающих их статус и заявленные требования и отсутствие в российском законодательстве особого порядка доведения до сведения иностранных кредиторов информации об открытии производства о несостоятельности (банкротстве) [1, с. 8]. Безусловно, это усложняет возможность реализации иностранными кредиторами прав на защиту при рассмотрении дела о несостоятельности (банкротстве).

Несмотря на предоставленную возможность защитить свои права в рамках российской юрисдикции, иностранные кредиторы могут наряду с имеющимся производством о несостоятельности (банкротстве) в России возбудить параллельное производство о несостоятельности (банкротстве) за границей, если имеется на территории государства их проживания или нахождения имущество должника. Существующее правовое регулирование не способствует сотрудничеству между государствами в целях обеспечения прав и интересов всех кредиторов.

В условиях тесных экономических, социальных, исторических и правовых взаимоотношений между странами Содружества независимых государств отход от концепции территориализма будет способствовать обеспечению равных имущественных прав всех кредиторов, находящихся на территории стран-участниц и будет направлен на гармонизацию их законодательств, касающихся вопросов трансграничной несостоятельности (банкротства).

Признанная и широко используемая на практике между странами Содружества независимых государств модель международного сотрудничества и правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам доказала свою эффективность и, следовательно, может быть использована и при возбуждении производства о признании лица несостоятельным (банкротом) на территории нескольких стран и его дальнейшем рассмотрении в одной из стран-участниц.

Пристатейный библиографический список

1. Бандина А.П. Некоторые особенности правового статуса иностранного кредитора в рамках трансграничной несостоятельности // Современная наука. 2010. № 2 (2). С. 7-10.
2. Миронов К.Ю. Источники правового регулирования трансграничной несостоятельности // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 4 (44). С. 147-154.
3. Мохова Е.В. Несостоятельность, осложненная иностранным элементом: вызовы российской судебной практики // Предпринимательское право. 2013. № 2. С. 2-10.
4. Проект Федерального закона «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: docs.cntd.ru (Дата обращения 12.01.2022).
5. Собина, Л. Ю. Признание иностранных банкротств в международном частном праве. М.: Статут, 2012. 236 с.
6. Ханахмедов А.Ф., Мишальченко Ю.В. Проблема трансграничной несостоятельности (банкротства) в международном частном праве // Наука, образование и культура. 2021. № 2 (57). С. 14-17.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-189-190

ТУМАНОВ Эльдар Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, Российский университет транспорта, г. Москва tumanov_roat_dot@bk.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОСТЬ ПУТЁМ ПРИМЕНЕНИЯ ВИНДИКАЦИОННОГО ИСКА

Автор статьи дает оценку правового состояния (определенности) такого способа защиты прав собственности, как виндикационный иск. Автором отмечается, что виндикационный иск имеет отличия от иных способов защиты прав собственности, а также некоторые особенности, которые со стороны участников отношений не всегда учитываются. Основной вывод затрагивает недостаточность законодательного внимания к вопросу использования такого иска на практике, что опять же свидетельствует о необходимости совершенствования механизма его использования в судебном производстве.

Ключевые слова: защита прав, виндикационный иск, недвижимость, гражданское законодательство, судебное производство.

TUMANOV Eldar Valerievich

candidate of law, associate professor, Russian University of transport, Moscow tumanov_roat_dot@bk.ru

SOME FEATURES OF THE PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS TO REAL ESTATE BY APPLICATION OF A REVIEW CLAIM

The author of the article gives an assessment of the legal status (certainty) of such a method of protecting property rights as a vindication claim. The author notes that the vindication claim differs from other ways of protecting property rights, as well as some features that are not always taken into account by the participants in the relationship. The main conclusion touches upon the lack of legislative attention to the issue of using such a claim in practice, which again indicates the need to improve the mechanism for its use in court proceedings.

Keywords: protection of rights, vindication claim, real estate, civil law, court proceedings.

Правоприменительная практика использования механизма защиты прав собственников посредством такого способа, как подача виндикационного иска, показывает, что указанный способ является не просто самым распространенным в судебном производстве, но и одним из самых эффективных методов установления факта нарушенных прав, а также восстановления положения пострадавшей стороны в её правах. Вместе с тем значительная часть исследований, затрагивающих правильность применения основ виндикационного иска, а также объективность оценки (обоснованности) использования такого инструментария в современной цивилистике, все чаще затрагивает возникающие проблемы его использования не просто с точки зрения правовой обусловленности, но и с позиции того, что данный формат гражданско-правового регулирования несколько утрачивает свою актуальность и должен совершенствоваться с учетом новых реалий [1, с. 50].

В основном это касается тех моментов, где участники гражданских правоотношений допускают различные нарушения, связанные с тем, что при подаче такого иска ими не в полной мере были учтены свойства виндикации [2, с. 8].

Вместе с тем виндикационный иск имеет отличия от иных способов защиты прав собственности, а также некоторые особенности, которые со стороны участников отношений не всегда учитываются. В частности, к одной из таких особенностей относится то, что в основу подачи виндикационного иска необходимо вложить достаточные сведения о наличии права собственности на конкретный объект недвижимости, а точнее на устойчивую правовую взаимосвязь с таким объектом.

Указанный посыл нашел свое законодательное отражение в положениях действующего законодательства, где, во-первых, установлено, что обязанность приводить доказательства своей позиции и, соответственно, обосновывать действительность тех или иных обстоятельств по части спорного имущества лежит на истце (ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ)¹), а, во-вторых, возможность влиять на положение спорного объекта недвижимости (путем продажи или дарения) со стороны истца исключает удовлетворение такого иска, поскольку природа виндикационной защиты не представляет возможности использования недвижимого имущества [3, с. 80].

Другим немаловажным аспектом в данном порядке вещей является то, что подача виндикационного иска к добросовестному приобретателю относительно истребования из его владения недвижимого имущества возможна только в том случае, если с момента регистрации прав на спорное имущество не прошло трех лет. В данном случае обязанность доказывания, что имущество вышло из владения вследствие нарушений действующего законодательства также лежит на истце. В свою очередь, на это же лицо возлагается бремя предоставления сведений о том, что приобретатель имущества при его покупке вел себя недобросовестно². Подтверждением чему служат различные решения судов общей юрисдикции, а также арбитражных судов. Так, в одном из определений Верховного Суда РФ³, затронувшем вопрос определения права собственности на спорное имущество, было отражено решение о том, что если ранее лицо не приобрело права собственности на конкретное имущество, то и выступать в качестве распорядителя таким имуществом оно не должно.

Учитывая данную позицию, логично заключить, что именно официальная регистрация прав на недвижимое имущество со стороны конкретного лица рассматривается в качестве основного признака применения виндикационной модели защиты такого права при условии его нарушения. Вместе с тем, как следует из того же решения, возможность защиты своего имущества, в случае отсутствия такой регистрации, также может быть реализована посредством подачи виндикационного иска при условии, что алгоритм подачи такого иска должен производиться с учетом правил, установленных ст.ст. 223 и 302 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)⁴.

Однако некоторыми исследователями такая позиция отвергается. Причиной указанному несогласию, как отмечает ис-

1 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // Собрание законодательства РФ. – 18.11.2002. – № 46. – Ст. 4532.

2 Федеральный закон от 16.12.2019 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 23.12.2019. – № 51 (часть I). – Ст. 7482.

3 Определение Верховного Суда РФ от 15.05.2012 № 67-В11-10. В случае если квартиры были переданы в собственность лицам, при разрешении спора о признании права собственности на результат инвестиционной деятельности суду следует установить субъектов инвестиционной деятельности // Документ опубликован не был.

4 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.

следователь Д. С. Бизюков, служит то обстоятельство, что различные объекты недвижимого имущества (дом, квартира) не всегда могут представлять собой одно неделимое целое (неделимая вещь), а также в силу того, что недвижимость могла быть приобретена лицом, право на приобретение которого было реализовано им с нарушениями установленных правил. Здесь парадигма защиты прав собственника может иметь несколько иные очертания [4, с. 98].

Примером подобного развития событий может являться случай, когда имущество либо часть такого имущества связаны с так называемым временным владением со стороны вообще третьего лица, перешли к нему по причине того, что сторона, реально претендующая на него, не может отстаивать свои интересы как самостоятельно, так и через представителя. Сюда же можно отнести ситуацию, когда в отношении спорного имущества не может быть заявлено никаких требований, так как оно пока не стало объектом оборота, либо отсутствуют потенциальные собственники (временное отсутствие наследника).

Следует отметить, что такое право на практике возникает у лица лишь при условии определенной осведомленности о его наличии, в то время как объект недвижимости фактически находится в распоряжении тех лиц, чье положение и временное владение им также обусловлено законным интересом на его приобретение (к примеру, органы местного самоуправления – в силу приобретательной давности). Данная позиция была отражена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 29.04.2010 года, согласно положениям которого такие модели гражданско-правового владения, как наследуемое владение, оперативное управление, а также хозяйственное ведение, могут выступать в качестве оснований, предоставляющих возможность приобретения права собственности на недвижимое имущество⁵.

Другим признаком реализации способа виндикационного свойства служит возможность инициации искового производства, если подача иска обусловлена таким обстоятельством, как активное использование объекта недвижимости в целях получения любой выгоды или дохода. Кроме этого, подача искового заявления может быть обусловлена и иными причинами использования недвижимого имущества, включая извлечение из его владения иных полезных качеств, а также распоряжение им в своих личных интересах. Здесь вопрос определения использования такого имущества может строиться на так называемом косвенном факте, к примеру, если недвижимость была использована вслепую, без надлежащего уведомления. При этом исковое заявление к лицу, которое владеет имуществом, но в процессе разбирательства утратило взаимосвязь с ним, удовлетворено не будет. Как показывает практика, такие споры прекращаются на стадии подготовки к гражданскому делу, а суды, определяя логичность вынесения таких решений, исходят из того, что основным принципом виндикации является извлечение спорного объекта из рук непосредственного собственника (владельца) [5, с. 62].

Верховный Суд РФ, изучив практику вынесения таких решений, указал, что суды, даже если спорная вещь уже находится в пользовании иного лица, обязаны привлекать для участия в процессе и предыдущего владельца (бывшего собственника недвижимости), попутно затрагивая такой аспект передачи имущества, как его логичный и последовательный переход от одного лица к другому. Высшей судебной инстанцией было также указано, что это необходимо для того, чтобы исключить вероятность незаконного прекращения судебного разбирательства. При указанной позиции судам просто необходимо, руководствуясь ст. 40 ГПК РФ и ст. 46 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁶, произвести замену ответчика надлежащим лицом. Одновременно с этим было обращено внимание и на то, что ход судебного разбирательства определяется с учетом стороны, признанной надлежащим ответчиком по делу [6, с. 13].

И наконец, еще одной особенностью использования такого способа защиты вещных прав, как виндикационный иск, яв-

ляется то, что истребование недвижимости по такому иску возможно лишь при условии, что все физические свойства объекта на момент рассмотрения дела сохранены, и суд имеет возможность разрешать данный спор с учетом соблюдения передачи законному владельцу именно той вещи, которая и является предметом рассматриваемого иска. Доказательством чему служит позиция Высшего Арбитражного Суда РФ, выраженная в одном из своих постановлений⁷. В частности, было признано, что именно только когда имеется реальная возможность точно идентифицировать объект недвижимости, предъявляется виндикационное требование.

Отдельной проблемой предъявления виндикационного иска является невозможность взыскания доходов с лица, полученных вследствие неправомерного использования недвижимого имущества. Здесь законодательная логика пошла по пути дифференциации гражданско-правовой ответственности, определяя её путем разделения на законное владение и незаконное (ст. 303 ГК РФ).

Таким образом, первопричиной сбоев, наблюдаемых в нарушениях, допускаемых в ходе подачи виндикационного иска, является недостаточная нормативная неопределенность, которая, затрагивая правовое положение истца и ответчика, характер отношений, вследствие которых недвижимость переходила от одного лица к другому, а также свойства недвижимого имущества, по-прежнему влияет на разрешение споров, связанных с его оборотом.

Пристатейный библиографический список

1. Стрельников П. А. Виндикационный иск как правовая мера защиты имущественных прав юридических лиц // Юрист. – 2021. – № 5. – С. 49-55.
2. Пинская Е. В. Актуальные проблемы приобретения и защиты права собственности / Е. В. Пинская, И. Н. Барышникова // Студенческая наука института открытого и дистанционного образования: Сборник материалов 1-й студенческой научной конференции, Челябинск, 04 июня 2020 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Южно-Уральский государственный университет, Институт открытого и дистанционного образования. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. – С. 7-12.
3. Дзыгун Д. А. Теоретические и практические проблемы истребования имущества из чужого незаконного владения // Актуальные вопросы современной науки и образования: Сборник материалов VIII научно-практической конференции с международным участием, Мурманск, 08 февраля 2021 года. – Москва: Московский гуманитарно-экономический университет, 2021. – С. 78-82.
4. Бизюков Д. С. Теоретико-правовые аспекты истребования имущества из чужого незаконного владения // Правовые проблемы организации интеллектуальной деятельности в вооруженных Силах Российской Федерации: сборник статей научно-практической конференции, Москва, 15 октября 2021 года / Военный университет Министерства обороны РФ. – Москва: Университетская книга, 2021. – С. 96-99.
5. Карпунина Н. А. Участники судебного разбирательства по спорам, связанным с защитой права собственности // Человек. Социум. Общество. – 2021. – № 6. – С. 58-69.
6. Боброва О. В. Теоретические и практические вопросы участия прокурора в арбитражном судопроизводстве по виндикационным требованиям // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 5(85). – С. 5-18.
7. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.10.2011 по делу № А54-6434/2010 По делу о признании права собственности на трансформаторную подстанцию, линию электропередачи, передвижную дробильно-сортировочную установку (основное требование). По делу о государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество – линию электропередачи (встречное требование) // Документ опубликован не был.

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 7, июль. – 2010.

6 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3012.

ЦАРАПКИН Денис Петрович

магистрант 1 курса Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ УКАЗАНИЕ

В статье исследуются проблемные аспекты правового регулирования исключительного права на географическое указание, в связи с последними изменениями действующего законодательства. Уделяется внимание фактам недобросовестности при осуществлении участниками гражданского оборота права на географическое указание, а также затрагиваются вопросы субъектного состава данного обозначения.

Ключевые слова: географическое указание, исключительное право, правообладатель, содержание исключительного права, средство индивидуализации.

TSARAPKIN Denis Petrovich

magister student of the 1st course of the N. P. Ogarev Mordovian State University

EXERCISE OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO A GEOGRAPHICAL INDICATION

The article examines the problematic aspects of the legal regulation of the exclusive right to a geographical indication, in connection with the latest changes in the current legislation. Attention is paid to the facts of bad faith in the exercise by participants in civil circulation of the right to a geographical indication, as well as the issues of the subject composition of this designation.

Keywords: geographical indication, exclusive right, copyright holder, the content of the exclusive right, means of individualization.

Царапкин Д. П.

До недавнего времени в законодательстве РФ отсутствовало понятие географического указания (далее – ГУ), что вызывало множество споров, как в научных кругах, так и на практике. В связи с этим в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) были внесены поправки, в части предоставления правовой охраны ГУ и «объединения» его правового режима со схожим средством индивидуализации – наименованием места происхождения товара (далее – НМПТ).

Правовое регулирование было обусловлено наличием сложных правовых конструкций, предъявляемых к требованиям регистрации и использования НМПТ. В частности, производители сталкивались с проблемой доказывания особых свойств своего товара, что приводило к снижению спроса на данное обозначение. Кроме того, стоял вопрос о поддержке региональной инфраструктуры в области стимулирования и продвижения товаров местного производства.

Согласно легальному определению, вытекающему из ст. 1516 ГК РФ, под географическим указанием понимается «обозначение, идентифицирующее происходящий с территории географического объекта товар, определенное качество, репутация или другие характеристики которого в значительной степени связаны с его географическим происхождением (характеристики товара)».

Среди основных плюсов регистрации ГУ можно выделить следующее:

1. В отличие от НМПТ законодатель не предъявляет к ГУ строгих требований относительно обязательного наличия особых свойств товара. Но при этом, ГУ должно содержать сведения о характеристиках товара. К их числу относят: качество продукта, его репутация на рынке, внешний вид, физико-химические показатели, условия производства и т.д.

2. ГУ может быть предоставлена правовая охрана, если хотя бы одна из стадий производства товара осуществляется на территории, которая оказывает влияние на формирование определенных характеристик продукта.

В свою очередь НМПТ должно указывать на конкретную местность производства товара, что накладывает запрет на перемещение хотя бы одной стадии создания продукта на территорию иного географического района [6, с. 141].

3. Для регистрации ГУ не требуется предоставление в Роспатент соответствующего заключения уполномоченного органа о том, что товар обладает специальными характеристиками, чего нельзя сказать о НМПТ, т.к. там это условие обязательно, особые свойства должны быть подтверждены [5, с. 22]. Это связано с тем, что в содержание обозначения входит не только «прямое или косвенное указание на то, что продукция произведена на конкретной территории», но и то, что её особенности «обусловлены природными или людскими факторами», связанными с территорией производства товара [3, с. 471].

ГК РФ предоставляет обладателю исключительного права на ГУ широкий перечень способов его применения в гражданском обороте. Так положения ст. 1519 ГК РФ, раскрывая содержание исключительного права на данное обозначение, упоминают почти все доступные, и применимые на практике способы его использования в целях индивидуализации товаров.

Определенные сложности возникают при толковании субъектного состава правообладателей исключительного права на ГУ. Это связано с тем, что в ст. 1518 ГК РФ говорится о такой категории субъектов, как граждане. В связи с этим возникает логичный вопрос, в каком качестве они выступают: ИП или ФЛ?

Исходя из общих положений правового статуса субъектов, имеющих в своем распоряжении то или иное средство индивидуализации товара, мы, прежде всего, имеем в виду лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, т.е. ИП, коммерческие организации и за редким исключением НКО. Граждан, законодатель по большому счету рассматривает как физических лиц, а индивидуальных предпринимателей приравнивал к ЮЛ, с учетом специфики их деятельности.

Масло в огонь подливает формулировка ст. 1536 ГК РФ, которая к числу оснований утраты исключительного права на ГУ относит смерть гражданина-правообладателя, тем самым косвенно указывая на участие в данных правоотношениях гражданина, как физического лица.

Ввиду этого для устранения подобных коллизий стоит внести поправки в §3 Главы 76 ГК РФ, конкретизировав и указав не гражданина, а ИП, как самостоятельного участника отношений по поводу возможности обладания такими средствами индивидуализации, как ГУ и НМПП.

Продолжая рассматривать субъектный состав, следует обратить внимание на разногласия, которые могут возникнуть между будущим правообладателем ГУ и регистрирующим органом, когда заявка подается не самим товаропроизводителем, а лицом, косвенно участвующим в производстве продукта. Например, при выполнении последним функций организации или управления в отношении самих товаропроизводителей, а также, осуществления контроля над качеством продукта и т.п.

Поэтому, чтобы у заинтересованного лица не было возможности аннулировать регистрацию ГУ, а у Роспатента не принять заявку, стоит внести изменения в ГК РФ в части предоставления возможности участия на стороне правообладателя ГУ лица, тем или иным образом связанного с производством товара на соответствующей территории.

Анализ содержания исключительного права на ГУ позволяет говорить о возможном использовании данного средства индивидуализации несколькими лицами совместно. При этом неважно, заключено между ними соглашение или каждый действует самостоятельно. На практике подавляющее большинство лиц предпочитают самостоятельно использовать обозначение, с целью избежать всякого рода договоренностей и вытекающих из них обязательств.

Множественность субъектов на стороне правообладателя ГУ наводит на мысль об отсутствии исключительного характера права, в том смысле, в котором мы привыкли его понимать.

Одни исследователи придерживаются той мысли, что исключительность выражается именно в абсолютном характере правоотношений [2, с. 312]. Однако с этим нельзя полностью согласиться, так как в классическом варианте только одному управомоченному лицу противостоит неопределенный круг обязанных лиц, а в нашем случае, число управомоченных может достигать двух, трех и более субъектов.

Вторые считают, что исключительное право на ГУ имеет усеченный характер. Он проявляется в том, что конструкция абсолютных правоотношений выстроена немного иным способом, а именно, допускается сосуществование нескольких управомоченных лиц с одной стороны, но с другой, устанавливается запрет на использование средства индивидуализации третьими лицами без согласия правообладателя (т.е.

количество правообладателей не умаляет исключительный характер прав).

Иные авторы обоснованно заявляют, что исключительное право на ГУ нельзя рассматривать через категорию вещных прав, и характерных для нее абсолютных правоотношений. Исключительный статус правам придает не ограничение по количеству правообладателей (их может быть несколько), а то, что его могут приобрести только лица, имеющие на это законные основания [1, с. 39].

Скорее всего, устанавливая исключительное право в отношении всех объектов интеллектуальной собственности, законодатель стремился лишь упорядочить данные отношения с учетом специфики таких объектов и приравненных к ним средств индивидуализации.

Специфика правового режима ГУ показывает, что исключительное право в отношении него носит ограничительный характер. В частности, он не позволяет совершить отчуждение или предоставить другому лицу право использования этого наименования. Оправдать вышеуказанное ограничение можно тем, что ГУ имеет особую правовую природу, и передача права на него другому лицу может расцениваться, как введение потребителя в заблуждение относительно местности производства товара. Особенно это проявляется, когда приобретатель осуществляет свою деятельность в другом регионе и не может поддерживать производство продукции на необходимой для данного ГУ территории.

Ряд исследователей считает, что правообладатели ГУ полностью не лишены правомочия распоряжения, и оно может выражаться, например, в форме действий по изменению данных в реестре географических указаний и наименований мест происхождения товаров Российской Федерации, в частности:

- внесение новых сведений об изменении статуса географического объекта (например, размера его территории);
- преобразование географического указания в наименование места происхождения товара;
- подача заявки о прекращении исключительного права на ГУ;
- продление срока действия свидетельства об исключительном праве на ГУ и т.д.

Кроме того, с недавнего времени ст. 1519 ГК РФ претерпела небольшие изменения и теперь согласно п. 6 данной статьи: «распоряжение исключительным правом на географическое указание, в том числе, путем его отчуждения или предоставления другому лицу права использования этого географического указания, а также переход исключительного права на географическое указание без заключения договора не допускается».

Из буквального толкования вышеуказанной статьи следует, что распоряжаться исключительным правом можно, но только если это будет сопровождаться заключением соответствующих договоров. Какие именно договоры возможны в данном случае, закон не устанавливает.

Допускается ли классическое распоряжение путем обычного отчуждения исключительного права на ГУ или передача его в пользование по лицензионному договору? Разрешена ли передача права в залог или доверительное управление?

Логично предположить, что наиболее допустим переход исключительного права на ГУ в составе предприятия, как имущественного комплекса, по договору купли-продажи

или посредством передачи права во временное пользование по договору аренды. В обоих случаях средство индивидуализации не теряет своей возможности индивидуализировать товар и отвечать требованиям правовой охраны, т.к. предприятие по своему обычному использованию неразрывно связано с определенной местностью, что позволяет сохранять особые характеристики товара.

Для реализации вышеуказанного следует внести изменения и дополнения в ряд статей ГК РФ о купле-продаже и аренды предприятия в части возможной передачи исключительного права на ГУ другому лицу.

Говоря об использовании ГУ, нельзя обойти вниманием опасения подавляющего большинства товаропроизводителей в том, что осуществление исключительного права на ГУ может всерьез пострадать «от рук» недобросовестных конкурентов. Речь идет о возможном карт-бланше лиц, самостоятельно избравших любую из стадий производства товара, которая тем или иным образом влияет на формирование характеристик, позволяющих впоследствии стать основанием для регистрации соответствующего ГУ. Негативный характер выражается в том, что закон разрешает наделять правовой охраной ГУ, если хотя бы одна из стадий производства товара оказывает влияние на формирование особых характеристик. Поэтому потенциальный правообладатель вправе выбрать такой этап производства, который менее всего имеет отношение к территории географического объекта, тем самым вводит потребителя в заблуждение относительно местности происхождения продукта [4, с. 694].

Для примера возьмем производство мяса лошадей. Оно может включать в себя несколько стадий, начиная от выращивания животных в специально экологически чистых районах соответствующего региона на базе табунного коневодства и заканчивая транспортировкой и хранением мяса.

Поэтому недобросовестный производитель может выбрать в качестве одной из стадии производства (необходимой для получения правовой охраны ГУ), например, засол, термическую обработку или вообще хранение продукта, что, по существу, не имеет отношения к тем самым животным, чье мясо выращивалось в специальных условиях, используя при этом соответствующее название, которое может на практике ввести потребителя в заблуждение.

Для выхода из подобного рода ситуаций, необходимо предусмотреть специальный подзаконный акт, который бы устанавливал требования к той самой стадии производства, влияющей на формирование особых характеристик для определенного рода товаров.

Таким образом, введя в оборот ГУ, законодатель смог разрешить проблему, которая возникала между производителем и органом государственной власти по поводу расположения границ правовой охраны НМПТ, упростив требования к регистрации обозначения на географическое указание. Кроме того, ГУ позволило привлечь интерес к данному средству индивидуализации многих товаропроизводителей, что увеличило рост конкурентоспособности товаров на внутреннем и международном рынках.

Нельзя переоценить важность существования механизма правовой охраны ГУ, равно, как и НМПТ. Его отсутствие может стать причиной к появлению на рынке контрафактных и подложных обозначений, указывающих на происхождение продукта.

В настоящее время порядок осуществления правообладателем исключительного права на ГУ строго регламентирован ГК РФ. В то же время допускается договорное распоряжение исключительным правом на него, что, наряду с возможностью использования любой из стадий производства для указания в качестве территории, придающей особые характеристики своему товару, может быть использовано в недобросовестной конкуренции. Поэтому законодателю необходимо внести ряд дополнений, позволяющих исключить вышеуказанные разночтения при применении параграфа 3 главы 76 ГК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Белов В. А. Гражданское право. В 4 т. Том III. Особая часть. Абсолютные гражданско-правовые формы. – М.: Юрайт, 2018. – 443 с.
2. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Общие положения. XXI век. – М.: Юрсервитум, 2015. – 494 с.
3. Малая Т. Н., Царапкин Д. П. Правовой режим средств индивидуализации по российскому гражданскому законодательству // Материалы XXIV научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва: В 3-х частях, Ч. 3. Гуманитарные науки / Сост. А. В. Столяров, отв. за выпуск П. В. Сенин. – Саранск: Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва. – 2021. – С. 467-473.
4. Рузакова О. А. Вопросы развития правового регулирования отношений, объектом которых выступают географические указания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – № 42. – С. 685-699.
5. Солод В. Ю. Географическое указание – перспективы правоприменения // Юридическая наука. – 2019. – № 6. – С. 21-28.
6. Шереметьева Н. В. Правовой режим Географического указания // Право и практика. – 2020. – № 2. – С. 140-143.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-194-196

ДАШКОВЕЦ Диана Андреевна

студент 3 курса Тихоокеанского государственного университета

ИНСТИТУТ ЗАЩИТЫ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ОТРАСЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В настоящее время в мировом сообществе происходят масштабные, качественные изменения, которые обусловлены общей заинтересованностью в управлении информационным пространством с использованием многообразия его полезных функций.

В представленной статье анализируется специфика правовой регламентации вопросов защиты конфиденциальной информации на уровне разнообразных отраслей права, формулируются перспективные направления разрешения существующих проблем.

Ключевые слова: информация, персональные данные, конфиденциальность, банковская тайна, коммерческая тайна.

DASHKOVETS Diana Andreevna

student of the 3rd course of the Pacific State University

INSTITUTE FOR THE PROTECTION OF CONFIDENTIAL INFORMATION: INDUSTRY-SPECIFIC FEATURES OF LEGAL REGULATION

Currently, large-scale, qualitative changes are taking place in the world community, which are due to a common interest in managing the information space using a variety of its useful functions.

The article analyzes the specifics of the legal regulation of the protection of confidential information at the level of various branches of law, and formulates promising directions for solving existing problems.

Keywords: information, personal data, confidentiality, banking secrecy, trade secret.

Дашковец Д. А.

В настоящее время в Российской Федерации в условиях международной глобализации и распространяющейся политической напряженности все острее становится вопрос обеспечения информационной безопасности. Распространение сведений, подлежащих охране и защите может нанести значительный ущерб не только экономике или внутренним общественным процессам, но и национальной безопасности государства. Кроме того, именно информационные технологии и цифровые платформы позволяют физическим лицам и организациям расширять масштабы взаимодействия, всё более тесно контактировать с государственными структурами и другими субъектами хозяйствования, а государствам и международным организациям сотрудничать между собой в цифровом формате. В данном контексте особого внимания заслуживают нерешенные вопросы, связанные с защитой конфиденциальной информации непосредственно на уровне отдельных сфер правоотношений, где персональные данные нуждаются в более усиленной охране.

Следует пояснить, что обеспечение качественной и полноценной защиты прав и свобод человека и гражданина пребывает в прямой взаимосвязи с защитой конституционных прав человека на личную и семейную тайны, неприкосновенность личной жизни. Данное утверждение в достаточной степени соответствует нормам ст. 2 Федерального закона «О персональных данных» [3]. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что персональные данные – это любая информация, которая прямо или косвенно касается того или иного физического лица. Законодателем в настоящее время принимаются самые разнообразные меры, направленные на защиту персональных данных.

Например, подп. «в» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ позволяет работодателю прекратить трудовые отношения с работником

в случае разглашения им охраняемой законом тайны, в том числе и персональных данных другого работника. Согласно ст. 7 Федерального закона «О персональных данных» [3], лица, которые получили доступ к чьим-либо персональным данным, обязаны соблюдать их тайну и не разглашать их содержание без согласия лиц, которым эти данные принадлежат. Дополнительные меры федерального государственного контроля по вопросу обработки персональных данных определены в соответствующем Постановлении Правительства РФ № 1046 [4]. Кроме того, Правительство РФ в ноябре 2012 г. были утверждены необходимые требования на предмет защиты персональных данных, которые нуждаются в последующей обработке в информационных системах [6].

Разглашение тайны – достаточно грубое нарушение, о чем свидетельствуют и материалы судебной практики. Так, апелляционным определением Московского городского суда от 30 сентября 2021 г. по делу № 33-38307/2021 сотруднику организации «М» было отказано в удовлетворении требования о восстановлении на работе в результате увольнения по инициативе работодателя. Согласно материалам дела, сотрудник распространил сведения о финансово-хозяйственной деятельности организации «М», в связи с чем был уволен за разглашение коммерческой тайны. Суд признал приказ работодателя законным и обоснованным, поскольку в организации «М» был закреплен перечень документов, которые составляют коммерческую тайну [7].

Выводы суда подтверждают общую мысль законодателя, которая нашла отражение в Федеральном законе «О персональных данных»: обработка, распространение персональных данных и их любое использование должно осуществляться только на законной и справедливой основе. В свою очередь для обеспечения стабильности гражданского оборо-

та, для поддержания и укрепления экономических отношений внутри государства предусмотрен институт тайны, который охраняется в не меньшей степени, нежели персональные данные каждого отдельного физического лица [10, с. 5].

На сегодняшний день существует достаточно много тайн, которые усиленно защищаются государством с применением соответствующих мер принуждения. Например, военная тайна представляет собой совокупность информации об обороноспособности как отдельно взятого субъекта, так и всей страны в целом, например, сведения о размещении пусковых установок, техническая документация по системам вооружения и т.д. [13, с. 48, 49].

Существует также государственная тайна, которая представляет собой информацию, защищаемую государством в области военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности России [13, с. 50]. Помимо упомянутых видов охраняемых законом тайн, существует банковская, нотариальная, служебная, коммерческая тайны, а также тайны страхования, завещания, записи актов гражданского состояния. В свете настоящего исследования хотелось бы подробнее остановиться на банковской тайне, где грубое нарушение правил и законодательных требований к конфиденциальности может повлечь не только нарушение прав отдельных граждан, но и способно нанести непоправимый ущерб деловой репутации и интересам самой банковской структуры.

Итак, в банковском законодательстве, регулирующим содержание банковской тайны содержатся нормы, ограничивающие круг субъектов, которые могут быть участниками указанных правоотношений. Существует разграничение субъектов на владельцев и пользователей банковской тайны. Владельцами банковской тайны являются клиенты или корреспонденты, которые в соответствии с договором доверили банку сохранность своих сведений в связи с осуществлением какой-либо банковской операции, например, открытие банковского вклада. Кроме того, в случае смерти владельца банковской тайны, который уже доверил сохранность своих личных данных банку, статус владельца банковской тайны переходит на наследников соответственно.

Кроме того, в банковском праве различают пользователей банковской тайны – лица, которым в соответствии с законом было доверено исполнение обязанностей по роду основной деятельности или в соответствии с установленным законодательством. При этом, к субъектам банковской тайны в соответствии с российским законодательством относятся:

- кредитные организации, в том числе иностранные банки, которые осуществляют обработку сведений, которые им доверили клиенты или корреспонденты в процессе осуществления различного рода операций;

- Центральный банк Российской Федерации, получивший сведения, которые составляют банковскую тайну при выполнении предписанных законодательством функций по обеспечению законности, а также контроля и надзора в сфере банковской деятельности;

- агентство по страхованию вкладов, в соответствии с утвержденными законодательством функциями;

- государственные органы [12, с. 17].

Необходимо оговориться, что органы государственной власти могут получать сведения, составляемые банковскую тайну и охраняемые законодательством только в исключительных случаях и только в случае, если это прописано фе-

деральным законодательством. На практике бытует мнение, что, несмотря на отсутствие прямого указания на банковскую тайну и использование дефиниции «тайна об операциях», режим банковской тайны применяется в принципе ко всем операциям клиентов вне зависимости от правового основания.

Примером может послужить решение Арбитражного суда Ставропольского края от 13 апреля 2018 г. по делу № А63-21314/2017 [9], согласно которому 16 октября 2017 года из ПАО «Сбербанк России» в адрес предпринимателя Пожидаевой Н.А. поступил запрос документов из которого следует, что банк, действуя в рамках Федерального закона от 07 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», просит документы, подтверждающие источник образования/поступления денежных средств и подтверждающие их исполнение, по операциям с контрагентами ООО «Восток», ООО «Феникс-Экспо», ООО «Мерино Групп» и ООО «Юг-шерсть», копии бухгалтерской отчетности за последний отчетный период, подтверждение уплаты налогов и обязательных сборов, с данными о численности и составе работников, подтверждение наличие материально-технической базы, складских помещений и письменные пояснения.

В соответствии с п.п. 1.12, 2.2. 2.3 Инструкции ЦБ Российской Федерации от 14.09.2006 № 28-И «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам)» открытие физическому лицу текущего счета производится для осуществления расчетов исключительно с использованием платежных карт, текущие счета открываются физическим лицам для совершения расчетных операций, не связанных с предпринимательской деятельностью или частной практикой. Пунктом 4.2 Условий банковского обслуживания физических лиц ПАО «Сбербанк России» устанавливается обязанность клиента не проводить по счетам карт/вкладам/ОМС/счетам операции, связанные с ведением предпринимательской деятельности.

Было выяснено, что расчеты Пожидаевой Н.А. по банковской карте **** *05542, выданной ей как физическому лицу, не связаны с осуществлением ею предпринимательской деятельности, а банковская кредитная организация не вправе предоставлять сведения о банковских операциях клиента в т. ч. его контрагентам.

В качестве примера третьих лиц, не являющихся сторонами правоотношений между банком и его клиентом, но являющихся носителями банковской тайны в силу обладания ими информации о принадлежащих клиенту средствах можно привести решение Арбитражного Суда г. Москвы от 12 декабря 2017 г. по делу № А40-84090/2017 [8], согласно которому Истец обратился в банк с заявлением от кредитора о получении денежных средств с депозита нотариуса, в котором просила перечислить денежные средства в размере 187 737 929 рублей 82 коп. во исполнение обязательств по договору поручительства № 1П/0468-15-2-0 от 21.10.2015 г., расположенных на депозите нотариуса, который в силу заключенного между ним и клиентом договора обладал информацией о совершаемых им банковских операциях.

Здесь же был сделан интересным вывод, что депозитный счет нотариуса, непосредственно поименованный в Основах о нотариате и ГК Российской Федерации, с учетом его значения, не должен отождествляться ни с договором банковского счета (глава 45 ГК РФ), ни с договором банковского вклада (глава 44 ГК РФ) [2].

Указанный счет является разновидностью банковского счета (вклада) со специальным режимом функционирования, в связи с чем порядок внесения, перечисления и распоряжения вносимыми денежными средствами устанавливается договором между сторонами с учетом назначения счета, определенного ст. 327 ГК РФ и ст. 87 Основ нотариате [5].

Мы полагаем, что в настоящее время остается множество вопросов, которые остаются нерешенными при осуществлении правового регулирования института банковской тайны. В первую очередь, не устранено наличие коллизии между нормами банковского и гражданского законодательства. Гражданское законодательство ограничивает круг субъектов, обязанных гарантировать банковскую тайну. В ГК РФ в этот перечень включен исключительно банк, тогда как Закон «О банках и банковской деятельности» употребляет понятие «кредитная организация». Последнее включает не только банки, но и небанковские кредитные организации.

Кроме того, Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает, что тайными, которые обладают особым правовым режимом, могут быть исключительно определенные операции, совершаемые субъектом. Банковское же законодательство несколько расширило указанный перечень тайн и включило в его состав не только тайну об операциях со счетом, но и об операциях по вкладу и иных, совершаемых клиентом или корреспондентом кредитной организации [11, с. 15].

Банковское законодательство в связи со спецификой правового регулирования подробнее описывает элементы правоотношения. Так, законодательство о банковской деятельности обязало всех служащих кредитной организации хранить тайну об всех иных сведениях, которые устанавливаются кредитной организацией. Стоит отметить, что гражданский кодекс в принципе не устанавливает порядок поведения для банковских служащих в отношении иных видов тайн кроме тайны операции по счету.

Дополнительно, ГК РФ кроме иных сведений, относит к банковской тайне сведения о клиенте, в то время как банковское законодательство в перечень охраняемых законом тайн не включило. Мы полагаем, это связано с наличием действующего закона, детально прописывающего порядок обращения с персональными данными, коими и являются сведения о клиенте в банковских правоотношениях. Закон «О банках и банковской деятельности» содержит дополнительное понятие «корреспондент кредитной организации», притом, что гражданское законодательство такого термина не содержит [13, с. 87].

Законодателем допущено упущение, которое само по себе расширяет понятие банковской тайны. Так, законодательство о банковской деятельности более точно и детально ограничивает круг действия не только конкретного нормативного правового акта, но и всех применимых к данному роду отношениям норм. Дополнительно установлено, что гражданский кодекс содержит нормы, значительно сужающие понятие банковской тайны, что приводит к непониманию, неправильному толкованию и возникновению

Стоит отметить, что в настоящее время рынок банковских услуг не ограничивается привлечением депозитов и предоставлением кредитов. В современном мире банковский сектор развивается и без привлечения кредитных организаций не происходит практически не одной финансовой операции. В связи с этим, мы полагаем, что необходимо провести унификацию понятия «банковская тайна». Указанное строится на том, что данный термин в законодательстве о банковской деятельности раскрывается гораздо шире, нежели в Гражданском кодексе.

Кроме того, в целях повышения эффективности правового регулирования института банковской тайны в частности и всего института тайн, охраняемых законом, необходимо законодательно закрепить понятие коммерческой тайны в целях разграничения и детальной регламентации указанных понятий. Дополнительно, мы полагаем, что ужесточение порядка получения сведений, отнесенных в соответствии с законодательством к банковской тайне будет способствовать повышению качества обслуживания банковских клиентов, клиентоориентированности банков и кредитных организаций и дальнейшему улучшению правоотношений между владельцами и пользователями банковских тайн.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. О персональных данных: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Рос. газета. 2006. № 165.
4. О федеральном государственном контроле (надзоре) за обработкой персональных данных: постановление Правительства РФ от 29.06.2021 № 1046 «» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5424.
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 25.08.2021) // Рос. газета. 1993. № 49.
6. Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных: постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 45. Ст. 6257.
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.09.2021 по делу № 33-38307/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Решение Арбитражного Суда г. Москвы от 12.12.2017 по делу № А40-84090/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 13.04.2018 по делу № А63-21314/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Али М. Персональные данные: обязанности и ответственность оператора // ЭЖ-Юрист. 2017. № 12. С. 5.
11. Михайлова И.А. Персональные данные и их правовая охрана: некоторые проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 10. С. 11-18.
12. Рузанова В.Д. Право на защиту персональных данных: гражданско-правовой аспект // Гражданское право. 2019. № 6. С. 17-20.
13. Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2021. 468 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-197-201

ЧАН Тхи Тхуй Зунг

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ЧУМАЧЕНКО Иван Николаевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ПРЕДОТВРАЩАЕТ ЛИ АРБИТРАЖНАЯ ОГОВОРКА КОЛЛЕКТИВНЫЙ ИСК ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ ПО ФРАНЧАЙЗИНГУ?

В этой статье рассматриваются вопросы, связанные с коллективными исками в спорах о франчайзинге, со ссылкой на законодательство ряда стран, таких как Соединенные Штаты Америки (США), Российская Федерация и Вьетнам. Целью данного исследования является всесторонний анализ и оценка использования арбитражных оговорок с отказами от коллективных исков, которые включены в соглашения о франчайзинге, чтобы избежать коллективных исков и/или разрешения споров в арбитражных судах по коллективным искам. В исследовании используются общенаучные и специальные методы исследования, такие как анализ, синтез, дедукция, логический и сравнительно-правовой метод. В результате исследования авторы пришли к выводу, что арбитражная оговорка играет большую роль в предотвращении коллективного иска и даже арбитража по коллективным искам, который, хотя все еще является новым, редким и проблематичным в разрешении споров по франчайзингу, но степень его избегания также зависит от того, насколько очевидно или неоднозначно арбитражное соглашение, а также от конкретного применимого законодательства. Это связано с тем, что в соответствии с отдельными положениями внутреннего законодательства отказы от коллективных исков, которые франчайзеры прямо или косвенно навязывают своим франчайзи, считаются необоснованными или неуместными.

Ключевые слова: франчайзинг, арбитражная оговорка, коллективный иск, арбитраж по коллективному иску, отказ от коллективного иска.

TRAN Thi Thuy Dung

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

CHUMACHENKO Ivan Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

DOES ARBITRATION CLAUSE PREVENT CLASS-ACTION LAWSUITS WITH RESPECT TO THE FRANCHISING DISPUTE RESOLUTION?

This article discusses issues related to class action in franchise disputes with reference to the laws of a number of countries, such as the United States of America (the U. S.), Russian Federation, and Vietnam. The aim of this study is to provide a comprehensive analysis and evaluate of the use of arbitration clauses with/without class-action waivers that are included in franchise agreements to avoid class-action lawsuits and/or class-action arbitration. The study uses general scientific and special research methods such as analysis, synthesis, deduction, logical and comparative legal method. As a result of the study, the author came to the conclusion is that arbitration clause plays a sufficient role in preventing class-action lawsuits and even class-action arbitration, which is even though still new, rare, and prolematic, in franchising dispute resolution, but its degree of avoidance also depends on how obvious or ambiguous of the arbitration agreement as well as on the specific applicable law. It is because under some domestic laws the class action waivers that the franchisors, either expressly or implicitly, impose on their franchisees are considered unconscionable or inappropriate.

Keywords: franchising, arbitration clause, class action lawsuit, class action arbitration, class action waiver.

Введение.

Одной из выдающихся особенностей бизнес-метода франчайз (франчайзинга) является общесистемное единообразие. Франчайзеры обычно полагаются на элементы управления в соглашении о франчайзинге, которые применяются к большинству их франчайзи с едиными условиями и положениями для обеспечения единообразия в системе франчайзинга. В результате у его франчайзи часто возникают схожие проблемы и интересы [1]. Таким образом, судебный процесс группы франчайзи может стать эффективным инструментом для разрешения «общего» или «аналогичного» спора, возникающего в системе франчайзинга. Чем крупнее франчайзинговая система, тем выше риск совместного предъявления иска ее франчайзи. Недавним примером

является сеть магазинов 7-Eleven Stores Pty Ltd. (Австралия) согласилась выплатить 98 миллионов долларов, что является крупнейшей суммой в рамках урегулирования коллективных исков в 2021 году, и, безусловно, самой крупной суммой по делу о разрешении споров с франшизами, для урегулирования двух коллективных исков, поданных против нее в Федеральном суде Австралии франчайзи (Lewis & Dighe, 2021). Франчайзеры часто пытаются избежать коллективного иска, предоставляя арбитражную оговорку с отказом от коллективного иска / без него в своих соглашениях о франчайзинге.

Обзоры литературы.

Проблема использования арбитражной оговорки для предотвращения коллективных исков не является новой. Она

была изучена и упомянута во многих научных статьях, таких как Dunham E. W. (1996) [8], Dienelt J. F., & Middleton M. E. (2001) [4]; Drahozal C. R., & Wittrock Q. R. (2008) [7], или Leitner M. M., & Goode J. S. (2010) [9]. Однако этот вопрос рассматривается с точки зрения законодательства и юридической практики стран системы общего права, в частности США. Поэтому автор упоминает проблему отказа от коллективных исков и арбитражной оговорки в соответствии с законодательством некоторых стран континентальной системы права, таких как Россия и Вьетнам.

Обсуждение.

С точки зрения плательщиков, которые обычно являются франчайзи, в групповом иске они могут получить много потенциальных выгод. Одной из них является классовое судебное разбирательство, которое часто дает заявителю “более сильную позицию в судебном разбирательстве”, чем традиционное судебное разбирательство (Dienelt & Middleton, 2001). Кроме того, в целях снижения транзакционных издержек франчайзи также могут предпочесть рассматривать определенные претензии в арбитражном порядке либо в качестве группы объединенных истцов, либо, при необходимости, в качестве одного истца. Мало того, что для самого ответчика, обычно франчайзера, механизм коллективного иска также предоставляет возможность достичь общесистемного урегулирования соглашения со своими франчайзи (Leitner & Goode, 2010). Столкнувшись с угрозой присуждения потенциально разорительного ущерба в групповом иске, возможно, более восприимчив к обсуждению урегулирования, чем защитник, столкнувшийся с серией небольших судебных процессов с меньшими потенциальными возмещениями ущерба, поданными отдельными истцами (Dienelt & Middleton, 2001). Тем не менее, франчайзеры могут в равной степени предпочесть избежать групповых или коллективных исков и часто включают положения, запрещающие такие действия, в соглашения о франчайзинге или в отдельные арбитражные соглашения.

Почему франчайзеры хотят предотвратить коллективные иски со стороны своих франчайзи? По мнению автора, коллективный иск обычно возможен в ходе судебных разбирательств, где он является публичным. В целях защиты репутации бренда и других деловых вопросов франчайзеры часто отдают предпочтение альтернативным методам разрешения споров во внесудебном порядке, когда участвующие стороны считают информацию конфиденциальной, таким как арбитраж или посредничество. Что касается вопроса об арбитраже по коллективным искам, то этот вопрос по-прежнему остается весьма проблематичным.

Что такое коллективный иск и при каких условиях он проводится?

“Групповые иски – это репрезентативные иски от имени групп лиц, находящихся в аналогичном положении. Исторически и в соответствии с современной юриспруденцией коллективный иск представляет собой нетрадиционную судебную процедуру, которая позволяет представителю с типичными претензиями подавать в суд или защищать от имени класса и выносить решение за него” (Dienelt & Middleton, 2001). Например, франчайзи Domino’s Pizza подали иск с несколькими истцами, утверждая, что Domino нарушили антимонопольное законодательство, потребовав от франчайзи покупать тесто и другие товары исключительно у компа-

нии¹. Или дело по иску Dairy Queen касалось трудностей с поиском поставщиков и антимонопольных претензий, когда франчайзи утверждали, что им должно быть разрешено покупать продукты из источников, отличных от указанных источников франчайзера².

Однако правила рассмотрения коллективных исков в разных странах различны.

В США, например, Правило 23 регулирует практику коллективных исков в федеральном суде³. Истцы должны соответствовать всем четырем требованиям Правила 23(a) и по крайней мере одному из условий Правила 23(b), чтобы иметь право на коллективный иск. В то время как Правило 23(b)(3) – классы, требующие возмещения денежного ущерба, является наиболее типичным правилом⁴, Правило 23(a) содержит четыре требования: (i) “класс [должен] быть настолько многочисленным, чтобы объединение всех членов было неосуществимым” (т.е. *многочисленность*); (ii) существуют “вопросы права или факта, общие для класса” (т.е. *общность*); (iii) “требования или возражения представительных сторон являются типичными” для представителей “класса” (т.е. *типичность*); и (iv) “представительные стороны будут справедливо и адекватно защищать интересы класса” (т.е. *адекватность*)⁵.

В контексте франшизы, когда в системе налагаются единый контроль или ограничения на франчайзи, и подобные юридические теории утверждаются в рамках соглашений о франчайзинге стандартной формы, легко понять, как может быть достигнута типичность. Потому что франчайзинг “предоставляет общественности возможность получить единый продукт в многочисленных торговых точках у небольших независимых подрядчиков, а не у сотрудников обширной сети.”⁶

Как указывалось ранее, франчайзи разделяют общие интересы и проблемы в результате применения франчайзерами аналогичных правил и единообразного применения для “достижения стандартизации, согласованности и оптимальной общественной и доброй воли”.

Во Вьетнаме коллективные иски относятся только к трудовым спорам. Согласно положениям Трудового кодекса 2019 года (Статья 179), коллективные трудовые споры по поводу прав или интересов между одной или несколькими представительными организациями работников и работодателем или одной или несколькими организациями работодателя

1 Queen City Pizza, Inc. v. Domino’s Pizza, Inc., 922 F.Supp. 1055 (E.D. Pa. 1996) aff’d 124 F.3d 430 (3d Cir. 1997). // Justia US Law. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/922/1055/1592958/> (дата обращения: 15.12.2021).

2 Collins v. Int’l Dairy Queen, Inc., 939 F. Supp. 875 (D.Ga. 1996). // Justia US Law. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/939/875/1511446/> (дата обращения: 15.12.2021).

3 Правило 23. Групповые иски, Раздел IV - Стороны, Федеральные правила гражданского судопроизводства США // Legal Information Institute. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/rules/frcp/rule_23 (дата обращения: 15.12.2021).

4 What are the Requirements for Class Certification Under Federal Rule of Civil Procedure 23 // Bonalaw. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bonalaw.com/insights/legal-resources/what-are-the-requirements-for-class-certification-under-federal-rule-of-civil-procedure-23> (дата обращения: 15.12.2021).

5 Supra, note 8. Правило 23.

6 GTE Sylvania, Inc. v. Cont’l T.V., Inc., 537 F.2d 980, 999 (9th Cir. 1976).

по труду⁷. Согласно гражданскому законодательству Вьетнама, физические лица имеют право подать в суд на сторону, причинившую ущерб, с требованием компенсации, если их права нарушены⁸. Однако, несмотря на то, что характер нарушения одинаков для большинства, каждое физическое лицо должно подать иск напрямую, и суд получит и рассмотрит заявление и рассмотрит его в каждом отдельном случае, а не через физическое лицо, или любое агентство или организация, действующие от его имени. Таким образом, вьетнамское законодательство не содержит положений о коллективных исках по индивидуальным и деловым спорам.

В России коллективные иски в данной сфере в настоящее время не распространены, несмотря на то, что такая возможность предусмотрена законодательством [1]. Самые последние изменения в процессуальное законодательство, касающиеся коллективных исков, были внесены в 2019 году, что позволяет подавать коллективные иски не только организациям, но и частным лицам. В 1 октября 2019 года была введена новая процедура коллективного иска в Гражданском процессуальном кодексе и Арбитражном процессуальном кодексе в России. Соответственно, российское законодательство разрешает возбуждение коллективных исков рядом предположительно потерпевших истцов. Франчайзинг не является исключением. Таким образом, отдельные лица могут инициировать коллективный иск против спора о франшизе. Однако, чтобы начать коллективный иск для разрешения спора о франчайзинге, должны быть выполнены следующие условия: Коллективный иск возможен, если по крайней мере пять истцов (т.е. членов группы) присоединились к коллективному иску (численное большинство); Иск предъявляется к одному и тому же ответчику по отношению к каждому члену группы; Предмет иска должен касаться общих или аналогичных прав и законных интересов членов группы (общность); Права истцов и обязанности ответчика основаны на аналогичных фактах (основание); и все истцы должны использовать одно и то же средство правовой защиты для защиты своих прав в рамках такого иска⁹. Некоторые эксперты ожидали роста числа коллективных исков, связанных с защитой прав потребителей, возмещением вреда, банковским делом и жилищно-коммунальным хозяйством. Однако за 18 месяцев, прошедших с момента вступления закона в силу, число коллективных исков существенно не увеличилось. Групповые иски по-прежнему редки и в основном заканчиваются отклонением иска [2].

Как работает арбитражная оговорка для предотвращения коллективных действий?

Как упоминалось выше, отдельные франчайзеры всегда обеспокоены потенциальным увеличением числа претензий, что является коллективным иском. Чем крупнее система, тем больше число потенциальных истцов, и тем более значительный риск, который может возникнуть в результате одного дела, приведет к повторению того же самого.

7 Трудового кодекса Вьетнама 2019 г. // VBPL. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vbpl.vn/> (дата обращения: 15.12.2021).

8 Гражданский кодекс Вьетнама 2015 г. // VBPL. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vbpl.vn/> (дата обращения: 15.12.2021).

9 Статья 225.10 Арбитражного процессуального кодекса (с внесенными изменениями), Статья 244.20 Гражданского процессуального кодекса (с внесенными изменениями). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/>.

В конце концов, один из способов понимания арбитражной оговорки – это соглашение, в соответствии с которым стороны отказываются от права, которое они в противном случае имели бы, разрешать свои споры в суде; их намерение состоит в том, чтобы разрешать эти споры путем арбитража, а не в судах. Таким образом, если арбитражная оговорка действительна и подлежит исполнению, стороны соглашения о франчайзинге не смогут подать в суд на другого в индивидуальном порядке, не говоря уже о групповом действии. Например, в Канаде несколько франчайзи подали предложенный коллективный иск в Высший суд Онтарио по делу *1146845 Ontario Inc. v. Pillar to Post Inc.* в 2014 году. Однако, основываясь на арбитражной оговорке в соглашении о франчайзинге, компания Pillar to Post Inc. подала ходатайство об отмене коллективного иска, и оно было удовлетворено судом¹⁰.

Однако, что делать, если несколько истцов подадут коллективный арбитражный иск в арбитражное учреждение? Обратите внимание, что этот коллективный арбитражный иск был подан истцами в арбитражные учреждения, и он отличается от коллективного иска тем, что истцы подали в суд на ответчика в арбитражный суд России.

На самом деле арбитраж по коллективным искам ранее в основном развивался в США, однако с развитием международной торговли, особенно в форме франчайзинга, где система франчайзинга развивается во всем мире. Между тем, ведущие франчайзеры в основном из США, такие как McDonalds, KFC, 7-Eleven, Ace Hardware Corporation, Century 21¹¹. Таким образом, существует вероятность того, что арбитраж по коллективным искам в той или иной форме выйдет за пределы границ США в не столь отдаленном будущем. Фактически, хотя и не в рамках спора о франшизе, коллективная помощь была запрошена в других специализированных арбитражных контекстах, включая арбитраж международного инвестиционного класса, поданный 195 000 итальянскими сторонами против Аргентины¹².

Для международных коммерческих арбитражных центров большинство вопросов группового арбитража не охвачено в их правилах, однако Американская ассоциация арбитража (“AAA”) обнародовала правила, регулирующие производство по групповым искам после *Green Tree Financial Corp. v. Bazzle*¹³. Количество коллективных арбитражных дел, поданных в AAA, достигло максимума в 57 в 2006 году и сократилось до 23 в 2015 году¹⁴. Хотя эти дела не связаны со спорами о франчайзинге, они вызывают некоторую тревогу у предприятий индустрии франчайзинга. Среди этих дел многие классовые арбитражные разбирательства были поданы на основании арбитражных оговорок, которые не каса-

10 *1146845 Ontario Inc. v. Pillar to Post Inc.*, 2014 ONSC 7400 // CanLII. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.canlii.org/en/on/onsc/doc/2014/> (дата обращения: 15.12.2021).

11 Топ-100 франшиз 2021 года // Franchise Direct. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.franchisedirect.com/top-100globalfranchises/rankings> (дата обращения: 15.12.2021).

12 *Beccara v. Argentine Republic*, ICSID Case No. ARB/07/5, Investment Treaty News, Apr. 27, 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iisd.org/pdf/2007/itn_april27_2007.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

13 *Supplementary Rules for Class Arbitration AAA*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adr.org/aaa> (дата обращения: 15.12.2021).

14 *Drahozal C. R., Chapter 2: Class action in the United States / Class and Group Actions in Arbitration*. Hanotiau B. & Schwartz E. E., Wolters Kluwer, 19/09/2016.

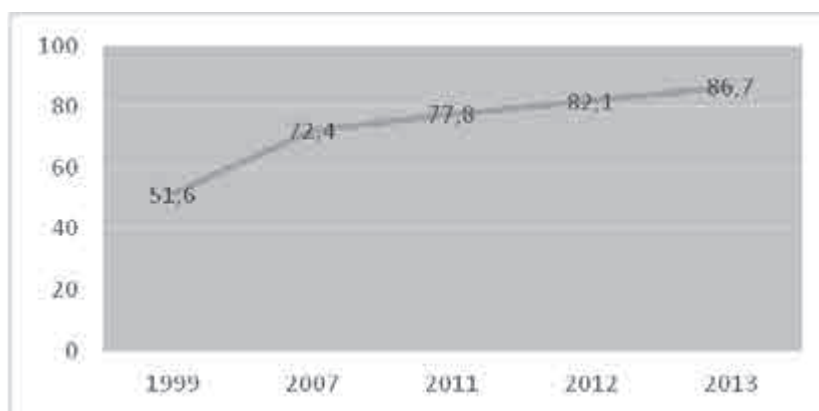

Рисунок 1. Использование положения об отказе от коллективного арбитражного иска в Соглашениях о франчайзинге с арбитражными оговорками, 1999 – 2013 годы [12, с. 997].

лись отказа от классового арбитража. Поэтому франчайзеры могут также пожелать избежать групповых или групповых арбитражных разбирательств и обычно включают условия в свои соглашения о франчайзинге в качестве “отказа от коллективных действий”, чтобы запретить такие действия.

Другими словами, арбитражная оговорка, содержащая отказ от групповых действий, может быть использована для устранения возможности групповой защиты в суде и арбитраже. Франчайзеры могли бы использовать арбитражные оговорки в качестве “щита” против коллективного иска, в частности, пытаясь устранить любое право, которое франчайзи, возможно, должны были присоединиться к коллективному иску против франчайзера в судебном или арбитражном процессе. Причина, по которой франчайзеры часто включают положения, ожидающие наличия классового арбитража, в свои арбитражные соглашения, частично объясняется влиянием дела *Bazzle* (хотя до этого франчайзеры часто использовали арбитражную оговорку в своих соглашениях) [5, 6]. Согласно позиции Верховного суда по делу *Bazzle*, молчаливое соглашение (об отказе от коллективного иска), безусловно, не запрещает групповые действия; делает это или нет, является вопросом толкования для арбитра¹⁵.

Положение об отказе от коллективного иска часто является положением в арбитражном соглашении, в котором говорится, что франчайзи соглашается разрешать споры на индивидуальной основе и соглашается не предпринимать и не участвовать в каких-либо коллективных действиях или с любой другой группой своих коллег-сотрудников. Основываясь на исследовании ряда соглашений о франчайзинге, проведенном С. R. Drahozal, почти половина арбитражных оговорок прямо исключала использование коллективных исков. Использование отказов от арбитража класса варьируется в зависимости от типа контракта. Франчайзеры изменили свои арбитражные оговорки во многом так, как предсказал судья Стивенс. В 1999 году чуть более 50 % (15 из 28, или 53,6 %) арбитражных оговорок по франшизе в выборке положений об урегулировании споров по франшизе включали ту или иную форму отказа от классового арбитража. К 2007 году почти 80 % (22 из 28, или 78,6 %) этих арбитражных оговорок включали отказ от классового арбитража. В таблице 1 обобщены положения [7].

С. R. Drahozal продолжил исследования и предоставил некоторые данные о проценте франчайзеров, использующих отказ от коллективных исков в арбитражной оговорке в соглашении о франчайзинге до 2013 года в своей статье. Соответственно, число франчайзеров, использующих арбитражную оговорку, включающую отказ от арбитража, увеличилось с 51,6 % в 1999 году до 86,7 % в 2013 году [11].

Таким образом, хотя не все соглашения о франчайзинге включают арбитражные оговорки, и не все указанные арбитражные оговорки содержат отказ от коллективных исков, однако ясно, что количество арбитражных оговорок с отказом от коллективных исков довольно велико и имеет тенденцию к увеличению.

Могут ли арбитражные оговорки законно содержать отказы от коллективных исков?

В США, как и любой другой термин в арбитражном соглашении, положение, прямо запрещающее групповой или групповой иск или консолидацию, подлежит исполнению с учетом общеприменимых мер защиты по контракту, включая недобросовестность¹⁶. Симпозиум по франчайзингу является особенно подходящим местом для проведения такого пересмотра из-за важной роли арбитражных оговорок о франчайзинге в развитии американского арбитражного права, в частности закона, определяющего взаимосвязь между арбитражем и групповыми исками. Эдвард Вуд Данхэм, юрист по франчайзингу и участник этого симпозиума, был одним из первых комментаторов, отметивших, что арбитражная оговорка может служить “защитой от коллективных исков”. Он сделал свое замечание в статье, описывающей “франчайзер Subway использовал арбитражную оговорку, чтобы заблокировать коллективный иск государственного суда” [20]. В США в 1996 году франчайзер *Subway Doctor’s Associates, Inc. (“DAI”)*, являющийся истцом, подал 15 отдельных ходатайств о принудительном арбитраже, используя арбитражную оговорку для блокирования коллективного иска государственного суда. Окружной суд Коннектикута

15 *Green Tree Financial Corp. v. Bazzle*, 539 U.S. в 447. // Legal Information Institute. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/supct/html/02-634.ZO.html> (дата обращения: 15.12.2021).

16 *Jenkins v. First Am. Cash Advance of Georgia, LLC*, 400 F.3d 868, 877 (11th Cir. 2005) (“арбитражные соглашения, исключая освобождение от коллективных исков, являются действительными и подлежащими исполнению”) // Casetext. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://casetext.com/case/jenkins-v-first-american-cash-advance-of-ga>.

удовлетворил ходатайства DAI в соответствии с Федеральным законом об арбитраже (“FAA”), 9 U.S.C. § 4¹⁷.

Дело *Bonanno vs. Quiznos* (США) было возбуждено франчайзи, которые приобрели франшизы, но не смогли найти сайт для своих магазинов, а затем Quiznos отказал в возврате платы за франшизу. Истцы Bonanno ссылались на Правило 23, чтобы запросить свидетельство о групповом иске. Однако, в 20 апреля 2009 года, окружной суд заслушал устные аргументы после обстоятельного брифинга и вынес письменное решение об отказе в удовлетворении ходатайства истцов о сертификации группового иска. Окружной суд принял такое решение исключительно на том основании, что запрет на коллективный иск содержался в соглашении о франчайзинге Quiznos¹⁸.

Напротив, некоторые национальные законы или законы штатов в США предусматривают, что арбитражные оговорки, содержащие отказ от коллективного иска, не имеют законной силы. Например, в деле *AT&T Mobility LLC v. Concepcion*¹⁹ (США), хотя это дело не франшизы, оно все же подчеркивает противоречие между федеральным законодательством США и законодательством штата в отношении арбитража и представляет проблемный характер коллективного арбитража. Апелляционный суд девятого округа подтвердил это, посчитав такие ограничивающие положения недопустимыми в соответствии с законодательством Калифорнии²⁰.

Шведское законодательство разрешает коллективные иски при определенных условиях. Такие судебные иски, однако, очень редки. Положения об отказе от ответственности регулируются принципом свободы договора. В соответствии со шведским законодательством не предусмотрен явный запрет на отказ от коллективного иска. Однако отказ от коллективного иска может быть сочтен необоснованным и, следовательно, не подлежащим исполнению шведскими судами, поскольку он может быть признан чрезмерным²¹. В России, положения об отказе от коллективных исков формально и официально не запрещены, и в этом отношении прецедентов нет. Однако некоторые ученые полагают, что российские суды не признают эти отказы законными, поскольку они ограничивают права истцов²².

Заключение.

В заключении следует отметить, что использование соглашений об арбитражных оговорках фактически снижает риск судебных разбирательств по групповым или коллективным искам, а также арбитража по коллективным искам. Таким образом, для предотвращения коллективных исков использование арбитражной оговорки/соглашения в со-

глашениях о франчайзинге является эффективным способом. Однако избежать арбитража по коллективным искам сложнее, поэтому отказы от коллективного арбитража часто предусматриваются франчайзерами в арбитражной оговорке, включенной в их соглашения о франчайзинге. Одновременно возможность приведения в исполнение этих отказов от арбитража класса может быть оспорена по двум основаниям. Сторона (обычно франчайзи) либо оспаривает отказы от групповых действий как “недобросовестные” в соответствии с конкретным национальным/государственным контрактным законодательством, либо оспаривает отказы от групп как “недействительные”, поскольку такие отказы исключали эффективное подтверждение законных прав. Поэтому вопрос о том, действительно ли использование арбитражных соглашений даже с явно включенными отказами от арбитража по коллективным искам помогает предприятиям (обычно франчайзерам) избежать арбитража по коллективным искам или нет, частично зависит от применимого законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Бекещенко Е. и Лысенко Д. Litigation and enforcement in the Russian Federation. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/5-502-0694> (дата обращения: 25.12.2021).
2. Медведев С. Russia: Franchise & Licensing (2019). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gorodisky.com/publications/articles/russia-franchise-licensing/> (дата обращения: 15.12.2021).
3. Cohen F.A., & Lagarias P. C. (2009). The anatomy of a franchise class action // American Bar Association. – Toronto, Canada.
4. Dienelt J. F. & Middleton M. E. (2001). Settling Franchise class actions // Franchise Law Journal. – 21. – 113.
5. Drahozal C. R. (2001). “Unfair” Arbitration Clauses // University of Illinois Law Review. – 695-727.
6. Drahozal C. R. & Wittrock Q. R. (2008). Is there a Flight from Arbitration? // Hofstra Law Review. – 37. – 71-95.
7. Drahozal C. R. & Wittrock Q. R. (2008). Franchising, Arbitration, and the Future of the Class Action. // Entrepreneurial Business Law Journal, 3, 275.
8. Dunham E. W. (1996). The Arbitration Clause as Class Action Shield. // Franchise Law Journal, 16, 141.
9. Leitner M.M. & Goode J.S. (2010). Class Action Prohibitions and the Effect of Contract Rules on the Collective Pursuit of Common Claims. // Franchise Law Journal, 30, 166.
10. Lewis L. & Dighe R., 7-Eleven to pay 98 million to settle class actions brought by franchisees, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.twobirds.com/en/news/articles/2021/australia/7eleven-to-pay-98-million-to-settle-class-actions-brought-by-franchisees> (Дата обращения: 15.12.2021);
11. Rutledge P. B. & Drahozal C. R. (2014). Sticky Arbitration Clauses-the Use of Arbitration Clauses after Concepcion and Amex. // Vanderbilt Law Review, 67, 997.
12. Rutledge P. B., & Drahozal C. R. (2014). Sticky Arbitration Clauses-the Use of Arbitration Clauses after Concepcion and Amex, Vanderbilt Law Review, 67, p. 997.

17 Doctor’s Associates, Inc. v. Hollingsworth, 949 F. Supp. 77 (D. Conn. 1996) // Justia US Law. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/949/77/1453512/>.

18 Bonanno v. Quizno’s Franchise Company, LLC, Civil Action No. 06-cv-02358-CMA-KLM (D. Colo. Apr. 20, 2009) // Casetext. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://casetext.com/case/bonanno-v-quiznos-franchise-company-2>.

19 AT&T Mobility LLC v. Concepcion – 563 U.S. 333, 131 S. Ct. 1740 (2011) // LexisNexis. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lexisnexis.com/community/casebrief/p/casebrief-at-t-mobility-llc-v-concepcion>.

20 Ibid.

21 International Comparative Legal Guides – Franchise 2020, sixth edition. Global Legal Group Ltd., London.

22 Yuryev S. & Sviridova T. CMS Expert Guide to European class actions – Russia (2021) // CMS Law-tax-future. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-european-class-actions/russia> (дата обращения: 15.12.2021).

МИЛИЦИНА Екатерина Сергеевна

старший преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета

ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО СПОРАМ О РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

Правильное распределение обязанности по доказыванию является одним из условий верного разрешения гражданского спора по существу. Рассматриваются практические аспекты распределения между сторонами обязанности по доказыванию в делах о разделе супругами совместно нажитого имущества. Приведены правовые позиции Верховного суда РФ, касающиеся возложения обязанности по доказыванию при разделе имущества, приобретенного в период фактического раздельного проживания. Описывается механизм определения статуса долгов супругов как общих или личных. Статья может быть полезна в практической деятельности судебным юристам.

Ключевые слова: бремя доказывания, распределение бремени доказывания, совместно нажитое имущество, раздел имущества, общие долги супругов, личные долги супругов.

Милицина Е. С.

MILITSINA Ekaterina Sergeevna

senior lecturer of Civil Process sub-faculty of the Ural State Law University

PECULIARITIES OF BURDEN OF PROOF ALLOCATION IN DISPUTES ON MATRIMONIAL PROPERTY DIVISION

The correct allocation of burden of proof is one of the conditions for correct resolution of civil disputes. Some practical aspects concerning burden of proof allocation in disputes on matrimonial property division are revealed. Rules that the Supreme Court of Russian Federation has developed to allocate the burden of proof between the parties are provided. The method of determining the spouses' debts status as common or personal is described. The article may be useful in practice for litigators.

Keywords: the allocation of burden of proof, burden of persuasion, matrimonial assets and liabilities, matrimonial debt, civil procedure.

Споры между супругами о разделе совместно нажитого имущества составляют значительную категорию семейных споров и всех дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции. Подходы к разрешению таких дел, в основном, устоялись в судебной практике, поскольку нормативное регулирование остается неизменным многие годы, а разъяснения, закрепленные Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», действуют с 1998 года (с последующими редакциями)¹. Тем не менее, ряд существенных нюансов в отношении распределения бремени доказывания был выработан судебной практикой в недавнее время. Остановимся подробнее на некоторых из них.

В предмет доказывания по делам о разделе имущества между супругами традиционно включаются следующие факты²:

факт заключения брака в установленном законом порядке;

состав и стоимость имущества, приобретенного в период брака, а также основания его приобретения (для целей исключения личной собственности супругов);

стоимость спорного имущества на момент рассмотрения спора судом;

наличие брачного договора или иного соглашения о разделе имущества;

иные обстоятельства, влияющие на определение размера долей супругов и правовой режим имущества (например, интересы несовершеннолетних детей, проживающих с одним из супругов – п. 2 ст. 39 Семейного кодекса РФ или значительное улучшение личного имущества одного супруга силами и средствами другого супруга – ст. 37 Семейного кодекса и т.д.)³.

Распределение бремени доказывания означает отнесение обязанности доказывать перечисленные выше обстоятельства на сторону истца либо на сторону ответчика. По общему правилу, закрепленному в ч. 1 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее - ГПК), «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом». При этом обязанность определить конечный круг этих обстоятельств и распределить обязанность по их доказыванию между сторонами возлагается на суд (ч. 2 ст. 56 ГПК)⁴.

1 Постановление Пленума Верховного суда РФ от 05.11.1998 №15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ (дата обращения: 31.01.2022).

2 Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. – 6-е изд., доп. и перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – С. 297–301.

3 Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения 31.01.2022).

4 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 31.01.2022).

Логично, что истцу как инициатору спора придется доказывать факт приобретения в период брака спорного имущества, а также обосновывать его стоимость. Сторона, настаивающая на отступлении от принципа равенства долей супругов, должна доказать наличие основания для такого отступления. Например, сослаться на интересы несовершеннолетних детей, остающихся при этом супруге.

В менее очевидных случаях суды не всегда верно распределяют обязанности по доказыванию между сторонами.

Например, в случае приобретения одним из супругов недвижимости после фактического прекращения семейных отношений, но до формального расторжения брака возникает необходимость определить правовой режим такого имущества: общее совместное (поскольку приобретено в период брака) или личное (так как нажито одним из супругов в период раздельного проживания – п. 4 ст. 38 Семейного кодекса РФ). Разрешая такой спор, суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований о разделе квартиры, мотивируя это тем, что «квартира приобреталась после фактического прекращения семейных отношений, а допустимых и достоверных доказательств, указывающих на ее приобретение за счет совместных денежных средств, Л. (бывшим супругом) не представлено»⁵. Суды апелляционной и кассационной инстанций заняли противоположную позицию, решив признать спорную квартиру совместной собственностью и разделить её, поскольку «указанная квартира приобретена через два месяца после фактического прекращения семейных отношений сторон, А. (бывшей супругой) не представлено достоверных доказательств наличия у нее личных денежных средств на приобретение квартиры». Заметно, что разница подходов заключается именно в распределении бремени доказывания обстоятельств, имеющих значение для дела, между бывшими супругами. Пересматривая это дело по существу, Верховный суд обратил внимание, что заявивший требование о разделе спорной квартиры Л. (бывший супруг) не оспаривает, что она была приобретена уже в период раздельного проживания супругов, после фактического прекращения семейных отношений, но утверждает, что потраченные на покупку деньги были общими. Следовательно, руководствуясь общим правилом о распределении бремени доказывания, именно Л. и должен был доказывать эти обстоятельства (например, отсутствие у супруги личных накоплений или достаточного текущего дохода для такой покупки и т.п.). «В силу этого возложение судом апелляционной инстанции на А. (бывшую супругу) бремени доказывания факта использования ее личных денежных средств на приобретение квартиры противоречит требованиям закона», – указал Верховный суд, направив дело на новое рассмотрение. Такая правовая позиция представляется обоснованной, поскольку прямо следует из норм закона.

Зачастую помимо совместно нажитого имущества супругам приходится делить и долги, то есть свои обязательства перед третьими лицами. Центральным вопросом в таких спорах является определение того, является ли долг личным (и, следовательно, не подлежащим разделу) или общим. Упомянутое постановление пленума № 15 не содержит разъяснений на этот счет, поэтому судебная практика

складывалась по-разному. Семейный кодекс устанавливает презумпцию режима общей совместной собственности для имущества, приобретённого в браке, но не содержит аналогичного регулирования в отношении долгов. Поэтому неверно исходить из предположения, что все долги в период брака являются по умолчанию общими. Наоборот, долг будет считаться личным обязательством того супруга, на которого оформлен договор займа, кредитной договор и т.п., пока не будет доказано, что заемные денежные средства были израсходованы на нужды семьи. При этом бремя доказывания этих обстоятельств возлагается на того из супругов, который требует раздела долга. Такая правовая позиция была высказана Верховным судом РФ по конкретному делу⁶ и в настоящее время повсеместно применяется судами, в том числе арбитражными (например, вопрос о разделе долгов может возникнуть в деле о банкротстве физического лица)⁷.

Таким образом, для правильного разрешения по существу спора о разделе имущества критически важно правильно распределить между супругами обязанность по доказыванию обстоятельств, имеющих значение для дела. Ошибочное распределение обязанности по доказыванию между сторонами приводит суд к неверным выводам по существу спора и, следовательно, препятствует восстановлению прав супругов.

Пристатейный библиографический список

1. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. – 6-е изд., доп. и перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 448 с.

6 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) раздел III п. 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196727/ (дата обращения: 31.01.2022).

7 См., например, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.12.2019 N Ф06-27583/2017 по делу № А55-3404/2017 и Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 17.12.2019 по делу № 33-3-9939/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

5 Определение Верховного суда РФ от 18 мая 2021 г. № 72-КГ21-1-К8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1997934 (дата обращения: 23.01.2022).

АЛИЕВ Нурлан Арифович

аспирант, преподаватель кафедры международного права и политологии Самарского государственного экономического университета

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТОВАРИЩЕСТВ И ОБЩЕСТВ

В статье рассматривается понятие правосубъектности хозяйственных товариществ и обществ. Отражается эволюция понятия правосубъектности. Описываются различия хозяйственных товариществ и хозяйственных обществ с точки зрения организационной составляющей. Показываются особенности отношений, возникающих между участниками отношений, их права и обязанности. Делаются выводы о предметном применении понятия правосубъектности юридического лица в современной юридической литературе.

Ключевые слова: правосубъектность, хозяйственные товарищества, хозяйственные общества, юридическое лицо.

ALIEV Nurlan Arifovich

postgraduate student, lecturer of International law and political science sub-faculty of the Samara State University of Economics

LEGAL PERSONALITY OF BUSINESS PARTNERSHIPS AND COMPANIES

The article discusses the concept of legal personality of business partnerships and companies. The evolution of the concept of legal personality is reflected. The differences between business partnerships and business companies from the point of view of the organizational component are described. The features of the relations arising between the participants of the relationship, their rights and obligations are shown. Conclusions are drawn about the subject application of the concept of legal personality of a legal entity in modern legal literature.

Keywords: legal personality, business partnerships, business companies, legal entity.

Правовая конструкция юридического лица нацелена служить интересам физических лиц. Со времён Римского права стало уже привычным, что юридическое лицо и выступает полноценным носителем прав и обязанностей, реальным субъектом права, что права (интересы) конкретного юридического лица принадлежат ему самому, но никак не людям, (учредителям, участникам). Пользуясь историческим методом исследования, цивилисты выяснили, что цель такого союза ставилась длительнее, чем одна жизнь, а возможный состав союза предполагался шире, чем один человек, союз требовал сохранения от раздела между наследниками в случае смерти его главы, требовал решения задачи продолжения отлаженной торговой деятельности; поэтому создатели союза старались обособить его от отдельных физических лиц, входящих в его состав.

Целью данной статьи мы ставим выявление своеобразия правосубъектности хозяйственных товариществ и обществ. Интересующая автора специфика обусловлена общекорпоративным интересом, направленным на изыскание компромисса между интересами юридического лица и физических лиц – между интересами субъектов с различными потребностями. Автор предлагает называть данную специфичность «корпоративной».

Понятие «правосубъектность» появилось в правовой терминологии к началу XX в. Первым из актов, где оно было нормативно употреблено, – была ст. 6 Всеобщей декларации прав человека. Интересно, что начало исследования понятия юридического лица как участника хозяйственного оборота было отнесено историками к периоду раннего Средневековья. Уже в тот период времени правоведы расценивали правоспособность союза отдельных лиц наравне с индивидами [1, с. 675]. Подобные союзы выступали сложной организованной структурой, которая объединяла людей в целостную систему, признаваемую субъектом гражданского права с точки зрения закона. Все это породило большое число концепций, призванных трактовать природу возникновения этих союзов [2, с. 10].

Тот факт, что существует несколько различных мнений относительно дефиниции правосубъектности юридического лица, ее содержания и видов, можно объяснить воздействием нескольких факторов. Прежде всего, таким фактором вы-

ступает недостаточная изученность объекта исследования. Также сюда можно включить и наличие множества отличающихся друг от друга организационно-правовых форм функционирования юридических лиц.

Понятие «правосубъектность» и поныне выступает предметом дискуссий исследователей. В научно-правовой доктрине сегодня акцентируется три основных направления касемо термина «правосубъектность юридического лица». В традиционном смысле правосубъектность юридического лица трактуется как совокупность правоспособности и дееспособности рассматриваемого лица.

Также можно встретить определение, трактующее правосубъектность как способ оценки объема и характера прав, принадлежащих конкретному субъекту [3, с. 37-39]. Так п. 3 ст. 49, п. 2 ст. 51 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) определяет тот факт, что правоспособность и дееспособность юридического лица закрепляются за ним в процессе его государственной регистрации одновременно.

Также имеет смысл рассмотреть еще один подход, раскрывающий термин правосубъектности юридического лица. Одним из ключевых элементов любого правоотношения в этом подходе выступают непосредственно участники. П. И. Стучка еще в 1927 г. говорил о том, что лицо должно быть правоспособно, что отражается в наличии у него законного права выступать в качестве субъекта права [4, с. 183].

Существует еще одно направление расширенного характера в трактовке понятия правосубъектности. Оно подразумевает, что сущность правосубъектности заключается не только в правоспособности, но и в субъективных правах и обязанностях, которые регламентируются в рамках ныне действующего законодательства. При этом, субъективные права представляют собой дозволенное или же возможное поведение лица, которое установлено законом и включает в себя возможность требования конкретного поведения от обязанного лица. Отметим, что корпоративным отношениям хорошо известен запрос коллектива на позитивное поведение каждого его члена. Ярким примером проявления такого запроса представляется «Кодекс корпоративного поведения», прекрасно укладывающийся в силуэт данного подхода, удовлетворяющий его требованиям.

Рассмотрим заглавный вопрос настоящей статьи. Почему содержание правосубъектности юридического лица зависит от его организационно-правовой формы? Вслед за Аристотелем и Кантом, мы дадим подобающий ответ: потому что именно формой и обуславливается содержание явления: права и обязанности самой организации, объем прав и обязанностей ее участников, порядок руководства ею. Известно, что коммерческое юридическое лицо может быть создано в форме полного товарищества и товарищества на вере (хозяйственные товарищества); закрытого или открытого акционерного общества, общества с ограниченной ответственностью или с дополнительной ответственностью (хозяйственные общества); производственного кооператива и унитарного предприятия (выходят за пределы нашей статьи).

Выделим общие признаки, присущие хозяйственным товариществам и обществам. Во-первых, и те, и другие это – организации, т.е. юридические лица; соответственно, они наделены теми признаками, которые предусмотрены ст. 48 ГК РФ и теми чертами юридических лиц, что изложены нами ранее. Во-вторых, общей выступает и цель создания товариществ и обществ – систематическое занятие деятельностью, направленной на извлечение дохода. В-третьих, их материальная база изначально формируется за счет вкладов учредителя и составляет уставный (складочный) капитал. В-четвертых, имущество товарищества или общества, полученное от партнеров, а также приобретенное в процессе деятельности, принадлежит ему на праве собственности. Участники, наоборот, права собственности на такое имущество не имеют, а приобретают обязательственные права в отношении товарищества или общества. В-пятых, участники распределяют между собой прибыль, полученную в результате их хозяйственной активности.

Следует признать, что хозяйственные товарищества и хозяйственные общества, имея много общего, вместе с тем обладают и существенными различиями. Перечислим их:

1) под хозяйственными товариществами следует понимать объединение лиц, непосредственно участвующих в деятельности товарищества. В то же время, хозяйственные общества являют собой группировку капиталов;

2) товарищество представляет из себя договорное объединение лиц и не может быть создано одним лицом; у хозяйственного же общества допускается один учредитель (ст. 7 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закона об ООО), п. 6 ст. 98 ГК РФ);

3) учредителями товарищества вправе быть исключительно юридические лица и индивидуальные предприниматели, в то время как создать хозяйственное общество может любое лицо; следствием этого мы имеем различный правовой статус участников хозяйственных обществ и товариществ;

4) учредители товарищества солидарно несут субсидиарную (дополнительную) ответственность по обязательствам организации (т.е. при недостаточности имущества должника-товарищества оставшаяся часть долга покрывается за счет имущества учредителя), участники же хозяйственного общества несут риск убытков единственно в рамках вклада, внесенного в уставный капитал (кроме общества с дополнительной ответственностью);

5) уставный капитал в хозяйственных обществах призван быть основной гарантией прав кредиторов, законодательство устанавливает его минимальный размер (ст. 26 Федерального закона «Об акционерных обществах» (далее – Закона об АО), ст. 14 Закона об ООО); у хозяйственного товарищества – иначе: минимального размера складочного капитала нет, а гарантия кредиторов состоит в субсидиарной ответственности по долгам товарищества;

6) участие в обществе передается более свободно, чем в товариществе;

7) особое значение в товариществах несет личный элемент. Смена состава партнеров способствует прекращению существования товарищества, если иное не предусмотрено уставными документами. Хозяйственные общества при смене состава участников продолжают свою деятельность в прежнем режиме;

8) дела товарищества ведут сами участники непосредственно, в то время как деловая организация общества осуществляется через органы его управления;

9) закон формирует между участниками товарищества более тесные отношения в отличие от хозяйственного общества: так, управление в полном товариществе строится по общему согласию; кроме того, единственный учредительный документ в товариществах это – договор между участниками

10) деятельность хозяйственного общества регламентируется законом о защите инвесторов, что связано с использованием в деятельности стороннего («чужого») капитала. Регламентирующее деятельность товариществ законодательство преимущественно содержит в себе непосредственно диспозитивные нормы.

Остановим внимание читателя на моменте возникновения правосубъектности юридического лица. Обычно юридическое лицо, рассматриваемое с точки зрения искусственного образования, появляется как следствие наступления ряда юридических фактов, представляющих собой элементы сложного фактического состава, который бы предопределил собой возникновение нового субъекта права. Гражданско-правовой механизм возникновения правосубъектности юридического лица имеет в своем предмете: сделку, совершенную учредителями, либо учредительный договор, а также решение учредителя о создании юридического лица «плюс» акт государственной регистрации. Поэтому административный по своей природе акт играет для появления юридического лица конститутивную роль, в частности, на его основании и в его результате у общественного образования и возникает правосубъектность.

Уделим внимание аспекту реализации юридическим лицом (искусственным образованием) своей правосубъектности. Следует отметить, что физические лица, входящие в состав юридического лица через систему корпоративных отношений, продолжают реализовывать собственную волю, оставаясь при этом самостоятельными субъектами. Учитывая специфику внешних отношений, когда юридическое лицо осуществляет сотрудничество с контрагентами, физические лица начинают рассматриваться как составляющие части этого юридического лица, олицетворяя принципы организационного единства. Это проявляется в выражении воли юридического лица во внешних отношениях, действуя от его имени без доверенности. Следовательно, можно сказать, что юридическое лицо субстантивно (содержательно) реализует собственную правосубъектность через свои органы, а именно – через физические лица. Обратим внимание, что правосубъектность юридических лиц нуждается во внешнем признании через внесение в реестр. Тем она и отличается по своему юридическому содержанию от правосубъектности физических лиц, что она не существует ни до наделения статусом, ни после прекращения этого статуса.

В этом автор и видит специфику корпоративного представительства: физические лица, связанные корпоративными отношениями с конкретным юридическим лицом, вырабатывают своей волей его волю. Последняя же не сводится к воле самих представителей, ибо через них совершает юридически значимые действия само юридическое лицо, а не они.

Неординарность корпоративного представительства нашла свое зеркальное отражение в практике Конституционного суда, что стало следствием смягчения критериев допустимости обращений предпринимателей. Также был существенно увеличен круг их субъектов и предмет этих обращений. Отсюда встает вопрос относительно причин признания за юридическими лицами, которые осуществляют предпринимательскую деятельность, права на обращение. А именно для акционерных обществ, товариществ, обществ с ограниченной ответственностью. Потому что хозяйственные товарищества и общества – это юридические лица. Они созданы гражданами для совместной реализации права свободно использовать способности и средства для не запрещенной законом экономической деятельности. Все это говорит о тесной связи их деятельности и реализации конституционных прав задействованных физических лиц. Как следствие, это

дает им право на обращение с конституционной жалобой в судебные.

Отраженное ранее содержание реализации гражданской правосубъектности юридического лица нуждается в конкретном оформлении. Одной из форм подобной реализации выступает решение органа правления юридического лица. Таковыми могут выступать совет директоров, общее собрание участников, правление и любой другой коллегиальный орган юридического лица.

Следует помнить, что любой нормативно-правовой или иной правовой акт выступает в качестве акта публичной власти [5, с. 41]. Можно сказать, что оно не выступает источником права, так как не выступает ни в качестве сделки, ни в качестве индивидуального (ненормативного) акта. В то же время, закон и правовая доктрина делают возможным отнесение подобного рода актов в категорию юридических фактов. В связи с этим становится возможным применять в их отношении общие нормы законодательства о признании их недействительными.

Небезынтересны отношения между коллективным образованием и его участниками. Участники коллективного образования имеют право получать информацию о деятельности юридического лица, иметь доступ ко всей регламентирующей деятельность документации, обжаловать решения органов, требовать и получать возмещение убытков, которые были причинены юридическому лицу и оспаривать от его имени совершенные им сделки.

Право партнеров управлять делами товарищества или общества проистекает из природы объекта. Но и тут есть исключения: вкладчики в товариществе на вере не вправе участвовать в управлении и ведении дел товарищества на вере, выступать от его имени иначе как по доверенности (п. 2 ст. 84 ГК РФ); акционеры – владельцы привилегированных акций общества не имеют права голоса (ст. 32 Закона об АО) на общем собрании акционеров, если иное не установлено законом, при решении ряда вопросов, например, о реорганизации и ликвидации общества. В законах дана конкретизация порядка такого управления: в полном товариществе – ст. 71 ГК РФ, в товариществе на вере – ст. 84, в обществе с ограниченной ответственностью и обществе с дополнительной ответственностью – ст. 91 ГК РФ, гл. IV Закона об ООО, в акционерном обществе – ст. 103 ГК РФ, гл. VII – VIII Закона об АО.

Упомянем права, которые принадлежит всем участникам хозяйственных товариществ и обществ: права принимать участие в распределении прибыли и права на ликвидационную квоту (т.е. на часть имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или на его стоимость).

Для права требовать исключения другого партнера из товарищества или общества закон также установил свои изъятия: акционеры публичных акционерных обществ не вправе требовать этого.

Существуют общие права хозяйственных товариществ. Они нашли свое отражение в ГК РФ. Но также имеют место и иные права, заключенные в содержании федеральных законов. Существует и ряд неимущественных прав, к которым относятся право внесения предложений на повестку собрания и право выхода из состава участников хозяйственного товарищества или общества.

Учредительные документы могут включать в себя и иного рода права, которыми будет обладать конкретное хозяйственное товарищество. Например, согласно п. 2 ст. 8 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, существует ряд преимуществ в вопросах получения дохода от деятельности общества и голосования на собраниях, а также других, связанных с деятельностью общества вопросов.

Далее имеет смысл рассмотреть обязанности участников хозяйственного товарищества. Следует отметить, что обязанности возникают у создателей товарищества уже с момента его основания. Таковыми выступают формирование уставного капитала; участие в образовании имущества; неразглашение конфиденциальной информации; участие в принятии корпоративных решений; воздержание от заведомо вредных действий, затрудняющих достижение целей.

Есть и другие виды обязанностей. Они установлены федеральными законами. Примерами послужат: обязанность общества, созывающего общее собрание участников, заранее сообщить о его проведении всем заинтересованным лицам. Участники ООО в свою очередь обязаны извещать всех участников общества о продаже своей доли в уставном капитале общества. Согласно статье 9 Закона об Обществах с ограниченной ответственностью, в уставе общества могут быть отражены дополнительные обязанности, которые возлагаются на всех участников общества или на отдельного участника, если он дал на это свое согласие. А именно голосовал «за» или дал расписку.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что существование корпорации в существенной степени зависит от ее способности защищаться. Как следствие, предлагается именовать корпоративными те отношения, которые складываются в рамках существования юридического лица. Это дает возможность привлекать к гражданско-правовой и корпоративной ответственности субъектов управления как перед отдельными участниками юридического лица, так и перед ним в целом.

Нередки случаи, когда корпорация прибегает к самозащите даже от своего участника. Разумеется, в процессе развития были созданы отдельные нормы об ответственности за неисполнение обязанностей участниками. Так, по ст. 10 Закона об ООО, участника, который затрудняет деятельность общества партнеры вправе требовать в суде исключить из общества.

Другой пример. Согласно ст. 1472 ГК РФ нарушитель исключительного права на секрет производства, обязан возместить причиненные убытки.

Следующий пример ответственности. Акция, принадлежащая акционеру, не предоставляет ему права голоса до момента ее полной оплаты, если иное не предусмотрено уставом общества.

Завершая работу, подчеркнем, что термин «правосубъектность юридического лица» занял прочное место в научной доктрине. Несмотря на то, что данный термин относительно молод в современной науке и появился только в первой четверти XX века, можно отметить полностью отражения в нем реальных общественных отношений. Можно сделать вывод, что теоретическая значимость данной научной категории велика и может выступать как один из инструментов цивилистики.

Результатом проведенного анализа является вывод о том, что юридическая литература обнаружила в себе предметное применение категории правосубъектности юридического лица. Это связано с возможностью выявления необходимых качеств, которыми должны обладать субъекты права, чтобы наиболее полно приобретать и осуществлять гражданские права и исполнять обязанности, которые предусмотрены действующим законом.

Пристатейный библиографический список

1. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. – М.-Л., 1948; М.: Изд. АН СССР, 1948. – 834 с.
2. Грибанов В. П. Юридические лица. – М.: Изд-во Моск. ун-та, им. М. В. Ломоносова, 1961. – 115 с.
3. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М.: Госюриздат, 1958. – 183 с.
4. Стучка П. И. Курс советского гражданского права. Т. 1. – М.: Изд. Коммунистической академия, Секция права и государства, 1927. – 230 с.
5. Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. – М.: Статут, 2005. – 474 с.

ГЕРГОЛЕНКО Михаил Алексеевич

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ДОЛЖНИКА ЛИЦА В ПРОЦЕДУРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

В статье исследована проблема определения правового положения контролирующего должника лица в процедуре несостоятельности (банкротстве).

В настоящий момент исследуемая проблематика является наиболее актуальной, законодатель и правоприменители не определились с правовым положением контролирующего должника лица и его местом в банкротной процедуре.

Автор анализирует банкротное законодательство и делает вывод о наличии у контролирующего должника лица как материальных, так и процессуальных прав и обязанностей, формирующих правовой статус контролирующего должника лица в банкротной процедуре.

Автором проанализированы судебные акты Верховного и Конституционного Суда Российской Федерации, которые сформировали новый правовой подход о необходимости расширения процессуальных возможностей контролирующих должника лиц, в целях соблюдения равенства прав участников дела о банкротстве на судебную защиту. Был сделан вывод о существовании у контролирующего должника самостоятельного законного интереса в банкротной процедуре, что в свою очередь может стать предпосылкой для включения контролирующего должника лица в состав лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, производство по делу о банкротстве, контролирующее должника лицо, корпоративный контроль.

GERGOLENKO Mikhail Alekseevich

postgraduate student of Entrepreneurial and corporate law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ON SOME PROBLEMS OF DETERMINING THE LEGAL POSITION OF THE CONTROLLING DEBTOR IN THE INSOLVENCY (BANKRUPTCY) PROCEDURE

The article examines the problem of determining the legal position of the controlling debtor in the insolvency (bankruptcy) procedure.

At the moment, the problem under study is the most relevant, the legislator and law enforcement officers have not decided on the legal position of the controlling debtor and its place in the bankruptcy procedure.

The author analyzes the bankruptcy legislation and concludes that the controlling debtor has both material and procedural rights and obligations that form the legal status of the controlling debtor in the bankruptcy procedure.

The author analyzes judicial acts of the Supreme and Constitutional Courts of the Russian Federation, which have formed a new legal approach on the need to expand the procedural capabilities of persons controlling the debtor, in order to respect the equality of rights of participants in a bankruptcy case to judicial protection. It was concluded that the controlling debtor has an independent legitimate interest in the bankruptcy procedure, which in turn may become a prerequisite for the inclusion of the controlling debtor in the composition of persons participating in the bankruptcy case.

Keywords: bankruptcy, insolvency

О материальных правах и обязанностях контролирующего должника лица в процедуре банкротства

Последняя масштабная реформа института субсидиарной ответственности в процедуре несостоятельности (банкротстве) существенным образом изменила соотношение сил в банкротной процедуре. Закон о банкротстве в действующей редакции стал сверхкредиторским, существенно выросло количество обособленных споров о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. В правоприменительной практике стала прослеживаться негативная тенденция, когда основной целью участия кредиторов в деле о банкротстве становится не восстановление своих имущественных прав и законных интересов, а привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

Законодатель и правоприменители не определились с правовым положением контролирующего должника лица и его местом в банкротной процедуре.

По мнению О. Е. Кутафина, при рассмотрении вопросов о месте субъекта правового общения в обществе и государстве недостаточно ограничиться лишь анализом прав, свобод и обязанностей, т.е. правовым статусом этого субъекта. В этот анализ необходимо вовлечь и другие институты: гражданство, правосубъектность, гарантии, ответственность. Совокупность всех этих институтов, по их мнению, и образует комплексную правовую категорию – правовое положение субъекта [1].

Алексеев С. С. не проводил различий между понятиями «правовой статус» и «правовое положение», рассматривая их как синонимы, под правовым статусом он понимал позицию лица по отношению к другим субъектам [2].

Первоначально термин «правовой статус» разрабатывался теоретиками права применительно к вопросу о правах и свободах личности, затем он стал использоваться в отношении юридических лиц, публично-правовых образований, включая государство, других отраслях.

Анализ нормативных актов, научной юридической литературы и других источников позволяет говорить о том, что термины «правовой статус» и «правовое положение» в основном применяются для юридической характеристики субъектов и признаются равнозначными.

В. С. Нерсесянц определял правовой статус как правовое положение, законодательно закрепленную право- и дееспособность в сфере частных и публично-властных отношений [3].

Важно отметить, что основные дискуссии ведутся по вопросам объема содержания понятия правового статуса, его соотношения с правосубъектностью, правоспособностью, дееспособностью, особенностью применения в статике и динамике.

Как отмечает Н. В. Витрук, состав правового положения – это не просто понятие, а модель, отражающая сложное структурное строение правового положения. Отношение между правовым положением и его составом есть отношение между явлением и его идеальной моделью [4].

Представляется, что критерием для определения элементного состава правового положения контролирующего должника лица выступает выявленная правовая сущность контролирующего должника лица, а также цель введения указанной категории в законодательство о несостоятельности (банкротстве). С учетом изложенного, в качестве элементов правового положения контролирующего должника лица как субъекта конкурсных отношений необходимо выделить: 1) правовые нормы, устанавливающие условия для признания лица контролирующим должника лицом. 2) субъективные права, юридические обязанности и законные интересы контролирующего должника лица 3) юридическую ответственность контролирующего должника лица в качестве участника конкурсных отношений 4) правовую основу участия контролирующего должника лица в конкурсных отношениях.

В настоящей работе хотелось бы провести анализ прав, юридических обязанностей и законных интересов контролирующих должника лиц.

Категория контролирующих должника лиц, которая, является частным проявлением института контролирующих лиц в частном праве, были введена в конкурсное законодательство в первую очередь с целью определения круга лиц, которые могут быть привлечены к банкротной ответственности за действия (бездействие), произошедшие до введения в отношении должника процедуры банкротства.

Особенностью контролирующего лица является то что, оно имеет возможность определять действия подконтрольного юридического лица, формировать его волю. Следствием формирования воли подконтрольного лица является обязанность действовать разумно и добросовестно по отношению к нему.

Закон о банкротстве не предусматривает для контролирующих должника лиц обязанность действовать разумно и добросовестно в интересах должника, аналогично положениям Гражданского кодекса РФ [5]. Тем не менее, Закон о банкротстве предусматривает ответственность в том случае, если контролирующее должника лицо причинило вред правам кредиторов и не доказало при этом, что действовало разумно и добросовестно.

Если провести анализ указанного положения, то можно сделать вывод, что содержание ответственности вытекает из обязанности всех контролирующих должника лиц действовать разумно и добросовестно в отношении должника.

Обязанность контролирующего должника лиц действовать разумно и добросовестно прямо и не закреплена в законодательстве, но ответственность за нарушение такой обязанности фактически введена ст. 61.11 Закона о банкротстве. В российском законодательстве ответственность контролирующего лица перед подконтрольным лицом базируется на концепции фидуциарных обязанностей.

Концепция фидуциарных обязанностей пришла в российское законодательство из англо-американского права. Концепция фидуциарных обязанностей была разработана на базе права трастов и агентирования. Сначала она распространялась на лиц, исполняющих функции единоличного исполнительного органа в корпорации, впоследствии сфера ее применения была расширена и стала применяться в целом на всех контролирующих лиц.

Согласно концепции фидуциарных обязанностей, контролирующее лицо должно проявлять заботу (duty of care), действовать разумно и добросовестно по отношению к подконтрольному лицу. Важно отметить, что разумность и добросовестность действий контролирующего лица являются оценочными категориями и устанавливаются судом каждый раз при рассмотрении конкретного дела по привлечению контролирующего лица к корпоративной ответственности.

Применительно к контролирующему лицу категория добросовестности и разумности применяется не в общегражданском смысле, а имеет более узкое значение, которое обусловлено обязанностями контролирующего лица сохранять самостоятельность подконтрольного лица, быть лояльным по отношению к нему, не допускать конфликта интересов, не совершать умышленных действий, причиняющих вред подконтрольному лицу [6].

Помимо обязанности действовать добросовестно и разумно в отношении должника, анализируя Закон о банкротстве у контролирующего должника лица можно выделить также и другие обязанности:

- обязанность обеспечить передачу бухгалтерской и иной документации должника, печатей, штампов, материальных и иных ценностей конкурсному управлению;
- обязанность обратиться с заявлением должника о признании банкротом или способствовать принятию решения об обращении с заявлением, о банкротстве;
- обязанность опубликовать сведения о наличии признаков банкротства или обстоятельств, которые свидетельствуют о таком наличии, и принимать меры для предотвращения банкротства;
- обязанность действовать с учетом интересов кредиторов в случае наличия признаков банкротства или обстоятельств, которые свидетельствуют о таком наличии.

Таким образом, несмотря на то, что в Законе о банкротстве материальные права и обязанности контролирующего должника лица прямо не закреплены, тем не менее, через анализ общего гражданского законодательства и специального банкротного можно сделать вывод о том, что контролирующие должника лица все же имеют материальные права и обязанности, которые в свою очередь являются неотъемлемым элементом их правового статуса.

О процессуальных правах и обязанностях контролирующего должника лица в процедуре банкротства

Правовое положение контролирующего должника лица не ограничивается наличием лишь совокупностью материальных прав и обязанностей, контролирующее должни-

ка лицо, как один из участников банкротной процедуры, обладает и процессуальными правами.

В судебной практике сформировалась устойчивая правовая позиция, согласно которой контролирующее должника лицо наделено правами и обязанностями участвующего в деле о банкротстве лица только в пределах рассмотрения обособленного спора по заявлению о привлечении его к ответственности в соответствии с банкротным законодательством [7]. Выработанная правовая позиция обусловлена положениями Закона о банкротстве, согласно которому контролирующее должника лицо не входит в перечень лиц, участвующих в деле о банкротстве. Складывается очень противоречивая ситуация, когда де-факто одно из основных лиц банкротной процедуры, которое участвует в деле о банкротстве, имеющее законный интерес, в силу закона таким не является. Более того, находясь под давлением имущественных санкций, обладает весьма ограниченными средствами правовой защиты.

В соответствии с банкротным законодательством размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица равен совокупному размеру требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам, оставшихся не погашенными по причине недостаточности имущества должника.

Отсюда становится очевидным, что на размер ответственности контролирующего должника лица влияют две вещи, это совокупный размер требований кредиторов к должнику, и объем конкурсной массы должника.

Судебный акт, устанавливающий размер требований кредиторов или влияющий на объем конкурсной массы должника, напрямую затрагивает права и законные интересы контролирующего должника лица, отсюда следует, что у него существует реальная юридическая заинтересованность в исходе дела. Однако контролирующее должника лицо ограничено в возможности защиты своих прав и законных интересов рамками обособленного спора, законодатель не дает привлекаемому к ответственности лицу в полной мере реализовать свое право на судебную защиту. В таком случае возникает вопрос, какими средствами правовой защиты контролирующему должнику лицу можно влиять на объем конкурсной массы, на совокупный размер требований, если оно «заперто» в обособленном споре. Ведь, по сути, все споры в деле о банкротстве прямо или косвенно влияют на размер требований кредиторов и объем конкурсной массы [8].

Важно отметить, что контролирующее должника лицо не всегда было ограничено в своих процессуальных правах. В ранее действовавшей редакции Закона о банкротстве в п. 6 ст. 10 было установлено, что лица, в отношении которых поданы заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, а также к ответственности в виде возмещения причиненных должнику убытков, имеют права и несут обязанности лиц, участвующих в деле о банкротстве. Контролирующие должника лица, с момента подачи заявления о привлечении к ответственности в рамках Закона о банкротстве, наравне с конкурсными кредиторами могли принимать участие в любых обособленных спорах, обжаловать судебные акты по любым обособленным спорам, которые были приняты в рамках банкротного дела [9].

С чем связана такая непоследовательность законодателя в правовом регулировании института контролирующего должника лиц в процедуре банкротства? Представляется, что

она обусловлена неопределенностью их правового положения в банкротной процедуре. Кем является контролирующее должника лицо: обычным участником обособленного спора в деле о банкротстве или его правовой статус, через призму существования законных интересов, позволяет признать его лицом участвующим в деле о банкротстве.

Правоприменительная практика находится в поиске ответов на вышеупомянутые вопросы, пытается прощупать почву для возможных законодательных изменений, касающихся правового положения контролирующего должника лица в конкурсной процедуре.

В 2020 г. на уровне окружных судов стали появляться правовые позиции, согласно которым контролирующее должника лицо, в отношении которого подано заявление о привлечении к субсидиарной ответственности, имеет возможность обжаловать действия конкурсного управляющего, связанные с недобросовестным формированием конкурсной массы должника [10].

Нельзя не согласиться с указанной позицией, поскольку контролирующее должника лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, имеет в определенной степени противоположные интересы с конкурсными кредиторами должника и конкурсным управляющим, контролирующее должника лицо заинтересовано как в должном формировании конкурсной массы конкурсным управляющим, негативные последствия ненадлежащего исполнения которым своих обязанностей могут быть переложены на привлекаемое лицо, так и в установлении действительных, а не фиктивных требований кредиторов, что прямо влияет на объем потенциального имущественного обязательства контролирующего лица.

Переломным моментом для правоприменительной практики стало Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2021 № 307-ЭС21-9176 по делу № А56-17680/2017 по делу о банкротстве ООО «Финансовая компания «Присцельс». В рамках этого дела Верховный Суд РФ выработал правовую позицию, согласно которой контролирующее должника лицо имеет право активно защищаться в связи с возникновением обособленного спора по заявлению о привлечении его к субсидиарной ответственности. Контролирующее должника лицо также не может быть лишено возможности на обращение в суд с жалобой на действия конкурсного управляющего со ссылкой на отсутствие статуса основного участника дела о банкротстве в соответствии с положениями статьи 34 Закона о банкротстве, поскольку у него есть прямой интерес к снижению объема конкурсной массы, в том числе Верховный Суд отметил, что контролирующее должника лицо имеет прямой интерес к совокупному размеру требований кредиторов [11].

Верховный Суд РФ подтвердил, что контролирующее должника лицо имеет право на активную судебную защиту, тем самым защищая себя от возможных злоупотреблений со стороны конкурсных кредиторов и недобросовестного арбитражного управляющего.

Конституционный Суд РФ развил идеи Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 16.11.2021 № 49-П, где признал за контролирующим должника лицом право на обжалование судебного акта, принятого без его участия, о признании обоснованными требований кредиторов должника за период, когда это лицо являлось контролирующим по отношению к должнику. Конституционный Суд РФ указал, что отсутствие возможности обжаловать судебный акт ухудшает

процессуальные возможности защиты прав указанных лиц, поскольку их доводы остаются без внимания. «Снижение уровня гарантий судебной защиты прав лиц, привлеченных к субсидиарной ответственности, нельзя признать справедливым и соразмерным в контексте предписаний ст. 55 (часть 3) Конституции РФ» [12].

Очевидно, что вышеуказанные судебные акты повлекут за собой кардинальную смену правоприменительной практики по вопросу правового положения контролирующего должника лица в процедуре банкротства. Разработанный правовой подход предоставил контролирующим должникам лицам возможность влиять на размер требований кредиторов и объем конкурсной массы должника путем оспаривания сделок должника и требований кредиторов, обжалования действий конкурсного управляющего в том случае, если он ненадлежащим образом исполняет возложенные на него законом обязанности.

Вслед за становлением нового правового подхода появились и новые практические проблемы. Верховным Судом РФ подтверждено право контролирующего должника лица на активную защиту своих прав и законных интересов в рамках банкротной процедуры, но не совсем понятно, с какого момента это право возникает: с момента принятия заявления о привлечении к субсидиарной ответственности или же с момента привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности? Может ли контролирующее должника лицо, обладающее формально-юридической связью с должником, который в силу только этой связи будет признан контролирующим, участвовать в деле о банкротстве до подачи в отношении него заявления о привлечении к субсидиарной ответственности?

Представляется, контролирующие должника лица, обладающие формально-юридической связью с должником, могут быть беспрепятственно признаны лицами, участвующими в деле о банкротстве, а иные контролирующие должника лица с момента принятия заявления о привлечении к субсидиарной ответственности. Нет никакого смысла откладывать вступление в дело до момента подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, когда обособленные споры по установлению размера требований кредиторов и формированию конкурсной массы должника уже могут находиться в производстве суда и рассматриваться по существу. К примеру, руководитель должника или лицо, которое является мажоритарным участником или акционером должника может сразу вступить в дело о банкротстве, участвовать в установлении требований кредиторов и формировании конкурсной массы, осознавая, что существует высокая вероятность подачи заявления о привлечении его к субсидиарной ответственности. Наделение контролирующих должника лиц статусом лиц, участвующих в деле, помогло бы сбалансировать банкротную процедуру и справиться с возможными злоупотреблениями конкурсных кредиторов и конкурсного управляющего.

Заключение

Контролирующее лицо – это обязательный элемент механизма борьбы со злоупотреблениями принципом ограниченной ответственности, без наличия которого механизм просто не будет существовать. Представляется, что категория контролирующего должника лица введена в банкротное законодательство, с целью выявления реального субъекта, который должен быть привлечен к гражданско-правовой ответственности, в связи с тем, что он действовал недобросовестно

по отношению к подконтрольному юридическому лицу и кредиторам. У контролирующего должника лица существует свой самостоятельный и законный интерес в банкротной процедуре. Этот интерес заключается в защите своих прав при подаче заявления о привлечении к ответственности, предусмотренной банкротным законодательством, в максимально высоком объеме формирования конкурсной массы, в полном удовлетворении требований кредиторов, в определенной степени в восстановлении платёжеспособности должника. Безусловно, нельзя забывать и о возможных недобросовестных интересах контролирующего должника лица, которые могут быть выражены в желании ликвидировать должника и вывести активы с подконтрольного лица, однако существование потенциально недобросовестных интересов не должно ограничивать фундаментальное право любого лица на судебную защиту.

Пристатейный библиографический список

1. Кутафин О. Е. Конституционное право России: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2006. – С. 175.
2. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. – М., 1998. – С. 49.
3. Нерсисянц В. С. Философия права: Учебник для вузов. – М., 1991. – С. 60.
4. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: НОРМА, 2008. – С. 30.
5. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // СПС Консультант-плюс.
6. Коновалов А. В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 4.
7. Карелина С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 253.
8. Подольский Ю. Д. Обособленные споры в банкротстве. – Москва: Статут, 2020. – С. 90.
9. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. – С. 321.
10. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.07.2021 № Ф04-3270/2018 по делу № А75-3677/2016.
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2021 № 307-ЭС21-9176 по делу № А56-17680/2017.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2021 № 49-П «По делу о проверке конституционности статьи 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 34 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина Н. Е. Акимова».

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-211-212

ЦЗЫ Синь

аспирант кафедры предпринимательского права Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ПОНЯТИЕ ЦЕННОЙ БУМАГИ В ПРАВЕ РОССИИ И КИТАЯ

В статье рассматриваются проблемы определения понятия «Ценные бумаги» в России и Китае. Определение данного понятия путем перечисления видов ценных бумаг в законе принято в большинстве стран, однако существует и другой способ определения понятия ценных бумаг - через описание признаков ценных бумаг, который используется, например, в России для определения понятия эмиссионных ценных бумаг. В Китае данное понятие «ценная бумага» раскрывается через перечисление видов ценных бумаг, но такой подход при появлении новых финансовых продуктов требует внесения изменений в закон, чтобы распространить на них сферу действия закона о ценных бумагах. В статье анализируются подходы определения понятия ценных бумаг в обеих странах.

Ключевые слова: понятие, ценные бумаги, эмиссионные ценные бумаги, Китай.

ZI Xinyi

postgraduate student of Entrepreneurial law sub-faculty of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University

LEGAL CONCEPT OF SECURITIES IN RUSSIAN AND CHINA

The article deals with the problem of conception of securities in Russian and China. The method of enumeration types of securities in the law is adopted by most countries, however, there is a direction of defining the concept of securities through descriptions of their features, for example, in Russia uses the method of describing features to define the concept of issuance securities. China still keeps the method of enumeration but changes the expression to a provision in order to expand the scope of securities regulated by the Securities Law. The article analyzes the approach of defining the concept of securities in both countries.

Keywords: conception, securities, issuance securities, PRC.

Цзы Синь

1. Понятие ценных бумаг

В общем существует 2 подхода для легального определения понятия «ценная бумага», в том числе способ описания признаков и способ перечисления конкретных видов.

Российское законодательство комбинирует выше 2 способа: описание признаков и перечисление некоторых видов из них¹. Однако в китайском законодательстве при определении понятия лишь перечисляются конкретные виды ценных бумаг.

Закон КНР «О ценных бумагах» от 29.12.1998 в редакции 2019 г.² отнесет к ценным бумагам акции, облигации, компаний, депозитарные расписки и иные, признанные Государственным советом КНР. Последние в соответствии с указанным Законом включаются государственные облигации, паи инвестиционных фондов ценных бумаг, ценные бумаги, обеспеченные активами. Ученые разделяют ценные бумаги в основные и производные [6, с. 10].

Наличие специальных положений о государственных облигациях и инвестиционных паях, но их котировка и операции на бирже должны проводиться в соответствии с Законом КНР «О ценных бумагах». Правила в отношении размещения и обращения ценных бумаг, обеспеченных активами, одобряются Госсоветом КНР на основе данного закона.

В теоретическом аспекте китайские ученые разделяют ценные бумаги по правам из них. В общем права из ценных бумаг включают инвестиционные, обязательственные и иные производные. Инвестиционные права – это совокупность прав, направленные на прибыли из инвестиционной деятельности. Содержание инвестиционных прав состоит из разнovidных правоотношений между инвесторами (лицом, предоставляющее денежные средства) и пользователем денежных средств. К

иным производным относятся право на распределение акций, прав преимущественной подписки, конвертируемое обязательственное право и иные права, имеющие в одно и то же время инвестиционного и обязательственного права.

Статья 142 Гражданский Кодекс РФ от 30.11.1994 установит, что ценные бумаги являются документами и, соответственно, вещами, либо гражданскими правами – бездокументарные ценные бумаги. Бездокументарная ценная бумага не изготавливается как бумажный документ и не выдается на руки владельцу.

С 1990-х годов Китайские ученые [5, с. 5] и российские ученые [1, с. 259] на основе теорий немецких ученых о ценных бумагах изучают понятие «ценная бумага» и ее сущность. Однако до сих пор нет консенсуса на определение указанного понятия. Некоторые ученые поддерживают отнесение ценных бумаг к категории вещей, либо к категории права, но применять вещное право, чтобы дать особые защиты прав владельца. Однако нельзя отрицать, что самое главное значение ценных бумаг заключается в тех правах, фиксируемых в них, без которых ценные бумаги не имеют своей ценности. Таким образом, выражаю согласие с позицией Е. А. Суханова, который считает, что «законодательством и правоприменительной практикой осуществлено отождествление правового режима ценных бумаг как документов (индивидуально определенных вещей), и бездокументарных ценных бумаг, в действительности являющихся лишь способом фиксации соответствующих обязательственных и (или) корпоративных прав» [4, с. 9]. Такое мнение аналогично мнению большинства китайских ученых, в том числе Е Лин, который считает, что «бумага — это лишь форма фиксирования гражданских прав» [6, с. 2].

В российской правовой системе рынка ценных бумаг существует иную классификацию, согласно которого ценные бумаги включают эмиссионные и не эмиссионные.

2. Понятие эмиссионных ценных бумаг

В китайском законодательстве не применяется термин «эмиссионная ценная бумага». Ценные бумаги, закрепленные Законом КНР «О ценных бумагах» либо признанные Госсоветом КНР через подзаконные акты, все имеют возможность эмиссии. Китайский законодатель создает достаточно строгое регулирование над ними. Они прямо указаны в законодательстве вместе со

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета, № 238–239, 08.12.1994.

2 Закон КНР «о ценных бумаг» принят Всекитайским собранием народных представителей 29 дек. 1998 г. (в ред. от 28 дек. 2019 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201912/7507169360184250b304ca1dcb843a57.shtml> (дата обращения: 20.01.2022).

способом регулирования эмиссии: (1) в Законе КНР «о ценных бумагах» непосредственно закрепляет акции, облигации компании и депозитарные расписки. Их эмиссия регулируется данным законом; (2) эмиссия государственных облигаций и паев инвестиционных фондов ценных бумаг должны в соответствии с специальными законами, но их котировка регламентируется указанным Законом; (3) эмиссия ценных бумаг, обеспеченные активами (по англ. Asset-backed securities) и финансовых продуктов доверительного управления активами, осуществляется в соответствии с принципами данного закона. Понятие конкретного вида не определяется в Законе КНР «о ценных бумагах». С примером самого типичного вида ценных бумаг – акции, понятие акций определяется в Законе КНР «о компаниях», согласно которому акция – это свидетельство владения акцией акционером. Обратит внимание, что облигация компании не равна корпоративными облигациями. К облигациям компании применяется Законом КНР «о ценных бумагах», Законом КНР «о компаниях» и «Положение по управлению эмиссии и обращение облигаций компании» от Госсовета КНР. Для корпоративных облигаций имеет особые подзаконные акты от Госсовета КНР – «Правила по управлению корпоративных облигаций». Эмиссия и обращение корпоративных облигаций регулируются Госкомитетом по делам развития и реформ вместе с Банком Китая. Ценные бумаги, обеспеченные активами и финансовые продукты доверительного управления активами как новые ценные бумаги признаны Законом КНР «о ценных бумагах» с 2019 года. Однако данный закон не непосредственно их регулирует. Правила по их управлению давно существуют в различные подзаконные акты. Новая редакция Закона КНР «о ценных бумагах» лишь установит правомочии создания нормативных актов, связанные с этими новыми ценными бумагами, относятся к Госсоветом КНР.

Китайский законодатель определяет понятие ценных бумаг лишь через способ перечисления. Данный способ имеет свои недостатки. С развитием общества и технологий появилось много новых финансовых продуктов, законодательство не имеет возможности фиксировать все виды ценных бумаг, особенно это актуально в отношении производных ценных бумаг. С учетом этого российский законодатель использует и способ перечисления, и способ описания.

Федеральный закон РФ «о рынке ценных бумаг» от 22.04.1996³ установит понятие эмиссионных ценных бумаг через способ описания. Кроме этого, данный закон также указывает некоторые ценных бумаг, которые относятся к эмиссионным.

Тем не менее способ описания в данном законе являются в некоторой степени формальными. Изучим первый признак, согласно которому уступка прав из эмиссионной ценной бумаги должна с соблюдением данного закона. Однако в термин «уступка» не найден в данном законе.

Кроме признаков в законе, ученые предпринимают попытки выявить другие признаки эмиссионных ценных бумаг, в том числе признак необходимой государственной регистрации [3, с. 143]. Государственная регистрация представляет собой регистрация в Банке России сведений о выпуске, который проверяет соответствие документов законодательным требованиям. Вместе с тем, с изменением законов государственная регистрация выпуска ценных бумаг иногда становится не обязательным для эмиссии. В настоящее время существуют случаи, когда государственная регистрация не нужна. Согласно статье 20.1 Закона РФ «О рынке ценных бумаг», в некоторых случаях регистрация выпуска может быть осуществлена регистрирующими организациями, например, биржами, которые не являются государственными органами. На практике облигации, регистрируемые биржей, называются биржевые облигации, облигации, регистрируемые Банком России – корпоративные облигации или облигации Банка России. Таким образом, осуществление государственной регистрации уже не может служить обязательным признаком эмиссионных ценных бумаг.

Другие признаки в теории, например, признак стандартности также не может служить в качестве необходимого признака эмиссионных ценных бумаг. Например, инвестиционные паи в соответствии с законом также имеют признак стандартности⁴. Различия между эмиссионными и не эмиссионными ценными бумагами становятся не такими явными.

Установление признаков ценных бумаг имеет значение для устранения пробелов, которые существуют при использовании способа перечисления. Однако, я солидарна с мнением А. В. Габова, о том, что правовой режим эмиссионных ценных бумаг в настоящее время начинает утрачивать свое регулирующее значение [2, с. 256]. Указанные признаки либо утратили свою специфичность, либо являются формальными.

Кроме этого, существует вопросы для континентальной системы права при использовании способа описания признаков: кто и в какой процедуре устанавливает наличие признаков в каждом конкретном случае? Кто имеет право установить, что имеет место удовлетворение признаков и признать наличие эмиссионных ценных бумаг? В США установление ценных бумаг осуществляется через суд, судья при исследовании дела дает решение о квалификации какого-либо продукта, даже договора как ценные бумаги. Однако такой подход с трудностью работает континентальной системе права. Именно поэтому китайский законодатель отложил использование способа перечисления [6, с. 11]. С нашей точки зрения работа по совершенствованию регулирования для российского законодателя, и признать наличие использовать способ описания признаков, заключается не в том, как улучшить описание признаков эмиссионных ценных бумаг, а в установлении в законе субъекта, уполномоченного иметь определять эмиссионные ценные бумаги, и соответствующей процедуры.

Справедливой видится позиция о расширении сферы регулирования ценных бумаг в соответствующих законах. Как грибы после дождя появились финансовые инновационные продукты, которые также должны подпадать под регулирование законов о ценных бумаг. Признание нового финансового продукта как (эмиссионная) ценная бумага означает, что такой финансовый продукт находится под регулированием законодательства о ценных бумагах. Это, в свою очередь, означает, что инвестор этих финансовых инновационных продуктов оказывается под защитой правовой системы. Тем не менее, такое расширение и законодательное регулирование должны иметь свои ограничения, чтобы дать определенное пространство для развития инноваций.

3. Заключение.

С нашей точки зрения, текущий механизм регулирования эмиссионных ценных бумаг на самом деле не играет своей роль в регулирование рынка ценных бумаг в целом. До установления более применимых и не вызывающих вопросы признаков (эмиссионных) ценных бумаг способ перечисления является более предпочтительным с учетом всех действующих обстоятельств в обеих странах. Вопрос об регулировании производных финансовых инструментов в обеих стран пока не разрешен в полной мере. Существует необходимость расширить перечень (эмиссионных) ценных бумаг и добавить в закон иные (эмиссионных) ценных бумаг, чтобы регулирование не отставало от развития общества и экономики. Способ определения ценных бумаг путем описания соответствующих признаков в действующем российском законодательстве представляет собой лишь формальное закрепление, которое на самом деле не помогает расширять или усовершенствовать сферу регулирования.

Пристатейный библиографический список

1. Агарков, М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 томах / М. М. Агарков; М. М. Агарков; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Кафедра гражданского права юридического факультета; ответственный редактор В. С. Ем. – М.: Издательство «Статут», 2012. – ISBN 978-5-8354-0849-8.
2. Габов А. В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка / А. В. Габов. – М.: Издательство «Статут», 2011.
3. Лисицын А. Ю. Правовое регулирование обращение неэмиссионных ценных бумаг // Журнал российского права. - 2002. - № 4.
4. Суханов, Е. А. К понятию вещного права / Е. А. Суханов // Гражданское право. – 2004. – № 1.
5. 杨志华. 证券法律制度研究. —北京: 中国政法大学出版社 1995. [Ян Чжихуа. Исследование о правовой системе ценных бумаг. —Пекин: Китайский университет политики и права, 1995.].
6. 叶林. 证券法教程. —北京: 法律出版社, 2005. [Е Линь. Право о ценных бумаг: Учебное пособие. —Пекин: Юриспруденция, 2005.].

3 Федеральный закон Российской Федерации «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ // Российская газета № 79 от 25.04.1996.

4 Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29.11.2001 № 156-ФЗ // Парламентская газета № 228 от 04.12.2001.

КЛЕВЦОВ Максим Иванович

магистрант Юридического института Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ОЛОВЯННИКОВА Александра Сергеевна

магистрант Юридического института Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

РАЕВСКАЯ Валерия Андреевна

магистрант Юридического института Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Данная статья посвящена основным тенденциям развития российского корпоративного права и его особенностям как отрасли, относительно недавно сформировавшейся в российской правовой системе. В ходе исследования рассмотрены изменения, вносимые в законодательные акты Российской Федерации и влияющие на корпоративные правоотношения. Большой акцент делается на необходимости соответствовать международному уровню развития корпоративных правоотношений, порождающей, в свою очередь, потребность отвечать на современные вызовы в ускоренном темпе.

Ключевые слова: корпорация, корпоративный договор, предприятие, организация, корпоративные правоотношения.

KLEVTSOV Maksim Ivanovich

magister student of the Institute of Law of the I. S. Turgenev Oryol State University

OLOVYANNIKOVA Aleksandra Sergeevna

magister student of the Institute of Law of the I. S. Turgenev Oryol State University

RAEVSKAYA Valeriya Andreevna

magister student of the Institute of Law of the I. S. Turgenev Oryol State University

CORPORATE LAW IN RUSSIA: MODERN CHALLENGES AND MAIN DEVELOPMENT TRENDS

This article is devoted to the main trends in the development of Russian corporate law and its peculiarities as an industry relatively recently formed in the Russian legal system. In the course of the study, the changes introduced to the legislative acts of the Russian Federation and affecting corporate legal relations are considered. Great emphasis is placed on the need to comply with the international level of development of corporate legal relations, which, in turn, gives rise to the need to respond to modern challenges at an accelerated pace.

Keywords: corporation, corporate agreement, enterprise, organization, corporate legal relationship.

Исследование тенденций развития и современных вызовов корпоративного права следует начать с того, что корпоративное право, как самостоятельная отрасль права зародилось в России относительно недавно. Вследствие этого нормы корпоративного права находятся на стадии активного становления и развития.

В советский период корпоративное право совершенно не развивалось: правовое регулирование советской экономики подавляло функционирование корпоративного сектора, вследствие чего развитие корпоративного права как отрасли права представлялось невозможным – корпоративные отношения стагнировали на дореволюционном уровне, но и тогда они существовали лишь условно, в трудах отдельных учёных, поскольку оформленных рыночных отношений на том этапе не было.

Активно российские корпоративные отношения стали развиваться лишь к концу прошлого века – и это предопределило необходимость постоянно наращивать темп развития, поскольку Россия всё ещё пытается нагнать то, что в развитых странах формировалось гораздо дольше двух десяти-

летий. При оформлении корпоративного права как самостоятельной отрасли приходится столкнуться с отсутствием единства научных подходов, единой терминологии и сформированной правовой доктрины, в том числе включающей основные принципы отрасли корпоративного права.

В этой связи выбранная нами тема исследования имеет особенно высокую актуальность: оформление корпоративного права в качестве отдельной отрасли права ставит ряд вопросов о его сущности и месте в правовой системе России, его тенденциях и основных вызовах, с которыми ему приходится столкнуться. Эти основополагающие вопросы вызывают активные дискуссии в научной среде, в то время как единое мнение по ним в российской правовой доктрине отсутствует до сих пор.

Клевцов М. И.

Оловянная А. С.

Раевская В. А.

Различные ученые высказывают противоречивые позиции о месте и сущности корпоративного права.

Так, Т.В. Кашанина рассматривает корпоративное право как «ядро предпринимательского права», обозначая, вместе с тем, корпоративное право как внутриорганизационное, внутрифирменное [2; 8-9].

В.А.Белов же в своей работе, критикуя позицию Т.В. Кашаниной, говорит о том, что такой научный подход не имеет юридической ценности. Он отмечает, что корпоративное право является межотраслевым институтом права, одновременно включающим нормы нескольких отраслей права, в том числе гражданского, предпринимательского, налогового, финансового, трудового, административного права, и регулирует общественные отношения, связанные с различными сторонами деятельности корпорации [1; 39-44].

На наш взгляд, корпоративные отношения представляют собой не только внутриорганизационные, так называемые внутрифирменные правоотношения, но и безусловно имеют внешние проявления – например, корпоративное право регулирует взаимодействие корпорации с третьими лицами в форме ответственности перед кредиторами или представителями. Также корпоративное право регулирует весь процесс от создания до прекращения деятельности юридических лиц, функционирующих на основе корпоративного участия.

Представляет интерес следующее: несмотря на то что внешние проявления корпоративного права частично подлежат гражданско-правовому регулированию, внутриорганизационные корпоративные отношения явно обособляются и выходят за его рамки.

Ещё одна тенденция, которая логически вытекает из того, что российское корпоративное право – достаточно молодая правовая отрасль, сравнительно мало исследованная учёными, состоит в том, что практически все российские правоведы – специалисты, изучавшие корпоративные правоотношения, являются современниками. Этот факт говорит о неоспоримом научном потенциале молодых кадров, занимающихся исследованиями в данной сфере, но вместе с тем означает, что отрасль нуждается в активной государственной поддержке, в том числе грантовой, для направления научного потенциала в целях совершенствования доктрины отечественного корпоративного права.

Широкие изменения гражданского законодательства, в частности главы 4 Гражданского кодекса РФ, повлекли за собой введение немалого количества новшеств в корпоративное право. Так, законодатель закрепил понятие «корпорации» и сформировал общие правовые требования к ним как к новым субъектам частного права.

Однако подобные изменения не могли не отразиться на понимании отрасли корпоративного права в целом, что создало дополнительные сложности в формировании единого подхода к сущности и месту корпоративного права.

Так, по настоящий день продолжаются дискуссии о том, какие правовые отношения вытекают из корпоративных договоров. Вызывает вопросы сама специфика данных правоотношений, предмет договора и его правовая природа.

Каждый корпоративный договор своими положениями охватывает возникновение, изменение или прекращение корпоративных правоотношений. Стоит обратить внимание на предмет корпоративного договора: ему синонимичны понятия «договор об осуществлении прав участников общества» и «акционерное соглашение». Эти понятия имеют нормативно-правовое закрепление в Федеральных законах «Об обществах с ограниченной ответственностью» и «Об акционерных обществах».

По правовой природе данный договор следует охарактеризовать как консенсуальный, возмездный, двусторонне обязывающий.

Уже исходя из этих положений, можно заметить, что корпоративные отношения и корпоративный договор име-

ют своей целью осуществление некоторых прав участников хозяйственного общества, которые у них уже имеются, но нормативность корпоративного договора проявляется в том, что участникам предоставляется возможность прописывать в нём положения, не закреплённые в учредительном документе хозяйственного общества.

Понятие «корпоративный договор» было закреплено в Гражданском кодексе РФ (статья 67.2) лишь в 2014 году. Оно объединило некоторые положения из федеральных законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Новая норма конкретизирует положения о корпоративном договоре, дополняя их новыми обязательными к соблюдению условиями. В ней провозглашается обязанность участников общества, заключивших корпоративный договор, оповещать о факте его заключения общество. Вместе с тем участники, заключившие корпоративный договор, не обязаны раскрывать его содержание. Участники общества, не оповещённые о заключении корпоративного договора в соответствии с этой нормой, имеют право требовать возмещения убытков.

Таким образом, внесение положений о корпоративном договоре в Гражданский кодекс РФ имело практическую пользу для осуществления деятельности организаций. Кодификация норм о корпоративном договоре окончательно закрепила данный правовой институт в российской правовой системе и предоставила конкретные возможности регулировать правовые отношения, которые направлены на реализацию корпоративных прав при заключении предпринимательского договора.

Важным вектором развития всей экономической жизни страны, в частности корпоративного сектора, стала направленность на цифровизацию. Подобную тенденцию можно увидеть, в том числе анализируя Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.» и Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг.

Крупный и средний бизнес, отвечая вызовам времени, обязаны использовать технологии, позволяющие проводить корпоративные процедуры в электронной форме. В качестве примера следует привести процессы регистрации юридических лиц, внесение изменений в информацию об организации, процесс голосования акционеров. При этом, в сравнении с некоторыми зарубежными странами, темпы цифровизации корпоративного сектора в России существенно уступают. На данном этапе предполагается, что в скором будущем для решения различных корпоративных вопросов может повсеместно использоваться технология блокчейн (ведение ЕГРЮЛ, голосования в организациях, внесения изменений во внутренние документы и т.д.), в то время как за рубежом блокчейн уже получил широкое распространение.

Давая характеристику современному этапу развития корпоративного права России, стоит также отметить и изменения, касающиеся регулирования рынка ценных бумаг.

Так, с октября 2014 года в соответствии с Письмом Банка России от 31.07.2014 № 015-55/6227 функция ведения реестра акционеров передавалась профессиональному регистратору, имеющему лицензию. После изменения у акционерных обществ появилась необходимость в утверждении регистратора общества и внесении в ЕГРЮЛ сведений о нем.

Реестр акционеров должен формироваться и обслуживаться на профессиональной основе, поскольку представляет собой не единый общий документ, а целую систему взаимосвязанных документов, содержащих информацию об участниках публичного акционерного общества. Это настолько же существенная часть функционирования публичного акционерного общества, как и ведение бухгалтерского учёта в фирме.

Обязанность ведения и хранения реестра акционерного общества корреспондируется в ст. 44 ФЗ «Об акционерных обществах».

Держатель реестра – профессиональный участник рынка ценных бумаг, осуществляющий деятельность по ведению реестра владельцем именных ценных бумаг. Иначе это лицо называют регистратором. С держателем реестра во исполнение им обязанностей по ведению реестра акционеров заключается договор об оказании соответствующих услуг.

До внесения изменений порядок ведения реестра был иным: если в обществе насчитывалось менее пятидесяти участников, реестр мог вестись обществом самостоятельно, без привлечения держателя реестра со стороны.

Однако Письмо Банка России от 31 июля 2014 г. № 015-55/6227 «Об обязанности акционерных обществ, ведущих реестр акционеров самостоятельно, передать ведение реестра акционеров регистратору, а также о ведении реестра акционеров публичных акционерных обществ независимым регистратором» затребовало передачи полномочий по ведению реестра профессиональному регистратору, что соответствовало изменениям, внесённым в ст. 149 Гражданского кодекса РФ и вступившим в силу с 01.10.2013 года.

За ведение реестра акционеров регистратор получает оплату, предусмотренную договором. В случае неуплаты оказанных услуг регистратор вправе обратиться с судебным иском к обществу, заключившему с ним договор [4; 9-12].

На примере данного изменения мы можем наблюдать ещё одну тенденцию – ориентацию на усиление охраны прав акционеров.

Порядок регистрации ценных бумаг также претерпел изменения. В пятой главе Положения Банка России от 11.08.2014 № 428-П предусматривалось, что зарегистрировать ценные бумаги можно при обращении в регистрирующий орган. Ныне действующее Положение Банка России от 19.12.2019 № 706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг» передаёт полномочие по регистрации ценных бумаг в исключительное ведение Банка России. Подобное изменение прежде всего было сделано ради унификации касающихся вопросов эмиссии функций государственного органа.

Можно заключить, что для регулирования корпоративных вопросов, связанных с рынком ценных бумаг, характерны следующие тенденции: цифровизация, усиление защиты прав акционеров и глобализация.

Далее мы рассмотрим более глобальные векторы развития российского корпоративного права. Изменения, происходящие с корпоративным законодательством России последние 10 лет, не случайны и не спонтанны. Развитие российского корпоративного права имеет точки соприкосновения с развитием отрасли в зарубежных странах, где наблюдается тенденция к менее детальному регулированию корпоративных отношений в частных организациях.

Подобная тенденция вызывает внесение законодательных изменений, касающихся регулирования деятельности юридических лиц, вследствие чего принимаются попытки разработки новой отечественной формы закрытых, непубличных обществ [3; 13-19].

В современном отечественном законодательстве группу непубличных обществ образуют непубличные акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью. Подобный статус предоставляет их участникам дополнительные права. Так, участники обществ имеют право решать некоторые корпоративные вопросы во внутренних документах, а не вносить соответствующие положения в устав организации. Это освобождает их от дополнительных обращений в регистрирующие органы с целью внесения изменений в ЕГРЮЛ.

Непубличные общества могут воспользоваться данными правами по-разному. Например, подобные возможности позволяют создать гибкую систему принятия решений в обществе, либо сосредоточить контроль за управлением у от-

дельных лиц. Эти факторы отчасти и способствуют распространённости в РФ в качестве форм ведения бизнеса именно непубличных обществ.

В заключение следует отметить, что современные тенденции в развитии корпоративного права связаны с формированием одновременно как средств для организации деятельности публичных обществ на рынке ценных бумаг, так и условий для создания и изменения собственной структуры непубличных обществ.

По своей природе данные изменения логичны – они сопоставимы с аналогичными изменениями, коснувшимися отрасли корпоративного права в развитых странах. В этой связи особенно наглядно, как тенденции к активной цифровизации, усилению охраны прав акционеров, ускорению темпов развития корпоративного права, широкому распространению корпоративных форм закрытого типа постепенно воздействуют и на российское корпоративное право.

Благодаря распространению цифровизации появляются авторитетные негосударственные организации, осуществляющие регуляторные функции.

На наш взгляд, те вызовы, с которыми сталкивается российское корпоративное право в современных условиях, являются логическим продолжением общих мировых тенденций, продиктованных глобализацией и техническим прогрессом, вследствие чего можно заключить, что российское законодательство за последние 5-6 лет стремительно повышает темп корпоративных законодательных изменений. Однако корпоративное право, в сущности, своей является наиболее гибкой правовой отраслью, и чтобы соответствовать мировому уровню, корпоративному праву России придётся существенно, непрерывно совершенствовать не только организационную и законодательную, но и научную, техническую базы, в которых на данный момент обозначены пробелы.

Пристатейный библиографический список

1. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / В. А. Белов [и др.]; под редакцией В. А. Белова. — 2-е изд., стер. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 552 с.
2. Корпоративное право: учеб. пособие для академического бакалавриата / Т.В. Кашанина. М.: Издательство Юрайт, 2019. 189 с.
3. Долинская В.В. Организационно-правовые формы хозяйствования: система и новеллы // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 13-22.
4. Макарова О.А. Новое в ГК РФ и в законах о хозяйственных обществах: соотношение императивного и диспозитивного регулирования // Гражданское право. 2016. № 1. С. 9-12.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-216-219

ПАНКРАТОВ Дмитрий Владимирович

начальник отдела Службы по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг Центрального банка Российской Федерации

Панкратов Д. В.

АНАЛИЗ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ ЧИЛИ

В статье рассмотрена модель пенсионной системы Чили с применением анализа регулирующих ее законодательных актов. Рассмотрены особенности ведения индивидуальных пенсионных счетов, формирования и инвестирования пенсионных взносов, назначения пенсионных выплат, а также деятельности надзорных и контрольных органов. Проведен анализ эффективности данной пенсионной системы, раскрыты положительные и отрицательные ее стороны. В статье также определены основные тенденции, свойственные пенсионной системе Чили и имеющие существенное значение при рассмотрении вопросов построения и развития пенсионных систем в других странах.

Ключевые слова: накопительная пенсионная система, пенсионная система Чили, негосударственные пенсионные фонды, пенсионные администраторы, индивидуальные пенсионные счета, пенсионные схемы с установленными взносами, эффективность и устойчивость накопительной пенсионной системы.

PANKRATOV Dmitriy Vladimirovich

Head of department of Service for Consumer Protection and Financial Inclusion of the Central Bank of the Russian Federation

ANALYSIS OF THE FINANCIAL AND LEGAL REGULATION OF THE PENSION SYSTEM OF CHILE

The article examines the model of the pension system of Chile using the analysis of its regulatory legislative acts. The features of maintaining individual pension accounts, the formation and investment of pension contributions, the appointment of pension payments, and also the activities of supervisory and control bodies are considered. The analysis of the effectiveness of this pension system is carried out, its positive and negative sides are revealed. The article also identifies the main trends peculiar to the pension system of Chile and of significant importance when considering the construction and development of pension systems in other countries.

Keywords: accumulative pension system, pension system of Chile, non-state pension funds, pension administrators, individual pension accounts, defined contribution pension schemes, efficiency and sustainability of the accumulative pension system.

В 1980 году при военном правительстве Аугусто Пиночета Угарте в Чили был принят Декрет-закон № 3500¹, который установил новую пенсионную систему, действующую и в настоящее время. Данная пенсионная реформа предусматривала переход от распределительной системы с установленными выплатами (когда пенсии выплачиваются за счет текущих взносов работающего населения) к накопительной системе с установленными взносами (выплата пенсии осуществляется за счет взносов, ранее уплаченных самим работником). Указанная накопительная пенсионная система предусматривает открытие и ведение для каждого работающего гражданина страны индивидуального накопительного пенсионного счета, управляемого частной специализированной организацией, называемой пенсионным администратором (*administradoras de fondos de pensiones* – АФП).

Опыт Чили в построении накопительной пенсионной системы имел международное значение. Многие страны либо реализовали схожие с чилийской модели пенсионного обеспечения, либо внедрили накопительные элементы на основе индивидуальных пенсионных счетов в состав своих систем социального обеспечения.

Данные международные тенденции оказали влияние и на развитие пенсионной системы в России. В начале 1990-х годов в России появились схожие с чилийскими пенсионными администраторами негосударственные пенсионные фонды, осуществляющие негосударственное пенсионное обеспечение. Кроме того, с 2002 года основу пенсионной системы России составляет обязательное пенсионное страхование, частью которого является накопительная пенсия, построенная, в том числе по образцу накопительной пенсионной системы Чили [3].

В научной экономической литературе можно встретить утверждения об устойчивости чилийской пенсионной системы и о максимальной величине пенсионных активов (к ВВП), сформированных пенсионными администраторами, по сравнению с показателями иных развивающихся стран [1, с. 466-468]. Однако в ходе практической реализации данной пенсионной системы проявились ее негативные элементы, что указывает на спорность подобного утверждения.

Накопительная пенсионная система Чили изначально распространялась на лиц, работающих по найму, но с 2008 года накопительная пенсионная система стала обязательной и для самозанятых². При этом данная пенсионная система не

1 Ministerio del Trabajo y Previsión Social de Chile (04-nov-1980), «Decreto ley 3500: Establece nuevo sistema de pensiones»: (Декрет-закон № 3500, принят 04.11.1980) // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=7147&idParte=&idVersion=> (дата обращения: 15.11.2021).

2 Ministerio del Trabajo y Previsión Social de Chile; Subsecretaria de Prevision Social (11-mar-2008), «Ley 20255: Establece reforma previsional», Título 4: (Закон № 20255, принят 11.03.2008, раздел 4) // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=269892> (дата обращения: 15.11.2021).

распространяется на военных и полицейских, так как для них предусмотрен отдельный вид пенсионного обеспечения [4, с. 79-97].

Каждому участнику накопительной пенсионной системы открывается индивидуальный пенсионный счет, на котором учитываются его взносы и доход, полученный от инвестирования данных взносов. Нагрузка по уплате страховых (пенсионных) взносов лежит на самих участниках (работниках). Работодатели удерживают из заработной платы и переводят на пенсионные счета работников 10 % от их заработка, а также дополнительный взнос, установленный пенсионным администратором, и рассчитываемый также в процентном отношении от заработка участника. Самозанятые самостоятельно перечисляют за себя указанные взносы³.

Участники могут уплачивать на свои индивидуальные пенсионные счета помимо обязательных и дополнительные добровольные взносы. Для учета добровольных взносов участники вправе открыть вторые индивидуальные пенсионные счета. С 2008 года работодателям было предоставлено право разрабатывать корпоративные пенсионные программы с добровольной уплатой пенсионных взносов в пользу своих работников⁴. Вместе с тем, участие работников и работодателей в уплате добровольных пенсионных взносов находится на низком уровне. Например, по состоянию на 2011 год добровольные взносы в рамках накопительной пенсионной системы составляли лишь 5 % от общего объема пенсионных взносов⁵.

Пенсионный возраст в Чили для женщин составляет 60 лет, а для мужчин – 65 лет. При этом допускается возможность досрочного назначения пенсии при наличии двух условий:

1) размер пенсии, выплачиваемой за счет накоплений на индивидуальном пенсионном счете, должен составлять не менее 80 % от величины ежегодно устанавливаемой предельной величины пенсии (с июля 2012 г.), или около 390 долл. США в месяц;

2) коэффициент замещения утраченного заработка при выплате пенсии должен составлять не менее 70 % (с августа 2010 г.) от среднемесячной заработной платы в течение последнего 10-летнего периода перед выходом на пенсию⁶.

Как указывалось выше, управление индивидуальными пенсионными счетами (учет и инвестирование взносов) осуществляют пенсионные администраторы (AFP). Участники пенсионной системы вправе свободно менять пенсионных администраторов для учета пенсионных взносов и управления ими [1, с. 474]. Исключение составляет первоначальный выбор пенсионного администратора для граждан, только начинающих свою трудовую деятельность. Взносы данных лиц подлежат учету у пенсионного администратора, отобранного на конкурсной основе, смена которого возможна по истечении 2 лет.

В Чили существует несколько вариантов пенсионных выплат, которые могут осуществляться как пенсионными ад-

министраторами, так и страховыми компаниями, занимающимися страхованием жизни. Выбор схемы пенсионной выплаты и организации, которая будет реализовывать данную выплату, осуществляется работником при достижении пенсионного возраста. Схемы выплат, реализуемые пенсионными администраторами, представляют собой периодические выплаты в течение определенного схемой периода времени. Данные организации не подвержены риску, связанному с необходимостью продолжения пенсионных выплат в случае пережития клиентом периода времени, предусмотренного пенсионной схемой. При этом в случае ранней смерти клиента пенсионного администратора предусмотрена возможность наследования средств, оставшихся на его индивидуальном пенсионном счете. В свою очередь страховые компании предлагают гражданам пожизненные аннуитеты с фиксированными размерами пенсий на протяжении всей жизни. Таким образом страховые компании принимают на себя риск высокой продолжительности жизни гражданина и связанные с этим расходы на осуществление пенсионных выплат. При таких условиях пенсионные средства участника не подлежат наследованию [1, с. 474-476].

Для организации инвестиционного процесса пенсионных взносов в Чили установлена система из пяти инвестиционных стратегий, отличающихся по уровню риска (мультипортфелей): наиболее рискованный (А), рискованный (В), умеренный (С), консервативный (D), наиболее консервативный (Е). Для обеспечения допустимого уровня риска для каждой инвестиционной стратегии законодательно определены требования к финансовым инструментам, в которые могут инвестироваться пенсионные взносы, а также установлены лимиты инвестирования. Каждый участник накопительной пенсионной системы вправе выбирать и менять одну из инвестиционных стратегий, в соответствии с которой будет инвестироваться его пенсионные взносы. При этом стратегии В, С и D являются обязательными для пенсионных администраторов, а стратегии А и Е – добровольными [1, с. 474].

Чилийской пенсионной системой предусмотрено обеспечение минимального уровня доходности инвестирования пенсионных взносов, который определяется для каждой инвестиционной стратегии в процентном отношении от средневзвешенной доходности по всей пенсионной системе. В случае необеспечения минимального уровня дохода инвестирования пенсионных взносов пенсионный администратор обязан осуществить восполнение данного отклонения за счет формируемого им страхового резерва [1, с. 474].

Однако, в научной литературе, посвященной истории Чили, отмечается, что «социальный эффект перехода к накопительной пенсионной системе для большинства чилийцев был негативным, ибо больше половины населения страны ни в 80-х, ни в 90-х гг. не могло накопить даже на минимальную пенсию» [2, с. 191-201]. Такая ситуация сложилась из-за высокого уровня безработицы и низкой заработной платы у основной части населения страны, имевших место в Чили в указанные годы. Только после прихода к власти в 1989 году гражданского правительства, состоящего из демократов и социалистов, уровень безработицы стал снижаться в связи с созданием значительного количества новых рабочих мест, а реальные доходы населения – быстро расти. Но, несмотря на рост в 1990-е гг. реальной заработной платы на 30 %, данный показатель в основных отраслях экономики восстановился лишь до уровня 1970 года, либо несколько превзошел его. К концу 1990-х годов экономический рост в Чили замедлился в связи с мировым экономическим кризисом [2, с. 191-201]. В результате в 2008 году в Чили был принят закон № 20255, который добавил в накопительную пенсионную систему соци-

3 Decreto ley 3500: Establece nuevo sistema de pensiones», Artículo 17-19: (Декрет-закон № 3500, статьи 17-19).

4 Ley 20255: Establece reforma previsional», Título 5: (Закон № 20255, раздел 5).

5 Отчет делегации Республики Казахстан по результатам поездки в Республику Чили с целью изучения вопросов функционирования накопительной пенсионной системы. 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kniga.seluk.ru/k-tehnicheskije/1191985-1-obschie-svedeniya-glava-kratкое-opisanie-pensionnoy-sistemi-chili-osnovnie-harakteristiki-pensionnoy-sistemi-ori.php> (дата обращения: 15.11.2021).

6 Decreto ley 3500: Establece nuevo sistema de pensiones», Artículo 68: (Декрет-закон № 3500, статья 68).

альные выплаты, состоящие из базовой солидарной пенсии и дополнительной пенсии⁷.

Получателями базовой солидарной пенсии могут быть лица, у которых отсутствует право на получение выплат в рамках любой схемы накопительной пенсионной системы, и которые отвечают следующим требованиям:

- достижение 65-летнего возраста;
- вхождение в состав семейной группы, относящейся к 60 % беднейшего населения страны;
- непрерывное проживание на территории Республики Чили не менее 20 лет и не менее 4 лет до даты подачи заявления о назначении базовой солидарной пенсии.

Размер базовой солидарной пенсии по старости с 1 июля 2009 года составляет 75 000 чилийских песо (101,99 долларов США⁸).

Право на дополнительную пенсию имеют лица, чья пенсия в рамках накопительной пенсионной системы ниже установленного размера максимальной пенсии с солидарными выплатами. Размер максимальной пенсии с солидарными выплатами с 1 июля 2011 года составляет 255 тысяч песо.

В июле 2020 года в связи с пандемией коронавируса и вызванного ею в стране кризиса в Чили был принят закон, позволяющий гражданам снять до 10 % накоплений, хранящихся на индивидуальных пенсионных счетах у пенсионных администраторов, для поддержания своего финансового положения. Такое решение получило неоднозначные оценки, в том числе со стороны органов государственной власти, в связи с опасением ухудшения пенсионных прав граждан ввиду возможного снижения размера будущих пенсий [5]. Однако данное решение представляется обоснованным, ввиду необходимости срочного оказания помощи гражданам страны в условиях текущего кризиса, но также потребует от властей разработки механизма последующей компенсации снятых пенсионных взносов при восстановлении экономики страны.

Управлением солидарной частью пенсионной системы занимается Институт социального обеспечения. Данная служба осуществляет назначение базовой солидарной пенсии и дополнительной пенсии, приостановление, прекращение или изменение указанных выплат. Участники пенсионной системы вправе обратиться за назначением базовой солидарной или дополнительной пенсии непосредственно в Институт социального обеспечения либо направить необходимые документы через администратора пенсионного фонда, у которого формируются их пенсионные взносы. Стоит отметить, что за предоставление недостоверных либо подложных документов и сведений для получения выплат в рамках социального элемента пенсионной системы установлена уголовная ответственность⁹.

Надзор и контроль за пенсионной системой осуществляет специализированный орган – Управление пенсионного обеспечения. Основными его функциями являются:

- надзор и контроль за администраторами пенсионных фондов, в том числе направление в данные организации уполномоченных инспекторов для обеспечения безопасности пенсионных фондов,

- установление критериев для инвестирования пенсионных взносов,

- оценка качества управления рисками администраторами пенсионных фондов,

- надзор за региональными и центральными медицинскими комиссиями, в том числе принятие требований для установления инвалидности,

- надзор за солидарной частью пенсионной системы, в том числе издание обязательных для исполнения стандартов деятельности.

- Также в Чили образована Комиссия по классификации рисков, которая занимается оценкой финансовых инструментов и одобрением организаций, в финансовые инструменты которых разрешено инвестировать пенсионные взносы.

Для обеспечения адекватной доходности и безопасности пенсионных фондов создан Технический инвестиционный совет. Основными его функциями являются выработка позиций и подготовка докладов в отношении инвестиционного режима по управлению пенсионными взносами, в том числе предоставление заключений по планируемым решениям Управления пенсионного обеспечения и внесение предложений по улучшению инвестиционного режима по управлению пенсионными взносами¹⁰.

Стоит отметить, что построенная в Чили накопительная пенсионная система обеспечивает поступление денежных средств на пенсионные счета граждан, что способствует росту активов, находящихся в управлении у пенсионных администраторов. Вместе с тем, данная пенсионная система зависит от уровня занятости в стране и величины заработной платы участников пенсионной системы. Экономические кризисы, приводящие к росту безработицы и снижению доходов населения, будут нарушать финансовую устойчивость накопительной пенсионной системы и создавать риски невыполнения государством задачи по обеспечению гражданам достойного уровня жизни при достижении пенсионного возраста.

В отношении влияния инвестиционного дохода от управления пенсионными накоплениями на увеличение данных средств стоит учитывать структуру разрешенных активов и инвестиционные стратегии управляющих пенсионными фондами.

Как отмечается в литературе, в связи с неразвитостью фондового рынка Чили в первые годы существования накопительной пенсионной системы к числу разрешенных активов были отнесены лишь государственные ценные бумаги и корпоративные инструменты с фиксированным доходом. По мере восстановления экономики Чили и развития фондового рынка страны в законодательство вносились изменения, направленные на расширение диапазона разрешенных активов для инвестиционной деятельности пенсионных администраторов. Тем не менее, ввиду деятельности государственных органов по оценке финансовых инструментов и одобрению организаций, в финансовые инструменты которых разрешено инвестировать пенсионные накопления, а также ввиду необходимости обеспечения сохранности данных накоплений, основная часть пенсионных взносов размещается в финансовые инструменты с постоянным доходом [6]. Такая инвестиционная стратегия обладает низким уровнем инвестиционного риска и ориентирована на сохранность и защиту средств от инфляции. Однако основным фактором, влияющим на увеличение средств на индивидуальном пенсионном счете, является стабильная заработная плата (при возможности

7 Ley 20255: Establece reforma previsional», Artículo 3-19: (Закон № 20255, статьи 3-19).

8 Согласно курсу валют по состоянию на 15.01.2021, опубликованному на сайте Центрального банка Чили, 1 доллар США равен 735,35 чилийских песо / Banco Central de Chile. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bcentral.cl/> (дата обращения: 15.01.2021).

9 Ley 20255: Establece reforma previsional», Título 1: (Закон № 20255, раздел 1).

10 Decreto ley 3500: Establece nuevo sistema de pensiones», Título 10, 11, 16: (Декрет-закон № 3500, разделы 10, 11, 16).

ее рост), обеспечивающая регулярную уплату пенсионных взносов.

Рассмотренный опыт Чили в построении накопительной пенсионной системы позволяет сделать следующие выводы, имеющие значение при рассмотрении вопросов построения и развития пенсионных систем, а также совершенствования регулирования деятельности организаций, обеспечивающих формирование и инвестирование пенсионных взносов.

Состояние пенсионной системы неотделимо от экономического состояния страны. Устойчивую пенсионную систему, обеспечивающую достойный уровень жизни в старости, возможно создать только при сильной, развитой экономике страны. Опыт Чили демонстрирует пагубность перевода всей пенсионной системы страны исключительно на накопительную систему, основанную на формировании на индивидуальных пенсионных счетах пенсионных взносов. Реализация пенсионного обеспечения участников в подобных условиях напрямую зависит от стабильности их занятости и высокого уровня доходов. В связи с этим необходимо учитывать, что даже при эффективной экономической политике уровень безработицы в стране может быть снижен до минимальных значений, но никогда данный показатель не достигнет нулевых значений. Кроме того, в условиях рыночной экономики разрыв в доходах между бедными и богатыми также не может быть полностью устранен. Таким образом, в любой стране всегда будет существовать определенная доля населения, находящаяся за чертой бедности, которая не сможет накопить себе средств для получения пенсии, обеспечивающей достойный уровень жизни.

Для создания полноценной и эффективной пенсионной системы, обеспечивающей полный охват населения страны, необходимо сочетание накопительной системы с социальными выплатами (пенсиями) государства, при котором участники пенсионной системы с высоким уровнем дохода в течение трудовой деятельности и накопившие значительную сумму пенсионных взносов на своих индивидуальных счетах, будут получать пенсию за счет накопительных средств, а для остальных участников, чьи пенсионные взносы в рамках накопительной системы не позволяют получать аналогичный размер пенсии, государство будет обеспечивать минимально приемлемый доход в старости.

На важность формирования пенсионных взносов на индивидуальных счетах в рамках накопительной системы указывает также пример использования в Чили в 2020 году пенсионных средств для оказания финансовой поддержки населению в условиях пандемии коронавируса и кризиса, вызванного ею. Данный пример демонстрирует, что пенсионные фонды могут играть роль стратегически важного для государства резервного источника денежных средств, который может быть использован для решения срочных социальных задач в условиях экономических кризисов. Но необходимо учитывать, что подобное использование государством накопленных пенсионных взносов должно применяться при условии последующего восполнения этих средств при восстановлении экономики страны.

Другая особенность чилийского опыта существования накопительной пенсионной системы, которую необходимо учитывать при решении вопросов пенсионного обеспечения, – низкий уровень участия населения страны в уплате дополнительных добровольных взносов (как со стороны граждан, так и со стороны работодателей при формировании корпоративных негосударственных пенсионных программ). Данное обстоятельство может быть связано с различными факторами: низким уровнем дохода населения, не позволяющим вносить дополнительные взносы, отсутствием доверия к пен-

сионным администраторам, низким уровнем финансовой и правовой грамотности для оценки целесообразности внесения добровольных пенсионных взносов, низким уровнем социальной ответственности работодателей и т.д. Подобные факторы характерны для любого общества и для любой страны. Следовательно, эффективность и устойчивость пенсионной системы зависит от наличия обязательного характера уплаты пенсионных взносов, размер которых должен соответствовать уровню экономического состояния в стране.

Также стоит отметить еще одну особенность чилийской накопительной пенсионной системы – инвестирование пенсионных взносов с применением стандартных стратегий управления, предусматривающих различный уровень риска, и предоставлением участникам права выбора одной из данных стратегий. Подобный подход делает процесс управления пенсионными взносами более прозрачным и понятным для граждан, что с высокой долей вероятности будет способствовать росту доверия граждан к пенсионной системе страны и организациям, обеспечивающим формирование и инвестирование пенсионных взносов.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамов А. Е. Институциональные инвесторы в мире: особенности деятельности и политика развития: в 2 кн.: кн. 1 / Науч. ред. А. Д. Радыгин. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – С. 466-468. – (Россия: вызовы модернизации. Экономика).
2. Богуш Е. Ю., Щелчков А. А. «Политическая история Чили XX века»: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 2009. – Глава «Экономическое развитие Чили в период правления военных». – (Серия «XX век. Политическая история мира»).
3. Малева Т., Синявская О. «Пенсионная реформа в России: о политической экономии популизма» // Пенсионное обозрение. – 2013. – № 3 (15). Июль-сентябрь – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pensionobserver.ru/obs-article-576> (дата обращения: 15.11.2021).
4. Костюнина Г. М. Реформирование пенсионных систем в странах Латинской Америки // Труд за рубежом. – 2007. – № 3. – С. 79-97. Университет МГИМО. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/611/611927b810cf8b2d9a7dcf9c5cdbc69.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).
5. Кондратьева Е. Чилийцы хотят забрать накопления из пенсионных фондов в условиях пандемии // ИТАР-ТАСС. – 05.08.2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9119693> (дата обращения: 15.01.2021).
6. Борисенко Н. Ю. Чилийский вариант пенсионной реформы // Финансы и кредит. – 2005. – № 15 (183). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chiliyskiy-variant-pensionnoy-reformy> (дата обращения: 15.11.2021).

ПОНОМАРЕВ Олег Владимирович

старший преподаватель конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета

КОРНЕВА Кристина Алексеевна

студент 3-го курса Дальневосточного федерального университета

КОЛЕСНИКОВА Елена Сергеевна

студент 3-го курса Дальневосточного федерального университета

ДИСКУССИОННОЕ ПОНИМАНИЕ СУЩНОСТИ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

В статье анализируется вопрос о сущности финансового контроля, который является сложной экономической категорией. Излагаются основы понятия «финансовый контроль» и его составляющие. Авторы также рассматривают соотношение «финансового контроля» как формы и содержания и обосновывают равенство аспектов финансового контроля как «деятельности» и как «задачи».

Ключевые слова: финансовый контроль, эффективность деятельности, сущность финансового контроля.

PONOMAREV Oleg Vladimirovich

senior lecturer of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Far Eastern Federal University

KORNEVA Kristina Alekseevna

student of the 3rd course of the Far Eastern Federal University

KOLESNIKOVA Elena Sergeevna

student of the 3rd course of the Far Eastern Federal University

A DEBATABLE UNDERSTANDING OF THE ESSENCE OF FINANCIAL CONTROL

The article analyzes the issue of the essence of financial control, which is a complex economic category. The basics of the concept of "financial control" and its components are stated. The authors also consider the relationship of "financial control" as a form and content and substantiate the equality of aspects of financial control as "activity" and as "task".

Keywords: financial control, the effectiveness of activities, the essence of financial control

Финансовый контроль — это обязательный элемент государственного и муниципального управления. Уникальность финансового контроля основана на том, что он сосредоточен на проверке соблюдения финансового законодательства в сфере деятельности всех государственных и муниципальных органов власти. Природа сущности финансового контроля на протяжении большого количества времени исследуются в юридической литературе. Осознать сущность финансового контроля бывает не всегда просто, т.к. это обусловлено сложностью самой категории финансов. Финансовый контроль показывает весь процесс движения финансовых ресурсов: от стадии формирования финансовых ресурсов, необходимых для начала осуществления деятельности в любой сфере, и до получения финансовых результатов этой деятельности [1].

Само понятие финансового контроля является центральным дискуссионным вопросом этого института. Так, даже в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова выделяется целых 3 значения финансового контроля [2].

Во-первых, финансовый контроль — это проверка, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора.

Во-вторых, финансовый контроль — это система органов контроля.

И, наконец, третье значение — это лица, осуществляющие контроль, т.е. контролёры.

Как уже было упомянуто выше, ученые-правоведы не оставили без внимания вопрос дефиниции финансового кон-

троля. К примеру, доктор юридических наук Грачева Е. Ю. в своих работах даёт следующее определение финансового контроля: «это контроль со стороны уполномоченных государством органов и организаций за законностью действий в процессе собирания, распределения и использования денежных фондов государства и муниципальных образований в целях осуществления эффективной финансовой политики в обществе для обеспечения прав и свобод граждан» [3].

Химичева Н. И., в свою очередь, определяет финансовый контроль как контроль за законностью и целесообразностью действий в области образования, распределения и использования денежных фондов государства и муниципальных образований в целях эффективного социально-экономического развития страны и ее регионов [4].

Грачева Е. Ю. и Химичева Н. И. являются представителями одних из самых ведущих школ в области финансового права. Сравнительно-правовой анализ их определений свидетельствует об их схожести в части контроля за эффективным и целесообразным управлением денежными фондами государства и муниципальных образований для обеспечения экономического развития и соблюдения прав граждан.

Для того, чтобы установить сущность финансового контроля также необходимо определить содержание финансового контроля и стоящие перед ним задачи.

Исходя из позиции Химичевой Н. И. основное содержание финансового контроля заключается в:

а) контроле за выполнением гражданами и организациями финансовых обязательств перед государством и органами местного самоуправления;

б) проверке правильности использования государственными и муниципальными предприятиями, учреждениями и организациями находящихся в их хозяйственном ведении или оперативном управлении денежных ресурсов;

в) проверке соблюдения правил совершения финансовых операций, расчетов и хранения денежных средств;

г) выявлении более экономного и эффективного использования материальных и денежных средств;

д) устранении и предупреждении нарушений финансовой дисциплины [5].

Содержание финансового контроля, в целом, представляет собой множество операций, проводимых в форме проверок и проверок государственными органами, органами местного управления, в некоторых случаях и банками, направленных на обеспечение эффективности финансовой деятельности государства.

Исходя из анализа представленных в настоящей работе положений, определяющих содержание финансового контроля, следует отметить, что, несмотря на широкую проработку финансового контроля со стороны ведущих экспертов в этой области, все же, некоторые вопросы по-прежнему остаются нерегламентированными со стороны законодателя. Так, указанные формулировки задач финансового контроля порождают вопрос, который важен с практической точки зрения: в сущности финансового контроля лежит многоаспектная деятельность уполномоченных на то органов или акцент направлен на то, что это лишь одна из функций соответствующих органов? Некорректное или неточное формулирование сущности неизбежно порождает различия в толковании рассматриваемого термина, а также может повлечь юридические конфликты, нарушая при этом единообразие в понимании и реализации правовых норм в области финансового контроля.

Возможно, эти два аспекта соотносятся как форма и содержание. Мы исходим из того, что деятельность – это нечто основное из направления занятий органов, а задача или функция – лишь одно из.

Если затронуть взаимосвязь между этими двумя категориями, то содержание – это совокупность элементов, процессов, связей, отношений, образующих данный феномен, а форма – способ существования, внешнее проявление, структура содержания. При этом деятельность органов государственной власти представляет собой *форму* сознательного и законодательного воздействия государственного органа на определенную сферу общественных отношений (сферу деятельности органов государства), в результате которого осуществляется исполнение функций данного государственного органа. Функция же определяет содержание деятельности определенного государственного органа, от которого зависит форма деятельности данного государственного органа. То есть функция является составным элементом *содержания* [6].

Практическая ценность нашей работы заложена в следующих предположениях на основе проанализированного материала. Для ответа на сформулированный в работе вопрос, при обращении к законодательству Российской Федерации, в случае если в законе об этом органе написано, что финансовый контроль – это деятельность, то предполагается возмож-

ность открытого перечня действий органов по финансовому контролю, а если речь идет о задаче, в таком случае должен иметься закрытый перечень полномочий. Тогда при необходимости соответствующие органы имели возможность обратиться к соответствующей норме закона и определить конкретное руководство к действию для реализации поставленной задачи. Если же финансовый контроль – это все-таки деятельность, то органы финансового контроля могут её осуществлять или не осуществлять по своему усмотрению, а вот функцию реализовать органы финансового контроля просто обязаны.

Предполагаем, что вывод состоит в отсутствии потребности легального закрепления двух терминов, характеризующих финансовый контроль как деятельность и отдельно как задача. Ведь эти аспекты могут характеризовать финансовый контроль как часть и целое, а значит, определение финансового контроля как направления деятельности не противоречит его толкованию как одной из функций государственных органов.

Пристатейный библиографический список

1. Кузнецова А. А., Мельник Д. М. Проблемы и перспективы финансового контроля в России // Science Time. – 2014. – № 3. – С. 95–97.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: Оникс [и др.], 2009. – 1359 с.
3. Грачева Е. Ю. Финансовое право: учебник для бакалавров. – М.: Проспект, 2014. – 645 с.
4. Химичева Н. И. Финансовое право: учебник. – М.: Юрист, 2004. – 399 с.
5. Химичева Н. И. Финансовое право: учебник. – М.: Юрист, 2004. – 399 с.
6. Лапшина Л. П., Салеев Т. Ф. Понятие формы деятельности государственных органов в современной науке // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2015. – № 2. – С. 119-125.

ЧЕРНОВ Юрий Иванович

кандидат юридических наук, доцент Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ДАНИЛОВ Артем Амбарцемович

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

АВАНЕСОВ Геннадий Эдуардович

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ГЕВОРКЯН Самсон Лаврентьевич

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

КОНТРОЛЬНО-СЧЕТНАЯ ПАЛАТА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА

В статье рассматриваются особенности осуществления деятельности контрольно-счетными органами Краснодарского края, как важными субъектами финансового контроля на территории региона. Особое внимание при этом уделяется Контрольно-счетной палате Краснодарского края. Существенное значение финансового контроля в Российской Федерации в целом и в Краснодарском крае, в частности, следует выразить в том, что при его проведении устанавливается факт соблюдения установленного правового порядка при осуществлении субъектом финансовой деятельности. Помимо этого, осуществляется проверка эффективности и обоснованности совершенных действий, а также их соответствие поставленным задачам. Финансовый контроль представляет из себя важный механизм обеспечения законности субъектами финансовой деятельности.

Большая роль в рамках данной деятельности принадлежит Контрольно-счетной палате Краснодарского края. Однако, несмотря на значительные шаг вперед в регулировании рассматриваемых вопросов, мы можем констатировать имеющиеся пробелы в действующем законодательстве, что создает препятствия при осуществлении контрольно-счетными органами своих полномочий, что подчеркивает актуальность выбранной темы. По итогам исследования автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: финансовое право, контрольно-счетные органы, финансовый контроль, счетная палата, субъект Российской Федерации, органы власти, органы власти субъекта Федерации, разделение властей, контрольные мероприятия, административная ответственность.

CHERNOV Yuriy Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

DANILOV Artem Ambartsemovich

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

AVANESOV Gennadiy Eduardovich

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

GEVORKYAN Samson Lavrentjevich

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

CHAMBER OF CONTROL AND ACCOUNTS OF THE KRASNODAR TERRITORY: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES OF IMPROVING THE LEGAL STATUS

The article discusses the features of the implementation of activities by the control and accounting bodies of the Krasnodar Territory, as important subjects of financial control in the region. Particular attention is paid to the Control and Accounts Chamber of the Krasnodar Territory. The significant importance of financial control in the Russian Federation as a whole and in the Krasnodar Territory, in particular, should be expressed in the fact that when it is carried out, the fact of compliance with the established legal order when the subject of financial activities is carried out is established. In addition, the effectiveness and validity of the actions taken, as well as their compliance with the tasks set, is checked. Financial control is an important mechanism to ensure the legality of the subjects of financial activities.

A large role in this activity belongs to the Control and Accounts Chamber of the Krasnodar Territory. However, despite a significant step forward in the regulation of the issues under consideration, we can state the existing gaps in the current legislation, which creates obstacles in the exercise of their powers by the control and accounting bodies, which emphasizes the relevance of the chosen topic. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that it is necessary to further improve the current legislation.

Keywords: financial law, control and accounting bodies, financial control, accounts chamber, a constituent entity of the Russian Federation, authorities, authorities of a constituent entity of the Federation, separation of powers, control measures, administrative responsibility.

В настоящее время происходят весьма быстрые изменения во всех сферах жизни общества, которые сопряжены с определенным, связанными с их переустройством и реформированием. Рассматриваемые процессы в полной мере относятся и к Российской Федерации. За последние годы до-

статочно существенные изменения произошли в различных сферах жизни общества, в том числе экономической, политической и социальной. Была проведена реформа системы государственных и муниципальных органов власти. Серьез-

ным изменения подверглась вся система публичного управления.

Так, были изменены и функции публичного управления. В частности, с целью недопущения влияния одной ветви власти на другую, отдельно была выделена функция по осуществлению контроля. Говоря о контроле, следует отметить, что он обеспечивает взаимосвязь между субъектами и объектами управления. Осуществляя контроль, орган производит оценку существующих проблем, а также выявляет причины, в результате которых данные проблемы возникли. И именно функцией контроля и обеспечивается связь между различными функциями публичного управления. Она предоставляет возможность объекту управления достигать поставленных целей и, при необходимости, вносить изменения в свои решения, дабы добиться эффективного результата. Объекту управления контролирующим органом предоставляются сведения, благодаря которым он может увидеть недочеты своей деятельности и внести коррективы.

При этом эффективное управление не может быть возможно без устойчивой системы государственного и муниципального финансового контроля. Они являются одной из важных частей системы управления.

Вместе с тем, рассматривая вопрос финансового контроля, нельзя не отметить, что под финансами необходимо понимать не только денежные средства, но также и иные ресурсы, которые изучаются в рамках того, каким образом они появились, какие движения с ними происходили, как они использовались и ими распоряжались. Также к финансам следует отнести движения денежных средств, их использование, а также экономические отношения, которые выражаются во взаимных расчетах, которые имеют место между хозяйственными субъектами.

Важным значением финансового контроля в нашей стране в целом, а также в Краснодарском крае, в частности, может быть выражено в том, что при его осуществлении происходит установление факта того, насколько проверяемый субъект соблюдает правовые правила финансовой деятельности. Кроме того, осуществляется проверка эффективности, а также обоснованности совершаемых субъектом действий, их соответствии установленным задачам. Таким образом, финансовые контроль является важным элементом, который служит обеспечению требования законности со стороны всех субъектов финансовой деятельности.

Положения главы 26 Бюджетного кодекса РФ (далее БК РФ)¹ устанавливают нормы, в соответствии которыми правами на осуществление государственного и муниципального финансового контроля обладают представительные органы государственной власти и местного самоуправления, а также органы исполнительной власти и органы исполнительной власти местного самоуправления.

Рассматривая государственный финансовый контроль, следует обратить внимание, что, на сегодняшний день, его система базируется на основополагающем принципе разделения. Более того, финансовый контроль видоизменялся, в соответствии с проводимыми в стране реформами. Система финансового контроля строится исходя из положений, заложенных в Конституцию РФ². При этом, рассматривая

нашей историю развития положений о финансовом контроле в нашей стране следует заметить, что в изначальном, в 90-х годах, данная система состояла из Счетной палаты РФ, специальных комитетов и комиссий, которые образовывались Государственной Думой, а также Советом Федерации. Кроме того, на региональном уровне также осуществлялся финансовый контроль, который осуществляли органы государственной власти субъектов федерации. И, наконец, на муниципальном уровне финансовый контроль проводили представительные органы местного самоуправления.

Вместе с тем, само создание системы контрольно-счетных органов в рамках установленной структуры осуществлялось достаточно медленно, что не способствовало соблюдению финансовой дисциплины. Пожалуй, говорить о единой системе органов, которые осуществляют финансовый контроль, мы имеем возможность только лишь с 2011 года, когда были приняты соответствующие нормативные акты.

Так, с 1 октября 2011 года вступил в силу основополагающий нормативный акт в рамках рассматриваемой темы, а именно Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» (далее ФЗ № 6)³. В соответствии с его положениями была предпринята попытка по осуществлению построения единой системы контрольно-счетных органов на территории нашей страны. Помимо прочего в координации нуждалась деятельность всей системы органов, так как нередко их функции дублировались, а также отсутствовала четкая взаимосвязь в деятельности контрольно-счетных органов на разных уровнях. В рассматриваемом федеральном законе предпринимается попытка по координации деятельности и взаимоотношению органов финансового контроля на федеральном, региональном и муниципальном уровне. Кроме того, закрепляются положения, способствующие их более тесному взаимодействию.

Во главе данной системы на федеральном уровне находится Счетная палата Российской Федерации, а на уровне субъектов Федерации – счетные палаты субъектов федерации. В том числе в данную систему входит и Счетная палата Краснодарского края.

При этом, необходимо отметить, что институционально, Счетная палата Российской Федерации, как и некоторые иные органы, непосредственно не включается ни в одну из трех классических ветвей власти. Осуществляя свою деятельность, Счетная палата выступает только от имени государства. При этом она имеет самостоятельные властные полномочия. Кроме того, счетная палата обладает возможностью применять меры государственного принуждения, что превращает ее в важный контролирующий орган во всей системе сдержек и противовесов.

Принятие ФЗ № 6 дает возможность создавать на уровне субъектов федерации соответствующих контрольно-счетных палат, которые осуществляют свою деятельность на территории субъекта. Вместе с тем, следует согласиться с А.А. Ябулгановым, который, в качестве основополагающего условия для успешного функционирования контрольной деятельности, отмечает четкость правовой регламентации всех ее аспектов. Так, должны быть определены ее границы, а

1 Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

2 Конституция Российской Федерации Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года // Российская газета. 1993. 25 декабря.

3 Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: Федеральный закон от 07 февраля 2011 года № 6-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 903.

также методы и формы осуществления, кроме того, должен быть четко обозначен правовой статус контрольных органов, а полномочия органов должны быть изложены таким образом, чтобы отсутствовала любая неоднозначность при определении объема их прав и обязанностей [4].

Во исполнения ФЗ № 6 в различных субъектах Федерации стали создаваться соответствующие контрольно-счетные органы. Исключением не стал и Краснодарский край, где, в рамках Закона Краснодарского края от 4 октября 2011 года⁴ была создана Контрольно-счетная палата Краснодарского края, которой принадлежит важная роль по осуществлению деятельности в рамках финансового контроля на территории края.

Вместе с тем, следует констатировать, что, несмотря на принятые нормативные акты, которые являются значительным шагом вперед в регулировании вопросов финансового контроля, тем не менее существуют определенные пробелы в рамках действующего законодательства, которые нуждаются в дополнительном правовом регулировании.

При этом имеющиеся противоречия и неоднозначности правового регулирования в настоящее время устраняются путем проведения работ органами финансового контроля как на федеральном, так и на региональном уровне, связанными с обобщением правоприменительной практики, направленной на выявление правонарушений в бюджетной сфере. Также достаточно активно осуществляется классификация данных нарушений, проводится методическая работа и предлагаются пути, по устранению имеющихся нарушений финансового законодательства [1, с. 11].

Так, в Краснодарском крае регулярно осуществляются мероприятия по контролю за расходованием бюджетных средств. В качестве примера можем привести следующее мероприятие имевшее место в Краснодарском крае в 2021 году, а именно «Аудит эффективности и целевого расходования (предоставления) средств краевого бюджета, выделенных в 2020 году и истекшем периоде 2021 года (при необходимости в иных периодах) на реализацию мероприятий регионального проекта «Создание для всех категорий и групп населения условий для занятий физической культурой и спортом, в том числе повышение уровня обеспеченности населения объектами спорта, а также подготовка спортивного резерва (Спорт – норма жизни) в части реализации соглашений о предоставлении субсидий из федерального бюджета бюджету субъекта Российской Федерации (выборочно)»⁵. Данное мероприятие проводилось Контрольно-счетной палатой Краснодарского края в ряде муниципальных районов края. В результате проведения аудита были выявлены нарушения различных положений бюджетного законодательства. Также представители контрольно-счетного органа выявили нарушения бухгалтерского учета и законодательства о закупках. Помимо прочего выявлено нарушение условий расходование субсидии ввиду того, что результат, на который она была направлена не был достигнут. Только по итогам данного мероприятия было направлено 1 предписание и 10 представлений.

Также представляется достаточно интересной проверка, которая осуществлялась Контрольно-счетной палатой Краснодарского края в отношении эффективности целевого

расходования средств, которые были выделены в форме субсидий на обеспечение деятельности государственных бюджетных и казенных общеобразовательных учреждений казачьих кадетских корпусов Краснодарского края.

В рамках данного мероприятия осуществлялась проверка Ейского казачьего кадетского корпуса. По итогам проверки были внесены представления для принятия решений, которые были бы направлены на недопущение выявленных нарушений впоследствии, а также привлечения виновных лиц к ответственности.

По итогам мероприятия были приняты определенные меры и решения, а именно, было проведено совещание, на котором было подробно рассмотрено то, какие нарушения были допущены, в чем суть данных нарушений и что необходимо предпринять, чтобы не повторить их в будущем.

Также в краевой бюджет были возвращены средства, которые были израсходованы не по целевому назначению. Помимо этого, к дисциплинарной ответственности были привлечены 7 должностных лиц Ейского кадетского корпуса. Также двум лицам из Департамента по делам казачества, военным вопросам и работе с допризывной молодежью Краснодарского края был вынесен выговор.

Вместе с тем, невозможно осуществить в достаточно сжатые сроки осуществить проверку даже части таких учреждений. Ввиду чего, полагаем, было бы целесообразным организовывать разного рода образовательные и обучающие конференции для их сотрудников со стороны Контрольно-счетной палаты Краснодарского края.

Рассматривая правовое регулирование деятельности региональных контрольно-счетных палат, следует отметить определенные спорные моменты, которые присутствуют в законодательстве отдельных субъектов. Рассмотрим некоторые из них.

Следует обозначить, что статье 6 ФЗ № 6 закрепляются единые правила, в соответствии с которыми назначается председатель, его заместитель (при наличии таковой должности), а также аудиторы контрольно-счетных органов в субъектах Федерации. В соответствии с данной нормой приведенные выше должностные лица назначаются на должность законодательным (представительным) органом государственной власти соответствующего субъекта Федерации. В свою очередь вносить предложение по поводу кандидатуры на должность председателя соответствующего органа субъекта Федерации могут: - председатель законодательного органа субъекта Федерации; - не менее чем треть депутатов законодательного органа соответствующего субъекта Федерации; - руководитель высшего исполнительного органа государственной власти. Помимо перечисленных, законодательством субъекта Федерации данное право может быть делегировано определенным комитетам и комиссиям законодательного органа региона. Назначение заместителя председателя, а также аудиторов происходит в соответствии с законодательством соответствующего субъекта Федерации.

На практике имеет место следующая ситуация. В большинстве субъектов Федерации, в том числе и в Краснодарском крае, в региональном законодательстве закреплено, что заместитель председателя, а также аудиторы назначаются на свои должности в соответствии с решением представительного органа государственности власти региона по представлению председателя контрольно-счетной палаты субъекта Федерации.

Полагаем, что данный порядок является логичным и единственно верным, так как именно утвержденные предсе-

4 О контрольно-счетной палате Краснодарского края: Закон Краснодарского края от 4 октября 2011 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kspkuban.ru/wp-content/uploads/2019/KSO/2321-%D0%A%D0%97%20_11.03.2019_.pdf.

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kspkuban.ru/?p=6423>.

датель должен предлагать лиц, с которыми он будет должен добиться поставленных законодательством целей. Вместе с тем, некоторые субъекты федерации выбрали иной подход к данному вопросу.

В частности, в Республике Мордовия устанавливается, что кандидатуры аудиторов региональной Счетной палаты вносит председатель Счетной палаты, но только после того, как согласует их с главой Ре Мордовия⁶.

Между тем, полагаем, что данное положение нарушает основополагающие принципы формирования и осуществления деятельности контрольно-счетных органов субъектов. Дело в том, что их приемлемой процедура формирования контрольно-счетного органа субъекта Федерации будет являться исключительно тогда, когда отсутствует возможность возникновения каких-либо неслужебных отношений и связей между должностными лицами контрольно-счетного органа, а также органов, которые являются возможными объектами контроля.

Таким образом, на наш взгляд, не является верным, когда в формировании органа, осуществляющего государственный финансовый контроль, а также посредством которого представительный орган соответствующего субъекта осуществляет «парламентский контроль», принимало участие высшее должностное лицо субъекта Федерации, которое само может входить в состав высшего исполнительного органа государственной власти соответствующего субъекта, а также принимать участие в исполнении регионального бюджета. Таким образом, его деятельность сама подлежит оценке со стороны контрольно-счетного органа в отношении ее эффективности и законности [2, с. 1022]. И, при этом, данное лицо участвует в одобрении аудиторов, которые данные контрольные мероприятия, возможно, будут и осуществлять.

Таким образом, по нашему мнению, существует угроза независимости осуществления деятельности контрольно-счетного органа субъекта Федерации при установлении данного порядка утверждения его должностных лиц. Также вызывают вопросы объективность и эффективность его деятельности в данном случае.

Полагаем, что законодатель обязан закрепить такую процедуру назначения на должность как председателя контрольно-счетного органа субъекта Федерации, так и его заместителя, и аудиторов, при котором в этом будут принимать участие только депутаты законодательного органа соответствующего субъекта при участии председателя контрольно-счетной палаты субъекта Федерации (после его утверждения). При этом в перспективе возможно рассмотреть вопрос о выборности данных лиц.

Кроме того, считаем необходимым установить запрет для должностных лиц контрольно-счетного органа на занятие своих должностей в случае, если состоят в тех или иных политических партиях. Дело в том, что подобное отсутствие запрета способно привести к возникновению либо наличию внутрипартийных связей между должностным лицом, занимающим должность в контрольно-счетном органе субъекта Федерации и должностным лицом, которое является руководителем объекта, который потенциально может быть подвергнут финансово-бюджетному контролю, в том случае, если они состоят в одной политической партии.

Также следует выделить проблему, связанную с взаимодействием контрольно-счетных органов субъекта Федерации и правоохранительными органами. Так, при осуществлении контрольного мероприятия могут быть получены сведения, которые будут указывать на содержащиеся в деянии признаки состава преступления или коррупционного правонарушения. В данном случае контрольно-счетный орган, в рамках установленной законодательной процедуры должен передать полученные документы в правоохранительные органы. Данный порядок действий предусмотрен статьей 16 ФЗ № 6. При этом ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» закрепляет правило в соответствии с которым правоохранительные органы должны предоставить Счетной палате Российской Федерации информацию о том, как происходит рассмотрение материалов, какие решения были приняты по ним [3, с. 79]. То есть на федеральном уровне подобная обязанность закрепляется законодательно.

Однако, на уровне субъекта Федерации в ФЗ № 6 схожая правовая норма для контрольно-счетных палат субъектов отсутствует. Полагаем, что данную обязанность надлежит установить и для правоохранительных органов субъектов Федерации и муниципальных образований. Это позволит доводить до логического завершения проводимые контрольно-счетной палатой Краснодарского края мероприятия.

Предлагаем закрепить данную обязанность как в ФЗ № 6, так и в положениях закона Краснодарского края «О контрольно-счетной палате Краснодарского края».

Таким образом, по итогам проведенного исследования полагаем, что после принятия ФЗ № 6 начался новый этап развития института контрольно-счетных органов в нашей стране. Стала формироваться их единая система с общими и понятными принципами и разделением полномочий между субъектами финансового контроля.

Однако все еще имеют место определенные недостатки и недочеты, которые требуют своего устранения для более качественного регулирования деятельности контрольно-счетных органов Краснодарского края.

Пристатейный библиографический список

1. Алехин А.Е. О проблемах правового регулирования организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации // Финансовое право. - 2017. - № 2. - С. 11-18
2. Лапина М.А. Совершенствование законодательства, регламентирующего юрисдикционную деятельность Счетной палаты Российской Федерации и контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации // Административное и муниципальное право. - 2015. - № 10. - С. 1022-1030.
3. Мигачев Ю.И., Муравьев И.А. Теоретико-правовые основы государственного контроля (административные и финансовые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. - 2017. - № 3. - С. 79-87.
4. Ялбулганов А.А. Финансовый контроль как институт финансового права // Финансовое право. - 1999. - № 4. - С. 43-50.

⁶ О Счетной палате Республики Мордовия: Закон Республики Мордовия от 28 декабря 2011 года № 82-З // Известия Мордовии. 2011. 30 декабря.

ГАДЖИАЛИЕВА Марьям Раминовна

студент 4 курса очного отделения по направлению 40.03.01 - Юриспруденция (уровень бакалавриат), Юридического института Дагестанского государственного университета

АЛИЕВА Эльмира Башировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры административного, финансового и таможенного права Юридического института Дагестанского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В статье выделяется значимость налогов для бюджетной системы государства, выделяются различные подходы к регулированию налоговой ответственности, определяются особенности и делаются соответствующие выводы. При написании статьи применялись различные общенаучные, логические методы, в том числе: сравнительный анализ законодательства зарубежных стран и Российской Федерации, синтез, аналогия и обобщение. Научная новизна данного исследования заключается в подходе к изучению налоговой ответственности с точки зрения сопоставления зарубежного и российского законодательства с учетом регионального аспекта – Республики Дагестан. В результате исследования были сделаны соответствующие выводы относительно подходов к закреплению налоговой ответственности в законодательстве зарубежных стран, предлагается группирование их в соответствии с характерными особенностями.

Ключевые слова: налоги, налоговая ответственность, зарубежное законодательство, исламское налогообложение.

GADZHIALIEVA Maryam Raminovna

student of the 4th course of the full-time in the direction of 40.03.01 – Jurisprudence (bachelor's level) of the Institute of Law of the Dagestan State University

ALIEVA Elmira Bashirovna

Ph.D. in economical sciences of Administrative, financial and customs sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

SOME ASPECTS OF THE APPLICATION OF TAX LIABILITY IN FOREIGN COUNTRIES

The article highlights the importance of taxes for the budget system of the state, identifies various approaches to the regulation of tax liability, defines the features and draws the appropriate conclusions. When writing the article, various general scientific, logical methods were used, including: comparative analysis of the legislation of foreign countries and the Russian Federation, synthesis, analogy and generalization. The scientific novelty of this study lies in the approach to the study of tax liability from the point of view of comparing foreign and Russian legislation, taking into account the regional aspect – the Republic of Dagestan. As a result of the study, appropriate conclusions were drawn regarding approaches to fixing tax liability in the legislation of foreign countries, and grouping them in accordance with their characteristic features is proposed.

Keywords: Taxes, tax liability, foreign legislation, Islamic taxation.

Развивая систему налогообложения в РФ, в некоторой степени, государством пресекаются способы совершения деяний, подлежащих административной или, даже, уголовной санкции. Однако сознание человека подстраивается под реалии созданных новаций, соответственно, совершает правонарушения и преступления в налоговой сфере, что в значительной мере наносит ущерб местному, региональному и федеральному бюджетам, в виду чего могут быть нарушены права населения на бесплатную медицинскую помощь, образование, то есть, в общем говоря, права на благоприятную социальную среду. Укрепляя закон, актуальной задачей станет обеспечение необходимости ответственности граждан за нарушение налогового законодательства. Это требует, помимо прочего, усовершенствования законодательства, повышения качества правоохранительной деятельности, а также развития института применения налоговой ответственности. Следует помнить, что без отлаженной системы юридической ответственности закон становится неэффективным. Если государство не может организовать восстановление нарушенных прав и заставить их выполнять свои обязанности налогоплательщиками, наказывая тех, кто нарушает запрет закона, то налогоплательщику может быть сложно говорить о своих льготах.

Восстановление социальной справедливости, нарушенных прав граждан, общества, государства возможно через установление, так называемой, налоговой ответственности, которая не закреплена законодательно, но которая наступает в случае налогового правонарушения, представляет собой процесс и подлежит принуждению со стороны государства.

Налоговой ответственности характерны определенные признаки. Во-первых, он имеет свою собственную нормативную основу - законодательство о налогах и сборах - и подпадает под принципы налогового права. Имеет особые процессуальные действия (производство по налоговым правонарушениям). Он основан на правонарушении, предусмотренного статьей 106 Налогового кодекса РФ и заключается в применении налоговых ограничений в денежном выражении (штрафов). Налоговые санкции классифицируются в соответствии с интересами государства и характером предпринятых действий. Налоговая ответственность не всегда носит принудительный характер, может быть исполнена в добровольном порядке. В ней участвуют субъект или участники налоговых правоотношений, а также другие лица, которым в соответствии с налоговым законодательством возложены определенные налоговые обязанности [1]. Отдельно необходимо выделить такой основополагающий принцип налогообложения как «обязательность», что предполагает госу-

дарственное принуждение в случае уклонения от ее уплаты. Почти все всемирное сообщество едино во мнении, что установление налогов должно быть обязательным в силу необходимости создания фонда для социально-экономического развития государства. Налоговая ответственность в сфере налогообложения установлена во всех странах мира, что основано на указанном принципе.

В настоящей работе целью ставится анализ зарубежного опыта применения налоговой ответственности, изучение правовых подходов регулирования налоговой ответственности.

Имеющиеся в мировых системах права подходы к определению налоговой ответственности лиц и организаций за нарушение налогового законодательства различны между собой. Но стоит отметить, что распространенным подходом является выведение из норм уголовного и административного права деяний, посягающих на права граждан, общества и государства в налоговой сфере. В Соединенных Штатах соответствующий закон определен в Федеральном налоговом кодексе, в Великобритании - в отдельных законодательных актах (в том числе регулирующих сбор личных налогов), в Германии - в Законе о налогах и платежах, Франция - Общего закона о налогах.

Основными видами преступлений, связанных с нарушениями норм налогового и уголовного права, в этих странах являются уклонение от уплаты налогов и таможенные нарушения, но при этом в зарубежных странах имеется множество различных видов преступных деяний, а также правонарушений.

Можно выделить еще один подход к регулированию налоговой ответственности. Данный подход предполагает включение отдельных налоговых правонарушений и преступлений в кодекс о правонарушениях и в уголовный кодекс, соответственно, и налоговую ответственность. В числе стран, придерживающихся данного подхода, выделяют постсоветские страны, страны СНГ и др., к примеру, Казахстан, Беларусь, Чехия, Испания, в том числе и Российская Федерация. Как правило, указанные преступления и правонарушения включены в разделы (главы) об экономических преступлениях либо о преступлениях против порядка управления.

Налоговые системы в некоторых странах могут включать в себя и «необязательные» налоги - церковные налоги, не основанные на действиях государственной власти, а урегулированные религиозными нормами, обеспечиваемыми моральным авторитетом соответствующей конфессии. В мусульманских странах, где религия активно развивалась - Йемен, Саудовская Аравия, Пакистан и т. д., религиозные налоговые законы были одобрены государством и стали общегосударственными. Исламские налоги (закят, закят аль-фидр, ушр) уплачиваются в соответствии с Кораном, используются для помощи мусульманским общинам за рубежом, помощи бедным, ведения религиозных войн и т.д. [3]. Налоги в исламских странах тоже содержат признак обязательности, однако исламская налоговая обязанность — это другой, специфический вид обязательства: уплата закята в качестве налога на очищение является религиозным обязательством мусульман, одним из пяти столпов веры. Таким образом снижается внешнее давление на оплату: закят — это личная ответственность мусульман. В виду этого, установленные мусульманские налоги как государственные, в сравнении с налогами в других мировых системах права, выступают в наименьшей степени как предмет правонарушения или преступления. Неуплата платежей относится в данном случае

к, так называемой, категории «тазир». «Тазир», согласно законодательству ряда мусульманских стран, влечет за собой сразу два иска — уголовный (за вред, который был причинен обществу) и гражданский (возмещение ущерба виновными действиями) [3]. Следует отметить, что налоговая ответственность за их неуплату наступает только в том случае, если эти налоги установлены законодательно. Однако, можно показать на примере Республики Дагестан, что даже при неурегулированности законодательством и невозможности наступления ответственности, данный налог людьми выплачивается: большую роль здесь играет морально-религиозная составляющая.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить три группы стран с различным закреплением налоговой ответственности:

1) Ответственность за нарушение налогового законодательства закреплена только в Уголовном кодексе, в кодексе об административных правонарушениях.

2) Раскрытие финансовых правонарушений конкретно определено в отраслевых законодательных актах.

3) Ответственность за преступление установлена уголовным законодательством и другими законами (Канада, Италия, Индия).

А также особенную систему мусульманского права, где налоговая ответственность закрепляется шариатскими нормами.

Каждая модель закрепления имеет свои положительные и отрицательные стороны, однако, по нашему мнению, модель закрепления ответственности за нарушение налогового законодательства непосредственно в Налоговом кодексе, Кодексе об административных правонарушениях и Уголовном кодексе Российской Федерации, является наиболее оптимальной, поскольку налоговые правонарушения, а также налоговая ответственность обладают рядом специфических, присущих только им, признаков.

Пристатейный библиографический список

1. Гусева Т. А. Проблемы совершенствования механизма налогового контроля и порядка привлечения к налоговой ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2001.
2. Левшиц Ж. Ю. Налоговое мошенничество в зарубежных странах // Налоги. - 2007. - № 6. - С. 12.
3. Романов А. Н., Колчин С. П. Учебное пособие. Налоги и налогообложение. - М., 2017.

ГУСАЕВА Аминат Зауровна

студент 4 курса очного отделения по направлению 40.03.01 - Юриспруденция (уровень бакалавриат) Дагестанского государственного университета

АЛИЕВА Эльмира Башировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЕДИНОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЛОГА

В данной статье рассматривается единый сельскохозяйственный налог как специальный налоговый режим, введенный в качестве инструмента стимулирования государством развития сельского хозяйства, исследуются проблемы применения ЕСХН в современной России и возможные пути их устранения. Исследование проблем применения ЕСХН подразумевает четкую оценку всех его преимуществ и недостатков, рекомендации для устранения пробелов в правовом регулировании единого сельскохозяйственного налога. Необходимо учитывать и особенности субъектов РФ: статья учитывает особенности Республики Дагестан, специфику сельского хозяйства региона и влияние изменений налогообложения на его развитие.

Ключевые слова: налог, налогообложение, система налогообложения, специальные налоговые режимы, единый сельскохозяйственный налог, применение ЕСХН.

GUSAEVA Aminat Zaurvna

student of the 4th course of the full-time in the direction of 40.03.01 – Jurisprudence (bachelor's degree level) of the Dagestan State University.

ALIEVA Elmira Bashirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Dagestan State University.

PROBLEMS OF APPLICATION OF THE UNIFIED AGRICULTURAL TAX

This article examines the unified agricultural tax as a special tax regime, introduced as a tool to stimulate the state for the development of agriculture, examines the problems of using the unified agricultural tax in modern Russia, and possible ways to eliminate them. The study of the problems of the application of the unified agricultural tax implies a clear assessment of all its advantages and disadvantages, recommendations for eliminating gaps in the legal regulation of the single agricultural tax. It is necessary to take into account the peculiarities of the constituent entities of the Russian Federation: the article takes into account the peculiarities of the Republic of Dagestan, the specifics of agriculture in the region and the impact of changes in taxation on its development.

Keywords: tax, taxation, taxation system, special tax regimes, unified agricultural tax, application of unified agricultural tax.

Гусаева А. З.

Алиева Э. Б.

Сельское хозяйство является одной из базовых отраслей экономики в России, что позволяет сделать вывод о том, какое значение оно имеет в производственном потенциале страны. Однако в современный период агропромышленный комплекс РФ находится под влиянием ряда негативных факторов: мировой финансовый кризис, инфляционные процессы, направленные против России санкции, постоянная изменчивость налогового законодательства, - отрицательно сказывающихся на его показателях. Специфика данного производства заключается в его сезонности, долгосрочности окупаемости вложенных средств, стихийных рисках - именно данные особенности сельскохозяйственной деятельности предопределяют введение особого режима налогообложения. Методологической базой исследования послужил анализ нормативно-правовых актов, регулирующих ЕСХН, изучение теоретического материала и НИР ученых-экономистов и правоведов.

Единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) — это система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей, налогоплательщиками при которой могут

быть организации и индивидуальные предприниматели. Она заменяет собой уплату следующих налогов: налога на прибыль организаций, налога на имущество организаций и НДС. Освобождение от уплаты НДС было внесено сравнительно недавно, в 2019 году, однако оно не происходит по умолчанию, освобождение возможно в следующих случаях:

- начало применения ЕСХН пришлось на 2020 год;
- ЕСХН применялся и раньше, за 2019 год выручка не превысила 90 млн руб.

ЕСХН облагаются доходы налогоплательщиков, уменьшенные на величину произведенных расходов по ставке 6 %. Налоговый кодекс позволяет устанавливать законами субъектов дифференцированные налоговые ставки в пределах 0-6 % для всех или отдельных категорий налогоплательщиков по тем или иным основаниям, предусмотренным ст. 346.8 НК РФ.

В России ЕСХН является стимулирующим инструментом развития сельского хозяйства, однако результаты применения данной системы не в полной мере отвечают целям ее введения. Так, например, несмотря на то, что единый сель-

скохозийственный налог считается более привлекательной системой для налогоплательщиков, за последние пять лет число организаций, уплачивающих данный налог, сократилось на 30 % в связи с банкротством. Но вместе с тем именно региональные и муниципальные власти настоятельно рекомендуют переходить на уплату ЕСХН, поскольку единый налог поступает в доходы консолидированных региональных бюджетов и позволяет формировать собственную налоговую базу местных бюджетов в России, и, как следствие, его отмена или неприменение сельскохозяйственными товаропроизводителями несет существенные бюджетные риски для публичных институтов власти. [1, с. 35–41.]

Следует разобрать круг налогоплательщиков по данному режиму налогообложения. Налогоплательщики - сельскохозяйственные товаропроизводители: организации и индивидуальные предприниматели, производящие сельскохозяйственную продукцию, а также оказывающие услуги сельскохозяйственным товаропроизводителям в области растениеводства и животноводства.

Рыбохозяйственные организации и ИП, осуществляющие вылов водных биологических ресурсов, также признаются налогоплательщиками ЕСХН (п. 2.1 ст. 346.2 НК РФ). Стоит учитывать и тот факт, что организации (индивидуальные предприниматели), которые не производят сельхозпродукцию, а только осуществляют ее первичную или последующую (промышленную) переработку, не вправе применять ЕСХН.

Одной из главных проблем в применении ЕСХН, по мнению российских исследователей, является отсутствие баланса интересов налогоплательщиков и государства. Недостаточная изученность льготных условий налогообложения сельского хозяйства требует методологических обоснований в оценке применяемых льгот и внесения рекомендаций по оптимизации налоговых платежей организаций аграрного сектора. Особенность реализации стимулирующей функции налогов в системе государственной финансовой поддержки сельского хозяйства заключается в установлении определенных льгот, стимулирующих инвестиции в основной капитал, эффективности землепользования, использования имущества, сокращения административной нагрузки с помощью специального налогового режима – ЕСХН. [2, с. 91-95.]

Рассмотрим подробно практические проблемы применения единого сельскохозяйственного налога через исследование его преимуществ и недостатков. Преимущества ЕСХН:

1. Одним из главных преимуществ является его низкая налоговая ставка - 6 %, которая может быть уменьшена и до 0 %. Расчет происходит путем вычитания из суммы доходов производственных расходов. В соответствии с законом Республики Дагестан от 29.05.2020 № 30 ставка ЕСХН установлена в размере 3 %. Двукратное понижение ставки единого сельскохозяйственного налога было инициировано главой Республики Дагестан Владимиром Васильевым, оно было обусловлено необходимостью восстановления экономики субъекта, значительно пострадавшей от ограничительных мер на протяжении 2020-2021г.г. Стоит отметить, что данная мера пошла на пользу отрасли сельского хозяйства республики, ведь за 2021 год в Дагестане выросли площади садов фундука, выросла площадь под теплицами: на начало 2020 года она составляла 618 га.

2. Увеличенный срок налогового периода, в период которого нужно выплачивать налог, он, прежде всего, связан с сезонностью данной отрасли хозяйства.

3. При переходе на данный специальный налоговый режим налогоплательщики предоставляют небольшой объем простых отчетных документов, здесь же модно отметить довольно упрощенную и понятную систему ведения бухгалтерского учета.

4. Налогоплательщикам предоставляется возможность добровольного использования как ЕСХН, так и УСН.

Недостатками являются:

1. Условие об обязательной доле дохода от реализации сельскохозяйственной продукции не менее 70 % от общего дохода налогоплательщика.

2. Хотя и система бухгалтерского учета несколько облегчена, налогоплательщикам необходимо соблюдать отраслевые рекомендации при заполнении документов.

3. Значительно меньше список расходных статей по ЕСХН.

4. Одним из главных недостатков, как отмечают российские исследователи, является невозможность перехода на ЕСХН при несвоевременном заявлении об этом.

Подводя итоги исследования проблем применения ЕСХН в России, можно выделить некоторые рекомендации по совершенствованию системы единого сельскохозяйственного налога такие, как уменьшение размера дохода для перехода на единый сельскохозяйственный налог; увеличение перечня расходов, учитываемых при определении налоговой базы, при исчислении единого фермерского налога, в том числе убытков от чрезвычайных ситуаций природного характера: эти потери могут включать гибель скота и молодняка во время эпидемий болезней животных, гибель урожая от саранчи, других вредителей, засухи и т. д., это даст возможность развития малых и средних фермерских организаций, позволит им конкурировать с другими сельскохозяйственными структурами. Данная рекомендация уже получила свое отражение в принятых к НК РФ поправках, так с 1 января 2020 года с обратной силой вступила норма о включении в перечень расходов по ЕСХН включаются расходы на дезинфекцию помещений и приобретение приборов, лабораторного оборудования, спецодежды и других средств индивидуальной и коллективной защиты для выполнения санитарно-эпидемиологических и гигиенических требований органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц в связи с распространением новой коронавирусной инфекции.

Пристатейный библиографический список

1. Ермакова Е. А. Проблемы управления региональными бюджетными рисками // Региональная экономика. Юг России. - 2013. - № 1. - С. 35-41.
2. Суханова И. Ф., Алиев М. И. Развитие сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий: проблемы в свете изменения налогового законодательства РФ // Аграрный научный журнал. - 2018. - № 7. - С. 91-95.

ОЧАКОВСКИЙ Виктор Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ГРИЦАЙ Дарья Викторовна

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

БАЛАШОВ Егор Михайлович

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

НАЛОГОВЫЙ МОНИТОРИНГ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В 2015 году в Налоговом кодексе Российской Федерации появился институт налогового мониторинга. Налоговый мониторинг представляет собой форму налогового контроля, заключающегося в возложенном на налогоплательщика исчислении и своевременной уплате (перечислении) налогов, сборов, страховых взносов, проверяемом налоговыми органами посредством удаленного доступа к информационным системам налогоплательщика и его бухгалтерской и налоговой отчетности. Его внедрение призвано облегчить работу Федеральной налоговой службы, способствовать взаимодействию между ней и организациями-налогоплательщиками, а также повысить эффективность налогового контроля. В то же время, налоговый мониторинг имеет ряд нерешенных проблем, которые были рассмотрены в статье.

Ключевые слова: налоговый мониторинг, налоговый контроль, проблемы, перспективы развития, налогоплательщики.

OCHAKOVSKIY Viktor Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

GRITSAY Darya Viktorovna

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

BALASHOV Egor Mikhaylovich

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

TAX MONITORING: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

In 2015, the Institute of Tax monitoring appeared in the Tax Code of the Russian Federation. Tax monitoring is a form of tax control, consisting in the calculation and timely payment (transfer) of taxes, fees, insurance premiums assigned to the taxpayer, verified by the tax authorities through remote access to the taxpayer's information systems and its accounting and tax reporting. Its implementation is designed to facilitate the work of the Federal Tax Service, facilitate interaction between it and taxpayer organizations, and increase the effectiveness of tax control. At the same time, tax monitoring has a number of unresolved problems, which were discussed in the article.

Keywords: tax monitoring, tax control, problems, development prospects, taxpayers.

Налоговый контроль является одним из важнейших институтов налогового права, ведь это деятельность, связанная с проверкой соблюдением налогового законодательства, правильностью исчислений, полнотой и своевременностью уплаты налогов и других обязательных платежей налогоплательщиками. Значение налогового контроля состоит в том, что, по сути, без него невозможно представить существование самой системы налогообложения, так как не было бы механизма, сдерживающего ее субъектов от противоправных действий [1].

Традиционной формой налогового контроля являются камеральные и выездные проверки, однако рост участников налоговых отношений вызвал необходимость разработки современной формы налогового контроля, отвечающей необходимости сокращения времени, затрачиваемому налоговыми органами на налоговые проверки, и являющуюся более эффективной и результативной. Для этого в 2015 году в Налоговом кодексе Российской Федерации (далее НК РФ) появился институт налогового мониторинга.

Впервые налоговый мониторинг появился в Нидерландах более десяти лет назад, и первоначально в нем участвовало всего лишь двадцать крупнейших налогоплательщиков страны. Его введение власти страны первоначально рассматривали, как эксперимент, однако результат показал необходимость законодательного закрепления налогового мониторинга и распространения его на более широкий круг налогоплательщиков [2].

Налоговый мониторинг представляет собой форму налогового контроля, заключающегося в возложенном на налогоплательщика исчислении и своевременной уплате (пере-

числения) налогов, сборов, страховых взносов, проверяемом налоговыми органами посредством удаленного доступа к информационным системам налогоплательщика и его бухгалтерской и налоговой отчетности.

Участие в налоговом мониторинге носит добровольный (диспозитивный) характер, налогоплательщику предоставляется право подать заявление о проведении налогового мониторинга [3]. К нему необходимо приложить следующие документы:

- регламент информационного взаимодействия, утвержденный Приказом ФНС России от 11.05.2021 № ЕД-7-23/476@;
- информацию о физических или юридических лицах, чья доля участия в организации превышает 25%;
- действующую учетную политику организации для целей налогообложения;
- информацию об организации внутреннего контроля в компании, утвержденную Приказом ФНС России от 25.05.2021 N ЕД-7-23/518 [4].

В свою очередь налоговый орган выносит решение о проведении налогового мониторинга, которое может носить неудовлетворительный характер в случае:

- непредставление, либо неполное представление обратившимся лицом документов указанных в статье 105.26 НК РФ и в Приказе ФНС России от 11.05.2021 N ЕД-7-23/476@ «Об утверждении форм и форматов документов, используемых при проведении налогового мониторинга, и требований к ним»;
- несоответствие организации, желающей принять участие в налоговом мониторинге, условиям заявленным в статье 105.26 НК РФ.

– иные причины, создающие препятствие для проведения налогового мониторинга.

В случае же вынесения налоговым органом положительного решения о проведении налогового мониторинга его срок начинается с 1 января года указанного периода и оканчивается 1 октября года, следующего за указанным периодом. Стоит отметить, не подав заявление об отказе в проведении налогового мониторинга, организация, продолжит быть его участником.

Отношение налогоплательщика и уполномоченного должностного лица налогового органа на проведение налогового мониторинга строятся на принципах взаимного доверия и сотрудничества, Постоянный доступ уполномоченного лица к данным организации предупреждает совершение ей какого-либо случайного налогового правонарушения, так как при обнаружении несоответствия сведений, переданных организацией, налоговый орган сообщает об этом организации с требованием представить в течение пяти дней необходимые пояснения или внести соответствующие исправления [5].

На наш взгляд, введение такого института, как налоговый мониторинг, положительно сказалось на взаимодействии налогоплательщиков и налоговых органов.

Важным преимуществом для организации в проведении налогового мониторинга является отсутствие камеральных и выездных проверок [6]. Если камеральная проверка не встречает недочетов у налогоплательщиков, то выездная проверка вызывает достаточно много трудностей, среди которых стоит отметить, неожиданность для сотрудников, так как налоговый инспектор не обязан извещать о своем визите заблаговременно; необходимость в предоставлении рабочего места для налогового инспектора; помимо прочего не стоит забывать, о том, что сам факт проверки может привести к дезорганизации рабочего процесса.

Среди проблем института налогового мониторинга следует отметить узкий круг организаций, имеющих возможность стать участниками налогового мониторинга. Как отмечалось выше, организация должна иметь суммарный объем полученных доходов в размере 1 миллиарда рублей, однако в нашей стране таких предприятий насчитывается всего лишь около пятисот [7]. Получается, что новый и эффективный вид налогового контроля, появившийся в нашей стране, не применяется в том объеме, который на наш взгляд необходим, чтобы говорить о целесообразности его введения.

Вполне обоснована будет мысль, что узкий круг участников налогового мониторинга – это следствие отсутствия необходимых кадров, которые бы обладали достаточными знаниями для ознакомления и анализа предоставленной им информации. В то же время, с момента принятия изменений в НК РФ прошло более пяти лет, за которые вполне возможно подготовить специалистов в данной области.

Условия для становления организацией на налоговый контроль, не сильно изменились за время его существования, первоначальные 3 миллиарда рублей дохода превратились в 1 миллиард, повысив немного обхват организаций. В то же время не в каждом городе Российской Федерации найдется юридическое лицо с прибылью в данную сумму, поэтому может возникнуть ситуация, при которой необходимый сотрудник есть, а организации нет. При этом, не стоит забывать, что помимо размера дохода, есть и другие условия.

Рационально будет снизить порог сначала до 500 млн. рублей, благодаря чему значительно возрастет количество участников налогового мониторинга. Впоследствии, когда будет достаточное количество кадров и работа института будет налажена, на наш взгляд порог можно снизить и до 100 млн. рублей.

Одно из препятствий массовости налогового мониторинга, является опасение организаций разглашения коммерческой тайны - то есть информации, которая не разглашается компанией в целях увеличения доходов и/или предвосхищения необоснованных расходов, защиты своей деловой репутации и положение на рынке - путем утечки информации из налогового органа [8]. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность за разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну, а именно в п. 2 ст. 183 УК РФ «незаконное разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе». Помимо уголовной ответственности, законодательно предусмотрена также ад-

министративная и гражданско-правовая ответственность за разглашения коммерческой тайны. В то же время, ущерб, причиненный компании вряд ли будет полностью покрыт.

Также вызывает опасение разглашения налоговозначимой информации представляющей особый вид информации, предназначенной для целей налогообложения, поэтому сведения, находящиеся в распоряжении налоговых органов, являются не только экономической информацией, но также содержат персональные данные налогоплательщиков и иных лиц [9].

Налоговому мониторингу уже более шести лет, за которые ФНС ни разу не допустила утечки информации, предоставленной организациями-участниками. Опасения о разглашении вызваны тем, что процедура налогового мониторинга до сих пор малоизвестна в нашей стране. При смягчении условий участия необходимо провести ряд мероприятий, которые бы повысили налоговую грамотность граждан в сфере налогового мониторинга, объяснили бы все преимущества и порядок защиты, предоставленной информации, предупредили об ответственности за злоупотребление предоставляемого им права [10].

К 2022 году налоговый мониторинг будет проводиться всего лишь в отношении 339 предприятий, однако, по мнению начальника Управления налогового мониторинга ФНС России Марины Крашенинниковой в последний год отмечается рост заинтересованности организаций в данной форме налогового контроля: «К 2024 году информационные системы организаций планируется полностью интегрировать с АИС «Налог-3». Утверждение проекта позволит усовершенствовать расширенное информационное взаимодействие при проведении налогового мониторинга» [11]. В то же время создается впечатление, что законодатель не сильно заинтересован на данный момент в развитии института налогового мониторинга, его совершенствование происходит гораздо медленнее, чем требуется и позволяет возможность.

Пристатейный библиографический список

1. Архиреева А. С., Едиджи Ф. А. Проблемы развития финансового контроля // Эпомен. — 2020. — № 36. — С. 17.
2. Демин А. В. Налоговый мониторинг: текущее состояние, проблемы и перспективы // Вестник ВГУ. Серия: Право. — 2017. — № 1 (28). — С. 228.
3. Курдюк П. М., Очаковский В. А. К вопросу об использовании диспозитивных начал в финансовом праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2019. — №4 (48). — С. 165.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11664927/ (дата обращения: 14.01.2022).
5. Курбатова О. В. Принципы налогового мониторинга // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 2. — С. 10.
6. Попова А. П., Очаковский В. А. Перспективы развития налогового мониторинга в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 11 (150). — С. 203.
7. Рейтинг крупнейших компаний России РБК 500. Основные факты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/15/10/2020/5f86306e9a7947c85f43e19c> (дата обращения: 11.12.2021).
8. Архиреева А. С., Костенко Б. Ю. Финансовая безопасность и основные направления ее обеспечения // Эпомен. — 2019. — № 34. — С. 28.
9. Крутова Я. А., Очаковский В. А., Корытина Т. Е. Налоговая тайна и ее обеспечение // Вестник КРУ МВД России. — 2018. — № 3 (41). — С. 125.
10. Очаковский В. А. К вопросу о злоупотреблении правом в сфере налогов и сборов // Административное и финансовое право в условиях новой экономической реальности: опыт и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Сборник статей. — 2017. — С. 181.
11. В 2022 году к налоговому мониторингу присоединится 131 компания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11664927/ (дата обращен: 11.12.2021).

СЕФИКУРБАНОВА Радмила Маллакурбановна

студент 4 курса Юридического института Дагестанского государственного университета.

АЛИЕВА Эльмира Башировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры административного, финансового и таможенного права Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

В данной статье рассматривается специальный льготный налоговый режим - налог на профессиональный доход. Авторы статьи изучают правоприменительную практику, сложившуюся в Республике Дагестан и сопоставляют имеющиеся результаты с целями введения нового налогового режима. Излагаются некоторые актуальные проблемы, выявленные в ходе действия данного режима и предлагаются возможные варианты их разрешения.

Ключевые слова: налог на профессиональный доход, специальный налоговый режим, самозанятые, эксперимент, Республика Дагестан.

SEFIKURBANOVA Radmila Mallakurbanovna

student of the 4th course of the Institute of Law of the Dagestan State University

ALIEVA Elmira Bashirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

PROBLEMS OF APPLYING THE PROFESSIONAL INCOME TAX (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

This article discusses a special preferential tax regime - the tax on professional income. The authors of the article study the law enforcement practice that has developed in the Republic of Dagestan and compare the available results with the goals of introducing a new tax regime. Some actual problems identified during the operation of this regime are outlined and possible solutions are proposed.

Keywords: professional income tax, special tax regime, self-employed, experiment, Republic of Dagestan.

Налог на профессиональный доход (далее - НПД) — это специальный льготный налоговый режим для самозанятых граждан, введенный в действие Федеральным законом «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», который вступил в силу с 1 января 2019 года и рассчитан до 31 декабря 2028 года¹.

Экспериментальный налоговый режим ориентирован на новую категорию налогоплательщиков – самозанятых, получающих профессиональный доход - доход физических лиц и индивидуальных предпринимателей от деятельности, не предусматривающей заключение договоров о привлечении наемных работников и работодателей, а также доход от использования имущества. Размер дохода не должен превышать 2,4 млн руб. в год, без ограничения месячного дохода².

Цель введения налога на профессиональный доход - легализация доходов через снижение налоговой нагрузки и, что очень важно, через снижение административного давления на граждан³.

На территории Республики Дагестан рассматриваемый режим был введен Законом Республики Дагестан от 29.05.2020 № 32 «О введении на территории Республики Дагестан специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», который вступил в силу с 1 июля того же года⁴.

Уже через месяц количество плательщиков НПД в республике превысило 1300 человек. УФНС уточняет, что на начало августа в этом статусе оказались зарегистрированы 1319 человек, из них 1213 физлиц, 94 индивидуальных предпринимателя, которые перешли с других режимов налогообложения, а также двенадцать новых ИП.

Согласно Единому реестру субъектов малого и среднего предпринимательства по состоянию на 31 октября 2021 года количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в общем по РФ, составляет 3 398 382 млн. человек, в Республике Дагестан - 28 417 тысяч, из них 27 627 физлиц и 790 ИП⁵.

1 О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 26.11.2021).

2 Самозанятый, НПД, и многое другое. Памятка. 2020 год. // Налог на профессиональный доход. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nrd.nalog.ru/docs/> (дата обращения: 26.11.2021).

3 Елена П. Режимы налогообложения в РФ. Справочник. 2021. // Финвер. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finver.ru/>

rezhimu-nalogooblozheniya-v-rf-2021 (дата обращения: 26.11.2021).

4 О введении на территории Республики Дагестан специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». Закон от 29.05.2020 № 32 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 26.11.2021).

5 Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». // Федеральная налоговая служба. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства.

Исходя из сведений о количестве самозанятых граждан, применяющих НПД показатели Республики Дагестан можно оценить, как средние. Если смотреть в разрезе Северо-Кавказского федерального округа, то Республика Дагестан уступает только Ставропольскому краю, где общее число лиц, применяющих рассматриваемый режим составляет 35 564 тысячи.

По данным ФНС на сентябрь 2021 года ежедневно в качестве новых плательщиков НПД регистрируется более 5,8 тыс. человек. Их средний возраст составляет 30-40 лет. При этом 57 % самозанятых являются представителями поколения Y (1985 – 2003 г.р.), 35 % – поколения X (1964 – 1984 г.р.), 5 % – поколения беби-бумеров (1963 г.р. и старше), 1 % - поколения Z (2004 г.р. и младше).

В топ самых «молодых» субъектов Российской Федерации наряду с Санкт-Петербургом, Воронежской, Тюменской, Нижегородской областями входит и Республика Дагестан.

В соответствии с Отчетом о начислении и поступлении налогов, сборов, страховых взносов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации, утвержденной УФНС по РД по состоянию на 01.10.2021 года, начислено к уплате в текущем году более 29 млн. руб., поступило более 21 млн. руб.⁶

Причина невысоких показателей по Республике Дагестан как в количестве лиц, применяющих НПД, так и, следовательно, в размере поступлений в бюджет связана с тем, что жители республики видят в участии в данном эксперименте только сокращение своих доходов. По мнению большинства, выгоду к которой все и каждый стремится, легализация сложившихся устойчивых отношений однозначно не даст. Законодательство в свою очередь не может гарантировать сохранения преимуществ применения НПД и лицам, которые положительно отнеслись к эксперименту. Нестабильность российского законодательства, ужесточение налоговой политики, бедность населения республики останавливает потенциальных участников от применения, рассматриваемого специального режима.

В республике просматривается и обратный эффект, когда самозанятые регистрируются для «обхода закона», т.к. действительно существуют риски злоупотребления этим налоговым режимом. Например, низкие по сравнению с другими налоговые ставки и освобождение от уплаты некоторых платежей могут сократить поступления в бюджетную систему.

И здесь мы согласимся с К.А. Савиновым и А.Р. Лаврентьевым, что только при помощи мер экономического стимулирования институт самозанятых развиваться не сможет. И одним из путей авторы предлагают использование УФНС по РД публичной информации таких интернет сервисов как «Авито», «Юла» и др., где размещаются сведения о лицах, оказывающих соответствующие услуги и выполняющих работы, попадающие под действие НПД. В свою очередь названным сервисам может быть вменена

в обязанность проверка статуса лица, желающего опубликовать объявление представить документы о регистрации в качестве самозанятого или ИП [2].

В связи с введением рассматриваемого налогового режима в Республике Дагестан лишь в июле 2020 года правоприменительная практика только формируется. На данном этапе сложно утверждать оправдал ли экспериментируемый налоговый режим надежды, возлагаемые на него. Это вызвано: во-первых, тем что пандемия новой коронавирусной инфекции нанесла сокрушительный удар по республиканскому бизнесу, большую часть которой составляют малые и средние предприятия; во-вторых, дополнительным фактором, который может повлиять на увеличение численности самозанятых может стать отмененный с 2021 года единый налога на вмененный доход. Указанное обстоятельство способно привлечь некоторое количество дополнительных самозанятых граждан из числа тех, кто подпадает под действие НПД; в-третьих, эксперимент будет действовать до 2028 года и правильная его настройка в конечном итоге способствует достижению изначальной цели – легализации теневых экономических отношений в Республике Дагестан⁷.

На основании изложенного можно сделать вывод об оправданности выбора для нового специального правового режима правовой формы «эксперимента». Практика применения Закона № 422-ФЗ поможет выявить возможные пути оптимизации режима НПД, а результаты более продолжительного периода действия закона позволят ввести НПД в статус постоянно действующего специального налогового режима [1].

Пристатейный библиографический список

1. Беликов Е.Г., Юдина Е.В. Правовое регулирование и перспективы применения специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1 (1238). С. 198-203.
2. Савинов К.А., Лаврентьев А.Р. Налог на профессиональный доход: первые итоги двухлетнего эксперимента // Финансовое право. 2021. № 6. С. 26-30.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ofd.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 26.11.2021).

6 Отчет 1-НМ за 2021. // Федеральная налоговая служба. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn05/related_activities/statistics_and_analytics/forms/10676250/ (дата обращения: 26.11.2021).

7 Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ практики проведения эксперимента по внедрению налога на профессиональный доход». 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/8a8/8a81af65e339601a99046d58a3540a69.pdf> (дата обращения: 26.11.2021)

ЧЕРНОВ Юрий Иванович

кандидат юридических наук, доцент Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ЛЕСНИКОВ Алексей Сергеевич

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

КОПЫТОВСКИЙ Данил Сергеевич

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ

В данной статье автор рассмотрел основные вопросы совершенствования законодательной техники в налоговой сфере. В свою очередь, большое количество изменений налогового законодательства объясняется не только объективно присущей финансово-правовым нормам нестабильностью, но и низким уровнем юридической техники подготовки законопроектов и применения налоговых норм. Автор делает вывод о наличии отраслевой специфической юридической техники налогового права. Автором выделено, что не хватает нормам налогового законодательства РФ, так это надежности и простоты использования. Таким образом, вопрос о правовой технике налогообложения является одним из важнейших и актуальных в теории российского финансового права. В свою очередь, статья рассчитана на широкий круг читателей, поскольку она является актуальной в настоящее время.

Ключевые слова: налоговое право, законодательная техника, право, налоговый контроль, совершенствование.

CHERNOV Yuriy Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

LESNIKOV Aleksey Sergeevich

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

KOPYTOVSKIY Danil Sergeevich

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

IMPROVEMENT OF LEGISLATIVE TECHNIQUES IN THE TAX AREA

In this article, the author examined the main issues of improving the legislative technique in the tax area. In turn, a large number of changes in tax legislation is explained not only by the objectively inherent instability of financial and legal norms, but also by the low level of legal technique for preparing draft laws and applying tax norms. The author concludes that there is a specific industry-specific legal technique of tax law. The author has highlighted what is lacking in the norms of the tax legislation of the Russian Federation, so it is reliability and ease of use. Thus, the issue of the legal technique of taxation is one of the most important and relevant in the theory of Russian financial law. In turn, the article is designed for a wide range of readers, since it is relevant at the present time.

Keywords: tax law, legislative

Налоговый кодекс РФ [1], наверное, один из самых нестабильных источников российского права. Простейшие расчеты приводят нас к выводу, что финансовые нормы, содержащиеся в Налоговом кодексе РФ, в среднем проходят около 20 корректировок в год. Изменений отдельных норм Налогового кодекса РФ множество, что несопоставимо с количеством изменений нормативных актов, являющихся источниками других отраслей права.

Принято считать, что закон направлен на то, чтобы сделать отношения с общественностью стабильными, а последствия поведения участников общественных отношений - предсказуемыми. Теория налогообложения также подчеркивает, что стабильность и безопасность являются основными принципами налогообложения.

Многочисленные изменения в Налоговый Кодекс Российской Федерации привели нас к тому, что содержащиеся в нем правила поведения во многом утратили свое юридическое значение именно из-за нестабильности. Налоговый кодекс Российской Федерации устанавливает порядок изъятия и обращения части денежных средств, принадлежащих частным лицам. Однако из-за его неопределенности термин «налогообложение» мо-

жет применяться к этому механизму лишь в ограниченной степени.

Единственное, чего не хватает нормам налогового законодательства РФ, так это надежности и простоты использования. Таким образом, вопрос о правовой технике налогообложения является одним из важнейших и актуальных в теории российского финансового права.

Процесс разработки налогового законодательства можно определить как деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по установлению, введению и отмене налогов и сборов.

При всем разнообразии взглядов на проблему законодательной техники, существующих в разные периоды развития юридической науки, в литературе выделяются различные подходы к определению исследуемого понятия.

Большинство современных отечественных исследователей относят юридическую технику исключительно к нормотворческой сфере и в этом контексте нередко отождествляют ее с правотворческими, законодательными и нормотворческими методами. В современных юридических словарях и энциклопедиях юридическая техника (законодательная) определяется как совокупность правовых норм, приемов,

методов, терминов и понятий, используемых в процессе разработки закона [2].

Можно сказать, что законодательная техника определяется как система правил, приемов (методов) и средств, разработанных теорией и практикой юридической деятельности, используемых в процессе исполнения юридической воли (законодательная власть, толкование, применение права) лиц и уполномоченных органов.

При изменении налогового законодательства используются особые юридические и технические приемы, отличные от других отраслей законодательства.

Одни методы прямо предусмотрены Налоговым кодексом РФ, другие следуют логике регулируемых отношений. Что касается налогового законодательства, можно выделить следующие группы методов, используемых при кодификации.

Первую группу составляют правила, приемы, средства, используемые для внешнего оформления нормативных правовых актов. В эту группу входят ст. 1 Налогового кодекса Российской Федерации, который устанавливает виды законодательных актов, регулирующих налоговые отношения [3].

Несмотря на рамки законодательства РФ о налогах и сборах, ограниченные ст. 1 Налогового кодекса Российской Федерации, а также процесс законотворчества, в котором новые нормы включаются в Налоговый кодекс Российской Федерации, нормы, приостанавливающие действие и изменяющие нормы законодательства о налогах и сборах, содержатся в других актах.

В начале кодификации налогового законодательства законодатель учел требования ст. 1 Налогового кодекса РФ, а в последние годы он прекратил свое существование. Об этом свидетельствует дублирование норм взимания НДС и акцизов в ТК РФ и Налоговом кодексе РФ, а также нарушение ст. 1 Налогового кодекса РФ прослеживается только в законах последних лет. К средствам правовой техники этой группы следует отнести ст. 4 Налогового кодекса Российской Федерации.

Вторая группа правил законодательной техники — это правила, приемы, методы рациональной организации структуры, стиля, логического и лингвистического построения содержания правовых норм, которые обеспечивают взаимосвязь между правовыми нормами и определяют их структурные элементы.

Статьи Налогового кодекса РФ, в свою очередь, делятся на пункты, подпункты, абзацы. К сожалению, надо признать, что статьи Налогового кодекса РФ также содержат пункты и подпункты второго порядка, поскольку они не всегда перечисляются.

Мы придерживаемся мнения, что с юридической точки зрения новые пункты, подпункты и абзацы должны быть вставлены в конце соответствующей структурной единицы, а они часто вставляются в середине, начиная с общей темы правового регулирования.

Еще одна большая проблема техники в Налоговом кодексе РФ — это перекрестные ссылки, иногда с очень длинными «хвостами». Такая юридическая техника заставит вас забыть о начале, пока юрист разбирается в сути правовой нормы.

Дублирование в каждой норме положений другой, на которую сделана ссылка, тоже не вариант, так как это значительно увеличит и без того большой объем Налогового кодекса РФ. Проблема здесь в самом контенте: множество перечислений, исключений и даже исключений из исключений.

Третий набор правил юридической технологии включает правила, приемы и методы разработки и исполнения актов правоприменения и толкования.

Государственные органы исполнительной власти при издании уставов в налоговых вопросах должны соблюдать особые требования, установленные п. 1 ст. 4 НК РФ. В пример можно привести Приказ Министерства юстиции РФ от 23 апреля 2020 г. № 105 «Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» [4].

Подчиненное регулирование налогов и сборов всегда носит вторичный и производный характер. Его задача — исключительно уточнение налоговых и юридических правил, установленных законодателем. Органы исполнительной власти не могут издавать акты, содержащие «новые» первичные налогово-правовые нормы, не имеющие правовой основы в налоговом законодательстве.

Последовательные этапы правового регулирования — это правотворчество, правоприменение и осуществление права. Поэтому проблемы в разработке налоговых правил неизбежно приводят к трудностям в толковании, реализации и применении норм налогового права [5].

Социальная ценность налоговых правил будет восстановлена, а эффективность налогового и правового регулирования может быть повышена за счет правильного выбора и использования инструментов (то есть средств, приемов, методов) юридической работы, то есть с помощью совершенствования правовой техники в этой отрасли права.

Таким образом, нестабильность финансовых и правовых стандартов является их объективным признаком, однако и без того неисчислимо количество поправок в текст Налогового кодекса РФ свидетельствует о наличии серьезных проблем в области налогового регулирования. Законодательная техника налогового права, являясь разновидностью правовой техники в целом, имеет специфические особенности, связанные с особенностями налогообложения как экономического, политического и правового явления. Поэтому данная (методика) техника налогового права может стать предметом отдельного научного исследования.

Пристатейный библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. От 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. - № 31. - 03.08.1998. - Ст. 3824.
2. Налоговое право / Под ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. - М.: Проспект, 2016. - 326 с.
3. Налоговое право / Под ред. С. Г. Пепеляева. - М.: Альпина Паблишер, 2017. - 796 с.
4. Приказ Министерства юстиции РФ от 23 апреля 2020 г. № 105 «Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации». [Электронный ресурс]. - <https://base.garant.ru/73957287/>
5. Борзунова О. А. Кодификация налогового законодательства России. Научно-практические аспекты. - М.: Юстицинформ, 2021. - 368 с.

АЛЕКСЕЕВ Юрий Григорьевич

преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

НИКОЛАЕВ Никита Андреевич

преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки Уфимской школы по подготовке специалистов – кинологов МВД России, старший лейтенант полиции

О ВВЕДЕНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ПОМЕЩЕНИЙ ДЛЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

В статье рассматриваются проблемы существования помещений, ориентированных для систематического употребления алкогольной продукцией. Отсутствие законодательной регламентации возникающих правоотношений лишает правоохранительную систему инструментария надлежащей профилактики. В ходе изучения проблемы проведен анализ административной и судебной-следственной практики о распространенности правонарушений и преступлений, совершаемых в состоянии опьянения и в местах систематического употребления алкогольной продукции.

Ключевые слова: здоровье населения, профилактика правонарушений, противодействие преступности, региональное и федеральное законодательство, защита семьи и несовершеннолетних.

ALEKSEEV Yuriy Grigorjevich

lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, major of police

NIKOLAEV Nikita Andreevich

lecturer of Cycle of professional service and physical training sub-faculty of the Ufa school for training dog handlers of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

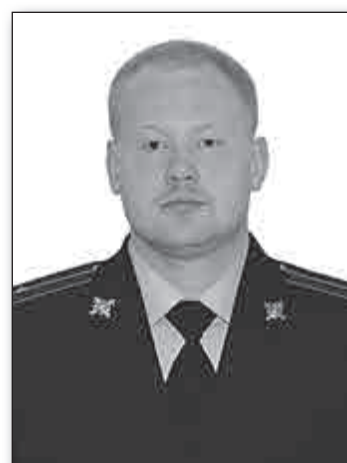
ON THE INTRODUCTION OF RESPONSIBILITY FOR THE SYSTEMATIC PROVISION OF PREMISES FOR THE CONSUMPTION OF ALCOHOLIC BEVERAGES

The article deals with the problems of the existence of premises oriented for the systematic use of alcoholic beverages. The lack of legislative regulation, emerging legal relations deprive the law enforcement system of the tools of proper prevention. In the course of studying the problem, an analysis of administrative and judicial investigative practice on the prevalence of offenses and crimes committed while intoxicated and in places of systematic consumption of alcoholic beverages was carried out.

Keywords: public health, crime prevention, crime prevention, regional and federal legislation, protection of family and minors.

Алексеев Ю. Г.

Николаев Н. А.

Современная эпидемиологическая ситуация в стране и в мире актуализирует направление качественной защиты жизни и здоровья населения, соблюдения общественной ответственности.

С 20 марта 2020 года главы почти всех регионов Российской Федерации приняли решение о введении режима повышенной готовности, в связи с чем, большее количество населения самоизолировалось в местах пребывания.

Наиболее пострадало от введения режима самоизоляции и повышенной готовности сфера услуг, и вторичные сферы производства продукции, не подпадающей к категории первой необходимости. Нововведения коснулись и порядка оказания услуг, многие предприятия и организации перешли на дистанционный порядок деятельности.

В силу изменений экономической конъюнктуры одним из обсуждаемых вопросов в научной и практической среде является изменение структуры и уровня преступности, влияние ее на безопасность страны. Коронавирус стал темой номер один для средств массовой информации и Министерств здравоохранения всего мира [1]. Однако, существенно на состоянии здоровья населения кроме последствий распространения вирусных и бактериологических заболеваний влияет и злоупотребления спиртосодержащей продукцией.

Согласно статистическим данным за 2021 год более 25 % преступлений, совершены в состоянии алкогольного опьянения. Одной из задач государства, в целях снижения уровня преступности в стране, улучшения социально-экономических и демографических показателей является принятие мер по уменьшению доли лиц, являющихся алкозависимыми и злоупотребляющими спиртосодержащей продукцией¹.

В целях анализа влияния потребления алкоголя на поведение людей проанализируем судебную-следственную практику:

1) Согласно приговору № 1-290/2020 от 30 июля 2020 года водитель автомобиля Газ, управляя транспортным средством в состоянии опьянения допустил дорожно-транспортное происшествие. В ходе оформления правонарушения сотрудниками полиции, водитель автомобиля применил насилие не опасное для жизни и здоровья представителя власти².

1 Краткая характеристика преступности в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф>.

2 Приговор № 1-290/2020 от 30 июля 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru.

Таким образом, лицо в силу того, что находилось в состоянии опьянения, совершило 1 правонарушение и в последующем 1 преступление.

2) Четверо сотрудников полиции ночью 2 декабря выехали по адресу, где была зафиксирована торговля нелегальным алкоголем в позднее время. Когда уже составлялся акт, в магазин зашли шесть уроженцев Средней Азии, желавших купить алкоголь в ночное время. Ответ, что магазин закрыт, не устроил посетителей, после чего в отношении сотрудников было применено насилие не опасное для жизни и здоровья³.

3) Согласно приговору № 1-123/2020 от 22 сентября 2020 года допрошенная в качестве обвиняемой Масленникова Н. П. в ходе предварительного следствия показала, что Д.Д.ММ.ГТТГ она со своим супругом М.Д. находясь у себя дома в <адрес>, отмечала <данные изъяты>, после распития водки объемом 1 литр, около 13 часов легли спать. Около 14 часов она проснулась от шума в доме, увидела, что у нее в доме находится её бывший супруг Ш.И. со своим братом Ш.М., которые конфликтовали с ее мужем ФИО. В основном конфликт происходил между Ш.М. и ФИО, в ходе которого они пытались подражаться. Она, обернувшись одеялом, решила подойти к Ш.М. и ФИО, чтобы остановить между ними конфликт. Её остановил бывший муж ФИО, при этом он её толкнул в сторону, и стал говорить, о том, как ей не стыдно спать в таком виде перед их совместными дочерьми, хотя дочерей на тот момент дома не было, они были у бабушки. Она находилась в состоянии алкогольного опьянения и только проснулась, поэтому не помнит, что ответила. После того, как Ш.И. толкнул её и высказал свои претензии, у нее возникло неприязненное отношение к нему, и она, находясь в общей комнате дома, где у нее расположены как спальное место, так и кухонный стол, взяла с данного кухонного стола, лежавший на нем кухонный нож, и нанесла один удар данным ножом в область живота ФИО. После чего ФИО и Ш.М. сразу же убежали из её дома. Д.Д.ММ.ГТТГ приехали сотрудники полиции, пояснили, что в больницу обратился Ш.И., которого она ударила в область живота кухонным ножом. Данный факт она не отрицает, вину в совершении преступления признает полностью, в содеянном раскаивается. Она никогда бы не совершила данного преступления, если бы не была в состоянии алкогольного опьянения⁴.

Подводя итог анализу судебно-следственной практики, следует заметить, что состояние опьянения ведет к более тяжким общественно-опасным последствиям и неконтролируемым действиям со стороны правонарушителей и преступников.

Федеральное законодательство ориентировано на снижение доли злоупотребляющих спиртосодержащей продукцией и осуществляет регулирование оборота этилового спирта на территории РФ.

Так, статья 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 года № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» определяет особые требования к розничной продаже алкогольной продукции и накладывает временные ограничения с 23.00 часов до 08.00 часов по местному времени. Дополнительно, субъекты Российской Федерации уполномочиваются правом введения дополнительных ограничений⁵.

Региональное законодательство многих субъектов уже ориентировано на это и пытается вести борьбу в данном направлении.

Проблема чрезмерного и бесконтрольного употребления населением алкогольной продукции и совершения в последующем правонарушений и преступлений, связано с отсутствием инструментария по привлечению лиц, злоупотребляющих дома спиртосодержащей продукцией к ответственности.

Так, сотрудники полиции, прибывшие на сообщение по факту злоупотребления лицами, находящимися в жилом доме спиртосодержащей продукцией не могут привлечь их к ответственности. Злоупотребления продолжаются, жильцы дома неоднократно сообщают о данных инцидентах, однако правоохранительная система не в силах предпринять меры в силу отсутствия правовых норм, предусматривающих ответственность за данное деяние.

Некоторые субъекты Российской Федерации, усмотрев данную проблематику внесли изменения в региональное законодательство.

Ст. 2.3 Закона Пензенской области об административных правонарушениях от 02 апреля 2008 года № 1506-ЗПО вводит ответственность за организацию или (и) содержание притонов для распития спиртных напитков, сопряженные с нарушением общественного порядка⁶.

По данным Минторга Башкирии, за текущий год из незаконного оборота было изъято «около 15 тысяч литров» контрафактного алкоголя. Общая сумма штрафов, выписанных продавцам и изготовителям суррогата, превысила 9 миллионов рублей. Руководитель министерства Алексей Гусев отметил, что за счет профилактических рейдов число пьяных преступников в 2020 году уменьшилось на 5,2 %, а за 10 месяцев текущего года – на 7,7 %. В 2020-м от отравления нелегальной спиртосодержащей продукцией скончались 73 человека, что на 30 % меньше, чем в 2019-м и в три раза ниже показателей 2018-го⁷.

В настоящее время в Республике Башкортостан отсутствуют нормы, определяющие возможность привлечения лиц, предоставляющих для систематического потребления алкогольной и спиртосодержащей продукции к ответственности, в связи с чем, нет возможности своевременного реагирования и принятия, предупредительных мер в целях предотвращения общественно-опасных последствий. Предлагается внести изменения в КоАП Республики Башкортостан, предусмотреть отдельную правовую норму за создание притонов и предоставление помещений, используемых для систематического употребления спиртосодержащей продукции.

Данное нововведение позволит снизить количество помещений, в которых осуществляет сбыт и потребление спиртосодержащей продукции и тем самым уменьшить количество лиц, совершающих административных правонарушений и преступлений в состоянии опьянения, что повлияет на снижение количества общественно-опасных последствий и вреда, наносимого здоровью и общественной нравственности населения.

Пристатейный библиографический список

3 Андрей Сошенко. Мигранты сбили полицейских. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zavtra.ru/blogs>.

4 Приговор № 1-123/2020 от 22 сентября 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru.

5 Статья 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 года № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

6 Ст. 2.3 Закона Пензенской области об административных правонарушениях от 02 апреля 2008 года № 1506-ЗПО.

7 Данные Минпромторга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ufa.kp.ru/online/news/4539504/>.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-238-241

ВЕТРОВА Ольга Алексеевна
пенсионер МВД России

ТРУДНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА В РОССИИ В ОТНОШЕНИИ РЕЦИДИВИСТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ, ОСВОБОДИВШИХСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В данной статье рассматриваются проблемы осуществления административного надзора в отношении иностранных граждан в нашей стране, их причины; предлагаются пути законодательного решения указанных проблем.

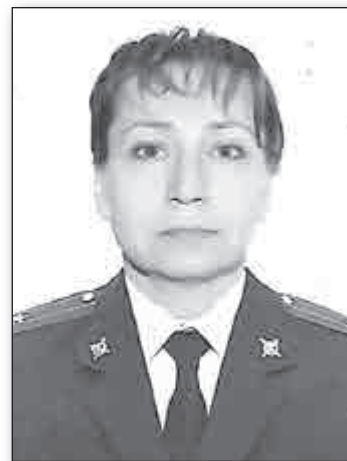
Ключевые слова: иностранные граждане, рецидивисты, административный надзор, административные правонарушения, уголовная политика, судимость, миграция, дополнительные ограничения, участковый уполномоченный полиции, правоохранительные органы.

VETROVA Olga Alekseevna
pensioner of the MIA of Russia

DIFFICULTIES IN THE IMPLEMENTATION OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION IN RUSSIA IN RELATION TO REPEAT OFFENDERS-FOREIGNERS RELEASED FROM PRISON

This article discusses the problems of administrative supervision of foreign citizens in our country, their causes; the ways of legislative solution of these problems are proposed.

Keywords: foreign citizens, repeat offenders, administrative supervision, administrative offenses, criminal policy, criminal record, migration, additional restrictions, district police Commissioner, law enforcement agencies.

Ветрова О. А.

Низкий уровень эффективности борьбы с преступностью с участием иностранных граждан свидетельствует, на наш взгляд, о неэффективности проводимой российским правительством уголовной политики, несовершенстве законодательства в сфере миграции.

Открытость современного российского государства внешнему миру порождает в связи с этим ряд правовых проблем, связанных с реализацией прав граждан на свободный въезд в Российскую Федерацию и выезд за пределы нашей страны.

К числу таковых относится и проблемы въезда на территорию России иностранных граждан с непогашенной или неснятой судимостью. Так, если в отношении иностранного гражданина в стране, где он пребывал, судом или правоохранительными органами был установлен административный надзор, требование об установлении в отношении него административных ограничений направляется в органы внутренних дел того государства, где данный гражданин будет проживать.

В соответствии со ст. 24 Федерального закона РФ от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее – ФЗ № 114) [1], «иностранцы граждане и лица без гражданства, в отношении которых иностранным государством удовлетворен запрос Генеральной прокуратуры Российской Федерации о выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора на территории Российской Федерации и которые не имеют действительных документов, удостоверяющих их личность, могут выезжать на территорию нашей страны на основании письменного уведомления компетентного органа иностранного государства об удовлетворении указанного запроса».

Как отмечают В. И. Холманский и Т. В. Стульнова, решение проблем правового и организационного характера в указанных случаях не всегда входит в компетенцию правоохранительных органов. «Во-первых, как соизмерять степень тяжести преступления, совершенного иностранным гражданином на своей родине, с российским законодательством? Во-вторых, каким образом устанавливать ему ограничения,

обязанности и запреты применительно к решению суда, вынесенному на его родине? В-третьих, по какому адресу на территории муниципального образования устанавливать ему ограничения при условии, что адреса регистрации иностранного гражданина практически никогда не совпадают с адресами его фактического проживания либо он вообще не имеет регистрации, особенно после освобождения из мест лишения свободы? В-четвертых, обязаны ли сотрудники полиции Российской Федерации исполнять решение суда об установлении административного надзора, вынесенное на территории иностранного государства, при отсутствии межгосударственных соглашений по этому вопросу?» [14].

Выявление и предупреждение административных правонарушений является одной из главных функций правоохранительных органов.

«Обзор о состоянии работы органов внутренних дел по предупреждению преступлений и иных правонарушений, совершаемых ранее судимыми лицами, в том числе в ходе осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [11] констатирует, что в первом полугодии 2020 года при некотором сокращении (на 0,1 %; до 61405) числа поднадзорных, привлеченных к административной ответственности, количество пресеченных с их стороны правонарушений возросло (+2,9 %; до 226 589). С целью корректировки противоправного поведения лиц, подпадающих под действие Федерального закона РФ от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [2] (далее – ФЗ № 64) ранее установленные административные ограничения в отношении поднадзорных лиц могут быть дополнены. Одним из условий такого решения является совершение поднадзорным лицом в течение года двух и более административных правонарушений: против порядка управления, и (или) административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную безопасность и (или) административных правонарушений, предусмотренных частью 7 статьи 11.5, и (или) статьей 11.9, и (или) статьей 12.8, и (или) статьей 12.26 Кодекса Российской Федерации

об административных правонарушениях. Согласно данным модуля «Административный надзор» СООП ИСОД МВД России в первом полугодии 2020 года основания для установления дополнительных административных ограничений имелись в отношении 31074 [10] лиц, совершивших два и более правонарушения, предусмотренных главами 6, 19, 20, а также частью 7 статьи 11.5, статьями 11.9, 12.8, 12.26 КРФобАП. Однако заявления об установлении им дополнительных ограничений направлены в суды только в отношении 14415 (или 46,4 % от возможного). Несвоевременное проведение указанной работы зачастую приводит к совершению лицами, в отношении которых установлен административный надзор, повторных преступлений.

В соответствии с п. 5 Приказа МВД России от 08 июля 2011 г. № 818 «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (зарегистрирован в Минюсте России 19 августа 2011 г., регистрационный № 21672) [4], в осуществлении административного надзора участвуют участковые уполномоченные полиции; сотрудники строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции, дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Российской Федерации; подразделений, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность; дежурных частей территориальных органов.

Координирующую роль реализуют сотрудники подразделения по надзору, которые вправе заводить дела административного надзора. При осуществлении своей деятельности они в соответствии с п. 7.3. указанного Приказа информируют в течение одного рабочего дня о постановке на учет в территориальном органе поднадзорного лица участкового уполномоченного полиции, на территории которого будет проживать (пребывать или фактически находиться) данное лицо, сотрудников других подразделений территориального органа полиции, а также сотрудников полиции линейных управлений, отделов, отделений МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте для участия в рамках компетенции в осуществлении наблюдения за соблюдением поднадзорными лицами установленных судом административных ограничений и исполнением обязанностей, предусмотренных Федеральным законом. Однако фактически основную деятельность по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, осуществляют участковые уполномоченные полиции.

Так, в соответствии с пунктом 9.6. «Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке» [5] участковый уполномоченный полиции осуществляет наблюдение за соблюдением лицами, состоящими под административным надзором, установленных судом временных ограничений их прав и свобод, а также за выполнением ими предусмотренных Федеральным законом РФ от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» обязанностей. Ранее действовавшее «Наставление по организации деятельности участковых уполномоченных полиции» [6] относилось к обязанностям участкового уполномоченного также и оказание содействия учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы в осуществлении розыска и задержании лиц, совершивших побег из-под стражи; лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания (пункт 37.14.). Участковый уполномоченный обязан проверять указанную категорию лиц не менее двух раз в месяц, а также в ночное время, если это установлено решением суда. Поднадзорные лица, освобожденные из мест лишения свободы и имеющие непогашенную или неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, а также за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений, должны проверяться участковым уполномоченным полицией не менее четырех раз в месяц (один раз в неделю).

Приказ МВД России от 08.07.2011 г. № 818 «О порядке осуществления административного надзора за лицами, осво-

божденными из мест лишения свободы» [7] закрепляет следующую обязанность участковых уполномоченных полиции при осуществлении административного надзора: при выявлении на обслуживаемых административных участках поднадзорных лиц, освободившихся из мест лишения свободы и не прибывших без уважительных причин в определенный администрацией исправительного учреждения срок к избранному ими месту жительства (пребывания), а равно лиц, самовольно оставивших место жительства (пребывания или фактического нахождения), в целях уклонения от административного надзора, обеспечивают их задержание и доставку в территориальные органы (п. 8.8.).

При этом важно помнить, что осуществление постановки на профилактический учет иностранных граждан, которые освобождаются из мест лишения свободы по отбытию наказания, зачастую вызывает ряд проблем. Так, по информации практических работников ФМС и ФСИН, иностранные граждане, отбывшие наказание в виде лишения свободы и в отношении которых вынесено решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации, нарушают условия расписки об обязанности выехать за пределы Российской Федерации в течение 15-ти дней, которая отбирается у них сотрудниками указанных организаций. «Кроме этого, проблемой, препятствующей эффективному осуществлению контроля за указанной категорией граждан, является отсутствие у них на момент освобождения действительных документов, дающих право на пересечение государственной границы Российской Федерации» [13].

Федеральным законодательством определяются основания установления административного надзора в отношении лиц, освобождаемых из мест лишения свободы. Процедура установления административного надзора урегулирована нормой ст. 173.1. УИК РФ регламентирует процесс установления административного надзора, статья 3 ФЗ №64 «указывает основания и круг лиц, в отношении которых устанавливается административный надзор.

В соответствии со ст. 3 ФЗ №64 основаниями установления лицу, освобожденному из мест лишения свободы, административного надзора, являются «совершение данным лицом: 1) тяжкого или особо тяжкого преступления (т.е. лицо совершило умышленное деяние, за которое предусмотрено максимальное наказание, не превышающее 10 лет лишения свободы или, соответственно, умышленное деяние, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 10 лет или более строгое наказание; 2) преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений (т.е. лицо совершило умышленное преступление, имея судимость за ранее совершенное умышленное преступление); 3) умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего (независимо от тяжести совершенного преступления); 4) двух и более преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ст. 228.3, ч. 1 ст. 231, ч. 1 ст. 234.1 УК РФ; 5) преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего; 6) преступления при опасном рецидиве или особо опасном рецидиве преступлений – лицо подпадает под признаки ч. 2 и ч. 3 ст. 18 УК РФ (рецидив преступлений); 7) тяжкого или особо тяжкого преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также против общественной безопасности и общественного порядка» [2].

При этом административный надзор в отношении данных категорий лиц осуществляется при совершеннолетии лица, освобожденного из мест лишения свободы, наличии самого факта освобождения лица из мест лишения свободы, наличии неснятой (непогашенной) судимости. В отношении иностранных граждан в данном контексте действует принцип национального режима.

Уголовно-правовая практика позволяет судить о повышенной мере ответственности иностранных граждан-рецидивистов, что, безусловно, мотивирует общество на необходимость применения к виновному более строгого наказания,

Что Вы чувствуете, когда видите место проживания, трудовой деятельности мигрантов?

1. Неприязнь – 31,2 %
2. Опасность – 35,2 %
3. Скорее неприязнь – 5,8 %
4. Мне они безразличны – 21,4 %
5. Другое – 4,5 %
6. Нет ответа - 2,0%

	Частота	Проценты
1	124	31,2
2	140	35,2
3	23	5,8
4	85	21,4
5	18	4,5
6	8	2,0
Всего	398	100,0

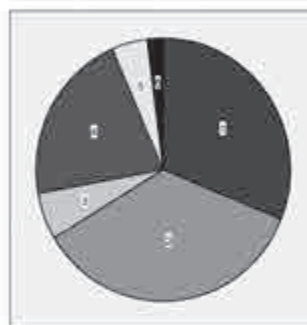

Рисунок 1. Мнение респондентов о мигрантах

чем то, которое было применено к нему после совершения первого преступления.

Опрос экспертов, наблюдения практики показывают, что в ближайшее время потоки миграции не будут остановлены ни закрытием границ, ни вирусными пандемиями, ни другими действиями и факторами. В этой связи необходимы не только точная реализация положения Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года № 1772-р в части, касающейся совершенствования мер превентивного характера в отношении освобожденных из мест лишения свободы иностранных граждан-рецидивистов, но и более действенные формы работы. Например, были бы своевременными такие социальные и психологические меры, как разработка для лиц, осужденных за различные виды преступлений (преступления экстремистской и террористической направленности, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, корыстные преступления и др.), базовых (обязательных) программ психологической коррекции личности для формирования положительной социальной направленности осужденных, профилактики деструктивных проявлений, их ресоциализации и дальнейшей интеграции в общество [9]. Хотя и они не являются достаточными для совершения повторных преступлений иностранными гражданами, которые освободились из мест лишения свободы. Более действенным методом борьбы с рецидивом преступлений указанной категории граждан может стать, к примеру, введение в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации утраченного понятия «рецидивист», так как основанием для дифференциации ответственности осужденных к наказанию в виде лишения свободы является повышенная общественная опасность совершённого преступления, тогда как в настоящее время определение общественной опасности преступления как отягчающего ответственность обстоятельства находится в большинстве случаев в компетенции судей.

Как указывается в письме «О дополнительных мерах по предупреждению происшествий со стороны иностранных граждан, подлежащих депортации» первого заместителя Министра МВД России А. В. Горюхова, руководство МВД России уделяет особое внимание организации мероприятий, связанных с принудительным перемещением за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению, депортации или реадмиссии, как одной из мер по предупреждению совершения ими правонарушений. Однако в российском законодательстве существует такая правовая

мера, как принудительное выдворение иностранных граждан. Так, в соответствии со ст. 25.10 ФЗ № 114, «иностранец или лицо без гражданства, в отношении которых принято решение о неразрешении въезда в Российскую Федерацию или решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации, обязаны выехать из Российской Федерации в предусмотренном законом порядке» [1]. При этом решение о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина в Российской Федерации является основанием для последующего отказа во въезде в Российскую Федерацию. Согласно ст. 31 Федерального закона РФ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [3] иностранные граждане, не соблюдающие сроки пребывания (проживания) на территории нашей страны, подлежат депортации.

Иностранец должен покинуть пределы нашей страны в случае, если он получил на руки судебное решение о выдворении. При этом обязанность пересечь границу Российской Федерации должна быть исполнена в течение пяти суток.

Таким образом, иностранный гражданин-рецидивист может избежать принудительного выдворения, просто скрывшись от воздействия полиции. К примеру, нередки случаи, когда даже граждане России, которые отбыли наказание в виде лишения свободы и в отношении которых вступили в законную силу решения суда об установлении административного надзора, попросту не доезжают до своего места жительства (или пребывания), скрываясь от воздействия правоохранительных органов, несмотря на то, что администрация исправительного учреждения вручает освобождающему лицу предписание о выезде к избранному им месту жительства с указанием срока прибытия и предупреждает об уголовной ответственности за уклонение от административного надзора.

В данной связи представляется целесообразным предложение некоторых исследователей о выдворении иностранных граждан, совершивших преступления на территории России, за пределы нашего государства, в виде основного либо дополнительного наказания. Например, В. Б. Первозванский предлагает дополнить главу 9 Уголовного кодекса Российской Федерации новой статьей 48.1 «Принудительная высылка за пределы Российской Федерации», которая заключается «в принудительном контролируемом перемещении указанных лиц через государственную границу РФ за пределы РФ и устанавливает запрет на пребывание на территории РФ после принудительной высылки на определенный срок»

[12]. Предполагается применять данное наказание за совершение иностранным гражданином преступления небольшой или средней тяжести.

В нашем государстве установление административного надзора в отношении иностранного гражданина, отбывшего наказание в виде лишения свободы, часто попросту невозможно, так как данное лицо может и не проживать на территории Российской Федерации. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 г. № 22 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об административном надзоре» разъясняется, что применение административного надзора к иностранным гражданам и лицам без гражданства возможно при условии их проживания (пребывания) на территории РФ на законных основаниях [8].

В отношении иностранных граждан, совершивших тяжкое или особо тяжкое преступление, преступление в отношении несовершеннолетнего либо имеющего рецидив преступлений, суд на основании заявления исправительного учреждения может вынести решение об установлении административного надзора. Однако перед правоохранительными органами, которые обязаны осуществлять административный надзор, в подобных случаях возникают трудности организационного характера, так как освободившийся из мест лишения свободы иностранный гражданин не всегда может вернуться к своему месту жительства или постоянной регистрации, или же скрывается из поля зрения органов внутренних дел, если он находится на территории России нелегально. При этом розыск иностранного гражданина, освободившегося из мест лишения свободы и уклоняющегося от административного надзора, возможен только в рамках возбужденного уголовного дела в отношении данного лица по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ. По указанным выше причинам данное мероприятие осуществить практически невозможно, поэтому сотрудником отделения дознания в случае неявки или невозможности установления местонахождения поднадзорного лица выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Таким образом, на основании вышеизложенного мы считаем необходимым вернуть в уголовное законодательство понятие «рецидивист» и, тем самым, усилить правовые меры воздействия на категорию неоднократно судимых лиц и контроль за ними, в том числе и на иностранных граждан, ввиду повышенной опасности данной категории, а также в целях исполнения устанавливаемых судами временных ограничений их прав и свобод.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон РФ от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (в ред. от 11.10.2018 г.) // Российская газета. – № 159. – 22.08.1996.
2. Федеральный закон РФ от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Российская газета. – № 75. – 08.04.2011.
3. Федеральный закон РФ от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в ред. от 19.07.2018 г.) // Российская газета. – № 140. – 31.07.2002.
4. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 08 июля 2011 г. № 818 г. Москва «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (зарегистрирован в Минюсте России 19 августа 2011 г. № 21672) (в ред. от 17.03.2020 г.) // Российская газета. – № 189 (5565). – 26.08.2011.
5. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (зарегистриро-

- ван 03.07.2019 г. № 55115). Опубликован на официальном интернет-портале правовой информации 04.07.2019 г. Вступил в силу 15 июля 2019 года.
6. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 31 декабря 2012 г. № 1166 г. Москва «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» // Российская газета. – № 65. – 27.03.2013.
7. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 08 июля 2011 г. № 818 г. Москва «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (зарегистрирован в Минюсте России 19 августа 2011 г. № 21672) (в ред. от 17.03.2020 г.) // Российская газета. – № 189 (5565). – 26.08.2011.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 22 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об административном надзоре». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ. правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 18.06.2020).
9. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // «Собрание законодательства РФ». – 25.10.2010. – № 43, ст. 5544.
10. Сведения, сформированные в модуле «Административный надзор» Сервиса охраны общественного порядка ИСОД МВД России по состоянию на 1 июля 2020 года.
11. Обзор о состоянии работы органов внутренних дел по предупреждению преступлений и иных правонарушений, совершаемых ранее судимыми лицами, в том числе в ходе осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Письмо первого заместителя Министра Министерства внутренних дел Российской Федерации А. В. Горюхова «О направлении обзора» (исх. № 1/10864 от 29.09.2020).
12. Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н., Жилыев Р. М. Выдворение за пределы Российской Федерации как альтернатива лишению свободы // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 3. – С. 297.
13. Субботина О. М. Подготовка к освобождению осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства // Сборник трудов конференции «Исполнение отдельных видов уголовных наказаний: проблемы и пути совершенствования. Рязань, 21-23 ноября 2017 года. III международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции. Академия ФСИН России. 2017. – Издательство: Академия ФСИН России. – С. 232.
14. Холманский В. И., Студьнова Т. В. К вопросу о целесообразности установления и осуществления административного надзора в отношении иностранных граждан, пребывающих на территории Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – № 3 (63). – 2014. – С. 54-55.

ВЛАДИМИРОВ Денис Михайлович

адъюнкт Факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, капитан внутренней службы

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Данная статья посвящена изучению особенностей уголовно-правового противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети «Интернет», в отдельно взятых государствах, являющихся наиболее яркими представителями англо-саксонской (Великобритания, США) и романо-германской (Германия, Франция) правовых семей. Произведен сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства данных государств в рамках борьбы с противоправными действиями, традиционно считающимися экстремистскими.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, Интернет, информационно-телекоммуникационные сети, законодательство.

VLADIMIROV Denis Mikhaylovich

adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Staff of the Academy of the FPS of Russia, captain of internal service

FOREIGN EXPERIENCE IN COUNTERING EXTREMIST CRIMES COMMITTED USING THE INTERNET

This article is devoted to the study of the features of criminal legal counteraction to extremist crimes committed using the Internet in individual states that are the most prominent representatives of the Anglo-Saxon (Great Britain, USA) and Romano-Germanic (Germany, France) legal families. A comparative legal analysis of the criminal legislation of these states has been carried out in the framework of the fight against illegal actions traditionally considered extremist.

Keywords: extremism, extremist crimes, Internet, information and telecommunication networks, legislation.

Анализ зарубежного уголовного законодательства выступает предпосылкой не только для критического осмысления положений российского уголовного законодательства об ответственности [1, с. 31] за преступные проявления экстремистской деятельности, в том числе с использованием сети «Интернет», но и для разработки перспективных направлений его совершенствования, путей повышения эффективности [1, с. 31].

В уголовном законе **Великобритании**, являющейся представителем англо-саксонской правовой семьи, как справедливо отмечает Н. А. Голованова, «законодатель не использует термин «экстремизм», хотя, безусловно, различные типы поведения и правонарушения, которые принято называть действиями экстремистского характера, в уголовном порядке преследуются» [3, с. 102].

В нормативно-правовых актах Великобритании и судебной практике, можно встретить отдельно выделенную категорию преступлений, именуемую как «Hate crime» (преступление на почве ненависти). Официальный сайт Королевской Прокурорской Службы Великобритании приводит определение данного термина, под которым понимается «любое уголовное преступление, которое, по мнению жертвы или любого другого лица, мотивировано враждебностью или предубеждением, основанным на инвалидности человека или предполагаемой инвалидности; расе или предполагаемой расе; религии или предполагаемой религии; сексуальной ориентации или предполагаемой сексуальной ориентации или трансгендерной идентичности или предполагаемой трансгендерной идентичности» [5].

Если проводить параллель между термином «Hate crime» и «преступлениями экстремистской направленности», определение которым дается в примечании к ст. 282¹ УК РФ, можно с уверенностью сказать о том, что преступления экстремистской направленности охватывают более широкий спектр общественных отношений. Российское определение охватывает все социальные группы, в отличие от Британской версии, приводящей их исчерпывающий перечень, что значительно сужает область общественных отношений, на которые может быть направлено деструктивное воздействие данной категории преступлений.

Что касается противодействия экстремистским проявлениям, осуществляемым с использованием сети «Интернет», то по мнению британских специалистов информатизация преступности и появление «виртуальных» способов совершения преступлений в целом не создает непреодолимых препятствий для применения классических конструкций [7, с. 81], а потому данный способ совершения преступлений в законах Великобритании, направленных на противодействие «Hate crime» практически не указывается.

Однако, в рамках борьбы с крайней формой проявления экстремистской деятельности – терроризмом, ряд нормативно-правовых актов Великобритании все же имеет указание на исследуемый нами специфический способ их совершения.

Например, Закон «О терроризме» 2000 г. (The Terrorism Act 2000) в ст. 58 признает преступлением террористического характера – «сбор информации», в п. 1А которой, делается указание на «случаи, в которых лицо

собирает или делает запись для целей подраздела (1)(а) (для совершения террористических актов), включают (но не ограничиваются ими) случаи, в которых лицо делает это с помощью Интернета (будь то путем загрузки, записи или иным образом) [12]». Этой же статьей признается преступлением «демонстрация изображения» (естественно террористического характера), с указанием на показ изображения в сети «Интернет» (включая фотографию, сделанную в частном месте).

В рамках сравнительно-правового анализа стоит сделать указание на то, что с 1998 г. согласно Закону Великобритании «О преступности и беспорядках» (Crime and Disorder Act 1998) [9], признается отягчающим наказание факт совершения преступления на расовой и (или) религиозной почве. Однако, п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ помимо расового и религиозного мотива, признает обстоятельством, отягчающим наказание, совершение преступления по политическому, идеологическому и национальному мотивам, а также мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

В законодательстве следующего представителя англосаксонской правовой семьи – США, также как и рассматриваемой нами ранее Великобританией, отсутствует законодательное определение термина «экстремизм». А. В. Сериков и С. А. Венцель точно подметили тот факт, что «США всегда очень осторожно подходили к вопросу запрета выражения различного рода идей и мнений на федеральном уровне, придерживаясь принципиальной позиции – доктрина минимального ограничения свободы слова» [6, с. 46]. Однако, активизация деятельности террористических и экстремистских организаций в XXI веке по всему миру, в том числе в таком экономически развитом и демократическом государстве как США, вынудила их принять ряд документов, направленных на борьбу с экстремизмом и его крайней формой проявления терроризмом, в том числе совершаемыми в Интернет-пространстве.

Так, после всеми известных серий террористических актов произошедших 11 сентября 2001 г. в США, по некоторым оценкам унесших жизни около 6000 человек [10, с. 573], Конгрессом Соединенных Штатов был принят Акт «о сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму», более известный как «Патриотический Акт США» от 26 октября 2001 (USA Patriot Act 2001) [13]. Закон разрешает Федеральному бюро расследований перехватывать телефонные, устные и электронные сообщения, касающиеся терроризма, в том числе в сети «Интернет», а также он ввел понятие внутреннего терроризма и федерального преступления терроризма, запрет на укрывательство террористов и их материальную поддержку, новый состав преступления – террористические акты и другие акты насилия в отношении общественных транспортных систем [4, с. 89].

В 2011 году Соединенные Штаты снова столкнулись с рядом экстремистских и террористических проявлений («Террористический заговор на Манхэттене», «предполагаемые заговоры саудовских студентов» и др.). После чего была принята первая стратегия США по борьбе с так называемым «ideologically inspired» (идеологически инспирированным) насилием, получившая название – Расширение

возможностей местных партнеров по предотвращению насильственного экстремизма в Соединенных Штатах 2011 г. [14].

Данная стратегия устанавливает, что сеть «Интернет», социальные сети и Интернет-сайты играют важную роль в продвижении и распространении насильственного экстремизма, включая распространение идеологий и нарративов, которые подпитывают обиды. Одной из целей которой является Разработка стратегий использования новых технологий и борьбы с радикализацией насильственного экстремизма в Интернете.

Помимо всего прочего, как и в случае с Великобританией, практически в каждом штате США принят тот или иной закон, разрешающий вводить дополнительные наказания за преступления, мотивированные расовой принадлежностью жертвы, религией, сексуальной ориентацией или другими факторами (т.е. экстремистский мотив признан обстоятельством отягчающим наказание). Только штаты Арканзас, Южная Каролина и Вайоминг до сих пор подобного рода закон не приняли.

В рамках изучения зарубежного опыта романо-германской правовой семьи, рассмотрим уголовное законодательство в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием сети «Интернет» во **Франции, и Федеративной Республике Германия (далее ФРГ)**.

В Уголовном Кодексе ФРГ 1998 [11] в отличие от отечественного законодательства не употребляются такие понятия, как «преступления экстремистской направленности» и «экстремистская деятельность». Однако, в нем закреплены отдельные составы преступлений традиционно в России считающиеся экстремистскими.

К таковым можно отнести: распространение пропагандистских материалов неконституционными организациями (§ 86 УК ФРГ); использование отличительных знаков неконституционными организациями (§ 86a УК ФРГ); оскорбление Федерального президента (§ 90 УК ФРГ); оскорбление государства и его символов (§ 90a УК ФРГ); публичные призывы к преступлениям (§ 111 УК ФРГ); инструкции по уголовным преступлениям (§ 130a УК ФРГ); подстрекательство (§ 130 УК ФРГ) – хочется отметить что п. 1 ч. 1 данного параграфа очень схож с ч. 1 ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства);

Стоит отметить, что данные нормы не имеют прямого закрепления такого способа совершения преступления, как с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Однако в каждой из них указано – путем создания и (или) распространения *Inhalts* (рус.: содержимое/материал), которые для его определения отсылают к п. 3 §11 УК ФРГ (термины). Согласно данному параграфу *Inhalts* (*содержимое/материал*) – это те *Inhalts*, которые содержатся в письменах, на звуковых или графических носителях, в хранилищах данных, иллюстрациях или других воплощениях, или передаются независимо от хранения с помощью информационных или коммуникационных технологий. Проще говоря, предусматривается такой способ совершения преступления, как «путем создания и распространения материалов экстремистского содержания, в том числе по средствам использования информационно-телекоммуникационных сетей».

Стоит отметить, что в УК ФРГ отсутствует перечень обстоятельств, отягчающих наказание [2, с. 99] (как в ст. 63 УК РФ).

Раздел 3 УК Франции 1992 г. [8] в отличие от УК ФРГ такой перечень содержит и признает совершение преступления по экстремистскому мотиву обстоятельством отягчающим наказание – Ст. 132-76 «...действия любого рода, которые наносят ущерб чести или достоинству жертвы или группы лиц, к которым жертва принадлежит в силу принадлежности или непринадлежности, к реальной или предполагаемой расе, этнической принадлежности, нации или религии».

В статьях УК Франции идет указание на совершение преступления с использованием сети «Интернет», только в составах, предусматривающих ответственность за террористическую деятельность.

Например, ст. 421-2-5 УК Франции «публичное провоцирование или публичное оправдание террористических актов», предусматривает такой квалифицирующий признак, как «...совершены с использованием онлайн-сервиса», который увеличивает наказание с 5 до 7 лет лишения свободы, а также штрафа с 75.000 евро до 100.000. Ст. 421-2-6 УК Франции «подготовка к совершению террористического акта», которая устанавливает ответственность за «доступ к одной или нескольким службам связи с общественностью в интернете и хранение документов, непосредственно провоцирующих совершение террористических актов или путем апологетики».

Главной отличительной особенностью уголовного законодательства Франции от Российского является то, что их Уголовный кодекс предусматривает уголовную ответственность не только для физических, но и юридических лиц, в том числе за исследуемую нами категорию преступлений. К тому же, во всех нормах, предусматривающих ответственность за преступления экстремистской направленности и террористического характера – штраф, является обязательным к назначению совместно с любым основным видом наказания, что довольно выгодно с экономической точки зрения ведь там они достигают сотни тысяч евро.

Пристатейный библиографический список

1. Балашов А. А. Уголовная ответственность за публичные призывы к совершению противоправных действий: Дис. ...канд. юрид. наук.: 12.00.08. – М., 2018. – С. 193.
2. Бражников В. В. Отягчающие обстоятельства, относящиеся к субъективной стороне состава преступления в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 314. – С. 99-102.
3. Голованова Н. А. Экстремизм в Великобритании: способы противодействия. Журнал российского права. – М., 2014. – № 4 (208). – С. 102-111.
4. Ефремов А. Е. Этапы развития законодательства США по борьбе с терроризмом после 11 сентября 2001 года // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – № 3 (64). – 2017. – С. 88-94.

5. Official website of the Crown Prosecution Service of Great Britain. Hate crime. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cps.gov.uk/crime-info/hate-crime> (дата обращения: 29.01.2022).
6. Сериков А. В., Венцель С. А. Опыт противодействия молодежному экстремизму в Германии, США и Великобритании: сравнительный анализ // Философия права. – № 4 (83). – 2017. – Ростов-на-Дону. – С. 43-49.
7. Charlesworth, A. Legislating against Computer Misuse: The trials and tribunals of the UK Computer Misuse Act 1990 // Journal of law and information science. – 1993. – № 1. – P. 72-89.
8. Code pénal Français. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT_000006070719/ (дата обращения: 29.01.2022).
9. Crime and Disorder Act 31st July 1998 (UK Public General). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opsi.gov.uk> (дата обращения: 10.02.2021).
10. Goodrich J. N. September 11, 2001 attack on America: a record of the immediate impacts and reactions in the USA travel and tourism industry // Tourism Management. – Volume 23, Issue 6. – 2002. – P. 573-580.
11. Strafgesetzbuch StGB in der Fassung der Bekanntmachung vom 13. November 1998 (BGBl. I S. 3322). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/BJNR001270871.html> (дата обращения: 29.01.2022).
12. The Terrorism Act 2000. (UK Public General Acts). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/11/part/VI/crossheading/terrorist-offences> (дата обращения: 29.01.2022).
13. Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism (USA Patriot Act) Act of 2001 // 107th Congress, Public law 107-56. Oct. 26, 2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sec.gov/about/offices/ocie/aml/patriotact2001.pdf> (дата обращения: 29.01.2022).
14. Empowering Local Partners to Prevent Violent Extremism in the United States // White House, August 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://translate.googleusercontent.com/translate_f (дата обращения: 29.01.2022).

АЗАРЕНКОВА Елена Андреевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ОСИПОВ Владимир Александрович

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПЕРЕМЕЩЕНИЕМ ПРЕДМЕТОВ ЧЕРЕЗ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Авторами рассматриваются отдельные вопросы конструирования объективной стороны контрабанды, а также преступлений, объективная сторона которых включает действия по перемещению предметов через соответствующую границу РФ (ст. 228.2, 234.1, 238.1, 242, 242.1 УК РФ). Анализируется место совершения контрабанды в ст. 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ. Предлагаются варианты совершенствования уголовного закона в исследуемой сфере.

Ключевые слова: контрабанда, незаконное перемещение, таможенная граница, государственная граница, Евразийский экономический союз, ввоз, вывоз, оборот.

AZARENKOVA Elena Andreevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

OSIPOV Vladimir Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Criminal law sub-faculty of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF CRIMES RELATED TO THE ILLEGAL MOVEMENT OF ITEMS ACROSS THE STATE BORDER OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CUSTOMS BORDER OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The authors consider certain issues of constructing the objective side of smuggling, as well as crimes, the objective side of which includes actions to move objects across the corresponding border of the Russian Federation (Articles 228.2, 234.1, 238.1, 242, 242.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The place of smuggling is analyzed in Articles 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Options for improving the criminal law in the area under study are proposed.

Keywords: smuggling, illegal movement, customs border, state border, Eurasian Economic Union, import, export, turnover.

В настоящее время ряд составов преступлений характеризуется незаконным перемещением определённых предметов через границу Российской Федерации. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит:

– ст. 200.1, 200.2, 226.1, 229.1, которые запрещают совершение контрабанды различного рода предметов;

– ст. 228.2 УК РФ – где предусматривается ответственность, в том числе, за нарушение правил ввоза и вывоза наркотических средств или психотропных веществ растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и т.п.;

– ст. 234.1, запрещающую ввоз в РФ и вывоз с территории РФ новых потенциально опасных психоактивных веществ;

– ст. 238.1, в соответствии с которой запрещается ввоз на территорию РФ фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств и т.п.;

– ст. 242, 242.1, криминализирующие перемещение через Государственную границу Российской Федерации порнографических материалов.

Анализ данных норм позволяет отметить отсутствие единообразного подхода к формулированию конструктивных признаков объективной стороны соответствующих составов преступлений. (См. рис. 1.)

Внешнее проявление различных видов контрабанды предполагает незаконное перемещение предметов через соответствующую границу.

Перемещением признается выполнение действий по ввозу на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – Союз¹) или вывозу с этой территории определенных предметов.

Таможенный кодекс Союза определяет, что ввозом считаются действия по пересечению таможенной границы Союза, и по прибытию товаров на таможенную территорию Союза любым способом, в том числе пересылка в международных почтовых отправлениях, использование трубопроводного транспорта и линий электропередачи, до их выпуска таможенными органами. Вывоз – действия по убытию товаров с таможенной территории Союза любым способом, включая пересечение таможенной границы Союза. Незаконным признается перемещение товаров через таможенную границу Союза вне мест, через которые должно или может осуществляться перемещение товаров, или вне времени работы таможенных органов, или с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным декларированием или не-

1 Данное сокращение употребляется в Таможенном кодексе Евразийского Экономического союза.

Ст. 200.1	Ст. 200.2	Ст. 226.1	Ст. 229.1
Незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС	Незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза	Незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС	

Рисунок 1.

Ст. 228.2	Ст. 234.1	Ст. 238.1	Ст. 242	Ст. 242.1
Нарушение правил... ввоза, вывоза...	Незаконные ввоз на территорию РФ, вывоз с территории РФ	...Ввоз на территорию РФ	Незаконные... перемещение через Государственную границу РФ	... Перемещение через Государственную границу РФ

Рисунок 2.

декларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации².

Ниже наглядным образом продемонстрированы уголовно наказуемые действия, схожие с контрабандным перемещением соответствующих предметов. (См. рис. 2.)

Как отмечает Сkachko A.B., к преступлениям, примыкающим к контрабандным, можно отнести ст. 228.2 УК РФ. Объективную сторону данного общественно опасного деяния составляет, в том числе, нарушение правил ввоза и вывоза предметов, перечисленных в данной норме, что при логическом толковании предполагает пересечение границы - государственной или таможенной [5, с. 28]. К тому же, существует Постановление Правительства РФ «Об утверждении ... Правил ... ввоза в Российскую Федерацию, вывоза из Российской Федерации, уничтожения инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ», где регламентировано, что ввоз в РФ, вывоз из РФ инструментов и оборудования осуществляется в соответствии с законодательством РФ³.

В соответствии с Федеральным законом от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» оборот новых потенциально опасных психоактивных

веществ (далее – НПОПВ) включает в себя в том числе ввоз их на территорию РФ и вывоз с территории РФ⁴.

Как отмечают авторы учебника под редакцией Н.Г. Кадникова, отсутствуют какие-либо разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по определению незаконных ввоза и вывоза НПОПВ и отличию данного противоправного деяния от контрабанды [6, С. 488]. Возможно, отсутствие данных разъяснений препятствует успешному правоприменению. Статистические данные Верховного Суда РФ свидетельствуют о том, что ст. 234.1 УК РФ практически не применяется. Так, в 2016-2018 г. по ней не было осуждено ни одного лица, в 2019 г. – 1, в 2020 – 0⁵.

Жевлаков Э. Н. также указывает, что действия по ввозу или вывозу НПОПВ можно толковать по-разному: или аналогично ст. 228.2 УК РФ, т. е. как ввоз-вывоз с нарушением установленных правил, но при наличии разрешения (лицензии) на производство таких действий; или как контрабанду [3, с. 14-15].

Ввоз НПОПВ означает их перемещение через Государственную границу РФ или таможенную границу Евразийского экономического союза извне на территорию РФ; вывоз – аналогичное деяние в обратном направлении [7, с. 370]. Полагаем, что данная точка зрения верна, поскольку в диспозиции нормы говорится о вывозе НПОПВ с территории РФ, а это перемещение возможно, как через Государственную границу РФ с государствами-членами Евразийского экономического союза, так и через таможенную границу Союза.

Ввоз в РФ лекарственных средств регулируется ФЗ «Об обращении лекарственных средств»⁶. В соответствии с ним, ввоз лекарственных средств в РФ осуществляется в порядке, установленном Правительством РФ, в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС и (или) законодательством РФ о таможенном деле (то

2 Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС Консультант-Плюс.

3 Постановление Правительства РФ от 22.03.2001 № 221 (ред. от 16.03.2017) «Об утверждении перечня инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ, и правил разработки, производства, изготовления, хранения, перевозки, пересылки, отпуска, реализации, распределения, приобретения, использования, ввоза в Российскую Федерацию, вывоза из Российской Федерации, уничтожения инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ» // Российская газета от 29 марта 2001 г., № 62.

4 Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 № 3-ФЗ // Российская газета от 15 января 1998 г. № 7.

5 Данные судебной статистики Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.01.2022).

6 Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 № 61-ФЗ // Российская газета от 14 апреля 2010 г. № 78.

Ст. 200.1	Ст. 226.1	Ст. 229.1	Ст. 200.2
Государственная граница РФ с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС			таможенная граница Таможенного союза
таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС			

Рисунок 3.

есть незаконным будет признаваться ввоз, осуществляемый с нарушением порядка, установленного данным ФЗ).

Мнения исследователей данной проблематики относительно места совершения преступления разнятся. Так, одни предлагают считать ввозом пересечение таможенной границы [4, с. 519], а другие - перемещение через Государственную границу РФ или таможенную границу ЕАЭС из зарубежных государств на территорию РФ [7, с. 377].

При этом, суды в приговорах по уголовным делам о контрабанде указывают, в чем именно выразилось незаконное перемещение, каким способом совершен незаконный ввоз или вывоз предмета контрабанды⁷, а в приговорах по уголовным делам о преступлениях, запрещенных ст. 238.1 УК РФ, такой подход не всегда осуществляется. Так, например, С.Л.Н. обвинялась в совершении преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ. Находясь на территории государства Н., С.Л.Н. у неустановленных лиц приобрела лекарственные средства, заведомо для нее незарегистрированные на территории Российской Федерации, после чего ввезла их из Н. на территорию Российской Федерации с целью дальнейшего сбыта⁸.

В примечании к ст. 238.1 УК РФ содержится положение о том, что действие данной статьи не распространяется на незаконный ввоз на территорию РФ наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, сильнодействующих или ядовитых веществ. То есть, препараты, содержащие в своем составе вышеперечисленные средства и вещества, будут признаваться предметом контрабанды, а перемещение их через соответствующую границу следует квалифицировать по ст. 226.1 или ст. 229.1 УК РФ.

В ст. 242 УК РФ предусмотрена ответственность за незаконное перемещение через Государственную границу РФ порнографических материалов или предметов. Возникает закономерный вопрос – а может ли быть законным оборот данных предметов? Как отмечают некоторые исследователи, логичнее было бы исключить из диспозиции нормы указание

на незаконность такого перемещения, поскольку перечень разрешенных в этой сфере действий отсутствует [2, С. 53.]⁹.

Ст. 242.1 УК РФ запрещает перемещение через Государственную границу РФ в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Перемещение через Государственную границу РФ предполагает ввоз в Россию или вывоз из России данных материалов и предметов.

Таким образом, стоит отметить непоследовательность законодателя при конструировании составов, схожих с «контрабандными» преступлениями. Можно согласиться со Скачко А.В. в том, что конструкция исследуемых составов не лишена ряда недостатков, в частности нелогичным видится объединение в одной диспозиции общественно опасных деяний по обороту предметов внутри страны и перемещению их за пределы РФ. Полагаем, что общественная опасность при перемещении определенных предметов через границу РФ выше, чем оборот этих предметов внутри РФ [5, с. 30].

Анализируя место совершения исследуемых преступлений, можно выделить его следующие особенности. (См. рис. 3.)

В качестве конструктивного признака объективной стороны контрабанды, запрещенной ст. 200.1, 226.1, 229.1 УК РФ, определено место ее совершения – таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС¹⁰.

В ст. 226.1 и 229.1 УК РФ закреплено указание на Государственную границу РФ помимо таможенной границы Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, что обусловлено свойствами предмета контрабанды. Здесь подразумевается контрабанда общепригодных предметов, ограниченных в гражданском обороте, внутри Союза, когда незаконно перемещаемый через границу предмет был произведен на территории государства-участника Союза и в дальнейшем ввезен в Россию, или наоборот.

В отличие от таможенной границы, при перемещении предметов через Государственную границу, нет необходимости их декларировать, поскольку там не осуществляется таможенный контроль [1, с. 126]. Но в ст. 226.1 и 229.1 УК РФ

7 См., например: приговор Белгородского районного суда № 1-87/2020 от 23 ноября 2020 г. по делу № 1-87/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc/xZk3q5rdx4xP/; приговор Забайкальского районного суда № 1-71/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 1-71/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc/4yohp61w5EHO/; приговор Химкинского городского суда Московской области № 1-708/2019 от 3 декабря 2019 г. по делу № 1-708/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc/wT5oijLSCQ4/; приговор Кировского районного суда г. Астрахани № 1-339/2019 от 27 мая 2019 г. по делу № 1-339/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc/68EfQ9owY3N1/ (дата обращения: 24.01.2022).

8 Приговор Нижнекамского городского суда Республики Татарстан № 1-434/2019 от 2 июля 2019 г. по делу № 1-434/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc/xGBnaDT2396R/ (дата обращения: 19.01.2022).

9 Гусарова М. В. Преступления в сфере незаконного оборота порнографической продукции: анализ уголовно-правовых норм с учетом последних изменений в уголовном кодексе Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 13. С. 50-55.

10 В настоящее время существует новая форма торгово-экономической интеграции – Евразийский экономический союз, в связи с чем полагаем, что необходимо убрать указание на ЕврАзЭС. На это обращается внимание в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о контрабанде» // СПС Консультант Плюс, а также в п. 2 ст. 101 «Договора о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019) // СПС Консультант Плюс.

предметы преступлений ограничены в свободном гражданском обороте как на территории РФ, так и внутри Союза, а их перемещение через Государственную границу РФ представляет существенную общественную опасность. Так, Ф.А.Н. был осужден по ст. 229.1 УК РФ за то, что он незаконно переместил через Государственную границу Российской Федерации с государством - членом Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, Республикой Казахстан, части растений, содержащие в своем составе наркотическое вещество, ввезя его с территории Костанайской области Республики Казахстан на территорию Троицкого района Челябинской области¹¹.

В диспозиции ст. 226.1 и 229.1 выделено два вида места совершения контрабанды. Если незаконное перемещение предмета контрабанды осуществлено не только через таможенную границу, но и через Государственную границу, содеянное следует рассматривать как одно преступление при наличии единого умысла лица на совершение перечисленных действий. Если у лица изначально сформировался преступный умысел переместить предметы, указанные в ст. 226.1 и 229.1 УК РФ, через таможенную границу, а после чего новый умысел на перемещение тех же предметов через Государственную границу, содеянное образует совокупность преступлений¹².

Таможенная граница Таможенного союза является местом совершения контрабанды алкогольной и табачной продукции. Законодатель, учитывая преобразование ЕврАзЭС в Союз, закрепляя в УК РФ норму о контрабанде данных предметов, отказался от формулировки места преступления в ст. 200.2 «...в рамках ЕврАзЭС», но и не указал на то, что это таможенная граница Евразийского экономического союза. Полагаем, что данные неточности закона нуждаются в устранении.

Предлагаем в нормах о контрабанде использовать единую терминологию и качестве места совершения преступления в ст. 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 закрепить «...через таможенную границу Евразийского экономического союза...». Кроме того, в ст. 226.1, 229.1 оставить в качестве места преступления «Государственную границу РФ с государствами-членами...», дополнив словами «Евразийского экономического союза...».

Отдельные исследователи предлагают дополнить наименование и диспозицию ст. 229.1 УК РФ таким предметом как «новые потенциально опасные психоактивные вещества» [3, с. 14-15]. Данное предложение, на наш взгляд, представляется весьма спорным, поскольку анализ ст. 229.1 и ст. 234.1 свидетельствует о различной общественной опасности деяний, ответственность за которые предусмотрена данными статьями (самый строгий вид наказания за контрабанду по ч. 1 ст. 229.1 УК РФ – лишение свободы на срок от 3 до 7 лет, а в санкции ч. 1 ст. 234.1 УК РФ данный вид наказания даже не предусмотрен).

Изложенное позволяет заключить, что даже настоящий, не претендующий на окончательность анализ соответствующих уголовно-правовых норм, свидетельствует о необходимости единообразного законодательного подхода к фор-

мулированию статей 228.2, 234.1, 238.1, 242, 242.1 УК РФ. Так, например, можно обособить уголовную ответственность за перемещение соответствующих предметов через границу РФ в отдельной части соответствующих статей, поскольку такое перемещение, в отличие от оборота внутри страны, нарушает еще и правила перемещения через границу РФ. К тому же, различное определение соответствующих признаков состава преступления (оборот или обращение предметов; в одних случаях указание на «незаконный оборот» есть, в других отсутствие такого указания) влечет возникновение сложностей при квалификации содеянного.

Пристатейный библиографический список

1. Берзинь О. А. Уголовно-правовые меры противодействия контрабанде // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 121-128.
2. Гусарова М. В. Преступления в сфере незаконного оборота порнографической продукции: анализ уголовно-правовых норм с учетом последних изменений в уголовном кодексе Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 13. С. 50-55.
3. Жевлаков Э. Н. О сложностях применения ст. 234.1 УК РФ // Уголовное право. 2015. № 6. С. 10-15.
4. Иванов Н. Г. Курс уголовного права. Особенная часть: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2020. – 752 с.
5. Скачко, А. В. Деяния, примыкающие к преступлениям контрабандного характера: критерии отграничения с учетом общности видового и специфики непосредственного объекта (ст. 228.2, 234.1, 238.1, 242, 242.1 УК РФ) // Российский следователь. 2016. № 2. С. 28-31.
6. Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадникова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2018. – 836 с.
7. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. – М.: Проспект, 2020. – 688 с.

11 Приговор Троицкого районного суда Челябинской области № 1-13/2020 от 5 февраля 2020 г. по делу № 1-13/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc/n8vqoUo-6p65l/ (дата обращения: 20.01.2022).

12 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о контрабанде». // СПС Консультант Плюс.

АЛИЕВ Шапи Изиевич

доктор социологических наук, доцент, директор Дагестанского гуманитарного института (филиала) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

АСКЕРОВ Руслан Магомедович

старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

АЛИЕВА Умзахрат Темирболатовна

старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВО ВРЕМЕНИ (США И АНГЛИЯ)

Многие западные государства применяют достаточно четко отрегулированный и проработанный на законодательном уровне институт действия во времени уголовного закона. Но стоит отметить, что англосаксонская правовая система не предусматривает уголовно-правового механизма регулирования института действия уголовного закона во времени. Уголовное законодательство США и Англии относится к классической англосаксонской системе права, где, как правило, наиболее часто используется аналогия права и закона. Однако анализ уголовно-правовых норм этих государств позволяет сделать вывод о том, что в их законодательстве практически полностью отсутствуют нормы, с помощью которых разрешается вопрос действия уголовного закона во времени.

Ключевые слова: правовая система, действие закона во времени, опыт зарубежных стран.

ALIEV Shapi Izievich

Ph.D. in sociological sciences, associate professor, Director of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the educational institution of higher education trade unions "Academy of Labor and Social Relations"

ASKEROV Ruslan Magomedovich

senior lecturer of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the educational institution of higher education trade unions "Academy of Labor and Social Relations"

ALIEVA Umzakhrat Temirbolatovna

senior lecturer of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the educational institution of higher education trade unions "Academy of Labor and Social Relations"

ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE OF CRIMINAL LEGISLATION IN TIME

The criminal legislation of the USA and England are representatives of the legal family, the regulatory framework of which is typically classical and, as a rule, is most often subjected to analogy. However, an analysis of the criminal law norms of these states allows us to conclude that their legislation almost completely lacks norms with the help of which the issue of the operation of the law in time is resolved. Western states of the legal model apply a fairly well-regulated and elaborated at the legislative level institution of action in time of the criminal law, whereas, taking into account the specifics of the Anglo-Saxon legal system, the consolidation of this considered criminal legal mechanism is absent in general.

Keywords: legal system, the effect of the law in time, the experience of foreign countries.

Анализируя уголовное законодательство зарубежных стран на предмет действия закона во времени, необходимо изучить опыт правовой системы англосаксонской группы государств. Изучение института действия уголовного закона во времени обязывает нас также обратиться к англосаксонской правовой системе, так как в этой области практика уголовного законодательства РФ имеет существенные отличия.

Уголовное законодательство США и Англии являются представителями правовой семьи, нормативная база которых является типично классической и, как правило, наиболее часто подвергается аналогии. Однако, анализ уголовно-правовых норм этих государств позволяет сделать вывод о том, что в их законодательстве практически

полностью отсутствуют нормы, с помощью которых разрешается вопрос действия закона во времени.

Если возникает необходимость разрешения вопросов проблемного или коллизионного характера со ссылкой на время совершения преступного деяния, то практика руководствуется презумпциями, которые вырабатываются в каждом конкретном случае решениями судебных органов.

В качестве примера рассмотрим дело «Q. Против Q1.», сформулированное судом в 1991 году. Его суть сводилась к отмене использовавшегося долгое время прецедента, имевшего место в 1750 году, который на тот момент давал следующую формулировку: «Нельзя обвинить мужа в изнасиловании собственной законной жены». В 1991 году судья отказался от использования подобного прецедента,

ссылаясь на то, что принципы семейной жизни той эпохи отличаются от современных принципов, следовательно, права и обязанности должны соответствовать времени той эпохи в котором имели место. То есть сегодня необходимо приспособляться к условиям и социальным принципам продиктованным временем. Так, вступивший в половую связь муж без согласия жены, был осужден. Несмотря на возникшие противоречия между судебным сообществом этой страны, позиция судьи в данном случае была поддержана Палатой лордов. В свою очередь, Европейский суд, согласился с их мнением, мотивируя тем, что вынесенное решение не содержит противоречий статье 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европы, заключенной в 1950 году.

Можно сделать вывод о том, что проанализированное законодательство нами уголовное законодательство полностью соответствует нормам международного права. Это доказывает отсутствие претензий и легитимность решений Европейского суда по правам человека в части рассмотрения исков к Соединенному Королевству, что еще раз подтверждает вывод о соблюдении основ регулирования законодательства международного уровня на предмет действия обратной силы уголовно-правовых норм во времени [2, с. 90].

Уголовное законодательство Америки, в частности, в ст. 1.04 Примерного уголовного кодекса США, содержит ряд обстоятельств, при которых не действует п. 1 «б» 1.03, указывающий на содержание уголовно-правовых норм того субъекта, где были реализованы элементы посягательства или осуществлено само преступление. К ним относятся следующие обстоятельства:

– элементом преступного деяния является причинение опасности либо негативные последствия как результат преступления или посягательства в том случае, когда замысел и его осуществление имели место на территории юрисдикции иного государства, по уголовному законодательству которого такое преступление является уголовно наказуемым независимо от места его осуществления и наступления соответствующих последствий;

– если поведение резидента одного штата опосредовано наступлением уголовно наказуемой ответственности на территории другого штата, он об этом был осведомлен и имел целью осуществить данное преступление, сделав это умышленно.

Отсюда вытекает, что в уголовном законодательстве этих государств действуют такие механизмы как заведомые цели участников преступлений и цели законодатель с учетом действия исключений из общих правил уголовного закона.

Однако уголовное законодательство Америки в пункте 4 статьи 1.03 содержит некоторые оговорки, которые распространяются на случаи, когда убийством может быть признано посягательство, повлекшее за собой смерть, с обязательным учетом уголовного закона на территории которого находится тело убитого, независимо от того в каком штате было само убийство совершено. Такое положение законодательства способствует оперативному

решению вопроса в части применения уголовно процессуальных норм с определением юрисдикции штата и организацией расследовательской деятельности, не связанных с проблемами подследственности.

По мнению некоторых ученых, на преступные деяния с материальной конструкцией состава преступления можно распространить объяснения такого рода с учетом следующих уточнений: четко определить юрисдикцию территории совершения деяния и территорию наступления последствий с целью определения вопроса – нормами какого штата будут регулироваться уголовно наказуемые преступления в каждом конкретном случае (статья 1.03 Примерного уголовного кодекса США) [9, р. 56]. В пункте 5 этой же статьи дается разъяснение, что включает каждая из территорий штата с точки зрения законодательной юрисдикции (суша, воздушное и водное пространство).

Уголовное законодательство США, в частности ст. 1.01, содержит положения действия закона во времени, за исключением следующих случаев: 1) *criminal law norms do not apply to encroachments that were committed before the law came into force. The mechanism of criminal prosecution for encroachments presupposes the use of the norms of a previously existing law, which continues to operate for the realization of this goal. At the same time, an encroachment is committed before the entry into force of the new law, provided that at least one of the constituent elements of this encroachment was committed before its entry into force;*

2) *when cases of encroachments have not been considered to the end at the time of the entry into force of the new provision of the criminal law, as well as when the case is still being considered after the entry into force of the law:*

– процессуальные положения кодекса применяются постольку, поскольку их применение может быть обосновано и не влечет за собой нарушения или замедления судопроизводства;

– положения кодекса, предусматривающие защиту против обвинения или смягчение ответственности, применяются с согласия подсудимого;

– суд может с согласия подсудимого вынести приговор на основании положений кодекса, применимых к совершенному посягательству и совершившему его правонарушителю;

3) положения кодекса, регулирующие воздействие на лиц, содержащихся под стражей:

persons sent for probation and paroled, as well as the release of these persons from custody or from responsibility, are applied to persons against whom a sentence has been passed for assaults committed before the entry into force of the Code, provided that the minimum or maximum period of detention or supervision assigned to them cannot be increased under any circumstances.

Темпоральное действие уголовного закона находит свое отражение и на уровне уголовного законодательства отдельных штатов США. Так, в § 5.05 Уголовного кодекса штата Нью-Йорк (глава 40 Свода законов штата) приводятся следующие положения, касающиеся применения

положений норм данной главы к посягательствам, совершенным до и после ее принятия:

1) положения данной главы должны применяться при толковании;

the provisions of this chapter shall apply to the interpretation and punishment of any infringement defined in this chapter and committed after the date of its entry into force, as well as to the interpretation and application of any protection against prosecution for such infringement;

2) если иное прямо не предусмотрено или если иное не требуется по смыслу, положения данной главы must be applied in the interpretation and punishment of any infringement defined outside of this chapter and committed after the date of its entry into force, as well as in the interpretation and application of any protection against prosecution for such infringement;

3) положение данной главы не применяется при толковании и наказании любого посягательства, совершенного до даты вступления в силу данной главы or in the interpretation and application of any protection against prosecution for such an infringement, while such an infringement should be interpreted and punished in accordance with the provisions of the law in force at the time of its commission, as if this chapter had not been adopted.

В отличие от рассмотренных ранее положений ст. 1.01 Примерного уголовного кодекса США в § 5.05 Уголовного кодекса штата Нью-Йорк вовсе не учитывается возможность обратной силы уголовного закона, который здесь рассматривается только с позиций его ультраактивного и активного действия во времени. При этом в § 5.05 Уголовного кодекса штата Нью-Йорк так же, как и в ст. 1.01 Примерного уголовного кодекса США не определяется время совершения преступления [10, р. 157].

Итак, все вышеизложенное, позволяет констатировать факт о том, что в западных государствах правовые модели применяют достаточно четко отрегулированный и проработанный на законодательном уровне институт действия во времени уголовного закона, тогда как с учетом специфики англосаксонской правовой системы закрепление данного рассматриваемого уголовно-правового механизма отсутствует в целом.

Исследование международных норм не должно стать основой формирования более совершенных методов практического применения действия уголовного закона во времени. По нашему мнению, они не описывают феномен действия закона во времени и не обуславливают его эффективную реализацию. Ретроспективный анализ уголовного законодательства России позволяет сделать вывод о том, что развитие норм уголовного закона в нашем государстве поддерживается экономико-правовыми отношениями, которые складываются с другими государствами. Интеграция зарубежного опыта действия закона во времени с целью совершенствования норм УК РФ является, обоснованной с научной точки зрения.

Пристатейный библиографический список

1. Елинский А. В. Интерпретация в судебной практике правила о запрете обратной силы более строгого уголовного закона: опыт сравнительного исследования // Уголовное право. - 2012. - № 1. - С. 18.
2. Ерасов А. М. Обратная сила уголовного закона: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2004. - 230 с.
3. Уголовный кодекс Республики Болгария. Пер. с болгарского / Науч. ред.: А. И. Лукашов (пер.), Д. В. Милушев (пер.); вступ. ст.: Й. И. Айдаров. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. - 280 с.
4. Уголовный кодекс Испании / Под ред. и с предисл.: Н. Ф. Кузнецова, Ф. М. Решетников. Пер.: В. П. Зырянова, Л. Г. Шнайдер. - М.: Зерцало, 1998. - 290с.
5. Уголовный кодекс Франции. Принят в 1992 году. Вступил в силу с 1 марта 1994 года. С изменениями и дополнениями на 1 января 2002 года. Перевод с французского / Науч. ред.: Л. В. Головкин, Н. Е. Крылова (пер., предисл.). - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. - 220 с.
6. Уголовный кодекс Дании / Науч. ред. С. С. Беляев (пер.); пер.: А. М. Рычев. - Изд-во Моск. ун-та, 2001. - 140 с.
7. Уголовный кодекс Аргентины. - М.: Юридический Центр Пресс, 2003. - 240 с.
8. Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред.: Н. Ф. Кузнецова, А. И. Лукашов. Пер. Д. А. Барилевич. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. - 120 с.
9. Schwarze F. O. Commentar zum Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich, 1871. - 408 p.
10. Reshnyak M. G. Systemicity and definiteness of the criminal legislation as the main prerequisites of effective application of the norms regulating its action in time and in space // Gaps in the Russian legislation. - № 6. - 2013. - P. 157.

BIYARSLANOVA Asiyat Magomedovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Criminal law and state legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State University of National Economy, associate professor of Management and economics of education sub-faculty of the Dagestan Institute of Education Development

КОРРУПЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ГРАНЬ МЕЖДУ БЕСКОРЫСТНЫМ ПООЩРЕНИЕМ И ВЗЯТКОЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Данное научное исследование посвящено вопросам коррупции в образовательной среде. Здесь освещаются проблемы, проводится анализ нормативно-правовой базы. Обращено внимание на проблемы, которые в последнее время приобретают объективную остроту и призваны противодействовать государственному регулированию экономики административными методами и так называемой «свободе» развития экономических отношений. С уверенностью можно сказать, что законодательная база противодействия коррупции в РФ практически сформирована. Результаты социологических исследований подтверждают, что проблема коррупции в образовательных организациях остаётся достаточно острой. Особую значимость приобретают пути решения данной проблемы. В конце работы приводятся выводы.

Ключевые слова: коррупция в образовании, учебные заведения, антикоррупционная деятельность.

БИЯРСЛАНОВА Асият Магомедовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры уголовного права и государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства, доцент кафедры менеджмента и экономики образования Дагестанского института развития образования

CORRUPTION IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS: THE LINE BETWEEN SELFLESS ENCOURAGEMENT AND BRIBERY IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

This scientific research is devoted to the issues of corruption in the educational environment. The problems are highlighted here, the analysis of the regulatory framework is carried out. Attention is drawn to the problems that have recently become objectively acute and are designed to counteract the state regulation of the economy by administrative methods and the so-called "freedom" of the development of economic relations. It is safe to say that the legislative framework for combating corruption in the Russian Federation has been practically formed. The results of sociological research confirm that the problem of corruption in educational institutions remains quite acute. Of particular importance are the ways to solve this problem. At the end of the work, the conclusions are given.

Keywords: corruption in education, educational institutions, anti-corruption activities.

Существующая в обществе коррупция, являясь продуктом общественных отношений, пронизывает различные социальные сферы общества, деформирует различные группы социальных отношений. Вполне естественно, что тщательно подобранный подход к предотвращению такого негативного явления значительно снижает эффект от такой деятельности и, как следствие, не позволяет сформировать автономную систему коррупции, устойчивую к другим сопутствующим факторам риска.

Стоит обратить внимание на проблемы, которые в последнее время приобретают объективную остроту и призваны противодействовать государственному регулированию экономики административными методами и так называемой «свободе» развития экономических отношений.

Коррупция в образовательной среде имеет особую опасность, так как в неё может быть втянуто молодое поколение, морально-этические жизненные принципы, которых еще не сформированы.

Коррупция в секторе образования подрывает социальное доверие, усугубляет неравенство и саботирует развитие. Практики могут использовать инструменты прозрачности и подотчетности для борьбы с коррупционным поведением и лежачими в его основе стимулами. Однако, на практике такого не происходит. Все заботы о преодолении коррупции, возлагаются на теорию. В результате этого коррупция становится словно «эпидемией», поразившей большое количество людей и вовлекшей их в коррупционные связи, и даже несовершеннолетние могут иметь к этому отношение. А результатом такой «пандемии» выступает сниженный интеллектуальный потенциал страны, плохое качество образования, что

Биярсланова А. М.

также, приводит к снижению инновационному потенциалу государства.

То есть, коррупция способствует плохой успеваемости. Хищение или нецелевое использование школьных средств лишает и без того недостаточно финансируемые школы ресурсов. Кумовство и фаворитизм могут привести к найму низко квалифицированных учителей, а сговоры на торгах могут привести к тому, что учебники и расходные материалы будут низкого качества. Когда семьи вынуждены давать взятки или мошеннические «платежи» за образовательные услуги, которые должны быть бесплатными, это ставит бедных учащихся в невыгодное положение и снижает равный доступ к образованию.

Сегодня, с уверенностью можно сказать, что законодательная база противодействия коррупции в РФ, практически сформирована. Здесь также актуальности приобрели и нормы противодействия коррупции в сфере образования.

Анализируя законодательные акты, регулирующие нормы противодействия коррупции можно сказать, что термин «коррупция» как понятие отражено в Федеральном законе от 25 декабря 2008 года № 273-34 ФЗ «О противодействии коррупции», согласно которому коррупция определяется в качестве злоупотребления служебным положением, дачи взятки, получения взятки, злоупотребления полномочиями, коммерческого подкупа либо иного незаконного использования физическим лицом своего должностного положения, минуя законные интересы общества и государства с целью получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо, незаконного предо-

ставления такой выгоды соответствующему лицу иными физическими лицами [4].

Коррупция в образовательных учреждениях определяется в качестве общественно опасного социально-правового явления, возникающего в государственных, муниципальных и частных образовательных организациях, которое выражается в использовании должностного, служебного положения с целью извлечения выгоды.

Как нам известно, в коррупции имеются распространенные практики, такого рода, как дача взятки, получения взятки и посредничество во взяточничестве, такие виды преступлений мы рассматриваем, если речь идет об образовательной сфере. Ну, а если речь идет о коррупции в уголовно-правовой практике, то здесь мы будем использовать термин «взяточничество».

Яркое выражение коррупции в образовании наблюдается при приеме в образовательное учреждение, при отчислении, при сдаче курсовых и иных научных работ, при промежуточной и итоговой аттестации; назначении стипендии; переводе с платной формы обучения на бесплатную и др.

По статистике сотрудники системы образования наряду с полицейскими и сотрудниками уголовно-исполнительной системы чаще всех становятся участниками коррупционных сделок, причем мелкого масштаба [3].

Здесь подразумеваются денежные суммы до 10 тысяч рублей. Антирекорды по выявленным случаям взяточничества бьет: Москва, Республика Татарстан и Старопольский край.

С целью изучения мнения студентов о состоянии коррупции в высших учебных заведениях проведено социологическое исследование.

Самый «жаркий» сезон взяточничества приходится на пору сессий – зачетов и экзаменов. Согласно опросам, около 40 % студентов знают о взяточничестве в своем учебном заведении. А 15 % сами становились участниками сделки с преподавателем.

«Случаев, когда преподаватель специально валит всю группу мало», - рассказывает студент 3 курса Магомед. «Сейчас они работают более аккуратно – через кафедру или младшего сотрудника кафедры».

«На 3 курсе у нас был очень сложный предмет, который невозможно было самостоятельно сдать на положительную оценку. Но никто не хотел прощаться со своей стипендией. Тогда нашей старосте стало известно, что для сдачи экзамена на 4 или 5 нужно занести определенную денежную сумму методисту на кафедру. Большая половина курса так и поступила. В среднем сумма взятки за экзамен составляет 5-10 тысяч рублей, в зависимости от преподавателя. Я также слышал, что в столичных вузах стоимость достигает 50-100 тысяч рублей» - поделился студент.

Вопрос с взяточничеством также остается актуальным и в диссертационных советах. Об этом свидетельствуют жалобы многих диссертантов, где председатели попросту желают получить «дань» за то, что они приняли защиту диссертации, в то время как сам диссертация написана идеально, заслуживающая положительной оценки.

Аспирантка Мадия рассказывает, что в качестве «благодарности» диссертационной комиссией в некоторых вузах предлагается заплатить от 50 до 100 тысяч рублей. Помимо этого, студенты и так терпят большие затраты на защиту диссертации, технические моменты в процессе подготовки и организации банкета для комиссии.

На первый взгляд коррупционная ситуация в школьных образовательных учреждениях в разы лучше, однако и здесь есть свои нюансы. К счастью, учителя пока не были замечены в массовом сборе денег за пятерки на контрольных работах, но... «Классный руководитель посредством родительского комитета вымогает деньги. Так каждая семья сдает более 5 тыс. рублей в преддверии различных праздников, итого выходит 100 тыс. рублей» - рассказывает мама младшеклассника. – «В случае, если семья отказывается платить, классный руководитель начинает беспочвенно придираться к ребенку и родители вынуждены платить дабы избежать конфликта и не навредить ребенку».

Аналогичные примеры и приводят к социологическим исследованиям, результаты которых подтверждают, что проблема коррупции в образовательных организациях остаётся достаточно острой.

Очень часто именно «презенты» для учителей и становятся некой завуалированной формой взятки преподавателем.

Давайте рассмотрим этот вопрос с юридической стороны очертим грань между поощрением и коррупцией:

1. В соответствии с Гражданским кодексом РФ 46 (п. 1 ст. 575) общая плата за подарок работнику образования не должна составлять более 3 тысяч рублей, иначе это будет расцениваться как подкуп. И презент обязательно должен быть приурочен к какому-либо государственному празднику. То есть подарок должен быть безвозмездным.

2. Установлен запрет на традиционные подарки, что-то вроде кофе, чая, алкоголя, конфет. К примеру, в Курской области был зафиксирован случай, когда преподавателя университета приговорили к штрафу в 50 тысяч рублей за то, что он поставил зачет за 4 бутылки коньяка и шоколад. Если подарок преподнесен в преддверии сессии – это явный показатель подкупа. По закону работник образовательного учреждения, а тем более должностное лицо, должны сообщать о предложении взятки или склонении к другому правонарушению.

3. Иногда, когда учителя через родительский комитет заказывают конкретные презенты родителям на День учителя или иной праздник стало традицией в образовательных организациях, включая путевки и бытовую технику. Такие действия однозначно незаконны. И события, когда учитель в таких ситуациях был привлечен к ответственности, достаточно.

4. Нужно уметь четко разграничивать для себя мелкое поощрение или благодарность и грубое нарушение закона в виде коррупционной сделки. Если подарок оказался взяткой, наказание за это, по закону, должны понести все, кто причастен к этой ситуации: и взяточник, и взяткодатель, и посредник, если здесь замешано третье лицо. Тяжесть наказания зависит от размера взятки.

Главное различие между подарком и взяткой заключается не в их цене, а в цели их преподнесения. После оценки рисков коррупции можно разработать и внедрить соответствующие меры, адаптированные к тем или иным, местным условиям. Ключевыми факторами, которые следует учитывать при выборе стратегии, являются политическая осуществимость, стоимость, а также социальный и экономический контекст – например, гендерные роли, уровни грамотности, доступ в Интернет и другие факторы, влияющие на гражданскую активность. Мониторинг, оценка и обучение должны быть встроены в реформы, чтобы меры могли адаптироваться к меняющимся контекстным реалиям.

Также, в образовательной среде необходимо включить ценности, которые позволят урегулировать морально-нравственное поведение правонарушителей. Речь идет о таких ценностях как добросовестность и антикоррупционное образование. То есть, включение ценностей, добросовестности и антикоррупционного образования в школьные программы – это долгосрочная стратегия, утвержденная Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции, которая реализуется в странах по всему миру.

Пристатейный библиографический список

1. Салюк А. А., Матненко М. А. Коррупция в сфере образования как социальное явление: проблемы и пути их решения. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). – Москва: Буки-Веди, 2016. – С. 11–14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/law/archive/224/11497/> (дата обращения: 29.11.2021).
2. Какой подарок не является взяткой по закону. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: careeristka.ru/kakoj-podarok-ne-yavlyaetsya-vzyatkoj.
3. Юхачев С. П. Коррупция в системе образования: типология и последствия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupciya-v-sisteme-obrazovaniya-tipologiya-i-posledstviya>.
4. Генпрокуратура: полицейские, педагоги и сотрудники УИС чаще других берут мелкие взятки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4721253>.
5. Юхачев С. П. Коррупция в системе образования: типология и последствия // Социально-экономические явления и процессы. - 2008. - № 3 (11). - С. 110-113.
6. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии коррупции»// СЗ РФ от 29 декабря 2008 г. № 52 (часть I) ст. 6228.

ВОЛОСЮК Павел Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказского социального института, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин филиала Российского технологического университета – МИРЭА в г. Ставрополе

УРУСОВ Мурат Мухтарович

аспирант кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского социального института

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ЛИЦА «ЗАНИМАЮЩЕГО ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ»

В статье на основании системного анализа зарубежного уголовного законодательства, российского уголовного законодательства и национальной правоприменительной практики, а также посредством анализа сформировавшихся в преступном мире традиций, правил, предложено авторское решение проблемы определения признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, а также сформулированы рекомендации по совершенствованию национальной уголовно-правовой нормы, направленной на борьбу с организованной преступностью.

Ключевые слова: уголовная ответственность, организованная преступность, криминальный статус, занятие высшего положения в преступной иерархии.

VOLOSUYUK Pavel Valerjevich

Ph.D. in Law, Head of Criminal law and process sub-faculty of the North Caucasus Social Institute, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the branch of the Russian Technological University – MIREA in Stavropol

URUSOV Murat Muhtarovich

postgraduate student of Criminal law and process sub-faculty of the North Caucasus Social Institute

ON THE ISSUE OF DETERMINING THE CHARACTERISTICS OF A PERSON «OCCUPYING THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY»

Based on a systematic analysis of foreign criminal legislation, Russian criminal legislation and national law enforcement practice, as well as through the analysis of traditions and rules formed in the criminal world, the author's solution to the problem of determining the signs of the subject of the crime provided for in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed, and recommendations for improving the national criminal law norm aimed at combating organized crime are formulated.

Keywords: criminal liability, organized crime, criminal status, occupation of the highest position in the criminal hierarchy.

За последние несколько лет статистические данные МВД Российской Федерации демонстрируют нам неуклонный рост преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами. Так, например, если с 2011 по 2017 годы наблюдалось снижение количества зарегистрированных преступлений, совершаемых организованными группами и преступным сообществом, то уже с 2018 по 2021 годы прослеживается рост данного вида преступности. В 2018 году рост данного вида преступности составил 18,1% по отношению к предыдущему периоду, в 2019 году рост составил 7,4%, в 2020 году – 8,6% по отношению к предыдущему периоду, а в 2021 году рост составил уже 25,1 % [1]. Отечественными криминологами отмечается весьма негативная тенденция, связанная с ростом количества регистрируемых преступлений, совершаемых организованными группами и преступным сообществом [1, с. 34].

Безусловно, такая негативная динамика требует решительного шага со стороны государства по принятию действенных законодательных мер по противодействию организованной преступности. К сожалению, приходится констатировать, что в Российской Федерации на настоящее время так и не разработан специальный нормативно-правовой акт, которым бы предусматривались комплексные меры по противодействию организованной преступности в отличие от некоторых зарубежных государств, которые на законодательном уровне приняли специальные законы. Например, в 1970 году США приняли закон RICO (The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act), который был направлен на борьбу с организованной преступностью и устанавливал более строгую ответственность не только для фи-

зических лиц, но и для любых организаций, объединений людей для совершения преступлений. Примечательно, что данным законом наказанию подлежали не только лица, которые в составе таких организованных групп совершали преступления, но и отдельные лица, за факт членства в такой организации [2, с. 148]. Если обратиться к опыту бывших советских республик, то мы также увидим, что в большинстве стран приняты специальные законы, направленные на борьбу с организованной преступностью, например Закон Республики Беларусь от 27.06.2007 г. «О борьбе с организованной преступностью»; Закон Республики Молдова от 22.03.2012 г. «О предупреждении и борьбе с организованной преступностью», Закон Республики Грузия от 20.12.2005 г. «Об организованной преступности и рэкет» [3, с. 27]. При этом бывшие советские республики не ограничились исключительно принятием специальных законов, направленных на борьбу с организованной преступностью. В своих национальных уголовных законах предусмотрели специальные уголовно-правовые нормы, направленные на установление ответственности не только для лиц принимающих участие в совершении преступлений в составе организованных групп, но и за сам факт обладания определенным «криминальным статусом».

Вышеприведенными примерами мы не хотим подчеркнуть, что в Российской Федерации совершенно отсутствует работа национальных властей, направленная на борьбу с организованной преступностью. Однако, даже тот шаг, который был сделан в эту сторону на сегодняшний день, не может свидетельствовать о серьезном положительном результате по борьбе с организованной преступностью. Национальный правоприменитель сталкивался с серьезными проблемами в

применении ст. 210 УК РФ, так как фактически не представлялось возможным реально привлечь к уголовной ответственности представителей «преступной иерархии» за создание, руководство преступным сообществом. Проблема, которая сложилась к концу 90-х годов, потребовала самых решительных шагов в части изменения не только отдельных уголовно-правовых норм, но и изменения судебного толкования ст. 210 УК РФ. Логичным решением со стороны государства стало включение в ст. 210 УК РФ части 4, которой предусматривается ответственность за «создание преступного сообщества в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений либо руководство преступным сообществом или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а равно координация действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами либо участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, – совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии». В 2019 году законодатель продолжил свою уголовную политику в части установления уголовной ответственности для лидеров «преступного мира», что выразилось во введении в национальный уголовный закон состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ.

С одной стороны, нам понятен подход законодателя по введению уголовной ответственности для лиц, занимающих определенную иерархию в преступном мире. С другой стороны, противники такого законодательного решения отметили, что использованное понятие в ст. 210.1 и в ч. 4 ст. 210 УК РФ носит оценочный характер и очень сложно определить, кто именно выступает таким лидером. О правильности наших суждений свидетельствует и статистика по применению ч. 4 ст. 210 УК и ст. 210.1 УК, так как с момента введения их в действие и по настоящее время данные уголовно-правовые нормы остаются фактически не применяемыми, тогда как уголовное законодательство Грузии наоборот демонстрирует положительную динамику по борьбе с «ворами в законе» после принятия и введения в действие выше приведенного закона и применения ст. 223.1, ст. 223.2, ст. 223.3 и ст. 223.4 Уголовного кодекса Грузии, которые проходили «проверку» на предмет соответствия международным правовым стандартам Европейского Суда по правам человека [3, с. 28].

Имеющаяся скудная правоприменительная практика российских судов не позволяет нам четко сформулировать по каким именно признакам лицо, указанное в ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ будет отнесен именно к лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии. Например, в одном из судебных решений отмечено, что лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, является «вор в законе». Примечательно, что суд пришел к такому выводу на основании показаний свидетелей, которые указали, что лицо пользовалось авторитетом в криминальном мире, назначал «положенцев», поддерживал с ними контакты [4, с. 420]. Продолжая акцентировать внимание на существующую проблему определения признаков субъекта преступления в ст.ст. 210.1 и ч. 4 ст. 210 УК РФ отметим, что фактически установить факт занятия определенным лицом высшего положения в преступной иерархии возможно посредством проведения в течение длительного времени оперативно-розыскных мероприятий. Специально оговоримся, что в случае накопленного объемного оперативного материала на конкретное лицо, которым будет подтверждаться его криминальный статус, выносить на основании этого обвинительный приговор суда вряд ли возможно, так как он не может быть основан исключительно на результатах работы органов, осуществля-

ющих оперативно-розыскную деятельность. Следовательно, не только этот вопрос требует серьезной проработки, но и соответствующие изменения должны произойти и в самом уголовно-процессуальном законодательстве, на что также обращается внимание в доктрине [5, с. 114].

В чем причина низкой результативности применения ст. 210.1 УК РФ и ч. 4 ст. 210 УК РФ? Сложность у правоприменителей как раз и вызывает факт определения такого субъекта преступления как «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». На наш взгляд законодатель при конструировании данной уголовно-правовой нормы совершенно ушел от базового принципа российского уголовного закона о том, что преступность определяется исключительно Уголовным кодексом Российской Федерации и признаки преступления должны также содержаться в нормах национального уголовного закона. Более того, сама по себе уголовно-правовая норма должна быть ясной и понятной правоприменителю и не допускать двойного толкования, учитывая конституционное требование о единообразном применении уголовного законодательства на всей территории России. Другое дело оценочные признаки преступления, сущность которых можно определить посредством обращения к иным нормативно-правовым актам или к разъяснениям высшей судебной инстанции России. Но как быть с определением признаков лица, занимающего высшее положение в криминальной иерархии? Что должен понимать правоприменитель под фразой «высшее положение», «преступная иерархия»? Идет ли в данном случае речь о любых «криминальных лидерах», «авторитетах» или же речь должна идти о лицах, которые придерживаются «тюремных традиций», «тюремных законов» («воровских законов»)? Чем должен воспользоваться национальный правоприменитель, чтобы установить субъектный состав в ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ?

Поскольку законодатель не дает нам никакого ответа на данный вопрос, то для ответа на него придется обратиться к криминологическим исследованиям по этому вопросу, а именно обратиться к тюремной иерархии (мастям).

Лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, делятся на четыре касты (масти):

1) *блатные*, представители этой касты (масти) не обязательно будут называть себя именно данным термином. Зачастую они могут употреблять такие термины как: «арестанты», «босьяки», «бродяги», «жулики», «путевые». Важно понимать, что не любой человек, который совершил преступление и отпущенный отбывать наказание в исправительную колонию, сразу попадает в эту касту. Помимо «чистой анкеты» такого преступника, он должен придерживаться определенных «традиций», «понятий». Элиту данной касты составляют «воры в законе» («воры», «законники»). Именно представители этой категории являются неформальными лидерами тюремного мира, признанными авторитетами. Свой статус такие лица получают на сходке («сходняке») воров. В случае отсутствия в исправительном учреждении «вора в законе», для осуществления контроля за соблюдением «воровских законов», «воровских наказов» в учреждении назначается *смотрящий*. Смотрящий на период нахождения в исправительном учреждении занимает высшее положение, его распоряжения обязательны к исполнению. Дополнительно отметим, что к этой же категории стоит отнести и *положенца*, который по статусу находится ниже «вора в законе», но назначен им, является его ставленником и осуществляет свои функции на территории определенного региона. Как отмечается в литературе, «вор в законе» – это особо опасный и авторитетный в своей среде профессиональный преступник, признанный лидер, идеолог криминального образа жизни и криминальной морали» [6, с. 44].

2) *мужики*, представители этой касты (масти) – это лица, не имевшие в период до попадания в исправительное учреждение какой-либо связи с преступным миром, не следова-

шие «воровским традициям». Представители данной касты не относятся к блатным и не занимают какого-либо лидирующего положения в период отбывания наказания.

3) *козлы*, представители этой касты (масти) – это лица, которые пошли на сотрудничество с администрацией исправительного учреждения, не допускают нарушений установленного режима в период отбывания наказания.

4) *опущенные*, представители этой касты (масти) – это лица, которые отвержены, изгои.

Движение из нижних каст к высшей касте (масти), то есть к блатным невозможно. Следовательно, можно заключить, что с точки зрения тюремной иерархии, субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, могут выступать представители первой касты, т.е. блатные («воры», «воры в законе», «смотрящие», «авторитеты», «положенцы»).

Правда возникает проблема другого характера.

По смыслу ст. 210.1 УК РФ оно является длящимся преступлением и соответственно к нему применяются все правила уголовной ответственности о длящихся преступлениях. Лицо, которое в период отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительном учреждении осуществляло роль «преступного лидера», например, был смотрящим, не обязательно будет выполнять ту же функцию после отбывания наказания, так как лицо может «порвать» с преступным миром и отказаться от выполнения соответствующих криминальных функций.

В правоприменительной деятельности могут возникнуть и другие вопросы: лицо, находящееся на свободе, обладает «авторитетом»? можно ли его отнести к лицу, занимающему высшее положение в преступном мире? Этот вопрос приобретает свою актуальность по причине того, что при квалификации деяния лица по ст. 210.1 УК не требуется определенная связь между «тюремными мастями» и лидерством в преступном мире тех, кто находится на свободе и не имеет ничего общего с «ворами в законе», «положенцами», «смотрящими».

Важным становится следующее. Во-первых, необходимо четко определить признаки лиц, занимающих высшее положение в преступном мире. К признакам такого лица можно отнести: 1) наличие у лица соответствующего криминального статуса «вора в законе», «положенца», «смотрящего». Данный признак является ключевым для определения субъектного состава в преступлениях предусмотренных ст.ст. 210.1 и ч. 4 ст. 210 УК РФ, так как обладание статусом «профессионального преступника» позволяет отграничить от иных лидеров организованных групп, преступных организаций, преступных сообществ, которые не имеют отношения к лицам с определенным «тюремным статусом» и которые обладают меньшей общественной опасностью. Учитывая высокую степень авторитета таких лиц, их лидерство в преступном мире, можно с уверенностью заключить, что лидеры (руководители) организованных групп, преступных организаций не «исповедующих» «воровских традиций», «воровских законов», могут быть подконтрольны таким «профессиональным преступникам»; 2) «криминальный статус» присвоен в соответствии с традициями, устоявшимися в «криминальном мире». Данный признак является не менее важным и должен быть подтвержден как посредством свидетельских показаний, судебно-криминологической экспертизой, лингвистической экспертизой, культурологической экспертизой и иными доказательствами обладающие свойствами допустимости, достоверности и относимости. Изученная правоприменительная практика, свидетельствует, что зачастую подтверждением факта отнесения лица к лидеру «преступного мира» и занятия в нем высокого положения выступают атрибутивные характеристики, например: наколки, текст «воровского прогона». Отнесение таких объектов к доказательствам весьма спорно. С точки зрения правил доказывания нельзя сделать однозначного вывода о том, что имеющиеся у лица «тюремные наколки» являются подтверждением того, что

оно занимает высшее положение в преступной иерархии. Текст «воровского прогона» выполненный на бумаге также не стоит рассматривать в качестве доказательства, так как с позиции УПК РФ он не обладает всеми необходимыми признаками письменного доказательства; 3) лицо, обладающее соответствующим статусом, должно выполнять организационно-распорядительными функциями на определенной территории, в отношении лиц или объединений лиц, участвующих в подготовке (планировании) преступлений или участвовавших в совершении преступлений. В рамках этого признака важное значение будет иметь место и время выполнения таких функций, а также определение конкретных властных полномочий, реализованных лицом, занимающим высшее положение в преступном мире.

Во-вторых, на законодательном уровне необходимо исключить сам термин – «лицо, занимающее высшее положение в преступном мире», которое является оценочным и трудно определимым. На законодательном уровне в виде примечания к ст. 210.1 УК РФ необходимо ввести определение лица, обладающего соответствующим статусом, или Верховный Суд России должен дать соответствующее разъяснение в своем постановлении. Примером может послужить ст.223.1 УК Республики Грузии.

Отдельного закрепления в примечании к ст. 210.1 УК требуется положение о лицах, занимавших соответствующий преступный статус до введения в действие данной уголовно-правовой нормы, так как в этой части должны соблюдаться требования ст. 9 и 10 УК РФ. Так как состав преступления, предусмотренный ст. 210.1 УК РФ является длящимся, то подлежит обязательному решению вопрос о последующем привлечении лица к ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии, если оно ранее уже привлекалось к ответственности за данный криминальный статус, так как в противном случае повторное привлечение к ответственности по ст. 210.1 УК будет нарушать требования ст. 6 УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Бычков В. В. Динамика организованной преступности в Российской Федерации за последнее десятилетие (2009-2018 гг.) // Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации / Под ред. А. И. Долговой. – М., 2019. – С. 30-40.
2. Фролов С. А., Портнов М. А. Влияние закона RICO на борьбу с организованными преступными группами в США во второй половине XX века // Право: история и современность. – 2021. – № 4 (17). – С. 148-151.
3. Бычков В. В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 3. – С. 26-31.
4. Беркумбаев Н. С., Егоров А. Р. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблема квалификации и правоприменения // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 5. – С. 418-421.
5. Шеслер А. В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. – 2020. – № 1 (42). – С. 111-121.
6. Скобликов П. А. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его толкование и применение // Уголовное право и криминология. – 2018. – № 2. – С. 44-45.
7. Состояние преступности в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 13.01.2022).

ГАЗИМАГОМЕДОВ Муслим Магомедгаджиевич

магистрант Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

МЕЛИКОВ Низами Ашурбекович

студент Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

АХМЕДХАНОВА Самира Телхатовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ЗДОРОВЬЕ, ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ, ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ

В связи с проводимой в нашей стране административной реформой и государственной политикой по укреплению верховенства власти, проблемные вопросы обеспечения безопасности деятельности представителей власти осуществляющих управленческие функции приобретают особую значимость. Возникает необходимость в совершенствовании уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступные посягательства на представителей власти, целью деятельности которых является представление интересов российского общества. Эффективность исполнения органами государственной власти своих полномочий зависит от правовой обеспеченности их безопасности и необходимости оказания содействия в организационной социальной направленности в целях поддержания высокого статуса лиц, наделенных государственно-управленческими полномочиями.

Ключевые слова: должность, преступность, ответственность, полномочия, анализ, квалификация.

GAZIMAGOMEDOV Muslim Magomedgadzhevich

magister student of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MELIKOV Nizami Ashurbekovich

student of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

AKHMEDKHANOVA Samira Telkhatovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

LEGISLATIVE IMPROVEMENT OF THE COMPOSITION OF CRIMES THAT INFRINGE ON THE HEALTH, PERSONAL INTEGRITY, HONOR AND DIGNITY OF A REPRESENTATIVE OF THE AUTHORITIES

In connection with the administrative reform being carried out in our country and the state policy to strengthen the rule of power, problematic issues of ensuring the safety of the activities of government officials performing managerial functions are of particular importance. There is a need to improve the criminal legislation providing for liability for criminal encroachments on government officials whose purpose is to represent the interests of Russian society. The effectiveness of the execution by public authorities of their powers depends on the legal security of their security, and the need to provide assistance in organizational, social orientation in order to maintain the high status of persons endowed with public administration

Keywords: position, crime, responsibility, authority, analysis, qualification.

Основными проблемными вопросами уголовно-правового исследования посягательств на честь и достоинство представителя власти являются вопросы квалификации и трудности отграничения от аналогичных составов преступлений. Основным направлением государственной политики по противодействию подобным преступлениям является совершенствование законодательства регулирующих порядок привлечения к уголовной ответственности, субъектами реализации которой выступают сотрудники правоохранительных структур.

Основным направлением повышения эффективности мер предупреждения и профилактики преступности всегда остается совершенствование норм законодательства. Если говорить о порядке применения норм уголовной ответственности за преступные посягательства в отношении

представителя власти, то проблемный вопрос квалификации здесь ассоциирован отграничением двух смежных составов оскорбления и насилия в отношении представителя власти. В данном уголовном законодательстве нет общей нормы охватывающей преступное деяние, описанное в специальной норме ст. 319 УК РФ, так как ст. 130 УК РФ, предусматривающая ответственность за оскорбление, декриминализована по отношению к названным нормам ст. 318 УК РФ и сконструирована как специальный состав [4].

Данная норма помимо совокупности общих признаков еще и обладает рядом специальных признаков, касающихся объекта преступного посягательства. Как правильно указал П.С. Самаркин, специальные нормы образуются не как части общей нормы, а как более сложное явление, характеризующееся рядом дополнительных признаков,

новообразующаяся специальная норма часто приобретает совокупность дополнительных признаков, которые раскрывает более полно содержание специальной нормы [2].

Содержание ст. 318 УК РФ отличается сложной формой конкуренции по отношению к своим общим составам. Изучение материалов судебной практики показывает сложность разграничения двух специальных составов, связанных с применением насилия в отношении представителя власти и посягательством на жизнь сотрудника правоохранительных органов. Отличительной особенностью данных норм законодательства является разграничение по объекту преступного посягательства, так как основным объектом посягательства по ст. 317 УК РФ является сотрудник правоохранительных органов, обеспечивающий общественный порядок и безопасность [1].

Объективная сторона посягательства на жизнь сотрудника правоохранительных органов ст. 317 УК РФ сконструирована несколько иначе, чем ст. 318 УК РФ. Обязательным признаком данной статьи является воспрепятствование деятельности правоохранительных органов, либо месть за такую деятельность. Часто одни и те же действия, в зависимости от умысла виновного лица, могут расцениваться и как посягательство на жизнь и как применение насилия в отношении представителя власти и сотрудника правоохранительных органов.

Совпадение объективной характеристики рассматриваемых составов выступает наглядным свидетельством схожести по характеристикам объективных обстоятельств статей 317 и 318 УК РФ. Объективная характеристика данных составов очень часто совпадает с другими преступными посягательствами на государственную власть, например с дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, неуважение к суду, насильственные действия к лицам, осуществляющим правосудие.

Норма законодательства, предусматривающая ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию, так же направлена против лиц, осуществляющих руководство мест нахождения заключенных, помещена в главу, посвященную преступным посягательствам против порядка управления. Проведенный анализ данных уголовных норм выступает свидетельством того, что основное различие составов находится в признаках объекта преступного посягательства.

А в квалифицированных признаках ст. 321 УК РФ в качестве непосредственного объекта преступного посягательства предусмотрена совокупность общественных отношений, обеспечивающих полноценный порядок содержания заключенных под стражей. Объектами преступного посягательства в ст. 321 УК РФ выступают как лица, осуществляющие свою деятельность в званиях рядового и сержантского состава, выполняющими управленческие функции в местах содержания заключенных, так и вольнонаемные лица, занимающиеся образованием, техническим обучением, медицинским обслуживанием заключенных [4].

Необходимо провести сравнительный анализ данной статьи с некоторыми преступными посягательствами на

лиц, осуществляющих правосудие. Согласно примечанию к ст. 318 УК РФ судья, прокурор, следователь, дознаватель являются личностями, осуществляющими власть, следовательно, соответствуют описательным критериям представителя власти, представленного в данном примечании. Применение любой формы насилия в отношении данных лиц, угроза применения насилия квалифицируется по частям ст. 296 УК РФ [2].

Основное разграничение составов преступлений предусмотрено в объекте преступления, потерпевшем и в мотиве преступного посягательства. Объектом преступного посягательства в ст. 296 УК РФ выступают совокупность общественных отношений, возникающих в связи с осуществлением правосудия, а в ст. 318 УК РФ установленный законодательством порядок управления в органах государственной власти и в правоохранительных органах, что тоже рассматривается как основной разграничитель данных составов.

Потерпевшими от преступных посягательств в ст. 296 УК РФ выступают только лица, непосредственно указанные в диспозиции данной статьи – это судьи, прокуроры, следователи, дознаватели и лица, не осуществляющие управленческие функции, защитник и специалист. При исследовании данных статей так же выявлено, что разграничения присутствуют и в мотиве преступного посягательства: в ст. 318 УК РФ основанием совершения преступного посягательства является исполнение представителем власти своих служебных полномочий; в ст. 296 УК РФ мотив более узкий, не связанный с любым видом служебной деятельности, а только со строго ограниченным рассмотрением материалов дел в суде, производством предварительного расследования, производства дознания, последующее исполнением судебного решения, приговора.

Объективная сторона ст. 296 УК РФ гораздо расширена в связи признанием наказуемым квалифицированного обстоятельства, связанного с угрозой уничтожения или повреждения имущества. Основным разграничителем составов преступлений, предусматривающих оскорбление представителей власти ст. 319 УК РФ и неуважение к суду ст. 297 УК РФ выступает непосредственный объект посягательства, признаки присущие потерпевшему, характеристика объективной стороны преступления и мотив, побуждающий на совершение преступного деяния.

В отличие от преступного посягательства, предусмотренного ст. 319 УК РФ, потерпевшим в ст. 297 УК РФ выступает как представитель власти, так и любой участник судебного разбирательства. Неуважение к суду представляет собой волеизъявление определенной формы оскорбления, не требующего обязательного признака публичности. Изучая диспозицию ст. 297 УК РФ мы пришли к выводу, что специальное указание на мотив совершения преступления и время его совершения в диспозиции статьи отсутствует, хотя присутствие их в преступном посягательстве обязательно, так как деяние касается внутреннего побуждения объекта на оскорбление представителя власти. Но есть и определенная взаимосвязь между анализируемыми составами, практически все они направлены на противодействие за-

конной деятельности лиц и оказания им сопротивления [3].

Самым распространённым случаем оказания сопротивления представителю власти является хулиганство и квалифицирующим обстоятельством данной статьи выступает ч. 2 сопротивление представителю власти. Изучение материалов судебной практики показывает, что в уголовных делах, совершенных из хулиганских побуждений, дается определение понятию сопротивление, как умышленные действия лица, направленные на пресечение законных действий объекта, пресекающего нарушение общественного порядка и безопасности при задержании преступника и его доставлении в соответствующие правоохранительные органы для привлечения к ответственности и воспрепятствование подобным действиям продолжая хулиганское поведение.

Оказывая сопротивление представителю власти, как правило, необходимо применить в отношении него определённые физические способы воздействия, при этом преступник осознает, что насилие направлено на представителя власти в момент осуществления им своих должностных обязанностей, образуя тем самым состав преступления, предусмотренный ст. 318 УК РФ. В рассмотренных уголовных делах выявлено множество обстоятельств, связанных с сопротивлением представителю власти из хулиганских побуждений, посредством применения физического насилия.

Сопротивление может быть связано с действиями, не являющимися актом применения физического насилия в отношении лица, осуществляющего свою служебную деятельность, а только попытки субъекта вырваться из захвата представителем власти. В случае публичного оскорбления представителя власти, при активном процессе сопротивления, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности двух составов ч. 2 ст. 213 и ст. 319 УК РФ. Подобным образом по совокупности решается вопрос при квалификации массовых беспорядков, сопровождающихся оказанием сопротивления представителю власти.

Из проведенного исследования мы пришли к выводу, что квалифицированными обстоятельствами составов применения насилия в отношении представителя власти, его оскорбление не охватываются отягчающие обстоятельства, связанные с хулиганством и массовыми беспорядками, при наличии всех перечисленных признаков необходимо содеянное квалифицировать по совокупности. Проводя исследование преступных посягательств на здоровье и личную неприкосновенность, а также честь и достоинство лиц осуществляющих управленческие функции, выявили определенные пробелы в нормативном описании отдельных квалифицированных признаков, что способствует значительному снижению эффективности исследуемых норм. Само наименование статьи «Применение насилия в отношении представителя власти», в полном объеме не раскрывает объективную характеристику совершенного преступного посягательства, например не учитывается противоправность угрозы применения насилия. Понятие угроза подразумевает психическое воздействие на объект

преступного посягательства. В данной статье под насилием подразумевается исключительно применение физического насилия в отношении представителя власти. Близкое по содержанию к данной статье общественно опасное посягательство, но отображающее в полном объеме факт психического, физического насилия отображено в ст. 296 УК РФ. В данной статье законодатель уже на ранней стадии в самом наименовании отразил уголовно-правовую запрещенность насилия или угрозы применения насилия. На основе проведенного анализа и с целью устранения возникших противоречий считаем целесообразным изменение самого наименования уголовно-правовой нормы законодательства, предложив ее редакцию в следующей форме: «Угроза или насилие в отношении представителя власти».

Пристатейный библиографический список

1. Ахмедханова С.Т. Преступления, совершаемые сотрудниками правоохранительных органов, связанные с порядком легального осуществления полномочий в области получения доказательств // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 12 (139). - С. 278-280.
2. Самаркин П.С., Фирсов О.В. Некоторые проблемы квалификации и законодательного совершенствования составов преступлений, посягающих на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти // Молодые ученые. - 2018. - № 39 (225). - С 122-125.
3. Сапронов Ю.В., Смоляков Е.В. Проблемы законодательного совершенствования составов преступлений, посягающих на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2015. - № 4 (30). - С. 77-80.
4. Смоляков Е.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти / Автореферат дис. ... кандидата юридических наук / Краснодарский университет МВД РФ. - Краснодар, 2015. - 28 с.

ДАДАЕВА Патима Ибрагимовна

магистрант Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

ТАИЛОВ Гаджикурбан Расулович

студент Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

МАГОМЕДОВ Гусейн Багавдинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

СУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ С НАЗНАЧЕНИЕМ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ

У правоприменителей в первую очередь вызывает интерес и привлекает внимание порядок реализации прав и свобод человека и гражданина. В целях совершенствования законодательства в данном направлении с 1991 года проводилась судебная реформа, основной целью которой является качественное изменение деятельности правоохранительных органов. Уголовно-процессуальный кодекс способствует корректировке целей уголовной юстиции и становлению уголовного процесса охранительного типа.

Ключевые слова: процесс, право, суд, штраф, наказание, мера, правоприменение.

DADAEVA Patima Ibragimovna

magister student of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

TAYOV Hajikurban Rasulovich

student of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MAGOMEDOV Gusein Bagavdinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

JUDICIAL PROCEEDINGS IN A CRIMINAL CASE WITH THE APPOINTMENT OF A CRIMINAL-LEGAL MEASURE IN THE FORM OF A COURT FINE, PROBLEMATIC ISSUES OF APPLICATION

First of all, law enforcement officers are interested in and attract attention to the procedure for the implementation of human and civil rights and freedoms. In order to improve legislation in this direction, a judicial reform has been carried out since 1991, the main purpose of which is to qualitatively change the activities of law enforcement agencies. The Criminal Procedure Code contributes to the adjustment of the goals of criminal justice and the formation of a protective type of criminal process.

Keywords: process, law, court, fine, punishment, measure, law enforcement.

Проведение совокупного анализа уголовно-процессуальных и правовых норм законодательства регламентирующего порядок применения института судебного штрафа как меры процессуального характера необходимо рассматривать в современной правовой действительности основной мерой, позволяющей лицам, совершившим преступления небольшой и средней тяжести, избежать уголовной ответственности, так как совершенное ими деяние не представляет значительной общественной опасности. Применение судебного штрафа в отношении лица, подвергнутому уголовному преследованию, исключает последующую судимость лица, но при этом не служит основанием для его реабилитации [1].

Основной положительной стороной данной меры уголовно-правового характера является то, что пресекается процесс криминализации личности, совершившей преступные деяния, субъект не отбывает наказание в местах лишения свободы. С каждым годом наблюдается все больший рост количества уголовных дел, по которым судами применена ст. 25¹ УПК РФ. Так, за 2020 год, такую меру применили в отношении 187337 граждан, из которых несовершеннолетних – 645, сумма штрафа при этом не превышала 15 тыс. руб. Данные факты позволяют нам свидетельствовать о достаточной лояльности введенной нормы

уголовно-правового характера, предусматривающей ответственность за совершение преступления [3].

Наше внимание привлекает научно-правовое обоснование судебной практики применения данной нормы: за преступления в сфере экономической деятельности, перечень которых представлен в ст. 28¹, предусматривается прекращение уголовного дела и уголовного преследования с применением судебного штрафа; прекращение уголовного дела и уголовно преследования за преступления небольшой и средней тяжести с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа¹.

Нам необходимо исследовать и правоприменительную практику судов, когда они принимают самостоятельно решение о применении судебного штрафа по поступившему делу, либо по ходатайству самого обвиняемого, рассмотреть порядок обращения к исполнению решения суда о применении меры в виде судебного штрафа, изучить контрольно-процессуальную деятельность в случаях уклонения от уплаты судебного штрафа. Необходимо проанализировать случаи, когда

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/4cd4d26649c18e3b11e0fe3e1432c1974e9e1eb8/.

суд занимает позицию прекращения процесса в порядке ст. 25¹ УПК РФ, а потерпевшее лицо в ответ выдвигает возражения на подобное решение суда.

В целях реализации принципа справедливости и гуманности и обеспечения либерализации мер уголовного наказания, применяемых к лицу, совершившему преступление, прекращение уголовного процесса с назначением судебного штрафа может происходить не только в досудебном производстве, но и до момента удаления суда в совещательную комнату для принятия соответствующего решения [1].

В процессе изучения данной темы нами выделены несколько особенностей применения судами меры прекращения уголовного дела с применением судебного штрафа:

- на добровольность применения в отношении обвиняемого данной меры уголовно-процессуального характера;
- точная сумма назначенного штрафа, размер его определяется судом и не может превышать планки, указанной в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса;

- согласие самого обвиняемого (закрепленное в постановлении) на применение в отношении него меры уголовно-процессуального характера с назначением судебного штрафа;

- установление точной процессуальной формы закрепления согласия самого обвиняемого при прекращении по его инициативе уголовного дела с применением основания, предусмотренного ст. 25¹ УПК РФ;

- необходимо соблюдение всех процессуальных этапов, начиная с согласия руководителя следственного органа или согласия прокурора о применении меры уголовно-процессуального характера в отношении обвиняемого, с обязательным утверждением судом ходатайства следователя, в целях обеспечения полного прекращения производства по уголовному делу;

- соответствующее ходатайство должно быть подано органом, осуществляющим предварительное расследование по месту производства следственных мероприятий в соответствующий орган суда, далее в 10-дневный срок последним принимается решение (одобрение или отклонение).

- рассмотрение ходатайства происходит в присутствии обвиняемого/подозреваемого. При отсутствии последнего без уважительных причин ходатайство не может быть рассмотрено.

Активность суда в реализации данного положения трудно установить, так как в Судебном департаменте нет подтверждающих статистических данных. Проводя исследование в данном направлении необходимо затронуть обстоятельства, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности и уголовного преследования с назначением штрафа при совершении преступлений экономической направленности. Отсутствие определенных ограничений в порядке применения ст. 25¹ УПК РФ порождает коллизии со ст. 28¹ УК РФ, предусматривающий порядок освобождения по отдельным видам преступлений в сфере экономической деятельности, перечень которых представлен в ч. 1, 3 ст. 28¹ УПК РФ.

Основное различие между нормами состоит в уроне обязательно возмещаемого вреда. Так, сумма судебного штрафа, назначенная в порядке ст. 25 УПК РФ за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 104⁵ УК РФ в случае прекращения уго-

ловного дела и уголовного преследования, не может превышать половины максимального размера. Размер денежного возмещения при прекращении уголовного дела в порядке ст. 28¹ УПК РФ намного больше [2]. В ходе проведенного нами исследования выделена совокупность обстоятельств, необходимая для выполнения органами предварительного расследования и судом, при реализации приведенных в ст. 25¹ УПК РФ, а именно:

- преступление совершено впервые лицом, характеризуется небольшой и средней тяжестью;
- имеются доказательства причастности лица к совершению преступления;
- обвиняемый стремится заградить свою вину - морально и материально;
- подача обвиняемым ходатайства о прекращении уголовного преследования с выплатой судебного штрафа.
- прекращение уголовного процесса с согласия вышестоящих инстанций;

Пристатейный библиографический список

1. Ахмедханова С. Т. Проблемы, связанные с продлением сроков производства предварительного расследования в форме дознания. // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 5. – С. 322-325.
2. Гаврилова М. Н. Судебный штраф в уголовном судопроизводстве: проблемы правоприменения // Прокуратура в системе обеспечения национальной безопасности (Сухаревские чтения): сборник материалов III научно-практической конференции. - М., 2018. – С. 395–404.
3. Лобанова Л. В., Мкртчян С. М. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 111-121.
4. Хайдаров А. А., Диденко Н. С. Принятие судом процессуального решения об отказе в удовлетворении ходатайства следователя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении подозреваемого (обвиняемого) и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Юристы-Правоведь. – 2018. – № 1 (84). – С. 69-74.

ДЗЕЙТОВА Разия Башировна

аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ПРЕСТУПЛЕНИЕ АГРЕССИИ И ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

В статье исследуется проблема привлечения к ответственности за преступление агрессии лиц, применяющих силу в гуманитарных целях (гуманитарная интервенция). В результате рассмотрения основных признаков и изучения правовой природы гуманитарной интервенции, а также признаков состава преступления агрессии, автор приходит к выводу, что выработанное определение преступления агрессии исключает гуманитарную интервенцию. Однако, по мнению автора, некоторые случаи гуманитарной интервенции должны рассматриваться как преступление агрессии.

Ключевые слова: международное уголовное право, акт агрессии, преступление агрессии, гуманитарная интервенция.

DZEYTOVA Raziya Bashirovna

postgraduate student of Criminal law and criminology sub-faculty of the Law Faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

CRIME OF AGGRESSION AND HUMANITARIAN INTERVENTION

The article explores the possibility of prosecuting for the crime of aggression of persons who use force in humanitarian purposes (humanitarian intervention). As a result of the consideration of the main features and the study of the legal nature of humanitarian intervention, as well as the features of the crime of aggression, the author concludes the definition of the crime of aggression excludes humanitarian intervention. However, in the author's opinion, some of the humanitarian intervention cases should be considered as a crime of aggression.

Keywords: international criminal law, act of aggression, crime of aggression, humanitarian intervention.

С принятием и вступлением в силу ст. 8бис Римского статута Международного уголовного суда (далее – МУС), закрепившей определение преступления агрессии, перед правоведами встала проблема квалификации действий лиц, совершивших такой акт агрессии, который по своим характеру, серьезности и масштабу достигал уровня грубого нарушения ООН, однако совершался в целях защиты прав человека, т.е. осуществлявших гуманитарную интервенцию. В данной статье будет изучен вопрос о том, охватывает ли ст. 8бис Римского статута случаи гуманитарной интервенции.

Гуманитарная интервенция.

Зачатки доктрины гуманитарной интервенции появились в работах сторонников школы естественного права – Гуго Гроция и Эмера де Ваттеля [1]. Так, Г. Гроций считал, что явное беззаконие не может быть никем оправдано и «право человеческого общества не упраздняется», поэтому война в целях защиты чужих подданных от угнетения является справедливой [3, с. 1520, 1522]. При этом Г. Гроций признавал, что защита невинных может быть не единственной причиной таких войн: «Известно из древней и новой истории, что жажда присвоения чужого достояния пользуется такого рода предлогами...» [3, с. 1524]. Более того, основатель международного права допускал злоупотребления со стороны государства, осуществляющего интервенцию [2].

В период до Второй мировой войны гуманитарные интервенции были частым явлением (например, вторжение европейских держав для защиты притесняемых христиан Болгарии, Боснии и Герцеговины от Турции (1875 г.) или вооруженное вмешательство объединенных сил европейских держав в Китай для спасения своих граждан и китайских христиан (1901 г.)). Общим признаком гуманитарных интервенций того времени была цель – защита религиозных меньшинств от притеснения [22, р. 186]. При этом, стоит отметить,

что такие интервенции большинством правоведов и юристов того времени признавались обоснованными с точки зрения права [13, р. 24]. Более того, по мнению Люка Главвилла, профессора Австралийского национального университета, «право обращаться к войне, чтобы наказать тиранию и спасти угнетаемых, не понималось как исключение из суверенного права на невмешательство», а признавалось проявлением суверенного права развязывать справедливую войну [12, р. 82].

Принятый в 1945 г. Устав ООН прямо закрепил запрет применения силы (ст. 2 (4) Устава) и исключения в виде применения силы в гуманитарных целях не содержит. Несмотря на это, XXI век ознаменовался крупными гуманитарными кризисами и последовавшими за ними гуманитарными интервенциями. В качестве примеров таких интервенций можно привести военную интервенцию Индии на территорию Восточного Пакистана для спасения местного населения от массовых убийств и преследований (1971 г.), свержение Вьетнамом кровавого режима Пол Пота в Камбодже (1978 г.), ввод Танзанией войск на территорию Уганды для защиты местного населения от режима Иди Амина (1979 г.). Интересным фактом является то, что в перечисленных случаях сами государства не ссылались на проведение гуманитарной интервенции как основного обоснования своих действий. Так, Индия и Танзания объяснили вооруженное вторжение самообороной, допустимой на основании ст. 51 Устава ООН [2].

До сих пор в международных или национальных правовых документах доктрина гуманитарной интервенции не отражена, а в международно-правовой доктрине отсутствует единое понятие этого явления. На основе различных доктринальных определений можно выделить следующие обязательные признаки гуманитарной интервенции: 1) цель гуманитарной интервенции – защита населения, проживающего в государстве, к которому применяется сила; 2) применение вооруженной силы; 3) отсутствие согласия государства, в от-

ношении которого осуществляется интервенция; 4) отсутствие санкции Совета Безопасности ООН (далее – СБ ООН). Таким образом, под гуманитарной интервенцией понимают военное вмешательство на территорию другого государства с целью спасения людей от массовых убийств и иных форм жестокого обращения больших масштабов (например, этнических чисток) [13, р. 180].

Важной для данного исследования является проблема правомерности гуманитарной интервенции, вызывающая споры в зарубежной доктрине. Первая группа правоведов считает, что гуманитарные интервенции не нарушают ст. 2 (4) Устава ООН, т.к. не преследуют цели изменения территории государства и не оспаривают его политическую независимость [20, р. 177], [8]. Кроме того, по мнению некоторых зарубежных правоведов, злоупотребления присутствуют и без гуманитарных интервенций, поэтому правильнее не запрещать гуманитарную интервенцию, а предусмотреть ряд четких правовых критериев, ограничивающих ее [20, р. 249]. Интересным представляется также аргумент о моральной обоснованности гуманитарной интервенции, ведь Устав ООН декларирует также цель защиты прав человека (например, статьи 1(3) или 55(3) Устава ООН), которую государства и выполняют посредством гуманитарных интервенций [21, р. 349].

Вторая группа, напротив, утверждает, что ст. 2 (4) Устава ООН не содержит исключения в виде гуманитарной интервенции, поэтому любое применение силы, даже морально оправданное, является неправомерным [15, р. 246, 247], [28, р. 338]. Также существует огромная вероятность, что применение силы в гуманитарных целях приведет к злоупотреблениям и использованию сильными государствами правовых норм в своих целях [9, р. 213, 215].

Действительно, Устав ООН предусматривает только два исключения из запрета применения силы - индивидуальную или коллективную самооборону государств, а также принудительные меры, применяемые СБ ООН для поддержания международного мира и безопасности. При этом, как для индивидуальной или коллективной самообороны, так и для обращения к принудительным мерам предъявляются строгие требования. В первом случае Международный суд ООН в деле о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа установил, что правомерной самооборона будет только, если вооруженное нападение уже началось, а примененная в целях самообороны сила отвечает критериям «необходимости» и «соразмерности»¹. При этом не любые, даже вооруженные, действия могут быть признаны вооруженным нападением (например, пограничный инцидент не является вооруженным нападением) и, следовательно, применение силы предполагаемым государством-жертвой не будет квалифицировано как правомерная самооборона².

Принудительные меры применяются СБ ООН на основе главы VII Устава ООН и могут быть невооруженными или вооруженными. При этом существует определенный порядок обращения к таким нормам. Для начала Совет Безопасности определяет наличие угрозы миру или нарушения мира или акта агрессии и решает какие меры необходимо предпринять для поддержания или восстановления международного мира и безопасности (ст. 39). Далее СБ ООН, согласно ст. 41

Устава, должен обратиться к принудительным мерам, не связанным с использованием вооруженных сил, перечень которых открыт (например, перерыв экономических отношений или разрыв дипломатических отношений). Только если эти меры могут оказаться или уже оказались недостаточными по мнению Совета Безопасности, он обращается к вооруженным методам (ст. 42). Следует отметить, что Устав ООН не препятствует существованию региональных органов или соглашений для разрешения вопросов, относящихся к поддержанию мира и безопасности, но только если они не противоречат целям и принципам ООН (ст. 52). Кроме того, *без полномочий от Совета Безопасности* никакие принудительные действия в силу этих региональных соглашений или региональными органами предприниматься не могут (ст. 53 (1)).

Что касается аргумента о том, что предпочтительнее закрепить ряд четких правовых критериев, которые ограничили бы гуманитарную интервенцию, то такая попытка была предпринята Международной комиссией по вопросам вмешательства и государственного суверенитета³. Разработанная ею концепция «ответственность по защите» с некоторыми изменениями была закреплена в Резолюции Генеральной Ассамблеи, принятой по итогам Всемирного саммита 2005 г., и предусматривала следующие положения: 1) государство обязано защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности (п. 138); 2) международное сообщество должно содействовать и помогать государствам выполнять эти обязанности, действуя *через ООН* и используя соответствующие *мирные средства* (дипломатические, гуманитарные и иные мирные средства). Если же мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы *явно* окажутся не в состоянии защитить свое население, тогда можно предпринять коллективные действия *через Совет Безопасности* (п. 139)⁴. Однако концепция не увенчалась успехом и доказательством этому служат, например, война в Ираке 2003 г. [29] или авианадары объединенных сил США, Франции и Великобритании по трем объектам правительства г. Дума (Сирия) в ответ на предполагаемую химическую атаку [18].

Часто в дискуссиях о правомерности гуманитарной интервенции высказывается позиция о моральной оправданности такого вмешательства, ведь оно позволяет предотвратить дальнейшее усугубление гуманитарной ситуации. Так, профессор Н. Крылов, заведующий сектором международно-правовых исследований Института государства и права РАН, утверждает, что «право на гуманитарную интервенцию имеет серьезные моральные основы» и «вооруженная сила для спасения жизни людей применялась, применяется и, скорее всего, будет применяться отдельными государствами» [5, с. 237]. Даже если государства могут приостановить нарушения прав человека посредством вооруженного вмешательства в гуманитарных целях, они не желают и не могут предотвратить дальнейшее ухудшение ситуации. Так, например, после обострения конфликта между сербами и албанцами, проживавшими в Косово в период югославских войн в 1997 г., в отношении косовских албанцев были совершены преступления против человечности, военные преступления и этнические чистки [14, р. 76]. Международное сообщество

3 Комиссия создана правительством Канады в 2000 г. под эгидой ООН.

4 Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. A/RES/60/1. 24.10. 2005. П. 138, 139. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.refworld.org.ru/publisher,UNGA,,,478626ea2,0.html> (дата обращения: 13.01.2022).

1 Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. USA). Merits. Judgment. ICJ Reports [1986]. Para 194.

2 Nicaragua v. USA. Para 195.

предпринимало попытки мирно урегулировать конфликт, а СБ ООН издал пять резолюций⁵, в которых осуждал как действия сербских полицейских и военных, так и все террористические акты Армии освобождения Косово⁶, требовал немедленно прекратить боевые действия⁷, не осуществлять репрессивных действий в отношении мирного населения⁸, а также призывал обе стороны к конструктивному диалогу для прекращения кризиса⁹. Члены НАТО решили, что только военное вмешательство может предотвратить преступления против албанцев и защитить политическую стабильность балканских государств [16, р. 3], и без санкции СБ ООН в 1999 г. начали бомбардировки. Авиаудары привели к материальному ущербу (уничтожению населенных пунктов, памятников, промышленной и социальной инфраструктуры) и человеческим потерям, как со стороны сербов, так и со стороны косовских албанцев¹⁰. Последствиями действий военно-воздушных сил НАТО стало не только смерти среди мирного албанского населения, но и сотни тысяч беженцев, которые сбежали в соседние государства, что также привело к дестабилизации ситуации внутри этих государств (например, в Македонии «хрупкий политический баланс между славянами и коренными албанцами оказался под угрозой из-за притока этнических албанцев из Косово»¹¹). Таким образом, действия НАТО привели лишь к новым нарушениям прав албанцев и ухудшили гуманитарную ситуацию в регионе.

Рассматривая вопрос правомерности применения силы, Международный суд ООН в уже упомянутом деле Никарагуа отметил следующее: любая интервенция с применением силы – прямо или косвенно – является нарушением принципа невмешательства, который, согласно общепринятому мнению, запрещает всем государствам прямо или косвенно вмешиваться во внутренние или внешние дела другого государства¹². Также по мнению суда, реализация исключительно гуманитарной цели – обеспечение прав человека – посредством применения силы недопустима¹³. Таким образом, Международный суд ООН прямо запрещает гуманитарную интервенцию, т.к. она противоречит принципу невмешательства и принципу неприменения силы¹⁴. Данное решение было также подтверждено в деле о вооруженной деятельности на территории Конго¹⁵.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что гуманитарная интервенция является неправомерным применением вооруженной силы, посягающей на территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость государства, в отношении которого осуществляется интервенция, а также вмешательством в его внутренние дела.

5 S/RES/1160 (1998). 31 March 1998; S/RES/1199 (1998). 23 September 1998; S/RES/1203 (1998). 24 October 1998; S/RES/1239 (1999). 14 May 1999; S/RES/1244 (1999). 10 June 1998.

6 S/RES/1160 (1998). 31 March 1998. P. 1; S/RES/1199 (1998). 23 September 1998; S/RES/1203 (1998). 24 October 1998. P. 2.

7 S/RES/1199 (1998). 23 September 1998. Para 1.

8 S/RES/1199 (1998). 23 September 1998. Para 5b.

9 S/RES/1203 (1998). 24 October 1998. Para 5.

10 Например, удары по Косовской деревне Кориша, в результате которой 50 албанских беженцев погибли и столько же ранены, или бомбардировки сил НАТО по албанцам, двигавшимся в сторону Албании, в результате которых погибло более 60 человек.

11 Mandelbaum M. Op. cit. P. 3.

12 Nicaragua v. USA. Para 205, 242.

13 Nicaragua v. USA. Para 268.

14 Nicaragua v. USA. Para 205.

15 Armed Activities on the Territory of the Congo (DRK v. Uganda). Judgment. ICJ Reports [2005]. Para 152.

Преступление агрессии и гуманитарная интервенция.

В 2010 г. на Обзорной конференции в г. Кампале была принята резолюция (далее – Кампальская резолюция), содержащая определение преступления агрессии (ст. 8бис Римского статута), новые статьи об особенностях осуществления юрисдикции в отношении преступления агрессии, поправки к Элементам преступления и Положения о понимании в отношении поправок к Римскому статуту, касающихся преступления агрессии. Согласно ст. 8бис Римского статута под преступлением агрессии понимается планирование, подготовка, инициирование или осуществление акта агрессии лицом, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, акта агрессии, который в силу своего характера, серьезности и масштаба является грубым нарушением Устава ООН. Статья 8бис(2) содержит перечень актов агрессии (например, вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства).

В рамках данного исследования важным для изучения представляется пороговое требование преступления агрессии, а именно – требование о достижении актом агрессии, в силу своего характера, масштаба и серьезности, уровня грубого нарушения Устава ООН. Причинами закрепления такого высокого требования, согласно Подготовительным работам к дефиниции преступления агрессии¹⁶ и доктрине [19, р. 126], является исключение пограничных стычек, т.к. они не достигают требуемого уровня тяжести, и тех актов, которые подпадают под так называемую «серую правовую зону». К последним относят гуманитарную интервенцию [6, р. 29].

Прежде, чем перейти к изучению соотношения преступления агрессии и гуманитарной интервенции, следует рассмотреть содержание компонентов порогового требования преступления агрессии. Согласно материалам подготовительных работ [5, р. 76] и доктрине [25, р. 936, 937], термин «масштаб» относится к уровню планирования акта агрессии или географическому охвату, в то время как компонент «серьезность» описывает последствия акта агрессии. Для исключения незначительных пограничных столкновений или ситуаций, подпадающих под «серую правовую зону» (гуманитарных интервенций) был введен термин «характер» акта агрессии. Согласно п. 7 Положений о понимании в отношении поправок к Римскому статуту Международного уголовного суда, касающихся преступления агрессии для установления того, является ли факт агрессии явным нарушением Устава ООН, трех компонентов – характера, тяжести и масштаба – должно быть достаточно для того, чтобы подкрепить определение нарушения как «явного»; и ни один компонент сам по себе не является достаточно значимым для того, чтобы соответствовать стандарту грубого нарушения.

В процессе переговоров о дефиниции преступления агрессии в Кампале делегации не уделили должного внимания вопросу о том, является ли гуманитарная интервенция исключением из ст. 8бис Римского статута или нет. Делегация от США выдвинула предложение о непризнании гума-

16 2006 SWGCA Report. 2008 SWGCA Report // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression / Ed. by S. Barriga, C. Kreß. Camb., 2011. P. 499, 606.

нитарной интервенции актом агрессии, но оно было отклонено.

В зарубежной доктрине высказываются различные точки зрения. Большинство правоведов отмечают, что преступление агрессии на гуманитарную интервенцию не распространяется [26], [17, р. 532] и лица, осуществившие гуманитарную интервенцию, не будут нести ответственность за преступление агрессии, даже если выполняют действия, перечисленные в 8бис(2), ввиду порогового требования [24, р. 892]. Высказывается даже позиция о том, что в случае невыполнении Советом Безопасности обязанностей по поддержанию международного мира и безопасности, односторонняя гуманитарная интервенция – единственный выход, поэтому распространение юрисдикции МУС и на случаи применения силы под гуманитарным предлогом недопустимо [7, р. 384-385].

Согласно противоположной позиции, высказанной профессором Университета Джорджа Вашингтона Шоном Мёрфи, пороговое требование преступления агрессии призвано исключить только незначительные акты применения силы (например, пограничные стычки), а не гуманитарные интервенции, и в истории были гуманитарные интервенции, которые по своему характеру, серьезности и масштабу не уступают любому другому широкомасштабному применению силы, в частности, Вьетнамская интервенция в Камбоджу в 1978 г., вторжение в северный Ирак в 1991 г. или бомбардировки НАТО в 1991 г. [21, р. 362] Автор отмечает, что эти гуманитарные интервенции подпадают под предметную юрисдикцию МУС. На наш взгляд, неверным представляется выбор профессором Мёрфи критериев порогового требования для обоснования своей позиции. Для исключения незначительных столкновений применяются критерии «серьезности» и «масштаба». Гуманитарные интервенции относятся к «серой правовой зоне», т.е. неоднозначным случаям применения силы, которые разработчики дефиниции преступления агрессии также исключили, но только посредством другого критерия – «характер».

Однако возникает вопрос: исключает ли критерий «характера» любые гуманитарные интервенции?

Если признать верной позицию большинства авторов, признающих гуманитарную интервенцию нелегальной, то любая интервенция, при достижении в силу характера, серьезности и масштаба уровня грубого нарушения Устава ООН, должна однозначно признаваться преступлением агрессии.

Иначе обстоит дело, если занять позицию меньшинства, по мнению которых, как уже упоминалось, применение силы в гуманитарных целях допустимо Уставом ООН (даже в отсутствие разрешения Совета Безопасности ООН). Стоит также упомянуть, что сторонники данной теории имеют в виду подлинные гуманитарные интервенции, т.е. те, главной целью которых является предотвращение угнетения населения. Можно ли в данном случае однозначно утверждать, что гуманитарная интервенция, даже достигающая необходимого порогового уровня, является преступлением агрессии? Сложность при ответе на поставленный вопрос, как верно подмечает профессор Т. Данненбаум, заключается в том, что «при настоящих и соразмерных гуманитарных интервенциях сила применяется только для защиты населения от преступлений», в отличие от состава агрессии, т.е. в таких интервенциях отсутствует «неправомерность агрессии» [10, р. 1296]. При этом автор признает, что в случае преступления агрессии, как и в случае гуманитарной интервенции,

осуществляется применение силы, которое «оказывает значительное воздействие на политическую независимость или территориальную неприкосновенность государства-жертвы» [10, р. 1297].

Ноа Вейсборд считает, что настоящие гуманитарные интервенции следует исключить из юрисдикции МУС и перед судьями встанет три возможных варианта: 1) встроить гуманитарную интервенцию в уже существующие исключения из применения силы; 2) применить разработанную Томасом Франком доктрину консенсуса (суть которой заключается в сохранении целостности действующего режима применения силы до тех пор, пока не наступят чрезвычайные обстоятельства, и неукоснительное следование нормам не поставит под удар мир и справедливость) и 3) строгое толкование ст. 2(4) и признание применения вооруженной силы не достигающим уровня грубого нарушения [30, р. 160]. Сам автор считает наиболее подходящим третий вариант, при котором судьи МУС, опираясь на критерий характера действий, должны в каждом конкретном случае определять была ли атака агрессивного или гуманитарного «характера» [30, р. 167]. Кроме того, материалы подготовительных работ, по мнению Ноа Вейсборда, свидетельствуют о нежелании признавать гуманитарные интервенции «грубым» нарушением Устава ООН [30, р. 165].

Делать вывод о том, что разработчики дефиниции преступления агрессии желали исключить гуманитарную интервенцию из действия ст. 8бис, на наш взгляд, представляется неверным, т.к. данный вопрос не обсуждался на встречах делегаций. Бет ван Шаак отмечает, что делегации боялись пошатнуть достигнутое соглашение касательно дефиниции преступления агрессии и юрисдикции МУС, поэтому вопрос о гуманитарной интервенции обсуждать не стали [27].

Заключение.

Бутрос Бутрос Гали, генеральный секретарь ООН (1992-1996), в своем докладе «повестка дня для мира» заявил, что после создания ООН «в мире произошло более 100 крупных конфликтов, в которых погибло около 20 миллионов человек», однако ООН не смогла в этих кризисных ситуациях предпринять необходимые действия «из-за тех – в общей сложности 279 – вето, которые были использованы в Совете Безопасности»¹⁷. Неспособность СБ ООН эффективно выполнять обязанности, предусмотренные главой VII Устава ООН, привела к тому, что некоторые государства полагают, что они вправе решать, вмешиваться на территорию другого государства или нет, предотвращая в качестве сопутствующей миссии массовые нарушения прав человека. Обращение государств к гуманитарным интервенциям не является правомерным и эффективным способом предотвращения массовых нарушений прав человека. Данная обязанность возложена на Совет Безопасности, поэтому государствам следует содействовать СБ ООН в поддержании и сохранении международного мира и безопасности. Кроме того, в некоторых гуманитарных интервенциях применение силы является настолько несоразмерным, что они достигают уровня грубого нарушения Устава ООН. Приведенные профессором Ш. Мёрфи примеры подтверждают, что такие гуманитарные

17 Доклад Генерального секретаря на 47 сессии Генеральной Ассамблеи. Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира. A/47/277. 02.06.1992. П. 14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/289/17/IMG/N9228917.pdf?OpenElement> (дата обращения: 13.01.2022).

интервенции имели место. Поэтому, на наш взгляд, некоторые гуманитарные интервенции действительно подпадают под действие преступления агрессии и, даже если одним из многочисленных мотивов была защита прав человека, такие действия должны преследоваться по ст. 8бис Статута. В любом случае, судьи МУС должны будут решать, можно ли признать такое применение силы преступлением агрессии или нет.

Пристатейный библиографический список

1. Ваттель Э., де. Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. - М., 1980.
2. Грохотова В. В. Становление и развитие концепции «гуманитарной интервенции». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=11&art=392> (дата обращения: 18.10.2021).
3. Гроций Г. О праве войны и мира. Репринт с изд. 1956 г. - М., 1994.
4. Крылов Н. Б. Международная безопасность, вооруженная сила и массовые нарушения прав человека // Труды Института государства и права РАН. - 2013. - № 1.
5. Anggadi F., French G., Potter J. Negotiating the Elements of the Crime of Aggression, in Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression (Stefan Barriga & Claus Kreß eds, 2011).
6. Barriga S. Negotiating the Amendments on the crime aggression // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression / Ed. by S. Barriga, C. Kreß. Cambr., 2011
7. Byers M., Leclerc-Gagne E. A Question of Intent: The Crime of Aggression and Unilateral Humanitarian Intervention // Case W. Res. J. Int'l L. - 2009. - Vol. 41. - Issue 2.
8. Chilstrom R. Humanitarian Intervention Under Contemporary International Law: A Policy-Oriented Approach. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1003&context=yjil> (дата обращения: 09.10.2021). - P. 98.
9. Clark R. Humanitarian Intervention: Help to your friends and state practice // Georgia J. Int'l & Comp. - L. 1983. - Vol. 13.
10. Dannenbaum T. Why have we criminalized aggressive war? // The Yale L. J. - 2017. - Vol. 126.
11. Fonteyne J-P. The Customary International Law Doctrine of Humanitarian Intervention: Its current validity under the UN Charter // California Western Int'l L. J. - 1974. - Vol. 4. - N. 2.
12. Glanville L. The Myth of "Traditional Sovereignty" // The Int'l Studies Quarterly. - 2013. - Vol. 57.
13. Heraclides A. Humanitarian Intervention Yesterday and Today: A History // Eur. Rev. Int'l Studies. - 2015. - Vol. 2.
14. Kay S. After Kosovo: NATO's Credibility Dilemma // Security Dialogue. - 2000. - № 1.
15. Lane E. Mass Killing by Governments: Lawful in the World Legal Order? // Int'l L. & Politics. - 1979. - Vol. 12.
16. Mandelbaum M. A Perfect Failure. NATO's War against Yugoslavia // Foreign Affairs. - 1999. - Vol. 78. - № 5.
17. Marschner L., Olma I. The First Review Conference of the International Criminal Court // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik. - 2010. - Vol. 9.
18. Milanovic M. The Syria Strikes: Still Clearly Illegal. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ejiltalk.org/the-syria-strikes-still-clearly-illegal/> (дата обращения: 13.01.2022).
19. McDougal M., Reisman M. Humanitarian intervention to protect the Ibos // Humanitarian Intervention and the United Nations / Ed. by Richard Lillich. Charlottesville, 1973.
20. McDougall C. Crime of Aggression under the Rome Statute. Cambr., 2017.
21. Murphy S. Criminalizing Humanitarian Intervention // Case W. Res. J. Int'l L. - 2009. - Vol. 41. - Issue 2.
22. Oppenheim L. International Law: A Treaties. Vol. I. - New York, 1905.
23. Roberts A. Legality vs Legitimacy: Can Use of Force be Illegal but Justified // Human Rights, Intervention, and the Use of Force. Ed. by Ph. Alston, E. Macdonald. - Oxford, 2008.
24. Ruys T. Criminalizing Aggression: How the Future of the Law on the Use of Force Rests in the Hands of the ICC // Eur. J. Int'l L. - 2018. - Vol. 29. - № 3.
25. Trahan J. A Meaningful Definition of the Crime of Aggression: A Response to Michael Glennon // University of Pennsylvania J. Int'l L. - 2012. - Vol. 33.
26. Trahan J. The Rome Statute's Amendment on the Crime of Aggression Negotiations at the Kampala Review Conference. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.derechos.org/nizkor/aggression/doc/jtrahan1.html> (дата обращения: 20.10.2021).
27. Van Schaack B. 'The Grass that Gets Trampled When Elephants Fight': Will the Codification of the Crime of Aggression Protect Women? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/228150452> (дата обращения: 17.10.2021). - P. 36.
28. Waldock H. The regulation of the Use of Force by Individual States in International Law // D. Wolf. Humanitarian Intervention / Michigan J. Int'l L. 1988. - Vol. 9. - Issue 1.
29. Weiss Th. Whither R2P? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.files.ethz.ch/isn/181082/R2P.pdf> (дата обращения: 13.01.2022).
30. Weisbord N. Judging Aggression // Columbia J. Trans. L. - 2011. - Vol. 50.

ИЛИДЖЕВ Александр Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД Казанского юридического института МВД России

УСТАНОВЛЕНИЕ СУДИМОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

В статье с учетом материалов судебной практики, а также различных подходов в теории уголовного права раскрываются родовые и видовые признаки судимости, имеющие уголовно-правовое значение. При проведении сравнительного исследования различных точек зрения по данному вопросу, а также в ходе понятийно-терминологического анализа выявляются их общие и отличительные черты. Приводятся конкретные проявления учета судимости и определяется ее понятие.

Ключевые слова: осуждение, вид, родовой признак, подход, рецидив преступлений.

ILIDZHEV Aleksandr Alekseevich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative law, administrative activities and management of internal affairs bodies sub-faculty of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia

Илиджев А. А.

ESTABLISHING A CRIMINAL RECORD UNDER THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

The article, taking into account the materials of judicial practice, as well as various approaches in the theory of criminal law, reveals the generic and specific signs of a criminal record that have criminal - legal significance. When conducting a comparative study of various points of view on this issue, as well as in the course of conceptual and terminological analysis, their common and distinctive features are revealed. Specific manifestations of criminal record accounting are given and its concept is determined.

Keywords: conviction, type, generic character, approach, recidivism.

Для раскрытия признака судимости естественно обращение к ст. 86 УК РФ. В то же время в ней понятие судимости отсутствует.

Вместе с тем, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 – 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» сказано, что судимость «представляет собой правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление и влекущее при повторном совершении этим лицом преступления установленные уголовным законодательством правовые последствия».

В теории существует несколько подходов к понятию судимости. Причем расхождения начинаются уже при определении ее родового признака.

Один подход, как и решение Конституционного Суда РФ, видит в судимости (особое) правовое (юридическое, уголовно-правовое) состояние соответствующего лица (М. В. Грамматчиков, А. В. Ульянов, И. Н. Самылина, Г. Галбат и др.) [2, с. 8-9; 3, с. 7; 8, с. 27-30; 13, с. 39; 15, с. 8]. Второй подход определяет судимость через правовое положение лица (А. Ю. Маршенов, А. Я. Гришко, А. М. Потапов и др.) [4, с. 97; 10, с. 5]. Третий подход находит судимостью следствие (юридическое, социально-правовое) осуждения лица (Ю. М. Ткачевский, Г. Ю. Зинин, Н. Г. Иванов и др.) [5, с. 8; 6, с. 516;

7, с. 295]. Четвертый подход рассматривает судимостью юридический (официально удостоверенный) факт осуждения лица (М. Н. Становский, Х. Г. Шаутаева и др.) [14, с. 165; 16, с. 6]. Пятый подход предполагает, что судимость – мера безопасности (В. П. Малков, И. Г. Возжанникова и др.) [1, с. 73; 9, с. 90]. Шестой подход исходит из того, что судимость – это комплекс ограничений прав и свобод лица и возложенных на него дополнительных обязанностей (В. А. Якушин и др.) [12, с. 1046].

Отмеченные разногласия не позволяют согласиться с А. Я. Гришко и А. М. Потаповым в том, что различные точки зрения по определению понятия судимости по своему содержанию не имеют принципиальных отличий. Нам думается, что приведенные родовые признаки судимости, как правило, не сводимы друг к другу.

В соответствии с предписаниями ч. 1 ст. 86 УК РФ в отношении судимости ясно, что, во-первых, лицо должно быть осуждено за совершение преступления, во-вторых, оно считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости, в-третьих, уголовно-правовое значение судимости заключается в том, что она учитывается при признании рецидива преступлений и назначении наказания. Получается, что судимость, с одной стороны, является характеристикой лица, с другой стороны, в уголовном праве до совершения нового преступления никак не проявляет себя.

Мы не берем в расчет то, что в соответствии с ч. 1 ст. 86 УК РФ судимость влечет за собой иные правовые последствия в случаях и в порядке, которые установлены федеральными законами. Причиной такого подхода является то, что на основании ч. 6 той же статьи погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные на-

стоящим Кодексом, связанные с судимостью. Говоря иначе, УК РФ, породив не уголовно-правовые последствия судимости, по нашему мнению, никак на них не влияет, да и не может влиять в силу специфики своего предмета и метода регулирования.

В русском языке состояние раскрывается, в том числе, через положение, а положение – в том числе через состояние [11, с. 555, 751]. Если принять во внимание данное обстоятельство, то напрашивается вывод, что родовым признаком судимости оправданно рассматривать определенное уголовно-правовое как состояние, так и положение лица.

Видовыми признаками судимости в уголовно-правовой литературе (А. Я. Гришко, А. М. Потапов Г. Ю. Зинин и др.) [4, с. 9; 5, с. 8] считаются, в частности: возможность наступления определенных уголовно-правовых и общеправовых последствий для осужденного; сопряженность с определенными правовограничениями; назначение осужденному реального наказания за совершенное преступление; социально-правовой контроль за поведением осужденного; обусловленность фактом осуждения к определенной мере наказания и др.

Чтобы понять, какие из признаков действительно являются видовыми для судимости, необходимо вновь обратиться к соответствующим положениям Общей части уголовного законодательства.

Согласно им (ч. 3-5 ст. 86 УК РФ) судимость погашается или снимается по истечении либо испытательного срока при условном осуждении, либо соответствующего срока после отбытия или исполнения (полностью или частично) наказания в остальных случаях. Тем самым судимыми являются не просто лица, которые осуждены за совершение преступления, но которым назначено наказание. Причем последнее важнее прочего, ибо в ч. 2 ст. 86 УК РФ установлено, что «лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым», хотя осуждение за совершение преступления в данном случае, конечно же, происходит. Отсюда одним из видовых признаков судимости вполне правомерно считать подверженность наказанию.

По УК РФ конкретные проявления учета судимости проявляются в следующем:

- неприменение видов освобождения от уголовной ответственности, которые применимы только к лицам, совершившим соответствующие преступления впервые (ст. 75, 76, 76.1 и 76.2);

- неприменение вида освобождения от наказания, который применим лишь к лицам, совершившим соответствующие преступления впервые (ст. 80.1);

- назначения обычного наказания (ч. 1 ст. 284.1);

- назначение повышенного наказания в пределах санкции статьи Особенной части (п. «а» ч. 1 ст. 63, ч. 2 ст. 68);

- назначение наказания в повышенных пределах санкции статьи Особенной части (ч. 5 ст. 131 и 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135, ч. 2 ст. 204.2, 264.1 и 291.2);

- повышение верхнего предела наказания, установленного в санкции статьи Особенной части (ч. 2 и 3 ст. 70);

- применение более строгого вида исправительного учреждения при назначении лишения свободы (п. «б», «в», «г» ч. 1, ч. 2 ст. 58).

В приведенных положениях ярко подчеркивается роль судимости в УК РФ. Она влияет на усиление уголовной ответственности при совершении нового преступления. Это также видовой признак судимости.

Других законодательных признаков судимости мы не находим. Поэтому под ней нами понимается уголовно-пра-

вовое состояние (положение) лица, характеризующееся подверженностью наказанию и влекущее усиление уголовной ответственности при совершении нового преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Возжанникова И. Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2016. - 203 с.
2. Галбат Г. Институт судимости по уголовному законодательству Монголии и России (сравнительно-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2008. - 29 с.
3. Грамматчиков М. В. Судимость: исторический, уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Красноярск, 2002. - 23 с.
4. Гришко А. Я., Потапов А. М. Амнистия. Помилование. Судимость. - М.: Университетская книга, 2010. - 288 с.
5. Зинин Г. Ю. Судимость как последствие уголовно-правового осуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Рязань, 2014. - 23 с.
6. Иванов Н. Г. Уголовное право. Общая часть: учебник для академического бакалавриата. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2016. - 559 с.
7. Курс уголовного права. В 5 т. Общая часть: учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. - М.: Зерцало - М, 2002. - Т. 2. - 464 с.
8. Лобанова Л. В., Терешин Д. А. Понятие судимости по действующему уголовному законодательству России // Российский судья. - 2007. - № 9. - С. 27-30.
9. Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. - Казань: Таглитат, 2006. - 140 с.
10. Маршенов А. Ю. Развитие института судимости в уголовном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Д., 2002. - 198 с.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 4-е изд., доп. - М.: ООО ТЕМП, 2006. - 944 с.
12. Полный курс уголовного права. В 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. - Т. 1. - 1133 с.
13. Самылина И. Н. Множественность преступлений: учеб. пособие. - В. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. - 194 с.
14. Становский М. Н. Назначение наказания. - СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. - 480 с.
15. Ульянов А. В. Судимость и правовые последствия ее реализации: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2006. - 159 с.
16. Шаугаева Г. Х. Судимость в уголовном праве России и ее правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Ижевск, 2000. - 28 с.

ЛАКЕЕВ Алексей Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Института Академии ФСИН России

КУЗЬМИН Сергей Спиридонович

старший преподаватель кафедры уголовного права Института Академии ФСИН России

ОСУЖДЕННЫЙ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с характеристикой осужденного, выступающего в качестве специального субъекта ряда преступлений. Проанализированы его признаки применительно к конкретным составам преступлений (ст. 313, 314, 314.1 УК РФ). Выявлены некоторые неясности и неполнота их регламентации, в ряде случаев создающие проблемы применения соответствующих норм, внесены предложения по устранению.

Ключевые слова: субъект преступления, специальный субъект преступления, осужденный, побег, уклонение от ограничения свободы, уклонение от лишения свободы, уклонение от принудительных мер медицинского характера, административный надзор.

LAKEEV Aleksey Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Institute of the Academy of the FPS of Russia

KUZMIN Sergey Spiridonovich

senior lecturer of Criminal law sub-faculty of the Institute of the Academy of the FPS of Russia

CONVICTED AS A SUBJECT OF CRIME

The article deals with issues related to the characteristics of a convict acting as a special subject of a number of crimes. Its features in relation to specific elements of crimes (Articles 313, 314, 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) are analyzed. Some ambiguities and incompleteness of their regulation have been revealed, in some cases creating problems in the application of the relevant norms, proposals have been made for elimination.

Keywords: the subject of the crime, the special subject of the crime, the convict, escape, evasion of restriction of liberty, evasion of deprivation of liberty, evasion of coercive measures of a medical nature, administrative supervision.

УК РФ предусматривает значительное число составов преступлений со специальным субъектом, одним из которых является лицо, осужденное судом с назначением соответствующего наказания. Выделение осужденного в качестве специального субъекта обусловлено необходимостью охраны специфических общественных отношений, в рамках которых осуществляется его исправление.

В качестве специального субъекта осужденный присутствует в ряде составов преступлений, устанавливающих ответственность за его поведение, препятствующее исполнению наказания. К числу таковых относятся побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ), злостное уклонение от отбывания ограничения свободы, назначаемого в качестве дополнительного наказания (ч. 1 ст. 314 УК РФ), а также уклонение от лишения свободы (ч. 2 ст. 314 УК РФ).

В советском уголовном праве, по сравнению с ныне действующим законодательством, осужденные в качестве специального субъекта присутствовали в большем количестве составов преступлений, что объясняется наличием в нем некоторых наказаний, которые исключены из УК РФ. Так, УК РСФСР 1960 г., наряду с существующими ныне аналогичными составами (ст. 313, 314 УК РФ), к числу таковых относил, в частности, побег с места ссылки или из лечебно-трудового, либо воспитательного профилактория (ст. 186), самовольное возвращение высланного в места, запрещенные для проживания (ст. 187). Уголовный закон также устанавливал ответственность за невыполнение приговора суда о лишении лица права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью лицом, в отношении которого вынесен приговор (ч. 1 ст. 188. 2 УК РСФСР), а также за злостное неповиновение лицом, отбывающим наказание в местах лишения свободы, законным требованиям администрации исправительно-трудового учреждения (ст. 188. 3 УК РСФСР).

Субъектами преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи», являются как осужденные к лишению свободы по приговору суда, так и направленные в исправительные учреждения порядке замены отдельных видов наказания или отмены некоторых иных мер уголовного правового характера. Ими могут быть и осужденные к наказанию в виде ареста, в том числе военнослужащие, отбывающие его на гауптвахте. Субъектами побега не признаются военнослужащие, которым назначено наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части. Оставление ее квалифицируется по ст. 337 УК РФ «Самовольное оставление части или места службы» либо по ст. 338 УК РФ «Дезертирство».

Не может быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, лицо, осужденное на отбывание наказания в колонии-поселении, уклонившееся от получения предписания о порядке следования к месту отбывания наказания самостоятельно на основании статьи 75.1 УИК РФ по вступившему в законную силу приговору либо получившее данное предписание, но не прибывшее в колонию-поселение.

Решение вопроса о признании или непризнании осужденного субъектом данного преступления предполагает разрешение нескольких ситуаций, в возникающих в случае побега лиц, осужденных незаконно; необоснованно содержащихся в местах лишения свободы; если их жизни угрожает опасность. Позиция, в соответствии с которой субъектом данного преступления не может быть лицо, которое было незаконно осуждено, достаточно распространена в литературе, хотя и требует уточнения. Незаконность в данном случае должна быть подтверждена соответствующим решением суда, признавшим осужденного невиновным в совершении инкриминируемого деяния.

Лакеев А. А.

Кузьмин С. С.

Не является субъектом рассматриваемого преступления необоснованно содержащиеся в местах лишения свободы лица: а) находящиеся в исправительном учреждении по приговору суда, если в отношении его приговор отменен в кассационном или надзорном порядке с прекращением дела, либо изменен; б) отбывающие наказание в виде лишения свободы, которые освобождены от наказания в силу применения акта об амнистии или в порядке помилования; в) отбывшие срок наказания; г) освобожденные от наказания по основаниям, предусмотренным уголовным законом (условно-досрочно, в порядке замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания и др.); д) отбывающие наказание в местах лишения свободы за деяния, преступность и наказуемость которых устранена новым законом, а также, если новым законом в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации наказание в виде лишения свободы за совершенное ими преступление, не предусмотрено.

Так, Верховный Суд Республики Татарстан, отменяя приговор Чистопольского городского суда по делу Е., указал, что действия лица, самовольно покинувшего место лишения свободы после вступления в силу закона, декриминализирующего его действия, не образуют состав преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ¹.

Представляется, что не может быть признан субъектом преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, осужденный, который вынужденно покидает место лишения свободы при наличии реальной угрозы его жизни. Впрочем, в литературе на этот счет имеется и другая точка зрения. Так, А. В. Бриллиантов и Н. Р. Косевич указывают, что при возникновении угрозы личной безопасности осужденный вправе обратиться к любому должностному лицу места лишения свободы или арестного дома с просьбой об обеспечении личной безопасности, что обязывает этих должностных лиц немедленно принять необходимые меры по защите осужденных от грозящей опасности (ст. 13 УИК РФ). Следовательно, побег как обстоятельство крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) недопустим [1, с. 445]. На первый взгляд, данное суждение верно. Однако возникает вопрос о разрешении подобной ситуации в том случае, если должностные лица бездействуют, не выполняют возложенных на них обязанностей. Следует ли осужденному дожидаться реализации угрозы или он может принять доступные ему меры, в частности, покинуть место лишения свободы? Если следовать логике вышеуказанных авторов, то ему остается только первое. На наш же взгляд, в данном случае, применение правил, предусмотренных ст. 39 УК РФ «Крайняя необходимость», допустимо, поскольку жизнь более значима, по сравнению с интересами правосудия и нормальной деятельностью соответствующего учреждения, являющихся объектами рассматриваемого преступления.

Осужденный в качестве специального субъекта присутствует также и в ст. 314 УК РФ «Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера».

Так, ч. 1 ст. 314 УК РФ устанавливает ответственность за злостное уклонение лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания. Диспозиция данной нормы является бланкетной. Понятие злостного уклонения в уголовном законе не сформулировано, однако его сущность вытекает из содержания ч. 4 ст. 58 УИК РФ, где определены основания признания лица злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы. При этом уголовная ответственность за совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ, наступает в случае, когда ограничение свободы назначено осужденному в качестве дополнительного наказания.

Часть вторая ст. 314 УК РФ, по существу, выделяет три категории лиц, которые могут быть субъектами данного состава. Это осужденный, отбывающий наказание в местах лишения свободы, которому был разрешен выезд за пределы исправительного учреждения, не вернувшееся назад по истечении срока выезда. Порядок и условия предоставления подобных выездов определен в ст. 97 УИК РФ.

Субъектами данного преступления могут быть также осужденные к лишению свободы, которым была предоставлена отсрочка исполнения приговора (ст. 398 УПК РФ), либо

отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ), не явившиеся в соответствующий орган уголовно-исполнительной системы по истечении срока отсрочки.

Рассмотренные выше составы, где осужденный выступает в качестве специального субъекта, предполагает, что наказание в отношении него еще не исполнено. Однако в определенных случаях у лица, которое уже отбыло наказание, остаются определенные обязанности, неисполнение которых влечет наступление для него негативных уголовно-правовых последствий.

Так, ч. 3 ст. 314 УК РФ устанавливает ответственность за уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, от применения к нему принудительных мер медицинского характера. Указанная мера предусмотрена п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, которая определяет возможность ее назначения лицам, совершившим в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости. Уголовная ответственность за подобное поведение наступает в случае, когда принудительные меры медицинского характера применяются к лицу после отбытия наказания.

Криминализация подобного поведения объясняется повышенной общественной опасностью личности осужденного, склонностью его к рецидиву совершения сексуальных преступлений.

К сожалению, признак уклонения лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, от применения к нему принудительных мер медицинского характера, в настоящее время характеризуется неопределенностью. Его понятие в уголовном законе не сформулировано. Оно не может быть определено и в уголовно-исполнительном законодательстве, поскольку в ч. 3 ст. 314 УК РФ речь идет о лице, отбывшем наказание. Вариантом устранения пробела может явиться дополнение Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» пунктом, где содержится бы соответствующее разъяснение. Полагаем, что уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, от применения к нему принудительных мер медицинского характера может иметь место в случаях нарушения порядка и условий лечения в течение определенного периода времени после письменного предупреждения или, когда оно скрылось и его местонахождение неизвестно.

В целом же структура ст. 314 УК РФ, на наш взгляд, отличается излишне сложной архитектурой. По сути, она включает несколько отдельных составов преступлений, каждый из которых характеризуется самостоятельным субъектом. При этом в ней устанавливается ответственность не только за уклонение двух видов наказаний, но и от принудительных мер медицинского характера, которая представляет собой самостоятельную категорию уголовного права. Очевидно, что в данном случае нет необходимости отступать от схемы «одна статья – один состав» и целесообразно разделить ст. 314 УК РФ на три отдельных статьи, самостоятельно устанавливающих ответственность за данные деяния.

Таким образом, составов преступлений, в которых осужденный выступает в качестве специального субъекта, относительно немного, что объясняется узкой сферой деятельности, обусловленной исполнением наказания или закреплением его результатов. Однако существующие в Особенной части уголовного права соответствующие составы далеко не всегда точно описывают признаки специального субъекта, что в определенной ситуации создает сложности в правоприменительной деятельности. Они могут быть устранены путем корректировки соответствующих норм либо дополнительными разъяснениями Верховного Суда РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Бриллиантов А. В., Косевич Н. Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. - М.: Проспект, 2008. - 560 с.

1 См.: Судебная практика по уголовным делам Верховного суда Республики Татарстан. https://sudpraktika.com/sudtext1/sudobur_6268.htm (дата обращения: 08.12.2021).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-271-272

МАГОМЕДОВА Арапат Исаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

АСЛАНОВ Тагир Замирович

магистрант 3 курса кафедры уголовного права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

В существующих реалиях в современном мире немаловажное значение приобрело изучение обстоятельств, исключающих преступность деяния. Изучение данного института уголовного права может повлиять не только на теоретические основы, но и на правоприменительную практику. Многие авторы современного уголовного права говорят о неэффективности существующих подходов к определению и квалификации обстоятельств, которые исключают преступность деяния. Проведя исследование, мы пришли к выводу, что обстоятельства, исключающие преступность, имеют положительный характер, так как они не только общественно полезные, но и имеют немаловажную социальную значимость, что позволяет нам говорить о необходимости скорректировать их максимально комфортно для субъектов применения.

Ключевые слова: преступность деяния; исключительные обстоятельства; совокупность условий, эффективность подходов.

MAGOMEDOVA Arapat Isaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the North Caucasian Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

ASLANOV Tagir Zamirovich

magister student of the 3rd course of Criminal law sub-faculty of the North Caucasian Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE APPLICATION OF CIRCUMSTANCES EXCLUDING THE CRIMINALITY OF THE ACT

In the existing realities in the modern world, the study of circumstances excluding the criminality of the act has acquired importance. The study of this institute of criminal law can affect not only the theoretical foundations, but also law enforcement practice. Many authors of modern criminal law speak about the ineffectiveness of existing approaches to the definition and qualification of circumstances that exclude the criminality of the act. After conducting a study, we came to the conclusion that the circumstances excluding crime have a positive character, since they are not only socially useful, but also have an important social significance, which allows us to talk about the need to adjust them as comfortably as possible for the subjects of application.

Keywords: criminality of the act; exceptional circumstances; set of conditions, effectiveness of approaches.

Эффективная защита личности, общества и государства от общественно опасного посягательства обеспечивается не только установлением соответствующих уголовно-правовых запретов, но и путем регламентации правомерного причинения вреда при защите от общественно опасных посягательств, задержании лиц, совершивших общественно опасные деяния, и при устранении опасности. Тем самым обеспечивается реализация положений ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, согласно которой каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

С момента закрепления в УК РФ института обстоятельств, исключающих преступность деяния, возникли и до сегодняшнего дня остаются нерешенными целый ряд проблем как правотворческого, так и правоприменительного характера, устранение которых необходимо для организации правильного отправления правосудия и укрепления законности в правовом обществе, обеспечения защиты прав граждан от преступных и иных общественно опасных посягательств [1].

Данную проблему не решило и то обстоятельство, что данный институт законодатель обременил в главу Уголовного кодекса России. Современные теоретики и практики не могут сойтись по многим аспектам обстоятельств, исключающих преступность деяния, в частности и в теоретико-практическом определении признаков обстоятельств. Теоретики и практики, изучающие тему нашего исследования, чаще рассматривают конкретный признак или же обстоятельство, исключающее преступность деяния, но редко уделяют внимание изучению этих обстоятельств в совокупности и взаимоотношении между собой.

Интересным представляется рассмотрение того, что советские теоретики уголовного права придерживались мнения того, что отсутствует общественная опасность как обязательный признак преступления [2], или указывают на отсутствие противоправности [3], либо отмечают отсутствие признака виновности [4].

Исходя из сути противоправного деяния общественная опасность в принципе не может отсутствовать, так как причиняет вред основному объекту уголовно-правовой охраны. Интересно, что А. В. Никуленко в своей работе «Роль обстоятельств, исключающих преступность деяния, в современных реалиях противодействия преступности» пишет, что наряду с общественной опасностью преступность деяния может исключаться только в том случае, что отсутствует вина лица, следовательно, нет и противоправного деяния, совершаемого под угрозой уголовной ответственности [5].

Так, не утихают споры о пределах необходимой обороны, превышение которых влечет наступление уголовной ответственности [6]. Также, определенные трудности вызывает то обстоятельство, что помимо тех оснований, которые указаны в Главе 8 УК РФ, подобные положения можно найти и в нормах Особенной части УК РФ (примечания к ст. 151, 308, 316, 322 УК РФ¹), и, как отмечает А.Н. Зенкин, даже в разъяснительных актах Верховного Суда

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Российской Федерации, как это имело место с «провокацией преступления» [7].

Весьма дискуссионным признаком исследуемых обстоятельств является их социальное содержание, определяется ли такое содержание исключительно положительным эффектом от деяния лица, или таким обстоятельством может быть признано поведение с негативным эффектом, но не превышающее «пороговых значений» преступного деяния. Как представляется, здесь стоит согласиться с Д.А. Дорогиним о том, что социальное содержание не может быть положено в основу оценки обстоятельств, исключающих преступность деяния [8]. Далее, как отмечает указанный автор, необходимо разграничивать само поведение и обстоятельство, при наличии которого оно как факт, подлежащий правовой оценке, имеет место. Как обоснованно заметила по этому поводу А.И. Ситникова: «обстоятельства - это не деяния в форме действия или бездействия, а специфические условия, наличие которых определяет совершение общественно полезных или социально-оправданных действий (бездействия), причиняющих вред правоохраняемым интересам. Деяния и обстоятельства не являются синонимами, их отождествление вносит путаницу в значение слов» [9].

В связи с этим можно утверждать, что обстоятельствами, исключающими преступность деяния, следует признавать не собственно действия или бездействие лица, так как эти действия/бездействия по существу образуют объективную сторону противоправного деяния, а ту ситуацию, или те обстоятельства, в которых эти действия/бездействие совершены. Это может быть ситуация, при которой под угрозу поставлены объекты уголовно-правовой защиты, и пресечение такой угрозы иным способом, или иным действием/бездействием, кроме как содержащим внешние признаки уголовно-наказуемого деяния, не предотвратить. Разумеется, определяющим здесь будет соотношение причиняемого и предотвращаемого вреда. Поэтому, как представляется, основным моментом для определения содержания анализируемых обстоятельств является установление тех правовых последствий, которые наступают в результате деяния лица в установленных законом обстоятельствах, последствием которых является невозможность наступления уголовной ответственности за деяние, совершенное при наличии установленных законом обстоятельств.

Представляется интересным рассмотреть «внешний фактор», который является составляющим преступного деяния. «Внешний фактор» как основание, исключающее преступность деяния должно быть весомым обстоятельством, которое позволит не только оправдать вред, причиненный деянием, но и сможет быть основой построения социальной справедливости при оправдании деяния обществом. Рассматриваемые основания представляют собой, как правило, исключительные по содержанию, сложные по составу и объективные по характеру факты реальной действительности, вызывающие и оправдывающие совершение правомерных поступков, связанных с причинением вреда объектам уголовно-правовой охраны [10].

Законодатель при расширении обстоятельств, указанных в главе 8 УК РФ, не разделил, а наоборот, смешал различные по социальной природе и значению обстоятельства, что в юридической литературе не редко критикуется как теоретиками, так и практиками. Интересным так же представляет то, что в обществе в силу специфики, рассматриваемой темы так же существует понятие «общественно приемлемое/допустимое поведение».

В связи с изложенным представляется необходимым отметить вопрос соотношения обстоятельств, исключающих преступность деяния, и обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности (Глава 11 УК РФ). Как представляется, главное отличие этих двух видов обстоятельств, при которых лицо избегает уголовной ответственности и не несет наказания за содеянное, заключается в том, что декриминализирующим аспектом обстоятельств, указанных в Главе 8 УК РФ, является, как указано выше, совершение деяния в особых условиях, в ситуац, которая является главным критерием ненаказуемости. Для обстоятельств, предусмотренных Главой 11 УК РФ, таким «декриминализирующим»

критерием выступает собственно поведение субъекта, вне зависимости от условий совершенного им деяния, и, что особо стоит отметить, поведения «пост-криминального», такого как возмещение ущерба, раскаяние, уплата штрафа. Главным в главе 11 УК РФ стоит норма об освобожден от ответственности в связи с истечением сроков давности (ст.78 УК РФ), которая не говорит о поведен субъекта в «пост-криминальной фазе» деяния, но также и содержит указания на условия, при которых совершено противоправное деяния. Все это указывает на существенное правовое отличие обстоятельств, исключающих преступность деяния, и обстоятельств, при которых лицо освобождается от уголовной ответственности, и что, как представляется, не позволяет объединить их в единый классификационный перечень, как это предлагают некоторые исследователи [11].

Все вышеизложенное позволяет утверждать о сложной, комплексной правовой природе обстоятельств, исключающих преступность деяния. Нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния должны быть предельно ясны и понятны субъектам их применения. Так как такие обстоятельства являются общественно полезными и имеют особую социальную значимость, то следует скорректировать максимально комфортно для субъектов их применения, т.е. для простого гражданина, далекого от догматических построений юридических конструкций, понятных лишь подготовленному специалисту. Формулирование этих условий, на наш взгляд, требует максимальной казуистичности, так как только твердая уверенность в законности совершаемых поступков, может сподвигнуть граждан и правоохранителей на активные социально значимые действия.

Пристатейный библиографический список

1. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Курс Российского уголовного права. Общая часть: учебник / под ред. Н.Г. Иванова, С.И. Никулина, Б.В. Яценко. - М.: Экономика, 2018.
2. Блинные В.А. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: дис. ... докт. юрид. наук. - Н. Новгород, 2002.
3. Калугин В.В. Физическое и психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2001.
4. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. - М., 1969.
5. Никуленко А.В. Роль обстоятельств, исключающих преступность деяния, в современных реалиях противодействия преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2017. - № 2 (74).
6. Акимочкин В.И. К вопросу о правомерности необходимой обороны // Российский следователь. - 2017. - № 8.
7. Зенкин А.Н. Провокация преступления как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Законность. - 2015. - № 6.
8. Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: правовые позиции судебных органов: монография. - М.: РГУП, 2017.
9. Ситникова А.И. Исключительные обстоятельства в уголовном праве: доктринальные модели и законодательные конструкции. - М.: Берлин, Инфотропик Медиа, 2011.
10. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / П.В. Агапов и др.; под ред. О.С. Капинус; рук. авт. кол. К.В. Ображиев; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - Москва: Проспект, 2018.
11. Берестовой А.Н. Классификация и место обстоятельств, исключающих преступность деяния, в теории уголовного права // Вестник Омской юридической академии. - 2017. - № 3.

ОЛЬДЕЕВА Деля Антоновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова

ЧУЖГИНОВА Анастасия Петровна

студент 3 курса Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова

БОЛДЫРЕВА Алина Саналовна

студент 3 курса Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЁННОГО РЕБЁНКА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В данной статье были рассмотрены проблемные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости на основе уголовно-правового анализа объекта, объективной стороны, субъективной стороны и субъекта преступления.

Таким образом, рассмотренные выше проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка затруднительны, прежде всего, с теоретической точки зрения, так как нет единого мнения относительно квалификации данного деяния. На основе проведенного анализа были внесены предложения по усовершенствованию диспозиции ст. 106 УК РФ.

Ключевые слова: привилегированное убийство, новорожденный ребенок, убийство, психотравмирующая ситуация, психическое расстройство, убийство матерью новорожденного ребенка, квалификация преступления.

OLDEEVA Delya Antonovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and process sub-faculty of the B. B. Gorodovikov Kalmyk State University

CHUZHGINOVA Anastasiya Petrovna

student of the 3rd course of the B. B. Gorodovikov Kalmyk State University

BOLDYREVA Aina Sanalovna

student of the 3rd course of the B. B. Gorodovikov Kalmyk State University

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF THE MURDER OF A NEWBORN CHILD BY A MOTHER IN RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION

In this article, the problematic issues of qualification of the murder of a newborn child by a mother during or immediately after childbirth, as well as the murder of a newborn child by a mother in a traumatic situation or in a state of mental disorder that does not exclude sanity on the basis of a criminal law analysis of the object, objective side, subjective side and the subject of the crime were considered.

Thus, the problems of qualification of the murder of a newborn child by a mother considered above are difficult, first of all, from a theoretical point of view, since there is no consensus on the qualification of this act. Based on the analysis, proposals were made to improve the disposition of Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: privileged murder, newborn child, murder, traumatic situation, mental disorder, murder by the mother of a newborn child, qualification of a crime.

Проблемные и дискуссионные вопросы, как в процессе квалификации, так и в науке уголовного права, возникают при определении практически всех элементов состава такого жестокого преступления против жизни, как убийство матерью новорожденного ребенка.

Так объектом статьи 106 УК РФ является жизнь новорожденного ребенка.

В теории уголовного права новорожденным признается ребенок, не достигший возраста одного месяца. Относительно момента начала жизни уголовный кодекс не установил. Думается, что в УК РФ должны быть установлены конкретные сроки периода новорожденности.

В судебной медицине период новорожденности длится одни сутки. В педиатрии продолжительность неонатального периода длится 28 дней. Как можно заметить, медицинский и юридический критерии не совпадают. Разное понимание начала жизни человека в уголовном праве приводят к ошибкам

в квалификации убийства. В уголовно-правовой литературе многие авторы полагают, что начальным моментом следует считать прорезывание головки младенца, выходящего из чрева матери [1]. Другие – отделение ребенка от тела матери и переход на самостоятельное дыхание [4]. В медицинской литературе говорится, что новорожденность можно определить, как начальный период существования ребенка и адаптации его к условиям вне утробной жизни, с момента рождения до 4х недельного возраста [5]. А.Н. Попов считает началом жизни – момент зачатия, а уголовно-правовой охране подлежит плод, который готов к самостоятельной внеутробной жизни матери, даже если он еще не родился [6].

Чтобы детально разобраться с моментом рождения человека, не обойтись без обращения к медицинским определениям.

Так в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Рос-

сийской Федерации» моментом рождения ребенка является «момент отделения плода от организма матери посредством родов»¹. Можно сделать вывод, что моментом начала жизни новорожденного ребенка будет считаться тогда, когда плод отделяется от организма матери путем родов. Но роды – процесс достаточно длительный и начинается с момента наступления первых родовых схваток у беременной женщины, когда только начинается процесс отделения плода от материнского организма [7].

Следовательно, необходимо отграничить понятие «плод» и «новорожденный ребенок». С медицинской точки зрения, плод – это «человеческий зародыш с девятой недели внутриутробного развития до момента рождения» (до 9-й недели развивающийся организм носит название зародыша или эмбриона). И умерщвление плода в утробе матери, до его появления на свет, не расценивается как преступление против жизни, а считается прерыванием беременности, которое при известных условиях квалифицируется как преступление против здоровья.

В Большой медицинской энциклопедии роды (родовой акт) определяются как «физиологический процесс изгнания плода, плаценты с плодными оболочками и околоплодными водами из матки через родовые пути после достижения плодом жизнеспособности» [17].

Таким образом, в теории уголовного права для признания ребенка «новорожденным» необходимо установить не только отделение плода от организма матери, т.е. появления вне утробы матери какой-либо части тела изгоняемого (извлекаемого) ребенка, но и признаки жизненно важных обменных функций, свойственные самостоятельному человеческому организму (легочное дыхание, сопровождаемое первым вдохом и криком или иные, подтверждающие его жизнеспособность) до достижения им одного месяца. Соответственно, убийство малолетнего ребенка большего возраста нельзя отнести к привилегированным и должно квалифицироваться по ч.2 ст. 105 УК. Вместе с тем это противоречит природе отнесения привилегированных убийств, поскольку одним из главных признаков, влияющих на квалификацию уголовного деяния по ст. 106 УК РФ и включения его в ряды привилегированных, является выявление условий психотравмирующей ситуации (материальные трудности, неустроенность быта, развод с супругом), либо наличия психического расстройства, не исключаяющего вменяемости женщины (состояние ограниченной вменяемости). Примерами данной категории расстройств могут служить послеродовой психоз, психопатия, депрессия.

Послеродовой психоз – это острое психическое расстройство, развивающееся в первые недели после родов. Психоз начинает проявляться спустя 2-3 дня после завершения родов, когда женщина осознает произошедшие в ее жизни изменения. По механизму происхождения послеродовой психоз является реактивным. Он развивается в ответ на психотравмирующее событие – роды. Неблагоприятным фоном для возникновения психоза служит

психофизиологическая астенизация – истощение энергии, снижение сопротивляемости стрессовым факторам. Наступает состояние декомпенсации нервных адаптационных механизмов. Французские психиатры Ж.-Э. Эскироль и Л.-В. Марсе описывали психозы молодых матерей как последствия тяжелых соматических осложнений родов. Точные причины патологии неизвестны, но выделено несколько факторов, способствующих ее дебюту: осложнения беременности или самих родов, гормональные нарушения, поражения ЦНС, тревожно-мнительные черты личности.

В одном из вариантов течения психоза матери теряют интерес к младенцам, не проявляют заботы и любви. Чрезмерная опека превращается в чувство ненависти. В тяжелых случаях отмечаются слуховые галлюцинации. Голоса призывают женщин умертвить новорожденного, часто совершаются попытки его удушения. На протяжении всего заболевания нарушена критика больных к их состоянию – бред и галлюцинации не осознаются, не расцениваются как патологические.

Без своевременной диагностики и лечения послеродовой психоз представляет опасность для жизни, здоровья младенца и матери. Данное состояние может толкнуть новоиспеченную мать на тяжкое преступление. На базе галлюцинаций и бреда формируется неадекватное поведение – пациентки пытаются покончить жизнь самоубийством, предварительно умертвив младенца. Известны случаи удушения, падения с высоты женщины и новорожденного. Так 11 октября, в Москве 34-летняя женщина выпрыгнула из окна 19 этажа многоэтажного дома с двумя детьми (2018 и 2021 года рождения). Начато уголовное дело по п. «а, в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство двух малолетних), поскольку возраст детей не подпадает под признаки возраста новорожденного.

В 2020 году в г. Элиста без признаков жизни были обнаружены тела женщины и ее троих малолетних детей, младший из которых родился в 2020 году. По предварительной версии следственного управления Следственного комитета по Республике Калмыкия, дети погибли от рук матери, которая нанесла им ножевые ранения, после чего покончила жизнь самоубийством. По данному факту было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п. п. «а, в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство двух и более лиц) [2].

Другим примером может служить преступление, совершенное в Краснодаре, где женщина забила до смерти 11-месячного сына. Следственными органами Следственного комитета РФ по Краснодарскому краю возбуждено уголовное дело, мать обвинили в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч.2 ст.111; п. «в», «ж» ч.2 ст.105 УК РФ [16]. Как мы видим, на практике существует множество вопросов, касающихся статьи 106 УК РФ, которые требуют разрешения. Из-за пробелов в уголовном законодательстве возникают сложности при квалификации ст. 106 УК РФ и ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 2 ст. 111 УК РФ². При остром психозе вообще стоит вопрос о принудительных мерах медицинского характера, поскольку терапия острого состояния

1 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.12.2021).

2 Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 27 октября 2020 г. № 352-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.12.2021).

проводится в условиях стационара. Женщина как правило не осознает ее поступки, чувств, наличия болезни.

Сводные статистические сведения о состоянии судимости по ст. 106 УК РФ, представленной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации: в 2019 году в России зарегистрировано 26 случаев убийства матерью новорожденного ребенка, в 2020 году – 29, в первое полугодие 2021 года – 12 случаев³. Но следует отметить, что данная статистика искажается формированием количества убийств матерями новорожденных только из тех случаев детоубийства, когда виновную установили и изобличили в преступлении. Сотрудники правоохранительных органов при обнаружении трупа младенца не всегда возбуждают уголовное дело по ст. 106 УК РФ, в виду ограничений, указанных в данной норме признаков и связанных с ней противоречий, что приводит не только к искажению статистических данных, но и подрыву общего начала назначения наказания – справедливости.

Послеродовая депрессия – это аффективное расстройство, вызванное адаптацией к роли матери и гормональными изменениями в организме женщины. Проявляется подавленным настроением, беспричинной плаксивостью, тревогой, раздражительностью, повышенной ранимостью, неуверенностью в собственных навыках ухода и воспитания, с мыслительной и двигательной заторможенностью [9]. Послеродовая депрессия, согласно критериям Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), характеризуется клинической симптоматикой депрессии, но проявляется в течение 6 недель после родов и может длиться в период до одного года после родов [10].

По характеру течения выделяют несколько форм послеродовых депрессий. Самым распространенным вариантом депрессии среди молодых матерей является затяжная форма. Развитие симптомов происходит медленно, поэтому обращения к специалистам крайне редки. Послеродовой психоз имеет благоприятный исход при условии успешного выхода из депрессии. Но не всегда женщины могут вовремя диагностировать у себя данное состояние. Естественное течение послеродовой депрессии приводит к осложнению и развитию тяжелой его формы – психозу, пик заболеваемости, которого отмечается в течение первых 30 дней после рождения ребенка. А продолжительность психического расстройства индивидуальна. Симптомы могут развиваться как постепенно, так и стремительно: от нескольких недель до нескольких лет, не всегда до 1 месяца, как указано в диспозиции и названии ст. 106 УК РФ. По сути, убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, ограничивается сроком в 1 месяц, что не совсем правильно и корректно.

По нашему мнению, целесообразно внести изменения в положения ст. 106 в том, чтобы при привлечении к уголовной ответственности учитывалось состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости (легкая либо умеренная форма расстройства), не разграничивая временной промежуток убийства новорожденного

от понятия «во время или сразу же после родов» и до 4-х недель, поскольку психическое расстройство может иметь достаточно протяжительный характер и не ограничиваться сроком в 1 месяц. А при не начатом вовремя лечении, приводящему к выраженному психозу, который развивается до 4 недель (до 1 мес.) – применять меры принудительного медицинского характера, ввиду выраженного заболевания, требующего интенсивной лекарственной терапии и психотерапии.

Что касается субъективной стороны убийства матерью новорожденного ребенка, то также имеются спорные вопросы, возникающие при разграничении с таким составом преступления, как оставление в опасности (ст. 125 УК РФ). Убийство характеризуется виной в форме умысла, прямого или косвенного. В зависимости от того, насколько виновная осознает общественно опасные последствия своего деяния, детоубийство характеризуется, как совершенное с умыслом определенным, или с умыслом неопределенным. Для первого характерна направленность на определенный преступный результат – смерть ребенка. При втором – субъект может предвидеть в принципе смерть новорожденного, но в его представлении она индивидуально не определена. Подобная проблема возникает в случаях подкидывания ребёнка. В случае оставления матерью ребёнка в безлюдном месте, либо месте не отвечающим безопасностью жизни или здоровья новорожденного (лес, пустырь, мусорный бак, канализация) мать обнаруживает прямой или косвенный умысел на убийство. Как оставление в опасности следует квалифицировать случаи оставления матерью ребёнка в общественных местах с целью переложить на кого-то заботу о нём. Оставление в опасности окончено с момента оставления ребенка и не требует наступления каких-либо последствий.

В юридической литературе нет единства взглядов по поводу того, каким должен быть умысел в этом преступлении. Одни ученые считают, что убийство может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. Другие полагают, что рассматриваемое преступление может совершаться только с косвенным умыслом, поскольку при психотравмирующей ситуации и психическом расстройстве умысел возникает внезапно, человек значительной мере теряет контроль над своими поступками, не может регулировать их интенсивность. Таким образом, у лица, совершившего преступление в состоянии психического расстройства, умысел направлен на причинение вреда личности, а это значит, что относительно последствий умысел виновного может быть не иначе как косвенным. При косвенном умысле ответственность определяется по фактически наступившим последствиям.

Соответственно, следует отметить, что если умысел на убийство новорожденного ребенка возник у женщины до начала родов, то полагаем, что ее действия следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а не по ст. 106 УК РФ. По этому поводу высказывался А. И. Рарог, подчеркивая, что «несправедливо квалифицировать действия матери по ст. 106 УК, если она заранее спланировала убийство и хладнокровно его осуществила во время родов или сразу же после них» [18].

Субъектом убийства новорожденного матерью является женщина, достигшая возраста шестнадцати лет, вме-

³ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 06.01.2022).

няемая, непосредственно родившая ребенка, находящаяся в особом психофизическом состоянии, вызванном родами, или находящаяся в состоянии психического расстройства, которое не исключает вменяемости, или находящаяся в психотравмирующей ситуации. Соответственно не может быть субъектом преступления мать, удочерившая или усыновившая ребенка. Детоубийство, совершенное женщиной в возрасте от четырнадцати до пятнадцати лет, ответственности по действующему уголовному законодательству не влечет, поскольку ст. 106 УК РФ является специальной по отношению к ст. 105 УК РФ нормой, содержащей привилегированный состав преступления [19].

Вместе с тем, при расследовании уголовных дел указанной категории действия виновных лиц необходимо квалифицировать только после проведения комиссионной психолого-психиатрической экспертизы.

Таким образом, рассмотренные выше проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка очень сложные, прежде всего, с теоретической точки зрения, так как нет единого мнения относительно квалификации данного деяния. Поэтому необходимо качественно изменить формулировку данной нормы, устранив коллизии и пробелы, вызванные избытком оценочных понятий, отсутствием четкого законодательного закрепления используемых терминов и их смыслового расхождения.

Пристатейный библиографический список

1. Станько Э.П., Лискович В.А. и др. Беременность, роды и послеродовой период: физиология, психопатология, психотерапия и психопрофилактическая подготовка. – 2005.
2. Следственное Управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Калмыкия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kalmykia.sledcom.ru/> (дата обращения: 06.01.2022).
3. Полный курс уголовного права в 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Т. II. – СПб, 2008. – С. 235
4. Гавло В.К., Комаров И.М., Филиппов М.П. Расследование и предотвращение убийства матерью новорожденного ребенка. – Барнаул, 2006. – С. 23-24.
5. Малая медицинская энциклопедия / Под ред. В. И. Покровского. – М., 1996. – Т. 4. – С. 96.
6. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. – СПб., 2001. – С. 12.
7. Шарпапов Р.Д. Юридическое определение момента рождения и его уголовно-правовое значение // Научные основы повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел: сборник статей. Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. – Тюмень, 2013. – С. 50-52.
8. Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю. А. Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка) // Психология и право. – 2021. – Том 11. № 2. – С. 193-207.
9. Табеева Г.Р., Вейн А.М. Фармакотерапия депрессий. Журн. Психиатрия и психофармакотерапия. – 2000. – № 1. – С. 15-18.
10. Якупова В.А., Бухаленкова Д.А. Регуляторные функции и послеродовая депрессия: обзор исследований // Психология. Психофизиология. – 2018. – № 3.
11. Жук Т.П., Дудаль Л.В. Особенности клинических проявлений и лечения послеродовых психозов // Медицина и экология. – 2014.
12. Мищенко А.Н., Мищенко М.М. Послеродовые психозы - значительная проблема современной медицины // Современные научные исследования и разработки. – 2017 – № 8 (16).
13. Гарнизов Т., Хаджиделева Д. Послеродовая депрессия // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2015.
14. Корнетов Н.А. Послеродовая депрессия - центральная проблема охраны психического здоровья раннего материнства // Бюллетень сибирской медицины. - 2015.
15. Якупова В.А. Роль психологических и физиологических условий материнства в развитии послеродовой депрессии // Российский психологический журнал. – 2018.
16. Следственное Управление Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому краю. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kuban.sledcom.ru/> (дата обращения: 06.01.2022).
17. Энциклопедический словарь медицинских терминов: В 3-х томах. – М.: Советская энциклопедия, Т. 2. 1983. – С. 335.
18. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – 2-е изд., перераб. и доп./отв. ред. А.И. Рарог. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект. – 2004. – 282 с.
19. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) (том 1) (2-е издание) / Под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: «Проспект», 2015. – С. 336.

СЕМЧЕНКОВ Игорь Павлович

доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ СОБЛЮДЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается проблема сущности объекта преступлений, совершаемых в сфере соблюдения субъективных прав и прав человека. Показано, что основной причиной наличия данной проблемы является неопределенность существующих понятий прав человека и субъективного права. Для устранения данной неопределенности впервые сформулированы понятия нравственности, субъективных прав и прав человека, которые дают прямой ответ на вопрос о том, в чем именно заключается их сущность. Использование данных понятий позволило прийти к пониманию того, что субъективные права и права человека объектом преступления признаваться не могут. Объектом преступлений, совершаемых в сфере соблюдения данных прав, является возможность их реализации, но не сами эти права. По результатам проведенного исследования предлагаются соответствующие изменения уголовного законодательства.

Ключевые слова: объект преступления, нравственность, субъективные права, права человека, право на жизнь, право собственности.

SEMCHENKOV Igor Pavlovich

associate professor of Criminal law, criminology and penal enforcement law sub-faculty of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

THE OBJECT OF CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE OF COMPLIANCE SUBJECTIVE RIGHTS AND HUMAN RIGHTS

The article deals with the problem of the essence of the object of crimes committed in the sphere of observance of subjective rights and human rights. It is shown that the main reason for the existence of this problem is the uncertainty of the existing concepts of human rights and subjective law. To eliminate this uncertainty, the concepts of morality, subjective rights and human rights are formulated for the first time, which give a direct answer to the question of what exactly their essence is. The use of these concepts allowed us to come to the understanding that subjective rights and human rights cannot be recognized as the object of a crime. The object of crimes committed in the sphere of observance of these rights is the possibility of their realization, but not these rights themselves. According to the results of the study, appropriate changes in criminal legislation are proposed.

Keywords: object of crime, morality, subjective rights, human rights, right to life, property right.

Актуальность исследования.

Приемлемого понятия субъективных прав и прав человека, т.е. права субъекта на что-либо, до настоящего времени не сформулировано. Имеющиеся понятия субъективного права и прав человека прямого ответа на вопросы о том, что именно представляют собою эти права, в чем именно заключается их сущность, не содержат. Они построены на подмене тезиса, т.е. отвечает на иные вопросы, например, на вопрос о том, какую функциональное значение имеют эти права: «субъективное право – есть обеспеченная законом мера возможного поведения управомоченного лица» [3, с. 33]. Но что представляет собой субъективное право как мера возможного поведения? На данный вопрос ни автор данного высказывания, ни другие авторы прямого ответа не дают.

Согласно другой точке зрения под субъективными правами и правами человека подразумевается возможность определенного поведения: «Права и свободы индивида – это его социальные возможности» [8, с. 229]. Однако и этот вариант понятия прав субъекта признать приемлемым невозможно, в чем нетрудно убедиться на примере анализа такого преступления как хищение.

Суть объективного механизма данного преступления заключается в том, что возможность владеть, пользоваться

Семченков И. П.

и распоряжаться имуществом от собственника к похитителю переходит, а право собственности – нет, оно продолжает оставаться у собственника [1, с. 11]. Из этого следует, что право собственности, как и любое иное субъективное право, не есть возможность дозволяемого поведения.

По мнению других авторов, «Субъективное право в юридической науке определяют как гарантируемый законом вид возможного или дозволенного поведения лица» [10, с. 233]. Данный подход действительности также не соответствует. Так, после совершения хищения право собственности по-прежнему продолжает оставаться у собственника, хотя он (собственник) никакого поведения, выражающегося в пользовании или распоряжении имуществом, не осуществляет и осуществлять не может. Еще одним аргументом в пользу признания рассматриваемой точки зрения несоответствующей действительности являются результаты анализа прав субъекта на получение каких-либо социальных благ и услуг, например, получения медицинской помощи, заработной платы, алиментов, наследства и т.д. Совершенно очевидно, что такие субъективные права признать поведением правообладателя также нельзя. Наличие этой разновидности прав подразумевает определенное поведение не их правообладателя, а других лиц, у которых имеется обязанность по совер-

шению действий, обеспечивающих возможность их реализации.

Отсутствие правильных по структуре и содержанию понятий субъективного права и прав человека осложняет уяснение смысла уголовного закона, оперирующего понятием прав человека, гражданина государства, не способствует его правильному пониманию и применению. Особенно актуальным это является для решения вопроса о возможности признания субъективных прав и прав человека объектом преступного посяательства.

Исходная логика исследования.

Для устранения проблемы, существующей в понимании и применении уголовного закона по причине отсутствия приемлемых понятий субъективного права и прав человека, необходимо наполнить данные понятия конкретным содержанием.

Единственным исходным пунктом, опираясь на который можно построить решение данной задачи, является нравственный контекст употребления существующих понятий субъективного права и прав человека, указывающий на то, что понятие субъективного права относится не только к сфере философии права и юриспруденции, но и к сфере нравственности. Из этого следует, что для дальнейшего исследования сущности данных прав необходимо обратиться к сфере этики, в которой сосредоточены достижения в познании нравственного и безнравственного.

Изучений данных достижений подтверждает известный тезис о том, что этика является одним из проблемных разделов философии. Проявляется это, прежде всего, в том, что в рамках данной науки понятия нравственности и нравственного должным образом до сих пор не сформулированы. Те «понятия» нравственности и нравственного, которые представлены в рамках данной науки, являются настолько абстрактными и неопределенными, что получить из них прямой ответ на вопрос о том, что такое нравственность и нравственное, невозможно: «Нравственность – это первоценность, первооснова духовной жизни людей, являющаяся абсолютно необходимым и единственным условием всей человеческой духовности» [13, с. 100]. Многие из этих понятий, также как и существующие понятия субъективного права и прав человека, построены на подмене тезиса и отвечают не на вопрос о том, что такое нравственность, а на иные вопросы, например, на вопросы о том, выражением чего является нравственность, какое значение она имеет, какие функции выполняет и т.д. «На поверку выходит, что нравственность есть нечто крайне неопределенное и туманное» [4, с. 6], – указывал в данной связи К. Д. Кавелин в 1885 году. Аналогичную оценку получила степень разработанности понятия нравственности и в трудах И. П. Николина в 1908 году: «Несомненно, что нравственные понятия людей сильно различаются, а иногда и противоречат друг другу» [7, с. 19].

С тех пор в решении данного вопроса ничего принципиально не изменилось. Единственным рациональным зерном в понимании нравственности является достаточно обобщенная и неконкретная ее характеристика как некоей формы общественного сознания, отражающей идеалы добра, зла и справедливости [2, с. 147]. Однако понимание данных идеалов различными людьми, в том числе и философами, является весьма нетождественным.

Между тем, приведенную выше характеристику существующих понятий нравственности не следует воспринимать в качестве упрека представителям этики.

Размышления относительно причин отсутствия исторически универсального, правильного по структуре и конкретного по содержанию понятия нравственности привели автора к пониманию того, что сформулировать такое понятие действительно невозможно. Большое многообразие трактовок нравственности, их исторически изменчивый характер делают эту задачу поистине неразрешимой. Ведь даже в священных писаниях Старого и Нового Заветов некоторые вопросы этического характера представлены нетождественно.

Что же делать? Прежде всего, необходимо очень четко представлять, для чего нам необходимо понятие нравственности. Оно необходимо для уяснения нравственного контекста и нравственной составляющей понятий субъективного права и прав человека **в их современном понимании**. Данное обстоятельство избавляет нас от необходимости учитывать историческую изменчивость понимания нравственности. Для целей нашего исследования достаточно современных представлений о нравственном, характеризующих современный уровень нравственного развития человечества.

Понятия нравственного и нравственности.

Осмысление дошедших до нас образцов нравственного, проводилось с использованием методов сравнительного анализа и восхождения познания от конкретного к абстрактному. Изначальный ракурс исследования был задан этимологическими аспектами слова «этика», которое исторически происходит от древнегреческого слова *ēthos*, означавшего совместное жилище и правила, порожденные совместным общежитием [9, с. 37]. Исследование, проведенное в данном направлении, позволило выделить одну общую черту, общее свойство, которыми обладают образцы нравственного: *нравственным признается всё, что служит достижению индивидуального и всеобщего развития, процветания, т.е. развития и процветания каждого и всех, всего рода людского*.

Более детально понятие нравственного представляется возможным сформулировать следующим образом: *нравственным признается всё, что выражается в создании, поддержании, восстановлении условий существования, развития и процветания отдельного человека, народа, всего человечества в целом, а также всё, что прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно направлено на создание, поддержание, восстановление данных условий*.

Соответственно этому *нравственность представляет собой признак, присущий помыслам, поступкам, деятельности людей, которые прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно направлены на создание, поддержание или восстановление условий существования, развития и процветания отдельного человека, народа, всего человечества, а также признак, присущий поведению, деятельности, которые выражаются в создании, поддержании или восстановлении таких условий*.

Иными словами, и, если очень кратко, *нравственность представляет собой всеобщую социальную целесообразность, т.е. направленность на обеспечение счастья для каждого и для всех*.

Данная целесообразность имеет всеохватывающий социальный характер и, при условии ее наличия, пронизывает абсолютно все аспекты существования человека, вплоть до тончайших вопросов духовной жизни.

Понятия безнравственного и безнравственности имеют содержание противоположное по смыслу понятиям нравственного и нравственности, и их при необходимости нетрудно сформулировать с использованием метода рассуждения «от обратного» (*a contrario*).

Если бы все люди были нравственными и в современном, и в непреходящем понимании этого слова, т.е. любили друг друга, заботились друг о друге, соизмеряли свои поступки и деятельность с тем, как они отразятся на благополучии окружающих, не допускали решения своих проблем за счет ухудшения качества жизни других, строили свои взаимоотношения исключительно на основе стремления обеспечить развитие и процветание каждого и всех, т.е. всего человечества, то мы давно бы уже жили в совершенно ином и прекрасном мире.

Обязательным аспектом правильного понимания нравственного и его отграничения от безнравственного является присущая нравственному позитивная социальная целесообразность обеспечения надлежащих условий и для отдельного человека, и для какого-либо народа, и для всего человечества одновременно, в их неразрывной взаимосвязи. Если создание условий существования, развития и процветания для отдельного человека, группы людей, какого-либо народа будет осуществляться за счет интересов других лиц или народов, то такое создание условий рассматривать в качестве нравственного нельзя. Также безнравственным следует признать и решение глобальных проблем человечества, осуществляемое за счет ухудшения качества материальной и духовной жизни отдельных лиц, народов либо осуществляемое путем их уничтожения. Решение проблем какого-либо народа либо менее масштабного социума за счет отдельных его представителей также заслуживает отрицательной этической оценки.

Апробирование данных понятий проводилось на примере нравственной оценки личных качеств индивида, ориентиров воспитания, видеоконтента сети Интернет, театральные постановки, межличностных отношений, соблюдения и нарушения правил служебной и трудовой дисциплины, законопослушного поведения и совершения правонарушений, борьбы с преступностью, ведения боевых действий, деятельности органов власти и внешней политики различных государств, т.е. тех аспектов социальной действительности, которые наиболее близки к деятельности юристов, к сфере юриспруденции (правоведения) в целом.

В ходе данной проверки не было выявлено ни одного случая активного либо пассивного поведения, деятельности, их социально значимых результатов, нравственная оценка которых оказалась бы затруднительной. Сформулированные понятия нравственного и нравственности позволяют дать конкретную недвусмысленную оценку любым социально значимым явлениям социальной действительности и личным качествам человека.

Данные обстоятельства указывают не только на продуктивность этих понятий, но также на их допустимость для уяснения нравственного контекста и нравственной составляющей юридических категорий.

Метод использования понятия нравственности для установления сущности субъективного права и прав человека.

Для применения результатов познания нравственного и нравственности в целях установления сущности субъективного права и прав человека необходимо использовать метод установления функционального назначения терминов и понятий.

Реализация данного метода в нашем исследовании заключается в постановке вопроса о том, какой нравственный смысл вкладывается в употребление терминов «субъективное право» и «право человека». В качестве примера такого

исследования был выбран анализ права собственности. Данный выбор обусловлен не только тем, что это право является широко известным и доступным для понимания, но и тем, что его обладателем может быть не только физическое, но и юридическое лицо, т.е. субъект права в наиболее полном объеме его понимания.

Итак, что мы хотим сказать, употребляя слова «право собственности», какой нравственный смысл вкладываем в их употребление?

Понятие права собственности.

Употребляя термин «право собственности», субъект его употребления стремится показать, что правильной с нравственной точки зрения является такая модель социальной действительности, при которой возможность владеть, пользоваться, распоряжаться имуществом должна быть только у собственника¹.

Правильной с нравственной точки зрения такая модель является потому, что она отражает выработанные человечеством оптимальные правила совместного проживания людей в части того, как следует поступать с результатами труда человека.

Оптимальными данные правила признаются потому, что создание, поддержание и восстановление условий существования и процветания отдельных людей, народов и всего человечества подразумевают не только разделение (специализацию) труда, но и возможность использования результатов своего труда для своего собственного блага, а также свободный обмен результатами своего труда на результаты труда других людей.

Лишение человека возможности владеть, пользоваться и распоряжаться результатами своего труда приведет к тому, что мотива трудиться у него не будет, и заставить его работать можно будет лишь принуждением. Однако такой труд никогда не будет высокопроизводительным, качественным и не будет иметь характера творческого созидания. Ни о каком прогрессе в плане создания, поддержания и восстановления условий существования и процветания отдельного человека, народов и всего человечества в подобной ситуации и речи быть не может. История последовательной трансформации способов производства и распределения различных благ от строя рабовладельческого к феодальному и далее – не случайна. Чем больше у человека возможностей по распоряжению результатами своего труда, тем выше стимул для труда, тем больше создается благ, и тем лучше условия для существования и развития отдельного индивида и всего рода людского. Наличие достаточно большого количества созданных благ имеет значение не только в плане материальных возможностей существования, но также создает условия для проявления лучших качеств личности (милосердия, заботы о стариках, инвалидах и т.д.). Благодаря имеющейся возможности распоряжаться благами, полученными в результате своего труда, появляется возможность оплаты труда ученых, представителей творческой интеллигенции, что обеспечивает наличие и развитие науки, культуры, образования, меди-

1 Одним из вариантов реализации права собственности является возможность передачи собственником своего имущества в доверительное пользование и (или) распоряжение другим лицам. Эти лица получают от собственника право пользования, управления имуществом, которое не является тождественным исходному праву собственности. Именно поэтому при характеристике права собственности мы указываем, что возможностью его реализации должен обладать только собственник (прим. авт.).

цины и т.д. Вот почему каждый должен иметь возможность владеть, пользоваться и распоряжаться по своему собственному усмотрению и вещными результатами своего труда, и заработанными денежными средствами, и теми благами, которые он получил путем свободного обмена результатов своего труда на результаты труда других лиц.

Таким образом, *право собственности – это теоретическая модель социальной действительности, выражающая признание правильным с нравственной точки зрения того, что возможностью владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом должен обладать только собственник.*

Возможен и более краткий вариант данного понятия: *право собственности представляет собой признаваемую правильной с нравственной точки зрения модель социальной действительности, согласно которой возможностью владеть, пользоваться и распоряжаться предметами собственности должен обладать лишь собственник.*

Если данную мысль сформулировать еще более лаконично и в стилистике, принятой в теории и философии права, то *право собственности – это нравственно обоснованная модель дозволяемого собственнику поведения в части владения, пользования и распоряжения своим имуществом.*

Объект преступлений против собственности. Преступление не может изменить признание правильным того, что возможностью владеть, пользоваться, распоряжаться имуществом должен обладать собственник: «В мире не существует ни одной страны, ни одной правовой системы, где совершение преступления рассматривается в качестве юридического основания для перехода права собственности. После совершения хищения право собственности на похищенное имущество продолжает оставаться у собственника» [1, с. 11].

Будучи теоретической нравственно обоснованной моделью, право собственности преступному воздействию не подвергается. Преступление воздействует на возможность реализации данного права, но не на само это право. Из этого следует, что объектом преступления следует признавать не право собственности, а возможность его реализации, т.е. возможность собственника владеть, пользоваться, распоряжаться своим имуществом.

Именно эта возможность полностью уничтожается преступлением, а факт уничтожения этой возможности является преступным последствием. Момент наступления этого последствия в виде утраты возможности владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом давно уже и единогласно признается моментом окончания хищения. Это последнее обстоятельство дополнительно и, что представляется очень важным, независимо от результатов нашего исследования указывает на то, что именно эта возможность является объектом преступлений против собственности.

Понятие субъективного права и прав человека. Результаты, полученные в понимании сущности права собственности, позволяют сформулировать общее понятие субъективного права, для чего достаточно абстрагироваться от конкретики содержания права собственности.

Субъективное право (право субъекта) – это *теоретическая модель социальной действительности, выражающая признание правильным с нравственной точки зрения того, что субъект права должен обладать какой-либо определенной возможностью.*

Под субъектом права в данном понятии подразумевается физическое или юридическое лицо, в отношении которого применяется данная теоретическая модель нравственного.

Содержание упоминаемого в данной модели аспекта действительности может быть представлено не только воз-

можностью определенного состояния либо определенного поведения субъекта права, но и иными его возможностями, например, возможностью получения оплаты труда, медицинской помощи, оплаченных услуг, товаров и т.д.

Для составления полного перечня таких возможностей необходимо охватить исследованием очень много аспектов социальной действительности, что, разумеется, выходит за рамки настоящей работы, в которой предлагается лишь принципиальное решение проблемы, а также намечаются пути, которыми предстоит пройти многим исследователям данного вопроса в течение довольно длительного периода времени.

Субъективные права как права, порожденные естественной нашей жизнью (естественные права), приобретают статус прав в юридическом смысле, т.е. становятся юридическими правами лишь после их закрепления в нормативно-правовом акте или договоре, которые, предписывая их соблюдение, устанавливают обязанности по их соблюдению и предусматривают меры ответственности для тех, кто эти обязанности не выполняет.

Понятие юридического субъективного права по сути является таким же, как и понятие естественного субъективного права, но с дополнительным указанием того, что это «юридически закреплённая» в нормативно-правовом акте или договоре нравственно обоснованная модель соответствующего аспекта социальной действительности.

Приведенные выше аспекты субъективного права следует учитывать и при уяснении сущности прав человека.

Понятие «право человека», в отличие от понятия субъективного права, относится только к физическим лицам. *Право человека – это юридически закреплённая теоретическая модель социальной действительности, выражающая признание правильным с нравственной точки зрения того, что физическое лицо должно обладать какой-либо определенной возможностью.*

В Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенции) ни одного понятия прав человека не приводится. Права человека в этом документе провозглашаются без разъяснения того, в чем состоит их сущность. Например, пункт 1 статьи 2 Конвенции «Право на жизнь» гласит: «Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом...»². Однако сформулированное понятие прав человека позволяет решить задачу по уяснению сущности любой их разновидностей, в том числе и права человека на жизнь: *право на жизнь – это юридически закреплённая теоретическая модель социальной действительности, признаваемая правильной с нравственной точки зрения, согласно которой любой человек должен иметь возможность жить до тех пор, пока жизнь его не будет прекращена по естественным причинам или по воле случая, т.е. без вмешательства других людей.*

После уяснения сущности прав человека на основе детального их описания как «теоретической модели социальной действительности, выражающей признание правильности с нравственной точки зрения» допустимо использование и более лаконичных формулировок, характеризующих их сущность: «нравственно обоснованная модель», «нравствен-

2 Конвенция о защите прав человека и основных свобод (прин. Рим. 4.10. 1950. В ред. по сост. на 1 авг. 2021 г.). – С. 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://europeancourt.ru/uploads/konvenciya-o-zashhite-prav-cheloveka-i-osnovnyx-svobod.pdf> (дата обращения: 26.12.2021).

но обоснованное представление» и т.д. Например, *право на жизнь – это нравственно обоснованная, юридически закрепленная модель социальной действительности, согласно которой каждый человек должен иметь возможность жить... Либо еще более кратко: право на жизнь – это нравственно обоснованное, юридически закрепленное представление о том, что каждый человек должен иметь возможность жить... и т.д.*

Аналогичным образом можно охарактеризовать вообще любое право человека и субъективное право. Для этого необходимо и достаточно учесть три ключевых момента, которые должны быть отражены в его понятии: 1) описание модели определенной возможности, которой должен обладать субъект права; 2) указание на признание данной модели нравственно обоснованной, т.е. правильной с нравственной точки зрения; 3) указание на то, что данная модель возможного закреплена юридически.

Так, например, в ст. 41 Конституции РФ (далее – Конституции) закреплено право человека на медицинскую помощь, но содержание этого права не раскрывается³. А суть его проста и очевидна: *право на медицинскую помощь – это нравственно обоснованная, юридически закрепленная в Конституции модель действительности, согласно которой каждый человек должен иметь возможность получения медицинской помощи.*

Давая характеристику какому-либо субъективному праву и праву человека, особое внимание необходимо уделять признаку их нравственной обоснованности. Формально подходить к этому вопросу нельзя. Прежде, чем признать какую-либо модель нравственно обоснованной, следует проверить, действительно она является нравственно обоснованной или нет.

Если в ходе проверки будет установлено, что нравственное обоснование какой-либо модели провести невозможно, то такое «право» следует признать неполноценным юридическим установлением, которое лишено функции нравственного регулятора и оказывает управленческое воздействие, опираясь исключительно на силу государства, устанавливающего ответственность за несоблюдение такого установления. В отличие от этого, подлинное юридическое право субъекта всегда должно иметь естественно-правовую составляющую в виде должной естественной возможности обладателя права.

Объект преступлений, совершаемых в сфере соблюдения субъективных прав и прав человека. О каком бы субъективном праве или праве человека мы не вели речь, главное, что необходимо уяснить специалистам по уголовному праву в этом вопросе, заключается в том, что любое субъективное право и право человека, всегда представляет собой нравственно обоснованную теоретическую модель, на которую преступление не воздействует. А это означает, что субъективные права и права человека в качестве объекта преступления рассматриваться не могут. Объектом преступления может быть только возможность реализации этих прав, но не они сами.

С этой точки зрения абсолютно верным представляется понятие объекта преступлений против половой свободы, даваемое профессором И. А. Клепицким, по мнению которого, объектом данных преступлений является обеспеченная законом возможность лица самому принимать решение об уча-

стии в действиях сексуального характера [11, с. 339]. Хочется верить, что в недалеком будущем правильным пониманием вопроса о сути объекта преступления проникнуться и другие авторы.

О том, что непосредственным объектом преступления является возможность определенного состояния или поведения, писали в 1960 году Б. С. Никифоров [6, с. 69, 106], в 1971 году Е. А. Фролов [12, с. 17, 18, 22] и в 1980 году Н. И. Коржанский [5, с. 51]. Однако господствовавшая в советское время теория объекта преступления как охраняемых уголовным законом общественных отношений не могла воспринять такого понимания вопроса, отторгла его как чужеродное, причем, даже несмотря на то, что данные авторы всячески пытались «вписать» его в рамки этой теории, не противопоставляя свою точку зрения общему выводу о том, что объектом любого преступления являются общественные отношения.

Результаты представляемого в настоящей работе исследования, напротив, полностью подтверждают правильность их позиции, но, разумеется, за исключением того, что она не учитывает еще один вид возможности, которой может обладать субъект права, а именно, возможности получения различных благ.

Предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Сформулированные понятия субъективного права и прав человека позволяют высказать несколько рекомендаций, направленных на совершенствование уголовного законодательства:

1. Следует признать неверным употребление в одном словосочетании таких терминов как «права человека» и «свободы человека» – «права и свободы» (ч. 1 ст. 2 УК РФ⁴). Право человека – это теоретическая модель, а свобода – реальная возможность, упоминаемая в теоретической модели «право на свободу». Поэтому словосочетание «права и свободы» по своему содержанию является эклектичным, пытающимся объединить в себе в одно целое разноплановые понятия.

Данная неточность характерна не только для уголовного закона, но и для многих иных нормативно-правовых актов, к числу которых относятся Конвенция о защите прав человека и основных свобод, а также Конституция Российской Федерации, использующие данное словосочетание в заголовках, из которых уголовный закон эту неточность и позаимствовал. Однако в основном содержании данных документов речь идет уже не о свободе, а о праве на свободу. Например, в статье 9 Конвенции «Свобода мысли, совести и религии» говорится о том, что «каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии...»⁵. В статье 22 Конституции РФ закреплено положение, согласно которому «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность»⁶, и т.д.

С учетом этого в дальнейшем рекомендуется говорить лишь о правах, без упоминания при этом свобод. Права на свободу являются разновидностью прав человека, поэтому отдельно упоминать права на свободу следует только в том случае, когда это действительно необходимо, т.е. при непосредственном их рассмотрении либо в тех случаях, когда спе-

3 См.: Конституция Российской Федерации (прин. 12.12.1993, в ред. по сост. на 01.07.2020). – С. 14. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 26.12.2021).

4 Здесь и далее: Уголовный кодекс Российской Федерации (прин. 13.06.1996 № 63-ФЗ, в ред. от 01.07.2021 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 26.12.2021).

5 Указ. Конвенция. Там же.

6 Конституция Российской Федерации. Там же. – С. 8.

циально оговаривается, что права на свободу являются разновидностью прав человека.

2. Охранять, защищать от преступлений и иных правонарушений необходимо не права, как это предусмотрено в ч. 1 ст. 2 УК РФ, а возможности их реализации.

3. Применение в законе термина «причинение вреда правам гражданина» (ст. ст. 179, 201, 202, 286.1 УК РФ) следует признать недопустимым. Причинить вред субъективным правам как теоретическим моделям невозможно. Речь необходимо вести о лишении возможности реализации либо о невыполнении обязанностей по обеспечению возможности реализации прав человека, гражданина или юридического лица.

Термин «нарушение прав» (ст. ст. 136, 142, 148, 285, 286, 293 УК РФ) также следует признать нежелательным. Нарушить право в буквальном смысле слова «нарушение» невозможно, – преступление на право субъекта как на теоретическую модель никакого воздействия не оказывает. Использование термина «нарушение прав» по аналогии с применением термина «нарушение уголовного закона» также неприемлемо. Нарушение уголовного закона выражается в невыполнении запрета на совершение преступлений, т.е. в невыполнении обязанности «не совершать преступления», а субъективное право и право человека к числу обязанностей не относятся. Поэтому и в этом случае вместо термина «нарушение прав» рекомендуется говорить о лишении возможности их реализации либо о необеспечении данной возможности.

4. Приведенные выше рекомендации следует учитывать и при конструировании названий преступлений, глав уголовного закона, а также глав и параграфов учебной литературы по уголовному праву, ибо в настоящее время некоторые из них сформулированным в данной работе требованиям не соответствуют.

5. Поскольку нравственность является признаком, присущим самой природе субъективного права, то приобрести субъективное право можно только нравственным способом, к числу которых преступление не относится. С этой точки зрения такую разновидность мошенничества как «приобретение права» на чужое имущество путем обмана (ч. 1 ст. 159 УК РФ) следует рассматривать в качестве деяния, совершить которое невозможно. Для устранения данного недостатка описание этой разновидности мошенничества следует изложить в иной редакции, заменив слова «приобретение права» на такие формулировки как «приобретение видимости права» или «придание видимости правомерного обладания».

В заключение представляется возможным отметить, что сформулированные в настоящей работе понятия субъективного права и прав человека открывают перспективы продуктивного переосмысления не только учения об объекте преступления, но и других вопросов, институтов уголовного права.

Пристатейный библиографический список

1. Векленко С. В., Семченков И. П. Критический анализ прав и свобод человека и гражданина в качестве объекта как преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1 (63). – С. 9-12.
2. Бахчиева О. А. Походы к определению понятия нравственности // Наука и школа, – 2013. – Вып. № 4. – С. 147-153.
3. Братусь С. Н. О соотношении гражданской правоспособности и гражданских субъективных прав // Советское государство и право. – М.: Наука, 1949. – № 8. – С. 33-35.
4. Кавелин К. Д. Задачи этики. Учение о нравственности, при современных условиях знания. – С.-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7. 1885. – 107 с.
5. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны / [Предисл. В. Н. Кудрявцева]. – М.: Акад. МВД СССР, 1980. – 248 с.
6. Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – Москва: Госюриздат, 1960. – 229 с.
7. Николин Ив. Что такое нравственность? – Москва: Университетская типография. Страстной бульвар, 1908. – 90 с.
8. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Кол. авт.; под общ. ред. академика РАН, д.ю.н. проф. В. С. Нерсесянца. – М.: НОРМА. 2006. – 832 с.
9. Разин А. В. Этика: Учебник для вузов / 2-е изд., перераб. – М.: Академический Проект, 2004. – 624 с.
10. Теория государства и права: учебник / Кол. авт.; отв. ред. А. В. Малько. 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2007. – 400 с.
11. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / Кол. авт.; отв. ред. А. И. Рарог. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2019. – 624 с.
12. Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: дис. ... доктора юридических наук. – Свердловск, 1971. – 613 с.
13. Этика: Учебное пособие / Т. В. Мишаткина, З. В. Бражникова, Н. И. Мушинский и др.; под ред. Т. В. Мишаткиной, Я. С. Яскевич. 3-е изд. – Минск: Новое знание, 2004. – 509 с.

Сыч Константин Антонович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Академии ФСИН России

ПОТЕРПЕВШИЙ В МОДЕЛЯХ НАКАЗАНИЯ НА РАННИХ СТАДИЯХ ЕГО РАЗВИТИЯ

Статья посвящена истории развития наказания на ранних стадиях его развития. Традиционно в литературе этот исторический период представлен как произвол потерпевшего или его родственников. Главный вывод состоит в том, что частная (кровная) месть является публичной санкцией обычного права и только по форме ее исполнения она становится частной мстью.

Ключевые слова: частная (кровная) месть, наказание, обычное право, санкция.

SYCH Konstantin Antonovich

Ph.D. in Law, professor, professor of Criminal law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

THE VICTIM IN THE MODELS OF PUNISHMENT IN THE EARLY STAGES OF ITS DEVELOPMENT

The article is devoted to the history of the development of punishment in the early stages of its development. Traditionally, in the literature, this historical period is presented as the arbitrariness of the victim or his relatives. The main conclusion is that private (blood) vengeance is a public sanction of customary law, and only by the form of its execution does it become a private revenge.

Keywords: private (blood) revenge, punishment, customary law, sanction.

Сыч К. А.

Современная парадигма наказания является результатом не только научных изысканий, но и многовековой эволюции частной мести, берущей свое историческое начало в первобытный период общественной организации жизни людей, где государственно-правовые институты еще не получили должного развития. Вместе с тем, на ее развитие, как известно, оказали влияние факторы, определяющие уровень развития общественного сознания, а также сложившиеся культурные традиции, доминирующие религиозные воззрения и духовно-нравственные ценности народа. Можно с определенной мерой допущения признать, что современная парадигма наказания является продуктом эволюции общественного сознания. Было давно замечено, что по карательным мерам, предпринимаемым общественной или государственной властью к злоумышленникам (преступникам), за совершенные ими вредоносные (преступные) деяния, можно судить о культуре народа, его духовно-нравственных ценностях и уровне развития правового или нравственного сознания. Используя такой методологический подход, основанный на факторах, оказывающих влияние на парадигму наказания, можно провести классификацию исторических периодов (этапов) развития рассматриваемого института уголовного права.

В литературе русского уголовного права история развития наказания представлена следующими этапами: а) частной (кровной) мести; б) материальных выкупов или композиций; в) публичных казней или устрашения; г) психического принуждения и исправления личности преступника [2, с. 15]. Представленная классификация периодов или эпох развития наказания как правового института, бесспорно, имеет условный характер, тем не менее, позволяющий охватить вниманием основу парадигмы той или иной эпохи. В зарубежной литературе начала двадцатого века представлена классификация этапов (фаз) развития института наказания, имеющая некоторые различия. В частности, Э. Ферри предложил классификацию, согласно которой наказание прошло пять фаз своей эволюции: а) элементарная фаза; б) фаза религиозного влияния или божественная воздаяния; в) фаза этического или средневекового искупления; г) фаза юридического исправления; д) социальная фаза (которая характеризуется отказом от наказания, основанного на соразмерном воздаянии за нравственную вину, заменив его мерами социальной защиты) [6, с. 363-364]. Единствен-

ное отличие этой классификации от ранее приведенной состоит в том, что Э. Ферри включает в квалификационный ряд социальную фазу, это период, когда законодательные концепции наказания ряда европейских государств, основанных на принципах классической школы уголовного права, были заменены мерами социальной защиты. Иными словами, эта классификация этапов (фаз) эволюции наказания, отражает период от его генезиса до середины прошлого века. В классификационный ряд не был включен, по нашему мнению, период, который с полным основанием можно назвать этапом или фазой неоклассицизма, характерной для современной парадигмы наказания. Сущность отмеченного периода состоит в том, что наряду с наказаниями, основанными преимущественно на идеях классической школы уголовного права, законодатель включает превентивные меры, называемыми мерами безопасности или социальной защиты. В перспективном плане можно ставить на научное обсуждение фазу восстановительного правосудия, которая должна характеризоваться парадигмой, основанной не столько на наказании виновного или применении мер превентивного воздействия, сколько на восстановлении прав человека, общества и государства, а также возмещения причиненного преступлением ущерба потерпевшему. Иными словами, новая парадигма в уголовном праве, в преддверии которой находится современная система уголовной юстиции, на первый план должна выдвигать интересы потерпевшего, а публичность будет связана лишь с процессом их защиты. Это в свою очередь будет означать, что восстановление нарушенного права человека, общества и государства, должна предшествовать процедуре восстановления авторитета уголовного закона, посредством наказания, назначенного судом виновному. С учетом современных моделей наказания и иных принудительных мер воздействия, можно предложить классификацию парадигм, которые были наиболее характерны для той или иной эпохи: а) парадигма оборонительной или частной мстительной реакции; б) парадигма публичного устрашения или божественного воздаяния; в) парадигма юридического исправления и предупреждения преступлений; г) парадигма мер социальной защиты как альтернативы наказанию; д) парадигма двухколейного воздаяния, основанного на наказании и мерах безопасности и превентивного воздействия.

Особый интерес представляет эпоха, именуемая частной мстью в силу того, что современная парадигма наказания в определенном смысле может быть определена как публичная или государственная мсть преступнику за совершенное деяние, запрещенное этим же государством. Государство обладает монопольным правом устанавливать, назначать и исполнять меры наказания. Не случайно, по-видимому, что действующий УК РФ 1996 года (ч. 1 ст. 43) определяет понятие «наказания», называет его мерой государственного принуждения. В рассматриваемый исторический период были прочно заложены перспективные идеи, ставшими основой будущих наказаний как правовых институтов. Вместе с тем, необходимо признать, что влияние этой исторической эпохи имело для современной парадигмы наказания некоторые негативные последствия, связанные с возмездным характером современных мер наказания. Ведь возмездие, как свойство современного наказания, производно от мести потерпевшего. В юридической литературе, посвященной рассматриваемому периоду истории развития наказания, кровная мсть характеризуется как неограниченная жестокость к злоумышленнику, потому как ее мера, по утверждению Н. Д. Сергиевского, лежала в субъективном чувстве потерпевшего или его родственников [5, с. 503]. С этим трудно согласиться, поскольку под частной (кровной) мстью понимается в исторической и юридической науке естественная реакция потерпевшего или его родственников на вредоносное посягательство злоумышленника, основанную на обычае. В свою очередь, обычай частной (кровной) мести, по-видимому, представлял собой исторически сложившееся «не писанное», но обязательное правило, определяющее тот или иной вариант насильственной реакции потерпевшего или его родственников на вредоносное поведение злоумышленника. По форме выражения это правило, скорее всего, являлось общественной обязанностью каждого, кто оказывался в ситуации определенного типа. Известно, что общественный институт частной (кровной) мести представляет собой обычай, через который прошли многие народы мира.

В догосударственно-правовой период организации общественной жизни людей, когда нет органов публичной власти, специально наделенных полномочиями по охране жизни, здоровья, имущества и других общественных или частных благ от вредоносного посягательства, его защита осуществляется посредством частной мести. При этом следует заметить, что обычай частной (кровной) мести представляет публичную санкцию обычного права, делегированную частным лицам в ситуации определенного типа. Вот почему частная мсть является таковой лишь по форме ее реализации (исполнения), а ее сущность кроется в публичном праве в организации общинной жизни людей. В этой связи закономерен вопрос, в какой мере можно отождествлять частную (кровную) мсть с наказанием, как правовым явлением? В юридической литературе, посвященной рассматриваемой проблеме, однозначного ответа на этот вопрос нет. К примеру, И. Я. Фойницкий утверждал, что до появления государства и права наказание отсутствует, его заменяет частная мсть [7, с. 9]. Наверное, уместно будет возразить известному профессору, в том смысле, что если отсутствует наказание, то частную мсть следует признать частным производом потерпевшего или его родственников. Представляется, что такое понимание этого древнего памятника права ставит под сомнение его позитивное историческое значение, выраженное в форме обычая, через который прошли многие народы мира.

Разное понимание частной (кровной) мести авторами, изучающими эту проблему, по-видимому, связано методологическими подходами определения наказания и обычая частной мести. Обычай, к примеру, как отмечал М. Дьяконов, есть юридическая норма, которая соблюдается в данной социальной среде всеми или определенным кругом в силу убеждения действующих лиц подчиняться этим нормам [1, с. 8]. Принципиальное отличие обычая частной (кровной) мести от наказания как правового явления, состоит в субъекте права устанавливать, назначать и исполнять этот институт возмездной реакции на вредоносное посягательство злоумышленника (преступника): наказание, естественно, связано с государством, а частная мсть – с публичной властью общины. Не вдаваясь в широкую дискуссию по этому поводу,

отметим лишь, что в догосударственно – правовой период, частная (кровная мсть) мсть являлась частным способом защиты интересов потерпевшего от вредоносного посягательства.

Следует заметить в этой связи, что обычай кровной (частной) мести по своей социальной природе является обязанностью потерпевшего или его родственников, неисполнение которой влекло неблагоприятные последствия для частного лица, отказавшегося его исполнять.

Особенностью обычая кровной мести является то, что это ответная реакция, направленная на причинение вреда злоумышленнику, который являлся представителем другого рода. Иными словами, кровная мсть по своей направленности носила внешний характер и не могла распространяться на членов семьи или рода. Это приводило к возникновению межродовых войн, имеющих тяжкие социальные последствия, иногда даже к уничтожению целых семейств или родов.

Стало быть, частная (кровная) мсть, определяемая в исторической и юридической литературе как производ или необузданная реакция потерпевшего или его родственников, напротив, представляет собой принудительно-репрессивную санкцию обычного права, которое делегирует публичные полномочия по ее реализации частным лицам, в ситуациях определенного типа. Не случайно, по-видимому, что частная (кровная) мсть являлась не только санкцией обычного права, но одним из видов позитивного права. И это не единственный пример Русской Правды, но и многих древних законодательных памятников мировой цивилизации.

Парадигма, известная в уголовном праве как публичное устрашение или божественное воздаяние, также оставила достаточно заметный след в развитии наказания. В фундаментальном собрании российского законодательства X-XX веков утверждается, что смертная казнь не известна Русской Правде. Это утверждение нуждается в существенном уточнении в силу того, что этот памятник права в период правления Ярослава, предусматривала наряду с кровной мстью и материальный выкуп, который давал возможность виновному освободиться от этих негативных последствий, путем заглаживания вреда потерпевшей стороне. Однако в литературе по русскому уголовному праву утверждалось, что материальный выкуп не может признаваться видом наказания, а является мерой гражданского законодательства, поскольку он связывается с возмещением вреда потерпевшему. В частности, О. Оппенгеймер отмечал, что ответственность перед потерпевшим позднее заменилась наказанием, но не превратилась в него [3, с. 79]. По-видимому, в рассматриваемый период истории развития наказания не существовало четкого разделения русского права на отрасли, что не позволяет нам делать столь категоричные выводы. К тому же Русская Правда предусматривала материальный выкуп за совершенное убийство в двух значениях: как штраф в пользу князя (вира) и как платеж в пользу родственников убитого в случае отказа от мести (головничество) [4, с. 79]. Этот исторический пример может и должен иметь значение при определении новой уголовно-правовой политики в сфере конструирования законодательных мер правового реагирования на преступления, в первую очередь, против личности.

Пристатейный библиографический список

1. Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. - СПб., 1912.
2. Колоколов П. Е. Уголовное право. Общая часть: Лекции. - М., 1900.
3. Оппенгеймер О. Историческое исследование о происхождении наказания // Новые идеи в правоведении. Эволюция преступлений и наказаний. - СПб., 1914.
4. Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Законодательство Древней Руси. Т. 1 - М., 1984.
5. Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право. Ч. Общ. - СПб., 1890.
6. Ферри Э. Уголовная социология. - М., 2005.
7. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремным делом. - СПб., 1887.

ТАИЛОВА Айша Габировна

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

МАГОМЕДОВ Шамиль Махмудапандиевич

магистр Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

МАГОМЕДОВ Гусейн Багавдинович

кандидат юридических наук, доцент, директор Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), заслуженный юрист Республики Дагестан

КОРПОРАТИВНАЯ УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В статье анализируется опыт международного сообщества, направленный на противодействие корпоративному коррупционному правонарушению. Вопрос противодействия корпоративным коррупционным проявлениям занимает приоритетное место в повестке дня политиков и силовиков зарубежных стран. В ряде стран, например в Великобритании, недавно были приняты антикоррупционные законы. Кроме того, британские и американские силовики, в частности, признали борьбу с коррупцией приоритетным направлением. Другой интересной новостью является то, что увеличиваются случаи привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности, в том числе за нарушение антикоррупционного законодательства о взяточничестве. Результатом последних изменений в законодательстве ряда стран является то, что юридические лица подвергаются все большему риску быть привлеченными к уголовной ответственности за взяточничество.

Ключевые слова: коррупционные преступления, ответственность юридических лиц, международное сообщество, противодействие взяточничеству.

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MAGOMEDOV Shamil Makhmudapandievich

master 's degree of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MAGOMEDOV Guseyn Bagavdinovich

Ph.D. in Law, associate professor, Director of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

CORPORATE CRIMINAL LIABILITY FOR CORRUPTION OFFENSES: FOREIGN EXPERIENCE

The article analyzes the experience of the international community aimed at countering corporate corruption offenses. The issue of countering corporate corruption is a priority on the agenda of politicians and security officials of foreign countries. A number of countries, such as the UK, have recently adopted anti-corruption laws. In addition, British and American security officials, in particular, recognized the fight against corruption as a priority. Another interesting news is that there are increasing cases of bringing legal entities to criminal responsibility, which may be brought to criminal responsibility, including for violating anti-corruption legislation on bribery. The result of recent changes in the legislation of a number of countries is that legal entities are at increasing risk of being prosecuted for bribery.

Keywords: corruption crimes, responsibility of legal entities, international community, anti-bribery.

Многочисленные международные и региональные конвенции обеспечивают антикоррупционные рамки для борьбы со взяточничеством. Большинство этих международных конвенций было включено в национальное законодательство и нормативные акты.

Борьба с коррупцией занимает приоритетное место в повестке дня политиков и силовиков зарубежных стран. В ряде стран, например в Великобритании, недавно были приняты антикоррупционные законы. Кроме того, британские и американские силовики, в частности, признали борьбу с коррупцией приоритетным направлением. Другой интересной новостью является то, что увеличиваются случаи привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности, в том числе за нарушение антикорруп-

ционного законодательства о взяточничестве. Результатом последних изменений в законодательстве ряда стран является то, что юридические лица подвергаются все большему риску быть привлеченными к уголовной ответственности за взяточничество.

Чтобы свести к минимуму этот риск, компании, особенно с частыми иностранными инвестициями, вкладывают больше денег и времени в создание схем соответствия антикоррупционной системе. Для этого они часто прибегают к услугам сотрудников отдела внутреннего контроля и внешних консультантов, например юристов. Этот вклад касается вопроса о том, в какой степени компании (юридические лица) могут быть привлечены к уголовной ответственности за правонарушения, связанные с подкупом, совершенные их сотрудниками.

В частности, мы сосредоточимся на вопросах, в какой степени компании обязаны предотвращать взяточничество со стороны сотрудников и в какой степени нарушение такой обязанности может повлечь за собой уголовную ответственность.

С 1990-х годов глобальные усилия по борьбе с коррупцией существенно возросли. Эти усилия привели к внедрению нескольких антикоррупционных инструментов на территориях различных государств.

Организация экономического сотрудничества и развития обязывают стороны подписавшие Конвенции ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных публичных должностных лиц в международной деятельности (Конвенция ОЭСР) устанавливать ответственность юридических лиц за активный подкуп иностранного публичного должностного лица, когда правовая система страны предусматривает такую возможность [1].

Рекомендация Совета по дальнейшей борьбе с подкупом иностранных публичных должностных лиц в международных деловых отношениях подчеркивает, что государства-участники периодически должны пересматривать свои внутренние законы в целях реализации Конвенции ОЭСР о борьбе со взяточничеством и их подхода к обеспечению соблюдения эффективных методов борьбы с международным подкупом иностранных публичных должностных лиц.

Рекомендуется, например, чтобы участники конвенции пересматривали свою политику и подход в отношении небольших вознаграждений за упрощение формальностей связанных с международными деловыми отношениями, запрещать или препятствовать использованию небольших вознаграждений (подарков) за упрощение формальностей во внутреннем контроле компании, программах этики и соблюдения нормативных требований или принимать меры, учитывая тот факт, что эти выплаты часто являются незаконными в странах, где они были произведены.

Кроме того, в Руководстве ОЭСР для многонациональных предприятий компаниям рекомендуется разрабатывать и внедрить адекватные механизмы внутреннего контроля, этики и соблюдения на основе оценки коррупционных рисков рассмотрение конкретной ситуации компании с целью предотвращения и выявления взяточничества [2].

Глава II Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (КПК ООН) содержит конкретные положения в отношении мер, которые должны быть приняты государствами-участниками для предотвращения коррупции. Статья 12 Конвенции ООН против коррупции «contains measures to be taken in relation to the responsibility of individuals to prevent corruption. In accordance with article 12 (1), Participating States should take measures to prevent corruption in the private sector, to improve accounting and auditing standards in the private sector and to ensure effective, proportionate and convincing civil, administrative or criminal sanctions for non-compliance with such measures».

В соответствии со статьей 12 (1) государства-участники должны принимать меры для предотвращения коррупции в частном секторе.

Целью первой меры данного параграфа является предотвращение коррупции, совершаемой корпорациями, а

две другие меры в этом абзаце - шаги для достижения этой цели. Статья 12 (2) предлагает примеры мер для достижения этих целей, например, содействие и разработка стандартов и процедур, таких как кодексы поведения и руководства по передовой практике, иностранных публичных должностных лиц в международных деловых операциях.

Статья 12 (3) States Parties shall take measures to prohibit, for example, the opening of off-book accounts and the deliberate destruction of accounting documents earlier than is provided for by law. The measures in article 12 of the UN Convention against Corruption are designed to prevent corporate bribery related to the legitimate and transparent functioning of individuals.

Статья 18 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (COECCC) требует, that signatory States assume corporate responsibility for failing to exercise due diligence on bribery, чтобы подписавшие государства принимали на себя корпоративную ответственность за не проявление надлежащей должной осмотрительности к взяточничеству.

Стороны COECCC обязаны вводить положения об ответственности для компаний, которым не хватало адекватных мер по предотвращению коррупции в своих организациях. «To establish that legal entities will be held criminally liable for the offenses mentioned in this provision». Установить, что юридические лица будут привлечены к уголовной ответственности за правонарушения, упомянутые в этом положении. соответствии со статьей 18 (1) COECCC.

Статья 18 (2) COECCC призывает стороны принять «необходимые меры для обеспечения того, чтобы a legal entity may be held liable if the lack of supervision or control by an official made it possible to commit corruption crimes in favor of this legal entity. At the same time, failure to take due diligence measures on the part of an official should be considered as facilitating bribery.

Во избежание ответственности юридическое лицо должно убедиться, что надзор и контроль, осуществляемый его руководством над своими подчиненными, позволяет избежать любых предложений, подарков или обещание, которое считается неправомерным и приводит к нарушению своих обязанностей агентом другого юридического лица.

Судебное разбирательство против корпорации не должно препятствовать уголовному преследованию лиц, совершивших подкуп от имени корпорации.

Европейский Союз на основании статьи 5 Рамочного решения Совета ЕС (Рамочное решение) о противодействии коррупции в частном секторе также требует, чтобы государства-члены ЕС привлекали юридических лиц к ответственности за неисполнение обязанностей по предотвращению взяточничества. Согласно статье 6 Рамочного решения

«Each Member State shall take the necessary measures to ensure that a legal person prosecuted in accordance with Article 5 (1) is punished with effective, proportionate and dissuasive sanctions, which should include criminal or non-criminal fines and may include other penalties such as:(a) deprivation of the right to receive state benefits or assistance» «Каждое государство-член принимает необходимые меры для обеспечения того, чтобы юридическое лицо, привлекаемое к

ответственности в соответствии со статьей 5 (1) наказываются эффективными, соразмерными и сдерживающими санкциями, которые должны включать уголовные или неуголовные штрафы и могут включать другие наказания, такие как: (а) лишение права на получение государственных пособий или помощи [3, с. 54]».

Закон о противодействии взяточничеству во многих зарубежных странах включает в себя подкуп иностранного публичного должностного лица в качестве отдельного преступления. Правонарушение будет совершено, если взяточник, прямо или косвенно, предлагает, обещает или дает какие-либо финансовые или иное преимущество для иностранного публичного должностного лица или другого лица с согласия иностранного публичного должностного лица или молчаливое согласие.

Единственный установленный законом доступная защита для компании заключается в том, чтобы доказать, что у нее есть «адекватные процедуры», разработанные для предотвращения взяточничества [4, с. 35-43].

Корпоративная уголовная ответственность предусматривает различные основания для привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. В связи с чем к коррупционным преступлениям, относятся два из них. Первый — это «принцип идентификации», в соответствии с которым компания может быть привлечена к ответственности за правонарушение, совершенное лицом, которое установлено как «руководящий разум и воля» компании при совершении правонарушения. Второй — корпоративный правонарушение, согласно которому компания может быть привлечена к ответственности за правонарушение, совершенное лицом, которое «связано» с компанией — так называемое корпоративное преступление [5, с. 15-16].

Таким образом, корпоративная уголовная ответственность на основании недостаточной должной осмотрительности может быть установлена только на основе общих критериев для юридических лиц. Возникает вопрос, как эти критерии привлечения к уголовной ответственности юридического лица может применяться в случаях взяточничества.

На данный момент предусмотрено прецедентное право в отношении конкретных ситуаций. Согласно Пояснительной записке к законопроекту о реформировании законодательства об экономических преступлениях, законодатели многих зарубежных стран оставили решение вопроса с потенциальными случаями (коммерческого) взяточничества, в значительной степени, в отношении самого делового сообщества. С этой целью могут быть использованы предложения, содержащиеся в международных документах, упомянутых выше, и в руководящих принципах, основанных на этих предложениях, например, руководящих принципах ОЭСР для многонациональных предприятий.

В данном руководстве отмечается, что программа ответственности юридического лица должна основываться на риске коррупционной оценки, при которой рассматриваются и оцениваются конкретные риски соответствующего юридического лица. В этом случае также могут быть приняты во внимание, принципы, сформулированные в руководящих разъяснениях, а именно: соразмерные процедуры, высший уровень приверженности, оценка корруп-

ционных рисков, комплексная проверка, коммуникация (включая обучение), мониторинг и обзор.

Надеемся, что в ближайшем будущем международные суды внесут больше ясности в вопрос об обязанности компаний по противодействию коррупции. Толкование суда будет необходимо, чтобы компании могли проявлять необходимую антикоррупционную осторожность в соответствии с международными документами. Следует отметить, что это практически невозможно изложить — в законодательстве и последующих руководящих принципах в точном, исчерпывающем виде, подробно описывая меры по обеспечению антикоррупционной осторожности, которые необходимы, чтобы избежать уголовная ответственность. Однако руководящие принципы, в которых приводятся конкретные примеры деталей соответствия схемам по антикоррупционной политике корпораций может поставить точки отсчета, необходимой для оценки каждого отдельного случая, законных действий организаций по соблюдению антикоррупционного закона.

Пристатейный библиографический список

1. Законодательное руководство по разработке и осуществлению Конвенции ООН против коррупции. Второе исправленное издание, 2012. - С. 92.
2. Пояснительный доклад к Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, ETS № 173. - П. 86.10
3. Рамочное решение Совета 2003/568 / JHA от 22 июля 2003 г. о борьбе с коррупцией в частном секторе. - OJ L 192. - 31.7.2003. - С. 54.
4. Селиванов А. И. Геополитические и геоэкономические причины коррупции в России // Государственная власть и местное самоуправление. - 2010. - № 5. - С. 35-43.
5. Сухаренко А. Транснациональная коррупционная деятельность российских бизнесменов // Внешне-торговое право. - 2009. - № 2. - С. 15-16.

ТАЛЫНЕВА Земфира Зинуровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики предпринимательства Уфимского государственного авиационного технического университета

ЛИФАНОВА Марина Владиславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета

КУРАТОРСТВО В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В статье рассмотрены понятие кураторства в образовательном учреждении и функции куратора студенческой группы, обоснована проблема оптимизации воспитательного процесса в вузе с участием института кураторства. Отмечается, что кураторство следует рассматривать не только как эффективную систему взаимодействия преподавателя и студентов, но и как часть системы профилактики преступлений в студенческой среде. Проанализированы отдельные аспекты профилактической деятельности преподавателей и сотрудников образовательных учреждений высшего образования, сформулированы предложения по совершенствованию предупреждения преступлений среди обучающихся.

Ключевые слова: студент, предупреждение преступлений, куратор, психолог, примирительный характер, правоохранительная деятельность.

TALYNEVA Zemfira Zinurovna

Ph.D. in Law, associate professor of Business economics sub-faculty of the Ufa State Aviation Technical University

LIFANOVA Marina Vladislavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and process sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University

CURATORSHIP IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS AS ONE OF THE DIRECTIONS OF CRIME PREVENTION AMONG STUDENTS

The article examines the concept of curatorship in an educational institution and the functions of the curator of a student group, substantiates the problem of optimizing the educational process at a university with the participation of the institute of curatorship. It is noted that curatorship should be considered not only as an effective system of interaction between teachers and students, but also as part of the crime prevention system in the student environment. Some aspects of the preventive activities of teachers and employees of educational institutions of higher education are analyzed, proposals for improving the prevention of crimes among students are formulated.

Keywords: student, crime prevention, supervisor, psychologist, conciliatory nature, law enforcement.

Талынева З. З.

Лифанова М. В.

Преступность несовершеннолетних и молодежи в РФ традиционно рассматривается как одна из серьезнейших криминологических проблем, поскольку она образует основу для формирования преступности взрослых лиц, и в особенности организованной и рецидивной преступности. Современная молодежная преступность характеризуется весьма существенными криминологическими особенностями, среди которых жестокость, высокий удельный вес насильственных и корыстно-насильственных преступлений, а также преступлений, совершенных в состоянии опьянения.

Частью преступности лиц молодого возраста является преступность студенческой молодежи. По данным МВД РФ в 2021 году в России было выявлено 31153 учащихся и студентов, совершивших преступления. Их удельный вес в общем числе выявленных лиц составил 3,7 %¹.

Актуальность исследования обусловлена комплексом насущных проблем, лежащих в сфере профилактики преступлений среди студенческой молодежи. Как говорят врачи, «болезнь легче предупредить, чем лечить»

1 Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552> (дата обращения: 25.01.2022).

Сложная экономическая и политическая ситуация в стране, распад духовных и нравственных ценностей, неуверенность в завтрашнем дне привели к дезориентации в окружающем мире и ко внутренним конфликтам личности, при этом «необходимость адаптироваться в новых условиях жизни – важнейшее требование к современным выпускникам вузов» [3, с. 98]. Зачастую такая дезориентация и толкает молодежь на совершение правонарушений и преступлений.

В данной статье речь пойдет о профилактике преступлений среди молодежи, обучающейся в вузах.

Противодействие преступности включает в себя не только выявление и расследование преступлений с последующим преданием обвиняемого суду и исполнением наказания, но и широкий спектр действий по предупреждению преступных деяний. Исследуя закономерности противоправного поведения, способы совершения правонарушений и преступлений, факторы, им способствующие, специфику личности преступника, можно выделить общественные сферы, требующие приоритетного внимания в целях ограничения возможностей для возникновения и реализации противоправного умысла.

В настоящее время особую значимость приобретают профилактические криминологические меры, ориентиро-

ванные на отдельные социальные группы, которые потенциально могут быть вовлечены в совершение правонарушений и преступлений.

Профилактика, ориентированная на молодежь, связана с принятием мер, удерживающих лиц от желания совершения правонарушений и преступлений.

Молодежная преступность как социальная проблема уходит корнями в далекое историческое прошлое. Во все времена состояние преступности среди молодежи являлось неотъемлемым элементом нравственно-правовой характеристики общества.

Задача современного высшего и среднего профессионального образования – не только дать студентам знания, навыки, умения, но и направить формирование личности молодого человека в нужное русло, в сторону самоопределения и раскрытия его творческого потенциала.

Большое значение при проведении профилактических мер среди учащихся средних профессиональных учебных заведений и студентов высших учебных заведений имеет работа кураторов учебных групп, курсов.

Слово «куратор» произошло от латинского *curator*, что в переводе означает «попечитель» – человек, который опекает кого-либо, присматривает, наблюдает, соответственно термин «курировать» означает заботиться [2, с. 205].

Куратор – это один из преподавателей, который выполняет роль связующего звена между руководством кафедры, факультета или вуза и студентами группы. Он тесно сотрудничает со старостой группы, передает необходимую информацию. Куратор – преподаватель, в обязанности которого входит академическое руководство студенческой группой и внеучебной жизнью студентов, обеспечение соблюдения студенческой группой внутривузовской дисциплины. Он разъясняет сложные моменты, отвечает на вопросы и мотивирует. Также занимается организационными моментами.

Основные функции куратора: административная, организаторская, информационная, коммуникационная, лидерская, воспитательная.

Более подробно остановимся на организаторской функции, которая включает в себя организацию вместе с группой различных мероприятий – спортивных, военно-патриотических, культурных, развлекательных. Это способствует сплочению дружного коллектива, воспитанию нравственности. Сюда же можно отнести профориентационную работу (знакомство с будущей профессией, экскурсии на предприятия, встречи с представителями профессии) и думается, что в наше непростое время необходимо включить в план работы кураторов обязательное приглашение представителей правоохранительных органов (прокурора, руководителя следственного подразделения, начальника участковых уполномоченных и других представителей ОВД) для выступления перед студентами с вопросами по изменению законодательства, о санкциях за совершенное правонарушение и преступление, о статистике преступности и правонарушений в России. Ведь «незнание закона не освобождает от ответственности».

Предупреждение и профилактика преступлений органами внутренних дел – это деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением. Предупреждение преступлений органами внутренних дел осуществляется с целью защиты личности, общества, государства от преступных посягательств, противодействия криминогенным процессам в обществе, обеспечения сдерживания и сокращения преступности [4].

Как показывает практика, молодежь не имеет элементарного представления об отличиях правонарушения от преступления, кражи от мелкой кражи, административного наказания от уголовного наказания.

Мы не призываем читать студенческой молодежи лекции по уголовному праву, уголовному процессу, но основные

понятия права необходимо доводить до студентов, т.к. нормы права постоянно претерпевают изменения и дополнения.

Вопросы профилактики преступлений очень актуальны в настоящее время. Следователи, дознаватели при окончании расследования уголовного дела обязательно готовят представление об устранении причин и условий, способствующих совершению преступления, и направляют его руководителю по месту совершения преступления с целью пресечения, предупреждения совершения подобных преступлений. Руководитель, в свою очередь, получив данное представление, должен отреагировать на него и дать ответ следователю, дознавателю.

Основными задачами профилактики преступлений являются: формирование законопослушного поведения граждан и должностных лиц; снижение размеров причиняемого ущерба и потерь от правонарушений; устранение причин и условий совершения правонарушений; недопущение совершения правонарушений со стороны физических и юридических лиц.

Куратор получает надбавку к заработной плате, поэтому в обязательном порядке должен заниматься своей академической группой, а не только числится за ней, как происходит зачастую.

Соразмерность преступления и наказания, по мнению Ч. Беккариа, заключается во всеобщей пользе, в том, чтобы преступление в принципе не совершалось, а наказание выступало препятствием, сдерживающим людей от преступлений. Следовательно, наказание должно быть достаточно суровым. По его мнению, чем скорее следует наказание за преступлением, чем ближе к нему, тем оно справедливее и полезнее [1, с. 183].

Профилактика преступлений студентов – сложная и ответственная деятельность, которая не должна сводиться к решению специальных задач только правоохранительными органами.

Проблемой профилактики преступлений студентов прежде всего должны заниматься кураторы групп, кураторы курсов, преподаватели, ведущие занятия, заведующие кафедрами, деканы, начальники факультетов, психологи и другие специалисты высших образовательных учреждений.

Результативность этой деятельности, конечно, зависит и от личностных особенностей этих лиц, их интеллектуальных качеств, профессиональной подготовленности и общего уровня культуры. Отсюда вытекает необходимость повышения воспитательной компетентности сотрудников и преподавателей всех учебных заведений. Цель воспитания состоит в формировании молодого человека с нравственными установками и общечеловеческими ценностями.

Пристатейный библиографический список

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях /сост. и предисл. В. С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2020. – VI, 183 с.
2. Декина Е. В. Новые подходы к работе куратора студенческой группы // Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильной реальности к устойчивому развитию. – 2021. – № 1. – С. 204-207.
3. Коган О. С., Лифанова М. В. Образовательные технологии: трудности и перспективы // Вестник УГНТУ. – 2021. – № 2 (36). – С. 96-101.
4. Талынева З. З. Частное постановление (определение) как форма осуществления функции предупреждения (профилактики) преступлений по делам частного обвинения // Мир юридической науки. – 2017. – № 3.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-290-292

ШАДРИН Иван Александрович

доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Шадрин И. А.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ (ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ) И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: О ТЕОРЕТИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

В статье исследуются вопросы взаимосвязи дифференциации уголовной ответственности и криминализации в контексте уголовно-правовой политики государства. Рассматриваются вопросы соотношения данных понятий, посредством анализа самой сущности процесса отнесения тех либо иных деяний к числу общественно опасных. Для полного понимания вопросов совершенствования дифференциации уголовной ответственности за отдельные уголовно-наказуемые деяния анализируется практическая сторона криминализации, предусматривающая этапы: выявления общественно опасных деяний, требующих государственного реагирования с использованием уголовно-правовых средств; анализа и оценки природы таких деяний с учетом сложившихся в обществе политических, культурных, социально-экономических и криминогенных и иных факторов; прогнозирования и оценки социально-полезных результатов от предполагаемых нововведений. Понятие криминализации раскрывается посредством характеристики процесса деятельности (научной, законодательной), имеющий целью принятие законодательного решения, об отнесении (не отнесении) того либо иного деяний (деяний) к числу общественно опасных, в то время как понятие дифференциации уголовной ответственности определяется в качестве теоретической абстракции, устанавливающей один из основных принципов-ориентиров для такой деятельности. Констатируется взаимосвязь криминализации и, фактически, производной от нее дифференциации, которая имеет место, как при отнесении законодателем деяний к числу уголовно-наказуемых впервые, так и при изменении степени криминализации тех либо иных деяний. Делается вывод о том, что дифференциацию уголовной ответственности и наказания необходимо относить к разряду принципов криминализации.

Ключевые слова: дифференциация, уголовная ответственность, криминализация, декриминализация, уголовная политика, общественная опасность.

SHADRIN Ivan Aleksandrovich

associate professor of Prosecutorial supervision and participation of the prosecutor in civil, arbitration and administrative proceedings sub-faculty of the Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

CRIMINALIZATION (DECRIMINALIZATION) AND DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY: ON THE THEORETICAL RELATIONSHIP OF CONCEPTS

The article examines the relationship between the differentiation of criminal responsibility and criminalization in the context of the state's criminal law policy. The issues of the correlation of these concepts are considered, through the analysis of the very essence of the process of classifying certain acts as socially dangerous. For a complete understanding of the issues of improving the differentiation of criminal responsibility for certain criminal offenses, the practical side of criminalization is analyzed, which includes the following stages: identifying socially dangerous acts requiring state response using criminal law means; analysis and assessment of the nature of such acts, taking into account the political, cultural, socio-economic, criminogenic and other factors prevailing in society; predicting and evaluating socially beneficial results from proposed innovations. The concept of criminalization is revealed through the characteristics of the process of activity (scientific, legislative), with the aim of making a legislative decision, on classifying (not referring) one or another act (act) to the number of socially dangerous, while the concept of differentiation of criminal liability is defined as a theoretical abstraction, establishing one of the basic guidelines for such activities. The interrelation of criminalization and, in fact, the differentiation derived from it, which takes place, both when the legislator classifies acts as criminally punishable for the first time, and when the degree of criminalization of certain acts changes. It is concluded that the differentiation of criminal responsibility and punishment should be referred to the category of the principles of criminalization.

Keywords: differentiation, criminal responsibility, criminalization, decriminalization, criminal policy, social danger.

Уголовно-правовая наука как область теоретических знаний, лежащих в основе отраслевого права и правоприменительной деятельности, пребывает в постоянном развитии. Развивается и ее категориальный аппарат, постоянно дополняемый новой юридической терминологией, что, в итоге, способствует выведению и обоснованию новых теоретических положений и концепций. Четкое и однозначное толкование основополагающих теоретических понятий, используемых в уголовно-правовой науке, имеет при этом также немаловажное значение. Так, по верному замечанию А.

В. Венгерова, определение юридических понятий является: «не какой-то казуистикой или схоластикой, а наоборот, чрезвычайно важным научным и практическим занятием, если вспомнить, что за всем этим стоят живые люди, их деятельность, благополучие, а иногда и жизнь» [1].

Криминализация (декриминализация) и дифференциация уголовной ответственности связаны рамками единой уголовно-правовой сферы, осуществляются на законодательном уровне и обусловлены государственной уголовно-правовой политикой, в контексте которой, соответствующие понятия

тесно переплетены. Это, в свою очередь, требует выяснения теоретического соотношения данных понятий, что и является целью настоящей статьи.

Проблематике, связанной с криминализацией (декриминализацией) и дифференциацией уголовной ответственности, уделяется достаточно широкое внимание в науке уголовного права. В числе ученых, которые в разное время внесли существенный вклад в научную разработку данных вопросов, необходимо отметить: Т. А. Лесниевски-Костареву, А. И. Коробееву, А. С. Дагеля, В. И. Курлядского, И. М. Гальперина, Ю. Б. Мельникову, Г. А. Злобина, С. Г. Келина и А. М. Яковлева, Л. М. Прозументова, Л. В. Кругликова, а также многих других. Однако, несмотря на тесную взаимосвязь рассматриваемых понятий, вопросы дифференциации уголовной ответственности, традиционно относятся к предмету исследований общей части уголовного-правовой науки, в то время как проблемы, связанные с криминализацией, обсуждаются преимущественно в связи с обоснованием необходимости введения или отмены уголовно-правового запрета на определенные деяния, подпадающие под признаки общественной опасности. В то же время, вопросы теоретического соотношения указанных понятий получили в науке минимальное освещение.

В науке уголовного права дифференциацию уголовной ответственности принято относить к принципиальному направлению уголовно-правовой политики государства [2]. В приближенном, к такому пониманию, контексте рассматривают данное понятие, в частности:

– А. И. Коробеев, определяющий дифференциацию ответственности и наказания как принцип уголовно-правовой политики наряду с индивидуализацией [3];

– А. С. Дагель – цель уголовно-правовой политики [4];

– В. И. Курлядский – задача уголовно-правовой политики в сфере правотворчества [5];

– И. М. Гальперин – тенденция развития уголовного законодательства [6];

– Г. А. Злобин, С. Г. Келина и А. М. Яковлев – один из принципов уголовной политики [7], а также другие исследователи.

В своем сущностном выражении дифференциация уголовной ответственности представляет установление в законе различных видов уголовной ответственности, включая их форму, объем и меру [8]. Для конкретизации понятия дифференциации заслуживает также внимания мнение А. Ю. Бокони, определяющем его как: «... установление в уголовном законе различий её оснований, формы реализации и объёма с учётом характера и типовой степени общественной опасности преступления и типовых свойств личности виновного» [9].

Наиболее полно в содержательном плане понятие дифференциации уголовной ответственности определяет Л. Л. Кругликов, рассматривая дифференциацию одновременно в качестве инструмента используемого законодателем и принципа законодательства, согласно которому: «... законодатель, устанавливая уголовно-правовой запрет, должен разрешить целый комплекс проблем, возникающих применительно к диспозициям и санкциям соответствующих уголовно-правовых норм, как то: о необходимости уголовного наказания за это деяние; о возможности применения иных мер уголовно-правового характера за его совершение, ... о видах и пределах наказания, ... о конструировании квалифицированных составов и использовании определенных квалифицирующих признаков; о типе и виде санкций, а следовательно, и границах судебного усмотрения при применении конкретной уголовно-правовой нормы и т. п.» [10].

Дифференциация уголовной ответственности относится к числу необходимых частных целей уголовной политики государства, определяющей общие направления противодействия преступности. Дифференциация уголовной ответственности, как верно отмечает Е. В. Рогова, должна, с одной стороны, «... соответствовать разнообразию видов преступлений и лиц, их совершивших, а с другой стороны, учитывая все объективные и субъективные особенности конкретного преступления, позволять назначить лицу оптимальную

меру ответственности, обеспечивая тем самым достижение обозначенных в уголовном законе целей наказания» [11].

В основе дифференциации уголовной ответственности лежит существование установленного государством уголовно-правового запрета, только лишь при наличии которого она осуществима как деятельность законодателя и, одновременно, как результат такой деятельности [12]. Речь, в данном случае, идет уже о криминализации. В практическом законодательстве, государство, устанавливая уголовно-правовой запрет, одновременно осуществляет и дифференциацию уголовной ответственности, решая, при этом такие необходимые задачи как установление видов и пределов наказаний, типов и видов уголовно-правовых санкций, конструирование квалифицированных составов и др. [13].

В то же время отсутствие законодательного решения о криминализации определенного деяния, равно как и его декриминализация, делает невозможной последующую дифференциацию уголовной ответственности и наказание за него. Показательным тому примером служит фактическая правовая декриминализация таких общественно-опасных деяний, как посредничество во взяточничестве и посредничество в коммерческом подкупе, если сумма денежных средств, составляющих предмет незаконного вознаграждения при совершении указанных деяний, не превышает 25 тыс. рублей. Такое уголовно-правовое положение, в свою очередь, объективно противоречит принципам научной дифференциации уголовной ответственности за уголовно-наказуемую коррупцию. Исходя из этого, полноценному решению задачи, состоящей в законодательном совершенствовании дифференциации уголовной ответственности, применительно, в частности, к посредничеству во взяточничестве, предшествует криминализация простого состава данного деяния.

Для более полного понимания вопросов совершенствования дифференциации уголовной ответственности за отдельные уголовно-наказуемые деяния важное значение имеет анализ практической стороны криминализации.

В широком плане криминализация является одним из направлений уголовно-правовой политики государства, в содержание которой дополнительно входят декриминализация, как направление обратное криминализации, а также пенализация, депенализация, определение принципов воздействия на преступность и др. [14, 15].

Криминализация (декриминализация) представляет собой определенный процесс научной и законодательской деятельности, предусматривающий несколько условных этапов ее осуществления для достижения конечной своей цели, заключающейся в обосновании и принятии решения об установлении уголовно-правового запрета или его исключении.

На первоначальном этапе осуществляется предварительная научно-аналитическая проработка последующего законодательного решения о криминализации с целью:

1) выявления общественно опасных деяний, требующих государственного реагирования с использованием уголовно-правовых средств;

2) актуальной оценки природы таких деяний с учетом сложившихся в обществе политических, культурных, социально-экономических и криминогенных и иных факторов;

3) прогнозирования и оценки социально-полезных результатов от предполагаемых нововведений.

На последующем этапе криминализации (декриминализации) принимается решение о необходимости установления соответствующего уголовно-правового положения, формулируется его текстовое содержание, а также осуществляется процедура законодательного рассмотрения и принятия решения [16].

Из вышеуказанного следует, что понятие криминализации раскрывается посредством характеристики процесса деятельности (научной, законодательной), в то время как понятие дифференциации уголовной ответственности является теоретической абстракцией, устанавливающей один из основных принципов-ориентиров для такой деятельности.

Более детальная взаимосвязь рассматриваемых понятий раскрывается посредством анализа самой сущности про-

цесса отнесения тех либо иных деяний к числу общественно опасных.

Криминализацией, как уже отмечалось, является принятие законодателем решения, об отнесении того либо иного деяний (деяний) к числу преступных, т.е., общественно опасных. Именно поэтому мы можем выделить основную характерную особенность общественной опасности как правовой категории – она, в определенной степени, производна от воли законодателя, и, таким образом, по своей природе субъективна. Вопрос о криминализации определенного деяния не может оставаться решенным раз и навсегда, так как он обусловлен объективной динамикой социально-политических, криминологических, а также иных факторов. Деяние может быть криминализовано или же, наоборот, декриминализовано, т.е. отнесено законодателем к разряду не представляющих опасности для общества. Объективно может меняться и степень криминализации деяния, ибо сложно, в таком случае, подобрать какое-то другое определение для решения законодателя, которым вносятся изменения в норму об уголовной ответственности, относя уголовно-наказуемое деяние к категории более тяжких, или же менее тяжких преступлений. По своему существу, такого рода изменения заключаются в изменении степени криминализации, ведь таким решением законодателя фактически изменяется характер общественной опасности деяния, как более субъективной, нежели объективной по своему существу величины, абстрактизируемой в соответствующей правовой категории. При этом, все принимаемые в контексте криминализации и декриминализации решения должны быть подчинены руководящей идее дифференциации уголовной ответственности, в которой консолидированы актуальные для эпохи и общественно-политической формации представления об общественной опасности тех либо иных деяний исходя из существующих факторов политической, культурной, социально-экономической и криминогенной природы.

Как считает Т. А. Лесниевски-Костарева, к числу оснований для дифференциации уголовной ответственности следует относить: во-первых – характер и степень общественной опасности деяния; во-вторых – типовую степень общественной опасности преступника [17]. В свою очередь общественная опасность зависит от объекта преступного посяательства и объективной стороны деяния. При этом, в зависимости от объективных факторов общественного развития, возможно как повышение, так и понижение общественной опасности того или иного деяния, что объективно обусловлено уровнем социального значения вреда причиняемого объекту посяательства, а также уровнем опасности способа совершения преступления [18]. Поэтому в основе совершенствования дифференциации уголовной ответственности лежит анализ таких изменений. В свою очередь, только постоянное совершенствование дифференциации уголовной ответственности позволяет говорить об эффективности существующего уголовно-правового запрета. В этом, как нам представляется, отражается «обратная связь» между дифференциацией уголовной ответственности и криминализацией.

Исходя из изложенного следует заключить также следующее:

1. Понятие криминализации (декриминализации) характеризует процесс научной и законодательной деятельности, имеющий целью принятие законодательного решения, об отнесении (не отнесении) того либо иного деяний (деяний) к числу преступных, т.е., общественно опасных. В то же время понятие дифференциации уголовной ответственности является теоретической абстракцией, устанавливающей один из основных принципов-ориентиров для такой деятельности.

2. Вопросы дифференциации уголовной ответственности и ее совершенствования следует рассматривать в контексте криминализации определенных деяний, что способствует пониманию системной сущности единого законодательного процесса. При этом достижение целей дифференциации уголовной ответственности, применительно к определенным преступлениям, логически обусловлено состоянием их криминализации. Взаимосвязь криминализации и, фактически,

производной от нее дифференциации имеет место, как при отнесении законодателем деяний к числу уголовно-наказуемых впервые, так и при изменении степени криминализации тех либо иных деяний. Поэтому, дифференциацию уголовной ответственности и наказания необходимо относить к разряду принципов криминализации, придавая в сложной системе уголовно-правовых категорий, качество условной «подчиненности» последней в их соотношении.

Пристатейный библиографический список

1. Венгеров А. Б. Теория государства и права: Учебник для юрид. вузов. – М.: Новый юрист, 1998. – С. 407.
2. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство НОРМА, 2000 – 400 с.
3. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика. – Владивосток, 1987. – С. 33.
4. Дагель П. С. Уголовная политика в сфере борьбы с преступной неосторожностью // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью. – Владивосток, 1981. – С. 10.
5. Курляндский В. И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. – М., 1975. – С. 77.
6. Гальперин И. М. Дифференциация уголовной ответственности и эффективность наказания // Сов. государство и право. – 1983. – № 3. – С. 70-71.
7. Злобин Г. А., Келина С. Г., Яковлев А. М. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности // Сов. государство и право. – 1977. – № 9. – С. 54.
8. Мельникова Ю. Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – С. 38.
9. Боковня А. Ю. Понятие, критерии дифференциации уголовной ответственности и вопросы ее реализации // Уголовном кодексе Российской Федерации // Ученые записки Казанского университета (Гуманитарные науки). – 2015. – Том 157, кн. 6. – С. 230.
10. Крутлик Л. В. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. № 3. – С. 10.
11. Рогова Е. В. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства в области дифференциации уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 3. – С. 154.
12. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С. 52.
13. Крутлик Л. В. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. № 3. – С. 10.
14. Цветинович А. Л. Тенденции уголовной политики: вчера, сегодня, завтра // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. – М., 1994. – С. 11-12.
15. Цветинович А. Л. Уголовно-политические основания нормотворчества. – С. 4–5, 7, 8.
16. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – М.: Статут, 2012. – С. 39.
17. Костарева Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности): Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1992. – С. 6.
18. Прозументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2012. – С. 35.

АЛИЕВ Шапи Изиевич

доктор социологических наук, доцент, директор Дагестанского гуманитарного института (филиала) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

КАХРУМАНОВА Шарифа Абупьяновна

старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

АБДУРАХМАНОВА Минаш Салавутдиновна

старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПРОСТРАНСТВЕ И ВО ВРЕМЕНИ

В статье затрагиваются аспекты, связанные с возникновением новых направлений совершенствования временных и пространственных параметров уголовного законодательства. Условия и порядок применения пространственных и временных норм в уголовном законодательстве влияют на преобразования, происходящие в современном обществе. Совершенствование таких механизмов способствует повышению эффективности правовых моделей, их интеграции на мировом уровне. Большую роль в этом плане играет изучение зарубежного законодательства с целью совершенствования норм национального уголовного законодательства и взаимодействия в рамках борьбы с преступностью.

Ключевые слова: уголовный закон, действие во времени, эффективность правовых моделей, зарубежное законодательство.

ALIEV Shapi Izievich

Ph.D. in sociological sciences, associate professor, Director of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the educational institution of higher education trade unions "Academy of Labor and Social Relations"

КАХРУМАНОВА Sharifa Abupyayonovna

senior lecturer of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the educational institution of higher education trade unions "Academy of Labor and Social Relations"

ABDURAKHMANOVA Minash Salavutdinovna

senior lecturer of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the educational institution of higher education trade unions "Academy of Labor and Social Relations"

FOREIGN EXPERIENCE OF CRIMINAL LEGISLATION IN SPACE AND TIME

The article touches upon aspects related to the emergence of new directions for improving the temporal and spatial parameters of criminal legislation. The conditions and procedure for the application of spatial and temporal norms in criminal legislation affect the transformations taking place in modern society. The improvement of such mechanisms contributes to the effectiveness of legal models and their integration at the global level. An important role in this regard is played by the study of foreign legislation in order to improve the norms of national criminal legislation and cooperation in the fight against crime.

Keywords: criminal law, action in time, effectiveness of legal models, foreign legislation.

Условия и порядок применения пространственных и временных норм в уголовном законодательстве влияют на преобразования, происходящие в современном обществе, что усиливает интерес к проблемам их разрешения. Провозглашение правовых демократических основ Российской Федерации обуславливает возникновение новых направлений совершенствования временных и пространственных параметров уголовного законодательства. Это, в свою очередь, подтверждает значимость предусмотренных в Конституции РФ прав и свободы личности как особой ценности демократического общества. Совершенствование таких механизмов способствует повышению эффективности правовых моделей, их интеграции на мировом уровне. Большую роль в этом плане играет изучение зарубежного законодательства с целью совершенствования норм национального уголовного законодательства и взаимодействия в рамках борьбы с преступностью.

Проанализируем уголовное законодательство представителей романо-германской правовой модели, которые можно дифференцировать по трем направлениям, которые ориентируются на законодательные ограничения по вопросам действия обратной силы уголовного закона. Такие развитые государства как Австрия, Болгария, Гер-

мания относятся к группе стран с большим количеством законодательных пределов (ограничений), то есть для них характерен уровень минимального благоприятствования и реализации подобных уголовно-правовых норм. На примере Германии проанализируем некоторые проблемы регулирования норм уголовного законодательства во времени и пространстве. Правовые элементы нормы уголовного закона во времени, их действие и механизм регулирования содержатся в положении 1 главы «Сферы действия» Германии. Особого анализа требуют 2 и 8 параграфы этого закона. Именно они содержат регламент времени деяния и времени действия закона.

Их анализ позволяет сделать вывод о том, что данные институты аналогичны механизмам, действующим в законодательстве РФ. Некоторые отличия предполагают законодательные ограничения действия обратной силы уголовного законодательства. Регламентация обратной силы закона в уголовном законодательстве действует в следующем порядке: если на момент окончания преступления действовали меры уголовной ответственности, то они должны быть заменены на нормы более мягкого характера до времени вынесения окончательного решения. В этом случае действует следующее

правило: уголовно-правовые нормы, отягчающие и усиливающие ответственность, не могут иметь обратной силы.

Таким образом, обратной силой наделены более мягкие нормы уголовного закона. Сам момент принятия правоприменительного решения ограничивает возможность его применения. Время совершения самого преступления закрепляет применение норм уголовного закона. По мнению А. В. Елинского, такой подход обуславливает положение о том, что принцип определенности в праве всегда уступает принципу приоритета правосудию объективного характера, при тех условиях, когда невозможно согласовать позитивное право и так называемую справедливость [1, с. 18].

Определенный интерес вызывают нормы, согласно которым по уголовному законодательству на момент выноса решения могут быть применены меры исправительного характера. Это положение действует в том случае, если нормы уголовного законодательства ничего иного не предусматривают. Можно сделать вывод о том, что в уголовном законодательстве Германии действуют нормы, которые содержат определенные ограничения в части действия закона во времени и пространстве. Они зависят от некоторых субъективных факторов, таких как, лишения соответствующих прав, режима содержания больных наркоманией и алкоголизмом, лечения в психиатрических больницах, наличия имущественных и денежных штрафов или наказание в виде лишения свободы.

Время, в момент которого было исполнено преступление, является в соответствии с уголовным законодательством Германии ключевым моментом действия закона во времени. Определяя время бездействия правоприменитель учитывает именно тот момент времени, когда потенциальный участник преступления должен был осуществить действия, которые предотвратили бы наступления конкретных последствий.

Анализируя действие уголовного законодательства Германии во времени, можно сделать вывод о том, что оно содержит следующие положения:

- обратной силы не имеют уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за преступные деяния;
- обратная сила закона распространяется только на уголовно-правовые нормы, смягчающие ответственность;
- время принятия конкретного нормативно-правового акта является основополагающим фактором в части применения мер ответственности с использованием так называемых «промежуточных» уголовно-правовых норм;
- при выносе решения уголовный закон опирается на конкретное время или определенный в законе срок с целью установления времени совершения преступления;
- нормы уголовного законодательства, с помощью которых регламентируется механизм применения мер исправления, подлежат немедленному исполнению. Их основной целью является обеспечение общественной безопасности [2, с. 34].

Итак, уголовно-правовые нормы законодательства Германии полностью отражают и соответствуют нормам, содержащимся в международных документах. По аналогии разработан механизм правового регулирования уголовного закона во времени законодателями Восточной Европы, а именно Болгарии.

Например, в ст. 2 УК Болгарии от 15.03. 1968 года [1, с. 18] содержится положение, согласно которому может быть применен закон, который действовал на момент совершения преступного деяния. То есть, правоприменитель для совершившего преступление использует более благоприятную и щадящую уголовно-правовую норму, в том случае, если смягчающий по своей тяжести закон был издан до вступления в законную силу обвинительного приговора. Никаких других разъяснений дополнительного характера в законе нет, что подтверждает применение более жестких рамок и законода-

тельных ограничений до вступления в силу обвинительного приговора суда.

С точки зрения научного подхода интересными являются действия уголовно-правовых норм во времени таких стран как Дании, Испании, Китая и Франции. Приведенный нами анализ позволяет констатировать тот факт, что в этих государствах действуют более мягкие и лояльные нормы обратной силы уголовного закона во времени. Некоторые положения уголовного законодательства Испании имеют максимальную схожесть с УК Германии. В качестве примера можно привести ч. 2 ст. 2 УК Испании от 01.04.1995 года [3]: обратную силу имеет норма уголовного законодательства, в соответствии с которой улучшается положение лица, даже при том условии, что приговор уже вынесен и приведен в исполнение. Подобный институт действия обратной силы практически также урегулирован и действует в РФ.

В положении ст. 5 уголовного законодательства Испании содержатся ограничения, согласно которым на уголовно-правовые нормы применения мер ответственности не распространяется обратная сила закона. Подобные нормы подтверждают полнейшую аналогию действия уголовного закона во времени в Германии. Такая модель обратной силы уголовного закона ориентирована на позицию Европейского суда по правам человека, который рассматривал проблемы такого рода с учетом применения иных различных уголовно-правовых норм. Впервые в 1950 году в ч. 1 ст. 7 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на законодательном уровне было закреплено такое понятие как «наказание». В частности, уголовно-правовые меры являются наказанием только в части нарушения рассматриваемого нами принципа.

Следует отметить, что законодательство Франции решает проблему действия уголовного закона во времени в соответствии со статьями 112-114 УК Франции «Действие уголовного закона во времени» [4], регламентирующие механизм действия уголовно-правовых норм во времени.

Анализируя нормы уголовного закона Франции, можно сделать вывод о полном их соответствии обязательствам международного характера, то есть:

- наличие запрета на действие обратной силы в уголовном законодательстве, которое усиливает соответствующее наказание;
- наличие обратной силы в уголовном законодательстве, которое смягчает соответствующее наказание.

Итак, действие уголовного законодательства Франции по своему содержанию отличается от подобных норм УК Германии и УК РФ. Некоторым статьям следует уделить особое внимание. Так, статья 112 УК Франции содержит указание на обстоятельства, с которыми закон связывает возможность применения обратной силы. Таким обстоятельством является преступление, не ставшее предметом выноса обвинительного решения судом, которое было совершено и вступило в силу еще до введения в действие смягчающих ответственность уголовно-правовых норм.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уголовное законодательство Франции, предусматривает возможность применения механизма обратной силы закона. Статья 112.2 УК Франции содержит следующие направления:

- определяет полномочия и организацию деятельности судебных органов;
- законодательно закрепляет устанавливающие способы преследования и формы производства по конкретному уголовному делу;
- режим применения и режим исполнения наказаний с помощью нормативно-правового регулирования;
- указание на то, что закрепляются сроки исковой давности в отношении уголовных преследований и исполнения наказаний если сроки давности еще не прошли на нормативном уровне.

«dispositions qui aggravent la situation d'un sujet particulier.
– détermine les pouvoirs et l'organisation de l'appareil judiciaire;
– la législation fixe les méthodes de poursuite et les formes de procédure dans une affaire pénale particulière;
– le régime d'application et d'exécution des peines par le biais de la réglementation;
– l'indication de ce que sont fixés les délais de prescription en matière de poursuites et d'exécution des peines si les délais de prescription ne sont pas encore sur le plan normatif».

Анализ законодательства позволяет сделать вывод о том, что УК Франции гораздо демократичней и лояльней в части реализации норм, связанных с применением обратной силы уголовного законодательства. В отношении приговоров суда, вступивших в законную силу с применением норм, неотмененных по новому закону уголовным наказанием, предусмотрены ограничения, то есть составы преступлений не декриминализованы.

Практически такой же порядок применения обратной силу уголовного закона предусматривает УК Дании. Так, в части 1 статьи 3 УК Дании [5] содержится строгий запрет какие-либо изменения приговора суда, вступившего в силу по закону. Применение новых более мягких норм по сравнению с ранее действующим уголовным законом является обязательным. В соответствии с положением части 2 статьи 3, в случаях декриминализации соответствующих составов преступлений, пересмотр приговоров суда также является обязательным.

Итак, по уголовному законодательству Дании, также как и по УК Франции, запреты на действие обратной силы касаются только тех приговоров суда, вступивших по приговору суда в законную силу, в которых отсутствует декриминализация составов преступлений. Нормы уголовного закона Дании закрепляют процедуру применения мер ответственности. Они предусматривают не только механизм их назначения, но и последствия их применения с учетом действия обратной силы уголовного закона.

Среди иностранных государств наиболее типичным представителем в этой части является Аргентина. В соответствии с положением статьи 2 УК Аргентины от 29.10.1929 года [6], в данном государстве широко распространен механизм действия обратной силы уголовного законодательства. Как и во многих других странах он действует при смягчении мер ответственности. Срабатывает следующая правовая модель: если на момент совершения преступного деяния, имели правовую силу отличные от действующих во время ведения следственных действий или выноса решения суда нормы, то должны быть применены нормы более мягкие по своему содержанию. Также срабатывает правовой механизм при условии, что решение суда вступило в силу уже на момент прибытия подсудимого под стражей и отбывания соответствующего наказания. То есть применяются вновь принятые изменения в уголовном законодательстве, смягчающие меры ответственности или назначенный срок отбывания наказания должен быть сокращен.

Современная система регулирования, предусмотренная в УК РФ, действует по аналогии и в полной мере отражает проанализированный нами механизм обратной силы уголовного закона. Автоматически применяется процедура ограничений и запрета на применение уголовно-правовых норм, ухудшающих положение совершивших преступное деяние лиц.

Уголовное законодательство Польши (ст. 4 УК Польши от 01.01.1997 года) содержит положение, согласно которому, правоприменитель практически также использует механизм обратной силы закона. Это означает, что смягчающие ответственность нормы уголовного закона применяются при обстоятельствах, когда соответствующие санкции отменены или изменены [7].

Таким образом, можно констатировать факт, что в рассмотренных нами странах реализация механизма действия уголовных норм с учетом временных параметров имеет четкую регламентацию, им свойственна определенная проработанность. Однако, опыт применения уголовно-правовых норм европейских стран доказывает, что, собственно, сама процедура действия норм во времени, действующая в Российской Федерации, является достаточно либеральной по своему содержанию. Практика подтверждает эффективность их применения в полном объеме.

Итак, нами проанализированы некоторые особенности и специфика механизма правовой модели действия закона во времени и пространстве, действующие в уголовном законодательстве Америки. На основе проведенного анализа можно утверждать, что уголовное законодательство Америки построено на базе общих положений международных нормативных правовых актов, что свидетельствует о наличии правовой основы осуществления международного сотрудничества в сфере противодействия преступности даже при наличии определенных специфических черт, обусловленных, в том числе, фактическими возможностями правоохранительных органов по противодействию преступности.

Таким образом, оптимизация и эффективность механизма действия уголовного закона в пространстве и во времени развитых стран должны грамотно и безболезненно реализовывать содержащиеся в УК РФ нормы.

Это, в свою очередь, поможет судебным органам при выносе решений исключить возможность применения и толкования норм с учетом их расширительного и ограничительного характера.

Пристатейный библиографический список

1. Елинский А. В. Интерпретация в судебной практике правила о запрете обратной силы более строгого уголовного закона: опыт сравнительного исследования // Уголовное право. – 2012. – № 1. – С. 18.
2. Ерасов А. М. Обратная сила уголовного закона: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 230 с.
3. Уголовный кодекс Испании / Под ред. и с предисл.: Н. Ф. Кузнецова, Ф. М. Решетников. Пер.: В. П. Зырянова, Л. Г. Шнайдер. – М.: Зерцало, 1998. – 290 с.
4. Уголовный кодекс Франции. Принят в 1992 году. Вступил в силу с 1 марта 1994 года. С изменениями и дополнениями на 1 января 2002 года. Перевод с французского / Науч. ред.: Л. В. Головкин, Н. Е. Крылова (пер., предисл.). – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 220 с.
5. Уголовный кодекс Дании / Науч. ред. С. С. Беляев (пер.); пер.: А. М. Рычев. – Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 140 с.
6. Уголовный кодекс Аргентины. – М.: Юридический Центр Пресс, 2003. – 240 с.
7. Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред.: Н. Ф. Кузнецова, А. И. Лукашов. Пер. Д. А. Барилевич. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 120 с.

АЛИКАДИЕВА Марина Аликадиевна

магистрант Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

РАМАЗАНОВ Эдгард Мусаевич

студент Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

МАГОМЕДОВ Гусейн Багавдинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

ПОРЯДОК НАЗНАЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМУ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В данной статье автором предпринята попытка раскрыть порядок применения к несовершеннолетнему лицу такого вида наказания как лишение свободы, и предложены определенные меры по совершенствованию законодательства в этой области. Уделено внимание также проблемам, связанным с применением наказания к несовершеннолетним при совокупности преступлений и совокупности приговоров, вынесены предложения по корректировке формулировки статьи 88 УК РФ.

Ключевые слова: преступление, наказание, ответственность, несовершеннолетний, категории.

ALIKADIEVA Marina Arkadyevna

magister student of the of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

RAMAZANOV Eduard Musayevich

student of the of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MAGOMEDOV Huseyn Bagavdinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

THE PROCEDURE FOR ASSIGNING A MINOR PENALTIES IN THE FORM OF IMPRISONMENT

In this article, the author made an attempt to disclose the procedure for applying this type of punishment to a minor as deprivation of liberty and proposed certain measures to improve legislation in this area. Attention is also paid to the problems associated with the application of punishment to minors in the aggregate of crimes and the aggregate of sentences; suggestions have been made to adjust the wording of Article 88 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: crime, punishment, responsibility, minor, categories.

Наказания, применяемые к несовершеннолетнему лицу, имеют свой принцип построения, и зависят прежде всего от тяжести совершенного лицом преступления, от категории преступного посягательства, от личности несовершеннолетнего лица, от его возраста, так как молодой преступник имеет несформированное сознание, а уголовное законодательство отличается повышенной гуманностью и справедливостью. Следовательно наказания, применяемые в отношении несовершеннолетнего, носят более мягкий и избирательный характер, так как законодателем предусмотрено применение не всех тринадцати видов наказаний перечисленных в ст. 43 УК РФ, а только шести из них. Лишение свободы на определенный срок является самым строгим видом наказания, применяемым в отношении несовершеннолетнего лица, при совершении им тяжких и особо тяжких преступных посягательств.

Лишение свободы на определенный срок согласно мнению Г. В. Жилкина является самым часто применяемым видом наказания, поскольку обладает отличительными особенностями. Содержание лица, совершившего преступное посягательство на охраняемые уголовным законодательством общественные отношения в изоляции от общества, работы по исправительному воздействию сознания осужденного, приобщение к труду, к учебе, предотвращение факта совершения им новых преступных посягательств, исправление лица, предупреждение факта совершения новых преступлений, последующая ресоциализация. Вся совокупность необходимых мер, применяемых в отношении лица, отступившего от общепринятых устоев, правил поведения, совершившего преступное посягательство, являются ярким показателем

социальной справедливости и гуманности уголовного законодательства. Лишение свободы на определенный срок как вид наказания, применяемый в уголовном законодательстве, преследует именно данные социальные цели [1].

Данный вид наказания является самым оптимальным способом исправления лица несовершеннолетнего в случае совершения им тяжкой и особо тяжкой категории преступлений. Но порядок применения данного вида наказания в отношении несовершеннолетнего имеет свои особенности, и отличительные характеристики, обусловленные возрастом лица. Несформированная личность, не имеющая полноценное зрелое правовое представление о негативных обстоятельствах своих проступков, поддающееся чужому влиянию, очень часто попадет под определенные преступные факторы внешнего воздействия. Возникает необходимость применение лишения свободы как вида наказания и определенных мер карательного воздействия и тогда, когда несовершеннолетним совершается менее тяжкое преступление. Но, с данной точкой зрения, мы не совсем согласны, так как карательно можно воздействовать и без применения лишения свободы как вида наказания. Высказывания Д. М. Лаптева основываются на том, что, отбывая наказание в воспитательно-трудовых колониях, несовершеннолетний приобщается к общественно полезному труду [3].

С нравственной и педагогической – с запущенными подростками проводится политико-воспитательная работа, направленная на исправление путем образовательного, профессионально-технического обучения. Но, у данного вида наказания, по нашему мнению, имеются и негативные последствия, связанные тем, что изоляция несовершеннолетнего от

общества подрывает не только вредные социальные связи с обществом, но и полезное общение и положительное влияние сверстников, тогда как в местах лишения свободы лицо подвергается отрицательно влиянию лиц, не желающих встать на путь исправления.

На сегодняшний день в уголовно-правовой политике сложилась тенденция, когда в отношении несовершеннолетнего, совершившего диаметрально разные по характеру и степени тяжести преступные деяния, избирается одна мера наказания в виде лишения свободы.

Данная практика противоречит основополагающим принципам назначения наказания: справедливости, экономии уголовной репрессии, индивидуализации наказания. В связи с этим возникает необходимость реального применения всех видов наказания и внедрение альтернативных видов наказаний, которые могли бы быть применены к несовершеннолетним, в связи с этим довольно часто звучат предложения о возможности применения к ним ограничения свободы [4].

Удельный вес несовершеннолетних лиц, осужденных к лишению свободы, от общего числа осужденных в этой категории в 1966 году достиг своей максимальной отметки – 73,3 %. В 1994 году эта цифра равнялась 29,3 %, в 2004 – 21,6 %, в 2005 – 24,3 %, в 2006 – 25,3 %, а в 2020 – 23,2 %.

В Республике Дагестан лишение свободы назначалось: в 2014 году – 295 несовершеннолетним (21,47 %), 2015 – 227 (18,22 %), 2016 – 234 (20,29 %), 2017 – 218 (22,64 %), 2020 – 158 (17,17 %).

Наблюдаемое значительное снижение удельного веса осужденных к лишению свободы несовершеннолетних позволяет нам прийти к выводу, что судебная система нашего государства действительно следует общим направлениям развития уголовного законодательства, устремленного на лояльность и гуманность по отношению к данным лицам. Согласно нашему исследованию, мы приходим к выводу о необходимости внедрения в уголовное законодательство новых альтернативных лишению свободы мер. А наказание в виде лишения свободы применять в следующей редакции: лишение свободы как вид наказания может назначаться несовершеннолетним осужденным на срок не выше шести лет, совершившим преступления в возрасте до шестнадцати лет. Несовершеннолетним, привлеченным к уголовной ответственности за совершение особо тяжкого преступления, наказание назначается на срок не свыше десяти лет лишения свободы и отбывается в воспитательных колониях. Несовершеннолетнему, совершившему преступление в возрасте шестнадцати лет преступления небольшой и средней тяжести впервые, наказание в виде лишения свободы не применяется.

В нашем исследовании возникает необходимость уделения внимания порядку назначения наказания при совокупности преступлений и совокупности приговоров. Отечественное уголовное законодательство раскрывает понятие совокупности преступлений следующим образом: «Совокупность признается совершение лицом нескольких преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение лицом нескольких преступлений влечет применение более строго наказания, предусмотренного соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса». В современном уголовном праве выделяют следующие разновидности совокупности: реальную и идеальную. Для реальной совокупности характерно то, что два и более преступлений являются результатом нескольких одновременных действий. Идеальная же совокупность предполагает одно действие, и это «не более чем чисто юридическая конструкция, служебная роль которой – обеспечить полноту оценки совершенного деяния, показать, какие нормы уголовного закона одновременно нарушены виновным». Если в действиях несовершеннолетнего присутствуют признаки идеальной совокупности, то наказание предпочтительнее будет назначить по принципу поглощения, поскольку лицо совершило одно деяние, в связи с этим общественная опасность совершенного несовершеннолетним преступления значительно ниже, чем у того лица, которое совершило несколько преступлений.

Сложнее применить наказание к несовершеннолетнему, совершившему сложное единичное преступление, по категории относящееся к тяжкому и особо тяжкому и при этом лицо признается виновным в совершении нескольких преступлений. Ограничения, установленные уголовным законодательством при применении к ним наказаний, не редко не оставляет возможности для индивидуализации наказания. При совокупности преступлений несовершеннолетним лицом общественно опасные деяния совершены до его первого осуждения, тогда как при совокупности приговоров преступление совершается после осуждения лица и применения к нему наказания, и в связи с этим лицо получает отрицательную оценку своих действий и характеризуется повышенной степенью общественной опасности, поскольку он совершает преступления после того, когда в отношении него вынесен приговор суда и оно уже претерпевает определенные ограничения [2].

Данное обстоятельство является свидетельством того, что примененная к нему первоначальная мера наказания не достигла своих целей и оказалось не эффективной, и поэтому уголовным законодательством предусмотрено назначение виновному лицу наказания по принципу присоединения к неотбытой части наказания, наказания по вновь совершенному преступлению, при этом окончательное наказание не должно превышать срока как неотбытой части, так и вновь назначенного.

Институт совокупности преступлений и совокупности приговоров, закрепленный в уголовном законодательстве, указывает на повышенную степень общественной опасности подобных преступных проявлений у лица и, в связи с этим, законодатель устанавливает особые правила назначения наказания в отношении несовершеннолетних лиц. При назначении и применении наказания в отношении несовершеннолетнего лица используется льготный порядок, предусматривающий обязательное смягчение наказания в случае совершения лицом преступлений небольшой и средней тяжести, и использование особого порядка, позволяющего ужесточить наказание при совершении тяжкого или особо тяжкого, а также при множественности преступлений. Учитывая вышеизложенное, считаем необходимым дополнить ст. 88 УК РФ новой частью, изложив ее в следующей редакции:

«При назначении наказания несовершеннолетнему по совокупности преступлений, если хотя бы два из совершенных им преступлений являются особо тяжкими, окончательное наказание в виде лишения свободы для несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет не может превышать двенадцати лет, для несовершеннолетних в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет – пятнадцати лет.

При назначении наказания несовершеннолетнему, совершившему особо тяжкие преступления, по совокупности приговоров для несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет окончательное наказание в виде лишения свободы не может превышать пятнадцати лет, а для несовершеннолетних в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет – восемнадцати лет».

Пристатейный библиографический список

1. Жилкин Г. В. Некоторые вопросы конкуренции уголовно-правовых норм // Труды молодых ученых АГУ. – 2012. – № 9. – С. 91-92.
2. Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (3-е издание, исправленное, дополненное и переработанное) / Под ред. А. И. Чучаева. – 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
3. Лаптев Д. М. К вопросу о совершенствовании нормы о недопущении, ограничения или устранении конкуренции // Правовые исследования: Сборник научных статей. – 2013. – № 4. – С. 101-105.
4. Романов А. К. Конкуренция уголовно-правовых норм и смежных составов преступлений // Сборник научных трудов по материалам МНПК. – 2016. – С. 82-85.

АМИРАЛИЕВ Абубакар Алимпашаевич

магистрант Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

АБАКАРОВ Ахмед Магомедович

студент Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

АХМЕДХАНОВА Самира Телхатовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

НАЗНАЧЕНИЕ БОЛЕЕ МЯГКОГО НАКАЗАНИЯ, ЧЕМ ПРЕДУСМОТРЕНО ЗА ДАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Наказание представляет собой основной инструмент действенного и жесткого воздействия на субъект уголовно-правовых отношений. В настоящее время существуют различные высказывания относительно целесообразности государственной политики при реализации целей наказания, одни высказываются относительно ужесточения наказания при совершении преступления, другие придерживаются политики смягчения наказания и развития курса на либерализацию уголовной политики государства. Первостепенное значение при назначении наказания играет совокупность личностных характеристик лица, позволяющих индивидуализировать применяемое к лицу уголовное наказание, основными инструментами индивидуализации выступают обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Проведение исследования в данном направлении позволит выявить исключительность особенностей, смягчающих наказание осужденного, даст возможность реализовать принцип индивидуализации применяемого вида наказания в зависимости от личностных характеристик лица, тем самым подчеркивая законодательную необходимость статьи 64 УК РФ.

Ключевые слова: наказание, смягчающие обстоятельства, квалификация, отягчающие обстоятельства, индивидуализация, назначение.

AMIRALIEV Abubakar Alimpashayevich

magister student of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

АБАКАРОВ Ахмед Магомедович

student of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

АХМЕДХАНОВА Самира Телхатовна

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

THE APPOINTMENT OF A MORE LENIENT PUNISHMENT THAN IS PROVIDED FOR THIS CRIME

Punishment is the main instrument of effective and harsh influence on the subject of criminal law relations. Currently, there are various statements regarding the expediency of state policy in the implementation of the goals of punishment, some speak about the tightening of punishment in the commission of a crime, others adhere to the policy of mitigation of punishment and the development of a course to liberalize the criminal policy of the state. Of paramount importance in the appointment of punishment is the totality of personal characteristics of a person allowing to individualize the criminal punishment applied to a person, the main instruments of individualization are circumstances mitigating and aggravating punishment. Conducting a study in this direction will reveal the exclusivity of the features mitigating the punishment of the convicted person, will make it possible to implement the principle of individualization of the type of punishment applied depending on the personal characteristics of the person, thereby emphasizing the legislative necessity of Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: punishment, mitigating circumstances, qualification, aggravating circumstances, individualization, appointment.

В соответствии со ст. 43 УК РФ наказание, как мера принудительного характера, претерпеваемая со стороны государства, применяется к лицу, совершившему общественно опасное деяние, именуемое преступление. Наказание назначается только на основе решения суда, предусматривает собой ограничение, лишение прав и личных свобод осужденного. Сущность назначения наказания появляется в восстановлении социальной справедливости в отношении объекта преступного посягательства, путем назначения лицу справедливого наказания с учетом личности виновного, качественных, количественных характеристик деяния, оказание последующего исправительного воздействия, приобщая к труду и науке, предупреждая тем самым факт совершения новых преступлений.

Принцип справедливости в уголовном законодательстве преследует своей целью применения и назначения лицу справедливого наказания в зависимости от наличия в его де-

янии совокупности смягчающих и отягчающих вину обстоятельств, в зависимости от личностных характеристик лица совершившего преступное посягательство, от обстановки в которое попало лицо, от наличия качественных и количественных показателей общественной опасности совершенного преступления. Если в деянии лица присутствуют обстоятельства смягчающие его ответственность охватываемые ст. 61 УК РФ, либо дополнительные обстоятельства рассматриваемые судом в качестве смягчающих ответственность, то уголовное законодательство предусмотрела возможности применения менее строго наказания чем регламентировано санкцией соответствующей статьи, назначения наказания ниже низшего предела, но при этом в деянии необходимо обязательное присутствие факторов способствующих значительному снижению общественной опасности преступного посягательства[3]. Нередки случаи в судебной практике не применения к лицу дополнительных видов наказания, даже

при указании их в санкции соответствующей статьи в качестве обязательных. Уголовное законодательство преследуя принципы справедливости и гуманности имеет своим основным назначением применения к лицу справедливого наказания, и если в деянии лица имеются смягчающие обстоятельства и признаки его раскаяния, то суд стремится учитывать их и назначать наказание ниже низшего предела предусмотренного соответствующей статьей, либо применение более мягкого вида наказания.

К лицу, совершившему преступление, возможно применение более мягкого наказания на основании: наличия исключительных обстоятельств; обвиняемое лицо характеризуется активностью в расследовании преступления; обвиняемое лицо всячески способствует уменьшению общественной опасности преступления.

Более мягкий вид наказания в этом случае предусматривает под собой: не применение дополнительного вида наказания, если он предусмотрен законодательно; применение наказания ниже низшего предела и в целом применение наказания более мягкого характера, чем это предусмотрено соответствующей статьей. Практика применения более мягкого наказания основано на противоречиях между непосредственным преступлением и абстрактностью правовых норм.

Это объясняется тем, что в составе преступного посяательства закреплены наиболее типичные признаки, присутствующие преступлениям данного вида. Во многом это объясняется тем, что при конструировании составов, все обстоятельства совершения преступного посяательства и индивидуальные особенности составов учесть нереально, и они остаются за пределами диспозиции соответствующей статьи. При назначении наказания необходимо опираться на диспозицию и санкцию соответствующей статьи и согласно общим правилам назначения наказания, предусмотренным в ст. 60 УК РФ, наказание должно назначаться исходя из строгих рамок, заключенных в соответствующей статье особенной части уголовного кодекса. Выход за какие то пределы санкции строго регламентирован законом.

Возможность выйти за пределы санкций обусловлена исключительными обстоятельствами. Применение к лицу менее строгого вида наказания, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи, назначение наказания ниже низшего предела при наличии исключительных обстоятельств в деянии преступника, не назначение дополнительного вида наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи в качестве обязательной, все это подчеркивает исключительность характера статьи 64 УК РФ. При применении судом более мягкого наказания ему необходимо в обязательном порядке письменно обосновать применение данных мер наказания и уточнить, какие именно обстоятельства суд посчитал исключительными [2].

Согласно мнению Л.В. Иногамова-Хегай использование оценочных понятий при описании юридических фактов, содержащихся в уголовно-правовой норме, способствует их дефектному конструированию, поскольку этим данным придается, своего рода, субъективный характер. Тем самым, констатация всех юридических фактов и создание полной картины, отображающей факт преступления, напрямую зависит от правосознания правоприменителя. С другой стороны подобная позиция реализовывает основные требования, предусмотренные статье 60 УК РФ, о применении к лицу справедливого наказания, что в значительной степени позволяет избежать формальность уголовно-правовой нормы [1].

Согласно мнению М.Н. Становского, наказание является справедливым только в случаях присутствия в совершенном преступном посятельстве определенных исключительных обстоятельств: наказание применяется к лицу в соответствии с тяжестью совершенного преступления, общественной опасности личности совершившего преступление, наличия в деянии смягчающих и отягчающих обстоятельств,

индивидуализации наказания; в зависимости от личности виновного наказание, применяемое в отношении него, должно быть индивидуализировано, наказание осужденным равным по степени общественной опасности за одинаковые по тяжести преступления должны быть равными. Если в деянии присутствуют исключительные обстоятельства, то они позволяют скорректировать положение статье 60 УК РФ, показывая тем самым гибкость законодательства при назначении справедливого наказания [4].

В статье 64 УК РФ четко устанавливаются критерии исключительности отдельных обстоятельств. В качестве исключительных могут быть выделены как отдельные смягчающие обстоятельства, так и их совокупность, представленная в статье 61 УК РФ. При применении в отношении лица обстоятельства смягчения наказания, необходимо суду учитывать характер и степень совершенного общественно опасного посяательства и личностные характеристики лица, совершившего общественно опасное деяние.

Согласно мнению М.Н. Становского, исключительными являются обстоятельства, либо совокупность обстоятельств, которые указывают на значительно меньшую степень общественной опасности преступления, положительно характеризующие личность, совершившую преступление, в связи с активным содействием раскрытию и расследованию преступления, наличии определенных наград и боевых заслуг перед отечеством. При наличии таких обстоятельств санкция за подобное преступное деяние кажется настолько суровой и несправедливой, что суд, в целях реализации принципов назначения наказания, применяет более мягкое наказание, либо назначает наказание ниже низшего предела, либо не применяет обязательное дополнительное наказание [4].

Суд на свое усмотрение разрешает вопрос относительно обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность, расценивает, какие жизненные обстоятельства, мотивы, цели могут быть признаны исключительными и подлежат применению. Активное содействие раскрытию, расследованию преступления, возмещение причинённого материального, морального ущерба лицом, совершившим преступное деяние, конкретно указывает на действия, совершенные преступником, что облегчает для правоприменителя процесс применения им смягчающих обстоятельств.

Применение положений, содержащихся в статье 64 УК РФ, поставлены в зависимость от усмотрения правоприменителя, и не ограничены определенными рамками закона. В качестве критериев расценки такого смягчающего обстоятельства, как активное содействие раскрытию и расследованию преступления, может быть степень активности участия преступника в деятельности правоохранительных органов. Значимость этого смягчающего обстоятельства подтверждается при тяжести совершенного общественно опасного деяния и вида совершенного преступного деяния. Применение хотя бы одного из обстоятельств, предусмотренных в статье 64 УК РФ, признание данного обстоятельства исключительным, в полном мере соответствует Общим началам назначения наказания, указанным в статье 60 УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Иногамова-Хегай Л.В. Российское уголовное право. Особенная часть. В 2-х томах. Проспект. 2020. - 688 с.
2. Колоколов Н.А. Уголовное судопроизводство. Теория и практика. Научно-практическое пособие. Юрайт-Издат. 2014. - 1040 с.
3. Коробеев А.И. Полный курс уголовного права: в 5 томах. Юридический центр Пресс. 2011. - 4229 с.
4. Становский М.Н. Назначение наказания /Под. ред. Р. М. Асланова и др. - СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. - 480 с.

ИЛЬИН Федор Ильич

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Судебное разбирательство по уголовному делу является завершающим этапом уголовного судопроизводства. Достижения научно-технического прогресса обуславливают объективное и перманентное возрастание роли криминалистики при осуществлении судебного разбирательства. Использование судьями достижений криминалистики, методик криминалистического обеспечения судебного разбирательства укрепляют гарантии соблюдения прав и свобод человека, позволяют суду квалифицированно оценивать доказательства, осуществлять судебные следственные действия. Целесообразно осуществлять разработку частных криминалистических методик судебного разбирательства по отдельным видам и группам преступлений, с учетом особенностей различных стадий судопроизводства. Предлагается отнести к предмету криминалистики закономерности осуществляемой судом деятельности по судебному разбирательству уголовного дела. Криминалистическое обеспечение судебного разбирательства по уголовным делам представляет собой систему современных криминалистических знаний и основанных на них необходимых навыков и умений осуществляющих правосудие лиц использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистический инструментарий при осуществлении судебной защиты прав и свобод человека, реализации полномочий по установлению виновности или невиновности лиц, исследования и оценки доказательств, постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, криминалистическое обеспечение судебного разбирательства, предмет криминалистики.

ILJIN Fedor Ilich

postgraduate student of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Law Faculty of the Saint Petersburg State University

SOME FEATURES OF THE FORENSIC SUPPORT OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Criminal trial is the final stage of criminal proceedings. Technological advances make the role of forensics in judicial proceedings grow steadily and objectively. If the court applies forensic achievements and methods of forensic support of a trial, it guarantees that human rights and freedoms will be observed, and the court will be able to evaluate evidence reasonably and perform necessary judicial investigative actions. It makes sense to develop specific forensic methods for judicial proceedings by types and groups of crimes, taking into account characteristics of various stages of proceedings. The paper proposes to consider patterns of court activities in a criminal trial as belonging to the subject of forensic science. Forensic support of a criminal trial means a system of modern forensic knowledge and subsequent abilities and skills of persons administering justice in using forensic recommendations and applying forensic tools for judicial protection of human rights and freedoms, the exercise of powers in order to determine a defendant's guilt or innocence, research and evaluation of evidence, and delivering a legal, reasonable and fair sentence.

Keywords: Criminal proceedings, forensic support of a trial, the subject of forensic science.

Криминалистические знания перманентно пополняются достижениями кибернетики, тенетики, биохимии, в связи с чем при осуществлении судебного разбирательства объективно возрастает необходимость использования рекомендаций криминалистической науки.

Еще в начальный этап становления криминалистики указывалось, что самые ценные положения уголовного права «лишены всякого значения, если судья не сумеет применить эти отвлеченности к реальностям текущей жизни: если он не понимает или неправильно оценивает показания свидетелей, значение их наблюдений, если его вводят в заблуждение приемы злоумышленников, если он не сумеет использовать следы преступления и если он вообще не знаком с бесчисленными положениями, совокупность которых составляет криминалистику» [1]. В настоящее время осуществление процесса доказывания по уголовным делам практически невозможно без использования специальных познаний [2]. Нарастание необходимости криминалистического обеспечения судебного разбирательства порождается также распространением программного обеспечения и аппаратуры, позволяющей анализировать и систематизировать различные массивы и виды информации, систем видеонаблюдения, распознавания и контроля, а также информационно-телекоммуникационных сетей, поисковых систем, электронных документов.

Высказывая позицию о неуклонном, объективном и перманентном возрастании роли криминалистического обеспечения судебного разбирательства по уголовным делам необходимо отметить, что криминалистическое обеспечение судебного разбирательства способствует практической реализации судом такого фундаментального принципа уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 17 УПК РФ, как свобода оценки доказательств.

Кроме того, суд осуществляет не только оценку доказательств, но и их собирание, которое входит в число полномочий суда, реализуемых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством для производства судебного следствия. В случае, если судьи в достаточной степени владеют современными достижениями криминалистики и криминалистическими методиками, в ходе разбирательства они являются вполне независимыми при отправлении правосудия и способны объективно оценить всю совокупность доказательств по уголовному делу. Любое доказательство должно восприниматься критически и подлежит проверке и оценке на общих основаниях [3], заключение судебного эксперта не может иметь преимуществ перед другими доказательствами. Уместно вспомнить напутствие Г. Гросса, что «никогда не следует забывать, что даже самый лучший эксперт не есть уголовный судья» [4].

Следует признать, что криминалистические методики традиционно ориентируются на использование их следственными работниками. Необходимость разработки криминалистических методик для использования при осуществлении судебного разбирательства обусловлена также и тем, что проведение судебных действий, требующих криминалистического обеспечения, отличается от деятельности по предварительному расследованию. Требуется разработка методик для различных судебных стадий уголовного судопроизводства (первая, апелляционная, кассационная и надзор) и по отдельным видам и группам преступлений (например, коррупционные, преступления, совершенные военнослужащими, сотрудниками силовых структур, компьютерные, высокой общественной значимости и т.п.). Необходимо учесть, что основное значение для суда имеет оценка доказательств, представленных сторонами состязательного процесса,

а не их самостоятельный поиск, внимание к сложным вопросам квалификации деяния, назначения наказания, учет личности и типичных качеств личности подсудимого, субъективная сторона преступления. Регулирование исследования, проверки и оценки доказательств судом не должно быть чрезмерным, способствовать, а не препятствовать реализации принципа свободной оценки доказательств, обусловленного ст. 17 УПК РФ.

Традиционно высказывается мнение, что деятельность по предварительному расследованию преступлений является ядром криминалистической деятельности, а следователь - основным элементом этой системы [5]; среди субъектов криминалистической деятельности указываются следователь, дознаватель, эксперт-криминалист, оперативный работник, целью предварительного расследования является изобличение виновных лиц. Некоторые криминалисты исключают суд из субъектов криминалистической деятельности.

Считаем, что судебное разбирательство является завершающей частью двуединого процесса деятельности по расследованию преступления, направленного на раскрытие преступления, поэтому к субъектам криминалистической деятельности необходимо отнести и суд, а к предмету криминалистики — также и закономерности осуществляемой судом деятельности по судебному разбирательству уголовного дела.

В научной литературе содержится значительное количество определений понятия криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства. Первоначально в литературе указывалось на необходимость криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел. Авторы, исходящие из единства уголовного судопроизводства, предлагают определение понятия криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства, как «системы криминалистических знаний, основанных на них навыках и умениях производящих предварительное и судебное следствия лиц, использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии в целях успешного решения задач уголовного судопроизводства» [6]. Часть авторов в определении не учитывают различие целей суда и сторон по делу в судебном разбирательстве и указывают, что криминалистическое обеспечение, используемое в ходе судебного разбирательства, составляет «совокупность криминалистических средств, методов, приемов и рекомендаций, используемых сторонами по делу, а также судом в ходе судебного разбирательства в целях реализации целей судопроизводства» [7].

Представляется ошибочной позиция о том, что конечной целью судебного разбирательства по уголовному делу является установление истины, то есть, установление обстоятельств события в точном соответствии с действительностью [8]. В законодательстве невозможно определить научные юридические критерии такой философской, а не юридической категории, как «объективная истина», тем более, не допустив противоречия с реализованного в законодательстве принципом осуществления уголовного судопроизводства на основе состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ). Полагаем, что основной целью судов в сфере уголовного судопроизводства является обеспечение основного неотчуждаемого конституционного права человека на судебную защиту его прав и свобод, что предусмотрено ст. 46 Конституции РФ, которое выступает гарантией реализации всех других прав и свобод.

Выводы:

1. Непрерывное ускорение научно-технического прогресса обуславливает неуклонное, объективное и перманентное возрастание роли криминалистики при осуществлении судебного разбирательства, в ходе судебного следствия, деятельности суда, связанной с истребованием, исследованием и оценкой доказательств, личности подсудимого, квалификацией деяния, назначением, проведением и оценкой результатов судебных следственных действий.

2. Использование судьей современных научных достижений криминалистики, методик криминалистического обеспечения судебного разбирательства укрепляют гарантии соблюдения конституционных прав и свобод человека, реализации судом такого фундаментального принципа уголовного судопроизводства, как свобода оценки доказательств, препятствуют тенденции необоснованного придания наивысшей юридической силы заключениям экспертов и специалистов, позволяют суду квалифицированно оценивать доказательства и осуществлять судебные следственные действия.

3. Целесообразно осуществлять разработку частных криминалистических методик судебного разбирательства по отдельным видам и группам преступлений, пригодных для использования в ходе уголовного судопроизводства, с учетом специфики

его осуществления в различных инстанциях. Криминалистическое и методическое обеспечение судебного разбирательства не должно быть излишним, должно способствовать, а не препятствовать реализации принципа свободной оценки доказательств судом. Предлагается учесть особенности судебной криминалистической тактики, специфику судебного разбирательства, в частности, того обстоятельства, что для суда существенное значение имеет оценка доказательств, представленных сторонами состязательного процесса, а не их самостоятельный поиск, а также вопросы квалификации деяния, субъективной стороны преступления, назначения наказания с учетом личности подсудимого.

4. К предмету криминалистики предлагается отнести закономерности осуществляемой судом деятельности по судебному разбирательству уголовного дела, так как достижение конечной цели и результата расследования, направленного на раскрытие преступления, то есть, установления виновности конкретного лица в совершении инкриминируемого ему деяния возможно только в результате деятельности суда по всестороннему, полному и объективному разрешению уголовного дела и постановлению приговора.

5. Криминалистическое обеспечение судебного разбирательства по уголовным делам представляет собой систему современных криминалистических знаний и основанных на них необходимых навыков и умений осуществляющих правосудие лиц использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистический инструментарий (средства, методы и программы исследования, методики, алгоритмы производства отдельных процессуальных действий и др.) при осуществлении судебной защиты прав и свобод человека, реализации в ходе судебного разбирательства полномочий по установлению виновности или невиновности лиц, обвиняемых в совершении преступлений в целях всестороннего, полного и объективного разрешения уголовного дела, исследования и оценки совокупности имеющихся в деле доказательств по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью, постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора.

Пристатейный библиографический список

1. Введение в курс советской криминалистики. Лекция / Васильев А. Н. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. - 28 с.
2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. Новое изд. перепеч. с изд. 1908 г. - Москва: ЛекЭст, 2002. - 1088 с.
3. Ильин Ф. И. К вопросу о совершенствовании правового регулирования статуса эксперта в уголовном процессе // VOX JURIS. «Глас права». - Санкт-Петербург, 2020. - № 1. - С. 216-224.
4. Ищенко Е. П. Криминалистика: Курс лекций. - Москва: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; АСТ-МОСКВА, 2007. - 416 с.
5. Корчагин А. Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: диссертация доктора юридических наук. - Краснодар, 2008. - 355 с.
6. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учебник / Под ред.: Аверьяновой Т. В., Белкина Р. С. - Москва: Новый Юрист, 1997. - 400 с.
7. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головки. - 2-е издание, испр. - М.: Статут, 2017. - С. 453.
8. Махина С. Н., Цурлуй О. Ю. Криминалистическое обеспечение судебного разбирательства в России: современное понимание и направления развития // Вестник ВГУ. Серия: Право. - 2019. - № 3. - С. 273-281
9. Пристанков В. Д. Особенности расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи. Учебное пособие. - СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2007. - С. 54.
10. Якушин С. Ю. Вопросы теории криминалистической тактики. Казанский федеральный ун-т. - Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2015. - 183 с.

КРУПНИК Инна Александровна

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, референт правового департамента Министерства обороны России

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ СПОРТА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В статье рассматриваются международные стандарты противодействия деяниям, посягающим на общественный порядок во время проведения спортивных мероприятий. Авторами обращено внимание, что международными документами предусматривается возможность наделения национальных судебных органов правом привлекать к ответственности за правонарушения, связанные с нарушением общественного порядка во время проведения спортивных мероприятий. Выявлено значение международных документов, которое сводится только к постановке проблемы борьбы с правонарушениями, связанными с нарушением общественного порядка во время проведения спортивных мероприятий. Новизна и оригинальность исследования заключается в том, что в нем предлагаются направления развития уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере спорта на национальном уровне.

Ключевые слова: спорт, преступления, международное право, уголовная ответственность, санкции.

KRUPNIK Inna Aleksandrovna

postgraduate student of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia, Referent of the Legal Department of the Ministry of Defense of Russia

MEASURES TO COUNTER SPORT CRIMES IN INTERNATIONAL LAW

The article deals with international standards for countering acts that encroach on public order during sporting events. The authors drew attention to the fact that international documents provide for the possibility of empowering national judicial authorities with the right to prosecute for offenses related to public order violations during sporting events. The significance of international documents is revealed, which is reduced only to posing the problem of combating offenses related to the violation of public order during sporting events. The novelty and originality of the study lies in the fact that it suggests directions for the development of criminal legislation on liability for sports crimes at the national level.

Keywords: sport, crimes, international law, criminal liability, sanctions.

В современных исследованиях, связанных с правонарушениями в сфере спорта, как правило, обращается внимание на три вида деяний: деяния, посягающие на общественный порядок во время проведения спортивных мероприятий; коррупционные деяния в сфере спорта и допинговые правонарушения [1], [2]. Выделение именно данных правонарушений объясняется тем, что именно они являются наиболее распространенными правонарушениями в сфере спорта. В этой связи международное сообщество в последние десятилетия по некоторым из этих вопросов разработало и приняло международные документы, определяющие основы международного сотрудничества в данной сфере.

В статье рассмотрим международные стандарты противодействия деяниям, посягающим на общественный порядок во время проведения спортивных мероприятий.

Первым принятым международным документом в данной сфере стала Европейская конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий, и, в частности, футбольных матчей (19 августа 1985 г.)¹.

Согласно данному документу:

а) Стороны обязуются обеспечить выработку и осуществление мер, направленных на предотвращение и подавление насилия и хулиганского поведения зрителей, в частности, с тем чтобы:

– обеспечить мобилизацию в достаточном объеме поддержания порядка для противодействия актам насилия и хулиганским действиям как на стадионах, так и в непосредственной близости от них, а также вдоль путей следования зрителей;

– содействовать тесному сотрудничеству и обмену соответствующей информацией между задействованными силами полиции различных населенных пунктов или теми силами, которые могут быть задействованы;

– применять или, в случае необходимости, принять законодательство, предусматривающее соответствующие наказания или, в случае необходимости, соответствующие административные меры для лиц, признанных виновными в совершении правонарушений, связанных с насилием или хулиганскими действиями зрителей;

б) стороны обязуются поощрять организованность и хорошее поведение клубов болельщиков и назначение из их числа представителей, призванных содействовать контролю и информации зрителей по случаю матчей и сопровождать группы болельщиков, выезжающих на матчи, проходящие в других местах;

в) стороны поощряют, насколько это юридически возможно, в местах выезда зрителей координацию в вопросах организации поездок при сотрудничестве клубов организованных болельщиков и бюро путешествий с тем, чтобы не допустить выезда и присутствия на матчах потенциальных зачинщиков беспорядков;

г) в случае угрозы взрывов насилия и хулиганских действий Стороны следят - и в случае необходимости принимают соответствующее законодательство, включающее санкции за несоблюдение или другие надлежащие меры, – за тем, чтобы спортивные организации и клубы, а также, в случае необходимости, хозяева стадионов и государственные власти на основе полномочий, установленных внутренним законодательством, предпринимали конкретные действия вокруг стадионов и на стадионах для предупреждения или подавления такого насилия или таких хулиганских поступков.

Принятие документа было вызвано, прежде всего, необходимостью принятия скоординированных мер противодействия правонарушениям, связанным с общественным порядком во время проведения спортивных соревнований, которые к этому времени стали в значительной степени рас-

1 Европейская конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий, и, в частности, футбольных матчей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1903042> (дата обращения: 05.09.2021).

пространены. В частности, наибольшее число таких правонарушений было зафиксировано в Италии и Англии во время проведения футбольных матчей в 80-90 годах XX века. Например, имели место существенные столкновения между болельщиками, что приводило к срыву футбольных матчей².

В данном документе определяются основные принципы международного сотрудничества, направленные на предотвращение деяний, связанных с нарушением общественного порядка во время проведения спортивных соревнований.

В Конвенции не устанавливаются основы уголовной ответственности за рассматриваемый вид деяний. Хотя содержится соответствующая отсылка к необходимости принятия соответствующих правовых мер, направленных на противодействие нарушениям общественного порядка во время проведения спортивных соревнований.

Вторым международным документом в данной области стала Конвенция Совета Европы по единому подходу к безопасности, защите и обслуживанию во время спортивных мероприятий, и, в частности, футбольных матчей (принята 3 июля 2016 г.)³.

Среди основных положений, дополняющих ранее рассмотренный документ, следует выделить:

а) стороны обеспечивают принятие, применение и контроль за исполнением нормативных правовых актов и мер для гарантии эффективности процедур лицензирования, сертификации и обеспечения безопасности на стадионах компетентными государственными органами;

б) стороны обеспечивают принятие, применение и контроль за исполнением нормативных правовых актов и мер для гарантии эффективности процедур лицензирования, сертификации и обеспечения безопасности на стадионах компетентными государственными органами;

в) стороны обеспечивают, чтобы меры по организации управления стадионами были комплексными; эффективное взаимодействие с полицией, другими спасательными службами и партнерскими организациями; определение четкой политики и процедуры по вопросам, которые могут повлиять на организацию действий при скоплениях людей и связанные с этим риски для безопасности и защиты, включая:

- использование пиротехнических средств;
- любое насильственное или иное запрещенное поведение;

– любое расистское или иное дискриминационное поведение.

г) стороны принимают все возможные меры для уменьшения вероятности совершения гражданами или группами граждан актов насилия или организации общественных беспорядков;

д) стороны в соответствии с национальным законодательством и международными правовыми актами принимают меры, направленные на предупреждение и предотвращение риска неправомерных действий или неправомерного поведения, наиболее эффективными образом, исходя из характера возможного происшествия и места его возникновения;

е) стороны в соответствии с национальным законодательством и международными правовыми актами сотрудничают друг с другом для обеспечения того, чтобы лица, совершившие правонарушения за границей, подвергались соответствующим санкциям в той стране, где совершено правонарушение, или в стране их проживания или стране, гражданами которой они являются;

ж) при необходимости в случаях, предусмотренных национальным законодательством и международными правовыми актами, стороны рассматривают вопрос о наделении судебных и административных органов власти полномочиями по наложению санкций в отношении лиц, виновных или

участвовавших в неправомерных действиях и/или неправомерном поведении, включая возможность ограничения на поездки на футбольные мероприятия в другой стране.

В рассматриваемом документе на международном уровне впервые обращается внимание на правонарушения, связанные с нарушением общественного порядка во время проведения спортивных мероприятий. Цель документа – согласовать действия международного сообщества в целях противодействия данному явлению.

Среди особенностей данного документа следует отметить, что в рамках него определяются виды правонарушений, связанных с нарушением общественного порядка во время проведения спортивных мероприятий: использование пиротехнических средств; любое насильственное или иное запрещенное поведение; любое расистское или иное дискриминационное поведение. Таким образом, фактически определяется круг деяний, за которые может быть установлена уголовная ответственность в национальном праве.

В Конвенции нет указания на обязанность установления какого-либо вида ответственности за рассматриваемые деяния в рамках национального уголовного законодательства. При этом в документе предусматривается возможность наделения национальных судебных органов правом привлекать к ответственности за правонарушения, связанные с нарушением общественного порядка во время проведения спортивных мероприятий. Таким образом, нельзя говорить о наличии каких-либо обязательств со стороны законодательных органов государств-участников Конвенции в аспекте установления ответственности за рассматриваемый вид правонарушений.

Большинство норм, связанных с противодействием правонарушениям, связанным с нарушением общественного порядка во время проведения спортивных мероприятий, предусматривают в рамках данной Конвенции, регулируют основы взаимодействия органов различных государств в области противодействия данным видам правонарушений.

Помимо этого, в рамках международных стандартов в исследуемой сфере фактически определен круг деяний, которые относятся к правонарушениям, связанным с нарушением общественного порядка во время проведения спортивных мероприятий: использование пиротехнических средств; любое насильственное или иное запрещенное поведение; любое расистское или иное дискриминационное поведение.

В целом, рассматривая значение международных документов в аспекте противодействия правонарушениям, связанным с нарушением общественного порядка во время проведения спортивных мероприятий, следует отметить, что в международных стандартах не устанавливается как международной ответственности за рассматриваемый вид правонарушений, так и не указывается на необходимость установления такой ответственности в рамках национального законодательства. Решение об установлении любого вида юридической ответственности принимается исключительно национальным законодателем, исходя из актуальности противодействия данной группе правонарушений для конкретного государства. При этом значение международных документов сводится к постановке проблемы борьбы с правонарушениями, связанными с нарушением общественного порядка во время проведения спортивных мероприятий. Также в рамках международных документов обращается внимание на необходимость международного сотрудничества и принятия соответствующих законодательных мер на национальном уровне.

Пристатейный библиографический список

1. William J. Glover. Sports law handbook. - New York, 2012. - P. 47-57
2. Mccam M. The Oxford handbook of American Sports Law. - London, 2014. - P. 116-130.

2 За что в 80-е годы Англию отстранили от еврокубков. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sportliga.com/posts/zachto-v-80-e-gody-angliyu-otstranili-ot-evrokubkov-2593> (дата обращения: 05.09.2021).

3 Конвенция Совета Европы по единому подходу к безопасности, защите и обслуживанию во время спортивных мероприятий, и, в частности, футбольных матчей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420378571> (дата обращения: 05.09.2021).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-302-306

НГУЕН Зуй Зунг

преподаватель, Университет Нгуен Тат Тхань, г. Хошимин

ХУИНЬ Хьу Тинь

преподаватель, Университет народной безопасности, МОБ, СРВ

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКЕ «ОРГАНИЗОВАННОМ» В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ ВЬЕТНАМА

Исследование преступлений, связанных с посягательством на национальную безопасность, в УК Вьетнама 2015 г. показывает, что признак «организованный» регулируется и существует во многих различных формах, приводя ко многим противоречивым мнениям относительно этого положения. В целях унификации восприятия и применения закона в статье рассматриваются некоторые содержания «организованные» признаки против национальной безопасности.

Ключевые слова: преступность, организованность, национальная безопасность.

NGUYEN Duy Dung

lecturer, Nguyen Tat Thanh University, Ho Chi Minh City

HUYNH Huu Tinh

lecturer, University of Security, Ministry of Public Security, Vietnam

ON THE QUESTION OF THE SIGN OF “ORGANIZED” IN CRIMES AGAINST NATIONAL SECURITY UNDER THE CRIMINAL LAW OF VIETNAM

Research on crimes of infringing upon national security in the Criminal Code 2015 (Criminal Code 2015) shows that the “organized” signs are regulated and exist in many different forms, leading to many concerns. Controversial points regarding this provision. In order to unify in the awareness and application of the law, the article exchanged some contents on the “organized” sign of crimes against on crimes of infringing upon national security.

Keywords: crime, organized, national security.

Нгуен Зуй Зунг

Хуинь Хьу Тинь

УК Вьетнама 2015 г. был принят и вступил в силу с 1 января 2018 г., включил множество новых, прогрессивных и позитивных изменений и дополнений, что в основном уменьшило недостатки УК Вьетнама 1999 г. (с изм. и доп. с 2009 г.). Тем не менее, согласно исследованиям, УК Вьетнама 2015 г. по-прежнему содержит некоторые противоречивые положения в восприятии и применении закона и требует дальнейшего решения.

Что касается преступлений, посягающих на национальную безопасность, то это тяжкие и особо тяжкие преступления, которые напрямую угрожают независимости, суверенитету, единству, территориальной целостности, внешней безопасности и внутренней безопасности Вьетнама. Реальность борьбы показывает, что большинство этих преступлений совершается в тесном сговоре между преступниками, и преступники участвуют в организациях, которые работают над свержением или противодействием правительству, с множеством заговоров, и характеризуются изощренной и опасной деятельностью. В процессе изучения было доказано, что признак «организованности» всегда является специфическим признаком данного вида преступлений. В целях обеспечения эффективного применения уголовного кодекса в борьбе с данным преступлениями и расследовании таких преступлений, в статье хотелось бы обсудить и уточнить признаки «организованности» в данных преступлениях.

1. Признак «организованный» определяется как признак квалификации в преступлениях, связанных с посягательством на национальную безопасность.

Во-первых, признак «организованности» находит свое отражение в регулировании проведения преступления в виде организованной совместной деятельности многих лиц в массовых беспорядках. «Организованность» этого преступления отражена в признаке квалификации как объективное поведение «организованного насилия» многих людей. Использование организованного насилия означает побуждение и сбор множества невооруженных или незначительных вооруженных для проведения таких действий, как митинги, демонстрации, оскорбления государственных органов, уничтожение собственности и т. д. Фактически, это действия одного или нескольких людей с целью побуждения, подстрекательства масс к открытому насилию.

Во-вторых, признак «организованности» находит свое отражение в регулировании поведения, то есть деятельности по созданию или участию в «преступной организации». Под преступной организацией можно понимать группу людей, которые связаны, назначены и скоординированы для совместной деятельности, созданы и контролируются одним или несколькими лицами, руководствуясь определенным порядком, с целью совершения одного или нескольких преступлений. Этот признак назначается как квалификацион-

ный признак в деятельности, направленной на свержение народного правительства [3], и террористических актах против народного правительства (ст. 109 УК Вьетнама 2015).

Организованность преступной деятельности, направленной на свержение народного правительства, находит свое отражение в создании или участии в организациях, направленных на свержение народного правительства. Статья не требует, чтобы деятельность по созданию или присоединению к организации, направленной на свержение народной администрации, обязательно была деятельностью, осуществляемой многими людьми, но осуществление такой деятельности не может осуществляться без сговора со многими людьми, чтобы свергнуть правительство. Один или два человека не могут этого сделать.

В целях свержения народного правительства одним из закономерных действий является то, что преступник должен связать множество людей для выполнения преступной цели. То есть неизбежна тенденция создания организации. Процесс создания организации может принимать форму: инициирования создания организации, принятия инициативы по созданию организации; написания основного плана, устава, агитационных материалов для организации; устройства организационной структуры; пропаганды с целью вовлечения людей в организацию различными методами и уловками; деятельности, организованной для поддержания существования и развития организации и т.п.

Считается, что человек участвует в организации по свержению народного правительства, когда ясно, что эта организация преследует цель свержения народного правительства и все еще присоединяется к этой организации. Таким образом, согласно уголовному законодательству Вьетнама, создание или участие в организации является преступлением только в том случае, если эта организация является организацией, направленной на свержение народной администрации.

Характеристики террористических актов против народного правительства отражаются в актах создания и участия в террористических организациях и организациях, финансирующих терроризм, с целью противодействия народного правительства. Эта отличительная черта террористического преступления, направленного на противодействие народному правительству, отличается от преступления, связанного с деятельностью по свержению народного правительства, по характеристикам организации и ее целям. Квалификационный признак «создание террористической организации или организации, финансирующей терроризм, и присоединение к ней» добавлен в п. а, ч. 2 ст. 113 УК Вьетнама 2015 г., исходя из реальной ситуации в области предотвращения терроризма и борьбы с ним

В-третьих, организованный признак признается посредством регулирования «организационного поведения» совершения преступных действий другими лицами в преступлении организации, принуждения, побуждения других к бегству за границу или побегу, пребыванию за границей, чтобы противостоять Вьетнамскому народному правительству (ст. 120 УК Вьетнама). В этом случае организованный признак понимается как действие по организации, планированию или созданию необходимых условий для побега других лиц за границу или пребыванию за границей с целью противодействия народному правительству. Статья не требует, чтобы организационные действия выполнялись более чем

одним лицом. Но на самом деле могут быть случаи, когда многие люди намеренно совершают это преступление. Это новое положение, добавленное в УК Вьетнама 2015 г., но оно не криминализирует вновь возникшее деяние. Это преступление отделено от преступления, связанного с бегством за границу или пребыванием за границей для противодействия народному правительству, указанного в ст. 91 УК Вьетнама 1999 г. (с изм. и доп. 2009 г.).

Кроме того, преступление, связанное с противодействием в рамках следственного изолятора, также определено законодателем как признак объективного поведения «организации побега из следственного изолятора» с целью противодействия народному правительству как квалификационного обстоятельства. Под организованным поведением в этом преступлении понимается обсуждение, согласование с другими людьми заговора, плана побега из места содержания под стражей или организация, планирование, создание благоприятных условий для побега других из учреждения, в целях противодействия народному правительству.

2. Помимо определения «организованного» как квалификационного признака преступления, УК Вьетнама также предусматривает, чтоотягчающие обстоятельства уголовной ответственности и отягчающие обстоятельства определяют рамки наказания, поэтому мы обсуждаем этот признак только с точки зрения отягчающего уголовную ответственность (организованная преступность).

Согласно положением законодателя, преступления, посягающие на национальную безопасность, могут быть совершены в виде преступления или соучастия в преступлении. Однако с практической точки зрения большинство преступлений, посягающих на национальную безопасность, совершаются в форме соучастия, особенно в форме «организованной преступности». Ч. 2 ст. 17 УК Вьетнама гласит, что «организованная преступность является формой соучастия с тесной взаимосвязью между лицами, которые совместно совершают преступление». Для преступлений законодатель не предусматривает признака «организованность» как признака преступления, случай «организованной преступности» может быть использован как отягчающее обстоятельство уголовной ответственности.

3. Для унификации восприятия и применения закона, по нашему мнению, в процессе борьбы и пресечения преступлений, посягающих на национальную безопасность, необходимо различать признак «организованность» как квалификационный признак преступления, признак отягчающего обстоятельства уголовной ответственности с другими «организованными» в Уголовном кодексе.

Во-первых, обычно субъекты, которые совершают преступления, посягающие на национальную безопасность, совершают действия в тесных связях между многими людьми или организациями в стране и за рубежом. Поэтому на практике необходимо отличать признак «организованность», используемый как квалификационный признак преступления, от «организатора» в случае соучастия в преступлении, связанных с посягательством на национальную безопасность. В УК Вьетнама «организатор» определен как: «инициатор, лидер и руководитель в совершении преступления» (ч. 3 ст. 17 УК СРВ, 2015 г.), с указанием роли и обязанностей лица в деле с соучастием; в то время как признак «организованный» для определения преступлений, посягающих на национальную

безопасность, относится к «преступной организации» или «организованному поведению» преступника. Определение роли каждого преступника в соучастии в преступлении, посягающих на национальную безопасность, очень важно для оценки характера и уровня опасности для общества поведения каждого человека, анализа криминализации и индивидуализации наказания в конкретном деле. Вот почему в законах, регулирующих преступление посягательства на национальную безопасность, предусмотрены разные рамки наказания для тех, кто совершает преступления с разной ролью. Штрафные санкции, предусмотренные для лиц, играющих активную роль в организации, действиях или причинении серьезных последствий, более суровы, чем штрафные рамки, предусмотренные для других людей¹. В уголовной политике в отношении преступлений, посягающих на национальную безопасность, в частности, и конкретных преступлений в целом, законодатели всегда придерживаются принципа строгого наказания в отношении тех, кто является инициатором, лидером и руководителем совершения преступления (организатор).

Во-вторых, в УК Вьетнама 2015 г., при характеристике стадии приготовления к преступлению, было добавлено создание преступной группы и присоединение к ней, что создало правовую основу для предупреждения преступлений на ранней стадии.

Однако деяние создания или присоединения к преступной группе, за исключением случаев, когда это деяние представляет собой конкретное преступление, из которых существует 03 преступления, указанных в главах XIII и XXI УК Вьетнама 2015 г.: ст. 109 и ст. 113, ст. 299.

Таким образом, за исключением случая создания или присоединения к преступной группе, действующей с целью свержения народного правительства или террористического народного правительства или террористического акта (что является признаком квалификационного преступления), случаи создания преступной группы или участия в ней, с целью совершения других преступлений в составе преступлений посягательства на национальную безопасность определяются на стадии приготовления к преступлению. Следовательно, в практике применения закона к преступлениям, посягающим на национальную безопасность, необходимо отличать признак «организованность», используемый как преступное обстоятельство, от того, который используется для определения стадии совершения преступления.

4. Исследования показывают, что, несмотря на то, что по-прежнему существует много недостатков и ограничений, со времени принятия Постановления Пленума Верховного Суда СРВ № 02 от 16 ноября 1988 г. (далее – Пленум № 02, регулирующий ряд положений УК Вьетнама 1985 г., не было никаких руководящих документов, которые могли бы заменить их в уголовном праве. Например, случай, описанный в ч. 6 раздела I Пленума № 02: «Помимо упомянутых выше случаев организованной преступности, УК также предусматривает дела, в которых совершаются организованные преступления, отдельные преступления. УК определяет эти случаи как отдельные преступления с отдельными наказаниями, поэтому отягчающие обстоятельства организованной преступности не должны применяться в соответствии с положениями УК».

На наш взгляд, содержание вышеуказанных рекомендаций уже имеет определенные ограничения. Организованная преступность определяется УК Вьетнама 2015 г. как множество независимых преступлений, таких как организация, принуждение, побуждение других к бегству за границу или пребывание за границей для противодействия народным властям. В этом случае деятельность лица, которое организовывает побег других людей за границу или пребывание за границей с целью противодействия народной власти, классифицируется как самостоятельное преступление. Однако это преступление может быть совершено как в соучастии, так и без соучастия.

Если «организация других бежать за границу или остаться за границей с целью противодействия народной власти» осуществляется двумя или более людьми, имеется тесный сговор, например, организация, совершающая преступления, имеет тщательно продуманный план, распределение ролей и позиций между субъектами, подготовку средств действий и подготовку плана сокрытия преступления и т.п., по-прежнему удовлетворяют условию «организованной преступности». То есть отягчающие обстоятельства «организованной преступности», указанные в п. а, ч. 1 ст. 52 УК Вьетнама 2015 г., могут по-прежнему применяться к преступлениям, которые УК рассматривает как «случаи, когда преступления организованы и совершаются».

В ближайшее время центральные межведомственные органы юстиции должны принять руководящие документы, которые заменят определения в Пленуме № 02, относящиеся к делу об «организованной преступности», а также руководство по конкретному разграничению различных «организованных» дел, имеющих отношение к делу в уголовном кодексе в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс 2015 г. (с изм. и доп. в 2017 г.).
2. Постановление Пленума Верховного Суда СРВ № 02 от 16 ноября 1988 г.
3. Чан Куанг Тиеп. Некоторые теоретические и практические вопросы организованной преступности // Прокурорский журнал. – Июль, 2003.

¹ Ч. 1, ст. 109, ч. 1, ст. 111, ч. 1, ст. 112 УК Вьетнама 2015 г.

ЧУКРЕЕВ Вадим Андреевич

кандидат юридических наук, заместитель прокурора Свердловской области, Прокуратура Свердловской области

НЕОБХОДИМАЯ УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СУЩЕСТВЕННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА В ЦЕЛЯХ УКРЫВАТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Актуальность статьи обусловлена тем, что в настоящее время пластическая хирургия и иные методики коррективы внешности человека бурно развиваются и становятся все более доступными. К сожалению, это не только способ исправить физические недостатки человека, но возможность кардинальным образом изменить биометрические данные человека. Целью исследования является комплексное изучение правовых проблем регулирования отношений, связанных с изменением внешнего облика человека, и предотвращение использования данных технологий лицами, совершившими преступления, чтобы избежать уголовной ответственности. Автор пришел к выводу о необходимости внести изменения в уголовный закон РФ, которые бы учитывали интересы всех заинтересованных сторон и создавали механизм уголовно-правового противодействия изменению внешнего облика человека в противоправных целях.

Ключевые слова: пластическая хирургия, облик преступника, изменение, эксплуатация человека, уголовный закон, опыт, регулирование.

CHUKREEV Vadim Andreevich

Ph.D. in Law, Deputy Prosecutor of the Sverdlovsk Region, Prosecutor's Office of the Sverdlovsk region

NECESSARY CRIMINAL LIABILITY FOR A SIGNIFICANT CHANGE IN THE APPEARANCE OF A PERSON IN ORDER TO CONCEAL CRIMES

The relevance of the article is due to the fact that at present, plastic surgery and other methods of correcting a person's appearance are rapidly developing and becoming more and more accessible. It is the ability to radically change a person's biometric data, also. The aim of the study is to comprehensively study the legal problems of changing the external appearance of a person, and preventing the use of these technologies by persons who have committed crimes in order to avoid criminal liability. The author came to the conclusion that it is necessary to amend the criminal law of the Russian Federation to create a mechanism for criminal-legal counteraction to a change in the external appearance of a person for illegal purposes.

Keywords: plastic surgery, face of a criminal, change, human exploitation, criminal law, experience, regulation.

Ранее пластическая хирургия занималась оперативными вмешательствами, направленными на устранение деформаций и дефектов какого-либо органа, ткани или поверхности человеческого тела, в настоящее время широкое распространение получили не только реконструктивные, но и эстетические процедуры. Медицинскими вмешательствами можно изменить внешность практически до неузнаваемости, чем в настоящее время за рубежом и в России активно пользуются лица, совершившие преступления, чтобы избежать уголовной ответственности.

Именно по внешнему облику человека определяют его физиологические и биологические особенности. Статья 11 Федерального закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» дает определение биометрических персональных данных – это сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных. Согласно ч. 2. статьи обработка биометрических персональных данных может осуществляться без согласия субъекта персональных данных в связи с реализацией международных договоров Российской Федерации о реадмиссии, в связи с осуществлением правосудия и исполнением судебных актов, в связи с проведением обязательной государственной дактилоскопической регистрации, а также в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации об обороне, о безопасности, о противодействии терроризму, о транспортной безопасности, о противодействии коррупции, об оперативно-разыскной деятельности, о государственной службе, уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, законодательством

Российской Федерации о порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию, о гражданстве Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о нотариате¹.

Т. А. Солодова дает понятие «внешний облик человека» — это присущая конкретному человеку совокупность индивидуальных устойчивых характеристик его внешности, способная отображаться в памяти людей и материальных средствах фиксации, и позволяющая идентифицировать человека.

Автор дает классификацию видов изменённого внешнего облика по способу осуществления намеренных изменений внешности: косметические - осуществляются за счёт применения средств и приёмов макияжа; гримировальные - реализуются за счёт использования гримировальных средств (красок, специальных наклеек, париков, предметов одежды и носимых вещей); косметико-медицинские - производятся за счёт применения различных процедур, например, скрабирования, радиочастотного лифтинга, биоревитализации, биоармирования, микродермабразии и т.п.; хирургические - являются результатом пластических операций.

По ее мнению - «изменённый внешний облик» — это «совокупность индивидуальных, устойчивых, изменённых под влиянием естественных процессов либо в результате целенаправленного воздействия, характеристик внешности конкретного человека, способная отображаться в памяти людей и на материальных средствах фиксации». Анализ практики производства портретных экспертиз и исследований

1 Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. - 2006. - № 31 (1 ч.). - ст. 3451.

последних лет показал, что при их производстве возникает ряд сложностей как раз в отношении исследования лиц, облик которых подвергся изменениям. Специализированная хирургия позволяет легко устранять имеющиеся на лице пороки развития, последствия механических, химических повреждений, изменять форму и размеры отдельных элементов лица (носа, рта), а также проводить «омоложение». Всё это в той или иной мере изменяет облик человека и должно учитываться при производстве опознаний и судебно-портретных экспертиз [6].

Во всем мире не редки случаи существенного изменения внешности лицами, совершившими преступления для того, чтобы избежать уголовной ответственности. Сейчас можно получить любые эстетические пластические операции: омоложение лица (ритидэктомия, фейслифтинг), подтяжка бровей и лба (фронтлифтинг), пластика век (блефаропластика), пластика носа (ринопластика, септопластика), пластика ушных раковин (отопластика), пластика губ (хейлопластика), пересадка волос, пластика подбородка (ментоластика, мандибулопластика или гениопластика), пластика скул (малярпластика), пластика шеи и подподбородочной области (цервикопластика), пластика груди (маммоластика), пластика живота (абдоминопластика, липосакция), пластика ягодиц (глютеопластика), пластика рук (брахиопластика), пластика голей и внутренней поверхности бедра (круропластика и фемурупластика), пластика шеи (платизмоластика) и другие. Данные хирургические вмешательства осуществляются медицинскими работниками, иными лицами, зачастую незаконно, и существенно и необратимо меняют внешность человека, что позволяет преступникам длительное время не быть найденными.

С давних времен в целях конспирации прибегали к смене внешности благодаря хирургическим вмешательствам. Одним из первых пластическую операцию сделал еще в 30-х годах американский мафиози Джон Диллинджер, который грабил банки с 17 лет. Он обратился к хирургу, что позволило Диллинджеру годы оставаться непойманным и грабить банки. Лишь после того, как пластический хирург дал показания преступника нашли².

Э. Зурофф, глава Центра Визенталя, занимающийся поиском нацистских преступников, рассказал об Иване Демьянюке, охраннике концлагеря, которого приговорили, а затем выпустили на свободу в Израиле, поскольку оставались сомнения в связи с его личностью, так как он удалил хирургическим путем татуировку с символом СС³.

По данным И. Атаманенко известен факт, как чилийскому политику Луису Корвалану так виртуозно переделали лицо, что его реально принимали за другого человека. Пластический хирург Института красоты Шмелев, который делал Корвалану операции, позже умер на своей даче от жестокого избиения.

Российский киллер Александр Солоник дважды делал пластические операции. Первый раз - для того, чтобы удалить татуировку и убрать и родинку на лице, второй раз - чтобы полностью трансформировать лицо. Изменившись до неузнаваемости, Солоник два года жил под именем Владимира Кесова в Греции, где был убит в 1997 году другим киллером – Александром Пустоваловым.

Александр Малышев по кличке «Мальш», самый известный в 90-х годах бандит Петербурга, перебрался в Германию

и пустил слух о своей смерти. Потом женился на женщине из Бразилии, взял ее фамилию и сделал пластику лица. Интерпол вычислил, что Александр Малышев и Алехандро Ланкас Гонсалес - один и тот же человек.

Главарь тамбовской преступной группировки Игорь Рыгин бежал в Грецию, где жил по паспорту убитого Андрея Семенова, изменив свою внешность с помощью пластических хирургов «под Семенова». Но полиция Афин вычислила преступника и депортировала его в Россию⁴.

Бернардо Провенцано из Корлеоне, «крестный отец», «босс боссов» сицилийской мафии, более сорока шести лет, до своего ареста в 2006 году, находился в розыске. Его неуловимость объяснялась тем, что в распоряжении итальянской полиции были лишь его фотографии 1950-х годов. Сделав несколько пластических операций, дон Бернардо Провенцано полностью изменил свое лицо, что и позволяло ему долго жить на свободе, избегая поимки.

Находясь в бегах в течение двух с половиной лет, японец Тацуя Ичихаси сам себе отрезал нижнюю губу, вырезал две родинки на щеке канцелярским ножом и сделал себе операцию на носу, пытаясь скрыть свое лицо. Он убил и изнасиловал свою учительницу английского языка Линдси Энн Хоукер. Сэкономив 12 100 долларов США на ряде строительных работ, он потратил их на две пластические операции: одну, чтобы сделать более длинный и узкий нос, а вторую, чтобы поднять переносицу. Сотрудники клиники сделали много фотографий его левой щеки со следами родинок, которые он удалил, что показалось «странным». Клиника сообщила о его посещении и отправила фотографии в полицию, потом он был пойман полицейскими [1].

Общественную опасность обладает тот факт, что пластическая хирургия и другие медицинские вмешательства позволяют преступникам скрываться достаточно долгое время и продолжать осуществлять свою противоправную деятельность. Так, в Бразилии задержан наркобарон Луис Карлус да Роша по прозвищу «Белая голова», который скрывался от полиции почти 30 лет, изменив внешность с помощью пластической хирургии. Его состояние оценивается в 100 млн долларов. По оценкам правоохранителей, организация Роши ежемесячно производила в Боливии, Перу и Колумбии до пяти тонн кокаина, который затем переправлялся в США и Европу, его обвиняли в отмывании денег, международном наркотрафике, подделке документов и организации преступного сообщества. В операции по поимке наркоторговца, получившей название «Спектрум», участвовали 150 сотрудников правоохранительных органов.

Джузеппе Фальзоне, один из главарей сицилийской мафии и один из самых опасных преступников в мире, в течение десяти лет скрывался от правосудия. Приговоренный в 2000 году к пожизненному заключению за убийство и участие в международном наркотрафике, он сумел бежать из тюрьмы изменив свою внешность с помощью пластических операций. Он жил по поддельным документам во Франции, откуда руководил своей организацией, только в 2010 году марсельской полиции удалось его задержать⁵.

Далее, 27-летний наркобарон Ричи Рамос изменил свою внешность с помощью пластических хирургов в Филадельфии, благодаря чему на 16 месяцев продлил свое пребывание на свободе. Среди пластических операций, на которые он потратил в общей сложности 74900 долларов, были пластика

2 Велигжанина А. Пластические операции как способ скрыться от полиции вновь входят у преступников в моду. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myplasticsurgeon.ru/novosti/plasticheskie-operatsii-kak-sposob-skrytysya-ot-politsii-vnov-vhodyat-u-prestupnikov-v-modu> (дата обращения: 05.01.2022).

3 Адорьян Й. Разыскиваются военные преступники. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.inopressa.ru/article/30Jul2008/faz/war.html>. (дата обращения: 05.01.2022).

4 Велигжанина А. Пластические операции как способ скрыться от полиции вновь входят у преступников в моду. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myplasticsurgeon.ru/novosti/plasticheskie-operatsii-kak-sposob-skrytysya-ot-politsii-vnov-vhodyat-u-prestupnikov-v-modu> (дата обращения: 05.01.2022).

5 Там же.

груди, талии, лица, удаление шрамов от пулевых ранений и замена кожи на кончиках пальцев⁶.

В сентябре 2015 года полиция Бразилии схватила еще одного наркобарона - Мариу Серджиу Машаду Нуньеша, также известного как Гояно. В 1980-х годах Гояно был одним из немногих наркоторговцев, кто напрямую вел бизнес с главой колумбийского наркокартеля Пабло Эскобаром, он также прибегал к помощи пластических хирургов и жил под вымышленным именем⁷.

Российские криминальные авторитеты не уступают в области пластических операций своим зарубежным коллегам, так, киллер Александр Солоник дважды делал пластические операции, первый раз - для того, чтобы удалить татуировку и убрать родинку на лице, второй раз - чтобы сменить лицо. Изменившись до неузнаваемости, Солоник в течение двух лет жил под именем Владимира Кесова в Греции, где и был убит в 1997 году другим киллером Александром Пустоваловым⁸.

Совсем недавно в Подмоскowie был задержан мошенник, незаконно получивший 20 миллионов рублей, который чтобы скрыться от полицейских сделал пластическую операцию и изменил свою внешность, он существенно помолодел, подтянул кожу, разгладил морщины.

Пластический хирург А. Ворошкевич сказал, что он оперировал подозрительных личностей, которые попросили сделать так, чтобы не быть похожими на самих себя. Такие мужчины отказывались фотографироваться, на лице не было изъянов, приходилось что-то выдумывать и исполнять по словам⁹.

23-летний житель Жодино (Белоруссия) весной 2015 года вступил в половую связь с несовершеннолетней, беспричинно избил несовершеннолетнего и после совершения преступлений похудел на 30 кг и изменил внешность и год скрывался в России. Из полного, бритоголового парня преступник превратился в худощавого юношу, отрастил волосы, его опознали по паспорту и неофашистской татуировке¹⁰.

В Москве задержали уроженца Чечни, который несколько лет скрывался после получения по поддельным документам в одном из коммерческих банков кредита на 89 миллионов рублей. По решению суда он заочно был приговорен к 6 годам заключения. Но предпочел лечь под скальпель, измениться. И все равно его поймали, как только он пошел на новое дело.

Пластический хирург А. Тепляшин поддерживает идею депутатов, так как сведения о сделанной пластике помогут ловить преступников. Возможно, надо сообщать не обо всех сделанных пластических операциях, а о случаях, когда человек просит изменить его до неузнаваемости.

Подозревают, что знаменитого пластического хирурга Е. Лапутина убили из-за того, что он был в курсе, как изменился кто-то из крупных воротил после операции. Врача зарезали недалеко от клиники в сентябре в 2005 году. Преступление так и не было раскрыто.

В Ростовской области задержали 40-летнего мужчину, причастного к совершению 40 тяжких и особо тяжких преступлений, более десяти лет участник межрегиональной преступной группировки скрывался от следствия. Он произвел несколько пластических операций по изменению внешности, а также удалил папиллярные узоры пальцев обеих рук [1].

В Екатеринбурге служащая банка Екатерина И. перевела 170 миллионов рублей со счетов клиентов банка своим сообщникам, потом она и ее соучастник Александр переехали в Санкт-Петербург. Екатерина с помощью пластического хирурга до неузнаваемости изменила лицо, а Александр не стал. Его по ориентировке и обнаружил сотрудник полиции.

В 2014 году уроженец Чечни взял в нескольких банках Москвы кредитов на 89 миллионов рублей, предьявляя поддельные документы. Полицейские возбудили уголовное дело, но преступник скрылся, сделал пластическую операцию и в очередной раз сменил документы.

Житель Чеченской Республики, провернув крупную аферу, с помощью пластического хирурга изменил лицо и добыл фальшивые документы. Используя поддельные документы, получил кредит на 89 миллионов рублей. Было возбуждено уголовное дело по статье «Мошенничество». Пытаясь избежать ответственности, преступник изменил свою внешность и скрылся, и был заочно приговорен к шести годам лишения свободы. Мошенника в конце концов выследили и задержали в центре Москвы¹¹.

Депутат Госдумы РФ В. Соловьёва обратился в МВД России и Генпрокуратуру и предложил обязать медицинские учреждения информировать правоохранительные органы о клиентах, прошедших через пластическую операцию и подвергшихся внешним изменениям для чего потребовалось бы внести поправки в закон «О персональных данных».

В п. 85.11. Приказа МВД России от 16.11.2020 № 773 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.12.2020 № 62009) указано, что заявление о выдаче (замене) паспорта может быть подано непосредственно в подразделение по вопросам миграции при наличии такого основания как существенное изменение внешности¹². Однако, преступники не для этого меняют свой облик.

По мнению С. Самищенко преступников опознают не только по внешности, но и по отпечаткам пальцев. Хотя сегодня пластические хирурги научились стирать рисунки на пальцах, папиллярный узор со временем восстанавливается¹³.

Криминалисты Следственного комитета РФ могут идентифицировать преступника по нечеткому изображению с камер видеонаблюдения, и даже если он сильно изменил

6 Там же.

7 Haidar D. В Бразилии задержан наркобарон, скрывавшийся от полиции 30 лет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-40471292>.

8 Сделал операцию – и на свободе! . [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://b-clinica.ru/articles/sdelal-operaciju-i-na-svobode/>.

9 Это не я: как преступники меняют внешность, чтобы остаться непойманными. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ren.tv/news/kriminal/421806-eto-ne-ia-kak-prestupniki-meniiaut-vneshnost-chtoby-ostatsia-nepoimannymi>.

10 Борисевич К. Преступник похудел на 30 кг и изменил внешность, чтобы его не узнала милиция. Преступник похудел на 30 кг и изменил внешность, чтобы его не узнала милиция. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26601/3617804/>.

11 Пилипчук А. В Москве задержан преступник, пытавшийся скрыться, изменив внешность с помощью хирурга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yandex.ru/turbo/itv.ru/s/news/2014-04-15/48173-v_moskve_zaderzhan_prestupnik_pytavshiyasya_skritysya_izmeniv_vneshnost_s_pomoschyu_hirurga.

12 Приказ МВД России от 16.11.2020 № 773 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>.

13 Башкатов С. Операция «Перелицовка», или Как преступники меняют облик. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/spetsdose/operatsiya-perelitovka-ili-kak-prestupniki-menyayut-oblik/>.

внешность (похудел или поправился, стал носить другую причёску и пр.).

Например, сексуального маньяка, орудовавшего в подъездах камеры домофонов зафиксировали, однако изображение получилось нечетким. Подозреваемый изменил внешность – похудел на 20 кг и обрил голову. С помощью специальных технологий эксперты создали трехмерную модель головы человека и накладывали на нее кадры, с разных ракурсов заснятые камерами. В итоге версия о виновности подозреваемого подтвердилась. Применяемые СКР технологии распознавания лиц помогут опознать человека, даже если он с ног до головы укутался в объемную одежду. К примеру, подобный «маскарад» не спас от правосудия киллера, нанятого для убийства предпринимателя в Тамбове. Совершенное им преступление было зафиксировано камерой видеонаблюдения, однако видеозапись не позволяла идентифицировать подозреваемого. С помощью видео-технической экспертизы криминалистам Следственного комитета удалось с точностью до сантиметра определить рост и телосложение преступника. С помощью дополнительных следственно-разыскных мероприятий следствие смогло установить личность подозреваемого. В итоге злоумышленник был пойман и сознан в содеянном¹⁴.

Следует сказать об еще одной потенциальной опасности для правосудия, так как, помимо хирургических вмешательств проблемы при поимке преступников могут создавать появившиеся гиперреалистичные маски, которые в точности копируют человеческое лицо, вплоть до веснушек и морщин. Они были созданы учёными из Йоркского (Великобритания) и Киотского (Япония) университетов, сейчас появились в России. Большинство людей даже не знают о существовании гиперреалистичных масок, однако серьезную озабоченность вызывает их широкое распространение, так их цена сейчас составляет около 100 тысяч рублей, однако может упасть, чем воспользуются преступники. Например, в 2015 году один преступник обманул многочисленных жертв на миллионы фунтов, выдав себя за французского чиновника Жана-Ива Ле Дриана.

По словам Д. Сандерс неспособность отличить синтетические лица от настоящих может иметь проблемы для безопасности граждан, так как гиперреалистичные маски позволяют неправильно определить ключевые характеристики внешнего вида человека¹⁵. Возможно потребуется законодательный запрет на оборот масок в целях совершения правонарушений или при использовании таковых при сокрытии преступников от ответственности.

Считаем необходимым обратить внимание законодателя на общественную опасность изменения внешнего облика человека в целях укрывательства преступлений. Как мы ранее выяснили с помощью хирургов преступники могут длительное время скрываться от правосудия и совершать иные преступления, в том числе носящие длящийся характер.

Еще В. Н. Кудрявцев говорил, что уклонение от ответственности еще один вид преступного поведения, встречающийся не менее чем в половине всех уголовных дел, формы могут быть самые разные, в том числе изменение внешности, вплоть до косметической операции [3]. С данным мнением согласна Л. В. Иногамова-Хегай [7].

Рассмотрим варианты введения уголовной ответственности как для самих виновных лиц, совершивших «предикатное

преступление» и скрывающихся от уголовной ответственности, так и медицинских работников, способных существенно изменить внешность медицинскими манипуляциями лицу, заранее зная, что он совершил противоправные деяние и скрывается от правосудия. В действующем уголовном кодексе РФ есть статья 316 «Укрывательство преступлений», в которой установлена ответственность за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений.

По мнению авторов укрывательство, выразившееся в проведении преступнику пластической операции, следует считать завершенным после окончания операции, хотя благодаря измененной внешности преступник еще долгое время продолжает скрываться [2].

А. С. Мограбян права, что одно дело, если преступник прибегает к помощи пластических хирургов с целью избавления от проблем с внешностью. Но рынок услуг по изменению внешнего облика оперативным путем приобретает криминальный аспект, когда речь заходит о кардинальном изменении внешности преступника с целью избежать ответственности. Известно, что даже самые незначительные пластические операции на лице изменяют внешность, не говоря уже о кардинальных изменениях. Этим пользуются преступники. На наш взгляд, для решения этой проблемы необходимо на законодательном уровне обязать пластических хирургов вести архивы фотографий до и после проведения операции. Автор предлагает принять специальный нормативный акт, который детально урегулировал бы отношения в сфере оказания медицинских услуг по изменению внешнего облика физического лица путем оперативного вмешательства и в котором содержались бы требования о возрастном ограничении на пластические операции, обязанности ведения архивов фотографий пациентов до и после пластических операций, а также подробно регламентировались бы условия договора на оказание услуг по оперативному изменению внешнего облика физического лица, среди которых должно быть предусмотрено условие, касающееся результатов оказанной услуги [4]. На наш взгляд, это правильные предложения, но не достаточные.

Заметим, что существенно способны изменить внешность человека не только операции, но и косметологические процедуры с использованием новейшего оборудования или инъекций, которые могут внешне омолодить лет на 10. Однако их осуществляет не только врачи, но и медицинские сестры и иные лица, оказывающие, такие услуги, порой, незаконно.

Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» в п. 46 статьи 12 «Перечень видов деятельности, на которые требуются лицензии» указывает медицинскую деятельность¹⁶, однако не редки случаи когда медицинское вмешательство осуществляют кустарным способом, на дому не врачи, а средний медицинский персонал или даже лица, окончившие курсы косметологов или иным способом получившие некоторые знания как колоты инъекции в лицо и осуществлять иные процедуры. Специалисты Росздравнадзора разъясняют, что косметолог должен иметь высшее медицинское образование и сертификат специалиста по косметологии. Средний медицинский персонал должен иметь дополнительное профессиональное образование по специальности «Сестринское дело в косметологии», при этом средний медицинский персонал может оказывать медицинские услуги и манипуляции только по назначению врача-косметолога. Необходимо обратить внимание на то, в каких условиях осуществляются такие косметологические услуги, как введение инъекционных тканевых наполнителей; инъекции препаратов токсина

14 Анисимова Н., Юшквявичюте А. Технологии СКР позволяют идентифицировать преступника даже с сильно измененной внешностью. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/15/10/2019/5da57a9f9a79479edf8a9eb2>.

15 Удод Ю. Учёные создали маски людей, от которых мурашки по коже. Ведь различить реальное лицо и такой фейк – невозможно. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medialeaks.ru/2111flw-maski-ili-lyudi/>.

16 Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СЗ РФ. - 2011. - № 19. - Ст. 2716.

ботулизма; инъекционная коррекция рубцовой ткани; мезотерапия; биоревитализация; проводится пилинг срединный; инъекционное введение лекарственных препаратов. Перечисленные услуги должны проводиться в отдельном помещении - процедурной, которая должна быть оснащена лампой с увеличительной лупой, устройством ультразвуковой очистки и дезинфекции инструментов и изделий, кварцевым стерилизатором, облучателем воздуха ультрафиолетовым, холодильником для хранения медикаментов¹⁷. Не всеми специалистами соблюдаются указанные требования, зачастую прямо нарушаются, так как косметология в настоящая время очень доходна.

В случаях, когда медицинский работник заранее обещал провести медицинские манипуляции (операции) он будет привлекаться к уголовной ответственности как пособник, на основании ч. 5 ст. 33 УК РФ - пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы. Считаем возможным дополнить данную статью указанием на то, что видом сокрытия преступника является изменение ему внешности медицинскими (косметологическими) манипуляциями и изложить ее в следующей редакции: ч. 5 ст. 33 УК РФ - пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника (в том числе с помощью медицинских или косметологических вмешательств), средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.

Не согласны с Н. Г. Кадниковым, что действия врача в случае осуществления пластической операции для изменения внешности преступника, с целью укрыть его от органов правосудия, при отсутствии признака заведомости, возможна ответственность за незаконное осуществление профессиональных функций и обязанностей [8]. Не совсем понятно, какую статью в данном случае необходимо применять.

Следует указать, что течение сроков давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия или суда, если оно предпринимает действия, специально направленные на уклонение от привлечения к уголовной ответственности (изменение адреса, фамилии, внешности, создание различного рода обстоятельств, вынуждающих следствие вести розыск конкретного преступника).

Также необходимо остановиться на случаях, когда преступники с помощью медицинских манипуляций меняют внешность жертвы преступления в случаях ее похищения, эксплуатации, подготовки к торговле людьми.

Ю. А. Писарев прав, что укрывательство человека в широком понимании – это сокрытие потерпевшего помимо его воли, совершаемое для недопущения обнаружения проданного человека правоохранительными органами, родственниками, близкими (например, посредством лишения документов, изменения внешности, медикаментозного подавления физической или психической активности потерпевшего) [5].

На основании вышеизложенного предлагаем внести изменения в статью 316 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Укрывательство преступлений»:

1. Заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений - наказывается...

2. Существенное изменение внешнего облика человека в целях укрывательства особо тяжких преступлений - наказывается...

3. Существенное изменение медицинским работником внешнего облика человека путем медицинского вмешательства в целях укрывательства особо тяжких преступлений - наказывается...

Введение законодателем указанных предложений позволит существенно уменьшить количество лиц, пытающихся существенно изменить внешний облик человека в целях укрывательства преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Грищенко Н. В России преступник более 10 лет скрывался, меняя внешность и отпечатки // РГ. – 2020. – 17 авг.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы X – XII (постатейный). Том 4. / Отв. ред. В. М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017.
3. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. – М.: НОРМА, 2007. – 128 с.
4. Мограбян А.С. Перспективные направления решения правовых проблем, возникающих в связи с оперативным изменением внешнего облика человека // Гражданское право. – 2012. – № 5. – С. 32-35.
5. Писарев Ю. А. Дискуссия об объективной стороне торговли людьми // Общество и право. – 2009. – № 3. – С. 133-135.
6. Солодова Т. А. Криминалистическое установление лиц с изменённым внешним обликом. автореф. ... канд. юрид. наук. – М.: ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», 2021.
7. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник. 2-е издание, исправленное и дополненное / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рагога, А. И. Чучаева. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009.
8. Уголовное право. Общая и Особенная части: Учебник для вузов / Под ред. Н. Г. Кадникова. – М.: Городец, 2006.
9. Yamaguchi M. Face-change Japanese man admits murder of Briton // The Associated Press. – 2011. – Jan. 26.

¹⁷ Вопрос-ответ // Росздравнадзор: официальный сайт. 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.roszdravnadzor.ru> (дата обращения: 30.12.2021).

ЧАМСАЕВА Марьям Раджабовна

магистрант Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

АХМЕДХАНОВА Самира Телхатовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЁННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

В современном мире легализация денежных средств, добытых преступным путем, занимает особое место в структуре преступности. Будучи вторичной преступной деятельностью, она способствует детерминации первичной преступной деятельности. На новый уровень в настоящее время вышла система контроля за чиновниками и порядок проведения ими финансовых операций. Часто единственной возможностью спокойно распорядится своими денежными средствами, приобретенными преступным путем, является процесс их отмыwania и официальной легализации. В нашем исследовании необходимо рассмотреть проблемные вопросы квалификации и дифференциации ответственности за отмыwanie, легализацию денежных средств и иного имущества, приобретенного преступным путем.

Ключевые слова: легализация, отмыwanie, ответственность, квалификация, дифференциация.

CHAMSAEVA Maryam Radzhabova

magister student of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

AKHMEDKHANOVA Samira Telkhatovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

DIFFERENTIATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY AND PROBLEMS OF QUALIFICATION FOR LEGALIZATION OF MONEY OR OTHER PROPERTY, ACQUIRED BY CRIMINAL MEANS

In the modern world, the legalization of money obtained by criminal means occupies a special place in the structure of crime. Being a secondary criminal activity, it contributes to the determination of primary criminal activity. The system of control over officials and the procedure for their financial transactions has now reached a new level. Often, the only way to calmly dispose of your money acquired by criminal means is the process of their laundering and official legalization. In our study, it is necessary to consider problematic issues of qualification and differentiation of responsibility for laundering, legalization of funds and other property acquired by criminal means.

Keywords: legalization, laundering, responsibility, qualification, differentiation.

Легализация (отмыwanie) денежных средств и иного имущества на сегодняшний день представляет собой самое сложное и трудно раскрываемое явление в мире преступности. Всестороннее изучение данного явления наталкивает на необходимость поиска наиболее эффективных способов борьбы с негативным явлением. Исследования в данной области привели к необходимости рассмотрения и проведения сравнительного анализа квалифицирующих обстоятельств ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ, что в первую очередь натолкнуло нас на проблемы идентичности, схожестиотягающих обстоятельств. В обеих статьях в квалифицированных обстоятельствах предусмотрена ответственность за совершение преступного деяния в крупном размере и особо крупном размере, то есть в сумме причинённого ущерба совершенным преступным посягательством.

В примечаниях к данным статьям указана сумма причинённого ущерба исчисляемая в денежных средствах, превышающих один миллион пятьсот тысяч рублей, а в особо крупном размере – шесть миллионов рублей. В данном квалифицирующем обстоятельстве не указывается количество сделок, входящих в объем крупного и особо крупного

размера. Можно рассмотреть две основные ситуации, возникающие в примечании: а) субъект совершает несколько преступных сделок по отмыwанию денег и их легализации, и в каждой сделке присутствует новый возникший умысел; данное обстоятельство необходимо рассматривать как совокупность преступлений; б) субъект совершает несколько финансовых операций по легализации денежных средств и их отмыwанию, но все совершенные преступные деяния охватываются единым умыслом [2].

Согласно правилам квалификации, предусмотренным в ч. 4 ст. 17, если преступное деяние охватывается общей и специальной нормами, то совокупность преступлений отсутствует и квалификация наступает по специальной норме, либо подобное деяние необходимо рассмотреть как продолжаемое преступное посягательство, охватываемое общим умыслом, и квалифицировать по ч. 2 ст. 174 или ч. 2 ст. 174¹ УК РФ. В подобном направлении рассматривается проблема Верховным судом РФ согласно постановлению в случаях, когда лицом совершается несколько самостоятельных финансовых сделок по легализации и отмыwанию денежных средств, полученных преступным путем. Соде-

янное необходимо квалифицировать не как совокупность преступлений, а по специальному составу ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ.

Подобные правила квалификации данного преступного явления так же необходимо использовать в случае, если субъект посредством совершения финансовых махинаций попытался легализовать денежные средства, приобретенные преступным путем в крупном, особо крупном размере, однако процесс легализации имущества не всегда приводит к желаемому результату, но содеянное необходимо все же квалифицировать как процесс оконченной легализации в крупном и особо крупном размере. В пример можно привести обстоятельство когда в процессе совершения финансовой операции по легализации денежных средств субъекту не удалось совершить задуманное количество финансовых сделок и получить должной суммы в крупном и особо крупном размере, то содеянное необходимо квалифицировать как оконченный состав преступления и квалифицировать по ч. 2 ст. 174 УК РФ.

При подобном рассмотрении данной проблемы допущена существенная ошибка, так как неосуществленный умысел не может рассматриваться как оконченный состав преступления, тем более, если умысел осуществлен в его незначительной части, в случаях если из десятка задуманных финансовых операций лицу удалось осуществить только одну. На наш взгляд необходимо в подобном контексте пересмотреть Постановление Пленума Верховного суда, и такие деяния рассматривать как покушение на крупный и особо крупный размер отмывания, легализации денежных средств.

В качестве квалифицирующего обстоятельства ч.3 ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ предусмотрено тоже преступное посягательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору; и лицом в связи с использованием своего служебного положения[5].

Даже если лица совместно направили преступные усилия на легализацию, отмывание денежных средств, лицо которое ранее приобрело данное имущество посредством совершения преступного деяния несет ответственность по статье 174¹ УК РФ, лицо, которое совершает в последующем преступные финансовые операции с денежными средствами, несет ответственность по ст. 174 УК РФ, так как не принимал участие в их получении. Например, когда лицо заключило договор купли-продажи основной целью которого является отмывания денежных средств, добытых преступным путем, а покупатель осознавал преступность совершаемых действий, и приобрел имущество в целях придания ему правомерного вида владения, пользования и распоряжения, действия покупателя необходимо отнести к соответствующей части ст. 174 УК РФ, а преступные действия продавца по ст. 174¹ УК РФ.

Если преступление совершается группой лиц по предварительному сговору, то в его совершении участвуют два или более лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении, хотя довольно частым явлением в процессе легализации обнаруживаются факты совершения преступного отмывания в соисполнительстве. Объясняется данное явление сложностью проведения финансовых операций используемых для отмывания денежных средств и невозможность проведения их в одиночку, без чьей –либо помощи.

Постановление Пленума Верховного суда РФ по делам о коррупционных преступлениях рассматривает под взятничеством действия должностного лица, направленные на рассмотрение обращения взяткополучателя, ускорение процесса получения принятия соответствующего решения, направленного на получение взятки, выбор наиболее удобного решения для взяткодателя, нарушая тем самым законные интересы государства и других лиц. Квалифицирующим обстоятельством состава преступления, предусматривающего совершение деяния, направленного на отмывание, легализацию денежных средств, полученных посредством совершения служебных преступлений, следует рассмотреть использование должностным лицом своих служебных полномочий и навыков для реализации преступного результата. Должностное положение лица в процессе легализации, отмывании денежных средств может быть использовано как для проведения финансовых операций, так и для сокрытия имущества и денежных средств, полученных преступным путем. В ч. 4 ст. 174¹ предусмотрена ответственность за совершение преступного деяния организованной группой и совершение преступного посягательства в особо крупном размере [3]. В организованную группу могут входить разные категории лиц, одни преступным деянием приобрели денежные средства, другие провели финансовые операции по их отмыванию, легализации, действия всех участников данной группы независимо от выполняемой ими роли необходимо квалифицировать по пункту «а», ч. 4 статьи 174¹ УК РФ, не ссылаясь на ст. 33 УК РФ. Неоднократное изучение материалов судебной практики показало, что большинство преступлений по отмыванию и легализации денежных средств, имущества совершается организованной группой лиц, так как предполагается совершение множества действий. Как отмечает Ю.Е. Пудовочкин и Г.А. Русанов существуют пять вариантов преступной совместной деятельности организованных групп [6]:

- 1) должностное лицо, пользуясь своими полномочиями, отмывает денежные средства, полученные организованной группой;
- 2) должностное лицо, входящее в состав преступной организованной группы, занимающееся отмыванием денег, причем сама группа не принимает участие в отмывании, легализации;
- 3) сама организованная группа занята отмыванием денег, добытых должностными лицами, используя свое служебное положение;
- 4) одна организованная группа занимается отмыванием денег, другая занимается процессом их легализации;
- 5) одна организованная группа, сама добывающая и сама отмывающая денежные средства и имущество, добытые преступным путем.

Как показало изучение материалов судебной практики, анализ судебной статистики и изучение уголовных дел, подобная деятельность возможна при наличии двух аспектов:

- 1) легализация преступных доходов осуществляется самой же организованной группой;
- 2) специализирующаяся на вопросах легализации преступная группа занимается исключительно отмыванием денег, полученных иными преступными группировками.

Данные варианты преступной деятельности организованной группы представляют повышенную общественную опасность, поскольку процесс легализации денежных средств преступной группой свидетельствует о налаженности, продуктивности и эффективности работы в подобном направлении, что позволяет отмывать крупные размеры доходов, усложняя процесс выявления и раскрытия подобных преступлений для сотрудников правоохранительных органов. К.С. Мелкумян считает, что необходимо использовать институт деятельного раскаяния, предусмотрев примечание к данной норме, связанное с освобождением лица от уголовной ответственности, при условии активного содействия раскрытию и расследованию, либо при добровольной выдаче денежных средств, полученных посредством совершения преступления организованной группой [4].

Для решения данного вопроса необходимо заметить следующее:

1) Поскольку легализация (отмывание) преступных доходов является вторичной преступной деятельностью, ее основная общественная опасность напрямую связана с предикатным преступлением. Поэтому «выявление лица, совершившего предикатное преступление, является более важной задачей, чем привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего непосредственно легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения преступлений». Как следствие, установление возможности освобождения от уголовной ответственности в случае если это позволяет выявить лицо, совершившее предикатное преступление, представляется обоснованным [1].

2) Наиболее эффективной формой освобождения от уголовной ответственности с целью пресечения предикатного преступления является деятельное раскаяние. Применение данного института позволит выявить и пресечь предикатные преступления на любой стадии.

3) Поскольку целью применения рассматриваемого института является выявление и пресечение предикатных преступлений, большое значение имеет достижение цели выявления лиц, совершивших предикатные преступления, и раскрытие и установление их обстоятельств. Поэтому освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в таком случае должно быть связано только с конкретным результатом – когда действия виновного позволили выявить лицо, совершившее предикатное преступление, либо установить обстоятельства совершения такого преступления.

4) «Помимо установления обстоятельств и лиц, совершивших предикатные преступления, второй целью освобождения от уголовной ответственности за рассматриваемые деяния в связи с деятельным раскаянием может быть выявление соучастников легализации (отмывания) преступных доходов» Поскольку данное преступление часто является сложным, многозвенным деянием, в совершении которого принимают участие большое число лиц, выявление соучастников легализации (отмывания) преступных доходов позволит более эффективно противодействовать, как основному преступлению, так и предикатным преступлениям.

Резюмируя сказанное, отметим: в российском уголовном законодательстве необходимо закрепление специаль-

ного основания освобождения от уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Гехова Д.Х. Правовое регулирование ответственности за отмывание (легализацию) коррупционных доходов в Республике Казахстан // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 4. – С. 41-50.
2. Емцева К.Э. Противодействие легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Краснодар, 2018. – 251 с.
3. Кули-Заде Т.А. Легализация (отмывание) преступных доходов и коррупционная преступность: международно-правовые аспекты регулирования // Российская юстиция. – 2020. – № 5. – С. 17-21.
4. Мелкумян К.С. ФАТФ в противодействии финансированию терроризма (специфика подхода) // Вестник МГИМО Университета. – 2018. – № 1. – С. 88-96.
5. Печников А.П. К вопросу о правовом статусе ФАТФ (Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег) // Миграционное право. – 2018. – № 2. – С. 32-33.
6. Пудовочкин Ю.Е., Русанов Г.А. Отмывание денег в контексте организованной преступной деятельности (На примере России) // Государство и право – 2019. – № 10. – С. 104-111.

АЛИЕВА Мадина Гасанбековна

магистрант 2 курса ОЗО по направлению подготовки «Юриспруденция» Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

ЭСЕНБУЛАТОВА Эльвира Хасулбековна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права (филиала) Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (научный руководитель)

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИЗНАНИЯ ВИНЫ

Признание своей вины является достаточно спорным и неоднозначным доказательством. Его изучают давно, но до сих пор идет спор о его значении, роли и сущности. Несмотря на множественность мнений, до сих пор не выяснена его связь с такими близкими понятиями, как «показания подозреваемого, обвиняемого» и «согласие с предъявленным обвинением», что приводит к противоречиям и путанице. Для решения этих вопросов необходимо подробно рассмотреть понятие «признание своей вины» и выделить его из родственных категорий.

В статье автор рассматривает соотношение и суть таких понятий, как «признание вины» и «согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением», пытаясь дать взвешенное умозаключение данным понятиям, с учетом исследуемых мнений по данным вопросам других авторов.

Ключевые слова: признание своей вины, показания подозреваемого, показания обвиняемого, согласие с предъявленным обвинением.

ALIEVA Madina Gasanbekovna

magister student of the 2nd course of the master's program in the direction of preparation «Jurisprudence» of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

ESENBULATOVA Elvira Khasulbegovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (scientific supervisor)

CRIMINAL LEGAL SIGNIFICANCE OF A CONFESSION OF GUILT

The confession of one's guilt is rather controversial and ambiguous evidence. It has been studied for a long time, but there is still a dispute about its meaning, role and essence. Despite the plurality of opinions, its relationship with such close concepts as «testimony of the suspect, the accused» and «agreement with the charges brought» is still not clear, which leads to contradictions and confusion. In order to resolve these issues, it is necessary to consider in detail the concept of «acknowledgment of one's guilt» and distinguish it from related categories.

Keywords: confession of guilt, testimony of the suspect, testimony of the accused, acceptance of the sentence.

Признание своей вины является доказательством с особой историей и миссией, постоянно вызывающим интерес научной общественности и законодателя. Со времен «Русской правды» ее наличие, так или иначе, сказывалось на ходе самого дела и вынесения приговора.

Высокая важность признания своей вины отмечается многими авторами, среди них: Н. Андросенко, Н.А. Соловьев, В.Н. Перекрестов и другие [1, 10]. Мы также считаем, что признание своей вины является особым видом доказательств, имеющим действительно важное значение как для уголовного процесса в целом, так и для расследования уголовных дел. С его помощью собирается доказательная информация; факт совершения преступления подтвержден; установлены причастность лица и разоблачение других лиц; устанавливаются сведения, ранее неизвестные следствию; по делу установлена истина и вынесен справедливый приговор.

Однако в данной статье мы не будем говорить о статусе рассматриваемого понятия, поскольку его особый статус еще никто не опроверг. Основная мысль заключается в сущности признания и его соотношении с аналогичными определениями - «показания подозреваемого, обвиняемого», «согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением».

Эти утверждения неправильно понятия. Некоторые определения отсутствуют в законе, что дает исследователям возможность задуматься над ними. Это приводит к дискуссиям, множеству мнений о том, что следует понимать под

«признанием своей вины», вообще под «признанием», «согласием обвиняемого с предъявленным ему обвинением». Часто происходит подмена понятий, нарушение иерархии и отношений.

Закон также сбивает с толку. Так, ч. 2 ст. 74 УПК РФ (уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации) устанавливает точный перечень доказательств по уголовному делу, в том числе «показания подозреваемого, обвиняемого», но в то же время ст. 77 УПК РФ, раскрывающая сущность одного из доказательств, апеллирует к такому понятию, как «признание вины»¹. Так же и с «согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением». Являясь одним из условий выполнения сокращенных приказов, оно тесно переплетается с понятием «признание своей вины», но как и в какой степени - не совсем понятно.

Из вышеизложенного возникает множество вопросов об их соотношении и сути «признания своей вины» как претендента на роль доказательства. Это приводит к ошибкам и недостаткам в законодательстве и правоприменении. Для этого необходимо уточнить некоторые вопросы.

1 Уголовно-процессуальный кодекс РФ № 174-ФЗ от 18.12.2001 (в ред. от 11.06.2021) — Текст: электронный // Консультант-Плюс. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 21.01.2022).

Первый из них: что следует понимать под «признанием своей вины», в том числе и сам факт признания?

Согласно толковому словарю, признание – это «открытое и откровенное сообщение о своих действиях, поступках», а исповедь – «согласие считать его законным, существующим, действительным» [1]. В сочетании с «виной» «признание» будет являться откровенным сообщением правоохранительным органам о своей вине, которое можно считать уважительным и законным при соблюдении всех условий, прописанных в УПК РФ.

С понятием «вина» дело обстоит немного сложнее. Многие рассматривают «вину» как «психическое отношение человека к совершаемому им преступлению в форме умысла и неосторожности» [3, с. 101]. Однако в упомянутом выше толковом словаре подразумевается более широкое значение данной категории как «проступок, преступление» [1].

Исходя из значения понятий, предложенных толковым словарем, можно сделать вывод, что «признание вины» будет являться откровенным сообщением правоохранительным органам о своем преступлении, такое сообщение может считаться действительным и законным при соблюдении всех прописанных условий. в УПК РФ встречаются.

Толкование «признания вины» также предлагают многие авторы. Так, М.Л. Якуб под этим определением понимает показания обвиняемого, в которых он признал себя виновным по предъявленному обвинению и изложил обстоятельства инкриминируемого ему преступления, приведя данные, подтверждающие его вину в этом преступлении [4, с. 80].

Это утверждение кажется нам несколько искаженным из-за статуса признанного лица - обвиняемого. Скорее всего, автор, используя указанный процессуальный статус, просто прикрыл другие существующие. Так как признать вину можно не только в статусе обвиняемого, но и гораздо раньше - когда лицо находится в других статусах (подозреваемый, свидетель) или вообще без них (при проверке сообщения о преступлении).

По мнению В.И. Каминской, признание вины обвиняемым представляет собой такое объяснение, в котором он признает правильность выдвинутого против него обвинения, сообщает обстоятельства совершенного им преступления и раскрывает субъективную сторону совершенного деяния [5, с. 74].

Опять же, признание вины – это факт сообщения о преступлении, надлежащим образом оформленный и оформленный в процессуальную форму. Если лицо сознало в совершении преступления при проверке сообщения о преступлении, то факт сообщения принимает процессуальную форму явки с повинной, а также объяснения [2, с. 107]. Если лицо уже находится в определенном статусе, то протокол допроса будет процессуальной формы. Итоговый факт признания, оформленный в надлежащей процессуальной форме, составит доказательную базу по уголовному делу.

Есть много других определений «признания вины». Н. А. Соловьев и В. Н. Перекрестова, под «признанием подозреваемого (обвиняемого) своей вины» понимаются «сведения против себя, сообщенные (данные) подозреваемым, обвиняемым в ходе уголовного судопроизводства, в которых он изобличает себя в совершении уголовного действия и осознает его противоправность» [6, с. 55].

Все эти определения схожи между собой и основаны на общих понятиях «признание вины» и «вины». На наш взгляд, стоит расширить это понятие, включив сюда основные нюансы «признания вины»: это всегда факт предоставления (сообщения) лицом, совершившим преступление, сведений о совершении преступления; информация может предоставляться на всех этапах расследования; лицо, предоставляющее такую информацию, может находиться в разных статусах; факт признания не будет отнесен к доказательной базе, пока не приобретет необходимую процессуальную форму. Разумеется, такой факт должен быть добровольным.

На наш взгляд, вышеперечисленные признаки позволяют сформулировать более полное понятие «признание вины». Под этим определением следует понимать факт добровольного предоставления (сообщения) лицом, совершившим преступление, сведений, в которых он изобличает себя в совершении преступления, осуществляемое на любой стадии расследования уголовного дела и оформляемое в надлежащая процессуальная форма для включения в доказательную базу.

Следующий вопрос: как соотносятся понятия «признание своей вины» и «показания подозреваемого, обвиняемого»?

Согласно ст. 76 и ч. 1 ст. 77 УПК РФ, «показаниями подозреваемого» и «показаниями обвиняемого» будут «сведения, предоставленные им в ходе допроса, проводимого в ходе досудебного производства» [7]. Разница заметна лишь в требованиях к их получению. Эти сведения, оформленные в надлежащей форме, будут именоваться доказательствами, в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

На первый взгляд все очень просто, однако, обращаясь к соотношению этого понятия с «признанием своей вины», возникает не очень понятная ситуация. Статьи 76 и 77 УПК РФ раскрывают сущность «показаний подозреваемого, обвиняемого», однако в ч. 2 ст. 77 УПК РФ законодатель употребил такую формулировку, как «признание обвиняемым своей вины», обозначив, что такое признание не может быть положено в основу обвинения без подтверждения вины лица со стороны иные доказательства по уголовному делу. В связи с этим можно сделать вывод, что эти определения очень тесно переплетены.

Их отличие носит скорее идеологический характер. Закон содержит такие доказательства, как «показания подозреваемого (обвиняемого)», которые могут как содержать признание этих лиц в своей вине, так и наоборот. Когда обвиняемый (задержанный, подозреваемый) дает признательные показания в содеянном, этот факт фиксируется в виде того или иного документа, и, соответственно, такое признание становится частью доказательств по уголовному делу - «показаний подозреваемого (обвиняемого)». Само «признание вины» доказательством по уголовному делу не будет. Оно лишь повлечет за собой определенные правовые последствия и при надлежащем оформлении приобретет процессуальную форму доказывания, предусмотренную ч. 2 ст. 74 УПК РФ, а именно «показания подозреваемого, обвиняемого».

Последний вопрос касается соотношения понятий «признание своей вины» и «согласие с обвинением». В соответствии с толковым словарем «согласие» - это «утвердительный ответ на что-либо, дозволение, дозволение» [1]. В отличие от понятия «признание вины» рассматриваемое является наиболее «узаконенным» в уголовно-процессуальном плане.

Существует несколько точек зрения на соотношение этих понятий. И.В. Смолькова выделяет четыре, но мы остановимся на трех перечисленных ниже [8, с. 33-40].

Согласно первой точке зрения отождествляются понятия «признание своей вины» и «принятие обвинения». Этой позиции придерживается О.А. Глобенко, который считает, что с лингвистической точки зрения «согласие с обвинением» есть не что иное, как признание вины» [9, с. 15].

По мнению С.А. Касаткиной, центральным понятием среди рассматриваемых будет именно «согласие с обвинением». Именно это является необходимым условием осуществления сокращенного производства. И в то же время одновременно будет процессуальной формой выражения «признания вины» [10, с. 14].

Вторая точка зрения заключается в том, что «принятие обвинения» и «признание вины» являются родственными понятиями и необходимы в сочетании для реализации особого порядка судебного разбирательства. Однако они не идентичны. Эта позиция поддерживается большинством авторов.

А.В. Победкин считает, что «соглашение с обвинением, безусловно, предполагает признание вины, а признание вины является необходимым условием принятия рассматриваемого процессуального решения» [11, с. 18], но они не идентичны. О.В. Гладышева и Н.В. Редькин также сопоставляют эти понятия как взаимодополняющие. Так, если лицо, которому предъявлено обвинение, согласно с ним, тем самым признается в совершении конкретного преступления [12, с. 88].

Н. Андросенко разделяет эти концепции, но отмечает, что, соглашаясь с обвинением, лицо не может не признать своей вины, так как обвинение включает в себя такие обстоятельства, которые должны быть доказаны, как форма вины, вина и т. д., и они, соответственно, и являются основанием для признания своей вины [13, с. 6].

Также некоторые авторы относят к праву обвиняемого «согласие обвиняемого с предъявленным обвинением», что имеет большое значение для дальнейшего разрешения уголовного дела. Это не подвид признания, по своему смыслу оно шире и представляет собой право, которым обвиняемый может воспользоваться при соблюдении всех условий, предусмотренный гл. 40 УПК РФ. Вот как Д.А. видит эту позицию. Степаненко и М.А. Днепр. Разделяя по своему смыслу такие понятия, как «признание вины» и «согласие с предъявленным обвинением», они считают, что последнее является основанием для осуществления особого порядка судебного разбирательства. В то же время признание является неотъемлемым элементом такого согласия, что мы наблюдали ранее [14, с. 29].

И последняя позиция совершенно кардинально отличается от перечисленных выше. По ее словам, «согласие с обвинением» и «признание своей вины» — совершенно разные понятия, при этом признание своей вины вовсе не обязательно при решении вопроса об особом порядке судебного разбирательства, достаточно согласия с обвинением.

Такой позиции придерживается Н. М. Хромов, который отмечает, что обвиняемый «может вообще не давать показаний, но в то же время не спорить с обвинением» [15, с. 112].

В.Н. Перекрестов, напротив, возвышает роль «признания вины» над «согласием с обвинением», по его мнению, «выражение «согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением», содержащееся в ч. 1 ст. 314 УПК РФ, о «признании обвиняемым своей вины» [16, с. 8].

И.В. сама Смолькова высказывается по этому поводу достаточно подробно и емко. Если обвиняемый согласен с предъявленным ему обвинением, он согласен и с фактом совершенного преступления. А состав любого преступления состоит из обязательных элементов, без которых деяние не будет признано преступлением: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. К последним относится вино. Таким образом, если лицо соглашается с обвинением, оно соглашается с фактом совершения преступления, а значит, соглашается и с его составом, включающим в себя вину [8, с. 37].

Мы согласны с рядом авторов, поддерживающих второе направление. На наш взгляд, «согласие с обвинением» и «признание вины» очень близки, оба имеют большое значение для реализации упрощенных форм судопроизводства, но не тождественны. «Согласие с обвинением» будет правом обвиняемого, которым он может воспользоваться, и наоборот. Если обвиняемый воспользовался этим правом, согласился с обвинением, он автоматически признает вину (полностью или частично).

В заключение хотелось бы обратить внимание на множественность мнений и направлений по затронутым вопросам, что свидетельствует об актуальности изучаемой темы в настоящее время. Несмотря на многочисленные исследования, дискуссии не утихают, и до сих пор существуют пробелы. Разрешение этих проблем является важной задачей уголов-

но-процессуальной науки, так как различное понимание одних и тех же понятий, их подмена или отождествление делает из маленькой проблемы огромную.

Пристатейный библиографический список

1. Андросенко Н. Признание в совершении преступления как условие принятия процессуальных решений по УПК РФ // Российский следователь. - 2007. - № 3.
2. Арсенова Н.В. Признание вины, полученное при проверке сообщения о преступлении, как доказательство по уголовному делу // Алтайский юридический вестник. - 2018. - № 4 (24).
3. Гладышева О.В. Особый порядок судебного разбирательства в системе уголовного судопроизводства Российской Федерации. М., 2008.
4. Глобенко О.А. Показания обвиняемого российском уголовном процессе. - Н. Новгород, 2007.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. - М., 2012.
6. Каминская В.И. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. - М., 1960.
7. Касаткина С.А. Признание обвиняемого: монография. - М., 2010.
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. - М., 2014.
9. Перекрестов В.Н. Уголовно-процессуальное значение признания обвиняемым своей вины в уголовном судопроизводстве РФ. - Волгоград, 2010.
10. Победкин А.В. Некоторые вопросы собирания доказательств по новому уголовно-процессуальному законодательству России // Государство и право. - 2003. - № 1.
11. Соловьева Н.А., Перекрестов В.Н. Доказательственная функция признания // Российская юстиция. - 2008. - № 11.
12. Смолькова И.В. Требуется ли признание обвиняемым своей вины при особом порядке принятия судебного решения (глава 40 УПК РФ) // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. - 2018. - № 4 (22).
13. Степаненко Д.А., Днепровская М.А. Признание вины и/или согласие с обвинением: соотношение понятий // Глаголь правосудия. - 2014. - № 1 (7).
14. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров. - М., 2016.
15. Хромова Н.М. Принцип презумпция невиновности при особом порядке судебного разбирательства // Журнал российского права. - 2013. - № 6.
16. Якуб М.Л. Показания обвиняемого как источник доказательств. - М., 1963.

КААЦ Марина Эвальдовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России

СВИДЕТЕЛЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В статье дается краткая характеристика отдельных исторических аспектов, раскрывающих статус свидетеля как участника уголовного судопроизводства, начиная от средних веков и заканчивая современным положением. Анализируются имеющиеся в юридической литературе точки зрения о понятии «свидетель», устанавливаются основные признаки данного субъекта уголовного процесса, исходя из содержания ст. 56 УПК РФ исследуется ряд прав, определяющих содержание его процессуального статуса. На основании вышеизложенного делаются соответствующие выводы, предлагается понятие «свидетеля» в уголовном процессе, а также вносятся некоторые предложения по изменению действующего законодательства.

Ключевые слова: свидетель в уголовном процессе, иные участники уголовного процесса, права свидетеля.

КААЗ Marina Evaldovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process sub-faculty of the Ufa law Institute of the MIA of Russia

WITNESS IN CRIMINAL PROCEEDINGS (HISTORICAL AND THEORETICAL-LEGAL ASPECT)

The article gives a brief description of certain historical aspects that reveal the status of a witness as a participant in criminal proceedings, starting from the Middle Ages and ending with the modern situation. The points of view available in the legal literature on the concept of "witness" are analyzed, the main features of this subject of criminal proceedings are established, based on the content of Article 56 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, a number of rights determining the content of its procedural status are investigated. Based on the above, relevant conclusions are drawn, the concept of "witness" in criminal proceedings is proposed, and some proposals are made to change the current legislation.

Keywords: witness in criminal proceedings, other participants in criminal proceedings, witness rights.

Свидетели принимают активное участие в уголовном судопроизводстве уже долгое время. На протяжении исторического развития уголовно-процессуальных отношений существовало множество норм, которые определяли статус названного участника. Так, в основном правовом памятнике средних веков – Русской правде многократно упоминается свидетель. Уже в положениях ст. 2 говорится о том, что свидетель представляет собой одно из основных доказательств по делу. Кроме того, в положениях Русской правды существовали ограничения, к примеру, свидетелями не могли быть холопы, в случае участия в деле свободных граждан.

Еще одним важным памятником права, в котором имеет место регламентация процессуального статуса свидетеля, является Судебник великого князя Ивана Васильевича, где закрепляется порядок дачи показаний свидетелем. Кроме того, названный документ определял процедуру и условия участия в деле свидетелей. К примеру, положения названного нормативного правового акта определяли порядок вызова свидетеля в суд, а также ответственность за такую неявку, которая выражалась в уплате определенного штрафа [2, с. 198-199].

После начала 17 в. в России происходит разделение процессов на судебный и сыскной, что обуславливает и процессуальное положение свидетеля. Так, на первый план при осуществлении доказывания выходят признательные показания самого подозреваемого, а показания свидетеля уходят на второй план. Во время царствования Петра Великого в действующем в то время артикуле «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» в качестве доказательств также могли использоваться свидетельские показания.

В воинском артикуле 1715 г. закрепляются положения специальной главы, которая называется «О свидетелях». Ее положения полностью посвящены свидетелям. На основании указанной главы свидетельские показания могут иметь место как одно из средств доказывания. Также положения названной главы не допускали в качестве свидетелей лиц, не достигших 15-летнего возраста, иностранцев. Предусматривалось право не свидетельствовать против самого себя.

Судебная реформа 1864 г. повлияла на дальнейшее развитие и нормативное закрепление института свидетеля в уголовном законодательстве России. В Уставе был четко установлен порядок вызова свидетеля в суд и ответственность за

неявку, а также подробно регулировался порядок допроса свидетелей. В случае непризнания обвиняемым себя виновным, судья допрашивал вначале свидетеля, а затем выяснял у обвиняемого, что тот может привести в свое оправдание [6, с. 240].

В УПК РСФСР 1960 г. свидетель как активный участник процесса расследования преступлений и разбирательства дела в суде также получил достаточно подробную правовую регламентацию. Однако четкого определения понятия свидетеля его обязанностей, и тем более прав в законе не было. И лишь в УПК РФ свидетель получил статус участника уголовного судопроизводства, а в ст. 56 впервые законодателем было сформулировано понятие, права и обязанности свидетеля.

Таким образом, исторический экскурс показывает, что рассматриваемый участник уголовно-процессуальных отношений фигурировал в них уже со средних веков, после чего четко закрепился в законодательных актах, которые регламентировали порядок расследования преступлений.

Итак, УПК РФ в положениях ст. 56 закрепил легально понятие свидетеля, как участника уголовного судопроизводства. На основании положений названной статьи свидетель представляет собой лицо, которое может обладать информацией об обстоятельствах, могущих иметь значение для расследования и разрешения расследуемого уголовного дела, а также которое вызвано с целью дачи соответствующих показаний.

В уголовно-процессуальной литературе на этот счет сформировались свои видения понятия свидетеля, как участника уголовного судопроизводства. Так, А. Ю. Олимпиев и Ю. Б. Гаврюшкин отождествляют свидетеля с субъектом уголовного процесса, которому в силу обстоятельств известно что-либо об обстоятельствах преступления, которое расследуется должностными лицами органов предварительного расследования [7, с. 43]. Отдельные авторы утверждают, что свидетелями необходимо признавать лиц, не воспользовавшихся правом свидетельского иммунитета и располагающих такими сведениями, которые были ими восприняты или стали им известны о совершенном преступлении [1, с. 54-55]. Б. М. Довганов и А. В. Сухинин отмечают, что свидетели представляют собой физических лиц, которые вызваны на допрос в связи с предположением о наличии у них сведений, име-

ющих значение для расследуемого уголовного дела и дальнейшего его разрешения в процессе судебного разбирательства [3, с. 87]. Существуют и иные точки зрения, вместе с тем, все имеющиеся в уголовно-процессуальных исследованиях подходы к пониманию свидетеля, как участника уголовного процесса строятся на определенных признаках, в том числе тех, которые указал в ст. 56 сам законодатель.

Итак, первым таким признаком свидетеля как субъекта уголовного судопроизводства следует указать, то, что свидетелем должно являться лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела по существу.

Кроме того, исходя из формулировки законодателя, которая закреплена в положениях ст. 56 УПК РФ следует, что свидетель приобретает свой процессуальный статус после его вызова на допрос, который, по сути, является основным способом фиксации свидетельских показаний. Полагаем, в свете последних изменений уголовно-процессуального законодательства, позволяющих проводить дистанционно ряд следственных действий, включая допрос (ст. 189.1 УПК РФ), целесообразно предусмотреть в УПК РФ возможность вызова на допрос современным, «технически» обусловленным способом, – с помощью СМС-извещений. С этой целью необходимо предусмотреть подобную возможность в ст. 188 УПК РФ, а также издать на уровне правоохранительных органов, реализующих функцию расследования, совместный приказ, утверждающий порядок организации извещения участников уголовного процесса посредством СМС-сообщений.

Важным признаком свидетеля, как участника уголовного судопроизводства является то, что названный участник не подлежит отводу. Это еще раз подтверждает факт его незаменимости в процессе уголовного судопроизводства.

Также одним из признаков, присущих свидетелям в рамках уголовного судопроизводства является то, что таковыми могут быть любые лица, за исключением тех, которые обладают свидетельским иммунитетом. Законодателем не оговариваются иные барьеры, которые могут помешать допросить лицо в качестве свидетеля. В связи с этим свидетелями могут быть несовершеннолетние, невменяемые и т.д.

Таким образом, под свидетелем необходимо понимать любых лиц, которые могут обладать сведениями, с помощью которых представляется возможным разрешение расследуемого уголовного дела.

Уголовно-процессуальное законодательство детально регламентирует уголовно-процессуальный статус свидетеля. Названную категорию составляют права и обязанности, регламентированные в ст. 56 УПК РФ.

Важным правом, которое обеспечивается свидетелю, является право давать показания на родном языке или языке, которым владеет свидетель и пользоваться помощью переводчика. Следует заметить, что указанное право, способствует реализации принципа языка уголовного судопроизводства, который закреплен в положениях ст. 18 УПК РФ [4, с. 248-254]. С названными отношениями связано право свидетеля заявлять отвод переводчику, который участвует в допросе.

В структуре процессуального статуса свидетеля есть право, которое связано с возможностью заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия (бездействие) и решения лиц, проводящих расследование, прокурора и суда.

Заявление ходатайств, связанных с применением мер безопасности, выделено законодателем в отдельное право.

Статья 73 УПК РФ закрепила перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках любого уголовного дела. Львиная доля необходимых доказательств поступает от свидетелей, содействующих уголовному судопроизводству. Соответственно, перед государством, остро стоит вопрос обеспечения их прав, путем применения различных мер защиты. Многие авторы отмечают, что в рамках сложившихся отношений, которые связаны с обеспечением защиты прав свидетелей, содействующих уголовному судопроизводству, существует достаточное количество проблем, основная из которых связана с разрозненностью правовых норм, а также отсутствием четкого механизма обеспечения такой безопасности.

Многими исследователями отмечается, что в рамках сегодняшних реалий, преступный элемент обладает массивом различных средств и механизмов, для того чтобы избежать уголовного наказания. Учащаются случаи осуществления воздействия на лиц, содействующих уголовному судопроиз-

водству. В особенности это касается тех лиц, от которых зависит исход уголовного судопроизводства. Обычные угрозы жизни и здоровью, сменяются совершением в отношении таких лиц реальных преступлений, которые зачастую намного опасней, чем те, по делам о которых, рассматриваемые лица содействуют уголовному судопроизводству [5, с. 19].

Участие свидетеля в ходе уголовного судопроизводства может предполагать негативные последствия оказывания такого содействия для свидетеля, поэтому в структуре набора прав названного участника фигурирует право являться на допрос с адвокатом. Названное право также представляется важным, в связи с тем, что свидетелю в процессе его участия в деле может быть необходима квалифицированная юридическая помощь. Законодатель указывает, что участвующий в деле вместе со свидетелем адвокат имеет все полномочия защитника в соответствии со ст. 53 УПК РФ.

Вместе с тем, как отмечается в исследованиях адвокат, приглашенный свидетелем, на основании ч. 5 ст. 189 УПК РФ, не является ни защитником, ни представителем, ни специалистом. Его следует считать самостоятельным участником уголовного судопроизводства. Адвокат, оказывающий юридическую помощь свидетелю, – лицо, получившее в установленном законом порядке статус адвоката и приглашенное свидетелем для оказания ему квалифицированной юридической помощи в связи с участием в уголовном судопроизводстве. Представляется, что процессуальные полномочия адвоката, оказывающего юридическую помощь свидетелю, должны быть определены в самостоятельной норме УПК РФ.

Таким образом, свидетель является исторически обусловленным, основным участником уголовного судопроизводства, обладающим особым статусом, что объясняется рядом признаков, присущих данному субъекту, оказывающему вербальное содействие органам предварительного расследования и суду. Регламентированные уголовно-процессуальным законодательством права свидетеля вобрала в себя содержание отдельных принципов уголовного процесса, реализация которых осуществляется различными путями, включая меры их защиты. На современном этапе развития уголовного судопроизводства назрела необходимость закрепления в УПК РФ возможности вызова свидетеля на «досудебный» допрос с помощью СМС-извещений, с этой целью целесообразно предусмотреть подобное правомочие в ст. 188 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Бормина Е. Н., Бормин П. С., Коротков М. В. Понятие свидетеля как субъекта уголовного процесса // Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов: сборник научных трудов. Под общей редакцией Г. Н. Суловой. – Тверь, 2018. – С. 54-60.
2. Ветрила Е. В. Правовой статус свидетеля в уголовном процессе: вопросы истории // Современные научные достижения в гуманитарной и технической сферах: сборник материалов международной научно-практической конференции. Под редакцией А. Ю. Яковлевой-Чернышевой. – 2018. – С. 198-201.
3. Довганов Б. М., Сухинин А. В. Иные участники уголовного судопроизводства // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах: сборник научных трудов 7-й Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 87-90.
4. Каац М. Э. Вопросы обеспечения реализации языка уголовного судопроизводства // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – № 2 (44). – С. 248-254.
5. Каац М. Э. Институт уголовно-процессуальных мер безопасности: монография. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2016.
6. Makeev A. V. Статус свидетеля в историческом аспекте // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – 2019. – С. 240-248.
7. Олимпиев А. Ю., Гаврюшкин Ю. Б. Свидетель в уголовном процессе Российской Федерации // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2019. – № 2. – С. 43-45.

КОСАРЕВА Ирина Андреевна

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ОПРАВДАНО ЛИ ОТСУТСТВИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА «ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО» ЛИЦА, ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ НА МОМЕНТ УЧАСТИЯ ЕГО В ОСНОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПОСЛЕ ВЫДЕЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА?

В публикации автором поднимаются ключевые вопросы пресечения намерения лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве вводить органы предварительного расследования в заблуждение относительно истинности своих намерений, направленных на изобличение соучастников. С введением в уголовное судопроизводство нового субъекта, обозначенный вопрос остро стоит в практических и теоретических кругах, в связи с этим автором высказано свое мнение относительно указанного вопроса. Обоснована существующая законодательная регламентация отсутствия уголовной ответственности по составу преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, правовое положение, уголовная ответственность за дачу заведомо ложных показаний, отказ от дачи показаний.

KOSAREVA Irina Andreevna

senior lecturer of Criminal process sub-faculty of the Ryazan branch of the Moscow University of the V. Ya. Kikot MIA of Russia

IS THE ABSENCE OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE “PERJURY” OF A PERSON WHO CONCLUDED A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT AT THE TIME OF HIS PARTICIPATION IN THE MAIN PROCEEDINGS AFTER THE ALLOCATION OF THE CRIMINAL CASE JUSTIFIED?

In the publication, the author raises the key issues of suppressing the intention of a person who has concluded a pre-trial cooperation agreement to mislead the preliminary investigation authorities about the truth of their intentions aimed at exposing accomplices. With the introduction of a new subject into criminal proceedings, the designated issue is acute in practical and theoretical circles, in this regard, the author expressed his opinion on this issue. The existing legislative regulation of the absence of criminal liability for the composition of the crime provided for in Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation is substantiated.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, legal status, criminal liability for knowingly giving false testimony, refusal to testify.

Косарева И. А.

В настоящее время изменения в законодательстве с целью оптимизации и соответствия основным критериям современного правового государства занимают центральное место в деятельности законодательных органов. Любая модернизация не всегда с охотой встречается как теоретиками, так и практиками. Это может быть связано, с одной стороны, как со сложившейся в течение длительного времени практикой применения, так и с неготовностью кардинально изменять традиционные подходы к пониманию того или иного процессуального явления, продиктованное современными тенденциями.

30 октября 2018 года перечень уголовно-процессуальных участников был дополнен особым субъектом. Закрепление его процессуального положения было продиктовано с одной стороны позицией Конституционного Суда РФ¹, с другой стороны объективной необходимостью в устранении образовавшегося пробела с момента регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве, заключавшегося в неоднозначности понимания процессуального положения, соучастника

преступления, решившегося на «делку с правосудием» в основном производстве.

В ходе продолжительной корректировки законопроекта и оживленной дискуссии по поводу возможности самостоятельного существования в уголовно-процессуальных правоотношениях «сотворенного субъекта», было принято решение о включении его в главу 8 УПК РФ, именовав как «лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве». Сложная законодательная формулировка, неоднозначное решение об отнесении упомянутого лица к категории иных участников процесса и другие имеющиеся изъяны в тексте нормы ст. 56.1 УПК РФ не могли остаться незамеченными в научных кругах [4, с. 1]. В настоящей публикации мы ставим перед собой цель рассмотреть пределы ответственности исследуемого участника за попытку ввести в заблуждение органы правосудия.

Как известно из научных положений как теории права в целом, так и уголовного процесса, как отрасли в частности, правовой статус лица формируется из субъективных прав, юридических обязанностей и ответственности. В научной литературе существует несколько подходов к пониманию ответственности. С одной стороны в традиционном смысле как расплата за несоблюдение общепринятых правил поведения, с другой же, как обязательные для применения нормативные

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П. «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко».

предписания к лицу под угрозой, в случае их неисполнения, негативного воздействия со стороны государственных органов. [3, с. 83]

В связи с чем процессуальное положение «специфического лица» также должно предусматривать ряд требований, игнорирование которых, либо намеренное уклонение от их исполнения, приведет к привлечению к тому или иному виду ответственности. В рассматриваемом нами аспекте при сообщении заведомо ложных сведений органам правосудия. Поэтому проблема недопущения осуществления уголовного преследования невиновных лиц, основанное на сфальсифицированных сведениях или не установления по той же причине всех обстоятельств совершенного деяния, особо остро стоит перед правоприменителем.

Стоит начать с того, что теоретиками неоднократно обращалось внимание на двойственность процессуальной природы обозначенного лица, [2] который представляет собой собирательную процессуальную роль подозреваемого и свидетеля в одном лице. Это не может не сказаться на особенностях применения ответственности за сообщение ложных показаний, которые он дает как в период расследования, так и в судебном разбирательстве.

Заметим, что рассмотреть уголовное дело в особом порядке значительно проще, нежели в общем, поэтому чаще всего на этапе судебного разбирательства по основному производству, лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве переходит в положение осужденного по выделенному делу, но со значительными привилегиями относительно вида и размера назначенного наказания. Факт свершившегося правосудия и получение лицом сокращенного срока на психологическом уровне может повлиять на намерение лица в дальнейшем придерживаться выбранной позиции относительно соучастников. В связи с чем возникает необходимость пресечь попытки возможного сообщения неправдоподобной информации, предусмотрев определенные негативные последствия, то есть ответственность, которая может возникнуть при умышленной смене данных ранее показаний.

Однако изначальный факт сообщения ложной информации в период проведения предварительного расследования также не должен исключаться, поэтому все сведения, получаемые от данного лица, должны быть тщательно проверены на предмет истинности.

На первый взгляд, законодатель отнес лицо, официально сотрудничающее с правосудием по основному делу к той категории участников, на которые возлагается обязанность говорить правду под угрозой уголовной ответственности в соответствии со ст. 307 УК РФ. Но в то же время, освободил его от указанной ответственности руководствуясь его смежным положением с подозреваемым (обвиняемым) по тому же обвинению только уже в рамках выделенного дела. Однако данный факт, не должен ставить под угрозу правдивость информации, сообщаемой следователю.

В связи с этим, опираясь на уголовно-процессуальные положения, закрепленные в ст. 317.8 УПК РФ в случае намеренного искажения информации о степени причастности к совершенному преступлению, либо введения в заблуждение органов правосудия относительно личностей соучастников, вынесенное решение будет впоследствии пересмотрено исходя из требований раздела 15 УПК РФ.

Сложившаяся позиция не привлечения соучастников преступления к ответственности за умышленное сообщение

ложной информации исходит из положений Определения Верховного Суда РФ от 16.10.78 г.² Вынесением указанного решения было отменено постановление нижестоящего суда о возбуждении уголовного дела по ст. 181 УПК РСФСР в отношении Б. и Г., соучастников преступления совместно с Т. производства по которым были разделены. В свою очередь Б. и Г. допрашивались в качестве свидетелей по делу Т. и предупреждались об ответственности за лжесвидетельствование. Факт уведомления об этом Суд признал неправомерным. Аналогичные умозаключения узконаправленного характера конкретно в отношении лица, оказывающего содействие следователю исходя из согласованного договора были сделаны в ранее указанном Постановлении Конституционного Суда РФ № 17-П. Указав, что упомянутый участник, также в уголовном порядке не может подлежать ответственности за намеренно-ложные сведения. Однако в данном случае заметим, что соучастник, не обремененный согласительными обязательствами, находится в более выгодном положении, не сулящем ему пересмотром вынесенного в отношении него решения.

В заключении отметим, что автор поддерживает сформировавшуюся законодательную позицию не привлечения к ответственности по ст. 307 УПК РФ участника, заключившего досудебное соглашение при его участии в производстве по основному делу. В данном случае санкции применяются не уголовного характера, а уголовно-процессуального, что также в полной мере способно мотивировать лицо вести «честную игру» при содействии правосудию.

Пристатейные библиографический список

1. Азаренок Н. В. Место и роль лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. - 2019. - № 8. - С. 11-14.
2. Аширбекова М. Т. Процессуальный кентавр: «заинтересованный осужденный» // Уголовное судопроизводство. - 2018. - № 1. - С. 16-20.
3. Елеонский В. А. Проблема позитивной ответственности в советском уголовном праве. – В кн.: Проблемы юридической ответственности и совершенствования законодательства в свете новой Конституции СССР. - Рязань, 1979.
4. Победкин А. В. Ни обвиняемый, ни свидетель: создание «сущего без нужды» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2018. - № 4 (82). - С. 47-54.

ИСАЕВ Ислам Мусаевич

магистрант 2-го года обучения Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

НУЦАЛХАНОВ Гамзат Нуцалханович

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

ПРОКУРОР В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Прокуратура РФ играет значимую роль в охране и защите прав и свобод физических лиц, интересов социума и государства, укреплении правопорядка и законности, способствуя развитию и становлению демократического правового государства. Реализуя уголовное преследование от имени государства, прокурор, таким образом, выступает его полномочным представителем в сфере уголовного процесса.

В настоящей статье автор предпринял попытку рассмотреть участие прокурора в стадии возбуждения уголовного дела. Автор приходит к выводу, что лишение прокурора права на возбуждение уголовного дела не соответствует традиционному представлению о роли данного лица в уголовном судопроизводстве, лишает его результативных средств реагирования в случаях обнаружения нарушений закона. Ст. 146 УПК РФ необходимо представить в следующей редакции: «1. при наличии основания и повода, установленных ст. 140 УПК РФ, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, дознаватель в рамках полномочий, предусмотренных УПК РФ, возбуждают уголовное дело, о чем выносится определенное постановление».

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальный кодекс, следственные действия, полномочия, прокурор, возбуждение уголовного дела, рассмотрение уголовного дела в суде.

ISAEV islam Musaevich

magister student of the 2nd course of the North-Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

NUTSALHANOV Gamzat Nutsalhanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional law sub-faculty of the North-Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

THE PROSECUTOR AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE

The Prosecutor's Office of the Russian Federation plays a significant role in protecting and protecting the rights and freedoms of individuals, the interests of society and the state, strengthening the rule of law and the rule of law, contributing to the development and establishment of a democratic rule of law state. Implementing criminal prosecution on behalf of the state, the prosecutor, thus, acts as its authorized representative in the field of criminal procedure.

In this article, the author has attempted to consider the participation of the prosecutor at the stage of initiation of a criminal case. The author comes to the conclusion that depriving the prosecutor of the right to initiate criminal proceedings does not correspond to the traditional idea of the role of this person in criminal proceedings, deprives him of effective means of responding in cases of detection of violations of the law. Article 146 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation must be submitted in the following wording: "1. in the presence of the grounds and the reason established by art. 140 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the prosecutor, the head of the investigative body, the investigator, the body of inquiry, the inquirer, within the powers provided for by the Code of Criminal Procedure, initiate a criminal case, about which a certain resolution is issued."

Keywords: criminal procedure, code of criminal procedure, investigative actions, powers, prosecutor, initiation of a criminal case, consideration of a criminal case in court.

Одной из функций прокурора в уголовном процессе выступает реализация от имени государства уголовного преследования. До принятия ФЗ от 05 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УПК РФ» прокурор реализовывал уголовное преследование на всех стадиях анализируемого процесса, в том числе, на стадии возбуждения уголовного дела (далее – ВУД).

Приняв указанный закон, он сохранил за собой право ставить вопрос о необходимости уголовного преследования перед структурами следствия и следствия. В частности, степень влияния данного лица на процессуальные решения и действия, принимаемые этими структурами на стадии ВУД,

по сути, стала минимальной. Прокурор может только вынести мотивированное постановление о передаче определенных материалов в следственный орган или следственный орган с целью решения вопроса об уголовном преследовании по обстоятельствам выявленных нарушений уголовно-правовых норм (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Признаки того или иного преступления могут быть выявлены прокурором, если они фактически выявлены в процессе проверок исполнения законов и общих проверок, в процессе служебных расследований и других дел [11, С. 81].

На основании п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, данное постановление прокурора выступает одним из поводов для ВУД.

По смыслу установленной нормы уголовного судопроизводства вопрос об уголовном преследовании может быть поставлен в представленном постановлении прокурора при наличии двух условий: в документах, представленных в органы предварительного расследования, имеется достаточно информации, указывающей на особенности преступления, а также на лицо, его совершившее. Если в документах отсутствуют данные, которые давали бы основания подозревать лицо в совершении того или иного деяния, прокурор не вправе принимать решение о передаче документов в орган предварительного расследования для решения вопроса о ВУД. Конечно, такая ситуация продиктована тем, что при наличии информации, указывающей только на признаки преступления, это не означает одновременно начала уголовного преследования [6, С. 125]

С.Н. Чурилов указывает, что вопрос о соотношении категорий «ВУД» и «возбуждение уголовного преследования» выступает дискуссионным. Верный ответ на него имеет большое теоретическое и практическое значение. В п. 55 ст. 5 УПК РФ категория уголовное преследование раскрывается как «процессуальная деятельность, реализуемая стороной обвинения в достижении изобличения подозреваемого, обвиняемого в осуществлении преступного деяния» [12, С. 11]. Казалось бы, должно быть понятно: оно возможно лишь в отношении лица, проходящего по делу в качестве обвиняемого, подозреваемого.

Иной подход к этому вопросу сводится к тому, что анализируемое уголовное преследование начинается в момент возбуждения уголовного дела, независимо от того, является ли обвиняемый, подозреваемый фигурантом уголовного дела или когда его там еще нет.

«Уголовное преследование, – отмечает А.П. Крутлик, – производится и в отношении не выявленных преступников – по следам преступного деяния – с целью их обнаружения и изобличения в осуществлении преступного деяния, дальнейшего привлечения к предусмотренной ответственности». Следовательно, указанный ученый считает, что уголовное преследование начинается с момента выявления признаков преступного деяния, когда еще нет сведений о лицах, причастных к произошедшему событию, требующему расследования.

Базируясь на обозначенных рассуждениях, А.П. Крутлик отмечает: «При присутствии в полученном сообщении признаков преступного деяния должно возбуждаться не уголовное дело, а уголовное преследование – без осуществления какой-нибудь предварительной проверки. Стадия ВУД в современное время не требуется» [7, С. 12].

Ученый обосновывает такой подход, например, тем, что, согласно пункту 9 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, подготовительное производство начинается с момента получения сообщения о преступлении. Однако исследователь упускает из виду тот факт, что первым этапом современного уголовного судопроизводства является конкретный этап ВУД, в ходе которого определяется наличие или отсутствие оснований, исключающих уголовное преследование.

Стадию ВУД как уголовно-процессуальный институт признают нецелесообразным и иные современные исследователи-процессуалисты. Так, Б.Я. Гаврилов считает, что закрепленная нормативным источником стадия ВУД ограничивает конституционное право физических лиц на доступ к правосудию, выступает одной из главных причин уменьшения результативности работы правоохранительных структур по борьбе с преступностью [5, С. 226].

Считается, что по обозначенному спорному вопросу верный подход занимает В.И. Качалов, который указывает: «Главной особенностью стадии ВУД выступает разрешение вопроса, связанного с ВУД и (либо) уголовного преследования» [8, С. 89]. Конкретно на данной стадии досудебного

производства реализуется реагирование на обстоятельство осуществления преступного деяния в достижении его последующего раскрытия, а также недопущение ВУД по фактам, не включающим признаков преступного деяния. Присутствие указанной стадии позволяет исключить необоснованное уголовное преследование в отношении лиц, не причастных к осуществлению преступного деяния. При указанном ВУД выступает началом производства по уголовному делу в форме предварительного следствия либо дознания. А началом досудебного производства выступает получение сообщения о преступном деянии (п. 9 ст. 5 УПК РФ).

Несмотря на то, что некоторые исследователи ставят под сомнение выделение стадии ВУД как отдельной стадии уголовного судопроизводства, мы считаем, что эта стадия дела имеет большое конституционное, уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и социально-психологическое значение.

К.О. Луговская отмечает, что реализация назначения уголовного процесса начинается уже в границах ВУД, так как данная стадия наиболее близка по времени к моменту осуществления преступного деяния. Строгое соответствие нормативным источникам на указанной стадии уголовного процесса необходимо как для охраны прав лиц, потерпевших от преступных деяний, так и для охраны личности от необоснованного и незаконного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод [9, С. 13].

Как известно, прокурор выступает гарантом обеспечения законности как в стране в целом, так и на каждой конкретной стадии уголовного судопроизводства. Ключевая цель этого лица в уголовном судопроизводстве строго закреплена в части 1 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Довольно сложно, если не невозможно, выполнять функции по осуществлению уголовного преследования в полном объеме в связи с дополнениями и изменениями, внесенными в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в последние годы. Прокурор был лишен возможности: лично проводить предварительное расследование дела в полном объеме; участвовать в проведении вышеуказанного расследования и, в необходимых случаях, давать следователю обязательные письменные указания о проведении расследования, проведении следственных и иных процессуальных действий; права лично выполнять определенные следственные и иные процессуальные действия по делу.; право прекратить уголовное преследование или уголовное производство.

Отдельные ученые выступают за независимость следователя на указанном периоде уголовного процесса. К примеру, А.М. Багмет обращает внимание на то, что «...в ряде случаев прокуроры отменяют как постановления о ВУД, так и постановления об отказе в ВУД, ссылаясь на нарушения прав граждан, гарантированных Конституцией, при этом не учитывая, что решения следователя, базирующиеся на полной проверке сообщений о преступных деяниях, продиктованы конкретно обеспечением конституционных прав физических лиц» и предлагает ограничить полномочия рассматриваемого лица и возможность его вмешательства в работу следователя [4, С. 20].

Все же значительная часть ученых возмущены ограничениями, наложенными на прокурора. В.С. Шадрин отмечает, что уголовно-процессуальная регламентация полномочий данного лица и его деятельности в стадии ВУД оставляет желать лучшего, так как не позволяет в полной мере осуществлять возможности прокурорского надзора для обеспечения неукоснительного осуществления законов органами предварительного расследования в стадии ВУД [13, С. 71].

Очевидно, дополнив статью 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации таким основанием ВУД, как «решение прокурора о передаче определенных материалов в орган предварительного следствия для решения

вопроса об уголовном преследовании», законодатель попытался каким-то образом вернуть прокуратуре возможность заниматься ВУД, но толкование этого закона не соответствует действительности.

Можно сделать вывод, что законодатель приравнивает категории ВУД и уголовное преследование, но на основании п. 55 ст. 5 УПК РФ «уголовное преследование – процессуальная деятельность, реализуемая стороной обвинения в достижении изобличения обвиняемого, подозреваемого в осуществлении преступного деяния»? Указанные участники уголовного процесса, на основании предписаний УПК РФ возникают лишь после ВУД. Соответственно, как мы видим, попытка законодателя ввести такой повод для ВУД неверен по своей трактовке. И не стоит забывать, что на основании ч. 1.1 ст. 148 УПК РФ решение об отказе в ВУД в связи с мотивированным постановлением прокурора о передаче определенных материалов в орган предварительного следствия для разрешения вопроса об уголовном преследовании по фактам обнаруженных прокурором нарушений уголовного законодательства, вынесенным согласно п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, может быть принято лишь с согласия руководителя СО.

На наш взгляд, было бы логично, чтобы законодатель вернул это право соответствующему должностному лицу.

Право прокурора отменять решения об отказе в ВУД, независимо от того, кем было принято, не выражает возможности осуществлять уголовное преследование в полном объеме. Руководить – значит, участвовать, в том числе, и самим проводить следственные действия, давать обязательные указания.

Порой образуется впечатление, что следователь и руководитель СО играют чуть ли не основную роль в уголовном преследовании. К примеру, ч. 6 ст. 37 УПК РФ предоставляет прокурору право в случае несогласия руководителя СО или следователя с его требованиями о ликвидации нарушений федерального законодательства обратиться с требованием о ликвидации обозначенных нарушений к руководителю вышестоящего СО. При несогласии руководителя вышестоящего СО с обозначенными требованиями прокурора последний может обратиться к Председателю СК РФ либо руководителю СО исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти). И лишь после указанного прокурор имеет право обратиться к Генеральному прокурору РФ, решение которого выступает окончательным.

На самом деле получается, что прокурор должен действовать во всех случаях, представленных в форме просителя, жалобщика, хотя, по смыслу своих надзорных функций, он должен иметь право на основании своего решения отменять все необоснованные и незаконные решения следователя и его руководителя.

Возвращение некоторых ранее ликвидированных полномочий этого лица следует считать позитивной, но явно недостаточной тенденцией, которая не способна существенно укрепить законность этапа ВУД и избежать неоправданной волокиты при устранении нарушений закона¹.

На наш взгляд, лишение прокурора права на ВУД не соответствует традиционному представлению о роли данного лица в уголовном судопроизводстве, лишает его результативных средств реагирования в случаях обнаружения нарушений закона. Ст. 146 УПК РФ необходимо представить в следующей редакции: «1. при присутствии основания и повода, установленных ст. 140 УПК РФ, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, дознаватель в рамках полномочий, предусмотренных УПК РФ, возбуждают уголовное дело, о чем выносятся определенные постановления».

Таким образом, реформа стадии ВУД и всей досудебной процедуры не только не завершена, но и требует значитель-

ного концептуального подхода для обеспечения достижения цели уголовного судопроизводства (статья 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). На сегодняшний день остро стоит проблема недостаточности полномочий прокурора для осуществления эффективного надзора за обоснованностью и законностью решений, принимаемых органами предварительного следствия. В связи с этим необходимо расширить сферу полномочий прокурора по надзору на продуманной концептуальной основе, исключив неоднозначное понимание норм уголовного судопроизводства и необъяснимые законодательные ошибки.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.09.2021) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 (ред. от 01.09.2021) // [Электронный ресурс] // Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Багмет А.М. Место и роль принципа процессуальной самостоятельности следователя в уголовном процессе // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 20.
5. Вандышев В.В. Уголовный процесс: учебник. М., 2018. С. 226.
6. Еликбаев А.К. Актуальные проблемы участия прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 125.
7. Кругликов А.П. Полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела и осуществлению уголовного преследования // Законность. 2017. № 1. С. 12.
8. Крюков В.Ф. Прокурор в уголовном процессе // Государство и право. 2018. № 4. С. 89.
9. Луговская К.О. Роль прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2016. № 11. С. 13.
10. Осипова А.В. Проблемные вопросы участия прокурора в уголовном процессе // Молодой ученый. 2016. № 18. С. 356.
11. Чубыкин А.В. Процессуальный статус прокурора на стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Александр Викторович Чубыкин. М., 2014. С. 81.
12. Чурилов С.Н. О полномочиях прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Власть. 2018. № 7. С. 11.
13. Шадрин В.С. Надзор военного прокурора за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 7. С. 71.

¹ Осипова А.В. Проблемные вопросы участия прокурора в уголовном процессе // Молодой ученый. 2016. № 18. С. 356.

ЗАХАРОВА Светлана Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Академии ФСИН России

НАЗАРКИН Евгений Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

СУЛЕЙМАНОВ Таят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ЖАРКО Наталья Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧАСТНИКОВ СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются особенности процессуального положения участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения на досудебных стадиях с точки зрения их полномочий в реализации принципа состязательности и равноправия сторон. Проведен анализ основ деятельности следователей, дознавателей, прокуроров на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования как властных участников со стороны обвинения. Внесено предложение о выделении отдельной группы участников, осуществляющих уголовное преследование по уголовным делам.

Ключевые слова: состязательность и равноправие сторон, прокурор, следователь, дознаватель, досудебные стадии, участники со стороны обвинения.

ZAKHAROVA Svetlana Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

NAZARKIN Evgeniy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

ZHARKO Natalya Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

THE PROCEDURAL STATUS OF THE PARTICIPANTS ON THE PART OF THE ACCUSATION IN THE IMPLEMENTATION OF THE ADVERSARIAL PRINCIPLE IN THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article examines the features of the procedural position of participants in criminal proceedings on the part of the prosecution at the pre-trial stages from the point of view of their powers in the implementation of the adversarial principle and equality of the parties. The analysis of the foundations of the activities of investigators, interrogators, prosecutors at the stages of initiation of a criminal case and preliminary investigation as powerful participants on the part of the prosecution is carried out. A proposal has been made to single out a group of participants who carry out criminal prosecution in criminal cases.

Keywords: adversarial principle, equal rights of the parties, prosecutor, investigator, interrogator, pre-trial stages, participants on the part of the prosecution.

Содержание и правовое закрепление принципа состязательности сторон обширно. Основная роль в досудебных стадиях уголовного судопроизводства по собиранию доказательств, их проверке и оценке принадлежит участникам стороны обвинения.

В соответствии с пунктом 47 статьи 5 УПК РФ сторону обвинения представляют прокурор, а также следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания, частный обвинитель, потерпевший, его законный представитель и представитель, гражданский истец и его представитель. Учитывая статус участников стороны обвинения, необходимо отметить, что они наделены законом различными по объему процессуальными полномочиями в уголовном процессе. Наибольшим объемом полномочий в процессе реализации принципа состязательности сторон, на наш взгляд, обладают властные субъекты судопроизводства со стороны обвинения, но при этом инициаторами возникновения уголовно-процессуальных отношений чаще

выступают лица, представляющие личные интересы в судопроизводстве.

Выделенная в рамках принципа состязательности сторон функция обвинения нуждается в системном рассмотрении с точки зрения соотношения категорий «обвинение» и «уголовное преследование».

Отношение законодателя к термину «уголовное преследование» не было однозначным, оно неоднократно менялось.

В пункте 22 ст. 5 под обвинением понимается утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ. То есть определение обвинения сводится формально к содержанию постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

При этом процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, представляет собой уголовное преследование (п. 55 ст. 5 УПК РФ) [1].

Введение в УПК РФ категории «уголовное преследование» создало предпосылки для оформления в российском

уголовном судопроизводстве нового процессуального института, регламентирующего порядок избличительной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в отношении подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу. При этом законодатель закрепил не только определение рассматриваемого понятия, но и назвал указанной категорией отдельную главу 3 УПК РФ [2, с. 38].

Анализ статьи 21 УПК РФ позволяет констатировать, что для властных субъектов стороны обвинения осуществление уголовного преследования является обязанностью, а для иных участников со стороны обвинения – участие в уголовном преследовании является правом.

Р. К. Шамсутдинов отмечает, этот принцип состязательности позволяет не только обеспечивать права участников уголовного судопроизводства, но и достигать целей, стоящих перед процессуальной деятельностью [3, с. 25-29]. Поддерживая в целом данную позицию, В. П. Смирнов отмечал, что сущность состязательности заключается в создании условий и обеспечении возможности для активного отстаивания своих (или представляемых) прав [4, с. 61].

По мнению В. Божьева, «такой атрибут состязательности, как уголовное преследование (обвинение), появляется не с момента возбуждения дела и даже, как правило, не с самого начала расследования, поскольку его становление обусловлено наличием подозреваемого или обвиняемого, которые могут так и не появиться до окончания расследования (в форме прекращения дела)» [5, с. 3].

А. П. Гуляев обращает внимание на то, что «в действительности могут быть и нередко бывают ситуации, когда уголовное преследование конкретного лица или лиц реально происходит до окончательного вывода об отсутствии события преступления. Наличие в практике подобных ситуаций свидетельствует о ...необходимости первоочередного решения вопроса о наличии события преступления, ибо полноценным основанием для осуществления уголовного преследования является ...достоверный вывод о наличии события преступления» [6, с. 64].

И. Б. Михайловская, напротив, полагает, что «исходя из того, что закон относит к компетенции прокурора осуществление от имени государства уголовного преследования (ч. 1 ст. 37 УПК), а перечень его конкретных полномочий включает в себя и те, которые могут быть реализованы в стадии возбуждения уголовного дела и в ходе предварительного расследования до появления обвиняемого или подозреваемого (ч. 2 ст. 37 УПК), представляется вполне обоснованным различать уголовное преследование (обвинение) как процессуальную функцию, которая возникает одновременно с возникновением уголовно-процессуальных отношений, и уголовное преследование как действия правоохранительных органов, направленные на избличение конкретного лица в совершении преступления» [7, с. 83].

Как отмечает А. Э. Амасьянц: «Важнейшим условием реализации принципа состязательности в уголовном процессе является размежевание процессуальных функций между сторонами и равные права для собирания и предоставления сведений в пользу своих интересов» [8, с. 42-48].

Участники со стороны обвинения, закрепленные в главе 6 УПК РФ, изначально наделены разными полномочиями и реализуют различный объем прав и обязанностей по поддержанию обвинения по уголовному делу. Так же следует отметить, что ряд участников со стороны обвинения одновременно выполняют несколько взаимосвязанных функций. Например, прокурор в уголовном судопроизводстве наряду с функцией обвинения, выполняет функции прокурорского надзора, а также функцию процессуального руководства дознанием. Соединение указанных функций в полномочиях одного должностного лица не противоречит требованиям и принципам уголовного судопроизводства, но в тот же момент законодатель отрицает возможность выполнения одним должностным лицом функций обвинения и защиты.

Руководитель следственного органа также как и прокурор в уголовном судопроизводстве выполняет несколько функций: уголовного преследования, а также ведомственно-контроля за деятельностью подчиненных ему следователей. Начальник органа дознания выполняет также функции уголовного преследования и ведомственного контроля за деятельностью подчиненных дознавателей.

Все это свидетельствует о том, что ни одна из сторон не является помещенной в вакуум только одной процессуальной функции. Все они разносторонние участники процесса. Необходимо четко понимать, что при реализации рассматриваемого принципа не допускается совмещение функций обвинения и защиты в полномочиях одного должного лица или государственного органа.

Остановимся на проблемах реализации принципа состязательности в различных стадиях процесса участниками со стороны обвинения.

С. Г. Ольков, подробно исследовавший проблему уголовно-процессуальных нарушений [9, с. 24], указывает наиболее типичные из них на стадии возбуждения уголовного дела:

1. Отказ от приема заявления о совершении преступления и его регистрации;
2. Незаконный отказ в возбуждении уголовного дела; фальсификация материалов предварительной проверки и принимаемых решений; в) превышение сроков проверки; г) незаконное возбуждение уголовного дела [9, с. 24].

Все это свидетельствует о наличии конфликта интересов сторон обвинения и защиты на стадии возбуждения уголовного дела, что подчеркивает безусловное начало реализации принципа состязательности сторон в данной стадии предусмотренными законом способами.

Анализ статистических данных о выявленных прокурорами нарушений уголовно-процессуального законодательства на досудебных этапах, свидетельствует, что в 2019 году было всего выявлено 5 139 782 нарушения закона, в том числе при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении – 3 627 932, при производстве следствия и дознания – 1 511 850, в 2020 г. соответственно – 5086896 – всего, в том числе в стадии возбуждения уголовного дела – 3491902, при производстве следствия и дознания – 1 594994¹.

Инициаторами начала производства в стадии возбуждения уголовного дела выступают потерпевшие, их представители, частный обвинитель, либо властные субъекты стороны обвинения при обнаружении факта совершения преступления, например, прокурор. Так, в 2019 году прокурорами в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ было направлено материалов для решения вопроса об уголовном преследовании 6055, в 2020 г. – 5468. Из них возбуждено уголовных дел по материалам, направленным прокурором в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, в 2019 г. – 5361, в 2020 – 5051².

На момент обращения в органы предварительного расследования с заявлением о факте совершения преступления потерпевший или его представитель (частный обвинитель до обращения с заявлением к мировому судье) имеют возможность сформировать определенные сведения о событии преступления. После обращения с заявлением они продолжают оставаться участниками со стороны обвинения, так, в соответствии со ст. 42 УПК РФ потерпевший имеет право: давать показания, представлять доказательства, которые бу-

1 Статистические данные о деятельности прокуратуры Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/5fb/0112_2020.pdf (дата обращения: 14.11.2021).

2 Статистические данные о деятельности прокуратуры Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=58866781> (дата обращения: 25.11.2021).

дут им собраны самостоятельно в ходе производства по делу, участвовать при производстве следственных действий, поддерживать обвинение и т. п. Частный обвинитель выступает в уголовном процессе со стороны обвинения, совмещая при этом полномочия потерпевшего и обвинителя в судебном заседании. Он вправе обращаться к мировому судье с ходатайством об оказании помощи в собирании доказательств по уголовному делу частного обвинения. Гражданский истец обладает ограниченными полномочиями, связанными с возмещением имущественного ущерба, причиненного в результате совершенного преступления. Он собирает и представляет доказательств, подтверждающие факт причинения ему преступлением ущерба, подлежащего возмещению обвиняемым. Несмотря на то, что указанные участники представляют сторону обвинения, мы видим, что их права носят ограниченный характер. Наибольшими полномочиями в досудебных стадиях имеют властные субъекты обвинения.

На стадии возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК РФ, принять по нему решение о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела либо о передаче заявления в суд или по подследственности.

Если на момент возбуждения уголовного дела установлено лицо, причастное к его совершению, то оно возбуждается в отношении конкретного лица, и последний приобретает статус подозреваемого. Уже с этого момента подозреваемый, а равно его защитник вступают в обоснованный конфликт интересов сторон обвинения и защиты и начинают реализовывать свое право на защиту от сформулированного подозрения.

Следователь, осуществляя проверку сообщения о преступлении и последующее расследование уголовного дела, совмещает несколько процессуальных функций.

Институт защиты служит достижению задач предварительного расследования: обеспечению правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Поэтому, что если в ходе предварительного следствия предъявленное обвинение в какой-либо части не нашло подтверждения, следователь своим постановлением прекращает уголовной преследование в соответствующей части, о чём уведомляет обвиняемого и его защитника (ч. 2 ст. 175 УПК РФ).

Закон рекомендует следователю не совершать действия, если их производство противоречит законности [10, с. 19-20].

Участие прокурора, как субъекта уголовного преследования, гарантирует реальное осуществление принципа состязательности на всех стадиях уголовного процесса. На стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования прокурор обеспечивает соревновательность путем рассмотрения жалоб представителей стороны защиты и обвинения на действия и решения дознавателя и следователя. В этом случае закон предоставляет ему право выступать в роли независимого субъекта [11, с. 26-27].

В соответствии со ст. 124 УПК РФ прокурор рассматривает жалобы в течение 3 суток, а в исключительных случаях – 10 суток и по результатам рассмотрения выносит соответствующее постановление (о полном удовлетворении жалобы, о частичном удовлетворении жалобы, об отказе в удовлетворении жалобы). Он обязан создавать условия для обеспечения состязательности на досудебных стадиях.

Как мы уже отмечали, функции прокурора не одноплановы. С одной стороны, он выступает субъектом стороны обвинения, с другой – субъектом прокурорского надзора, а в

ряде случаев следует говорить и о роли процессуального контроля за деятельностью дознавателей.

Прокурор может инициировать проверку отдельных обстоятельств на стадии возбуждения уголовного дела, но при этом, он не может его возбудить. На наш взгляд, это существенно ограничивает его процессуальные полномочия по осуществлению уголовного преследования на данной стадии.

Подводя итоги, отметим, что реализация принципа состязательности субъектами со стороны обвинения имеет многоаспектный характер. На наш взгляд, состязательность реализуется поэтапно на различных стадиях процесса. Приоритетное положение отдается властным субъектам, в том числе прокурору, который последовательно реализует несколько функций: уголовного преследования, обвинения, прокурорского надзора и процессуального контроля. Следователь (дознаватель), являясь участником со стороны обвинения, сочетает выполнение сразу нескольких функций, сочетающихся между собой: обвинение, защиту и разрешение дел.

Для дальнейшего расширения состязательности на досудебном производстве мы предлагаем ввести главу 5.1 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства, осуществляющие уголовное преследование по делам», сократив сторону обвинения и отразить в п. 47 ст. 5 УПК РФ: «...сторона обвинения – прокурор, частный обвинитель, потерпевший, его законный представитель и представитель, гражданский истец и его представитель».

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – Москва: Проспект, 2021.
2. Крюков В. Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. – М.: Норма, 2010. – 480 с.
3. Шамсутдинов Р. К. Состязательность сторон в уголовном процессе – основа правосудия // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2013. – № 2 (60). – С. 25-29.
4. Смирнов В. П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 58-63.
5. Божьев В. Состязательность на предварительном следствии // Законность. – 2004. – № 1. – С. 3-6.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. В. Мозякова и др. – Науч.-практ. изд. – М.: Книга-Сервис, 2003. – 1275с.
7. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). – Москва: Проспект, 2003. – 142 с.
8. Амастьянц А. Э. Уголовно-процессуальные проблемы принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2 (3). – С. 42-48.
9. Ольков С. Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в российском судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1994. – 39 с.
10. Громов Н. А., Лисоволенко В. В., Затона Р. Е. Обеспечение процессуальной самостоятельности следователя // Следователь. – 1998. – № 4. – С. 19-20.
11. Тушев А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации / Науч. ред. докт. юрид. наук, проф. И. Ф. Демидов. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.

КОРЯЧЕНЦОВА Светлана Игоревна

старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции

Коряченцова С. И.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ НАРУШЕНИЙ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ

В статье предпринята попытка определить особенности отдельных нарушений в сфере градостроительной деятельности и способы защиты прав участников градостроительства при внесении изменений в градостроительные документы. Приведенные примеры основаны на анализе законодательства в сфере градостроительства и существующих теоретических положений организации и осуществления прокурорского надзора. Такой подход определяет необходимость разработки унифицированных правовых основ, регламентирующих порядок защиты участников градостроительных правоотношений, в том числе вопросы компенсации убытков. Несомненно, работа по правовому регулированию должна основываться на эмпирическом опыте органов власти при реализации полномочий по подготовке градостроительных документов, а надзорные мероприятия органов прокуратуры должны основываться на результатах анализа правоприменительной практики. По итогам исследования отмечено, что, имеется необходимость модернизации правового регулирования способов защиты участников градостроительных правоотношений, права которых ущемлены в результате изменения градостроительных документов.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, градостроительная деятельность, территориальное планирование, возмещение ущерба, участники градостроительных правоотношений, защита прав, меры прокурорского реагирования, правила землепользования и застройки.

KORYACHENTSOVA Svetlana Igorevna

senior lecturer of Prosecutor's supervision and participation of the prosecutor in the consideration of criminal, civil and arbitration cases sub-faculty of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, adviser of justice

TOWN-PLANNING ACTIVITY: PROBLEMATIC ASPECTS OF DETECTION OF VIOLATIONS BY THE PROSECUTOR'S OFFICE

The article attempts to determine the features of individual violations in the field of urban planning and ways to protect the rights of participants in urban planning when making changes to urban planning documents. The examples given are based on the analysis of legislation in the field of urban planning and the existing theoretical provisions of the organization and implementation of prosecutorial supervision. This approach determines the need to develop a unified legal framework regulating the procedure for the protection of participants in urban planning legal relations, including issues of compensation for losses. Undoubtedly, the work on legal regulation should be based on the empirical experience of the authorities in the exercise of powers to prepare urban planning documents, and the supervisory activities of the prosecutor's office should be based on the results of the analysis of law enforcement practice. According to the results of the study, it was noted that there is undoubtedly a need to modernize the legal regulation of ways to protect participants in urban planning legal relations whose rights are infringed as a result of changes in urban planning documents.

Keywords: prosecutor, prosecutor's supervision, urban planning, territorial planning, compensation for damage, participants in urban legal relations, protection of rights, measures of prosecutorial response, rules of land use and development.

Характер градостроительных правоотношений ввиду высокой материальной ценности соответствующего ресурса, особенно в приближенных к крупным городам районах, представляет интерес для участников указанной деятельности.

Со стороны руководства государства уделяется пристальное и последовательное внимание к решению градостроительных вопросов, реализация градостроительной политики осуществляется посредством разработки и реализации градостроительных документов долгосрочного и стратегического характера.

В целях реализации последовательной государственной политики в сфере градостроительства, направленной

на обеспечение устойчивости системы расселения на территории Российской Федерации и снятие инфраструктурных ограничений в социально-экономическом развитии территорий органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления рекомендовано руководствоваться положениями Стратегии при разработке и реализации стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и документов территориального планирования, предусмотренных Градостроительным кодексом Российской Федерации¹.

1 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года № 207-р (ред. от 23.03.2021) «Об утверждении

Одной из задач органов государственной власти и местного самоуправления в сфере градостроительства является создание условий для качества и безопасности (в том числе экологической) жизни населения. Несомненно, реализация указанной задачи начинается с разработки комплексных программ перспективного планирования размещения объектов социальной инфраструктуры. Планирование и реализация комплексных программ должны осуществляться с учетом принципов градостроительного права, которое является комплексной отраслью права и обладает признаками самостоятельности с отраслевой точки зрения [1, с. 103–106; 2; 3, с. 5–8].

Важное место в реализации указанной стратегий отведено органам прокуратуры, поскольку реализация мер прокурорского реагирования в сфере градостроительства является одним из механизмов надзорной деятельности.

Приоритетность реализации градостроительных мероприятий неоднократно подчёркивалась Президентом Российской Федерации. На выполнение градостроительных задач со стороны государства выделяются значительные бюджетные средства.

Генеральной прокуратурой Российской Федерации уделяется особое внимание прокурорскому надзору в сфере градостроительной деятельности, в том числе необходимости проверки целевого использования бюджетных средств, выделяемых на реализацию градостроительных мероприятий. Несомненно, это совершенно оправданно, поскольку сферами возникновения градостроительных отношений являются: экология, экономика и бюджет, социальная сфера, культура, строительство и ЖКХ, потребительский рынок, охрана общественного порядка и др.

Отметим, что все формы и виды градостроительных отношений между субъектами такой деятельности концентрируют различную природу общественных отношений и требуют системного правового регулирования. Однако не все участники градостроительных отношений находятся в равном положении по осуществлению градостроительной деятельности. Например, сложность реализации требования правовых норм в сфере градостроительства приводит к тому, что граждане не всегда могут восстановить права самостоятельно и в судебном порядке, именно поэтому количество обращений в органы прокуратуры продолжает оставаться весьма значительным. Что требует постоянного повышения эффективности прокурорского надзора, совершенствования средств и методов надзорной деятельности, разработки новых способов предупреждения, выявления и устранения нарушений, издания учебных материалов.

В настоящее время законодательно не регламентирован порядок систем взаимосвязанных процедур разработки и внесения изменений в градостроительную документацию, которые должны быть направлены на достижение условий устойчивого развития территорий, и создание градостроительной системы в виде единого технологического процесса, где на основе общей целевой установки реализуется переход результатов одних документов в состав исходных сведений для подготовки других [4, с. 67-72].

Отсутствие четкой иерархии и четко урегулированных этапов подготовки градостроительной документации позволяет разрабатывать документацию в хаотичном порядке, что приводит к ошибкам планирования и реализации градостроительной стратегии.

Анализ материалов надзорных мероприятий свидетельствует, что органы прокуратуры по-прежнему выявляют внушительное количество нарушений в сфере градостроительной деятельности при проверке законности правовых актов и правоприменительной практики². Подобная практика обосновывается также отсутствием единой судебной практики и подходов к защите прав участников градостроительных отношений.

В ходе осуществления градостроительной деятельности должны быть обеспечены безопасные и благоприятные условия жизни человека, развитие территорий, соблюдение требований экологического законодательства. Представляется очевидным, что в настоящее время существует необходимость единого подхода по разработке градостроительных документов, основанного на эмпирической базе. И конечно, реализация указанных положений диктует необходимость применения комплексного правоприменительного подхода в сфере градостроительной деятельности.

Межотраслевой характер разработки градостроительных документов направлен на определение приоритетных направлений градостроительства, для реализации которых необходимо последовательно решать отраслевые задачи в рамках специальных проектных документов.

Однако определить круг таких документов проблематично, поскольку само определение понятия «градостроительная деятельность» многогранно и в научной литературе определяется как «теория и практика планировки и застройки городов» [5, с.144], также указанное понятие используется в разных сферах деятельности: в архитектуре и строительстве; водопользовании; землепользовании и др. В каждой из которых, «градостроительство должно комплексно решить функционально-практические (экономические, демографические, технические, санитарно-гигиенические) и эстетические (архитектурно-художественные) задачи» [6, с. 585]. Несомненно, что градостроительная форма имеет важное значение, поскольку «выражает представление о городе как о месте обитания человека». Форма не является статичной, ей свойственно развиваться, изменяться, приобретая новые пространственные элементы [7, с.11-16].

В свою очередь комплексность градостроительной деятельности определяет необходимость реализации универсальной методики прокурорской проверки с использованием имеющихся разработок смежных наук, в целях защиты прав участников градостроительных отношений.

К сожалению, масштаб проблемных вопросов в сфере градостроительной деятельности, многочисленные жалобы граждан и публикации в средствах массовой информации по вопросам недостатка транспортной и социальной инфраструктуры, благоустройства, хищения земель до-

Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «Консультант Плюс».

2 Статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации о состоянии прокурорского надзора за исполнением законов в сфере градостроительной деятельности, содержащиеся в отчетах по форме ОН 2016–2020 гг.

статочны велики и требуют проведения органами прокуратуры организованных и масштабных проверочных мероприятий по выявлению, пресечению и предупреждению нарушений.

Например, нарушения при формировании участков из состава земель сельскохозяйственных предприятий приобретают новые тенденции, преступной деятельности, их совершению способствует игнорирование органами власти своих полномочий по земельному контролю и бездействие контролирующих органов в части проверки законности кадастрового учета соответствующих земель, и регистрации прав на объекты недвижимости, в том числе, находящейся в государственной собственности.

Кроме того, осуществляемая деятельность органов местного самоуправления в период до 2015 г. по установлению высотных регламентов застройки территории и выдаче разрешительной документации привела к социально-инфраструктурным проблемам массово застраиваемых территорий. В настоящее время в ряде регионов имеется нехватка лечебно-поликлинических и образовательных учреждений, не говоря о парковочных местах и озелененных территориях. Понятны и совершенно обоснованы «протесты и обращения населения» [8, с.107-113], направляемые в органы местного самоуправления и прокуратуру, поскольку уплотнение застройки осуществляется за счет озелененных территорий, чаще всего такие вопросы не получают предварительное обсуждение о целесообразности сноса зеленых насаждений.

В последнее время имеет место практика массовых нарушений органами местного самоуправления требований градостроительного законодательства при подготовке и утверждении основной градостроительной документации, определении облика и перспектив развития муниципальных образований регионов. Такие нарушения затрагивают не только права и законные интересы владельцев участков, но и права и интересы иных физических и юридических лиц, а также публичные интересы, связанные с устойчивым развитием территорий муниципальных образований, сохранением окружающей среды и объектов культурного наследия, улучшением инвестиционной привлекательности территории.

Как обосновано отмечает профессор В.С. Хижняк для всеобъемлющей защиты прав и свобод человека необходимы как национальные, так и международные гарантии их реализации и защиты [9, с. 218-222]. Поэтому в целях защиты публичных интересов необходимо ориентироваться на тенденции развития международных и внутригосударственных гарантий защиты прав человека.

Основные направления развития гарантий прав и свобод человека определяют цели прокурорского надзора за исполнением законов о развитии застроенных территорий, комплексном основании территории, реализации решений по расселению аварийных домов, которые заключаются в «обеспечении верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства» [10, с. 4].

По-прежнему допускаются нарушения прав частных интересов. Так, в ряде случаев деятельность органов местного самоуправления свидетельствует о формальном под-

ходе к решению важнейших вопросов градостроительства, поскольку не в полной мере исполняются обязанности по подготовке заключений по результатам рассмотрения заявлений заинтересованных лиц, по вынесению итоговых решений, осуществляется уклонение от ответственности за принятие определенного решения. Итогом игнорирования исполнения полномочий является, в том числе, нарушение права заявителя на обжалование принятого решения.

Необходимо отметить, что неактуальность данных о кадастровой стоимости земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости также приводит к градостроительным нарушениям. Так, с учетом требований федерального законодательства о пятилетнем сроке давности проведения кадастровой оценки, в настоящее время на ряде территорий устаревшими являются сведения о землях отдельных категорий и сведения об изменении вида разрешенного использования земель, что оказывает влияние на кадастровую стоимость и отражается в размере земельного налога. Да, с одной стороны соблюдение положений приведенного законодательства зависит от правообладателя земельного участка, но проверка исполнения указанных норм относится к компетенции органов контроля в сфере землепользования и градостроительства.

Еще одним существенным нарушением градостроительного законодательства является отсутствие универсальных механизмов защиты прав владельцев земельных участков. Например, вопросы о взыскании ущерба, причиненного действиями органов власти при принятии решений об изменении вида разрешенного использования земельного участка без согласия правообладателя не урегулированы. В настоящее время не определены: преимущественное значение публичных и частных интересов; субъекты ответственные, за причинение вреда в результате изменения градостроительных документов; субъекты, обязанные произвести расчет и компенсацию причиненных убытков; перечень и порядок расчета ущерба; лица, имеющие право претендовать на возмещение убытков; «методика проверки соблюдения градостроительного законодательства при изменении градостроительных документов в действующем законодательстве»³.

Градостроительные правоотношения представляют собой административно-правовую (публичную) природу⁴. Законодательные основы принятия и утверждения градостроительных правовых актов определены ГрК РФ, в том числе устанавливающие для граждан определенные гарантии. Такие гарантии направлены на обеспечение комплексного учета интересов населения и сами по себе не могут рассматриваться как ограничивающие какие-либо конституционные права и свободы граждан, акты

3 Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативно-правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // СПС «Консультант Плюс».

4 Апелляционные определения Верховного суда Российской Федерации от 19 сентября 2018 г. № 7-АПГ18-5, от 1 августа 2018 г. № 45-АПГ18-13, от 18 июля 2018 г. № 86-АПГ18-3 // СПС «Консультант Плюс».

должны соответствовать целям градостроительной деятельности⁵.

Вместе с тем указанные положения и разъяснения Конституционного суда Российской Федерации, при решении вопросов о возмещении убытков не реализуются. Например, при изменении целевого назначения участка, соответственно основания требовать возмещения убытков отсутствуют. Поскольку положения п. 5 ч. 1 ст. 57 ЗК РФ о возмещении убытков в полном объеме, в том числе упущенная выгода, причиненные изменением целевого назначения участка на основании ходатайства органа государственной власти или органа местного самоуправления о переводе участка из состава земель одной категории в другую без согласования с правообладателем участка не может быть применим.

Приведенные примеры нарушений градостроительного законодательства не исчерпывающие, но они подлежат решению в целях защиты прав граждан и выработки унифицированной практики [11, с.1-10], поскольку за каждым примером судебного разбирательства и прокурорской проверки стоит конкретный человек.

Особенность градостроительной деятельности определяется необходимостью ее реализации на планомерной и последовательной основе, она имеет отсроченный характер, решения, принятые в этой области, влекут за собой последствия, которые отразятся на жизни людей сейчас и в будущем. Что требует от органов прокуратуры эффективной, грамотной, комплексной и планируемой организации деятельности по обеспечению законности исполнения градостроительного законодательства. Планируемые надзорные мероприятия в сфере градостроительства должны разрабатываться на длительный период времени и соотноситься с целями, определенными государственной политикой в сфере градостроительства.

Подводя итог, отметим, что эффективная реализация надзорных полномочий прокурора способствует снижению количества правонарушений в сфере градостроительства, а взаимодействие органов прокуратуры, органов власти и местного самоуправления существенно снижает ущерб, причиняемый незаконной градостроительной деятельностью, а также способствует защите прав и законных интересов участников градостроительства.

Пристатейный библиографический список

1. Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции: Монография. – М.: Волтерс Клувер, 2006.
2. Толстой Ю.К. Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961–1965): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Л., 1970.
3. Фахрутдинов И.З., Трапезников В.А. Инвестиционное право: Учеб.-практ. пособие. – М.: Волтерс Клувер, 2006.
4. Митягин С.Д. Технологическая оптимизация градостроительной деятельности // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 1.
5. Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Горькина. М.: Большая Росс. энцикл., 2002. С. 304; Новая российская энциклопедия / Под ред. А.Д. Некипелова. М.: ИНФРА-М, 2008. Т. V(1).
6. Большая российская энциклопедия / Под ред. С.Л. Кравец. М.: Большая Росс. энцикл., 2005. Т. 7.
7. Мазаев Г.В., Мазаев А.Г. Градостроительная форма архитектурная форма: значение и соотношение // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2018. № 2 (37).
8. Рысаева Ю.С., Белоногов В.А. Экологические ограничения хозяйственной деятельности как источник градостроительных конфликтов // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Естественные науки. 2008. Т. 150. № 4.
9. Хижняк В.С. Международные и внутригосударственные гарантии защиты прав человека // В сборнике: 25 лет Конституции Российской Федерации: тенденции развития и перспективы реализации. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Конституции РФ. Под редакцией М. А. Липчанской. 2018.
10. Методика и тактика проведения прокурорской проверки: учебное пособие / под ред. О. Н. Коршуновой. СПб., 2014.
11. Коряченцова С.И. Отдельные аспекты прокурорского надзора за исполнением градостроительного законодательства и возмещением ущерба от реализации градостроительных решений // Административное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 1-10.

5 Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2010 г. № 931-О-О «По жалобе гражданки Андроновой Ольги Олеговны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 39 и 40 Градостроительного кодекса Российской Федерации, статьи 13 Закона Санкт-Петербурга «О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге», статей 7 и 8 Закона Санкт-Петербурга «О порядке организации и проведения публичных слушаний и информирования населения при осуществлении градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге» // СПС «Консультант Плюс».

РОШКА Михаил Яковлевич

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье рассматривается процессуальное положение участников уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела, отражаются отдельные проблемные вопросы производства процессуальных действий, связанных с получением доказательств при осуществлении процессуальной проверки поводов и основания для возбуждения уголовного дела. Обращено внимание на неверное толкование правоприменителями уголовно-процессуальных норм при производстве следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела, что порождает нарушения уголовно-процессуального законодательства и влечет утрату доказательств по уголовному делу.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, стадия, участники уголовного процесса, процессуальный статус.

ROSHKA Mikhail Yakovlevich

senior lecturer of Criminal process and forensic science sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

PROCEDURAL WARRANTIES AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE

The article examines the procedural position of participants in criminal proceedings at the stage of initiation of a criminal case, reflects certain problematic issues of the production of procedural actions related to obtaining evidence in the implementation of procedural verification of the reasons and grounds for initiating a criminal case. Attention is drawn to the misinterpretation by law enforcers of criminal procedural norms in the conduct of investigative actions at the stage of initiating a criminal case, which gives rise to violations of criminal procedural legislation and entails the loss of evidence in a criminal case.

Keywords: initiation of a criminal case, stage, participants in criminal proceedings, procedural status.

Вопрос соблюдения процессуальных гарантий участников уголовно-правового конфликта в уголовном процессе не утрачивает своей актуальности. В уголовном процессе наше государство стадия возбуждения уголовного дела определяет начало уголовного судопроизводства, суть которой заключается в осуществлении проверки поводов и основания для возбуждения уголовного дела. Несмотря на длительную дискуссию о нецелесообразности сохранения данной стадии, в 2013 году она была окончательно закреплена законодателем путем нормативного усовершенствования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

В соответствии со ст. 6 УПК РФ назначением уголовного судопроизводства, прежде всего, является «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свободы»¹. Так, ст. 144 УПК РФ дополнена частями 1.1 и 1.2, регламентирующими расширение прав участников уголовных правонарушений. Определяя группы участников уголовного судопроизводства, законом по-прежнему остался не конкретизированным их процессуальный статус на данной стадии. Например, процессуальным статусом потерпевшего лицо может быть наделено при вынесении соответствующего процессуального решения после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, то есть на второй стадии уголовного процесса. Этот факт исключает возможность пострадавшего в полной мере реализовать свои процессуальные права с момента начала уголовного судопроизводства, а лицо, производящее предварительное следствие, лишается возможности применить при необходимости к такому лицу меры процессуального принуждения, возможные только при наличии у пострадавшего статуса «потерпевший». Это

же относится и к лицам, подвергаемым уголовному преследованию уже на первой стадии уголовного судопроизводства. Законом определяется возможность пользоваться услугами адвоката при производстве процессуальных действий, однако, не регламентирован порядок допуска адвоката и порядок его участия за счет средств федерального бюджета, в случае необходимости и отсутствия у лица возможности заключить соглашение с адвокатом [1]. Не предусмотрен порядок привлечения к участию в процессуальной деятельности законных представителей несовершеннолетних лиц и лиц, которые в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свои права и защищать законные интересы. Мы полагаем, что лицо, в отношении которого производится процессуальная проверка относительно причастности к совершенному преступлению, имеет право воспользоваться правом на защиту, поэтому необходимо процессуально закрепить обязанность должностных лиц обеспечить такому лицу это право. Кроме того, правом на участие адвоката на стадии возбуждения уголовного дела должны быть наделены и иные участники уголовного судопроизводства в случае, если у них возникнет такая потребность.

Обратим внимание, что для реализации назначения уголовного судопроизводства УПК РФ закрепляет возможность использовать в качестве доказательств сведения, полученные при производстве процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела. Определен исчерпывающий перечень процессуальных действий, допустимых на данной стадии, которые перечислены в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. При этом порядок производства некоторых из них не конкретизирован, что вносит дезориентацию в толковании и применении рассматриваемой нормы закона.

Так, законом определена возможность получения объяснений, определен круг уполномоченных на это должностных лиц, а именно: дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, но порядок и форма

1 <Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в действующей редакции)> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.12.2021).

получения объяснений не установлены, кроме обязанности разъяснить опрашиваемому лицу его право воспользоваться свидетельским иммунитетом.

В целях эффективности и соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства определен общий срок процессуальной проверки, составляющий трое суток и возможность его продления максимально до тридцати суток. Обращаясь к практике, можем найти множество примеров, когда при невозможности установить основание принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела, которое впоследствии неоднократно отменяется прокурором либо руководителем следственного органа и влечет за собой последствия в виде превышения установленных законом сроков производства доследственной проверки. Таким образом, процессуальная проверка проводится на протяжении нескольких месяцев или даже лет, что крайне негативно сказывается на всей уголовно-процессуальной деятельности и существенно ущемляет права участников процесса, вынуждая их обращаться с жалобами на действия (бездействия) соответствующих должностных лиц [2].

Рассмотрим процедуру получения образцов для сравнительного исследования у участников уголовного судопроизводства. Так, ст. 202 УПК РФ закреплен порядок получения образцов для сравнительного исследования, определены участники, форма закрепления. При этом законодателем не учтено ни в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, ни в рассматриваемой норме возможность применения мер принуждения в случае отказа участников на стадии возбуждения уголовного дела от участия в данном процессуальном действии.

Относительно возможности проведения освидетельствования до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и вообще возникает вопрос о возможности реализовать в практической деятельности данное процессуальное действие. Так, в ст. 179 УПК указан перечень участников уголовного судопроизводства, которые могут быть подвергнуты освидетельствованию: «потерпевший, подозреваемый, обвиняемый и свидетель (с его согласия)», а также устанавливает, что постановление о производстве данного следственного действия является обязательным для освидетельствуемого лица. На стадии возбуждения уголовного дела у лиц, участвующих в доследственной проверке, как известно, процессуальный статус отсутствует, что априори исключает возможность произвести освидетельствование лица. Выявленное несоответствие норм порождает коллизию и влечет за собой невозможность их практического применения.

Далее предлагаем обратить внимание на предусмотренную ч. 1 ст. 144 УПК РФ возможность истребования, изъятия и получения документов и предметов в порядке, предусмотренном УПК РФ. В этой же норме отдельно перечисляются процессуальные действия, производство которых допустимо на стадии доследственной проверки. Существующее нормативное изложение допускает неверные трактовку и применение в практической деятельности. Поддерживая мнение Петровой И. Н., полагаем, что процедура изъятия предметов и документов в практической деятельности возможна на стадии возбуждения уголовного дела лишь посредством производства осмотра места происшествия. Но не всегда бывают основания для его производства, в связи с чем, проведенный осмотр места происшествия с целью изъятия документов или предметов, может быть вполне признан недопустимым доказательством по уголовному делу, что исключает дальнейшее производство по уголовному делу. Из-за неверной трактовки понятия «изъятие» правоприменители фактически проводят процессуальные действия, не обозначенные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ: обыск, выемку, что также влечет за собой признание доказательств недопустимыми и влечет за собой невозможность достижения цели уголовного судопроизводства.

Также предлагаем обратить внимание на возможность производства экспертизы на стадии возбуждения уголовно-

го дела. Данный процессуальный прорыв оптимизировал деятельность по доказыванию совершенного преступления, однако, не урегулирован возможностью ознакомления участников уголовного судопроизводства на начальной стадии процесса с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта. Кроме того, законодательно предусмотрена обязанность лица, производящего расследование, назначить повторную экспертизу только лишь на основании ходатайства потерпевшего либо подозреваемого, обвиняемого. Получается, что эффективность уголовного судопроизводства в случае назначения повторной экспертизы снижается к нулю и порождает затягивание сроков уголовного судопроизводства, увеличивает затраты труда эксперта и порождает тождественные экспертные заключения.

Неверная трактовка правоприменителями ч. 1 ст. 144 КПК РФ порождает ряд грубых процессуальных нарушений. Указанная норма устанавливает возможность производить истребование и изъятие предметов, документов, после чего закрепляет конкретные виды следственных действий, в результате производства которых возможно правомерное процессуальное изъятие объекта и, соответственно, фиксация данного факта в соответствующем протоколе следственного действия. К таким следственным действиям относятся осмотр места происшествия, осмотр предметов (документов). Таким образом, законодателем определен исчерпывающий перечень следственных действий, возможных на стадии возбуждения уголовного дела. Однако, можно привести немало практических примеров, когда следователи (дознатели) производят на стадии возбуждения уголовного дела при производстве доследственной проверки сообщения о преступлении выемку либо обыск. Такие нарушения оспариваются участниками уголовного судопроизводства в порядке, предусмотренном главой 16 УПК РФ в суд, что влечет признание данных следственных действий полученными с нарушением главенствующего принципа уголовного судопроизводства – законности и, соответственно, признание их недопустимыми доказательствами по уголовному делу.

По нашему мнению, повысить объективность и эффективность уголовного судопроизводства на первоначальной стадии уголовного процесса возможно через четкую регламентацию, конкретизацию и устранение коллизий соответствующих норм УПК РФ. Устранение противоречий в нормах УПК РФ позволит не только оптимизировать процедуру уголовного судопроизводства, но и учесть права и законные интересы его участников.

Пристатейный библиографический список

1. Голенко А. Проверка сообщения о преступлении без защитника. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.ru/> (дата обращения: 14.12.2021).
2. Петрова И. Н. Проблемы производства проверки сообщений о преступлениях. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 14 (200). — С. 228-230. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/200/49256/> (дата обращения: 13.12.2021).

САИДОВ Гаджимурад Абдурахманович

магистрант ОЗО по направлению подготовки «Юриспруденция» Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

ГАСАНОВА Замира Гаджимурадовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В настоящей статье рассматриваются основные правовые и практические проблемы процессуального статуса гражданского истца, возникающие в российском уголовном процессе. Автором выявляется, что требования истца в уголовном судопроизводстве подлежат рассмотрению в ходе судебного следствия, если, конечно, причиненный вред не возмещен обвиняемым в добровольном порядке на стадии предварительного следствия. Автором предлагается в случае неформализации исковых требований незамедлительно передать ответчику копию протокола судебного заседания.

Ключевые слова: законные интересы, гражданский истец, уголовный процесс, процессуальные права, обвинительный приговор, оправдательный приговор.

SAIDOV Gadzhimurad Abdurakhmanovich

magister student of the master's program in the direction of preparation «Jurisprudence» of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

GASANOVA Zamira Gadzhimuradovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

ACTUAL PRACTICAL AND LEGAL PROBLEMS OF PARTICIPATION OF A CIVIL PLAINTIFF IN CRIMINAL PROCEEDINGS

This article discusses the main legal and practical problems of the procedural status of a civil plaintiff that arise in the Russian criminal process. The author reveals that the claims of the plaintiff in criminal proceedings are subject to consideration during the judicial investigation, unless, of course, the harm caused is compensated by the accused on a voluntary basis at the stage of preliminary investigation. The author suggests that in case of non-formalization of the claims, immediately transfer to the defendant a copy of the minutes of the court session.

Keywords: legitimate interests, civil plaintiff, criminal process, procedural rights, guilty verdict, acquittal.

Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает возможность подачи и рассмотрения гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства. Право на предъявление иска в процессе расследования уголовного дела позволяет уменьшить расходы самого истца (например, он освобождается от уплаты госпошлины, бремя доказывания исковых требований возлагается не только на истца, но и на органы предварительного следствия, поскольку сбор доказательств в основном осуществляется следователем или дознавателем).

Кроме того, подача иска в уголовном судопроизводстве значительно сокращает временные параметры истца, затрачиваемые на разрешение одного дела, т.к. нет необходимости участвовать в гражданском процессе. При этом за истцом сохраняется обязанность предоставить соответствующие документы, подтверждающие исковые требования (платежный чек, кассовые и товарные чеки и др.) [1, с. 11]. Гражданский иск является основанием для объединения уголовного и гражданского дела в одном производстве, что значительно облегчает судебным и правоохранительным органам подготовку к рассмотрению дела, процесс его рассмотрения не влечет за собой возобновления судебного разбирательства всех обстоятельств дела и, в отличие от гражданского процесса, не предполагает доказывания правомерности требований гражданского истца [2, с. 146].

Требования истца в уголовном судопроизводстве подлежат рассмотрению в ходе судебного следствия, если, конечно, причиненный вред не возмещен обвиняемым в добровольном порядке на стадии предварительного следствия. По результатам судебного разбирательства суд решает в том числе и «судьбу» гражданского иска, что находит отражение в приговоре или судебном приказе.

Первое упоминание о возможности предъявления гражданского иска в уголовном судопроизводстве относится к судебной реформе 1864 г., когда 20 ноября 1864 г. был издан Устав уголовного процесса. Этот институт продолжал действовать и в советское время – в Уложении Уголовного процесса РСФСР в 1923 и 1960 годах.

В правовых системах стран США, Великобритании, Германии отсутствует такой участник уголовного процесса, как гражданский истец. Права истца фактически делегированы потерпевшему, который вправе заявлять требования о возмещении по уголовному делу вреда, причиненного преступлением. Подача иска связана с необходимостью возмещения вреда, который может выражаться в утрате здоровья потерпевшего, заработка в связи с утратой частичной или полной трудоспособности. Кроме того, возможно взыскание денежных средств, не причинивших убытков потерпевшему, но и имеющих определенный имущественный ущерб, речь

идет о денежных суммах взятки, которые согласно ст. 169 ГК РФ являются имуществом, полученным по недействительной сделке, противоречащей нормам права¹.

В качестве гражданского истца могут выступать физические и юридические лица, причем последние через своего представителя.

Для гражданского истца есть два условия:

1) это предъявление требований в части возмещения имущественного вреда;

2) он принимает на себя роль заявителя-участника уголовного процесса только на основании соответствующего определения суда или постановления судьи, следователя или дознавателя на основании предположения о наличии причинно-следственной связи между совершившим гражданский ответчик, преступления и понесенных убытков.

При этом необходимо соблюсти порядок выяснения прав перед предъявлением гражданского иска – предъявить этот иск лицам, понесшим этот вред.

Гражданскими истцами являются, например:

– лица, признанные потерпевшими от преступного деяния, в результате которого они лишились дохода в связи с нарушением их трудовых прав, предусмотренных ст. 145, 145.1 УК РФ²;

– лица, признанные потерпевшими и понесшие соответствующие убытки от потери заработной платы/доходов в связи с частичной или стойкой утратой трудоспособности либо в результате расходов, которые они понесли на свое лечение, а именно оплату процедур, лекарств, протезы, оплата услуг по найму или санаторно-курортные путевки, приобретение специального транспорта или обучение другой профессии, что закреплено статьей 1085 ГК РФ;

– лица, признанные потерпевшими и которым причинен моральный вред, если это физическое лицо, предусмотренное ст. 151 ГК РФ, а если правомерно, то последствием преступления для них стал ущерб их деловой репутации;

– физические или юридические лица, которые в собственности или на законных основаниях владеют имуществом, и этому имуществу причинен ущерб в результате преступления, такого как кража, уничтожение или повреждение имущества и т.п.

Законодатель предоставляет возможность выступать гражданским истцом и налоговым органом с претензиями к обвиняемому о взыскании налоговой задолженности.

Эта возможность предусмотрена Налоговым кодексом Российской Федерации³, а также ст. 7 Закона РФ от 21.03.1991 № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации»⁴.

Срок предъявления гражданского иска определяется началом возбуждения дела и окончанием судебного следствия по уголовному делу в суде первой инстанции.

Гражданский иск предъявляется в форме искового заявления, при этом требования о возмещении имущественного вреда и морального вреда могут быть предъявлены как в одном иске, так и в разных. В части возмещения морального вреда могут обращаться только физические лица (ст. 151 ГК РФ). Правовая природа данного явления заключается в том, что преступлением потерпевшему причинены нравственные страдания, которые будут оценены при определении размера компенсации.

УПК РФ не предусматривает особых требований к форме и содержанию гражданского иска: он может быть предъявлен как в письменной, так и в устной форме (например, в ходе судебного следствия исковые требования могут быть внесены в протокол)⁵. Однако в случае неформализации исковых требований, по нашему мнению, необходимо незамедлительно передать ответчику копию протокола судебного заседания.

Многообразие процессуальных прав гражданского истца позволяет этому субъекту защищать свои интересы в ходе дознания или предварительного следствия, а также в суде, используя предоставленные ему правовые средства, в частности знакомиться с протоколом и аудиозаписью судебного заседания и представить на них замечания. При этом право на обжалование судебных актов ограничено возможностью обжалования решения суда только в части, относящейся к гражданскому иску, за исключением случаев, когда гражданский истец и потерпевший фактически являются одним лицом.

В части предъявления исков в случае причинения вреда совместными действиями лиц гражданский истец также вправе предъявить иски, но только при условии привлечения этих лиц к ответственности за совершение преступного деяния. В последующем, в случае удовлетворения требований истца, судья в приговоре решает, какие суммы подлежат возмещению с лиц солидарно, а какие в долевом порядке.

Суд разрешает гражданский иск одновременно с вынесением обвинительного приговора по уголовному делу, в противном случае при вынесении оправдательного приговора суд оставляет иск без рассмотрения, т.к. вина подсудимого не доказана. Однако вынесение оправдательного приговора не лишает истца возможности возместить ущерб уже в рамках гражданского судопроизводства.

С другой стороны, это условие существенно упрощает гражданскому истцу процесс доказывания по гражданскому делу, поскольку все материалы уголовного дела могут служить доказательствами по гражданскому делу.

Пристатейный библиографический список

1. Ершова Г. В. Некоторые аспекты обеспечения судом прав подсудимого в части защиты от гражданского иска // Российский судья. – 2021. – № 5. – С. 11-19.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / под общ. и науч. ред. А. В. Гриненко. – М.: Проспект, 2021. – 1288 с.

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс», 2021.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс», 2021.

3 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2021). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс», 2021.

4 Закон РФ от 21.03.1991 № 943-1 (ред. от 09.11.2020) «О налоговых органах Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс», 2021.

5 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021). – [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс», 2021.

МИРОНЧУК Марина Андреевна

магистрант 2 курса Юридической школы Дальневосточного Федерального университета

К ВОПРОСУ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассмотрены уровни правовой политики РФ в сфере возмещения ущерба, причиненного преступлением. В ходе анализа выявлено не только отсутствие единых, четко сформулированных и выраженных в программном документе стратегий, но и не полное соответствие между имеющимися на данный момент элементами правовой политики, что негативно сказывается на защите прав лиц, пострадавших от преступлений. В связи с этим автором сформулирован ряд предложений по приведению к соответствию уровней правовой политики друг с другом и с общими принципами защиты прав человека.

Ключевые слова: возмещение, ущерб, преступление, правовая политика, полное возмещение, права человека и гражданина.

MIRONCHUK Marina Andreevna

magister student of the 2nd course of the Law school of the Far Eastern Federal University

ON THE ISSUE OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY A CRIME: KEY PROBLEMS OF MODERN LEGAL POLICY

The article examines the levels of the legal policy of the Russian Federation in the field of compensation for damage caused by a crime. The analysis revealed not only the absence of uniform, clearly formulated and expressed strategies in the policy document, but also not full compliance between the currently available elements of legal policy, which negatively affects the protection of the rights of persons affected by crimes. In this regard, the author formulated a number of proposals to bring the levels of legal policy in line with each other and with the general principles of human rights protection.

Keywords: compensation, damage, crime, legal policy, full compensation, human rights.

Мирончук М. А.

На сегодня в отношении возмещения ущерба, причиненного преступлением не выработано специальной концепции или стратегии, изложенной в отдельном официальном документе. Общие представления о господствующих идеях правовой политики в указанной сфере можно черпать из положений науки уголовного процесса, конституционных норм о правах и свободах человека и гражданина, принципов уголовного процесса, разъяснений высших судов Российской Федерации.

Наука уголовного процесса предьявляет ряд идей, свойственных для современного уголовного преследования и судопроизводства, среди которых наиболее близкими к теме исследования являются: социальная поддержка потерпевшего (в том числе приоритет компенсационных требований потерпевшего), примирение (как разрешение конфликтов, исчерпания противоречий, вызванных совершением преступления, на основе и к взаимному удовлетворению сторон, частью которого, безусловно, является и возмещение ущерба, причиненного преступлением), рациональность и эффективность уголовного судопроизводства (среди прочего проявляется в возможности подать гражданский иск в рамках уголовного процесса, не начиная новый процесс по возмещению имущественного вреда) [1, с. 12]. Данные идеи до сих пор сохраняют свою актуальность и обсуждаются научным сообществом (хотя не полностью реализуются на практике).

В свете указанных идей на доктринальном уровне обозначенная выше проблематика темы находит следующий отклик:

– во-первых, доктринально выводится понятие ущерба, причиненного преступлением, в уголовном процессе и его соотношение с вредом, причиненным преступлением (ущерб – имущественная составляющая общего вреда от преступления). Это происходит, потому что уголовно-процессуальный закон не раскрывает данные категории, хотя и использует их, а также прямо не указывает на соотношение между ними. Также исследователи предлагают обращаться по данным вопросам к нормам гражданского законодательства, черпая из них, в том числе, и общие принципы о возмещении вреда («возмещается только реально причиненный вред», «виновность причинившего», «наличие причинной связи» и т. п.) [2].

– во-вторых, в научной доктрине рассматривается идея о необходимости полного возмещения ущерба, причиненного преступлением. С одной стороны это обосновывается международными стандартами в области защиты прав человека (в том числе пострадавшего от преступления), с другой – тесным взаимодействием уголовно-процессуального и уголовного права по вопросам возмещения такого ущерба с гражданским правом в его регулировании деликтных обязательств [2].

– в-третьих, сегодня вопросы возмещения ущерба, причиненного преступлением, находятся на «стыке» публичного и частного права. С одной стороны, уголовно-процессуальный закон содержит правила о том, что следователь, дознаватель обязаны незамедлительно принять меры по обеспечению гражданского иска, гражданский иск может быть заявлен прокурором, если этого требует охрана прав гражд-

дан, общественных и публичных интересов и др. С другой – основной остается идея о том, что гражданский иск – это требование о возмещении имущественного вреда, предъявленное физическим или юридическим лицом. Иными словами, по общему правилу государство занимает роль лишь организатора процедур по возмещению. В итоге начало процедуры по возмещению зависит от потерпевшего (или иного лица, и существенная сфера которого пострадала в результате совершения преступления). Если такое лицо не проявит надлежащую активность (в том числе в результате правовой неграмотности) ни о каком возмещении не будет идти речь. Окончание процедуры возмещения также зависит не только от публичной власти, но и от преступника – его материального положения.

Таким образом, научная доктрина подчеркивает пограничный, индивидуально-публичный (с уклоном в частную сферу) характер гражданского иска как основного способа возмещения ущерба, причиненного преступлением.

На институциональном уровне проблематика указанной темы основывается на положениях следующих нормативно-правовых актов:

– Конституция Российской Федерации закрепляет право потерпевших от преступлений на компенсацию причиненного ущерба (ст. 52). Следует особенно обратить внимание, что в данной формулировке используется категория «ущерб», а не «вред». Кроме того, данный нормативно-правовой акт закрепляет право каждого на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц (ст. 53), что также может иметь место вследствие совершения преступления указанными должностными лицами. Статья 42 закрепляет право на возмещение ущерба, причиненного экологически правонарушением (в том числе экологически преступлениями)¹.

– Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ содержит ряд норм, затрагивающих вопросы возмещения ущерба, причиненного преступлением. Следует начинать с общих положений: первейшим назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6); охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве требует от уполномоченных должностных лиц (следователя, прокурора и др.) разъяснять потерпевшим (гражданским истцам) их права, обязанности, ответственность, а также обеспечивать возможность осуществления этих прав (ч. 1 ст. 11). Возмещение ущерба может в некоторых случаях стать основанием для прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1), прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба – если ущерб, причиненный бюджетной системе РФ в результате преступления, возмещен в полном объеме (о возмещении ущерба в полном объеме говорится только если он нанесен публичному субъекту) (ст. 28.1). Ряд норм посвящен гражданскому иску (ст. 44 и др.),

в качестве способа обеспечения гражданского иска предусмотрена возможность наложения ареста на имущество (ст. 115)².

– Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ также содержит упоминания о возмещении ущерба (или вреда), причиненного преступлением. Возмещение имущественного ущерба, причиненного в результате преступления, может служить обстоятельством, смягчающим наказание (п. «к» ч. 1 ст. 61). Возмещение ущерба является одним из условий для освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75), по ряду уголовных составов – для освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1), по преступлениям небольшой и средней тяжести – для освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.1). Возмещение причиненного ущерба полностью или в части может учитываться при рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (ч. 4.1 ст. 79), замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 4 ст. 80). Отдельная статья (ст. 104.3) посвящена возмещению причиненного ущерба и указывает на первоочередность возмещения вреда из конфискованного имущества, добытого преступным путем (в наименовании статьи используется конструкция «ущерб», а в тексте статьи – «вред»). Ряд статей Особенной части УК РФ содержит правила о том, что возмещение ущерба в совокупности с другими обстоятельствами может служить основанием для освобождения преступника от уголовной ответственности (ст. 178, ст. 200.3)³.

– Гражданский процессуальный кодекс РФ, хотя и не является основополагающим нормативно-правовым актом в данной сфере, но устанавливает, что гражданский иск, вытекающий из уголовного дела, если он не был предъявлен или не был разрешен при производстве уголовного дела, предъявляется для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства по соответствующим правилам подсудности (ч. 3 ст. 31)⁴.

Специального федерального закона, посвященного указанной теме на данный момент не принято. Государство периодически проявляет внимание к теме возмещения ущерба, причиненного преступлением, что проявляется в ряде точечных поправок в существующие кодифицированные акты⁵.

Прежде чем переходить к следующему уровню правовой политики следует обратиться к мнению, высказанному Пленумом Верховного Суда РФ в 2020 г. относительно практики рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу. Одним из важнейших утверждений является то, что «по смыслу положений пункта 1 статьи 1064 ГК РФ вред, причиненный преступлением, подлежит возмещению в пол-

¹ Конституция (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 10.12.2021).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 10.12.2021).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 10.12.2021).

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 10.12.2021).

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: федер. закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 10.12.2021).

ном объеме лицом, виновным в его совершении, поэтому, по общему правилу, в качестве гражданского ответчика привлекается обвиняемый»⁶.

Кроме того, еще в 2019 г. Президиумом Верховного Суда подняты вопросы соотношения стоимости имущества, на которое налагается арест в целях обеспечения гражданского иска и стоимости причиненного преступлением ущерба – утверждается идея об их соответствии. Суд также подчеркнул, что при наличии сведений, подтверждающих размер причиненного преступлением имущественного вреда, арест на имущество подозреваемого может быть наложен в отсутствие заявленного на данный момент расследования гражданского иска⁷.

Также социологический уровень в данном исследовании успешно раскрывается через статистику, составленную на основе правоприменительной практики. Так, в 2019 году количество уголовных дел, которые находились в производстве правоохранительных органов, составило 2 394 508. По этим уголовным делам был установлен материальный ущерб в размере 627,7 млрд. руб., который имеет следующую структуру: по оконченным уголовным делам (812 тыс. дел) – 388 млрд. руб.; по материалам об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (232 тыс. дел) – 6,2 млрд. руб.; по приостановленным уголовным делам (917 тыс. дел) – 234 млрд. руб. Из 2 394 508 уголовных дел находящихся в производстве было расследовано 1 052 441 дело. Из них только 812 735 направлено в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением. Из 884 661 выявленных лиц, которые должны возмещать причиненный своими действиями вред, 609 831 лиц не могут этого сделать по причине низкого финансового достатка (из них учащиеся – 37 090 лиц; студенты – 3 820; не имеющие постоянного источника дохода – 563 986 (безработные – 4 935)⁸.

Исследуя степень возмещения имущественного ущерба за несколько предшествующих лет также, можно убедиться, что она не является полной. Так, с учетом признания погашенной до вынесения судебного акта суммы ущерба, а также с учетом сумм, не присужденных к взысканию с учетом материального положения должника и вины других лиц в 2016 г. к взысканию по приговорам и решениям судов было определено 69,5 % от общей суммы прямого ущерба, определенной судами, в 2017 г. – 72,5 %, в 2018 г. – 68,3 %, в 2019 г. – 91,9 %⁹. Такие данные еще раз подтверждают, что потерпевший не во

всех случаях получает полное возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением.

Представленные уровни правовой политики Российской Федерации в сфере уголовного процесса и, в частности, в области возмещения ущерба, причиненного преступлением, могут быть сравнены в целях выявления их соответствия (или несоответствия) друг другу.

Наиболее явным несоответствием является то, что доктринальный уровень предлагает среди прочего идею о полном возмещении вреда (в том числе ущерба), причиненного преступлением, при этом институциональный уровень в целом поддерживает данную идею, вполне допуская также вариант частичного возмещения и не предоставляя гарантий полного возмещения каждому потерпевшему в каждом конкретном случае.

Также, не смотря на то, что в судебной практике признана идея полного возмещения ущерба, аналитика раскрываемых уголовных дел и взыскиваемого ущерба выявляет следующие проблемы: 1) не все дела из возбужденных расследуются до конца и направляются в суд, 2) не все дела, направленные в суд окончатся обвинительным решением суда (это является препятствием к получению компенсации ущерба), 3) не все лица, признанные виновными судом могут возместить причиненный их преступлением ущерб.

Соответственно, в достаточно многих случаях потерпевший не может уверенно рассчитывать даже на какой-либо минимум компенсации. Поэтому в целях устранения проблем, выявленных в ходе сопоставления доктринального, институционального и социального уровней, можно предложить предпринять следующие действия:

– во-первых, необходимо привести к единообразию употребление категорий «ущерб» и «вред» в уголовном процессе, а также в уголовном праве. Также следует либо раскрыть их содержание и соотношение в текстах указанных кодексов (или одного из них). Например, в ст. 5 УПК, посвященной основным понятиям, используемым в данном кодексе. Другим путем может стать отсылка к нормам гражданского права, дающей представление о том, что такое вред и ущерб. Это нужно для того, чтобы данные понятия и их соотношение не выводились на практике и путем теоретических изысканий, а были максимально конкретно закреплены в законе применительно к нуждам соответствующей отрасли права, что в свою очередь даст ясность для последующего правоприменения и устранил юридико-лингвистическую неопределенность, которая является достаточно распространенным недостатком современного российского нормативно-правового материала.

– во-вторых, при разрешении вопросов возмещения ущерба, причиненного преступлением, следует последовательно руководствоваться положениями международных актов, касающихся обеспечения интересов жертв преступлений. Речь идет о Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью от 29 ноября 1985 года¹⁰. Возможно, также не лишено смысла предложение о введении в уголовный процесс официально-

6 О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 10.12.2021).

7 Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.03.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 10.12.2021).

8 Оценка потенциала государственной сферы защиты прав потерпевших от преступлений: аналитический доклад // Фонд поддержки пострадавших от преступлений, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://soprotivlenie.org/doc/analiticheskij-doklad-ocenka-potenciala-gosudarstvennoj-sfery-zashhity-prav-poterpevshix-ot-prestuplenij/#view> (дата обращения: 10.12.2021).

9 Обзор о деятельности судов. Судебная статистика. Судебный департамент при Верховной Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdpr.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 10.12.2021).

10 Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 10.12.2021).

го понятия реституции как возврата потерпевшему его собственности или выплаты за причиненный вред или ущерб, возмещения расходов, понесенных в результате виктимизации, предоставления услуг и восстановление потерпевших в их нарушенных имущественных правах, определив при этом ее цели, основания, процессуальные предпосылки и порядок ее реализации [3].

– в-третьих, следует вспомнить, что еще в 2012 г. Следственным комитетом России был предложен проект Федерального закона «О потерпевших от преступлений», который на данный момент не внесен в Государственную Думу. Его основной частью должна была стать глава 2, посвященная порядку возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, и предоставления государственной компенсации¹¹. Также согласно его тексту одним из принципов защиты и восстановления прав, свобод и законных интересов потерпевших должны стать принципы доступности разумного и справедливого возмещения вреда, причиненного преступлением и доступности государственной компенсации в связи с причинением потерпевшему вреда преступлением. Право на получение справедливого и разумного возмещения вреда, причиненного преступлением и (или) государственной компенсации должно стать одним из неотъемлемых прав потерпевшего.

Необходимо указанный проект, адаптировав его к современным условиям и усовершенствовав. В том числе именно в него можно включить понятие вреда и ущерба, причиненного преступлением. Данный шаг должен стать не формальным увеличением нормативной массы, призванной «на бумаге» отвечать на вызовы выявленной проблематики, а стать опорой для гарантированного получения потерпевшими причитающегося им возмещения и руководством к действию для должностных лиц правоохранительных органов.

– в-четвертых, основываясь на положениях международных актов в сфере прав человек, а также на том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью в Российской Федерации, предлагается последовательно принимать выдвинутую доктриной концепцию полного возмещения вреда (в том числе ущерба), причиненного преступлением, не только в судебной практике (согласно мнению Верховного Суда РФ, выраженному только в октябре 2020 г.), но и в нормативно-правовом материале. Это является единственным путем к реальному восстановлению социальной справедливости.

– пятое предложение вытекает из вышеозвученного: следует закрепить право каждого потерпевшего, которому причинен ущерб конкретным преступлением, на своевременное и справедливое возмещение его материальных потерь из государственного бюджета – в случае, если такую выплату невозможно получить от виновного лица в разумный срок. При этом право на возмещение не должно ставиться в зависимость от каких-либо условий, относящихся к потерпевшему, а также от успешности расследования и (или) результата последующего судебного разбирательства. В том числе, если причинение ущерба доказано, но а) преступник не обнаружен в разумный срок, установленный для этого уголовно-процессуальным правом, б) уголовное преследова-

ние прекращено по нереабилитирующим обстоятельствам, в) лицо, признанное судом виновным не имеет (и не сможет получить в разумный срок) средства для возмещения – такое возмещение должно быть произведено государством. Если же государство в силу финансовых причин признает свою неготовность помогать гражданам, ставшим жертвами преступлений и понесшим ущерб, в полном объеме, то следует гарантировать возмещение в части.

Таким образом, приведенный анализ и выявленные в ходе него проблемы и противоречия показывают, что в целом российское законодательство не предусматривает безоговорочных гарантий того, что не только весь ущерб, причиненный преступлением, но даже какая-либо часть его будет обязательно возмещена пострадавшему. Практика возмещения не соответствует не только положениям доктрины уголовного процесса, но и общим принципам, которыми должны быть пронизаны законодательство и его применение в правовом демократическом государстве. Поэтому все предлагаемые изменения и дополнения рассчитаны на окончательное разрешение вопроса о наиболее полном возмещении ущерба, причиненного преступлением, лицам, которые имеют на это законное право.

Пристатейный библиографический список

1. Стойко Н.Г. Стратегии уголовного процесса и их совместимость / Российский следователь. 2006. № 4. С. 12-15.
2. Слепцов М. Возмещение вреда, причиненного преступлением // Газета «Верное решение». 2018. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant-dv.ru/periodika/gazeta-vernoe-reshenie/vypusk18/vozmeshchenie-vreda-prichinennogo-prestupleniem/> (дата обращения: 10.12.2021).
3. Варданян С.Г. Определение сути реституции в уголовном процессе России // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2017. № 1. Т. 2. С. 110-119.

¹¹ О потерпевших от преступлений: проект федер. закона. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 10.12.2021).

МУСТАФАЕВ Сааду Сайгидович

магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Дагестанского государственного университета

АМИРБЕКОВА Гульнара Гусейновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Дагестанского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

В статье представлен анализ норм действующего уголовно-процессуального законодательства по вопросу функционирования института судебной экспертизы. Автор обращает внимание на существующие пробелы и проблемы правоприменительной практики в области судебной экспертизы, в частности, высказано предложение о внесении изменений в статью Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующую порядок ознакомления сторон с постановлением о назначении судебной экспертизы.

Ключевые слова: судебная экспертиза, уголовный процесс, участники экспертного исследования, основания проведения экспертизы, потерпевший.

MUSTAFAEV Saadu Saigidovich

magister student of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

AMIRBEKOVA Gulnara Huseynovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

SOME PROBLEMS OF THE APPLICATION OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION ON FORENSIC EXAMINATION

The article presents an analysis of the norms of the current criminal procedure legislation on the functioning of the institute of forensic examination. The author draws attention to the existing gaps and problems of law enforcement practice in the field of forensic examination, in particular, a proposal was made to amend the article of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the procedure for familiarizing the parties with the decision on the appointment of forensic examination.

Keywords: forensic examination, criminal proceedings, participants of expert research, grounds for examination, victim.

В расследовании уголовных дел важную роль играет институт судебной экспертизы, который насчитывает многовековую историю. С развитием общественных отношений меняется структура преступности, появляются новые виды противоправных деяний, запрещенных уголовным законом, преступники совершенствуют способы совершения преступлений, все эти обстоятельства обуславливают необходимость применения в уголовном судопроизводстве специальных знаний.

С момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) прошло двадцать лет и за это время успела сложиться устойчивая практика применения норм института судебной экспертизы, которая свидетельствует о наличии ряда проблем, требующих законодательного разрешения. Рассмотрим подробно некоторые из них.

В УПК РСФСР существовал запрет на проведение судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела. Данное упущение было устранено законодателем в 2013 году, в ч. 4 ст. 195 УПК было закреплено, что «судебная экспертиза может быть назначена и проведена до возбуждения уголовного дела».

Нельзя не согласиться, что назначение и производство экспертизы до возбуждения уголовного дела в некоторых случаях является необходимостью.

Однако предоставив следователю право назначать и проводить экспертизу до начала производства по уголовному делу, законодатель никак не регламентировал этот процесс, что, по нашему мнению, является существенным упущением. До возбуждения уголовного дела предполагаемые потерпевшие, подозреваемые, и свидетели не приобретают статуса участников уголовного процесса, что создает угрозу нарушения их прав, например, при получении образцов для

сравнительного исследования, ознакомлении с постановлением следователя и постановкой перед экспертом дополнительных вопросов, заявление отводов, присутствии при производстве экспертизы и своевременном заявлении соответствующих ходатайств.

Так же пробелом в регулировании судебной экспертизы, проводимой до возбуждения уголовного дела, является отсутствие оснований или критериев допустимости проведения этого следственного действия.

По нашему мнению, необходимым является более детальная проработка вопроса назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела и подробное закрепление в законодательстве данного следственного действия, что может быть выражено в форме отдельной статьи в уголовно-процессуальном кодексе, регламентирующей порядок назначения, производства и оценки результатов экспертизы, а также закрепляющей процессуальный статус лиц, которых затрагивает данное действие.

Согласно ч. 3 ст. 195 УПК РФ законодатель обязал следственные и судебные органы проводить ознакомление участников уголовного судопроизводства с постановлением о назначении экспертизы, а также разъяснить им права, предусмотренные статьей 198 УПК РФ. Документом, фиксирующим совершение этих процессуальных действий, является протокол, подписываемый следователем и ознакомленными лицами.

Судебная и следственная практика свидетельствует о многочисленных нарушениях данной нормы следователями. Так, в Первый кассационный суд общей юрисдикции обратился гражданин, осужденный по ч. 2 ст. 228 УК РФ к 4 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, с кассационной жалобой на приговор Саратовского районного суда Саратовской области от

13 июня 2019 года и апелляционное определение Саратовского областного суда от 26 сентября 2019 года. В числе доводов кассационной жалобы осужденный указал, что положенные в основу приговора экспертные заключения являются недопустимыми доказательствами, поскольку в нарушение ч. 3 ст. 195 УПК РФ он не был ознакомлен с постановлениями о назначении данных экспертиз [1].

Следователи либо вообще не сообщают сторонам о принятых ими решениях, либо делают это несвоевременно, в любом случае заинтересованные лица узнают о назначении экспертизы постфактум, что не позволяет им реализовать права, закрепленные в статье 198 УПК РФ, в том числе поставить перед экспертом дополнительные вопросы, заявить отводы, присутствовать при производстве экспертизы и своевременно заявлять соответствующие ходатайства. В дальнейшем это может привести к затягиванию процесса расследования уголовного дела, если выяснится, например, что имелись основания для заявления отвода эксперту.

Отметим, что анализируемая норма не раз становилась предметом обжалования в Конституционном Суде Российской Федерации. Высший орган конституционного контроля в своей правовой позиции по данному вопросу указал, что «Указанное процессуальное действие по смыслу приведенных норм, рассматриваемых в системной связи, должно быть осуществлено до начала производства экспертизы - иначе названные участники процесса лишаются возможности реализовать связанные с ее назначением и вытекающие из конституционного принципа состязательности и равноправия сторон права, закрепленные статьей 198 УПК Российской Федерации. Данное требование части третьей статьи 195 УПК Российской Федерации распространяется на порядок назначения любых судебных экспертиз, носит императивный характер и обязательно для исполнения следователем, прокурором и судом на досудебной стадии судопроизводства во всех случаях, в том числе при назначении по уголовному делу судебно-психиатрической экспертизы для определения психического состояния обвиняемого или подозреваемого в случаях, когда возникает сомнение по поводу их виновности» [2].

Поэтому полагаем, что в ч. 3 ст. 195 УПК РФ необходимо внести изменения и указать, что ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы должно происходить до начала производства самого следственного действия.

Отдельного внимания заслуживает вопрос применения положений ст. 159 УПК РФ, в частности, ч. 2, согласно которой «подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в производстве судебной экспертизы, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела».

Представляется, что используемая в процессуальном законе формулировка «обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела» слишком размытая и порождает неограниченное усмотрение следователя при принятии решения об удовлетворении или отказе в удовлетворении ходатайства о назначении судебной экспертизы.

Продолжает сохранять актуальность вопрос о полном осуществлении судебной экспертизы государственными учреждениями. Как справедливо отмечает П. Н. Мазуренко специализированные учреждения, уполномоченные осуществлять судебно-экспертную деятельность являются структурными подразделениями различных органов исполнительной власти, что в свою очередь может сказаться на объективности выдаваемых ими экспертных заключений [3, с. 170]. В связи с этим набирают популярность экспертизы, осуществляемые негосударственными экспертными учреждениями, но несмотря на это, представители судебно-следственной системы скептически относятся к подобному рода экспертным заключениям. Это приводит к необходимости проведения повторных экспертиз, что значительно увеличивает сроки судебного разбирательства.

Очевидно, что при таких условиях невозможно говорить об эффективной реализации принципа состязательности в

уголовном процессе и принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

Проблема признания результатов экспертизы, проведенной негосударственными экспертными учреждениями, в качестве допустимых доказательств не раз попадала в поле зрения Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации.

В частности, в 2009 году гражданин Р. А. Лебедев обратился с жалобой в Конституционный Суд РФ на положение, содержащееся в п. 60 ст. 5 УПК РФ. По мнению заявителя, заключение эксперта, составленное коммерческой экспертной организацией, не может быть положено в основу обвинения, поскольку работники коммерческих организаций являются лицами заинтересованными.

Высший судебный орган конституционного контроля отказал в принятии жалобы к рассмотрению, руководствуясь тем, что оспариваемые положения не нарушают прав заявителя. Комплекс прав, предоставленных участникам уголовного процесса статьей 198 УПК РФ позволяет заявлять отвод эксперту, которому поручено производство экспертизы или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении [4].

Думается, что согласиться с такой позицией можно лишь отчасти. Как верно отмечает Н. Е. Муженская, основной целью коммерческих экспертных организаций является извлечение прибыли, а не защита интересов, охраняемых законом. Их заинтересованность создает угрозу составлению объективного экспертного заключения [5, с. 42].

Таким образом, можно сделать вывод, что нормы УПК РФ, регулирующие вопросы назначения и проведения экспертизы нуждаются в тщательной проработке и реформировании, так как от этого зависит соблюдение прав участников уголовного судопроизводства и принятие законного, обоснованного и справедливого приговора по делу. В частности, необходимо разработать и принять новый законодательный акт, регламентирующий порядок взаимодействия судебно-следственных органов с негосударственными некоммерческими судебно-экспертными учреждениями.

Пристатейный библиографический список

1. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 января 2020 г. № 77-25/2020(77-97/2019). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.10.2021).
2. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 206-О «По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.10.2021).
3. Мазуренко П. Н. О нарушениях принципа состязательности при назначении и производстве судебных экспертиз в уголовном процессе // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. - 2020. - № 2. - С. 169-172.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лебедева Руслана Львовича на нарушение его конституционных прав пунктом 60 статьи 5 и частью третьей статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 февр. 2009 г. № 88-О-О. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2021).
5. Муженская Н. Е. Производство судебных экспертиз вне государственных судебно-экспертных учреждений // Законность. - 2011. - № 12. - С. 40-44.

МУСТАФИНА Гульнара Мажитовна

старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

МЕЛЬНИКОВА Алина Сергеевна

доцент кафедры общеправовых дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УТОЧНЕНИЮ В МАТЕРИАЛАХ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье рассматривается проблема присутствия технических ошибок в материалах уголовного дела и их влияние на права и свободы человека и гражданина, соблюдения принципа разумности сроков уголовного судопроизводства. Проведен анализ судебно-следственной практики, наработанного инструментария устранения допущенных ошибок. Рассмотрена возможность реализации правовой регламентации наработанного инструментария в устранении технических ошибок при расследовании уголовного дела и по их завершению.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, противодействие преступности, принципы уголовного судопроизводства, судебно-следственная практика, упрощение судопроизводства, автоматизация, оптимизация, рационализация.

MUSTAFINA Gulnara Mazhitovna

senior lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

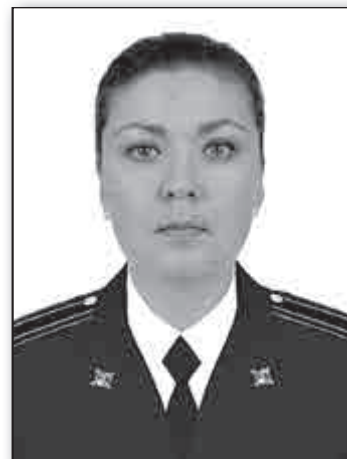
MELNIKOVA Alina Sergeevna

associate professor of General legal disciplines sub-faculty of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

CIRCUMSTANCES TO BE CLARIFIED IN THE MATERIALS OF THE CRIMINAL CASE

The article deals with the problem of the presence of technical errors in the materials of the criminal case and their impact on the rights and freedoms of man and citizen, compliance with the principle of reasonableness of the terms of criminal proceedings. The analysis of judicial and investigative practice, the accumulated tools for eliminating the mistakes made has been carried out. The possibility of implementing the legal regulation of the developed tools in eliminating technical errors during the investigation of a criminal case and upon their completion is considered.

Keywords: human and civil rights and freedoms, crime prevention, principles of criminal proceedings, judicial and investigative practice, simplification of legal proceedings, automation, optimization, rationalization.

Мустафина Г. М.

Мельникова А. С.

Современные общественные отношения переживают новый виток развития. Создание искусственных интеллектуальных систем, роботизированной техники проявляют необходимость в пересмотре общепринятых тенденций в соблюдении прав и свобод человека и гражданина.

Увеличение объема обрабатываемой информации, скорости совершения преступлений с использованием дистанционных технологий, сопровождающихся наличием устаревших принципов документооборота и положений в уголовно-процессуальном законодательстве, направленным на сбор доказательственной базы, приводит к снижению качества расследования, изобличения преступника.

С точки зрения экономической составляющей, упрощение процессуальной деятельности позволит эффективному распределению ресурсного потенциала правоохранительной системы России в целях реализации задач и полномочий, установленных законом. Произойдет снижение ассигнований, направленных на закупку множительно-копировальной офисной техники, а также расходных материалов к ним и переориентирование денежных средств на усовершенствование, автоматизацию и переструктурирование рабочего места

сотрудника. Экономия времени, сил, средств создает условия для более качественного и ориентированного распределение рабочего времени правоприменителя к выполнению прямых функциональных обязанностей по уголовному преследованию лиц, совершивших преступление [1].

В соответствии с требованиями статьи 166 Уголовно-процессуального кодекса протокол может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств¹. Однако данный способ переноса информации на материальный носитель таит в себе возможность допущения технических ошибок.

Анализ судебно-следственной практики позволяет сделать вывод об обилии ошибок, допускаемых следователями, дознавателями в формировании уголовного дела. Обусловлено это не низкой квалификацией сотрудников, а загруженностью, высотой скорости обработки информации, невнимательностью, утомленностью в силу сбора материалов

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ – Текст: электронный. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

уголовного дела во время нахождения на суточном дежурстве и иных сопутствующих человеческих факторов и психологической особенностей личности.

Большинство из них касаются неверного отражения анкетных данных лица, номера уголовного дела, орфографических ошибок, неправильном смысловом употреблении слов, несоблюдении пунктуации.

Вышеописанные виды ошибок не влекут за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, однако надзорным органом или судом могут быть возвращены на дополнительное расследование, что ведет к продлению сроков рассмотрения и вынесения окончательного решения по делу. Однако, в настоящее время имеется большое количество дел, направленных на дополнительное расследование органом прокуратуры, в целях пересоставления обвинительного заключения (акта, постановления), в силу наличия технических ошибок.

Московский городской суд, определяя свое мнение к техническим ошибкам, в материалах уголовного дела в апелляционном постановлении от 18 августа 2021 года № 10 указал, что допущенная должностным лицом при вынесении постановления о возобновлении предварительного следствия и изъятия уголовного дела явная техническая ошибка в указании месяца вынесения постановления не может являться основанием к удовлетворению жалобы заявителя, так как не затрагивает существа вопроса, рассматриваемого судом в порядке ст. 125 УПК РФ. При этом, исследовав представленные материалы, суд первой инстанции указал правильные даты вынесения указанных решений².

Однако, вопреки мнению судебных инстанций, надзорный орган продолжает направлять уголовные дела на дополнительное расследование при наличии технических ошибок, нарушая тем самым принцип разумности сроков уголовного судопроизводства, регламентированного статьей 6.1 Уголовно-процессуального законодательства.

Так, по материалам уголовного дела № 12001800034000843 в ходе допроса свидетели сообщили об обнаружении металлической банки с порохом за домом в «дровеннике».

В рамках проведения следственных действий осмотр места происшествия и проверка показаний на месте установлено место хранения взрывчатого вещества.

После проведения всех необходимых следственных и процессуальных действий дело направлено в прокуратуру для утверждения обвинительного акта.

Исученное дело прокурором возвращено на дополнительное расследование, так как в соответствии со словарем Ожегова имеется толкование слова «дровяник»³. Значение слова дровенник приводит к возможности различного толкования слова и неточности предъявленного обвинения.

Дознавателем проведен дополнительный допрос участников уголовного судопроизводства в целях определения смысловой нагрузки, вкладываемой в значение слова «дровенник» и приняты меры, направленные на окончание предварительного расследования и дело повторно направлено в прокуратуру для утверждения обвинительного акта.

Таким образом, дознавателем дополнительно затрачено два дня для устранения технической ошибки, привлечены

дополнительные силы для реализации организационной части запланированных следственных действий.

Кроме того, дознавателем подготовлено объяснение на имя руководителя по существу допущенных технических нарушений и возвращения уголовного дела на дополнительное расследования. По результатам полученных объяснений в отношении дознавателя приняты меры воспитательно-профилактического воздействия.

Вышеописанное свидетельствует о нецелесообразности использования данного вида документооборота и инструментария устранения технических ошибок, в силу нецелесообразного, нерационального и расточительного использования временного ресурса сотрудников правоохранительной системы.

В целях улучшения работы в данном направлении в уголовно-процессуальном законодательстве следует предусмотреть возможность внесения уточнений в материалы уголовного дела.

Правоприменительная практика знает примеры вынесения следователями, дознавателями постановлений об уточнении обстоятельств, значимых для рассмотрения уголовного дела, в котором описывается существо допущенной технической ошибки и необходимость правильной оценки.

Отсутствие нормативно-правовой регламентации данного инструментария приводит во время судебных разбирательств к спорам о юридической ценности и возможности использования данных видов документа и оставляет за судом правовое усмотрение.

Руководящий состав правоохранительной системы, в том числе надзорные органы не желают брать на себя ответственность, согласовывать и утверждать обвинительные заключения (акты, постановления), оставляя возможность судебного усмотрения и стремятся к минимизации усмотрения, замыкая все проблемы по расследованию и устранению технических ошибок, коллизий в законодательстве на должностных лицах, осуществляющих предварительное следствие и дознание.

Подводя итог, отметим, что в уголовно-процессуальном законодательстве необходимо предусмотреть специальную норму, позволяющую на любой стадии рассмотрения материалов уголовного дела и выявлении технических ошибок, вносить изменения отдельным документом, в целях оптимизации работы правоохранительной системы, соблюдения принципов разумности срока уголовного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ – Текст: электронный. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Апелляционное постановление Московского городского суда от 18 августа 2021 года № 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law>.
3. Мурсалимов А. Т. Видеопротоколирование – принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. - 2020. - № 1. - С. 161-165.
4. Уголовное дело № 12001800034000843 // Архив Отдела МВД России по Уфимскому району.

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 18 августа 2021 года № 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law>.

³ Уголовное дело № 12001800034000843 // Архив Отдела МВД России по Уфимскому району.

ЛЕОНОВА Татьяна Вячеславовна

аспирант 2-года обучения Российского государственного университета правосудия

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ДЛЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье разбирается определение роли международного содействия в уголовном судопроизводстве в функциях доказывания. Автор подытоживает, что при оформлении и предоставлении запроса о взаимной юридической помощи по уголовному делу приходится учитывать особенности международных отношений с соответственным государством, компетентным органам которого адресован запрос.

Ключевые слова: международное содействие в уголовном судопроизводстве, международный договор, иностранное государство, понятие сотрудничества, запрос о взаимной правовой помощи.

LEONOVA Tatyana Vyacheslavovna

postgraduate student of the 2nd year of study of the Russian State University of Justice

PECULIARITIES OF INTERNATIONAL COOPERATION FOR EVIDENTIARY ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the definition of the role of international assistance in criminal proceedings in the functions of evidence. The author summarizes that when making and submitting a request for mutual legal assistance in a criminal case one has to take into account the peculiarities of international relations with the relevant State, whose competent authorities the request is addressed to.

Keywords: international assistance in criminal proceedings, international treaty, foreign state, concept of cooperation, mutual legal assistance request.

Согласно Л. А. Лазутину, международно-юридическое сотрудничество – это «непрерывная и целенаправленная, совместная и согласованная, широкая по охвату и разнообразная по формам и направлениям деятельность полномочных правоохранительных органов, касающаяся относящиеся развитие государств и данная на результат общих целей в профилактике с преступностью и предоставлении действительного уголовного преследования» [4].

М. П. Глушин в значительной степени конкретно подтверждает на ответственность международного сотрудничества в досудебном расследовании: «В рамках досудебного и судебного доказывания по уголовным делам международная совместная юридическая помощь является действительно единым законным порядком сбора и проверки доказательств вне правовых способов государства, на территории которого расследуется или слушается уголовное дело» [2].

В настоящее время нет ни одного международного договора России, содержащего термин «международное участие в уголовном процессе», и ни одного национального правового акта, разъясняющего этот термин. Также нет единого мнения о значении термина «международное сотрудничество» в концепции уголовного процесса [5].

Можно выделить три основные формы межгосударственного участия в уголовном судопроизводстве. Пожалуй, самым старым и традиционным является выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора (экстрадиция). Вторая форма – исполнение ходатайств о проведении следственных или иных процессуальных действий. К ним относятся, например, допросы, обыски и другие меры по сбору доказательств, аресты, вручение процессуальных документов, извещений и повесток и т.д. Наконец, третья форма – это передача лиц, приговоренных к лишению свободы, для отбывания наказания.

Кроме того, следует иметь в виду, что международная взаимная правовая помощь в уголовном судопроизводстве тесно связана с содействием в проведении оперативных мероприятий и расследований. Это тем более верно, что не все государства разделяют раскрытие и расследование преступлений на оперативную (полицейскую) и криминалистиче-

скую деятельность, особенно на досудебных стадиях производства.

На самом деле, уголовный процесс обычно осуществляется правоохранительными органами государств, но не всегда полиция иностранных государств может вести свою деятельность отдельно, и современное развитие мирового сообщества с каждым годом все более четко проявляет эту тенденцию к постоянному расширению и укреплению международных контактов между двумя или более странами по вопросам сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства [3].

При рассмотрении правовой основы международной взаимной правовой помощи необходимо учитывать, что в ней всегда участвуют как минимум два разных государства. Поэтому такими сторонами могут быть либо международный договор, либо уголовно-процессуальные кодексы двух государств. Международная взаимная правовая помощь не может быть оказана на основании закона одного государства (например, норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Поэтому особенно важную роль в координации этого института играют международные договоры, для которых они устанавливают не только общие принципы, но и конкретные процедурные правила.

Основные положения международного сотрудничества по уголовным делам закреплены в многосторонних соглашениях, наиболее важным из которых является Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Страсбург, 20 апреля 1959 года). Согласно закону, необходимые процессуальные действия могут быть инициированы для получения доказательств, вручения документов и т.д., но не для непосредственного разъяснения определенных процессуальных вопросов, т.е. не для вынесения процессуальных решений. В частности, может быть передана просьба принять к сведению решение о признании жертвой, но не просьба о признании жертвой.

Следует подчеркнуть, что процедура передачи запросов о взаимной правовой помощи обычно является централизованной. Так, согласно статье 453 п. 2 (4) Уголовно-процессуального кодекса РФ, ходатайство о совершении процессу-

ального действия компетентным органом или должностным лицом иностранного государства должно быть подано через Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Судебное поручение, адресованное компетентным органам иностранного государства, должно содержать сведения, предусмотренные статьей 454 Уголовного- процессуального кодекса РФ. образцы документов, соответствующих требованиям иностранного государства, – согласование отдельных проблемных моментов при составлении комплекта документов, – проверка правильности составления отдельных документов и всего комплекта документов, представленного с запросом (шаблоном).

Юридическая сила доказательств, полученных за рубежом. Как уже упоминалось выше, как правило, каждая страна осуществляет все процессуальные действия на своей территории в соответствии со своими законами. В связи с этим возникает вопрос о юридической силе доказательств, полученных за рубежом по запросу Российской Федерации в ходе российского уголовного процесса. Ведь они не были получены в соответствии с процедурой, предусмотренной в ГПК РФ, а значит, на основании статей 74 и 75 ГПК РФ можно сделать вывод об их неприемлемости.

Для решения этой проблемы в международных договорах и в статье 455 УПК РФ закреплена презумпция допустимости таких доказательств: доказательства, полученные в порядке взаимной правовой помощи в иностранном государстве, имеют такую же юридическую силу, как если бы они были получены в России по правилам УПК РФ, и оцениваются наряду с другими доказательствами. Требования к обоснованности презумпции следующие:

- соблюдение процедуры взаимной правовой помощи;
- получение доказательств в соответствии с международным договором;
- надлежащее заверение доказательств (подписью и печатью должностного лица).

Условия экстрадиции и основания для отказа в экстрадиции. Эта процедура закреплена в международных договорах и статьях. 462 – 468 УПК РФ, разъясненных Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике судебного рассмотрения вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора и передачей лиц для отбывания наказания». Все вопросы экстрадиции – как передача запросов российской стороной, так и исполнение полученных запросов – относятся к компетенции Генерального прокурора Российской Федерации (хотя правовой основой принципа взаимности в отношении экстрадиции может быть только обязательство, полученное или выданное Генеральным прокурором Российской Федерации).

Правовая помощь по уголовным делам, как эффективный институт международной взаимной правовой помощи, требует смешанного режима: она должна учитывать нормы национального права и международного права. Что касается режима взаимной правовой помощи по уголовным делам, то в нем определены и закреплены основные межправительственные договоры, включая сферу исполнения запросов и производства. И, конечно, при направлении запросов о взаимной правовой помощи правоохранительные органы, будь то прокурорские или следственные работники, должны руководствоваться нормами УК РФ и учитывать положения межправительственных и межведомственных договоров.

Международные соглашения и национальное законодательство не предусматривают единых условий передачи лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в иностранном государстве. Важным условием передачи лиц является согласие лица, подлежащего передаче, которые совершили преступления в своем родном государстве, государстве постоянного проживания или на территории других государств и бежали на территорию другого государства, а затем совершили преступления на территории этого государства и были приговорены здесь к наказанию в виде ли-

шения свободы. Для того чтобы своевременно разыскать и наказать этих лиц, эффективность международного сотрудничества должна рассматриваться в целом, а не по видам лиц, поскольку осужденные не дают согласия на передачу их государству, которое угрожает им судебным преследованием.

Одним из них является экстрадиция лица для уголовного преследования или отбывания наказания. Процессуальные процедуры, связанные с этой деятельностью, регулируются главой 54 Уголовно-процессуального кодекса (статьи 460-468).

В последние годы проблема длительности запросов об экстрадиции не теряет своей актуальности.

Помощь в расследовании и судебном преследовании может опять же принимать форму запросов о совершении определенных процессуальных действий и выдаче преступников.

Интерпол также является международной организацией, которая координирует международное полицейское сотрудничество между более чем 180 странами-членами. Кроме того, Интерпол хранит информацию о похищенных предметах искусства и культуры, случаях подделки национальных банкнот, отпечатках пальцев и фотографиях преступников и пропавших без вести лиц.

В то же время НЦБ Интерпола в ходе выполнения своих функциональных задач и полномочий обеспечивает строгое соблюдение установленного порядка обращения с конфиденциальной информацией, содержащейся в международных запросах, следственных поручениях и сообщениях, оперативно-розыскных ордерах, и принимает меры по исключению возможности несанкционированного разглашения такой информации органам и/или лицам, для которых она не предназначена; поскольку категорически запрещается разглашение информации, содержащейся в

На доказательства, собранные за рубежом, также распространяется требование допустимости, при этом обеспечение допустимости доказательств, собранных за пределами Российской Федерации, осложняется необходимостью соблюдения не только четких и обычных формальных требований УПК РФ, но и международных документов.

Предлагается, чтобы компетентные органы прошли соответствующую юридическую подготовку путем изучения международных стандартов и разъяснения положений международных документов, необходимых на практике. Эти меры позволят решить вопросы, связанные с надлежащим применением международных стандартов при оказании правовой помощи по уголовным делам

Пристатейный библиографический список

1. Быкадорова Е. В. Особенности установления допустимости доказательств, полученных на территории иностранного государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 4 (84). – С. 131-136.
2. Глумин М. П. Международно-правовая помощь по уголовным делам как институт уголовно-процессуального права России: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005.
3. Егорова Д. В. Механизмы, направления и формы сотрудничества государств в борьбе с транснациональными преступлениями // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 4. – С. 94-96.
4. Лазутин Л. А. Международное сотрудничество и правовая помощь // Законность. – 2008. – № 3.
5. Филиппова Т. Ю. Понятие и виды международного сотрудничества по уголовным делам // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 1 (52).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-346-350

РЫЖКОВА Инна Александровна

соискатель ученой степени кандидата юридических наук, инспектор по особым поручениям Главного управления собственной безопасности Росгвардии

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА УВАЖЕНИЯ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Соблюдение принципов – необходимое условие для эффективного и справедливого уголовного судопроизводства. Несоответствие уголовно-процессуальных норм потребностям современного российского уголовного процесса сводит к минимуму действие механизма обеспечения принципов уголовного судопроизводства.

В целях усовершенствования российского законодательства в области соблюдения основных положений и соответствия его основным международным принципам, изучены элементы механизма по обеспечению и реализации права личности на уважение чести и достоинства на предварительном следствии, сделаны предложения по реформированию норм УПК РФ.

В результате исследования сформулировано понятие механизма реализации исследуемого принципа; систематизированы и проанализированы элементы механизма, проведено сравнительное исследование различающихся механизмов реализации изучаемого принципа некоторых зарубежных стран, предложены способы усовершенствования уголовно-процессуального законодательства в области обеспечения принципов уголовного процесса.

Ключевые слова: механизм реализации, принцип уважения чести и достоинства личности, защита прав личности, гарантии прав личности, обеспечение прав личности, следственные действия, достоинство личности.

RYZHKOVA Inna Aleksandrovna

competitor for the degree of candidate of legal sciences, inspector for special assignments of the Main Directorate of Internal Security of the Russian Guard

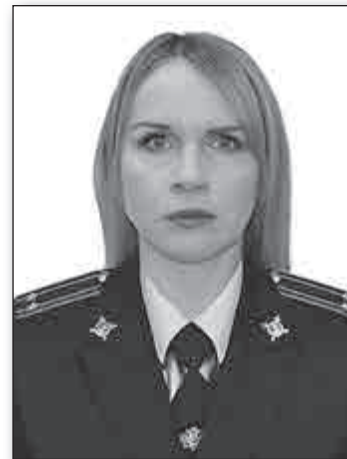
THE MECHANISM FOR IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF RESPECT FOR THE HONOR AND DIGNITY OF PERSONALITY IN PRELIMINARY INVESTIGATION

Relevance. Compliance with the principles is a prerequisite for effective and fair criminal proceedings. The inconsistency of criminal procedural norms with the needs of modern Russian criminal procedure minimizes the operation of the mechanism for ensuring the principles of criminal justice.

In order to improve Russian legislation in the field of compliance with the basic provisions and compliance with its basic international principles, the elements of the mechanism for ensuring and implementation of the individual's right to respect for honor and dignity during the preliminary investigation were studied, proposals were made to reform the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

As a result of the research, the concept of a mechanism for the implementation of the principle under study was formulated; the stages of development of this mechanism have been studied; the elements of the mechanism are systematized and analyzed, a comparative study of the different mechanisms for the implementation of the studied principle of some foreign countries is carried out, ways of improving the criminal procedural legislation in the field of ensuring the principles of the criminal process are proposed.

Keywords: implementation mechanism, the principle of respect for the honor and dignity of the individual, the protection of individual rights, guarantees of individual rights, ensuring the rights of the individual, investigative actions, the dignity of the individual.

Рыжкова И. А.

К сожалению, на практике принцип уважения чести и достоинства личности нарушается и выражается это во многих формах. Сложность в обнаружении преступных действий должностных лиц выражается в их латентности и виктимности подозреваемых (обвиняемых). Участники уголовного судопроизводства не заявляют о нарушении прав, завися от должностных лиц, боясь отрицательного влияния последних на ход расследования. Отсутствие положительной судебной практики усугубляет ситуацию (рассматриваются лишь единичные случаи, но и они вызывают общественный резонанс).

В настоящее время законодательство нуждается в системном реформировании с учетом новейших технологий, которое будет одинаково эффективно и в обычных условиях, и в чрезвычайных.

Модернизация элементов изучаемого механизма в рамках каждого следственного действия должна ориентировать-

ся на современные научные достижения и собственный опыт, а также опыт других стран. Москалькова Т.Н. отмечает, что для совершенствования правового регулирования и усиления гарантий защиты прав и свобод человека необходимо обратить внимание на вопросы цифровизации правосудия, ведения «электронных уголовных дел» и др. [9]. Уголовный процесс часто связан с мерами принуждения (обыск, освидетельствование), вторжением в частную жизнь, таким образом затрагивая основные права человека. Поэтому уголовный процесс постоянно нуждается в совершенствовании и внедрении инновационных технологий¹.

1 Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год // Российская газета - Федеральный выпуск № 80(8134).

Гарантии защиты чести и достоинства личности в законодательстве стран постсоветского пространства

Международные правила допускают ограничения некоторых прав и свобод человека, ради безопасности жизни нации, однако, такие ограничения не должны быть произвольными, они вводятся в законном порядке, и должны быть обоснованы.

Усиление влияния международных актов на разработку уголовно-процессуального законодательства стран постсоветского пространства [7].

Для дальнейшей реформации УПК РФ в части регламентации рассматриваемого принципа представляют интерес уголовно-процессуальные законы некоторых стран постсоветского периода, так как большинство из них развивалось по тому же пути, что и российское законодательство. В рамках настоящего исследования рассмотрим те положения, которые, как нам видится, наиболее важны для российского уголовного судопроизводства.

Страны Балтии представляют правовую семью, которая хоть и основывалась на УПК РСФСР, но и быстро приняла положения западных стран.

Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики² (далее — УПК Латвии) гарантирует в ст. 12 недопущения несоразмерного вмешательства в личную жизнь. Основные положения исследуемого принципа нашли закрепление в ст. 13 УПК Латвии. Ограничение прав личности в досудебном расследовании контролирует следственный судья, принимая решение о мерах пресечения, а также рассматривая жалобы в случаях неоправданного нарушения тайн, охраняемых законом.

Представляет интерес глава Уголовно-процессуального кодекса Литовской Республики³ (далее — УПК Литвы) «Возобновление уголовного дела после решения Комитета ООН по правам человека или Европейского Суда по правам человека», в которой регламентируется следование международным стандартам по защите прав личности и согласование уголовно-процессуальных норм с законодательством Европейского союза.

Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии⁴ (далее — УПК Эстонии), не разделяет принцип уважения чести и достоинства личности от принципа неприкосновенности личности, но регламентация принципа коротка и обязанность соблюдения ложиться только на должностных лиц.

Объединяет уголовные процессы России и стран Прибалтики то, что они носят «инквизиционный» характер предварительного расследования. Отличие уголовно-процессуальных кодексов прибалтийских стран от УПК РФ в регламентации некоторых следственных действий. Так изъ-

ятие образцов для сравнительного исследования и освидетельствование могут принудительно производиться только на основании постановления следственного судьи. В качестве исключения принудительное производство указанных следственных действий может быть произведено с согласия прокурора, но необходимо последующее уведомление следственного судьи.

Самым емким в части регламентации рассматриваемого принципа является Уголовно-процессуальный кодекс Грузии⁵ (далее — УПК Грузии), он постоянно подвергается реформам, с целью усиления правовых гарантий личности. Участники уголовного судопроизводства обязаны не только соблюдать, но и защищать принцип неприкосновенности достоинства личности. В рассматриваемом уголовно-процессуальном законе, в ходе задержания или ареста, регламентируется право обвиняемого на немедленное требование бесплатного медицинского освидетельствования. Кроме того, обвиняемый имеет права самостоятельно вести следствие, представляя доказательства, собранные законным образом (ст. 38).

Уголовно-процессуальный кодекс Украины (далее - УПК Украины)⁶ реформируется скачкообразно, стремясь к международным стандартам. В целом уголовно-процессуальное законодательство Украины соответствует международным нормам в области защиты прав личности. В 2012 году создается институт следственного судьи в целях обеспечения прав и свобод личности на стадии досудебного расследования.

В украинском уголовно-процессуальном праве существует институт судьи по защите прав человека. Судья может выносить решения, обеспечивающие соблюдение прав личности, которые обязательны для любого должностного лица или органа власти.

Следственный судья по заявлению лица о применении к последнему насилия, обязан сразу же назначить судебно-медицинское обследование и принять меры для безопасности личности. Эти же действия судья обязан произвести и независимо от наличия такого заявления, в случаях если очевидно по внешнему виду и состоянию лица о применении к нему насилия.

Несмотря на стремление Украины привести нормы уголовно-процессуального права в соответствие с международными стандартами, Украина среди государств Европы занимает первое место по количеству жалоб, находящихся на рассмотрении в ЕСПЧ⁷.

УПК Республики Армения⁸ (далее — УПК Армении) в части регламентации рассматриваемого принципа копирует ст. 14 Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ (далее -МУПК)⁹. Гарантией про-

2 Уголовно-процессуальный закон Латвии: (принят Сеймом 21 апр. 2005 г. и обнародован Президентом государства 11 мая 2005 г.; по состоянию на 27 сентября 2018 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lawyer-khroulev.com/wp-content/uploads/2019/09/upz-latvii-prava-i-objazannosti-uchastnikov-ugolovnogo-processa-v-latvii.pdf> (дата обращения: 21.11.21).

3 Уголовно-процессуальный кодекс Литовской Республики (принят Сеймом Литвы 14 марта 2002 г., вступил в силу 5 мая 2003 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.law.edu.ru. (дата обращения: 20.08.2017).

4 Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии: (принят 12 фев.2003 г.; вступил в законную силу 01 июля2004 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.juristaitab.ee/ru> (дата обращения: 22.11.21).

5 Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 09 окт. 2009 г. (вступил в силу с 01 окт. 2010 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://juytrial.ru>. (дата обращения: 12.09.2020).

6 Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апр. 2012 г. № 4651 VI // Ведомости Верховной Рады Украины. 2013. № 9–10, № 11–12, № 13, ст. 88; 2016. № 11, ст. 127. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://continent-online.com/Document> (дата обращения: 22.11.2021).

7 Официальный сайт Европейского суда по правам человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.echr.coe.inthttp://continent-online.com/Document (дата обращения: 22.11.2021).

8 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сент. 1998 г. № ЗР-248 (с изм. и доп., по состоянию на 22 июля. 2014 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=82645> (дата обращения 23.11.2021).

9 Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ [принят постановлением Межпарламентской

тив применения насилия является норма о праве лиц, содержащихся под стражей на медицинский осмотр и необходимое лечение.

Статьи Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики¹⁰ (далее — УПК Азербайджана) закрепляют не только принципы уголовного судопроизводства, но и положения об их обеспечении.

Производство следственных действий по УПК Азербайджана регламентируется в соответствии с МУПК.

Республика Азербайджан тесно сотрудничает с международными организациями и на законодательном уровне Республика Азербайджан стремится к соблюдению прав личности и созданию правового государства. Однако, согласно данным Комитета по предупреждению пыток, жестокое обращение со стороны полиции в Азербайджане, безнаказанность за эти действия носят систематический характер, а также отсутствует расследование заявлений о жестоком обращении и правовые гарантии не эффективны¹¹.

Военный конфликт между Арменией и Азербайджаном только усугубил ситуацию, эскалация конфликта представляет серьезную угрозу обеспечению этих прав [8].

Бремя доказывания неприменения пыток по Уголовно-процессуальному кодексу Республики Молдова¹² (далее — УПК Молдовы) ложится на учреждение, где содержится лицо. Рассматриваемый принцип в УПК Молдовы регламентируется шире, чем в МУПК. В нормах УПК Молдовы содержатся понятия «злоупотребление служебным положением», «обеспечение прав лиц, пострадавших от преступлений», «судебная ошибка». Законодательство Республики Молдова, соответствующее международным стандартам, не помешало нарушить основные начала уголовного судопроизводства. Так, в 2016 г. ЕСПЧ вынес решения по одиннадцати дел, в связи с нарушением статьи Конвенции о правах человека о запрете пыток¹³.

В УПК Республики Казахстан¹⁴ (далее — УПК Казахстана) также на законодательном уровне предприняты меры защищающие права личности, но, согласно рекомендации Комитета против пыток, законодательство Республики подлежит дальнейшему усовершенствованию [6].

Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 фев. 1996 г.] // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. — 1996. — № 10.

10 Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IQ; с изм. и доп. по состоянию на 23.04.2021 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 19.11.2021).

11 Азербайджан: пытки, безнаказанность и коррупция в центре новых публикаций Комитета против пыток. Доклад Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Страсбург, 18.07.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int> (дата обращения: 22.11.2021).

12 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (с изм. и доп. по состоянию на 12.02.2021 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729 (дата обращения: 22.11.2021).

13 Официальный сайт Европейского Суда по правам человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения 22.11.2021).

14 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по состоянию на 04.09.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 20.11.2021).

Подводя итог, заключаем, что так или иначе принцип уважения чести и достоинства личности регламентируется, и если не отдельной нормой, то в нормах, посвященных другим принципам или отдельным следственным действиям. Соответствующими международным стандартам уголовно-процессуальными кодексами следует признать УПК Латвии, УПК Азербайджана и УПК Грузии.

В качестве рекомендации, основанной на положительном опыте зарубежных стран, предлагаем законодательно закрепить право задержанного или арестованного лица требовать немедленное бесплатное медицинское освидетельствование, подобно нормам УПК Грузии.

Система элементов механизма реализации принципа уважения чести и достоинства личности при производстве следственных действий.

Элементами рассматриваемого механизма являются правовые нормы, закрепляющие права, обязанности и ответственность участников судопроизводства, системы их взаимодействия; правила и порядок производства следственных действий; восстановительные процедуры; социальные, моральные, психологические, организационные и иных факторов.

Л.М. Володина отмечает, что для обеспечения прав личности на стадиях уголовного процесса недостаточно наличие этих прав и коррелирующих им обязанностей субъектов, необходимы средства и способы для их осуществления [5]. Для исключения латентности нарушения права на уважение достоинства, предлагаем проводить допросы и другие возможные следственные действия с использованием звуко- и видеозаписывающей аппаратурой. Данное введение не только поможет произвести следственное действие, но и защитит от произвола должностных лиц, и также защитит последних от клеветы. Правильно обеспечить следственные органы электронным документооборотом. Необходимо разработать методические рекомендации для лиц, ведущих расследование и на постоянной основе проводить курсы повышения квалификации, включая обучение инновационным технологиям, применяемым в ходе производства следственных действий.

Уголовно-процессуальные принципы так и останутся декларативными, если следователь зависим от принятого руководства и прокуратурой решений, в таких условиях сложно говорить об объективном и беспристрастном расследовании. Основной задачей следователя в настоящее время является направление дел в суд в установленные сроки. К сожалению, с настоящей нагрузкой на лиц, ведущих расследование, соблюдение сроков не является гарантией прав личности, а ведет к принятию не всегда объективных решений. Необходимо рассмотреть полномочия руководителя следственного органа, который обязан гарантировать права и законные интересы участников уголовного судопроизводства. Считаем обоснованной точку зрения о необходимости отнесения следователя к судебной власти, не обременяя функциями обвинения и защиты. Проблема видится в беспристрастности судьи в дальнейшем, на стадии судебного разбирательства, так как имеет место преюдициальная сила принятого им решения о применении меры пресечения [1].

В настоящее время следователь — это должностное лицо, в системе иерархической подчиненности, о независимости следователя в российском судопроизводстве говорить не приходится [15].

Обеспечение прав человека гарантируется вынесением постановления суда на производство некоторых следственных действий, наиболее уязвляющих права личности. Кроме того, через суд можно обжаловать действия должностных лиц, решение суд обязан вынести в течении 3-х суток (но суд может и продлить рассмотрение жалобы до 10-ти суток (ст. ст. 124 и 125 УПК РФ)), но, представляется правильным ускорить порядок рассмотрения жалоб и внести изменения о немедленном рассмотрении жалоб.

Чаще всего унижается человеческое достоинство при производстве допросов и очных ставок, экспертиз и освидетельствований, обысков (в том числе личных), получении образцов для сравнительных исследований. Совокупность норм УПК РФ, регламентирующих права и обязанности участников, производство следственных действий, и другие выступает гарантиями, обеспечивающими следование уголовно-процессуальным принципам. Регламентация в УПК РФ оснований для производства следственных действий предотвращает необоснованное вторжение в личную жизнь человека.

Для некоторых следственных действий в УПК РФ предусмотрен более сложный порядок проведения. В соответствии со ст. 182 УПК РФ следователь «принимает меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе этого следственного действия обстоятельства личной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц»¹⁵.

При производстве личного обыска необходимо судебное постановление, кроме того, гарантируется, что производство личного обыска осуществляется «только лицом одного с ним пола и в присутствии понятых и специалистов того же пола»¹⁶. Однако, существуют случаи несанкционированного личного обыска, например при задержании или заключении под стражу, а также в рамках обыска в помещении.

Одним из элементов реализации принципа при допросе является запрет на его производство в ночное время, так как это можно расценить как психологическое давление на допрашиваемого. Кроме того, запрещается задавать навязывающие вопросы. Цель допроса заключается в получении информации о совершенном преступлении, и процессуальное неравенство участников является стрессом для допрашиваемого.

В целях изучения заявленной проблемы, были опрошены обвиняемые лица, следственные и оперативные работники. В ходе анкетирования выявлено мнение большинства респондентов о несостоятельности действующего законодательства защитить нарушенные в рамках следствия права личности. В ходе анонимных бесед с должностными лицами органов следствия (23 человека) получена информация о применении ими в рамках допроса запугивания с целью скорейшего получения показаний. 60 % опрошенных к методам допроса относят шантаж, обещания и допускали в ходе расследования обращение, унижающее человеческое достоинство. 50 % респондентов призналась, что для «эффективного» расследования вызывали у допрашиваемых лиц чувства страха, подавленности, не думая о нравственных страданиях.

Использование видеозаписи при производстве следственных действий помогло бы в решении некоторых про-

блем, а эффективность использования и применения специальных средств обеспечивается экспертами и специалистами [12]. В этом свете рассмотрения вопроса вызывает сомнение положение нормы ст. 170 УПК РФ о том, что в случае невозможности применения технических средств в ходе следственного действия, следователь делает отметку об этом в протоколе. А.Р. Белкин, при таком уточнении, назвал обязанность следователя использовать технические средства «чистой фикцией» [3]. Считаем, что применение технических средств должно носить обязательный характер. Как мы говорили выше, современные средства фиксации позволяют более объективно зафиксировать информацию, чем следователь [14]. В соответствии с ч.6 ст. 164 УПК РФ, следователь может «при производстве следственных действий применять технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств», однако на практике следователи редко пользуются техникой. П.С. Пастухов, заглядывая в будущее, призывает отказаться от бумажного протоколирования и использовать записи хода и результатов, произведенные с помощью специальной аппаратуры [10].

Освидетельствование – затрагивает неотъемлемые права человека. Освидетельствование, сопряженное с обнажением тела человека проводят лица одного пола. Следственное действие «освидетельствование» надо различать от судебно-медицинского освидетельствования, которое не является процессуальным действием и регулируется законодательством о здравоохранении.

В ходе освидетельствования недопустимы унижающие честь и достоинство действия. УПК РФ предусматривает принудительное освидетельствование, которое было бы правильным обеспечить дополнительными гарантиями. Получение судебного постановления занимает значительное время, которого иногда нет - можно потерять не восстанавливаемые следы преступления. Считаем, что необходимо предусмотреть возможность принудительного освидетельствования подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего безотлагательно по решению следователя, с последующим обоснованием и получением судебного постановления санкции.

Аналогично складывается ситуация в отношении другого следственного действия -получения образцов для сравнительного исследования, по смыслу закона, в случае отказа от сотрудничества образцы могут быть получены принудительно¹⁷.

Ничто, включая борьбу с преступностью, не разрешает государству нарушать права личности, однако принуждение может быть законно [13]. Следовательно, необходимо рассмотреть возможность принудительного изъятия образцов для сравнительного исследования по решению суда.

В корректировке нуждаются нормы, регламентирующие порядок производства экспертиз, необходимо отметить в них положение о том, что следователь должен быть одного пола с исследуемым. Таким образом, условия производства следственного действия минимизируют унижение личности.

Гарантии соблюдения прав личности при производстве следственных действий – следственный эксперимент и проверка показаний на месте - содержатся в ст. ст. 181 и 194 УПК РФ, в которых запрещено воссоздавать условия, опасные для

15 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (дата обращения: 22.11.2021).

16 Там же.

17 См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ/ под ред. В.И. Радченко, В.Т. Томина, М.П. Полякова. М., 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.09.2019).

жизни и здоровья, а также унижающие человеческое достоинство.

Полагаем, с целью единства правоприменения, отразить в ст. 164 УПК РФ, норму о том, что следственные действия необходимо производить в соответствии с принципами уголовного процесса.

Острая полемика ведется относительно института понятий в уголовном судопроизводстве. Статьей 170 УПК РФ предусмотрены следственные действия, при которых можно не привлекать понятий, используя вместо них средства фиксации. Записи технических средств несут большую информативность относительно протоколирования и с их помощью легко воссоздать все следственное действие [11]. Кроме того, современные технические средства смогут зафиксировать особенности не только предметов, но и поведения участвующих лиц, которые сложно отразить в протоколе [2].

Нам близка позиция ученых, предлагающих упразднить институт понятий, на это есть несколько оснований: понятые – это случайные люди, не всегда добросовестно выполняющие свою гражданскую обязанность; понятые должны быть психологически устойчивы; большой риск нарушить тайну следствия; необходимость понятых в целях гарантий не нарушения прав и фиксации действий профессионала (следователя) спорна. Для целей гарантии от произвола следственных работников лучше служат современные средства фиксации.

Сформулированные теоретические положения о гарантиях соблюдения принципа уважения чести и достоинства на предварительном следствии обогатят научную дисциплину уголовного процесса новыми представлениями о реализации принципа.

Пристатейный библиографический список

1. Адилев С.А. Следственный судья в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан // Труды Академии управления МВД России. - 2017. - № 1. - С. 41.
2. Баиров А.Т. О необходимости законодательного регулирования участия понятых в уголовном судопроизводстве // Современные проблемы теории и практики права глазами современных исследователей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esstu.ru/library/> (дата обращения: 18.09.2021).
3. Белкин А.Р. Новеллы уголовно-процессуального законодательства – шаг вперед или возврат на проверенные позиции? // Уголовное судопроизводство. - 2013. - № 6. - С. 5
4. Большакова О.В. Судебная реформа 1864 года и формирование правовой культуры в дореволюционной России (обзор англоязычной литературы). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regiment.ru>. (дата обращения 12.08.2016)
5. Володина Л.М. Новые проблемы возбуждения уголовного дела // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003. – С. 25.
6. Выступление Турсунова С.Т., председателя Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан на семинаре ОБСЕ по человеческому измерению «Эффективность национальных превентивных мер против пыток, в том числе в рамках Факультативного протокола к Конвенции ООН против пыток» (Варшава, 12–14 мая 2009 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yandex.ru/clck> (дата обращения 12.09.2020)
7. Головкин Л.В. Вторая волна постсоветских уголовно-процессуальных кодификаций: первый итоги. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ysu.am/files/06L_Golovko_r.pdf (дата обращения: 21.11.2021).
8. Комиссар Совета Европы по правам человека Дуня Миятович. Нагорный Карабах: эскалация конфликта представляет серьезную угрозу для прав человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/> (дата обращения 22.11.2021)
9. Москалькова Т.Н. Философско-правовые аспекты защиты прав человека в условиях распространения новой коронавирусной инфекции // Защита прав человека в условиях распространения новой коронавирусной инфекции: теория и практика: сборник материалов научно-практической конференции. Москва, 25 ноября 2020г. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2021. – С. 7
10. Пастухов П.С. О необходимости замены в уголовном судопроизводстве письменного протокола электронным документом // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 3 (58). – С. 22.
11. Россинский С.Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article> (дата обращения: 18.09.2021).
12. Светличный А.А. О роли и значении эксперта и специалиста на первоначальном этапе расследования преступлений // Актуальные вопросы юриспруденции / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Екатеринбург. - 2015. - № 2 - С. 47-48.
13. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Подготовлен с использованием правовых актов по состоянию на 1 января 2012 г. под общ. Ред. проф. А.В. Смирнова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.09.2019).
14. Стельмах В.Ю. Современные проблемы фиксации хода и результатов производства следственных действий и возможные пути их решения // Актуальные проблемы российского права. - 2016. - № 7 (68) DOI: 10.17803/1994-1471.2016.68.7.152-159 (с. 152)
15. Счастливец Ю. «Следственный судья»: возвращение института. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kaktam.info> (дата обращения: 16.02.2015).

ЧИКОВАНИ Маргарита Андреевна

адъюнкт третьего года очной формы обучения кафедры предварительного расследования ФГНПинК Московского университета МВД РФ имени В. Я. Кикотя

ИНСТИТУТ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ – КУЛЬМИНАЦИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Анализируя исследование проблем института предъявления обвинения, автор на примере практического опыта деятельности следователя рассматривает некоторые нерешенные вопросы относительно реализации норм данного института по действующему законодательству, обосновывая свои предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: привлечение в качестве обвиняемого, защитник, обвиняемый, следователь, немедленный допрос, соблюдение принципа законности, права обвиняемого.

CHIKOVANI Margarita Andreevna

adjunct of the 3rd year of full-time study of Preliminary investigation sub-faculty of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

THE INSTITUTION OF THE INDICTMENT IS THE CULMINATION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Analyzing the study of the problems of the institution of indictment, the author, using the example of the practical experience of the investigator, examines some unresolved issues regarding the implementation of the norms of this institution under the current legislation, justifying his proposals for its improvement.

Keywords: involvement as an accused, defender, accused, investigator, immediate interrogation, compliance with the principle of legality, the rights of the accused.

Только суд может признать подсудимого виновным, о чем декларирует ч. 1 ст. 49 Конституции РФ. Однако, ещё долго до приговора суда, следователь принимает решение о привлечении лица к уголовной ответственности и выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого именно в ходе досудебного производства. На страницах юридической печати встречается мнение, что использование терминологии «привлечение к уголовной ответственности» без прямой связи с обвинительным приговором может противоречить презумпции невиновности [5, с. 312]. Надо согласиться с тем, что интегративного разрешения такого разногласия УПК РФ не предлагает. Тем не менее, в науке уголовно-процессуального права устоявшимся считается утверждение о том, что понятия «привлечение к уголовной ответственности» и «привлечение в качестве обвиняемого» являются тождественными. Данный тезис одна из первых высказала и доказала Корнеева Л. М. в ходе своих диссертационных исследований [2, с. 324; 3, с. 687], обосновав идентичность данных понятий, справедливо указывая на то, что «Привлечение к уголовной ответственности в уголовно-процессуальном смысле понимается как привлечение конкретного лица в качестве обвиняемого особым актом органа расследования» [2, с. 286].

Основания и порядок привлечения лица в качестве обвиняемого регламентированы нормами главы 23 УПК РФ. Несмотря на тот факт, что в научных кругах высказываются мнения относительно целесообразности сохранения данного института в уголовно-процессуальном законе [1, с. 38], автор статьи, имеющий практический опыт работы в следственных подразделениях, не разделяет подобных взглядов и считает этап предъявления обвинения центральным и существенным в системе предварительного следствия.

Сегодня процедура привлечения лица в качестве обвиняемого имеет высшую степень процессуальной регламентации. И все же отдельные моменты нуждаются, на наш взгляд, в корректировке.

Порядок предъявления обвинения представляется механизмом, состоящим из строго определённых последовательных действий следователя. Во-первых, следователь выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, согласно положениям нормы 171 УПК РФ. Во-вторых, составляет письменное извещение лица о дате предъявления обвинения, с одновременным разъяснением права приглашения защитника, либо обеспечения его участия, согласно ст. 50

УПК РФ. В-третьих, следователь удостоверяется в личности лица, которому предъявляется обвинение. В-четвертых, объявляется постановление о привлечении в качестве обвиняемого, разъясняется существо обвинения, что согласуется с международными стандартами¹, согласно которым обвиняемый должен быть незамедлительно и подробно уведомлен на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения. Одновременно с этим, следователь разъясняет права обвиняемому, предусмотренные ст. 47 УПК РФ. В-пятых, копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого вручается обвиняемому и его защитнику/защитникам, а в случае если обвиняемый не владеет языком, на котором ведется судопроизводство, то и само постановление о привлечении в качестве обвиняемого должно быть заранее переведено на родной для обвиняемого язык и вручено ему (ч. 3 ст. 18, ч. 8 ст. 172, п. 2 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Процессуальный порядок привлечения в качестве обвиняемого завершается допросом обвиняемого, в связи с указанием закона на немедленность его производства (ч. 1 ст. 173 УПК РФ).

С точки зрения законности действий следователя, трудно переоценить важность соблюдения процессуального порядка, при котором осуществляется привлечение лица в качестве обвиняемого, поскольку этот алгоритм является гарантией осуществления обвиняемым права на защиту. Лишь при точном соблюдении порядка ознакомления с постановлением и разъяснением сущности обвинения право обвиняемого на защиту будет реально осуществлено [4, с. 12].

Остановимся более подробно на некоторых проблемных ситуациях, которые возникают в практической деятельности следователя при разъяснении сущности обвинения и немедленном допросе обвиняемого.

Нормы главы 23 УПК РФ прямо не устанавливают обязательность прочтения всего текста постановления о привлечении в качестве обвиняемого, но указывают на обязанность объявления постановления и разъяснения сущности предъ-

1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 п. «а» ч. 3 ст. 6 (ETS No 5). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 22.11.2021); Международного Пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 п. «а» ч. 3 ст. 14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/law/mezhdunarodnyi-pakt-ot-16121966-ograzhdanskikh-i/chast-i/statia-1/> (дата обращения: 22.11.2021).

явленного обвинения (ч. 5 ст. 172 УПК РФ). Статья 24 Конституции РФ закрепляет обязанность должностных лиц обеспечить каждому гражданину возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы, а УПК РФ гарантирует обвиняемому право знать, в чем он обвиняется и давать пояснения по предъявленному обвинению (п. 1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Правовая регламентация данной процедуры допускает, что при предъявлении обвинения обвиняемый вправе сам, лично читать полностью весь текст постановления о привлечении в качестве обвиняемого, либо вправе слушать прочтение этого документа вслух следователем (защитником). Каким именно образом прошло ознакомление с рассматриваемым процессуальным документом фиксируется в самом постановлении о привлечении в качестве обвиняемого². Однако и после ознакомления с документом следователь обязан разъяснить существо предъявленного обвинения, после чего немедленно допросить обвиняемого.

Проблемной является ситуация, при которой объем предъявленного обвинения очень велик (например, более 100 страниц³) и сама процедура ознакомления с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого затягивается до нескольких дней. При этом, если допустить, что обвиняемый не владеет языком, на котором ведется судопроизводство, то процедура предъявления обвинения может занимать от нескольких дней до месяца, а то и более. Предполагал ли законодатель такую продолжительность данного процессуального действия? При этом заметим, что остро стоит вопрос и с производством немедленного допроса обвиняемого. Возможно ли допросить обвиняемого немедленно, в тот же день и час, как только ему будет предъявлено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, если само ознакомление с процессуальным документом тянется несколько дней? Не следует забывать при этом, что следователь должен обеспечить право на защиту, что предполагает не только обеспечение участия защитника, но и необходимость предоставления времени обвиняемому для обдумывания сущности обвинения и определения его правовой позиции защиты. На все это нужно время, которое по тексту УПК РФ не предусмотрено для данной процессуальной процедуры. В результате, в правоприменительной практике, следователь должен находить такие пути решения обозначенной проблемы, которые позволяют ему не нарушать принципиальные положения уголовного судопроизводства и прежде всего соблюдать принцип законности.

Для разрешения рассматриваемой проблемной ситуации правоприменительная практика использует различные варианты. Были ситуации, когда следователи заранее предоставляют постановление о привлечении в качестве обвиняемого защитнику и его клиенту. Делалось это с тем, чтобы при фактическом предъявлении обвинения сторона защиты уже была осведомлена о содержании постановления и сущности обвинения. Отметим, что этот путь не разрешил обозначенной проблемы, поскольку при фактическом предъявлении обвинения сторона защиты вновь знакомилась с полным текстом постановления о привлечении в качестве обвиняемого, пытаясь найти несовпадения в тексте (имеется в виду между постановлением о привлечении в качестве обвиняемого и проектом подобного постановления, который был предоставлен стороне защиты заранее), выражая таким образом недоверие субъекту расследования.

Были предприняты попытки начинать допрос обвиняемого в тот день, когда заканчивалось ознакомление с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, а сам допрос обвиняемого проходил в двое суток, с перерывом (на ночное время), что отражалось в протоколе допроса обвиняемого. К сожалению, в этом случае, в действиях следова-

теля сторона защиты усматривала нарушения требований уголовно-процессуального закона, что выражалось в соответствующих ходатайствах. При этом заметим, что допрос обвиняемого нельзя проводить неоднократно, а производить повторный допрос обвиняемого допустимо лишь по его просьбе, что объясняется необходимостью исключения даже гипотетической возможности давления со стороны органов расследования (ч. 4 ст. 173 УПК РФ).

Допрос обвиняемого имеет важнейшее значение для расследования. Решение о привлечении в качестве обвиняемого принимается следователем до решения об окончании расследования, прежде всего потому, что не получены и не проверены показания обвиняемого. После допроса обвиняемого следует обязательная проверка данных показаний и бывают ситуации, когда следователи пересматривают квалификацию или объем обвинения, а то и вовсе прекращают уголовное преследование в отношении лица в случае, если для этого выявились основания после проверки показаний обвиняемого.

Таким образом, полученные показания обвиняемого, имеют важнейшее значение для всего расследования. Однако, проводить немедленный допрос, соблюдая требования ст. 173 УПК РФ порой не только затруднительно, но и невозможно. Более того, допрос не проведенный «немедленно» фактически нарушает права обвиняемого на защиту. Мы убеждены, что для осмысления обвинения и дачи показаний по каждому эпизоду предъявленного обвинения человеку необходимо время. Не всегда и не по каждому уголовному делу обвиняемый может НЕМЕДЛЕННО дать показания. Особенно остро это проявляется при предъявлении объемного обвинения. Невольно задаешься вопросом: действительно ли законодатель, употребляя термин «немедленно» в ч. 1 ст. 173 хотел поставить участников судопроизводства в условия, при которых закон необходимо соблюдать вопреки здравому смыслу? Полагаем, что требование законодателя о немедленном допросе обвиняемого в порядке ст. 173 УПК РФ на сегодня устарело. Такие временные категории как «немедленно», «в тот же час», «незамедлительно» были характерны для Устава уголовного судопроизводства 1864 года, когда правовая регламентация уголовно-процессуальной деятельности была в самом зачатке

В попытках разрешить рассматриваемую проблему, полагаем необходимым урегулировать возникающие проблемные ситуации при предъявлении обвинения на законодательном уровне. Для этого предлагается исключить из ч. 1 ст. 173 УПК РФ термин «немедленно» и предоставить субъекту расследования право осуществлять допрос обвиняемого в срок не позднее трех суток с момента окончания предъявления обвинения, используя по аналогии такой же срок, который установлен законодателем для предъявления обвинения после вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого в ч. 1 ст. 172 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Гаврилов Б. Я. Предъявление обвинения: современное состояние и проблемы правоприменения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. - 2010. - № 10.
2. Корнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности по советскому праву (уголовно – процессуальное и криминалистическое исследование): дис. ... докт. юрид. наук. - Москва, 1970.
3. Корнеева Л. М. Процессуальные основания и порядок привлечения к уголовной ответственности в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. - Москва, 1955.
4. Корнеева Л. М. Процессуальные основания и порядок привлечения к уголовной ответственности в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Москва, 1955.
5. Ткачевский Ю. М. Уголовная ответственность и ее принципы // Ученые-юристы МГУ о современном праве / Под ред. М. К. Треушникова. - М., 2005.

2 По результатам анкетирования 98 % респондентов утвердительно ответили на вопрос о том, фиксируется ли в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого факт ознакомления с постановлением: путем личного прочтения либо прочтения документа вслух следователем.

3 Материалы уголовного дела № 11801450007001051, возбужденного следователем СЧ по РОПД СУ УВД по ЗАО ГУ МВД России по гор. Москве в 2018 г., где постановление о привлечении в качестве обвиняемого составило 387 страниц.

ВОЛХОВСКИЙ Роман Алексеевич

аспирант кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета

ЛИЦА, ОСУЖДЕННЫЕ К НАКАЗАНИЯМ, НЕ СВЯЗАННЫМ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА, КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается уголовно-правовая характеристика лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и представляющих собой объект социальной адаптации и ресоциализации со стороны сотрудников учреждений российской пенитенциарной системы. Автором утверждается необходимость применения комплексного индивидуального подхода к ресоциализации осужденных.

Ключевые слова: объект ресоциализации, социальная адаптация, осужденные, правоохранительная деятельность, наказания без изоляции от общества, профилактика правонарушений.

VOLKHOVSKY Roman Alekseevich

postgraduate student of Law enforcement, criminal law and process sub-faculty of the Pskov State University

PERSONS SENTENCED TO PUNISHMENTS NOT RELATED TO ISOLATION FROM SOCIETY AS AN OBJECT OF SOCIAL ADAPTATION AND RESOCIALIZATION

The article examines the criminal-legal characteristics of persons sentenced to punishments not related to isolation from society, which are an object of social adaptation and resocialization on the part of employees of institutions of the Russian penitentiary system. The author argues the need for a comprehensive individual approach to the resocialization of convicts.

Keywords: object of resocialization, social adaptation, convicts, law enforcement, punishment without isolation from society, prevention of offenses.

В контексте правоотношений, возникающих в сфере реализации профилактических мероприятий по предупреждению правонарушений, осужденные лица, состоящие на учете уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ), несомненно, выступают в качестве объекта профилактических мероприятий.

Данные официальной статистики ФСИН России фиксируют, что в 2020 г. на учете УИИ состояло 463 тыс. 717 человек [1]. Столь значительное число лиц, одновременно состоящих по всей стране на учете УИИ, связано с расширением практики назначения наказаний, альтернативных лишению свободы.

Как отмечают отдельные исследователи, доля лиц, осужденных к наказанию в виде ограничения свободы, за последнее время выросла более чем в 4 раза. В 2 раза увеличилась доля осужденных к наказанию в виде исправительных работ, в 2,5 раза возросло количество осужденных на обязательные работы [2, с. 32].

По официальным данным судебной статистики за первое полугодие 2021 г. в качестве основного вида наказания к ограничению свободы, было приговорено 9 тыс. 918 чел., к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – 69 чел., к штрафу – 32 тыс. 216 чел., к исправительным работам – 22 тыс. 327 чел., к обязательным работам – 44 тыс. 64 чел., к принудительным работам – 527 чел., а также условно осуждено к наказаниям альтернативным лишению свободы – 5 тыс. 650 чел. В общей сложности это 114 тыс. 771 чел., что составляет 42 % от 273 тыс. 888 чел. всех осужденных за первое полугодие 2021 г. Таким образом, приведенные выше данные наглядно показывают, что за первые шесть месяцев 2021 г. доля лиц, которым было назначено основ-

ное наказание в виде ограничения свободы, составляет 3,6 % от общего числа осужденных за представленный отчетный период. В свою очередь, аналогичный показатель относительно лиц, осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, составляет 0,025 %; к штрафу – 11,8 %; к исправительным работам – 8,6 %; к обязательным работам – 16,1 %; к принудительным работам – 0,19 % [3].

Весьма актуальную информацию, проливающую свет на степень общественной опасности противоправных деяний, совершенных лицами, приговоренными к наказаниям, альтернативным лишению свободы, предоставляют данные, характеризующие степень тяжести преступлений, совершенных рассматриваемой нами категорией осужденных.

Так, за первый квартал 2021 г. из 114 тыс. 771 лиц, к наказаниям без изоляции от общества, было осуждено:

1) 94 тыс. 241 чел. за совершение преступлений небольшой тяжести (из них 8 тыс. 328 чел. – к ограничению свободы; 19 тыс. 691 чел. – к исправительным работам; 36 тыс. 693 чел. – к обязательным работам; 311 чел. – к принудительным работам; 4 чел. – к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 24 тыс. 238 чел. – к штрафу; 4 тыс. 976 чел. – условно осуждено к наказаниям альтернативным лишению свободы);

2) 15 тыс. 927 чел. за совершение преступлений средней тяжести (из них 1 тыс. 444 чел. – к ограничению свободы; 2 тыс. 278 чел. – к исправительным работам; 7 тыс. 1 чел. – к обязательным работам; 137 чел. – к принудительным работам; 24 чел. – к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 4 тыс. 388 чел. – к штрафу; 655 чел. – условно осуждено к наказаниям альтернативным лишению свободы);

3) 4 тыс. 498 чел. за совершение тяжких преступлений (из них 141 чел. – к ограничению свободы; 357 чел. – к исправительным работам; 367 чел. – к обязательным работам; 77 чел. – к принудительным работам; 40 чел. – к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 3 тыс. 497 чел. – к штрафу; 19 чел. – условно осуждено к наказаниям альтернативным лишению свободы);

4) 105 чел. за совершение особо тяжких преступлений (из них 5 чел. – к ограничению свободы; 1 чел. – к исправительным работам; 3 чел. – к обязательным работам; 2 чел. – к принудительным работам; 1 чел. – к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 93 чел. – к штрафу);

5) 2 тыс. 377 чел. за совершение неосторожных преступлений (из них 1 тыс. 652 чел. – к ограничению свободы; 205 чел. – к исправительным работам; 190 чел. – к обязательным работам; 32 чел. – к принудительным работам; 1 чел. – к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 262 чел. – к штрафу; 35 чел. – условно осуждено к наказаниям альтернативным лишению свободы) [3].

Анализ доли совершенных преступлений каждой категории тяжести в общей совокупности всех приговоров к наказаниям, альтернативным лишению свободы, вынесенных судами в первой половине 2021 г., показывает, что в процентном отношении преступления небольшой тяжести составляют 82 %, преступления средней тяжести – 13,8 %, тяжкие преступления – 3,9 %, особо тяжкие преступления – 0,09 %, неосторожные преступления – 2,07 %.

Осужденные лица, состоящие на учете УИИ, с точки зрения применения к ним мер ресоциализации представляют собой сложный социальный объект, который одновременно должен рассматриваться в коллективном и индивидуальном выражении. Как единая совокупность – лица, осужденные к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, являются отдельной категорией осужденных, которая может быть дифференцирована по виду отбываемого наказания, социальному статусу, уровню образования, возрасту, полу, характеру занятости (ранее вопросы особенности личности осужденных без изоляции от общества раскрывались в литературе) [4, с. 96–98], анализировались и особенности субъекта предупредительно-профилактического воздействия [5, с. 32–35].

На конец 2020 г. на учете УИИ состояло:

– 240 тыс. 118 условно осужденных (аналогичный показатель за 2019 г. составлял 256 тыс. 387 чел.);

– 40 тыс. 152 осужденных на исправительные работы (аналогичный показатель за 2019 г. составлял 44 тыс. 269 чел.);

– 31 тыс. 247 осужденных на обязательные работы (аналогичный показатель за 2019 г. составлял 30 тыс. 695 чел.);

– 38 тыс. 559 осужденных к ограничению свободы (аналогичный показатель за 2019 г. составлял 38 тыс. 801 чел.);

– 132 тыс. 824 осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (аналогичный показатель за 2019 г. – 138 тыс. 574 чел.) [1].

При этом на конец отчетного периода 2019 г. состав осужденных, состоящих на учете УИИ, из каждой подкатегории был представлен в следующем виде:

1) из числа лиц, осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, на учете состояло 133 тыс. 254 мужчин и 5 тыс. 320 женщин; 42 тыс. 448 чел. ранее привлекавшихся к уголовной ответственности; 71 тыс. 555 чел. незанятых трудом, либо учебой; 1 тыс. 550 инвалидов; 130 чел. без определенного места жительства; 1002 иностранных граждан;

2) из числа лиц, осужденных к обязательным работам, на учете состояло 27 тыс. 581 мужчин и 3 тыс. 114 женщин; 10 тыс. 160 чел. ранее привлекавшихся к уголовной ответственности; 14 тыс. 6 чел. незанятых трудом, либо учебой; 385 инвалидов; 114 чел. без определенного места жительства; 407 иностранных граждан;

3) из числа лиц, осужденных к исправительным работам, на учете состояло 37 тыс. 314 мужчин и 6 тыс. 955 женщин; 19 тыс. 286 чел. ранее привлекавшихся к уголовной ответственности; 11 тыс. 383 чел. незанятых трудом, либо учебой; 338 инвалидов; 135 чел. без определенного места жительства; 222 иностранных граждан;

4) из числа лиц, осужденных к ограничению свободы, на учете состояло 34 тыс. 215 мужчин и 4 тыс. 586 женщин; 16 тыс. 161 чел. ранее привлекавшихся к уголовной ответственности; 20 тыс. 970 чел. незанятых трудом, либо учебой; 1026 инвалидов.

Анализ данных полученных нами в ходе анкетирования практических работников УИИ показывает, что в большинстве случаев сотрудникам приходится проводить мероприятия по социальной адаптации и ресоциализации с осужденными, которые имеют общее среднее образование (37 %), среднее профессиональное образование (34 %), либо основное общее и начальное образование (24 %). В свою очередь, доля осужденных с высшим образованием, состоящих на учете УИИ, составляет всего 5 %.

Как показывают данные проведенного нами анкетирования, социальный статус таких лиц представлен в основном следующими социальными группами: рабочие (68 %); работники сельского хозяйства (10 %); служащие коммерческой или иной организации (8 %); лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность или участвующие в предпринимательской деятельности (7 %); учащиеся и студенты (4 %); государственные и муниципальные служащие (2 %); сотрудники правоохранительных органов, в том числе органов прокуратуры, следствия (1 %).

Род занятий лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и состоящих на учете УИИ, согласно данным проведенного нами анкетирования, варьируется в пределах следующих четырех категорий: нетрудоспособные и не работающие лица – 28 %; трудоспособные и трудоустроенные лица с постоянным источником дохода – 23 %; трудоспособные лица без постоянного источника дохода – 37 %; безработные трудоспособные – 12 %. При этом до постановки на учет в УИИ, в связи с отбыванием наказания без изоляции от общества, 3 % данных лиц занимались высококвалифицированным трудом, 18 % – занимались среднеквалифицированным трудом, 26 % – занимались низкоквалифицированным трудом, 16 % – официально были безработными, 25 % – занимались трудом, но без официального трудоустройства, 12 % – официально не были безработными и не занимались трудом.

В то же время каждый отдельно взятый осужденный представляет собой индивидуальную личность, как объект ресоциализации имеет следующие характерные черты: степень криминогенной зараженности личности, приверженность общепринятым ценностям, наличие алкогольной, наркотической или иной зависимости. Помимо этого, осужденные могут иметь индивидуальные мотивы и взгляды на ресоциализацию, на ее полезность и необходимость непосредственно для них самих.

Осужденные могут как негативно относиться к мероприятиям по их ресоциализации и социальной адаптации, так и нейтрально, то есть активно не препятствовать ресоциализации, но и не иметь заинтересованности в этом процессе. Многие же осужденные просто не хотят вставать на путь исправления, брать в свои руки ответственность за свою жизнь. Кроме того, ситуацию усугубляет высокая подверженность осужденных, состоящих на учете в УИИ, алкогольной, наркотической и иной зависимости. Сотрудникам УИИ, как субъекту ресоциализации, следует учитывать эти факторы при работе с осужденными [6, с. 32–35].

Отдельное внимание стоит обратить на проблему повторной преступности среди лиц, отбывающих наказания без лишения свободы.

Анализ материалов судебной практики показывает, что лица, осужденные к альтернативным лишению свободы наказаниям, чаще всего в период отбывания данного вида наказания совершают противоправные деяния по тем же уголовным статьям, по которым они до этого были осуждены к наказанию без лишения свободы. Данная тенденция может свидетельствовать о том, что ресоциализация осужденных сотрудниками УИИ не проводится на должном уровне. По мнению самих работников УИИ, у данной категории осужденных после вынесения им наказания, альтернативного лишению свободы, появляется ложное чувство безнаказанности, что и приводит к повторным правонарушениям [7, с. 51–56]. Однако наличие указанного факта лишней раз подтверждает то, что ресоциализация требуется осужденным к наказаниям без лишения свободы ничуть не меньше, чем лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы.

Для того чтобы мероприятия по ресоциализации и социальной адаптации осужденных, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества, достигали своей положительной цели, сотрудникам УИИ требуется подбирать к каждому отдельно взятому осужденному индивидуальный подход и выстраивать персональную траекторию ресоциализации. Работа по ресоциализации требует от сотрудников УИИ придания ей большей социальной направленности, так как без этого невозможно на должном уровне осуществлять ресоциализирующие мероприятия, качество проведения которых оказывает прямое влияние на дальнейшую судьбу человека.

Пристатейный библиографический список

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>.
2. Ольховик Н. В. Наказания, не связанные с лишением свободы, и проблемы их реализации // Сборник материалов VIII Всероссийского совещания руководителей уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, территориальных органов ФСИН России (29–31 мая 2019 г.). – Москва, 2019. – С. 32–40.
3. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания (форма № 10.1). Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2021 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5895>.
4. Борисенко И. В., Смирнова И. Н. Особенности профилактики преступлений осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций // Закон и право. – 2012. – № 1. – С. 96–98.
5. Смирнова И. Н., Борисенко И. В. О субъекте управления уголовно-исполнительными инспекциями в сфере предупреждения повторных преступлений осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // Российский следователь. – 2012. – № 10. – С. 32–35.
6. Смирнова И. Н., Тарабуев Л. Н. О организационно-правовом обеспечении деятельности уголовно-исполнительных инспекций по предупреждению повторных преступлений лиц, состоящих на их учете // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 1 (84). – С. 32–35.
7. Смирнова И. Н. Организационно-правовое регулирование предупреждения повторных преступлений осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций // Международный пенитенциарный журнал. – 2016. – № 1. – С. 51–56.

ГОРДОПЛОВ Андрей Николаевич

адъюнкт Факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии права и управления ФСИН России

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗЛОСТНЫХ НАРУШИТЕЛЕЙ РЕЖИМА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье рассматриваются проблемы, существующие в области привлечения осужденных, совершивших злостные нарушения режима отбывания наказания, к дисциплинарной ответственности. Анализ правоприменительной деятельности позволил выработать предложения, предусматривающие правила назначения и исполнения мер взысканий, в отношении указанной категории осужденных. Вследствие чего, автором предлагается ряд дополнений, среди которых: возможность условного водворения в ШИЗО, а также применение дисциплинарного штрафа; законодательное закрепление порядка привлечения осужденного к лишению свободы к ответственности за совершение злостного нарушения режима отбывания наказания; нормативная регламентация правил наложения взысканий за совершение двух и более злостных нарушений; основания освобождения осужденного от ответственности; оснований приостановления исполнения наложенных взысканий в отношении осужденных; срока, в течение которого злостный нарушитель считается подвергнутым мерам взыскания, с дифференцированным подходом для осужденных взрослых и осужденных несовершеннолетних.

Ключевые слова: злостный нарушитель, злостное нарушение, дисциплинарный штраф, штрафной изолятор, наложение взыскания, осужденный.

GORDOLOV Andrey Nikolaevich

adjunct of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PENAL ENFORCEMENT LEGISLATION REGULATING THE LIABILITY OF MALICIOUS VIOLATORS OF THE REGIME OF SERVING A SENTENCE OF IMPRISONMENT

The article discusses the problems existing in the field of bringing convicts who have committed malicious violations of the regime of serving a sentence to disciplinary responsibility. The analysis of law enforcement activity made it possible to develop proposals providing for the rules for the appointment and execution of penalties in relation to this category of convicts. As a result, the author proposes a number of additions, including: the possibility of conditional placement in a detention center, as well as the application of a disciplinary fine; legislative consolidation of the procedure for bringing a convicted person to imprisonment to responsibility for committing a malicious violation of the regime of serving a sentence; regulatory regulation of the rules for imposing penalties for committing two or more malicious violations; grounds for releasing a convicted person from responsibility; grounds for suspending the execution of imposed penalties against convicted persons; the period during which a malicious violator is considered to be subjected to penalties, with a differential.

Keywords: malicious violator, malicious violation, disciplinary fine, penal isolation, imposition of penalties, convicted.

В последнее время при упоминании преюдиции в уголовно-исполнительном праве в научной литературе предлагаются идеи наложения водворения в ШИЗО условно по аналогии с применением условного осуждения в уголовном праве [10, с. 108]. В. С. Епанешников убежден, что условное наложение взыскания повысит его эффективность воспитательного воздействия [3, с. 228]. С. А. Бабаян предлагает ввести срок действия условного взыскания, в течение которого в отношении осужденного, при повторном совершении проступка взыскание будет исполнено. Данный период должен составлять от трех до шести месяцев [1, с. 195]. Думается, что данная мера в отличие от выговора внесет реальные ограничения правосубъектности осужденного, предусмотренные данным взысканием, однако исключаящие сам факт реальной физической изоляции осужденного в камерное помещение. В правоприменительной практике возникает своеобразный испытательный срок, длительностью пятнадцать суток. Предположительно данный период времени может выступить сдерживающим фактором для осужденного, совершившего проступок, стимулируя его правопопунктное поведение. В противном случае, при допущении таким лицом нарушения, будет применена его реальная изоляция в камерное помещение в рамках действующего взыскания. Предложенная позиция является целесообразной для законодательного закрепления, расширения дифференцированного подхода при применении мер пенитенциарной ответственности к злостным нарушителям.

В статье 116 УИК РФ законодателем предусматривается порядок признания осужденного злостным нарушителем режима при условии наложения взысканий, указанных в пунктах «в», «г», «д», «е» статьи 115 УИК РФ [9, с. 100]. Применение других мер, в данном случае не будет являться основанием для признания осужденного злостным [2, с. 44]. Данная позиция не имеет однозначного признания, когда речь идет о применении дисциплинарного штрафа. Согласно п. «б» статьи 115 УИК РФ сумма дисциплинарного штрафа составляет от одной до двух тысяч рублей. Так, его применение не подразумевает перемещение осужденного в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, ОК. Цель данного взыскания заключается в применении санкций материального характера, ограничивающих финансовое состояние осужденного [4, с. 33]. В обзорах ФСИН России отмечается ежегодный рост применения дисциплинарного штрафа в качестве меры пенитенциарной ответственности за совершение злостных проступков [8, с. 3]. В 2018 году его применяли 7250 раз, а в аналогичный период прошлого года – 6049. Некоторые ученые отмечают, что это взыскание не эффективно против осужденных, не имеющих денежных средств на лицевых счетах [11, с. 13]. Думается, что причинами такой ситуации могут быть как отсутствие дисциплинарной практики, из-за неоднозначного нормативного толкования данной меры, так и финансовая несостоятельность самих осужденных, не способных его выплатить.

В части третьей статьи 117 УИК РФ говорится о применении дисциплинарного штрафа исключительно за злостные проступки, перечисленные в части первой статьи 116 УИК

РФ. В то же время среди условий признания осужденного злостным нарушителем, предусмотренных частью 3 статьи 116 УИК РФ, дисциплинарный штраф отсутствует [7, с. 60]. В научной литературе ученые неоднократно высказывались по данному вопросу. Л. В. Ложкина убеждена, что администрация исправительного учреждения в праве признать осужденного злостным нарушителем и перевести на строгие условия отбывания наказания при условии назначения дисциплинарного штрафа за совершение злостного проступка, расширяя тем самым «прогрессивную систему отбывания наказания» [6, с. 128]. В то же время считаем наиболее верной позицию Е. Е. Новикова, который предлагает расширить условия признания осужденного злостным нарушителем, добавив в часть 3 статьи 116 УИК РФ такое взыскание, как «дисциплинарный штраф», тем самым закрепив его в качестве условий. Данная мера не может применяться в отношении повторных нарушений, предусмотренных частью 2 статьи 116 УИК РФ, так как в данном случае законодатель императивно установил вид меры ответственности, которая используется в отношении рассматриваемой категории лиц, а именно водворение в СИЗО и ДИЗО, применение которых не всегда целесообразно.

Относительный вакуум правил применения мер взыскания за совершение двух и более злостных нарушений одновременно или в разный период времени в зависимости от вида злостного нарушения позволил автору предложить гипотезу. В частности, при совершении осужденным двух или более злостных нарушений режима отбывания наказания взыскание должно назначаться за каждый совершенный проступок. Напротив, при совершении осужденным одного действия (бездействия), которое содержит признаки нескольких видов злостных нарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 116 УИК РФ, мера взыскания назначается за одно более грубое нарушение, за которое предусматривается более строгое взыскание согласно ст. 115 УИК РФ.

Дело в том, что в ч. 8 ст. 117 УИК РФ законодатель ведет речь об общем процессуальном сроке, в течение которого любой осужденный считается подвергнутым взысканию, за любой дисциплинарный проступок. В настоящее время, в УИК РФ не предусмотрен срок, в течение которого злостный нарушитель режима считается подвергнутым взысканию. В литературе по уголовно-исполнительному праву можно встретить, что рассматриваемый процессуальный срок ряд авторов именуют сроком погашения примененного взыскания. Этот срок сейчас применяется практическими сотрудниками ИУ по аналогии, если возникает вопрос о совершении повторного злостного деяния осужденным в соответствующий период. Вместе с тем, такое положение вещей, полагаем, недопустимым. В связи с чем, практическую значимость данного положения трудно переоценить, поскольку речь идет об отягчающем признаке повторности, в связи с чем, полагаем целесообразным предусмотреть такие специальные сроки в отношении злостных нарушителей.

Неприменение требует дифференцированного подхода при определении срока, в течение которого осужденный, считается подвергнутым взысканию в виде водворения в штрафной изолятор, перевода в ПКТ, ЕПКТ, одиночную камеру. По нашему мнению, при установлении данного срока необходимо учитывать возрастные критерии осужденного. Во избежание усвоения чужой негативной модели поведения необходимо исключить действие клише злостного нарушителя в отношении несовершеннолетних осужденных. Вследствие чего видится целесообразным предусмотреть сокращение общего срока до полугодия, что создаст ускоренную правовую реабилитацию несовершеннолетнего осужденного, и повысит эффективность воспитательного воздействия применяемых норм. В то же время в отношении взрослых, осужденных требуется разработка механизма установления рассматриваемого срока в зависимости от тяжести совершенного злостного нарушения. Установление указанного периода будет основано на постановлении начальника исправительного учреждения, который не должен превышать двух лет. Начало данного срока также необходимо исчислять с момента окончания исполнения злостным нарушителем меры взыскания.

Ограниченность указанных в статье 117 УИК РФ сроков ведет к тому, что назначенное наказание может быть не исполнено ввиду его истечения. Данные обстоятельства могут возникать ввиду наличия фактов, противоречащих нормативному применению мер взыскания. Среди них можно выделить наличие у лица тяжелого заболевания не позволяющего отбыть взыскание, подтвержденное медицинским заключением; физическое отсутствие осужденного ввиду перемещения в СИЗО или в случае его побега; чрезвычайной ситуации при ИУ, препятствующей нахождению осужденного в помещениях камерного типа. В подобных случаях подобное приостановление исполнения взыскания в отношении осужденного может санкционироваться постановлением начальника исправительного учреждения. Наиболее точным считаем предложение Г. В. Курбатовой, которая убеждена, что период не должен превышать трех месяцев [5, с. 134]. Введение указанного периода позволит увеличить максимально возможный срок, в течение которого взыскание может быть исполнено до четырех месяцев с момента его назначения осужденному-нарушителю.

Таким образом, сформулированные предложения по расширению действующих материальных и процессуальных норм уголовно-исполнительного права, призванные регулировать вопросы привлечения к ответственности осужденных, совершивших злостные нарушения режима отбывания наказания, прежде всего, направлены на совершенствование уголовно-исполнительного законодательства. Предлагаемая совокупность нововведений, так или иначе направленная на обновление законодательства, может быть обособлена в отдельную главу Уголовно-исполнительного кодекса, в которой регламентируется порядок привлечения лиц к дисциплинарной ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Бабаян С. Л. Правовое регулирование применения мер поощрения и взыскания в воспитательном воздействии на осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2003. – 264 с.
2. Даланов Д. С. Уголовно-исполнительная преюдиция. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2011. – 170 с.
3. Епанешников В. С., Юридическая ответственность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2000. – 39 с.
4. Исаев С. В., Ситников Г. В. Дисциплинарная ответственность осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях РФ / Под общ. ред. С. В. Исаева. – Пермь, 2015. – 68 с.
5. Курбатова Г. В. Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2003. – 262 с.
6. Ложкина Л. В. Некоторые вопросы применения дисциплинарных взысканий в отношении осужденных в исправительных учреждениях // Экономика и право. – 2015. – Т. 25. – Вып. 2. – С. 126-129.
7. Новиков Е. Е. Актуальные проблемы правового регулирования применения мер взыскания в исправительных учреждениях // Вестник Кузбасского института. – 2016. – № 2 (27). – С. 59-67.
8. Обзор ФСИН России от 13.03.2019, исх. № 03-17244. «О состоянии дисциплинарной практики среди осужденных, соблюдении законности при применении к ним мер взыскания в 2018 году».
9. Ткачевский Ю. М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007. – 240 с.
10. Федорев П. Р. Отрицательно характеризующиеся осужденные в местах лишения свободы. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2005. – 170 с.
11. Федяев А. Е. Меры взыскания, применяемые к осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях Российской Федерации. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2005. – 205 с.

КАШТАНОВА Алина Олеговна

научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ПРОНИКНОВЕНИЕ ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ НА РЕЖИМНУЮ ТЕРРИТОРИЮ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ПЕРЕБРОСА, А ТАКЖЕ ИХ ДОСТАВКА С ПОМОЩЬЮ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

В статье рассмотрены основные способы доставки запрещенных предметов в исправительные учреждения, приведены статистические данные о количестве задержанных граждан при передаче или попытке передачи лицам, содержащимся в учреждениях УИС, запрещенных предметов в 2020, 2021 годах. Особое внимание акцентировано на одном из часто используемых способов проникновения запрещенных предметов – переброс. Рассмотрены конкретные случаи предотвращения попыток передачи запрещенных предметов спецконтингенту сотрудниками подразделений ведомства и иных силовых структур. Затронуты вопросы мотивации совершения противоправных деяний по доставке запрещенных предметов, указаны рекомендации по пресечению каналов их поступления.

Ключевые слова: осужденные, уголовно-исполнительная система, запрещенные предметы, переброс, беспилотные летательные аппараты.

KASHTANOVA Alina Olegovna

researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

PENETRATION OF PROHIBITED ITEMS INTO THE RESTRICTED TERRITORY OF THE CORRECTIONAL INSTITUTION BY MEANS OF TRANSFER, AS WELL AS THEIR DELIVERY BY MEANS OF UNMANNED AERIAL VEHICLES

The article discusses the main methods of delivery of prohibited items to correctional institutions, provides statistical data on the number of detained citizens during the transfer or attempt to transfer prohibited items to persons held in penal institutions in 2020, 2021. Special attention is focused on one of the frequently used methods of penetration of prohibited items – transfer. Specific cases of preventing attempts to transfer prohibited items to a special agent by employees of departments of the department and other law enforcement agencies are considered. The issues of motivation for the commission of illegal acts for the delivery of prohibited items are touched upon, recommendations for the suppression of channels of their receipt are indicated.

Keywords: convicts, criminal-Executive system, prohibited items, transfer, unmanned aerial vehicles.

Одним из основных направлений совершенствования и развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) является обеспечение безопасности ее деятельности. Подразделения УИС, в чьи функциональные обязанности входит обеспечение установленного порядка отбывания наказания, сталкиваются с рядом проблем. Одной из принципиально важных и социально опасных является проблема передачи или попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в исправительных учреждениях ведомства.

В этой связи, несомненно, ощущается потребность в научном исследовании аспектов, касающихся привлечения граждан к ответственности за передачу или попытку передачи запрещенных предметов, а также в выработке теоретических и практических предложений по совершенствованию данного публично-правового института.

Вопросы проникновения запрещенных предметов на режимную территорию исправительного учреждения, а также привлечения граждан к ответственности, нашли отражение в трудах таких ученых, как: Т. Н. Дазмарова, В. Н. Закопырин,

Каштанова А. О.

Е. А. Зерняева, Д. Ф. Костарев, В. Д. Крачун, О. В. Пенин, Т. А. Сулейманов и других. В связи с постоянным развитием цифрового общества в целом и УИС, в частности, совершенствованием ухищрений при доставке запрещенных предметов, рассматриваемые вопросы являются актуальными и в научной литературе освещены не в полной мере.

На сегодняшний день основными способами проникновения запрещенных предметов в места лишения свободы являются пронос, провоз, переброс, а также их пересылка.

В настоящее время за совершение противоправных деяний в виде доставки запрещенных предметов подозреваемым, обвиняемым, осужденным предусмотрено привлечение к ответственности: административной, а также уголовной. Максимальная сумма штрафа, в случае привлечения к административной ответственности, достигает 5000 рублей (с конфискацией запрещенных предметов). Представляется, что опасность, которая наносится злоумышленником в момент совершения правонарушения, значительно выше установленного законодателем наказания. Несколько лет назад была произведена попытка ужесточить штрафные санкции,

Рис. 1 Самодельная пневматическая пушка

Рис. 2 Арбалет

налагаемые на злоумышленников, при совершении соответствующего правонарушения: максимальная сумма административного штрафа увеличилась с 1500 рублей до 5000 рублей. Однако увеличение штрафа в подобном объеме не изменило ситуацию, вопрос по-прежнему остается актуальным. В 2020 году за передачу (попытку передачи) запрещенных предметов спецконтингенту задержано 3 349 граждан, из них привлечено к административной ответственности – 1 818, к уголовной – 153¹. В первом полугодии 2021 года за совершение аналогичных деяний задержано 1 540 граждан².

В настоящее время отмечается высокий уровень бросовой активности, которая приводит к угрозе безопасности учреждений и органов УИС. Такой способ передачи предметов, как переброс, является наиболее «привлекательным» для злоумышленников, в связи с возможностью быстрого покидания места правонарушения.

Ухищрения, используемые в деятельности по передаче запрещенных предметов, совершенствуются. Для осуществления переброса правонарушители могут использовать рогатки, самодельные пневматические пушки, арбалеты. Принципиально новым способом проникновения предметов, иметь при себе которые запрещено подозреваемым, обвиняемым, осужденным, в исправительные учреждения становится их доставка посредством беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА).

В августе 2021 года сотрудниками отдела охраны ИК-9 УФСИН России по Ульяновской области при осмотре территории, прилегающей к учреждению, была обнаружена деревянная рогатка и сверток из изоляционной ленты синего цвета, внутри которого находилось порошкообразное вещество. Рядом с местом происшествия обнаружен автомобиль, внутри которого находилось три гражданина. Проведенное экспертами УМВД России по Ульяновской области исследование подтвердило, что в свертке находилось наркотическое вещество – кокаин, массой 5,358 грамм³.

1 Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы // Информационно-аналитический сборник, 2021. - С. 47.

2 Обзор информации о деятельности ФСИН России за I полугодие 2021 года. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/statistics/obzor-informatsii-o-deyatelnosti-fsin-rossii-za-i-polugodie-2021-goda.php> (дата обращения: 12.10.2021).

3 В ИК-9 УФСИН России по Ульяновской области предотвращена попытка переброса наркотических средств. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=582556&sphrase_id=1516821 (дата обращения: 12.10.2021).

В феврале 2021 года при реализации оперативной информации сотрудниками УФСИН России по Республике Саха (Якутия) на прилегающей территории было задержано трое мужчин, намеревавшихся ухищренным способом доставить осужденным запрещенные предметы и вещества. В ходе досмотра автомашины, в которой они находились, были обнаружены и изъяты пневматическая пушка (рис. 1), а также подготовленные к перебросу 5 сотовых телефонов, 2 зарядных устройства, 4 кабеля USB, 1 литр спиртосодержащей жидкости, 1 кг дрожжей и колода карт⁴.

В феврале 2021 года оперативными сотрудниками ведомства совместно с сотрудниками иных правоохранительных органов в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, на трассе Нижний Новгород–Киров был остановлен автомобиль, с целью отработки оперативной информации о готовящемся перебросе запрещенных веществ. 42-летний водитель и 30-летний пассажир были задержаны. При проведении досмотра был изъят запечатанный сверток, в котором находилось неизвестное вещество. В ходе проведения экспертизы выяснилось, что в свертке находился метадон (наркотическое вещество), общей массой более 2-х грамм. Наркотическое вещество планировалось доставить в учреждение при помощи арбалета⁵ (рис. 2).

В августе 2021 года сотрудниками УФСИН России по Магаданской области была получена информация о готовящейся попытке доставки на территорию учреждения средств сотовой связи. Благодаря слаженным действиям сотрудников УИС был перехвачен БПЛА с привязанной пластиковой бутылкой, перемотанной пленкой. В бутылке находились свертки с 25 сотовыми телефонами различных марок⁶ (рис. 3).

4 Благодаря бдительности сотрудников нарушителям вновь не удалось перебросить в ЛИУ-5 запрещенные предметы и вещества. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=541922&sphrase_id=1516821 (дата обращения: 12.10.2021).

5 Взаимодействие правоохранительных структур Нижегородской области привело к перекрытию канала доставки наркотического вещества в исправительные учреждения. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=542120&sphrase_id=1516810. (дата обращения: 12.10.2021).

6 Сотрудники ИК-4 УФСИН России по Магаданской области перехватили квадрокоптер с телефонами. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=585352. (дата обращения: 12.10.2021).

Рис. 3 Квадрокоптер

Отдельное внимание хотелось бы уделить способу доставки запрещенных предметов на режимную территорию исправительных учреждений при помощи БПЛА. Популярность данного способа обусловлена финансовой доступностью населению; отсутствием серьезных правовых ограничений в приобретении и осуществлении полетов; удаленностью нарушителя от исправительного учреждения (от 300 до 1000 метров), что затрудняет его поимку в случае обнаружения БПЛА и пресечения правонарушения. Помимо этого, БПЛА обеспечивает высокую точность доставки груза в конкретную точку, при этом злоумышленник может осуществлять мониторинг перемещения сотрудников администрации и выбирать время, «безопасное» для сброса груза, чего нельзя достичь при перебросе.

Основной причиной оказания помощи спецконтингенту в передаче запрещенных предметов, не изъятых из гражданского оборота, является слабая превентивная функция статьи 19.12 КоАП РФ. Вознаграждение от успешной передачи запрещенных предметов, получаемое от «заказчиков» из числа спецконтингента, значительно больше, нежели потенциально возможное наказание в виде административного штрафа в случае задержания сотрудниками УИС. Зная, что максимальный размер штрафа за данное правонарушение составляет 5000 рублей, нарушители ощущают свою безнаказанность. В случае доставки запрещенных предметов с помощью БПЛА дополнительно применяется ст. 11.4 КоАП РФ, при котором штрафные санкции выше, однако процент задержания нарушителей, использующих данный способ, критически минимальный.

На расширенном заседании коллегии ФСИН России от 30.09.2021 г. особое внимание было уделено вопросу реализации мероприятий, направленных на пресечение поступлений в учреждения УИС средств мобильной связи. Необходимо отметить, что борьба с использованием незаконной сотовой связи на территории исправительных учреждений ведется и на законодательном уровне – в 2021 году был принят закон, позволяющий сотрудникам ведомства во взаимодействии с другими правоохранительными органами вести работу по установлению абонентских номеров, незаконно используемых на территории учреждений УИС⁷. Принятый

закон позволяет операторам связи блокировать абонентские номера по мотивированному обращению ФСИН России.

Автор данного закона Александр Хинштейн выступил по данному вопросу на заседании коллегии с предложением о введении уголовной ответственности за повторную передачу средств связи в исправительные учреждения ФСИН России, а также дальнейшем ужесточении законодательства в сфере борьбы с телефонным мошенничеством.

Предполагается, что уровень бросовой активности может быть снижен благодаря значительному увеличению суммы штрафных санкций или же – ужесточению видов наказаний за совершаемое деяние (например, назначение наказания в виде административного ареста). Также представляется необходимым закрепить на законодательном уровне классификацию запрещенных предметов по степени их опасности, а также объем передаваемых запрещенных предметов. Данное нормативное закрепление даст возможность суду подходить к выбору наказания более дифференцированно.

В качестве вывода можно прийти к следующему – существует достаточно способов доставки предметов, запрещенных к использованию спецконтингентом, в места лишения свободы. Ухищрения, применяемые нарушителями, постоянно совершенствуются. Пресечение каналов поступления в исправительные учреждения запрещенных предметов – комплексная задача, требующая как внесения изменений в законодательство Российской Федерации, так и совершенствования инженерно-технического обеспечения и внедрения его в практическую деятельность. Основными способами борьбы с поступлением запрещенных предметов являются: увеличение административного штрафа, установление уголовной ответственности за нарушения при повторной передаче или попытке передачи запрещенных предметов в исправительные учреждения.

7 Федеральный закон № 44-ФЗ от 09.03.2021 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части прекращения услуг связи на территории

следственных изоляторов и учреждений, исполняющие наказания в виде лишения свободы».

КРАЕВА Наталья Викторовна

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО КОНТРОЛЮ ЗА ЛИЦАМИ, ОСУЖДЕННЫМИ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА, В УСЛОВИЯХ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОБАЦИИ В РОССИИ

В статье автор рассматривает некоторые различия в подходах к достижению целей возвращения осужденного лица в социальную среду, методов осуществления надзора и контроля за условно осужденными лицами в уголовно-исполнительной системе России и, например, в Королевской службе пробации Великобритании. Проблемы восприятия обществом деятельности работников российских уголовно-исполнительных инспекций неотрывны от понимания их потенциала и ресурсов, не только репрессивно-административных. При разумных подходах к совершенствованию структуры управления организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества ФСИН России, функционирования уголовно-исполнительных инспекций появятся новые перспективы и возможности положительного социального воздействия на поведение подучетных лиц, действенные инструменты по возвращению их в общество.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная инспекция, служба пробации, осужденные условно, надзор за условно осужденными, социальная реабилитация.

KRAEVA Natalya Viktorovna

Ph.D. in Law, senior research scientist of the division for research of problems of labor employment of convicts and economic problems of functioning of the penitentiary system Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia)

SOME ASPECTS IN THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE CONTROL OF PERSONS CONVICTED WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY, IN THE CONTEXT OF THE CREATION OF A PROBATION SYSTEM IN RUSSIA

In the article, the author examines some, in his opinion, characteristic differences in approaches to achieving the goals of returning a convicted person to the social environment, methods of supervision and control over conditionally convicted persons in the penal enforcement system of Russia and in the Royal Probation Service of Great Britain. The problems of society's perception of the activities of employees of Russian penal enforcement inspections are inseparable from understanding their potential and resources, not only repressive and administrative.

With reasonable approaches to improving the management structure of the organization of the execution of sentences not related to the isolation of convicts from the society of the Federal Penitentiary Service of Russia, the functioning of criminal enforcement inspections, new prospects and opportunities for positive social impact on the behavior of registered persons, effective tools for their return to society will appear.

Keywords: penal enforcement inspectorate, probation service, probation supervision, social rehabilitation.

Краева Н. В.

Изменение характера и специализации преступности в 21 веке вынуждает государства пересматривать общий подход к теории и практике исполнения уголовных наказаний с учетом соблюдения международных принципов и рекомендаций для осуществления общегосударственной карательной политики.

Статистика состояния преступности в Российской Федерации демонстрирует постепенное уменьшение численности лиц, находящихся в местах лишения свободы, в отношении которых вступили в законную силу приговоры. Так, по данным судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, в 2008 году показатель судимости превысил 1,2 миллиона человек, из которых около 900 тысяч человек направлены в места лишения свободы [7]. К 2020 году осуждено около 600 тысяч человек. По состоянию на 1 октября 2021 года, согласно официальной статистике Федеральной служ-

бы исполнения наказаний (далее – ФСИН России), в местах лишения свободы уголовно-исполнительной системы Российской Федерации содержалось около 469 тыс. чел. Таким образом, в международном рейтинге наша страна по количеству заключенных на 100 тысяч жителей показывает заметное понижение степени репрессивности уголовной политики. По этому показателю находится на 26-ом месте в мире. И в пенитенциарном ведомстве считают, что это не предел [5]. К настоящему времени Россия демонстрирует закрепление принципов гуманизации и дифференцированного подхода к назначению уголовных наказаний в российском правосудии, в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее – УИС) – к их исполнению.

В правовой и практической корреляции с вышеприведенной статистикой находится показатель числа осужденных, в отношении которых приняты меры уголовно-правово-

го характера, в том числе наказания, запреты, ограничения, установленные судом, а также количества лиц, в отношении которых исполняются наказания, не связанные с изоляцией от общества. С 2008 года до настоящего времени количество подследственных, арестованных, обвиняемых в совершении преступлений, осужденных, состоящих на учетах уголовно-исполнительных инспекциях (далее – УИИ), приближается к миллиону человек [8].

УИС, функционируя в традиционной системе координат уголовного и уголовно-исполнительного права, постепенно изживает консервативные подходы в вопросах исполнения уголовных наказаний. Теперь, исходя из руководящих директив, нормативных правовых актов, действующих в сфере уголовно-правовой политики, основная задача пенитенциарной системы видится в изменении как практической, так и идеологической концепции службы: от задачи покарать, к одновременному с репрессией достижению гуманной цели уголовного правосудия – обеспечить сохранность личности осужденного человека в период отбывания наказания, обеспечить процесс перевоспитания, и ресоциализацию его во благо общества, в которое он должен вернуться после отбытия наказания. Это одна из основных проблем при реализации общепринятых идей гуманистического подхода к осуществлению наказания за нарушение уголовного закона. Такие идеи, опираясь на международные принципы обращения с осужденными, способствуют реализации прав и свобод осужденных в условиях определенных ограничений, регламентированных процессуальными нормами, правилами исполнения наказаний.

Некоторые из направлений государственной деятельности по защите общества от различных видов угроз и преступных посягательств реализуются через уголовно-правовую политику. Ее цели и приоритетные направления заложены в Концепции развития УИС на период до 2030 года [5] (далее – Концепция). Концепцией установлены основные направления совершенствования системы исполнения уголовных наказаний. Это совершенствование нормативно-правового регулирования уголовной политики государства, развитие производственно-хозяйственной деятельности УИС, создание безопасных современных условий для достойного несения службы сотрудников, использование различных стимулов, направленных на эффективное исполнение своих служебных обязанностей, в том числе решение вопросов социальной защищенности сотрудников.

Для лиц, содержащихся под стражей и отбывающих наказания, требуется создание условий содержания, отвечающих целям уголовного правосудия, с соблюдением минимальных стандартных правил обращения с осужденными [6, 7]. Так, в Концепции заложена задача создания и развития системы пробации. Документ не дает определения понятия пробация, однако, эта система и эффективный опыт ее работы за рубежом известны ученым и практикам пенитенциарных служб иностранных государств и России. По общему определению, принятому в юридической литературе [1, 2, 3, 4], пробация – это вид условного осуждения, гуманная альтернатива заключению в местах лишения свободы, в результате которой в процессе исполнения уголовного наказания осуществляются формы социально-правового контроля, надзора за поведением осужденного и выполнением им обязанностей, возложенных судом, коррекции поведения,

содействия социальной адаптации и интеграции человека в общество, предупреждения совершения повторных преступлений.

Очевидно, что данное положение Концепции должно иметь под собой научную основу, практические показатели апробации будущих положений норм, регулирующих новый вид осуждения и мер уголовно-правового воздействия без лишения свободы, их эффективность относительно судеб конкретных осужденных лиц, соблюдения их прав и законных интересов, а также – для отечественной пенитенциарной системы.

Социальные проблемы в самом широком смысле этого понятия не обходят стороной никого. Наиболее остро они ощущаются там, где есть трудно устранимая тяжелая жизненная ситуация. Речь идет о лицах, в отношении которых реализуются различные формы правового контроля со стороны уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ, инспекция) УИС, установленного в порядке уголовного наказания, а также такой категории лиц, в отношении которых судом вынесен приговор об осуждении условно. Пожалуй, лица из этой категории подучетных, находясь на свободе, чаще других ежедневно испытывают трудности при взаимодействии с социальной средой. Бытовая и трудовая неустроенность, отсутствие официального заработка, наличие социально-опасных видов заболеваний, нездоровых зависимостей – далеко не полное описание проблем, с которыми они ставятся на учет в инспекцию. Сотрудники УИИ в рамках полномочий могут предложить решения только определенной части указанных проблем. По официальной статистике Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН России) в 2020 году на учетах УИИ состояло около миллиона человек [9]. Численность осужденных, кому судебным решением лишение свободы заменено на условное с испытательным сроком, возрастает вследствие приоритетного применения в уголовном правосудии гуманного подхода к назначению наказания в отношении правонарушителей. В связи с новыми задачами, поставленными Концепцией, возможно, актуальным станет рассмотрение не только вопроса увеличения штатов УИИ, что уже происходило в 2005 – 2007 годах, но и разработки и внедрения конвергентных социальных технологий, современных цифровых программ, защищенных линий связи, единых банков данных с характеризующей информацией об осужденных, в том числе совместных с иными органами охраны правопорядка, органами принудительного исполнения. И Концепция предусматривает цифровую трансформацию и внедрение цифровых технологий во все сферы деятельности учреждений и органов УИС.

Рассматривая проблему развития и совершенствования структуры и функций УИИ, представляется полезным обратить внимание на зарубежный опыт деятельности служб пробации. Например, реформу Королевской службы пробации [13] проводят в настоящее время в Англии и Уэльсе, где функции пробационного надзора частично поделены между государственной национальной службой пробации и рядом частных компаний по реабилитации осужденных. По мнению европейских ученых и практиков, это открывает много возможностей для инноваций в сфере официального партнерства государственной службы с частным бизнесом и предпринимательством. Хотя зарубежные практики и признают, что, при очевидных, на первый взгляд, положитель-

ных сторонах, это вызвало и немало споров и сомнений. Потенциал службы пробации по положительному влиянию на поведение осужденных в условиях ограничений свободы подтвержден практическими исследованиями, отчетами и сообщениями об изменениях у осужденных отношения к своему положению, к порядку исполнения наказаний в ходе испытательного срока [11]. Характерно, что везде отмечается такая функция пробации, как разрешение социального конфликта, возникающего в результате преступных действий осужденного. Хотя различный опыт применения пробации в иностранных государствах показывает, что она не может и не должна в полной мере подменять те или иные формы воплощения видов уголовной ответственности. И институт пробации в результате также не может быть един для всех государств.

Так, цели, направления, задачи деятельности службы пробации Великобритании и уголовно-исполнительных инспекций Российской Федерации схожи. Однако методы и системные подходы к реализации испытательных сроков имеют значительные различия.

Проведенные учеными-пенитенциаристами [12] одного из британских университетов исследования о влиянии деятельности сотрудников системы пробации на изменения в поведении лиц, состоящих на испытательном сроке, составили основу для сравнительной характеристики мер, принимаемых при осуществлении надзора и контроля за подучетными, подконтрольными лицами в двух государствах.

Разница в подходах к назначению и осуществлению условного наказания становится очевидна на стадии вынесения приговора. В Англии этот судебный акт теоретически и практически ориентирован на исправление, подготовку осужденного к социальной интеграции. В службе пробации готовятся по запросу суда или прокурора досудебные доклады суду, координируется и обеспечивается исполнение наказаний в виде принудительных или общественных работ, включаются программы коррекции социального поведения осужденных, с помощью профессионального социального посредничества запускаются процессы примирения сторон. Поэтому судебные акты не воспринимаются как мера наказания или пресечения, но как этап подготовки осужденного к скорому возвращению к законопослушному поведению и образу жизни.

В английской системе пробации офицеры и работники выступают как медиаторы, агенты социализации, которые непосредственно влияют и помогают подучетным изменить поведение, восстановиться в социальном статусе законопослушного члена общества. Одной из главных задач наравне с выполнением обязательного надзора за подучетными является работа над нравственной составляющей перевоспитания осужденного, его духовным ростом при выполнении установлений суда.

В России инспектор УИИ исполняет в отношении осужденных подучетных лиц функции предупредительного и принудительного характера. Подучетные обязаны отчитываться о выполнении обязанностей, возложенных приговором суда; погашать штрафы, иные финансовые обязательства, при наличии таковых; сообщать о прохождении назначенного судом курса обязательного лечения и др. При этом не редко положительной динамики законопослушного поведения добиться сложно, так как работа по ресоциализации указанных лиц не является основной задачей сотрудников УИИ.

В службе пробации Великобритании в социальной интеграции условно осужденных немалую роль играют общественные организации так называемого «третьего сектора». Служба пробации активно использует возможности сотрудничества с социальными агентствами, организациями и партнерами, включая благотворительные организации и социальные предприятия. Среди них независимые инспекторы, органы местного самоуправления, молодежные группы по борьбе с правонарушениями, суды, полиция и другие правоохранительные органы [13]. Взаимодействие с органами власти и общественными организациями позволяет обеспечить осужденным лучшие условия для исполнения предписаний приговоров, возвращения к нормальной жизни в социальной среде, реализовать возможность трудоустройства.

Российским УИИ также не запрещено взаимодействие с общественными благотворительными организациями, реабилитационными центрами для больных наркоманией, представителями Русской Православной Церкви (РПЦ). Профилактические и воспитательные меры и методы работы УИИ в сочетании с программами социальной адаптации, доступной юридической помощи могли бы снизить риски проявления асоциального поведения, повторения противоправных действий. К настоящему времени в регионах активнее подписываются соглашения о сотрудничестве со службами занятости населения, с общественными организациями по оказанию помощи в реабилитации и социальной адаптации осужденных условно, с представителями малого и среднего бизнеса. Сотрудничество на постоянной основе с такими организациями находится в начальной стадии совершенствования, поэтому требует новых механизмов и превентивных практик со стороны ведомств, готовых стать партнерами – не только правоохранительных органов, но и медико-социальных организаций системы здравоохранения, социальных служб органов местного самоуправления. Однако сами инспекторы УИИ не ведут социально направленной деятельности, в результате которой они могли бы повлиять на привычный для осужденных антиобщественный образ жизни и среду общения.

Одна из задач, объявленных директором ФСИН России А.П. Калашниковым в 2021 году – наладить эффективное взаимодействие с бизнес-сообществом для целей интеграции осужденных в социум [10]. Необходимо отметить, что вопрос трудоустройства осужденных граждан в учреждениях ФСИН России является одним из первостепенных. Организация труда и рабочего места осужденного на регулярной основе является основным средством исправления, социальной реабилитации и проведения воспитательной работы с подучетным лицом. Такая социально полезная организация времени осужденного, как трудоустройство, также отвечает задачам адаптации осужденных в обществе и целям исполнения приговоров с назначенными штрафами, иными денежными взысканиями в соответствующие бюджеты бюджетной системы Российской Федерации, исполнением финансовых обязательств по гражданским искам о возмещении ущерба потерпевшим.

Возможность добросовестно трудиться меняет стереотипы осужденных, выступает для них своеобразным социальным лифтом, открывает возможности успешной ресоциализации. Казенный подход должен смениться профессиональным, при котором сотрудники понимают ответ-

ственность, которую несут и перед обществом, и в отношении осужденных подучетных лиц.

Работа с осужденными условно постепенно принимает в УИИ формы, близкие к повседневному обычному социально-психологическому воздействию на личность человека. Формально в настоящее время инспекции оказывают подконтрольным лицам психологическую помощь, предпринимаются попытки создать условия для социальной адаптации при участии общественных объединений. В УИИ в пределах своих полномочий предлагают осужденным содействие в решении некоторых актуальных проблем и потребностей. С учетом основного вектора уголовной политики необходимо заняться поиском вариантов комплексного решения социальных проблем и исполнения уголовных наказаний без лишения свободы. Необходимо также добиваться достижения качественных изменений в пенитенциарной среде сотрудников УИС. Профессиональный подход к исполнению обязанностей персоналом УИС, эффективное практическое взаимодействие служб и правоохранительных ведомств способствуют решению сложнейшей задачи совершенствования гражданского общества и социального государства.

Современная практика применения и исполнения уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы, демонстрирует готовность общества, государственных структур, правозащитных организаций к новой форме контроля за поведением осужденных граждан, инновационным процессам внутри отечественной пенитенциарной системы. Обновление подходов к исполнению наказаний без лишения свободы и уголовно-правовых мер в условиях внедрения в УИС системы пробации повысит эффективность воспитательного и адаптационного воздействия на осужденных при их подготовке к возвращению в социум, даст возможности по сдерживанию роста преступности и сокращению причин и рисков повторных преступлений среди лиц, хотя бы однажды осужденных за преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Голодов П.В. Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России: организационно-правовые аспекты // Вестник института: преступления, наказание, исправление. – 2011. № 14 – С. 81-88.
2. Дворянсков И.В. Перспективы внедрения системы пробации в России // Материалы V Международного пенитенциарного форума. Том 1. Рязань. – 2021. – С. 114-120.
3. Первозванский В.Б. Об апробации пробации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2017. – № 2. – С. 18-21.
4. Садыков А.У. Перспективы института пробации в современной России // Общество и право. – 2011. – № 3 (35) – С. 214-222.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.05.2021).

6. Конвенция ООН «Минимальные стандартные правила обращения с заключенными» (Правила Нельсона Манделы) (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17.12.2015) / Сайт Конституции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 01.05.2021).
7. Конвенция ООН «Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила)» / Утверждены Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 14.12.1990 № 45/110 / Сайт Конституции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/act/right/> (дата обращения: 01.05.2021).
8. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 01.11.2021).
9. Официальный сайт ФСИН России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/> (дата обращения: 01.05.2021.).
10. «В федеральной службе исполнения наказаний обсудили вопросы применения труда осужденных к принудительным работам» / Официальный сайт ФСИН России. / <https://fsin.gov.ru/> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru> (дата обращения: 01.05.2021).
11. Burnett, R. McNeill. The place of the officer-offender relationship in assisting offenders to desist from crime. / Probation Journal. Volume: 52.Issue: 3. September 1, 2005. P. 221-242.
12. Ruwani Fernando. Desistance from crime and probation supervision: Comparing experiences of English and French probationers. April 29, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/02645505211012062> (дата обращения 01.05.2021).
13. Her Majesty's Prison & Probation Service. // Официальный сайт Тюремной службы и службы пробации Ее Величества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/organisations/her-majestys-prison-and-probation-service/about> (дата обращения: 01.05.2021).

НАЗАРКИН Евгений Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

СУЛЕЙМАНОВ Таят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ЗАХАРОВА Светлана Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Академии ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

В настоящей статье рассматриваются особенности назначения и проведения судебной экспертизы в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляции от общества. Рассмотрены основные особенности назначения и проведения судебной экспертизы, предварительного исследования доказательств, следов, объектов и лиц в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Ключевые слова: судебная экспертиза, следователь, дезорганизация деятельности, исправительное учреждение, расследование.

NAZARKIN Evgeniy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

ZAKHAROVA Svetlana Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

FEATURES OF THE APPOINTMENT AND CONDUCT OF A FORENSIC EXAMINATION DURING THE INVESTIGATION OF THE DISORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS PROVIDING ISOLATION FROM SOCIETY

This article discusses the specifics of the appointment and conduct of a forensic examination during the investigation of the disorganization of the activities of institutions providing isolation from society. The main features of the appointment and conduct of forensic examination, preliminary examination of evidence, traces, objects and persons during the investigation of the disorganization of the activities of institutions providing isolation from society are considered.

Keywords: forensic examination, investigator, disorganization of activities, correctional institution, investigation.

Рассматривая судебную статистику за 2020 год, привлекает внимание тот факт, что количество лиц, осужденных за этот период по всем 3-м частям статьи 321 УК РФ – дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, составляет 282 человека, что является значительным показателем преступлений, совершенных в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (УИС) России [2]. Соответственно, повышение раскрытия и расследования преступления данного вида остается достаточно насущным и актуальным в современных условиях развития правоохранительной системы, в частности органов расследования преступления.

Рассмотрим один из важных элементов этого расследования, дающий возможность фактически установить обстоятельства данного преступления, его участников, их действий – это использование результатов судебных экспертиз и предварительных исследований, которые могут проводиться на любом этапе раскрытия и расследования преступного события. Данный инструмент алгоритма расследования относиться, как известно, к сфере использования специальных знаний в ходе раскрытия и расследования преступления.

Существуют некоторые особенности назначения и проведения судебной экспертизы и предварительного исследования доказательств, следов, объектов и лиц в ходе расследования дезорганизации нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Само

преступление, совершаемое на территории исправительного учреждения, происходят как в условиях очевидности, т.е. наличию свидетелей преступления, так и в условиях неочевидности. Соответственно, материалы для судебных экспертиз, назначаемых в ходе раскрытия и расследования данного вида преступления появляются у следствия в ходе проведения неотложных следственных действий, первоначального характера, материалов до следственной проверки, наработок оперативной части учреждения, материалов видео фиксации, взятых со стационарных (круглосуточно работающих) или переносных видеокамер камер, иных источников.

Разные по назначению, «проходимости», обзорности, пространственно-конструктивным архитектурным особенностям места совершения преступления на территории пенитенциарного учреждения, всегда имеет материальный характер по отображению различных видов следов преступления и преступников, их действий. Задача органа расследования преступления – обнаружить эти конкретные следы преступления, выделив их из основного следового массива следов на месте происшествя, не относящихся к событию преступления.

Еще одна особенность раскрытия и расследования преступления данного вида – это наличие свидетелей преступления, фрагментов видео фиксации с камер видеонаблюдения, дальнейшие действия всех участников преступления, которые они совершают, исходя из последствий события,

преступных целей, полученных следов воздействия на потерпевшего повреждения и следов насилия. Как правило, при совершении данного преступления существует тесный контакт потерпевшего и подозреваемого, который и устанавливается различными способами, средствами и методами.

Следующей особенностью данного преступления является наличие преступного спец контингента – осужденных, которые, как правило, стремятся уничтожить следы совершения преступного события и лица, его совершившего.

Материальные следы преступления, последствия, а также идеальные следы в памяти потерпевшего, свидетелей и подозреваемого, в ходе раскрытия и расследования преступления, как дезорганизация деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, появляются в ходе проведения таких следственных действий как: осмотр места происшествия, освидетельствования потерпевшего и подозреваемого, допрос потерпевшего (предварительно опроса потерпевшего), допрос свидетелей преступления (предварительно опроса очевидцев).

Кроме того, сотрудником органа расследования преступления просматриваемые доступные видеоматериалы, анализируются, с выдвижением следственных версий, установлением всех обстоятельств преступного события и его участников. Предоставленные оперативным отделом оперативные разработки, характеристики на участников преступления, включая данные спец. учета (из отделения спец. учета), их склонности к совершению тех или иных преступных действий (дежурная служба), ориентировки, выставляемые в учреждения на определенных лиц, психологическая характеристика участника (психологическая служба) и другие материалы информационного характера, – также способствуют скорейшему раскрытию и расследования данного преступления.

Учитывая специфику преступных действий по элементам состава преступления, исходя из пределов доказывания данной 321 статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, а также проведенным оперативным, аналитическим и следственным мероприятиям (действиям), изученным архивным материалам расследования преступления, в частности, по Рязанской области, можно отметить следующее. Наиболее часто назначались, проводились (а также могли быть назначены) такие судебные экспертизы как:

- судебно-медицинские экспертизы живых лиц (потерпевших и подозреваемых);
- судебно-медицинской экспертизы трупа [1, с. 58];
- судебно-медицинские экспертизы объектов биологического происхождения (кровь, волосы, кожа, слюна и др.);
- судебно-трасологические экспертизы: следов одежды, повреждений от различных тупых, колюще-режущих и иных предметов и повреждений, ног, целого по частям, замков и запорных устройств;
- дактилоскопическая экспертиза;
- судебно-психиатрическая экспертиза;
- судебно-психологическая экспертиза (либо их комплекс с предыдущей);
- геномная;
- судебно-химическая;
- баллистическая;
- экспертиза холодного оружия и др.

Основные судебные экспертизы назначались и проводились на этапе проверки информации о преступлении и предварительном этапе его расследования. В дальнейшем, на последующем этапе проводятся судебные экспертизы для подтверждения установленных ранее фактов, установления новых обстоятельств и фактов, проверки выдвинуты следственных версий и их закреплению по установленным обстоятельствам расследуемого события. В некоторых случаях, учитывая неотложность раскрытия и расследования преступления, следователем назначаются задания (отношения)

эксперту для проведения по следам, объектам, лицам и их действиям предварительных исследований.

Основной поиск, сбор, изъятие и упаковка следов, предметов, других объектов, а также в ходе работы с лицами, при назначении судебной экспертизы проводится с использованием специальных знаний и научно-технических средств (в том числе, технико-криминалистических) средств с участием соответствующих специалистов, участвующих в проведении следственных действий. Специалисты (эксперты) помогают следователю правильно, грамотно и исчерпывающе сформулировать вопросы на судебную экспертизу, определить сроки ее выполнения, дать информацию по предоставляемым на судебную экспертизу материалам (если необходимо, дополнительным).

В ходе проведения некоторых судебных экспертиз и предварительных исследований, экспертами могут проверяться отдельные данные, следы, объекты и вещественные доказательства по различным видам криминалистическим учетам Экспертно-криминалистической службы МВД, с предоставлением проверочной информации органу расследования преступления.

Подводя краткий итог, отметим ряд специфических особенностей назначения и проведения судебной экспертизы в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Они связаны с особым характером состава преступления (его, как правило, контактный способ совершения); спецификой функционирования исправительного учреждения с делением его на виды зон (территорий) и их конструктивных особенностей; распорядком функционирования учреждения; наличием отрицательно влияющего на раскрытие и расследование преступления и сильно сконцентрированного по месту спец. контингента осужденных; постоянный сбор информации об осужденных, позволяющий быстро проанализировать каждого участника преступления; наличием на территории исправительного учреждения большого количества систем круглосуточного стационарного и переносного видеонаблюдения за обстановкой и др.

Установление и получение доказательств по уголовному делу с помощью назначения и проведения вышеописанных судебных экспертиз по различным доказываемым обстоятельствам событий преступления, несомненно, является одним из действенных способов повышения его истинности и полноты.

Пристатейный библиографический список

1. Особенности расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: учеб.-практ. пособие. – Рязань: Академия ФСИН России, 2012. – 75 с.
2. Судебная статистика РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17>.

РАЕВСКАЯ Валерия Андреевна

магистрант 1 курса Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева по направлению 40.04.01 «Юриспруденция»

ПРАВОВЫЕ И МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ НА ПРИМЕРЕ США

В статье рассматривается проблема применения на практике института смертной казни в США. Исследуются законодательные нормы, судебная практика и теоретические аспекты рассматриваемой темы. Дается правовая и нравственная характеристика особенностей исполнения смертных приговоров. Автором формируются выводы и предложения по совершенствованию применения в США уголовного наказания в виде смертной казни.

Ключевые слова: смертная казнь; смертный приговор; теория устрашения; теория ожесточения; инъекция.

RAEVSKAYA Valeriya Andreevna

magister student of the 1st course of the I. S. Turgenev Oryol State University in the direction of 40.04.01 "Jurisprudence"

Раевская В. А.

LEGAL AND MORAL ASPECTS OF THE DEATH PENALTY ON THE EXAMPLE OF THE USA

The article deals with the problem of the practical application of the institution of the death penalty in the United States. Legislative norms, judicial practice and theoretical aspects of the topic under consideration are investigated. The legal and moral characteristics of the execution of death sentences are given. The author forms conclusions and proposals for improving the application of criminal punishment in the form of the death penalty in the United States.

Keywords: death penalty; death sentence; theory of intimidation; theory of bitterness; injection.

Один из самых дискуссионных, неоднозначных, жестких институтов современного общества, стоящий особняком долгие годы, вызывающий нескончаемые протесты и обостряющий чувства справедливости и гуманизма – институт смертной казни. Выдающиеся умы двадцатого и двадцать первого столетия пытались в юридических рамках разрешить морально-нравственный аспект, определить, достоин ли человек, совершивший тяжкое преступление, продолжать жить? Ценнее ли жизнь преступника жизнью его жертв? Что есть гуманизм на самом деле: тюрьма для пожизненно заключенных и условия содержания в ней или смерть?

Данные вопросы остро стоят в Соединенных Штатах Америки, стране, в которой разрешена и используется в настоящее время смертная казнь, как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных штатов.

Именно американским экономистом Исааком Эрлихом была разработана «теория устрашения». Суть указанного труда заключается в том, что применение смертной казни к преступникам может предотвратить ряд убийств (Эрлихом даже была выведена статистика, что данный вид уголовного наказания спасает восемь жизней). Однако основоположником теории не были учтены иные факторы, влияющие на совершение убийств, уровень благополучия в разных исследуемых районах и др. В связи с этим, «теория устрашения» Эрлиха была признана несостоятельной.

В противовес рассмотренной теории американскими учеными Генном Пирсом и Уильямом Боверсом была сформулирована «теория ожесточения». Авторы считали, что смертная казнь не уменьшает количество последующих убийств, а наоборот увеличивает его на 2-3 возможных убийства ввиду жестокости рассматриваемого вида наказания. Одним из главных аргументов этой теории считалось то, что жестокость может породить только жестокость [4].

Доводы данного научного труда так же были признаны не до конца обоснованными. Учеными не были учтены другие имеющие значения факторы преступности, упор был сделан исключительно на доказывание прямой связи между смертной казнью и количеством последующих убийств.

Дискуссионность существования и использования данного института является оправданной. Несмотря на законодательное регулирование вопроса, постоянное совершенствованию

судебной практики, беспристрастность и независимость судей Верховного Суда США, механизм, который должен быть полностью отлажен, все равно иногда дает сбои, чем и ставит применение такого тяжелого уголовного наказания под сомнение.

Например, 8 поправкой в Конституции США устанавливается запрет на применение жестоких наказаний. В связи с этим преимущественно смертная казнь осуществляется путем введения инъекции осужденному (существует альтернативный вариант в виде использования газовой камеры, который остался разрешенным лишь в четырех штатах, и в настоящее время по факту уже не применяется). Однако на практике оказалось, что иногда даже самый гуманный способ лишения человека жизни становится болезненным и крайне жестоким [1].

В феврале 2018 года в штате Алабама должна была состояться смертная казнь заключенного Дойла Ли Хэмма. Во время попыток введения смертельной инъекции адвокатом осужденного было сообщено о его тяжелом заболевании, ввиду которого установление катетера этому человеку является невозможным. Все предпринимаемые врачами в течение 2,5 часов попытки так и не увенчались успехом.

Нетрудно догадаться, что многочасовые попытки исполнения приговора принесли Хэмму многочисленные психологические страдания. Однако после неудавшейся процедуры смертной казни, приговоренный прошел обследование у врача, которым впоследствии был составлен медицинский отчет, устанавливающий наличие колотых ран, гематом, повреждения верхней части бедра и нижней части живота, что говорит и о причинении физических мук. Указанное медицинское заключение находится в свободном доступе, соответственно, с ним может ознакомиться любой желающий, в том числе родственники и близкие люди самого осужденного, что, аналогично, принесет им нравственные страдания.

В недалеком прошлом (до 2017 года) как препарат для инъекции нередко использовался мидозалам. Отменен он был после нескольких неудачных применений. В пример в данном случае можно привести осужденного Р. Смита. Его смерть была ужасающе жестокой – у заключенного после введения первого компонента инъекции началось удушье, продолжавшееся на протяжении пятнадцати минут, в ходе которых он медленно и мучительно умирал [5].

Наличие подобных случаев в ходе исполнения смертных приговоров, естественно, не могло не вызвать реакцию Верховного Суда США в виду высокого общественного резонанса вокруг данной проблемы.

1 апреля 2019 года судьей Верховного Суда США Кларенсом Томасом было вынесено заключение, в котором разъяснялось, что нарушением метода исполнения вынесенного приговора суда по рассматриваемому вопросу является преднамеренное его предназначение для причинения боли.

С одной стороны, это является логичным и обоснованным – ведь введение инъекции, по общему правилу, – самый безболезненный и быстрый способ лишения человека жизни. С другой стороны, сами люди делают его жестоким. Например, возникают вполне обоснованные вопросы о том, почему информация о заболеваниях крови или аллергических реакциях осужденных, содержащаяся в личных делах, не была должным образом использована уполномоченными лицами для предотвращения их мучительной смерти.

В свою очередь, Кларенсом Томасом в заключении было указано, что для осужденного в перспективе смертной казни, способной причинить ему физические и нравственные страдания, не играет роль намерение, исходящее от лица, ее осуществляющего. Из данного тезиса судьи мы можем сделать вывод о заведомом допущении для заключенного дополнительных страданий в ходе исполнения рассматриваемого вида наказания и, по сути, снятии ответственности за осознанное или неосознанное проявление жестокости с врачей или специалистов, приводящих приговор в исполнение.

В подобных ситуациях встает вопрос о цели применения смертной казни и о профессионализме людей, ее исполняющих. Цель исполнения смертного приговора – наказание за жестокое преступление, но не запрещенные законодательствами большинства государства пытки и жестокое обращение с осужденными. Однако большую роль играет моральная сложность выполнения поставленной работы, из-за чего и происходят указанные прецеденты. Здесь так же существует несколько крайностей:

1) не каждый человек может как с моральной, так и с профессиональной точки зрения умертвить другого человека путем введения смертельной инъекции, пусть даже убиваемый человек – жестокий убийца, не раскаявшийся в совершенных преступлениях;

2) люди, которые готовы справиться с такой морально тяжелой работой, но которых поглощают собственные эмоции: гнев, ненависть, бессилие по отношению к жертвам преступлений.

Из приведенных крайностей можно сделать вывод о том, что к осуществлению смертных приговоров, в виду особой морально-нравственной тяжести, следует допускать людей, умеющих довольно хладнокровно следовать правовым предписаниям, не выражающим эмоциональную окраску действий осужденных. Это самое сложное и труднодостижимое в данной профессии, но только так возможно совершенствование, действительная эффективность и справедливость наравне с гуманизмом института смертной казни.

Отдельным аспектом рассматриваемой темы является смертная казнь женщин. В некоторых странах (Россия) данный вид наказания не применяется к указанному полу. В США, как в государстве, пропагандирующем равенство, институт смертной казни действует как для мужчин, так и для женщин.

Смертная казнь женского пола, даже несмотря на ее допустимость, – явление довольно редкое. В 2020 году была казнена Лайза Монтгомери (убийство беременной женщины и похищение ребенка, который был извлечен из живота убитой). Это событие стало своеобразной «сенсацией», поскольку эта казнь [4]:

– была первой исполненной федеральными судами США за 17 лет (случилось это ввиду отмены моратория на федеральную смертную казнь Дональдом Трампом, казнь в отдельных штатах осуществлялась без перерывов) [3];

– произошла после долгого перерыва: последняя женщина (до 2020 года) на федеральном уровне была казнена в 1953 году.

В 2004 году Л. Монтгомери, представившись покупателем собаки (жертва была заводчицей собак), приехала к Б. Д. Стиннет, находящейся на 8 месяце беременности, и начала душить ее веревкой. После этого разрешила жертве живот и извлекла ребенка. Стиннет умерла от потери крови. Похитительницу задержали на следующий день. Похищенный ребенок выжил и был возвращен отцу. Монтгомери была осуждена в 2007 году. Тактикой защиты было признание осужденной невменяемой на основании установленных у нее психических расстройств и жестокого (морального и физического) обращения с ней в дет-

стве. Однако позиция родственников погибшей, ее друзей и в целом общественности сводилась к тому, что чудовищность этого убийства не может быть оправдана никаким состоянием совершившего его человека, итогом здесь может быть только смертная казнь.

Несмотря на 13 лет, прошедшие с вынесения приговора, судья штата Индиана ввиду душевного состояния осужденной решил отложить казнь. Его решение было отменено Верховным Судом США, смертный приговор был приведен в исполнение.

Обозначим так же главный минус института смертной казни – возможность судебной ошибки, недостаточная изученность материалов, лжесвидетельствование. Именно поэтому заключенные ждут исполнения приговора долгие годы. Но даже с отсрочкой в десятилетие и больше ошибки все равно продолжают случаться, невинные по итогу люди погибают или проводят длительный срок за решеткой, подвергаясь общественной травле.

Одной из самых резонансных судебных ошибок стала казнь четырнадцатилетнего юноши Д. Стинни, который был оправдан спустя 70 лет после казни. Дебре Милки повезло больше: она провела в заключении в ожидании исполнения смертного приговора 22 года, после чего была оправдана. Осужденная не была казнена, но, будучи невинной, провела в местах лишения свободы почти четверть века, что, несомненно, ужасает.

Таким образом, можно подвести итог о противоречивости института смертной казни. Наказание, задумывающееся как равнозначное, за тяжкие, потрясающие своей жестокостью, преступления, должно производиться строго в рамках закона. Оно предназначено для ответственности лица за совершенные деяния, а не для пыток и причинения физических или психологических страданий.

Особенно важным для целей исполнения указанного вида наказания является предельная тщательность в ходе проведения расследования по делам, по которым может быть вынесен смертный приговор, и, соответственно, максимально доскональное проведение судебных заседаний.

По нашему мнению, значимым является и вопрос о квалификации лиц, работающих с осужденными к смертной казни. Такие люди должны обладать особой психической устойчивостью, хладнокровностью, принципиальностью, честностью и умением действовать в установленных законом пределах.

Говоря о служащих мест лишения свободы, стоит упомянуть и органы, осуществляющие расследования. Целью проведения любого расследования является установление виновного в совершении преступления лица либо выявление обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии состава преступления.

Однако бывают ситуации, когда сотрудниками следственных органов завладевают чувства или гнева, который затмевает им глаза, или желания быстрого раскрытия тяжкого преступления, всколыхнувшего общественность, в целях торжества «справедливости» и продвижения по карьерной лестнице.

Как мы видим, указанные моменты не всегда могут регулироваться с правовой точки зрения, но это не означает, что действия государственно-властных структур не должны быть на это направлены. Только путем поэтапной работы с сознанием людей, с четко ограниченными юридическими нормами, с фактическим установлением справедливости возможно использование одного из самых сложных законодательно закрепленных институтов – института смертной казни.

Пристатейный библиографический список

1. Анисин А. Л. Проблема смертной казни: криминологический, социальный и нравственные аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 2 (20). – С. 34-41.
2. Квапис В. Е. Новые веяния в практике федеральной юстиции США // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2020. – № 6. – С. 3-6.
3. Квапис В. Е. О новых тенденциях и перспективах института смертной казни в США // Общество и право. – 2020. – № 4 (74). – С. 7-11.
4. Козак Л. Л. Смертная казнь и (или) пытка: США, реалии // Теология. Философия. Право. – 2021. – № 1 (15). – С. 29-41.
5. Филатов И. А. Назначение наказания в виде смертной казни по уголовному законодательству США // Трибуна ученого. – 2020. – № 4. – С. 151-155.

РОМАН Егор Михайлович

курсант Юридического факультета Академии права и управления ФСИН России

ЮНУСОВ Самур Абдулжабарович

старший научный сотрудник центра исследования проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В РОССИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РФ

Статья посвящена коррупционным проблемам. Рассмотрены основные детерминанты коррупционной преступности в уголовно-исполнительной системе. Выделено участие институтов гражданского общества в противодействии коррупции в УИС, а также проанализированы пути совершенствования сотрудничества УИС с институтами гражданского общества.

Ключевые слова: коррупционная проблема, детерминанты коррупции, гражданское общество, борьба с коррупцией.

ROMAN Egor Mikhailovich

cadet of the Faculty of Law of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

YUNUSOV Samur Abdulzhabarovich

senior researcher of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the penal system, FKU Research Institute of the FPS of Russia, Moscow

THE ROLE OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN COMBATING CORRUPTION IN RUSSIA AND THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to corruption problems. The main determinants of corruption crime in the penal system are considered. The participation of civil society institutions in combating corruption in the UIS is highlighted, as well as ways to improve the cooperation of the UIS with civil society institutions are analyzed.

Keywords: corruption problem, determinants of corruption, civil society, fight against corruption.

Введение

Актуальность темы исследования. Коррупционная проблема в нашей стране является уникальной по своей сути. Все ретроспективные исследования подтверждают её существование с древних времен. Поиск эффективных методов борьбы с ней ведется уже несколько веков, но уровень коррупции в нашей стране остается на достаточно высоком уровне. Одной из детерминант этого является, то, что при разработке долгосрочных антикоррупционных стратегий не принимается во внимание важный аспект, касающийся построения в российском государстве гражданского общества. Невозможно победить коррупцию пока не достигнут необходимый уровень взаимодействия между соответствующими институтами общества и государственными структурами. Именно налаживание такого диалога позволит обеспечить контроль со стороны общественности за органами власти, благодаря которому уровень коррумпированности государственных структур сможет существенно снизиться.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что действующая система противодействия коррупции в государственных органах недостаточно эффективна. Это свидетельствует, в свою очередь, о необходимости создания оптимальных методов деятельности по устранению коррупционных проявлений в органах власти РФ путем налаживания диалога с общественностью.

Теоретическую основу исследования составили работы таких ученых, как Агеев В. Н., Каинов А. С., Максимов В. К., Антошин В. А., Ершов Ю. Г., Грудцын Л. Ю., Лагуткин А. В. и др.

Анализ научной и нормативной литературы позволил нам выявить ряд **противоречий**:

- между возросшей потребностью в эффективных методах противодействия коррупции в РФ и недостаточной теоретической разработанностью этой проблемы;
- между имеющимся потенциалом повышения роли гражданского общества в РФ и неэффективным использованием данного ресурса.

С учетом указанных выше противоречий **проблема исследования** состоит в научном осмыслении и обосновании

оптимальной системы мер противодействия коррупции в РФ и Уголовно-исполнительной системы РФ с учетом использования институтов гражданского общества.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при взаимодействии гражданского общества с органами власти государства в вопросе противодействия коррупции.

Предметом исследования выступают возможные оптимальные методы устранения коррупционных проявлений при помощи гражданского общества в уголовно-исполнительной системе РФ.

Цель исследования: осуществить анализ роли гражданского общества в противодействии коррупции в РФ и уголовно-исполнительной системы РФ.

Для достижения поставленной цели исследования определены следующие **задачи**:

1. Изучить детерминанты и современное состояние коррупции в УИС;
2. Рассмотреть участие институтов гражданского общества в противодействии коррупции в УИС;
3. Проанализировать пути совершенствования сотрудничества УИС с институтами гражданского общества

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе осуществлен системный подход к рассмотрению комплексной проблемы, связанной с развитием гражданского общества в РФ и противодействием коррупции в уголовно-исполнительной системе РФ.

Основная часть

При рассмотрении данной темы необходимо начать с причин и условий совершения коррупционных преступлений в УИС, носящих как общий, так и специфический характер:

- низкая заработная плата, не отражающая реальный объем выполняемой работы;
- наличие широкого круга административных полномочий у ряда должностей сотрудников;
- отсутствие должного контроля со стороны институтов гражданского общества;
- ненормированный рабочий график сотрудников;

- низкая правовая грамотность ряда сотрудников УИС;
- несовершенство антикоррупционного законодательства;
- стигматизация сотрудников УИС посредством СМИ [6].

Данные причины детерминируют определенный уровень коррупционных проявлений в уголовно-исполнительной системе.

Развитие, а лучше сказать улучшение существующей системы правоотношений в федеральной службе исполнения наказаний – задача многогранная, заключающаяся и в качественном отборе кадров, и в эффективном исправлении осужденных, а также в снижении коррупционных преступлений среди сотрудников УИС и т.д. [1]. Данный список достаточно широк по своей сути, так как включает в себя множество пунктов, которые постоянно необходимо модифицировать, шагая в ногу со временем.

На основании вышеизложенного, необходимо отметить, что общемировая тенденция проявляется в сближении государственного аппарата с институтами гражданского общества. Именно построение качественного диалога, направленного на взаимное улучшение, позволяет быстрее находить и устранять существующие ошибки, а также намечать прогрессивный курс развития.

Уголовно-исполнительная система также не должна быть исключением: необходимо понять какие институты гражданского общества помогут справиться со сложившейся коррупционной ситуацией. Основные мероприятия и способы взаимодействия закреплены в Концепции развития УИС [2]. Взаимодействие с другими институтами сводится к трем основным направлениям:

1. Предупреждение коррупционных преступлений;
2. Выявление, пресечение и раскрытие коррупционных преступлений;
3. Ликвидация и минимизация последствий коррупционных преступлений.

Многие ученые считают, что наиболее действенным является первый подход, ведь как известно «лучше предупредить правонарушение, чем бороться с его последствиями» [4]. Поэтому необходимо выделить основные меры для профилактики соответствующей категории преступлений:

1. Информирование сотрудников УИС посредством наглядной агитации (листовок, плакатов, видеофильмов) не только об уголовной ответственности за коррупционные преступления, но и о вреде обществу данным преступлением;
2. Проведение бесед, лекций, содержащих информацию о коррупционных преступлениях (их состав с юридической точки зрения, ущерб, статистические данные, разбор реальных случаев);
3. Формирование антикоррупционного правосознания с помощью взаимодействия с институтами общества, пропагандирующими нетерпимое отношение к коррупции как на уровне отдельного сотрудника, так и исправительного учреждения в целом;
4. Взаимодействие с религиозными организациями как органами, формирующими морально-этические принципы, заключающиеся в уважении к закону, верности служебному долгу, патриотизме, которыми руководствуется сотрудник при выполнении своих должностных обязанностей;
5. Повышение взаимодействия со средствами массовой информации, задачей которых должна стать пропаганда сотрудника УИС как законопослушного и правопорядочного гражданина РФ, проведение политики антистигматизации сотрудников УИС;
6. Поднятие престижа службы в пенитенциарных учреждениях путем популяризации ведомственной службы в школах, вузах и других образовательных учреждениях;
7. Разработка стандартов антикоррупционного поведения среди сотрудников различных отделов и служб.
8. Повышение эффективности работы общественного контроля наблюдательными комиссиями в субъектах РФ.
9. Всеобъемлющее усиление общественного воздействия в области борьбы с коррупцией различными субъектами – политическими партиями, союзами, НКО.
10. Информирование о коррупционных преступлениях с помощью горячей линии.

Приведенные точки соприкосновения могут позволить снизить коррупционные преступления среди сотрудников УИС. При этом необходимо понимать, что данный процесс

не может быть одномоментным и при выполнении соответствующих задач, в том числе и нивелировании коррупционных преступлений, нужно быть готовым к длительному процессу и трудностям [5].

Так же надо принимать во внимание, что определенные специфические социальные отношения между осужденными и администрацией исправительных учреждений, обуславливают коррупционное поведение сотрудников. В этой сфере присутствует высокая степень приспособления к постоянно меняющейся социально-экономической ситуации. Данные обстоятельства выступают следствием того факта, что ни одно направление общественных отношений не обеспечивает аккумуляцию в себя большого разнообразия национальных, социальных, идеологических, психологических, экономических, производственных, и других факторов, порождающих коррупцию [3].

Несмотря на условия «коронокриза», темпы сближения УИС с институтами гражданского общества не должны снижаться. На наш взгляд, нельзя останавливать процесс, который только-только начинает приобретать демократические черты прозрачности и открытости. Он должен приобрести немного другую форму, вызванную сегодняшней повесткой при соблюдении всех необходимых мер профилактики.

Заключение

Контроль со стороны гражданского общества – деятельность институтов гражданского общества, направленная на предотвращение, выявление и профилактику преступлений среди государственных служащих.

Нам представляется необходимым развитие в данном направлении, так как оно поможет получить положительные результаты в ближайшем будущем.

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие выводы:

- коррупционная проблема носит всеобъемлющий характер, пронизывающий все сферы общественной жизни. Исключением не является и уголовно-исполнительная система;
- только поиск качественных механизмов взаимодействия институтов гражданского общества с государственными органами может оказать плодотворное влияние на нивелирование коррупционной проблемы.

Пристатейный библиографический список

1. Везломцев В. Е. Социально-философский анализ наказания: ретрибутивизм и консеквенциализм: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Санкт-Петербург, 2010. – 205 с.
2. Везломцев В. Е., Терещенко Т. Г. Понятие коррупции и правовое регулирование противодействия коррупции в пенитенциарных системах России и Республики Беларусь // Международный пенитенциарный журнал. – 2015. – № 3. – С. 81-84.
3. Везломцев В. Е., Бурукин В. В. Равноправный диалог гражданского общества с государством как атрибутивное условие в борьбе с коррупцией // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 10 (113). – С. 364-367.
4. Козин М. Н. Взаимодействия учреждений УИС с органами государственной власти и институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 6.
5. Мельникова М. В. К вопросу о взаимодействии учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 1 (32).
6. Смирнов А. М. Основные факторы, детерминирующие преступления коррупционной направленности в уголовно-исполнительной системе // Бюллетень науки и практики. – 2019. – № 5.

ЩЕРБАКОВ Андрей Васильевич

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в УИС Псковского филиала Академии ФСИН России

САБИРОВА Диана Рушановна

курсант 4 курса Псковского филиала Академии ФСИН России

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СОСТОЯНИЕ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ И ПРАВОПОРЯДОК В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В данной статье исследуются и анализируются факторы и явления, оказывающие влияние на состояние оперативной обстановки, на правопорядок и деятельность подразделений в исправительных учреждениях. Анализ специальной литературы позволил выделить несколько более значимых групп факторов, оказывающих особое влияние на состояние оперативной обстановки на режимной территории.

Авторы попытались сформулировать собственное понятие «оперативная обстановка», рассмотреть его, как в узком, так и в широком смысле. Формируются предложения по повышению эффективности работы пенитенциарных подразделений для стабилизации состояния оперативной обстановки и правопорядка в местах лишения свободы.

Ключевые слова: исправительные учреждения, осужденные, факторы, оперативная обстановка, деятельность, состояние, правопорядок, спецконтингент.

SHCHERBAKOV Andrey Vasiljevich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Organization of the regime and operational investigative activities in the UIS sub-faculty of the Pskov branch of the Academy of the FPS of Russia

SABIROVA Diana Rushanovna

cadet of the 4th course of the Pskov branch of the Academy of the FPS of Russia

FACTORS INFLUENCING THE STATE OF THE OPERATIONAL ENVIRONMENT AND LEGAL ORDER IN CORRECTIVE INSTITUTIONS

This article examines and analyzes the factors and phenomena that affect the state of the operational situation, law and order and the activities of units in correctional institutions. The analysis of the special literature allowed us to identify several more significant groups of factors that have a special impact on the state of the operational situation in the regime territory. The authors tried to formulate their own concept of "operational situation", to consider it both in a narrow and in a broad sense. Proposals are being formed to improve the efficiency of the work of penitentiary units to stabilize the operational situation and law and order in places of deprivation of liberty.

Keywords: correctional institutions, convicts, factors, operational environment, activity, condition, law and order, special contingent.

Одной из главных задач в независимости от вида исправительного учреждения (далее – ИУ) режима содержания осужденных перед всеми пенитенциарными учреждениями ставится обеспечение безопасности и правопорядка. Исходя из данной задачи, главным составляющим элементов выступает оперативная обстановка [1].

Для наиболее эффективной функциональности подразделений учреждения, для успешной организации службы, важным условием является информирование и осведомленность сотрудников оперативного отдела в процессах, обстановке внутри коллектива спецконтингента. Помимо этого, на организацию работы оперативного аппарата влияет и учет всех изменений, и оперативность реагирования на ту или иную ситуацию, происходящую в учреждении.

В широком смысле оперативная обстановка складывается из обстоятельств, условий, имеющихся сил и средств для обеспечения эффективного функционирования учреждения.

В узком же смысле, под оперативной обстановкой понимают комплекс внешних и внутренних явлений, которые оказывают влияние на правопорядок ИУ, имеющие качественные и количественные показатели, которые влияют на криминогенную обстановку в учреждении.

Контроль и оценка оперативной обстановки производится по отчетным и статистическим показателям всех направлений деятельности пенитенциарного учреждения. В качестве таких показателей в пенитенциарном учреждении выступают: вид и режим учреждения; географическое место нахождения учреждения; лимит наполнения и реальное количество осужденных; штатная численность сотрудников; статистические показатели пенитенциарной преступности среди спецконтингента, тюремная субкультура; возраст и пол осужденных; направление производства в учреждении; количество правонарушений и нарушений установленного режима отбывания наказания осужденными; количество лиц, переведенных в штрафной изолятор, помещение камерного типа, единое помещение камерного типа; количество трудящихся осужденных; материально-бытовые условия содержания спецконтингента [2, с. 1-8].

Подводя мысль к анализируемым факторам, которые в значимой степени могут повлиять на правопорядок в пенитенциарных учреждениях, необходимо учесть, что их определенной классификации нет, ввиду того, что каждый из них имеет свое значение в той или иной ситуации.

Изучение специальной литературы позволило разделить основные факторы на несколько групп:

Щербаков А. В.

Сабирова Д. Р.

К первой следует отнести:

1. Географическое расположение ИУ. Касается это положения учреждения вблизи с населенными пунктами, водоемами, лесом и так далее. Непосредственная близость с жилым районом позволит осужденному, совершившему побег из ИУ, укрыться от преследования, взять в заложники, кроме того, совершить новое преступление. Жители в данном случае подвергаются постоянному напряжению, страху и опасности. Приведем пример, почти в центре города Пскова, Псковской области, находится следственный изолятор для обвиняемых, подозреваемых и осужденных лиц, совершивших преступление, вблизи которого находятся жилые дома. Нахождение учреждения вблизи с жилыми домами повышает вероятность «перебросов» запрещенных предметов. Кроме того, скрыться от преследования правоохранительных органов намного проще и быстрее вблизи жилых районов.

Однако стоит учесть, помимо жилых строений вблизи учреждения возможно нахождение зданий иных правоохранительных органов, например, расположение прокуратура N-кой области. Несомненно, это является одним из сдерживающих факторов при совершении правонарушений со стороны спецконтингента, для граждан осуществления переброса запрещенных предметов на режимную территорию следственного изолятора (Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (утв. приказом Минюста РФ от 14 октября 2005 г. № 189)).

2. Лимит наполнения учреждения. По нашему мнению, чем меньше количество спецконтингента находится на режимной территории при отбывании уголовных наказаний, тем эффективнее за ними производится надзор и контроль. При содержании в учреждении большого количества спецконтингента, необходима достаточная численность сотрудников администрации, что не всегда является возможным, ввиду этого, у осужденных появляется благоприятные условия для совершения различных правонарушений. Из-за недостаточной численности сотрудников администрации пенитенциарных учреждений, ухудшаются контрольные и надзорные функции за спецконтингентом (осужденным удается на производственных объектах изготавливать запрещенные предметы при помощи их совершать нападения на сотрудников администрации, иных лиц находящихся на режимной территории, других осужденных; поступление запрещенных предметов по другим каналам).

3. Немаловажным для стабильной оперативной обстановки в учреждении являются явления природного, техногенного, биогенного характера, прогнозирование которых почти невозможно. Однако в таких случаях законодательство Российской Федерации (ст. 85 Уголовно-исполнительного Кодекса Российской Федерации) определило введение режима особых условий на территории учреждения. Целью введения является принятие администрацией мер по усилению контроля, надзора и наблюдения за осужденными, охране учреждения. Помимо этого, ограничивается ряд прав спецконтингента, к примеру, телефонные переговоры и свидания, это необходимо для безопасности персонала, самих осужденных и иных гражданских лиц, а также для предупреждения совершения преступлений и правонарушений со стороны осужденных в данный период.

4. Режим ИУ. Нужно сказать, что в колониях особого режима совершение преступлений почти невозможно, в отличие от колоний-поселений или же колоний общего режима. Нужно учесть, что на начало 2020 года произошел значительный спад пенитенциарных преступлений, по сравнению с аналогичным периодом 2019 года. Количество лиц, совершивших правонарушения в местах лишения свободы в первом полугодии 2019 г., без учета осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, составляет 316 499. Во втором полугодии число таких лиц составило 169 947 человек [3].

Ко второй группе элементов относятся:

1. Большое количество производственных объектов на территории. Как было выше сказано, на данных участках находится довольно большое количество помещений, что может способствовать совершению преступлений, изготовлению запрещенных предметов. Несомненно, наличие производственных объектов имеет и положительные стороны, ведь через привлечение к труду осужденные могут получать навыки, осваивать новые профессии. Занятие трудом на территории способно помочь и после освобождения спецконтингенту, трудоустроиться, имея опыт работы, гораздо проще и быстрее в настоящее время, даже лицу, отбывавшему наказание в ИУ.

2. Профессиональная подготовка и мастерство сотрудников учреждения также имеет значение при организации воспитательной работы с осужденными, качественного и должного контроля, надзора за ними, охраны учреждения. Плохая подготовка сотрудников к непредвиденным ситуациям в значительной мере способствует ухудшению оперативной обстановки и нормальной деятельности подразделений. В настоящее время в местах лишения свободы сотрудников, у которых опыт и стаж работы составляет более 5 лет, меньше примерно 5 %, чем лиц младшего начальствующего состава, которые работают менее 3 лет – 15 %. Несомненно, более опытный сотрудник намного «оперативнее» среагирует на чрезвычайное происшествие разного характера, чем лицо, которое ни разу не сталкивалось с подобным родом событиями [4, с. 86-91].

3. Гендерная принадлежность осужденных. Пол осужденных, зачастую, определяет характер преступлений и поведение. Как правило, осужденные мужского пола совершают преступления чаще, в отличие от женщин. По данным 2020 года, количество мужчин, отбывающих наказание в местах лишения свободы, составило 374 994 человек, гораздо меньшее количество составили осужденные женского пола – 29 984 [5].

Также следует отметить, что женщины менее склонны к совершению правонарушений в местах лишения свободы, к массовым беспорядкам, к групповым неповиновениям, в отличие от мужчин, ввиду того, что все женщины могут содержаться либо в колони-поселения, где условия намного проще, чем в колониях строгого режима, также могут содержаться в колониях общего режима. Если женщина беременна, ей предоставляется возможность содержаться в домах ребенка в возрасте до трех лет. Для женщин, в целом, создаются улучшенные материально-бытовые условия, должная медицинская помощь.

4. Возраст спецконтингента. Люди пожилого возраста, отбывающие наказание в местах лишения свободы, менее агрессивны, склонны к нарушениям режима содержания и неповиновению администрации учреждения. Лица от 30 до 45 лет являются более агрессивными, отрицающими труд и так далее. Ввиду нестабильной психики, возможно, психологической травмы, недостаточного уровня образования, излишней энергичности, наивности и ведомости, лица подросткового возраста, содержащиеся в воспитательных колониях для несовершеннолетних, более склонны к неповиновению администрации, в том числе групповому [6, с. 45-46].

5. Оснащенность учреждения инженерно-техническими средствами охраны и надзора (далее – ИТСОН). Качественное и современное оборудование территории ИТСОН позволяет в полной мере обеспечивать безопасность, охрану ИУ, контроль и надзор за осужденными и их поведением, способствует уменьшению вероятности совершения подкупа, переброса запрещенных предметов, побегов, различных противоправных действий со стороны спецконтингента и незаконных действий сотрудников.

6. Немаловажным является и неофициальное деление осужденных по группам, так называемым кастам. Категория лиц, образующих группы, отрицающих режим, сотрудни-

чество с администрацией, прием пищи, помощь психологической службы учреждения в большей степени агитируют других преступников на подобные действия. Хотя и на современном этапе все силы правоохранительных органов уходят на ликвидацию формирований различных субкультур среди спецконтингента, но на сегодняшний день так и не удалось полностью искоренить данную направленность. Несмотря на это, влияние на группы может иметь лицо, прозвавшее себя старшим или же которого выбрали возглавлять группу. Конструктивный, спокойный, информативный диалог с данным лицом сотрудника учреждения позволит приостановить или вовсе прекратить неповиновения других осужденных, отказ от приема пищи и так далее.

7. Психологическое состояние спецконтингента. Должная психологическая работа и помощь осужденным играет одну из главных ролей в исправлении преступников. Равнозначными являются беседы, занятия, как в группе, так и в индивидуальном порядке. Индивидуальная работа с осужденными необходима для детального изучения личности, формирования причины совершения того или иного преступления, для ресоциализации личности после освобождения, налаживания социальных связей, использование превентивных мер для недопущения повторных преступлений. Групповая же работа направлена на создание позитивных взглядов, формирование иных взглядов, привычек, получение новых навыков. Как указано в УИК РФ, воспитательная работа с осужденными направлена на формирование у них уважительного отношения к людям, труду, получение образования, новой профессии.

8. Криминологическое и управленческое прогнозирование негативных явлений среди осужденных. Н. П. Барабанов в своей монографии отмечает, что «Под криминологическим прогнозированием в исправительных учреждениях следует понимать осуществляемый должностными лицами (начальник структурных подразделений, его заместители, руководители структурных подразделений, сотрудники) на основе достоверной и полной информации анализ, в ходе которого выявляются факторы, закономерности, проблемы и делается криминологический прогноз на ближайшее или более отдаленное время о возможных тенденциях криминогенных и криминальных явлений и процессов, их влияние на состояние оперативной обстановки, деятельность структурных подразделений [7, с. 123]». То есть подготовка и принятие правильных решений на недопущение ухудшения оперативной обстановки, т.е. профилактики девиантного поведения, предотвращение криминальных ситуаций, противоречащих правилам внутреннего распорядка учреждения. Из этого следует, что необходимо постоянно вести отчет по: статистике преступности в том регионе, в котором расположено ИУ; анализировать пенитенциарную преступность в учреждении и причины; количество поступления в учреждение запрещенных предметов; количество лиц, не желающих соблюдать правила внутреннего распорядка.

На основании всего вышесказанного следует выделить некоторые аспекты:

1. Под оперативной обстановкой понимается комплекс явлений, причин, условий, а также показателей, влияющих в той или иной мере на деятельность всех подразделений учреждения.

2. Факторами выступают те или иные ситуации, условия, события, причины, которые влияют на правопорядок в ИУ, на организацию управления и функциональность самого учреждения.

3. Ввиду того, что каждое явление, фактор влияет на процесс деятельности учреждения, определенной классификации на сегодняшний день не установлено, однако многие ученые, профессора и практики выделяют факторы, оказывающие воздействие с внешней стороны учреждения, и факторы, возникающие в среде спецконтингента.

4. Для эффективного обеспечения правопорядка в учреждениях необходимо постоянно анализировать процессы и явления, ситуации, происходящие как внутри учреждения, так и в регионе, в котором находится ИУ. Задача для выявления рассмотренных выше факторов лежит на каждом структурном подразделении пенитенциарного учреждения, соответственно, факторы, которые негативно влияют на правопорядок и ухудшают оперативную обстановку, должны в кратчайшие сроки ликвидироваться, а факторы, которые воздействуют на правопорядок с положительной стороны, – развиваться и расширяться.

Пристатейный библиографический список

1. Кузыченко В.С. Факторы оперативной обстановки в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Гуманитарные научные исследования. – 2019. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2019/06/25909> (дата обращения: 18.11.2021).
2. Майстренко Г. А. К вопросу о понятии «оперативная обстановка» (на примере учреждений уголовно-исполнительной системы) // Административное право и практика администрирования. – М., 2021. – № 1. – С. 1-8.
3. Число преступлений, совершенных отдельными категориями лиц: Официальный сайт ФСГС РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new (дата обращения: 20.11.2021).
4. Огородников В. И., Кочкина О. В. Некоторые проблемные вопросы комплектования кадров в уголовно-исполнительной системе // Прикладная юридическая психология. – М., 2014. – № 2. – С. 86-91.
5. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru> (дата обращения: 20.11.2021).
6. Шостак А. Психологические особенности несовершеннолетних осужденных // Журнал гуманитарных наук. – М., 2017. – № 18. – С. 45-46.
7. Барабанов Н. П. Организация деятельности исправительных учреждений по предупреждению и пресечению массовых беспорядков, захватов заложников, побегов. – Рязань, 2003. – С. 363.

МЕХТИЕВ Элхан Рауфович

аспирант кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА КАК ОДНОЙ ИЗ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПРЕВЕНТИВНО-ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются наиболее актуальные аспекты совершенствования практики применения домашнего ареста как одной из альтернативных превентивно-принудительных мер в уголовном процессе и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующего указанную меру, необходимости законодательного закрепления права лица, находящегося под домашним арестом на ежедневную прогулку, производства осмотра жилища на предмет возможности исполнения указанной меры, а также получения согласия на избрание в отношении обвиняемого или подозреваемого домашнего ареста совместно проживающих с ним лиц и (или) собственника жилища.

Ключевые слова: домашний арест, превентивно-принудительная мера, мера пресечения, прогулка, осмотр жилища.

MEKHTIEV Eikhan Raufovich

postgraduate student of Law enforcement, criminal law and process sub-faculty of the Pskov State University

TOPICAL ISSUES OF IMPROVING THE PRACTICE OF APPLYING HOUSE ARREST AS ONE OF THE ALTERNATIVE PREVENTIVE AND COERCIVE MEASURES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the most relevant aspects of improving the practice of applying house arrest as one of the alternative preventive and coercive measures in criminal proceedings and the criminal procedure legislation of the Russian Federation regulating this measure, the need for legislative consolidation of the right of a person under house arrest to take a daily walk, inspection of the dwelling for the possibility of executing this measure, as well as obtaining consent to the election of persons living together with him and (or) the owner of the dwelling in relation to the accused or suspect.

Keywords: house arrest, preventive and compulsory measure, preventive measure, walk, home inspection.

Появление в 2018 г. в системе уголовно-процессуальных превентивно-принудительных мер новой меры пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) [10], предусматривающей запрет для обвиняемого или подозреваемого выхода в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, а также исключение законодателем из ч. 1 ст. 107 УПК РФ, определяющей домашний арест, перед словом «изоляция» слов «полная» или «частичная», отсутствие в законодательстве определения понятия «изоляция от общества», используемого в нормах о домашнем аресте, порождают в правоприменительной практике и науке вопросы о степени изоляции лица, о возможности покидать место исполнения меры пресечения, например, для прогулки или посещения магазина, но и разную правоприменительную практику.

В настоящее время большинство авторов сходятся во мнении, что домашний арест заключается в полной изоляции обвиняемого (подозреваемого) от общества и не предполагает возможности выходить за пределы жилого помещения [1; 2; 3, с. 126; 4, с. 49-50].

Обосновывая необходимость появления в УПК РФ такой меры пресечения, как запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, законодатель в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)» (Пояснительная записка) указал не только на необходимость расширения системы мер пресечения, альтернативным заключению под стражу, но и на несправедливость одинакового зачета в срок содержания под стражей,

а далее в срок лишения свободы или других видов наказания в случае постановления судом обвинительного приговора, срока домашнего ареста с запретом выхода из жилого помещения и срока домашнего ареста без запрета выхода из жилого помещения, так как имеет место неравное положение лиц, содержащихся под стражей, и лиц, находившихся под домашним арестом с правом покидать жилище [5].

Кроме того, в Пояснительной записке в качестве аргументов приведены положения решений Конституционного Суда Российской Федерации. Так, согласно Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 г. № 9-П факт лишения свободы необходимо устанавливать «по существенным признакам, таким как принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества, семьи, прекращение выполнения служебных обязанностей, невозможность свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц» (абз. 6 п. 3). Аналогичная позиция изложена в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П: «и домашний арест, и заключение под стражу в действующей системе правового регулирования связаны с принудительным пребыванием подозреваемого, обвиняемого в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных или иных трудовых обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц, т. е. с непосредственным ограничением самого права на физическую свободу и личную неприкосновенность, а не только условий его осуществления» [5].

Указанное предопределило и внесение изменений в ч. 10 ст. 109 УПК РФ, согласно которой в срок содержания под стражей засчитывается время:

– домашнего ареста;
– запрета выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения из расчета два дня его применения за один день содержания под стражей.

В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2021 г. № 2121-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коленцевой Ирины Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав статьей 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» также указывается, что действующая редакция ст. 107 УПК РФ не предоставляет подозреваемому и обвиняемому право покинуть жилое помещение, избранное в качестве места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста.

Тем не менее по вопросу степени изоляции обвиняемого (подозреваемого), находящегося под домашним арестом, отсутствует единообразная правоприменительная практика.

Как отмечает судья Ю. Р. Гершевский, практика «пошла по пути предоставления лицу, находящемуся под домашним арестом, времени для прогулок». С учетом свободы правоприменителя в определении периодов прогулок при домашнем аресте и запрета выходить из жилища при запрете определенных действий, разница между этими двумя мерами пресечения может стираться практически полностью [3, с. 126].

Опрос сотрудников уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) разных регионов показал, что суды, как правило, при избрании домашнего ареста разрешают обвиняемому прогулку. В некоторых регионах имели место и случаи, когда суды фактически вынуждены были при продлении срока домашнего ареста все же разрешить прогулку, так как человек проживал один и не имел возможности даже приобрести продукты питания и лекарства.

Как показал анализ 120 судебных решений об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста за период 2018–2021 гг., суд в большинстве случаев (56 %) все же предоставлял возможность обвиняемому (подозреваемому) покинуть пределы жилого помещения, в том числе для ежедневной прогулки различной продолжительности по времени (например, 1 час, 2 часа, в период времени с 06 часов утра до 22 часов на территории приусадебного земельного участка), посещения магазина, аптеки, часто без конкретизации продолжительности по времени, иногда с указанием на дневное время суток. При этом примечательно, что, избирая меру пресечения в виде домашнего ареста, суд возлагал на обвиняемого (подозреваемого) запрет покидать жилое помещение, который, по сути, был упразднен Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ [10], а в некоторых случаях – запрет покидать жилище без письменного разрешения следователя или контролирующего органа изменять указанное место проживания без разрешения следователя, свободно передвигаться по району в отсутствие сопровождения сотрудников ФСИН России, т. е. запреты, которые не предусмотрены ст. 107 УПК РФ. Более того, в п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 [6], прямо указано на то, что суды не вправе подвергать подозреваемого или обвиняемого запретам, не предусмотренным ч. 7 ст. 107 УПК РФ.

Однако Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии к рассмотрению жалобы гр. И. Г. Коленцевой на нарушение ее конституционных прав ст. 107 УПК РФ. Заявительница обосновывала жалобу тем, что право на ежедневную прогулку продолжительностью не менее часа предоставлено лицам, содержащимся под стражей, а ст.

107 УПК РФ такой возможности для лиц, находящихся под домашним арестом в изоляции от общества, не предусматривает, что нарушает ее конституционные права на охрану здоровья, достойное обращение, свободу и личную неприкосновенность [7].

По мнению Е. В. Ларкиной, правоприменитель поставлен перед выбором: либо обвиняемый при домашнем аресте будет пребывать в более комфортных условиях по месту жительства, но без прогулок, либо, если он желает осуществлять прогулки или нуждается в них (например, по состоянию здоровья), в отношении его избирается или заключение под стражу (и тогда он сможет реализовывать свое право на прогулки в условиях содержания в следственном изоляторе), или мера пресечения в виде запрета определенных действий – с установлением запрета покидать жилище только в определенные периоды времени [9].

Однако указанный выше автор не отрицает возможности и второго варианта, связанного с разрешением прогулок при домашнем аресте, но лишь под контролем сотрудников ФСИН России, так как, если обвиняемый (подозреваемый) такие прогулки будет осуществлять самостоятельно, нельзя поручиться, что в это время он будет изолирован от общества.

В соответствии с п. 11 ст. 17 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» подозреваемые и обвиняемые имеют право пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью не менее одного часа. В этом случае все логично, так как право доступа лиц, содержащихся под стражей, на открытый воздух для прогулки является реализацией принципа гуманизма и обеспечения минимума, надлежащего («достойного») обращения с содержащимися под стражей, гарантией защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с подозреваемыми или обвиняемыми.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания» указано, что «под условиями содержания лишенных свободы лиц следует понимать условия, в которых с учетом установленной законом совокупности требований и ограничений реализуются закрепленные Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации права и обязанности указанных лиц, в том числе: право на ... охрану здоровья, ... прогулки».

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» санитарно-эпидемиологическое благополучие населения – это состояние здоровья населения, среды обитания человека, при котором отсутствует вредное воздействие факторов среды обитания на человека и обеспечиваются благоприятные условия его жизнедеятельности.

Определение здоровья приводится в преамбуле Устава (Конституции) ВОЗ (Нью-Йорк, 22 июля 1946 г.). Здоровье рассматривается широко как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов. Отметим, что

обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав всякого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического или социального положения [8].

Лица, находящиеся под домашним арестом, в настоящее время с учетом законодательной конструкции ст. 107 УПК РФ не имеют права на прогулку. Эта проблема обостряется в случаях, когда обвиняемый (подозреваемый) проживает в квартире или комнате в городских условиях, т. е. находится в замкнутом пространстве, фактически лишен физической активности, что может сказаться на его физическом и психическом здоровье.

Как отмечают специалисты в области медицины, отсутствие ежедневной прогулки на свежем воздухе может привести к тому, что человеческий организм будет страдать от нехватки кислорода, ослабнет опорно-двигательный аппарат, появятся головные боли, повысится риск возникновения инфарктов, инсультов и сахарного диабета, ухудшится зрение, психологическое здоровье вплоть до депрессии [11].

Кроме того, важно учитывать и возможные сроки нахождения обвиняемого под домашним арестом. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 107 УПК РФ двухмесячный срок домашнего ареста при предварительном расследовании может быть продлен в порядке ст. 109 УПК РФ, определяющей сроки содержания под стражей, т. е. до 6 месяцев, по тяжким преступлениям – до 12 месяцев и по особо тяжким преступлениям – до 18 месяцев. Согласно статистическим данным, в 2020 г. судами было удовлетворено 6949 ходатайств об избрании домашнего ареста и 28 664 ходатайства о продлении его срока [12], а на учете УИИ за указанный период состояло 23 597 человек. На судебных стадиях, как показывает практика, обозначенные выше сроки могут быть значительно увеличены с учетом специфики судебного производства и признания лица виновным только после вступления обвинительного приговора в законную силу. При этом необходимо учитывать, что лицо, находящееся под домашним арестом, еще не признано виновным в совершении преступления.

Представляется, что обвиняемые (подозреваемые), к которым применен домашний арест, должны иметь право на прогулку, но здесь возникают вопросы о том, как при этом обеспечить изоляцию от общества, а также вопросы организации прогулки и осуществления контроля за обвиняемым (подозреваемым).

Опрос сотрудников УИИ разных регионов, где суды, как правило, при избрании домашнего ареста разрешают обвиняемому прогулку, показал, что в большинстве случаев она не только никаким образом не организовывается, но и происходит без контроля со стороны сотрудников УИИ, что иногда приводит к совершению повторных преступлений и замене меры пресечения. Однако в некоторых регионах имеется и другая практика, когда прогулки осуществляются под непосредственным контролем сотрудников УИИ, что, естественно, достаточно проблематично. Некоторые сотрудники УИИ указали, что в организации прогулок оказывает содействие система электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПИ). При этом в официальных обзорах ФСИН России указывается, что уровень применения оборудования СЭМПИ в отношении лиц, находящихся под домашним арестом, в 2020 г. составил 98,85 %.

Таким образом, с учетом появления меры пресечения, предусматривающей запрет выхода в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, очевидно, что при домашнем аресте у лица должна быть полная изоляция

(без возможности покидать жилое помещение, но с правом на прогулку), а при применении меры пресечения в виде запрета выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения – частичная изоляция.

На основании изложенного выше и в целях реализации принципа гуманизма, соблюдения права человека на здоровье, устранения пробела в правовом регулировании понятия «изоляция от общества», формирования единообразной правоприменительной практики представляется целесообразным дополнить:

– Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» понятием «изоляция от общества» в следующей редакции:

«При применении домашнего ареста обвиняемый или подозреваемый находится в изоляции от общества, под которой понимается лишение права на свободное передвижение за пределы жилого помещения или иного места, избранного для содержания под домашним арестом, за исключением установленного времени для прогулки»;

– ч. 8 ст. 107 УПК РФ предложением следующего содержания: «Подозреваемый или обвиняемый вправе пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью не менее одного часа в дневное время суток, уставленное контролирующим органом, с обязательным уведомлением о каждом случае выхода на прогулку и возвращения с нее контролирующего органа».

Кроме того, действующее законодательство не предусматривает необходимости обязательного исследования жилищных условий при избрании домашнего ареста, в связи с чем возникают сложности с применением СЭМПИ, когда лицо проживает в частном домовладении или квартире большой площади, а зона действия стационарного контрольного устройства значительно меньше.

Опрос сотрудников УИИ разных регионов позволяет привести некоторые примеры. Так, при избрании домашнего ареста лицу, проживающему в частном домовладении, должностные лица, производящие расследование, и суд иногда не учитывали, что помещения для личной гигиены (туалет и баня) находятся на улице, в связи с чем возникали ситуации, когда на пульт оператора стационарного пульта мониторинга поступало сообщение о нарушении условий пребывания под домашним арестом, когда лицо пользовалось баней, туалетом или чистило снег для подхода к ним. Иногда суды избирают домашний арест, а в жилище отключено электричество, что делает невозможным применение технических средств контроля. Встречаются и случаи избрания домашнего ареста лицам без определенного места жительства с указанием в постановлении адреса того места,azole которого данное лицо, как правило, пребывает.

Проведенным анализом 120 решений суда по вопросам применения домашнего ареста на предмет рассмотрения судом жилищных и бытовых условий, было установлено, что в 89 % случаях этот вопрос не исследовался.

Изложенное позволяет сформулировать предложение о дополнении ст. 107 УПК РФ частью 3.1 в следующей редакции: «Следователь, дознаватель, перед возбуждением ходатайства об избрании домашнего ареста в отношении подозреваемого или обвиняемого перед судом, или суд, избирая домашний арест по собственной инициативе, производят осмотр жилого помещения или иного места, избранного для содержания под домашним арестом, с целью удостоверения

в том, что оно пригодно для проживания и в нем есть необходимые условия для исполнения домашнего ареста. Материалы, подтверждающие, что жилое помещение или иное место, избранное для содержания под домашним арестом, пригодно для проживания и в нем есть необходимые условия для исполнения домашнего ареста, могут быть представлены суду стороной защиты».

С указанным предложением согласилось абсолютное большинство опрошенных сотрудников УИИ. Конечно, оно предусматривает возможное возложение дополнительных обязанностей на следователя, дознавателя или судью, а при этом, например, у следователя, с момента задержания лица по подозрению в совершении преступления до обращения в суд с ходатайством об избрании меры пресечения и так очень мало времени на сбор фактических данных, подтверждающих обоснованность заявляемого ходатайства, но без исследования судом вопроса о том, что жилое помещение или иное место, избранное для содержания под домашним арестом пригодно для проживания и в нем есть необходимые условия для исполнения домашнего ареста, применение указанной меры пресечения часто затруднительно, а иногда и не возможно. Тем более что указанные сведения могут быть представлены и стороной защиты, либо лица, проживающие в жилище, будучи заинтересованными в избрании более мягкой меры пресечения, чем заключение под стражу, не будут возражать против осмотра и не потребуются дополнительно получать согласие суда на производство указанного следственного действия.

Отсутствие в законодательстве требования о получении согласия на избрание в отношении обвиняемого или подозреваемого домашнего ареста совместно проживающих с ним лиц и (или) собственника жилища порождает определенные проблемы в правоприменительной практике, которые иногда сопряжены и с ограничением основных прав и свобод человека, например, при посещении жилища должностными лицами, осуществляющими контроль за лицом, находящимся под домашним арестом, наложении запрета использовать информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» или установлении аудиовизуальных средств контроля в жилом помещении.

На основании изложенного представляется целесообразным дополнить ч. 3 ст. 107 УПК РФ предложением следующего содержания: «К постановлению о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста прилагается оформленное в письменном виде согласие на избрание в отношении обвиняемого или подозреваемого домашнего ареста совместно проживающих с ним лиц и (или) собственника жилища».

Пристатейный библиографический список

1. Апостолова Н.Н. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Российская юстиция. 2019. № 3 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
2. Дикарев И.С. Запрет определенных действий в системе мер процессуального принуждения // Законность. – 2020. – № 8 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
3. Гершевский Ю.Р. Некоторые вопросы избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 2 (56). – С. 124-128.
4. Орлов А.В. Актуальные проблемы реализации домашнего ареста в свете введения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вестник Самарского юридического института. – 2018. – № 3 (29). С. 48-51.
5. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://asozd.duma.gov.ru>
6. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 2.
7. Определение от 30 сентября 2021 г. № 2121-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коленцевой Ирины Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав статьей 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
8. Комментарий к Федеральному закону от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (Постатейный) / О.В. Шашкова, Ю.В. Хлестун, Л.В. Савина, А.Н. Кайль / Под ред. О.А. Слепенковой // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
9. Ларкина Е.В. Запрет определенных действий и предусмотренные им запреты в сочетании с залогом и домашним арестом: первые полгода применения // «Lex russica». – 2019. – № 4 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
10. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 17. – Ст. 2421.
11. Врачи рассказали, к чему может привести отсутствие ежедневных прогулок и свежего воздуха. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mir24.tv/news/16438530/vrachi-rasskazali-k-chemu-mozhet-privesti-otsutstvie-ezhednevnyh-progulok-i-svezhego-vozduha>.
12. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 г. // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru>.

ГАБЫШЕВА Ольга Михайловна

магистрант 3 курса Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЖАЛОВАНИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена проблемам обжалования (оспаривания) правовых актов органов местного самоуправления. Автор проводит анализ норм, закрепленных в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ), касающихся порядка обжалования таких актов, делает собственные предложения по совершенствованию действующего законодательства. Предлагается определение муниципального нормативного правового акта. Также автором отмечается необходимость частичного пересмотра практики применения норм об обжаловании муниципальных правовых актов.

Ключевые слова: местное самоуправление, нормативный правовой акт, органы местного самоуправления, обжалование (оспаривание), муниципальный правовой акт.

GABYSHEVA Olga Mikhaylovna

magister student of the 3rd course of the Institute of Public Administration and Civil Service of the RANEPa under the President of the Russian Federation

PROBLEMATIC ISSUES OF APPEALING AGAINST NORMATIVE LEGAL ACTS OF LOCAL AUTHORITIES

The article is devoted to the problems of appealing (challenging) legal acts of local authorities. The author analyzes the norms enshrined in the Code of Administrative Legal Proceedings of the Russian Federation (CAS RF) concerning the procedure of appealing against such acts, makes his own proposals for improving the current legislation. The definition of a municipal regulatory legal act is proposed. The author also notes the need for a partial revision of the practice of applying norms on appealing municipal legal acts.

Key words: local government, normative legal act, local authorities, appeal (challenge), municipal legal act.

Условия современной жизни, связанные с пандемией и мерами, принимаемыми для борьбы с ней, являются довольно сложными, порождают большое количество конфликтных ситуаций, в том числе между гражданами и органами государственной власти и местного самоуправления. В такой ситуации государство должно особенно следить за соблюдением прав и законных интересов участников правоотношений. Данный вопрос касается в том числе обжалования муниципальных нормативных правовых актов, его эффективности и доступности для людей.

В 13 статье Гражданского кодекса России закреплены правила признания в судебном порядке недействительным любого правового акта, в том числе и нормативного, если он противоречит закону или иным правовым актам и нарушают права и (или) интересы гражданина или юридического лица, если последние охраняются государством. Нарушенное право при этом должно быть восстановлено любым законным способом¹.

Федеральный закон от 6 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – «ФЗ № 131») предусматривает возможность отмены или приостановления действия актов органов местного самоуправления следующими способами:

1. Самостоятельная отмена акта органом или должностным лицом, его издавшим.
2. При осуществлении муниципальными органами некоторых государственных полномочий, изданные ими акты могут отменяться компетентным органом государственной власти РФ.
3. Отмена или приостановление действия акта в судебном порядке судом общей юрисдикции или арбитражным судом.

Следует отметить, что обжалование может происходить и в досудебном порядке.

Для понимания, какие органы можно отнести к органам местного самоуправления необходимо обратиться к нормам международного и российского права.

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // СПС КонсультантПЛЮС.

Согласно положениям Европейской хартии местного самоуправления, местное самоуправление представляет собой право и действительную способность органов местного самоуправления определять и управлять весомой частью публичных дел в интересах населения при условии соблюдения законности².

Из вышесказанного следует, что интересы населения поставлены во главе угла всей деятельности органов местного самоуправления. Данное положение находит подтверждение и в положениях отечественного законодательства, где говорится о том, что местное самоуправление — это форма народовластия, которая призвана обеспечивать в установленных Конституцией РФ, федеральным законодательством, а также законами субъектов Федерации пределах ответственное и самостоятельное решение населением в своих интересах вопросов местного значения непосредственно и (или) посредством муниципальных органов с учетом исторических и иных местных традиций³. Муниципальные правовые акты разрабатываются и принимаются в целях решения вопросов местного значения следующими субъектами: населением муниципального образования, органом местного самоуправления либо должностным лицом.

В соответствии со статьей 43 ФЗ № 131, все муниципальные правовые акты вместе представляют собой систему, состоящую из устава муниципального образования; правовых актов, принятых на сходе граждан, то есть местным референдумом; нормативных и ненормативных правовых актов представительного органа муниципального образования; правовых актов, изданных главами муниципальных образований, иными должностными лицами или местной администрацией; иными субъектами, указанными в законе.

Муниципальные правовые акты могут обладать признаками нормативности, иметь собственное целевое назначение.

2 Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985, ратифицировано Российской Федерацией 01.09.1998) // СПС КонсультантПЛЮС.

3 Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.09.2021) // СПС КонсультантПЛЮС.

На практике при осуществлении обжалования таких актов возникают различные проблемы, связанные с правильной квалификацией, толкованием актов, выбором процессуального порядка оспаривания.

Для начала необходимо выявить у конкретного муниципального правового акта наличие или отсутствие признаков нормативности. Согласно пункту 2 Постановления Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 года № 50⁴ нормативность акта выражается в следующем:

- 1) издание акта надлежащим субъектом (например, государственным или муниципальным органом власти);
- 2) наличие общеобязательных неперсонифицированных правил поведения;
- 3) многократность применения;
- 4) направленность на создание, изменение или прекращение правоотношений.

На основании вышеизложенных особенностей, мы делаем вывод о том, что муниципальный нормативный правовой акт – это принятый уполномоченным субъектом на местном уровне в установленном законном порядке для многократного применения официальный письменный юридический документ, устанавливающий, изменяющий или прекращающий правила поведения, обязательные для исполнения на всей территории того или иного муниципального образования. Хотя, из смысла положений вышеуказанного постановления пленума, нормативность акта устанавливается путем анализа его содержания, то есть в какой-то степени носит оценочный характер. Данный факт может создавать дополнительные проблемы на практике.

Следует согласиться с мнением В.А. Кирсанова, что наиболее эффективный контроль над властью может осуществить независимая судебная система путем беспристрастного разрешения дел, касающихся конфликтов между частными и властными субъектами [1]. На наш взгляд, несмотря на наличие альтернативных способов, сегодня судебные органы играют ключевую роль в обжаловании любых действий официальных органов, в том числе и принятия нормативных правовых актов, нарушающих права и интересы частных лиц.

Сегодня основными источниками права, регулирующими порядок обжалования (оспаривания) правовых актов, являются Кодекс административного судопроизводства РФ (главы 21-22)⁵ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ (главы 23-24)⁶.

Источником по подобным делам могут выступать различные субъекты, начиная от граждан, организаций и заканчивая Президентом России. Данный момент является положительным, поскольку осуществляется наиболее полная возможность защиты не только отдельных нарушенных прав, но и интересов общества в целом.

Также положительным является то, что иск с требованием признать муниципальный нормативный правовой акт недействующим может быть подан в любой момент с начала его вступления в силу.

Суд должен принять одно из возможных решений по окончании рассмотрения дела, опираясь на статью 215 КАС РФ:

- 1) полностью или частично удовлетворить заявленные требования полностью, если предмет оспаривания не соответствует нормативному правовому акту большей юридической силы, а сам акт признать не действующим полностью или в части со дня его принятия или с другой даты, определенной судом;
- 2) если предмет оспаривания соответствует нормативному правовому акту большей юридической силы, отказать в заявленных требованиях.

По общему правилу срок рассмотрения подобных дел составляет два месяца с момента подачи заявления.

Встречные требования при рассмотрении такой категории дел судом не принимаются.

Законодательство предусматривает в рамках судебного разбирательства наложение запрета на применение оспариваемого нормативного правового акта полностью или в части в отношении административного истца в качестве меры предварительной защиты.

При рассмотрении каждого дела суд должен выяснить следующее:

- 1) имеет ли место быть факт нарушения прав, свобод или законных интересов административного истца или иных заинтересованных лиц;
- 2) существуют ли нарушения установленных законодательством полномочий муниципальными органами или их должностными лицами на принятие нормативных правовых актов; соблюдение формы и вида, в которых орган, организация, должностное лицо вправе принимать нормативные правовые акты; соблюдены ли процедурные требования к принятию оспариваемого нормативного правового акта, а также к введению его в действие, например, порядок опубликования или государственной регистрации и вступления в силу;
- 3) соответствует ли предмет оспаривания нормативному правовому акту большей юридической силы.

Признание оспариваемого акта недействующим полностью или отдельных его положений влечет за собой ряд юридически значимых последствий, к которым относятся утрата актом юридической силы, невозможность замены отмененного акта новым аналогичным по содержанию, прекращение действия актов, принятых в соответствии с отмененным актом, возложение обязанности на орган местного самоуправления принять нормативный правовой акт, соответствующий законодательству.

Безусловно, нормы, закрепленные в КАС РФ и АПК РФ, довольно подробно регламентируют процессуальный порядок оспаривания муниципальных нормативных правовых актов.

Однако, на наш взгляд, перед судом должна стоять задача не только отменить акт или приостановить его действие при наличии оснований, но и определить способ возмещения ущерба, причиненного конкретным лицам и обществу в целом принятием такого акта.

Например, Новгородский областной суд принял решение об удовлетворении административного иска Сергеевой О.С. к ответчикам в лице Совета депутатов Ж-го сельского поселения Б-го района Новгородской области, а также сельской Администрации с требованием признать не действующим в части Генерального плана муниципального образования «Ж-ое сельское поселение». При этом суд взыскал с Совета депутатов компенсацию в размере государственной пошлины – 300 рублей. Хотя истец в течение года не могла получить разрешение на строительство капитального строения и вынуждена была снимать жилье за собственные средства⁷.

В заключение хотелось бы отметить, что на данный момент граждане и организации имеют достаточное количество правовых инструментов по обжалованию нормативных правовых актов муниципальных органов, однако, система восстановления нарушенных от действия таких актов прав проработана ещё не в полной мере и требует совершенствования.

Пристатейный библиографический список

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // СПС КонсультантПЛЮС.
 5 СМ.: Главы 21-22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) // СПС КонсультантПЛЮС.
 6 СМ.: Главы 23-24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021) // СПС КонсультантПЛЮС.

1. Кирсанов В. А. Теоретические проблемы судопроизводства по оспариванию нормативных правовых актов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. М., 2001. С. 7.

7 Решение Новгородского областного суда № 03-41/2017 03А-39/2017 03А-39/2017 ~ 03-41/2017 от 25 декабря 2017 г. по делу № 03-41/2017 // СПС Судебные и нормативные акты РФ (дата обращения 19.10.2021)

МОГИЛЕВСКИЙ Григорий Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Новосибирского военного института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации; доцент кафедры административного, финансового и корпоративного права Новосибирского государственного университета экономики и управления

ТАРАСОВ Дмитрий Юрьевич

кандидат психологических наук, заместитель начальника кафедры гражданского права Новосибирского военного института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, полковник юстиции

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА «ПОДВЕДОМСТВЕННОСТЬ», «ПОДСУДНОСТЬ» И «КОМПЕТЕНЦИЯ» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

На основе последних изменений процессуального законодательства, проводимого в рамках судебной реформы в Российской Федерации на современном этапе, в статье предпринята попытка анализа трансформации таких основных концептуальных категорий гражданского судопроизводства как «подведомственность» и «подсудность» гражданских дел, рассматриваемых и разрешаемых судами общей юрисдикции, а так же компетенции судебных органов судебной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: реформа судебной системы, современный этап, гражданское судопроизводство, процессуальные категории, подведомственность, подсудность, судебная система, судебные органы.

MOGILEVSKIY Grigoriy Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the army general I. K. Yakovlev Novosibirsk Military Institute of the National Guard troops of the Russian Federation; associate professor of Administrative, financial and corporate law sub-faculty of the Novosibirsk State University of Economics and Management

TARASOV Dmitriy Yurjevich

Ph.D. in psychological sciences, Deputy Head of Civil law sub-faculty of the army general I. K. Yakovlev Novosibirsk Military Institute of the National Guard troops of the Russian Federation, colonel of justice

TRANSFORMATION OF PROCEDURAL CATEGORIES OF CIVIL PROCEEDINGS "JURISDICTION", "JURISDICTION" AND "COMPETENCE" AT THE PRESENT STAGE OF JUDICIAL REFORM

On the basis of recent changes in the procedural legislation carried out within the framework of the judicial reform in the Russian Federation at the present stage, the article attempts to analyze the transformation of such basic conceptual categories of civil proceedings as "jurisdiction" and "jurisdiction" of civil cases considered and resolved by courts of general jurisdiction, as well as the competence of the judicial bodies of the judicial system of the Russian Federation.

Keywords: reform of the judicial system, modern stage, civil proceedings, procedural categories, jurisdiction, jurisdiction, judicial system, judicial bodies.

Осуществление ключевых направлений нынешней судебной реформы Российской Федерации, генеральная установка коей – создание такой модификации судебной системы, которая по мнению Верховного Суда Российской Федерации «будет соответствовать сегодняшним запросам партикулярного общества, пользоваться доверием у этого сообщества и гарантировать наивысший уровень правовой защищенности» и отсчет коей обоснованно соединять с началом 2010-х гг., нашла свое выражение как в видоизменении структуры судебных органов судебной системы, так и в изменении содержания экзистенциальных положений партикулярного процессуального законодательства. Так, с вступлением в силу Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ¹ (далее – Федеральный закон № 451-ФЗ) в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [2] (далее – ГПК РФ) привнесены и вступили в силу

процессуальные новеллы, главным образом трансформирующие таковые основательные законные категории гражданского судопроизводства как «подведомственность», «подсудность» и «компетенция».

Всецело очевидно, привнесенные новеллы свидетельствуют о направленности сегодняшнего процессуального законодательства к последующим переменам в данной сфере процессуальных правоотношений; изменения процессуального законодательства указывают о поиске, – с одной стороны законодателя о соответственной законной регламентации концептуальных положений процессуального нормативного массива, с другой – обосновании более плодотворного вида регулирования института подсудности гражданских дел.

Все это, по мнению авторов, содействует реализации принципа доступности правосудия. Совершенно очевидно, из изложенного следует, что от конструктивного заключения как на теоретико-правовом, а в дальнейшем и на законодательном уровне дискуссионных вопросов баланса процессуальных категорий «подведомственность», «подсудность» и «компетенция» зависит результативность функционирования судебной системы в целом, потому что законный механизм дефиниции

Могилевский Г. А.

Тарасов Д. Ю.

1 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 51. – Ст. 5423.

компетентного суда прямо связан, конечно же, со сбалансированным распределением объема процессуальных действий на органы судебной власти, а в дальнейшем – с реализацией принципа доступности правосудия.

Правомерно считать, что реформирование гражданского процессуального законодательства в нынешних критериях приводит не лишь к исключению термина «подведомственность» в редакционном плане, а и к трансформации позиции законодателя на данный правовой институт в плане осуществления гражданского судопроизводства.

Излагая буквальное толкование термина «подведомственность» и опираясь при этом на положения одного из словарей толкового русского языка, правомерно постулировать вывод о том, что использование термина подведомственность, сообразно к конкретным разновидностям гражданских дел, рассматриваемых и разрешаемых судами, вряд ли оправданно, потому как «Подведомственный – пребывающий в ведении, в управлении кого-чего-нибудь, подвластный кому-чему-нибудь» [2, с. 1162].

В ранее функционирующей редакции ГПК РФ (до октября 2018 г.) была узаконена следующая правовая конструкция, а именно: защита нарушенных либо оспариваемых гражданских прав исполнялась в строгом согласовании с подведомственностью появившегося спора. Это условие вошло и напрямую зафиксировано в ст. 11 ГК РФ. Следовательно, первоначальным и главным критерием верного рассмотрения дела как одной из целей гражданского судопроизводства представлялось следование правилам соблюдения подведомственности. Подведомственность разрешаемых судами гражданских дел была определена тем, что в лице субъектов, исполняющих защиту, процессуальным законодательством определены суды общей юрисдикции, арбитражные суды и третейские суды. Следовательно, следование правилам подведомственности гражданского дела значит верное различение компетенции среди судов общей юрисдикции, арбитражными и третейскими судами. И, безусловно, нужен критерий такого разграничения, каким являлась судебная подведомственность.

Вполне очевидно, потребность направления дела в то или другое звено судебной системы в целях соблюдения подведомственности судебных дел сопряжена только с тем, что различные споры обязаны рассматриваться по правилам отвечающей им процессуальной формы. На сегодняшний период таковых конфигураций четыре, они закреплены в ст. 118 Конституции РФ: это гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, конституционное судопроизводство и уголовное судопроизводство.

Путем данных процессуальных конфигураций охраны нарушенных прав и исполняется правосудие в нашей стране.

Однако, рассматривая вышеизложенное всецело очевидно, что гражданские дела не смеют быть подведомственны суду, т.е. «подчиняться» суду, «быть в ведении, в управлении» суда. Тем самым аргументирован отказ от использования этого термина в рамках осуществляемого реформирования гражданского судопроизводства и введение, как следствие, в процессуальное применение термина «компетенция», что, по суждению авторов, достаточно логично. Как-никак «компетенция – такой перечень полномочий, сфера подлежащих чьему-нибудь ведению вопросов, явлений» [2, с. 1374]. Другими словами, сообразно к гражданскому судопроизводству компетенция обозначает круг дел, подлежащих исследованию и разрешению судом.

Процессуальное понятие «подведомственность» при разграничении компетенции среди судебных органов общей юрисдикции и арбитражными судами в условиях привнесенных процессуальных новелл исключено из правоприменения. Так, часть 4 ст. 22 ГПК РФ, в редакции Федерального закона № 451-ФЗ, узаконивает, что в случае предъявления в суд заявления, включающем однородные требования, из которых одни поданы суду общей юрисдикции, иные – арбитражному суду, и в случае неосуществимости дифференциации этих требований, спор подлежит разбору и разрешению в суде общей юрисдикции. Несмотря на то, что подведомственность трансформируется в подсудность, в законе подчеркивается, что дело будет рассматриваться судебным органом общей юрисдикции. В данном случае разрешение дела будет производиться с соблюдением процедуры партикулярного судопроизводства.

Одним из значимых новелл закономерно признавать начало действия ст. 33.1 ГПК РФ, которая узаконивает возможность перехода к рассмотрению спора по правилам публичного судопроизводства. Ст. 33.1 ГПК РФ устанавливает следующие

последствия, образующиеся при объединении требований, относящихся к гражданскому и административному судопроизводству. Их условно следует распределить на следующие 2 группы:

1) Соединение условий осуществляется на процедуре возбуждения гражданского дела;

2) Причисление условий к административному судопроизводству обнаруживается на этапе подготовки спора к судебному разбирательству или судебного разбирательства: в таком случае судебный орган принимает постановление о переходе к рассмотрению спора с соблюдением правил административного судопроизводства.

Следовательно, при подаче искового заявления, включающего взаимозависимые требования, следующие из гражданского и административного судопроизводства, воцаряется приоритет партикулярного судопроизводства.

Итак, с отказом от применения термина «подведомственность» законодатель, как было представлено выше, «стирает границы» не лишь среди гражданского и арбитражного судопроизводства, но и подобная установка определяется и в качестве административного судопроизводства. Подтверждением этому служит норма ст. 33.1 ГПК РФ (в ред. Федерального закона № 451-ФЗ), позволяющая вернуть искомое заявление по требованию, являющемуся объектом административного судопроизводства, в случае его неподсудности этому суду.

При исследовании оснований отказа законодателя от применения термина «подведомственность», нельзя не отметить новеллу во вступившей в действие с 01 октября 2019 г. в измененной редакции ст.

134 ГПК РФ (ред. Федерального закона № 451-ФЗ). Изменения в п. 1 ч. 1 анализируемой статьи узаконили новые правила, а именно: когда заявленное лицом требование обязано рассматриваться в системе конституционного или уголовного судопроизводства, судопроизводства в сфере административных правоотношений или в целом не обязано рассматриваться в судах, то в принятии такого обращения субъекту необходимо отказать. Эту позицию законодателя подобным типом интерпретировал высший судебный орган РФ, в своем определении разъяснив, что «при поступлении в суд общей юрисдикции искового заявления, искового заявления в сфере административных правоотношений, подлежащего разрешению арбитражным судом, либо при поступлении в арбитражный суд искового заявления, заявления, подлежащего разрешению судебным органом общей юрисдикции, такое искомое заявление, искомое заявление в сфере административных правоотношений, вносится заявителю сообразно п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 129 АПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 129 КАС РФ».

Резюмируя изложенное, отметим, что вследствие отказа законодателя от термина «подведомственность», и с трансформацией его взгляда на данный процессуальный институт, установление законной природы подсудности в гражданском судопроизводстве с учетом узаконенных федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ абсолютно разумно чрез акцентирование надлежащих признаков «обновленной» подсудности:

1) подсудность – это межотраслевой правовой процессуальный институт;

2) данный правовой процессуальный институт по своей сути есть комплекс норм гражданского процессуального права;

3) регулирует, с одной стороны, дифференциацию компетенций судов общей юрисдикции и арбитражных судов по первой инстанции при рассмотрении и разрешении дел, входящих в предмет осуществления гражданского, арбитражного или административного судопроизводства. С другой стороны, излагает компетенцию судебных органов общей юрисдикции и мировых судей при осуществлении правосудия по гражданским делам в узаконенных видах гражданского судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. Глава 3: федеральный закон от 14 ноября 2022 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
2. Толковый словарь русского языка / Ред. Д. Н. Ушаков. – М.: Советская энциклопедия, 1940. – 1562 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-382-385

ГОНЧАРЕНКО Елена Вячеславовна

медицинский психолог ГБУЗ АО «Областная детская клиническая больница им. Н. Н. Силище-вой»

ТАЙСАЕВА Светлана Борисовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

ДЕЕВ Александр Александрович

следователь-криминалист отдела криминалистики следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Астраханской области, майор юстиции

МЕТОДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО В СЕКСУАЛЬНОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ В ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГА И КРИМИНАЛИСТА

В статье рассматриваются особенности работы психолога, участвующего в процессуальных проверках и следственных действиях. Апеллируя к научным воззрениям и правопримени-тельной практике, авторы представляют пример с эффективным использованием методов интервью, наблюдения и верификации, праксиметрического и психолингвистического методов по анализу продуктов деятельности человека и письменной речи для криминолого-психологического анализа личности.

Ключевые слова: несовершеннолетний, психологический портрет, обвиняемый, криминолого-психологический анализ личности.

GONCHARENKO Elena Vyacheslavovna

medical psychologist in the "Regional Children's Clinical Hospital named after N. N. Silishcheva"

TAYSAEVA Svetlana Borisovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of Psychology sub-faculty of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics

DEEV Aleksandr Aleksandrovich

Investigator-criminologist of the Criminalistics Department of the Investigative Department of the In-vestigative Committee of the Russian Federation for the Astrakhan Region, major of justice

METHODS OF CRIMINAL PSYCHOLOGY IN STUDYING THE PERSONALITY OF A SEX-UAL CRIME IN THE PRACTICE OF A PSYCHOLOGIST AND CRIMINALIST

The article discusses the features of the work of a psychologist, participating in procedural checks and investigative actions. Appealing to scientific views and law enforcement practice, the au-thors present an example with the effective use of interview methods, observation and verification, praximetric and psycholinguistic methods for analyzing the products of human activity and written speech for criminological and psychological analysis of personality.

Keywords: minor, psychological portrait, accused, criminal psychological analysis of person-ality.

В учебном пособии Университета прокуратуры Российской Федерации «Криминальная психология» под редакцией доктора психологических наук, доцента О. Д. Ситковской есть следующий контекст: «Для оказания помощи следователю в изучении психологии обвиняемого к участию в расследовании может быть привлечен специалист-психолог (ст. 58, 168 УПК РФ). Авторский коллектив аргументирует, что «специалист-психолог может обратить внимание на обстоятельства, имеющие значение для изучения психологии обвиняемого, вести наблюдение за поведением участников следственного действия. В дальнейшем специалист может сообщить о результатах своих наблюдений, высказать мнение о том, как следует, с психологической точки зрения, интерпретировать факты. Для более детального изучения психологии обвиняемых, решения комплекса психологических вопросов, особенно по делам групповых преступлений, иногда возникает необходимость в систематическом участии специалиста-психолога в расследовании преступлений» [8]. Также психолога согласно статье 191 УПК РФ приглашают для работы с несовершеннолетними.

Психологу, участвующему в процессуальных проверках и следственных действиях, необходимо иметь такие личност-

ные качества как доброжелательность, эмпатия, профессионализм и объективность. Во время беседы с подозреваемыми и жертвами преступлений нужно нейтрализовать механизмы психологической защиты (отрицание, вытеснение) и наладить правильный раппорт в коммуникации чтобы получить максимальное количество информации важной для следователя. Специалист должен иметь профессиональный опыт и стаж работы не менее 5 лет, знания в области детской и возрастной психологии. Психолог использует клиническую беседу и интервью, которые включают в себя словесный и моторно-репродуктивный методы. Во время следственных мероприятий необходимо отслеживать рисунок вербального и невербального поведения на предмет достоверности информации с помощью методов верификации. Фиксировать работу вегетативной нервной системы, пантомимики, микровыражений эмоций по FACS, речевую продукцию ответов на нейтральных, контрольных и проективных вопросах. Умение профессионально владеть инструментарием и методами психологии необходимо для оформления заключения специалиста-психолога и составления психологического портрета. Дополнительное образование и профессиональная подготовка по криминальной психологии помогает понимать психологию преступления.

Следователи Следственного управления Следственного комитета Астраханской области в работе по сексуальным преступлениям против несовершеннолетних совместно со специалистом-психологом ориентируется на современные подходы, исследования психологической науки и криминологии чтобы установить экзогенные и эндогенные факторы, которые повлияли на совершение преступления.

Хотим привести один из примеров в нашей работе, где был использован большой инструментарий методов практической психологии в составлении психологического портрета обвиняемого в преступлении. В 2021 году СУ СК АО была проведена процессуальная проверка по факту установления действий сексуального характера против несовершеннолетних со стороны 51-летнего мужчины. Летом 2020 года произошло знакомство подростка Я. 2006 г. р. и В. 1969 г. р. проживающих в одном из сел Астраханской области. В разговоре выяснилось, что у них имеется общий интерес к рыбалке. После чего мужчина предложил юноше помочь ему в хозяйственных работах, пообещав оплачивать физический труд. Со слов Я. постепенно отношения переросли в дружеские, он со своими друзьями не только оказывал помощь по саду и дому, но и приходил к нему вне работы. Несовершеннолетние были опекаемыми детьми, из неполных семей, некоторые учились на индивидуальном обучении, один состоял на учете у психиатра. Со слов подростков в селе у мужчины была кличка «Псих», но они его считали интересным собеседником и старшим товарищем, «у него был телескоп и смотрели на звезды», «он много знал, умный». Через некоторое время отношения переросли в созависимые. В. стал для них «мудрым учителем и гуру», давал советы по нанесению тяжкого физического вреда родителям, позволял использовать свою банковскую карточку. Я., угощал сигаретами и энергетиками. Дети рассказали, что В. каждому по отдельности стал предлагать деньги и просить вступить с ним в половой акт. Один мальчик описал эпизод, где В. поглаживал его в области бедер и паха. Позже из всей группы выделять Я., «он часто оставался с ним наедине», и при несовершеннолетнем М. совершил с подростком мануальные сексуальные ласки половых органов. Также озвучили, что В. мог разгуливать голым по своему двору и демонстрировать наготу, в одной рубашке ходил к детскому саду. При беседе с психологом пятнадцатилетний подросток рассказал, что вступил с мужчиной в гомосексуальный половой акт единожды. Специалистом было дано пояснение, что мальчик откровенен не до конца, есть вероятность большего количества эпизодов сексуального растления несовершеннолетнего. Психологический портрет В. был составлен из праксиметрического метода, метода интервью, психолингвистического анализа рукописного текста, методов верификации.

Праксиметрический и психолингвистический методы по анализу продуктов деятельности человека и письменной речи.

Материалы для исследования: фотографии цветные-34, черно-белые 2 фотографии. Формат печати – А4, тип бумаги обычная. Фотографии классифицированы на подгруппы: Ф1-Ф11 коллажи фотографий; А1-А13 изображения архитектуры и скульптуры; О1-О5 изображение обстановки дома; Т1-Т7 изображение рукописного текста и рисунков. Результаты исследования были распределены на группы: личность (Л) и сексуальность (С).

Группа Л. Классификация А: на фотографии А1 изображена фасадная сторона дома автора с кирпичной кладкой из белого кирпича напоминающая визуально стену замка.

Скульптура А3, А4, А5, А7, А9, А10, А11 изображения животных, визуально напоминающих: лошадь, змею, льва, бегемота. Данные животные в мировой мифологии характеризуются как тотемные животные и олицетворяют животную силу, мудрость и коварство (змея). А6 изображение пятиконечной звезды на постаменте – «пентакль». Для людей, живущих в странах бывшего СССР, пентаграмма ассоциируется в первую очередь с этим государством. В западной культуре известна как символ зла и является атрибутом культа Сатаны. Следует отметить, что у В. на стенах прикреплены купюры образца СССР, на лацкане пиджака значок с изображением В. И. Ленина. Вывод, что пятиконечная звезда – это изображение советской символики. Советская тематика может указывать на ностальгию по этой эпохе.

Т2, Т4, Т5 написание чисел, химических элементов, формул, контекст «Гравитация функция Тангенса угла одного из базисов барионного движения (колебания)», термины относятся к физике, геометрии, химии. Контекст не имеет логической взаимосвязи, слова не сочетаются по смысловой нагрузке, являются произвольным набором терминологии. На печи мелом написано слово «сублимация». У В. было уточнено лингвистическое значение, так как слово имеет несколько значений. Мужчина имеет понятие о теории З. Фрейда, озвучивает биографические данные ученого, сублимацию относит к трансформации сексуальной энергии в творческую.

Т3 – рукопись на 1 листе формата А4. В ней термины из физики: «эффект Джанибекова», «дисперсная фаза», «дисперсионный анализ», «молекула», «фотон»; из химии – «Ga⁺»; зоология – «панцирь рапана»; предложение «пока невозможно проведение эксперимента на Луне». Были получены консультации кандидатов химических и биологических наук, с целью – является ли рукопись скопированным текстом из научной литературы и уточнение смысла написанного. Консультанты высказали мнение, что письменный материал не имеет смысловой нагрузки, алогичен, с вкраплением литературных метафор в научную терминологию, является авторским. Со стороны психологии является вычурным, отмечается резонанс, мысли непоследовательны и разорваны. В почерке сильный нажим, что указывает на доминирующую личность. Аккуратность в написании указывает на педантичность в характере. Истероидность – завитушки, витиеватость, «открытые буквы» [9]. У автора большое разнообразие активного словаря речи, хорошая эрудиция. Орфографические ошибки указывают на пробелы в школьных знаниях по русскому языку, являются индивидуальными у языковой личности.

Т8 – на фотографии изображение сердца с проникающей стрелой, символ относится к романтической и любовной символике. Т6 на заборе надпись «19 июля (жаргонизм) Победа» и изображение пятиконечной звезды. Используемый жаргонизм во фразе автора в словаре русского мата обозначает «половой член» [6]. Отмечается его выделение в фразе, что указывает на демонстративный подтекст послания. Транслирование матерной брани окружающим является проявлением эмоционально-волевых нарушений, функций внутреннего волевого контроля, а также значительного снижения мышления [9].

Т7 на стене изображение фразы «Кричит пустота безмолвствуя». Данная фраза не является цитатой ни одного литературного источника (поиск по сети интернет). Слово

«пустота» предположительно «пустота». Психологом изучена литература, где может встречаться комбинация слов «пустота», «безмолвствует», «кричит». Триады слов в таком сочетании не было найдено. В психиатрической литературе было найдено описание состояния внутренней пустоты у человека. Чувство пустоты является неотъемлемой частью когнитивной и перцептивной структуры человека, как сознательной, так и бессознательной, которая влияет практически на все аспекты психической жизни. Люди с диффузией идентичности, особенно с шизоидными чертами, испытывают чувство внутренней пустоты. Они ощущают себя как будто «порожними», «пустыми» или «пустой оболочкой». Ощущение пустоты отличается от ощущения одиночества, которое переживают обычные люди. Одиночество характеризуется болезненной тоской по вымышленному объекту или ситуации, недозволенной в мыслях или невозможной в действительности. Внутренний мир, несмотря на мрачность, населен фантазиями и полон эмоций. Пустота, наряду с отсутствием тоски, глубоко переживается как пугающая и безличная. Это смещение в сторону аспекта объектных отношений переживания пустоты, не отрицает того факта, что нежелание быть пустым говорит о неосознанных фантазиях, имеющих отношение к защитному драйву, структурному конфликту у людей с «высоким уровнем» организации личности.

Классификация О: О1, О2, О4 в обстановке жилища отмечается большое количество ткани в драпировке спального места и стен. Декор располагается над импровизированной кроватью (матрас, две подушки) и напоминает балдахин. Слово «балдахин», по толковому словарю Даля, убранство над ложем, кроватью, седалищем, престолом, нарядная крыша, почетный навес или шатер [2]. Балдахин, кирпичная кладка стены, бассейн во дворе, скульптуры из тотемных животных и головы короля, можно сгруппировать на родственную творческую группу. Королевская символика в оформлении пространства указывает на власть, могущество, территориальный инстинкт, и возвеличивание себя над другими людьми.

О2, О3, О4 на фотографии стены дома обклеены листами серебристого цвета (фольга). На вопрос «Почему дом обклеен фольгой?» В. отвечает, что это «не из-за инопланетного вторжения, а из-за безопасности», далее объясняет, что при возможном пожаре из-за фольги не происходит доступ кислорода в жилище, а значит минимизируется риск возгорания внутренней отделки помещения. Следует отметить, что в верификации есть понятие «оговорка» и «философский ответ», при введении в заблуждение, первый ответ «оговорка» является приоритетным по отношению к последующему. В рисунках автора отмечено множество изображений космической тематики, например, Т2, есть изображения с надписью: «Альфа Центавра». Следует сделать вывод, что абдукция (похищение инопланетянами) может относиться к бредовой продукции мышления.

О5 фотография – растение на потолке. Со слов В, куст является «декорацией» (люстрой) «для красоты». Утверждение можно отнести к паралогичности мышления. О паралогическом мышлении говорят в тех случаях, когда оно дефектно в своих предпосылках, доказательствах, иногда в причинных соотношениях. Больные удивляют своей «кривой» логикой при сохранной памяти, способности к счету, пониманию и рассудительности по отношению ко многим обычным явлениям. [1]

Классификация Ф: Ф4, Ф5, Ф10- Ф4, Ф5, Ф10 – коллажи из фотографий В. в различные возрастные периоды (юность,

молодость, зрелость) и неизвестных лиц. На фотографиях из личного архива отмечается большое количество собственного изображения. Самопрезентация указывает на демонстративные черты характера, высокую самооценку и субъективное завышенное мнение о собственных достоинствах. Большое количество фотографий можно отнести к «культу личности» и эгоцентричности. В середине инсталляции находится фотография акулы. Акула относится к разряду хищных пород рыб, речь может идти об идентификации с агрессивностью и опасностью хищника. О внутренней и физической агрессии указывает и Ф 8. На фотографии изображено внешний вид винтовки, дуло оружия направлено на изображение неизвестного ребенка. Склонность причинять физический вред другим у В. отмечается в рассказе М., который рассказавшего специалисту о том, что мужчина обучал в каком месте проткнуть шею матери, чтобы ее убить. Со слов матери Р., у подростка появилась девиация в виде зоофилии и поступки, связанные с расчленением домашних животных. Можно сделать вывод, что В. склонен к гомицидомании, влечению к тяжкому физическому нанесению вреда человеку.

Ф9, Ф11- Ф9, Ф11 – изображения неизвестных лиц детского и подросткового возраста в различной обстановке, что дает понятие о значимости данных лиц, эмоциональную привязанность к ним. Также ряд фотографий с изображением бабушки В. Со слов, она воспитывала его с раннего детства, рассказывает о ней с теплом, жили в достатке, она его баловала. На вопрос психолога о матери, в речи появляются обобщения, «речевые увертки», озвучивает, что она больше занималась старшим братом, проскальзывает негативизм к нему, на лице фиксируется микровыражение презрения. Несовершеннолетний М. в своем рассказе озвучил: «Дядя В. нам говорил, что ненавидит свою мать, увидел, убил бы или скинул с поезда». Таким образом, с братом у В. «сиблинговый конфликт», ревность и соперничество по отношению к матери, агрессия, связанные с детско-родительскими отношениями.

Группа С. А2 – голова человека с открытым ртом. Опираясь на психоаналитическое направление, можно выдвинуть предположение об оральной сексуальной фиксации, рот человека как символ удовлетворения либидо (сексуальной энергии) человека. Изображение эмоции маловероятно, так как мимика лица скульптуры нейтральная, акцент сделан на ротовую полость, оральность для автора имеет особую значимость.

Т1, текст, написанный рукописно на 1 листе формата А4. Является литературным, состоит из 8 абзацев, написанных в поэтической форме, в виде стихотворения. Так как письменная речь является высшей психической функцией человека, и продукцией его мышления, в стихотворении будут проанализированы контексты: «Бродит все еще голым по саду», «и одежду он снял по указке» «искуситель». В рукописи отмечаются мысли об обнажении и наготы. В рассказе несовершеннолетнего М. был эпизод о том, что ребенок видел мужчину нагим в собственном саду. Контекст имеет эксбиционный характер. Отсутствие интимного стыда часто бывает у шизофреников. «Искуситель» из толкового словаря Ожегова имеет значение «тот, кто искушает, искусил кого-нибудь, соблазнитель» может указывать на сексуальный подтекст слова [5]. «Кто судил меня? – Выскачка прокурор, обреченный на низость в сознании гейши» отмечается негативный подтекст относительно работников прокуратуры, пренебрежение и принижение их социального статуса.

Ф2, Ф3, Ф6, Ф7- Ф2, Ф3, Ф6, Ф7 – изображения коллажа из фотографий, рисунков, банкнот СССР, документов, предпо-

ложительно советской и ранее постсоветской эпохи. Отмечено, что близко к центральной позиции находится фотография Я. Выделение ребенка из общей композиции указывает на значимое лицо, симпатию, личный интерес к субъекту, эмоционально близкое отношение к нему.

Методы интервью, наблюдения и верификации.

С В. психологом проведена беседа (метод интервью). Сознательно не было указано, о психологическом образовании специалиста, так как со слов детей мужчина негативно относится к психологам и психиатрам. Через сочувствие и «психологические поглаживания» быстро входит в раппорт. Отмечается внешний вид: белая рубашка, светлый костюм, значок на лацкане пиджака с изображением В. И. Ленина, и неряшливость облика: невымытые, нестриженные волосы, спортивные тапочки и грязные носки. Мимика достаточно выразительная, эпатазированная, быстро переключается с эмоции на эмоцию. Пантомимика: жесты-иллюстраторы широкие, артистичные, демонстрируемые вне тела, много жестикуляции кистями рук, активные, манерные. Речь направлена на себя, много местоимений «Я» [4]. Много вербальной самопрезентации: рассказы о себе, своих достижениях, уникальности и креативности в творчестве и науке. Говорит быстро, пафосно, старается произвести впечатление своей эрудицией. В разговоре манипулирует окружающими, «перетягивает одеяло на себя», красноречив на нейтральных темах. Отмечается завышенная самооценка, самолюбование и игнорирование критических замечаний со стороны окружающих. Хорошо реагирует на лесть и комплименты со стороны психолога, поддерживает разговор о собственных пристрастиях и талантах. К примеру, рассказывает, что учился на астрофизика, но работал лаборантом после ВУЗа, уходит от конкретики на теме университетского образования. Наблюдается вязкость и застревание на личных обидах, так, к примеру, муссирует тему отношений со старшего братом и матерью. Педантично вычитывает контекст документов, спорит со следователем по поводу формулировки, бравирует знанием уголовного кодекса, угрожает расправой и жалобами (сутяжничество). Периодически открыто транслирует матерную брань, что является проявлением эмоционально-волевых нарушений. На контрольный вопрос психолога: «Почему дети рассказали о сексуальном насилии с Вашей стороны к ним?» говорит, что ему завидуют, что он богат, «я их учил уму-разуму, а они отомстили», в вербальном ответе обобщение и уход от значимой информации, микровыражение по FACS – страх, после чего уходит в «философский ответ», рассуждает, сколько добра сделал для детей поселка. Также, считает, что его сексуальные действия по отношению к несовершеннолетним, наговор и зависть сельчан к его уникальности. Считает себя «учителем жизни» для подростков. Обвиняет несовершеннолетних и жителей посёлка в злости и мстительности, свысока и надменно их характеризует. На сексуальных темах минимизирует информацию, «забалтывает», переходит на обобщения. На темы семейных и гендерных отношений говорит, что не женат, детей нет, были романтический флирт в молодости с двумя женщинами, но не сошлись характерами, и не каждая достойна «любви творческого человека».

Криминологический психологический анализ личности В.

Полученный материал по личности В. по классификации сексуальных растлителей американского криминолога К. Ланинга можно соотнести к категории «растлитель – соблазнитель». Соблазнитель склонен выбирать детей, лишенных или с ослабленной опекой. Могут создавать личный

«секс-кружок». Соблазнитель проводит много времени с детьми, общается с ним на различные темы, морально и материально их поддерживает, между тем присматривается к ним для манипуляций. Для них он как «мудрый отец» пользуется властью в компании детей и доминирует. Может говорить, что заменяет им отца или является учителем по жизни. Соблазнителя привлекают дети и подростки, но как только ребенок подрастает, сексуальный интерес к нему пропадает. Может жить в одиночестве, приобретает интересные для детей предметы или игрушки с целью привлечения внимания и длительного времяпровождения с ними. Способен возбуждаться от фотографий с изображением детей, сексуально фантазирует и мастурбирует на них. Способен влюбляться в ребенка, испытывая к нему страсть и сексуальное вожделение (фотография Я.). Склонен менять место жительства, точнее к бегству от подозрительных родителей и правоохранительных органов. Растлитель может прибегнуть к эмоциональному шантажу над детьми или финансирует молчание жертв. Часто они невольно сами помогают ему своим смущением. Во время следствия растлители пытаются оправдаться тем, что уделяли внимание из-за любви к детям и помощи им в трудной ситуации. Ищут оправдание себе, говорят, что испытали стресс в связи с незаслуженными обвинениями в их адрес, перекладывают вину на самих жертв и окружающих, в ответах работает установка на запирательство. Наряду с оправданиями пускается в ход фальсификация, чем эрудирован растлитель, тем запутанней будет ложь [3].

С. В. Познышев, русский юрист и психолог в своей монографии «Криминальная психология. Преступные типы» описывал любое преступление как совокупность экзогенных и эндогенных факторов. Преступление всегда имеет два корня: один лежит в личности преступника и сплетается из особенностей его конституции, а другой состоит из внешних для данной личности фактов, своим влиянием толкнувших ее на преступный путь [7].

С помощью методов психологической науки была изучена личность обвиняемого: его быт, образ жизни, характер, поведение, классифицирован криминологический портрет.

Пристатейный библиографический список

1. Блейхер В. М. Расстройства мышления. – Киев: «Здоровье», 1983. – 192 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. – М.: «Эксмо», 2015. – 896 с.
3. Дуглас Д., Олшейкер М. Психологический портрет убийцы. Методики ФБР. – М.: «Родина». 2019. – 432 с.
4. Мартыанова Л. М. Профайлинг в действии. – М.: Концептуал, 2019. – 232 с.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений. – М.: Мир и образование, 2015. – 1375 с.
6. Плущер-Сарно А. Ю. Большой словарь мата. – М.: Лимбус-Пресс, 2007. – 392 с.
7. Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. – М.: «Юрайт», 2021. – 292 с.
8. Ситковская О. Д. и др. Криминальная психология. – М.: «Прспект», 2021. – 144 с.
9. Челпанов В. Б. Психологическая и лингвистическая экспертиза в анализе текста. – М.: «Международная Академия исследования лжи», 2018. – 244 с.

КОСЕНКО Ольга Александровна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, факультета экономика и права Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета

САФАРОВ Владислав Раильевич

старший преподаватель кафедры гражданского и уголовного права и процесса Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета

ХИСМАТУЛЛИНА Лейсан Иршатовна

студент 4 курса факультета экономика и права Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета

К ВОПРОСУ ОБ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ «ПАПИЛОН» В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Данная статья посвящена вопросам применения в деятельности правоохранительных органов новейших технологий. В особенности автоматизированной системы АДИС «Папилон», использование которой заметно повышает показатели раскрываемости преступлений. В частности, выделены достоинства и недостатки данной системы «Папилон». И обозначен круг лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации, а также приведена возможность прохождения добровольной регистрации. Кроме того, АДИС «Папилон» способна работать с разными типами кожи при сканировании отпечатков пальцев рук и ладони.

Ключевые слова: АДИС «Папилон», следы пальцев рук, папиллярные узоры, дактилоскопические карты.

KOSENKO Olga Aleksandrovna

senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the Faculty of Economics and Law of the Sibai Institute (branch) of the Bashkir State University

SAFAROV Vladislav Railevich

senior lecturer of Civil and criminal law and process sub-faculty of the Sibai Institute (branch) of the Bashkir State University

KHISMATULLINA Leysan Irshatovna

student of the 4th course of the Faculty of Economics and Law of the Sibai Institute (branch) of the Bashkir State University

TO THE QUESTION ABOUT THE AUTOMATED DACTYLOSCOPIC INFORMATION SYSTEM "PAPILLON" IN THE ACTIVITIES IN THE INTERNAL AFFAIRS

This article is devoted to the application of the latest technologies in the activities of law enforcement agencies. In particular, the automated system AFIS "Papillon", the use of which significantly increases the rates of crime detection. In particular, the advantages and disadvantages of this system "Papillon" are highlighted. And the circle of persons subject to compulsory fingerprinting registration is indicated, as well as the possibility of voluntary registration is given. In addition, AFIS "Papillon" is able to work with different types of skin when scanning fingerprints and palm prints.

Keywords: AFIS "Papillon", fingerprints, papillary patterns, fingerprints.

Первостепенной задачей органов внутренних дел является достижение положительных результатов в борьбе с преступностью. Внедрение современных технологий в подразделения органов внутренних дел позволяет решить множество проблем. Особое внимание необходимо уделить автоматизированным информационным системам, так как их использование на практике позволяет говорить о значительной эффективности в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. Ведь с каждым годом преступники все лучше и лучше скрывают следы своей противозаконной деятельности, что дает возможность им оставаться на свободе и продолжать нести угрозу обществу.

Одной из самых широко применяемых в России автоматизированных систем является Автоматизированная дактилоскопическая информационная система «Папи-

лон» (АДИС «Папилон»), которая существенно сокращает время поиска преступника и обладает большой базой данных. АДИС «Папилон» преследует ряд основных задач это:

Во-первых, установление личности по отпечаткам и следам пальцев рук и ладоней, в том числе путем проведения оперативных проверок по отisku пальца в режиме реального времени;

Во-вторых, идентификация неопознанных трупов;

В-третьих, установление причастности личности к ранее совершенным преступлениям;

В-четвертых, объединение преступлений, совершенных одним и тем же лицом [1, с. 179].

Для выполнения этих задач на месте происшествия происходит изъятие следов разного качества. Они могут быть как пригодными для исследования, так и не при-

Рисунок 1. Отпечаток сухого пальца

Рисунок 2. Отпечаток сухого пальца с применением полимерного покрытия

годными. Бывают случаи, когда следы пальцев рук имеют разрыв, что иногда не считается поводом для не проведения идентификации. Однако, при сканировании в системе АДИС «Папилон» след считывается ни как единый, а как два разных, что осложняет работу специалиста и требует намного больше времени для идентификации. Разрывом является та часть, в которой нет структурной зоны папиллярного узора. В целях решить возникшую проблему след подвергается обработке и контрастированию, а также маскировки определенных зон вручную и с помощью программы АДИС «Папилон» и только после этого появляется рекомендуемый список дактилокарт.

Несмотря на трудности, которые возникают при использовании данной системы стоит выделить ее достоинства и недостатки.

К достоинствам относят:

1. Проводит быстрый поиск и сканирование дактилоскопических следов пальцев рук;
2. Имеет электронный ключ что бы предотвратить несанкционированный доступ;
3. Хранит огромные количества электронных дактилоскопических карт;
4. Возможность осуществление обработки и чистки следа;
5. Экономит время, что позволяет раскрыть преступление «по горячим следам».

К недостаткам данной системы можно отнести:

1. Высокая стоимость данного оборудования, которая ограничивает в его распространение в органах внутренних дел;
2. Отсутствие у сотрудников положенной технической подготовки, что обеспечивало бы не прерывность работы с системой;
3. Не редки случаи сбоя программы, что приводит к вынужденной перезагрузки всей системы;
4. Большие расходы на обслуживание и ремонт системы.

Важно отметить, чтобы устранить недостатки системы АДИС «Папилон» необходимы квалифицированные кадры, которые смогут обеспечить ее непрерывное функционирование. Для этого существует возможность пройти обучение в городе Миасс, что дает шанс стать полноценным специалистом, обладающим достаточны-

ми знаниями и умениями при работе с системой АДИС «Папилон». Подготовленный специалист уже сам может устранить ряд ошибок в программе и продолжить работать, не создавая рисков потери данных. Это также является одним из способов предотвращения сбоев.

В соответствии с принятым Федеральным законом «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» от 25.07.1998 № 128-ФЗ существует обязательная государственная дактилоскопическая регистрация и добровольная, которая выполняется сотрудником внутренних дел с помощью системы АДИС «Папилон». Обязательной государственной дактилоскопической регистрации подлежат военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов, члены экипажей воздушных судов и т.д. Добровольная регистрация граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства происходит путем подачи заявления в органы внутренних дел. Полученная информация при добровольной дактилоскопической регистрации может быть использована для подтверждения личности гражданина, утратившим документы в связи со стихийным бедствием, катастрофой или иной чрезвычайной ситуацией.

Возможности АДИС «Папилон» бесценны, так как именно сейчас в век информационных технологий органы внутренних дел должны пользоваться только новейшими технологиями. К возможностям данной системы относят:

1. Занесение и хранение в базе данных дактилокарт, содержащих в себе текстовые данные, отпечатки пальцев и ладоней, фото внешности и т.д.;
2. Занесение и хранение в базе данных отпечатков пальцев рук и ладоней, изъятых с места происшествия;
3. Ведение дактилоскопического учета (удаление и исправление записей);
4. Печать информации на бумажном носителе;
5. Имеет удаленный доступ к Центральной базе данных;
6. Обрабатывает как тонкие, так и толстые папиллярные линии, а также может частично восстановить след, который был искажен;
7. Взаимодействие с иными типами автоматизированных учетов.

Некоторые научные деятели сомневаются в возможностях и точности АДИС «Папилон». Ведь если система

Рисунок 3. Смазанный отпечаток пальца руки

Рисунок 4. Отпечаток пальца после «склейки»

допустит ошибку, то уголовному преследованию подвергнутся невинные лица. А этого допускать нельзя. Однако есть и те, кто выступают за развитие системы, а также готовы оказать помощь в усовершенствовании.

На данный момент АДИС «Папилон» способна работать со следами разного качества это подтверждается тем, что:

1. Нет предварительного отбора дактилокарт и следов по качеству;
2. Нет определенного требования к масштабу вводимых изображений;
3. Возможно вводить изображения с низким содержанием частных признаков;
4. Специальные фильтры и инструменты могут улучшить качество изображения.

Однако все это не отменяет того, что чем выше качество следа, тем быстрее осуществляется поиск, чем ниже качество, тем больше работы. У каждого человека свой тип кожи и это непосредственно влияет на качество отпечатка пальцев рук. Поэтому для сканирования сухой кожи пальца или стертых папиллярных линий применяется комбинация программного и аппаратного решения (рис. 1). Действие программы заключается в снижении порога чувствительности оптической системы. Далее аппаратно накладывается полимерное покрытие на призму, что повышает контакт с сухой кожей и дает увидеть четкое изображение папиллярных линий (рис. 2).

Стоит отметить, что при прокатке пальца отпечаток может выйти смазанным (рис. 3.). Для устранения данного дефекта специальный программный алгоритм системы производит «склейку» подряд снимаемых фрагментов пальца (рис. 4). На дактилокартах, созданных по чернильной технологии, исправить смаз было невозможным приходилось начинать процедуру прокатки заново, а иногда сотрудник мог не заметить и оставить все как есть. В дальнейшем такое приводило к неправильной идентификации лица.

Таким образом, система АДИС «Папилон» помогает в расследовании и пресечении действий криминального характера путем использования базы данных дактилоскопических карт и следов. Особенностью системы является то, что при сканировании отпечатков пальца руки и ладони фактически исключается влияние сухой, влажной

кожи, стертых папиллярных линий и смаза от прокатки на качество получаемого изображения. Но несмотря на это АДИС «Папилон» имеет ряд недостатков и некоторые проблемы при эксплуатации. Считается, что законодательная регламентация использования системы даст толчок к их разрешению. Также необходимо подробно изучить вопрос о квалифицированной подготовке сотрудников, которые смогут полноценно работать с АДИС «Папилон». Кроме того, важно понимать, что преступники тоже используют различные технические средства, которые помогают им координировать свои действия и избегать ответственности. Поэтому органы внутренних дел должны быть оснащены только новейшими технологиями.

Пристатейный библиографический список

1. Сафонов А. А. Современная автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. - 2021. - № 3. - 356 с.

ПОЗИЙ Виктория Станиславовна

кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ЧЕРКАШЕВ Никита Геннадьевич

курсант 4 курса Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

О ПОНЯТИИ И ПРИЗНАКАХ ПОДПОЛЬНЫХ ЛАБОРАТОРИЙ ПО ПРОИЗВОДСТВУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ И ПРЕКУРСОРОВ

В статье исследуется гносеология понятия «подпольная лаборатория по производству наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров». Активно набирающий обороты наркобизнес в большей степени опирается на производство наркотиков в подпольных лабораториях. Актуальными являются четко сформулированные юридические термины, которые позволяют правильно квалифицировать преступления, в частности, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Уделено внимание содержанию предложенного определения подпольных лабораторий, а также тем признакам, которые позволяют их выявлять. Знание специфических особенностей подпольных нарколабораторий, их функционирования, слаженные действия следственных и оперативных подразделений позволяют эффективно противодействовать распространению наркотиков.

Ключевые слова: подпольная лаборатория, химический реактив, наркотики, наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры.

POZIY Viktoriya Stanislavovna

Ph.D. in chemical sciences, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

CHERKASHEV Nikita Gennadjevich

cadet of the 4th course of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ON THE CONCEPT AND SIGNS OF UNDERGROUND LABORATORIES FOR THE PRODUCTION OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES, THEIR ANALOGUES AND PRECURSORS

The article examines the epistemology of the concept of “underground laboratory for the production of narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues and precursors”. The drug business, which is actively gaining momentum, relies to a greater extent on the production of drugs in clandestine laboratories. Relevant is clearly formulated legal terms that allow you to properly qualify crimes, in particular those related to drug trafficking. Attention is paid to the content of the proposed definition of clandestine laboratories, as well as those signs that allow them to be identified. Knowledge of the specific features of clandestine drug laboratories, their functioning, well-coordinated actions of investigative and operational units make it possible to effectively counteract the spread of drugs.

Key words: clandestine laboratory, chemical reagent, drugs, drugs, psychotropic substances, precursors.

Достижения научного прогресса, как показывает практика, используются не только на пользу человечеству, но и во вред. Среди новых опасных вызовов современной преступности особо акцентируется внимание на активно набирающий обороты наркобизнес, осуществляющий свою криминальную деятельность через разветвленные каналы по всему миру.

Вместе с «омоложением» наркомании наблюдается и рост численности наркозависимых женского пола, увеличивается и количество рождений неполноценных детей с различными физическими недостатками, что создает угрозу генофонду. Уровень мастерства изготовления наркотиков вырос от кустарного до четко организован-

ного скрытого промышленного производства. Большое количество преступлений, связанных с изготовлением и использованием все новых и новых высокоактивных субстанций синтетического или естественного происхождения, вызывающих мгновенное привыкание даже при разовом употреблении, обусловлено и появлением подпольных лабораторий по производству наркотиков. Статистика ФКУ ГИАЦ МВД России по раскрытию «подпольных» лабораторий свидетельствует о значительном увеличении числа таких преступлений. Так, с 2016 г. по 2020 г. выявленных мест незаконного производства наркотиков выросло почти в 4 раза. Например, ГУ МВД России по Московской области сообщило, что по итогам 5 меся-

Позий В. С.

Черкашев Н. Г.

цев 2021 года выявило на 33,3% больше фактов незаконного производства наркотических средств в подпольных лабораториях по сравнению с аналогичным периодом 2020 года [1]. В этих условиях борьба с незаконным производством наркотиков становится важной составной частью деятельности государства как в целях обеспечения национальной безопасности страны, так и безопасности мирового сообщества в целом. Для этого актуальным является четко сформулированные юридические термины, которые позволяют правильно квалифицировать преступления, в частности, связанные с незаконным оборотом наркотиков. К таким терминам относится понятие «лаборатория по производству наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров».

Необходимо отметить, что в официальных нормативно-правовых актах России нет нормы, раскрывающей сущность термина «подпольная лаборатория» или «лаборатория по производству наркотиков» (далее – нарколаборатория). Следует оговориться, что понятие «нарколаборатория» является сокращенным определением термина «лаборатория по производству наркотических веществ, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров». Авторы используют его исключительно для сокращения объемного понятия. Итак, в российском законодательстве нет специальной нормы, которая устанавливала бы ответственность за организацию и участие в деятельности подпольных лабораторий по производству наркотиков. Поэтому, на наш взгляд, необходимо сначала дать определение данного противоправного явления. Рядом ученых и представителями правоохранительных органов ГУ МВД России постоянно предпринимаются такие попытки, предлагаются разные определения термина «подпольная лаборатория по производству наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров» (или «нарколаборатория») [2], [3], [4], [5]. Так, одно из первых определений нарколаборатории было со следующей формулировкой: «подпольная лаборатория – это любое помещение, оснащенное промышленным или кустарным оборудованием, с помощью которого проводится химико-технологический процесс экстрагирования (выделения), перегонки, очистки или синтеза наркотиков или психотропных веществ с целью их личного употребления или сбыта другим лицам» [5, с. 94].

Многими учеными обсуждается вопрос и с точки зрения использования разных терминов при формулировке рассматриваемого понятия. Так, дискутируется правомерность использования термина «законспирированное помещение», а также необходимость упоминания ряда стадий синтеза или очистки готового продукта, цели его производства. Суммируя все вышеизложенное, можно предложить следующее определение незаконной лаборатории по производству наркотиков – это «подпольное помещение, транспортное средство, участок местности, специально оснащенное кустарным или промышленным оборудованием и необходимыми химическими реактивами, необходимыми для осуществления химико-технологического процесса производства, переработки или очистки наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров с целью их личного употребления или дальнейшего незаконного оборота». В данном

случае указание «незаконного оборота» включает незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку (включая очистку).

Содержание данного определения включает четыре элемента: место производства; укомплектованность помещения; химико-технологический процесс производства и типичные признаки нарколаборатории. К типичным местам можно отнести: съемные квартиры, студии, частные дома, коттеджи и другие типы жилья; нежилые помещения, в том числе гаражи, склады и амбары; сельская недвижимость, фермы; передвижные дома; прицепы фур; подвалы и землянки; наземный и водный транспорт; научно-исследовательские учреждения; промышленные предприятия [4, с. 290]. Наибольшую сложность в выявлении представляют небольшие передвижные лаборатории, такие как лаборатории в багажнике автомобиля. Их экономичность, простота и портативность, позволяет эффективно скрываться от правоохранительных органов.

Для организации подпольных лабораторий по производству наркотических средств и психотропных веществ (второго элемента определения нарколаборатории) преступникам необходимо произвести ряд подготовительных действий, таких как осуществление ремонтных работ, а именно оборудование вытяжной и канализационной системы, позволяющей скрытно утилизировать отходы от преступного промысла, также установление надежных замков на двери и оборудование окон решетками, жалюзи, чтобы исключить возможность несанкционированного доступа и визуального наблюдения за деятельностью преступников. Помимо вышеперечисленного, для эффективной деятельности подпольных нарколабораторий злоумышленниками используются: предметы, инструменты и оборудование, предназначенные для изготовления, упаковки, расфасовки, перевозки и хранения наркотиков, включая пакеты, банки, фольгу и пр. При осмотрах и обысках в данных оборудованных пространствах также обнаруживаются шприцы, газовые горелки, пустые ампулы и др., а также документация и иные предметы, свидетельствующая о нарушении правил оборота запрещенных веществ, например, бланки рецептов, компьютеры, оснащенные специальным программным обеспечением. Оборудованием и приспособлениями, которые необходимы для синтеза химических веществ, а также расфасовки готовых наркотиков по дозам, служат также колбы, стеклянные холодильники, вакуумные насосы, специальные приемники для веществ, фильтры, шланги, весы, пробирки, бюксы, стеклянные пузырьки и др.

Следующим элементом является сам химико-технологический процесс, который представляет одно- или многостадийное проведение химических реакций, перегонку, очистку от примесей, переработку, экстрагирование либо иное повышение концентрации действующих веществ, направленный на изготовление (синтез, получение) из химических соединений (либо из природного сырья или материалов) психоактивных веществ, либо их прекурсоров. Для изготовления многих запрещенных наркотиков требуются химические прекурсоры. Так как наркотики, производимые в подпольных лабораториях, являются продуктом взаимодействия химических веществ, организаторы лабораторий вынуждены либо

закупать, либо производить необходимые химические вещества. Их также получают и другими путями: кражи химических реактивов; контрабанды химических веществ через государственные границы; покупки законным путем химических веществ у поставщиков, которые по разным причинам выполняют любые заявки и др. Кроме того, источником необходимых химических реактивов могут быть лекарства от астмы, кашля, насморка и пр., а также растворители для краски и очиститель для слива и т. п.

Исходя из вышеперечисленных критериев, выделяют два основных вида подпольных нарколабораторий. Один – крупномасштабная, высокоорганизованная лаборатория, как правило, связанная с организованной преступностью, где наркотики производятся с целью экспорта в больших объемах. Вторым видом является лаборатория, основанная на отношении зависимости, или «лаборатория пользователей». Данный вид представляет небольшие импровизированные лаборатории, которые обычно производят ровно столько препаратов, чтобы их могли использовать организаторы или их близкий круг окружения.

Каждая подпольная нарколаборатория имеет ряд признаков: от потребления большого количества электроэнергии, воды, газа их пользователями, постоянного специфического запаха (растворителя, ацетона, аммиака, хлороформа и др.) до постоянно работающей вентиляции со следами коррозии. Обращает на себя внимание регулярная доставка адресатам различных посылок (бандеролей), что может свидетельствовать о получении химических реактивов, оборудования (информацию можно получить от производителей, поставщиков, оптовых продавцов, лиц, занимающихся настройкой оборудования в помещении заказчика), агрегатов для изготовления таблеток, ампул и т. п. Жители квартир, домов, где, возможно, организована нарколаборатория, отличаются скрытым образом жизни, редко появляются днем на улице, странно ведут себя. [4, с. 290].

Знание специфических особенностей подпольных нарколабораторий, их функционирования, слаженные действия следственных и оперативных подразделений позволяют эффективно противодействовать распространению наркотиков. Так, поиск и выявление подпольных лабораторий осуществляется по любому из элементов цепочки: «потребитель – сбытчик – посредник – организатор подпольной лаборатории – производитель наркотиков»; на основе оперативной информации, имеющейся у сотрудников правоохранительных органов; через продавцов (владельцев) исходных веществ, прекурсоров и специального оборудования, необходимого для изготовления наркотиков в подпольной лаборатории; по сообщениям граждан, СМИ и т. д. [4, с. 291].

Уровень латентности и преступного мастерства изготовителей наркотических средств с каждым годом увеличивается, данная тенденция обусловлена сверхприбыльными доходами от преступного бизнеса. Борьба с деятельностью подпольных лабораторий по производству наркотических средств и психотропных веществ является одной из главных задач органов внутренних дел.

Пристатейный библиографический список

1. ГУ МВД России по Московской области, по выявлению преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://50.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/24824722/> (дата обращения: 26.01.2022).
2. Корчагин О. Н. К вопросу о совершенствовании правовых механизмов борьбы с незаконными химическими лабораториями по производству наркотиков / Корчагин О. Н., Севрюков А. П. // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2015. – № 2 (19). – С. 7-14.
3. Кузовлев В. Ю. Незаконная нарколаборатория как уголовно-правовая категория. – Режим доступа: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44524810_99383065.pdf (дата обращения: 26.01.2022).
4. Позий В. С., Белоусенко П. Н. Проблемы выявления подпольных нарколабораторий и их влияние на состояние наркомании в Крыму // Исследование проблем предупреждения наркомании и противодействия наркопреступности в Республике Крым: монография / под общей редакцией С. А. Буткевича. – Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2014. – С. 288-303.
5. Шарай Л. Г. Относительно понятия подпольной нарколаборатории // Право Украины. – 2001. – № 1. – С. 93-95.

АЛЕКСЕЕВ Сергей Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России

КАЛАШНИКОВ Олег Дмитриевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России

ШАПОШНИКОВ Евгений Львович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Цель статьи – определение современного состояния киберпреступности в России и основные направления по ее предупреждению и противодействию. В работе использованы методы ретроспективного, статистического, графического, перспективного анализа. Рассмотрены проблемные вопросы понятийного аппарата цифровой преступности, сформулирована авторская криминалистическая классификация киберпреступности. Осуществлен анализ основных показателей киберпреступности, особое внимание акцентировано на влиянии COVID-19 на динамику преступлений с использованием информационных технологий. Обозначены и охарактеризованы основополагающие этапы реализации мероприятий по предупреждению и противодействию киберпреступности.

Ключевые слова: киберпреступность, кибербезопасность, киберпространство, киберкриминал, предупреждение и противодействие киберпреступности, мониторинг киберпреступности, планирование и предупреждение киберпреступности.

ALEKSEEV Sergey Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminology sub-faculty of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

KALASHNIKOV Oleg Dmitrievich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminology sub-faculty of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

SHAPOSHNIKOV Evgeniy Lvovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminology sub-faculty of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

CYBERCRIME PREVENTION AND COUNTERACTION: THEORETICAL FUNDAMENTALS AND EMPIRICAL EXPERIENCE

The purpose of the article is to determine the current state of cybercrime in Russia and the main directions for its prevention and counteraction. The work uses the methods of retrospective, statistical, graphical, perspective analysis. The problematic issues of the conceptual apparatus of digital crime are considered, the author's forensic classification of cybercrime is formulated. The analysis of the main indicators of cybercrime is carried out, special attention is focused on the impact of COVID-19 on the dynamics of crimes using information technology. The basic stages of the implementation of measures to prevent and combat cybercrime are identified and characterized.

Keywords: cybercrime, cybersecurity, cyberspace, cybercrime, cybercrime prevention and counteraction, cybercrime monitoring, cybercrime planning and prevention.

Цифровизация диктует принципиально новые условия функционирования общественных институтов, кардинально трансформируя ценностно-смысловое ядро социальной, политической, экономической систем и саму парадигму человеческого бытия; конструируя новую среду и средства взаимодействия; продуцируя новые возможности и коррелируемые с ними угрозы. Интенсификация цифровых процессов и эволюционирование информационных технологий детерминировали активное доминирование в социально-экономической среде киберпространства, актуализировавшего ряд деструктивных феноменов – киберкриминал, киберпреступ-

ность, кибертерроризм, киберэкстремизм, кибервойны.

Проблема киберпреступности в фокусе мировой политической повестки впервые оказалась в 1990 г. на Конгрессе по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, в рамках которого особое внимание было акцентировано на рисках зарождавшейся в тот период киберсферы. В 1992 г. Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) разработана Директива по проблеме безопасности информационных систем, посвященная

Алексеев С. А.

Калашиников О. Д.

Шапошников Е. Л.

вопросам формирования культуры обеспечения безопасности и предупреждения компьютерных преступлений. В 60-е гг. XX века в научный оборот вводится дефиниция «компьютерная преступность», а уже в 2000 г. в ходе работы сессии десятого Конгресса ООН приобретает официальный статус термин «киберпреступность». В современном категориально-понятийном аппарате правовой науки «киберпреступность» трактуется как преступления, совершаемые в сфере информационных технологий [2].

С прогрессированием информационных технологий «киберпреступность» приобретает все большее содержательное и «экстерьерное» разнообразие (систематически модифицируются формы, методы, инструменты осуществления киберпреступлений). Многоаспектность, динамичность, переменность киберпреступности определяют и разобщенность ее классификации. Несмотря на отсутствие единого подхода к типологии киберпреступлений, в настоящий период общепризнанной (эталонной) является классификация, декларированная Конвенцией Совета Европы о киберпреступности, согласно положениям которой киберпреступность дифференцируется на пять ключевых групп:

1. Противоправные действия, посягающие на конфиденциальность, целостность и недоступность компьютерных данных.

2. Преступления, связанные с использованием компьютера как средства совершения манипуляций с информацией.

3. Преступления, связанные с контентом (данными, содержащимися в компьютерных сетях).

4. Преступления, направленные на нарушение авторского и смежных прав.

5. Акты расизма и ксенофобии, совершенные с применением компьютерных сетей.

Сегодня в правовой доктрине сформирован огромный пласт криминалистических классификаций киберпреступности, наиболее выдающуюся часть которой авторы статьи систематизировали далее:

1. По способам совершения и криминалистическим целям [8]:

1) неправомерное подключение к информационно-телекоммуникационной сети Интернет (неправомерное получение и подмена чужих учетных данных);

2) разработка / распространение вредоносных программ для ЭВМ;

3) незаконное хранение/распространение информации, запрещенной к свободному обороту (порнографические материалы и сведения, составляющие коммерческую тайну);

4) нарушение авторских прав, незаконное использование чужого товарного знака;

5) мошенничество (продажа несуществующих товаров, привлечение средств на ложную благотворительность и т.д.);

6) хищение конфиденциальной информации;

7) вымогательство с применением сети Интернет;

8) кибертерроризм.

2. По основаниям средств совершения киберпреступления [11]:

1) преступления, направленные на дестабилизацию компьютерной деятельности (средства компьютерных технологий (далее – (СКТ) выступают главной мишенью киберпреступников);

2) преступления в целях присвоения чужого имущества, личных данных и т.п. (СКТ принадлежит роль инструмента достижения основной цели);

3) преступления, связанные с подделкой документов, уничтожением объектов собственности и т.д. (СКТ служит автоматизированным средством противоправного деяния);

4) преступления, в которых СКТ является средством информационного обеспечения преступной деятельности.

3. По объекту преступного посягательства [10]:

1) ликвидация компьютерной информации;

2) захват компьютерной информации или нарушение права на ее использование;

3) действия по продуцированию компьютерной информации, направленной на нанесение ущерба пользователям;

4) неправомерная модификация компьютерной информации.

4. По уровню квалификации субъекта преступления [14]:

1) преступления, совершенные «случайными» пользователями с применением простых информационных технологий;

2) преступления, совершенные опытными пользователями с применением информационных технологий средней сложности;

3) преступления, совершенные профессиональными пользователями с применением сложных информационных технологий.

5. По признакам процесса расследования [4]:

1) преступления, расследования которых осуществляются на первоначальном этапе;

2) преступления, расследования которых осуществляются на дальнейших этапах.

На наш взгляд, вышеперечисленные классификации характеризуются некоторой архаичностью и не коррелируют с современными реалиями, что актуализирует потребность в формировании авторской классификации киберпреступности. Целесообразным представляется разработка классификации киберпреступности по сфере совершения преступления:

1. Киберпреступления в сфере экономических отношений:

– против собственности (хищения, мошенничество, вымогательство, умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, иные преступления против собственности);

– против предпринимательства (незаконное предпринимательство, незаконная банковская деятельность, незаконные организация и проведение азартных игр, незаконное получение кредита, легализация денежных средств, незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую и банковскую тайну, иные преступления против предпринимательства).

2. Киберпреступления в сфере оборота виртуальных активов (незаконный оборот цифровых прав и незаконный оборот цифровой валюты, использование цифровой валюты в преступных целях (заказные преступления, приобретение и распространение порнографических материалов / наркотических средств / психотропных веществ, торговля людьми и т.п.), легализация денежных средств и иного имущества, приобретенного противоправным путем).

3. Киберпреступления в сфере интеллектуальной деятельности (нарушение авторских и смежных прав, нарушение изобретательских и патентных прав, незаконное использование средств индивидуализации товаров, незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую / налоговую / банковскую тайну).

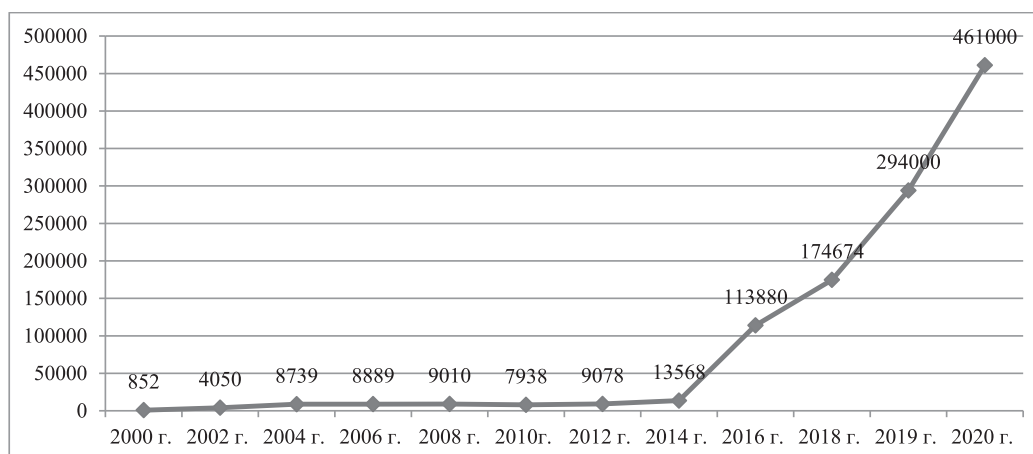

Рисунок 1. Динамика изменения количества киберпреступлений в России [1].

4. Кибертерроризм и киберэкстремизм (осуществление террористических актов с применением информационных технологий и ИКТ, использование ИТ-технологий для атаки систем управления жизнеобеспечения и критически важных инфраструктур, распространение радикальной идеологии, радикализация несовершеннолетних, пропаганда ненависти и вражды и т.д.).

5. Киберпреступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (незаконное приобретение / хранение / сбыт / контрабанда наркотических средств и психотропных веществ и их аналогов с применением цифровых технологий, пропаганда и склонение к потреблению наркотических средств и психотропных веществ и их аналогов с использованием цифровых технологий и цифровых платформ).

6. Кибер-порнография (размещение порнографического материала с участием несовершеннолетних граждан).

7. Кибершпионаж и диверсии на объектах критической информационной инфраструктуры (несанкционированное получение доступа к защищенной информации для личного, экономического, политического и военного преимущества).

С теоретической точки зрения значимость криминалистической классификации обусловлена возможностью наиболее корректного трактования понятия «киберпреступность», с практической – ее логическим содержанием, способствующим выдвиганию и апробации комплекса типичных следственных версий по уголовному делу, что служит гарантией полномасштабного расследования киберпреступлений [5].

В настоящий период киберпреступность представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности мирового сообщества, в целом, и Российской Федерации, в частности, о чем свидетельствуют результаты статистического анализа, представленного далее. Доля киберпреступности в общем объеме преступлений в Российской Федерации составляет сегодня 26,8 %, по количеству кибератак наша страна занимает 4-ое место в мире. Масштабы киберпреступности в России наглядно иллюстрирует ретроспективный статистический анализ (рисунок 1).

Как видно из данных рисунка 1, показатель киберпреступности в России в период 2000 – 2020 гг. демонстрирует тенденцию к устойчивому росту. За обозначенный период количество зарегистрированных в стране киберпреступлений увеличилось в 541 раз, что связано, главным образом, с развитием и тотальным распространением информацион-

ных технологий. При этом необходимо понимать, что реальные цифры существенно выше, поскольку киберпреступность характеризуется высоким уровнем латентности. По оценкам экспертов, латентность киберпреступлений в США достигает 80 %, в Великобритании – 85 %, в Германии – 75 %, в России – более 90 %.

В период COVID-19, ознаменовавшемся форсированным переводом экономических и общественных институтов в цифровую плоскость, переводом работников на удаленный режим, новой волной финансового кризиса, массовыми сокращениями, увеличением доли безналичных платежей, киберпреступность существенно масштабировалась [6]. В 2020 г. в России зарегистрировано более 460 тыс. киберпреступлений (что на 43,2 % выше показателя 2019 г.), из которых 50 % квалифицированы как тяжкие и особо тяжкие. Показатели киберпреступлений достигли критических значений, киберпандемия дестабилизировала функционирование целых отраслей – здравоохранение, финансовый сектор, промышленность, предпринимательство, образовательные структуры.

Основной удар пришелся на сферу здравоохранения (в том числе, профильные министерства, больницы и непосредственно врачей), где ущерб от кибератак составил порядка 7,13 млн. долл. США. В 30 раз выросло количество киберпреступлений в финансово-кредитной сфере, в 8 раз увеличилась нагрузка на информационную безопасность промышленных предприятий. Только за первое полугодие 2020 г. критическая информационная инфраструктура Российской Федерации подверглась более миллиарду хакерских атак, 97 % которых совершались с применением социальной инженерии – хакинга (взлом защиты компьютерной сети, отключение сайтов и т.п.), кардинга (кража данных), фишинга (хищение с использованием электронных средств доступа персональных данных, номеров кредитных карт, паролей и персональных данных). Рост киберпреступлений с использованием социальной инженерии в 2020 г. наблюдался в 90 % российских регионов. Наибольший объем переводов денежных средств без согласия клиента методами социальной инженерии приходится на Северо-Западный округ – 65865 тыс. руб., Центральный федеральный округ – 14983 тыс. рублей, Приволжский федеральный округ – 10250 тыс. руб., Уральский федеральный округ – 9274 тыс. руб.

По данным американского Центра стратегических и международных исследований CSIS, глобальные убытки от киберпреступности в 2020 г. превысили 2 трлн. долларов США, что эквивалентно 1 % от мирового ВВП. По оценке

Таблица 1. Рейтинг кибербезопасности Global Cybersecurity Index, 2020 г.

Страна	Баллы	Место в рейтинге
США	100	1
Великобритания	99,54	2
Саудовская Аравия	99,54	2
Эстония	99,48	3
Южная Корея	98,52	3
Сингапур	98,52	4
Испания	98,52	4
Российская Федерация	98,06	5
ОАЭ	98,06	5
Малайзия	98,06	5
Германия	97,41	13
Франция	97,6	9
Китай	92,53	33

Сбербанка, ущерб России от кибератак в 2020 г. составил 1,6 – 1,8 трлн. рублей. При сохранении текущего тренда в 2022 г. данный показатель может вырасти до 8 – 10 трлн. рублей.

Борьба с киберпреступностью провозглашается приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности. В 2020 г. Россия заняла одну из лидирующих позиций в международном индексе кибербезопасности. Как видно из таблицы 1, наша страна получила 98,06 баллов из 100, разделив пятое место с ОАЭ, Малайзией. Оценка осуществлялась по 20 индикаторам, сгруппированным по 5 направлениям: 1) технические меры, 2) правовые меры, 3) организационные меры, 4) меры по развитию потенциала в сфере кибербезопасности, 5) меры по обеспечению сотрудничества.

Начиная с 2015 года, в рейтинге кибербезопасности Россия поднялась на 21 позицию вверх, однако, проблема эффективного предупреждения и противодействия киберпреступности для нашей страны продолжает оставаться актуальной. Раскрытию киберпреступлений препятствует сама специфика данного рода преступлений: отсутствие методических рекомендаций по организации расследования преступных деяний; транснациональный характер киберпреступлений; недостаточная осведомленность следователей в сфере цифровых технологий; дефицит специалистов, специализирующихся на киберпреступности; стремительное развитие технологий; лингвистические проблемы; трудности работы с источниками доказательной информации, многообразие видов и форм киберпреступлений. Необходимо понимать, что мероприятия по предупреждению и противодействию киберпреступности дифференцируются на несколько основополагающих этапов:

1. Мониторинг киберпреступности. Мониторинг как комплексная и плановая деятельность осуществляется на стадии подготовки преступной деятельности. Мониторинг направлен на оценку криминалистической ситуации в киберпространстве, установление показателей преступности, уровень ее латентности, социально-экономические последствия, факторы, траектории и перспективы развития. Ключевая задача мониторинга – определение актуального состояния криминологической кибербезопасности и степени эффективности деятельности правоохранительных органов

по предупреждению и противодействию преступности. Мониторинг позволяет выявить центральные проблемы в сфере предупреждения и противодействия киберпреступности и основные направления по повышению эффективности деятельности правоохранительных органов в данной сфере. Необходимо констатировать, что мониторинг киберпреступности сегодня находится на невысоком методологическом уровне – зачастую исследуются только статистические показатели зарегистрированной преступности, что не отражает реальной картины. Современный мониторинг должен базироваться на методах и программах искусственного интеллекта, Big Data, робототехники, блокчейна, Service-oriented architecture, Cloud Computing, Data Leak Prevention и др. В целях эффективного противодействия преступности необходимо обеспечить «беспрецедентный массив информации о преступности» посредством формирования единой базы данных по киберпреступности и ее перманентного расширения внутренней статистикой правоохранительных органов и Центрального банка РФ. В 2015 г. Центральным банком РФ организован Центр борьбы с киберугрозами, задача которого – сбор сведений о кибератаках на банки и их клиентов (в том числе, мелкие хищения денежных средств, о факте которых жертвами в правоохранительные органы, как правило, не сообщается). Сотрудничество правоохранительных органов с Центром борьбы с киберугрозами на региональном и федеральном уровнях является важнейшим направлением успешного мониторинга киберпреступности.

2. Планирование предупреждения киберпреступности. Предупреждение угроз в информационной сфере провозглашается одной из приоритетных задач государственной программы «Информационное общество». Основными мерами профилактики правонарушений в киберпространстве в настоящий период являются:

- координация деятельности правоохранительных органов, Центрального Банка РФ, Центра борьбы с киберугрозами, молодежного общественного движения «Кибердружина» [7], IT-компаний и международных организаций;

- меры виктомологической профилактики, включающие повышение цифровой грамотности населения путем организации пресс-конференций и специализированных программ по кибербезопасности для информирования общественности, а также распространение памяток с инструк-

цией о предотвращении возможности использования информации кибермошенниками;

– введение новых специализаций в образовательный процесс юридических вузов и образовательных организаций системы МВД России;

– своевременная блокировка потенциально опасного контента (фишинговые сайты, онлайн-казино, хайп-проекты и т.д.);

– ужесточение законодательства в сфере предоставления услуг IP-телефонии (запрет в регистрации пользователей с иностранными IP-адресами, введение биометрии и т.д.);

– повышение технической оснащенности правоохранительных органов в целях обеспечения оперативного реагирования на сообщения об информационных угрозах и пресечение неправомерных действий.

3. Предупреждение и противодействие киберпреступности. По данным «Лаборатории Касперского», в России наиболее распространенными типами киберпреступлений являются: кибермошенничества, киберхищения, кибершпионаж, кибервымогательство, криптоджекинг (деятельность по созданию новых структур, обеспечивающих функционирование криптовалютных платформ) [4]. В целях предупреждения вышеперечисленных преступлений требуется фундаментальная, структурная трансформация системы цифровой безопасности страны. Успех предупредительной деятельности зиждется на применении инновационных форм, методов и инструментов проведения квалифицированной работы и требует полноаспектного, полномасштабного методического, кадрового, материально-технического и иного обеспечения. Организационно-методическое обеспечение по предупреждению и противодействию киберпреступности должно разрабатываться целым «профессиональным калейдоскопом» - узкоспециализированными специалистами, специальными подразделениями служб и ведомств по борьбе с киберпреступностью, квалифицированными сотрудниками научных и учебных центров, опытными практиками-специалистами (экономистами, правоведами, менеджерами, социологами, IT-специалистами). Необходимо формирование целых факультетов и образовательных учреждений, осуществляющих подготовку специалистов в области кибербезопасности с систематической актуализацией профессиональных образовательных программ. Для действующих сотрудников МВД требуется составление грамотных методических рекомендаций по противодействию вызовам киберпреступности и техническое оснащение правоохранительных органов технологиями цифрового мира [13].

С учетом транснационального характера киберпреступности особое внимание необходимо акцентировать на международном сотрудничестве в данной сфере. В материалах четырнадцатого Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (сентябрь 2021 г., г. Киото) указано, что государства должны стремиться к координации и синхронизации усилий в борьбе за кибербезопасность. В качестве приоритетных направлений для сотрудничества ООН обозначил: преступления с использованием виртуальных активов (криптовалют), незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ с применением цифровых технологий, торговля людьми, надругательство над детьми нелегальный ввоз мигрантов [9].

Пристатейный библиографический список

1. Аналитический отчет. Цифровизация и кибербезопасность. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://media.rbcdn.ru/media/reports/141101.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).
2. Бегларян М. Е., Одинцов С. А., Войтова-Долгих Я. Н. Исторические аспекты понятий «киберпреступление» и «кибертерроризм» в законодательстве: проблемы трактования // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2020. – № 4. – С. 14.
3. Бородкина Т. Н., Павлюк А. В. Киберпреступления: понятие, содержание и меры противодействия // Социально-политические науки. – 2018. – № 1. – С. 135.
4. Вражнов А. С. Криминалистический риск при расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – С. 45.
5. Дерюгин Р. А. Киберпреступность в России: современное состояние и актуальные проблемы // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 4. – С. 108.
6. Долгополов А. А. Влияние пандемии COVID-19 на киберпреступность. – Санкт-Петербург: Астерион, 2021. – С. 36.
7. Жидков Д. Н. О необходимости развития криминалистической общественной профилактики в целях организации противодействия киберпреступности на территории Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 144.
8. Ильяшин Д. А. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере предоставления услуг Интернет: дис... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2008. – С. 18.
9. Ищук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С. Цифровая криминология: учебное пособие. – Москва: Академия управления МВД России, 2021. – С. 24.
10. Мещеряков В. А. Теоретические основы криминалистической классификации преступлений в сфере компьютерной информации // Юридические записки. – 2002. – № 15. – С. 159.
11. Пашнев Д. В. Криминалистическая классификация преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники. – Симферополь: Доля, 2004. – С. 164.
12. Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова «Глобальные проблемы кибербезопасности и международные инициативы России по борьбе с киберпреступностью» для журнала «Внешнеэкономические связи», Москва, 28 сентября 2020 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/regprla/-/asset_publisher/UCxLFJnKuD1W/content/id/4350978 (дата обращения: 01.12.2021).
13. Чепрасов Ю. В., Шмарион П. В. Основные направления противодействия киберпреступности // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 3. – С. 256-261.
14. Шевченко Е. С. Криминалистический подход к классификации киберпреступлений // Информационные технологии в обществе и правовой сфере». – 2015. – С. 57.

ROMANOVSKAYA Irina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассматриваются особенности детерминации преступности несовершеннолетних. Очевидно, чем глубже анализ факторов, детерминирующих преступность среди подростков, тем эффективнее можно разработать и реализовать меры реагирования и предупреждения, направленные на оздоровление всего общества в целом. Особое внимание в статье уделяется субъективным факторам, влияющим на формирование личности подростка.

Ключевые слова: детерминанты преступности, субъективные факторы, объективные факторы, преступность несовершеннолетних, механизм преступного поведения.

ROMANOVSKAYA Irina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

Романовская И. В.

FEATURES OF THE DETERMINATION OF JUVENILE DELINQUENCY

The article discusses the features of the determination of juvenile delinquency. Obviously, the deeper the analysis of the factors determining juvenile delinquency, the more effectively it is possible to develop and implement response and prevention measures aimed at improving the health of society as a whole. Special attention is paid in the article to subjective factors influencing the formation of a teenager's personality.

Keywords: determinants of crime, subjective factors, objective factors, juvenile delinquency, mechanism of criminal behavior.

По данным МВД России за 2021 год, было зарегистрировано 1467 преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений или антиобщественных действий. Итогом этого стало то, что было зарегистрировано 31865 преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, из них 9055 – тяжкие и особо тяжкие. Всего было выявлено 29126 несовершеннолетних преступников, из них: 20743 – учащиеся или студенты. Обратим внимание на то, что большая часть несовершеннолетних – это учащиеся или студенты, то есть не асоциальные маргинальные личности, а подростки, задействованные в процесс овладения будущей профессией. Что же способствует формированию преступного поведения несовершеннолетних? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть особенности детерминации подростковой преступности.

Истоки причин преступности прослеживаются по социальному строю общества и обусловлены материальными и идеологическими условиями жизни людей. Человек не появляется на этот свет с врожденными биологическими, расовыми или другими признаками преступника, а становится им по стечению неблагоприятных обстоятельств, что, однако не лишает его ответственности за антиобщественное поведение. Стоит учитывать особенности психологии конкретного лица, которые формируются и изменяются под влиянием условий жизни и воспитания. Явления общественной жизни, порождающие преступность, влияющие на ее рост или снижение, выступают в качестве ее причин. В отличие от них, условия (природные, социальные, технические), лишь только создают благоприятную среду для совершения преступлений. В теории криминологии, причины и условия преступности именуют термином - детерминанты преступности либо факторы преступного поведения.

Детерминанты преступности делятся на субъективные и объективные факторы, способствующие формированию механизма преступного поведения. К субъективным факторам преступного поведения можно отнести: некоторые элементы социальной психологии, противоречащие нормам общества, выражающиеся как правило в искаженных потребностях и способах их удовлетворения, интересах, мотивах поведения, безнравственности и отсутствии моральных принципов, правовом нигилизме правонарушителей. Особое место среди субъективных условий, влияющих на формирование

преступного поведения, занимают демографические и социально-психологические особенности личности: темперамент, воля, черты характера, возраст, пол, профессиональная деятельность, привычки, увлечения, склонности и способности, направленность личности. В свою очередь, к объективным факторам, детерминирующими преступность следует отнести социальные противоречия, возникающие в различных сферах жизни общества: экономической, политической, культурной, духовной и т.д.

Поскольку преступность несовершеннолетних, является структурной составляющей преступности в целом, то все факторы, детерминирующие преступность взрослой части общества влияют и на подростков, однако следует выделить некоторые особенности, которые в среде несовершеннолетних имеют особое значение.

Одним из условий, способствующих совершению преступлений подростками, можно отметить профессиональную занятость обоих родителей, что делает невозможным осуществление ими постоянного надзора за проведением досуга детьми.

Отделяя механизм преступного поведения от детерминант преступности, следует учитывать сочетание трех его основных уровней: общесоциального (макросоциального), группового (микросоциального) и индивидуального.

На основании этого формирование механизма преступного поведения можно представить следующим образом:

- искажение в обществе системы морально-нравственных ценностей приводит к разрушению системы социальных институтов, нарушает общественные отношения в сфере правопорядка и законности;

- деформация социальных норм, регулирующих процессы борьбы с преступностью, нарушение принципов: неотвратимости наказания и социальной справедливости, влечет за собой безнаказанность и безответственность, что в свою очередь влияет на правовое сознание общества, приводит к его деформации;

- социальная напряженность и общественные конфликты оказывают негативное влияние на общественное сознание, разрушают систему общественных отношений.

Как говорилось ранее, преступность несовершеннолетних, являясь одной из структурных составляющих преступности в целом, развивается и отражает все негативные

процессы, происходящие в обществе. Следовательно, на подростковую преступность существенное влияние оказывают: определенная деградация морально-нравственных ценностей; усиление социальной конфликтности из-за резкой поляризации общества; обнищание части населения; вовлечение несовершеннолетних в наркобизнес; алкоголизация общества; негативное влияние СМИ (пропаганда западноевропейских «ценностей»); вовлечение подростков в политические процессы. Как результат, мы получаем еще не окрепшую морально, но развращенную нравственно личность, демонстрирующую агрессивные социальные модели поведения, в ситуациях удовлетворения собственных потребностей.

Еще одним немаловажным фактором, детерминирующим преступность несовершеннолетних, является влияние на подростка малой социальной группы. К таковой можно отнести: семью, дошкольные учреждения, учебные заведения, ближайшее окружение, с которым ребенок проводит большую часть своего свободного времени. Таким образом, каждый подросток может одновременно входить в несколько микрогрупп, являясь при этом членом общества в целом. Следовательно его поведение будет формироваться под влиянием правил, сложившихся в макро- и микро-группах, членом которых он является. Каждая малая социальная группа характеризуется: моделью поведения, системой ценностей, взглядов и традиций, занимает промежуточное положение между индивидом и «большим обществом», является переходным звеном между ними. При этом относительная самостоятельность малой социальной группы приводит к тому, что в ней могут возникать групповые нормы поведения и ценности, не совпадающие с нормами и ценностями, принятыми обществом и государством. Это не означает, что такие групповые образцы поведения всегда противоречат правовым или нравственным нормам общества; чаще всего они нейтральны, поскольку имеют отношение только к профессиональным или другим специфическим интересам членов группы (спортивные правила, семейные традиции, национальные и религиозные обычаи) [3].

Наряду с этим, возможны и такие групповые нормы поведения, которые противоречат нормам права и морали, что как правило приводит к возникновению конфликтов. В психологии рассматривают три основных вида конфликтов, возникающих в малых социальных группах: между отдельной личностью и остальными членами группы; между членами вновь созданных микро-групп внутри коллектива; между участниками малой социальной группы и обществом. Такая малая социальная группа может характеризоваться собственной субкультурой, что достаточно распространено в среде подростков. Субкультура сама по себе может стать причиной противоречий и как следствие серьезных конфликтов между такой группой и обществом в целом. Лидеры микро-групп, придерживающихся вредных для общества ценностей, с целью поддержания дисциплины среди членов группы, осуществляют контроль за их поведением, для укрепления антиобщественной позиции индивидов, их разобщения, изолирования от влияния общества. Для манипулирования несовершеннолетним, такая группа как правило использует приемы противопоставления требованиям большой социальной группы. Например, все запреты и ограничения семьи, снимаются внутри такого коллектива, делая его более привлекательным для подростка. Эти методы используются для вовлечения несовершеннолетних в криминальную среду.

Нельзя обойти вниманием и такой фактор, как современные СМИ, в особенности социальные сети, среди которых необходимо выделить: Youtube, Telegram, Instagram, Tik Tok. Особую значимость они приобрели в связи с введенными ограничениями в общении, вызванными распространением коронавирусной инфекции, что в свою очередь еще больше обострило проблемы подростковой среды. При этом, данные медиа-площадки тут же были захвачены манипуляторами детского сознания. Следует учитывать особенности восприятия несовершеннолетними поступающей к ним информации, поскольку они еще не имеют достаточного жизненного опыта, им сложно объективно ее оценить. Наряду с этим, существующие экономические, политические, культурные проблемы современного российского общества вызывают у молодежи потребность в справедливом распределении материальных благ. В связи с чем остро воспринимается информация о призывах выступить в поддержку какого-либо оппозиционера, известного в качестве «борца за справедливость». Заметим, что указанные мессенджеры направлены на манипулирование сознанием подростков, навязывание им определенных моделей

поведения, заманивание их «сладкой жизнью». Однако, критически оценить провокационную информацию из социальных сетей несовершеннолетние не в состоянии.

Определенную опасность представляют и так называемые блогеры, особенно те из них, кто транслирует негативное провокационное поведение, а наряду с этим, свою популярность и успешность. Дело в том, что одним из стереотипов поведения подростка является имитация, сопровождающаяся огромным желанием кому бы то ни было подражать. Не случайно в этот период несовершеннолетние обязательно имеют своих кумиров, чаще всего они являются представителями той социальной среды, в которую ребенок стремится попасть. Вот тут-то и появляются, «успешные» по мнению ребенка, персонажи с набором отрицательных качеств и становятся их кумирами. Подросток воспринимает их как демонстрацию социального протеста, противостояния всем и всему и конечно желает превзойти своего кумира во всем. В данный возрастной период у подростка еще не сформирована собственная нравственная позиция, и если родители не принимают активного участия в этом процессе, то их, как правило, заменяют совсем другие лица. В силу социальной незрелости, отсутствия элементарных знаний в различных сферах жизни, дети не могут адекватно оценить происходящие вокруг события, предугадать последствия своих действий, чем и пользуются внешние манипуляторы.

Анализируя внешние объективные факторы, детерминирующие формирование у подростка механизма преступного поведения, нельзя не упомянуть и субъективные причины, влияющие на этот процесс. Говоря о личности несовершеннолетнего, в первую очередь необходимо рассмотреть эмоциональную сферу, которая занимает главенствующую позицию в определении его модели поведения. Для нее свойственны следующие признаки: стремительная возбудимость; устойчивость эмоциональных переживаний; тревожность; противоречивость чувств; зарождающаяся самооценка; зависимость от группы; требовательность к дружбе; проявление чувства патриотизма. Именно поэтому, подростки отличаются вспыльчивостью, долго не забывают обид, боятся казаться смешными, обладают высоко развитым чувством собственного достоинства, испытывают страх быть отверженными группой, дружат на основе общности интересов и нравственных чувств, под влиянием дружбы могут измениться, не всегда в положительную сторону. Перечисленные признаки эмоциональной сферы лежат в основе девиантного поведения подростка, что в свою очередь приводит к совершению первых правонарушений. Нельзя не упомянуть и стереотипы подросткового поведения, к которым необходимо добавить неразвитость социально-культурных потребностей, скудность духовного мира и некоторую отчужденность. Как результат: подросток чаще всего выбирает протестную форму поведения, что и создает благоприятную почву для вовлечения его в криминальную среду.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что не случайно криминологи уделяют особое внимание преступности несовершеннолетних, поскольку именно она лежит в основе взрослой преступности. Чем глубже мы проанализируем все возможные в современных условиях факторы, детерминирующие преступность среди подростков, тем эффективнее будут меры реагирования и предупреждения, направленные в конечном итоге на оздоровление всего общества в целом, поскольку в основе будущего любого государства находится счастливая и успешная юность.

Пристатейный библиографический список

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 28.01.2022).
2. Романовская И. В. Факторы, способствующие вовлечению подростков в уличные протесты // Электронное издание сетевого распространения. Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: материалы всероссийской научно-практической конференции (22 апреля 2021 г.) / Гл. ред. О. П. Грибунов, зам. гл. ред. Е. Н. Бархатова. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2021. – 167 с.
3. Свечников Н. И., Князькина А. Ю. Преступность несовершеннолетних: личность преступника, причины, профилактика // Вестник Пензенского государственного университета. – 2020. – № 2. – С. 85-92.

ТОКАРЕВА Елена Васильевна

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

УЛЫБИНА Олеся Викторовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы Бирского филиала Башкирского государственного университета

ХАХАЛКИНА Ульяна Викторовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы Бирского филиала Башкирского государственного университета

РАБОТА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В НАПРАВЛЕНИИ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассматриваются основные проблемные моменты, на которые необходимо обращать внимание сотрудникам правоохранительных органов в рамках профилактики детской и подростковой преступности. В результате автор приходит к выводу о том, что правоохранительные органы, занимая проактивную позицию в рамках профилактики преступлений, совершенных несовершеннолетними, должны быть ориентированы на комплексную работу с различными социальными институтами. Особые требования при этом сотрудники должны предъявлять к собственному профессиональному уровню, а также к знанию таких смежных областей, как психология (поведенческая, возрастная), социология, педагогика. Также крайне важно знание современных обсуждаемых проблем и трендов в социальных сетях и общие интересы молодых людей.

Ключевые слова: несовершеннолетние лица, инспектор по делам несовершеннолетних, правонарушение, преступление, профилактика, детерминанты преступности.

TOKAREVA Elena Vasiljevna

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ULYBINA Olesya Viktorovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of Pedagogy, psychology and social work sub-faculty of the Birsk branch of the Bashkir State University

KNAKHALKINA Ulyana Viktorovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of Pedagogy, psychology and social work sub-faculty of the Birsk branch of the Bashkir State University

THE WORK OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE DIRECTION OF THE PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY

The article discusses the main problematic points that law enforcement officers need to pay attention to in the framework of the prevention of child and juvenile delinquency. As a result, the author comes to the conclusion that law enforcement agencies, taking a proactive position in the framework of the prevention of crimes committed by minors, should be focused on integrated work with various social institutions. At the same time, employees must make special requirements for their own professional level, as well as for knowledge of such related areas as psychology (behavioral, developmental), sociology, and pedagogy. It is also extremely important to know the current issues and trends discussed in social networks and the common interests of young people.

Keywords: minors, juvenile inspector, offense, the crime, prevention, determinants of crime.

Несовершеннолетние лица – это всегда особые объекты внимания со стороны государства. Их правонарушения и неправомерное поведение всегда свидетельствуют о более глобальных проблемах общества, ведь они чаще всего являются индикаторами сложных экономических и социальных вопросов, нестабильности общества.

Согласно статистике Генеральной прокуратуры Российской Федерации, наблюдаются довольно тревожные тенденции. Так, с 2016 по 2019 год отмечен рост особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами (прирост составлял 14,2 % в 2017 году, 5,6 % в 2018 году, 6,9 % в 2019 году). В 2020 и 2021 году зафиксировано снижение

роста особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами, однако пока говорить о положительной тенденции преждевременно. Даже при снижении данной категории преступлений в 2021 году (по состоянию на ноябрь на 7,7 %), уровень таких деяний все равно выше показателей 2016 года¹.

¹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Раздел: «Показатели преступности в России», динамика. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.01.2022).

Токарева Е. В.

Улыбина О. В.

Хахалкина У. В.

Именно поэтому со стороны института семьи, образовательных учреждений, а также со стороны властных органов наблюдаются комплексные усилия по профилактике правонарушений несовершеннолетних. Одним из наиболее эффективных направлений в этой связи является работа правоохранительных органов, однако, при обязательном условии сотрудничества правоохранительных органов с семьей и образовательными учреждениями.

Правоохранительные органы являются специализированным институтом по защите человека от преступных посягательств, поэтому вполне естественно, что подростки и дети воспринимают полицию как орган, имеющий властные полномочия в рамках пресечения и предупреждения преступлений. Это профильный орган в данном направлении, поэтому у несовершеннолетнего не возникает психологического диссонанса при осуществлении с ним работы сотрудника правоохранительных органов, даже в рамках физического препятствия сотрудника при осуществлении преступного акта подростком. Также в целом правоохранительные органы воспринимаются молодыми людьми как субъект правовой социализации (то есть субъект, который поможет сформировать минимально необходимую юридическую компетенцию у детей и подростков – что является правонарушением, какие действия являются преступлением, что такое необходимая оборона, как правильно отвечать на насилие и буллинг и т.д.).

Стоит отметить, что сложность подросткового возраста как раз и заключается в поиске авторитетов, и зачастую такой авторитет у подростка очень сложно сформировать – отсюда многочисленные проблемы несовершеннолетних лиц с родителями и учителями. Однако установка государства относительно функционала правоохранительных органов, по нашему мнению, формирует, как минимум, представление о наличии специально уполномоченного органа, который может применить властные полномочия для пресечения преступления, а также о неизбежности наказания за противоправное поведение.

При этом считаем, что более активная работа должна проводиться сотрудниками правоохранительных органов на наиболее ранних этапах взаимодействия с несовершеннолетними – в рамках профилактики преступлений. В этой связи кажется важным выявление и постоянный мониторинг таких угрожающих состояний подростков и детей, как склонность к агрессивному и импульсивному поведению, наличие вредных привычек, бродяжничество, попрошайничество и т.д. Большинство этих проблем напрямую коррелирует с неблагоприятной обстановкой в семье, что требует дополнительных усилий со стороны правоохранительных органов в рамках профилактической работы более широкого плана, нацеленного на большее количество объектов. При этом знание основных характеристик криминологического портрета подростка, склонного к совершению определенного вида преступлений, существенно упрощает деятельность сотрудника правоохранительных органов [1]. Также стоит обратить внимание на следующие факторы, обуславливающие преступность несовершеннолетних:

1) Экономические трансформации и урбанизация привели к тому, что «родительское время», то есть качественно проведенное с ребенком время существенно сократилось – для «выживания» в условиях мегаполиса ввиду сильной кон-

курсии родителям приходится больше работать, и, соответственно, меньше внимания уделять ребенку.

Меньший контроль, а также желание заработать быстрые деньги, видя сложный родительский путь к заработку, приводят к предпочтительности неправомерных источников заработка среди несовершеннолетних. Подростков именно по этой причине чаще вовлекают в деятельность террористических организаций – обещание быстрых денег в совокупности с отсутствием надлежащего контроля со стороны родителей и множество иных социальных и личностных факторов приводит к регулярному увеличению количества несовершеннолетних рекрутированных [4].

Именно поэтому сотрудникам правоохранительных органов стоит обращать внимание, по нашему мнению, не только на неблагополучные семьи (чье безусловно негативное воздействие на эмоциональную сферу ребенка является наиболее серьезным ошибочным стереотипом), а на семьи, где были выявлены случаи агрессивного поведения ребенка с целью привлечения внимания родителей или старших по возрасту людей (селф-харм, жестокое обращение с животными, жестокое обращение с более младшими детьми и т.д.).

2) Сложности во внутрисемейном взаимодействии. Институт семьи в данный момент и на протяжении нескольких десятилетий переживает серьезные трансформации [3]. Нельзя сказать, что они однозначно негативные – современные родители большее внимание стали уделять психологическому состоянию своего ребенка и заботиться о его эмоциональном благополучии. Однако такие факторы, как неполные семьи, психологические проблемы самих родителей и отсутствие доверия между членами семьи – это компоненты, на которые необходимо обратить внимание как на определяющие особенности негативной первичной социализации. Именно они могут стать причинами формирования паттернов агрессивного и делинквентного поведения.

При этом большинством исследователей отмечается, что работа с семьей является наиболее сложной ввиду ее комплексности [7]. Такая работа требует не только профессиональной компетенции, но и понимания психологических особенностей взаимодействия внутри социальной группы, возрастной психологии, поведенческой психологии и т.д.

3) Неэффективная образовательная инфраструктура в большей степени влияет именно на исследуемую возрастную группу – детей и подростков. При этом можно говорить как о недостаточном количестве времени, которое уделяется непосредственно образовательному процессу (по этой причине несовершеннолетние имеют в распоряжении слишком много свободного времени), так и о недостаточной осведомленности педагогов и психологов относительно реальных проблем учащихся (буллинг, травля одноклассниками или учащимися иных классов, проблемы в семье, примененное насилие по отношению к ученику). В период поиска морального ориентира и жизненных приоритетов отсутствие реакции на такие события в жизни несовершеннолетнего приводит к проявлению агрессивности, ответного насилия и криминализации.

Стоит отметить, что правоохранительные органы в России очень активно действуют именно в этом направлении – осуществлении сотрудничества с образовательными организациями. Инспекторы по делам несовершеннолетних совместно с педагогами и директорами школ составляют общий план действий в рамках профилактики правонару-

шений и преступлений среди несовершеннолетних. Именно со стороны образовательных учреждений предоставляются систематизированные и максимально полные сведения (характеристики) относительно особенностей поведения и склонностей учащихся [5] (что ввиду объективных особенностей – недостаточности педагогической и психологической компетенции – не всегда могут предоставить родители и опекуны).

Наличие множества факторов, являющихся причинами детской преступности, требует от правоохранительных органов проактивной позиции, что с учетом нагрузки на инспекторов ПДН и иных подразделений является чрезвычайно сложной задачей. Упрощение в этом случае возможно достичь только в рамках сотрудничества сотрудников органов внутренних дел с семьями, образовательными учреждениями основного и дополнительного образования, средствами массовой информации.

Основные превентивные меры при этом гораздо более глобальные, и должны включать в себя:

1) Обеспечение надлежащей подготовки сотрудников всех институтов, имеющих отношение к несовершеннолетним лицам, особенно – сотрудников правоохранительных органов и инспекторов ПДН;

2) Создание специальных консультационных клиник для оказания надлежащей психологической и иной помощи детям, страдающим от буллинга, домашнего насилия, имеющих проблемы психиатрического и соматического характера [2] и т.д.;

3) Просвещение семьи для оказания эффективной помощи родителям в рамках осознания важности уделения должного внимания потребностям своих детей; просвещение самих детей в рамках описания плюсов законопослушного поведения;

4) Улучшение социальной среды – особое кураторство над неблагополучными с точки зрения криминогенной активности районами и регионами и т.д.;

5) Выявление потенциальных правонарушителей с помощью психологических тестов в школах, проведение с ними профилактической работы (индивидуальная работа в рамках подбора альтернативного положительного поведения – например, если у подростка есть склонность к проявлению агрессивного насильственного поведения – оформление его в спортивную секцию, где агрессия будет трансформирована в физическую нагрузку);

6) Ликвидация или контроль над проблемой подросткового и детского попрошайничества, бродяжничества, общей нищеты; повышение экономических стандартов жизни населения (данное направление в меньшей степени зависит от проактивной позиции правоохранительных органов и в основном находится в прямой связи с эффективными действиями государства; органы внутренних дел в этом направлении могут выполнять роль инспектора наиболее явных проявлений экономической нестабильности страны, например, в рамках выявления и помощи беспризорным детям);

7) Осуществление постоянного мониторинга социальных сетей, в частности отслеживание агрессивных хештегов и флешмобов с насильственным подтекстом.

Таким образом, правоохранительные органы, занимая проактивную позицию в рамках профилактики преступле-

ний, совершенных несовершеннолетними, должны быть ориентированы на комплексную работу с различными социальными институтами. Особые требования при этом сотрудники должны предъявлять к собственному профессиональному уровню, а также к знанию таких смежных областей, как психология (поведенческая, возрастная), социология, педагогика. Также крайне важно знание современных обсуждаемых проблем и трендов в социальных сетях и общие интересы молодых людей.

Пристатейный библиографический список

1. Гончарова М. В. Основные проблемы деятельности органов внутренних дел по индивидуальной профилактике преступлений // Наука. Мысль. – 2016. – № 5-1. – С. 30-40.
2. Данилов Д. А. К вопросу о предупреждении преступлений органами внутренних дел // Наука и практика. – 2015. – № 2 (63). – С. 44-47.
3. Кожогелдиева К. М., Кожогелдиев А. С. Психологические знания родителей в воспитании детей // Инновационная наука. – 2016. – № 4. – С. 103-105.
4. Коробеев А. И., Мальцев А. А. Особенности причинно-мотивационного комплекса вовлечения несовершеннолетних в деятельность террористических организаций // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 1. – С. 50-59.
5. Маздогова З. З. Деятельность инспектора по делам несовершеннолетних по взаимодействию с образовательными учреждениями // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 8. – С. 89-90.
6. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Раздел: «Показатели преступности в России», динамика. – [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.01.2022).
7. Складенко И. С., Курипченко Ю. И. Профессиональные затруднения сотрудников ПДН во взаимодействии с семьями группы риска // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 3. – С. 381-386.

АРХИПОВ Евгений Владимирович

старший преподаватель Уфимского юридического института МВД России

ПЕСТЕРЕВ Николай Николаевич

старший преподаватель Барнаульского юридического института МВД России

НИКИТИН Александр Игоревич

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРОЦЕСС ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, В ТОМ ЧИСЛЕ И ПЕРЕМЕННОГО СОСТАВА (КУРСАНТЫ, СЛУШАТЕЛИ) ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

В статье поднимается проблема психофизической подготовленности к выполнению упражнений стрельбы, влияние волнения на результаты стрельбы, предлагаются способы борьбы с ним. Так же описывается определение страха и способы устранения при производстве выстрела. Приводятся сравнения и указание на различия спорта, связанного с физическими нагрузками, и психического напряжения стрелка во время выполнения упражнений. Указывается на важность комплексного подхода при обучении стрельбе. Приводятся рекомендации для освоения новых знаний и навыков по изучению курса стрельбы.

Ключевые слова: огневая подготовка, психофизическая подготовка, волнение, остеокальцин, адреналин, акупунктурные точки, планирование занятий, результативность стрельбы, стресс, страх.

ARKHIPOV Evgeniy Vladimirovich

senior lecturer of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

PESTEREV Nikolay Nikolaevich

senior lecturer of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

NIKITIN Aleksandr Igorevich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

THE MAIN PROBLEMS AFFECTING THE PROCESS OF FIRE TRAINING OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES, INCLUDING VARIABLE STAFF (CADETS, TRAINEES) OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

The article raises the problem of psychophysical readiness to perform shooting exercises, the influence of excitement on shooting results, and suggests ways to combat it. It also describes the definition of fear and how to eliminate it when firing a shot. Comparisons and an indication of the differences between sports related to physical exertion and the mental stress of the shooter during exercise are given. The importance of an integrated approach in shooting training is pointed out. Recommendations are given for the development of new knowledge and skills for the study of the course of shooting.

Keywords: fire training, psychophysical training, excitement, osteocalcin, adrenaline, acupuncture points, lesson planning, shooting performance, stress, fear.

Огневая подготовка в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел имеет весьма особое значение. Сотрудники полиции в соответствии со ст. 23 ФЗ от 07.02.2011 «О полиции» [4] имеют право применять огнестрельное оружие, но только в определенных ситуациях. В связи с этим в образовательных организациях системы МВД России уделяется большое внимание проведению занятий по огневой подготовке, в процессе которой изучаются различные упражнения, используя как можно больше моделирующих ситуаций, это и упражнения со сменой положения, со сменой магазина, с левой и правой стороны укрытия, с разворотом, а также используя мишени с зонами поражения.

Однако учебные программы образовательных организаций не учитывают психофизиологические факторы, сложность новых упражнений, что, в свою очередь, сказывается на качестве и эффективности изучения упражнений. У действующих сотрудников полиции факторы, способствующие возникновению психофизиологической напряженности другие, это высокая общественная и личная значимость поставленных задач, а также психологическая составляющая их выполнения. В этом состоянии сохранить навыки нажатия на спусковой крючок чрезвычайно сложно. При этом прицельный выстрел требует высокой концентрации производимых действий.

Таким образом, результаты стрельбы напрямую зависят от психофизиологических факторов, которые обеспечивают высокоэффективную работу всех систем и органов человека.

Физическая подготовка также оказывает значительное влияние на процесс огневой подготовки курсантов и слушателей, так как она позволяет выдерживать нагрузки во время стрельбы, концентрировать внимание, что в конечном итоге влияет на результативность и стабильность в стрельбе.

Наше мнение разделяют ряд авторов, так например, по мнению Юрьева А. А. стрелок должен обладать такими данными: 1) развитой мышечной системой и выносливостью, чтобы производить большое количество выстрелов, заметно не снижая их качества; 2) умением максимально расслаблять и в наибольшей мере выключать из работы те группы мышц, которые не принимают непосредственного участия в удерживании тела при изготовке, а также при нажатии на спусковой крючок; 3) сильными мышцами, участвующими в процессе дыхания; 4) точностью и согласованностью движений, быстрой реакцией, хорошо развитым чувством равновесия и т.д. [2, с. 4].

Различные изменения в современном мире приводят к необходимости поиска новых способов, приемов и методов изучения дисциплины, что вынуждает преподавателя тратить много времени и сил на рассуждения, связанные с вопросами подготовки сотрудников полиции. На наш взгляд,

важно предусмотреть на этапах обучения психофизиологические качества, на которые необходимо основываться, осознанности, которые могут повлиять на эффективность и результативность стрельбы.

Каждый человек хоть раз чувствовал волнение перед важным событием: учащение сердцебиения, дыхания, а также напряжение всего тела – все это характерные признаки реакции организма на ожидания стрессовой ситуации. Чем же обусловлена такая реакция организма? «Бей или беги» – так охарактеризовал данный эффект на организме человека физиолог Уолтер Кеннон [1]. Что помогало нашим предкам мобилизовать все силы организма для резкого повышения энергии и реакции в максимально короткий промежуток времени? По словам Кеннона, именно гормон адреналин повышает эффективность работы мышц, а также облегчает дыхание, позволяя дышать легче и быстрее. Но при этом в 2019 году, ученые из США смогли отчасти опровергнуть выдвинутую Кенноном теорию. Они заявили, что гормон, по большей части мобилизуя ресурсы организма к стрессу, вовсе не адреналин, а остеокальцин. Остеокальцин, в отличие от адреналина выделяется не из надпочечников, а из костей. Выходит, когда мозг посылает информацию о том, что ожидается стрессовая ситуация, организм по привычке, выработанной эволюцией, выделяет остеокальцин, который и заставляет чувствовать это самое волнение, или же реакцию «бей или беги». В чем же проблема? Ведь если реакция «бей или беги» вызывает мобилизацию всех ресурсов организма, то данный феномен должен нести только положительные эффекты в особенности для спортсменов. Расширенные дыхательные пути, а также наполненные кровью мышцы окажут неоценимую помощь на соревнованиях, где доли секунд решают результат. Возможно, волнение забивает голову лишними мыслями и мешает концентрации, но при физической нагрузке на организм, гормоны выделяются меньше, и внимание концентрируется на выполнении физической работы. Так, например, если перед беговыми соревнованиями, спортсмен из-за влияния остеокальцина начинает чувствовать волнение и напряжение, то после первых минут забега влияние гормона заканчивается.

Но в реалиях стрельбы влияние данного гормона не оказывает однозначно положительного влияния на результат выполнения упражнений. В отличие от спорта, в стрельбе на занятиях по огневой подготовке нет ярко выраженной физической работы организма, которая поглотила бы излишки остеокальцина и адреналина. Поэтому всё накопленное волнение стрелка никуда не уходит, а остается с ним на протяжении стрельбы. Помимо ментальных проблем, вызванных реакцией организма на стресс, зачастую возникают и физические. По результатам опроса стрелков, неоднократно участвовавших в соревнованиях, были замечены изменения частоты сердцебиения. Из-за учащения возникает та самая дрожь в конечностях, которая может стать фатальной для результата выстрела. Перед зачетной стрельбой изменяется работа кишечника, который может принести неожиданные ощущения перед выполнением упражнений. В ночь перед важным днем нарушается сон, стрелок пытается отогнать от себя мысли о предстоящем событии, но безуспешно.

Оказался неожиданным тот факт, что спортсмены, выполняющие стрелковые упражнения в рамках таких видов спорта, как «биатлон», «служебный биатлон», «полоса препятствий со стрельбой» меньше ощущают мандраж при стрельбе, так как эффект выделяемых гормонов заканчивается при первоначальной физической нагрузке, например бег, или прохождение полосы препятствий. В итоге можно привести некоторые советы для борьбы с волнением перед стрельбой и непосредственно при выполнении упражнений стрельбы:

- для того, чтобы перед соревнованиями кишечник не дарил спортсмену неожиданных реакций организма, не стоит употреблять непривычную пищу. Диетологи советуют принимать ту же самую пищу, которую вы привыкли употреблять последние несколько месяцев;

- для борьбы с «тремором» в мышцах опытные спортсмены стрелки советуют применить небольшую физическую нагрузку для организма, для облегчения реакции на выделяемые гормоны. Так, например безотказно работает техника поочередное напряжение всех мышц организма на 20 секунд, а после этого расслабление также на 20 секунд. Данный алгоритм нужно повторить несколько раз до успокоения реакции «бей или беги»;

- самая сложная проблема, которую решить большинство спортсменов стрелков решить не в силах – это ментальная. Для того, что решить данную проблему, нужно точно проработать предсоревновательную подготовку. Включить имитацию условий соревнований с повышенным стрессом, а также настраивать себя и помнить об алгоритме действий.

Резюмируя вышесказанное, хотим напомнить о том, что реакция организма на стресс – это вполне естественно.

Так же важно учитывать и помогать обучающимся преодолевать негативные проявления, влияющие на производство выстрела из-за страха. Основаниями, вызывающими страх могут быть: отдача при выстреле, громкий звук, боязнь показать плохой результат. Страх успешно устраняется на практике в процессе подготовки и обучения стрелка. Это происходит с помощью:

- проработки техники выстрела как с охлажденным, так и боевым оружием;

- проработки задержки дыхания и дыхательные упражнения по типу легкой физической нагрузки;

- самопрограммирование стрелка с помощью самовнушения и техник аутотренинга [3, с. 119].

Учитывая все вышесказанное, можно обозначить еще одну значимую проблему – планирование занятий по огневой подготовке. Основной формой проведения занятий по огневой подготовке является практические занятия, то есть изучение упражнений и выработка навыков по обращению и применению огнестрельного оружия.

Считаем, что при разработке учебных программ по огневой подготовке необходимо учитывать такой принцип, как систематичность, что обусловлено важностью автоматизации движений при производстве выстрела. Полагаем, что занятия необходимо проводить с определенным периодом времени, то есть, на наш взгляд, для изучения и закрепления определенных навыков необходимо не менее двух занятий огневой подготовкой в неделю, что можно объяснить тем, что стрельба требует больших психофизических затрат и навыки обращения с оружием невозможно натренировать дома. В свою очередь занятия огневой подготовкой с периодом 1 или 2 раза в месяц возможны только для поддержания уже хорошо выработанных и закрепленных навыков.

Также при этом необходимо учитывать и время изучения новых упражнений. Например, новое упражнение, по нашему мнению, лучше изучать в первой половине недели и первой половине дня в силу того, что одним из основных факторов, влияющих на изучение новых упражнений и результаты стрельбы, как уже нами отмечалось, является эмоциональность сотрудника, его работоспособность и степень усталости.

В заключении хотелось бы обозначить, что огневая подготовка занимает первостепенное место как в работе сотрудников органов внутренних дел, так и в системе образования. К сожалению, на сегодняшний день существует ряд проблем, связанных с организацией и реализацией проведения занятий по огневой подготовке. Считаем, что обозначенные нами предложения будут способствовать более быстрому и качественному процессу выработки навыков по обращению и применению огнестрельного оружия.

Пристатейный библиографический список

1. Indicator. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://indicator.ru/amp/medicine/bei-ili-begi-ne-adrenalin-akosti-12-09-2019.htm>. (дата обращения: 11.01.2022).
2. Баранов В. Е., Благодатин А. Б. Взаимосвязь огневой и физической подготовки курсантов (слушателей) в процессе обучения в образовательных учреждениях системы МВД России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 36. – С. 4–7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2017/771201.htm>. (дата обращения: 11.01.2022).
3. Никитин А. И. Страх как фактор, влияющий на производство выстрела: способы устранения // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Служебно-прикладные виды спорта МВД России: современное состояние и направления совершенствования / Под общей редакцией О. С. Носкова. - 2020. - С. 119–121. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44162335> (дата обращения: 11.01.2022)
4. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 11.01.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-404-407

ГОНЧАРЕНКО Елена Вячеславовна

медицинский психолог ГБУЗ АО «Областная детская клиническая больница им. Н. Н. Силищевой»

ТАЙСАЕВА Светлана Борисовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

МУЦОЛЬГОВ Муслим Магомедович

старший следователь Икрянинского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Астраханской области, старший лейтенант юстиции

КАВЕРИН Антон Сергеевич

следователь следственного отдела по Трусовскому району Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Астраханской области, старший лейтенант юстиции

ФЕНОМЕН ЛОЖНОЙ ПАМЯТИ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРАКТИКЕ КЛИНИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА И СЛЕДОВАТЕЛЯ

В статье рассматриваются феномены ложной памяти, мотивы деструктивного поведения, ложь как социокультурный феномен, обращается внимание психопатологическую форму лжи. Описаны два клинических случая с использованием опросной беседы в практике клинического психолога и следователя. Апеллируя к научным воззрениям и правоприменительной практике, авторы делают собственные выводы о возможности и важности корректировки истинных воспоминаний от ложных, поскольку у любого человека имеется способность формировать детальные ложные воспоминания. Ложные воспоминания – это просто иллюзии памяти, вызванные нормальными для нее процессами.

Ключевые слова: ложная память, несовершеннолетние, метапамять, показания.

GONCHARENKO Elena Vyacheslavovna

medical psychologist “ N. N. Silishcheva Regional Children’s Clinical Hospital”

TAYSAEVA Svetlana Borisovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of Psychology sub-faculty of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics

MUTSOLGOV Muslim Magomedovich

senior investigator of the Ikryaninsky Interdistrict Investigation Department of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Astrakhan Region, Senior Lieutenant of Justice

KAVERIN Anton Sergeevich

investigator of the Investigation Department for the Trusovsky District of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Astrakhan Region, Senior Lieutenant of Justice

THE PHENOMENON OF FALSE MEMORY IN MINORS IN THE PRACTICE OF A CLINICAL PSYCHOLOGIST AND INVESTIGATOR

The article examines the phenomena of false memory, motives of destructive behavior, lying as a sociocultural phenomenon, draws attention to the psychopathological form of lies. Two clinical cases are described using a questionnaire interview in the practice of a clinical psychologist and an investigator. Appealing to scientific views and law enforcement practice, the authors draw their own conclusions about the possibility and importance of correcting true memories from false ones, since any person has the ability to form detailed false memories. False memories are simply illusions of memory caused by normal processes for it.

Keywords: false memory, minors, meta memory, testimony.

Весной 1984 года в городе Молден, штат Массачусетс, разгорелся скандал, связанный с четырехлетним Мюррем Кейси. Со слов ребенка, Джеральд Амиро, сотрудник детского сада Феллс-Эйкерс, завел его в тайную комнату, в которой спустил его трусы и дотронулся пениса. Далее сотрудники полиции опрашивали других детей, которые заявляли, что ничего подобного с ними не происходило. Но родители, которые уже начали паниковать начинали расспрашивать детей о сексуальном насилии. Позже еще 40 малышей признаются в сексуальных домогательствах.

Дети красочно озвучивали невероятные истории, где они принимали участие в гольх вечеринках у бассейна, или же плохой клоун уводил их в «волшебную комнату». По словам детей, «плохой клоун», применяя к ним насилие, «плевался огнем» и домогался до них волшебной палочкой. Также они описывают «ро-

бота наподобие R2D2» из «Звездных войн», который кусал их за руку, если они не выполняли его команд сексуального характера. Они также говорят, что их домогались омары. Говорят, что видели жертвоприношения животных. Одна их воспитанниц четырех лет заявляет, что ей во влагилице вставляли тридцатисантиметровый нож мясника [6].

Джеральда Амиро и его родственницы, которые тоже работали в дошкольном учреждении осудили на длительный срок, все они отрицали свою вину на суде. А в 1998 году судья И. Боренштейн решил пересмотреть принятое решение против женщин. Он озвучил свое мнение, что невысокий профессионализм следствия, методы и методики получения признания, всеобщая истерия родителей породила большое количество фальсификации в показаниях детей.

Оценку показаний детей дают в своих публикациях специалист в мире в области исследования лжи П. Экман и криминолог Дж. Шоу. Первый связывает его с детским обманом, вторая связывает с «богатыми ложными воспоминаниями». [6, 7, 8, 9].

Следователям в работе с несовершеннолетними, по делам относительно действий сексуального характера, в соответствии со ст. 191 УПК РФ приглашаются психологи. При проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя [1].

В нашей клинической и юридической практике чаще всего встречаются виктимизированные дети и подростки, но периодически возникают ситуации, когда несовершеннолетние сознательно идут на обман и тогда такие случаи тщательно верифицируются и выявляются мотивы деструктивного поведения. Несколько клинических бесед в работе психолога со следствием не укладывались в методы безынструментальной детекции лжи и правдивых показаний, эти случаи мы отнесли к феномену ложной памяти.

Обман – это не только сокрытие информации. Ложь как социокультурный феномен был описан Н. Хамфри. В 1976 году он написал статью «Социальная функция интеллекта», где поставил гипотезу, что человек развивался не потому, что взял в руки орудие труда, а под влиянием таких факторов, как необходимость предугадывать поведение своих сородичей и вводить их в заблуждение [2]. Существует психопатологическая форма лжи, которая в медицине имеет название конфабуляция. Конфабулез в медицинской и психиатрической литературе определяется как «формирование у больного вымышленных, искаженных или неверно истолкованных воспоминаний о каком-либо конкретном событии либо обо всей предыдущей жизни, не основываясь на сознательном желании обмануть» [2]. Он обусловлен, как правило, черепно-мозговыми травмами головного мозга: повреждениями, затрагивающими лобную долю и гиппокампа или расстройствами шизотипического круга. Но в криминологической и психологической литературе также есть исследования «ложной памяти». Феномен не относится к патологии, большинство людей имеет ложные воспоминания, в которых принимают участие когнитивные искажения, восприятие и эмоции человека.

Исследователи Университета Миннесоты Дж. Флавел и Г. Уэллман впервые использовали термин «метапамять» для важной особенности человека корректировать истинные воспоминания от ложных. Без метапамяти «мы могли бы постоянно блуждать между реальностью и фантазией» [6]. Поэтому взрослый здоровый человек не всегда верит в то, что воображаемое им реально, и, как правило, способен провести грань между тем, что действительно происходило, и тем, чего не было. Но это не касается психики ребенка или подростка, так как созревание лобного отдела,

кору, гиппокампа, нейронных связей при формировании эксплицитной памяти еще функционально не идеально, поэтому детско-подростковое фантазирование может приобрести форму ложных воспоминаний. Вербальный и невербальный рисунок поведения во время рассказа будет синхронным и конгруэнтным. При воспроизведении рассказа детей методы верификации будут необъективны, так как они диагностируют обман, как сознательное действие человека.

Клинический случай 1.

Девочка Б., возраст 8 лет 4 месяца, проживает в неполной семье с матерью и младшей сестрой. Первоначально раппорт с психологом установился сразу: быстро пошла на контакт, назвала свое имя, сколько лет, рассказала, что учится в 1 классе. Досуг проводит соседской девочкой, по имени У., они соседки и лучшие подруги, родители были не против дружбы. Ребенок больше любит активные игры на воздухе: прятки, догонялки. Хочет заниматься танцами, но по месту жительства нет кружков, любит рисовать, нравится смотреть мультфильмы по телевизору и месяц назад ей купили планшет, в нем смотрит ролики на Tik Tok. Девочке нравится наряжаться, она любит красивую одежду, к примеру, у нее было платье, как у принцессы и она была «лучшая на празднике чем другие». Любит животных: кошек, старается их кормить и хорошо относится. Дома проживает с мамой, младшей сестрой Е., трех лет. С сестрой случаются сиблинговые конфликты, она берет вещи и игрушки у Б., они ссорятся, жалуются друг на друга матери. Также в доме проживают бабушка и прабабушка, рассказывает, что ездит с удовольствием в гости к другим родственникам. О матери рассказывает: «Мама работает на кухне, мне нравилось ходить к ней на работу. Я там чистила скорлупу у яиц». По поводу внимания со стороны матери рассказывает, что мама уделяет ей и сестре очень много внимания. Ранее с ними проживал дядя М., жили они хорошо, «иногда он с мамой ругался». Он «все мне покупал» игрушки, сладости, еду домой. Однажды Б. попросила телефон, дядя М. пообещал, но мама сказала, что лучше купить одежду к школе. Вспоминает, что сама звонила мужчине, после конфликтов взрослых, чтобы он вернулся и помирить. Любила перед ним рассказывать «выученные стихи, как на сцене». Психолог предложил назвать три положительных качества отца: первым назвала, что он добрый, дарил ей подарки и сестре тоже. Вторым, что никогда не ругал, третьим, всегда с детьми играл в разные веселые игры. Из отрицательных качеств называет, «иногда приходил пьяный домой», поясняет «мamu никогда не бил, не скандалил, а улыбался просто». На вопрос, а была ли физическая агрессия с его стороны по отношению к матери, нее и младшей сестры, ответила отрицательно и эмблема головой «нет» (соответствие вербальной информации и жеста-эмблемы). Говорит, что мужчина нечасто ругался с бабушкой Л., потому что она делала замечания по поведению Б., а мужчина ее защищал. О его работе рассказывает, что работает на стройке, что они раньше жили в другом селе, а сейчас переехали в соседнее, дядя М. «помогал в доме все делать».

На контрольных темах беседы, девочка пояснила, что в возрасте 6 лет в первые дни лета, она поехала вместе с со-

жителем матери в их недостроенный дом, где мужчина совершил с ней анальный половой акт длительностью «тридцать минуточек». Б. подробно описала время года, день, одежду, завтрак, дорогу до новостройки. Воспоминания о действиях сексуального характера отличались меньшей детализацией и были отмечены лакуны в вербальной информации с маркерами вегетативного стресса в пантомимике.

Психологом после опросной беседы были сделаны выводы. Согласно возрастной психологии, у детей дошкольного возраста долговременная память недостаточно продуктивная, что обусловлено неустойчивостью процесса внимания и это характерно для их возрастного периода. Детальный рассказ с описанием конкретного числа, времени года, одежды, прически, покупки мороженого, еды на завтрак, времени полового акта, принятие водных процедур, отрицание синяков и ссадин на теле, событий в доме, обратная дорога, предметов быта, мебели являлось не характерным для долговременной памяти ребенка шести лет. В рассказе отмечались искусственное конструирование образов (эпизод с маслом, видео с красивой тетей, сексуальное поведение М.). Наличие жестов-самоадапторов возрастало в два-три раза на контрольных и проверочных вопросах (ребенок постоянно крутился на стуле, потирал колени), дистанцировался от психолога, поворачивался к матери, бессознательно прося о защите. В мимике не было отмечено эмоций отвращения, связанного с половым актом и презрения по FACS к растлителю, по нашим наблюдениям эти микровыражения наблюдаются у жертв. Со слов законного представителя, в семье любят смотреть криминальные сериалы на каналах НТВ и «Пятом». Б. рассказала, что в одной серии видела похожий сюжет. Также у девочки есть подруга, которая рассказывала ей о своих романтических отношениях с юношей.

Таким образом, учитывая возрастные особенности несовершеннолетней, работу когнитивных процессов дошкольников и младших школьников, демонстративные черты характера, рисунок вербального и невербального поведения речь шла о фантазировании. Девочка встретила в правдивые события обычного дня конструкции ложных воспоминаний. Визуально и аудиально в воображении и памяти закрепила эротическую информацию из СМИ, наблюдение за поведением взрослых, опыт подруги, аналогичный сюжет из сериала.

Клинический случай 2.

Девочка Л., возраст 13 лет, рождена от первых родов, росла и развивалась по возрасту. ЧМТ у ребенка, оставание в психическом, моторном развитии мать отрицает. Проживает в неполной семье, с мамой и младшим братом. Учится в 8 классе, успеваемость в школе средняя, может прогуливать школьные занятия, рассказывает про буллинг одноклассников. Домашние обязанности выполняет неохотно, со слов лениться. Мать ребенка озвучивает, что дочь часто не выполняла ее поручения по домашнему хозяйству, бросала своего малолетнего брата одного, игнорировала замечания, поэтому за проступками следовали наказания, запреты и детско-родительские конфликты. Когнитивные процессы и интеллектуальное развитие по возрасту, патопсихологического продукта мышления не диагностируется. Речь без дефектов звукопроизношения.

У Л. отмечается склонность к рискованным формам поведения (побеги из дома, ночевки у малознакомых людей) такие формы поведения встречаются как у девиантных подростков, но чаще, так и у нормальных детей пубертатного возраста, но эпизодически. Это поведение обусловлено тем, что у них меньше, чем у взрослых активизируется префронтальная кора головного мозга, а значит они хуже оценивают риск. Подростки чаще и охотнее рискуют из-за того, что лобного отдела, который отвечает за функции контроля и саморегуляцию биологически не созрел, также за любой риск они получают высокую дофаминовую реакцию, и это дает состояние счастья и эйфории на эмоциональном уровне [4].

Л. озвучивает свои желания: «Хочу гулять с друзьями». Неформальное общение со сверстниками и уходы из дома обусловлены тем, что подростки чрезвычайно чувствительны к окружению. Они более социальные и межличностные связи у них сложнее, чем у детей и взрослых. Социальность строится на эмоциональных и аффективных стимулах, они плохо распознают «плохое и хорошее», «черное и белое», в результате чего складывается подражание сверстникам и научение девиантному поведению и непослушанию родителей. Исключение из группы ранит сильнее, и тем сильнее желание быть со сверстниками называется это поведение конформным и связано с нейробиологическими особенностями развития лобной доли в пубертате [4]. Девочка стремится в компании и пользуется обманом взрослых для удовлетворения своих потребностей в дружбе и понимании. С восхищением оценивает своих подруг и доверяет им, хотя при уточнении времени знакомства, выясняется, что кого-то знает не больше месяца, других сутки, остается ночевать у малознакомых людей. Несовершеннолетняя в сентябре 2021 года, ушла самостоятельно из дома, чтобы встретиться с компанией подростков. Вечером позвонила матери, которая велела возвращаться домой на такси. Проигнорировав ее приказ, осталась ночевать у подруги. Утром, возвращаясь домой, по словам, она осознавала, что ее накажут за непослушание. Со слов Л., зайдя домой, она увидела, что мать находится с сотрудниками ПДН, испытала сильный страх и удивление. Далее проследовав в полицейский участок в сильном эмоциональном возбуждении, постоянно плакала и нервничала. После общения с ПДН и сотрудником по имени именем Э., вышла «зареванной». С ее слов, мужчина отвел девочку в отдельное помещение, закрыл кабинет на ключ и после недолгой беседы заставил раздеться, осмотрел ее грудь и посветил фонариком телефона на влагилице.

Мать дала характеристику своему психологическому состоянию «у меня был гнев и сплошные нервы из-за нее», «мы ехали обратно домой в маршрутке, она все время редела», «дома забила в свою комнату и плачет», «меня уже отпустило после того как нашлась, я к ней зашла и говорю, что бить не буду. Потом она мне рассказала про Э.». После чего женщина в стрессовом состоянии обратилась в Следственное управление Следственного комитета по Астраханской области.

Первоначально девочка вошла в кабинет напуганной, фиксировалась эмоция страха по FACS, была напряженной и застывшей. Психологом через доброжелательность и эмпатию долго выстраивался раппорт с ребенком через

нейтральные вопросы и «психологические поглаживания». Следует отметить, что Л. постоянно контролировала свои ответы. Напряжение оставалось до конца беседы. Вегетативная реакция: гипергидроз ладоней до конца беседы была повышенной, эмоция страха маскировалась социальной улыбкой. Девочка давала полные ответы на нейтральных темах о себе, своем окружении, бытовой и учебной жизни. На контрольных и проверочных вопросах были отмечены ТОЗы, но ответы поясняла и описывала развернуто. Озвучила диалог с Э., узнала его по фотографии, воспроизводила его мимику, слова, пантомимику. При моторно-репродуктивно методе показывала и рассказывала, что говорил мужчина при ее обнажении, когда снимала нижнее белье, что чувствовала. Девочка иллюстраторами изобразила, как снимала одежду, поворачивалась, раздвигала ноги, когда мужчина смотрел на ее половые органы. При демонстрации: жесты-иллюстраторы были конгруэнтны с вербальным материалом. Л. во время беседы много плакала, отмечались маркеры высокого стресса: гипердыхание, множество жестов – самоадапторов, диссонанса пантомимики выявлено не было. На проверочный вопрос: «Что достоин этот мужчина, который раздевал тебя в кабинете?», озвучивает: «Пусть его посадят!», фиксируется эмоции гнев + презрение по FACS.

После беседы с Л. и ее законным представителем психологом принято решение провести психологическую беседу с Э. с целью выявления достоверности/ недостоверности изложенной им информации и психологического портретирования.

В опросной беседе мужчина не диссоциировался от исследуемой темы, у него сработал механизм адаптации к стрессу, не избегал «опасных» тем, сотрудничал, был ассоциирован к обсуждению события, детализировал его, использовал в речи обороты, которые говорят о реальности и имена собственные, не боялся признавать за собой человеческие слабости [3]. Вербальное и невербальное поведение на контрольных и проективных вопросах на тему обнажения, раздевания, осмотр половых органов Л. было конгруэнтно и достоверно изложенной им информации. Он отрицал факт события. Данных за умышленное сокрытие информации (обмана) не было выявлено.

Таким образом, психологом сделаны выводы, что у Л. высокие творческие способности к актерскому мастерству, хороший уровень воображения и умение вживаться в роль, перевоплощаться, что характерно для личностей истероидного типа. Она встроила в долговременную память ложную информацию. Следует отметить что у подростков склонность к демонстрации и сексуальности описывается в психологической науке в рамках периодизации возраста. Эпизод с раздеванием и демонстрацией своих половых органов был в индивидуальном опыте Л., возможно при рассматривании себя, либо перед другими лицом, но заменен на образ Э. Описание несовершеннолетней в устном рассказе обнажение груди, ягодиц, показ влагалища является недостоверным и относится к психологическому феномену «ложной памяти», который сформировался на фоне стресса и страха наказания от матери за проступок.

В ходе процессуальных проверок Следственного управления Следственного комитета РФ по Астраханской области по заявлению законных представителей несовер-

шеннолетних Б. и Л. был проведен комплекс следственных и процессуальных мероприятий, направленных на установление фактических обстоятельств, изложенных в заявлении. По результату проведенных проверок принято решение об отказе возбуждения уголовного дела в связи с отсутствием фактического события совершенного преступления в отношении несовершеннолетних.

По нашему опыту, на детскую память не всегда можно положиться. Все мы способны формировать детальные ложные воспоминания, и они постоянно рождаются в нашей голове без нашего ведома. Ложные воспоминания – это просто иллюзии памяти, вызванные нормальными для нее процессами [6].

3. Фрейд утверждал: «заявления детей ненадежны из-за того, что они находятся в их воображении, подобно тому, как нельзя иногда верить и взрослым людям, потому что они находятся во власти предрассудков» [5]. П. Экман, известный исследователь в области психологии лжи указывает на то, что «дети иногда действительно лгут про случаи сексуального насилия. Это наиболее вероятно в контексте споров по поводу установления опеки над детьми, один из родителей настраивает против другого, или в случаях массового насилия, когда этот процесс может породить жутковатые фантазии» [7, 8, 9]. В следственной практике этот феномен психики у несовершеннолетних без тщательной психологической диагностики и профессионализма следователя может повлиять на жизнь, судьбу и репутацию того, кого ребенок обвинил.

Пристатейный библиографический список

1. Гриненко А.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М.: Проспект, 2021. – 1288 с.
2. Лесли И. Прирожденные лжецы. Мы не можем жить без обмана. – М.: Рипол классик, 2012. – 352 с.
3. Материалы по опросной беседе и верификации Международной академии исследования лжи г. Москва.
4. Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. – М.: Альпина нон-фикшн, 2021. – 765 с.
5. Фрейд З. Пять историй болезни. – М.: Алгоритм, 2018. – 432 с.
6. Шоу Дж. Ложная память. Почему нельзя доверять воспоминаниям. – М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2017. – 368 с.
7. Экман П. Лгуны или фантазеры. Правда о детской лжи. СПб.: Питер, 2017. – 272 с.
8. Экман П. Психология лжи. СПб.: Питер, 2019. – 480 с.
9. Ekman P., Friesen W. V., Hager J. C. Facial Action Coding System: the Manual. 2th ed. Salt Lake City: Research Nexus eBook; 2002.

ЖАМБОРОВ Анзор Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТРЕЛКА

В настоящей статье рассматриваются некоторые особенности психологической подготовки стрелка.

Автором отмечается, что залогом эмоциональной устойчивости и повышения уровня профессионального и стрелкового мастерства являются систематические тренировки. Которые в свою очередь подразумевают, с учетом индивидуальных особенностей стрелка - подбор и использование прогрессивных методик обучения, по психоэмоциональному контролю состояния стрелка, позволяющих управлять своим психологическим состоянием в любой экстремальной ситуации и формирующие у обучаемого необходимые стрелковые навыки (которые в свою очередь и превращают его в опытного стрелка).

Ключевые слова: психология стрельбы, огневая подготовка, индивидуальный подход, идеомоторная и аутогенная тренировка, стресс-фактор, эмоциональная память, контрольные упражнения, тренировочный процесс.

ZHAMBOROV Anzor Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Fire training sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

FEATURES OF THE PSYCHOLOGICAL PREPARATION OF THE SHOOTER

This article examines some of the features of the psychological training of a shooter.

The author notes that systematic training is a guarantee of emotional stability and an increase in the level of professional and shooting skills. Which, in turn, imply, taking into account the individual characteristics of the shooter, the selection and use of progressive teaching methods, for psychoemotional control of the shooter's state, allowing him to control his psychological state in any extreme situation and forming the trainee's necessary shooting skills (which, in turn, turn him into experienced shooter).

Keywords: shooting psychology, fire training, individual approach, ideomotor and autogenous training, stress factor, emotional memory, control exercises, training process.

Жамборов А. А.

В последнее время в тематической литературе можно встретить утверждение специалистов о том, что пулевую стрельбу, да и в целом огневую подготовку стрелка можно отнести к психологическим видам спорта, тем самым подчеркивая особую значимость психологической подготовки стрелка. То есть, как отмечают многие авторы необходимые и «правильные» навыки стрелка должны формироваться не только совокупностью действий, охватывающих периферически-моторные процессы, но также должны браться в расчет и психоэмоциональные факторы, оказывающие воздействие на состояние стрелка практически любого уровня подготовки [2].

Огневая подготовка стрелка (сотрудника правоохранительных органов) это сложнокоординированный вид профессиональной деятельности, где успех и приобретение необходимых умений и навыков сотрудниками зависит не только от мастерства и технической оснащенности стрелка, но и психологической готовности к выполнению специальных упражнений, действиям в условиях приближенных к реальным, а иногда экстремальным. Здесь стоит добавить, что вопреки существующему мнению о том, что влиянию стресс-факторов подвержены только начинающие стрелки, отнюдь, иногда стрелки высокого уровня

подготовки испытывают сильный стресс, что естественно приводит к не совсем удовлетворительным и ожидаемым от этого стрелка результатам [5, с. 331].

При подготовке молодых сотрудников органов внутренних дел и проведении занятий по огневой подготовке довольно часто можно наблюдать, как на начальных занятиях слушатели проявляют интерес, и осторожно начинают работать с учебным оружием, но буквально через несколько занятий уже уверенно выполняют специальные, «подводящие» учебно-тренировочные упражнения и нормативы. Однако, когда наступает этап выполнения учебных стрельб и работы на огневом рубеже ситуация вновь меняется, подавляющее большинство обучаемых начинают вести себя неуверенно, о чем свидетельствует характерный тремор в руках, обильное потоотделение, иногда бессвязная речь и т.д. Проведенные исследования, в том числе в нашем институте, по определению уровня тревожности слушателей, курсантов, начинающих стрелков на практических занятиях по огневой подготовке показали, что примерно у 20-26 % слушателей перед учебными стрельбами испытывают сильный страх, 7-9 % испытывают ужас, 2-3 % впадают в состояние ступора [1].

Характерной ошибкой большинства участников эксперимента является очевидное «ожидание выстрела». В дальнейшем при проведении опроса по завершении занятий, слушатели поясняли, что многие из них испытали сильный стресс и практически забыли все, что знали и отработывали на предыдущих занятиях. То есть характерный звук сопровождающий выстрел, отдача оружия, дульная вспышка, образовавшаяся в результате выброса и расширения высокотемпературных газов формирует у таких стрелков негативное восприятие выстрела в целом, основанное на отрицательных эмоциях, вызванных негативными ощущениями, а также ожиданием от выстрела потенциальной угрозы и страха.

Данный эксперимент интересен еще и тем, что такая же картина наблюдается при проведении контрольных стрельб. Казалось бы, что слушатели прошли основной этап подготовки и обязаны показывать максимальные результаты либо выполнить упражнения минимум на оценку «хорошо» (здесь справедливости ради необходимо отметить, что уровень тревожности в процентном соотношении на данной стадии подготовки уже ниже). Однако, как показывает практика результаты слушателей при проведении учебных стрельб на практических занятиях выше, чем на контрольных занятиях (стрельбах). Это часто выражается, как указано, было ранее, в: необоснованном увеличении времени необходимого на совмещение прицельных приспособлений; неправильной обработке спускового крючка приводящая к его задержке или рывку и в целом снижении скорости выполнения действий по приведению оружия в боевую готовность, а также приёмов и правил выполнения упражнений (хотя данный стрелок знает и многократно отработывал правильный алгоритм действий).

В тоже время, примечательным является также установленный факт большей стрессоустойчивости и психологической стабильности стрелка (в процентном соотношении) в зависимости от его квалификации, уровня огневой и тактической подготовки, а также других условий и особенностей стрелка, характеризующих степень его готовности к выполнению поставленных задач. Поэтому залогом эмоциональной устойчивости и повышения уровня профессионального и стрелкового мастерства являются систематические тренировки, использование прогрессивных методик с учетом индивидуальных особенностей стрелка, по психоэмоциональному контролю состояния стрелка, позволяющих управлять своим психологическим состоянием в любой экстремальной ситуации и формирующие опытного стрелка.

В приобретении вышеупомянутого опыта немаловажную роль играет высококвалифицированный специалист (тренер, инструктор, преподаватель, руководитель стрельб), владеющий и использующий в процессе подготовке инновационные и прогрессивные методики, а главное, с учетом индивидуальных особенностей стрелка, правильно организующий тренировочный процесс в целом, подбирая соответствующие учебно-тренировочные упражнения при необходимости корректирующие стрелка, повышающие уровень его «технической оснащённости». Конечно, формирование необходимых навыков стрельбы предполагает использование на учебных занятиях и тренировках по огневой подготовке соответствующих средств

обучения, учебно-методического и материально технического сопровождения занятий.

Как все-таки научиться гарантированной и стабильной стрельбе и иметь возможность показывать высокий уровень реализации своих возможностей на контрольных стрельбах, соревнованиях и т.д.? Стрелки высокого класса при выполнении контрольных упражнений часто могут спрогнозировать не только область попадания, но качество пробойны, не подходя к мишени, что в свою очередь является одним из способов проверки уровня стрелка, т.е. соответствие прогноза с фактическим результатом. От сотрудников правоохранительных органов при выполнении основных задач обычно не требуется высокоточная стрельба (за исключением снайперских групп), как правило, достаточно поражение определенной или обозначенной зоны поражения. Точно так же как и в стрелковом спорте в данном случае необходимые навыки приобретаются за счет правильного (и контролируемого опытным руководителем стрельб) выполнения элементов техники стрельбы из табельного оружия, в чем сам сотрудник должен быть уверен. Поэтому, для формирования такой уверенности первоначальный период обучения должен предусматривать сознательный контроль стрелка над правильностью и точность свих действий при выполнении стрелковых упражнений, что требует в свою очередь умения концентрации внимания на отдельных элементах (компонентах), которые в совокупности обеспечат результативное выполнения упражнения сотрудником [5, с. 332].

Например, некоторые элементы техники стрельбы отработываются отдельно с учётом индивидуальных особенностей стрелка, что в свою очередь положительно воздействует на его психику, эмоциональный настрой и общее психологическое состояние.

Кроме прочего, необходимо учитывать, что неотъемлемыми элементами точного и уверенного выстрела являются физическая, техническая и психологическая составляющие, работающие только в комплексе [3].

Основная задача психологической подготовленности стрелков — это умение регулировать психические процессы, которые участвуют в правильном выстреле, находить наиболее оптимальные и рациональные методики, как подготовки стрелка, так и решения или преодоления возникающих психологических проблем [2].

Говоря о психологической подготовке стрелка на наш взгляд необходимо коснуться влияния некоторых видов памяти на процесс стрельбы в целом. Роль зрительной памяти стрелка, например, значительно шире, чем простое воспроизведение точности совмещения прицельных приспособлений. Подготовленный стрелок в данном случае должен «увидеть» тот правильный (успешный) образ, сохранённый в памяти и отмеченный положительными эмоциями (эмоциональная память) то есть, стремиться к воспроизведению именно того выстрела, где цель поражается максимально эффективно. Данный образ в свою очередь предполагает привлечение в работу двигательной и мышечной памяти посредством согласованности мышечных групп участвующих в процессе выстрела, причем как предшествующих, так и непосредственно участвующих в нем: контроль тонуса мышц, усилие по формированию правильного хвата, расслабление и закрепление суставов,

подъем и перенос оружия, обработка спускового крючка, контроль дыхания, совмещение прицельных приспособлений, перенос оружия при появлении новой мишени и т.д. [1].

И наконец, хочется выделить работу эмоциональной памяти, как одной из важных элементов психологической составляющей стрельбы. Сама работа с огнестрельным оружием на огневом рубеже так же, как и участие в соревнованиях по пулевой стрельбе из боевого оружия, не говоря уже о ситуации огневого контакта сотрудника правоохранительных органов с преступником всегда сопровождается возбуждением психоэмоциональной сферы стрелка. В случае применения сотрудником правоохранительных органов огнестрельного оружия ситуация уже является для него экстремальной, он испытывает сильный стресс-фактор, адаптироваться к которому, не имея соответствующей подготовки не так просто. И здесь одним из важных элементов психологической подготовки является вычленение из сохранных в памяти чувств и «правильных» эмоций, умение пользоваться даже негативным опытом или эмоциями (переживаниями) как побудителями или катализаторами решительности, собранности и смелости. Стрелок должен научиться умению управлять своими мыслями и эмоциями, научиться в любой ситуации контролировать сознание, вызывая нужные образы, нейтрализующие или возбуждающие эмоциональное воздействие на конкретную ситуацию. В этом неоценимую помощь могут оказать стрелку различные методики саморегуляции, психорегуляции (психологической подготовки стрелка), например, идеомоторная и аудиальная подготовка стрелка.

Аутогенная тренировка - многократное повторение специальных словесных упражнений, направленных на овладение методикой самовнушения с целью предотвращения излишнего нервно-психологического напряжения и поддержания отличной спортивной формы [2].

Сутью данной методики является самовнушение и самовоспитание (мышечная релаксация), то есть стрелку необходимо постепенно развить способность фиксации своего внимания на отдельных субъективных ощущениях с помощью определенных словесных алгоритмов. Степень воздействия или эффективности данной методики усиливается, если совмещать ее с идеомоторной тренировкой стрелка [4].

В свою очередь идеомоторная подготовка, которая включена в тренировочный процесс многих именитых стрелков мирового уровня как обязательный элемент, это мысленно осознаваемое и контролируемое представление, и воспроизведение двигательных навыков (т.е. «проигрывание» идеального сценария с повторением ранее изученных технических действий). При этом, важной составляющей данной техники является необходимость максимального сосредоточения стрелка на ощущениях: зрительных, эмоциональных, мышечных, двигательных и т.д.

В дальнейшем системное использование аутогенной и идеомоторной подготовки способствует укреплению и при необходимости корректировке навыков, а также ускоряет совершенствование и их закрепление.

Конечно, находятся скептики, утверждающие неправильность чрезмерного увлечения психологической под-

готовкой стрелка (в данном случае идеомоторной и аутогенной тренировкой), потому как она не может заменить реальную тренировку, в силу отсутствия реальной мышечной работы. Однако, в то же время, нужно учитывать тот факт, что инструктора, преподаватели огневой подготовки, максимально использующие при подготовке своих стрелков в качестве учебно-тренировочных упражнений идеомоторную и аутогенную надстройки, добиваются лучших результатов. Недаром многие олимпийские чемпионы используют, в том числе идеомоторную, аутогенную тренировки.

Пристатейный библиографический список

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.shooting-ua.com/books/book_349.htm.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.shooting-ua.com/force_shooting/practice_book_94.htm.
3. Тимошенко Л. И., Кудрявцев Р. А. Обучение стрелков психологической готовности к производству выстрела // Современные наукоемкие технологии. – 2015. – № 12-2. – С. 375-378.
4. Алексеев А. В. «Преодолей себя. Психологическая подготовка в спорте». Изд. 5-е, переработанное и дополненное. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. - 18 с.
5. Жамборов А. А. Некоторые элементы психологической подготовки стрелка // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 4 (143). - С. 331-332.

КАШИРГОВ Астемир Хасанбиевич

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

КОВАЛЕНКО Эдуард Витальевич

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант полиции.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ПОЛИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Административный надзор полиции всегда находится в центре внимания как социума, так и контролирующих органов власти, требуя беспрекословного выполнения и подчинения принципам Конституции, касающимся прав граждан. Административный надзор полиции входит в систему средств обеспечения законности в государстве, являясь самостоятельным структурным составляющим

Ключевые слова: административный надзор полиции, надзорные органы, профилактика, оперативная деятельность.

KASHIRGOV Astemir Khasanovich

lecturer of Organization of law enforcement sub-faculty of the North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

KOVALENKO Eduard Vitaljevich

lecturer of Organization of law enforcement sub-faculty of the North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

TO THE QUESTION OF THE PROBLEMS OF PRACTICAL ACTIVITY OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF THE POLICE IN MODERN RUSSIA

The administrative supervision of the police is always in the center of attention, both of society and of the controlling authorities, requiring unquestioning compliance and subordination to the principles of the Constitution concerning the rights of citizens. Administrative supervision of the police is included in the system of means of ensuring the rule of law in the state, being an independent structural component

Keywords: administrative supervision of the police, supervisory authorities, prevention, operational activities.

Приоритетной задачей системы МВД является обеспечение в государстве внутреннего правопорядка с применением соответствующих мероприятий органами внутренних дел. Через административный надзор полиции привлекаются виновные лица к ответственности, а также предупреждаются и пресекаются правонарушения. Недостаточно изучен вопрос профилактики обеспечения порядка в обществе, что доказывает актуальность разработок предложений в законодательстве [1].

Анализ общественной безопасности и порядка позволяет охарактеризовать профилактическую составляющую административного порядка. Охрана и защита общественного порядка является совокупностью мер предупреждения нарушения прав и свобод личности или юридического лица [2]. Термин «защита» означает использование системы мер в комплексе для судебной защиты лиц или пресечения правонарушений.

Существует несколько направлений по обеспечению административного надзора и общественной безопасности:

- правоприменительное направление, означающее соблюдение всех установленных государством правил в вопросах обеспечения правопорядка в обществе;
- нормотворческое направление, означающее осуществление общественного порядка путем совершенствования административного законодательства;
- правоохранительное направление, подразумевающее использование административно-правовых норм в обеспечении общественного порядка [3].

Разбирая деятельность административного надзора полиции, можно делать акцент на том, что при осуществлении надзорных полномочий конкретизируются направления правового обеспечения общественного порядка, т.к. административный надзор считается гарантом правового обеспечения общественного порядка и должен пройти не-

Каширгов А. Х.

Коваленко Э. В.

которые исследования с точки зрения профилактического значения.

Лицо, в отношении которого применяется административный надзор, должен следовать некоторым правилам, установленным судом. Это такие правила, как прибытие к месту жительства, определенному администрацией, явление в ОВД в течение трёх дней для постановки на учет после освобождения от тюремного заключения, уведомление о времени прибытия к месту жительства органов внутренних дел, информирование ОВД о перемене места работы или увольнении.

Полиция обладает достаточно широким спектром полномочий при осуществлении административного надзора.

Обязанности по проведению административного надзора по обеспечению общественного порядка возлагается и на участковых уполномоченных, которые обязаны учитывать некоторые обстоятельства:

1. Административный надзор устанавливается за всеми совершеннолетними лицами, вернувшимися из мест лишения свободы, а также рассматривается такой пункт, как непогашенная судимость, так как лицо считается не отбывшим срок лишения свободы, в случае его досрочного освобождения. Если лицо, освобожденное условно-досрочно, совершает преступление до окончания срока, отменяется условно-досрочное освобождение и лицо вновь отправляется в места лишения свободы и административный надзор в этом случае назначается лицу после окончания срока наказания.

2. Административный надзор применяется в отношении лиц, не достигших совершеннолетия или в отношении лиц, достигших совершеннолетия к моменту освобождения из тюрьмы.

Участковый уполномоченный осуществляет свою деятельность путем применения комплекса правовых и организационных мероприятий.

Соблюдение гражданами, включая иностранцев, должностными лицами нормативных правил, обеспечение безопасности дорожного движения, наблюдение за подразделениями правоохранительных органов, регулирование вопросов, связанных с выдачей разрешений, лицензий и виз, паспортной системы, профилактика и пресечение совершения правонарушений - все эти пункты обозначены в работе административного надзора. В связи с этим считаем необходимым обозначить основные цели и задачи административного надзора:

Цели административного надзора – нормирование, подавление и предотвращение преступлений, а также привлечение к ответственности лицо, совершившее преступление.

Предотвращение преступлений характеризуется установлением и требованием к устранению.

Пресечение является основным фактором, влияющим на дальнейшее предотвращение преступления, а также минимизирование последствий от совершенного преступления.

Преследование административными органами виновных в совершении преступления лиц означает изучение дела об административном правонарушении, в случае необходимости наложение штрафа в административном по-

рядке, отправление судьям и другим должностным лицам, которые обладают полномочиями в рассмотрении подобных дел, материалов о совершенном правонарушении [4].

Наряду с органами исполнительной власти и надзорными органами занимаются законодательством, т.е. утверждением правил и норм, включая правила лицензирования, иными словами, административный надзор обеспечивает соблюдение всех общеобязательных правил в паспортной системе, в транспорте, лицензировании, поведении граждан в общественных местах, предотвращая и пресекая преступления и привлекая виновных лиц к ответственности.

Рассматривая занимаемое место административного надзора в структуре правоохранительных органов, можно сделать определенные умозаключения о сути административного надзора.

Административная деятельность занимается запросами по уголовным делам, следственными действиями, поручениями следователей и прокуроров в вопросах производства следственных действий.

Сотрудники уголовной деятельности и сотрудники правоохранительных органов по общественной безопасности действуют в тандеме, так как сотрудники уголовной деятельности не могут игнорировать административное правонарушение, и сотрудники административного надзора обязаны также пресекать и предотвращать уголовные преступления.

Функции полиции разделяются по следующим пунктам:

- планирование, контроль и регулирование, учет-общие функции;
- запрос, оперативная деятельность, розыск, специальный и общий надзор- специальные функции;
- общественная безопасность, принудительные меры - особые функции.

В задачи полиции не входит осуществление экономических или образовательных функций, однако при выполнении непосредственных функций, сотрудники полиции могут столкнуться с такими дополнительными эффектами, как образовательный или экономический.

Административный надзор, являясь одной из функций государственного управления, обеспечивает также верховенство закона.

Понятие «профилактика» применяется в правовой науке к различным видам правонарушений, как к совокупности мероприятий, целью которых является уменьшение условий и причин совершаемых преступлений, воздействие на которые достигается с помощью принудительных мер, но без вмешательства в область конституционных прав и свобод гражданина.

Профилактика преступлений касается непосредственно социальных субъектов и ставит перед собой цель ликвидировать криминогенные составляющие и создать такие условия, при которых будет невозможно создание преступной личности.

Предупреждение правонарушения в профилактической деятельности выявляется в том случае, когда есть факт отсутствия преступления, в то время, когда предотвращение правонарушения находится на стадии приготовления к совершению преступления.

Следовательно, вся деятельность правоохранительных органов, направленных на выявление и устранение причин

преступлений отдельными лицами или группами лиц, а также работа полиции по недопущению завершения правонарушения и есть профилактика правонарушений.

Предупреждению подлежат еще не совершенные административные проступки или проступки, которые имеют тенденцию к возникновению, что помогает в профилактике административных правонарушений, а также способствует выявлению причин совершения административных правонарушений.

Позиции различных ученых в определениях значений слов «профилактика», «предупреждение» расходятся по причине законодательной неопределенности данных терминов и это на терминологии административного права отражается крайне негативно, как и на профилактику преступлений во всех областях общественной жизни и в практической деятельности общественных формирований.

С учетом рассмотрения различных точек зрения мы можем подчеркнуть следующее: профилактика правонарушений есть социально-правовая деятельность государства, а также различных общественных организаций, должностных лиц и отдельных граждан. Профилактика административных правонарушений способствует ликвидации причин по формированию антиобщественной установки граждан, выявляя и пресекая причины совершения административных правонарушений. Сотрудники правоохранительных органов в профилактической деятельности применяют различные меры предупреждения и предотвращения преступлений в сохранении общественного порядка и проводит работу в оказании положительного воздействия на субъектов, подлежащих административному надзору, применяя в практике методы административного принуждения и убеждения [5].

Целью профилактического правонарушения является осуществление административного надзора до начала противоправного действия, иными словами, административный надзор влияет на сознание и поведение поднадзорного лица до того, как он намеревается совершить преступление, ограничивая действия поднадзорного лица и устраняя причины административных правонарушений и способствующих им условий. Другая цель профилактического правонарушения — это воздействие на субъекта, способного совершить преступление по своим морально-этическим соображениям, и нейтрализация отрицательного влияния круга субъекта, где он вращается, т.е. вуз, семья, коллеги, друзья и т.д.

Предпосылки для наименьших затрат экономических или политических профилактических мер при сравнительно высокой эффективности профилактической деятельности правоохранительных органов, способствуют пониманию профилактического значения административного надзора полиции.

После тщательного изучения вопроса об административном надзоре и профилактической деятельности, можно сделать следующие выводы:

– профилактические меры предупреждения и предотвращения разделяются по своей сути на экономические, правовые и политические;

– весь спектр применяемых полицией профилактических мер позволяет увидеть, какая из них является наиболее эффективной-предотвращение или предупреждение,

что способствует совершенствованию подготовки подходящих предложений для законодательного улучшения системы аналогичных мер. Следовательно, повышается возможность подготовки и внесения предложений в законодательство с целью составления профилактических мер, порядка их применения различными общественными и государственными организациями, определение прав и обязанностей граждан и объектов профилактического воздействия.

Пристатейный библиографический список

1. Фомин П. П. Профилактическое значение административного надзора полиции в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко. - 2016. - № 1 (1). - С. 143-152.
2. Пехтерев А. Ф. меры административного наказания, применяемые в сфере охраны общественного порядка и общественной безопасности // Современное право. - 2004. - № 2. - С. 25-29.
3. Карпенко Т. А. Особенности квалификации административных правонарушений за нарушение общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий // Власть и управление на Востоке России. - 2013. - № 4 (65). - С. 187-192.
4. Шкиль Е. С. Роль ОВД по выявлению, предупреждению и пресечению административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность. // Наукосфера. - 2020. - № 10-2. - С. 105-109.
5. Березин А. А. Меры административного предупреждения нарушений общественного порядка и общественной безопасности при проведении публичных мероприятий. // Ленинградский юридический журнал. - 2014. - № 3 (37). - С. 127-134.

МАЛЫШЕВ Сергей Яковлевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики предпринимательства Уфимского государственного авиационного технического университета

МИНЯШЕВА Гульнара Ибрагимовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ КОМПАНИИ (ФИРМЫ), КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В статье исследуется содержательная сторона понятий «содействие», «сотрудничество», «взаимодействие» и «координация действий». Особое внимание авторы уделяют качественной характеристике существующей правовой связи между структурными элементами системы организации взаимодействия (содействия и сотрудничества), которые характеризуются своей устойчивостью, надежностью, значимостью и оперативностью в преодолении неблагоприятных условий в решении общей для субъектов согласованности действий оперативно-тактической задачи (цели).

Ключевые слова: система организации взаимодействия, содействия и сотрудничества, координация действий между субъектами, властно-управленческие полномочия руководителя; структурные элементы системы организации согласованности действий, правовая связь.

MALYSHEV Sergey Yakovlevich

Ph.D. in Law, associate professor of Business economics sub-faculty of the Ufa State Aviation Technical University

MINYASHEVA Gulnara Ibragimovna

Ph.D. in Law, associate professor of Operational-investigative activity of internal affairs bodies sub-faculty of the Ufa Law Institute of MIA of Russia

ORGANIZATION OF A TEM OF INTERACTION BETWEEN LAW ENFORCEMENT UNITS AND THE COMPANY'S SECURITY SERVICE (FIRM), AS A NECESSARY CONDITION FOR THE DISCLOSURE OF CRIMES IN THE ECONOMIC SPHERE

The article explores the content side of the concepts of "cooperation", "cooperation", "interaction" and "coordination of actions". The authors pay special attention to the qualitative characteristics of the existing legal relationship between the structural elements of the system of organization of interaction (assistance and cooperation), which are characterized by their stability, reliability, significance and efficiency in overcoming unfavorable conditions in solving the operational and tactical task (goal) common to the subjects of coordination of actions.

Keywords: the system of organization of interaction, assistance and cooperation, coordination of actions between subjects, authority and managerial powers of the head; structural elements of the system of organization of coordination of actions, legal connection.

Следует отметить, что в современном мире для любого государства и общества важной проблемой является борьба с преступностью, которая подрывает многие усилия и основы по обеспечению прав и свобод человека и гражданина. Успешное раскрытие и расследование преступлений в экономической сфере во многом зависит от эффективной организации системы взаимодействия между правоохранительными органами и хозяйствующими субъектами. Современные крупные компании в своей организационной структуре имеют специализированные подразделения службы безопасности, основной функцией которых является решение задач в сфере обеспечения безопасности фирмы и персонала от возникающих, в связи осуществлением экономической деятельности, внутренних и внешних угроз. Преступная деятельность в экономической сфере неблагоприятно влияет на имидж компании (фирмы), ее коммерческую выгоду (прибыль), ослабляет позиции в конкурентной борьбе за рынки товаров, услуг и ресурсов.

Таким образом, между правоохранительными органами и хозяйствующими субъектами существует много точек соприкосновения взаимных интересов, на основе которых можно строить систему организации взаимодействия в целях

раскрытия и расследования преступлений экономической направленности, в том числе и в области IT-преступлений.

В настоящей статье мы не ставим перед собой задачи раскрытия содержательной стороны всех составов преступлений, совершаемых в экономической сфере. В данном случае для нас важно понять сущность системы организации взаимодействия, сотрудничества и содействия между заинтересованными в раскрытии и расследовании такого вида преступлений субъектами, и на это есть причины, а именно: на оперативных совещаниях, научно-практических конференциях, коллегиях ведомственного характера, проводимых на различных уровнях с участием представителей компаний (фирм), правоохранительных органов часто их руководителей отмечают, что при организации взаимодействия между субъектами происходит системный сбой такой организации, что приводит к негативным результатам в работе; несмотря на большой объем научных работ по вопросу организации взаимодействия, с позиции научного исследования существуют проблемы по разграничению, соотношению и раскрытию содержательной стороны понятий «взаимодействие», «сотрудничество», «содействие».

К рассмотрению вопроса об организации взаимодействия многие подходят с философской точки зрения, как к некоей объективной и универсальной форме движения, которая определяет существование и структурную организацию любой материальной системы [1, 7]. Однако для практического использования системы организации взаимодействия необходимо знать не только ее философское значение, но и закономерности прикладного характера данной системы.

Нам представляется, что решение второго вопроса непосредственно повлияет на устранение первой проблемы, а для этого необходимо знать следующее. Во-первых, система организации взаимодействия, сотрудничества и содействия состоит из следующих ее структурных элементов: основания (базиса) системы организации; предмета; субъектов и оперативно-тактической задачи (цели). Рассмотрим каждый структурный элемент в отдельности.

Согласованность действий между субъектами на пустом месте не осуществляется, для этого необходимо определенное основание (базис). Основание (базис) системы организации взаимодействия, сотрудничества и содействия является правовым условием (основанием) организации такой системы между заинтересованными субъектами, которое определяет их полномочия (права, обязанности и ответственность) на осуществление ими согласованности действий. Чтобы субъектам действовать согласованно для решения общей для них цели, им необходимо правовые основания (условия) для таких действий, которые наделяют их соответствующими полномочиями (правами, обязанностями и ответственностью друг перед другом) на осуществление согласованности действий. В качестве основания (базиса) в системе указанных организаций, при различных условиях могут быть следующие ее элементы:

- договоренность на согласованность действий между субъектами устного характера;
- письменный договор на согласованность действий субъектов;
- нормативный правовой акт, обеспечивающий правовую регламентацию согласованности действий субъектов;
- властно-управленческие полномочия руководителя, осуществляющий согласованность действий своих подчиненных (субъектов).

Отличительной особенностью системы организации взаимодействия от всех иных систем является то, что в качестве основания (базиса) выступают властно-управленческие полномочия руководителя. Следует отметить, что властно-управленческие отношения не рождают отношений взаимодействия, сотрудничества и содействия, так как для организации согласованности действий между руководителем (начальником) и подчиненным, если это будет необходимо, достаточно властно-управленческих отношений, возникающих между руководителем (начальником) и подчиненным, другие отношения будут излишними или даже вредными для дела.

Система организации взаимодействия, сотрудничества и содействия организуется между независимыми в правовом плане субъектами, между которыми возникают равные правоотношения, где отсутствуют властно-управленческие полномочия одного по отношению к другому.

Важно отметить, что взаимодействие, сотрудничество и содействие организуется для решения субъектами общей для них оперативно-тактической задачи и достижения единой цели. Данное высказывание правильное, но не полное. Так, взаимодействие, сотрудничество и содействие органи-

зуется для использования возможностей их субъектов в решении общей оперативно-тактической задачи и достижения единой цели. Именно в соответствии с возможностями взаимодействующих (сотрудничающих, содействующих) субъектов определяется конкретный предмет их взаимодействия, сотрудничества и содействия.

Во-вторых, систему организации взаимодействия, сотрудничества и содействия необходимо исследовать через призму, возникающих между ее структурными элементами правовых связей. В зависимости от их устойчивости, надежности, значимости и оперативности в преодолении неблагоприятных условий в решении общей для субъектов оперативно-тактической задачи (цели), различают следующие системы организаций: содействие; сотрудничество; взаимодействие.

Следует отметить, что системы организации содействия и сотрудничества необходимо рассматривать в широком и узком их значении. Так, система организации содействия, в широком смысле его значения, определяет характер любых существующих между элементами согласованности действий правовых связей. Таким образом, в широком смысле система организации содействия выступает родовым значением по отношению к сотрудничеству и взаимодействию, последние играют роль видовых значений. Однако в узком смысле система организации содействия определяет характеристику правовой связи, которая существует между субъектом содействия и оперативно-тактической задачей (целью).

В качестве примера приведем правоприменительную практику согласованности действий правоохранительных органов и хозяйствующих субъектов (компании) по предоставлению последними конфиденциальной информации, составляющей коммерческую тайну, по мотивированному требованию первых. Правовым основанием (базисом) согласованности действий указанных субъектов будут выступать правовые положения Федерального закона «О коммерческой тайне» [2]. Представим себе ситуацию, когда в отношении контрагента компании правоохранительными органами проводятся следственные действия рамках уголовного дела, возбужденного в отношении этого контрагента обвиняемого в мошенничестве. Для полноты и объективности расследования уголовного дела необходимо, в соответствии со статьей 6 указанного Федерального закона, компании предоставить правоохранительным органам конфиденциальную информацию, составляющую коммерческую тайну, о деловых связях с ее контрагентом. Предоставление компанией указанной конфиденциальной информации поможет решить правоохранительным органам стоящие перед ними оперативно-тактические задачи. Но следует иметь в виду, что для руководителя компании эти цели могут быть незначимыми, и он к ним будет относиться безразлично. В этом случае следует говорить об организации системы содействия в узком смысле ее значения.

Однако ситуация может кардинально измениться, если мошеннические действия контрагента компании непосредственно причинили материальный ущерб последней и ее руководитель имеет прямую заинтересованность в полном и объективном расследовании уголовного дела. В данном случае правовая связь между субъектом (руководителем компании) и оперативно-тактической задачей (целью) будет характеризоваться своей устойчивостью, надежностью и значимостью. Такую систему организации содействия необходимо определить как сотрудничество.

Если систему организации сотрудничества рассматривать в широком смысле ее значения, то система организации взаимодействия будет являться одним из ее видов, так как при взаимодействии существующие правовые связи между ее структурными элементами всегда характеризуются своей устойчивостью, надежностью и значимостью. Отличительной особенностью системы организации взаимодействия является то, что в качестве правовой связи выступают властно-управленческие отношения, возникающие между руководителем (начальником) и его взаимодействующими друг с другом подчиненными. Полномочия руководителя (начальника) в данном случае выступают как правовые основания (базис) для организации взаимодействия между субъектами (подчиненными). Именно существующая правовая связь в системе организации взаимодействия характеризуется высокой оперативностью в преодолении неблагоприятных условий в решении общей для субъектов согласованности действий оперативно-тактической задачи (цели).

В правоохранительной и экономической деятельности нередко бывают ситуации, когда оперативно-тактическую задачу необходимо решить или достичь путем согласованности действий субъектов в обязательном порядке. Какое-либо сбой в организации взаимодействия могут привести к неблагоприятным последствиям, и чтобы не допустить таких последствий, необходим механизм, который бы оперативно мог преодолеть возникшие неблагоприятные условия в решении общей для субъектов согласованности действий оперативно-тактической задачи (цели). Такой оперативностью обладает система организации взаимодействия с ее властно-управленческими отношениями, возникающими между руководителем, который выступает в качестве основания указанной системы и подчиненными. В данной ситуации для обеспечения согласованности действий между подчиненными руководителем осуществляет координацию их действий для решения общей для них оперативно-тактической задачи и достижения единой цели.

Координация действий – это властно-управленческие правоотношения, возникающие между руководителем и подчиненными в осуществлении последними согласованности действий в решении общей для них оперативно-тактической задачи и достижения единой цели.

Таким образом, согласованность действий между субъектами в решении конкретной задачи, может достигаться двумя следующими путями: создание системы организации содействия, сотрудничества и взаимодействия; осуществление со стороны авторитетного властного органа или должностного лица (руководителя, начальника) координации действий между субъектами без создания системы организации содействия, сотрудничества и взаимодействия между ними.

Если рассматривать системы организации содействия и взаимодействия в узком смысле их значения, то эти системы не обладают такой оперативностью в устранении неблагоприятных условий для согласованности действий субъектов. Данные системы организации согласованности действий не обладают в качестве основания (базиса) властно-управленческими полномочиями руководителя (начальника), который моментально может включиться в процесс решения задачи (цели) при возникновении сбоя в организации взаимодействия.

Например, контрагент компании, который продолжительное время сотрудничал с последней, в какой-то момент не стал выполнять своих обязательств по гражданско-право-

вому договору. Таким образом, произошел сбой в системе организации сотрудничества между субъектами, и для преодоления негативных условий компании необходимо обратиться для защиты своих экономических интересов в суд. Удовлетворение иска компании судом может произойти через достаточно продолжительное время, которое порой исчисляется месяцами. Для системы организации взаимодействия такая ситуация неприемлема, так как оперативно-тактическая задача должна быть решена и цель достигнута, другой альтернативы нет и быть не может.

Однако почему происходит системный сбой в организации взаимодействия, про который так много говорят на совещаниях, коллегиях и конференциях должностные лица правоохранительных органов и хозяйствующих субъектов. Ответ здесь может быть один – при организации взаимодействия отсутствует контролирующая роль руководителя, которая при сбое в организации взаимодействия между субъектами, моментально должна включить властно-управленческие полномочия по координации их действий.

Всегда ли взаимодействие между субъектами происходит со знаком «+» и является положительным обстоятельством в решении оперативно-тактической задачи. Но для этого необходимы идеальные условия, которые не всегда могут существовать в действительности. Следовательно, система организации взаимодействия между субъектами может осуществляться со знаком «-» в следующих случаях:

1) когда для решения оперативно-тактической задачи (цели) достаточно возможностей одного субъекта. Лениность, боязнь персональной ответственности за конечный результат являются причиной желания субъекта взаимодействовать с иным субъектом;

2) отсутствие профессионализма, несоответствие личных и деловых качеств со стороны субъектов, боязнь самостоятельного принятия решений;

3) банально, когда нет времени для организации взаимодействия между субъектами.

В последних двух случаях руководителю необходимо осуществлять координацию действий между субъектами для согласованности их действий и достижения единой цели.

Таким образом, система организации взаимодействия подчинена определенным закономерностям, которые должны быть учтены должностными лицами правоохранительных органов и хозяйствующими субъектами при осуществлении согласованности действий между ними в борьбе с экономическими преступлениями. Если пренебречь указанными закономерностями, то системный сбой в организации взаимодействия между заинтересованными субъектами будет происходить с определенной периодичностью.

Пристатейный библиографический список

1. Взаимодействие // Большая советская энциклопедия / А. М. Прохоров. – 3-е издание. – Большая советская энциклопедия. - 1971. – Т. 5. – С. 7.
2. Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ, принят Государственной Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 9 июля 2004 г. КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/ (дата обращения: 17.01.2022).

МУРТАЗИН Артур Ильгамович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

КОВАЛЁВ Тимур Витальевич

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России, лейтенант полиции

ЗАЙЦЕВ Андрей Геннадьевич

преподаватель кафедры огневой и технической подготовки Барнаульского юридического института МВД России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Актуальность темы обусловлена тем, что для обеспечения безопасности государства, состояния защищенности личности и общества от преступных посягательств, сотрудников органов внутренних дел наделили правом на применение огнестрельного оружия. Однако не каждый сотрудник полиции обладает достаточными навыками владения огнестрельным оружием, что подвергает огромному риску себя и граждан. Авторами статьи рассматриваются некоторые проблемы в части неправомерного применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции.

Ключевые слова: необходимая оборона, огнестрельное оружие, сотрудники полиции.

MURTAZIN Artur Ilgamovich

senior lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

KOVALEV Timur Vitalievich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant of police

ZAYTSEV Andrey Gennadjevich

lecturer of Fire and technical sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

SOME ISSUES OF THE USE OF FIREARMS BY POLICE OFFICERS

The relevance of the topic is due to the fact that in order to ensure the security of the state, the state of protection of the individual and society from criminal encroachments, employees of the internal affairs bodies were given the right to use firearms. However, not every police officer has sufficient firearms skills, which puts him and citizens at great risk. The authors of the article consider some problems regarding the illegal use of firearms by police officers.

Keywords: necessary defense, firearms, police officers.

Для обеспечения безопасности государства, состояния защищенности личности и общества от преступных посягательств сотрудников органов внутренних дел наделили правом на применение огнестрельного оружия. Данное право подвергается огромному риску, которое может навредить конституционным правам граждан, например праву на жизнь.

Правозаконное применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции в Российской Федерации регламентируется Федеральным законом № 3-ФЗ от 07.02.2011 г. «О полиции», в котором перечислены основания применения и запреты, и ограничения, связанные с применением огнестрельного оружия.

Перечень всех конструктивных боеприпасов, оружия, а также патронов, состоящих на вооружения сотрудников органов внутренних дел устанавливаются Правительством Российской Федерации, не допускается принятие на вооружение полиции специальных средств, боеприпасов, огнестрельного оружия и патронов к нему, которые наносят чрезмерно тяжелые ранения или служат источником неоправданного риска.

Классически выделяются два вида применения огнестрельного оружия это:

1. Правомерное (когда огнестрельное оружие применяется на основаниях, указанных в Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законах и иных нормативно-правовых актах Российской Федерации) [2].

2. Неправомерное (понимается, как превышение пределов необходимой обороны, когда сотрудник не находится в состоянии необходимой обороны). Необходимая оборона предполагает под собой правомерную защиту

личности и прав обороняющегося и других лиц, а также охраняемых законом интересов общества и государства от общественно опасного посягательства, путем причинения вреда посягающему лицу. Отметим, что огнестрельное оружие используют в исключительных случаях, в связи с чем стоит обратить внимание и на то, что в случае превышения своих полномочий и превышении пределов необходимой обороны сотрудники несут уголовную ответственность, которые предусматриваются статьями 108, 114, 286 Уголовного кодекса РФ. Применение огнестрельного оружия является крайней мерой, вышеуказанным лицам, обладающим специальными правами и обязанностями необходимо приложить все усилия, для уменьшения количества случаев его применения. Если же обстановка и поведение противоправного лица указывает на все случаи применения огнестрельного оружия, то необходимо применять его с минимизацией тяжелых последствий.

Сотрудник полиции не несет ответственность за вред, причиненный гражданам и организациям при применении огнестрельного оружия, если оно осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены федеральными конституционными законами, федеральным законом № 3 и другими федеральными законами [5].

Сотрудник полиции должен осознавать, что он действует исходя из создавшейся обстановки, определенного характера и степени опасности действий конкретных лиц, в отношении которых применяется оружие, а также должен учитывать факторы характера и силы оказываемого ими сопротивления. При этом сотрудник полиции обязан стремиться к минимизации любого ущерба.

Наряду с этим важно понимать, что сотрудники органов внутренних дел перед тем, как использовать в действии огнестрельное оружие обязаны предупредить об этом и предоставить время для выполнения законных требований, а в случае применения огнестрельного оружия сотрудник полиции обязан оказать гражданину, получившему повреждения первую помощь. Помимо этого, в обязанности сотрудника входит принятие мер по предоставлению медицинской помощи в короткий срок. В случае причинении человеку физических телесных повреждений впоследствии применения уполномоченным сотрудником огнестрельного оружия, необходимо в возможно короткий срок, но не более 24 часов, уведомить близких родственников или близких лиц данного гражданина. Это непосредственно входит в обязанности сотрудника органов внутренних дел, так как он является представителем закона и правопорядка.

По прибытии в территориальный орган сотрудником, применившим огнестрельное оружие составляется рапорт и пишется объяснение.

Следует отметить, что при применении огнестрельного оружия производится два воздействия на человека:

1. Физическое.
2. Психическое.

Физическое воздействие происходит путем причинения смерти или нанесения телесных повреждений человеку [4, с. 406].

Психическое воздействие происходит путем угрозы применения производства предупредительного выстрела.

Одним из примеров правомерного применения сотрудником огнестрельного оружия может служить следующий случай:

При ухудшении распространении новой коронавирусной инфекции, был введен режим самоизоляции. Так 30 апреля 2020 года сотрудниками дорожно-патрульной службы для проверки документов была предпринята попытка остановить автомобиль, однако водитель не остановился и попытался скрыться. Во время движения водитель неоднократно нарушал правила ПДД, создавая угрозу жизни и здоровью других лиц. Следует отметить, что данный правонарушитель неоднократно предупреждался о применении данного огнестрельного оружия в случае продолжения противоправных действий, но мужчина на указанные требования не реагировал и продолжал дальнейшее движение. Тогда сотрудник выстрелил в воздух и после этого несколько раз в сторону его машины, пробив колесо. В отношении водителя был составлен протокол об административных правонарушениях [4]

Другим случаем применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дела является данный пример:

15 октября 2020 года сотрудники полиции выстрелили в воздух при задержании двух человек в столичном районе Фили-Давыдово. Примерно в 12 часов 15.10.2020 года двое мужчин употребляли алкогольные напитки в районе детской площадки, вели себя достаточно несдержанно и агрессивно, на законные требования сотрудников органов внутренних дел не реагировали. При задержании оказывали активное сопротивление, нанесли несколько ударов сотруднику полиции, после чего полицейский-водитель из табельного пистолета произвел два предупредительных выстрела вверх. После чего вышеуказанных мужчин доставили в отдел полиции и составили административные протоколы.

Можно привести статистику, на основе которой можно показать, что огнестрельное оружие часто применяют сотрудники дорожно-патрульной службы (ДПС), на втором месте сотрудники патрульной постовой службы полиции (ППС), далее участковые уполномоченные полиции (УУП) и сотрудники уголовного розыска (УР), на последнем месте дежурная часть [3, с. 229].

Так же встречаются случаи незаконного получения оружия. Попытка завладения любого оружия или специального средства, состоящих на вооружении (обеспечении) полиции является правонарушением действиями какого-либо лица или группы лиц, осуществляемые против воли сотрудника полиции. Можно привести примеры завладения огнестрельным оружием следующие случаи:

3 декабря 2021 г. в Стерлибашевском районе Республики Башкортостан в ходе задержания подозреваемого, находившегося у его подельника, правонарушители оказали сопротивление. Полицейские попытались помешать им скрыться, после чего нападавшие отобрали у участкового табельное оружие и произвели в него несколько выстрелов.

Существует немало примеров из практической деятельности сотрудников органов внутренних дел, когда протестующие отбирали у полицейских оружие, щиты и палки специальные. Непосредственным примером могут служить факты незаконных демонстраций с применением оружия, которые произошли в Казахстане в конце 2021 года. Из данного примера можно выделить необоснованный мотив протестующих, которые неправомерно завладели оружием, состоящих на вооружении полиции данной страны. Из средств массовой информации зафиксирован факт пострадавших сотрудников полиции в результате незаконного завладения и применения специальных средств и огнестрельного оружия.

6 ноября 2018 года суд приговорил жителя Орла совершившего вооруженное нападение на полицейских к 17 годам колонии строгого режима. Согласно приведенным данным установлено, что Л. Сначала совершил нападение на цветочный магазин с целью грабежа. После чего данный человек попытался проникнуть в квартиру знакомой ему женщины, которая отказывалась с ним общаться, она и вызвала сотрудников полиции. На место прибыли сотрудники патрульно-постовой службы, которым Л. нанес ножевые ранения, а у одного из полицейских отобрал табельное оружие. Удерживая раненного полицейского, мужчина попытался скрыться, при этом начав оказывать вооруженное сопротивление приехавшим сотрудникам правоохранительных органов. Далее Л. убежал в сквер, попутно продолжая стрелять в сторону сотрудников полиции, но в итоге все равно был задержан. Основываясь на данном примере, можно сделать следующий вывод: сотрудники органов внутренних дел очень часто подвергают свою жизнь опасности, и поэтому каждому сотруднику необходимо хорошо развивать свои физические навыки и навыки владения огнестрельным оружием.

Пристатейный библиографический список

1. Булавин С. П., Черников В. В. Федеральный закон «О полиции»: предпосылки и концептуальные идеи // Административное право и процесс. – 2011. - № 4.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации от 1 июля 2020 г. № 11 –Музафин Р. Р. «О правовой защите сотрудников ОВД, применивших табельное огнестрельное оружие» // Евразийский юридический журнал. - 2017. - № 6 (109). - С. 229–230.
3. Мургазин А. И., Николаев Н. Ю. «Особенности применения оружия сотрудниками полиции в экстремальной ситуации» // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 6 (157). - С. 406–407.
4. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (с послед. изм. и доп.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».

ОГРЫЗА Александр Витальевич

заместитель начальника кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

УЛЬРИХ Сергей Александрович

кандидат технических наук, доцент, заместитель начальника кафедры огневой и технической подготовки Барнаульского юридического института МВД России

ТАРАН Александр Николаевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Краснодарского университета МВД России

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ТРЕНАЖЕРОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ

Профессиональная подготовка личного состава органов внутренних дел является неотъемлемой частью подготовки сотрудников. В статье рассматривается повышение профессиональной подготовки сотрудников ОВД с использованием современных технологий, а именно применение электронных тренажеров на занятиях по огневой подготовке сотрудников. Принцип и преимущества использования тренажера на занятиях по огневой подготовке.

Ключевые слова: меры безопасности, электронный тренажёр, компьютер, техника стрельбы, стрелковый тренажер, огневая подготовка.

OGRYZA Aleksandr Vitaljevich

Deputy Head of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ULRICH Sergey Aleksandrovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor, Deputy Head of Fire and technical training sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

TARAN Aleksandr Nikolaevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

THE PRACTICAL SIGNIFICANCE OF USING ELECTRONIC SIMULATORS IN FIRE TRAINING CLASSES

Professional training of the personnel of the internal affairs bodies is an integral part of the training of employees. The article discusses the improvement of the professional training of police officers using modern technologies, namely the use of electronic simulators in classes on fire training of employees. The principle and advantages of using the simulator in fire training classes.

Keywords: safety measures, electronic simulator, computer, shooting technique, shooting simulator, fire training.

Вопросы профессиональной подготовки личного состава органов внутренних дел всегда стоят открытыми. Одним из главных - огневая подготовка сотрудников. Есть множество методик обучения технике стрельбы из пистолета. Одна из них с применением электронных тренажеров [1, с. 106-108]. Применение электронных тренажеров позволяет обучить технике стрельбы с минимальными затратами времени и средств. Как правило для того, чтобы приступить к практической стрельбе из пистолета, необходимо сначала изучить меры безопасности, материальную часть оружия и приёмы, и правила стрельбы. Что касается теории, её можно выучить, а практические вопросы отработки прицельного выстрела сложно понять сразу, здесь нужен опытный тренер, который сможет доступно и понятно объяснить технику стрельбы и ошибки, возникающие в процессе производства выстрела. Здесь на помощь приходят электронные тренажеры, которые наглядно покажут ошибки в прицеливании и обработке спуска [2, с. 288].

Лидером среди электронных тренажеров беспулевой стрельбы является СКАТТ. Его используют для обучения стрельбе и повышения стрелкового мастерства, проведения тренировок в помещениях от 4 до 12 метров с использованием практически любого вида стрелкового оружия [5].

Преимущество электронных стрелковых тренажеров СКАТТ от лазерных тренажеров в их абсолютной безопасности для сотрудника, который занимается на тренажере и для окружающих т.к., используемое в тренажерах СКАТТ инфракрасное излучение абсолютно безвредно и безопасно для глаз.

Главным достоинством тренажеров СКАТТ является в возможности значительного увеличения объема объективной информации для стрелка о технике выполненного выстрела. При работе на тренажере на экране компьютера отображается очень точная и абсолютно объективная траектория прицеливания на мишени при выполнении выстрела

(в реальном времени) и регистрация с высокой точностью достоинства пробоины.

В обычных условиях проведения стрельб из боевого ручного стрелкового оружия, результатом выстрела является пробоина в мишени. Всю остальную получаемую информацию можно расценить как информацию субъективного характера.

Говоря о технике прицельного выстрела, можно назвать его основные элементы: изготовление, хват, прицеливание, обработка спуска и постановка дыхания. Элементы непосредственно влияющие на результат стрельбы – это прицеливание и обработка спуска. Внешне со стороны сложно определить правильность прицеливания и плавность обработки спуска, т.к. это видит только стрелок. Опытный стрелок может сразу определить ошибку и принять меры по её устранению, что нельзя сказать про начинающего стрелка, и поиск ошибки может занять много времени и сил. С применением электронного тренажёра SKATT данный процесс значительно упрощается. Обучаемый сам видит результат своей работы на мишени, и может сопоставить ощущения во время удержания и производства выстрела с реальными колебаниями на мишени. Тренажёр показывает каждое отклонение оружия от цели. Анализируя работу на тренажёре SKATT можно определить характерные ошибки и сделать выводы [6, с. 285].

При обучении на данном стрелковом тренажере преподаватели используют общепедагогические принципы и методы, которые позволяют более эффективно освоить работы на представленном тренажере.

Рассмотрим ряд принципов:

1) принцип наглядности – данный принцип позволяет ускорить некие представления, тем самым обучаемому намного легче усвоить материал либо тактику действий. Например, на тренажере SKATT имеется зрительный анализатор, в котором отображается объективная картина качества выполнения элементов прицеливания, а также спуска курка;

2) принцип системности – выражается в том, что преподавателю необходимо поэтапно распределить и донести информацию до обучаемого, в противном случае хаотичное и беспорядочное представление информации замедлит процесс освоения материала. При обучении стрельбы из пистолета необходимо грамотно построить ход занятия, так для начала обучаемому необходимо изучить элементы техники стрельбы и их правильное выполнение, чтобы в дальнейшем он совершенствовал их при помощи учебного оружия, а также стрелковых тренажеров SKATT при использовании которого будут выявлены ошибки, которые сможет увидеть не только преподаватель, но и сам обучающийся [4, с. 275].

При использовании беспроводного датчика, установленного в ствол пистолета, позволяет выполнять тренировку с закрепленного за сотрудником табельного пистолета без изменения массогабаритных характеристик. Наличие нескольких тренажеров с мишенями, расположенными в различных местах, позволяют отработать тактические действия применения огнестрельного оружия сотрудниками в условиях входа в помещения, прохождения коридора [3, с. 344].

В целом тренажеры SKATT полезны как при начальном обучении и постановке техники стрельбы, так и при совершенствовании стрелковой подготовки сотрудников органов внутренних дел и тренировок спортсменов.

Пристатейный библиографический список

1. Ахияров Р. А. Использование электронных тренажеров при подготовке сотрудников органов внутренних дел. В сборнике: Служебно-прикладные виды спорта МВД России: современное состояние и направления совершенствования. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией О. С. Носкова, 2020. – С. 106-108.
2. Музафин Р. Р. Актуальные вопросы развития огневой подготовки в органах внутренних дел // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 1 (104). – С. 288-289.
3. Муртазин А. И. Морально-психологическая подготовка военнослужащих / А. И. Муртазин // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 1 (104). – С. 344-345.
4. Никифоров П. В., Музафин Р. Р. Использование стрелковых тренажеров в подготовке сотрудников ОВД // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 3 (142). – С. 275-276.
5. Огрыза А. В. Применение электронного тренажера SKATT – профессионал для обучения стрельбе из пистолета // Состояние и перспективы совершенствования методики огневой подготовки сотрудников правоохранительных органов: материалы и рекомендации регион. науч.-практ. конф. - Красноярск, 2006.
6. Таран А. Н., Огрыза А. В. Последовательность первоначального обучения стрельбе из пистолета // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 8 (135). – С. 285-286.

СЕМЕНОВ Андрей Викторович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного права Государственного морского университета имени адм. Ф. Ф. Ушакова

ЧИЖИКОВА Анна Васильевна

старший преподаватель кафедры гражданского и международного права Государственного морского университета имени адм. Ф. Ф. Ушакова

БРИК Владилена Игоревна

курсант 4-го курса направления «Юриспруденция» Государственного морского университета имени адм. Ф. Ф. Ушакова

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НА ПРАКТИКЕ АДВОКАТСКОГО ЗАПРОСА

В настоящей статье исследовалась актуальная проблема применения на практике адвокатского запроса, была подробно изучена процедура направления адвокатского запроса в различные органы и организации. Рассматривалась административная ответственность как физических лиц, юридических лиц, так и индивидуальных предпринимателей, а также была изучена проблема сроков на рассмотрение адвокатского запроса и ответа на него. Предложены пути решения изученного вопроса.

Ключевые слова: адвокатский запрос, законодательство РФ, ответственность, юридические лица, индивидуальные предприниматели, физические лица, организации, органы государственной власти, административная ответственность, адвокаты.

SEMENOV Andrey Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil and international law of the Adm. F. F. Ushakov State Maritime University

CHIZHIKOVA Anna Vasiljevna

senior lecturer of Civil and international law of the Adm. F. F. Ushakov State Maritime University

BRIK Vladilena Igorevna

cadet of the 4th course of the direction "Jurisprudence" of the Adm. F. F. Ushakov State Maritime University

PROBLEMS OF APPLYING THE LAWYER'S REQUEST IN PRACTICE

In this article, the actual problem of the application of a lawyer's request in practice was investigated, the procedure for sending a lawyer's request to various bodies and organizations was studied in detail. The administrative responsibility of both individuals, legal entities, and individual entrepreneurs was considered, and the problem of deadlines for consideration of a lawyer's request and response to it was also studied. The ways of solving the studied issue are proposed.

Keywords: lawyer's request, legislation of the Russian Federation, responsibility, legal entities, individual entrepreneurs, individuals, organizations, public authorities, administrative responsibility, lawyers.

Применение на практике адвокатского запроса в последнее время является достаточно актуальной проблемой. Это связано с тем, что его исполнение не вызывает у физических и юридических лиц достаточной серьезности и должной ответственности.

Адвокатский запрос необходим для сбора сведений или доказательств, которые могут помочь адвокатам в их деятельности. Ведь главная цель всех адвокатов – это защита законных прав и интересов их доверителей, следовательно, эффективная деятельность адвоката реализует гарантированные Конституцией РФ право каждого гражданина на оказание ему квалифицированной юридической помощи.

Среди способов реализации адвокатом полномочий по сбору доказательств, можно сказать, что адвокатский запрос является одним из самых распространенных и популярных.

Необходимо подробно рассмотреть порядок направления адвокатского запроса, сроки, а также ответственность

физических и юридических лиц за игнорирование или несвоевременный ответ на запрашиваемую информацию.

Знать это необходимо, так как от деятельности адвокатов зависит достаточно много. Ведь от того, как адвокат выстроит защиту, от того, какие доказательства представит, будет зависеть и весь исход дела.

Чтобы разобраться, как на практике действует данный вид деятельности адвокатов, необходимо для начала понять, что из себя представляет адвокатский запрос.

Итак, адвокатский запрос – это инструмент для сбора информации, который носит доказательственный характер и необходим адвокату для оказания юридической помощи конкретному доверителю.

Семенов А. В.

Чижикова А. В.

Брик В. И.

В п. 1 ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ, адвокат вправе направлять в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, официальное обращение по входящим в компетенцию указанных органов и организаций вопросам о предоставлении справок, характеристик и иных документов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи».

Помимо того, что существует большая вероятность того, что запрос будет проигнорирован, важно чтобы сами адвокаты соблюдали правильную процедуру направления адвокатского запроса, так как существуют случаи, когда сами адвокаты злоупотребляют правом на запрос [1, с. 89].

Здесь хотелось бы затронуть такую ситуацию, когда адвокаты, направляя запрос, делают его предметом оказываемой им помощи, однако, эта позиция неверна, так как адвокатский запрос, это лишь инструмент, который адвокат использует для получения необходимых доказательств [2, с. 5].

Следующее что делают адвокаты, нарушая нормы статьи 6.1 закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», это направляют запрос для личных целей. Адвокат имеет полное право оказывать помощь всем гражданам, которым она необходима в пределах своих полномочий, но использовать запрос в своих личных целях он не имеет права.

Также неправомерной деятельностью адвоката будет являться, если он использует ответ на запрос в коммерческих целях, т.е. передаст ответ доверителю за деньги, чтобы тот использовал его по своему усмотрению¹.

В практике дисциплинарных органов Адвокатских палат был случай, когда адвокат, статус которого был приостановлен, направил запрос от своего имени в государственный орган, при этом своими действиями он нарушил п. 3.1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», так как согласно этому закону, лицо, статус адвоката которого приостановлен, не вправе осуществлять адвокатскую деятельность, а также занимать выборные должности в органах адвокатской палаты или Федеральной палаты адвокатов. Следовательно, данное правонарушение влечёт за собой ответственность в виде прекращения статуса адвоката².

Однако, если соблюдать правила, закреплённые в действующем законодательстве РФ, то уже юридические или физические лица, которые проигнорировали запрос, будут нести ответственность в соответствии с законом.

В соответствии с приказом Минюста России от 14.12.2016 № 288 «Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса», запрос может быть оформлен на бумажном носителе или же в электронном виде.

Согласно п. 5 Приказа № 288, адвокатский запрос на бумажном носителе может быть направлен почтовым отправлением, факсимильной связью, а также доставлен лично или через представителя. Адвокатский запрос в электронной форме может быть направлен в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также в общественные объединения и иные организации – при наличии у них организационной и технической возможности для рассмотрения запроса в электронной форме.

Также необходимо зарегистрировать запрос в журнале регистрации адвокатских запросов. Данный журнал ведётся адвокатским образованием.

Для того, чтобы предоставить доказательства о том, что адвокат не получил ответ на направленный в организацию запрос, ему необходимо иметь доказательства, подтверждающие получение адвокатского запроса компетентным органом.

Адвокат имеет право направлять адвокатский запрос при оказании как процессуальных, так и непроцессуальных видов помощи.

Согласно п. 4 ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокату может быть отказано в запрошенной информации, если: адвокатский запрос содержит сведения, которые касаются государственной тайны, персональных данных, служебной и коммерческой тайны, профессиональной тайны, а также, если субъект получивший адвокатский запрос, не располагает запрошенными сведениями и если нарушены требования к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса, определенные в установленном порядке.

Хотелось бы более подробно раскрыть проблемы, связанные со сведениями ограниченного доступа, которые могут быть запрошены адвокатом.

Проблема заключается в том, что это является одной из самых распространённых причин отказа в предоставлении информации, так как сведения, отнесенные законом к информации с ограниченным доступом, согласно п. 3 ч. 4 ст. 6.1 Федерального закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и об адвокатуре в РФ», отсылает к различным актам РФ (все-го около 70), которые ограничивают доступ к определенным категориям информации, которые были перечислены выше.

На практике, при направлении адвокатского запроса в такие организации и органы как: Росреестр, нотариальные конторы, налоговые органы, могут признать запрашиваемую информацию ограниченной.

Говоря о сроках, положенных для ответа на адвокатский запрос, то он составляет 30 дней. В течение этого времени лица, которым был направлен запрос, обязаны ответить на него в письменном виде. В отдельных случаях, которые требуют большего времени, такой срок может быть продлён ещё на 30 дней, но не более. В противном случае, если и в указанный период времени ответа не было, физические или юридические лица, будут нести ответственность в соответствии с законом. По буквальному толкованию этой нормы и по складывающейся практике очевидно, что этот срок указан в календарных, а не рабочих днях.

Считаю, что такой срок, особенно если необходимо ещё и продление, является достаточно большим, следовательно проблема заключается в том, что пока адвокат, соблюдая всю процедуру направления запроса будет ждать ответ в течении месяца, вполне вероятно, что у него уже отпадёт необходимость в запрашиваемой информации, так как могут прекра-

1 Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – Москва, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/polemic/discussion/ob-advokatskom-zaprose/>. (дата обращения: 22.11.2021).

2 Адвокатская газета. – № 16 (273). – Москва, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/sud-ukazal-cto-koar-ne-predusmatrivaet-otvetstvennosti-za-nepolnotu-predostavlennoy-informatsii-po-advokatskomu-zaprosu/#>. (дата обращения: 22.11.2021).

тятся все процессуальные процедуры по делам, по которым они изначально были необходимы.

В адвокатской практике имеются случаи, когда по решению суда, организации несли административную ответственность в соответствии со статьёй 5.39 КоАП РФ, а именно штраф за неправомерный отказ от предоставления необходимой информации [3, с.82].

Совсем недавно Верховный Суд РФ обозначил свою позицию в отношении адвокатского запроса.

Согласно предоставленной информации, физические лица и организации не имеют право отказаться от предоставления информации без конкретизации подобного отказа³.

Таким образом, проанализировав имеющуюся информацию, считаю необходимым сказать о том, что ответственность за неправомерный отказ или же непредоставление информации, а также, если были нарушены сроки предоставления необходимой информации, будут нести не только физические лица и юридические лица, но и индивидуальные предприниматели⁴.

Если адвокатом были соблюдены все условия для правомерного направления адвокатского запроса в соответствии с приказом Минюста РФ № 288 от 14.12.2016 года, а ответа он не получил, то адвокат имеет право подготовить соответствующее заявление, в котором он указывает всю необходимую информацию. В заявлении будут указываться в обязательном порядке факты о направлении в компетентные учреждения (организации) адвокатского запроса с истребованием информации, необходимой для оказания юридической помощи, с указанием даты получения адвокатского запроса компетентным органом.

К заявлению прикладывается копия адвокатского запроса, как говорилось ранее, это необходимо для того, чтобы доказать сам факт направления его в соответствующие органы.

Согласно с ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных, в том числе ст. 5.39 КоАП РФ, возбуждаются прокурором. Следовательно, составленное заявление и все приложенные к нему документы необходимо направить прокурору того города или района, где находится орган или организация. Далее прокурор выносит соответствующее постановление о возбуждении административного правонарушения.

После этого дела об административном правонарушении передаются для рассмотрения мировому судье, так как именно в его компетенцию входит рассмотрение дел, предусмотренных ст. 5.39 КоАП РФ.

Подведя итог всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что применение адвокатского запроса в деятельности адвоката является необходимым инструментом оказания квалифицированной юридической помощи, так как используя его в своей практике, адвокат запрашивает необходимые ему сведения, которые впоследствии использует для того, чтобы оказать необходимую и эффективную юридическую помощь своему доверителю.

Раскрыв подробным образом механизм работы адвоката в плане направления им адвокатского запроса в соответствующие органы и организации, а также изучив сроки направления и сроки на предоставление ответа от соответствующих органов и организаций, считаю необходимым сказать о такой проблеме как, значительная разница между сроками на подготовку ответа по адвокатскому и судебному, т.е. прокурорскому запросам.

Как было сказано ранее, сроки являются проблемой не только потому, что они являются достаточно длительными для получения ответа, но ещё и потому, что такая разница может привести к нарушению принципа равноправия сторон при рассмотрении дела в суде. Суть в том, что обвинение получает ответ по своим запросам в течение пяти дней, в то время как адвокату необходимо в лучшем случае ждать месяца.

Подобное положение дел является дискриминационным по отношению к защите в судебном разбирательстве, следовательно, нарушаются права граждан на квалифицированную защиту их интересов в суде.

Таким образом, считаем необходимым внести изменение в п. 2 ст. 6.1 ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021), в плане сокращения сроков на рассмотрение и дачи ответа на адвокатский запрос.

Пристатейный библиографический список

1. Сухомлинова Л. А., Карапетян Г. Е. Адвокатские палаты и образования как вид некоммерческих корпоративных организаций // Естественно-гуманитарные исследования. – 2016. – С. 89-92.
2. Мельниченко Р. Г. Поправки об адвокатском запросе: польза сомнительна, вред вероятен // Адвокат. – 2016. – № 5. – С. 5
3. Амири А. Э., Быкадорова Е. С. Административная и уголовная ответственность физических и юридических лиц за воспрепятствование и вмешательство в деятельность адвоката // Мировые научные исследования и разработки в эпоху цифровизации: сборник статей XV Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 25 ноября 2021 года. – Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП), 2021. – С. 882-887.

3 Адвокатская газета. – № 22 (327). – Москва, 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problemy-advokatskogo-zaprosa-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/>. (дата обращения: 22.11.2021).

4 Амири А. Э., Быкадорова Е. С. Административная и уголовная ответственность физических и юридических лиц за воспрепятствование и вмешательство в деятельность адвоката // Мировые научные исследования и разработки в эпоху цифровизации: сборник статей XV Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 25 ноября 2021 года. – Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП), 2021. – С. 882-887.

ТОКБАЕВ Аюб Амербиевич

кандидат экономических наук, преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ И РОСГВАРДИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СОВМЕСТНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В настоящей статье рассматриваются особенности взаимодействия сотрудников полиции и Росгвардии при проведении мероприятий в условиях чрезвычайных обстоятельств. В статье рассматриваются актуальные вопросы при разграничении полномочий сотрудников полиции и Росгвардии при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: чрезвычайные обстоятельства, полиция, Росгвардия, полномочия, розыск, задержание, взаимодействие, сотрудничество, законодательство.

ТОКБАЕВ Ayub Amerbievich

Ph.D. in economic sciences, lecturer of Internal affairs bodies in special conditions sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

Токбаев А. А.

INTERACTION OF POLICE OFFICERS AND THE RUSSIAN GUARD DURING JOINT EVENTS

This article discusses the specifics of the interaction of police officers and Rosgvardiya during events in emergency situations. The article deals with topical issues in the delimitation of the powers of police officers and Rosgvardiya during operational search activities.

Keywords: emergency circumstances, police, Russian Guard, powers, search, detention, interaction, cooperation, legislation.

В настоящее время законодательно установлено взаимодействие сотрудников Росгвардии и полиции при осуществлении мероприятий в условиях чрезвычайных обстоятельств. У каждой структуры имеются свои полномочия и обязанности по осуществлению своих функций.

Полиция занимается охраной общественного порядка, основной задачей Росгвардии является обеспечение целостности всего государства. Росгвардия подчиняется напрямую Президенту Российской Федерации. Вместе указанные структуры дополняют друг друга. Особое значение в деятельности сотрудников ФСВНГ и МВД России имеет охрана жизни и здоровья населения, а также государственных предприятий и коммерческих организаций от преступных посягательств при возникновении чрезвычайных обстоятельств.

В соответствии с совместно разработанными нормативными межведомственными актами, взаимодействие Росгвардии с МВД России предусмотрено при охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности: на улицах и в иных общественных местах; при планировании и проведении массовых публичных мероприятий; при организации значимых международных культурных и спортивно-массовых мероприятий; при проведении оперативно-профилактических операций; на различных объектах транспорта и транспортной инфраструктуры; при организации конвоирования подозреваемых и обвиняемых, а также при выполнении ряда других задач. При этом следует учитывать, что оперативное подчинение при выполнении вышеизложенных задач подразумевает временную подчиненность сил и средств Росгвардии ответственному должностному лицу МВД России. Но это не освобождает подразделения Росгвардии от непосредственного подчинения соответствующим органам управления войск национальной гвардии.

Для организации взаимодействия подразделений Росгвардии и МВД России необходимым является согласованное обращение должностных лиц на соответствующих уровнях, с указанием обоснования привлечения тех или иных подразделений содействующих структур.

Особое значение в деятельности сотрудников ФСВНГ и МВД России имеет охрана жизни и здоровья насе-

ления, а также государственных, муниципальных предприятий и коммерческих организаций от преступных посягательств при возникновении чрезвычайных обстоятельств и ликвидации последствий, вызванных проведением данных мероприятий.

На Росгвардию Российской Федерации возложены функции по ряду основных задач в области правоохранительной деятельности. Наряду с вышесказанным, одной из основных задач Росгвардии можно определить участие наряду с сотрудниками полиции в обеспечении режимных мероприятий в определенных районах.

Деятельность Росгвардии нормативно закреплена в Федеральном законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». Совместная задача по участию подразделений Росгвардии и МВД России в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности в данном законе была полностью продублирована и сохранена. Из этого следует, что федеральным законодательством Российской Федерации предусмотрена обязанность подразделений Росгвардии участвовать в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности. Стоит иметь в виду, что данная обязанность должна осуществляться как собственными силами подразделений Росгвардии, так и совместно с подразделениями органов внутренних дел. Из этого следует, что Росгвардия обязана оказывать помощь полиции в решении поставленных перед ней задач, а в частности, в проведении мероприятий в условиях возникновения чрезвычайных обстоятельств [1, с. 172].

Следует выделять два периода по организации охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности при возникновении чрезвычайных обстоятельств:

1. Подготовительный период;
2. Исполнительный период.

Подготовительный период характеризуется следующими мероприятиями:

1. Составление различных документов и планов, связанных с организацией взаимодействия ликвидации и организация охраны общественного порядка и безопасности на

территориях и в районах возникновения чрезвычайных обстоятельств;

2. Профессиональная подготовка личного состава сотрудников органов внутренних дел и сотрудников войск национальной гвардии к действиям при условиях ухудшения обстановки в чрезвычайных обстоятельствах;

3. Обеспечение готовности и мобильности средств связи, а также другой спец. техники ОВД и ФСВНГ том числе технических средств.

4. Обеспечение моральной и психологической помощи гражданам, пострадавшим в районах возникновения чрезвычайных обстоятельств;

5. Организация комплексного взаимодействия с граничащими подразделениями органов внутренних дел, административными, хозяйственными организациями, в том числе взаимодействие с сопредельными подразделениями ФСВНГ России.

К числу мероприятий, проводимых силами МВД и ФСВНГ России в исполнительный период, можно отнести скоординированное управление силами и средствами в районах проведения конкретных действий по ликвидации чрезвычайных обстоятельств и их последствий, в том числе и мероприятий по восстановлению общественного порядка и общественной безопасности в данных районах.

Руководство задействованными средствами и силами МВД России, а также ФСВНГ в условиях возникновения чрезвычайных обстоятельств, требует оперативный и своевременный обмен информацией и надлежущую организацию связи при взаимодействии между данными правоохранительными подразделениями. Всё перечисленное ранее должно находить отражение в специальном плане с учетом взаимодействия двух вышеперечисленных правоохранительных органов, который осуществляется в соответствии с решением начальника территориального подразделения ОВД МВД России и начальника территориального подразделения ФСВНГ в зоне возникновения чрезвычайных обстоятельств [2, с. 311].

Особенностями взаимодействия будет являться то, что 100% личного состава используются по старому принципу без учета коэффициента потребности так в максимальной степени будут задействованы так сотрудники ФСВНГ, так между ними должна быть четкая структурированная система связи система взаимодействия общения и соответствующая нормативная база определяемых общими взаимодействующими принципами все подразделения переводится на работу без выходных дней продолжительность активного несения службы составляет 12 и более часов в сутки как для сотрудников внутренних дел так и для сотрудников ФСВНГ.

Одним из мероприятий по взаимному сотрудничеству и взаимодействию с органами полиции является задержание лица, подозреваемого в преступлении. Задержанием является мера принуждения, которая указана в перечне специальных полномочий Росгвардии. Согласно пункта 1.7. ч. 1 ст. 9 того же Федерального закона сотрудники Росгвардии наделены полномочиями по доставлению граждан в подразделения полиции для последующего решения вопроса об установлении личности гражданина, о задержании гражданина, возможно скрывающегося от органов дознания, следственных подразделений или суда.

Задерживать лицо, которое подозревается в совершении преступления, имеет право орган дознания, дознаватель, следователь. Войска Национальной гвардии Российской Федерации, как отдельный субъект не входят в данный перечень. Тем не менее, стоит иметь в виду, что Росгвардия представляет собой структуру, состоящую из подразделений, командиры которых в соответствии с положениями процессуального законодательства РФ могут выступать органами дознания.

Данный аспект, в свою очередь, дает право сотрудникам подразделений Росгвардии производить задержание и предварительные следственные действия с лицом, подозреваемым в совершении преступления. В свою очередь, следует обратить внимание, что Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ обязывает сотрудников Росгвардии доставлять фактически задержанное лицо в подразделение полиции не

позднее трех часов с момента фактического задержания [4, с. 431].

Все тем же, Федеральным законом № 226-ФЗ предусмотрено право применять сотрудникам Росгвардии при задержании специальные средства и оружие для задержания преступника. В законе уточняется, что физическую силу и специальные средства сотрудникам Росгвардии разрешено применять в ряде случаев, в том числе для задержания лиц, которые подозреваются в совершении преступления или в отношении которых должно быть возбуждено дело об административном правонарушении, то есть не содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления. Соответственно, этим же законом регламентировано применение огнестрельного оружия сотрудниками ФСВНГ. Применять оружие сотрудникам Росгвардии возможно, только если задерживаемое лицо подозревается в совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья или собственности, и оказывающих вооруженное сопротивление, то есть в случаях, непосредственно сопряженных с угрозой жизни и здоровью граждан, а также сотрудников правоохранительных органов.

Как можно заметить из вышеописанного, права и обязанности сотрудников Росгвардии и полиции во многом схожи и дублируются. Это обуславливает их фактическую неразделимость в области обеспечения задач в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, а также в борьбе с преступностью в целом. Из чего следует, что, рассматривая понятие взаимодействия этих структур, нужно предполагать их фактическую взаимопомощь при выполнении возложенных на них задач.

Исходя из всего вышеизложенного, следует сказать, что взаимодействие органов полиции и Росгвардии является довольно эффективной системой. Формирование взаимодействия института Росгвардии и Министерства внутренних дел на сегодняшний день является наиглавнейшим условием в успешном противодействии преступности, гарантировании общественной безопасности и обеспечения правопорядка. Усиление и развитие взаимоотношений отношений между органами полиции и Росгвардии при проведении мероприятий в условиях чрезвычайных обстоятельств значительно повышает статус правовой культуры и социальной активности, а также социальной защищенности граждан государства. Данное активное взаимодействие обуславливает понижение уровня антиобщественного противоправного поведения, делает информационно открытой правоохранительную систему, многократно повышает степень доверия граждан к правоохранительной системе в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Административно-процессуальное право: Словарь терминов и понятий / Сост. В. В. Степанюк. - Орел: Орловский юридический институт МВД России, 2010. - 172 с.
2. Токбаев А. А. Обучение сотрудников ОВД взаимодействию с подразделениями ФСВНГ России в период возникновения чрезвычайных ситуаций. / Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых: материалы XIV Международной научной конференции, Москва-Иваново-Шуя, 6-7 октября 2021 г. / отв. ред. А. А. Червова. – Иваново: Изд-во ШФ Ивановский государственный университет, 2021. – 329 с.
3. Гражданское общество: Учебник для вузов / А. С. Автономов, В. В. Гриб, А. И. Клименко, Г. М. Лановая и др. - М.: Юрист, 2016. - С. 212-213.
4. Дознание в органах внутренних дел: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. Н. В. Румянцева, Ф. К. Зиннурова. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2012. - 431 с.

УСМАНОВ Денис Ришатович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

РОЖЕНЦЕВ Михаил Алексеевич

старший преподаватель кафедры физической культуры оздоровления и спорта Башкирского государственного аграрного университета

СИВОЧКИН Егор Валерьевич

преподаватель кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКА ОВД ПРИ РАБОТЕ С ОРУЖИЕМ В ТИРЕ

В данной статье раскрываются проблемы обеспечения личной безопасности при работе с огнестрельным оружием. Рассматриваются основные элементы профессиональной безопасности, а также направления личной безопасности. Описываются элементы дисциплины «огневая подготовка», ее разделы. Отдельное внимание уделяется теоретическим и прикладным аспектами огневой подготовки сотрудников ОВД.

Ключевые слова: личная безопасность сотрудника ОВД, психологическая, огневая подготовка.

USMANOV Denis Rishatovich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ROZHENTSEV Mikhail Alekseevich

senior lecturer of Physical culture health improvement and sports sub-faculty of the Bashkir State Agrarian University

SAVOCHKIN Egor Valerjevich

lecturer of Fire training sub-faculty of the Omsk Academy of the MIA of Russia

PROBLEMS OF ENSURING THE PERSONAL SAFETY OF AN INTERNAL AFFAIRS OFFICER WHEN WORKING WITH WEAPONS IN A SHOOTING RANGE

This article reveals the problems of ensuring personal safety when working with firearms. The main elements of professional safety, as well as the directions of personal safety are considered. The elements of the fire training discipline and its sections are described. Special attention is paid to the theoretical and applied aspects of fire training of police officers.

Key words: personal security of an internal affairs officer, psychological, fire training.

Данная работа полиции проходит в опасной обстановке. На них накладываются задачи различной сложности, которые проходят в различных экстремальных ситуациях [4, с. 406-407]. Поэтому от сотрудников требуют повышенную подготовку в работе с оружием, но также и в других сферах.

Основным элементом остается профессиональная безопасность.

Рассматривая данную проблему, необходимо мыслить не только узко в этом вопросе, но и широко, так как она включает в себя ряд элементов из чего строится безопасность:

- экономическая безопасность - поддержание важных требований;
- правовая безопасность – совпадение целей, также определяет уровень правосознания сотрудника;
- материальная и техническая безопасность – обеспечение необходимыми ресурсами;
- социальная безопасность - специфичность социального статуса;
- социальная и психологическая безопасность-реагирование на объективную оценку общественного мнения о деятельности МВД. Стабильная эмоциональная среда.
- специальная безопасность - меры по защите общественной безопасности от криминальных элементов.
- психологическая безопасность - недопущение деформации сотрудника, работа над собой.

– физическая безопасность – комплекс мер для безопасности жизни и здоровью [3].

Направления по личной безопасности включают в себя:

- актуальность и многократность изучение нормативных правовых актов МВД РФ по определенным направлениям;
- изучение правовых основ применения оружия, и гарантий личной безопасности вооруженного сотрудника;
- Структура личной безопасности состоит из следующих элементов [5]:
 - Физическая адаптация (способность преодолевать физическое противодействие);
 - Техническая подготовка;
 - Стрельба (владение оружием, важными частями оружия, навыки и правила стрельбы, умение и навыки стрелять с разных позиций в разных ситуациях и реальных движениях);
 - Тактическое обучение (умение действовать против преступников на основе понимания и оценки ситуации с учетом криминального поведения и способностей сотрудника);
 - Волевая подготовленность (сотрудники сознательно регулируют свое поведение и необходимость преодоления внутренних и внешних трудностей);
 - Профессиональный психологический тренинг;
 - Тренинг (поддержание высокого уровня профессиональных навыков) [2, с. 7-12].

Личная безопасность сотрудника - совокупность мер, которые направлены на сохранение жизни и здоровья [1, с. 364-365].

В этой совокупности выделяют некоторые направления:

- обеспечение моральной и правовой безопасности (противодействие провокациям, шантажу);
- обеспечение психологической безопасности (борьба со стрессом, обучение саморегуляции);
- профилактика профессиональной деформации сотрудника;
- обеспечение личной физической безопасности.

Первоначальное закрепление навыков и по статистике наилучший показатель случаев гибели, ранения сотрудников с оружием отдается подготовке в учреждениях МВД.

Так, такая дисциплина, как огневая подготовка включает в себя 2 раздела:

- Теоретический;
- Практический.

В первом случае сотрудник изучает основы применения оружия, меры безопасности, материальную часть пистолета, задержки, правила пользования оружием, что помогает понять суть работы и исключить неблагоприятные последствия.

Во втором случае сотрудник осваивает практическую часть, как выполнения нормативов, работа в холостую, непосредственно стрельба.

Основные аспекты получение оружия. Преподаватель (руководитель стрельб, помощник) получает оружия и патроны на складе под ведомость. Все начинается с проверки оружия, при взятии необходимо проверять, заряжено оно или нет, убедиться в исправности оружия, направлять его в безопасную сторону. Проверить патроны, нет ли на них какого-либо налета. Соблюдать правильность его переноски, должен иметься, ремешок, кобура (всегда застегнута).

Далее все зависит от дисциплины курсантов, слушателей и их знания команд, материальной части оружия и мер безопасности. Команды от руководителя стрельб должны выполняться беспрекословно. Не должно быть хаотичного бродяжничества по тире. Одни работают в холостую на обозначенной территории, другие находятся на исходном рубеже, непосредственно перед стрельбой.

Запрещается:

- без надобности разбирать ПМ;
- снимать его с предохранителя, если в применении оружия нет необходимости;
- запрещается хранить в неустановленном месте;
- направлять оружие без разницы учебное, либо боевое;
- без разрешения открывать огонь, оставлять оружие;
- использовать патроны с видимыми признаками повреждения.

Необходимо также соблюдать технику безопасности при сдаче оружия, чистки.

Также эмоции играют главную роль в выполнении задания. Сотруднику необходимо контролировать себя в любых ситуациях. Поэтому для выработки данного навы-

ка необходимо начинать с занятий в тире, настраиваться и представлять, что перед тобой преступник [6, с. 373-375].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что при работе с оружием необходимо не только уметь стрелять, но и знать правовую сторону данного вопроса, так как без нее нельзя снизить показатель несчастных случаев.

Пристатейный библиографический список

1. Ахияров Р. А., Кошевец Г. В. Обеспечение личной безопасности сотрудника органов внутренних дел // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 2 (153). - С. 364-365.
2. Бойко-Бузыль Ю. Ю., Швец Д. В. Психологическая готовность сотрудников полиции к правомерному применению табельного огнестрельного оружия // Актуальные вопросы подготовки сотрудников полиции: сборник статей, 2021. - С. 7-12.
3. Гричанов А. С. Обеспечение безопасности сотрудников ОВД в профессиональной деятельности: учебное пособие. - Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2020. - С. 67.
4. Муртазин А. И., Николаев Н. Ю. Особенности применения оружия сотрудниками полиции в экстремальной ситуации // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 6 (157). - С. 406-407.
5. Проблемы и алгоритмы обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел в ситуациях, связанных с применением огнестрельного оружия: учебно-практическое пособие / А. А. Романов, Р. А. Ахияров, В. И. Давлетов, Р. Р. Музафин. - Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2020. - 31 с.
6. Таранин М. А. Психологическая саморегуляция как условие успешного выполнения сотрудником органов внутренних дел оперативно-служебных задач // Проблемы современного педагогического образования. - 2018. - № 58. - С. 373-375.

ТАРАН Александр Николаевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки, Краснодарского университета МВД подполковник полиции

ТАРАН Кирилл Александрович

курсант Краснодарского университета МВД России

МАСЕЙЧУК Юрий Маратович

доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимского юридического института МВД России

ГОТОВНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОВД К САМООБОРОНЕ В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ

В условиях современного мира важной задачей является подготовка сотрудника к действиям в стрессовых ситуациях. Сотрудник подвергается огромному риску, выполняя служебный долг, поэтому он должен уметь правильно и своевременно применять средства самообороны. При самообороне сотрудник должен суметь воспользоваться теми средствами, которыми по закону он имеет право воспользоваться, для обеспечения сохранности своего здоровья и здоровья граждан. Необходимо применять специальные меры, которые наиболее эффективно смогут подготовить сотрудника к действиям в условиях стресса.

Ключевые слова: самооборона, защита, стрессовые условия, огнестрельное оружие, сотрудник полиции, психологическая напряжённость, физическая нагрузка, огневая подготовка.

TARAN Aleksandr Nikolaevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

TARAN Kirill Aleksandrovich

cadet of the Krasnodar University of the MIA of Russia

MASEYCHUK Yuriy Maratovich

Ph.D. in Law, associate professor of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

READINESS OF POLICE OFFICERS FOR SELF-DEFENSE IN STRESSFUL SITUATIONS

In the conditions of the modern world, an important task is to prepare an employee for actions in stressful situations. An employee is exposed to a huge risk while performing his official duty, so he must be able to correctly and timely use self-defense means. In self-defense, an employee must be able to use the means that, according to the law, he has the right to use to ensure the safety of his health and the health of citizens. It is necessary to apply special measures that will most effectively be able to prepare an employee for actions under stress.

Keywords: self-defense, protection, stressful conditions, firearms, police officer, psychological tension, physical activity, fire training.

В нашем мире ежедневно совершаются преступления, и Россия не является исключением, поэтому граждане и правоохранительные органы должны уметь обеспечивать достаточную защиту своих прав и здоровья. Данная работа направлена на исследования в области психологии, заключающейся в изучении психологической готовности сотрудников ОВД к самообороне. Так как в последние годы криминогенная обстановка ухудшилась из-за пандемии и стала актуальна проблематика готовности сотрудников ОВД к оказанию сопротивления преступникам. Повысился уровень безработицы, количество совершаемых преступлений, правонарушений и многое другое. Многие безработные вынуждены нападать на частные дома с целью обогащения, многие преступники используют оружие из бытовых предметов, таких как арматура, столовые ножи, ломы, топоры и т.п. [2, с. 138]. На практике, иногда, люди сталкиваются с необходимостью самостоятельной защиты своего имущества, поэтому вопрос готовности к самообороне становится актуальным, как и гражданам, так и сотрудникам ОВД, приезжающим на места преступлений. Требуется отметить, что проблематика самообороны актуальна не только в России, но и в других странах, так как вопрос самозащиты очень спорный и распространяется не только на правовой аспект нашей жизни, но и на психологический, моральный, социальный и т.п.

Закон чётко диктует свои требования и правила, которые гражданин и сотрудник ОВД должны выполнять, но никто специально не готовится психологически к данным ситуациям и в большинстве случаев импровизирует, что в дальнейшем приводит к плохим последствиям. Акт защиты с юридического аспекта очень трепетная тема, так как нет чёткого разъяснения к каждой ситуации, что требует вести индивидуальное разбирательство по каждому делу. Но если чётко понимать свои права и обязанности "половина дела будет сделано", вторая половина – это психологическая готовность к реализации своих прав и обязанностей в моментах защиты свой жизни, здоровья и окружающих.

Для самообороны сотрудника ОВД следует использовать следующие виды средств – огнестрельное оружие, специальные средства и физическая сила. Данные средства и их способы применения прописаны в федеральном законе «О полиции». Но этот список, не ограничивающий и согласно части 3 статьи 18 сотрудник ОВД при отсутствии у него необходимых специальных средств или огнестрельного оружия вправе использовать любые подручные средства [6].

Исследования практик применения огнестрельного оружия как основного средства для самозащиты в зарубежных странах показало: в странах, где имеется запрет на ношение оружия у граждан, наблюдается высокий уровень преступности, также это сопровождается возложением обязанностей

на сотрудника полиции оказывать сопротивление в установленном порядке и т.п.

В странах, где граждане имеют законно огнестрельное оружие – обеспечивается поддержка по борьбе с преступностью, что позволяет сотруднику не «паниковать» в стрессовых ситуациях и быть готовым защищать свою жизнь и здоровье, а также окружающих.

Сотрудника ОВД при самообороне, как и любой человек, подвергается высокому риску, опасности для жизни и здоровья, а также возложенную ответственность за результаты своих действий. Защищаться в экстремальной ситуации тяжело, осознавать наносимый вред невозможно без специальной подготовки, поэтому развивать готовность к самообороне следует не только посредством повышения готовности, но и развивать факторы необходимые для более эффективной самообороны. Проанализированные зарубежные ситуации по правам и обязанностям сотрудников полиции демонстрируют, что на самооборону влияет множество негативных факторов, которые нужно ликвидировать.

В России за последний год (с января по август 2021 года) зафиксировано 136 тысяч преступлений согласно проводимым исследованиям правовой статистике Генерального Прокурора Российской Федерации [3]. Россия с уровнем преступности в 40% и уровнем безопасности в 60% занимает 86 из 140 место в рейтинге стран по уровню преступности и безопасности согласно статистике Информационному portalу NoNews [1]. Основываясь данными показателями, следует выделить, что в нашей стране - преступность умеренная. Оборона своих прав играет очень важную роль в жизни каждого из нас. Институт самозащиты касается каждого человека, он играет важнейшую роль в борьбе с преступностью, так как он рассказывает каждому из нас как нам защищать себя [3, с. 23].

Для повышения готовности к самообороне сотрудников ОВД следует предложить следующие меры, которые следует разделять на две категории:

К первой группе стоит относить меры, развитие которых зависит непосредственно от сотрудника ОВД, к данной группе будут относиться следующие меры:

1) Развитие практических навыков работы в стрессовых ситуациях. Сотрудник ОВД должен стремиться подавлять стресс во время чрезвычайных ситуациях, обращаться к своим товарищам и просить искусственно создать ситуации, требующие от сотрудника принятием мер необходимой обороны. Больше практиковаться в использовании специальных средств, применении физической силы, использовании огнестрельного оружия.

2) Развитие личностных качеств. К ним относятся: развитие самодисциплины, упорства, силы воли, целеустремленности и другие качества необходимые сотруднику ОВД для психологической подготовки работы в стрессовых ситуациях.

К второй группе следует относить меры, реализация которых зависит не только от сотрудника ОВД, а от государства и всего общества в целом:

1) Изменения прав и обязанностей сотрудников полиции в законодательной базе, основываясь на практике зарубежных стран, на судебных практиках, должны быть согласованы с отраслевыми нормами и внутренним положением государства.

2) Повышение престижа сотрудников ОВД. В стране, где сотрудник полиции осознаёт, что его уважают, он будет менее скованный и будет стараться поддерживать свой авторитет даже в экстренных ситуациях.

3) Легализовать огнестрельное оружие для пользования гражданам. Достаточно спорный метод, но практика других стран его оправдывает – данный метод является максимально эффективным для борьбы с преступностью.

4) Проводить консультации и семинары сотрудников полиции и психологов, экспертов в сфере борьбы со стрессовыми ситуациями. Многие психологи могут дать точные советы, о том, как правильно здраво мыслить и следить за своей деятельностью во время самообороны.

При проведении психокоррекционной работы и отборе сотрудников по направлениям деятельности, связанным с ношением оружия, практическим психологам необходимо диагностировать уровень выраженности предвестников неблагоприятных психических состояний (негативизм, агрессия, жестокость), которые способствуют возникновению конфликтов при общении, могут привести к фрустрации, аффектам, стрессам и деструктивному поведению в виде суицидов и гетероагрессий [4, с. 133].

5) Создавать профессиональные заседания, где будут проходить собеседования с очевидцами, участниками, на этих собраниях сотрудники будут анализировать их ошибки, давать советы и многое другое.

Пристатейный библиографический список

1. Информационный портал NoNews / Рейтинг стран по уровню преступности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nonews.co/directory/lists/countries/crime-index> (дата обращения: 03.10.2021).
2. Масейчук Ю. М., Муртазин А. И Основы безопасного обращения с оружием в практической стрельбе. В сборнике: Совершенствование методики преподавания специальных профессиональных дисциплин в образовательных организациях МВД России. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: А. С. Дудко, А. А. Фролов, Ю. А. Напалков [и др.]. - Краснодар, 2021. - С. 138-141.
3. Масейчук Ю. М., Приемы психологической саморегуляции и методы, способствующие развитию профессиональных навыков и мастерству стрельбы сотрудников органов внутренних дел российской федерации // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. - 2021. - № 2 (41). - С. 23-24.
4. Масейчук Ю. М. Актуальные проблемы подготовки спортсменов-стрелков в образовательных организациях МВД России // Совершенствование огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Сборник материалов Всероссийской конференции. - Орёл, 2021. - С. 133-135.
5. Портал правовой статистике Генерального Прокурора Российской Федерации / Показатели преступности в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 03.10.2021).
6. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.08.2021).

БЕЛЬЧИК Анастасия Максимовна

магистрант 1 курса Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ПАВЛОВ Николай Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ КАК ГЛОБАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЕ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье рассмотрены основные особенности экстремистской деятельности в Российской Федерации. Обозначено, что одной из приоритетных задач органов публичной власти является обеспечение в государстве мира и согласия. Уделено вниманию пагубному влиянию пропаганды экстремизма среди молодежи. Экстремистские организации формируют условия для дестабилизации социальной и общественно-политической ситуации в стране. В виду этого определены основные проблемы, возникающие из-за частой реализации данной деятельности на территории страны. На основании анализа основных форм проявления экстремизма предложены различные пути решения текущих проблем.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, конституционный строй, ответственность, органы государственной власти, органы местного самоуправления.

BELCHIK Anastasiya Maksimovna

magister student of the 1st course of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

PAVLOV Nikolay Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

ON THE ISSUE OF EXTREMISM AS A GLOBAL PROBLEM OF OUR TIME

The article discusses the main features of extremist activity in the Russian Federation. It is indicated that one of the priority tasks of public authorities is to ensure peace and harmony in the state. Attention is paid to the harmful influence of extremist propaganda among young people. Extremist organizations create conditions for the destabilization of the social and socio-political situation in the country. In light of this, the main problems arising from the frequent implementation of this activity in the country are identified. Based on the analysis of the main forms of extremism, various ways of solving current problems are proposed.

Keywords: extremism, terrorism, constitutional order, responsibility, bodies of state power, bodies of local self-government.

Нормаи законодательства запрещаются какого-либо рода ограничения прав граждан по каким-либо признакам (например, социальной, национальной, языковой или религиозной принадлежности). Российская Федерация признает идеологическое многообразие, многопартийность. Однако запрещается создание тех общественных объединений, цели которых подрывают целостность и безопасность страны, а именно осуществление действий, выражающихся в подрыве основ конституционного строя, образование расовой или национальной розни.

В Российской Федерации долгое время остается волнующей проблема, касающаяся экстремизма. Экстремизм есть ничто иное как сложное, многогранное явление современной действительности, которое оказывает огромное влияние на политические, социальные и экономические процессы общества. Под действие экстремизма попадает не только общественное сознание, мораль и идеология личности, но и также отношения между различными социальными группами общества.

Многообразие экстремистских проявлений, неоднородный состав организаций экстремистской направленности приводят к образованию социально-политических пробелов в современном российском обществе, которые в конечном итоге оказывают дестабилизирующее влияние на обстановку в государстве, угрожают национальной безопасности страны [1]. Одной из приоритетных задач органов публичной власти можно обозначить обеспечение в государстве мира и согласия. Экстремистские организации формируют условия для дестабилизации социальной и общественно-политической ситуации в стране. Общество находится под угрозой политических экстремистов и

криминальной среды, поскольку при их объединение становится возможным вариант реализации методов криминальных взаимоотношений в политике, а также государственном управлении. В этой связи, по нашему мнению, в целях нивелирования существующих проблем необходимо осуществить модернизацию как нормативно правовых актов, предусматривающих санкции за данное правонарушение, так и обратить внимание на имеющиеся у государства правовые рычаги выявления и предотвращения, направленные на совершенствование административно-правового режима в сфере противодействия экстремизму.

Действующими нормами законодательства предусмотрено то, что любые граждане страны за правонарушения, связанные с экстремистской деятельностью, несут как административную, так и уголовную ответственность в установленном порядке [2]. Административная ответственность за деяния данного характера нацелена на предупреждение противоправной деятельности в данной сфере, ведь в последующем подобные правонарушения могут преобразоваться в более масштабные и тяжкие по своей природе. Под экстремистской деятельностью (или экстремизмом) понимается:

- изменение основ конституционного строя путем насильственных действий и подрыв целостности государства;
- поддержка террористической деятельности или иной деятельности, связанной с ней;
- создание розни (социальной, национальной);
- создание препятствий пагубно отражающихся в осуществление избирательных прав гражданами страны;
- препятствование в реализации компетенций органами публичной власти путем создания определенных трудностей для них.

Уголовный кодекс РФ предусматривает ответственность за повторное нарушение установленного порядка или проведения таких массовых мероприятий как собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирований. В примечание статьи законодатель говорит о неоднократности. Под данным понятием подразумевается повторно совершенное правонарушение, предусмотренное ст. 20.2 КоАП РФ в течение 180 дней с момента совершения первого [3]. На практике в процессе реализации данных норм возникают некоторые проблемы связанные с правовым режимом в сфере противодействия экстремизму. Так существует определенный пробел ст. 212.1 УК РФ, который лишает данную норму действующей силы. Суть состоит в том, что правонарушитель, «правильно рассчитав», имеет возможность избежать уголовное наказание. Имеют место быть случаи, когда лицо трижды за полгода, агитировав людей массово выходить на улицы в разных городах и идти на конфронтацию с правоохранительными органами, избежало привлечения к уголовной ответственности [4].

Судебные органы разъяснили причину, согласно которой в некоторых случаях имела место быть только административная ответственность. Поскольку в процессе нарушения норм права не был причинен ущерб, то подобное деяние не признается уголовно наказуемым. Ввиду данного обстоятельства административное наказание осталось таковым по причине того, что никто из граждан не заявил о нанесенном противоправными акциями ущербе. Стоит сказать о том, что данные примеры тщательного расчета, позволяющие совершить фактически уголовные правонарушения, но остаться в рамках административного законодательства, ярко показали сбои в работе правоприменительной практики страны.

Хотелось бы отметить, что возможность миновать уголовную ответственность за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 20.2 КоАП РФ при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния, дает возможность лицу в дальнейшем осуществлять деятельность, направленную на подрыв конституционного строя Российской Федерации, а также безопасность страны. Для решения данной проблемы предлагаем исключить ч. 8 ст. 20.2 КоАП РФ поскольку данная норма допускает возможность повторного привлечения к административной ответственности. На наш взгляд, данные пути решения проблемы позволят по большей степени снизить возможность образования организаций целью которых является экстремистская деятельность, исключат возможность избежать ответственность правонарушителем, обеспечат возможность ограничить влияние экстремизма на многие сферы жизни человеческого сообщества, обеспечат стабильность в существовании в настоящем и дадут уверенность в завтрашнем дне.

Стоит также уделить внимание еще одной немаловажной проблеме, затрагивающей данную область регулирования, а именно профилактика экстремизма среди молодежи. Подрастающее поколение в силу определенного ряда различных факторов, как и раньше остается наиболее подвластно различным антизаконным группам. Поскольку молодежь социально и материально незащищенная часть общества, психологически незрелая, она тем самым способна в значительной мере быть в зависимости от чужого мнения, что легко позволяет распространить среди нее негативные идеи. Мощным рычагом воздействия на данную группу населения является интернет в силу слабого регулирования вопроса на государственном уровне. Также придерживается данной точки зрения Председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин. По его мнению, подобные источники культивируют у населения равнодушие к проблемам сверстников и порождают безнравственность, а полученная информация приводит к тому, что насилие становится естественным и нормальным в понимании уже с раннего возраста [5]. Наблюдается увеличение уголовных и административных

дел «за лайки и репосты». Нормами законодательства предусмотрена ответственность за распространение материалов, носящих собой экстремистскую информацию, признанную таковой судом. (ст. 20.29 КоАП РФ, ст. 280 УК РФ). На сайте Министерства юстиции России опубликован список подобных материалов при репосте которых в действиях пользователя может наблюдаться состав правонарушения или преступления. Однако стоит отметить о наличие определенного своего рода пробела, выражающегося в том, что пользователи интернета часто просто не знают о возможной уголовной ответственности или о том, что материал включен в перечень экстремистских. Исходя из этого, считаем необходимым включить в ст. 280 УК РФ ч. 2, которая будет предусматривать уголовную ответственность за повторное производство и распространение материалов, которые носят экстремистский характер. Данное предложение позволит гражданам Российской Федерации более осознанно подходить к действиям совершаемым ими в социальных сетях, исключит возможность привлечения к уголовной ответственности за необдуманные, незначительные действия и позволит предотвратить рост количества судебных дел по поводу склонения к совершению подобных противоправных действий, а также о самом экстремизме.

В виду этого необходимо предотвратить и не допустить зарождения и развития подобной противоправной деятельности. Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что для реализации политики, направленной на противодействие отмеченным негативным тенденциям органы публичной власти также посредством большого участия гражданского общества, должны сосредоточить свои усилия и больше уделить внимания на работе в таких направлениях как:

- информационное противодействие экстремизму (издание различных памяток, брошюр, книг, распространение социальной рекламы, создание тематических документальных фильмов и видеороликов и т.д.),
- идеологическое (воспитание патриотизма, формирование здорового образа жизни, приоритетов исторических ценностей, исключающих искажение истории развития государства, организовать получение достаточного уровня культуры и воспитания у подростков и т.д.).

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 29.05.2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». Банк документов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru>.
2. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru>.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.
4. Навальный открыл формулу ухода от уголовного наказания. Российское агентство правовой и судебной информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rapsinews.ru>.
5. Бастрыкин связал нападения на учебные заведения с влиянием интернета. Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru>.

ГОЛЯНДИН Николай Петрович

кандидат юридических наук, профессор кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиала) Краснодарского университета МВД России

ЕШЕРОВ Аубекир Газраильевич

заместитель начальника полиции ГУ, начальник Центра ГУ МВД России по СКФО, полковник полиции

ШЕРИЕВ Альберд Малилевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиала) Краснодарского университета МВД России

ПРОФИЛАКТИКА ДЕСТРУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ДВИЖЕНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СКФО).

В публикации рассматриваются вопросы противодействия некоммерческим и общественным организациям в целях недопущения дестабилизации общественно-политической обстановки на территории Северо-Кавказского федерального округа. На основе анализа правоохранительной деятельности авторы вносят предложения по совершенствованию мер противодействия с данными видами правонарушений.

Ключевые слова: общественная организация, некоммерческая организация, экстремизм, интернет, акция, протест, беспорядки, противодействие.

GOLYANDIN Nikolay Petrovich

Ph.D. in Law, professor of Special disciplines sub-faculty of the North-Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ESHEROV Aubekir Gazrailevich

Deputy Chief of Police, GU Head of the Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the North Caucasus Federal District, colonel of police

SHERIEV Alberd Malylevich

Ph.D. in Law, lecturer of Special disciplines sub-faculty of the North-Caucasus institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

PREVENTION OF DESTRUCTIVE ACTIVITIES OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS AND MOVEMENTS IN THE INFORMATION SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION (BASED ON MATERIALS FROM THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT)

The publication deals with the issues of countering non-profit and public organizations in order to prevent the destabilization of the socio-political situation in the North Caucasus Federal District. Based on the analysis of law enforcement activities, the authors make proposals for improving countermeasures against these types of offenses.

Keywords: public organization, non-profit organization, extremism, Internet, action, protest, riots, counteraction.

Согласно данным Министерства юстиции России, на территории Северо-Кавказского федерального округа действуют 9612 некоммерческих организаций (КБР-920, КЧР-745, РД-3065, РИ-410, РСО-915, СК-2982, ЧР-575) [1].

Анализ общественно-политической обстановки показывает, что существенное повышение уровня протестной активности на территории округа было зафиксировано в конце марта – начале апреля 2017 года.

27 марта 2017 года началась всероссийская акция водителей-дальнобойщиков, основным требованием которой была отмена повышения тарифов по системе «Платон», взимаемых за проезд большегрузного транспорта по автодорогам России. Данная акция прошла более чем в 40 регионах Российской Федерации, в которой приняло участие до 10 тыс. водителей большегрузного автотранспорта.

На территории СКФО протестные акции против системы «Платон» зафиксированы в 5 субъектах, за исключением Чеченской Республики и Республики Северная Осетия – Алания.

Наибольшую продолжительность они приобрели в Республике Дагестан – из 176 зарегистрированных в 2017 году на территории данного субъекта СКФО публичных акций 149 приходится на собрания (сходы) водителей-дальнобойщиков, которые прекратились только 28 апреля. Основными местами сбора протестующих водителей служили:

- 842 км ФАД «Кавказ», кольцо у п. Манас в Карабудах-кентском районе;
- 323 км ФАД «Астрахань-Махачкала», возле с. Кузнецовка в Тарумовском районе;
- 888 км и 892 км ФАД «Кавказ», ст. Каякент и с. Герга, в Каякентском районе.

К обострению общественно-политической обстановки в округе был причастен ранее неоднократно судимый А.А. Навальный, создатель «Фонда борьбы с коррупцией» и ряда оппозиционных социальных проектов («РосПил», «РосЯма», «РосВыборы», «Добрая машина правды», «РосЖКХ» и др.). Он неоднократно призывал население к

обязательному участию в акциях по отмене системы «Платон» [2].

Ряд протестных акций были предотвращены сотрудниками органов внутренних дел во взаимодействии с территориальными органами безопасности.

Так, сотрудниками ЦПЭ ГУ МВД России по Ставропольскому краю в ходе мониторинга Интернет-мессенджера «WhatsApp» в чате «Забастовка Ставрополье» (впоследствии переименован в «Профсоюз Ставрополье») 18.01.2019 выявлена информация о возможном проведении водителями большегрузного автотранспорта несанкционированных акций, связанных с повышением тарифов на оказание логистических услуг, а также подорожанием акцизов на горюче-смазочные материалы.

Участники планировали организовать встречу 20.01.2019 в 12 часов на окраине с. Красногвардейское Красногвардейского района Ставропольского края для обсуждения проблемных вопросов, связанных с грузоперевозками.

В ходе проведенных мероприятий установлен организатор группы – частный предприниматель Латынин Р. В., 10.08.1982 г.р., который в 2004 году привлекался к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 158 УК РФ. В ходе проведения с ним профилактической беседы было установлено, что он создал специализированный чат для объединения водителей-дальнобойщиков Ставропольского края. В результате дальнейшей профилактической работы, Латынин Р. В. отказался от своих намерений, ему вручено предостережение, а более 100 участников удалились из группы.

С целью предупреждения возможных деструктивных акций со стороны водителей-дальнобойщиков правоохранительными органами приняты следующие организационно-практические меры:

- о возможных проявлениях протестной активности со стороны водителей-дальнобойщиков проинформированы территориальные органы МВД России в субъектах ЮФО и СКФО;

- Главным управлением МВД России по Ставропольскому краю в территориальные органы МВД России на районном уровне направлено указание о проведении профилактических мероприятий с водителями большегрузного транспорта;

- совместно с УОООП ГУ МВД России по Ставропольскому краю издано указание «Об обеспечении охраны общественного порядка и безопасности дорожного движения в период возможного проведения на территории Ставропольского края несогласованных протестных акций»;

- организовано взаимодействие с УФСБ России по Ставропольскому краю и органами прокуратуры Ставропольского края;

- в территориальные ОВД на районном уровне направлены списки установленных 149 жителей Ставропольского края – участников Интернет-группы для проведения профилактической работы.

Вопросы контроля за деятельностью деструктивных общественных организаций не утратили своей актуальности и в настоящее время, так как имеется вероятность оказания отдельными НКО информационного воздействия на население округа антироссийской направленности, прово-

цирование межнациональных конфликтов и этноконфессиональной напряженности.

Анализ ряда инцидентов, произошедших за последнее время на территории Северо-Кавказского федерального округа (массовые беспорядки в с. Кенделен Эльбрусского района КБР в сентябре 2018 года, митинги в г. Нальчик и в г. Магас в марте 2019 года, участники которых высказывали публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и т. д.) свидетельствует, что потенциал НКО может использоваться деструктивными силами для нагнетания общественно-политической обстановки, организации и проведения экстремистских акций.

В настоящее время активность деструктивных НКО и незарегистрированных общественных объединений в основном сводится к разовым акциям с целью обозначения себя в общественно-политической жизни региона. Вместе с тем в различных конфликтных ситуациях, связанных с экономическими вопросами, территориальными спорами и межконфессиональными отношениями, они стремятся аккумулировать вокруг себя протестную активность различных социальных групп и направить их негативный потенциал на смену действующей государственной власти, в том числе и нелегитимным путем.

В 2019 году в СКФО с участием примерно 15 тысяч человек прошли 190 (2018 г. – 120) публичные акции (КБР-6, КЧР-5, РД-125, РИ-5, РСО-12, СК-37, ЧР-0), из которых 152 не были согласованы с местными органами власти. В них приняло участие около 9800 человек. 186 публичных акций, в которых участвовало более 14800 человек, имели протестное содержание. 49 публичных выступлений с участием свыше 5600 человек имели выраженную политическую направленность.

Наиболее ярким примером использования общественными организациями интернет-коммуникаций для организации массовых беспорядков служат события, произошедшие 26–27 марта 2019 года в Республике Ингушетия, когда лидеры и активисты общественных движений оппозиционной направленности посредством социальных сетей спровоцировали массовые беспорядки. Основными ресурсами, использовавшимися для организации протестных акций, распространения соответствующих призывов являлись: сайт «Фортанга»; аккаунты оппозиционных блогеров и общественных организаций в «Ю-туб»; «Инстаграмм»; «Фэйсбук».

В связи с пересмотром административных границ между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия в Интернет-ресурсах активно муссировался вопрос об аннулировании соглашений между РИ и ЧР, выдвигались требования о возврате земель, переданных Чеченской Республике, и возвращении Пригородного района под юрисдикцию РИ.

26.03.2019 в 10:00 в г. Магас на площади перед НТРК «Ингушетия» началась санкционированная протестная акция, организованная председателем общественного движения «Опора Ингушетии» Чемурзиевым Б. А. По различным данным, изначально количество участников митинга составило до 4000 человек.

27.03.2019 в 05:00 на месте проведения протестной акции находилось 150–200 митингующих. В 07:00 им было повторно предложено прекратить мероприятие, на что

последовал отказ, после чего на территории Республики Ингушетия введен план «Вулкан».

В ходе вытеснения участников митинга с места его проведения, сотрудникам силовых структур было оказано активное сопротивление, в котором принимало участие около 80 человек.

В результате противоправных действий участников митинга, травмы различной степени тяжести получили 9 сотрудников Росгвардии и 1 сотрудник МВД по Республике Ингушетия.

В тот же день группа участников несанкционированного митинга, в количестве до 500 человек перекрыла ФАД «Кавказ» на 569 км (юго-восточная окраина г. Назрань). В 17:40 принятыми мерами автодорога была разблокирована, и протестующие граждане разошлись.

По фактам организации массовых беспорядков и оказания сопротивления сотрудникам правоохранительных органов ГСУ СК России по СКФО 27.03.2019 возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 212 и ч. 2 ст. 318 УК РФ.

27.12.2019 ГСУ СК России по СКФО возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 282.1 УК РФ в отношении руководителей экстремистского сообщества, организовавших массовые беспорядки: Ужахова М. М., Барахоева А. О., Мальсагова М. А. и по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ – в отношении активных участников: Чемурзиева Б. А., Погорова А. С., Хаутиева Б. А., Нальгиева И. М. и Саутиевой З. М.

При этом лица, в отношении которых возбуждено уголовное дело, являлись активными участниками различных общественных организаций, от имени которых призывали жителей Республики Ингушетия к участию в протестных акциях, выражению недоверия органам власти и управления.

Так, Ужахов М. М. являлся Председателем регионального общественного движения Ингушетии «Совет тейпов ингушского народа», сопредседателем высшего совета тейпов «Мехк-Кхел».

Барахоев А. О. – старейшина, член «Ингушского комитета Национального Единства».

Мальсагов М. А. – председатель Ингушского республиканского отделения общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест».

Чемурзиев Б. А. – председатель и единственный официальный участник общественного движения «Опора Ингушетии».

Погоров А.С. – член «Ингушского комитета национального единства», бывший министр внутренних дел РИ.

Хаутиев Б. А. – руководитель НКО «Координационный совет молодежи», руководитель региональной общественной организации «Молодежная Лига Ингушетии».

Нальгиев И. М. и Саутиева З. М. – блогеры.

В 2020 году в результате мониторинга ингушского сегмента сети Интернет также выявлялись многочисленные публикации, побуждавшие граждан к бойкоту общероссийского голосования по поправкам к Конституции Российской Федерации.

Так, на канале «Форганга» в мессенджере «Телеграмм» и на канале общественной организации «Совет тейпов Республики Ингушетия» на видеохостинге «Ютуб» обнаружены публикации, в которых отдельные общественные деятели, а также представители ряда тейпов Республики

Ингушетия в открытом письме к Президенту России заявили о бойкоте общероссийского голосования по поправкам к Конституции, ссылаясь на несправедливое отношение федеральных органов власти к Республике Ингушетия.

Анализ размещаемой информации в сети Интернет показал, что в настоящее время имеется необходимость в активизации оперативно-розыскных и профилактических мероприятий всех без исключения наделенных полномочиями правоохранительных органов для недопущения вовлечения молодежи в противоправную деятельность.

Только консолидированные действия органов профилактики, направленные на разъяснение истинной сущности и целей деструктивных сил, смогут положительно повлиять как на общественно-политическую ситуацию в округе, так и на оперативную обстановку в каждом субъекте Северо-Кавказского федерального округа.

Пристатейный библиографический список

1. О деятельности некоммерческих организаций. Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx>.
2. Дальнобойщики против «Платона»: сдулся ли протест? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/301656/>; Дагестанские дальнобойщики: в стачке участвуют 95% водителей // ВВС Русская служба, 28.03.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/301656>.

МАНУКЯН Алинэ Романовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ГУТИЕВА Ирина Генриховна

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Глобализационные процессы, происходящие в современном мире, всесторонне влияют на развитие различных сфер жизнедеятельности общества и государства. Посредством организации эффективного международного сотрудничества отдельные страны и регионы достигли серьезных положительных изменений в экономике, финансах и т.д. Учитывая динамичность международного и российского законодательства, в настоящее время возникла необходимость разъяснения отдельных действующих нормативных положений по заявленной проблематике. С одной стороны, за последние десятилетия мировое сообщество разработало множество стандартов борьбы с терроризмом, с другой – внутригосударственные механизмы противодействия указанному преступному деянию характеризуются специфичностью действующего национального законодательства и правоприменительной практики. В статье проводится комплексный анализ механизмов противодействия терроризму в Российской Федерации с учетом современных правовых и политических реалий.

Ключевые слова: терроризм, противодействие, глобализация, преступления, современность, борьба.

MANUKYAN Aline Romanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

GUTIEVA Irina Genrikhovna

Ph.D. in Law, Deputy Head of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

THEORETICAL AND LEGAL BASES FOR COUNTERTERRORISM IN THE MODERN WORLD

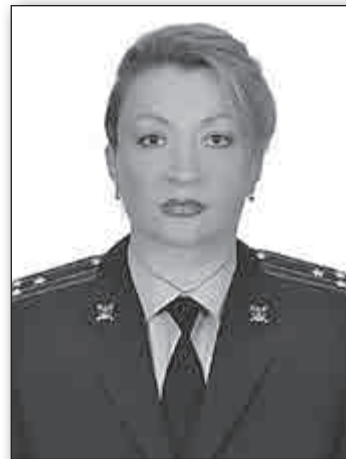
The globalization processes taking place in the modern world comprehensively influence the development of various spheres of the life of society and the state. Through the organization of effective international cooperation, individual countries and regions have achieved serious positive changes in the economy, finance, etc. Given the dynamism of international and Russian legislation, it is now necessary to clarify certain current regulations on the stated issues. On the one hand, over the past decades, the world community has developed many standards for combating terrorism; on the other hand, domestic mechanisms for countering this criminal act are characterized by the specificity of the current national legislation and law enforcement practice. The article provides a comprehensive analysis of the mechanisms for countering terrorism in the Russian Federation, taking into account modern legal and political realities.

Keywords: terrorism, counteraction, globalization, crimes, modernity, struggle.

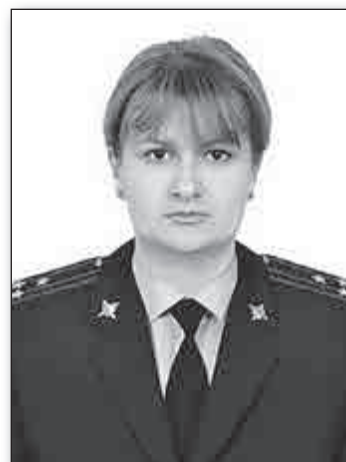
Современная глобализация имеет ряд негативных последствий, среди которых следует выделить распространенность отдельных преступлений, которые на фоне активного диалога государств стали носить транснациональный характер и актуальность борьбы с ними уже не ограничивается отдельными геополитическими регионами. Таковым в настоящее время является терроризм, который давно затронул большинство государств мира. Безусловно, для отдельных регионов проблема борьбы с терроризмом более актуальна в силу целого ряда факторов, способствующих развитию террористических организаций на их территории, для других – менее и затрагивает некоторые страны лишь косвенно. Однако данные закономерности носят временный характер, в связи с чем над механизмами противодействия терроризму в настоящее время работают все международные организации и национальные правоохранительные структуры.

Террористическая деятельность в настоящее время невозможна без серьезных материальных затрат, в связи с чем механизмы противодействия терроризму должны обязательно учитывать финансовую составляющую данных процессов. К настоящему моменту благодаря правотворческой деятельности в рамках ООН произошло основное становление и наблюдается активное развитие универсальных международных стандартов в сфере противодействия терроризму в современном мире [1]. Следует также отметить серьезную заинтересованность большинства стран-членов ООН не только в принятии соответствующих стандартов в свою правовую систему, но и организация национальных систем с учетом требований международных правоохранительных органов, к компетенции которых относится борьба с терроризмом.

Государство и их правовые системы в зависимости от действующих правовых основ противодействия терроризму

Манукян А. Р.

Гутиева И. Г.

следует разделить на несколько групп: 1) страны, в которых контртеррористическая деятельность регламентируется специальным актом (Россия, Франция, Великобритания, Израиль и др.). Указанный акт может быть отдельным законом или подзаконным актом, но вне зависимости от его юридической силы данный документ характеризуется комплексным подходом к закреплению национальных механизмов противодействия терроризму. 2) страны, в которых контртеррористическая деятельность регламентируется целым рядом актов в смежных сферах (Германия, США и др.) [2].

На 2018 и 2019 годы основными приоритетами борьбы с терроризмом являются: разработка контртеррористической стратегии Совета Европы на 2018–2022 годы; изучение возможности согласования общеевропейского юридического определения «терроризм» для Варшавской конвенции 2005 года; рассмотрение явлений иностранных боевиков-террористов и возвращенцев; использование и злоупотребление интернетом террористами; роль женщин и детей в терроризме; связь между терроризмом и организованной преступностью (в рамках сотрудничества с Европейским комитетом по проблемам преступности).

Координатор по борьбе с терроризмом выполняет следующие функции: координация работы Совета по борьбе с терроризмом; координация с соответствующими подготовительными органами Совета, Комиссии и ЕСВД; обеспечение того, чтобы ЕС играл активную роль в борьбе с терроризмом; улучшение связи между ЕС и третьими странами.

На основе анализа правовых основ противодействия терроризму в Российской Федерации следует сделать следующие выводы: во-первых, к настоящему моменту в Российской Федерации созданы масштабные правовые основы организации контртеррористической деятельности, которые включают в себя положения специального нормативного акта – Федерального закона «О противодействии терроризму» и иных актов, регламентирующих отношения в смежных сферах (уголовное законодательство, нормативные акты о правоохранительной деятельности и т.д.); во-вторых, национальная система противодействия терроризму в Российской Федерации включает в себя деятельность целого ряда государственных органов, координационную функцию среди которых осуществляет специализированный орган – Национальный антитеррористический комитет; в-третьих, учитывая динамичность развития и совершенствования современных форм террористической деятельности особое значение для противодействия терроризму приобретает деятельность институтов гражданского общества, некоммерческих учреждений и др. [3].

На основе анализа правовой литературы и правоприменительной практики следует отметить, что на протяжении последнего десятилетия активно развивается религиозный терроризм. Данная разновидность террористической деятельности тесным образом связана с религиозными убеждениями людей, что позволяет преступным группировкам серьезно манипулировать сознанием человека посредством распространения террористической идеологии под видом религиозных постулатов. В современном мире существует множество религий, и реализация права человека на свободу вероисповедания не всегда осуществляется в рамках правового поля. Международные исследования показали, что в современном мире количество совершаемых террористических актов с каждым годом стремительно возрастает. Россия в данном рейтинге занимает 33 место из 160 стран, в которых были проведены соответствующие исследования. Ситуации в государствах, занимающих лидирующие позиции в указанном рейтинге подтверждают активное развитие религиозного терроризма в современном мире.

Региональные механизмы следует рассматривать в двух аспектах: международный и внутригосударственный. Международным аспектом регионального противодействия религиозному терроризму является организация и проведение контртеррористической деятельности в отдельных регионах, которые наиболее подвержены распространению идеологии терроризма. Указанная деятельность, как правило, осуществляется современными международными организациями, такими как ООН, Совет Европы, Европейский союз и другие. Внутригосударственный аспект регионального противодействия религиозному терроризму подразумевает организа-

цию системы борьбы с указанной разновидностью терроризма в отдельных регионах каждого конкретного государства. Следует согласиться с мнением отечественных правоведов о том, что религиозный терроризм получил достаточно широкое распространение в следующих регионах России: Дагестан и другие республики Северного Кавказа, республики Татарстан и Башкортостан, Ставропольский край, Москва и другие [4].

Анализируя региональную практику противодействия религиозному терроризму в Российской Федерации следует отметить следующие положительные черты: 1) организация контртеррористической деятельности на региональном уровне позволяет учитывать специфику данной территории и лиц, которые на ней проживают; 2) региональные органы и организации, к компетенции которых относится противодействие терроризму, обладают большей информацией в связи с постоянной работой в данном направлении и способны быстрее принимать решения в экстренных ситуациях; 3) профилактические меры противодействия терроризму, проводимые в рамках региональной политики, являются более доступными и учитывают имеющийся уровень духовно-нравственных ценностей населения [5].

Серьезное значение в сфере противодействия терроризму приобретает организация и проведение контртеррористической деятельности на региональном уровне. Анализ региональных практик противодействия религиозному терроризму говорит о том, что данные механизмы являются весьма эффективными, так как их организация учитывает специфику конкретной территории и особенности поведения лиц, которые на ней проживают, что положительно влияет на борьбу с терроризмом не только в конкретном регионе, но и в отдельных государствах и мире в целом. Как уже отмечалось ранее современная система противодействия терроризму в Российской Федерации не ограничивается выявлением и пресечением террористической деятельности. Данные действия, безусловно, имеют важное значение для государственной контртеррористической деятельности в целом, однако в случае сосредоточения внимания лишь на преследовании преступников, которые уже совершили противоправные деяния от которых наступили негативные последствия, происходит фрагментарное противодействие терроризму, которое не позволяет учитывать совершенствование его форм и методов.

По нашему мнению, особое значение для российской системы противодействия терроризму имеет предупредительная и профилактическая деятельность, которая осуществляется с целью предотвращения совершения террористических актов и развития террористической деятельности в целом. Контртеррористическая система России отличается комплексным подходом и вовлечением в данный процесс широкого круга государственных органов, органов местного самоуправления, а также институтов гражданского общества и некоммерческих учреждений. Особое значение для анализируемой системы имеет деятельность по противодействию распространению террористической идеологии, так как именно на ее основе происходит активное развитие терроризма и негативных последствий его совершения.

Пристатейный библиографический список

1. Апетик Е.Н. Терроризм: понятие и сущность // Постулат. 2019. № 2 (40). С. 11-17.
2. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2016. 73 с.
3. Кочои С.М. Борьба с терроризмом и международное право // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 186-192.
4. Трофимов Д.С. Современное состояние борьбы с преступлениями террористического характера: аналитический обзор. Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2015. 123 с.
5. Чернядьева Н.А. Понятие «международный терроризм» в международных соглашениях ООН // LEX RUSSIKA. 2011. № 6. С. 118.

МУРТАЗИН Артур Ильгамович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

КОВАЛЁВ Тимур Витальевич

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России, лейтенант полиции

БУЛАТОВ Денис Валерьевич

преподаватель кафедры огневой и технической подготовки Барнаульского юридического института МВД России

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ЛИЦ

Актуальность исследований о правосубъектности электронного лица как новой ветви правовых норм обусловлена активным использованием технологий, связанных с робототехникой практически во всех сферах общественной жизни. С увеличением числа технологий, связанных с робототехникой, возникает вопрос о этических и правовых проблемах. Искусственный интеллект через свои нейросети принимает решения, далеко не всегда понятные для человека. Электронное лицо это набор прав и программ, которые выполняются в режиме автоматики и необходимо четко регулировать правовую сторону отношений в сфере роботизированных систем.

Ключевые слова: электронное лицо, робототехника, права искусственного интеллекта, робот, робоэтика, ответственность.

MURTAZIN Artur Ilgamovich

senior lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

KOVALEV Timur Vitaljevich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant of police

BULATOV Denis Valerjevich

lecturer of Fire and technical training sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

PROBLEMS OF LEGAL PERSONALITY OF ELECTRONIC PERSONS

The relevance of research on the legal personality of an electronic person as a new branch of legal norms is due to the active use of technologies related to robotics in almost all spheres of public life. With the increase in the number of technologies related to robotics, the question of ethical and legal problems arises. Artificial intelligence, through its neural networks, makes decisions that are not always understandable to humans. An electronic person is a set of rights and programs that are executed in automatic mode and it is necessary to clearly regulate the legal side of relations in the field of robotic systems.

Keywords: electronic person, robotics, artificial intelligence rights, robot, roboethics, responsibility.

Сегодня, в эпоху информатизации, электроники и роботизации, особенно актуальной является проблема определения правосубъектности электронных лиц. Практически не существует области, куда человек бы не пытался внедрить роботизированную систему. Более того, роботы постепенно заменяют человека на разных направлениях деятельности. Так, в 2017 году заместитель председателя правления банка Вадим Кулик заявил о внедрении в российский Сбербанк роботов-юристов, которые смогут самостоятельно писать типовые иски, заявления, и о высвобождении, в связи с этим около 3 тыс. рабочих мест [6]. В 2018 году вице-премьер Ольга Голодец призвала работодателей отказаться от неэффективных рабочих мест, заменив их машинным оборудованием.

В СМИ все чаще фигурируют заголовки «Человечество попало в нейросети»; «Нейросеть написала музыку...»; «Топ-25 вмигающих профессий, в которых роботы заменят людей» и множество подобных. Еще недавно все были уверены, что робот – не более чем, многофункциональный инструмент, все действия которого контролируются человеком. А сегодня ученые говорят о том, что создали нечто такое, чего сами не могут объяснить. Объем информации, вводимый в нейросеть, обрабатывается упорядоченным образом: нейросети выделяют из него основную мысль и выдают новый продукт. Но, по-видимому, ученых это не очень пугает. Напротив, исследователи стараются создать робота, максимально приближенного к человеку не только по выполняемым функциям, но и по внешнему облику и даже по строению некоторых внутренних органов. Так, 30 мая 2018 года в журнале Science Robotics была опубликована статья о разработке исследователей Токийского института промышленных наук в Японии нового биогибридного робота, приводимого в действие антагонистической парой скелетных мышц [1]. Иначе

говоря, данный механизм может имитировать движения живого мускула. Вживленные в робота суставы, созданные с использованием мышечных клеток крыс, могут сгибаться почти на 90 градусов. Как следствие, роботы могут выполнять сравнительно сложные задачи.

Однако усложнение функций, выполняемых роботизированными системами, ведет и к усложнению ситуаций, в которых оказывается искусственный интеллект. Все чаще данные ситуации сопровождаются необходимостью выбора определенной линии поведения со стороны роботов, при которой любой из возможных сценариев будет сопровождаться человеческими жертвами. В то время, как инженеры и ученые технических и математических наук заняты усложнением, усовершенствованием робототехники, правоведы спорят о специфике этических ограничений, применимых к ИИ. К тому же законодательство отстает от процесса внедрения робототехники и средств ИИ соответствующим правовым регулированием с учетом возникновения различных опасностей и угроз.

На сегодняшний день не существует юридически закрепленного, многостороннего понятия электронного человека (робота). Тем не менее разрабатываются проекты, которые посвящены решению проблем определения правового статуса электронного лица. Так, в 2016 году появился проект доклада о присвоении роботам статуса «электронных лиц», разработанный при содействии комитета Европейского парламента по правовым вопросам [5].

Как итог, уже в январе 2017 года в одном из комитетов Евросоюза был подготовлен доклад, в котором говорилось о присвоении наиболее сложным автономным роботам правового статуса. Депутаты Европарламента приняли резолюцию, при помощи которой призвали Брюссель принять

меры по робоэтике, то есть по разработке и закреплению этических рамок активности ИИ.

Одни эксперты утверждают, что предоставление правового статуса электронным лицам необходимо, чтобы остановить их «восстание», в том числе и путем легализации кнопки «смерти» (полного отключения робота). Другие эксперты не склонны предоставлять роботам юридический статус. Так, партнер юридической компании Лорна полагает, что роботам не следует предоставлять больше прав, нежели другим млекопитающим [2]. Председатель комиссии Совета Федерации по информационной политике России Алексей Пушков в своей социальной сети назвал эту инициативу «зоной маршма» [3]. «В Европарламенте озаботились правами роботов как «электронных лиц». А скоро им дадут больше прав, чем людям», — писал сенатор.

Иными словами, на роботов хотят возложить ответственность за свои действия. Здесь и возникает проблема: есть ли у робота свобода выбора? На сегодняшний день эксперименты показывают, что на существующем уровне развития ИИ возникают ситуации, когда вынужденно нарушаются алгоритмы, заданные человеком. Например, известный случай о нарушении беспилотником запрета наезда на газон, когда возникла угроза задавить человека. В вышеуказанной резолюции депутатов Европарламента также говорится о том, что боты и андроиды становятся все более автономными, их все труднее считать лишь инструментом в руках людей. В связи с этим в некоторых странах предпринимались попытки разработать этические кодексы для роботов и их создателей (подобный проект появился еще в 2007 году в Корее, позже – в США).

Однако первый в мире официальный сборник этических норм для создания роботов появился недавно. В 2016 г. Британский Институт Стандартов (BSI) выпустил руководство под названием «Роботы и робототехнические устройства. Руководство по этическому проектированию и применению роботов и роботизированных систем». Создатели руководства обращают внимание разработчиков на прозрачность процессов, проходящих в голове робота [4]. В соответствии с данным Руководством именно разработчик робота несет ответственность в случае причинения последним вреда человеку. Однако данная проблема ответственности продолжает активно обсуждаться среди ученых и не так однозначна, как кажется. Преобладающим является мнение о том, что в рамках правового наказания ответственность должна ложиться не только на разработчика, но и на собственника средства ИИ.

Следует отметить, что существование норм робоэтики является очень важным аспектом при определении правосубъектности электронного лица. Ведь, как известно, условием существования этики является автономия воли. Если субъект имеет право выбора, он должен самостоятельно нести за него ответственность, реализуемую в пределах этики посредством самобичевания либо общественного порицания.

Однако робоэтика включает в себя не только внутреннюю саморегуляцию ИИ, но и «внешнюю» регуляцию поведения роботов через отношения к ним со стороны людей. То есть разработка норм отношения людей к ИИ. Это является весьма важным аспектом, так как люди должны нести ответственность за то, что сотворили, а также за неадекватное отношение к ИИ в целях недопущения, по словам профессора К. А. Даллакяна, «нового «техновидного расизма».

Россия на сегодняшний день отстает от передовых стран в создании моральных норм регуляции искусственного интеллекта, что может привести к потере рынка ИИ в целом. К тому же, сегодня в России нет потребности в роботах, нежели в других странах, где параллельно развитию производства была проведена работа по подготовке массовой культуры и спроектированы модели общественного цифрового поведения: Япония, Корея, США, Германия, Сингапур, а также Китай.

Какие же меры необходимы для реализации стратегии создания робоэтики? На сегодняшний день существует не совсем достаточное количество мнений на эту тему. Так, профессор К. А. Даллакян предлагает следующие направления деятельности. Перечислим некоторые из них:

1. Ориентирование общества на необходимость развития робототехники. Формирование определенного общественного мнения посредством проведения передач на радио

и TV, научно-практических конференций, статей в Интернете и прессе. Мы бы хотели акцентировать внимание именно на работе с Интернетом, чтобы актуализировать данную проблему среди подрастающего поколения.

2. Разработка моральных норм регуляции поведения роботов и их хозяев, а также ответственности за нарушение данных норм.

3. Дифференциация ответственности между производителями машин, их владельцами и самими роботами.

4. Разработка и конкретизация приоритетов в робоэтике. Необходимо дополнить и разъяснить требование, предложенное А. Азимовым «не навреди человеку». В данном случае речь идет о свободе воли ИИ, о замене понятия «искусственный интеллект» на «искусственный разум».

Как видим, необходимость более четкого законодательного регулирования использования средств ИИ очевидна. В январе 2015 г. в рамках Европарламента была создана рабочая группа по обсуждению правовых вопросов в сфере робототехники и искусственного интеллекта. В одном из докладов группы была озвучена идея создания Агентства по робототехнике и искусственному интеллекту, на которое должны быть возложены функции по регистрации «умных роботов», а также по проведению этической, технической и правовой экспертизы в области робототехники с последующим представлением результатов такой экспертизы приобретателю робота. Однако в докладе речь идет лишь о гражданско-правовой ответственности. В сфере робототехники предлагается ввести объективную ответственность, то есть ответственность без наличия вины, либо возлагать ответственность на лицо, которое обязано было минимизировать риски [7, с. 49].

Итак, на сегодняшний день свобода робота от заданной человеком программы кажется невозможной. Программируя робота, человек не в силах охватить все ситуации, возникающие при взаимодействии ИИ с окружающей средой. В таком случае свобода выбора робота имеет место быть, но все-таки она определена изначально заложеной программой. Так, программируя робота на то, что он ни в коем случае не должен причинить вред человеку, разработчик закладывает в него и определенную линию поведения. Иначе говоря, рамки свободы выбора робота все же определены человеком.

Таким образом, в области функционирования роботизированных систем необходимо закрепление и оформление не только правовой, но и этической ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Biohybrid robot powered by an antagonistic pair of skeletal muscle tissues. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://robotics.sciencemag.org/content/3/18/eaat4440.full> (дата обращения: 20.01.2022).
2. Евросоюз планирует предоставить роботам юридический статус. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/01/15/evrosoiuz-mozhet-predostavit-robotam-iridicheskij-status.html> (дата обращения: 20.01.2022).
3. Зачем роботам получать правовой статус. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/tech/2017/01/17/10479395/iron_morality.shtml#page1 (дата обращения: 20.01.2022).
4. Нилов С. Восстание машин: о чем предупреждают авторы Этического Кодекса роботостроителя: FURFUR, 19 сентября 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/218939-robots-at-work> (дата обращения: 20.01.2022).
5. Официальный сайт Европейского Парламента. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+COMPARL+PE-582.443+01+DOC+PDF+V0//EN> (дата обращения: 20.01.2022).
6. Сбербанк передает работу 3 тыс. сотрудников роботам-юристам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5877b2979a79478752358fb9> (дата обращения: 20.01.2022).
7. Парфентьева А. Н. Электронные лица: проблемы правосубъектности. // Юридический мир. - № 12 (252). 2017, учр. Ассоциацией юристов России, изд. Группа «Юрист». - С. 49.

НИКОЛАЕВ Николай Юрьевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Уральского юридического института МВД России

ПЕРВУХИН Александр Сергеевич

слушатель 5 курса факультета подготовки следователей Уральского юридического института МВД России

АХИЯРОВ Роберт Айратович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

АДДИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: РЕАЛЬНА ЛИ УГРОЗА? К ВОПРОСУ О ПРЕВЕНТИВНЫХ МЕРАХ

Сегодня аддитивные технологии, получившие широкое распространение в научной, коммерческой и других сферах, используются для материализации различных предметов, как простых, так и сложных, например, человеческих органов. К сожалению, не все используют призванные улучшить человеческую жизнь аддитивные технологии в мирных созидательных целях, а превращают их в средство достижения преступных целей, в том числе для создания огнестрельного оружия. Созданное при помощи аддитивных технологий оружие представляет повышенную угрозу для общественной безопасности ввиду присущих ему особенностей, что актуализирует вопрос о необходимости борьбы с его распространением. Конечно, сейчас случаи создания оружия с использованием указанной технологии единичны в России, однако, зарубежный опыт показывает, что угроза вполне реальна и требует принятия срочных комплексных превентивных мер.

Ключевые слова: оружие, 3D-печать, общественная безопасность, современные угрозы.

NIKOLAEV Nikolay Yurjevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

PERVUKHIN Aleksandr Sergeevich

5th year student of the Faculty of Investigator training of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

AKHIYAROV Robert Ayratovich

lecturer of Fire and tactical-special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ADDITIVE TECHNOLOGIES: IS THE THREAT REAL? ON THE ISSUE OF PREVENTIVE MEASURES

Today, additive technologies, widely used in scientific, commercial and other fields, are used to materialize various objects, both simple and complex, for example, human organs. Unfortunately, not everyone uses additive technologies designed to improve human life for peaceful creative purposes, but turns them into a means to achieve criminal goals, including for the creation of firearms. Weapons created with the help of additive technologies pose an increased threat to public safety due to their inherent features, which actualizes the question of the need to combat their proliferation. Of course, now cases of creating weapons using this technology are rare in Russia, however, foreign experience shows that the threat is quite real and requires urgent comprehensive preventive measures.

Keywords: weapons, 3D printing, public safety, modern threats.

Получившая массовое распространение на широком потребительском рынке и стремительное развитие в последнее десятилетие XXI века технология аддитивной печати открыла широкие возможности как для научного сообщества, так и для обычных пользователей. Рассматриваемая технология используется в различных целях, начиная от создания мелких полимерных предметов, заканчивая человеческими органами. Сегодня не вызывает сомнения широкий потенциал аддитивных технологий и их возможность стать решением множества проблем человечества. К сожалению, не все реализуют возможности аддитивных технологий в мирных и созидательных целях. В указанной ранее работе [6, с. 395] мы говорили о некоторых случаях создания оружия с помощью 3D-принтера, что обостряет вопрос об угрозе неконтролируемого распространения оружия, созданного с помощью аддитивных технологий.

Рассматриваемая технология достаточно подробно и в необходимом объеме освещена в работах Вайнберга М., Пройдакова Э. М., Коваленко Р. В., Миних Е. А., Елистратовой А. А., Коршакевича И. С. и др. [5], [8, с. 557-559], [9, с. 263-266], [10, с. 17-22]; [11, с. 146-154], [12, с. 121-124].

Идея использования аддитивных технологий для создания огнестрельного оружия получила распространение среди «энтузиастов», компаний в США и не только. Рассмотрим и проанализируем некоторые примеры.

1. В Японии мужчина был осужден к двум годам лишения свободы за незаконное изготовление оружия с помощью 3D-принтера – пластикового револьвера «ZigZag» и распро-

странение информации необходимой для его создания в интернете [13]. Лицо изготовило оружие с низкими тактико-техническими характеристиками и высокой разрушаемостью (возможно разрушение конструкции при производстве выстрела в руках стрелка) [12, с. 122]. Для изготовления подобного оружия достаточно иметь 3D-принтер, использующий FDM или FFF технологию аддитивной печати, а также материалы: пластик, термопласты, полипропилен и пр. 3D-принтеры, использующие FDM и FFF технологии аддитивной печати и указанные материалы доступны обычному покупателю.

2. Пользователь под псевдонимом «Derwood» изготовил полуавтоматический пистолет «Shuty» с помощью 3D-принтера и купленных металлических деталей, тактико-технические характеристики которого вполне могут конкурировать с традиционным огнестрельным оружием. Из данного оружия было сделано не менее 800 выстрелов, а его довольно высокий боевой потенциал был продемонстрирован на YouTube канале [1]. В данном случае с помощью 3D-принтера (технология аналогичная приведенному в 1 примере) были изготовлены лишь отдельные элементы конструкции пистолета, другие были приобретены в специализированном магазине.

3. Компанией «SolidConcepts» с помощью 3D-принтера был изготовлен пистолет «ColtM1911», который способен произвести более тысячи выстрелов. Данный пистолет был изготовлен при помощи промышленного принтера с применением технологии DMLS (метод прямого лазерного спе-

кания, который используется на промышленных дорогостоящих 3D-принтерах) из нержавеющей стали (17-4 stainless steel). В своем блоге компания «SolidConcepts» сделала следующее заявление: «Он замечательно функционирует. Наш местный эксперт по оружию произвел 50 успешных выстрелов и попал в несколько мишеней с расстояния более 30 метров». Видео, размещенное на YouTube канале «guntruth», подтверждает указанное заявление [2]. Создание подобного оружия возможно лишь на промышленных принтерах, что практически исключает возможность создания аналогичного оружия для обычного гражданина.

4. Гражданин разместил видеозапись на YouTube канале «Gunscom» где продемонстрировал дробовик «Liberator 12K», который он собрал из материалов, приобретенных в строительном магазине, и деталей, созданных на 3D-принтере [3]. Так лицу удалось создать полностью боееспособное огнестрельное оружие в домашних условиях, имея в распоряжении лишь доступный обычно гражданину 3D-принтер, использующий технологию FDM (или аналогичные ей) и строительные материалы. Данный пример свидетельствует о том, что создание огнестрельного оружия с достаточно высокими тактико-техническими характеристиками возможно в домашних условиях без существенных затрат и специализированной техники, что в свою очередь говорит о наличии угрозы распространения «напечатанного» оружия.

Каждый из представленных способов обладает своими «достоинствами» и «недостатками». Так, например, низкие тактико-технические характеристики «пластикового» оружия компенсируются относительной простотой его уничтожения и сокрытия следов преступлений, его невидимостью для металлодетекторов, а также доступностью и прочими моментами. В свою очередь, создание оружия на промышленном принтере с высокими тактико-техническими характеристиками затруднено ввиду высокой стоимости оборудования и сырья. Очевидно, что тактико-технические характеристики такого оружия коррелируют от используемого оборудования, что в свою очередь определяет сложность его создания, при этом неоспорим тот факт, что оружие, приведенное в каждом из примеров, несет в себе большую угрозу для общественной безопасности.

Наличие угрозы распространения на территории России оружия, созданного с помощью аддитивных технологий, подтверждается судебно-следственной практикой. На сегодняшний день указанные случаи единичны, но это не исключает возможности увеличения подобных случаев в будущем. Оказать негативное воздействие помогут такие факторы как: 1) выход аддитивных технологий на широкий потребительский рынок; 2) ценовая доступность аддитивных технологий и сырья обычно гражданину; 3) распространение цифровой информации, необходимой для создания оружия с помощью аддитивных технологий в сети Интернет (в т. ч. в неконтролируемом его сегменте); 4) возможность создания лицом, не обладающим специальными знаниями, оружия в домашних условиях; 5) отсутствие специализированных учетов у правоохранительных органов.

Рассматриваемая проблема приобретает особое значение в свете участившихся случаев нападения на места массового скопления людей (в т. ч. на образовательные организации; не исключается также использование указанных технологий террористическими организациями, что фактически позволяет их участникам наладить производство оружия в любой точке страны, при этом остаться незамеченными. Обостряется вопрос и в свете того, что правоохранительные органы сегодня не способны эффективно предупреждать, расследовать и раскрывать преступления, связанные с оружием, созданным при помощи аддитивных технологий [7, с. 11]. Об актуальности проблемы свидетельствует создание криминалистической техники в институте Буффало, где была создана весьма перспективная технология «PrintTracker», предназначенная для идентификации принтера с конкретным предметом (в т. ч. в целях идентификации «напечатанного» оружия с конкретным устройством [4]).

Сказанное выше свидетельствует о том, что уже сейчас появилась необходимость комплексного решения проблемы. Одним из направлений решения проблемы, по нашему мнению, является создание специализированного криминалистического учета 3D-принтеров, который включал бы в

себя информацию о владельце или лицах, имеющих доступ к принтеру, модель принтера, вид технологии печати, используемые материалы. Некоторые могут решить создание криминалистического учета – мерой, устанавливающей чрезмерный контроль, однако, учитывая угрозу, которую представляет оружие, созданное с помощью аддитивных технологий для общества, указанная мера кажется соразмерной. Реализация указанного предложения позволит правоохранительным органам получать оперативную значимую информацию в целях повышения эффективности деятельности по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений данного характера.

Пристатейный библиографический список

1. First 3D-Printed Metal Gun Fired Successfully // Sky news. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.sky.com/story/first-3d-printed-metal-gun-fired-successfully-10428798> (дата обращения: 03.01.2022). Shuty mp1 // Youtube. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=l2IMc7cre0I> (дата обращения: 03.01.2022).
2. Firing Solid Concepts 3D Printed 1911 // Youtube. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.youtube.com/watch?v=TQ-NaOszju4&feature=youtu.be (дата обращения: 03.01.2022).
3. Homemade 3D-Printed 12-Gauge Shotgun // Youtube. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.youtube.com/watch?v=vcNhas3See4 (дата обращения: 03.01.2022).
4. News & Events News UB TCIE Bulletin Subscribe to Our News Events 3D printers have 'fingerprints,' a discovery that could help trace 3D-printed guns, counterfeit goods // University at Buffalo. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.buffalo.edu/tcie/news_and_events/news.host.html/content/shared/university/news/news-center-releases/2018/10/030.detail.html (дата обращения: 03.01.2022).
5. Weinberg, M. (2016) When 3D Printing and the Law Get Together, Will Crazy Things Happen? In: van der Berg, B., van der Hof, S. & Kosta, E. (eds) 3D Printing: Legal, Philosophical and Economic Dimensions. - The Hague: T.M.S. AsserPress. - P. 13-17.
6. Ахияров Р. А., Николаев Н. Ю., Первухин А. С. Оружие, созданное при помощи технологий 3D-печати: угроза безопасности личности и общества // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 5 (156). - С. 395–396.
7. Дерюгин Р. А., Первухин А. С. Проблемы расследования и раскрытия преступлений, связанных с использованием оружия, созданного при помощи технологий 3D-печати // Правоохранительные органы: теория и практика. - 2021. - № 1 (40). - С. 11–13.
8. Елистратова А. А., Коршакевич И. С., Тихоненко Д. В. Технологии 3D-печати: преимущества и недостатки // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2015. – Т. 1. – № 11. – С. 557-559.
9. Коваленко Р. В. Современные полимерные материалы и технологии 3D печати // Вестник Технологического университета. – 2015. – Т. 18. – № 1. – С. 263-266.
10. Миних Е. А. Особенности применения технологий 3D-печати в промышленном производстве // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2020. – № 1 (31). – С. 17-22.
11. Пройдаков Э. М. 3D-печать как новое научно-техническое направление // Научно-исследовательские исследования. – 2014. – № 2014. – С. 146-154.
12. Технологии 3-й печати при изготовлении огнестрельного оружия. Проблемы в расследовании преступлений / Л. В. Медведицкова, И. А. Неупокоева, Л. А. Кочерова, А. В. Нестеренко // Закон и право. – 2019. – № 3. – С. 121-124.
13. Японец напечатал на 3D-принтере 6-зарядный револьвер // MIGNEWS. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mignews.com/news/technology/iaponets-napechatal-na-3d-printere-6-zariadnyi-revolver.html> (дата обращения: 03.01.2022).

ГОЛЯНДИН Николай Петрович

кандидат юридических наук, профессор кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиала) Краснодарского университета МВД России

ШЕРИЕВ Альберд Малилеви

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

АРГУНОВ Азамат Кривович

старший оперативный уполномоченный по особо важным делам Центра противодействия экстремизму МВД по Карачаево-Черкесской Республике, майор полиции

ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКОТОРЫХ ВИДОВ И ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ РАДИКАЛЬНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕЧЕНИЙ ИСЛАМСКОГО ТОЛКА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИМ

Авторы проводят исследование религиозного экстремизма, деятельности преступных групп радикального религиозного направления, а также категории преступлений, совершаемых представителями радикальных течений исламского толка. Кроме того, в статье предлагаются конкретные меры противодействия преступлениям экстремистской направленности.

Ключевые слова: религия, Ислам, Коран, учение, стратегия, противодействие, экстремистское сообщество, экстремистская организация.

GOLYANDIN Nikolay Petrovich

Ph.D. in Law, professor of Special disciplines sub-faculty of the North-Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

SHERIEV Alberd Malylevich

Ph.D. in Law, lecturer of Special disciplines sub-faculty of the North-Caucasus institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ARGUNOV Azamat Krimovich

senior operational commissioner on particularly important matters of the Center for Countering Extremism of the MIA for Karachay-Cherkess Republic, major of police

CHARACTERISTICS OF SOME TYPES AND FORMS OF MANIFESTATION OF RADICAL RELIGIOUS MOVEMENTS OF THE ISLAMIC CHARACTER AND OPPOSITION TO THEM

The authors conduct a study of religious extremism, the activities of criminal groups of a radical religious trend, as well as the category of crimes committed by representatives of radical Islamic movements. In addition, the article proposes specific measures to counter extremist crimes.

Keywords: religion, Islam, Koran, teaching, strategy, counteraction, extremist community, extremist organization.

Реалии нашего времени показывают, что религиозный экстремизм радикальных течений исламского толка представляет собой одну из наиболее опасных проблем, с которыми столкнулось все мировое сообщество в целом, и Российская Федерация, в частности.

Совершение преступлений экстремистской направленности подразумевает грубое нарушение интересов личности, общества и государства, что определяет степень общественной опасности преступлений данной категории.

Опасность, исходящая от экстремизма, как социального явления настолько реальна и близка, что был принят специальный Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», в котором подчеркнута, что «...экстремизм во всех его проявлениях ведёт к нарушению гражданского мира и согласия, основных прав и свобод человека и гражданина, подрывает государственную и общественную безопасность, создает реальную угрозу суверенитету, единству и территориальной целостности Российской Федерации, а также, межнациональному (межэтническому) и межконфессиональному единению, политической и социальной стабильности [1].

Также, в Указе Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» отмечено, что «...усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений могут привести к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики,

традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека...» [2].

Вышеизложенные нормативно-правовые акты, указывают на необходимость представления и объективной оценки масштабов угрозы, с которым столкнулось российское общество в виде экстремизма, в частности - религиозного.

Религиозный экстремизм – обратная сторона любой религии. Это трансформация сознания верующих в абсолютно другое, агрессивное к окружающему миру, состояние.

Масштабность религиозного экстремизма определяют необходимость мобилизации, как сил и средств правоохранительных органов, так и всей российской общественности. В частности, считаем необходимым привлечение к противодействию радикальным религиозным течениям представителей традиционных (классических) направлений Ислама. Для которых использование различными радикальными религиозными группами исламской религиозной ширмы в ходе осуществления противоправной деятельности, является недопустимым и наносит большой урон идеологии всей мусульманской общины.

Деятельность преступных групп радикального религиозного направления представляет собой особую категорию правонарушений. Потому что, во всех видах правонарушений указанной категории присутствует идеологическая составляющая. Поэтому в сфере противодействия указанным видам правонарушений сотрудников органов внутренних дел помимо навыков осуществления профессиональной деятельности необходимы фундаментальные теологические познания, которые позволяют разграничить радикальные взгляды от традиционных догматов ислама, в том числе му-

сульманского права, которое регулирует все сферы жизни мусульманского мира.

Приверженцы нетрадиционных радикальных течений делают из традиционного ислама экстремистские выводы, полагая, что правильное поклонение единому Богу служит критерием не только спасения в будущей жизни, но в некоторых случаях и права на существования в жизни настоящей.

Например, в соответствии с теорией салафизма человек, не разделяющий «правильного» таухида (единобожия), является неверным (кяфиром), что делает возможным его убийство и присвоение принадлежащего ему имущества. Салафитское учение о единобожии существующим образом отличается от традиционного исламского таухида.

В качестве другого примера радикального религиозного течения исламского толка мы хотим привести такое движение, как «хариджизм».

Термин «хариджиты» происходит от арабского глагола «хараджа» - выходить. Согласно теории ислама, «хариджитом» является тот, кто выходит за рамки традиционного ислама и подается в сторону крайностей.

«Хариджиты» отличаются крайностью и фанатичной религиозностью. Пророк Мухаммад характеризовал «хариджитов» следующими словами: «В моей общине выйдет народ, который будет читать Коран – их чтение с вашим чтением – ничто, их молитва с вашей молитвой – ничто. Их пост с вашим постом – ничто. Они будут читать Коран, считая, что он за них, но он против них! Их молебны не будут более чем, заклинания. Они пролетают сквозь ислам, как стрела проходит цель навывлет» [3].

Идеология «хариджитов» стоит на тезисе «Ля тахмиа иля лиллях» - «Судить вправе только, Аллах». Данный тезис подразумевает отсутствие возможности разрешения спорной ситуации любым другим светским способом. Следует согласиться с мнением специалистов, которые считают, что наиболее ярким представителем «хариджизма» является международная террористическая организация «Исламское государство», которое превратило, почти все страны мусульманского мира в своих врагов из-за крайне радикальной идеологии.

«Исламское государство» трактует содержание Корана в контексте своей радикальной позиции, которая подразумевает, что члены этой организации будут противостоять «армии крестоносцев». И финальное сражение произойдет в Иерусалиме. Пророк Иса вернется и победит в том сражении Даджала (Антихриста), что будет знаменовать победу ислама и установление шариата во всем мире.

В качестве показательного примера различий идеологии и противника «Исламского государства» следует назвать исламистское радикальное религиозно-политическое военизированное движение «Талибан» (студенты, учащиеся медресе), признанное террористическим и запрещенное во многих странах мира, в том числе и в России.

Казалось бы, что в «Талибанах», что в «Исламском государстве», в большинстве своем, состоят мусульмане-сунниты. Однако, эти две террористические организации являются смертельными врагами и не могут сосуществовать вместе из-за различий в толковании норм ислама. Хронология их жестокого противостояния можем наблюдать в режиме реального времени. Так, 3 октября 2021 года, в административном центре афганской провинции Нангархар - Джелалабаде, членами движения «Талибан» были казнены два человека, которых обвинили в сотрудничестве с международной террористической организацией «Исламское государство» и убийстве четыре человека, в том числе местный журналист в административном центре Нангархар [4].

Данные примеры наглядно демонстрируют абсолютно разные подходы в толковании норм ислама и идеологические воззрения указанных террористических организаций.

На территории Российской Федерации подобных форм противостояний и конфликтов между представителями разных радикальных религиозных течений до настоящего времени зафиксировано не было. Однако проявляются тенденции роста преступлений экстремистской направленности. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации уже в ноябре месяце 2021 года зафиксирован прирост на четверть (+25,7%) данного вида преступлений по сравнению с итоговыми показателями 2020 года [5].

Также правоохранительными органами фиксируется активизация деятельности радикальных религиозных организаций. В частности, на территории Карачаево-Черкесской Республики была пресечена деятельность религиозно-экстремистской организации «Ат-Такфир валь-Хиджра», иде-

ология которой гласит, что «весь мир впал в «джахилию» (первобытное невежество) и не осталось «истинных» мусульман. Все представители мусульманского мира были объявлены «неверными». А для неверных предусмотрено только одно наказание – смерть.

В октябре 2021 года на территории города Москвы и Московской области были задержаны восемь членов экстремистско-террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Партия исламского освобождения). Цель данной организации – установить исламское правление во всем мире на масштабном уровне путем создания «халифата» [6].

Все чаще вызывает тревогу у представителей традиционного ислама действия радикальных религиозных течений на разобщение российского исламского сообщества или, выражаясь языком ислама, мусульманской уммы. В своем выступлении на круглом столе: «Консолидация усилий религиозных организаций в противодействии проявлениям экстремизма и терроризма» муфтий духовного собрания мусульман России Альбир Рифкатович Крганов отметил, что «... в религиозном мире идет беспрецедентная атака на умы наших сограждан, особенно молодых людей. Происходит подмена понятий, смыслов, идет игра на чувствах верующих, идет идеологическая интервенция против основ нашей государственности религиозного суверенитета» [7].

В связи с отмеченными тенденциями необходимо отметить, что для обеспечения контроля за складывающейся ситуацией, а также своевременного предупреждения и действенной профилактики деятельности радикальных религиозных организаций исламского толка и иных проявлений экстремизма в Российской Федерации необходимо:

- внести изменения в нормативно-правовую базу, регламентирующую деятельность религиозных организаций, объединений и групп, с учетом современных реалий;

- привлечь ведущих ученых-теологов, специалистов-религиоведов и юристов к формированию исламской идеологической концепции и осуществлению религиозной практики, направленной на гуманистическое воспитание верующих, проживающих на территории Российской Федерации;

- активнее привлекать представителей традиционных конфессий для повышения уровня теологической грамотности сотрудников правоохранительных органов и участию в проведении комплексных профилактических мероприятий, направленных на противодействие религиозному экстремизму.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» //Официальное интернет-представительство Президента России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://Kremlin.ru>.
2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://Publication.pravo.gov.ru>.
3. Бююсов М-Х. Сущность хариджитской идеологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dumrf.ru/islam/sermon/9960>.
4. СМИ: в Джелалабаде талибы казнили двух сторонников ИГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12565409>.
5. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_chart.
6. Задержаны два главаря и шестро участников: в Московском регионе ликвидировали ячейку «Хизб ут-тахрир аль-Ислами». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/article/913886-fsb-terrorizm-yacheika-moskva-zaderzhanie>.
7. Круглый стол: «Консолидация усилий религиозных организаций в противодействии проявлениям экстремизма и терроризма». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://religsvoboda.ru/content/kruglyy-stol-konsolidaciya-usiliy-religioznyh-organizacij-v-protivodeystvii-proyavleniyam-0>.

АБАЗОВ Андемиркан Борисович

кандидат юридических наук, доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Северо-Кавказского Института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ФАЙРУШИН Тимур Аликович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, капитан полиции Уфимского юридического института МВД России

О ПРОБЛЕМАХ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Выступая одним из значимых компонентов народовластия, местное самоуправление формируется из общности граждан, проживающих в границах соответствующего муниципального образования. На органы местного самоуправления возлагаются функции государственного управления на эффективных началах, чему способствует их близость к населению. И прежде всего, эффективность касается обеспечения потребностей и интересов населения, поскольку даже соседствующие муниципалитеты могут осуществлять политику, не совпадающую друг с другом. В статье в качестве одной из проблем реализации функции местного самоуправления рассмотрены вопросы общественного участия. Сюда относятся низкая социальная активность граждан, которые практически не принимают участие в осуществлении власти на местном уровне, а также неготовность муниципалитетов выступить равноправными партнерами местного населения, недостаточная поддержка с их стороны гражданских инициатив и отсутствие рвения к взаимодействию с институтами гражданского общества.

Ключевые слова: местное самоуправление, гражданское общество, общественная активность.

ABAZOV Andemirkan Borisovich

Ph.D. in Law, associate professor of Activities of internal affairs bodies in special conditions sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

FAYRUSHIN Timur Alikovich

senior lecturer of Fire and tactical and special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

ON THE PROBLEMS OF PUBLIC PARTICIPATION IN SOLVING ISSUES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

Acting as one of the significant components of democracy, local self-government is formed from a community of citizens living within the boundaries of the respective municipality. Local self-government bodies are entrusted with the functions of state administration on an effective basis, which is facilitated by their proximity to the population. And above all, efficiency concerns the provision of the needs and interests of the population, since even neighboring municipalities may implement policies that do not coincide with each other. In the article, as one of the problems of the implementation of the function of local self-government, the issues of public participation are considered. These include the low social activity of citizens who practically do not take part in the exercise of power at the local level, as well as the unwillingness of municipalities to act as equal partners of the local population, their insufficient support for civil initiatives and the lack of zeal to interact with civil society institutions.

Keywords: local self-government, civil society, social activity.

В современной России вопросы организации местного самоуправления (МСУ) не теряют своей актуальности и по-прежнему занимают лидирующие позиции, как среди представителей научного сообщества, так и практических работников. Это связано с тем, что МСУ призвано стать одной из значимых основ социально-экономического развития государства.

Следует понимать, что на разных этапах развития института МСУ в России количество регулируемых вопросов менялось в соответствии с динамикой общих принципов организации МСУ. Реформирование МСУ обозначилось существенными изменениями, произошедшими в законодательстве о муниципальных образованиях. Рассмотрим более подробно данную проблематику.

Повышенное внимание к регулированию вопросов организации МСУ, осуществляемое при помощи общественного участия, обуславливается избранной государственной политикой, направленной на его реформирование, которая учеными и практиками оценивается скептически, поскольку существующие конституционные принципы организации местного самоуправления определяют ее результативность и значение. Очевидно, что со стороны Российской Федерации совершенствование правоотношений в сфере местного самоуправления осуществляется путем его вовлечения во все уровни публичной власти.

Органы МСУ наделены особой ролью в демократической системе управления государством и обществом, поскольку их деятельность направлена на обеспечение интересов граждан

на местах с учетом юридическо-правовых и местных традиций в целях организации обособленного управления [4], [6], [7].

Органы МСУ призваны осуществлять государственное управление на эффективных началах, чему способствует их близость к населению. Прежде всего, это касается обеспечения потребностей и интересов населения, поскольку даже соседствующие муниципалитеты могут осуществлять политику, не совпадающую друг с другом. Данное положение закреплено в Законе о поправке к Конституции РФ № 1-ФКЗ, в котором регламентированы вопросы достижения результативного решения задач «...в интересах граждан, проживающих в пределах территорий муниципального образования, посредством взаимодействия органов государственной власти и МСУ» [2].

Совершенствование муниципально-территориального устройства, нормативно-правового закрепления компетенций местного самоуправления и определение форм взаимодействия с органами государственной власти положено в основу развития законодательства о МСУ. Выступая одним из значимых компонентов народовластия, МСУ формируется из общности граждан, проживающих в границах соответствующего муниципального образования. Отсюда можно заключить, что именно гражданин является главным «вершителем» муниципальной власти на местах, о чем гласит ст. 130 Конституции: «...местное самоуправление осуществляется населением и гражданами» [1].

Однако, решение ряда задач при помощи участия граждан на местном уровне сталкивается с некоторыми препятствиями. Сегодня можно заметить некоторое безразличие

со стороны граждан к общественным проблемам. Низкая социальная активность граждан приводит к тому, что местное самоуправление детерминируется в управлении, осуществляемое, причем с низкой эффективностью и самостоятельностью. В то же время муниципалитеты также не готовы делать обращения к населению как к равноправному партнеру, с их стороны не оказываются достаточная поддержка гражданских инициатив, а вместе с тем, не издается желание оказать должное содействие институтам гражданского общества. Такая позиция местных властей ярко свидетельствует о подмене реального сотрудничества его видимостью [5], [8].

Главным детерминантом низкой социальной активности граждан ученые и практики называют сформированную у современного поколения социально-психологическую установку на зависимость от власти, которая проявляется в неумении и нежелании людей брать на себя ответственность за общественные проблемы. Все это осложняется также низкой правовой культурой и неинформированностью населения, когда граждане не получают необходимых разъяснений по вопросам непосредственного осуществления местной власти.

Проблема пассивности граждан при участии в МСУ актуализируется их неготовностью пользоваться своим законным правом в осуществлении МСУ. Причиной тому служит территориальная организация народонаселения – большая часть граждан проживает в городах, а сравнивая городскую и сельскую местность можно заметить, что городские жители менее организованы и сплочены в вопросах решения общественных проблем предпочитая защиту своих интересов через депутатов и выборных лиц. Отсюда, следует заключить, что эффективное развитие МСУ возможно при участии не только граждан, но и самих работников муниципалитета.

Непосредственное участие населения через формы прямого волеизъявления, а также выборные и другие органы МСУ являются магистральным направлением для реализации права МСУ. Согласно Закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» формами осуществления населением МСУ являются «местный референдум, муниципальные выборы, правотворческая инициатива граждан, публичные слушания, конференции граждан и иные» [3], призванные «обеспечить участие и контроль граждан в решении задач и направлений деятельности органов МСУ и способствующие развитию гражданского общества» [3].

Развитие гражданского общества детерминируется в последствии в становление эффективного МСУ. Этому способствуют популяризация достижений и передовых практик в муниципальных образованиях, направленных на повышение общественной активности на местном уровне.

Реализуя активное участие жителей, проживающих в пределах территорий муниципального образования, в решении вопросов местного значения можно построить эффективную и результативную работу органов МСУ. А выступая самым близким к населению уровнем публичной власти, деятельность органов МСУ должна быть направлена на выработку и реализацию эффективных механизмов для конструктивного диалога общественности, институтов гражданского общества и муниципалитетов в управлении территориями.

При анализе форм осуществления населением МСУ установлено, что «самой распространенной формой участия граждан в МСУ являются муниципальные выборы, где принимает участие лишь 35-55 % населения, обладающего избирательным правом. Причиной этому следует назвать отсутствие доверия к институту выборов, а также недостаточную информированность граждан о кандидатах, их программах и заслугах» [7], [8], что в результате приводит к ряду негативных последствий: это как избрание неавторитетной власти, так и неэффективное управление [4], [7].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что активная гражданская позиция выражается в осуществлении сознательных действий, направленных на удовлетворение, как личных, так и общественных интересов, обеспечивающих общественное благо. Главным мотивом активного участия граждан в общественно-политической жизни общества и осуществления взаимодействия с органами МСУ выступает желание реализовать свои инициативы, а также проявить себя как личность.

В числе неблагоприятных факторов, влияющих на уровень общественно-политического участия населения на местах, кроме пассивности граждан следует также назвать сопротивление самой власти, которая не всегда выражает готовность к открытому диалогу с населением. Как нам думается, такое сопротивление связано с предъявляемым со стороны населения требованиям к органам МСУ, и ресурсозатратностью их

реализации. Однако, следует заметить, что затратность общественно-политического участия имеет и оборотную сторону медали, в положительном аспекте которая выражается в повышении эффективности деятельности органов МСУ. Отсюда, можно заключить, что институты прямой демократии, обеспечив повышение участия граждан в определении задач и направлении деятельности местных органов власти, впоследствии заручатся должным контролем со стороны граждан за деятельностью органов МСУ. В результате повысится активность населения, что повлечет за собой более ответственное отношение к выполнению своих полномочий должностными лицами органов МСУ [4], [7], [8].

В заключении следует отметить, что органы МСУ наделяются особой ролью в демократической системе управления государством и обществом, поскольку их деятельность направлена на обеспечение интересов граждан на местах с учетом юридическо-правовых и местных традиций в целях организации обособленного управления. Выступая одним из значимых компонентов народовласти, МСУ формируется из общности граждан, проживающих в границах соответствующего муниципального образования. При этом современный этап развития МСУ в процессе осуществления своих функций столкнулся с рядом проблем – от низкой социальной активности граждан, до безразличия самой власти к местному населению. Это приводит к тому, что местное самоуправление осуществляется с низкой эффективностью и самостоятельностью. Такая позиция местных властей требует пересмотра и пересмотра в сторону установления взаимосотрудничества с местным населением в целях осуществления государственного управления на эффективных началах.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.01.2022).
2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 06.01.2022).
3. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 05.01.2022).
4. Абазов А. Б. Представительные органы местного самоуправления в системе муниципально-правовых отношений // диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность: 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право / Московский гуманитарный университет. - Москва, 2013. - 206 с.
5. Александров А. А., Тарбеева И. С. Гражданское участие в местном самоуправлении // Управленческое консультирование. - 2016. - № 12 (96). - С. 63-71.
6. Гамидов С. С. Современные проблемы гражданского участия в осуществлении местного самоуправления в России // Управление. - 2019. - Т. 7. - № 2. - С. 5-10.
7. Гамидов С. С., Теплинских Е. А. Анализ современных тенденций и проблем общественного участия населения в муниципальном управлении // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. - 2018. - № 6 (65). - С. 28-30.
8. Суворов Н. А. Участие населения в местном самоуправлении: проблемы взаимодействия граждан с местной властью // В сборнике: Молодежный муниципальный форум. Материалы всероссийской научной интернет-конференции. Отв. редактор Е. И. Васильева. - Екатеринбург, 2021. - С. 233-237.

АЛИЕВА Зульфия Ибрагимовна

доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета

ЭМИНОВА Мадина

магистрант, 3 курса ОЗО ДПО, кафедра конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета

ОГРАНИЧЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РФ

Проблематика реализации конституционно-правовой концепции ограничения прав и свобод человека и гражданина является одной из актуальных в гражданском обществе, поскольку уровень обеспечения государством охраны прав и свобод человека и гражданина является основным показателем его демократичности.

Следует учитывать, что законодательство РФ содержит специальные нормы, ограничивающие в части определенные права и свободы человека, поскольку при применении ограничительных механизмов необходимо соблюдение гарантий прав человека и гражданина от неправомерных ограничений.

Основу таких гарантий составляют положения части 3 статьи 55 Конституции РФ, которая гласит: «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, Конституция РФ, конституционные гарантии, конституционные ограничения.

ALIEVA Zulfiya Ibragimovna

associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

EMINOVA Madina

magister student of the 3rd course of the OZO DPO, Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

RESTRICTION OF FUNDAMENTAL HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The problem of the implementation of the constitutional-legal concept of limiting the rights and freedoms of man and citizen is one of the most relevant in civil society, since the level of state protection of the rights and freedoms of man and citizen is the main indicator of its democracy.

It should be borne in mind that the legislation of the Russian Federation contains special rules restricting certain human rights and freedoms in part, since when applying restrictive mechanisms, it is necessary to observe the guarantees of human and civil rights from unlawful restrictions.

Such guarantees are based on the provisions of Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation, which reads: "The rights and freedoms of man and citizen may be limited by the federal law only to such an extent to which it is necessary for the protection of the fundamental principles of the constitutional system, morality, health, the rights and lawful interests of other people, for ensuring defence of the country and security of the State".

Keywords: human and civil rights and freedoms, the Constitution of the Russian Federation, constitutional guarantees, constitutional restrictions.

Отечественная концепция ограничения правового статуса личности, провозглашенная Конституцией РФ 1993 года, устанавливает критерии правомерности ограничений прав и свобод, что предопределяет необходимость существования исчерпывающей правовой регламентации всех видов отношений, возникающих в этой сфере.

Действительно, без соблюдения данных критериев невозможно вести речь о конституционном правопорядке, обеспечении законности, прав и свобод человека и гражданина, постепенной трансформации демократически развитого общества в правовое государство, в котором высшими ценностями признаются охрана конституционно-правового статуса личности, устройства общества и государства.

В рамках столкновения публичных и частных интересов чрезвычайно важно уяснить специфику юридического механизма ограничения правового статуса личности.

Институт ограничения основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации имеет важнейшее практическое значение, поскольку преследует исключительно правовые цели и может служить той мерой правового воздействия, которая обеспечивает реализацию субъектами

конституционно-правовых отношений своих индивидуальных свобод в различных сферах в принудительно устанавливаемых пределах и в определенной мере способствует укреплению государственной защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, правового статуса личности, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Необходимо отметить тот факт, что конституционно-правовая концепция ограничения правового статуса личности продолжает находиться в проблемном поле российской юриспруденции. Несмотря на внушительное количество научных работ, посвященных теме исследования, многие аспекты института нуждаются в дальнейшей научной разработке.

В современной юридической литературе следующие вопросы концепции ограничения прав и свобод до сих пор являются дискуссионными и требуют дополнительного исследования: перечень критериев правомерности ограничения правового статуса личности нуждается в доработке; отсутствие единства в трактовке термина «ограничение прав и свобод человека и гражданина», недостаточность правовой регламентации критериев соразмерности механизмов ограничения прав и свобод и ряд иных пробелов и проблем дей-

ствующего законодательства об ограничении правового статуса личности.

Помимо того, наблюдается неоднозначность восприятия исследуемого института различными учеными, что порождает различия в подходах к его трактовке и отсутствию единства в характеризующем его категориальном аппарате.

Уровень обеспечения государством охраны прав и свобод человека и гражданина является основным показателем его демократичности. При этом следует учитывать, что в своем воплощении права и свободы не могут не иметь разумных границ, поскольку отсутствие юридических ограничений свободы проступков человека в обществе станет причиной установления хаоса, произвола, поэтому в демократических государствах границы свободы личности определяются положениями закона.

В рамках столкновения публичных и частных интересов чрезвычайно важно уяснить специфику юридического механизма ограничения правового статуса личности в первую очередь через определение понятия, принципов и видов ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Так, В. Б. Исаков под правовым ограничением понимает «сознательно установленные обществом запреты» [6, с. 23], М. А. Нагорная – «осуществляемое в соответствии с предусмотренным законом основаниями и в установленном порядке сужение объема права» [13, с. 26].

Некоторые авторы рассматривают ограничение прав как «изменение содержания и объема нормы права» [14], другие – как «изменение содержания прав человека, которое не должно касаться его сущности» [9, с. 62], третьи – как «отклонение от правового равенства, когда сужается объем прав и свобод или расширяется объем обязанностей» [7, с. 27], «лишение или сужение субъективного права» [5, с. 23], «изъятие из правового статуса гражданина в силу определенных обстоятельств» [8, с. 386].

Майстренко Г. А. исходит из понимания ограничений конституционных прав и свобод как «меры, метода социального контроля, который определяет максимум возможной индивидуальной свободы в различных сферах в пределах принудительно устанавливаемых правом границ» [10, с. 26].

Мурыгина Д. И. определяет юридический механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина как «установленные федеральными законами в конституционных целях границы реализации человеком его прав и свобод, соразмерные с этими целями» [12, с. 257].

С точки зрения А. В. Малько, ограничение прав представляет собой «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающего условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите, как исключение определенных возможностей в деятельности лиц» [11, с. 142].

Утяшев М. М. рассматривает ограничение прав человека через призму деятельности органов власти, определяя данный механизм, как «легитимную деятельность государства, направленную на выполнение ее охранительной функции по введению определенных границ в осуществление прав и свобод» [4, с. 33].

Содержательное определение термина даёт А. В. Белый: «обусловленное различными факторами, главным образом политико-правового свойства, преследующее определенные цели, осуществляемое как правовыми, так и неправовыми средствами и способами, количественное и (или) качественное умаление субъектами власти прав и свобод человека, причем под умалением понимается либо исключение, либо сужение объема и содержания прав человека» [15, с. 113].

Изучив позиции разных авторов, можно прийти к выводу, что учёные-исследователи советского и постсоветского периода рассматривали допускаемые Основным законом РФ изъятия из статуса личности достаточно лаконично.

В современной же науке конституционного права наблюдается более глубокое изучение содержания данного термина.

Проведённый нами анализ научной литературы позволяет констатировать отсутствие единства в трактовке терми-

на «ограничение прав и свобод человека и гражданина», что говорит о необходимости его разработки, поскольку единое понимание содержания ограничительных механизмов в дальнейшем повлечёт устранение коллизий и пробелов в законодательстве, ошибок в правоприменительной практике и будет способствовать защите прав и свобод человека.

Наиболее верное определение представлено И. Д. Ягофаровым, который предлагает рассматривать понятие ограничения прав и свобод в двух смыслах: «Во-первых, ограничение представляет собой исключение из общей совокупности прав и свобод. Такое исключение происходит в силу разного рода обстоятельств (объективных или субъективных), например, при введении режима чрезвычайного положения на территории всей страны или на территории ее отдельного субъекта. Во-вторых, ограничение представляет собой сужение (уменьшение) объема, содержания конкретных прав и свобод путем установления пространственных пределов, временных рамок и др., таким образом устанавливается предел осуществления человеком своих прав и свобод – осуществление прав и свобод человека и гражданина возможно только в тех пределах, в которых не нарушаются права других» [16, с. 21].

Будем исходить из данного определения при дальнейшем рассмотрении института ограничения основных прав и свобод человека и гражданина.

Правовой механизм ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина действует на основании принципов – основополагающих начал, определенных установок, формулирующихся для единообразной и наиболее полной реализации исследуемой концепции.

Вопрос о принципах конституционных ограничений можно отнести к дискуссионным, так как некоторыми учёными высказывается мнение, согласно которому «для признания тех или иных руководящих идей принципами необходимо, чтобы они были закреплены в Основном Законе, т. е. идеи и установки должны быть облечены в высшую правовую форму» [3, с. 42].

Другие же авторы сами формулируют принципы применения ограничительных механизмов, руководствуясь не только положениями Основного закона, но и общими принципами права, нормами иных правовых актов и опытом судебной практики. Мы разделяем данную позицию.

Рассмотрим данные принципы подробнее.

1) Принцип «разрешено лишь то, что разрешено законом» [2, с. 45]. Государство (посредством компетентных государственных органов и должностных лиц), направляя свою правоохранительную деятельность на ограничение правового статуса личности, в свою очередь, оказывается ограниченным, «связанным», рядом требований, основным из которых является регламентация функциональных полномочий органов и должностных лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность.

2) Принцип пропорциональности ограничения правового статуса человека и гражданина. Он состоит в обязательном установлении критериев пропорциональности применения ограничительных механизмов, позволяющих определить юридическую допустимость, необходимость и конституционность конкретных ограничительных мер.

3) Принцип гарантированности соблюдения иных прав и свобод при применении ограничений. Конституционный Суд РФ высказал по этому поводу следующую позицию: «законодатель, осуществляя защиту прав и свобод человека и гражданина и устанавливая соответствующее правовое регулирование, обязан предусмотреть эффективные гарантии соблюдения иных прав и свобод граждан, адекватные целям сохранения жизни граждан и их здоровья» [1, с. 45].

4) Принцип объективности (обоснованности) ограничения прав и свобод. В качестве своеобразного сдерживающего фактора при реализации концепции ограничения прав и свобод следует рассматривать исчерпывающий перечень ситуаций, предусмотренных действующим законодательством, в рамках которых государство может в принудительном порядке ограничивать правовой статус личности.

Общие положения по данным вопросам содержатся, прежде всего, в международно-правовых актах. Так, в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека устанавливаются пределы ограничения прав и свобод человека и гражданина:

«1. Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности.

2. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

3. Осуществление этих прав и свобод ни в коем случае не должно противоречить целям и принципам Организации Объединенных Наций».

В числе критериев законного ограничения прав и свобод Пакт о гражданских и политических правах выдвигает охрану здоровья населения, прав и свобод других лиц (ст. 19, 21) и др. Этот вопрос регламентирован и в российском законодательстве.

Конституцией РФ в ч. 3 ст. 55 строго оговорены рамки и порядок таких ограничений – «Права и свободы могут быть ограничены федеральным законом лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Помимо того, в Основном законе страны регламентируются вопросы ограничения прав в период объявления чрезвычайного положения (ст. 56).

Упомянутое также возможность установления военного положения, при котором, хоть и неофициально, но применяется ограничительные механизмы.

В качестве ограничений прав и свобод можно также рассматривать и меры юридической ответственности. При этом можно говорить об их соответствии критериям правомерности, поскольку изъятие из конституционно-правового статуса в этом случае основывается на нормах уголовного, гражданского права и иных положениях закона.

Необходимо подчеркнуть, что все ограничительные нормы могут лишь развиваться в положениях актов федерального законодательства, но никак не дополняться.

5) Принцип соразмерности применяемых ограничений. Его суть заключается в применении ограничительных мер, адекватных обстоятельствам, в связи с которыми они реализуются.

Ввиду недостаточности правовой регламентации существует необходимость формирования критерия соразмерности применяемых ограничительных механизмов на уровне федерального законодательства посредством реализации полномочий Федерального собрания РФ и обращения к сформированному по этому поводу позициям Конституционного Суда РФ.

Можно сделать вывод о недостаточности регламентации принципа неприкосновенности «абсолютных прав», он требует дальнейшего научного осмысления, развития как в теории, так и в практике конституционного права, поскольку какая-либо существующая возможность умаления основных прав и свобод посредством применения ограничительных механизмов, влечёт за собой вероятность неправомерных ограничений и неправильную реализацию правоограничительной концепции.

В современной науке проводится классификация ограничительных механизмов по различным основаниям, что позволяет сделать вывод о достаточной изученности данного аспекта ограничительных механизмов.

Пристатейный библиографический список

1. По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс: справочно-правовая система.
2. Астафьева Е. В. Принципы ограничения конституционных прав и свобод граждан // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 22 (123). – С. 45.
3. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. – Москва: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2017. – С. 530.
4. Белый А. В. Понятие и значение ограничения прав и свобод человека и гражданина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 7. – С. 33.
5. Братко А. Г. Запреты в советском праве. – Саратов: Юрист, 1979. – С. 23.
6. Исаков В. Б. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. – 2008. – № 7. – С. 23.
7. Козюк М. Н. Правовое равенство в механизме правового регулирования: учеб. пособие. – Волгоград: ВЮИ, 2008. – С. 27.
8. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: учебник для вузов / под ред. О. И. Тиунова. – Москва: НОРМА, 2005. – С. 386.
9. Крусс В. И. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 62.
10. Майстренко Г. А. Понятие и сущность конституционно-правовых ограничений основных прав и свобод // Web of Scholar. – 2017. – № 5 (14). – С. 26.
11. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект. Монография. – 3-е изд., перераб. и доп. – Саратов, 2011. – С. 142.
12. Мурыгин Д. И. Понятие конституционных ограничений прав и свобод человека // Молодой ученый. – 2019. – № 5 (243). – С. 257.
13. Нагорная М. А. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. – 1998. – № 7. – С. 26.
14. Стрекозов В. Г. Конституционное право России: учебник для вузов. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – С. 495.
15. Утяшев М. М. К вопросу об ограничении прав человека // Правовая политика и правовая жизнь. – 2005. – № 1. – С. 113.
16. Ягофарова И. Д. Основные характеристики ограничения прав и свобод человека: теоретико-правовой аспект // Академ. юрид. журн. – 2002. – № 4. – С. 21.

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

МАНИПУЛЯЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ СМИ КАК СПОСОБА ВЛИЯНИЯ НА МИРОВОЗЗРЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ МАСС

В данном исследовании рассматриваются актуальные на сегодняшний день проблемы влияния СМИ на формирование мировоззрения общества. Дается общее понятие информационному манипулированию сознанием населения. Затрагиваются объективные исторические предпосылки такого манипулирования. В статье анализируются различные способы манипулирования, применяемые масс медиа. Приводятся конкретные практические примеры использования манипуляций СМИ. Разбираются актуальные способы борьбы с подобным рода манипулированием.

Ключевые слова: средства массовой информации, манипулирования сознанием, масс медиа, мировоззрение, социальный инжиниринг.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

THE MANIPULATIVE FUNCTION OF THE MEDIA AS A WAY OF INFLUENCING THE WORLDVIEW OF THE PUBLIC MASSES

This study examines the current problems of the influence of the media on the formation of the worldview of society. The general concept of information manipulation of the population's consciousness is given. The objective historical prerequisites of such manipulation are touched upon. The article analyzes various methods of manipulation used by the mass media. Specific practical examples of the use of media manipulations are given. Topical methods of combating this kind of manipulation are analyzed.

Keywords: mass media, manipulation of consciousness, mass media, worldview, social engineering.

С момента появления массовых способов распространения информации воздействие на социум претерпело серьезные изменения. Масс медиа на сегодняшний день является мощнейшим фактором влияния на общество в целом и на психическое состояние граждан в частности. Необходимо понимать, что хозяева тех или иных медийных ресурсов, понимая, что в их руках находится четвертая ветвь власти, имеют тем самым спекулятивное желание использовать все это в своих корыстных целях, что как правило идет в разрез с целями развития общества и граждан. Средства массовой информации активно могут использовать манипуляционные способы для решения своих задач. При этом необходимо понимать, что масс медиа должны именно отражать общественное мнение, быть, так сказать, платформой для дискуссий, но к превеликому сожалению, СМИ во многом создают общественное мнение, тем самым увеличивая меру непонима-

ния в обществе, которая может привести к конфликтам. Актуальность данного исследования заключается как раз таки в том, что большинство людей не знают и не понимают манипуляционные механизмы, вследствие чего могут быть замкнуты на достижение чужих целей сами того не понимая. Целью данной статьи является освещение особенностей манипуляционного воздействия на формирование менталитета и мировоззрение населения. Для раскрытия темы данного исследования необходимо дать четкое понятие информационной манипуляции сознанием населения, субъектом которого является масс медиа

Итак, манипулирование сознанием населения представляет собой, четко осознаваемую, хорошо организованную и целенаправленную деятельность заинтересованных лиц для получения выгодных для себя результатов. При этом подразумевается, что манипулятор своим информационным воздействием искажает мысли людей и форми-

Ананьева Е. О.

Ивлиев П. В.

рует у них искусственные ценности, что в свою очередь может привести к социальным конфликтам и деградации всего общества.

Необходимо отметить, что в развитых странах тратятся миллиарды долларов на проведение исследований в области медийного социального инжиниринга, для того чтобы выявить эффективные механизмы воздействия на социум. Так, например, для успешной манипуляции необходимо иметь, так называемую, «карту стереотипов» каждой из своих целевых аудиторий, иначе воздействие на общество будет не полным. И это абсолютно не случайно, так как именно СМИ должны предоставлять информацию населению, в которой это население нуждается. Но необходимо понимать, что в нашем государстве доминирует рыночная экономическая система, которая во главу угла ставит извлечение прибыли. С учетом того, что в Российской Федерации существует либеральная модель СМИ, то можно с уверенностью сказать, что масс медиа во многом замкнута на извлечении прибыли. А для этого необходимо транслировать в основном развлекательный провокативный шок контент, который способен радикально увеличить количество просмотров и соответственно ведёт к повышению рейтингов. А чем выше рейтинги, тем больший ценник можно ставить за рекламу. Все это безусловно создает плодородную почву для спекуляций масс медиа, которые неизбежно приводят к искажению нравственных ценностей и формированию деградационно-паразитарного менталитета. СМИ в своей деятельности не стесняется использовать разного рода манипуляционные приемы. Интенциональный аспект подразумевает под собой намеренное манипулирование общественным сознанием со стороны СМИ, используя в том числе и механизмы речевого воздействия [1]. Например, навязывание определённой пресуппозиции, то есть постулирование определенной информации как якобы неоспоримого и всеми признанного факта, то есть истины в последней инстанции или превосходной степени, что в свою очередь позволяет средству массовой информации осуществить имплицитное, то есть не заметное воздействие на бессознательное граждан, тем самым осуществляя манипуляцию.

Также излюбленным способом манипуляции общественным мнением является «осколочное» предоставление информации, посредством которой у людей не будет полного, исчерпывающей мозаичного представления о происходящих процессах. Например, в одной из азиатских республик СМИ демонстрировали материалы, на которых наглядно показывалось положительное отношение людей к животным, выражаемое в кормлении и уходе за ними. Но когда были опубликованы все материалы, то выяснилось, что над животными жестоко издевались и беспощадно убивали.

Ещё одним излюбленным приемом является отвлечения внимания. Например, некоторые СМИ, ведомые политиками, транслируют и тем самым навязывают обществу какие-либо несущественные или даже вымышленные проблемы, отвлекая внимание людей от реально существующих социальных противоречий. Это не раз бывало в регионах некоторых стран СНГ, когда губернаторы пытались отвлечь население от реальных проблем и тем

самым постараться избежать для себя отрицательных последствий.

Также необходимо отметить, что для осуществления манипуляционного воздействия многие руководители государств нередко создают проблемы, а через СМИ предлагают безальтернативные способы решения этих самых проблем.

Часто используемым способом манипуляции общественных масс является способ многократного повторения нужного для манипулятора контента. Так, например, если продемонстрировать явно социально неприемлемую информацию, то в обществе возникнет резонанс и протестные движения. И для того, чтобы этого избежать манипулятор может предоставлять данную информацию в усеченной или смягченной форме много раз и при этом растянутой во времени. При таком раскладе обществу гораздо проще принять это не сопротивляясь, тем самым обеспечив манипулятору необходимый эффект.

Ещё одним излюбленным способом манипуляции является упор на эмоции. Учеными было давным-давно доказано, что именно эмоциональная речь проходит сквозь критическое осмысление содержательной части выступления того или иного политика и во многом является призывом к действию для населения.

Если в обществе сложилась такая конъюнктура, которая позволяет обращаться к населению как к недостаточно развитым индивидуумам или вообще, как к детям, то тогда пропагандистские выступления политиков будут наиболее успешными.

Также необходимо отметить, что наиболее часто встречающийся способ манипулирования выражается в, так называемой, отсрочке исполнения. Сущность этого метода заключается в том, что непопулярное решение, которое выгодно манипулятору, предлагается применить не в данный момент, а через какое-то время. Это позволяет населению в большей степени принять такое решение без особого сопротивления. При этом манипулятор может усилить данный эффект тем, что можно преподнести данное решение в качестве неизбежного и необходимого, а если его не принять, то будут трудно прогнозируемые негативные последствия. В таком случае население будет готово принять даже особо болезненное для себя решение.

Практика показывает, что особо эффективным методом является ставка на эмоциональный аспект. Психика человека устроена таким образом, что люди в основном смотрят на внешнее сопровождения того, что говорят. Таким образом манипулятор может заблокировать рациональный анализ транслируемой информации и тем самым направить мысли людей в «нужное» русло. Все вышесказанное безусловно является очень опасным для общества и государства.

Более того, особую опасность представляют манипуляции политического характера. Так, например, через СМИ могут в общество вбрасывать информационные модули, сутью которых является создание напряженных отношений между государствами и их гражданами. Образ врага формируется путем использования метафор, фреймов, нарративов, мифов и идей в целом для делегитимации определенной группы или отдельного человека [2].

Резкие высказывания репортеров или необдуманные статьи журналистов способны на долгое время посеять как минимум недоверие между народами, что в свою очередь может иметь отрицательные последствия во всех сферах жизни этих конфликтующих государств.

Любая информация, воздействуя на общество и индивида, способна сформировать как психологическую, так и социальную установку, то есть спровоцировать на совершение тех или иных действий. И грамотные манипуляторы безусловно понимают такую особенность человеческой психики, и обладая огромными медийными возможностями не могут удержаться от использования этого в своих меркантильных целях, то есть осуществляют манипулирование социальными процессами. При этом необходимо понимать, что желание масс медиа влиять на мировоззрение общественных масс возрастает ещё и потому, что люди в подавляющем большинстве не анализируют ту информацию, которую транслируют СМИ. Людям гораздо проще воспринимать информацию без каких бы то ни было вопросов и сомнений. Тем более надо понимать, что доверие к СМИ в принципе намного выше. Так, например, мнение отдельно взятого человека, например, коллеги по работе или старого знакомого, может быть воспринято с большой критикой и анализом этой услышанной информации, а вот доверие к официальным новостным каналам или политическим ток шоу или ещё каким-то медийным ресурсам априори гораздо выше. Люди склонны воспринимать мнение, транслируемое посредством СМИ, как безапелляционно авторитетное. Именно это и позволяет средствам массовой информации влиять на формирование менталитета и мировоззрения населения.

Для решения проблемы манипулирования общественным сознанием в современном мире необходимо разработать на государственном уровне целый комплекс эффективных мер. Конечно, законодательство России содержит в себе нормативную базу, которая позволит привлечь тот или иной медийные ресурсы к ответственности, например за разжигание вражды по какому-либо признаку. Но проблема заключается в том, что манипуляторы могут, не нарушая закон, создавать такой информационный фон, который позволит направлять поток мыслей людей в как минимум деградационно-паразитарное, а как максимум – в преступное русло, что неизбежно приведет к социальному взрыву. Злободневным примером всего этого являются, так называемые, финансовые пирамиды. Смысл функционирования финансовых пирамид заключается в том, что участники получают деньги за счет новых вкладчиков. То есть, по сути, пирамида растет исключительно и только за счёт расширения своего основания. И естественно организаторы такого бизнеса четко осознают, что осуществлять выплаты вкладчикам они не будут после определенного момента. То есть здесь явно присутствует злой умысел, который преследуется по закону. И это безусловно хорошо. Но как быть, когда манипуляторы заранее не обещают никаких прибылей своим вкладчикам. В таком случае бороться с таким спекулянтами гораздо сложнее. При этом никто не запрещает им проводить масштабные рекламные кампании, где с помощью красивых рекламных роликов подогревают населе-

ние вкладываться в их заведомо проигрышные проекты. Манипуляторы грамотно используют желание населения разбогатеть, при чем сделать это легко и непринужденно, применяя при этом обширные возможности, которые содержат в себе средства массовой информации. Борьба с такого рода спекуляциями на законодательном уровне слишком затруднена. Здесь во многом спасение утопающих является делом рук самих утопающих. Необходимо понимать, что главной, фундаментальной основой манипулирования через СМИ, да и не только через масс медиа, является целевая аудитория, которая позволяет собой манипулировать, то есть речь идет о том, что эмоционально не стабильный субъект, не обладающий аналитическими способностями и навыками работы с информацией, является жертвой такого воздействия.

Для решения проблемы массового манипулирования общественным мнением необходимо, чтобы СМИ несли ответственность за тот контент, который они транслируют в массы. При этом необходимо отметить, что именно понимание причинно-следственных связей, должно стать тем критерием, на основе которого будет приниматься решение о выпуске того или иного медийного контента средствами массовой информации. Также получение качественного образования и умения работать с информацией, позволит населению минимизировать эффект манипуляции.

Пристатейный библиографический список

- 1.
2. Ананьева Е. О., Ивлиев П. В. Некоторые юридические и этические аспекты размещения противоречивого контента в СМИ // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 12 (151). – С. 136-138.
3. Кравец П. С. Формирование образа врага посредством СМИ в процессе манипуляции общественным сознанием // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 10-2 (61). – С. 146-149.

ВЕРХОЗИНА Ольга Александровна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия

ЗАРУБАЕВА Евгения Юрьевна

кандидат юридической наук, доцент, исполняющая обязанности заведующего кафедрой общетеоретических и государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ПРАВОВОЙ ИНФАНТИЛИЗМ, СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена актуальной проблеме формирования правосознания и его деформаций в молодежной среде. Целью статьи является рассмотрение процесса формирования правосознания в молодежной среде и одного из видов его деформации как правовой инфантилизм.

Исследование включало такие задачи как: рассмотрение категории правосознания как правового явления, не сводимого к системе правовых норм, а с позиции личности, через составляющие: интеллектуально-познавательную, эмоционально-волевою, духовно-нравственную сферу личности; исследование и определение причин деформации правового сознания в контексте одного из видов, как правовой инфантилизм, наиболее присущего подросткам и молодежи; выявление особенностей правосознания инфантильной личности.

Специфика деформации правосознания молодежи обусловлена социальными процессами, происходящими в обществе, имеющими отражение в личностной сфере. Правовой инфантилизм обусловлен несформированностью правовой культуры подростков и молодежи, деформациями в ценностно-духовной и эмоционально-волевой сферах, зачастую связанных с незрелостью, несформированностью личности в силу возрастных, социальных, психофизиологических, индивидуальных и др. особенностей, которые могут определять противоправное поведение личности.

В судебной-следственной практике необходимо учитывать особенности молодого поколения для более эффективного использования возможностей мер правового воздействия. Особую актуальность имеет правовое образование, правовое воспитание молодежи, применение современных, эффективных технологий в области процессов правовой социализации, формирования правосознания на основе особенностей его деформации.

Ключевые слова: правосознание, деформация правосознания, интеллектуально-познавательная сфера, эмоционально-волевая сфера, духовно-нравственная сфера личности, правовой инфантилизм, особенности деформации правосознания в молодежной среде.

VERKHOZINA Olga Aleksandrovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of General theoretical and state legal disciplines sub-faculty of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice

ZARUBAEVA Evgeniya Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor, Acting Head of General theoretical and state legal disciplines sub-faculty of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice

PROBLEMS OF THE FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE YOUTH ENVIRONMENT: LEGAL INFANTILISM, ESSENCE AND FEATURES

The article is devoted to the actual problem of the formation of legal consciousness and its deformations in the youth environment. The purpose of the article is to consider the process of forming legal consciousness in the youth environment and one of the types of its deformation as legal infantilism.

The research included such tasks as: consideration of the category of legal consciousness as a legal phenomenon, not reducible to the system of legal norms, but from the standpoint of the individual, through the components: intellectual-cognitive, emotional-volitional, spiritual and moral sphere of the individual; research and determination of the causes of the deformation of legal consciousness in the context of one of the types, as legal infantilism, which is most inherent in adolescents and young people; identification of the peculiarities of the legal consciousness of an infantile personality.

The specificity of the deformation of the legal consciousness of young people is due to the social processes taking place in society, which are reflected in the personal sphere. Legal infantilism is caused by the immaturity of the legal culture of adolescents and youth, deformations in the value-spiritual and emotional-volitional spheres, often associated with immaturity, unformed personality due to age, social, psychophysiological, individual and other characteristics that can determine the illegal behavior of a person.

In judicial and investigative practice, it is necessary to take into account the peculiarities of the younger generation in order to more effectively use the possibilities of legal measures. Of particular relevance is legal education, legal education of young people, the use of modern, effective technologies in the field of legal socialization processes, the formation of legal consciousness based on the characteristics of its deformation.

Keywords: legal consciousness, deformation of legal consciousness, intellectual and cognitive sphere, emotional and volitional sphere, spiritual and moral sphere of personality, legal infantilism, features of the deformation of legal consciousness in the youth environment.

Проблемы формирования правосознания в современное время являются актуальными и для исследователей, и для практиков. Значительное внимание уделяется вопросам сущности правосознания, факторам, влияющим на его формирование, причинам его деформации. Анализ данных проблем становится актуальным в свете происходящих событий, связанных с противоправным поведением молодых людей. Например, ситуация в г. Казани, где молодой человек, придя в гимназию, жестоко расстрелял школьников и учителей. И этот и другие подобные случаи заставляют провести серьезный анализ причин деформации правосознания, и, на его основе прийти к пониманию эффективных способов его формирования. Процесс формирования правосознания у человека связан с различными факторами, оказывающими влияние, порой негативное, на этот процесс – культурного, социального, экономического, психологического и др. содержания.

Нам близко понимание такой категории как правосознание, основанное на интегративном теоретико-методологическом осмыслении правовых явлений, заключающееся в том, что право не сводимо к системе правовых норм, что оно связано с человеком, личностью, с его сознательно-правовой природой личностными, индивидуальными особенностями. Понимая значимость биологических, социальных факторов и др. факторов, влияющих на правосознание, большинство ученых и практиков приходят к выводам о ведущей роли личности.

При формировании правосознания происходит процесс преобразования культурных (правовых норм) в индивидуальные ценности. Правовые нормы преломляются через систему личностных смыслов и в сочетании с эмоционально-волевой регуляцией обеспечивают законопослушание [1].

В.С. Скляр подчёркивал, что существуют психические образования, которые позволяют человеку делать выбор между вариантами действий, и они лежат в сфере личности человека, формируются в процессе становления личности, находясь в потенциальном состоянии. Под влиянием внешних факторов, конкретной жизненной ситуации происходит процесс актуализации внутренних установок, ценностных ориентаций, лежащих в основе выбора человеком пути удовлетворения своих потребностей. Потенциальная готовность человека при взаимодействии с внешними факторами становится актуальной в данной ситуации и является субъективной причиной его поведения [2]. Направление правосознания задают потребности, опредмеченные мотивами. По мнению И.Г. Кочеткова правосознание обладает высокой степенью определённости и соотносённостью с системой права. И данная система регулирования поведения личности опирается на ценности личностной сферы [3]. При действии неблагоприятных внутренних и внешних факторов возникают нарушения развития правового сознания личности.

Выделяя психологическую сущность правосознания, необходимо отметить, что под правосознанием личности понимается система психологических свойств, относящихся к ее когнитивной и эмоционально-волевой сферам, детерминирующих субъективное отражение правовой действительности и социально-правовое поведение человека.

Являясь высшим уровнем отражения правоотношений, правосознание определяет их развитие. Правосознание проявляется через вторую сигнальную систему, посредством

речи и интеллекта, как механизм правосознания, и отражает систему правовых знаний и понятий, регулирующих общественные отношения [4].

Таким образом, можно выделить следующие составляющие правосознания, подчеркивающие его непосредственную связь с личностью и определяющие правовое поведение человека:

- интеллектуально-познавательная сфера (правовые знания, понятия, компетенции);
- нравственно-ценностная сфера (ценности, личностные смыслы, как регуляторы поведения);
- эмоционально-волевая сфера (оценивание и направление правового поведения, мотивация).

В.Л. Васильев отмечает психологический механизм формирования правопослушного поведения и зависимость между дефектами индивидуального правосознания и противоправным поведением [5].

Современные ученые выделяют виды деформации правосознания: правовой идеализм, правовой дилетантизм, правовой нигилизм и правовой инфантилизм. Первых три вида деформации правосознания, начиная от превозношения права, далее небрежного отношения к праву, и в итоге, полнейшему отрицанию любых ценностей права, характеризуются наличием сформированной позиции в отношении права. Что касается правового инфантилизма, то этот вид деформации правосознания характеризуется не только неинформированностью в правовой области, но также и несформированностью правосознания как такового, несформированностью какой-либо личной позиции по отношению к праву. Такая деформация правосознания присуща подросткам и молодым людям.

Для анализа причин деформации правосознания в молодежной среде, остановимся на рассмотрении проблемы правового инфантилизма.

Одной из актуальных проблем современного общества является социальный инфантилизм в молодежной среде, который проявляется через несоответствие социально-культурного и биологического процессов взросления личности. Социальный инфантилизм является следствием нарушенного процесса социализации и может быть связан с непринятием молодыми людьми новых обязанностей и обязательств, связанных с процессом взросления.

Инфантилизм личности, наличие дефектов правосознания являются фактором девиантного, противоправного поведения. Возвращаясь к составляющим правосознания, рассмотренным выше, остановимся на основных характеристиках инфантильной личности, их взаимосвязи и взаимообусловленности с дефектами правосознания:

1) Интеллектуально-познавательная сфера в контексте права характеризуется несформированностью основных правовых понятий, отсутствием правовых знаний;

2) Нравственно-ценностная сфера инфантильных личностей характеризуется преобладанием иждивенческих, паразитических установок, материальных ценностей, нежеланием брать на себя ответственность, невысокий уровень притязаний и потребности в достижениях, неразвитостью процесса личностного и профессионального самоопределения, отсутствием интереса к труду, выбору профессии.

Ценности, как часть личного сознания человека, являются основой формирования и сохранения в сознании лю-

дей установок, которые помогают индивиду занять определенную позицию, выразить свою точку зрения, дать оценку. Ценности лежат в основе мотивов деятельности и поведения поскольку ориентация человека в мире и стремление к достижению определенных целей неизбежно соотносятся с ценностями, вошедшими в его личностную структуру[6].

3) Эмоционально-волевая сфера характеризуется своей незрелостью, неспособностью к целенаправленному волевому усилию, неразвитый самоконтроль, рефлексия деятельности и поведения. Низкий уровень саморегуляции, импульсивный, взрывчатый характер, приводит к психической неустойчивости, недостаточному контролю над эмоциями. Инфантильные личности образуют «зону риска» людей с отклоняющимся поведением.

Например, подсудимый В. родился в социально неблагополучной семье, в раннем развитии отставал от сверстников, в школу пошел только в 11 лет. По словам классного руководителя В. был очень агрессивным ребенком, часто избивал других детей, его исключили из первого класса школы за нападение с ножом на одноклассника, на которого В. набросился из-за того, что ему показалось, что одноклассники во время перемены смеялись над ним¹.

Именно негативные эмоциональные состояния, когда механизмы волевой саморегуляции не сформированы, зачастую становятся причиной противоправных действий.

Эмоциональные состояния могут отрицательно влиять на критическое осмысление сложившейся ситуации, лишая участника правоотношений возможности обдумать ситуацию и сознательно принять решение; связаны с когнитивной сферой и могут приводить к расстройствам познавательных процессов, что выражается в искажении восприятия, нарушении мышления, памяти, дезориентации; приводит к сильному психическому напряжению и изменению в работе психофизиологических систем организма человека; дестабилизируют психическую деятельность человека, влияют на когнитивную сферу, что проявляется в когнитивной ограниченности (человек не видит другие способы достижения цели, использует противоправные способы) и т.д.

Уровень развития эмоционально-волевой сферы определяет сформированность правосознания. Благодаря механизмам эмоционально-волевой саморегуляции происходит оценивание, задается направление правового поведения, проявляется законопослушная мотивация.

Значительную роль в антисоциальном поведении личности играет противоправная мотивация и деформация правосознания. На наш взгляд, эти компоненты взаимосвязаны и взаимообусловлены. Сформированная противоправная мотивация предполагает деформацию правосознания. Также, как и деформация правосознания предполагает проявление противоправной мотивации.

У инфантильного человека слабо развита мотивационная сфера, проявляется несформированность иерархии, соподчиненности мотивов, преобладает мотив удовольствия. У социально незрелой личности преобладают мотивы, продиктованные существующей обстановкой, «здесь и сейчас», имеющие для личности доминирующее значение в настоящий момент времени. Также может проявляться немотиви-

рованность поведения, непоследовательность мышления и «сумятица» в мыслях. Не развито прогнозирование последствий поступков. Проявляющиеся мотивы гедонизма связаны с установкой на паразитическое существование. Борьба мотивов между «хочу» и «надо» у инфантильных личностей заканчивается победой «хочу».

Снятие с себя ответственности инфантильной личности может происходить при помощи механизмов психологической защиты, эти механизмы снижают, нейтрализуют или совсем снимают барьеры нравственно-правового контроля при нарушении уголовно-правовых запретов. Эти защитные механизмы также подготавливают и побуждают к преступному поведению, а затем оправдывают его. Подвергшись негативным санкциям или опасаясь их, личность избирает путь устранения неблагоприятных последствий своего поведения, несовпадающего с общепринятой нормой, нейтрализуя социально-правовой контроль с помощью включения защитных механизмов, таких как перцептивная защита, отрицание, вытеснение, рационализация, проекция и др. Мотивы самооправдания могут проявляться в отрицании ответственности, приписывании себе роли жертвы; отрицании ущерба; отрицании жертвы; осуждении судей и др.

У инфантильных личностей, в соответствии с их особенностями, могут проявляться и бессознательные мотивы при совершении преступления. В психоаналитических исследованиях описаны следующие бессознательные мотивы: желания, требующие немедленного удовлетворения; переживание бессильного гнева, отчаяния, агрессии, требующей разрядки; обида, требующая мщения и др. [7].

Говоря о таком виде деформации правосознания как правовой инфантилизм, необходимо отметить, что причинами формирования данного вида деформации могут быть связаны со взрослением, формированием личности молодого человека. Но и также, причиной может быть психический инфантилизм, который связан с задержкой развития лобных долей головного мозга. В этом случае, по мнению В.В. Ковалева, у ребенка задерживается формирование понимания норм поведения и общения, способности верно оценивать ситуации, предвидеть развитие событий, поведение не соответствует возрастным требованиям к нему. Еще одной из причин психического инфантилизма является дисгармоничный стиль воспитания в семье, который культивирует в ребенке черты инфантильности. Все вышеуказанные причины могут привести к дефектам правосознания, формированию такого вида деформации правосознания как правовой инфантилизм [8].

В «Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168)» большое внимание уделяется формированию правосознания и правовой грамотности подрастающего поколения посредством правового просвещения, правового информирования, правового образования и правового воспитания подрастающего поколения.

Сформированное правосознание позволяет молодым людям анализировать ситуации, происходящие в обществе, связанные с противоправным поведением, делать выводы, прогнозировать последствия.

После произошедшей ситуации в гимназии г. Казани среди студентов 1 курса ВУЗа был проведен опрос (в опросе

¹ Из материалов уголовного дела № 1-143/2012 / Архив Иркутского районного суда Иркутской области. 2013 г.

приняло участие 40 человек), целью которого было выявить отношение студентов к произошедшей ситуации, способность анализировать юридические факты, делать обобщения и заключения.

Основной причиной совершения данного преступления, по мнению большинства студентов (90 %), являются проблемы с психикой преступника, ее неуравновешенность и неустойчивость. 50 % студентов отмечают роль негативных эмоций (обида, месть), которые могли привести к совершению жестокого преступления. То есть в большей степени, по мнению студентов деформирована эмоционально-волевая сфера преступника и это связано с психическими болезнями, нравственно-ценностные регуляторы поведения отмечаются только 10 % студентов. Также отмечаются студентами особенности личности, в качестве причин совершения преступления, как агрессивность, замкнутость, чувство отвергнутости, отчужденности.

Одну из основных причин совершения преступления студенты связывают с социальным окружением, прежде всего – проблемы отношений в семье, недостаточный родительский контроль, недолюбленность, насилие в семье (40% респондентов), проблемы в отношениях с учителями и сверстниками (травля со стороны сверстников) - 30 %. 25 % студентов считают, что молодой человек, совершивший преступление, попал под негативное влияние людей, «связался с террористами», ему была навязана идеология («считал себя богом»). 20 % респондентов отмечают влияние СМИ, интернета, социальных сетей.

То есть по мнению большинства респондентов проблемы противоправного поведения связаны с деформацией правосознания в эмоционально-волевой, нравственно-духовной сферах личности. Что же касается когнитивной сферы, связанной в большей степени с правовыми знаниями, правовыми компетенциями и смыслами, важностью применения правовых знаний, недостаточной правовой социализацией, то на проблемы в этой области указывают только 10 % студентов.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о специфике возрастных, психологических, психофизиологических, социальных особенностей молодого поколения, учетом этих особенностей в судебно-следственной практике; об актуальности правового образования, правового просвещения, правового информирования и правового воспитания среди молодежи, поиска и применения эффективных средств и технологий в области процессов правовой социализации подрастающего поколения, формирования правосознания.

Данные процессы должны быть направлены как на формирование правовой культуры, механизмов эмоционально-волевой регуляции поведения, духовно-нравственных основ личности, образование свойств правосознания, обеспечивающих правомерное поведение, формирование и укрепление позиции личности на законопослушный образ жизни, с учетом индивидуальных, возрастных, психологических и психолого-физиологических механизмов деформации правосознания, формированию готовности личности к правомерному решению жизненных проблем.

Пристатейный библиографический список

1. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: Учебное пособие. - СПб.: Питер, 2011. - 532 с.- (Серия «Учебное пособие»).
2. Сляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения. - СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. - 326 с.
3. Кочетков, И. Г. Современная психологическая концепция личности (правосознание и психология) // Теория права и межгосударственных отношений. - 2015. - № 1 (1). - С. 110-119.
4. Ильянкova Е.И. Современное состояние исследования правосознания личности в Отечественной психологии // Современная психология и педагогика: проблемы и решения: сборник статей по материалам XVIII международной научно-практической конференции, Новосибирск, 23 января – 03 2019 года. - Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2019. - С. 88-92.
5. Васильев В.Л. Юридическая психология. Учебник. - М., 1991.
6. Жесткова Н.А. Методологические подходы к исследованию социальной зрелости и социального инфантилизма личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. - 2013. - № 2 (14). - С. 128-136.
7. Кутер П. Современный психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов (Серия Современная психология: теория и практика психоанализа) // ИОИ. - 2020. - 342 с.
8. Ковалев В. В. Психиатрия детского возраста: (Руководство для врачей). - М.: Медицина, 1979.

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

КОШЕЛЮК Богдан Евгеньевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИНФОРМАЦИОННО-ДУХОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В данной статье рассматриваются объективные предпосылки возникновения информационного общества и его дальнейшего неизбежного становления и развития. В исследовании анализируются актуальные проблемы, с которыми сталкивается общество и государство при появлении цифровых технологий онлайн сервисов и электронных платформ. Одной из самых больших проблем при переходе к информационному обществу является деградация личности, которая связана с пассивным поглощением контента и не умением анализировать информацию, проходящую через сознание человека, а в особенности это касается представителей подрастающего поколения и молодежи. Разбираются механизмы отрицательного влияния на население информационного потока и его последствия.

Ключевые слова: информационное общество, технические устройства, онлайн сервисы, информационные технологии, цифровые технологии, киберпространство, средства массовой информации, масс медиа, цифровые образовательные платформы, программное обеспечение.

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

KOSHELYUK Bogdan Evgenjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

INFORMATIONAL AND SPIRITUAL PROBLEMS IN MODERN SOCIETY

This article examines the objective prerequisites for the emergence of the information society and its further inevitable formation and development. The study analyzes the current problems faced by society and the state with the emergence of digital technologies for online services and electronic platforms. One of the biggest problems in the transition to an information society is personality degradation, which is associated with passive absorption of content and the inability to analyze information passing through a person's consciousness, and this is especially true of the younger generation and youth. The mechanisms of the negative influence of the information flow on the population and its consequences are analyzed.

Keywords: information society, technical devices, online services, Information Technology, digital technologies, Cyberspace, mass media, mass media, digital educational platforms, software.

Развитие цифровых технологий является неотъемлемой частью общества XXI века. Быстрое появление и развитие информационной сферы активно способствует появлению, так называемого, информационного общества. Для более детального раскрытия темы данного исследования необходимо сформулировать общее представление о том, что подразумевается под информационным обществом. Большинство ученых сводятся к тому, что основными признаками такого общества будет являться повышение роли информации и скорости ее передачи в жизнедеятельности населения, увеличения доли услуг в экономики, а также как минимум половина населения занято именно в сфере предоставления услуг, а как мак-

симум до 75 – 80 процентов. Резюмируя вышесказанное можно сказать, что исследователи называют информационное общество новым типом демократического общества, фундаментом которого является реальная свобода информации, которая может быть обеспечена со временем прогрессивными технологиями в сфере коммуникаций [1].

Также необходимо отметить, что имеется и законодательное закрепление понятия информационного общества. Так в соответствии с Указом Президента России от 9 мая 2017 года № 203 о «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» (далее – стратегия) под информационным обще-

Ивлиев П. В.

Кошелюк Б. Е.

ством понимается общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан [2].

Развитие цифровых технологий и как следствие формирование информационной сферы обществом воспринимается как безусловное движение вперед, то есть ассоциируется с прогрессом. И спорить с этим очень сложно, ведь появление огромного количества онлайн сервисов, всевозможных цифровых образовательных платформ, электронных платежных систем и многого другого облегчает повседневную жизнь человека. Но в месте с тем информационное общество содержит в себе большое количество проблем, которых необходимо оперативно и качественно решать. Рассмотрим данные отрицательные стороны информационного общества более подробно.

Так, первой такой проблемой является неравномерное использование информационных технологий. Эта очень актуальное затруднение для современной России, где существует достаточно развитая столичная среда с высокими доходами у населения, которые вполне себе могут позволить использовать весь арсенал информационных технологий посредством разного рода технических устройств. При этом существует очень большой технологический разрыв, если сравнивать с отдаленными от столицы населенными пунктами, где качественный и полнофункциональный выход в сеть интернет сильно затруднен. Все это создает не только не равенство как таковое в обществе, но и самое главное создает ограничения в развитие общества в целом. Недостаточно развитая информационная инфраструктура не позволяет во многом населению реализовывать свой генетически обусловленный потенциал. По данным Росстата на данный момент практически треть населения не обладает выходом в интернет. Это связано в большинстве своем с отсутствием необходимых для этого денежных средств или иными причинами. Исходя из этого граждане в маленьких населенных пунктах, по сути, отрезаны от перспективных возможностей личностного роста и развития. Это неизбежно приводит к тому, что государство не может получить необходимое количество кадров, что безусловно снижает объем валового национального продукта. При этом необходимо отметить, что одним из принципов стратегии является обеспечение прав граждан на доступ к информации.

Следующей проблемой, с которой сталкивается государство и население при переходе к информационному обществу, является правовое регулирование. Дело в том, что цифровые технологии открывают доступ к разного рода услугам. Это конечно и онлайн образование, торговля через всевозможные электронные платформы, поиск сведений и многое другое. Рост количества услуг, предоставляемых электронным образом, способно спровоцировать появление различных правовых проблем. К ним смело можно отнести проблему распространения запрещенных материалов, ведь именно киберпространство создает плодородную почву для мошенников, которые чувствуют себя как рыба в воде на бескрайних просторах интернета. Чувство безнаказанности и желание быстрой наживы создает ту гремучую смесь, которая порождает такого рода правонарушителей в больших количествах. А

в условиях рыночной экономики, где материальная выгода ценится во многом превыше всего, а для виртуальных мошенников и тем более, правовое урегулирование данной сферы носит более чем актуальный характер. Также необходимо отметить и проблему нарушения авторских прав и многое другое.

Ещё одной не маловажной проблемой перехода к постиндустриальному обществу является трудности, с которыми сталкивается личность. Так, например во многом происходит унификация сознания общественных масс. Граждане используют, по сути, однотипные информационные продукты. Особенно этому подвержена молодежь. В молодёжной среде наблюдается бездумное, «всеядное» поглощение информации, поступающей из информационного потока [3]. Все это может привести к нарушению формирования индивидуальности, а также происходит потеря национальной идентичности, деградация языка и многое другое. При этом необходимо понимать, что государства с более развитой политической системой и более мощной экономикой способны подрывать независимость страны, через ориентирование населения на свой уклад жизни и замыкая граждан на свою более развитую экономическую модель. Молодое поколение, не в полной мере понимающее как устроены манипуляционные механизмы, направляющие молодежь на поиск «сладкой жизни», транслируемой через средства массовой информации, являются заложниками происходящих процессов. Кибер пространство формирует сложно различимую иллюзию, создавая разного рода психологические проблемы у несформировавшихся личностей. Создавая свой микромир в виртуальном пространстве люди могут потерять способность осознанно воспринимать окружающую действительность. Информация, которую мы впитываем с экранов различных масс медиа, не редко носит манипуляционный характер.

Также надо сказать, что малоподвижный образ жизни, который является сопутствующим и во многом неизбежным элементом, не способствует физическому развитию, а с учетом того, что молодежь ориентирована во многом на развлекательный контент, то и духовному развитию тоже. Это отрицательным образом сказывается как на интеллектуальных способностях индивида и общества, а так и на здоровье.

Ещё одной немаловажной проблемой, с которой общество сталкивается в информационную эпоху, является потенциальная опасность несанкционированного использования разного рода электронных данных и уничтожения всевозможных систем управления. Это конечно же в первую очередь касается систем управления армией, флотом, да и вообще страной в целом со всей государственной инфраструктурой в частности. Например, ряд государственных промышленных предприятий до сих пор использует зарубежное программное обеспечение, которое поддерживается также иностранными государствами. Так вот в случае обострения отношений России с государствами, являющимися разработчиками такого рода программ, есть возможность отключения нашего государства от этого «софта», что неизбежно может привести к серьезнейшим проблемам в экономике страны. Использование информационных методов ведения войны

можно смело сравнивать с оружием массового поражения по своим разрушительным для общества масштабам.

Из предыдущей проблемы прямо вытекает и следующая, касаемая конкуренции среди производителей разного рода компьютерных технологий. Это проблематика во многом носит политический характер. Решить данную проблему посредством правовых способов достаточно тяжело, так как здесь противостояние идет между разными государствами. И каждая страна всеми правдами и неправдами пытается сохранить свое доминирование на рынках цифровых технологий других государств. Так, например, в России используется компьютерное обеспечение иностранных государств. И при этом надо понимать, что отечественные пользователи уже давно привыкли к этому и смена зарубежных технологий на отечественные аналоги приведет не только к крупным финансовым потерям государства, связанным с разработкой отечественного компьютерного обеспечения, и недовольству граждан, но и к разрушению экономических связей со многими государствами, так как у них вся деятельность также зиждется на «софте» государств, специализирующихся на этом.

Также часто распространенной проблематикой, которая непосредственно касается граждан, является активное распространение киберпреступности, которая чувствует себя как рыба в воде в виртуальном пространстве. Массовое использование всевозможных гаджетов и иных технических устройств ведёт к появлению преступлений, которые общество не знало ещё три десятилетия назад. Это конечно же взломы всевозможных баз данных, запуск вредоносных вирусов с целью получения информации или денежных средств, мошенничество в сфере пластиковых карт, кибератаки на крупных юридических лиц. При чем самая главная опасность заключается в том, что многие виртуальные преступники находятся на территории иностранных государств, что самым серьезнейшим образом влияет на необходимость предупреждения виртуальных преступлений.

Также необходимо отметить проблему защиты частной жизни граждан от несанкционированного вмешательства со стороны третьих лиц. В современном информационном обществе защищать личное пространство стало гораздо сложнее. Цифровые технологии предоставляют возможность любую систему превратить в прозрачную. Используя телефон или планшет, население редко задумывается, о том, что информация может легко стать доступной третьим лицам. Также необходимо понимать, что в больших массивах содержатся сведения, представляющие персональную, так скажем, конфиденциальную информацию. Все это создает дополнительные угрозы для частной жизни граждан.

Перечисляя отрицательные моменты, которые неизбежно несет в себе цифровизация, ни в коем случае нельзя обесценивать те безусловные положительные возможности, которые несет в себе всеобъемлющая цифровизация для общества. Грамотное использование цифровых технологий позволит, в частности, более эффективно бороться с преступлениями, которые, например, в XX веке представляли особую сложность для представителей правоохранительных структур, также появляется большое количество возможностей, например онлайн образо-

вание, предоставление разного рода услуг, предоставляемых электронным образом и многое другого. Но для всего этого обществу необходимо научиться быстро анализировать информацию и освоить технические средства.

Подводя итог всему вышесказанному, можно смело утверждать, что переход в информационное общество является неизбежным и, к превеликому сожалению, содержит в себе большое количество трудностей и проблем. Всевозможные способы пропаганды, провокационные рекламные кампании, заведомо искаженная информация и многое другое, способно деформировать мировоззрение народонаселения, перекодировав его истинные нравственные ценности, и направив его по ложным ориентирам. Необходимо отметить, что средства массовой информации, будучи четвертой ветвью власти, обладают настолько мощным информационным воздействием, что имеют все возможности для «зомбирования» населения.

Пристатейный библиографический список

1. Шагинов Б. А. Подходы к определению информационного общества в отечественной доктрине, правовая сущность информационного общества // Право и государство: теория практика. – 2020 – № 9 (189). – С. 105-107.
2. Указ Президента России от 9 мая 2017 года № 203 о «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы».
3. Ивлиев П. В., Кошелюк Б. Е. Влияние СМИ на молодёжь с целью формирования ЗОЖ: актуальные проблемы и пути решения // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 5 (156). – С. 170-171.

ГОРОВЕНКО Сергей Викторович

кандидат юридических наук, Тюменского государственного медицинского университета Минздрава России

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В НЕДОБРОВОЛЬНОМ ПОРЯДКЕ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СТРАДАЮЩИХ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИМИ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ*

Российское законодательство в сфере охраны здоровья устанавливает необходимость наличия согласия гражданина на оказание ему медицинской помощи. При этом медицинское вмешательство без согласия гражданина допускается, в том числе, в отношении лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих. Принудительное оказание медицинской помощи сопряжено с существенным нарушением основных прав и свобод гражданина, что предполагает наличие судебного контроля за осуществлением анализируемого воздействия. Действующее процессуальное законодательство предусматривает возможность госпитализации гражданина в недобровольном порядке в случае, если он болен туберкулезом либо страдает тяжелым психическим расстройством. Иные заболевания, входящие в перечень, предусмотренный Постановлением Правительства РФ от 01.12.2004 № 715, не являются основанием для обращения в суд в целях принудительной госпитализации гражданина. Это свидетельствует о пробелах в правовом регулировании обеспечения системы противодействия заболеваниям, представляющим опасность для окружающих. Существующая судебная практика исходит из возможности применения процессуальных норм по аналогии в ситуации, когда гражданин болен коронавирусной инфекцией, что также свидетельствует о дефектах правового регулирования данной процедуры.

Ключевые слова: принудительная госпитализация, административное судопроизводство.

GOROVENKO Sergey Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor of the Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of Russia

PROBLEMS OF LEGAL SUPPORT OF THE PROCEDURE FOR PROVIDING MEDICAL CARE IN AN INVOLUNTARY MANNER IN RELATION TO PERSONS SUFFERING FROM DISEASES THAT POSE A DANGER TO OTHERS

Russian legislation in the field of health protection establishes the need for a citizen's consent to provide him with medical care. At the same time, medical intervention without the consent of a citizen is allowed, including in relation to persons suffering from diseases that pose a danger to others. Compulsory medical care is associated with a significant violation of the fundamental rights and freedoms of a citizen, which implies the existence of judicial control of the procedure for the implementation of the analyzed impact. The current procedural legislation provides for the possibility of hospitalization of a citizen on a non-voluntary basis, if he is ill with tuberculosis or suffers from a severe mental disorder. Other diseases included in the list provided for by the Decree of the Government of the Russian Federation dated 01.12.2004 № 715 are not grounds for applying to the court for the purpose of compulsory hospitalization of a citizen. This indicates gaps in the legal regulation of the legal support of the system of combating diseases that pose a danger to others. The existing judicial practice proceeds from the possibility of applying procedural norms by analogy in a situation when a citizen is sick with a coronavirus infection, which also indicates defects in the legal regulation of this procedure.

Keywords: compulsory hospitalization, administrative proceedings.

Действующее российское законодательство устанавливает необходимость наличия согласия гражданина на оказание ему медицинской помощи. При этом медицинское вмешательство без согласия гражданина допускается, в том числе, в отношении лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих (п. 2 ч. 9 ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ)). Постановлением Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 утвержден перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих.

Согласно части 1 статьи 33 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее – Федеральный закон № 52-ФЗ), больные инфекционными заболеваниями,

лица с подозрением на такие заболевания и контактировавшие с больными инфекционными заболеваниями лица, а также лица, являющиеся носителями возбудителей инфекционных болезней, подлежат лабораторному обследованию и медицинскому наблюдению или лечению и в случае, если они представляют опасность для окружающих, обязательной госпитализации или изоляции в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Процессуальный порядок реализации такой возможности регламентируется Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), но только в отношении госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке (глава 31 КАС РФ). В этой связи возникает закономерный вопрос – какой процессуальный порядок должен применяться в отношении гражданина, страдающего иным заболеванием, включенным в указанный перечень, например, коронавирусной инфекцией (2019-nCoV)? Для ответа на данный вопрос постараемся разобраться с правовой природой «принудительного медицинского вмешательства».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-411-720006 «Разработка системы стратегического планирования и развития регионального законодательства по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия Тюменской области».

КАС РФ предусматривает возможность госпитализации гражданина в недобровольном порядке, в случае если он болен туберкулезом либо страдает тяжелым психическим расстройством (глава 30 КАС РФ). Таким образом, госпитализация означает помещение гражданина в медицинское учреждение для проведения излечения в стационарных условиях.

Главные государственные санитарные врачи в соответствии со статьей 51 Федерального закона № 52-ФЗ наделены полномочиями при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, выносить мотивированные постановления о:

- госпитализации для обследования или об изоляции больных инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, и лиц с подозрением на такие заболевания;

- проведении обязательного медицинского осмотра, госпитализации или об изоляции граждан, находившихся в контакте с больными инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих.

При этом логично было бы предположить, что такое полномочие может быть реализовано в ситуации распространения инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих.

Таким образом, действующим законодательством установлен судебный и административный порядок принудительной госпитализации больных инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих.

Также необходимо обратить внимание на тот факт, что госпитализация в недобровольном порядке не означает принудительное применение методов лечения заболеваний. Иное означало бы возможность применения обращения, унижающего достоинство человека. Следовательно, принудительная госпитализация представляет собой, в рамках действующего законодательства, форму ограничения личной свободы человека. Данный вывод согласуется с положениями подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а именно: никто не может быть лишен свободы иначе как, в том числе, в случае законного заключения под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законного заключения под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг. Конвенция не указывает на необходимость именно судебного решения о «заключении под стражу» указанной категории лиц. Однако статья 22 Конституции РФ устанавливает, что заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

В этой связи можно сделать вывод о возможности применения принудительной госпитализации граждан, страдающих опасными для окружающих заболеваниями, как меры чрезвычайного характера на срок до 48 часов, по истечении которых, при отсутствии добровольного согласия гражданина на применение медицинского вмешательства, суд принимает решение о необходимости принудительной госпитализации на более длительный срок.

Обозначенная проблематика, в том числе требует переработки отдельных процессуальных положений, на примере главы 31 КАС РФ, как наиболее подходящей к рассматрива-

емой проблематике¹. К таковым можно отнести следующие положения.

Во-первых, это установленный альтернативный вариант подачи административного искового заявления. Согласно части 2 статьи 281 КАС РФ, правом на подачу искового заявления обладают руководитель медицинской организации либо прокурор.

Согласно разъяснениям Верховного суда РФ, выраженным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 50 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке» (далее – Постановление Пленума ВС № 50), перечень лиц был расширен путем указания на главных государственных санитарных врачей и их заместителей (п. 4). В соответствии с п. 9.3 Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека главные государственные санитарные врачи по субъектам РФ являются руководителями территориальных органов Роспотребнадзора.

Таким образом, в обозначенном перечне главные государственные санитарные врачи (их заместители), прокуроры являются должностными лицами, наделенными, на наш взгляд, обязанностями по обращению с административным иском заявлением по рассматриваемой категории дел в отличие от руководителя медицинской организации, который наделен правом.

Отдельными авторами отмечалось, что «заявитель – медицинский стационар в лице своего представителя – должностного лица заинтересован в защите публичного (государственного и общественного) интереса» [3, с. 37], который выражен в защите общества от распространения инфекционных заболеваний, так как «обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения – публично – правовая обязанность, установленная необходимостью реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду» [2, с. 66].

Основная функция медицинской организации, исходя из основных понятий, закрепленных в Федеральном законе № 323-ФЗ, заключается в оказании медицинской помощи как совокупности медицинских услуг, а не в защите общественного интереса. Следовательно, является неоправданным предоставление правомочий по подаче административного искового заявления медицинским работникам, на которых не возложены функции по охране законности и правопорядка в сфере санитарного благополучия населения. В этой связи представляется возможным предложение по ограничению круга субъектов, уполномоченных на подачу искового заявления, до главных санитарных врачей (их заместителей) с обязательным извещением органов прокуратуры о факте подачи такого заявления.

Во-вторых, это сроки рассмотрения административного искового заявления. Установленный частью 2 статьи 283 КАС РФ срок рассмотрения административного дела в течение

¹ Здесь следует отметить, что существующая судебная практика исходит из возможности применения данной главы по аналогии для рассмотрения дел, связанных с принудительной госпитализацией граждан, заболевших коронавирусной инфекцией. См., например, Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2021 № 88а-1087/2021 по делу № 2а-2309/2020; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07.10.2020 № 88а-15710/2020 по делу № 2а-271/2020.

пяти дней отвечает реалиям таких дел, но не учитывает ситуацию реализации главным государственным санитарным врачом своего полномочия по госпитализации гражданина в медицинскую организацию в недобровольном порядке в соответствии со статьей 51 Федерального закона № 52-ФЗ. Представляется вполне логичным, что в данном случае административное дело должно быть рассмотрено в день подачи административного искового заявления.

В-третьих, это заочный порядок производства, предусмотренный частью 5 статьи 283 КАС РФ. Следует отметить, что данный порядок применяется при неявке в судебное заседание лиц, участвующих в деле, их представителей, надлежащим образом извещенных о времени и месте судебного заседания.

В пункте 9 Постановления Пленума ВС № 50 определено, что в целях охраны жизни и здоровья граждан, присутствующих в здании суда, судей и работников аппарата суда судебное заседание по административному делу о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке при наличии технической возможности может проводиться путем использования систем видеоконференц-связи суда и медицинской противотуберкулезной организации либо судом может быть назначено выездное судебное заседание в соответствующей медицинской противотуберкулезной организации, в которой обеспечены условия безопасного нахождения судьи, секретаря судебного заседания и участников судебного разбирательства.

Следует отметить, что Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 утвержден Регламент организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний. Регламентом в основных понятиях определено, что «видео-конференц-связь» (ВКС) – способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеoinформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами. Однако к перечню абонентов медицинские организации в целом и противотуберкулезные организации в частности не отнесены. В этой связи возможны следующие варианты разрешения ситуации:

- 1) формирование судебной практики о признании иных видеосервисов связи как допустимой альтернативы «официальной» ВКС, как минимум для данной категории дел;
- 2) оборудование медицинских организаций «официальной» ВКС, что связано с достаточно серьезными финансовыми затратами для бюджетов всех уровней;
- 3) назначение представителя из числа адвокатского сообщества по аналогии с уголовно-процессуальным законодательством.

При этом подвергание судебных работников и иных возможных участников судебного разбирательства риску заражения путем проведения выездного судебного заседания по месту нахождения заболевшего является неоправданным.

В-четвертых, это переосмысление оснований для принудительной госпитализации граждан. Исходя из положений части 1 статьи 281 КАС РФ госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке подлежит гражданин, неоднократно нарушивший санитарно-противоэпидемический режим либо умышленно уклоняющийся от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза. Официальное толкование данных положений дано в Постановлении Пленума Верхов-

ного Суда РФ № 50. Верховный Суд отметил, что под неоднократным нарушением санитарно-противоэпидемического режима понимается, в частности, двух- и более кратное нарушение обязанностей, установленных статьей 13 Федерального закона «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации». Иными словами, речь идет о нарушении требований федерального закона, прямо сформулированных в отдельных его статьях. При этом нормативная практика противодействия распространению коронавирусной инфекцией показывает, что такие требования устанавливаются актами субъектов РФ.

Умышленное уклонение гражданина с подозрением на туберкулез от прохождения обследования или умышленное уклонение больного туберкулезом от лечения может быть установлено в случае, если в отношении гражданина имеется первичная медицинская информация соответственно о возможном либо имеющемся заболевании туберкулезом и он был предупрежден о необходимости прохождения обследования или дополнительного лечения, но без уважительных причин не прошел соответствующее обследование или лечение (пункт 2 статьи 10, статья 13 Федерального закона «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»).

Детальный разбор данных нормативных положений заслуживает отдельного рассмотрения, особенно с учетом распространения коронавирусной инфекции. Однако уже сейчас можно отметить определенную «странность» таких положений. Если физическое лицо является носителем заболевания, представляющего угрозу для окружающих, то возникает вопрос о целесообразности ожидания неоднократно нарушения им соответствующего режима.

Подводя итог, можно отметить, что глава 31 КАС РФ требует кардинальной переработки путем добавления возможности ее применения в отношении лиц, страдающих заболеваниями, опасными для окружающих, включенных в перечень, предусмотренный Постановлением Правительства РФ от 01.12.2004 № 715.

Пристатейный библиографический список

1. Бурлакова Н. Г. Правовая природа дел о принудительной госпитализации граждан в медицинский стационар // Медицинское право. – 2006. – № 2. – С. 36-40.
2. Гуреева О. А. Принудительное помещение на обследование и госпитализация в порядке административного судопроизводства (правовой аспект) // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10. – № 8-1. – С. 65-72.

АФОВ Алихан Хажмуратович

старший преподаватель кафедры физической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, капитан полиции

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОВД НАВЫКАМ ПРИМЕНЕНИЯ БОЕВЫХ ПРИЕМОВ БОРЬБЫ

Статья посвящена некоторым особенностям применения боевых приемов борьбы сотрудниками ОВД. Формирование навыков применения боевых приемов борьбы осуществляется на учебно-тренировочных занятиях по физической подготовке, которые направлены на развитие психофизической, тактической и технической готовности к успешному несению службы в контексте осуществления самозащиты и насильственного задержания правонарушителей. Осваиваются боевые приемы борьбы путем развития способностей и готовности к их применению в условиях обоюдного противодействия между правонарушителем и сотрудником, которое может перерасти в противостояние. И главным принципом обучения выступает минимальная необходимость и достаточность физического воздействия на правонарушителя. Отсюда, применение боевого приема зачастую связано с риском причинения тяжких телесных повреждений, а в некоторых случаях и с угрозой жизни для сотрудника, поэтому он должен по силе и тактике соответствовать степени противодействия, оказываемого правонарушителем.

Ключевые слова: боевые приемы борьбы, двигательный акт, телесные повреждения, правонарушитель, сопротивление.

AFOV Alikhan Khazhmuratovich

senior lecturer of Physical training sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, captain of police

SOME FEATURES OF TRAINING POLICE OFFICERS IN THE SKILLS OF USING COMBAT FIGHTING TECHNIQUES

The article is devoted to some features of the use of combat techniques of struggle by police officers. The formation of skills in the use of combat techniques of wrestling is carried out at training sessions in physical training, which are aimed at the formation of psychophysical, tactical and technical readiness for successful service in the context of self-defense and forcible detention of offenders. Combat fighting techniques are mastered by developing abilities and readiness for their use in conditions of mutual opposition between the offender and the employee, which can develop into a confrontation. And the main principle of training is the minimum need and sufficiency of physical impact on the offender. Hence, the use of a combat technique is often associated with the risk of causing serious bodily harm, and in some cases with a threat to the life of an employee, therefore, in terms of strength and tactics, it must correspond to the degree of opposition provided by the offender.

Keywords: combat fighting techniques, motor act, bodily injury, offender, resistance.

Физическая подготовка сотрудников ОВД направлена на формирование психофизической, тактической и технической готовности к успешному несению службы в контексте осуществления самозащиты и насильственного задержания правонарушителей при помощи боевых приемов борьбы.

Освоение боевых приемов борьбы состоит в формировании способности и готовности их применения в условиях обоюдного противодействия между правонарушителем и сотрудником, которое может перерасти в противостояние.

Проблема профессиональной подготовки сотрудников ОВД в контексте применения физической силы и боевых приемов борьбы не теряет своей актуальности ввиду ее значимости в ситуациях оперативно-служебной деятельности, для которых характерны экстремальность и непредвидимость последствий. Современные требования к физической подготовленности сотрудников полиции с каждым годом требует всё большей интенсификации процессов обучения и тренировок.

Эффективное применение боевых приемов борьбы сотрудниками ОВД обусловлено структурой приема, а не техническими аспектами его выполнения [1, 4, 5]. Структуру приемов рукопашного боя составляют рукопашные схватки и единоборства с противником. Методику обучения тактическим основам составляют подготовительные

действия, нападение и оборона. При обучении подготовительным действиям у сотрудников полиции формируются умения создавать благоприятные условия для успешного проведения нападения и обороны. Обучение нападению способствует обеспечению победы над противником. В процессе обучения навыкам обороны формируются умения отражения нападения со стороны антиобщественных элементов в сочетании с ответными нападениями на них. При этом, в конкретной схватке сотрудника ОВД с правонарушителем затrudнительно вести «дозированный» бой, особенно в ситуациях угрозы жизни сотруднику со стороны преступника. Однако, по общему правилу, от сотрудников полиции требуется соблюдение адекватного соотношения силы наносимого удара силе оказываемого сопротивления [1, 8, 9], то есть необходимо всегда придерживаться принципа минимальной необходимости и достаточности физического воздействия на правонарушителя.

Важнейшим звеном системы обучения применению боевых приемов борьбы сотрудников ОВД является освоение комбинации.

Тренировочный процесс направлен на такой уровень освоения комбинации, при котором увеличивается скоростно-силовая структура их выполнения. При работе с ассистентом атакующий формирует навыки контроля своих действий и

Афов А. Х..

дистанции, а защищающий – совершенствует технику и навыки реальной защиты.

Для обеспечения разносторонней подготовки сотрудника ОВД в процессе тренировки основной упор делается на совершенствование следующих видов комбинационных техник: рук, ног, рук и ног, бросков, в партере и их сочетание. Совершенствование техники предполагает отработку тактики ведения единоборств в зависимости от индивидуальной подготовки сотрудника полиции [2, 3].

При устойчивом навыке применения боевых приемов борьбы обеспечивается «эффективное задержание и сопровождение правонарушителя, оказывающего силовое сопротивление. Сопровождением правонарушителя является способ его доставки до ближайшего ОВД в обстановке, позволяющей двигаться в полный рост. При этом руки задержанного сковываются наручниками, либо связываются. Кроме того, сопровождение может осуществляться под воздействием болевого приема, который применяется для исключения сопротивления или побега задержанного» [2, 7].

При ведении единоборства с правонарушителем, оказывающим сопротивление, к основным видам тактики относятся наступательная, контратакующая, оборонительная и смешанная.

Для наступательной тактики характерна высокая активность в схватке, захват инициативы, физическое изматывание противника и подавление его воли. Применение контратакующей тактики обусловлено использованием благоприятных моментов в ходе атакующих действий противника, а также ретракцией ранее запланированных двигательных актов. Целью оборонительной тактики являются защитные действия, без проявления активности в схватке. Оборонительную тактику применяют для восстановления сил, а также в случаях, когда необходимо выиграть время. В данном случае к противнику применяются атакующие действия в случае допущения им явной ошибки. В отношении смешанной тактики следует отметить ее направленность на умелое сочетание трех предыдущих и эффективность ее применения напрямую зависит от физической подготовленности сотрудника ОВД [4, 7, 8].

Успеху силового задержания правонарушителя способствует неожиданное проведение боевого приема борьбы в адрес правонарушителя, чтобы застать его врасплох путем применения серии расслабляющих ударов, бросков, болевых или удушающих приемов. Задержание правонарушителя является одним из простых и безболезненных приемов, отличающихся высокой эффективностью, поскольку позволяет полностью контролировать задержанного, используя болевые ощущения. Следует помнить, что освоение боевых приемов борьбы и тактических особенностей их применения должно быть построено на избрании правильного варианта силового воздействия на правонарушителя, применение которого должно быть оправданным в складывающейся оперативной обстановке и соответствовать принципу законности и правомерности применения физической силы. Вместе с тем, применение боевого приема зачастую связано с риском причинения тяжелых телесных повреждений, а в некоторых случаях и с угрозой жизни для человека, поэтому он должен по силе и тактике соответствовать степени противодействия, оказываемого правонарушителем [5, 9].

На основании собственного педагогического опыта хотим отметить, что не все боевые приемы борьбы, представленные в Наставлении по организации физической подготовки в органах внутренних дел РФ, успешно осваиваются и применяются в экстремальных ситуациях. Поэтому при организации учебно-тренировочного процесса перечень приемов оптимизируется с учетом особенностей их применения в реальных ситуациях служебной деятельности. При этом, основной упор делается на простых и универсальных приемах, применение которых наиболее эффективно. Успешному решению задач силового пресечения противоправных действий способствует уверенное владение 4 – 8 приемами и

их комбинацией. К таким приемам относятся захваты, блоки, защита и броски.

Следует принимать во внимание, что сотрудники ОВД зачастую проигрывают в технической и физической подготовке преступникам, поэтому при обеспечении личной безопасности необходимо в схватке проявлять находчивость и быстроту реакции. Решение данной задачи лежит в плоскости использования специальной тренировки, организованной в условиях, приближенных к реальным ситуациям служебной деятельности (моделирование ситуации) [3, 8, 9].

Таким образом, в перечень боевых приемов борьбы, способствующих задержанию правонарушителя, следует включить: атакующие и защитные действия; выполнение захватов и освобождение от них; удары руками, ногами, головой и их комбинации; болевые приемы (загиб руки, скручивание руки внутрь или наружу, дожим кисти); приведение противника в положение лежа, надевание наручников, наружный досмотр, сопровождение; бросковая техника; защита от ударов; действие с напарником или в составе группы.

В заключение отметим, что важнейшей задачей освоения боевых приемов борьбы и тактических особенностей их применения является осуществление правильного выбора варианта силового воздействия на правонарушителя. Применение избранного алгоритма действий должно быть оправданным в складывающейся оперативной обстановке и соответствовать принципу законности и правомерности применения физической силы. Вместе с тем, применяемый прием должен по силе и тактике соответствовать степени противодействия, оказываемого правонарушителем. Эта особенность играет важную роль при морально-волевой оценке действий сотрудников ОВД.

Пристатейный библиографический список

1. Баркалов С. Н., Струганов С. М. Боевые приемы борьбы: общие принципы построения комбинаций и тактические особенности их применения // Наука-2020. – 2019. – № 6 (31). – С. 56-64.
2. Бештоев Р. О. Обучение техническим основам применения боевых приемов борьбы на занятиях по физической подготовке // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 1. – С. 138-140.
3. Доттуев Т. И. Методика построения тренировочного процесса при обучении сотрудников ОВД России боевым приемам борьбы // Образование. Наука. Научные кадры. – 2019. – № 1. – С. 151-153.
4. Кануков А. М. Боевые приёмы борьбы как наиболее важный раздел физической подготовки сотрудников ОВД // Наука и спорт: современные тенденции. – 2018. – Т. 20. № 3 (20). – С. 104-108.
5. Кодзиков А. Х. Направленность физической подготовки сотрудников органов внутренних дел // Образование. Наука. Научные кадры. – 2019. – № 3. – С. 146-148.
6. Мешев И. Х. Правовые аспекты применения физической силы сотрудниками полиции // Журнал прикладных исследований. – 2021. – Т. 3. № 3. – С. 79-83.
7. Настуев Э. Б. Совершенствование технических и тактических основ болевых приёмов борьбы слушателей образовательных организаций МВД России // Культура физическая и здоровье. – 2019. – № 2 (70). – С. 48-49.
8. Тхазеплов Р. А. Формирование навыков применения боевых приемов борьбы у слушателей образовательных организаций МВД России // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 2. – С. 274-276.
9. Хажироков В. А. Формирование практических навыков применения боевых приемов борьбы на занятиях по физической подготовке // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 1. – С. 224-226.

МУЗАФИН Руслан Раянович

доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

НИКИФОРОВ Павел Васильевич

старший преподаватель кафедры огневой и технической подготовки Барнаульского юридического института МВД России

ШИПОВ Олег Викторович

старший преподаватель кафедры техносферной безопасности Государственного аграрного университета Северного Зауралья

УПРАВЛЕНИЕ СТРЕССОМ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТРЕЛЬБЕ

В статье рассматриваются влияние стресса на обучение стрельбе из боевого оружия, управление психическим состоянием на практических занятиях и контрольных стрельбах по огневой подготовке для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, сотрудник полиции, огневая подготовка, стрельба из пистолета, психологическая подготовка.

MUZAFIN Ruslan Raynovich

associate professor of Fire and tactical and special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of MIA of Russia

NIKIFOROV Pavel Vasiljevich

senior lecturer of Fire and tactical and special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of MIA of Russia

SHIPOV Oleg Viktorovich

senior lecturer of Technosphere security sub-faculty of the State Agrarian University of the Northern Urals

STRESS MANAGEMENT DURING SHOOTING TRAINING

The article examines the impact of stress on the training of shooting from military weapons, mental state management in practical classes and control firing training for cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: firearms, police officer, fire training, pistol shooting, psychological training.

Термин «стресс», относящийся к состоянию человека, впервые появился в научной литературе в 1930-х годах, но в популярное просторечие он вошел только в 1970-х годах. Сегодня мы часто используем этот термин в широком смысле для описания различных состояний неприятных чувств; например, мы часто говорим, что испытываем стресс, когда чувствуем разочарование, гнев, конфликт, подавленность или усталость. Несмотря на широкое использование этого термина, стресс – довольно расплывчатое понятие, которое трудно точно определить. Исследователям было трудно договориться о приемлемом определении стресса. Некоторые концептуализировали стресс как требующее или угрожающее событие или ситуацию (например, напряженная работа, переполненность и длительные поездки на работу). Такие концептуализации известны как определения, основанные на стимулах, поскольку они характеризуют стресс как стимул, вызывающий определенные реакции. Однако определения стресса, основанные на стимулах, проблематичны, поскольку они не учитывают, что люди различаются в том, как они воспринимают и реагируют на сложные жизненные события и ситуации. Например, добросовестный студент, который прилежно учился весь семестр, скорее всего, будет испытывать меньше стресса во время недели выпускных экзаменов, чем менее ответственный, неподготовленный студент. Другие концептуализировали стресс таким образом, чтобы подчеркнуть физиологические реакции, возникающие при столкновении с требовательными или угрожающими ситуациями (например, повышенное возбуждение). Эти концептуализации называются определениями, основанными на реакции, поскольку они описывают стресс как реакцию на условия окружающей среды. Например, эндокринолог Ханс Селье, известный исследователь стресса, однажды определил стресс как «реакцию организма на любое требование, независимо от того, вызвано ли оно приятными или неприятными условиями или приводит к ним». Определение стресса Селье основано на реакции, поскольку оно концептуализирует стресс главным образом в терминах физиологической реакции организма на любое предъявляемое к нему требование. Ни определения, основанные на стимулах, ни определения, основанные на реакции, не дают полного определения стресса. Многие физиологические реакции, возникающие при столкновении с трудными ситуациями (например, учащен-

ное сердцебиение), также могут возникать в ответ на вещи, которые большинство людей не сочли бы по-настоящему стрессовыми, например, получение непредвиденных хороших новостей: неожиданное повышение или выигрыш в лотерею.

Относительно трудной ситуации, стоит ввести речь о таком роде стресса, которые возникают в процессе стрельбы [5, с. 28], а именно, когда сотрудник правоохранительных органов применяет огнестрельное оружие, в случаях, и порядке, предусмотренных федеральным законом. При учебно-практических стрельбах одно из сильных влияний на курсанта и слушателя оказывают эмоции, они, в том числе, вызывают разное состояние, включая внутренний подъем энергии и уверенность своих сил, или наоборот не уверенность своих сил, боязнь, робость. Эмоциональное состояние курсанта условно можно поделить на несколько типов: с одной стороны, это смелость, активность и уверенность, а с другой страх и тревога. Все эмоции, так или иначе, оказывают влияние на курсанта, так как его основная цель – это получение результата, либо достижение победы. Организм, как социальное существо, относится к стрессовым факторам стрельбы по-разному, соответственно и достигают результатов курсанты и слушатели по-разному [2, с. 344].

Обучающиеся при обучении стрельбе из боевого оружия делятся как правило на две категории: курсанты, которые с первых практических занятий по огневой подготовки совершенно уверенно себя чувствуют на учебных стрельбах, не боясь выстрела и нажатия на спусковой крючок, и курсанты, которые даже после объяснения преподавателем правильной подготовки к стрельбе, все равно не попадают в мишень, либо забывают, выйдя на огневой рубеж, как правильно стрелять [4, с. 332]. Таким образом психологическая подготовка курсантов и слушателей является неотъемлемой частью на практических занятиях по огневой подготовке [6, с. 75]. Одна из распространённых проблем является боязнь выстрела, или его ожидание. У большинства курсантов это вызывает огромный стресс, что сказывается на их результате, а также это является большой проблемой при их обучении [1, с. 212]. Проблема тревоги – это узловая проблема, вследствие которой развивается ещё масса причин неудовлетворительной стрельбы. Тревога – это чувство нервозности, беспокойства или беспокойства, которое обычно возникает

в отсутствие непосредственной угрозы. Это отличается от страха, который является естественной реакцией организма на непосредственную опасность. Тревога – это часть естественной реакции организма на стресс, поэтому иногда она может быть полезной, делая вас более бдительными и готовыми к действию. В результате исследования данной проблемы в огневой подготовке курсантов нами было установлено, что у 25 % перед стрельбой наступает состояние страха, у 9 % состояние ужаса, у 3 % состояние ступора. Психические состояния могут быть ситуативными, возникающими только в определённых условиях; личностными – являющимися свойством личности, как, например, результат повышенной возбудимости нервной системы. Нередки случаи, когда данные психические состояния проявляются одновременно, тогда стрессовая ситуация возрастает в несколько раз. Важным в этой проблеме является выявление предрасположенности у стрелка к тому или иному психическому состоянию.

В ходе эксперимента было установлено, что результаты курсантов в стрельбе на обычном практическом занятии по огневой подготовке значительно выше, чем результаты контрольного занятия (контрольные стрельбы). Причиной такому факту является тревога и тревожность курсантов, которую они испытывают перед контрольной стрельбой. Почему часть курсантов легко справляется со стрельбой и показывают хорошие результаты, а другие преодолевают этот страх не сразу, либо вообще его не преодолевают? Это связано с тем, что момент выстрела для курсанта имеет два фактора: в первом случае этот фактор выступает как объект страха, а во втором случае оно выступает угрозой. Для тех, кто воспринимает выстрел как объект страха, показывают наилучшие результаты, потому что при нажатии на спусковой крючок они избавляются от этого страха, то есть побеждают его, тем самым они справляются с массой факторов стресса. Те же, кто воспринимает момент выстрела как угроза, более восприимчив к стресс факторам, и при нажатии на спусковой крючок, создается угроза для их же «безопасности». Поэтому преподаватель должен установить внутреннее психическое отношение курсанта к моменту выстрела и при нажатии на спусковой крючок. Выводы о страхе выстрела преподаватель должен делать путём наблюдения за процессом производства выстрела курсантом. В этом случае преподаватель должен рассматривать три сферы страха выстрела: визуализированный страх – это означает боязнь неуправления оружием в руке, попадания пороха в глаза, разрыв оружия и др.; слуховой страх – боязнь того, что звук выстрела оглушит; физический страх – заключается в том, что при выстреле ожидается сильная отдача, которая может травмировать. Психические состояния внешне проявляются в изменении мимики, дыхания, движений, походки, интонации. Оптимальное психическое состояние стрелка обычно характеризуется активизацией восприятия, внимания, уверенностью в своих силах, способностью свободно управлять мыслями, стремлением получить высокий результат. В тоже время оно содержит элементы сомнения в успешности хода предстоящей стрельбы.

Эмоции – важная составляющая при производстве стрельбы. Эмоции не поддаются прямому волевому воздействию. Необходимы специальные приёмы, влияющие на эмоциональное состояние стрелка. Изучив черты характера, тип нервной системы обучаемого, можно рекомендовать ему определённый вариант стрелковой тренировки, её продолжительности, учитывая уровень его общего физического развития, а также планомерно создавать условия эмоционального напряжения. В целом, психологическая подготовка курсанта должна проводиться на протяжении всех занятий, а не только при проведении контрольных стрельб. Её сущность заключается в том, чтобы научить работать в условиях эмоциональной напряженности, то есть поддерживать должный и требуемый уровень огневой подготовки. Например, очень эмоциональный человек на учебных занятиях при стрельбе будет показывать хорошие результаты, а во время контрольных наоборотов покажет наихудший, потому что при более ответственном занятии мысль о худшем будет доминировать над всей его проделанной работой ранее. На практике, преподаватель практически всегда сталкивается с такими курсантами, и здесь важно иметь индивидуальный профессиональный подход, для того чтобы преодолеть вместе с курсантом этот страх, проделать ответственную тяжелую работу и вывести его на должный уровень [3, с. 406].

Гнев, разочарование, страх и другие «негативные эмоции» – все это часть человеческого опыта. Все они могут привести к стрессу и часто воспринимаются как эмоции, которых

следует избегать, игнорировать или иным образом отрицать, но на самом деле они могут быть полезными для переживания. Лучший подход состоит в том, чтобы управлять ими, не отрицая их, и для этого есть несколько причин. Идея «управления» отрицательными эмоциями является сложной. Это не значит избегать их – преодоление избегания на самом деле является формой преодоления, которая пытается это сделать, и это часто может иметь неприятные последствия. Управление негативными эмоциями – это скорее принятие того факта, что мы их чувствуем, определение того, почему мы так себя чувствуем, и позволение себе получать сообщения, которые они нам посылают, прежде чем мы отступим и двинемся вперед. Да, это утверждение может показаться немного странным, но наши эмоции определенно предназначены для того, чтобы быть посланниками, которые что-то нам говорят. Эти послания могут быть очень ценными, если мы прислушаемся. Управлять негативными эмоциями также означает не позволять им овладевать нами. Мы можем держать их под контролем, не отрицая, что мы их чувствуем.

Другими причинами возникновения неблагоприятных психических состояний во время контрольной стрельбы или соревнований могут явиться психологическая неподготовленность, необоснованно повышенное чувство ответственности за результат стрельбы. Может нервозное поведение товарищей, ненужные разговоры, влияние угрозы. В качестве угрозы могут выступать снижение престижа в глазах товарищей или риск не попасть в команду, на тренировочные сборы. Преподавателю (тренеру) необходимо продумать весь цикл учебно-тренировочного процесса. Каждая тренировка должна проходить с определённой целью, которую должен ставить преподаватель. Новичок не должен приступать к тренировке с патроном, не умея ещё контролировать свои действия. Преподаватель должен наблюдать за стрелком, указывать на ошибки, которые допускает обучаемый, требовать отработки повторения того или иного элемента, чтобы эти ошибки мог увидеть сам обучаемый и самостоятельно над ними работать. Если ошибки остаются незамеченными, закрепляясь, они тормозят рост результатов. Преподаватель во время тренировки стрелка не должен ограничиваться освещением вопросов техники стрельбы, но и включать вопросы психологической подготовки. Стрелка необходимо научить настраивать себя на соответствующее психическое состояние, мобилизоваться на лучшую стрельбу, предупреждать развитие отрицательных эмоциональных реакций, определять свою готовность к стрельбе, правильно выбирать паузы отдыха и периоды ведения огня, сосредотачиваться на нужных действиях и мыслях.

Пристатейный библиографический список

1. Музафин Р. Р. Методика обучения сотрудников полиции, направленная на совершенствование навыков стрельбы из табельного оружия в условиях воздействия стрессогенных факторов, [Текст]: Деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите в современных условиях: вопросы теории и практики. – 2016. – № 3. – С. 212–214.
2. Муртазин А. И. Морально-психологическая подготовка военнослужащих // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 1 (104). – С. 344–345.
3. Муртазин А. И., Николаев Н. Ю. Особенности применения оружия сотрудниками полиции в экстремальной ситуации // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 6 (157). – С. 406–407.
4. Никифоров П. В., Музафин Р. Р. К вопросу о некоторых особенностях огневой подготовки слушателей, обучающихся по профилю специальности участковых уполномоченных полиции в образовательных организациях Министерства внутренних дел России // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 6 (133). – С. 331–334.
5. Огрыза А. В., Горячева Н. Ю. Словарь специальных терминов по огневой подготовке [Текст]: словарь. – Уфа: УЮИ МВД России, 2013. – 28 с. – ISBN 978-5-7247-0714-5: 5,47.
6. Свяженина А. А., Ахияров Р. А. Психоэмоциональное состояние сотрудника ОВД при производстве выстрела из огнестрельного оружия // Юридическая наука в современном мире: актуальные проблемы и перспективы развития. Сборник материалов Всероссийского круглого стола. – Уфа, 2021. – С. 75–78.

ДЗЮБА Александр Святославович

кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры физической подготовки и спорта Краснодарского университета МВД России

ДАМИНОВ Айнур Айдарович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ КУРСАНТОВ К ПРИМЕНЕНИЮ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Становление первоначальных навыков применения оружия и их дальнейшее развитие и совершенствование у сотрудников полиции происходит в подавляющем большинстве случаев в ведомственных образовательных организациях на занятиях по огневой подготовке. В то же время, имеющаяся методологическая база по огневой подготовке курсантов не в полной мере принимает во внимание психологическую составляющую основ обучения стрельбе.

Ключевые слова: стрессовые условия, огнестрельное оружие, сотрудник полиции, психологическая напряжённость, физическая нагрузка, огневая подготовка.

DZYUBA Aleksandr Svyatoslavovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, professor of Physical training and sports sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

DAMINOV Ainur Aidarovich

senior lecturer of Fire and tactical-special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ABOUT SOME PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL READINESS OF CADETS TO USE FIREARMS

The development and improvement of skills and abilities, the use of firearms among police officers, has its origin in direct professional training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The existing methodological base for fire training of cadets does not fully take into account the psychological component of the basics of training in fire.

Keywords: stressful conditions, firearms, police officer, psychological tension, physical activity, fire training.

В ходе своей учебной и профессиональной деятельности курсанты и слушатели образовательных организаций МВД России нередко встречаются с проблемами эмоционально-психического напряжения при стрельбе из пистолета Макарова, которое в большинстве случаев является одной из преград при выполнении служебных обязанностей [1, с. 72-74]. Действительная практическая составляющая применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции указывает на то, что рациональность, законность и эффективность такого применения имеет взаимосвязь с психологическим фактором. Именно внутреннее психическое состояние индивида перед или при осуществлении прицельного выстрела влияет на его результаты как с точки зрения попадания в цель, так и с точки зрения юридической оценки решения на применение оружия.

Природа и сущность психологической готовности сотрудников полиции имеют в своем обобщённом содержании следующие элементы:

- психическую устойчивость;
- степень развития волевого характера;
- самообладание в экстремальных условиях;
- психологическое свойство решительности и уверенности в своих действиях;
- умение психологически воздействовать на разные категории людей;
- навык социально-психологического ориентирования в разнообразных ситуациях;
- скорость реакции на те или иные факторы.

Вышеуказанные элементы являются основополагающими и структурными качествами, которые должны быть у

каждого сотрудника полиции в целях эффективного выполнения своих профессиональных задач и целей. Очевидно, что формирование и развитие данных свойств невероятно сложный, трудозатратный и долгий процесс. Соответственно, чем раньше начнётся данная подготовка, тем быстрее она принесёт результаты.

Говоря о работах отечественного исследователя в области психологии З. А. Киреевой, где о «психологической готовности» говорится в ключе характерной особенности в способности индивида преодолевать появляющиеся препятствия и сложности на пути жизненного следования, с сохранением механизма адекватного состояния личности в рамках био-психо-физиологического характера [3, с. 84].

В конечном итоге основная суть психологической готовности к чему-либо сводится к сохранению баланса внутри сознания человеческой натуры, то есть в отсутствии диссонансных проявлений во всех направлениях жизнедеятельности субъекта общественного бытия при различных изменениях окружающей обстановки.

В рамках данной научной работы необходимо исследовать теоретические и практические основы обучения курсантов стрельбе из огнестрельного оружия. В зависимости от методологически-обоснованного и рационально-распланированного процесса проведения занятий по огневой подготовке, зависит практическая результативность и правомерность применения огнестрельного оружия в реальных условиях при предупреждении, профилактике и пресечении преступлений.

В настоящее время одним из существующих недостатков методической базы процесса обучения навыкам стрель-

бы, является отсутствие внедрений в методику проведения огневой подготовки фактора психологической напряжённости, которая возникает у курсантов на огневом рубеже, при непосредственном выполнении упражнений по скоростной прицельной стрельбе.

Согласно результатам проведённого опроса среди курсантов образовательных организаций МВД России, в котором приняли участие 99 человек, выяснилось, что 80% опрошенных имеют чувство волнения перед и в процессе занятий по огневой подготовке. Из них: 60% имеют состояния эмоционально-тревожного возбуждения; 14% находятся в состоянии страха; 8% боятся не попасть в обозначенную мишень; 2% боятся, что огнестрельное оружие выйдёт из строя.

Указанная психологическая напряжённость имеет следующие проявления:

– ухудшение физических показателей мелкой моторики (трясутся руки);

– учащение дыхательных процессов;

– заторможенность реакции;

– нарушение свойств координации.

Отметим, что независимо от степени проявления данных особенностей, их влияние на результативность стрельбы – негативное, что имеет свои пагубные последствия в виде неэффективности обучения основам огневой подготовки, а именно производству скоростных прицельных выстрелов. С учётом узкой практико-теоретической направленности целей и задач занятий по огневой подготовке, можно предположить, что внедрение методики снижения психологической напряжённости, в той или иной мере, сложная задача.

На данный момент в перечень задач преподавателя по огневой подготовке, входят две основные:

– образовательная, в основе которой лежит, процесс прививания курсантам теоретических и практических знаний материальной базы оружия, тактических мер, условий и правил, а также умений и навыков правильной техники владения и применения огнестрельного оружия;

– воспитательная, которая необходима для формирования у курсантов жизненных ориентиров и моральных ценностей, что может проявляться в лекциях преподавателя, рассказах из практического опыта, философских суждениях и т.д., что важно для выбора профессиональной деятельности сотрудника полиции [2, с. 114].

В роли дополнительной задачи должна выступать задача: функция развивающего характера, которая призвана привить курсантам умения и навыки быстрой реакции, умения мыслить тактически, иметь психологическую устойчивость, быть интеллектуально и физически развитым.

Реализация данной, дополнительной задачи, в современной методике проведения занятий по огневой подготовке, имеет пробелы, которые связаны с тем, что занятия по огневой подготовке, априори, не предусматривают в своём плановом содержании основ проведения психологической подготовки, что также имеет предпосылки в ограниченности времени проведения огневой подготовки, факторы индивидуальности каждого курсанта и наличия множества других не менее важных учебных дисциплин.

Мысленные упражнения, которые ещё называются «идеомоторными», суть данного упражнения состоит в сознательном моделировании ситуации, а именно процесса производства скоростной и прицельной стрельбы. При этом курсант должен представлять все детали и этапы стрельбы, проанализировать допущенные ошибки, исправить ошибки,

усовершенствовать технику и создавать условия экстремальной обстановки.

Также работа «вхолостую» помогает курсантам контролировать свои эмоции, вырабатывать определенный, подходящий для них тип дыхания при работе с оружием, также способствует ликвидировать такую вредную привычку, как ожидание выстрела, что также плохо влияет на качество стрельбы и способствует психологическому напряжению.

Совокупность данных методов помогает достичь наиболее полного и качественного обучения курсантов и слушателей приемам стрельбы из табельного оружия, также способствует повышению результативности деятельности и снижению психологического напряжения [4, с. 45].

Также положительное влияние на психологическое состояние курсантов и слушателей при обращении с оружием оказывают физические нагрузки. Занятия с использованием физической нагрузки оказывает огромное влияние на формирование важнейших психических качеств.

Специальная физическая подготовка улучшает оперативное мышление, является эффективным средством повышения устойчивости памяти. Кроме того, систематическая физическая тренировка может существенно увеличить сопротивляемость организма к стресс-факторам и тем самым способствовать формированию психологической устойчивости.

Пристатейный библиографический список

1. Даминов А. А., Бакай А. В., внутреннее психологическое состояние курсантов слушателей образовательных организаций МВД России при стрельбе из пистолета Макарова // В сборнике: Актуальные вопросы совершенствования специальной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, курсантов и слушателей, 2021. – С. 72-74.
2. Литвин Д. В. Формирование профессиональной компетенции сотрудников полиции в области применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в процессе профессионального обучения. – Краснодарский университет МВД России, 2015. – С. 114.
3. Киреева З. А. Методика психологического исследования: учебн. пособие. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. – 2014. – № 45. – С. 84.
4. Косяченко В. И. Организация и методическое обеспечение тактико-специальной, огневой и физической подготовки сотрудников ОВД: учебно-методическое пособие / ВА МВД России, 2019. – С. 45.

МАСАКОВ Евгений Михайлович

бакалавр технических наук в сфере автоматизации переработки и нефтехимии, место работы: АО "БСК"

ЛЫЧАГИНА Наталья Дмитриевна

бакалавр технических наук в сфере автоматизации переработки и нефтехимии; место работы: АО "БСК"

ЛАТЫПОВА Эльвира Рашитовна

кандидат педагогических наук, доцент, Филиал Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Стерлитамаке

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УПРАВЛЕНИИ КОМПАНИЕЙ С МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫМ КОЛЛЕКТИВОМ

Статья раскрывает проблемы межкультурной коммуникации в современных организациях. Согласно названию, в статье описывается культурная и экономическая интеграция, которая создает возможность перемещения профессионалов различных видов деятельности, а также перемещение трудовых мигрантов, тем не менее, данное развитие влечет за собой некоторые осложнения. Следует подчеркнуть, что система управления организациями в разных странах может иметь свои особенности. Если не учитывает это при переезде в другую страну, с большой вероятностью возможны состояния дискомфорта, фрустрации, вызванные ситуацией попадания в иноэтническую среду. На прикладном уровне авторами рассматривается «кросс-культурный менеджмент» – как подготовка менеджеров, которые смогут применять и направлять свои силы, умения, профессиональные компетенции в иноэтнической среде для управления и повышения прибыли в организации. Статья дает детальный анализ направления для увеличения эффективности руководства мультинациональной командой на принципах методики межкультурного менеджмента. Прежде всего, акцентируется внимание на разработке алгоритма для более совершенного регулирования личным составом в многонациональной компании. При определении конкурентной способности организации, также следует учитывать степень воздействия мультинациональной культуры на эффективность работы компании. Авторы подчеркивают положительное влияние введения курсов в мультинациональных коллективах программы по кросс-культурному менеджменту для более эффективного управления коллективом, а для сотрудников организации организовывать курсы «budding» (баддинга).

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, международная корпорация, многонациональный коллектив, управление, кросс-культурный менеджмент.

MASAKOV Evgeniy Mikhaylovich

bachelor of technical sciences in the field of automation of processing and petrochemistry; place of work: JSC "BSK"

LYCHAGINA Natalia Dmitrievna

bachelor of technical sciences in the field of automation of processing and petrochemistry; place of work: JSC "BSK"

LATYPOVA Elvira Rashitovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Ufa State Petroleum Technical University, branch in Sterlitamak

PROBLEMS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN MANAGING A COMPANY WITH A MULTINATIONAL TEAM

The article reveals the problems of intercultural communication in modern organizations. According to the title, the article describes the cultural and economic integration, which creates the possibility of movement of professionals of various types of activity, as well as the movement of labor migrants, however, this development entails some complications. It should be emphasized that the management system of organizations in different countries may have their own characteristics. A person who does not take this into account, when moving to another country can face to the situation of discomfort, frustration caused by the situation of falling into a different ethnic environment. At the applied level, the authors consider "cross-cultural management" – as training managers who will be able to apply and direct their strengths, skills, professional competencies in a different ethnic environment to manage and increase profits in an organization. The article provides a detailed analysis of the direction for increasing the effectiveness of managing a multinational team based on the principles of intercultural management methodology. First of all, attention is focused on the development of an algorithm for better regulation of personnel in a multinational company. When determining the competitiveness of an organization, one should also take into account the degree of influence of a multinational culture on the company's performance. The authors emphasize the positive impact of introducing courses in multinational teams of a cross-cultural management program for more effective team management, and for organizing budding courses for employees of the organization.

Keyword: intercultural communication, international corporation, the multinational team, management, cross-cultural management.

В данный момент основной чертой международных отношений оказалась глобализация, по мере развития которой возрастает значимость мультинациональных компаний в развитии всемирной экономики. В конечном итоге, при повышении перемещения различных специалистов в раз-

ные страны также увеличивается обмен информации, что в значительной мере благоприятно влияет на открытость и связь между национальными хозяйствами различных стран. Экономическое развитие приобретает доминирующий вид, а народное хозяйство переходит на новый уровень – наднаци-

ональный [2]. В то же время глобализация не завершила свое развитие, что открывает перед нами широкое поле деятельности для поисков новых идей и методов при преодолении различных препятствий и противоречий.

Международная корпорация является основной формой организации экономической деятельности в различных странах. Данная форма компании осуществляет организованное инвестирование в страны, где компания хочет получить прибыль. Яркой особенностью данной формы организации является распределение средств из той страны, где находится компания, в те страны, где компания собирается расширить или организовать свое производство.

На основании анализа источников было выявлено два вида корпораций:

- ТНК (транснациональная корпорация) – организация, имеющая на территории различных стран дочерние предприятия или организации, но собственный капитал находится в той стране, где расположен центральный офис;

- МНК (многонациональные корпорации) – филиалы данной организации расположены в различных странах, а капитал управляющей компании принадлежит нескольким государствам [5].

Транснациональная компания и многонациональная компания в своей классификации различаются совсем незначительно. В международных экономических отношениях ТНК (транснациональная компания) занимает лидирующее место. По сравнению с ТНК, у МНК (многонациональная компания) оборот капитала существенно ниже на мировом рынке. Во многих источниках по экономической литературе под аббревиатурой МНК относят оба вида данных компаний. Не редко в обозначении многонациональной компании используется как синоним транснациональная компания.

МНК (многонациональные компании) по основному виду своей деятельности имеют профильную направленность. Данные направления обычно разделяют на различные группы ТНК (транснациональных компаний). Эти группы имеют направленность в такие сферы деятельности как: торговля, производство, финансирование, разработки в научной деятельности. Для многих развитых стран и особенно для стран развивающихся, многонациональные компании являются главной составляющей их экономики.

Слово кросс-культура позаимствовано из английского языка (cross culture) и дословно переводится как пересечение культур. Для положительного взаимодействия между различными социальными группами и отдельными обществами успешно себя зарекомендовала такая дисциплина, как кросс-культурный менеджмент. В международной бизнес-среде очень важно развитие кросс-культурного менеджмента, так как данная дисциплина укрепляет связи в таких направлениях как: политика, экономика, социальные взаимоотношения.

Кросс-культурный менеджмент специализируется на таких направлениях:

- при взаимодействии с иностранными культурами нужно снисходительно относиться к условиям труда для успешного ведения бизнеса;

- урегулирование конфликтов при ведении деловых отношений;

- формирование у владельцев компаний, а также у сотрудников и менеджеров управляющего звена знаний в направлении кросс-культурного менеджмента [1].

Необходимо отметить, что в многонациональных компаниях на первом месте у менеджеров стоит задача усовершенствования системы управления, принимая во внимание межкультурные различия с носителями другого языка.

Согласно исследованиям: «Группа не может жить общения, без этого не будет происходить обмена взглядов, идей и различных предложений. Коммуникация является связывающим действием, где группа людей может совместно решать различные задачи и слаженно работать. Таким образом, общение между людьми несет функцию обмена информации, что и является процессом коммуникации» [3].

Разработка более совершенной системы управления позволяет увеличить конкурентность фирмы, но без понимания отличительных черт национальных культур, очень трудно создать модель организованного поведения представителей данной культуры.

Э. Р. Латыпова в своей статье отмечает, в какой мере организовано сотрудничество среди различных культур, до такой степени есть возможность оценить часть идентификаторов, к которым принадлежат: возможности изыскания культурных и межкультурных компонентов коммуникации; предвидение барьеров, которые могут возникнуть в результате международного сотрудничества, в том числе видение их способов преодоления; умение вести эффективные переговоры с лицами какой из либо культур; умение обмениваться своими мыслями в общении [4, с. 140-141].

В настоящее время в международной экономике все сильнее происходит интеграция иностранных представителей разнообразных культур, что уже преодолевает границы стран. Этому также способствует миграция, люди, ища лучшей жизни, перебираются в другие страны. В развитых и развивающихся странах, в связи с ростом миграционных процессов, происходит культурное разнообразие личного состава организаций. В связи с этим, в управлении компании возникла потребность коррекции в системе управления персонала с учетом культурных различий.

В текущий момент проблемы миграционной политики важны по ряду обстоятельств:

- приток мигрантов привлекает экономическое развитие страны;

- уменьшение трудоспособных граждан, связанное со снижением рождаемости и естественного старения населения.

В отдельных случаях имеются в виду многонациональные рабочие группы, которые непроизвольно образуются в связи с процессом объединения, которые типичны при интеграции экономики. В этих случаях необходимо развивать кросс-культурные элементы, предназначенные для управления коллектива. При создании культуры и стиля управления персоналом, в компании с многонациональным составом, необходимо учитывать национальные отличительные черты мышления в конкретной экономической деятельности.

Организация экономической деятельности может иметь разные формы, это связано с отличительными чертами национальных культур. В результате чего образуются разные виды хозяйственной деятельности и разные типы, и модели организационного поведения.

На сегодняшний день механизмы кросс-культурных моделей необходимо ориентировать на защиту индиви-

Схема 1. Разработанная схема для управления коллективом в многонациональных компаниях

Схема 2. Коммуникация культур в компании

дуальных слоев населения для сохранения их индивидуальности и самобытности. Понятие самобытность во многом связано с духовным опытом нации. В духовном опыте формируется личностное содержание человека, общества, культуры. Духовный опыт каждой нации уникален и в то же время субъективен, он в полной мере передает представление о данной культуре и сохранение культуры является важной задачей для кросс-культурного менеджмента.

На основании результатов исследования была выстроена схема для многонациональных компаний, которая позволит менеджерам компаний более эффективно руководить коллективом компаний (схема 1). Данная схема во многих моментах пересекается с автором А. Р. Муратова [7].

В ходе разработки для многонациональной компании системы менеджмента следует принимать во внимание следующие аспекты:

- взаимное направленное воздействие национальной (национальных) и внутрикорпоративной культуры будет положительным только в том случае, если не будут притесняться нормы иностранной национальной культуры, их обычаи и нормы;

- система управления персоналом в любой многонациональной компании имеет свои особенности, и за частую имеют специфические подходы в менеджменте данных компаний;

- Данный аспект будет характеризовать внутрикорпоративную культуру в этой компании, что окажется началом для развития культуры в многонациональной компании (схема 2);

- сближение новых работников компании. Аккультурация или сближение проявляется только в тех случаях, если представители разнообразных культур вступают в длительное взаимодействие, где происходит формирование базовой культуры [11]. Для адаптации принятых сотрудников важно разработать мероприятия, имеющих цель не ассимилировать, а совместить различные культуры, в результате возникнет многонациональная или бикультурная личность. При данных условиях социокультурное и этническое множество будет служить материалом для внедрения новшеств;

- для успешной работы менеджеров в многонациональной компании им необходимо постоянно повышать свой уровень знаний. В своей работе им необходимо знать не только свою культуру, но и иметь базовые знания других иностранных культур. Данный аспект позволит лучше понимать партнёров, работников, клиентов, что в свою очередь экономическую эффективность компании. По этой причине и проявляются кросс-культурные расхождения и обостряются конфликты. Таким образом, организациям целесообразно подготавливать персонал в данном направлении, а управляющему составу организации постоянно совершенствоваться в кросс-культурном менеджменте;

- менеджеры многонациональных компаний должны владеть инокультурным коммуникативным кодом, он является ключевым моментом в межкультурной коммуникации. Коммуникативный режим – это совместная работа коммуникации и коммуникативного кода [9]. В области межкультурной коммуникации высшим уровнем грамотности считается умение менеджера с легкостью пользоваться обоими режимами. При отсутствии навыков в данной области, общение чаще всего происходит исходя из национальных норм. Данный аспект затрудняет коммуникацию и увеличивает время для достижения поставленных задач организации.

Л. Х Сатарова считает, что без уважения к культуре иностранных партнеров и диалога между культурами, сложно добиться эффективной экономической деятельности [8].

Инновационное развитие для большинства стран – это в первую очередь метод достижения конкурентной способ-

ности и экономическое развитие. Инновационная среда в период интеграции не заключает себя в узкие границы, она старается войти во все институты общества. В результате чего в экономическом развитии общества и государства происходит привлечение культуры. Человек является социальной единицей данного общества, вследствие чего происходит его вовлечение в данную культуру, где он перенимает такие качества, как обычаи, права, мораль, веру. При подготовке специалистов в направлении кросс-культурных коммуникаций очень важное значение имеет поиск инновационных подходов в управлении персоналом [6]. Говоря о глобализации, нельзя не упомянуть культурный барьер. В отличие от языкового, культурный барьер не осязаем. Понимание того, что твоя культура не единственная и не является особенной, возникает при соприкосновении с другой культурой. Одновременно с общенациональной культурой, присутствуют культуры социальные и локальные. В любой семье присутствуют свои черты национальной культуры, которые определены идиокulturой данной семьи.

Экономист Е. Ясин говорит о том, что для инновационного развития Российской экономики, культурный барьер является значимым фактором. К культуре он относит экономическую и социально политическую культуру. В данную категорию он также относит свободу выборов, независимый и беспристрастный суд, свободу прессы. Он считает, что если люди привыкнут к тому что данные институты работают, их поведение будет меняться. Но данный переход будет проходить длительное время. Без свободы инновации не смогут войти в нашу жизнь. Имеется необходимость в осознании, что развитие России тесно переплетается с конкуренцией, правами собственности и свободой. Привнесение инноваций сможет организовать только свободная конкуренция. Конкуренция сможет работать только в тех условиях, когда есть свобода и присутствует свобода для бизнеса [10].

Таким образом, обобщая изложенное, можно утверждать, что все чаще встречаются разногласия между различными культурами. Они соприкасаются практически со всеми областями общественного производства. Вследствие чего, для российского общества имеет большое значение развитие кросс-культурного менеджмента. С неэффективной кросс-коммуникацией значительно увеличиваются риски для российских организаций, которые ведут свою деятельность на международной арене.

Развитие кросс-культурных систем и моделей управления может дать людям больше возможностей. Зная культурные особенности поведения коллег по бизнесу, партнеров, конкурентов можно выстроить грамотную коммуникацию и занять лидирующую позицию в своей сфере. Из этого следует, что кросс-культурный менеджмент является эффективным инструментом в создании сильной системы управления организациями с многонациональным персоналом.

Пристатейный библиографический список

1. Бунина В. Г. Кросс-культурный менеджмент и международная коммуникация: учебное пособие. – М.: ГУУ, 2008. – 128 с.
2. Гужва Е. Г. и др. Мировая экономика: учебное пособие. – СПб.: СПбГАСУ, 2009. – 116 с.
3. Латыпова Э. Р., Байбародова Е. В., Гималетдинова А. А. Коммуникации в профессиональной юридической деятельности // *Аллея науки*. – Т. 2. – № 3 (19). – 2018. – С. 530-533.
4. Латыпова Э. Р. Формирование межкультурной компетенции бакалавров неязыковых специальностей в целях совершенствования их профессиональной подготовки // *Наука и школа*. – 2018. – № 5. – С. 138-142.
5. Мировая экономика. Эволюция и развитие мировой экономики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mirovaja-ekonomika.ru/mezhdunarodnaya-korporaciya-vidy/> (дата обращения: 7.12.2021).
6. Матющенко Н. С., Пруидзе Е. Ш. Правовые основы научной деятельности вуза в условиях глобализации высшего образования // *Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела*. – 2009. – Т. 8. – № 2. – С. 88-98.
7. Муратова А. Р. Проблемы кросс-культурной коммуникации в управлении компанией с многонациональным коллективом // *Научный журнал инновационные системы*. – 2014. – № 1. – С. 63-70.
8. Сатарова Л. Х. Основные проблемы межкультурной коммуникации как фактор развития современного общества // *Современные научные исследования и инновации*. – 2013. – № 12. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2013/12/29074> (дата обращения: 06.12.2021).
9. Тумаркин П. С. Русские и японцы: актуальные проблемы межкультурной коммуникации // *Вестник Московского Университета. Сер. 13. Востоковедение*. – 1997. – № 1. – С. 13-17.
10. Что ждет Россию? Интервью с научным руководителем Национального исследовательского Университета – Высшая школа экономики Е. Ясиным // *Радио ЭХО Москвы: сайт*. 10.05.2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/albac/590844-echo/> (дата обращения: 8.12.2021).
11. Redfield R., Linton R., Herskovits M. J. Memorandum for the Study of Acculturation // *American Anthropologist*. – 1936. – Vol. 38. – № 1. – P. 149-152.

МЕШЕВ Ислам Хасанбиевич

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры физической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОВД

В статье рассмотрены специфика и вопросы организации профессионально-прикладной физической подготовки сотрудников ОВД. Практическая деятельность сотрудников ОВД обуславливается сложной криминогенной ситуацией, а также жестокостью и агрессивностью поведения правонарушителей, требующих от них профессиональных знаний, умений и навыков, и направленных на успешное решение задач службы. Ввиду этого система обучения указанного контингента служащих организуется в разрезе следующих взаимосвязанных функций: образовательной, развивающей и воспитательной. Недооценка значимости физической подготовленности личного состава чревата неоправданными потерями. Отсюда, перед правоохранителями приоритетной становится задача обеспечения личной и коллективной безопасности, а также безопасности жизни и собственности граждан. Так, поддержание правопорядка и успешное противостояние преступности требует от правоохранителей высокой степени физической готовности к применению боевых приемов борьбы, физической силы и оружия.

Ключевые слова: физическая подготовка, профессионально-прикладная подготовка, профессионально значимые физические качества, сотрудники ОВД.

MESHEV Islam Khasanbievich

Ph.D. in pedagogical sciences, Deputy Head of Physical training sub-faculty of the North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

THE SPECIFICITY OF PROFESSIONAL-APPLIED PHYSICAL TRAINING OF POLICE OFFICERS

The article deals with the specifics and issues of organization of professional and applied physical training of police officers. The practical activity of police officers is determined by a complex criminogenic situation, as well as the cruelty and aggressiveness of the behavior of offenders, requiring them to have professional knowledge, skills, and aimed at successfully solving the tasks of the service. In view of this, the training system for the specified contingent of employees is organized in the context of the following interrelated functions: educational, developmental and educational. Underestimation of the importance of the physical fitness of personnel is fraught with unjustified losses. Hence, the task of ensuring personal and collective security, as well as the security of life and property of citizens, becomes a priority for law enforcement officers. Thus, the maintenance of law and order and the successful confrontation of crime require law enforcement officers to have a high degree of physical readiness to use combat methods of struggle, physical strength and weapons.

Keywords: physical training, vocational training, professionally significant physical qualities, police officers.

Практическая деятельность сотрудников ОВД обуславливается сложной криминогенной обстановкой, а также жестокостью и агрессивностью поведения правонарушителей, требующих от них профессиональных знаний, умений и навыков, надежных и эффективных и направленных на успешное решение задач службы. Ввиду этого, система обучения указанного контингента служащих организуется в разрезе следующих взаимосвязанных функций: образовательной, развивающей и воспитательной.

В рамках реализации образовательной функции у обучающихся формируется комплекс профессионально-прикладных знаний, умений и навыков, необходимых для охраны правопорядка и обеспечения общественной безопасности.

Развивающая функция направлена на формирование средствами физической подготовки у обучающихся высоких показателей психофизических способностей и уровня работоспособности, обеспечивающих готовность к успешному решению задач правоохранительной деятельности. Вместе с тем, развивающий аспект обучения позволяет развивать и совершенствовать основные физические качества обучающихся, наиболее значимыми из которых являются скоростные, силовые, координационные способности, а также гибкость и выносливость.

В процессе реализации воспитательной функции у обучающихся формируются морально-нравственные качества личности, в том числе средствами физической подготовки,

Мешев И. Х.

которые охватывают все уровни человеческого существа – сознание, психику, организм [3, 4, 8].

Физическая подготовка в образовательных организациях МВД России имеет определяющее значение в процессе профессионально-прикладной подготовки сотрудников ОВД, поскольку в их практической деятельности развитие физических качеств служит основным компонентом успешного решения оперативных и служебно-боевых задач. В ходе осуществления служебной деятельности сотрудники ОВД подвергаются, как высоким физическим, так и эмоциональным нагрузкам. Вместе с тем, наблюдается неуклонный качественный и количественный рост преступности, что детерминируется в необходимости повышения уровня физической подготовленности сотрудников ОВД и эффективной правоохранительной деятельности.

Современный криминалитет в своем арсенале использует усовершенствованные методы совершения преступлений (физическую силу, огнестрельное оружие), поэтому недооценка значимости физической подготовленности личного состава чревата неоправданными потерями. Отсюда, перед правоохранителями приоритетной становится задача обеспечения личной и коллективной безопасности, а также безопасности жизни и собственности граждан [1, 5].

Решение указанной задачи лежит в плоскости совершенствования навыков применения физической силы и боевых приемов борьбы, поскольку в экстремальных ситуациях

сотрудники нередко теряют самообладание и способность критически оценить обстановку, что негативно отражается на эффективности пресечения правонарушения. Стало быть, сотрудник ОВД, обладающий хорошим здоровьем, а также высоким уровнем физической и эмоциональной подготовленности, способен принять в сложной криминогенной ситуации правильное решение, способствующее успешному решению боевых задач [3, 9].

В системе физической подготовки сотрудников ОВД предпочтение отдается следующим принципам:

- доступность – принцип, обеспечивающий соответствие предлагаемой к выполнению физической нагрузки (физических упражнений) физической подготовленности занимающихся;

- последовательность и систематичность – принцип, направленный на построение системы и последовательной структуры процесса обучения;

- непрерывность – принцип, сохраняющий эффект воздействия нагрузок на организм путем рационального дозирования режима тренировки и отдыха;

- ступенчатость и волновое возрастание нагрузки – принцип, обеспечивающий действенность физической нагрузки, обусловленной планомерным повышением активности, увеличения объема и интенсивности нагрузок;

- вариативность – принцип последовательного изменения уровня нагрузки на различные мышечные группы, изменения количества и темпов выполнения двигательных актов;

- адаптированное сбалансирование динамических нагрузок – принцип, обеспечивающий баланс нагрузки с целью избегания признаков переутомления;

- возрастная адекватность – принцип, указывающий на то, что физическая нагрузка должна корректироваться в соответствии с возрастом тренирующегося [3, 4, 10].

Большинство сотрудников ОВД пренебрегая физической подготовкой лишают себя эмоционально-волевой работоспособности и профессионально значимых двигательных качеств, включающих успешное применение боевых приемов борьбы и способов преодоления различных естественных и искусственных препятствий.

Физическая подготовка, реализуемая в образовательных организациях МВД России, носит целенаправленный характер, состоящий в формировании у рядового и начальствующего состава ОВД физической и психологической готовности к успешному выполнению оперативных и служебно-боевых задач, а также к умелому применению физической силы, специальных средств и боевых приемов борьбы в процессе пресечения преступлений. На учебно-тренировочных занятиях сотрудники:

- вырабатывают сознательное отношение к систематической физической нагрузке и занятиям спортом, как основного средства достижения профессионального совершенствования;

- формируют теоретические знания и практические умения поддержания высокого уровня работоспособности, а также профессионально значимые физические качества;

- тренируют и совершенствуют навыки применения боевых приемов борьбы и решают двигательные задачи, направленные на успешное пресечение правонарушений [2, 7].

Практическая деятельность сотрудников ОВД требует систематических занятий физическими упражнениями, чтобы соответствовать уровню физической подготовленности, регламентированной директивами и приказами МВД России. Физическую подготовку сотрудников осуществляют на протяжении всего периода несения службы в органах внутренних дел. Причем подготовка осуществляется, как во время урочных занятий, так и самостоятельной подготовки.

На учебно-тренировочных занятиях у сотрудников ОВД кроме физических качеств совершенствуются также психофизические показатели и готовность к различным экстремальным ситуациям. Большую роль в данном процессе играют преподаватели (инструкторы и тренера), перед которыми в качестве основной задачи ставится соединение всех элементов обучения в единую систему.

На основании собственного педагогического опыта хотим отметить, что не очень большой процент обучающихся в стенах образовательных организаций МВД России завершают освоение дисциплины «Физическая подготовка» с высоким уровнем владения физической силой и боевыми приемами борьбы, а тем более навыками эффективного их применения в экстремальных ситуациях [1, 2, 9]. При этом следует подчеркнуть, что учебно-

тренировочный процесс строится в соответствии с требованиями ведомства и образовательных стандартов последнего поколения, на основе которых разрабатываются календарно-тематические планы согласно уровню подготовки и эффективным форм, и методов организации занятий. Проблема, на наш взгляд, кроется в недостаточной трудоемкости дисциплины «Физическая подготовка» (согласно рабочей программе в неделю проводится два учебно-тренировочных занятия с перерывами 3-4 дня между отдельными занятиями), что негативно отражается на общем уровне подготовленности обучающихся, о чем свидетельствует низкий уровень двигательной памяти. Исключение составляет контингент обучающихся, обладающий высоким уровнем обучаемости [3, 6].

Говоря о таком важном разделе физической подготовки как «Боевые приемы борьбы» следует учитывать, что освоение любого двигательного навыка происходит посредством трех этапов: ознакомления, разучивания, тренировки. А, как нам известно, переход от разучивания к тренировке носит затяжной характер, что и является проблемой, поскольку занятия проводятся с большим разрывом и нарушается один из главных признаков освоения двигательного действия – систематичность. В результате этап разучивания двигательного действия затягивается и в планируемые сроки не удается перейти к этапу его совершенствования, поэтому разучивание считается законченным, когда тренирующиеся могут воспроизвести прием в целостном виде без технических погрешностей в его исполнении [2, 3, 7].

В заключении хотим отметить, что поддержание правопорядка и успешное противостояние преступности требует от правоохранителей высокой степени физической готовности к применению боевых приемов борьбы, физической силы и оружия. Поэтому важное значение придается овладению необходимыми знаниями, умениями и навыками, обуславливающими достижение профессионального мастерства.

Пристатейный библиографический список

1. Афов А. Х. Роль физической подготовки и спорта в профессиональной подготовке сотрудников ОВД // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 1. – С. 126-128.
2. Губжиков А. Х. Формирование двигательных навыков применения боевых приемов борьбы на занятиях по физической подготовке в образовательных организациях МВД России // Современные наукоемкие технологии. – 2021. – № 2. – С. 139-143.
3. Еремин Р. В. Пути повышения качества обучения физической подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Наука-2020. – 2019. – № 7 (32). – С. 149-152.
4. Кодзоков А. Х. Совершенствование профессионально-значимых двигательных навыков слушателей образовательных организаций МВД России в процессе физической подготовки // Проблемы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – № 4. – С. 91-94.
5. Карданов А. А. Готовность к силовому задержанию правонарушителя: современные требования к подготовке сотрудника полиции // Проблемы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. № 5. – С. 95-98.
6. Карданов А. К. Актуальные вопросы планирования и организации учебно-6. тренировочного процесса на занятиях по физической подготовке // Культура физическая и здоровье. – 2019. – № 3 (71). – С. 55-57.
7. Крымшочалов А. З. Пути совершенствования профессионально-прикладной физической подготовки слушателей образовательных организаций МВД России // Проблемы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. № 5. – С. 82-86.
8. Моськин С. А. Роль физической подготовки в образовательных организациях Министерства внутренних дел России // Автономия личности. – 2021. – № 1 (24). – С. 28-34.
9. Чересов Р. М. Эффективность обучения навыкам применения боевых приемов борьбы на занятиях по физической подготовке // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 1. – С. 230-232.
10. Хажировов В. А. Место и роль дисциплины «Физическая подготовка» в формировании профессионально важных качеств у слушателей образовательных организаций МВД России // Культура физическая и здоровье. – 2021. – № 2 (78). – С. 110-112.

МУЗАФИН Руслан Раянович

доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ВЫШТИКАЛЮК Владимир Федорович

доцент кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России

КУРОЧКИН Борис Никифорович

старший преподаватель кафедры техносферной безопасности Государственного аграрного университета Северного Зауралья

РОЛЬ ПРАКТИЧЕСКОЙ СТРЕЛЬБЫ В ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКА ОВД

В статье рассмотрены возможные методы эффективной подготовки сотрудников органов внутренних дел по огневой подготовке к возможному «огневому контакту» с преступником. Необходимость применения табельного оружия — это безопасность самого сотрудника и других лиц, находящихся под угрозой, и поддержание общественного порядка и борьбы с преступностью.

Ключевые слова: сотрудник правоохранительных органов, табельное оружие, огневой контакт, тактическая подготовка, тактическая стрельба, практическая стрельба, стрельбище, тир.

MUZAFIN Ruslan Raynovich

associate professor of Fire and tactical and special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of MIA of Russia

VYSHTIKALYUK Vladimir Fedorovich

associate professor of Fire training sub-faculty of the Omsk Academy of the MIA of Russia

KUROCHKIN Boris Nikiforovich

senior lecturer of Technosphere security sub-faculty of the State Agrarian University of the Northern Urals

THE ROLE OF PRACTICAL SHOOTING IN THE TRAINING OF A POLICE OFFICER

The article discusses possible methods of effective training of law enforcement officers in fire training for possible "fire contact" with a criminal. The need to use service weapons is the safety of the employee himself and other persons under threat and the maintenance of public order and the fight against crime.

Keywords: law enforcement officer, service weapon, fire contact, tactical training, tactical shooting, practical shooting, shooting range, shooting range.

Повседневная служба сотрудника полиции предполагает, несение службы с табельным оружием [3, с. 28], зачастую в условиях, связанных с применением или использованием этого оружия. Эффективность выполнения любой задачи, будь то самооборона или же освобождение заложников, зависит от подготовленности сотрудника, его умения грамотного обращения с оружием и особо важную роль играет не только умения метко стрелять, но и тактическая подготовка сотрудников органов внутренних дел. Она позволяет грамотно, уверенно и эффективно применять табельное оружие в сложной, быстро меняющейся обстановке. От своевременного и правильного действия при обращении с оружием сотрудником зависит не только жизнь и здоровье его самого, но и граждан, напарника или заложника и поэтому на занятиях по огневой подготовке необходимо постоянно совершенствовать навыки практической стрельбы. Актуальным также является организация психологической и юридической подготовки сотрудников параллельно обучению правильному обращению с огнестрельным оружием.

Методы обучения и тренировок по владению своим табельным оружием сотрудниками полиции, особенно в условиях больших физических и нервно-психических нагрузках необходимо постоянно совершенствовать [4, с. 367]. Возможное внезапное возникновение «боевого огневого контакта», скорость его протекания и психологическое состояние сотрудника, вызывают естественное состояние стресса. В этот момент дыхание и сердцебиение учащаются, возможно по-

вышения давление, меняется координация движений, повышается потоотделение, восприятие окружающих событий сильно меняется. Оказавшись в подобной ситуации сотруднику полиции крайне важно сохранять способность принимать правильные решения. В первую очередь необходимо нейтрализовать источник опасности в максимально короткое время с минимальными потерями. Не менее важно постараться выйти из критической ситуации без применения оружия [1, с. 344].

Упражнения стрельб из различных видов ручного стрелкового оружия, которые содержатся в курсе стрельб действующего наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел РФ, не отражают стрельбу в реальных условиях и ситуациях служебно-боевой деятельности.

К реальным условиям оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности при возникновении «боевого огневого контакта» можно отнести:

- быстротечность огневого контакта;
- отсутствие времени на извлечение оружия, приведение его в боевую готовность и тщательное прицеливание;
- короткая дистанция огневого контакта (в пределах 3 метра);
- стрельба в средствах индивидуальной бронезащиты и с применением бронещитов;
- стрельба на фоне физической и психической нагрузок;
- стрельба при условии ограниченной видимости (темное время суток).

При проведении практических занятий в тире или на стрельбище необходимо уделять внимание сознанию подобных ситуации. Выполнять не только упражнения курса стрельб действующего наставления, а моделировать различные ситуации путем различных специальных упражнений и стрелковых тренажеров [2, с. 275].

Для выполнения подобных упражнений сотрудники должны обладать рядом специальных навыков, таких как:

- навык приведения оружия к бою, уметь извлекать оружие из различных кобур в максимально короткое время;
- навык перезарядки оружия, уметь быстро и четко производить смену магазина из различных положений;
- навык ведения стрельбы в средствах индивидуальной бронезащиты и с применением бронещитов;
- навык устранения задержек при стрельбе;
- навык определять важную цель;
- навык стрельбы в движении;
- навык стрельбы по движущейся цели;
- умение использовать рельеф местности при стрельбе для укрытия.

Тактические упражнения позволяют определить собственный алгоритм действий в рамках поставленной задачи: положения для стрельбы, последовательность поражения мишеней, траекторию перемещения между огневыми рубежами, руководствуясь личными подготовленности всех этих отдельных элементов и вырабатывать личную тактическую схему прохождения тактического упражнения, которая выработана многократными тренировками.

Способы применения и использования табельного оружия в реальных условиях «боевого огневого контакта» возникают из особенностей складывающейся ситуации на месте происшествия в момент пресечения противоправных действий.

Для того, чтобы отлично владеть своим табельным оружием, сотрудник должен осознавать некоторые моменты.

1. Хороший выстрел делает не оружие, а человек в руках которого находится это оружие. Каким бы совершенным и современным не было оружие, без хорошей подготовки все его преимущества и качество сводятся на нет.

2. Предугадать ситуацию и положение для стрельбы в момент применения оружия невозможно. При подготовке необходимо строить тренировочный процесс таким образом, чтобы стрелок вынужден был стрелять из неудобных положений, на различном уровне. Мишени располагать на разных дистанциях. Использовать различные движущиеся и качающиеся мишени. Мишенную обстановку строить таким образом, чтобы стрелок самостоятельно выбирал порядок прохождения упражнения.

3. Не менее важным при огневом контакте является контроль расхода боеприпасов. Своевременно производить смену магазина в момент перемещения или использования укрытия. Большая часть огневых контактов заканчивается после нескольких выстрелов. В критической ситуации человек зачастую не может сказать точно сколько выстрелов он произвел. А в целом если дело дошло до смены магазина значит вы много промахивались.

Психологическая устойчивость сотрудника должно являться неотъемлемой частью стрелковой подготовки. Не редки случаи при усложнении условия и порядка выполнения упражнения сотрудник теряет и не может правильно и грамотно использовать свое оружие, хотя при выполнении упражнения курса стрельб показывал хороший и стабильный результат. Во время несения службы с оружием, в случае

необходимости его применения может возникнуть психологический барьер стрельбы на поражение, когда целью будет не абстрактная бумажная или фанерная мишень, а живой человек, пусть даже и преступник или террорист. Несомненно, сотрудник обладающий твердыми навыками обращения табельным оружием имеет гораздо больше шансов при огневом контакте выйти победителем. Ему только остаётся быстро и объективно оценить обстоятельства применения огнестрельного оружия в сложной ситуации и быть психологически готовым к его применению.

Таким образом, при организации занятий по огневой подготовке необходимо организовывать психологическую, юридическую и тактическую подготовку сотрудников к действиям с оружием в различных ситуациях служебной деятельности и правомерному пресечению противоправных действий с помощью оружия. На основе конкретных стрелковых упражнений можно выстроить целую систему подготовки, максимально учитывающую особенности работы того или иного подразделения ОВД.

Пристатейный библиографический список

1. Муртазин А. И. Морально-психологическая подготовка военнослужащих // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 1 (104). – С. 344-345.
2. Никифоров П. В., Музафин Р. Р. Использование стрелковых тренажеров в подготовке сотрудников ОВД // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 3. – С. 275-276.
3. Огрыза А. В., Горячева Н. Ю. Словарь специальных терминов по огневой подготовке [Текст]: словарь. — Уфа: УЮИ МВД России, 2013. — 28 с. — ISBN 978-5-7247-0714-5: 5,47.
4. Таран А. Н., Огрыза А. В. Культура обращения с оружием как основа безопасности // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 8 (147). – С. 367-368.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА БУЛЛИНГА СРЕДИ ПОДРОСТКОВ

В современном обществе широко признанной проблемой является буллинг в различных его проявлениях. Развитию этого явления способствуют условия существования современного общества, в которой зачастую рождаются агрессия и жестокость как между, так и внутри социальных групп. Особенно заметна эта проблема в школьной среде из-за особенностей психики подростков. В данной статье рассмотрены причины буллинга, а также демонстрируют методы профилактики этого явления.

Ключевые слова: буллинг, жертва, агрессия, жестокость, подросток, издевательства.

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

Зорина Н. С.

CAUSES AND PREVENTION OF BULLYING AMONG ADOLESCENTS

In modern society, bullying in its various manifestations is a widely recognized problem. The development of this phenomenon is facilitated by the conditions of existence of modern society, in which aggression and cruelty are often born both between and within social groups. This problem is especially noticeable in the school environment because of the peculiarities of the psyche of adolescents. This article discusses the causes of bullying, and also demonstrates methods of preventing this phenomenon.

Keywords: bullying, victim, aggression, cruelty, teenager, bullying.

В современном мире, агрессия и жестокость между людьми, является серьезной проблемой для общества. Особенно, в подростковом возрасте начинает проявляться агрессия и враждебность к окружающим. Ведь именно подростковый возраст является одним из самых сложных и конфликтным периодом развития и формирования личности. Подростки в этом возрасте придают большое значение ценностным ориентирам практического и реалистического характера, где и идет проявление отклоняющего поведения. Также, стоит сказать, что на данном этапе развития проявляются физические и психологические изменения. Одним из них, является пубертатный период, и тем самым эмоциональный фон у подростка становится неустойчивым, происходит формирование нового образа, физического «Я». И тем самым, подросток вступают в референтную группу к сверстникам, где начинается борьба за авторитет, что влечет за собой ссоры и конфликты. И на этом этапе, возникает проблема буллинга, которая заключается в травле сверстника продолжительное время. Прежде всего, травля начинается из-за того, что каждый стремится самоутвердиться, показать свое лидерство по отношению к другим сверстникам. И поэтому «жертве» становится тяжело изменить свое положение, к которым он подвергается со стороны «обидчика», а также и его друзей. Поэтому важно вовремя остановить процесс жестокости среди подростков.

Под понятием «жертва» подразумевается, что дети и подростки, чаще всего проявляют свою слабость, в них присутствует ранимость, они обладают повышенной чувствительностью. В школе как правило такие дети хорошо учатся, но также есть дети, которые выделяются из коллектива по тем или иным причинам.

Д. П. Таттум понимал под буллингом особый вид насилия, когда человек длительное время нападает физически, либо угрожает другому человеку, слабому и бессильному,

для того чтобы человек ощущал себя изолированным, напуганным, лишенным свободы действий [1].

По данным исследования, проведенным Европейским региональным бюро ВОЗ в 2010 г., 43% российских школьников в возрасте 11 лет подвергались буллингу, в возрасте 13 лет – 39%, в возрасте 15 лет – 25%. По этим показателям Россия занимает 5,6 и 8-е места соответственно по количеству жертв буллинга среди 39 изучаемых развитых стран. В соответствии с исследованием, проведенным В. С. Собкиным и М. М. Смысловой в 2010 г. среди подростков Москвы и Риги, в котором приняло участие 2932 школьника, было выявлено, что 60% обучающихся подвергались буллингу в школьном классе [2]. Распространение данного явления в школьной среде обуславливает необходимость поиска эффективных форм воспитательной работы [3].

Помимо, участвующих в травле, присутствуют подростки, которые смотрят со стороны на конфликт и при этом не участвуют в нем, так называемые наблюдатели. Они стараются не вмешиваться в происходящее, так как могут оказаться на месте жертвы. Таким образом, они только поощряют издевательства, но никак не предотвращают их. Подростки, которые наблюдают за буллингом, зачастую испытывают чувства стыда, так как не смогли вступить за сверстника, а также им и эмоционально тяжело смотреть на издевательства. Ведь они могли оказаться на месте жертвы.

Бывает, что среди одноклассников находятся и защитники жертвы. Иногда появление защитника способно в корне изменить ситуацию (особенно если защитников несколько или с их мнением в классе считаются) — большинство преподавателей оставляют изгой в покое, конфликт сходит на нет в самом начале [4].

Одной из основных причин агрессивности у подростков, которая в дальнейшем приводит к буллингу, является влияние семьи, где присутствует жесткое наказание и физическое насилие. И поэтому подросток считает нормальным такое

поведение в жизни, тем самым думая, что так можно решить проблему. Его цель показать свою силу.

Также можно выделить еще одну причину, по которой подросток склонен к агрессии. Прежде всего недостаточно внимание или даже его отсутствие, со стороны родителей. И тем самым подросток думает, что он нелюбимый ребенок. Таким образом он хочет получить внимание от родных любимым способом. И ему не важно, что он действует негативным методом, для него цель получить внимание от семьи. Но также причиной агрессии может стать и гиперопека, когда родители проявляют тотальный контроль поступков, либо проявляют повышенное внимание. В таких случаях дети часто слышат от своих родителей, что так «нельзя», «не надо». И в свою очередь, данная ситуация их угнетает, тем самым накапливая агрессию.

Причины, по которым принимается позиция обидчика в ситуации буллинга у девочек, связаны прежде всего с гормональным сбоем, также они хотят показать свое лидерство, свои феминистские взгляды. Несомненно, причинами могут стать и семейные проблемы, либо отсутствие матери. Ведь для девочек всегда важно поделиться девичьими секретами, а с отцом не всегда получается найти контакт в данной ситуации.

Одной из причин создания ситуации буллинга у мальчиков является комплекс неполноценности, который возникает одновременно со стремлением к признанию и лидерству. Это может привести к выработке потребности добиваться признания окружающих за счет подавления более слабого члена группы [5].

Общая картина представляет такие причины издевательств над подростками, как гормональный сбой, показать свое лидерство, за счет принижения других сверстников, в том числе на подростках сказываются проблемы семейного воспитания, как непонимание с родителями, так и защитная реакция от пережитого насилия.

Также стоит отметить, что не только дети могут принимать участие буллинга в образовательных учреждениях, но и педагоги. Они могут выступать, как в роли жертвы, так в роли и обидчика. Учителя могут неосознанно способствовать и участвовать в буллинге. Проявляется это негативными высказываниями, запугивающими выражениями, оскорблениями в адрес обучающегося, в том числе и подшучивать над внешностью школьников.

Также еще одной из причин возникновения издевательств является сама атмосфера в образовательных учреждениях. Отношения между подростком и педагогом могут складываться в негативном контексте, с проявлением агрессии и насилия. Несомненно, следует провести анкетирование среди обучающихся, где по результатам анкетирования будет понятна причина проявления буллинга. Тем самым нужно будет провести работу с педагогическим составом и только после этого можно приступать к профилактическим мерам буллинга среди подростков.

Многие учителя, особенно молодые, которые недостаточно обладают опытом в воспитательном процессе, не могут предотвратить и устранить разногласия между подростками и ситуацию с буллингом. Педагоги конечно же пытаются бороться с ситуацией буллинга, но если они не могут справиться, то издеательства между подростками будут продолжаться, и в дальнейшем учитель будет стараться не замечать происходящего.

Таким образом, исходя из вышесказанного, учитель должен предотвращать агрессию и издеательства в школьном коллективе. Для этого необходимо проводить профилактические мероприятия по устранению травли среди учащихся с первых дней проявления издевательств. Должны быть приняты профилактические меры, суть которых заключается в устранении основных конфликтных ситуаций, а также их вторичных проявлений.

Основная цель превентивных мер ситуаций буллинга является помощь детям, научиться справляться с напряженной ситуацией, враждебностью и агрессией.

Тем самым, основными задачами профилактики буллинга являются:

- обучение учителей работе с трудными детьми и решению ситуаций издевательств;
- устранение психотравмирующей и социально - опасной ситуации;
- изменение представлений обучающихся о себе, а также об отношениях с другими сверстниками.
- развитие терпимости, сдержанности и социальной компетентности у обучающихся.

Данные меры по предотвращению издевательств могут охватывать различные формы. Одна из таких мер, является классный час, где дети, вместе с учителем будут обсуждать проблемы класса, выяснять причины конфликтов и учиться их сообща решать. Также педагог может организовать просмотр фильмов, который касается данной проблемы травли, чтобы дети могли увидеть со стороны, что чувствует в этот момент жертва. Тем самым дети будут делиться своими впечатлениями между друг другом и педагогом, приходя к общему положительному результату.

Помимо учителя, основную помощь ребенку должны оказывать самые близкие ему люди, его семья. Ведь именно в семье осуществляется доверие между друг другом в первую очередь. Именно поэтому родителям необходимо по возможности больше времени проводить с детьми, разговаривать с ними, узнавать их интересы, интересоваться их успехами. Несомненно, если в семье будет присутствовать взаимопонимание и поддержка со стороны родителей, то и дети будут прислушиваться к советам родителей.

Тем самым, можно сделать вывод, что только комплексные меры и совместная работа взрослых, поможет подросткам осознать всю ситуацию с травлей. Детям необходимо учиться проявлять уважение в коллективе, и деятельность по профилактике буллинга должна быть направлена на социализацию каждого ребенка в социуме.

Пристатейный библиографический список

1. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. - 2013. - № 3. - С. 149-159.
2. Собкин В. С., Смыслова М. М. Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросскультурного исследования) // Социальная психология и общество. - 2014. - № 2. - С. 72.
3. Соловьёв Д. Н. Использование потенциала первичного коллектива в профилактике буллинга среди школьников подросткового возраста: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Тюм. гос. ун-т. - Тюмень, 2015. - С. 3.
4. Кравцова М. М. Дети-изгои. Психологическая работа с проблемой. - (Психолог в школе). - М.: Генезис, 2005. - 111 с.
5. Петросянц В. Р. Проблема буллинга в современной образовательной среде // Вестник Томского государственного педагогического университета. - Выпуск 6 (108). - 2011. - С. 151-154.

ВЫСОЦКАЯ Дарья Романовна

студент Экономического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

СМЕХОВА Эдуарда Эдуардовна

студент Экономического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ЧЕРНОВ Юрий Иванович

кандидат юридических наук, доцент Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Процессы миграции, которые в последние годы возрастают все больше и больше, оказывают огромное влияние на социально-экономическую и политическую жизнь как мирового сообщества в целом, так и отдельных стран и субъектов. С одной стороны, миграция – неизбежный процесс, который в условиях экономической глобализации является неотъемлемой частью механизма перераспределения трудовых ресурсов, однако с другой стороны создает совокупность неразрешимых проблем, с которыми придется столкнуться в будущем. Проблемы, связанные с количеством рабочих мест, места жительства и многие другие. Решение таких трудностей в России осложняется несовершенством миграционного законодательства и недостаточным контролем над миграционными процессами, протекающими в РФ и ее регионах. В данной статье будут рассмотрены проблемы, разрешение которых должно способствовать развитию миграционного законодательства как внутри Краснодарского края, так и внутри Российской Федерации в целом, улучшению экономической ситуации внутри региона, будет рассмотрена динамика и экономические последствия миграционных процессов внутри субъекта.

Ключевые слова: миграционная политика, Краснодарстат, статистика, экономическое регулирование, нормативно-правовой акт, субъект.

VYSOTSKAYA Darya Romanovna

student of the Faculty of Economics of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

SMEKHOVA Eduarda Eduardovna

student of the Faculty of Economics of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

CHERNOV Yuriy Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

ECONOMIC AND LEGAL REGULATION OF MIGRATION OF THE KRASNODAR TERRITORY

Migration processes, which have been increasing more and more in recent years, have a huge impact on the socio-economic and political life of both the world community as a whole and individual countries and subjects. On the one hand, migration is an inevitable process, which in the conditions of economic globalization is an integral part of the mechanism of redistribution of labor resources, but on the other hand creates a set of unsolvable problems that will have to be faced in the future. Problems related to the number of jobs, places of residence and many others. The solution of such difficulties in Russia is complicated by the imperfection of migration legislation and insufficient control over migration processes taking place in the Russian Federation and its regions. This article will consider the problems, the resolution of which should contribute to the development of migration legislation both within the Krasnodar Territory and within the Russian Federation as a whole, improve the economic situation within the region, the dynamics and economic consequences of migration processes within the subject will be considered.

Keywords: migration policy, Krasnodarstat, statistics, economic regulation, regulatory legal act, subject.

Миграционная политика в целом — это деятельность государства, которая направлена на регулирование процессов экспорта и импорта рабочей силы. Сама миграция делится на два типа: эмиграция и иммиграция, эти термины имеют разные цели и методы регулирования. В данной статье автор считает целесообразным сосредоточить внимание именно

на миграционных процессах внутри субъекта федерации - Краснодарского края. Основная идея статьи - выявить закономерности и особенности правового регулирования миграционных процессов внутри конкретного региона.

Ни для кого не секрет, что глобализация все больше распространяется на все страны мира, что приводит к про-

Высоцкая Д. Р.

Смехова Э. Э.

Чернов Ю. И.

цессам как внутренней, так и внешней миграции, как внутри государства в целом, так и его отдельных регионов. Миграционные процессы в Краснодарском крае продолжают набирать обороты и в январе-июле 2021 года они не стали исключением. Внутривнутрирегиональная миграция увеличилась по сравнению с январем-июлем 2020 года на 32,4 % или на 7 078 человек. Увеличение миграции населения субъекта по сравнению с январем-июлем 2020 года увеличилось на 9 377 человек, или на 59,6 %, что обусловлено увеличением количества прибывших из-за пределов Краснодарского края на 11 843 человека, или 19,0 %. По данным Краснодарстата, за последний год коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек составил 55,1 для всего населения, 80,4 для городского населения и 23,5 для сельского населения. Исходя из информации из официального источника статистики, можно сделать вывод, что количество мигрантов в регионе неуклонно растет, что вызывает ряд вопросов, требующих решения на региональном уровне, и может привести к противоречию между федеральными правовыми нормами и нормами субъектов федерации.

Исследуя данный вопрос, не стоит забывать об основном законе России, а именно о Конституции РФ, где закреплены основополагающие начала федеративного устройства Российской Федерации. Стоит сделать отсылку на ст. 72 Конституции РФ, на основании которой можно сделать вывод о том, что вопросы миграции находятся в совместном ведении РФ и ее субъектов. Также в соответствии с ч. 2 ст. 76 Конституции субъекты обладают полномочиями по принятию нормативно-правовых актов и иных законов в рамках своего ведения самостоятельно [1].

Однако реализацию миграционных нельзя отрывать от ограничения прав и свобод разных категорий граждан Российской Федерации и Краснодарского края, в частности. Основываясь на Конституции, права граждан могут быть ограничены, так как некоторые категории лиц имеют свои ограничения в правовом статусе. В соответствии с требованиями ст. 55 Конституции такие ограничения возможны только:

1. В случаях определенным федеральным законодательством.
2. В целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства;
3. Только в той мере, в какой это необходимо

Исходя из недостаточного правового регулирования миграции на федеральном уровне, регионы и органы местного самоуправления вынуждены решать проблемы самостоятельно, так как оно вынуждено компенсировать пробелы федерального законодательства своей нормотворческой деятельностью. При реализации правовых норм субъекты Федерации применяют ограничительные меры - уменьшение количества мигрантов на территории субъекта, повышение ответственности за нарушение правил режима регистрации, нарушение прав, в том числе имущественных и других, которые вступают в противоречие с Конституцией России и федеральным законодательством, иногда с нарушением установленной законом юрисдикции Российской Федерации. Эта ситуация требует вмешательства органов конституционного контроля на федеральном уровне. Кроме того, представляется возможным законодательно закрепить полномочия субъектов Российской Федерации в области правового регулирования миграции.

Одна из важнейших задач администрации Краснодарского края - рассмотрение вопросов формирования миграционной политики как одного из важнейших направлений государственной деятельности. Однако не следует забывать об интересах приграничных регионов, прилегающих к Краснодарскому краю.

Создать правовую базу для регулирования федеральных и национальных отношений, миграционных процессов, разработать правовые механизмы реализации совместных полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, администрации Российской Федерации. Считаю целесообразным разработать и принять поправки в федеральные законы: «О правовом положении иностранных граждан на территории Российской Федерации» [2], «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [3] а также разработать и принять федеральный закон «О регулировании миграционных процессов в субъекте Российской Федерации». При разработке этих законопроектов необходимо учитывать приграничное положение регионов.

Учитывая приграничное положение Краснодарского края, близость к очагам межнациональной напряженности, ограниченность средств, выделяемых на развитие социальной инфраструктуры, необходимо ввести определенные ограничения на поселение на территории Краснодарского края, особенно в отношении лиц без гражданства и гражданам иностранных государств, а также необходимые меры по перераспределению миграционных потоков в другие регионы Российской Федерации.

Отдельного внимания заслуживает проблема безынициативности законодательных органов субъектов Российской Федерации в законодательном регулировании прав мигрантов. Такая позиция законодательных органов субъектов Российской Федерации обусловлена незаинтересованностью в решении проблем мигрантов, поскольку они обычно не имеют политических прав.

Подводя черту всему вышесказанному, считаю необходимым принять меры правового регулирования по вопросам миграции на федеральном уровне с четко сформулированными нормативно-правовыми требованиями, которые будут применяться во всех регионах, что в дальнейшем будет способствовать упрощению процедуры притока новых мигрантов. Возможность отдельных субъектов самостоятельно решать вопросы миграции с одной стороны помогает в решении индивидуальных проблем, но с другой ведет к разногласиям с федеральным законодательством, что приводит к большому количеству спорных моментов, которые должны быть урегулированы. Автор считает нужным сформировать единое федеральное законодательство для всех субъектов. Принять ряд нормативно-правовых актов, способствующих развитию и систематизации миграционного законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).
2. Федеральный закон от 25.07. 2002 г. N 115-ФЗ (ред. от 31.10.2021) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3032.
3. Федеральный закон от 18.07.2006 г. №109-ФЗ (в ред. от 24.02.2021) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 июля 2006 г. № 30 ст. 3285.

ГОНЧАРОВА Елена Андреевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры управления, экономики и истории физической культуры и спорта Московской государственной академии физической культуры

КОРЕВА Ольга Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры инноватики и прикладной экономики Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В АНТРОПОЦЕНЕ: ОЦЕНКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ РОССИИ-2020

В эпоху антропоцена очень важным является взаимосвязанность человека с окружающим миром в рамках социально-экологических систем. В настоящее время стандартный показатель Индекса человеческого развития (далее – ИЧР) скорректирован с учетом выбросов диоксида углерода и ресурсозатрат на душу населения для каждой из стран мира и представляет собой экспериментальный показатель Индекса человеческого развития с учетом планетарной нагрузки (далее – ИЧРП). Результаты исследования позволили автору определить векторы эффективного государственного управления ресурсами и экологическими преобразованиями в стране.

Ключевые слова: индекс человеческого развития, антропоцен, индекс человеческого развития с учетом планетарной нагрузки.

GONCHAROVA Elena Andreevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Management, economics and history of physical culture and sports sub-faculty of the Moscow State Academy of Physical Culture

KORNEVA Olga Vladimirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Innovation and applied economics sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

HUMAN DEVELOPMENT IN THE ANTHROPOCENE: ASSESSMENT OF RUSSIA'S INDICATORS-2020

In the epoch of the Anthropocene, the interconnectedness of a person with the surrounding world within the framework of socio-ecological systems is very important. Currently, the standard indicator of the Human Development Index (HDI) has been adjusted to take into account carbon dioxide emissions and resource costs per capita for each of the countries of the world, and is an experimental indicator of the Human Development Index taking into account the planetary load (HDI). The results of the study allowed the author to determine the vectors of effective state management of resources and environmental transformations in the country.

Keywords: human development index, Anthropocene, human development index taking into account the planetary load.

За тридцать лет (с 1990 года) совокупность показателей Индекса человеческого развития (ИЧР), отражающих уровень развития человеческого потенциала (возможностей) в странах мира, не потеряли свою актуальность. Общий, четкий, ясный и простой ИЧР, сосредоточенный на доходах, образовании и здравоохранении, как индекс для глобальной оценки и критики, на основании минимального перечня возможностей, необходимых для обеспечения базового качества жизни, скорректировал направленность целей и действий. При этом, следует отметить, что ИЧР остается эффективным только в качестве частичного показателя базовых потребностей, необходимых для обеспечения благополучия, и может быть дополнен более широким кругом показателей и статистических данных в целях более полного отражения состояния и перспектив человеческого развития [1, с. 246]. Так, в мае 2019 года было предложено рассматривать человеческое развитие в контексте антропоцена (эпоха человека) - взаимосвязанности человека с окружающим миром в рамках социально-экологических систем [1, с. 8]. На сегодняшний день понятие «антропоцен» еще формально не введено для обозначения новой геологической эпохи, но некоторые геологи и ученые (Штайнер [6]; Заласевич [5]), изучающие земную систему, предлагают датировать его началом середины XX века [1, с. 48]. По мнению администратора Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) Ахима Штайнера «это означает, что мы являемся первыми людьми, которые будут жить в эпоху, определяемую нашим выбором (эпоха антропоцена), в которой доминирующим риском нашего выживания оказываемся мы сами. Вместе с новым экспериментальным Индексом человеческого развития, скорректированным с учетом планетарной нагрузки, (ИЧРП) мы

надеемся дать толчок новой дискуссии о пути развития для каждой из стран — пути, который нам еще предстоит исследовать» [6]. «Мы должны рассмотреть два критических аспекта человеческого развития: представительство человека (возможность принимать участие в процессе принятия решений и делать желаемый выбор) и ценности (самые желаемые варианты выбора). Особое внимание должно быть уделено нашему взаимодействию с окружающей средой, рациональному управлению природными ресурсами нашей планеты» [2, с. 6], а также учесть беспрецедентную нагрузку, которую испытывает планета в результате деятельности человека.

Для объективной оценки и формирования соответствующих выводов о положении России, проведем эмпирический межстрановой анализ, который заключается в сравнении статистических данных по ИЧР и ИЧРП ряда стран мира. Для эмпирического сравнительного анализа воспользуемся готовыми достоверными данными (2020) Отдела по подготовке 30-го юбилейного выпуска Доклада о человеческом развитии (ОДЧР) [1]. Рассмотрим уточненные данные 2019 года из Доклада о человеческом развитии ПРООН-2020 [1, с. 241] для 195 стран мира по ИЧР и для 169 стран по ИЧРП, т. е. только по странам, для которых производится расчет ИЧРП. Поправка по ИЧРП заключается в умножении ИЧР на корректирующий коэффициент, учитывающий планетарную нагрузку (Кпн), в результате чего получается ИЧРП.

В случае, если какая-либо из стран не оказывает нагрузки на планету, значения ИЧРП и ИЧР для этой страны будут равны. При повышении нагрузки значение ИЧРП будет становиться ниже значения ИЧР. Поправочный коэффициент рассчитывается как среднее арифметическое показателей, относящихся к измерению выбросов углекислого газа на

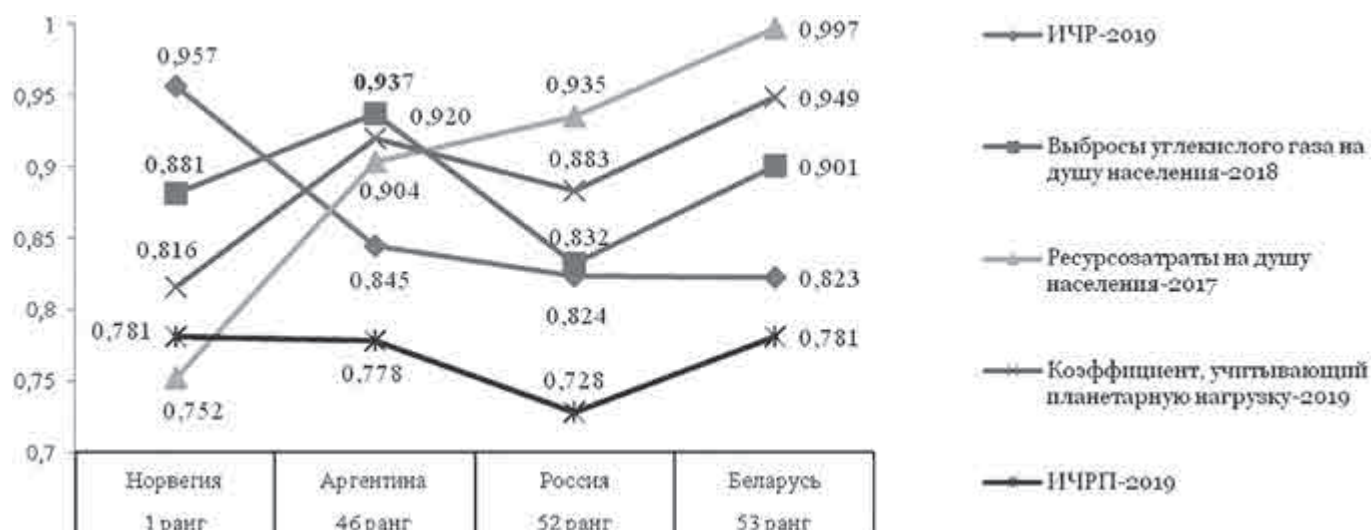

Рисунок 1. Данные по ИЧР2019, Вуг2018, Р32017, Кпн2019 и ИРЧП2019 ряда стран мира (Источник с изменениями авторов: Доклад о человеческом развитии 2020) [1, с. 241]

душу населения, связанных с производством (Вуг), а также относящихся к объемам ресурсозатрат на душу населения (Р3), которые связаны с проблемой замыкания материальных циклов. Выбросы углекислого газа, выражаются в виде индекса с использованием минимального значения равного нулю и максимального значения равного 69,85 тонны на человека [1, с. 241]. Более высокое значение Вуг означает меньшую нагрузку на планету, низкое значение напоминает о задаче ухода от ископаемого топлива.

Ресурсозатраты той или иной страны измеряют масштаб добычи ресурсов (биомассы, ископаемого топлива, металлических и неметаллических руд), используемых для удовлетворения конечного спроса на товары и услуги независимо от того, где именно эти ресурсы были добыты. Этот показатель основан на потреблении и учитывает международную торговлю, а также отражает нагрузку на биосферу, которую оказывает социально-экономическая деятельность, поскольку включает в себя использование биомассы. При этом, в нем также косвенно отражены последствия от воздействия, такие как, например, последствия от землепользования и связанные с ними утрата целостности биосферы [1, с. 235-236]. Ресурсозатраты, выраженные в виде индекса с использованием минимального значения, равного нулю, и максимального значения, равного 152,58 тонны на человека [1, с. 244].

Значение ИЧРП очень близко к значению ИЧР для стран со значением ИЧР 0,7 или ниже. Различия становятся очевидными в случае более высоких значений ИЧР. Но интерпретировать данные значения нужно с осторожностью, поскольку поправка не учитывает ответственность той или иной страны, как текущую, так и историческую [1, с. 237]. Низкий показатель ИЧРП является стимулом для преобразований в странах мира. Итак, в 2018 году список возглавляла Норвегия с наивысшим показателем – ИЧР2018 = 0,957. В 2019 году ИЧР2019 = 0,957; ИРЧП2019 = 0,781; Вуг2018 = 0,881; Р32017 = 0,752; Кпн2019 = 0,816; изменение (снижение) в рейтинге по ИЧР и ИРЧП – «минус» 15. Россия входит в список из 66 стран «с очень высоким уровнем человеческого развития» и занимает 52 место в 2019 году (для сравнения в 2017-2018 гг. 49 место, ИЧР2018 = 0,824) со следующими показателями: ИЧР2019 = 0,824; ИРЧП2019 = 0,728; Вуг2018 = 0,832; Р32017 = 0,935; Кпн2019 = 0,883; изменение в рейтинге – «минус» 4.

Страны Аргентина и Беларусь, рассматриваемые в авторской статье 2020 года [4], в рейтинге 2018 года занимали 48 и 50 место с показателями близкими к российскому показателю по ИЧР2018 и составили 0,830 и 0,817 соответственно. В 2019 году в рейтинге Аргентина поднялась на 46 место, Беларусь занимает уже 53 место. Данные по ИЧР2019, Вуг2018, Р32017, Кпн2019 и ИРЧП2019 для указанных выше стран мира (Норвегия, Россия, Аргентина и Беларусь) для

сравнения наглядно представлены на рисунке 1. Как видно из данных, представленных на рисунке 2, наилучшие показатели у Беларуси: ИРЧП2019 = 0,781; Вуг2018 = 0,901 (меньшая нагрузка на планету); Р32017 = 0,997 (меньшая нагрузка на планету); Кпн2019 = 0,949; ИЧР2019 = 0,823; изменение в рейтинге – «плюс» 33(!). По показателю изменения в рейтинге по ИЧР и ИРЧП к Беларуси близки такие страны, как Коста-Рика – «плюс» 37 (наивысший показатель), Республика Молдова – «плюс» 36, Шри-Ланка – «плюс» 34, Армения – «плюс» 32, Грузия и Панама – по «плюс» 30. В соответствии с рейтингом по ИЧР2019 к странам «с очень высоким уровнем человеческого развития» относятся: 57 – Панама (ИЧР2019 = 0,815, ИРЧП2019 = 0,778); 61 – Грузия (ИЧР2019 = 0,812, ИРЧП2019 = 0,772); 62 – Коста-Рика (ИЧР2019 = 0,810, ИРЧП2019 = 0,779); с рейтингом по ИЧР2019 к странам «с высоким уровнем человеческого развития» относятся: 72 – Шри-Ланка (ИЧР2019 = 0,782, ИРЧП2019 = 0,765); 81 – Армения (ИЧР2019 = 0,776, ИРЧП2019 = 0,745); 90 – Республика Молдова (ИЧР2019 = 0,750, ИРЧП2019 = 0,734).

Данные по рейтингу, ИЧР2019, ИРЧП2019 и разнице в рейтингах по ИЧРП2019 и ИЧР2019 ряда стран мира для сравнения представлены на рисунке 2. В соответствии с представленными данными, Республика Молдова «впереди планеты всей», и ей следует присвоить более высокий ранг среди стран мира. По разнице в рейтингах по ИЧР и ИЧРП у Молдовы 2,1%, ниже процент по этому показателю имеют только страны «со средним и низким уровнями человеческого развития». В настоящее время Республике Молдова трудно «заподозрить» в применении определенных инноваций, «зеленых» технологий, научно-исследовательских разработок (но, что возможно в будущем), скорее всего – это снижение производства, поэтому и ИЧР2019, равный 0,750 и включающий, в том числе валовой национальный доход на душу населения, ниже, чем в других странах.

В целом, наивысший показатель по НИР2014-2018 с рейтингом по ИЧР2019: 2 – Швейцария (НИР2014-2018 = 3,4% ВВП, ВНК2015-2019 = 22,3% ВВП, СЧН2015-2018 = 16,9% ВНД), которая занимает первое место в мире по количеству «зеленых» патентов на душу населения. В частности, альпийское государство является лидером по внедрению энергосберегающих технологий, утилизации производственных отходов и переработке вторичного сырья. Но в основном швейцарские предприятия осуществляют свою деятельность в Казахстане, где расположено, например, три завода швейцарского химического концерна Sika, представительство корпорации Asea Brown Boveri (нефтегазовое и электротехническое оборудование), и другие [3].

По показателям ВНК2015-2019 и СЧН2015-2018 среди рассматриваемых стран с рейтингом по ИЧР2019 наивысший показатель у страны: 57 – Панама (НИР2014-2018 = 0,1% ВВП,

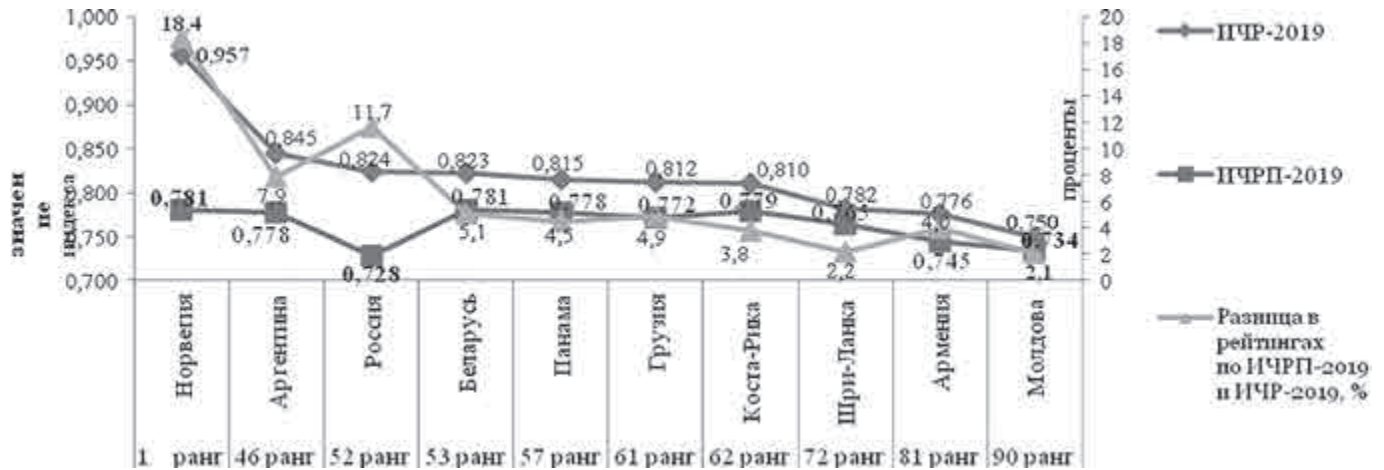

Рисунок 2. Данные разницы в рейтингах по ИЧР и ИЧРП для ряда стран мира в 2019 году (Источник с изменениями авторов: Доклад о человеческом развитии 2020) [1, с. 241]

ВНК2015-2019 = 41,3% ВВП, СЧН2015-2018 = 25,8% ВНД). Наивысший показатель по ВНК2015-2019 среди всех стран мира, с рейтингом по ИЧР2019, у страны «со средним уровнем человеческого развития»: 142 – Непал (НИР2014-2018 = 0,3% ВВП, ВНК2015-2019 = 56,6% ВВП, СЧН2015-2018 = 36,7% ВНД). Наивысший показатель по СЧН2015-2018 среди всех стран мира, с рейтингом по ИЧР2019, у страны «с низким уровнем человеческого развития»: 166 – Джибути (НИР2014-2018 – данные отсутствуют, ВНК2015-2019 = 25,0% ВВП, СЧН2015-2018 = 40,8% ВНД). Представленные показатели приведенных стран (Панама, Непал, Джибути) могут вызвать удивление, поскольку эти страны практически не имеют природных ресурсов для развития промышленности, поэтому и экономика этих стран не на столько развита в соответствии с общепринятыми представлениями. Относительно показателя России, отметим, что среди рассматриваемых стран у России самый низкий показатель по ИЧРП2019 = 0,728, и не самые высокие показатели: НИР2014-2018 = 1,0% ВВП, ВНК2015-2019 = 23,1% ВВП, СЧН2015-2018 = 8,2% ВНД, что является стимулом для экологических преобразований в стране, развитию культуры у населения по использованию ресурсов, и должно способствовать следующему: расширению прав и самостоятельному определению гражданами выбора, приводящего к снижению планетарной нагрузки; подъему ответственности власти, определяющей выбор и возможно приводящий к увеличению планетарной нагрузки, что является не допустимым; разработке и применению «зеленых» технологий и инноваций для расширения возможностей; рациональному управлению природными ресурсами; сокращению выбросов углекислого газа; укреплению равенства доходов и благосостояния; снижению социального дисбаланса в объеме возможностей; предотвращению потерь в целостности биосферы.

Новый, довольно «непростой» для применения показатель ИЧРП, корректирующий стандартный ИЧР с учетом выбросов диоксида углерода и ресурсозатрат на душу населения для каждой из стран, может иметь свое будущее в развитии для будущих поколений, для чего необходим массовый сдвиг в сознании, воплощенный в реальность при помощи мер государственной политики в области экологического развития. Все это необходимо для того, чтобы смело двигаться вперед в новом мире «антропоцена», тогда все человечество найдет свой расцвет, снизив нагрузку на планету. В свою очередь, Россия может занять свое достойное место в международном рейтинге, поскольку уже сделаны определенные шаги в направлении решения основных задач государственной политики в области экологического развития, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, анализ которых будет произведен авторами статьи в своих последующих исследованиях.

Пристатейный библиографический список

1. Доклад о человеческом развитии 2020: Следующий рубеж – Человеческое развитие и антропоцен. – Нью-Йорк, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hdr.undp.org>.
2. Резюме Доклада о человеческом развитии 2020: Следующий рубеж – Человеческое развитие и антропоцен. – Нью-Йорк, 2020. – С. 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hdr.undp.org>.
3. Болдырев О. Эко-технологии Швейцарии, которые делают мир чище [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.swissinfo.ch/rus/sci-tech/инновации_эко-технологии-швейцарии/44980836.
4. Гончарова Е. А., Корева О. В., Корева А. А. Оценка показателей компонентов индекса человеческого развития России / III Арригиевские чтения по теме: «Путь России в будущий мировой порядок». Материалы международной научно-практической конференции. 22-24 октября 2020 г. в 2-х частях. – Часть 2 / Под ред. А. А. Федотова, С. Ю. Глазьева, А. Г. Зайцева, Н. В. Спасской, Е. В. Такмаковой. – Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И. С. Тургенева», 2020. – С. 213-233.
5. Заласевич Дж., Уильямс М., Смит А., Барри Т. Л., Коу А. Л., Боун П. Р., Бренчли П. и другие. 2008. «Мы сейчас живем в антропоцене». GSA Сегодня 18(2): 4.
6. Штайнер А. Предисловие к Докладу о человеческом развитии 2020: Следующий рубеж – Человеческое развитие и антропоцен. – Нью-Йорк, 2020. – С. 111. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hdr.undp.org>.

КРУЧИНИН Сергей Васильевич

кандидат философских наук, доцент, преподаватель Тюменского Индустриального Университета

РОСТ МИНИМАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА

В статье рассматривается повышение заработной платы в условиях монополии на современном рынке труда. В частности, в ней показано, что современный рынок существенно менее мобилен, чем описано в экономической теории, особенно это касается работников физического труда, не имеющих возможность работать в дистанционном формате. Как показывает практика профсоюзы остаются наиболее эффективным механизмом противодействия монополии на рынке труда. При этом их участие ведет к росту заработной платы участников при минимальном снижении фактической занятости.

Ключевые слова: труд, США, монополия, профсоюз.

KRUCHININ Sergey Vasiljevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, lecturer of the Tyumen Industrial University

THE GROWTH OF THE MINIMUM WAGE IN THE MODERN LABOR MARKET

The article discusses the increase in wages in the conditions of monopsony in the modern labor market. In particular, it shows that the modern market is significantly less mobile than described in economic theory, especially for manual workers who do not have the opportunity to work remotely. As practice shows, trade unions remain the most effective mechanism for countering monopsony in the labor market. At the same time, their participation leads to an increase in the wages of participants with a minimal decrease in actual employment.

Keywords: labor, USA, monopsony, trade union.

Несколько лет назад рабочие в США выдвигали смелые требования к некоторым из самых влиятельных корпораций страны, включая повышение заработной платы вдвое по сравнению с текущим уровнем федеральной минимальной заработной платы. На самом деле, слишком смело для многих. Политики-демократы отказались от 15 долларов, которых требовали рабочие. И, за редкими исключениями, вся академические экономисты были против. Экономисты утверждали, что, если бы мы заставили работодателей платить более высокую заработную плату, они просто наняли бы меньше работников. Известный либеральный экономист даже написал статью в «Нью-Йорк таймс» против 15 долларов. Однако борьба за 15 долларов в значительной степени обошла стороной столь важные для экономистов дебаты о том, приведет ли повышение минимальной заработной платы к нулевой или ненулевой потере работы. Вместо этого в нем было сформулировано социальное видение прав трудящихся: работники имели право на достойный прожиточный минимум — их жизнь в бедности была невыносимой в богатом обществе [2].

Игнорируя экспертов, города начали принимать постановления о минимальной заработной плате в размере 15 долларов в час, и экономическое небо не упало. Безработица не взлетела до небес и даже не возросла заметно. Экономисты ошибались. Интеллектуально честные, если изначально ошибались, экономисты искали теории, которые лучше отражали бы реальность, и ранее вышедшая из моды теория, известная как “монополия”, стала новой господствующей общепринятой мудростью. Некоторые экономисты поняли, что совершили ошибку, предположив, что рынки труда являются конкурентными, а это означает, что заработная плата устанавливается безличными силами спроса и предложения. Согласно этим моделям “совершенной конкуренции”, работодатели не имели власти над заработной платой: если бы они попытались сократить заработную плату, все их работники уволились бы. В ранее предполагавшихся конкурентных условиях работодатели активно конкурировали за работников, повышая заработную плату до тех пор, пока

ставка заработной платы не сравнялась с суммой ценности, которую работники вносят в своего работодателя (их “предельный продукт”). В этих условиях работодатели уже платили работникам столько, сколько они могли себе позволить, не имея возможности повышать заработную плату. Законодательно установленная минимальная заработная плата, как того требовала Борьба за 15 долларов, просто вынудила бы их уволить персонал [1].

Однако экономисты теперь понимают, что рынки труда, как правило, неконкурентоспособны: работники не особенно мобильны между работодателями по целому ряду причин (например, поиск работы обходится дорого, а работники ценят аспекты рабочего места, не связанные с оплатой труда), и во многих случаях рынки труда сильно сконцентрированы. Из-за этих факторов работники довольно ограничены в выборе работодателя, и работодатели имеют некоторую свободу действий в одностороннем порядке устанавливать заработную плату. Роль концентрации рынка в содействии монополии важна, поскольку она подразумевает слабое соблюдение антимонопольного законодательства в качестве одной из причин снижения заработной платы. Антимонопольное ведомство, которое до недавнего времени в основном игнорировало проблемы рынка труда, начало обращать на это внимание.

Как антимонопольные работники потерпели неудачу в своих лучших проявлениях, когда обвиняют нынешнее антимонопольное учреждение в том, что оно не соответствует своим собственным целям и причиняет вред работникам в процессе. Познер критикует антимонопольные агентства и суды за игнорирование работников, указывая, что слияния практически никогда не блокируются и даже не оспариваются из-за влияния на рынок труда. Он также предлагает несколько антимонопольных реформ, выступая за то, чтобы положения о неконкурентности были признаны предположительно незаконными, и перечисляет несколько причин, по которым работники должны иметь в своем распоряжении, чтобы подать в суд на работодателей за антиконкурентное поведение в соответствии с Законом Шермана об антимонопольном

законодательстве. К ним относятся слияния на концентрированных рынках, использование неконкурентоспособных и связанных с ними положений, неправильная классификация сотрудников в качестве независимых подрядчиков и нарушение прав профсоюзов работников в соответствии с Национальным законом о трудовых отношениях [3]. Эти реформы стали бы ценными инструментами для работников, борющихся с ограничением заработной платы.

Концепция монополии как провала рынка также формирует подход Познера к профсоюзам. По словам Познера, «теория [профсоюзов] заключалась в том, что, если бы работники объединились, они могли бы использовать предусмотренные законом коллективные переговоры и угрозу забастовок, чтобы помешать работодателям выплачивать им монополистическую заработную плату» [4]. Однако эта теория удивила бы поколения профсоюзных лидеров, которые давно сформулировали свое дело с точки зрения широких социальных ценностей, таких как солидарность и промышленная демократия, а также таких прав, как безопасные рабочие места и свобода от произвола власти. Например, Познер преуменьшает «справедливое дело» или защиту от произвольного увольнения как неэффективную против заработной платы на уровне монополии и предупреждает, что защита рабочих мест может препятствовать мобильности рабочей силы. Но суть положений о справедливом деле, будь то в профсоюзных контрактах или в соответствии с законами штата, заключается не в том, чтобы вообще повышать заработную плату, а скорее в том, чтобы обеспечить работникам защиту от произвола работодателя в рамках авторитарной иерархии на рабочем месте. Оправдание справедливого дела заключается не в исправлении сбоев рынка, а скорее в расширении права на надлежащую правовую процедуру против произвольного наказания на то, что Элизабет Андерсон называет «частным правительством работодателя».

Более того, профсоюзы никогда не стремились устанавливать заработную плату работников на уровне их индивидуальных предельных продуктов. Напротив, профсоюзы вместо этого применяют коллективные нормы справедливости и солидарности с помощью таких средств, как сжатие распределения заработной платы на рабочих местах. Это даже означало сдерживание роста заработной платы для наиболее высокооплачиваемых высококвалифицированных работников (скажем, квалифицированных машинистов) при одновременной поддержке высокой заработной платы работников с более низкой производительностью труда (скажем, дворников). Как давным-давно отметил экономист швейного союза Соломон Баркин, производство — это совместное предприятие, где вклад одного человека зависит от вклада другого. Определить точный вклад какого-либо отдельного человека было невозможно [5]. Роль профсоюза состояла не в том, чтобы заставить дворника и квалифицированного машиниста платить каждому в соответствии с их точной предельной продукцией, а в том, чтобы распределять плоды этого совместного производственного процесса демократически и справедливо.

Антимонопольное законодательство как исправление провала рынка — это ограниченное видение даже самого антимонопольного законодательства. На протяжении всей истории США целью экономического регулирования, включая антимонопольное, никогда не было просто исправление отклонений от представления экономистов об идеале идеально конкурентного рынка. Скорее всего, с начала девятнадцатого века американцы разрабатывали экономическую политику для структурирования и формирования рынков в соответствии с общественными целями. Вопрос заключался не в том, чтобы иметь «большую» или «меньшую» конкуренцию, а в том, какого рода конкуренция? По каким правилам?

Однако, несмотря на рост числа увольнений работников до рекордно высоких показателей в таких отраслях, как

жилье и продовольственные услуги, а также рост числа бастующих работников, подавляющее большинство данных свидетельствует о том, что работодатели по-прежнему доминируют на рынках труда. Между тем, жалобы работодателей на «нехватку» сигнализируют о том, что они все еще используют свою монополистическую власть. В отличие от работодателей на конкурентных рынках труда, которые просто нанимают всех необходимых им работников по рыночной заработной плате, монополисты, обладающие полномочиями по установлению заработной платы, сопротивляются повышению заработной платы для найма новых работников, потому что им также придется повышать заработную плату своим действующим работникам.

Учитывая такую повсеместную монополию, восстановление конкурентных условий является привлекательной политической целью. Но заканчивается ли на этом роль политики исправлением этих рыночных сбоев? Отвечая в основном утвердительно, то, как антимонопольные работники потерпели неудачу, показывает, насколько эта система может помочь работникам. В этот момент растущих ожиданий работников и даже волнений работники и друзья труда не должны соглашаться с основополагающим видением Познера.

Как отмечал экономический историк Карл Полаanyi в 1930-х годах, рынки не существуют вне закона и политики. Скорее, законы создают и структурируют рынки. Возникают вопросы: кто устанавливает правила и с какой целью? Должна ли политика способствовать увеличению полномочий работников? Насколько больше должна быть зарплата генерального директора, чем у производственного работника или работника кафетерия? Перевешивают ли выгоды от повышения заработной платы издержки? По сути, это социальные и политические вопросы, которые должны решаться в законодательных органах и посредством коллективных переговоров, но такие структуры, превращают их в технические, ориентированные на восстановление рыночных условий учебника. Если наша цель состоит в том, чтобы направлять и формировать рынки и поведение бизнеса в соответствии с демократическими общественными целями, мы должны требовать от политики большего, чем просто подталкивать реальные рынки к более полному соответствию идеалу совершенной конкуренции.

Таким образом, было выявлено, что, во-первых, рынок труда даже развитых стран очень далек от совершенной конкуренции. Он по-прежнему часто отражает противостояние монополии и монополии. Во-вторых, экономические теории в данной области терпят крах, и фактически профсоюзы очень эффективны. В-третьих, повышение заработной платы не приводит к сокращению рабочих мест, оно запускает иные экономические механизмы, в частности, инфляционно-го характера.

Приставленный библиографический список

1. Chan J., Nair M., Rhomberg C. Precarization and labor resistance: Canada, the USA, India and China // *Critical Sociology*. – 2019. – Т. 45. – № 4-5. – С. 469-483.
2. Clemens J. How do firms respond to minimum wage increases? understanding the relevance of non-employment margins // *Journal of Economic Perspectives*. – 2021. – Т. 35. – № 1. – С. 51-72.
3. Dustmann C. et al. Reallocation effects of the minimum wage // *The Quarterly Journal of Economics*. – 2022. – Т. 137. – № 1. – С. 267-328.
4. Krueger A. B., Posner E. A. A proposal for protecting low-income workers from monopsony and collusion // *The Hamilton project policy proposal*. – 2018. – Т. 5.
5. Peksen D., Pollock J. M. Economic Globalization and Labor Rights: a Disaggregated Analysis // *Human Rights Review*. – 2021. – Т. 22. – № 3. – С. 279-301.

ХАЧАТРЯН Олеся Александровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры инноватики и прикладной экономики Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

КОРЕВА Ольга Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры инноватики и прикладной экономики Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

О КАЧЕСТВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РАБОТНИКОВ СФЕРЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена проблеме качества человеческого капитала работников сферы общего образования. На основе проведенного анализа была выявлена основная проблема, связанная с несоответствием уровня профессионализма педагогических работников требованиям, которые предъявляются к ним в современных условиях. Это, в свою очередь, обуславливает снижение качества образования, а, следовательно, снижение профессионализма и конкурентоспособности потенциальных работников на рынке труда.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, человеческий капитал, педагогические работники, профессионализм.

KNACHATRYAN Olesya Aleksandrovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Innovation and applied economics sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

KOREVA Olga Vladimirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Innovation and applied economics sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

ON THE QUALITY OF HUMAN CAPITAL OF GENERAL EDUCATION WORKERS IN MODERN CONDITIONS

The article is devoted to the problem of the quality of human capital of workers in the field of general education. Based on the analysis carried out, the main problem was identified related to the discrepancy between the level of professionalism of teaching staff and the requirements that are imposed on them in modern conditions. This, in turn, causes a decrease in the quality of education, and, consequently, a decrease in the professionalism and competitiveness of potential employees in the labor market.

Keywords: post-industrial society, human capital, teaching staff, professionalism.

Концепция развития постиндустриального общества доминирующую роль отводит инвестициям в человеческий капитал, повышению его качества. Основным «инкубатором» человеческого капитала является сфера образования, так как именно в ней в большей степени происходит его формирование и накопление. Социальные институты образования образуют взаимосвязанную систему, качество функционирования которой определяется соответствием требований к качеству всех компонентов человеческого капитала, а эффективность деятельности определяет эффективность развития общества в целом. Для того, чтобы понять те проблемы, которые стоят перед образованием в контексте качества человеческого капитала работников данной сферы, необходимо обратиться изначально к вопросу о том, насколько качество компонентов человеческого капитала соответствует современным требованиям.

Перед современными учителями стоит сложная и важная задача создания условий для формирования и развития творческой и здоровой личности, способной духовно и физически адаптироваться к реальным социальным условиям и реализовать себя в сознательной сфере деятельности, которая отвечала бы общечеловеческим идеалам, принципам и нормам поведения [6, с. 80]. Педагог должен сплотить учащихся и организовать совместную работу, наладить контакт с обучаемыми, их родителями и коллегами, заниматься саморазвитием и так далее. Все перечисленное влечет за собой повышение требований к качеству человеческого капитала работников образования. Для того, чтобы воспитывать и обучать детей, педагог сам должен в полном объеме обладать необходимыми знаниями, профессионализмом, здоровьем, творческими способностями, активностью и организованностью, и нравственными качествами.

Одной из важных характеристик, определяющих качество человеческого капитала педагогов, является их уровень профессионализма. Он оценивается по стажу осуществления педагогической деятельности, статистические данные о котором представлены в таблице 1. Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют, что среди педагогов общеобразовательных школ существенно сокращается численность учителей со стажем педагогической деятельности от 0 до 20 лет. Так, доля учителей со стажем от 2 до 5 лет сократилась за исследуемый период на 2,5 %, а от 2 до 5 лет на 4,4 %, от 5 до 10 на 8,3 %, от 10 до 20 на 6 %. Темп снижения педагогов со стажем до 2-х лет составил 34 %, однако данная тенденция наблюдалась до 2014 года, затем их доля носила относительно постоянный характер, и находилась в рамках 4,7 - 4,9 %. Темп снижения численности работников со стажем от 2 до 5 лет составил 57 %, от 5 до 10 лет - 60 %, от 10 до 20 лет - 34 %. Неуклонно растет количество учителей со стажем более 20 лет, так за анализируемый период данный показатель увеличился на 155,1 тыс. человек, а тем роста составил 30 %. Средний темп сокращения составил для лиц со стажем до 2 лет - 5 %, от 2 до 5 лет - 8 %, от 5 до 10 лет 9 %, от 10 до 20 лет - 4 %. Средний темп роста педагогов со стажем от 20 лет и более составил 3 %. Несколько изменилась, и структура численности педагогов, так если в начале периода примерно две трети составляли педагоги со стажем более 10 лет, то в 2019 году практически это же значение имеет доля учителей со стажем свыше 20 лет.

В данной тенденции, несомненно, есть как положительные, так и отрицательные моменты. Очевидно, что снижение доли педагогов с маленьким стажем воспринимается как повышение качества человеческого капитала работников сферы образования. Это обусловлено тем,

Таблица 1. Распределение по стажу педагогической деятельности учителей общеобразовательных школ [1,2,3]

Год	Ед. измерения	стаж педагогической деятельности				
		до 2 лет	от 2 до 5 лет	от 5 до 10 лет	от 10 до 20 лет	свыше 20 лет
2010	%	7,4	9,2	16,0	31,3	36,1
	тыс. чел.	106,2	132,1	229,6	449,2	518,3
2011	%	7,0	9,4	15,7	30,5	37,4
	тыс. чел.	97,7	131,2	219,0	425,6	521,9
2012	%	5,0	7,3	12,5	29,3	45,9
	тыс. чел.	67,5	98,6	168,9	395,8	620,1
2013	%	4,8	6,7	11,8	29,0	47,7
	тыс. чел.	63,0	87,9	154,8	380,4	625,7
2014	%	4,7	6,5	11,6	28,7	48,5
	тыс. чел.	59,4	82,2	146,6	362,8	613,1
2015	%	4,8	5,8	10,4	27,5	51,5
	тыс. чел.	59,9	72,5	129,9	343,4	643,1
2016	%	4,7	5,6	9,8	27,0	52,9
	тыс. чел.	57,2	68,1	119,2	328,5	643,6
2017	%	4,8	5,3	8,6	26,5	54,8
	тыс. чел.	58,1	64,1	104,2	320,7	663,2
2018	%	4,7	5,1	8,5	25,9	55,8
	тыс. чел.	55,7	60,5	100,8	307,2	661,8
2019	%	4,9	4,8	7,7	25,3	57,3
	тыс. чел.	57,6	56,4	90,5	297,3	673,4

что согласно психологическим исследованиям в первые 5 лет деятельности учителя происходит овладения новыми знаниями и навыками, происходит формирование профессиональной личности педагога. Несмотря на то, что учитель на этом этапе способен работать качественно, у него еще недостаточно навыков, и он обычно осуществляет свою деятельность под руководством более опытных коллег. У него в большей степени преобладают знания над умениями. Он еще не заработал авторитет у учеников и не может в полном объеме и качественно реализовать свой человеческий капитал, так как много времени и внимания уделяет профессиональному становлению и совершенствованию. Поэтому и родители, и обучаемые оценивают качество человеческого капитала у таких педагогов как более низкое, по сравнению с педагогами, имеющими более длительный стаж педагогической деятельности.

Наиболее продуктивной считается деятельность педагога, имеющего стаж от 5 до 15-20 лет. Именно в этот период педагог профессионально сформирован, в совершенстве владеет материалом, сформировано педагогическое мышление, он способен перенимать лучший опыт своих коллег, проявляет успехи в обучении детей, быстро ориентируется в методах обучения. К 20 годам педагогической деятельности возникает наибольшая увлеченность работой [4]. В отношении человеческого капитала данный стаж педагогической деятельности позволяет охарактеризовать компонент профессионализма как очень высокого качества.

При осуществлении педагогической деятельности свыше 20 лет возникает синдром «эмоционального сгорания» педагогов, отсутствует восприимчивость к новому, происходит нарушение взаимодействия как с коллегами, так и, что более важное, с обучаемыми. А также, как утверждают исследователи несмотря на то, что мастерство педагогов на этом этапе находится на очень высоком уровне, творческие возможности педагога сужаются [5]. Следовательно, данный компонент человеческого капитала этой категории работников сферы образования не может быть оценен как высококачественный.

Таким образом, для соответствия современным требованиям большая доля учителей должна иметь стаж от 5 до 20 лет, однако на протяжении всего исследуемого периода их доля не достигает и 50 %, а в 2012 году их доля составила 33 % от общей численности педагогов общеобразовательных учреждений. Это свидетельствует о полном несоответствии уровня профессионализма требованиям к нему. Низкая доля педагогов со стажем до 5 лет и ее стабильное снижение позволяет сделать вывод о нежелании осуществлять педагогическую деятельность и отсутствии потенциала к увеличению учителей с высоким уровнем профессионализма, что ведет к дальнейшему снижению качества человеческого капитала работников данной сферы образования и еще большему отхождению от современных требований со стороны «заинтересованных лиц».

Пристатейный библиографический список

1. Индикаторы образования: 2015. Статистический сборник. – М.: ГУ–ВШЭ, 2015. – 280с.
2. Образование в Российской Федерации: 2017: стат. сб. – М.: Государственный университет –Высшая школа экономики, 2017. – 492 с.
3. Образование в Российской Федерации: 2019: стат. сб. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019. – 444 с.
4. Портал психологических изданий PsyJournals.ru – Специфика профессиональных деструкций личности педагогических работников - Психология образования в XXI веке: теория и практик. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://psyjournals.ru/education21/issue/55833_full.shtml.
5. Рогов Е. И. Личностно-профессиональное развитие учителя в педагогической деятельности: дис. ... докт. пед. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 354 с.
6. Тюльменкова А. А. Роль учителя в формировании личности учащегося // Научный аспект № 2-2018 – Самара: Изд-во ООО «Аспект», 2018. – Т. 1. – С. 80-83.

БАГРОВА Екатерина Викторовна

преподаватель Тюменского индустриального университета

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

В статье рассматривается развитие социальных сетей, а именно их функционала и основных технических элементов, детерминирующих базис взаимодействия с пользователями. Основной упор статьи сделан на типы коммуникации и взаимодействия в социальных сетях, а также на то, какую именно роль в них играет пользователь. Определен вектор развития социальных сетей, который изначально был направлен на то, чтобы раскрыть личность в информационном пространстве. В то время как позже стал направлен на продажи и распространение информации авторами контента.

Ключевые слова: социальные сети, пользователь, роль, поведение индивида.

BAGROVA Ekaterina Viktorovna

lecturer of the Tyumen Industrial University

Багрова Е. В.

A BRIEF HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF SOCIAL NETWORKS

The article discusses the development of social networks, namely their functionality and the main technical elements that determine the basis of interaction with users. The main focus of the article is on the types of communication and interaction in social networks, as well as on what role the user plays in them. The vector of development of social networks has been determined, which was initially aimed at revealing personality in the information space. While later it became aimed at selling and distributing information by content authors.

Keywords: social networks, user, role, individual behavior.

Социальные сети давно стали неотъемлемой частью нашего общества. В частности, они стали появляться еще в начале 2000-х годов в формате дневниковых сервисов, где каждый пользователь мог создать себе онлайн-дневник и вести его. В то время было много текста и почти не было картинок, а тем более видео. Большая часть страниц социальных сетей дневникового типа были посвящены общению между пользователями, а уровень анонимности был очень высок. При этом, на общих страницах сети были списки последних статей по темам или тегам.

Затем в 2004 появился Facebook, а в 2006 году ВКонтакте, а также множество схожих социальных сетей. Стали развиваться так называемые социальные сети-личные страницы, где основной страницей долго была личная страница пользователя, которая лишь затем сменилась лентой новостей. Что изменилось в этих сетях относительно дневниковых? Ключевым изменением была смена формата на менее закрытый, более личный. Стали появляться личные страницы и личная информация пользователя, особенно фотографии, информация о местах работы и учебы. То, что ранее оставалось за кадром теперь выходило на первый план. При этом, возможность выражения своих мыслей существенно снизилась. Стало существенно меньше текста и больше фото. Много более стали важны социальные достижения, чем мысли и размышления пользователя [2].

Итак, дневниковые социальные сети предполагали интеллектуальные дискуссии и были скорее «клубом по интересам», чем местом для «демонстрации личных достижений». Таким образом, наметился еще один очень значимый вектор развития социальных сетей – их сближение с реальным миром. Если раньше виртуальное и реальное пересекались только согласно воле конкретного человека, то сейчас эти части стали неотъемлемыми. Позже, при регистрации в социальных сетях даже стали требоваться настоящие документы, удостоверяющие личность.

Следующей вехой истории развития социальных сетей стали сети по интересам. Это был краткий период, который быстро закончился, когда популярными были конструкторы социальных сетей и многие сообщества самостоятельно пытались создать для себя виртуальные площадки. Большая часть этих идей провалилась, за исключением проектов, где аудитория получала социальные или профессиональные бонусы за выражение собственного мнения. В частности, известный проект Nabr, развивается и по настоящее время. На данной площадке внутренняя конкуренция пользователей стала способом развития сообщества [4]. При этом, во многом такие сообщества развиваются потому, что читателей на них гораздо больше, чем авторов контента.

На смену личным страницам пришел Instagram, который является скорее коллекцией фото из жизни пользователя. И если изначально идея была в том, что можно делиться картинками, то со временем, стало существенно больше фильтров, а желание привлечь аудиторию повысило к ним интерес. По сути, пользователи стали стремиться привлечь аудиторию, показывая свою жизнь более яркой и красочной, чем она есть на самом деле [1]. Позже стали развиваться различные видео форматы. И если Youtube стал площадкой для того, чтобы делиться умениями, навыками и знаниями, а также для того, чтобы высказывать свое мнение на тему, то Instagram стал пристанищем людей, стремящихся продать свой образ жизни, который можно было бы назвать успешным.

Следующей вехой социальных сетей стал TikTok – это социальная сеть, нацеленная на выкладывание коротких видео развлекательного характера. Она характеризуется тем, что авторы легко собирают большую аудиторию для своих видео. Однако, эта аудитория нацелена на потребление исключительно развлекательного контента.

Таким образом, можно выделить ключевые особенности развития социальных сетей:

- больше развлекательного контента;
- больше видео;

- меньше текста;
- меньше смыслов;
- снижение анонимности;
- возросшие продажи;
- быть популярным приравнивается к быть успешным и хорошо продавать, в то время как ранее это приравнивалось к «быть лидером мнения».

Одновременно все серьезные темы для интернет-общения выносятся из социальных сетей, где ранее они обсуждались, в профессиональные сообщества или на Youtube. В то время как социальные сети становятся навданы авторами контента, основной целью которого является продажа. И потребителями такого контента. Молодое поколение продолжает использовать социальные сети как способ самореализации на уровне сравнения со сверстниками. Однако большинство пользователей остаются лишь потребителями контента, а также товаров, продаваемых через социальные сети. Большую часть этих товаров отличает следующее [3]:

- низкая потребность в них вне социальных сетей;
- низкая потребность в них вне рамок данной социальной сети;
- завышенная стоимость;
- продающий контент, который выдается за полезный в различных этапах воронки продаж.

Самым главным последствием данного вектора развития является полное искажение всех смыслов с целью продажи. По сути, вместо того, чтобы отражать мысли автора, жизнь пользователя, современные социальные сети представляют собой всего лишь маркетплейс, включающий информацию о жизни продавца. При этом, вовлеченность в эту жизнь приравнивается к личному бренду, а экспертность к количеству продаж/ подписчиков/ лайков и т.д.

Отдельно необходимо отметить, что если раньше социальные сети предполагали общение людей. Они были площадкой для дискуссий или обмена новостями, информацией. То сейчас эти сети настолько полны продажами и идеями, что можно развить социальную популярность и получать дополнительные доход. Подобный подход удалил из социальных сетей самое главное – готовность пользователей делиться своей реальной жизнью, без фильтров и модельного позирования.

Таким образом, можно говорить о том, что история развития социальных сетей закончилась, по крайней мере на данный момент. Люди перестали хотеть делиться в них своей жизнью. Социальные сети сейчас совмещают желтую прессу, где можно подсмотреть за жизнью звезд, а также маркетплейса, где можно купить какой-то товар. Именно социальные сети стали прибежищем инфоциган, основной целью которых является продажа воздуха.

Говоря же про реальное общение между людьми, оно осталось на уровне личных сообщений в мессенджерах, на уровне сообщений ВКонтакте или вообще звонков и смс. Таким образом, социальные сети, призванные соединить людей, разъединили их, внося очень много разобщенности.

Будут ли в будущем социальные сети, где пользователь действительно смог бы раскрыть себя и свободно общаться с другими? Да, такое возможно, но только в том, случае, если будут выполнены следующие условия:

- социальная сеть действительно будет направлена на людей, а продающие, неживые фото будут скрываться алгоритмами, а не подниматься в них;
- пользователи смогут преодолеть фрустрацию и внутреннее сопротивление для перехода из группы читателей в группу авторов;
- общество сможет сформировать устойчивые формы уважительного поведения и отношения друг к другу, которые будут транслироваться в том числе через социальные сети.

Кроме того, стоит отметить, что при смене парадигмы социальной сети, меняется модель человека в ней. Так, ранние дневниковые социальные сети предполагали пользователя самовыражающегося. Этот пользователь получал доступ к коду страницы для ее персонализированного оформления. Получал почти собственный сайт, мог делать множество переходов между различными форматами контента, а также был абсолютно неограничен количеством символов. По сути, это было площадкой для самовыражения, на которой публичность была не обязательной.

В то время как в социальных сетях страничного типа, публичность стала одной из наиболее важных составляющих. Пользователь в такой социальной сети становился «открытой книгой» или страницей. Он становился набором достижений, мест учебы и интересов, по которым его можно было найти. Человек уже меньше писал, но больше выкладывал фото, а главное – он устанавливал социальные связи с другими людьми через общие места, такие как школа, место работы или даже любимые фильмы. Однако поиск по общим темам постов отошел на второй план. По сути, в этой модели пользователя – цифровой пользователь был почти «паспортом» физического существующего человека.

Затем, с появлением Youtube и Instagram, модель пользователя снова изменилась. В этой модели это был индивид, создающий контент. Фактически, реальные достижения пользователя и даже его мысли стали не так важны, как умение создавать впечатляющий видео и фото контент. Модель пользователя сводится к набору создаваемого им контента, который должен поражать других. В частности, реальные фото становятся не подходящими, а люди должны начинать конкурировать с брендами по качеству фото и уровню их постановки. Таким образом, пользователь как таковой исчезает из социальной сети.

Развитие TikTok предполагает, что пользователь должен представлять контент в виде коротких видео. Таким образом, с развитием социальных сетей модель пользователя изменилась с человека творческого до человека, создающего контент по заранее оговоренным стандартам и правилам.

Пристатейный библиографический список

1. Панченко И. М. Социальные сети как новая форма коммуникации: польза или опасность для общества? // Социология науки и технологий. – 2018. – Т. 9. – № 2. – С. 86-94.
2. Погорелов Д. Н. Структура виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Казанский педагогический журнал. – 2020. – № 4 (141).
3. Польская Н. А., Якубовская Д. К. Влияние социальных сетей на самоповреждающее поведение у подростков // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27. – № 3. – С. 156-174.
4. Филь М. Социальные сети. Новые технологии управления миром. – Litres, 2020.
5. Шарков Ф. И. Социальные сети как основа формирования пространства публичных коммуникаций // Коммуникология. – 2019. – Т. 7. – № 4. – С. 32-40.

ГОФМАН Александр Анатольевич

доцент кафедры боевой и тактико-специальной подготовки Владимирского юридического института ФСИН России

ТИМОЩУК Алексей Станиславович

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России

ДЛИННЫЕ ЦИКЛЫ РОССИИ

Достижение экономических, ресурсных и инженерных пределов развития заставляет искать модели устойчивого развития. Индустриальный и постиндустриальный технологические уклады нуждаются в перезагрузке или в имплементации нового информационно-знаниевого уклада. Системный кризис мировой экономики был описан в вероятностной модели Н.Д. Кондратьева (1892-1938), который работал над одной из важных предсказательных концепций в области экономики, теорией циклов, позже названную «кондратьевскими волнами». Несмотря на новаторскую работу по налаживанию советской экономики в 20-е годы и его веру в революционную социальную программу, Кондратьев не учёл краткосрочные циклы политических репрессий, был расстрелян по сфабрикованному делу и не смог реализовать свою программу антихрупкости.

Ключевые слова: устойчивое развитие, длинные волны, длинные циклы, конъюнктура, Кондратьев, колебания деловой активности, философия выживания.

GOFMAN Aleksandr Anatoljevich

associate professor of Combat, tactical and special training sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

TIMOSCHUK Aleksey Stanislavovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

RUSSIA'S LONG CYCLES

Reaching economic, resource and engineering limits to development forces us to look for models of sustainable development. The industrial and post-industrial technological ways of life need to be rebooted or a new information and knowledge way of life needs to be implemented. Systematic crisis of the world economy was described in the probabilistic model of N.D. Kondratiev (1892-1938), who worked on one of the important predictive concepts in economics, the theory of cycles, later called the "Kondratiev waves". Despite his pioneering work in fixing the Soviet economy in the 1920s and his belief in a revolutionary social program, Kondratiev failed to account for short-term cycles in political repression, and was executed in a trumped-up case and failed to implement his anti-fragility philosophy.

Key words: sustainable development, long waves, long cycles, conjuncture, Kondratiev, Kondratieff, business fluctuations, survival philosophy.

Постиндустриальное будущее мира сталкивается с растущей демографической проблемой и нехваткой энергетических ресурсов. Управляемость человечества – ведущая научная проблема. Рыночная система автоматически не может решить проблемы экологии духа, экологии природы, экологии культура, устойчивого развития. Для обеспечения долгосрочной социокультурной деятельности народа, Россия нуждается в консолидации национальных сил и разработке концепции умного общества. Одной из таких теорий будущего является учение о длинных циклах экономического развития отечественного мыслителя Н.Д. Кондратьева, который ещё в период НЭПа обратил внимание на волатильность индексов и необходимость учёта финансово-экономической нестабильности.

Советская система отторгала любые дефляционные тренды и репрессировала тех экономистов, которые адекватно подходили к прогнозу деловой активности. Хозяйственная модель военного коммунизма была основана на репрессивных методах: экспроприации собственности, изъятии зерна, эксплуатации населения, бесплатном труде заключённых. Попытки совместить мобилизационную военную экономику с реформами потребительского рынка для создания благоприятного имиджа социализма привели, в итоге, к демон-

тажу СССР, ибо реформы Н.С. Хрущёва, А.Н. Косыгина, Ю. В. Андропова, М.С. Горбачёва были неспособны примирить утопические идеалы коммунизма и растущие нужды советского потребительского рынка [5].

Концепцию России как государства «длинной воли» выразил политик В.Ю. Сурков, проводя аналогию между долгосрочными проектами Ивана IV, Петра I, Ленина и В.В. Путина, которые обеспечивали долгосрочное выживание политической системы в сложных меняющихся внешних условиях [4] «Путинизм» – это идеология длинных циклов и адекватной жизнеспособности государства в контексте новой нормальности, VUCA факторности, нестационарности и бескомпромиссности глобальных порядков. Даже после распада СССР Россия сохранила, благодаря В.В. Путину, роль международного актора. Природная интуиция позволяет оставаться Президенту в контакте с пульсом страны и мира, проводя гибкую политику между традициями России и социотехническими инновациями.

В экономической теории, с позиции ценностно-смыслового понимания, политэкономия находится на более высоком уровне потенциальных возможностей творческого развития относительно эконометрической версии взглядов на социально-экономические процессы. Традиционная

составляющая социально-экономических процессов, потенциально, не имеет места в эконометрической версии экономической теории. В то время как в классической политэкономии через категорию рабочей силы есть возможность учитывать традиционную составляющую. Однако надо сказать, что оба подхода не исключают друг друга. Авторы исходят и того, что мир является сложной системой, которая нуждается в комплексных описаниях и универсальных методологических принципах, таких как диалектика, когнитивизм, дополнительность. Политэкономия и эконометрия работают на разных уровнях, и они вполне логично могут друг друга дополнять, опосредуя отношения индивид – традиция – рынок – государство – мировая экономика [3].

На сегодняшний день не существует единой, или общей теории делового цикла, которая вызывала бы единоедушное признание всех экономических школ. Идея построения единой системы объяснения прошлого, настоящего и предсказания будущего очень амбициозна и встречается в самых разных областях: философии, математике, физике, химии, биологии. В традиционных обществах эти функции выполняли миф, религия, астрология. Вместе с тем, построение единой теории всего сущего невозможно, ибо покоится на вере в то, что сущее едино. Это положение непроверяемо, если мы примем во внимание мимолетность цикла цивилизации по сравнению со временем существования Вселенной. Мы никогда не сможем ответить эмпирически, являются ли законы Вселенной однородны и изотропны. Любое математическое или философское доказательство будет разновидностью фидеизма.

Известно более 1300 циклов, из которых выделяются длинные и средние, короткие и сезонные; вызванные технологией и структурой потребностей, демографическими изменениями и изобретениями, внутриотраслевой и межотраслевой конкуренцией, международной торговлей и миграцией и так далее.

Идея построения единой системы объяснения прошлого, настоящего и предсказания будущего очень амбициозна и встречается в самых разных областях: философии, математике, физике, химии, биологии. В экономической теории таким амбициозным предсказательным инструментом является теория длинных волн, называемые ещё «волны Кондратьева».

Николай Дмитриевич Кондратьев – талантливый экономист и организатор экономической науки, ученик М.И. Туган-Барановского, разработчик теории НЭПа, автор денежной политики Советской власти и первой «пяtilетки Кондратьева». Мировую известность ему принесла вероятностная модель прогнозирования развития экономики. Благодаря Й. Шумпетеру, назвавшего суперциклы именем российского экономиста, во всём мире стали известны разработки Николая Дмитриевича (Konratiev waves). Сам он был репрессирован в 30-е годы по сфабрикованному ОГПУ делу трудовой крестьянской партии.

Н.Д. Кондратьев рассчитывал длинные циклы экономики, но не учёл короткие циклы репрессий. После ленинской политики НЭПа Сталин задумал избавиться от «всей этой партийной государственной гнили». Для него Кондратьев, Бухарин и Суханов в начале 1930 г. воспринимались как еди-

ный интеллектуальный центр, мешающий сворачиванию НЭПа[1].

В период террора 30-х годов действовало пять политических изоляторов: Верхнеуральский, Суздальский, Тобольский, Челябинский и Ярославский, где содержались, сначала, реальные политические противники большевистского режима, а, затем, старые большевики, обвинённые по сфабрикованным делам. Суздальский политический изолятор располагался в Спасо-Евфимиевом монастыре, чей мощный крепостной комплекс сооружений наилучшим образом отвечал требованиям органов госбезопасности. Вдобавок монастырь имел специально предназначенный для этой цели арестантский корпус, построенный в первой половине XIX в. [6]. История и устройство монастырской тюрьмы, условия содержания заключённых, состав контингента в «Суздальской Бастилии» хорошо описаны в серии публикации владимирского историка И.Н. Федотовой [7, 8, 9].

Представляют ценность письма Кондратьева, интерес к которым начался с политикой гласности в стране и не прекращается до сих пор, как мы можем судить по публикациям. Переписка экономиста была опубликована в газете «Суздальская новь» (30.12.1988), «Рабочий край» (Вичуга, 6.06.1989), в биографических и эпистолярных сборниках, в краеведческих работах. «Суздальские письма» дополняют обширный эпистолярный жанр интеллектуалов ГУЛАГа. Гинзбург, Солженицын, Шаламов, Гумилёв, Лосев, Иоффе, Флоренский, Шпет и многие другие политзаключённые – писатели, философы, учёные, сохранили в своей переписке сверхчеловеческое усилие жить, любить, работать. Их тюремные тетради – это памятник гуманизма и внутреннего экзистенциального пространства в нечеловеческое время политической машины террора.

На мемориальной доске на территории Спасо-Евфимиевом монастыря Н. Д. Кондратьев помещён рядом с другим экономистом – Леонидом Наумовичем Юровским (1884–1938), работавшим над моделью равновесности кредитно-денежной системы. Их роднит академическая судьба, оба они были арестованы по делу «Трудовой крестьянской партии», оба содержались в Суздальском политизоляторе и были расстреляны на полигоне «Коммунарка». Кондратьев и Юровский считались «вредителями» и за их честную научную позицию и их победили доносами фанатично верующие в торжество пролетарской экономической политики. Их травлю начал Г.Е. Зиновьев, видимо, опасаясь за свою карьеру, что, однако, ему не помогло, и «подхалим Сталина» сам был расстрелян в 1936 г.

Трагично сложилась судьба и другого видного представителя отечественной экономической мысли, Александра Васильевича Чайнова (1888–1937). Чайнов также был репрессирован молодым профессором, как и Кондратьев, оба они стали врагами для Сталина, выступая автономными авторитетами в экономической науке. Теоретики специализировались на аграрном вопросе и имели отличные от большевиков взгляды на решение крестьянского вопроса. Хотя у них были разногласия, они объединяются Сталиным в одном процессе крестьянского движения и оба уничтожены иррациональной машиной НКВД. Оба были лидерами, собиравших вокруг себя заинтересованных профессионалов. Большевизм нетерпим к альтернативному лидерству, это каралось расстрелом.

И Чайанов, и Кондратьев получили всемирную известность за свои труды, в частности, Чайанов – за создание альтернативного аграрного пути экономического развития, теории крестьянской кооперации.

Вместе с Н.Д. Кондратьевым работал и другой специалист, математик Е.Е. Слуцкий. Конъюнктурный институт Наркомата финансов СССР (1920-1928) – это вообще крупнейшее учреждение по изучению советской и мировой экономики, вырабатывавший хозяйственные индексы, о безотлагательной выработке которых, по образцу заграничных *index-numbers*, говорил ещё Ленин. Научное подразделение соответствовало творческой энергии его основателя, который был не только специалистом в экономике, но и большим эрудитом в области математики, социологии, теоретической экономики, статистике, философии. Конъюнктурный институт можно считать школой Кондратьева, институтом высокой научной культуры. Сотрудники работали самоотверженно в трудных материальных условиях; неконтролируемая гиперинфляция была настоящим вызовом, денежным хаосом, которому нужно было давать какую-то рациональную оценку. Конъюнктурный институт мешал Сталину и его окружению независимым мнением. За нормальную науку, за критику пятилетних планов кондратьевская школа и пострадала от советского тоталитаризма. В общественном сознании создавался образ буржуазного врага, ответственного за провалы экономики Красной России [2].

Если вклад Кондратьева заключается в фиксации суперциклов, протяжённостью 45-60 лет, то Е.Е. Слуцкий показал, что внутри экономики нет причины, которая бы действовала настолько систематично (смена укладов, обновление капиталов), чтобы предсказать кризисы. Поскольку дестабилизирующих факторов очень много, экономические циклы похожи на случайные процессы, доказывал Слуцкий, суммируя случайные числа и объединяя их в группы. Хотя полученные графики групп случайных цифр абстрактны, они напоминают экономическое поведение и фиксируют некоторую регулярность. Ряды похожи на циклические, но остаются случайными. Равно как и действие молекул в броуновском движении закономерно, но их множество делает их поведение статистическим.

Ценность работ Кондратьева предстаёт, с точки зрения импульсно-распространительной теории циклов, прежде всего, в указании на длительные периоды вариативности, которые можно экстраполировать и на больший отрезок времени. Существенно, что средние циклы, как бы накладываются на волны больших циклов». Вариабельные накладываются друг на друга, т.е. шок влияет не только на ближайшее будущее, но и имеет эхо. Старые импульсы продолжают влиять, хотя и затухают.

Сегодня, как и вчера, Россия синхронизирована с глобальными трендами, однако множество локальных бифуркаций осложняют путь развития государства. Такими кризисными условиями развития выступали бедность и социальное неравенство, а также политический утопизм и радикализм в решении социальных проблем. После социокультурных травм XX века Россия нуждается в длинных экономических циклах устойчивости. И, напротив, ей крайне противопоказаны политический утопизм и радикализм, ни как короткие циклы, никак как эхо длинных волн.

Пристатейный библиографический список

1. Агеев А.И. Сталин и Кондратьев: три встречи и три правды (интеллектуальная гипотеза) // Кондратьевские волны: наследие и современность: ежегодник. – Волгоград: Учитель, 2015. – 256 с.
2. Комлев С.Л. Конъюнктурный Институт (Судьба научной школы Н. Д. Кондратьева) // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 163-180.
3. Москалёв Ю.Н., Тимощук А.С. Традиционный фактор в социально-экономических процессах // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 4 (5). – С. 224-227.
4. Сурков В.Ю. Долгое государство Путина [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения 07.01.2021).
5. Тимощук А.С. Динамика и проблемы российского государства // Новые контуры социальной реальности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (VII Северо-Кавказские социологические чтения, 14 ноября 2018 г., Ставрополь). – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. – С. 107-110.
6. Федотова И.Н., Котегова П.Д. «Узники совести» в Советском Союзе в 1920–1930-е гг. (По материалам Суздальского политизолятора) // 7. Вестник Пермского ин-та ФСИН России. – 2016. – № 1 (20). – С. 77-78.
7. Федотова И.Н. К истории монастырских тюрем в России: суздальская Спасо-Евфимиева обитель как место лишения свободы (конец XVIII - начало XX века) // Интеллигенция и мир. – 2018. – С. 75-85.
8. Федотова И.Н. Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь как политический изолятор (20-30-е гг. XX в.) // Вестник Владимирского юридического института. – 2009. – № 2 (11). – С. 188-199.
9. Федотова И.Н. Тюрьма в монашеской обители: страницы истории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря // Неклассическое общество: векторы развития: материалы Всерос-сийской науч.-практ. конф. Владимир: Владим. юрид. ин-т, 2008. – С. 317-322.

ИСТОМИНА Ольга Борисовна

доктор философских наук, кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета

РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье анализируется резильентность как свойство социального паспорта современной образовательной организации. Выявлены факторы, определяющие дифференциацию учебных результатов и разрывы в доступности и качестве образовательных услуг. Автор выделяет объективные и субъективные факторы школьного неблагополучия, связывает риски учебной неуспешности с экономическими, поселенческими, демографическими, социокультурными причинами и в целом с уровнем социального благополучия и качества жизни населения. В статье обоснована авторская позиция о необходимости расширения методологической базы программы обеспечения и развития резильентности: от односторонней тьюторской (педагогической) программы до социально-философского осмысления.

Ключевые слова: резильентность, низкие учебные результаты, современная образовательная среда, качество жизни, резильентность образовательных результатов.

ISTOMINA Olga Borisovna

Ph.D. in philosophical sciences, Ph.D. in sociological sciences, Head of Social and economic disciplines sub-faculty of the Irkutsk State University

RESILIENCE AND SOCIAL ENVIRONMENT: MECHANISMS OF INTERACTION IN THE DEVELOPMENT SYSTEM

The article analyzes residency as a property of a social passport of a modern educational organization. Factors determining the differentiation of educational results and gaps in the availability and quality of educational services have been identified. The author identifies objective and subjective factors of school disadvantage, connects the risks of educational failure with economic, settlement, demographic, sociocultural reasons and, in general, with the level of social well-being and quality of life of the population. The article substantiates the author's position on the need to expand the methodological base of the program for ensuring and developing resilience: from a one-sided tutor (pedagogical) program to a socio-philosophical understanding.

Keywords: responsiveness, low educational outcomes, modern educational environment, quality of life, responsiveness of educational outcomes.

Истомина О. Б.

Институт образования является важным компонентом структуры современного общества, выступает маркером всех социальных процессов. Социальные, экономические, демографические, политические изменения являются факторами трансформаций в образовательной среде.

Декомпозиция российского общества, изменения ее социальной структуры определили ряд проблем в образовании, требующих пристального внимания со стороны как государства, так и региональной системы управления. Социально-экономическая нестабильность, глубокие разрывы в материально-техническом оснащении образовательных организаций центральных и периферийных регионов, разность в оценках качества жизни населения, оценок деятельности социальных институтов и уровня доверия населения к ним определяют деструктивные изменения института образования.

Качество жизни населения состоит из множества показателей: кроме показателей материального благополучия, объема потребляемых витальных и культурных благ, не менее важным является доступность и качество образования.

Разрывы в доступности и качестве образовательных услуг в современной социальной среде выражаются через понятия «учебные результаты», «ожидаемые результаты реализации программы», «уровень освоения программы сложным контингентом». Полярность учебных результатов во многом объясняется существующим уровнем жизни и социальным самочувствием населения оптимистичных центральных и депрессивных периферийных регионов. Разность ожидаемых результатов очевидна и обусловлена не только близостью/отдаленностью от центра, но и локальным расположением на территории отдельного региона, населенного пункта.

Разность сред определяет дифференциацию качества образовательных услуг и формирование сегмента школ (в любой социально-территориальной общности), работающих со сложным контингентом обучающихся. «Сложность» проявляется в целом ряде поливариантных характеристик объективного порядка: низкий социально-экономический статус семьи обучающегося; маргинальность семей; неполнота семей и алкоголизация населения; трудности в обучении и социальной адаптации учеников; этно-национальная разнородность класса ввиду диаспорного проживания ряда этногрупп, мигрировавших в регион; билингвальность класса с преимущественным знанием и употреблением в речи родного (нерусского) языка. Также затруднения вызваны факторами субъективного, психологического происхождения: низкая мотивация к обучению; отсутствие устойчивого социального взаимодействия участников образовательного процесса; безучастность родителей в жизни ребенка и мн. др.

Многофакторность данных характеристик объясняется разнообразием причин «сложности» школ с низкими образовательными результатами. Среди них доминирующей является экономическое положение и престижность / непрестижность как региона в целом, так и района конкретной социально-территориальной общности, этническая гетерогенность детского коллектива ввиду возросших миграционных процессов из постсоветских государств, профессионально-образовательный статус родителей. Таким образом, можно определить экономический, поселенческий, демографический, социокультурный характер формирования сложных образовательных сред.

Очевидно, что в каждом регионе есть районы с признаками «геттоизации», диаспорного расселения групп мигран-

тов (как правило, это отдаленные районы социально-территориальной общности с менее развитой инфраструктурой, расположенные вблизи промышленных зон, где стоимость жилого фонда значительно ниже рыночной, что делает данные районы более доступными для аренды, приобретения мигрантами или населением с низкими доходами). Разность районирования поселения закономерно проявляется в рейтинговой дифференциации образовательных учреждений, в которой низкорейтинговые, непрестижные организации, как правило, устойчиво демонстрируют низкие учебные результаты на всех уровнях образования.

Современная система образования находится в активном поиске инструментов демаркации объективных факторов, оказывающих воздействие на снижение успеваемости и методов их нивелирования. Сформированы федеральные программы развития образования и современных механизмов и технологий общего образования, цель которых – «повышение качества образования в школах с низкими результатами обучения и в школах, функционирующих в неблагоприятных социальных условиях, путем реализации региональных проектов и распространение их результатов». Данная цель является ключевой в государственной программе «Развитие образования до 2025 г.» [4; 1].

Инструментарий по изменению низких результатов обучения в школах, функционирующих в неблагоприятных социальных условиях, запланировано осуществляется через управленческие и ресурсные механизмы образовательной организации.

Повышение качества методической грамотности, вовлечение родителей в учебно-воспитательный процесс, внедрение новых педагогических технологий, оснащение школ дополнительным учебным оборудованием, психолого-педагогическая поддержка всех участников образовательного процесса даже в нестабильных условиях работы со сложным контингентом обучающихся способны дать положительный эффект, изменить характер динамики учебных результатов, обеспечить повышение основных показателей качества образовательной деятельности школы, что обуславливает переход образовательного учреждения в другую группу со стабильными или резильентными показателями результатов.

Резильентность образовательных результатов – трудно выполнимое, но все же возможное качество даже в неизменяемых сложных социальных средах. Пилотные проекты, запущенные по всем регионам, это доказывают.

Основными признаками резильентных школ являются:

- контингент (дети из семей с неблагополучным семейным бэкграундом);
- социальное окружение школы и ее потенциал социокультурного центра в неблагополучной социальной среде;
- «интеллектуальный капитал» образовательной организации, т.е. воспитательный и социально-педагогический потенциал коллектива соратников, единомышленников, энтузиастов, что получило название «академический пресс». Заинтересованность и энтузиазм коллектива позволяют обеспечивать резильентность даже в неблагополучных социальных средах [2].

Резильентные результаты достигаются через адресные программы развития, разработанные после грамотного кластерного анализа следующих показателей:

- уровень оснащенности школы;
- дефицит педагогических кадров;
- предметная и методическая компетентность педагогического коллектива;
- уровень преодоления языковых и культурных барьеров;
- учебная мотивация обучающихся;
- уровень школьного благополучия;
- уровень дисциплины в классе;
- доля обучающихся с рисками учебной неуспешности;
- уровень вовлеченности родителей [3].

Даже в сложных социальных средах позволяют обеспечить резильентные устойчивые результаты и их положительную динамику. Кластерный анализ позволил определить пилотные площадки, где отработывается новая методология

обеспечения и развития положительной динамики качества образования.

Методология основана на следующих социально-педагогических задачах, связанных с повышением уровня благополучия образовательной организации. Среди них представляются наиболее результативными следующие:

- во-первых, разработка муниципального плана действий по обеспечению конструктивных изменений в конкретной общеобразовательной организации;
- во-вторых, обновление нормативно-правовой базы и организационно-методического сопровождения школ;
- в-третьих, организация муниципальных стажировочных площадок для руководителей и педагогов;
- в-четвертых, разработка дорожной карты и перспективной программы развития школы;
- в-пятых, модернизация содержания и технологий образования;
- в-шестых, организации внеурочной занятости детей и системы дополнительного образования;
- в-седьмых, организация сетевого взаимодействия пилотных школ с общеобразовательными организациями, имеющими положительные управленческие, педагогические, методические практики повышения качества образования;
- в-восьмых, расширение социального партнерства пилотных школ;
- в-девятых, развитие служб психолого-педагогического консультирования всех участников образовательных отношений;
- в-десятых, укрепление материально-технической базы и информационно-образовательных ресурсов образовательной организации.

Важно понимать, что резильентность – необходимое качество для обеспечения социальной стабильности современного российского общества. Ввиду повышения роли образовательного статуса в информационную эпоху важно не замыкаться на педагогическом аспекте исследования учебной успешности, а, напротив, расширить рамки исследования за счет привлечения социологических методов и социально-философского осмысления, которые связывают учебную успешность с повышением качества жизни населения, развитием культурного уровня и социального благополучия региона в целом.

Не вызывает сомнения, что однонаправленное тьюторское сопровождение участников пилотного проекта не обеспечит достижение положительной динамики всеми участниками проекта, что указывает на сложность поиска эффективных и полиаспектных механизмов выхода школ из рискованных кластеров и обуславливает расширение междисциплинарной методологии повышения качества образования. В условиях социально-экономической нестабильности особое первостепенное значение приобретает такое необходимое качество системы обучения первичным навыкам и компетенциям, как способность воспроизводить образовательные и воспитательные стратегии вне зависимости от условий обучения или ситуации контроля.

Пристатейный библиографический список

1. Государственная программа «Развитие образования» (2018-2025 годы). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.11.2021).
2. Признаки резильентных школ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mel.fm/ucheba/shkola/1967235-resilience_school (дата обращения: 17.12.2021).
3. Рисковый профиль школы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fioco.ru/antirisk> (дата обращения: 17.12.2021).
4. Федеральная целевая программа развития образования на 2016-2020 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/456025900> (дата обращения: 24.11.2021).

ЗЕКРИСТ Рида Ирековна

доктор философских наук, профессор кафедры обществознания, права и социального управления Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы

РОЗЕНФЕЛЬД Вадим Яковлевич

соискатель ученой степени кандидата наук Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы

АДРАХМАНОВА Флорида Ривхатовна

старший преподаватель, соискатель ученой степени кандидата наук Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОБЗОР ПРОБЛЕМАТИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

Данная статья представляет собой краткий обзор англоязычных публикаций на тему цифровизации религиозного образования в период с 1998 по 2021 гг., более углубленный – за последние 4 года на базе данных Science Direct информационной платформы издательства Elsevier. Проблемный обзор основывается на применении библиометрического анализа научных статей по цифровизации религиозного (исламского) образования, количественном и качественном описании, систематизации и сравнении исследуемого практического опыта и знаний с тем, чтобы получить картину новых решений, а также тенденций в перспективах будущих исследований.

Ключевые слова: цифровизация религиозного образования, наука, пандемия COVID-19, «ковидианское образование», исламское образование, цифровая компетентность, цифровая образовательная среда, цифровое неравенство.

ZEKRIST Rida Irekovna

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Social studies, law and social management sub-faculty of the M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University

ROSENFELD Vadim Yakovlevich

competitor of the degree of candidate of sciences of the M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University

ADRAXMANOVA Florida Rivkhatovna

senior lecturer, competitor of the degree of candidate of sciences of the M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University

DIGITALIZATION OF RELIGIOUS EDUCATION: OVERVIEW OF PROBLEMS IN ENGLISH SCIENTIFIC PUBLICATIONS (SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

This article is a brief overview of English-language publications on the digitalization of religious education in the period from 1998 to 2021, more in-depth - over the past 4 years, based on the ScienceDirect database of the Elsevier publishing information platform. The problematic review is based on the application of bibliometric analysis of scientific articles on the digitalization of religious (Islamic) education, quantitative and qualitative description, systematization and comparison of the studied practical experience and knowledge in order to get a picture of new solutions, as well as trends in the prospects for future research.

Keywords: digitalization of religious education, science, COVID-19 pandemic, "Covidian education", Islamic education, digital competence, digital educational environment, digital divide.

Введение

Религия, наука и образование – явления чрезвычайно многогранные, они составляют объект поли- и междисциплинарных исследований. Несмотря на то, что религия – единственная область, где рационально-аналитическая деятельность, обязательная для науки, вызывает к себе напряжённое отношение, в современных науках о религии наблюдается процесс сродни конвергенции, по выражению М. Ю. Смирнова [1, с. 263-269]. Такой современной исследовательской областью, в которой светский и конфессиональный подходы обнаруживают свою поисковую продуктивность, становится цифровизация образования. Мы не будем рассматривать проблемы, обсуждаемые, к примеру, в системе высшего образования, связанные не только с тем, что студенты имеют неограниченный доступ к растущим интернет-ресурсам, доступность онлайн-запроса, обсуждения, производства, сотрудничества и приобретения контента, но и с действительной цифровой

компетентностью студентов, где теоретической основой высшего образования по-прежнему выступают идеи Д. Дьюи, Л. Выготского, Дж. Брунера и Л. Венгера [2; 6].

Наш исследовательский интерес связан с рассмотрением возможных способов и перспектив применения цифровизации в сфере религии. В этом вопросе согласимся с мнением М. Ю. Смирнова [3], согласно которому информационные технологии в религиозных практиках способствуют реструктуризации религиозной жизни в соответствии с изменением современного мира..., цифровизация побуждает религиозные организации к технологическим инновациям. Речь ведь идёт не о самих сакральных сущностях, а о стратегии и тактиках поведения людей, для которых эти сущности обладают тем или иным значением.

Методология исследования

С целью изучения проблематики и актуальных проблем в сфере религиозного образования в контексте циф-

Таблица 1. Стратегия выборки исследовательского поиска

Параметр	Значение
Что искать	Цифровизация исламского образования
Где искать	В названии публикации, в ключевых словах, в аннотации
Тип публикации	Научные статьи, главы в книгах, обзорные статьи, тезисы конференций
Параметры	Искать с учетом морфологии
Период	1998-2021, углубленный срез 2017-2021

Таблица 2. Сравнительная характеристика публикаций по годам, по типу и тематике

Годы (количество публикаций)	Тип статьи (количество публикаций)	Тематика публикаций
2021 (705)	Обзорные статьи (215)	Цифровое неравенство Цифровой разрыв Дистанционное обучение Онлайн-обучение, вызванное пандемией COVID-19 (ковидианское образование) Мусульманские женщины и цифровые медиа Цифровые технологии в образовании Управления цифровыми знаниями
2020 (488)	Научные статьи (2193)	
2019 (286)	Энциклопедия (обзор) (86)	
2018 (219)	Главы в книгах (247)	
2017 (189)	Тезисы конференций (169)	
2016 (171)	Рецензии на книги (10)	
2015 (203)	Отчеты о случаях (3)	
2014 (132)	Информация о конференциях (8)	
2005 (48)	Переписка (4)	
2004 (35)	Статьи с данными (2)	
2003 (33)	Обсуждение (10)	
2002 (11)	Редакции (23)	
2001 (20)	Исправления (1)	
2000 (6)	Мини отзывы (6)	
1999 (5)	Новости (8)	
1998 (28)	Патентные отчеты (1) Практическое руководство (2) Короткие сообщения (25) Другое (373)	

ровизации, более того, авторы обращаются к библиометрическому анализу научной литературы для поиска наиболее перспективных направлений исследований. Как известно, библиометрические методы, исходя из сферы применения, подразделяют на: общие, специальные, комбинированные. Выделим структуру общих библиометрических методов, куда входят – статистический, метод подсчета числа публикаций, индекс цитирования, контент-анализ, тезаурусный, сленговый.

Методология настоящего исследования основывается на применении метода подсчета числа публикаций (число научных продуктов – статей), сленгового метода, который показывает частотность (основная единица измерения) употребления слов в некотором корпусе текстов и, отчасти, контент-анализа. Отметим, что статистическая обработка текстов производилась вручную. В настоящей работе были учтены поисковые наработки и творческие идеи многих исследователей, в том числе, Д. В. Буданцева [4].

Рабочий план исследования включал следующие этапы исследования:

1. Поиск данных по научным публикациям в период с 01.01.2017 по 01.12.2021, зарегистрированных в электронной базе данных ScienceDirect информационной платформы издательства Elsevier, в разделе «Социальные и гуманитарные науки», подразделе «Общественные науки». Единица анализа – число цитирований. Поиск рецензируемых журнальных статей и глав книг (включая контент открытого доступа) осуществлялся по ключевым словам, имени автора, названию журнала. Справка: база данных ScienceDirect – мультидисциплинарная информационная

платформа издательства Elsevier для студентов, преподавателей, ученых, содержащая более 25 % всех мировых публикаций, предоставляющая доступ к более 13 миллионам публикаций, размещаемых в 2500 научных журналах и 35 тысячам книг (Википедия).

2. Предварительная обработка данных: 1) группировка в разрезе тематик исследования; 2) формирование списка популярных публикаций»; 3) тематика наиболее цитируемых публикаций.

3. Сравнение и анализ полученных результатов.

Определена стратегия выборки исследовательских статей в электронной базе данных ScienceDirect как Select fetching (выборка запросом) для извлечения связанных сущностей по типу (табл.1):

Результаты библиометрического анализа

Результатом поискового запроса стало 3386 публикаций (на 01.12.2021), в общее число входят публикации (табл. 2):

Данные выборки показали, что по исследованиям проблем цифровизации исламского образования в период с 1998 по 2021 гг. наиболее распространенными типами публикаций стали научные статьи – 64,7 %, в меньшей степени, главы в книгах – 7,3 %, обзорные статьи – 6,4 %, тезисы конференций – 4,9 % и другое – 16,7 %, что наглядно представлено в диаграмме (рис. 1).

Анализ полученных данных показал, что общее количество публикаций по изучаемой проблематике увеличивается, на графике представлена динамическая картина роста публикаций в период с 2017 по 2021 гг., в которой

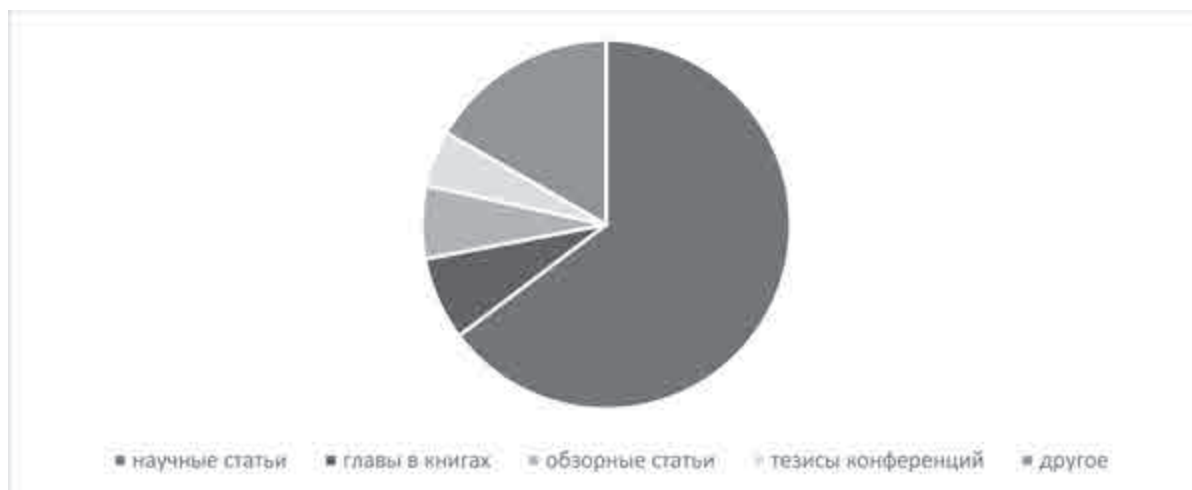

Рисунок 1. Типы публикаций базы данных Science Direct по цифровизации исламского образования

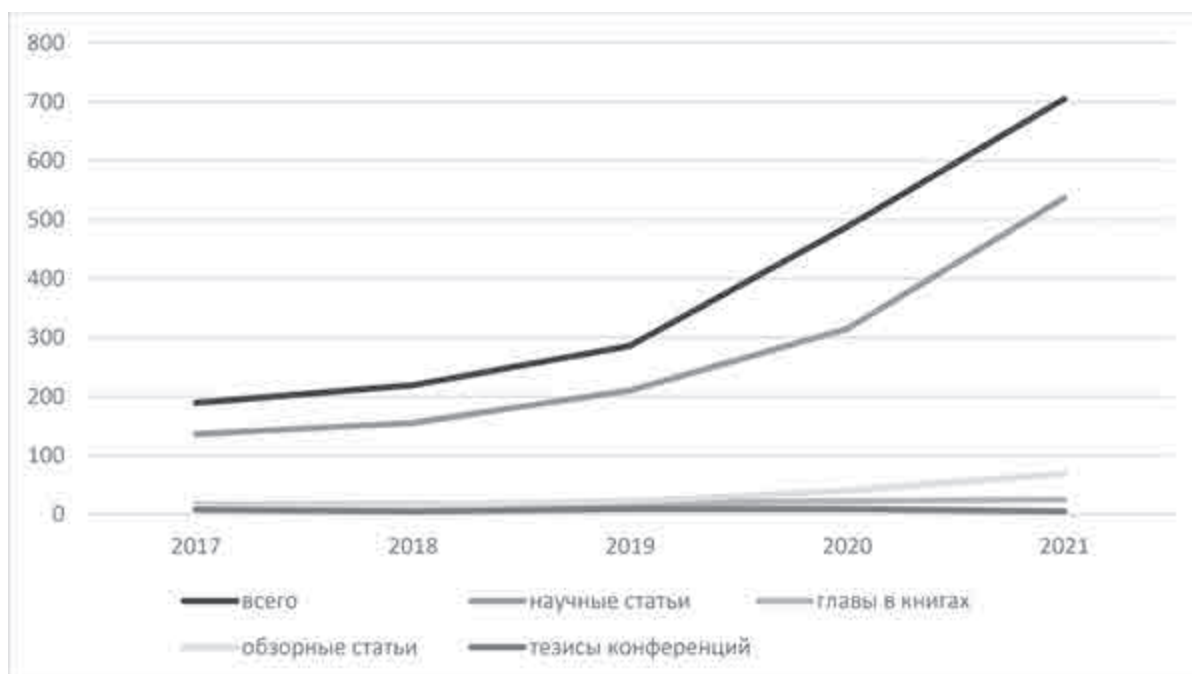

Рисунок 2. Динамическая картина роста публикаций в период с 2017 по 2021 гг.

амплитуда роста научных статей превышает другие типы публикационной активности (рис. 2):

Можно отметить, что по каждому году существует свое процентное соотношение по типам публикаций и ключевым тематикам. Наиболее востребованными тематическими направлениями публикаций из 100 наиболее результативных по цитированию, либо читательской активности оказались в (%) соотношении: «Цифровое неравенство. Цифровой разрыв» (37 %), «Дистанционное обучение. Онлайн-обучение, вызванное пандемией COVID-19 (ковидианское образование)» (33 %), «Цифровые технологии в образовании» (18 %), «Мусульманские женщины и цифровые медиа» (8 %), «Управления цифровыми знаниями» (4 %).

Проиллюстрируем на конкретных примерах. В статье Bayan M. Alsharbi, Omar Mubin, Mauricio Novoa [5] исследуется проблема улучшения опыта преподавания Корана и исламского образования с помощью цифрового сти-

мулятора. Исследователи Ashraf M. Zedan Mohd, Yakub Zulkifli, Bin Mohd Yusoff Mr. Roslan Bin Mohamed в статье «An Innovative Teaching Method in Islamic Studies: The Use of Power Point in University of Malaya» [6] рассматривают цифровые методы обучения исламу в образовательном процессе Академии исламских исследований Университета Малайи, играющих положительную роль как в педагогическом, так и в религиозном смысле. Abdulrahman Essa Al Lily, Ahmed Ali Alhazmi, Sumaia Attia Al Hasan [7] в своей статье описывают культурные рамки арабского образования в условиях пандемии COVID-19, существование «ковидианского образования» в сравнении с доковидианским образованием, цифровые проблемы «выпускников ковидианской школы».

«Muslim women and digital media work in Britain». Так называется статья Saskia Warren [8], которая исследует использование термина «мусульманские женщины» как акт наднациональной идентификации с мусульманами в

аспекте быстро расширяющегося цифрового мусульманского пространства.

Seyeedfarhad Eftekhari zade, Batoolmohammadi [9] исследуют модели для создания управления знаниями в высших учебных заведениях, в том числе, в Исламском университете Азад, в аспекте отношений организационной культуры, информационных технологий, организационной структуры и человеческих ресурсов.

Объяснение проблем кастового разрыва в цифровых технологиях в Индии в статье Vaidehi R., Bheemeshwar Reddy A., Sudatta Banerjee [10] рассматривается как большой цифровой разрыв первого и второго уровня между обездоленными кастовыми группами и другими людьми, коренящийся в исторической социально-экономической депривации обездоленных кастовых групп в аспекте их религиозной принадлежности. Близкое по содержанию исследование Sadia Jamil «From digital divide to digital inclusion» направлено на изучение разнообразных проблем, лежащих в основе структуры цифрового разрыва в Пакистане.

Таким образом, представленные научные статьи в нашем обзоре отражают характер тематики публикаций и общие тенденции в динамике проблем цифрового исламского образования.

Выводы

В статье исследованы обзоры англоязычных публикаций на тему цифровизации религиозного образования в период с 1998 по 2021 гг., включая, углубленный аналитический срез за последние 4 года, на базе данных ScienceDirect информационной платформы издательства Elsevier с помощью библиометрических методов. Полученные результаты исследования показали, что проблема цифровизации исламского образования, обнажив области противоречий, требует дальнейших серьезных исследований. В условиях отсутствия доверия, практически неконтролируемого технологического развития и жесткой конкуренции необходимы инновационные идеи, которые могут создавать альтернативные решения и формы жизни, включая дискуссии о будущем исламского образования. Ядром дискуссий является этика и мораль как области пересечения науки, религии и цифровизации.

Пристатейный библиографический список

1. Смирнов М. Ю. Религии и исследования религий в России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – С. 263-269.
2. Игнатова Н. Ю. Образование в цифровую эпоху / М-во образования и науки РФ; ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», Нижнетагил. технол. ин-т (фил.). – Нижний Тагил: НТИ (филиал) УрФУ, 2017. – 128 с.
3. Смирнов М. Ю. Цифровизация как обнуление религий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2019. – С. 137-145. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-kak-obnulenie-religiya> (дата обращения: 25.11.2021).

4. Буданцев Д. В. Цифровизация в сфере образования: обзор российских научных публикаций // Молодой ученый. – 2020. – № 27 (317). – С. 120-127. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/317/72477/> (дата обращения: 23.10.2021).
5. Bayan M. Alsharbi, Omar Mubin, Mauricio Novoa. Quranic Education and Technology: Reinforcement learning System for Non-Native Arabic Children // Procedia Computer Science. – Volume 184 (2021). – Pages 306–313.
6. Ashraf M. Zedan Mohd, Yakub Zulkifli Bin Mohd Yusoff Mr. Roslan Bin Mohamed. An Innovative Teaching Method in Islamic Studies: The Use of PowerPoint in University of Malaya as Case Study // Procedia // Social and Behavioral Sciences. – Volume 182, 13 May 2015. – Pages 543-549.
7. Abdulrahman Essa Al Lily, Ahmed Ali Alhazmi, Sumaia Attia Al Hasan. Covidian education: An enquiry into Arab culture // Technology in Society. – 24 July 2021. – Pages 101-106.
8. Saskia Warren. Placing faith in creative labour: Muslim women and digital media work in Britain // Geoforum. – Volume 97, December 2018. – Pages 1-9.
9. Seyeedfarhad Eftekhari zade, Batoolmohammadi. The Presentation of a Suitable Model for Creating Knowledge Management in Educational Institutes (Higher Education) // Procedia - Social and Behavioral Sciences. – Volume 29, 2011. – Pages 1001-1011.
10. Vaidehi R., Bheemeshwar Reddy A., Sudatta Banerjee. Explaining Caste-based Digital Divide in India // Telematics and Informatics. Available online 4 October 2021. – Pages 643-656.
11. Sadia Jamil. From digital divide to digital inclusion: Challenges for wide-ranging digitalization in Pakistan // Telecommunications Policy. – Volume 45, Issue 8, September 2021. – Pages 286-299.
12. Дзялошинский И. М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций: монография / Под ред. Л. К. Лободенко. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. – 551 с.

КРАСНИКОВ Сергей Павлович

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин иностранных языков Российского университета кооперации

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ МИФА

Миф - явление многогранное, сложное, миф эволюционирует и изменяет свою функциональную нагрузку в истории культуры. Обращение к его свойствам и функциям позволяет лучше понять феномен человеческой цивилизации. Определено влияние исторических этапов развития на формирование современного понятия мифа. Затронут вопрос функциональной трансформации мифов в ретроспективном срезе и обозначена последняя определенная функция. При анализе трансформации в типах мифов, в качестве наиболее современного типа определен политический миф.

Ключевые слова: миф, мифология, функции мифа, мифологизация, моделирование мира.

KRASNIKOV Sergey Pavlovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Humanitarian disciplines of foreign languages sub-faculty of the Russian University of Cooperation

MODERN UNDERSTANDING OF MYTH

Myth is a multifaceted, complex phenomenon; myth evolves and changes its functional load in the history of culture. Referring to its properties and functions allows you to better understand the phenomenon of human civilization. The influence of historical stages of development on the formation of the modern concept of myth is determined. The question of the functional transformation of myths in a retrospective section is touched upon and the last definite function is indicated. When analyzing the transformation in the types of myths, the political myth is defined as the most modern type.

Keywords: myth, mythology, functions of myth, mythologization, modeling of the world.

Мифы — это таинственный вечный мир, созданный человеком для объяснения природы, космоса, самого себя, для понимания руководящей всем силы, помогающий прикоснуться к тайным механизмам, которые приводят в движение все сущее, и в конечном итоге, чтобы обеспечить себе бессмертие за гранью жизни.

Миф - один из важнейших ключей к этому тайному, в нем сконцентрирован многовековой, архетипный и неосознанный опыт человечества [1]. Особенность мифа заключается в том, что с его помощью предпринимается попытка разгадать вещи, которые невозможно понять и определить раз и навсегда: человек, причинность его поведения, основы сотворения и жизни мира и природы, загадки Вселенной, смерть, рождение и смысл существования, жизнь после смерти.

Цель данной работы - систематизировать достижения научных подходов к изучению мифа как социокультурного явления от давних времен до XXI века, что привели к формированию понятия мифа в современном цивилизационном пространстве.

Понимание и функции мифа, его роль в культурной среде и влияние на развитие человечества были объектом рассмотрения многих ученых и различных научных школ - все они в разные периоды предлагали свой подход к этим вопросам [2]. Несмотря на длительную историю существования и использования мифов со времен зарождения мотивированного поведения, проблема их трактовки не утрачивает своей актуальности, и даже наоборот приобретает новые качественные характеристики и новое содержание.

Несмотря на то, что мифы существовали во всех цивилизациях и во все времена, они часто становились предметом насмешек, иногда считались сказками. Огюст Конт, основатель позитивизма и социологии, относил мифы к наиболее раннему и примитивному уровню интеллектуальной эволюции, а Люсьен Леви-Брюль, французский философ, ассо-

циировал мифы с диалогическим мышлением, общим для самых примитивных этапов развития человечества. На таких постулатах можно сделать вывод, что человечество уже давно должно было вырасти из этого примитивного мышления и отбросить все, что находится за пределами чувственного опыта и чистого разума. Однако как мы видим многие мифы, в том числе давние, до сих пор захватывают наше воображение, и мы до сих пор увлекаемся эльфами, драконами и другими мифологическими существами.

С самых давних времен человек использовал мифы, чтобы выражать свой опыт действительности, которая выходит за пределы физического мира, и передавать его будущим поколениям. Каждый народ в истории имел свои мифы, и некоторые из них до сих пор известны сегодня: миф про Исиду и Осириса, про Икара и Горгону, про Ахиллеса, «Илиада», «Одиссея», «Калевала», мифы Платона, про святых и множество других.

В качестве одной из основных характеристик мифа следует выделить его полифункциональность. Миф в ретроспективном срезе является переменным феноменом - его функции на протяжении веков изменяются вместе с изменением культурных исторических эпох.

Исследователями неоднократно рассматривалось понимание мифа через его функции, которые видоизменялись и добавлялись с течением исторических эпох [3]. При этом функции мифа сохранялись и реализовывались на протяжении всей истории человечества. В качестве последней функции, появившейся на современном этапе (в конце XX в.), или, вернее сказать, определенной, т.к. можно говорить о ее присутствии на более ранних этапах развития, - компенсаторная или социально-компенсаторная функция мифа. Она проявляется в том, что миф является средством утешения, замещения, реализации и удовлетворения потребностей, которые реально, как правило, недостижимы. Миф, обнадеживая человека, создает, пусть и кратковременное,

состояние психологического комфорта. Этим объясняется усиление интереса к мифам в периоды кризисов и потрясений, когда человек пытается с их помощью построить привлекательное и «заманчивое» будущее [4].

Аналогичным образом можно говорить и о наличии определенной трансформации в типах мифов, сопровождающих человечество. В качестве наиболее современного типа мифа следует, на наш взгляд, отметить политический миф.

Политический миф на современном этапе через комплекс коммуникативных атрибутов обеспечивает наследственность поколений, моделирует новое развитие государственности. Политический миф, опираясь на архаичные представления и привычные образы, выступает инструментом информационного конструирования политической реальности и средством коммуникации государственных институтов, политических лидеров и партий с общественностью. Архетипность политических мифов привносит в современность принципы и стереотипы, которые не всегда отвечают современным реалиям, обеспечивая тем самым наследственность поколений и традиций. Особую актуальность политические мифы приобретают в кризисные периоды и революционные моменты развития.

Изменения коснулись и терминологии исследуемого вопроса. В частности, следует отметить возросшую практику использования наряду с термином миф такого его заменяющего понятия (термина), как «стереотип» (или «социальный стереотип»).

Большинство современных исследователей считает, что термин «стереотип» является реакцией сознания на полученную информацию [5]. Данный термин ввел в научный оборот американский писатель и исследователь, автор оригинальной концепции общественного мнения У. Липпман [6]. В то же время данный исследователь рассматривал стереотип как распространенные и предвзятые представления о других людях, что порождает разнообразные межличностные и общественные конфликты, т.е. в основном в социальной плоскости.

В большей степени прослеживается идентичность стереотипа и мифа как терминов в позиции известного историка В. Ключевского, который еще в свое время употребил термин стереотип как что-то естественное, которое исторически возникло, что осуществляет конструктивное стабилизирующее влияние на пораженное массовое и индивидуальное сознание [7, с. 211].

Новое развитие миф получил с активным привлечением к мифотворчеству средств массовой информации. Сигнальный этап качественной эволюции мифов связан с конструированием новых символических форм, что вызвано развитием новых информационных каналов коммуникации и современных сетевых систем. Повсеместная компьютеризация, диджитализация и глобальное расширение интернет-сети привели к существенным изменениям процесса мифотворчества и трансформации трактовки и содержания самих мифов, их можно так сказать «оцифровке».

Однако современная действительность показывает, что из политических или корыстных намерений современные мифотворцы продолжают использовать устаревшие стереотипы и воссоздание негативных мифов для удовлетворения собственных потребностей, что в большей мере проявляется в отношении политических мифов. В то время как творцы мифов должны, учитывая сформировавшиеся исторически конструкции мифов, использовать их для создания позитивного фактора социальных преобразований. При этом органическая связь мифа со стереотипами поведения и мировос-

приятия позволяет с помощью ретроспективного анализа в определенной степени прогнозировать реакцию общества на тот или иной миф.

Х. А. Ливрага был убежден, что человек без мифов, героев и красоты превратился бы в гуманоида, и потерял бы способность проектировать свои надежды в будущее и создавать культурные формы, которые позволяют жить полноценной, преисполненной смыслом, жизнью. Мифы содержат огромную силу для пробуждения внутреннего потенциала человека. Без мифов человечеству не хватало бы такой ценной карты реальности и недоставало бы вдохновения для открытия внутреннего потенциала. Каждое поколение должно воссоздавать миф в соответствии со своим временем и создать свою собственную дорожную карту того, как приспособиться к миру.

Выводы. Бесспорно, в историческом ракурсе каждое поколение исследователей предлагает свои подходы к пониманию сути мифа, трактовке его отличительных признаков. В то же время общим итогом научного дискурса остается позиция о вечности мифов, влияние которых на человеческое сознание и поведение остается неизменным на протяжении всех исторических этапов развития общества. Основным аспектом актуализации мифа на современном этапе является унификация и широкое распространение выработанной столетиями культурной продукции, изменение образа культуры и социальные изменения, влияние культуры центров на периферию, мифологизированные сценарии поведения человека, активное сотрудничество коллективного несознательного и индивидуальной психики, постоянная подпитка старых мифов (особенно религиозных) и создание на их основе новых, универсальность мифа как формы моделирования мира. Можно утверждать, что со временем новые этапы развития человеческой культуры обязательно выработают обновленное понимание сущности мифов и актуализации их роли.

Пристатейный библиографический список

1. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность / Сост. А. А. Тахо-Годи, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, И. И. Маханькова. - М.: Мысль, 1994. - 919 с.
2. Ставицкий А. В. Методологические особенности исследования современного мифа в контексте постнеклассической науки // SocioTime / Социальное время. - 2020. - № 2 (22). - С. 46-55.
3. Иванов А. Г. Мифологизированное прошлое как часть исторической памяти // TempusetMemoria. - 2020. - Т. 1. - № 1-2. - С. 25-30.
4. Ольховиков К. М., Ольховикова С. В. Мифология будущего в современной России // Общество: философия, история, культура. - 2021. - № 2 (82). - С. 21-26.
5. Метелкина Ю. С. Социальные стереотипы - процессы формирования, виды и использование в политике: Информационный подход: дис. канд. социологических наук: 23.00.02. - Новосибирск, 2002. - 142 с.
6. Лукьященко И. Е. Концепция стереотипов У. Липпмана. Плюсы и минусы // Вестник Кыргызско-русского славянского университета. - 2018. - № 7. - С. 36-40.
7. Ключевский В. О. Курс лекций по русской истории // В. О. Ключевский. Сочинения в 9 томах. - Т. I. - М., 1987. - С. 211.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-499-500

ЛУКЪЯНОВ Аркадий Викторович

доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Башкирского государственного университета

ЛАТЫПОВА Айгуль Робертовна

соискатель кафедры философии и культурологии Башкирского государственного университета

ТЕОРЕТИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЕЛЫ СОЦИАЛЬНОСТИ

В настоящей статье дан анализ социальности, ее строения, функционирования и саморазвития. Социальность как совокупность сущностных сил человека, ценностей, освоенных личностью в процессе социализации, является важным духовным ресурсом общества. Авторы настоящей работы выявляют пределы социальности, к которым относятся теоретико-познавательные пределы духовности, связанные с границами существования социального пространства и времени. Социальное время разрушается, когда оно оказывается жестко связанным с застывшими содержаниями и структурами материального бытия. Социальность призвана включаться в будущее, при условии, если она не отрывается от латентного, скрытого содержания исторического процесса.

Ключевые слова: социальность, социальность как совокупность сущностных сил человека, пределы социальности, теоретико-познавательные границы духовности, социальное пространство и время, проблема отрыва социальности от латентного содержания исторического процесса.

LUKYANOV Arkadiy Viktorovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Philosophy and cultural studies sub-faculty of the Bashkir State University

LATYPOVA Aigul Robertovna

competitor of Philosophy and cultural studies sub-faculty of the Bashkir State University

THEORETICAL AND COGNITIVE LIMITS OF SOCIALITY

This article analyzes sociality, its structure, functioning and self-development. Sociality as a set of essential human forces, values mastered by a person in the process of socialization, is an important spiritual resource of society. The authors of this work identify the limits of sociality, which include the theoretical and cognitive limits of spirituality associated with the boundaries of the existence of social space and time. Social time is destroyed when it turns out to be rigidly connected with the frozen contents and structures of material existence. Sociality is designed to be included in the future, provided that it does not break away from the latent, hidden content of the historical process.

Keywords: sociality, sociality as a set of essential human forces, limits of sociality, theoretical and cognitive boundaries of spirituality, social space and time, the problem of separation of sociality from the latent content of the historical process.

Все вещи и процессы включают в себе загадку. Каким образом обстоят дела с теоретико-познавательными пределами социальности? При каких условиях сущностные силы человека и общества не разрушаются, а сама человечность не расчеловечивается? Это и составляет цель настоящего исследования. Нам думается, что пределом становления социальности оказывается сама способность человека к сопротивлению к "органически-осознанному материалу" [1, с. 304].

К. Маркс стремился снять с современности идеологическую пелену с глаз. Он думал о том, что сопротивление теоретико-познавательной способности выступает для человека чем-то неживым. Может ли сопротивление к действию явиться чем-то загромождающим пространство и время неорганических предметов? Может быть, здесь мы имеем дело лишь с антропологическим сообщением, за которым скрывается относительная плотность социальной материи?! Но не применяется ли категория "сопротивления" как раз к области неорганического бытия? В самой природе категория "очеловечивания" мира является противоречивой по своей природе.

В социуме мы наблюдаем частично-каузальное сопротивление физическим процессам. Само понятие "сопротивления" оказывается защищенным в подозрении в тотальном антропоморфизме. В физическом познании мы сталкиваемся с тем обстоятельством, согласно которому в самом объекте берется только препятствующее, которое делается тяжелым для осмысления. В этом плане мы не можем объяснить то, а каким образом следует продвигаться дальше. Нам трудно объяснить теоретико-познавательные границы "сопротивления" в проявлениях "преграда" и "предел". Очевидно, что под "преградой" следует понимать "методическое воздействие предела" [1, с. 306]. Под пределом мы понимаем относительно-неподвижное, а также сложное, которое связано с трудом. Но мы стремимся возвысить проблему духовного труда. Этот труд есть характеристика "невыносимого", которое априорно упирается в сложное, и часто, лишнее единства, так что в результате это сложное вновь и вновь возвращается к "преграде". Те "воды", которые возвращаются в познании смысла человеческого бытия, являются проблемами, которые выступают вновь и вновь обра-

ными к "преграде". Объективно настроенные проблемы образуются как "свидетели" ещё не преодоленного бытия. Тот, кто поднимает проблему, сопротивляясь "сопротивлению", не только обнаруживает "сопротивление", но дела человеческие не могут устранять "преграждающее". Сопротивление в познании человека, зачастую, не может стать объективно-диалектическим противоречием.

Нам думается, что, зачастую, понятие "сопротивления" далеко от агностицизма. Сопротивление человека всему данному оказывается совместимым с относительным пределом знания.

Замкнутая сущность универсума далеко не обладает силой оказать сопротивление смелости познания. Универсум разворачивает перед нашими глазами свое содержательное богатство и свои духовные, нравственные глубины. Нам необходимо задуматься над тем, что нечто не покоится спонтанно-равнодушным образом рядом со своей границей. Сама "граница" выступает как предел знания. Мы стремимся снять "покрывала" с вещей. Нам думается, что перед нами вновь и вновь встаёт проблема отсчёта изначальной точки сознания. Самосознание, которое И. Кант выделил в качестве ведущего понятия, сегодня приобретает значение темы, которая получает, наконец свое законное место. Тема самосознания устремлена не только к духовному свету разума, но и к тому, что высвечивает познаваемое. Этот "духовный свет" связан с объектным познаваемым. Эта теория изгоняет "ночь" и человек стремится вырваться наружу, когда все "духовное" светится. Мы не должны, при этом, забывать то, что позабыл И. Кант, а именно, проблему об объективном "логосе" и его противоположности. Вопрос заключается не только в объективном "логосе" и его противоположности, но и в том, а каким именно образом сам мир познания должен иметь именно такие свойства, чтобы мы математически получили естественнонаучные «апоории» объекта? Кроме того, проблема объектного сопротивления связано с духом "Фауста", который постоянно устраняет несовместимость самосознания с самоограничивающим "я". Человек никогда не пожертвует своим нравственным долгом. Однако сила сопротивления долгу со стороны объекта, скорее всего, идеалистична. Ведь наша задача состоит в поиске предела "не-я", которое ищет в себе

продуктивную силу “я”, самосознания. Сила духовного сопротивления “я” не владеет расширением плотности объекта, природы, поскольку все границы “не-я” полагаются посредством автономного самоограничения самосознания. Идея “я” трудно обживается в твердом мировом пространстве. Мы, при этом, часто, не узнаем эту проблему самоограничения “я” как силу интеллектуального удивления субъекта. Но удивление, согласно Платону, есть начало философствования. Удивление связано с субъективно-деятельностной стороной постижения проблемы, а, тем самым, с проблемой, высвечивающей тысячи границ в познании бытия объекта. При этом сами познавательные границы включают в себя то обстоятельство, что они пребывают в мире, который задает для себя реальные границы. Но даже в тот момент, когда весь мир доктора “Фауста” не освещается внутри самого себя, его всепроникающая наука заключает в себе «апорию» вещей и «процессов».

Гегелевская диалектика показывает, что идеалистическое учение о противоречии делает вид, что обходится без учения о сопротивлении в универсуме. Без идеи “сопротивления” мир существовать не может. Просто в мире не существовало бы нечто, которое не должно было быть таким, если бы сам мир не мог оказаться подвергнутым процессу моделирования возможного, а тем самым, и диалектического.

Когда ты пытаешься выразить возможное как некий далекий смысл, то перед нами встает вопрос о социальном пространстве и времени. Сущее, как замечает И. Кант, антитетично [2, с. 399-404]. Именно поэтому сам “трансцендентальный разум не допускает никакого иного критерия, кроме попытки объединения своих утверждений друг с другом, и, стало быть, прежде всего попытки свободного и беспрепятственного состязания их между собой” [2, с. 403].

Когда мы начинаем анализировать теоретико-познавательные пределы социальности, то в этом случае трудности познания, а также того, что на них воздействует, выглядят обоснованными и разрешительными. Человек в своей жизни соприкасается с сопротивлением. При этом, объективное и субъективное, все активно действующие и содержательное присутствует в самом предмете познания. Субъект особенно сильно соприкасается с активным сопротивлением своей деятельности. Но гуманистические идеи, гуманитарные ценности, должны влияться в сознание людей, материализоваться в социальной практике. “Только в этом случае, – как полагает И. М. Орешников, – гуманное общество станет реальностью” [3, с. 90].

Разумеется, нам не следует сдерживать научно-технический прогресс, отказываться от роли искусственного интеллекта в обществе, от научной организации труда, но мы призваны к тому, чтобы социально ориентировать технический прогресс в плане возрастания его гуманитарной составляющей.

Видимо, существует пределы теоретико-познавательных возможностей человека. Когда человек вмешивается в объективный мир и возникает несоответствие производительных сил и производственных отношений, то самое главное состоит в том, чтобы не довести развитие общества до негативных последствий.

Сами пределы социальности – далеко не препятствие для всего “объектного”. Социальность, связанная с развитием сущностных сил человека и общества, связана не с отрицанием всего существующего, а с преодолением негативного.

Самое главное заключается в том, чтобы не нарушился жизненный “пульс” социальности. Но мир сегодня оказался расколотым на искусственное и естественное. Трансцендентальный рассудок не может существовать с искусственно сопряженным тождеством “субъекта и объекта”. Все было бы не так плохо, если бы к логическому движению категорий, как это мы наблюдаем у Гегеля, не оказалась бы прибавленным движение “теоретико-познавательной рефлексии” [4, с. 427].

Пределы социальности измеряются прекрасным и полезным, волевым актом конституирования реальности, неким “томлением”, которое связано с желанием сильной власти, стремлением к “тотальной организации”. Нам необходимо подумать о неразрушимом и гармоническом единстве всех форм духа – искусства и науки, философии и политики, нравственности и религии. Но это единство как бы “усыпляет” все противоречия и различия жизни [5, с. 270].

Сами теоретико-познавательные пределы мысли постоянно пронизывались “токами”, получая биологический и физиологический привкус. Социальное время не связано с чистой импровизацией. Само время несовместимо с миром социальных катастроф, где отражается антиномичная структура человеческого бытия.

Пределы социальности связаны с борьбой и взаимный помощью, жизнью и смертью, случаем и смыслом бытия человека [6, с. 256]. Действительный, мыслящий человек оказывается расположенным как бы между двумя мирами. Один из них – мир эмпирической предметности, а другой – сфера внутренних сил и творческих потенциалов субъекта.

Эти противоположности контрастны; они взаимным образом пробуждают друг друга. Человек призван преодолеть данные противоположности, чтобы стать общественным человеком. Но человек чаще всего выдает “свою индивидуальность за нечто всеобщее” [7, с. 275].

Теоретико-познавательные пределы социальности при этом, оказываются сопряженными с духовно развитым субъектом, который приобщается к культуре как нечто всеобщему началу. Но предел социальности связан с преодолением антагонизмов общественной жизни, с испытанием человека властью, с преодолением искуса богатством, в результате чего философская мысль становится чем-то упорядоченным [8, с. 57]. Данное упорядочивание рождается при помощи осознания методов продвижения человека к социальной жизни.

К этим методам можно причислить идеи “самопознания”, “развития”, саму научную мысль как общепланетарное явление [9]. В данном отношении пределы социальности, безусловно, зависят от интенсивности социальных изменений [10, с. 66]. Социальное время течет медленно, если изменений мало. Наоборот, возрастание скорости изменений приводит к ускорению хода времени.

В заключениях мы хотим заметить следующее и сделать следующие выводы. Во-первых, философская мысль XX и XXI вв. неизбежным образом оказывается связанной с диалектикой. В данном отношении исследование теоретико-познавательных пределов социальности связано с анализом социального времени, которое разрушается, если оказывается жестким образом связанным с застывшими содержаниями и структурами материального бытия.

Во-вторых, диалектика “является поистине всеобщим признаком” нашего сегодняшнего мышления и сознания [11, с. 11]. К этому нас побуждают открытия в сфере современного научного познания. В этом плане сама “социальность” призвана включиться в будущее, но только, если она не окажется оторванной от латентного, неявного и скрытого содержания самого исторического процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Блох Э. Тюбингенское введение в философию / Пер. с нем. Т. Ю. Быстровой, С. Е. Вершинина, Д. И. Криушова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1997.
2. Кант И. Сочинения в шести томах. [Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гульги, Т. И. Ойзермана.]. – М.: «Мысль», 1964. – Т. 3.
3. Орешников И. М. Что такое гуманитарная культура? – Изд-во Мордовского университета, 1992.
4. Kroner R. Von Kant bis Hegel. В. 2. – Tübingen, 1914.
5. Гарин Э. Хроника итальянской историографии XX века (1900 – 1943). – М., 1965. – С. 270-271.
6. Jaspers K. Psychologie der Weltanschauungen. – Berlin, 1960. – S. 419-256.
7. Критика немарксистских концепций диалектики XX века. Диалектика и проблема иррационального / Под ред. Ю. Н. Давыдова. – М.: Изд-во МГУ, 1988.
8. Karl Jaspers. Hrsg. von P.A. Schilpp. – Stuttgart, 1957.
9. Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. – Париж, 1949.
10. Богомолов А. С. Идея развития в буржуазной философии XIX и XX веков. – М., 1962.
11. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. – М., 1977.
12. Поздьева С. М. Социальная философия: учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017.
13. Heiss R. Wesen und Formen der Dialektik. – Köln, 1959.

МОРОЗОВА Ольга Владимировна

магистр экономических наук Минского института управления, г. Минск, Республика Беларусь

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Данная статья рассматривает один из актуальных и однозначно не раскрытых философских вопросов о пространстве и времени. В работе проанализированы основные подходы к категориям «пространство и время», начиная с древней античности по настоящее время. В исследовании автор опирается на теории философов, физиков разного времени, а именно Демокрита, Аристотеля, Лейбница, Эйнштейна и др. Автор уделяет особое внимание реляционной теории пространства и времени, сравнивает основные подходы к описанию мира в рамках данной концепции. Значительное внимание уделяется континууму «пространства – времени». Автором рассматривается «виртуальное» время и время «реальное». Проводится анализ взаимосвязи двух данных типов времени в современном мире, исследуются их преимущества и недостатки. Обосновывается мысль о дальнейших исследованиях, направленных на изучение восприятия человеком времени и пространства.

Ключевые слова: пространство, время, философия, реляционная концепция, категории.

MOROZOVA Olga Vladimirovna

magister of Economic sciences of the Minsk Institute of Management, Minsk, Republic of Belarus

SPACE AND TIME: BASIC CONCEPTS

This article examines one of the topical and unambiguously undisclosed philosophical questions about space and time. The work analyzes the main approaches to the categories of "space and time", from ancient antiquity to the present. In the study, the author relies on the theory of philosophers and physicists of different times, namely Democritus, Aristotle, Leibniz, Einstein, etc. The author pays special attention to the relational theory of space and time, compares the main approaches to describing the world within the framework of this concept. Considerable attention is paid to the "space-time" continuum. The author considers "virtual" time and "real" time. The analysis of the relationship between these two types of time in the modern world is carried out, their advantages and disadvantages are investigated. The idea of further research aimed at studying human perception of time and space is substantiated.

Keywords: space, time, philosophy, relational concept, categories.

Морозова О. В.

Каждый день в своей жизни человек находится в мире вещей и событий. Люди выходят из своего дома, спешат на работу, в школу или просто на деловую встречу к определённому времени. Однако редко кто задумывается над понятием времени, к которому привязывают свои дела, и пространства, в котором существуют. Так ли очевидны эти понятия, как сформировались в умах людей и вообще реальны ли они на самом деле или являются лишь вымышленной иллюзией? Этот сложный и загадочный вопрос интересовал философов ещё с античных времён. Великие мыслители, физики и математики выдвигали разные концепции о времени и пространстве. И, тем не менее, несмотря на глубокое изучение вопроса, так и не смогли прийти к единственно верному умозаключению. Поэтому в современной науке исследование категорий «пространство и время» является одним из ключевых и актуальных вопросов.

Так что же такое время и пространство? Для того чтобы наиболее полно раскрыть суть данных категорий необходимо вернуться к наиболее раннему пониманию человеком пространства и времени. Так, уже натурфилософия античных времён говорит о линейности времени или о временной стреле, которая движется из прошлого через настоящее в будущее. Что же касается пространства, то в древней античности у разных мыслителей существовали различные друг от друга мнения. Философы-идеалисты воспринимали пространство и время или, как формы индивидуального сознания (Беркли, Юм) или, как формы чувственного созерцания (Кант). Материалисты, напротив, говорят о неотделимости пространства и времени от материи. Например, Демокрит – один из основоположников атомистической теории считал пространство неделимым и бесконечным. Демокрит утверждал, что пустота существует для перемещения атомов. В свою очередь, Эмпедокл выступал за невозможность существования пустоты. Таким образом, уже в эпоху древней античности формируются различные представления о времени и пространстве. Позже, в Средневековье были сформированы свои

представления о данных категориях. В Средние века преобладала религиозно-идеалистическая философия, опирающаяся на церковные учения и богословие. Таким образом, в центре мира, его источником и причиной в средневековой схоластике является Бог. Бог и создаёт некое ограниченное пространство, сам находясь вне пространства и вне времени. С развитием общества и мира в целом стали развиваться и науки. Переломным временем становится 16 век, который характеризуется становлением и развитием естественных наук, ориентацией на законы разума, разработкой общенаучных методов исследования и утверждением философского материализма в целом. Что же касается подходов к пониманию категорий «пространства и время», то к этому моменту уже были сформированы две основные концепции: субстанциональная и реляционная.

Субстанциональная концепция есть концепция, в которой пространство и время есть пустые вместилища (пустоты) наряду с материей. Под пространством здесь понимается чистая протяжённость, а под временем чистая длительность, в которых существуют материальные объекты. Наиболее яркими представителями данной концепции являлись Демокрит и Ньютон, поэтому её ещё называют Демокрито-Ньютоновская концепция пространства и времени. Древнегреческие философы под пространством понимали некое вместилище, пустоту, для движения атомов. Эти идеи активно развивались в классической физике. Наибольший вклад в исследовании данных категорий внёс английский физик Исаак Ньютон. По Ньютону время – чистая протяжённость, а пространство – абсолютное вместилище.

Реляционная концепция (от лат. relation – отношение), напротив, утверждает, что пространство и время существуют не сами по себе, отдельно от материи, а сосуществуют в тесной взаимосвязи, являются лишь сторонами единого и многообразного целого. То есть суть данного подхода состоит в том, что вместе с исчезновением вещей исчезнут также время и пространство. Одним из самых ранних представителей ре-

ляционной концепции является Аристотель. Древний философ изучал движение физических тел в тесной взаимосвязи со временем. Аристотель говорил о времени следующим образом: «... время есть не что иное, как число движения по отношению к предыдущему и последующему» [1]. Это же представление о пространстве и времени развивал немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц. Он считал, что пространство и время относительны, называя пространство порядком сосуществования множеств тел, а время порядком последовательностей. «Без материи нет и пространства. Пространство есть такой порядок, который делает возможным расположение тел в случае их совместного существования» [2] – утверждал Г. Лейбниц. В один ряд ставит пространство и время, говоря о том, что данные категории едины, и немецкий философ Вильгельм Фридрих Гегель. У Гегеля пространство есть ничто или «внеположность», так как оно является абстрактным.

Благодаря Альберту Эйнштейну и его теории относительности современная физика перестала воспринимать пространство как пустоеместилище, а время лишь как последовательность сменяющих друг друга явлений. Общая теория относительности связала пространство и время в одну физическую модель. Эйнштейн доказал, что при приближении скорости движения объекта к скорости света линейные параметры объекта уменьшаются, а время замедляется. Соответственно, пространство и время относительны. Теория относительности подтвердила реляционную концепцию пространства и времени и перевернула прежние взгляды на данные категории как неизменные и вечные величины. И в то же время, даже теория относительности Альберта Эйнштейна не дала общей и полной картины представления о пространстве и времени. В этой связи, данная статья рассмотрит более подробно именно реляционную концепцию.

Для того чтобы глубже рассмотреть исследуемые категории, необходимо вообразить, представить, как в действительности выглядят «пространство-время». Звёзды, планеты, чёрные дыры преломляют пространство-время, словно брошенный мяч в натянутую ткань, где ткань и есть «пространство-время», а мяч – звёзды или планеты. Соответственно, чем тяжелее предмет, тем сильнее искривление. Исходя из вышеизложенного и, опираясь на представления Эйнштейна о гравитации, как о свойстве самого пространства-времени, «пространство-время» можно представить в виде простирающейся ткани во Вселенной, на которой находятся небесные тела. Каждое из них имеет свою массу, поэтому по-своему искривляют пространство-время. Как известно, мы живём в трёхмерном пространстве, которое технически описывается тремя однородными измерениями длиной, шириной и высотой. Их можно представить в виде трёх перпендикулярных плоскостей. Соответственно, каждая точка во Вселенной имеет свой физический адрес. Вместе с тем возникает вопрос, существует ли эта точка вне времени? Специальная теория относительности Эйнштейна утверждает о четвёртом измерении – временном. Таким образом, время переплетается с трёхмерным пространством, образуя четырёхмерный континуум «пространства – времени». По трём координатам, мы можем передвигаться в любую сторону, а вот по оси времени, исходя из теории относительности, можно двигаться в одном направлении – от прошлого в будущее. По четвертой временной оси время может лишь где-то течь быстрее, а где-то замедляться. Этот принцип известен, как «замедление времени». То есть, чем быстрее движется предмет, тем медленнее для него проходит время. Альберт Эйнштейн доказал неразрывную связь пространства, времени и материи.

Ф. Энгельс [3] на разных уровнях системной организации материи выделил несколько основных форм движения: механическую, физическую, химическую, биологическую, социальную. Высшие формы не сводимы к низшим, но обязательно их подразумевают. Какие следствия вытекают из этого положения классика? Первое: существует биологическая материя. Живое отличается от неживого, тем, что обладает специфической внутренней средой. Внутренняя среда обладает гомеостазом, она держит параметры гомеостаза. Живое держит свои параметры, чтобы не слиться с окружающей средой. Все живые системы обладают иммунитетом, чтобы защищать свою среду от внешней среды. У живого есть свои типы симметрии. Симметрия – это структура пространства. Второе: существует биологическое время, которое конечно, имеет начало и конец, в отличие от физического времени, которое не имеет ни начала, ни конца. Именно через биологическое время, человек постигает все остальные формы времени, в том числе и физическую форму времени. Третье: биологическая материя имеет свои законы, которым она подчиняется. Континуум «пространства – времени» охватывает все формы движения материи.

Реляционная теория пространства и времени – это инструмент, с которым исследователь подходит к изучению мира. Мир – это целое, которое обладает материей, пространством, временем и своими законами. В данной статье рассматривается биологический, живой мир природы. В настоящее время существует около сотни определений жизни. Этот факт говорит о том, что наука не обладает ни одной хорошо развитой теорией, которая могла бы дать определение этому феномену. Существует много теорий, которые отражают часть этого феномена или дают определение его части, абсолютизируют его.

В рамках реляционной теории пространства и времени есть два подхода к описанию мира. Первый подход редуционистский. Его суть сводится к довольно простой и понятной мысли, что все феномены мира можно свести, редуцировать к законам физики и химии. Вторым подходом холистский, целостный. Кредо такого подхода заключается в том, что живой мир нельзя представить из комбинаций атомов и молекул. Целое обладает эмерджентным качеством: целое обладает качеством, которым не обладают, составляющие его части. На уровне интуиции это понятно. Изучение мира с позиций холизма, уступает редуционистскому взгляду, потому что на его стороне мощный математический аппарат, развитие естественных наук. Холистский подход к изучению мира не может «ухватить» ту часть, которое живое делает живым. Поэтому основное направление исследований связано с разработкой рационалистических методов холистического подхода, чтобы изучая мир, оставаться в рамках научного метода.

Изучая континуум «пространства – времени», мы находим там живой мир, который обладает целеполаганием, ценностями. Именно таким видел окружающий мир Аристотель. Но в Новое время Ф. Бэкон изгнал ценности и целеполагание из научного метода, он считал, что в природе целей быть не может. Холизм говорит, что законы жизни построены на целях и ценностях. А законы жизни нужно познать научно. Необходимо создать новый научный аппарат, который позволит ввести в научный оборот эти конструкции, расширить методологию, чтобы можно было объективно это изучать. Если законы жизни опираются на цели и ценности, то законы жизни это не физические законы.

Для физической материи родной средой является хаос, а пределом хаоса является небытие. Для живого родным является порядок. Физическая материя не обладает внутренним измерением бытия.

Мир компьютерной игры – это мир, где есть материя – виртуальная реальность, время, законы, пространство. Игры дают возможность игроку активно действовать в сконструированном мире – любая популярная компьютерная игра имеет собственное свойство пространства, искусственную историю и течение времени, оригинальную философию, этику и мораль. Виртуальная реальность – это новая среда коммуникаций и формирования культурных практик.

Столкновение в современном мире двух реальностей – виртуальной и «реальности пребывания», а также двух типов времени – реального и времени «онлайн» – содержит угрозу разрушения и деструкции. Человек, вынужденный постоянно осуществлять переходы из формата виртуальной реальности в формат константный, находится под угрозой дезориентации – причем, как чисто физической, так и ментальной.

Системы виртуальной реальности позволяют реализовать способы расширения символического опыта. Моделирование, проигрывание и своеобразное «переживание» различных ситуаций, использование компьютера для реализации различных творческих идей способствует развитию воображения, творческих способностей, познавательных потребностей, самоактуализации. Таким образом, компьютерная коммуникация приобретает все большую важность в формировании будущей культуры.

Дальнейшие исследования должны раскрыть особенности восприятия социального времени.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель. Физика // Аристотель. Соч.: В 4 тт. Т. 3. – М.: Мысль, 1981. – С. 145-160.
2. Лейбниц Г. В. Монадология // Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4-х тт. Т. 1. – М., 1982. – 636 с.
3. Энгельс Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1954. – Т. 20. – С. 329-626.

ПАРИЛОВ Олег Викторович

доктор философских наук, профессор, профессор Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

СОБКО Руслан Васильевич

кандидат философских наук, доцент Нижегородской духовной семинарии

ВОРОХОБОВ Александр Владимирович

магистрант Нижегородского государственного педагогического университета

СПИРИН Василий Константинович

магистр философии, преподаватель Нижегородской духовной семинарии

ИДЕОЛОГ ЛАТИНСТВА И ПРЕДТЕЧА РОССИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

Поэт, писатель, просветитель Симеон Полоцкий внес значительный вклад в развитие философии в России. Будучи проводником западной латинской культуры, он сыграл роль провозвестника реформ Петра I. Творчество Полоцкого отразило характерные черты восемнадцатого столетия: чрезвычайный интерес к обустройству земного бытия человека, культ светского знания, религиозный индифферентизм.

Ключевые слова: философия Симеона Полоцкого, просвещение, латинское влияние, русская культура, православие.

PARILOV Oleg Viktorovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of the Russian State University of Justice

SOBKO Ruslan Vasiljevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of the Nizhny Novgorod Theological Seminary

VOROKHOBOV Aleksandr Vladimirovich

magister student of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University

SPIRIN Vasilij Konstantinovich

magister of philosophy, lecturer of the Nizhny Novgorod Theological Seminary

SIMEON POLOTSKY, THE IDEOLOGIST OF LATINISM AND THE FORERUNNER OF THE RUSSIAN ENLIGHTENMENT

Poet, writer, educator Simeon Polotsky made a significant contribution to the development of philosophy in Russia. As a conductor of Western Latin culture, he played the role of herald of the reforms of Peter I. Polotsky's work reflected the characteristic features of the eighteenth century: an extraordinary interest in the arrangement of human life on earth, the cult of secular knowledge, and religious indifference.

Keywords: philosophy of Simeon Polotsky, education, Latin influence, Russian culture, Orthodoxy.

Во 2-й половине XVII столетия западная культура стала активно проникать в Россию. Ее проводниками выступили предтечи Русского Просвещения, такие, как идеолог латинства Симеон Полоцкий. Белорус, уроженец Полоцка, Самуил Емельянович Ситнианович-Петровский (мирское имя Симеона) был писателем, основателем русской силлабической поэзии и драматургии, публицистом, философом. Симеону свойственна характерная черта, которая затем «перекочует» в XVIII век – религиозный индифферентизм. Полоцкий – православный монах и одновременно тайный униат, скрывавший свою принадлежность к Базилианскому ордену, основанному специально для пропаганды католицизма на восточнославянских землях. Кроме того, Симеон увлекался делом, с христианской точки зрения откровенно душепагубным, – астрологией.

Полоцкий имел огромное влияние при дворе царя Алексея Михайловича. Сумев оказаться в нужное время в нужном месте (приветствуя царя во время посещения Полоцка торжественными виршами), Симеон навсегда снискал к себе любовь самодержца и с 1664 г. до своей кончины являлся придворным пиитом, воспитателем царских детей, послушным идеологом и облицителем противников царя. Каковы же черты латинской образованности, проводником которой выступил Симеон Полоцкий? В. С. Никоненко в этой связи пишет: «Основной чертой данной формы образованности была ее схоластичность. Из последней следовала универсальность, энциклопедичность. Главная задача состояла в выработке диалектических навыков, а это требовало внимания преимущественно к формальной стороне... Венцом системы образования выступали философия и теология... Их преподавание носило полемический характер» [1, с. 103].

Обратимся непосредственно к мировоззрению Симеона Полоцкого. Спектр мнений о его влиянии на русскую культуру широк – от крайне негативного (Б. Кутузов, архим. Илари-

он Троицкий) до почти восторженного (В. С. Никоненко). Это свидетельствует о сложности, противоречивости мировоззрения этого одаренного мыслителя и поэта XVII столетия. Но прежде нужно отметить, что Полоцкий был ярким представителем западнорусской культуры XVII века, весьма отличной от великорусской того же времени [см.: 2]. Западнорусская культура в течение нескольких веков испытывала огромное влияние католического мира. Весьма показательно, что в XVI веке практически вся церковная иерархия Западной Руси, по сути, предала православие, приняв Унию. Западнорусские представители упрекали москвичей в безграмотности, кичились перед ними постановкой школьного дела. Особенно яркий отпечаток католичество наложило на систему образования Западной Руси. В XVI веке она покрывается сетью иезуитских коллегий, педагогика которых была поставлена таким образом, что многие православные воспитанники сворачивались в католичество [см.: 3]. Латинский и польский языки, а с ними и католический дух проникали и в православные школы. Афонский инок Иоанн Вышенский говорил: «Плоды школы латинской гнили и погибелью вечною смердящи»¹. Против насаждения латинского духа возмущался народ. Когда Петр Могила учредил в Киево-Печерской Лавре коллегию на иезуитский манер, «от неученых попов и казаков велие было негодование» [4, с. 137], – сообщает современник. Насаждение латинства давало свои плоды. Православные, полемизируя с латинами, сами пропитывались их духом, заимствовали их богословскую систему.

1 Цит. по: Священномученик Иларион (Троицкий). Творения: в 3 т. – Т. 2. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Iarion_Troitskij/bogoslovie-i-svoboda-tserkvi/ (дата обращения: 06.12.2021).

Нужно отдать должное Полоцкому: он внес большой вклад в развитие русской философии, проповедовал активность личности в деле своего спасения. В духе христианского миропонимания как о главном пути к спасению он писал о покаянии. В своих проповедях Полоцкий говорит о необходимости просвещения. Но, несмотря на декларируемую Симеоном установку ни в чем от правого пути православия не уклоняться, его творчество во многом противоречило отечественной духовной традиции. Прежде всего, придворный философ стал проводником западного рационализма. Основа древнерусского миропонимания – живая вера; Симеон же вознес на пьедестал мысль. Как напряженную умственную работу, как научение, прежде всего, понимает он духовную жизнь. В предисловии к «Обеду душевному», доказывая верховенство духовной жизни над жизнью плотской, он требует заботиться о пище ума. И Слово Божье, данное людям в Священном Писании, для него прежде всего полезно к учению. Дух отвлеченного рационализма наложил отпечаток на богословие Полоцкого. Это, в частности, проявилось в трактовке боговоплощения. Для древнерусского человека Тайна боговоплощения являлась актом благоволевой веры. Для Полоцкого же это чудо превращается в объект сухого аналитического исследования; таким образом он низводит Тайну до уровня умопостигаемого процесса, что древнерусский человек расценил бы как кощунство.

В творчестве Симеона Полоцкого мы видим образцы пресловутой латинской торговой этики (о чем много писал Архимандрит Иларион Троицкий). Весьма показательно в этом ключе одно из ранних стихотворений Полоцкого, в котором он, высоко оценивая свой ум (и справедливо), фактически трактует его как товар:

«Ума излишком, аж негде девати,
Купи, кто хочет, а я рад продати»².

Симеоново «купи, кто хочет» чрезвычайно символично, особенно если учесть его религиозный индифферентизм, легкость смены вероисповедания. Следует особо остановиться на «Вертограде многоцветном» Полоцкого, как на его итоговом произведении. Саму идею «Вертограда» (т.е. «Сада») – как литературного воплощения некоего идеального общества – Симеон заимствовал из западной поэтической традиции («Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо, «Сады» Ж. Делиля). «Вертоград» Полоцкого – еще одна попытка создать идеал Царства Божия на земле. В «Вертограде» автор проводит идею воссоединения человеческих культур, однако он осознает превосходство западной духовности над русской. Поэтому воссоединение получает вид прямого заимствования. Весьма странным, на наш взгляд, выглядит утверждение В. С. Никоненко, что «Симеон Полоцкий сознательно делал один из первых шагов в русской культуре к формированию литературного языка» [1, с. 119]. Будто до Симеона не было «Слова о Законе и Благодати», митрополита Илариона, «Жития...» протопопа Аввакума. Заблуждением было бы полагать, что некоей личности, пусть и гениальной, может принадлежать такая роль. О влиянии же Симеона Полоцкого на развитие русского литературного языка хорошо сказали М. Н. Громов и Н. С. Козлов. Анализируя его стихотворения, они пишут: «Эти стихи, с одной стороны, звучат торжественной одой, с другой – они кажутся вычурными, далекими от русской речи, представляя характерный образец отвлеченного книжного творчества. Симеон... мог написать вирши в форме сердца, совершенно неудобочитаемые... или, перемешав латинизмы и полонизмы с русской речью, создать нечто вообще малопонятное» [5, с. 134].

Весьма примечательна позиция Симеона, высказанная в «Вертограде», относительно сущности царской власти. В глазах православного древнего русича царь являлся Помазанником Божиим, власть его священна, незыблема, ибо – от Бога. Как Помазанник, царь призван был блюсти высшую правду на земле. Полоцкому в «Вертограде» свойствен критичный взгляд на царя, он поставил проблему царства в духе Аристотеля и Римского права: власть царя, как и любая власть, является ограниченной законом, и это ограничение следует из обязанностей царя по отношению к подданным. Царь, в контексте древнерусского самосознания, – некий высший символ. Полоцкий в противовес этой трактовке проводит мысль о том, что царь – именно обычный смертный в числе других. В духе возрожденческой традиции Симеон сосредоточивается на

обустройстве земного бытия. А коль горний мир отсекается, то нет места и Помазаннику Божию. В духе западного секуляризма царь низведен до радетеля о прибытках подданных. И, быть может, здесь – истоки нигилистического отношения к царской власти [см.: 6, с. 308].

Вполне закономерно, что свой творческий путь монах Симеон Полоцкий закончил вполне светской книгой, проповедующей в духе аристотелевской «золотой середины» умеренность во всем, по сути, теплохладность [7, с. 30]:

«Пост бо безмерный силу истребляет,
Дух уныния и печаль рождает»³.

Объясним отношение к Полоцкому патриарха Иоакима: «Данною нам властью от Всесвятого Духа запрещаем всем православным сыновом, послушным архипастырства нашего, тех книг, яко подзор и ереси имущих, яко не благословенных, никоже же дерзати народно и в церквах прочитати, под церковною казнию»⁴.

В. С. Никоненко усмотрел в творчестве Полоцкого реализацию «попытки сохранить господствующее мировоззрение (т.е. православное – авт.) за счет изменения его содержания» [1, с. 121] (!). Весьма ценное замечание. Ведь изменение содержания господствующего – православного – мировоззрения есть его размывание, разрушение.

Таким образом, Полоцкий, несомненный идеолог латинского направления, антипод традиционалистов-старообрядцев, явился провозвестником петровских преобразований. И хотя Петр в основном ориентировался на иной пласт культуры (германо-протестантский), в творчестве Полоцкого усматриваются характерные черты века восемнадцатого: чрезвычайный интерес к человеку (обустройству его земного бытия), культ светского знания, религиозный индифферентизм, выразившийся в постепенном отходе от православной церковности [8, с. 30].

Пристатейный библиографический список

1. Никоненко В. С. Русская философия накануне петровских преобразований. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 215 с.
2. Париков О. В., Треушников И. А. Проблема «Запад – Восток» в русской религиозной философии. – Н. Новгород: НА МВД России, 2002. – 198 с.
3. Париков О. В. Консервативная форма русского национального самосознания: становление и основные этапы развития: автореферат дис. ... доктора филос. наук. – Нижний Новгород: Нижегород. гос. пед. ун-т., 2006 – 34 с.
4. Флоровский Г. В. Пути русского богословия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 848 с.
5. Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X – XVII веков. – М.: МГУ, 1990. – 285 с.
6. Собко Р. В. Социальное государство: историческая и богословская ретроспектива // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 1(53). – С. 308-311.
7. Собко Р. В. Древнее монашество через призму современности: разноеобразие молитвенного опыта // Дамаскин. – 2021. – № 3(55). – С. 30-37.
8. Mironowicz A. Orthodox Education in Poland // Elpis. – 2016. – Vol. 18. – P. 27-35. – DOI 10.15290/elpis.2016.18.03.

3 Симеон Полоцкий. Воздержание («Воздержание аще безмерно храниши...»). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://poemata.ru/poets/polotskiy-simeon/vozderzhanie-vozderzhanie-asche-bezmerno-hranishi%E2%80%A6/> (дата обращения: 06.12.2021).

4 Цит. по: Священномученик Иларион (Троицкий). Творения: в 3 т. – Т. 2. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Troitskiy/bogoslovie-i-svoboda-tserkvi/ (дата обращения: 06.12.2021).

2 Симеон Полоцкий. Стихотворения белорусского периода. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starbel.by/kultura/sp.htm> (дата обращения: 06.12.2021).

РАВОЧКИН Никита Николаевич

доктор философских наук, доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии; доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева

СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ (ЧАСТЬ 2)

В статье проводится социально-философский анализ становления и трансформации института прав человека в эпоху Возрождения, а также периоды Нового и Новейшего времени. Для раскрытия заявленной цели автор обращается к теориям интеллектуалов Модерна. Установлены векторы трансформации института прав человека. В заключение приводится перечень аспектов, раскрытие которых формирует философское понимание проблематики прав человека.

Ключевые слова: права человека, общество, институт, право, политика.

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Pedagogical technologies sub-faculty of the Kuzbass State Agricultural Academy; associate professor of History, philosophy and social sciences sub-faculty of the T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University

HUMAN RIGHTS INSTITUTION FORMATION AND TRANSFORMATION: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS (PART 2)

The article provides a socio-philosophical analysis of the formation and transformation of the institution of human rights in the Renaissance, as well as the periods of the New and Modern times. To reveal the stated goal, the author turns to the theories of the intellectuals of Modernity. The scientific transformation of the human rights institute has been established. In the conclusion, a proposal is presented, the disclosure of which forms a philosophical understanding of human rights issues.

Keywords: human rights, society, institution, law, politics.

В первой части исследования мы подчеркнули, что, исходя из распространенного в Средние века понимания сущности права и власти, мы можем сделать вывод о том, что человеку в некотором смысле удалось освободиться от статуса раба. Единственный Абсолют, воле которого отныне подчинена активность человека – Бог. Таким образом основные действия людей соотносятся со служением Богу, причем во всех формах. Закономерно, что в последующем объективируются идеи о равенстве статусов людей перед Творцом, что существенным образом сказывается на оформлении нового подхода к пониманию прав человека в социуме позднего Средневековья-раннего Возрождения [8]. Эвристичность такого понимания заключается в том, что люди оказываются равными друг другу. Речь идет о том, что если в эпоху Античности, к примеру, аристократия провозглашала себя являться высшим слоем общества и по этой причине обретала больший объем прав, нежели илоты или тем более рабы, то теперь на качественно ином уровне философского осмысления заявленной нами проблематики определяется, что люди вне зависимости от своего социального статуса находят перед Богом в равном между собой положении. Ведь именно Творец формирует образ каждого, соответственно, следуя этой логике, можно согласиться с тем, что именно Бог определяет права и свободы человека, что позволяет выйти за границы утверждения неравенства в объеме допустимых возможностей и свобод действия как атрибуты «древнего мира», а также дает шанс вплотную приблизиться к практической реализации идей равенства прав и юридического равноправия людей в координатах социального бытия.

В конечном счете, материальными воплощениями представленных выше ментальных конструкций становятся принятые в средневековом и новоевропейском обществе нормативные документы, являющие собой важнейшие отправные точки для критического пересмотра содержания современных прав и свобод человека: Великая хартия вольностей, Habeas Corpus Act, а также Билль о правах. Как известно, в рамках приведенных нами документов были сформулиро-

ваны и установлены определенные гарантии касаясь неприкосновенности индивидов и базисные положения по поводу презумпции невиновности. Вдобавок к этому, заслуживающими внимания пунктами явились положения относительно сроков давности и реальных возможностях защиты индивидами целого ряда витальных и уже ставших незыблемыми для сегодняшнего мира прав (свобода слова, обращение с петицией к правителю, выборов в парламент, суд присяжных). В самом деле, нельзя не отметить, что данные документы, без преувеличения, сыграли значительную роль не только в истории эволюции представлений о правах человека, но и в диалогах населения с властными акторами [5;8].

Мы отчетливо видим, социально-философская мысль так называемого «переходного периода», которым оказался исторический этап позднего Средневековья-раннего Возрождения, сначала на философском, теоретико-методологическом, а уже позднее и на юридическом практическом уровне позволяет четко прорисовать тенденции на продвижении не к простому утверждению равенства прав и свобод человека и гражданина, но фактически осуществить его институционализацию. Конечно же, это было бы невозможно без пары «формальное – неформальное», когда не только сам социум ментально стал готов к новым версиям опривычивания взаимодействия, но и когда произошли весьма существенные подвижки благодаря принятию соответствующих и необходимых для закрепления качественно иного поведения нормативных документов, по сути, разрешающих целый спектр активности и действия человека, способствующих реализации его прав и свобод. Готовность к имплементации в социальном измерении новых идей с одной стороны позволила уравнивать граждан в их правах, тем самым послужить мощным толчком к эволюционному развитию общества, с другой – гарантировать людям определенную безопасность. И это не говоря уже о том, что именно в рассматриваемый период происходит запуск функциональной цепи креативных и нетривиальных социальных идей, позднее в своих конфигурациях и модификациях фундировавших не только норма-

тивную базу современных стран, но и целый ряд значимых для философии моделей социума и такие оценочные категории, которыми выступают сегодня «правовое государство» и «гражданское общество» [8].

Одну из траекторий последующего развития института прав человека в европейской интеллектуальной традиции можно увязать с идеями Г. Гроция, а также оформлением новоевропейского либерализма. Относимым к данному направлению представителям удалось определить статус человека в новом ключе, репрезентируя его как обладателя формально равных прав и свобод. Поясним, что если в средневеково-возрожденческой мысли и исследовательской оптике де-факто можно обнаружить лишь разрозненные элементы интересующего нас юридического равноправия человека, то в нововременной Европе полноценный статус человека как равного в правах и свободах с другими людьми уже кристаллизован, главным образом за счет преодоления влияния теологических учений.

Принципиально новому, модернистскому, пониманию также способствовали такие значимые тенденции, как (1) кризис феодализма; (2) транзит от традиционной к индустриальной модели социума, сопровождавшийся (3) бурным развитием капитализма, (4) проективного мышления и (5) развитием правосознания и правовой культуры. Интегральным выводом представленных нами факторов для дальнейшего развития института прав человека становится осознание необходимости признания формально-юридической свободы личности и тщательной проработки положений касаясь равенства проживающих в одном социальном пространстве индивидов. Логично, что в эту историческую эпоху европейским интеллектуалам удастся сформулировать и произвести дистрибуцию для последующей практической реализации хотя бы таких идей, как (1) суверенитет народа; (2) принцип разделения властей; (3) независимость суда [8].

В полной мере солидаризируемся с В.В. Невинским, придающим особую роль тем идеям, при помощи которых приобретают значение такие элементы, которые отныне позволяют охарактеризовать взаимные отношения человека и государства [5]. Общеизвестно, что впервые принципы свободы, равенства и социальной справедливости были реализованы посредством американской, английской и французских революций. Не стремясь оценить всю неоднозначность социальных последствий, отметим лишь, что данные события, помимо уже упомянутого Г. Гроция, Ж. Боденом, Т. Гоббсом, Т. Джефферсоном, И. Кантом, Дж. Локком, Ш.-Л. Монтескье, Ф. Суаресом и многими другими. Важно отметить, что в трудах плеяды нововременных мыслителей утверждается вечность и неотделимость социальной сущности человека от тех естественных прав, которые дарованы ему природой. В самом деле, именно данная категория прав является достаточно сильным определителем положения человека в обществе и государстве, давая возможности для более глубинного понимания не только его прав и свобод, но и диагностическим показателем для интерпретаций эффективности функционирования соответствующего института в тех или иных контекстуальных реалиях [8].

Одним из наиболее значимых для институционального измерения рассматриваемой проблематики событием становится структурное оформление так называемого «позитивного права». Итак, естественные права человека выражают высшую справедливость, по сути, детерминируя такие права народов, как, к примеру, представительство в верхнем эшелоне власти для соблюдения не противоречащих законам интересов, а также возможности реализации сопротивления любому угнетению. Отсюда можно сделать вывод, что субъективные права индивидов, осознаваемые ими в предшествующие эпохи, пройдя сквозь концептуализацию в некотором смысле становятся «универсальными» правами человека и на деле буквально обретают статус «высшей ценности» [5, с.

201]. В то же время следует помнить, что процессы закрепления за людьми соответствующих прав и развитие института прав человека вовсе не были одномоментным процессом, но произошли в том числе благодаря отмеченным выше нововременным буржуазным революциям. Не будет лишним напомнить, что материальными следствиями развития теоретизирований по поводу прав и свобод человека становятся очередные нормативные документы, среди которых целесообразно выделить Декларацию прав штата Вирджинии, являвшейся на тот момент английской колонией. В первую очередь следует отметить, что данный документ устанавливает значимое для института прав человека положение: «Все люди по природе своей в одинаковой степени свободны и независимы и обладают присущими им правами, от которых они не могут отказаться сами или лишиться таковых свое потомство» [1].

На наш взгляд, другими закрепленными в Декларации нормативными текстуальными максимумами, заслуживающими исследовательского внимания для философского рассмотрения института прав человека, являются: (1) право наслаждения жизнью и свободой, которое обеспечивалось благодаря обретению и через последующее владение какой-либо собственностью; (2) право на обретение счастья, которое мы можем прочесть как синтез «права на безопасность и права на частную жизнь»; (3) право на свободное вероисповедание и выбор религии, по сути, защищающий религиозные интересы индивидов; (4) право на свободу печати как свободу выражения мысли и слова; (5) запрет на пропаганду [1].

Самоочевидно, что краеугольным камнем во всей иерархии нормативных правовых актов, которые были приняты в рассматриваемую историческую эпоху и оказали сильное воздействие на трансформационные процессы института прав человека, является Декларация прав человека и гражданина. По большому счету, данный акт отчетливо определяет «обусловленность конституирования, сущности и круг основных прав человека» [5, с. 201]. Более того, именно в данной Декларации проводятся демаркационные линии, отделяющие права человека от прав гражданина.

Актуальность и жизнеспособность ведущих положений этого документа можно усмотреть в их многочисленных интерпретациях в провозглашенных властными акторами курсах национальной правовой политики, поскольку для нас несомненны следующие максимы касаясь прав человека: (1) все люди рождаются свободными и в течение жизни остаются равными между собой в осуществляемых правах; (2) неприкосновенность права собственности; (3) отныне одной из целей государства провозглашается гарантия реализации любым человеком своих естественных и неотъемлемых прав; (4) границы практического воплощения людьми их естественных прав должны быть четко зафиксированы и установлены законодательно; (5) люди имеют право на свободу мысли [2].

В свою очередь к правам гражданина, согласно Декларации, относятся: (1) участие в выражении общей воли и формирование политической архитектуры; (2) право на отсутствие каких-либо дискриминаций и гарантий на равный доступ абсолютно ко всем общественным должностям, которые сообразны способностям человека; (3) самостоятельность установления правового обеспечения налогообложения [2].

В ранее опубликованной монографии мы отмечаем, что многие идеи интеллектуалов Нового времени и положения двух значимых для западной цивилизации и института прав человека нормативных актов в последующем заимствуются для практической имплементации в политико-правовых системах не только многими национальными государствами, но и затем находят свое логичное проявление на международном уровне [8]. Мы видим, что именно в эпоху Нового времени происходит трансформация института прав человека, которая состоит в том, что теоретическое осознание индивидами многочисленных потенциальных траекторий возможностей

своих действий сливается с практической формализацией прав человека, обретая в последующем на различных уровнях все новые и новые нормативные доктринальные закрепления.

Учитывая ограниченный объем исследования, укажем лишь, что дальнейшие метаморфозы отношений в западных странах в XIX столетии сопровождались двумя тенденциями, оказавшими сильнейшее влияние на трансформации института прав человека. Во-первых, происходит демократизация общественной жизни, фундамируемая интеллектуальными конструктами правовой государственности и неотчуждаемых естественных прав человека, что позднее и вовсе провозглашалось в качестве первоочередных задач, причем как для всего государства, так и его властных акторов. Другая же тенденция, как справедливо отмечает Д.И. Нурумов, заключалась в усилении непосредственной роли государства, в особенности при организации и remodelировании базисных основ и существенных характеристик правопорядка, а также в упорядочивании индивидуализма, ставшего следствием развертывания в социальном бытии положения позитивного права и самых различных конгруэнтных либеральным максимам предписаний [6].

Коллизии между этими двумя обозначенными тенденциями привели к оформлению некоторых следствий. Первое из них состоит в новом прочтении сущности права. Так, начиная с XVIII века, последовательная реализация пилотных либеральных идей позволила сформировать такое понимание ведущего социального регулятора, в рамках которого человек пользуется правами, которыми он обладает от природы, то уже в XX веке происходит пересмотр, а основной акцент сделан уже не на естественном, но на позитивном праве. Его суть вкратце можно обозначить следующим образом: человек становится обладателем прав, сущность и содержание которых не содержится в природе, но непосредственно формируется в самом социуме, где он проживает [3]. В итоге это способствует возрастанию зависимости человека от того общества, в котором воспитывался и живет. Это означает, что возникает существенная детерминация поведения человека социальным и политическим бытием. Наконец, именно в прошлом столетии мы могли наблюдать появление таких властных практик, согласно которым можно диагностировать не просто преуменьшение приоритета прав человека в пользу государств, но и полное отвержение их значимости, когда влиятельные акторы отмечали пользу марионеточного регулирования даже приватной сферы жизни индивидов. По сути, отсюда вполне закономерны оформившиеся в прошлом столетии авторитарные и тоталитарные режимы, «сущность которых выражалась в тезисе “один вождь – одна партия – один народ” и своеобразной «системоцентристской» модели взаимоотношений государства и человека» [5, с. 202].

Аксиологический потенциал предлагаемых демократическими обществами ориентиров оказался гораздо конкурентоспособнее не только на теоретическом, но и на практическом уровне. Многочисленные подтверждения тому можно увидеть через обращение к принятым в послевоенное время Уставу ООН, Всеобщей Декларации прав человека, Международному пакту о гражданских и политических правах и многим другим нормативно-правовым документам. Именно они закрепляли утверждения о человеке и гражданине как высших ценности, а также достаточный перечень обоснований значимости основных прав человека и понимания их сущности [4]. Также следует отметить, что сегодня гарантами реализации прав человека выступают соответствующие органы. В частности, речь идет о парламенте и иных структурах, функция которых состоит в исполнении решений как законодательной, так и судебной властей [7].

В результате рассмотрения заявленной темы мы видим, что за всю историю человечества вопрос об институте прав человека, его становлении и трансформациях является

весьма принципиальным. Проведенный анализ также подтверждает, что подходы к пониманию как самого института, так и критериев, которые бы описывали эффективность его функционирования, оказываются напрямую зависимым от конкретной исторической эпохи и актуальности интеллектуальных конструкций. В самом общем виде институт прав человека может быть постигнут через освещение ряда аспектов: (1) обладающий правами; (2) поиск оснований происхождения и пересмотра прав человека в отдельных социумах; (3) анализ механизмов, гарантирующих права человека. На наш взгляд, проработка данных аспектов открывает понимание того, наличествуют или же отсутствуют те или иные права у человека, укорененного в конкретном обществе и государстве.

Пристатейный библиографический список

1. Вирджинская декларация прав (12 июня 1776 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://hmong.ru/wiki/Virginia_Declaration_of_Rights (Дата обращения 30.10.2021)
2. Декларация прав человека и гражданина (26 августа 1789 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/1789/declaration.htm> (Дата обращения 30.10.2021)
3. Делокаров К.Х. Философия. Право. Философия права // Право и современные государства. – 2016. – № 4. – С. 15-27.
4. Мещерякова О.М. Основные принципы защиты прав человека в праве Европейского союза // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 12. – С. 85-89.
5. Невинский В.В. Права человека как социальная ценность в контексте мировой истории // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 197-204.
6. Нурумов Д.И. Кризис Западного мировосприятия и права человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portalus.ru/modules/internationallaw/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1095959756&archive=1480161259&start_from=&ucat (Дата обращения 30.10.2021)
7. Пономарева Ю.Ю. Судебная защита прав человека и гражданина: исторические этапы развития // Среднерусский вестник общественных наук. – 2012. – № 3 (24). – С. 164-168.
8. Равочкин Н.Н. Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов: теоретико-методологические и прикладные аспекты. – Кемерово: КузГТУ, 2021. – 258 с.

РАХМАТУЛЛИНА Зия Нурмухаметовна

кандидат философских наук, докторант Башкирского государственного университета

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ: МЕЖДУ МИФОМ И ИДЕОЛОГИЕЙ (ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ)

В статье рассматривается национальная идея как сложный синтез мифологического и рационально-аналитического, где последнее является прерогативой философской мысли из-за доминирования в ней историофилософского смысла, включающего в себя знания об истории и культуре народа на основе его онтологических установок; неомиф, формируясь вокруг некой идеи, приобретает концептуальность, обращаясь к социально-политическим теориям – статусу идеологии.

Ключевые слова: миф, мифология, национальная идея, идеология, ремифологизация сознания, идентификация, архетипы, фашизм.

RAKHMATULLINA Zilya Nurmuhametovna

Ph.D. in philosophical sciences, doctoral student of the Bashkir State University

NATIONAL IDEA: BETWEEN MYTH AND IDEOLOGY (PHILOSOPHICAL REFLECTIONS)

The article considers the national idea as a complex synthesis of mythological and rational-analytical, where the latter is the prerogative of philosophical thought due to the dominance of historiophilosophical meaning in it, which includes knowledge about the history and culture of the people on the basis of its ontological attitudes; neo-myth, forming around a certain idea, acquires conceptuality, referring to socio-political theories - the status of ideology.

Keywords: myth, mythology, national idea, ideology, remythologization of consciousness, identification, archetypes, fascism.

Рахматуллина З. Н.

Тотальное присутствие мифа можно наблюдать во всех сферах жизнедеятельности общества, который может существовать и как онтологическая установка определенной этнокультурной традиции, как механизм ее воспроизведения. Современное мифотворчество имеет способность к установлению новых связей между различными формами сознания и ускорению процессов интеграции. Актуализация архаического подтверждает, что имеются причины, обуславливающие данное явление, а также факторы его преобладания в особых культурно-исторических и социальных условиях. Возращение и возрождение мифа есть признание его значимости в современной жизни и вызвано потребностью символического обобщения нового социокультурного опыта, внося его в коллективное бессознательное [3, с. 1]. Отголоски мифа как «священного сказания о прошлом» имеются в любой культуре и исторической эпохе, мифическое – неотъемлемая часть сознания, опираясь на повествования как совокупность мифологем, оно формирует общее прошлое. Национальный миф связывает этническую общность с определенной территорией, конструируя и идентифицируя коллективный субъект. Каждый народ в мифической интерпретации обладает своей уникальной судьбой и предназначением, через символический контекст осознает свое место и роль в мировой истории, реализуя национальную идею [6, с. 69]. Неомиф, формируясь вокруг некой идеи, приобретает концептуальность, обращаясь к социально-политическим теориям – идеологический статус. Этнонациональное самоопределение личности базируется на мифологических основаниях. Принимая картину мира, предложенную мифологией, или те представления о социально-политической реальности, которую создает идеология, человек осознает, что не одинок в своих принципах, что есть еще группа людей, разделяющих такие же идеи [1, с. 48]. Миф присутствует в глубинах индивидуальной психики как проекция коллективных социокультурных представлений. Снимая остроту фундаментальных мировоззренческих противоречий, как уникальный способ смыслообразования, миф соотносится с нациостроительством, отмечен в творчески-преобразующей

и нормативно-упорядочивающей функциях. Миф – это не иллюзорное отражение действительности. Он не является вымыслом или фикцией, миф – реальность, воздействующая на нее, изменяя ее, создавая и разрушая. Человек абсолютно не поймет мировоззрение древних греков, если не учтет, что для них боги были настоящей реальностью, определявшей все в жизни: от личных проблем до государственных. Ссылаясь на В. Вундта, Лосев писал: «Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность» [5, с. 40]. Мифотворчество начинается там, где миф выходит за границы своей традиционной формы, поэтому следует понимать различие между спонтанной актуализацией и сознательным культивированием архаического. «Ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую» [4, с. 217], - писал К. Леви-Строс. Безусловно, не следует ставить знак равенства между ними, однако политическая сфера наложила свой отпечаток на имеющиеся в ее пределах мифологические конструкты. Подобную мифологию следует рассматривать как существующую на пересечении мифологического и политического сознаний. Поскольку миф является структурой, реагирующей на изменение культурной ситуации, он в полной мере включается в проходящие в обществе процессы модернизации, однако это не меняет природы и значимости для него архетипического ядра. По мнению Рязановой С. В., теория К.-Г. Юнга не доведена до логического завершения, основанием для дальнейшего структурирования должна послужить природа рассматриваемого феномена, то, каким образом архетипы связаны с мифологической системой, возникающей на их основе. Анализ показывает, что изначально единый архетипический образ допускает развертывание в неисчислимом многообразии вариаций в зависимости от мифологической ситуации. Все данные сюжеты можно объединить в группы и вести к ограниченной группе образов и выделить единое основание. Юнгом был определен архетип Самости, где остальные образы являются результатом его самораскрытия, которые со-

храняются в нем вне зависимости от исторического контекста [7, с. 94-96]. Модернизированные мифы уже не претендуют на универсальный характер в описании мира, тем не менее, они сохраняют претензии на всеохватность общества.

Национальная идея содержит в себе различные виды исторической памяти: о происхождении народа, о его образе жизни, форме социального и государственного устройства, истоках родного языка, эпосе, традициях и обычаях, моральных нормах, религии, исторических событиях. Она есть сложный синтез мифологического и рационально-аналитического, где последнее является прерогативой философской мысли из-за доминирования в национальной идее историко-философского смысла, включающего в себя знания об истории и культуре народа (мы бы дополнили, на основании его онтологических установок Р.З.). Подобными примерами служат русская идея, американская мечта, синтоистская идея, чучхе, индуистская идея, тевтонизм и т.д.; на метаэтническом уровне – европеизм, негритуд, американизм (индеанизм), евразийство. В национальной идее происходит самоидентификация этнонациональной, в иных случаях метаэтнической или расовой общности людей через их приверженность к общим целям и ценностям, культивирование в духовных и социальных практиках сопричастности общей исторической памяти, судьбе, символике [8, с. 440]. Национальная идея как мифологема воспроизводит социальные архетипы, соответствующие массовым ожиданиям, представлениям и ориентирам, дискурсивное в ней ограничено манифестациями коллективного бессознательного, мифологического. К примеру, русский миф «Москва — Третий Рим» выдвигает на первый план государственно-имперский и религиозный принципы, не делая упор на этническом, где православие становилось основным фактором идентификации и противостояния Европе. В конструктивной роли национальная идея активизирует волевою целеустремленность народных масс и элиты общества, которые объединившись, поддерживая друг-друга, принимают ответственность за будущее нации. Национальные мифы становятся ядром идеологических конструкций, мифологизированная национальная идея представляет собой эффективный инструмент для политической мобилизации. Национальная мифология часто используется как средство для манипулирования общественным сознанием и исторической памятью. Этнонациональное мифотворчество характеризуется как созидательной, так и разрушительной направленностью. С одной стороны, мифы, стимулируют национальные идеологии, политические движения, способствуя разрешению межэтнических конфликтов и интеграции общества. С другой стороны, провоцируя идеи сепаратизма и национального гегемонизма, подрывают его единство. Каждая общность пытается интерпретировать свое прошлое, исходя из определенных политических целей и национальных интересов. Осмысленная мифологизация этноса и его преднамеренная дифференциация от «чужих» способствует созданию «образа врага», ведущая к агрессивности [8, с. 443]. Кроме эмоционального воздействия мифу присуще такое свойство, без которого любая идеология может остаться лишь теорией. Он может соответствовать интересам разных слоев социума с различным уровнем интеллектуального развития. Данное его качество позволяет свести всю идеологию к простейшим тезисам, хотя можно расширить ее до псевдонаучной картины мира, этногенеза и т.п. Сакральная часть мифа предназначается только для избранных, доктрины «тайных знаний» предлагают сценарий «священной истории» конкретной Нации. Классический пример, нацистский миф продвигал сфабрикованную версию о величии арийской расы, жизненной необходимости увеличения границ Германии за счет истребления неполноценных народов. Отказываясь от традиционных внешних форм мифологии, нацизм не только использовал архетипические образцы, но и адаптировал, конструировал в тело модернизированной культуры, заставляя работать на воспроизводство тоталитарной системы [7, с. 96-97]. Потребность немецкого общества в диктаторе, реализующего власть в его абсолютной форме, и в жесткой системе управления была удовлетворена. Нацистскую мифологию также можно считать образцом системы

Новейшего времени, основанной на синтезе архаических образов и искусственных построений.

Процессы мифологизации сознания до сих пор сопровождают современного человека, хотя они уже обладают уже совершенно иной природой. В эпоху глобализации подобное мифотворчество связано с проблемой национальной и этнической идентичности, которая формируется через ритуал и коллективные представления, благодаря присутствию мифического не только в сфере религии, искусства, философии и литературы, но и в социально-политической жизни. Традиционно принято считать, что мифологический тип мышления и восприятия особо актуализируются в переломные, кризисные моменты истории. Если культура – самоорганизующаяся система, то мифологический «вакуум» просто отсутствует. Приходится лишь констатировать факт смены одной системы ценностей другой, когда меняются представления о мире и о месте человека в нем. Национальный миф осуществляет роль смыслового конструкта определенного народа, более того, именно мифичность национального сознания обуславливает полноценность его существования [6, с. 70]. Практически все идеологии были сконструированы на основе идей, становившихся реальностью, которые превращались в мифы и приобретали колоссальный энергопотенциал. Мифологический национализм есть самая фундаментальная форма национализма, острота проявлений которого в исторических событиях обусловлена уровнем мифологизации национального чувства, так как подлинная национальная идентичность – это мифологическая идентичность, на ее базе формируются культурно-политические «надстройки» [2, с. 114]. Смена социокультурной парадигмы, обвал прежних ценностей приводит к появлению мифологического синкретизма. В постсоветском обществе возникла объективная потребность людей в самоидентификации. Крах социалистической системы и идеологии коммунизма породил проблему конструирования новой идентичности, осуществляемой в поиске новой национальной идеи. Сложность ее формирования состоит в том, что Россия – полиэтноконфессиональное государство, при этом его многочисленные народности ощущают культурно-историческое единство и общность судьбы. Проблема национально-духовного возрождения России не теряет актуальности, так как до сегодняшнего дня не установлены смысловые основания, на которых формируется национальная идентичность.

Пристатейный библиографический список

1. Брандес М. Э. Идеология и миф: Общие черты // Политическая наука: сб. науч. Трудов / РАН. - М., 2003. - № 4. - С. 45-59.
2. Ионин Л. Г. Национальный миф // Социология культуры. — 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. - 427 с.
3. Кроливецкая И. Е. Процессы ремифологизации массового сознания в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук: - Волгоград, 2010. - 25 с.
4. Леви Строс К., Структурная антропология. Перевод с французского Вяч. Вс. Иванова. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. - 512 с.
5. Лосев А. Диалектика мифа. - М.: Мысль, 2001. - 558 с.
6. Раздьяконова Е. В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. - Томск, 2009. - 160 с.
7. Рязанова С. В. О роли архетипических образов в мифологии нацизма // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. - 2012. - № 3. - С. 93-102.
8. Современный философский словарь / Под общей редакцией д.ф.н. профессора В. Е. Кемерова. -3-е изд., испр. и доп. - М.: Академический Проект, 2004. - 864 с.

УЛАНОВ Михаил Владимирович

аспирант, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

ВОРОХОБОВ Александр Владимирович

доктор философских наук, доцент Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ МОНИЗМ В. И. КУДРЯВЦЕВА-ПЛАТОНОВА В ПОЛЕМИКЕ С КАНТИАНСКОЙ КРИТИКОЙ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ БЫТИЯ БОЖИЯ

Статья посвящена анализу полемического противостояния основателя трансцендентального монизма В. И. Кудрявцева-Платонова с кантианской критикой доказательств божественного бытия. Аргументация Кудрявцева-Платонова рассматривается на примере его интерпретации гносеологического и нравственного доказательств в пользу существования Бога. Авторами отмечается сходство в парадигме доказывания действительности Абсолютного бытия в гносеологическом аргументе (трансцендентальный монизм) и нравственном (И. Кант), что позволяет определить трансцендентальный монизм в числе посткантовских философских систем.

Ключевые слова: Кант, бытие Божье, постулат, трансцендентальный монизм, высшее благо, добродетель, счастье.

ULANOV Mikhail Vladimirovich

postgraduate student of the K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

VOROKHOBOV Aleksandr Vladimirovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of the K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

THE TRANSCENDENTAL MONISM OF V. I. KUDRYAVTSEV-PLATONOV IN POLEMICS WITH KANTIAN CRITICISM OF THE EVIDENCE FOR THE EXISTENCE OF GOD

The article is devoted to the analysis of the polemical opposition of the founder of transcendental monism V. I. Kudryavtsev-Platonov with Kantian criticism of evidence of divine existence. The argumentation of Kudryavtsev-Platonov is considered on the example of his interpretation of epistemological and moral evidence in favor of the existence of God. The authors note the similarity in the paradigm of proving the reality of Absolute Being in the epistemological argument (transcendental monism) and moral (I. Kant), which allows us to define transcendental monism among the post-Kantian philosophical systems.

Keywords: Kant, the existence of God, postulate, transcendental monism, the highest good, virtue, happiness.

Трансцендентальный монизм является важнейшей концепцией духовно-академической философии XIX века, центральным пунктом которой стало утверждение Абсолютного (Божьего) бытия. В связи с этим сокрушительная критика доказательств существования Бога, произведенная И. Кантом, не могла остаться без реакции в среде ее сторонников. В. И. Кудрявцев-Платонов посвятил рассмотрению этой темы обширное исследование (1893 г.), в рамках которого попытался отстоять рациональный характер истины о существовании Бога. Аргументация московского профессора, его разноплановая полемика позволяет сопоставить концепцию трансцендентального монизма В. И. Кудрявцева-Платонова и систему трансцендентального идеализма И. Канта.

Кудрявцев-Платонов защищает рациональный характер истины существования Абсолютного бытия, а потому доказательства рассматривает в целом как «рациональные основания веры в Бога» [5, с. 503]. В критическом отношении к подобного рода доказыванию он отмечает определяющее значение «возражений Канта», а потому в рассмотрении каждого типа доказательств профессор будет соотноситься с логикой критической философии, в чем-то отрицая ее положения, а в чем-то принимая ее достижения. Его аргументы направлены либо на опровержение подобных возражений, либо, где это было невозможно явно, – на опровержение универсального характера таких возражений [см.: 8, с. 229-244]. В последнем случае московский профессор отводил доказательствам особую нишу, в пределах которой они смотрелись не так противоречиво.

Подобные опровержения стали причиной сформировавшегося впоследствии в научной среде представления о преимущественно доктринальном характере [2, с. 11-12] критики Канта представителями духовно-академической традиции, а также ее «внутренней противоречивости» [9, с. 25]. Впрочем, есть два опровержения, в которых Кудрявцев-Платонов

нащупал «тонкий нерв» кантовского постулата, и принятая им критика позволяет провести параллели между созданной им концепцией трансцендентального монизма и другими посткантовскими системами, прежде всего, «органическим мировоззрением» А. Тренделенбурга.

К трудам Тренделенбурга профессор обращается в связи с необходимостью отстоять гносеологическое доказательство бытия Бога. Основная мысль этого доказательства заключается в интерпретации факта взаимного соответствия деятельности рассудка и наличия вещей вне нас. Человек мыслит о внешнем мире и, хотя его мышление имеет границы, оно находит себе подтверждение в конкретике опыта. Это указывает в свою очередь на наличие единого начала как для мышления, так и для природы. А. Тренделенбург полагает в основание своей логики концепт движения «Bewegung»: «Внешний мир бытия и внутренний мир мышления на первый взгляд разделены друг с другом. Как найти в них обоих что-то общее? Деятельность одного в качестве внешнего мира, – поскольку мы, прежде всего, так воспринимаем бытие как таковое – открывает деятельность другого, в качестве внутреннего несомнимого с первым» [11, с. 141]. Рассмотрев кантовские априорные условия восприятия действительности (пространство и время), Тренделенбург их также увязывает с движением, как «необходимым условием» осмысления внешнего мира [11, с. 156]. Таким образом, в движении и прямо деятельности он усматривает начало, соединяющее мышление и бытие; этот подход вообще характерен для трудов философов [1, с. 115-126], критически осмысливших достижения «коперниканского поворота» («Я» Фихте, «Абсолютный разум» Шеллинга и под.) и не случайно.

Для самого И. Канта вопрос соотношения мышления и бытия не нашел идеального решения. Конечно, Кант не был субъективным идеалистом, как, обостряя полемику, писал о нем Кудрявцев-Платонов [5, с. 314], напротив, в первой «Кри-

тике» философ посвящает отдельный параграф опровержению идеализма, в котором говорит как о «проблематическом идеализме Картезия», так и о «догматическом (субъективном) идеализме Беркли». В отличие от Дж. Беркли, Кант признает не просто существование вещей самих по себе (*Ding an sich*), но и их постоянство, а отсюда и соответствие опытных воздействий на чувства рассудочным представлениям. Рассуждая о постоянном в восприятии, он пишет: «воспринять это постоянное можно только при помощи вещи вне меня, а не посредством одного лишь представления о вещи вне меня. Значит определение моего существования во времени возможно только благодаря существованию действительных вещей, которые я воспринимаю [как находящиеся] вне меня» [4, с. 221]. Внешние вещи философ называет «коррелятами» [4, с. 223], ясно проводя мысль об устойчивом характере восприятия. Тем не менее, причину столь ясной корреляции между вещами вне нас и рассудочными понятиями Кант не называет, и этот пробел постарались заполнить последующие мыслители, в т.ч. и А. Тренделенбург.

Еще более интересной представляется подобная аргументация в ходе рассмотрения нравственного доказательства Божьего бытия, поскольку впервые она используется самим И. Кантом уже в первой «Критике». Рассуждая об идеале высшего блага, философ ищет пути совмещения в едином целеполагании добродетели и блаженства. В практическом применении разума, иначе говоря, «в моральном мире» он предлагает мыслить «систему связанного с моральностью созерцательного блаженства как необходимую» [4, с. 591], а идею «совершеннейшей воли», абсолютно нравственной, которая в то же время является «причиной всякого блаженства в мире», – «идеалом высшего блага» [4, с. 592]. Во второй «Критике» Кант уже прямо называет блаженство счастьем и определяет его как «такое состояние разумного существа в мире, когда все в его существовании происходит согласно его воле и желанию» [3, с. 522]. Это позволяет еще радикальнее противопоставить счастье добродетели, что потребует ради сохранения идеи высшего блага найти такое связующее звено, которое (в силу обостренного противоречия) должно обладать абсолютными характеристиками. Таким образом, в рамках моральной необходимости Кантом постулируется необходимость существования Бога: «морального законодателя», который в то же время является «отличной от природы причиной всей природы» [3, с. 522]. Кант впоследствии отмечает субъективный характер моральной необходимости, однако, здесь интересен сам характер аргументации: Бог у Канта появляется как связующее звено между миром интеллигибельным (трансцендентальным) и фактическим (вещей в себе).

В рассуждениях о нравственности человека Кудрявцев-Платонов, прежде всего, обращается к представлениям И. Канта с критикой. Он, апеллируя к опыту, называет автономию нравственного закона «теоретической фикцией» [5, с. 402], затем с помощью той же аргументации критикует эмпириков во главе с Дж. Локком и приходит к выводу о том, что нравственный закон «врожден человеку» [5, с. 413]. Это в свою очередь позволяет московскому профессору сделать вывод о существовании морального законодателя – «Бога» [5, с. 423]. Можно, поэтому, согласиться с мнением В. Гилевой о доктринальном характере подобной полемики [2, с. 11-12], позволяющей оставить место для гетерономной религиозной морали. Лишь рассматривая цель нравственного закона в нас, Кудрявцев-Платонов обращается к нравственному аргументу так, как он был изложен у Канта. При этом кантианская интерпретация подвергается незаслуженной критике. Профессор утверждает абсолютное единство познавательной способности, распространяя его в т.ч. и на единство метода, как для теоретического, так и для практического применения разума. В доказательстве Канта, поэтому, усматривается противоречие его собственной гносеологической системе. Желая придать законченный характер нравственному аргументу, Кудрявцев-Платонов дополняет двусоставный конструкт высшего блага третьим элементом – истинной, поскольку в человеке это соответствует таким сторонам его существа, как ум, воля и чувство: «высочайшая истина, добро и блаженство, – вот три элемента, входящие в состав понятия о высочайшем благе» [5, с. 479]. Такое изложение нравствен-

ного доказательства исключило противоречие мышления и бытия, однако, совершенно нерациональным способом.

К сожалению, В. И. Кудрявцев-Платонов не увидел явной параллели между аргументацией гносеологического аргумента А. Тренделенбурга и нравственного аргумента И. Канта, хотя логику первого он очевидно разделял. Между тем, нравственное доказательство существования Бога, как оно изложено у Канта, очевидно, не лишено противоречия, не в последнюю очередь связанного с разнородным составом высшего блага. Сам по себе второй элемент (блаженство/счастье) не является простым понятием. Сложность в определении существенных характеристик и объема понятия не позволяет считать его ясным и устойчивым. Б. Фолькер-Герберт называет его «колеблющейся идеей», описывая сложность кантианской интерпретации [10, с. 121-124]. А. Судаков замечает и проблемы, которые возникают с введением в систему аргументации Бога. Так пропорциональный характер блага «реанимирует проблему теодицеи» [см.: 7, с. 151-158], а содержание понятия, объединяющего всеблагую разумную волю, в то же время являющуюся причиной природы, не обязует эту самую волю «гарантировать и обеспечить конечному разуму блаженство в широком (эвдемонистическом), а не только в узком (религиозно-нравственном и преимущественно внутреннем) смысле слова» [6, с. 62-63]. Постулирование единого начала мышления и природы позволяет определить новую систему координат и, таким образом, с одной стороны, укоренить понятие счастья в границах природного довольства, с другой, – ограничить возможности интерпретации понятия «Бог» пределами альтернативы кантианского состава высшего блага. В такой парадигме трансцендентальный монизм сохраняет характер рационального философствования и определяет себе место в числе посткантовских философских систем.

Пристатейный библиографический список

1. Ворохобов А. В. Интерпретация онтологического аргумента в философской теологии Чарльза Хартсхорна // Христианское чтение. – 2021. – № 1. – 115-126 с.
2. Гилева В. В. Влияние немецкого философского идеализма XVIII – начала XIX веков на русский духовно-академический теизм: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Владивосток, 2009. – 171 с.
3. Кант И. Критика практического разума / Собр. соч. в восьми томах. Т. 4. – М., 1994. – 373-565 с.
4. Кант И. Критика чистого разума / Собр. соч. в восьми томах. Т. 3. – М., 1994. – 741 с.
5. Кудрявцев-Платонов В. Д., – проф. Исследования и статьи по естественному богословию / Сочинения. Т. 2. – Сергиев Посад, 1893. – 509 с.
6. Судаков А. К. Кант на пути к доказательству бытия Божия, или один несчастный постулат // Этическая мысль. – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 57-65.
7. Уланов М. В. Проблема зла и теодицеи в контексте религиозной метафизики И. Канта // Православная церковная наука: традиции, новации, актуальные контексты: сб. статей по материалам ежегодной научной конференции. – Н. Новгород, 2019. – С. 151-158.
8. Уланов М. В. Теология воли митрополита Антония (Храповицкого) в контексте кантовского персонализма // Труды Нижегородской духовной семинарии. – 2021. – № 19. – 229-244 с.
9. Цык И. В. Духовно-академическая философия в России XIX в. (историко-философский анализ): дис. ... доктора филос. наук: 09.00.03. – М., 2002. – 373 с.
10. Burggraf Volker-Herbert. Interessen und Imperative bei Kant. Inaugural – Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät. – Bohn, 2003. – 302 s.
11. Trendelenburg A. Logische Untersuchungen. B 1. – Leipzig, 1870. – 389 s.

УРЯДОВ Артём Владимирович

аспирант кафедры философии и политологии Факультета философии и социологии Башкирского государственного университета

Урядов А. В.

РАЗВИТИЕ ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ФИЛОСОФИИ

Генезис проблемы жизни и смерти - одна из главных проблем философии. Осознание факта смертности приближает человека к реальности и порождает экзистенциальную проблему «я родился – я умру». Страх перед неизведанным, принуждает человека сформулировать основные философские проблемы «Что есть жизнь?», «Смысл жизни?», «Кто есть я?», «С чего всё началось?» ибо если всё имеет начало, то должно иметь и конец. Традиционно страх идёт рядом с любопытством, и этот двигатель познания логичным образом развивается, тесно переплетаясь с прочими аспектами человеческого бытия, в философию, религию, искусство, науку и культуру в целом. Проблема жизни и смерти в философии подразумевает исследования пары взаимосвязанных категорий, взаимодополняющих друг друга. Жизнь можно определить как «высокоустойчивую, субъектную, эволюционирующую систему», а смерть как «неустойчивое, пассивное лишённое субъектности – состояние системы».

Ключевые слова: жизнь, смерть, система, эволюция, диалектика, эволюция, жизнь вообще, адаптация, человек.

URYADOV Artyom Vladimirovich

postgraduate student of Philosophy and political science sub-faculty of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

DEVELOPMENT OF THE PROBLEM OF LIFE AND DEATH IN PHILOSOPHY

The genesis of the problem of life and death is one of the main problems of philosophy. Awareness of the fact of mortality brings a person closer to reality and generates the existential problem “I was born – I will die”. The fear of the unknown forces a person to formulate the basic philosophical problems “What is life?”, “The meaning of life?”, “Who am I?”, “How did it all begin?” because if everything has a beginning, then it must have an end. Traditionally, fear goes alongside curiosity, and this engine of knowledge develops logically, closely intertwining with other aspects of human existence, into philosophy, religion, art, science and culture in general. The problem of life and death in philosophy involves the study of a pair of interrelated categories that complement each other. We will define life as a “highly stable, subjective evolving system”, and death as “unstable, passive, devoid of subjectivity - the state of the system”.

Keywords: life, death, system, evolution, dialectic, evolution, life in general, adaptation, human.

Проблема жизни и смерти в философии подразумевает исследования пары взаимосвязанных категорий, взаимодополняющих друг друга. Жизнь определима, как «высокоустойчивую, субъектную, эволюционирующую систему», а смерть как «неустойчивое, пассивное лишённое субъектности – состояние системы». Раскроем определения подробнее, жизнь рассматривается как система, так как имеет следующие признаки: представляет собой множество элементов (клетки), единство главной цели (выживание), связь между элементами (нервная система), целостность (человек), иерархичность (головной и спинной мозг), самостоятельность (наше я). Жизнь представляет собой высокоустойчивую систему, способную к ответной реакции и адаптации к той или иной среде (иммунный ответ на попавший в систему вирус). Субъектность «живых систем» выражается в произвольности действий. В рассмотрении жизни, как системе, необходимо учитывать фактор эволюции, так как проблема рассматривается в развитии, в одних условиях успешны одни адаптации, в других необходимо находить новые. Смерть в таком случае, является этапом живой системы, теряющей свои качества «живого». Таким образом, проблема жизни и смерти, включает в себя масштабирование до абстрактной категории

«жизни вообще», вместе с тем конкретизацию до частных случаев проявления жизни, на различных системных уровнях (муравейник, как система, или конкретных муравей).

Осознание личной смерти подразумевает диалектическое развитие через фиксацию частного случая смерти кого-то из вне, с количественным накоплением происходит вывод смертности, как общего качества для живых систем, после чего происходит отрицание общности (отрицающей внешнюю частность), то есть вывод о собственной неизбежной смерти, которая ещё не была зафиксирована нами лично. Таким образом, происходит построение не только теоретической логической конструкции (знание о собственной смертности), но и экзистенциальное принятие личной смертности (осознание личной смертности), через личное переживание опыта смерти вокруг человека. Обнаружив нечто «иное», человек в сравнении способен зафиксировать и выделить противоположности. Так смерть позволила человеку выделить жизнь, как явление, после чего стал возможен генезис проблемы жизни и смерти. Вопрос сохраняет свою актуальность, пока фиксация смерти и жизни насущны.

Обращаясь к истории проблемы начнём с античной философии, А. С. Гагарин выделяет три характеристики «народ-

ного чувства смерти»: сожаление о смерти, принятие смерти как «лекарства» и признание тотальности смерти» [1]. Восприятие к смерти, напрямую зависит от отношения к жизни, если жизнь – великое благо, то смерть великое несчастье, похитителя жизни. Если мы отрицаем жизнь – как великое благо или смерть, как несчастье, то получаем антитезис – смерть – как благо, освобождение. Если мы воспользуемся третьим законом диалектики и отрицая отрицание, завершим развитие проблемы, смерть не является освобождением от жизни вообще, так как освобождает место для новой жизни, вместе с тем, она предстаёт как равнодушная неизбежность для рождённого частного (конкретного человека). Античная философия обращает внимание на бесосновательность страха перед смертью, так как у живущего нет личного негативного опыта умирания. Гагарин А. С. обращаясь к Эпикуру замечает, что нет смысла «концентрироваться на смерти, ибо для живущего важно проявляется в ощущении, а смерть не приносит ощущений. Смерть, не имеет к нам никакого отношения: когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет» [2]. Эта логическая конструкция способна успокоить наш разум, но не влияет на врожденные инстинкты, и не даёт экзистенциального успокоения. Этическая философия Эпикура базируется на космологических представлениях метафизического учения атомистов. То есть, смерть понималась достаточно приземлённо, но не имела свою специфику непознаваемости, когда субъект и объект объединены в одном человеке, и, напротив, отчётливой фиксируемости, когда умирает другой объект. Таким образом, человек способен понять, что такое смерть, но не способен её почувствовать. Человек не способен ощутить смерть, так как его жизнь окончена. Смерть и представляет собой прекращение жизни, следовательно, чтобы почувствовать смерть, нужно потерять ощущение жизни, что так же невозможно пока мы живы. Пока человек жив, он не может столкнуться со смертью, в то же время он не способен сравнить наличие собственной жизни с её отсутствием, если в опыте не может быть смерти, значит в нём не выделить и жизни.

Эпикур по сути рассматривает смерть лишь затем, чтобы освободиться от неё для более полной и насыщенной жизни, которая наполнена различными ощущениями. Освободиться следовало от страха смерти, который и состоит в первую очередь из ужаса перед неизвестностью и неизведанностью. Тем не менее, эпикурейство не предлагает просто забыть о страхе смерти в пользу более полной жизни, оно формулирует ответ на важный вопрос: смерть – это конец ощущений. Если смерть-есть конец ощущений, то теряя их мы приближаемся к смерти, а приобретая расширяем полноту жизни.

Победа над страхом стала важным этапом в развитии проблематики жизни и смерти, так как положила начало объективному взгляду на самые масштабные и важные для человека процессы, лишила их сакрального статуса неприкосновенности, через лишение мистичности этих явлений. Именно этот вклад – борьба со страхом и этическая составляющая учения Эпикура, – представляет интерес для исследования. Ибо, как мы уже отметили выше, это философское учение было прежде всего этическим, а не онтологическим.

Стойкое отношение Сократа к смерти выявлено в ранних диалогах Платона: «Апология Сократа» [3] и «Критон» [4]. Дела при жизни, имея идеи и истины, оцениваются дороже жизни, а смерть не кажется чем-то ужасным, напротив,

её наступление не удивляет. О приоритетах Сократа сказано следующее «Возможно, что кто-нибудь из вас рассердится, вспомнив о себе, какой он сам, хотя дело его было и не так важно, как мое, упрашивал и умолял судей с обильными слезами и, чтобы разжалобить их как можно больше, приводил своих детей и множество других родных и друзей, а вот я ничего такого делать не намерен... Не по презрению к вам, о мужи афиняне, и не потому, что я бы не желал вас уважить. Боюсь ли я или не боюсь смерти, это мы теперь оставим, но для чести моей и вашей, для чести всего города, мне кажется, было бы нехорошо, если бы я стал делать что-нибудь такое в мои годы и при том прозвище, которое мне дано... Мне не раз приходилось видеть, как люди, казалось бы, почтенные проделывали во время суда над ними удивительные вещи, как будто они думали, что им предстоит испытать что-то ужасное, если они умрут; можно было подумать, что они стали бы бессмертными, если бы вы их не убили!» [5], то есть страх перед смертью и попытки уйти от неё, не даруют бессмертия и обречены на провал. Поэтому следует заботиться больше о своем имени, делах, чести и прочих вещах, что могут пережить человека и продолжать его дело, после смерти их хозяина.

Пристатейный библиографический список

1. Елхово О. И., Кудряшев А. Ф. Мягкий детерминизм событий виртуального мира // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 10 (137). - С. 438-440.
2. Диаров В. О. Глобальный характер эволюции // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 10. - 740 с.
3. Диаров В. О. Генезис проблемы детерминации в эволюции // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 8 (159). - 519 с.
4. Диаров В. О. Онтологическая диалектика эволюции в контексте биотехнологии // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 3 (154). - С. 508-509.
5. Диаров В. О. Связь биологии и онтологии через призму диалектики эволюции, актуальные проблемы теории и практики коммуникации, Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. - Уфа, 2020. - С. 51-55.

РУДЕНКИН Дмитрий Васильевич

кандидат социологических наук, аналитик лаборатории перспективных социосредовых исследований Уральского государственного педагогического университета

СИМОНОВА Ирина Александровна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры педагогики и педагогической компаративистики Уральского государственного педагогического университета

СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВАНДАЛИЗМА В РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА*

Статья посвящена анализу моделей отражения тематики вандализма в российских социальных медиа. Замысел авторов статьи обоснован стремлением сделать шаг в прояснении особенностей отражения тематики вандализма в информационном пространстве, которые ранее практически не подвергались изучению в рамках российской исследовательской практики. Социальные медиа рассматриваются авторами в качестве одного из ключевых инструментов коммуникации в реалиях цифрового общества, способного напрямую влиять как на информированность людей о вандализме, так и на специфику оценочного отношения к нему. Опираясь на данные собственного исследования, авторы идентифицируют и описывают ключевые модели репрезентации темы вандализма в социальных медиа, проявляющиеся в современной России.

Ключевые слова: вандализм, вандальное поведение, российское общество, Интернет, социальные медиа, цифровое общество, Интернет, общественное мнение.

RUDENKIN Dmitriy Vasiljevich

Ph.D. in sociological sciences, Analyst of the Laboratory of Advanced Socio-Environmental Studies of the Ural State Pedagogical University

SIMONOVA Irina Aleksandrovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Pedagogy and pedagogical comparative studies sub-faculty of the Ural State Pedagogical University

STRATEGIES OF REPRESENTATION OF VANDALISM IN RUSSIAN SOCIAL MEDIA

This article is devoted to the analysis of models of representation of the topic of vandalism in Russian social media. The intention of the authors of the article is inspired by their desire to take a step towards clarifying the specific of representation of topic of vandalism in information resources, which have practically not been studied in Russian. The authors consider social media as one of the key communication tools in the realities of a digital society, which has an opportunity to influence both people's awareness of vandalism and the modality of their attitudes to this problem. Using the data of their own research, the authors identify key models for representing the topic of vandalism in Russian social media.

Keywords: vandalism, vandalism, Russian society, Internet, social media, digital society, Internet, public opinion.

Цель данной статьи – идентифицировать и описать наиболее распространенные стратегии репрезентации темы вандализма в пространстве социальных медиа современной России. Вандализм, под которым можно понимать повреждения городского пространства, возникающие в результате деструктивной активности человека [6], становится одной из наиболее распространенных проблем современных российских городов. Урбанистические исследования показывают, что разнообразные проявления вандализма не только распространены в российских городах, но и существенно влияют на особенности их развития [2; 8]. Илогично, что социальная детерминация вандализма уже подвергалась подробному анализу в практике российских исследований [5; 13], в том числе и в ходе проектов, выполненных авторами данной статьи [11; 12]. Однако, несмотря на явную популярность исследований вандализма в российской науке, ряд важных

аспектов этого явления пока остается не прояснен. В частности, в рамках текущей аналитической практики заметен ощутимый дефицит проектов, посвященных репрезентации вандализма в информационном пространстве. Заметно, что внутренняя логика развития этого явления вызывает у ученых больший интерес, чем специфика его отражения в различных информационных источниках. В данной работе мы бы хотели сделать шаг в преодолении этого противоречия и проанализировать стратегии репрезентации вандализма, характерные для одного из таких информационных источников – социальных медиа.

Вопрос о стратегиях репрезентации темы вандализма в социальных медиа возникает по понятным причинам. Несмотря на некоторые дискуссии исследователей о нюансах трактовки термина «социальные медиа» [4; 15], чаще всего он применяется в схожих контекстах и используется для описания неких информационных ресурсов в Интернете, функционал которых позволяет пользователям самостоятельно размещать контент по интересующим их темам и выстраивать по поводу этого контента комму-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01278).

никацию с другими людьми [7]. Исследователи отмечают, что хотя такие ресурсы и зарождались как инструмент развлечения пользователей, в реалиях информационного общества они быстро превратились в важный фактор формирования общественного мнения. Социальные медиа предполагают гибкий и простой формат коммуникации [9], поднимают темы, отсутствующие в повестке традиционных СМИ, и позволяют пользователям свободно обсуждать их между собой [10]. Влияние этих обстоятельств ведет к трансформации социальных медиа в один из ключевых каналов коммуникации, функционирование которого влияет как на информированность людей о тех или иных явлениях, так и на их отношение к этим явлениям. Эффекты этой трансформации прослеживались как в российской [1], так и в зарубежной [14] науке.

Экстраполяция этой логики на контекст изучения вандализма позволяет отметить, что закономерности распространения этой проблемы могут быть напрямую связаны с тем, какой ее образ транслируется через социальные медиа. В реалиях цифрового общества социальные медиа становятся одной из информационных площадок, на базе которых люди узнают как о проявлениях вандализма, так и о моделях отношения к ним. Поэтому видится логичным, что понимание особенностей вандализма в том или ином обществе нуждается в прояснении репрезентаций данного явления в социальных медиа, которые популярны в этом обществе.

Стремясь выявить и описать стратегии таких репрезентаций в российских социальных медиа, мы провели собственное исследование.

Методология исследования

В основу нашего исследования был положен анализ сообщений о вандализме, опубликованных в период с 2019 по 2021 гг. на новостных страницах сайта «ВКонтакте», посвященных актуальным событиям в г. Екатеринбурге. Фокус на сайте «ВКонтакте» был сделан в силу его высокой популярности в российском обществе. Новостные страницы были отобраны с целью обеспечить анализа только тех аккаунтов, где вероятность появления интересующего нас контента представлялась наибольшей. Локализация исследования в масштабах Екатеринбурга была выполнена целенаправленно: многочисленность вандальных проявлений в этом городе делает тему вандализма подчеркнуто актуальной для социальных медиа в этом городе.

При отборе конкретных страниц учитывались несколько параметров: принадлежность к Екатеринбургу; новостной характер контента; наличие 5000 подписчиков или более. При работе с соответствующими страницами отбирались прежде всего, новости, посвященные проблематике вандализма (содержали данное слово в заголовке или в тексте), а также касающиеся смежной проблематики (ремонт, стрит-арт).

При работе с этим массивом текстов применялись традиционные методы изучения текстовых документов: анализ, синтез, сравнение, обобщение.

Результаты исследования

В результате проведенных исследовательских работ удалось определить, что в репрезентации тематики вандализма в российских социальных медиа проявляются три наиболее распространенные стратегии.

Первая стратегия. «Моральные паники» в отношении вандализма. Особенность этой стратегии – в прямом акценте на бесконтрольности явления вандализма и подчеркнутым вниманием к тем неблагоприятным последствиям, которые оно создает. Как правило, пессимизм таких публикаций касается как неизбежности порчи городских объектов, так и бессилия городских властей. К примерам проявления такой стратегии можно причислить следующие сообщения:

- *«В Екатеринбурге на очистку города от граффити потратят 3 миллиона рублей. Цена бездарности уличных «художников» и того, что полиция не может вычислить вандалов по видеокамерам»* (Страница «Интересный Екатеринбург», 23 апреля 2021 г.)

- *«Сквер «корявых» мусорок. Находится он рядом с улицей Татищева. Вандализм процветает»* (Страница «Интересный Екатеринбург», 08 июня 2021 г.)

Вторая стратегия. Патернализм в отношении городского вандализма. Отличительная особенность данной стратегии – в акцентированных апелляциях к государству и требованиях пресечь свободолобивые практики, приводящие к вандализму. В таких сообщениях новостные страницы социальных медиа предлагают снижать вольнодумство в городе, исключать любые интервенции. К примерам, отражающим особенности этой стратегии, можно причислить следующие сообщения:

- *«В Екатеринбурге вандалы расписали баллончиком автобус. В 2020 году не удалось поймать ни одного вандала»* (Страница «Инцидент Екатеринбург», 15 февраля 2021 г.)

- *«Макаровский мост уже изуродовали граффити. Как думаете, полиция поймает этих бездарных художников?»* (Страница «Интересный Екатеринбург», 20 апреля 2021 г.)

Третья стратегия. Гетерархическое восприятие вандальных актов. Специфика этой стратегии – в отказе от осуждения вандализма и стремлении найти объяснение его причин. В заголовках таких сообщений обозначается акцент на том, что проявления вандализма становятся следствием конфликтов и недопониманий в обществе и являются инструментом дискуссии между участниками этих конфликтов. Нередко в таких сообщениях звучит прямое приглашение к диалогу по поводу проблем, лежащих в основе вандализма. К типичным примерам таких сообщений можно отнести следующие:

- *«По словам Виктории Мкртчян, пресс-секретаря администрации, краску с замков убирать не будут, — они создают дополнительную нагрузку на мост, потому что их планируют срезать ... Нужно ли срезать эти замочки?»* (Страница «66.ru», 12 апреля 2021 г.)

• К художнику из команды ПСЛЧ, разместившей арт «Клеймо мент» на остановке в Екатеринбурге, пришла домой полиция. Сотрудники правоохранительных органов отвезли Пашу Постскриптума в отдел... Могут же быстро находить людей, когда нужно. Почему тогда вандалов так быстро не ловят?» (Страница «Типичный Екатеринбург», 1 сентября 2021 г.)

Разумеется, в ходе своего исследования мы выявили лишь наиболее типичные стратегии репрезентации вандализма в российских социальных медиа. И мы допускаем, что перечень таких стратегий может быть как пересмотрен, так и дополнен. Однако опыт нашего анализа показывает, что именно эти стратегии в настоящее время являются наиболее типичными для российских социальных медиа.

Заключение.

В целом мы можем отметить, что в рамках российских социальных медиа сложились довольно противоречивые особенности репрезентации темы вандализма. С одной стороны, проведенный анализ показал, что в российских социальных медиа отсутствует некая единая и общепризнанная модель репрезентации темы вандализма, и она преподносится по-разному. С другой стороны, в ходе исследования было установлено, что количество стратегий, через которые происходит трансляция этой тематики, ограничено. Чаще всего тема вандализма отражается в российских социальных медиа в рамках одной из трех ключевых стратегий, которые и задают контекст восприятия этой темы в российском обществе. Каким образом считывает подобные сообщения о вандализме пользователь таких сервисов? Как это сказывается на его мнении и поведении? Ответы на эти вопросы мы намерены искать в последующих исследованиях. И мы приглашаем коллег к проведению совместных разработок в соответствующих областях.

Пристатейный библиографический список

1. Агаджанова К.Э., Зимова Н.С. Ценности и тенденции модного поведения, транслируемые социальными медиа // Научный результат. Социология и управление. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 9-21.
2. Бабикова М.Р. Семантические нагрузки визуальных форм вандализма в региональном аспекте // Политическая лингвистика. – 2020. – № 6 (84). – С. 117-126.
3. Бареев М.Ю. Качурина И.О. YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // Регионоведение. – 2019. – № 3 (108). – С. 572-587
4. Ветцель К.Я. Социальные медиа и социальные сети: проблемы терминологии и модели взаимодействия пользователей // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 9-1 (99). – С. 139-141.

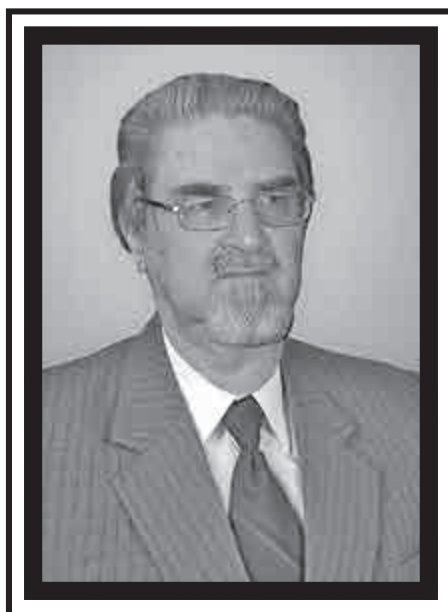
5. Воробьева И.В., Кружкова О.В. Вандализм в городской среде как маркер небезопасности территории // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2019. – № 4. – С. 5-10
6. Джалолова Е.Д. Происхождение понятия «вандализм» и этапы его развития // Мировая наука. – 2017. – № 9 (9). – С. 56-59.
7. Дукин Р. А. К вопросу определения понятия «Социальные медиа» // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – №4. – С. 37-39.
8. Каримова В.Г. Полиэтническая среда мегаполиса как предиктор вандализма поведения молодежи // Эпоха науки. – 2018. – № 16. – С. 266-270.
9. Лисенкова А.А. Социальные медиа: аттрактор новостей и пространство манипуляций // Культура и образование. – 2017. – № 3 (26). – С. 21-27.
10. Прокопенко Т.В. Роль социальных медиа в политической коммуникации // Коммуникология. – 2020. – Т. 8. – № 4. – С. 22-36.
11. Руденкин Д.В. Уличное искусство в восприятии российской городской молодежи: проявление творчества или разновидность вандализма? // Урбанистика. 2020. – № 4. – С. 61-78.
12. Симонова И.А. Организационный вандализм как аффективный труд: ресурсные свойства деструктивного поведения в организации // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 1 (140). – С. 492-494.
13. Сулайманова А.Э., Джоробеков Т.М., Абдикерим К.Г. К вопросу о профилактике вандализма // Тенденции развития науки и образования. – 2018. – № 43-1. – С. 60-63.
14. Boulianne S. Revolution in the making? Social media effects across the globe // Information, Communication and Society. – 2017. – № 22 (1). – Pp. 39-54.
15. Ngai E.W., Tao S.S., & Moon K.K. Social media research: Theories, constructs, and conceptual frameworks // International Journal of Information Management. – 2015. – 35 (1). – Pp. 33-44.

**МЫ БУДЕМ ПОМНИТЬ!
СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЛУНЕЕВА ВИКТОРА ВАСИЛЬЕВИЧА
(16.02.1932-06.01.2022)**

*Лауреату государственной премии России
Заслуженному деятелю науки РФ, доктору юридических наук, профессору
Полковнику юстиции МО России (в отставке)*

**WE WILL REMEMBER!
BRIGHT MEMORY OF LUNEV VIKTOR VASILYEVICH
(16.02.1932-06.01.2022)**

*To the laureate of the State Prize of Russia
Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor
Colonel of Justice of the Ministry of Defense of Russia (retired)*

В эти трудные для всех нас дни вспоминаются слова поэта:

«Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестает,
Он кров с тобой не разделяет,
Из фляги из твоей не пьет...»

Ушел из жизни на девяностом году наш коллега, крупный ученый, криминолог, практик, новатор, глубокий исследователь ряда фундаментальных проблем криминологии, который определил многие направления уголовной юстиции в нашей стране, один из основоположников теории и методологии криминологической науки, военной криминологии, уголовного права, психологии, обладавший ясным и острым умом, прекрасный грамотный полемист и оратор, блестящий педагог, создавший свою научную школу, энциклопедически образованный российский интеллигент, патриот России, общественный деятель, оставив о себе добрую память в книгах, монографиях, учебниках, научных статьях, учениках, друзьях и товарищах.

Он остро чувствовал сложность момента и имел необычайную научную и политическую интуицию.

На протяжении ряда лет руководил сектором уголовного права и криминологии в Институте государства и права РАН, а также преподавал военную криминологию в университете МО России.

Награжден государственными и ведомственными наградами.

В памяти потомков Виктор Васильевич Лунеев останется живым, деятельным, талантливым во всем:

«Здесь нет оград и вычурных крестов,
Полно все величавой простотою.
И прах детей, и прах отцов
С любовью взят родной землею,
Вещая непрерывность жизни,
И смерть является лишь сном
Для дорогой для них Отчизны...»
Друзья не умирают, лишь рядом быть перестают...
Глубоко скорблю!

Профессор Нечевин Дмитрий Константинович

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasioffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от сутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.